

РУССКИЕ
ПИСАТЕЛИ

А-Л

Библиографический
словарь

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

Библиографический
словарь

А-Л

1

«МУЗА ПУШКИНА
БЫЛА ВСКОРМЛЕНА
И ВОСПИТАНА ТВОРЕНИЯМИ
ПРЕДШЕСТВОВАВШИХ
ПОЭТОВ.

СКАЖЕМ БОЛЕЕ:
ОНА ПРИНЯЛА ИХ
В СЕБЯ,
КАК СВОЕ ЗАКОННОЕ
ДОСТОЯНИЕ,
И ВОЗВРАТИЛА ИХ
МИРУ
В НОВОМ,
ПРЕОБРАЖЕННОМ ВИДЕ».

В. Г. Белинский

«НЕЛЬЗЯ СМОТРЕТЬ
НА СЛОВАРЬ
ТОЛЬКО КАК НА СОБРАНИЕ
ОТДЕЛЬНЫХ
СТАТЕЙ И СПРАВОК.
В ЦЕЛОМ
СЛОВАРЬ ПИСАТЕЛЕЙ
И УЧЕНЫХ
ЕСТЬ РЕГИСТРАЦИЯ
ДУХОВНЫХ СИЛ СТРАНЫ,
И ИМЕННО,
КОГДА ВЕЛИКО ЧИСЛО
ВНОСИМЫХ
В НЕГО ДЕЯТЕЛЕЙ,
ОН ДАЕТ
ПРОЧНУЮ ОСНОВУ
ДЛЯ УСТАНОВЛЕНИЯ
ВСЯКОГО РОДА
ВЫВОДОВ...»

С. А. Венгеров

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

Биобиблиографический
словарь

1

Под редакцией
П. А. НИКОЛАЕВА

Москва
«Просвещение»
1990

ББК 016:83
Р89

Редакционная коллегия: Б. Ф. ЕГОРОВ,
Ю. В. МАНН, П. А. НИКОЛАЕВ (ответственный редактор),
А. Г. СОКОЛОВ, Л. В. ЧЕРНЕЦ

ISBN 5-09-003931-3 (ч. 1)
ISBN 5-09-003933-X

© Николаев П. А., 1990

Настоящий Словарь включает более 300 статей, посвященных русским писателям XIX — начала XX в., в том числе наиболее значительным литературным критикам. В каждой статье освещается жизненный и творческий путь писателя, характеризуются его основные произведения, приводится библиография.

Главным было создание целостного и достаточно конкретного (насколько это возможно на ограниченном пространстве текста словарной статьи) представления о писателе: его личности, гражданской позиции, ведущем пафосе творчества, своеобразии поэтики. Характеристику деятельности писателя авторы стремились ввести в контекст социальной, политической, культурной жизни соответствующего периода. Даны сведения о ближайшем окружении писателя; его участии в литературных, политических и других обществах, сотрудничестве в периодических изданиях того или иного направления, в том числе нелегальной печати. Рассматривается отношение современников и критики к творчеству писателя.

В освещении общественно-литературного процесса авторы Словаря стремились подчеркнуть преемственность идейных и художественных исканий.

В статьях о писателях, продолжавших свою деятельность после 1917 г. (ставших советскими или эмигрировавшими), подробно рассматривается только дооктябрьское творчество.

Как справедливо подчеркивал энтузиаст словарного дела С. А. Венгеров, Словарь должен вызывать «не только справочный, но и литературный интерес» (Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых... — Пг., 1915. — Т. I. — С. V), т. е. статьи должны содержать и необходимую информацию и оценку деятельности писателей. Приветствуя становление отечественной библиографии (1850-е гг.), напомнившей публике о писателях «второстепенных», С. Т. Аксаков с признательностью к составителям писал: «Всякий кладет свой камень при построении здания народной литературы; велики или малы эти камни, скрываются ли внутри стен, погребены ли в подземных сводах, красуются ли на гордом куполе, — все равно, труды всех почтенны и достойны благодарных воспоминаний» (Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 3 т. — М., 1986. — Т. 2. — С. 365). К этим добрым и верным словам можно добавить, что репутации писателей не неизменны: в сознании по-

следующих поколений надолго переживший свою известность литератор (например, Н. В. Успенский или критик А. М. Скабичевский) может вызывать живой интерес; в историко-литературной ретроспективе черно-белые краски уступают место неоднозначным характеристикам (А. С. Шишков, В. Г. Бенедиктов, Н. И. Греч, А. С. Суворин, И. Северянин и др.).

Помимо авторов, составляющих, условно говоря, первый и второй ряды, в словарь вошли важнейшие представители тех или иных идейных течений, видные журналисты, хотя беллетристика или литературная критика и не была основной сферой их деятельности (П. Я. Чаадаев, Ю. Ф. Самарин, М. Н. Катков, Г. З. Елисеев, П. Л. Лавров, П. Н. Ткачев, В. В. Берви-Флевровский и др.). Знакомство с творчеством писателей, составляющих литературный фон, позволяет наглядно проследить традиции и новаторство в литературе, влияние корифеев на литературный процесс (например, преломление образов Онегина и Печорина в романе М. В. Адуева «Тамарин», образов Базарова и Ракметова — в повести Н. Ф. Бажина «Стена Рулев»; использование приемов сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина писателями щедринской школы: С. Н. Терпигоревым (Атавой), А. О. Осиповичем-Новодворским и др.). Успех, который имели в публике произведения Ф. В. Булгарина, В. Миклулич (Веселитской Л. И.), М. П. Розенгейма, В. А. Крылова (Александрова), А. А. Вербицкой, Л. Чарской и др., — надежный показатель господствующих в свое время вкусов, литературной моды. Зеркалом литературных споров служат «пародические» личности Д. И. Хвостова, П. И. Шаликова, вымышленного литератора Козьмы Пруткива.

Авторами и редколлегией Словаря руководило стремление показать русский литературный процесс в сложности и разнородности его слагаемых, проследить связи литературы и общественной жизни, литературы и философии, социологии, исторической науки¹.

Ниже приводится перечень наиболее важных изданий, не включенных в пристатейную библиографию.

1

К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве: В 2 т. — 4-е изд. — М., 1983.

Ленин В. И. О литературе и искусстве. — 7-е изд. — М., 1986; История русской литературы: В 10 т. — М.; Л., 1941—1956; История русской критики: В 2 т. / Ред. колл.: Б. П. Го-

родецкий и др.—М.; Л., 1958; История русской литературы: В 3 т. / Гл. ред. Д. Д. Благой.—М.; Л., 1958—1964; История русского романа: В 2 т. / Ред. колл.: А. С. Бушмин и др.—М.; Л., 1962; Русская литература конца XIX—начала XX века (90 гг.) / Под ред. Б. А. Бялика, Е. Б. Тагера, В. П. Шербины.—М., 1968; История русской поэзии: В 2 т. / Отв. ред. Б. П. Городецкий.—Л., 1968—1969; Русская литература конца XIX—начала XX века (1901—1907) / Под ред. Б. А. Бялика, Е. Б. Тагера, В. П. Шербины.—М., 1971; Русская литература конца XIX—начала XX века (1908—1917) / Под ред. Б. А. Бялика, Е. Б. Тагера, В. П. Шербины.—М., 1971; Развитие реализма в русской литературе: В 3 т. / Ред. колл.: К. Н. Ломоноу и др.—М., 1972—1974; Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра / Под ред. Б. С. Мейлаха.—Л., 1973; История русской журналистики XVIII—XIX веков / Под ред. А. В. Западава.—3 изд.—М., 1973; Литературно-эстетические концепции в России конца XIX—начала XX века / Под ред. Б. А. Бялика.—М., 1975; История русской литературы: В 4 т. / Гл. ред. Н. И. Пручков.—Л., 1980—1983; Последователи Г. Н. История русской литературы XIX века (1840—1860 гг.).—3-е изд., доп.—М., 1981; История русской драматургии XVII—первой половины XIX в. / Ред. колл.: Л. М. Лотман и др.—Л., 1982; Кулешов В. И. История русской литературы XIX века. 70—90 гг.—М., 1983; Он же. История русской критики XVIII—начала XX в.—3 изд., испр. и доп.—М., 1984; Соколов А. Н. История русской литературы XIX века. Первая половина.—5 изд., испр.—М., 1985; Ревякин А. И. История русской литературы XIX века. Первая половина.—3 изд.—М., 1985; История русской литературы XIX века. Вторая половина / Под ред. Н. Н. Скатова.—М., 1987; История русской драматургии. Вторая половина XIX—нач. XX в. до 1917 г. / Ред. колл.: Л. М. Лотман и др.—Л., 1987; Соколов А. Г. История русской литературы конца XIX—начала XX века.—3 изд.—М., 1988.

II

Венгерова С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней): В 6 т. (издание не закончено).—Пб., 1889—1904; Русский биографический словарь: В 25 т.—М.; СПб.; Пг., 1896—1918; Венгерова С. А. Источники словаря русских писателей: В 4 т. (А—Некрасов).—Пб.; Пг., 1900—1917; Мезьер А. В. Русская словесность с XI по XIX столетие включительно. Библиографический указатель произведений русской словесности в связи с историей литературы и критикой. Книги и журнальные статьи.—Пб., 1902.—Ч. II; Лисовский Н. М. Библиография русской периодической печати 1703—1900 (Материалы для истории русской журналистики).—Пг., 1915; Фомин А. Г. Библиография новейшей русской литературы // Русская литература XX века. 1890—1910 / Под ред. С. А. Венгерова.—М., 1915.—Т. 2.—Вып. 5.—С. 137—202; Венгерова С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых от начала об-

разованности до наших дней: В 2 т. (А—Павлов).—2 соверш. перераб., илл. изд.—Пг., 1915—1918; Владиславлев И. В. (Гульбинский И. В.). Русские писатели. Опыт библиографического пособия по русской литературе XIX—XX ст.—4 перераб. и знач. доп. изд.—М.; Л., 1924; Черепанов М. С., Фингерит Е. М. Русская периодическая печать. 1895—октябрь 1917. Справочник.—М., 1957; Русская периодическая печать. 1702—1894. Справочник / Под ред. А. Г. Демьенева, А. В. Западава, М. С. Черепанова.—М., 1959; Смирнов-Сокольский Н. П. Русские литературные альманахи и сборники XVIII—XIX вв.—М., 1965; История русской литературы XIX века. Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой.—М.; Л., 1962; История русской литературы конца XIX—начала XX века. Библиографический указатель / Под ред. К. Д. Муратовой.—М.; Л., 1963; Русские писатели. Биобиблиографический словарь / Сост. А. П. Спасибенко, Н. М. Гайденок / Ред. колл.: Д. С. Лихачев, С. И. Машинский, С. М. Петров, А. И. Ревякин.—М., 1971; Рыскин Е. И. Библиографические указатели русской литературы XIX века / Под ред. Б. П. Козьмина.—М., 1949; Кандель Б. Л., Федюшина Л. М., Венина М. А. Русская художественная литература и литературоведение. Указатель справочно-библиографических пособий с конца XVIII века по 1974 год.—М., 1976.

Следующие статьи даны на псевдоним писателя (настоящая фамилия указана в скобках): *Ахматова* (Горенко А. А.), *Бедный Демьян* (Привворов Е. А.), *Белый Андрей* (Бугаев Б. Н.), *Вересаев* (Смидович В. В.), *Вовчок Марко* (урожд. Вилнская, в замужестве Маркович М. А.), *Волошин* (Киренко-Волошин) *М. А.*, *Волынский* (Флексер) *А. Л.*, *Вольнов* (Владимиров) *И. Е.*, *Гарин Н.* (Михайловский Н. Г.), *Горький М.* (Пешков А. М.), *Грин А.* (Гриневский А. С.), *Гуро Елена* (Нотенберг Э. Г.), *Гусев-Оренбургский С.* (Гусев С. И.), *Дедлов* (Киги) *В. Л.*, *Дымов О.* (Перельман О. И.), *Каронин С.* (Петропавловский Н. Е.), *Камыков* (Лешенков С. А.), *Коновской* (Ореус) *И. И.*, *Кохановская Н.* (Соханская Н. С.), *Ленский* (Воробьев) *Д. Т.*, *Луговой* (Тихонов) *А. А.*, *Минский Н.* (Виленкин Н. М.), *Омулевский* (Федоров) *И. В.*, *Погорельский Антоний* (Перовский А. А.), *Прутков Козьма* (коллективный псевдоним А. К. Толстого и братьев Жемчужниковых), *Северянин Иорь* (Лотарев И. В.), *Серафимович* (Попов) *А. С.*, *Сергеев-Ценский* (Сергеев) *С. Н.*, *Скиталец* (Петров) *С. Г.*, *Солозуб* (Тереников) *Ф. К.*, *Тэффи* (урожд. Лохвицкая, в замужестве Бучинская Н. А.), *Тур Евгения* (урожд. Сухова-Кобылина, в замужестве Салнас-де-Турнемир Е. В.), *Чарская* (Чурилова) *Л. А.*, *Черный Саша* (Гликеберг А. М.), *Ширяевец* (Абрамов) *А. В.*, *Шеглов* (Леонтьев) *И. Л.*, *Элиус* (Кобылинский) *Л. Л.*

Цитируемые издания, входящие в пристатейную библиографию, обозначены кратко (указываются лишь фамилия автора или название книги). Издания, названные в статье, как правило, опущены в библиографии.

Редколлегия

¹ В организационно-технической работе принимали участие И. И. Скуридина, Л. А. Юркина.

АВДЕЕВ, Михаил Васильевич (Венедиктович) [28.IX (10.X). 1821, Оренбург — 1(13).II.1876, Петербург] — прозаик, драматург, публицист. Происходил из состоятельного старинного рода яицких казаков, но ко времени его рождения отец оставил военную службу и перешел на гражданскую. В числе первых учителей А. был сосланный в Оренбург известный польский писатель, основатель просветительского виленского патриотического общества филаретов, друг Адама Мицкевича — Фома Зан, который и пробудил в своем воспитаннике интерес к литературе. С переездом семьи в Уфу А. стал учиться в гимназии. В 1842 г. окончил Институт корпуса инженеров путей сообщения в Петербурге и начал службу в Нижнем Новгороде в чине поручика. Решив полностью отдаться литературной деятельности, в 1852 г. вышел в отставку и поселился в оставшемся по наследству от отца имении в Стерлитамакском у. Оренбургской губ. Сотрудничал в основном в журнале «Современник», где были опубликованы роман-трилогия «Тамарин» (1849—1851) и «Письма «пустого человека» в провинцию о петербургской жизни» (1852—1853).

Во время Крымской войны А. был выбран начальником дружины оренбургского ополчения. После реформы 1861 г. недолгое время состоял членом присутствия по крестьянским делам. В 1862 г. в связи с процессом поэта М. Л. Михайлова, среди бумаг которого находились и дружеские письма А., был арестован и выслан на жительство в Пензу. В жандармской справке III отделения содержалась следующая характеристика мировоззрения А.: «При всей своей осторожности он высказывает иногда либеральный образ мыслей, и направление его совершенно герценовское» (Литературное наследство.— Т. 51—52.— С. 88). В 1865 году получил разрешение на выезд за границу.

В 1869 г. А. возвратился в Россию и до 1871 г. служил в министерстве путей сообщения. В конце 60—70 гг. сотрудничал в журналах «Дело», «Отечественные записки». Посмертно в журнале «Вестник Европы» появилась повесть А. «В сороковых годах» (1876).

Литературная известность пришла к А., когда в «Современнике» появились его повести — «Варенька», «Записки Тамирина» и «Иванов», составившие трилогию «Тамарин». Читатели и критика ценили в А. прежде всего талант рассказчика, способного живо откликаться на злободневные темы: «Он брал либеральную гуманностью чувств и симпатий и ловким умением попадать в самый фарватер общественного течения» (Ск а б и ч е с к и й А. М.— С. 205). В названном романе А. продолжил традицию изображения типа «лишнего человека». Как пояснял автор в предис-

ловии к своему сочинению (1853), образ Печорина породил в русском обществе огромное количество подражателей, людей с «умом сильным, с душой, жаждущей деятельности, но не умевших найти полезного и благородного приложения этой деятельности» (Соч.— Т. 1.— С. 5). В истории Тамирина А. попытался воплотить трагедию обреченного на бездействие одаренного человека. Однако ему не удалось создать оригинального произведения: сюжет первых двух повестей напоминает соответствующие главы романа Лермонтова, но подражал А. также Пушкину (сцена объяснения Тамирина с Варенькой повторяет финал «Евгения Онегина») и А. В. Дружинину («Полинька Сакс»). Механическое использование разнородного литературного материала привело к выработке шаблона, повлекло за собой неестественность положений и надуманность, безжизненность поступков и переживаний героев. Однако в 50 гг. трилогия пользовалась широкой известностью, имя Тамирина почти на десятилетие стало нарицательным и довольно часто появлялось в критических статьях и обозрениях. Чувствительный удар литературной репутации А. был нанесен Н. Г. Чернышевским, отзывавшимся на вышедшее собрание сочинений: «...Написаны они хорошо; но в романе нет свежести, он шит из поношенных лоскутков, а повести не приходится по мерке нашего века, готового примириться скорее с недостатками формы, нежели с недостатками содержания, с отсутствием мысли» (Ч е р н ы ш е в с к и й Н. Г.— Т. 1.— С. 25). Недостатки романа критик видел также в смешении точек зрения рассказчика и автора, в несоответствии психологических движений и речи героев их характерам, изображаемой действительности; образ Тамирина признан им не развитием образа Печорина, а пародией на него.

Пожалуй, одной из важнейших особенностей творчества А. было стремление к актуальности темы, но выбор свой он делал не самостоятельно, а как бы пристраиваясь к остросовременной идее, уже выведенной другими писателями на литературную арену. Он обладал «даром» чувствовать литературную моду и следовать ей. Так, в начале 50 гг. появился целый ряд произведений Д. В. Григоровича, А. А. Потехина, А. Ф. Писемского, И. Т. Кокорева и др., посвященных крестьянской жизни. Отдал дань этому направлению и А., написавший рассказ «Огненный змий» (1853), в котором сделана попытка поэтизации простонародного быта. Несмотря на живость и легкость повествования, произведение получилось претенциозным и фальшивым, что отметил П. В. Анненков: «Во всем этом богатстве недостает только одного — живой мысли, близкого родства с предметом и верного колорита, который дается настоя-

щим пониманием первого» (По поводу романов и рассказов из простонародного быта // Современник. — 1854. — Т. XLIV. — № 3. — Отд. III. — С. 17).

Если в «Тамарине» через сферу чувств А. пытался раскрыть, оценить смысл жизни героев в целом (антитеза: Тамарин — Иванов), то в романе «Подводный камень» (1860) главной проблемой становится право на свободу любви. (Подводный камень — символ страсти, о которую разбивается привычная, кажущаяся счастливой жизнь.) Написанный в эпоху борьбы за женскую эмансипацию, он тем не менее вызвал «такой шум и такую брань, какие на нашем литературном торжище слышатся редко» (Шелгунов Н. В. — С. 33). И объяснялось это не столько смелостью поставленной проблемы, сколько отношением автора к изображаемой ситуации, холодностью душевной жизни героев. «Мы нисколько не намерены находить nepозволительными действия Наташи, Соковлиных, Қомлевых, — писал рецензент журнала «Время», — мы говорим только, что эти действия вытекают из мелкого источника, что они далеки от истинной глубины человеческих чувств...» (Погодин М. П. — С. 45). Позднее Н. Н. Страхов так отзывался о впечатлении, производимом романами «Подводный камень», «Меж двух огней» и повестью «Магдалина» (1869): «Любовь не имеет в его рассказах никакой прелести и скорее способна внушить отвращение. Это не любовь в настоящем смысле, а простое, вялое, холодное сластолюбие, из-за которого не стоит ни страдать, ни жертвовать. Безжизненность — такова самая основная черта произведений А.» (Заря. — 1869. — № 4. — Отд. критики. — С. 104—119).

Роман «Меж двух огней» (1868) стал самым сложным в композиционном отношении произведением А. и в то же время — самым слабым в художественном. В центре его — мечтающий о «большом деле» и «большой любви» помещик Камышлинцев; действие происходит в губернском городе Велико-Федорске и охватывает период подготовки и проведения крестьянской реформы. Движимый желанием содействовать обновлению русской жизни, установлению справедливых законов, главный герой оказывается вовлеченным в борьбу противоборствующих партий — радикалов и консерваторов. Замысел автора показать «новых людей» России остался неосуществленным, т. к. в романе ему не удалось раскрыть реальную сущность проблемы, стремления героя остались неясными, а деятельность не обрела определенных форм, что позволило М. Е. Салтыкову-Щедрину назвать его «типом гулящего русского человека», «бестолковым деятелем» (Салтыков о в-Щедрин М. Е. — С. 305). Полемику вызвал поднятый А. вопрос о женской эмансипации. Как и Вера Павловна Чернышевского, Анна Барсукова отстаивает право на независимость во всех сферах жизни, становится устроительницей швей-

ной мастерской. Глубокое убеждение автора заключалось в том, что, по его мнению, в изменившемся, обновленном обществе должна измениться и внутренняя жизнь женщины: социальное призвание, активная деятельность вытеснят интимные переживания. Эти утопические предположения существенно обеднили женские образы писателя.

В последующих произведениях (повестях «Магдалина», «Пестренькая жизнь», 1870; «Сухая любовь», 1870) А. обращался к своей излюбленной теме превратностей душевной жизни замужней женщины, снискав звание «специалиста по бракоразводным делам» (Салтыков о в-Щедрин М. Е. — С. 315). К этому времени популярность писателя уже не была столь велика, как в 50 гг., но современники продолжали видеть заслугу А. в том, что он «несколько ослабил сокрушающую силу прописной морали и открыл доступ гуманности в затхлую атмосферу филистерских понятий о браке» (Скабичевский А. М. — С. 206).

В 1874 г. А. издал книгу литературно-критических очерков «Наше общество (1820—1870) в героях и героинях литературы» (II часть этой книги под названием «Женщины русских писателей» была издана отдельно в 1879 г.). Объектом его исследования стали произведения Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, В. А. Слепцова. Целью автора было выяснение влияния, оказываемого обществом на личность и ее судьбу. А. стремится следовать методу демократических критиков, прежде всего Добролюбова, но отстает от них в постановке проблем более чем на десятилетия.

А. также является автором двух пьес — «Мещанская семья» и «Шестое чувство», одна из которых была поставлена в Александринском театре, но успехом не пользовалась. Последние сочинения его — «Мои времена в 30-х годах» и «В сороковых годах» — были изданы посмертно и вызвали некоторый интерес лишь содержащимся в них изображением кружка Белинского и Герцена: жизнь А. оказалась продолжительнее его литературной славы.

Соч.: Соч.: В 2 т. — СПб., 1868—1870; Полн. собр. соч.: В 1 т. — СПб., 1907. — Ч. I—III.

Лит.: Чернышевский Н. Г. Роман и повести М. Авдеева // Чернышевский Н. Г. Литературная критика. — М., 1981. — Т. I; Салтыков-Щедрин М. Е. «Мещанская семья», комедия в 4-х действиях М. В. Авдеева // Собр. соч. — М., 1970. — Т. 9; Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы. 1848—1903 гг. — СПб., 1903; Без полиси (Венгеров С.). Авдеев. Литературный портрет // Неделя. — 1876. — № 3—5; Никитин П. Н. (Ткачев П.). Подрастающие силы // Дело. — 1868. — № 10. — Отд. II; Шелгунов Н. Неоконченные вопросы // Дело. — 1871. — № 4; Михайловский Н. К. Из литературных и журнальных заметок 1874 года («Наше общество в героях и героинях») // Полн. собр. соч. — 4-е изд. — СПб., 1907. — Т. II; Погодин М. «Подводный камень». Роман М. Авдеева // Время. — 1861. — № 1. — Отд. II; Писемский А. Ф. «Подводный камень». Роман г. Авдеева // Собр. соч. — М., 1959. — Т. 9; Скабичевский А. М. Герои голубино го полета

(«Меж двух овней», роман М. А. Аддеева) // Соч.— 3-е изд.— М., 1903.— Т. 1; Письма к А. В. Дружинину (1850—1863).— М., 1948; Литературное наследство. Н. А. Некрасов.— М., 1949.— Т. 51—52; Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. Сост. и коммент. В. А. Викторovichа, Г. В. Краснова, Н. М. Фортунатова.— М., 1987. В. А. Врубель

АВЕРКИЕВ, Дмитрий Васильевич [30.IX (12.X) (по другим данным—11 (23).XI). 1836, Екатеринбург — 7(20).I.— 1905, Петербург] — драматург, беллетрист, театральный критик, публицист. Родился в культурной купеческой семье, впоследствии обедневшей. Учился в Петербурге, где в 1854 г. окончил Коммерческое училище, а в 1859 г. — отделение естественных наук Петербургского университета со степенью кандидата. В университетские годы был знаком с Н. А. Добролюбовым, сблизился с Н. Н. Страховым и уже в это время не разделял радикальных настроений, распространенных в студенческой среде. В 1861 г. в связи со смертью Добролюбова опубликовал о нем сочувственную статью (Русский инвалид. — 1861. — № 267. — 1 дек.). По окончании университета жил журнальной работой, печатаясь в газетах «Русский инвалид», «Северная пчела», еженедельнике «Якорь» преимущественно как театральный критик, сблизился с А. А. Григорьевым. В 1864 г. стал одним из деятельных сотрудников журнала бр. Достоевских «Эпоха», где опубликовал и первую историческую пьесу «Мамаево побоище» (1864. — № 10). После закрытия «Эпохи» А. несколько лет живет исключительно переводами и компиляциями по истории английской литературы, продолжая писать в свободное от литературной поденщины время, эпизодически печатаясь в различных изданиях.

В это время опубликованы трагедия «Слобода Неволя» об Иване Грозном (1867), стихотворные комедии «Терентий муж Данильевич» (1867), «Леший» (1868) и др. В 1868 г. в бенефис В. В. Самойлова с большим успехом прошла в Александринском театре «Комедия о российском дворянине Фроле Скабееве и стольничей, Нардын-Нашокина, дочери Аннушке». В 1871 г. А. переезжает в Москву и пишет драму «Каширская старина», прочно вошедшую в репертуар столичных и провинциальных театров. В 70 гг. был постоянным театральным рецензентом газеты «Московские ведомости», а в 80 гг., вернувшись в Петербург, — рецензентом газет «Голос» и «Новое время». С 1874 г. стал членом Общества любителей российской словесности при Московском университете. В 1877—1878 гг. А. опубликовал в «Русском вестнике» серию статей по теории драмы, изданную им впоследствии в виде теоретического трактата отдельной книгой, получившей в 1893 г. Пушкинскую премию Академии наук. Среди переводов А. «Разговоры с Гете, собранные Эккерманом» (СПб., 1891), «Гамлет» У. Шекспира (М., 1895) и мн. др.

В 1881 г. в связи с ожидавшимся созывом Земского собора А. создает «Записку о назначении наших государственных учреждений», пред-

назначавшуюся для печати. Охранительная по своим намерениям, она содержит, однако, критику настоящего состояния государственных учреждений, в связи с чем не могла быть напечатана ни в ультраконсервативных катковских изданиях, ни в газете И. С. Аксакова «Русь», куда ее послал А. Аксаков ответил письмом с разбором (текст «Записки» и письмо Аксакова см.: Исторический вестник. — 1916. — № 9).

В конце 1881—1882 г. А. вместе с А. Н. Островским и А. А. Потехиным был членом Комиссии по составлению проекта положения об управлении императорскими театрами, где был единомышленником Островского. В 1882 г. А. был назначен членом Театрально-литературного комитета, учреждения, в обязанности которого входило следить за художественным качеством репертуара императорских театров. В 1885—1886 гг. издавал журнал «Дневник писателя» (вышло 12 номеров), продолжая тип издания, предпринятого Достоевским: автором всех материалов был сам А. Публицистика в журнале имела реакционно-охранительный характер, но театральная критика и мемуарные материалы сохраняют значительный интерес (в частности, воспоминания о работе с Достоевским в «Эпохе» (1886. — № 9), статья об А. Н. Островском (1885. — № 1) и др.). В 1887—1898 гг. А. предпринял издание своих сочинений, имеющее итоговый характер.

Положение А. в литературе было сложным и противоречивым. В идейной борьбе 60 гг. он выступал как ожесточенный противник революционных демократов, находясь сам на позициях, близких почвенничеству. Но в почвенничестве он скорее представляет консервативное течение, оставаясь далеким от собственного Достоевскому радикализма с его ярким социальным критицизмом. Нескрываемый политический консерватизм А. сделал его предметом резких насмешек передовой печати (Д. И. Писарев «Прогулка по садам российской словесности»; М. Е. Салтыков-Щедрин «История одного города», «Современная идиллия»). Заслуженная А. публицистом репутация реакционера современниками писателя, а позднее и историками литературы распространялась на его литературную деятельность в целом и сделала его имя однозным. Между тем наследие А. заслуживает дифференцированного подхода. На А. как театрального критика большое влияние имел А. А. Григорьев, в свою очередь продолжавший в этой области традиции Белинского. Театральная критика А. опирается на определенные общеэстетические требования и чужда описательного эмпиризма. Он был сторонником реализма в литературе и театральном искусстве, боролся за высокий литературный уровень театра. Его рецензии дают выразительное описание спектаклей и серьезный анализ актерской игры, и сейчас сохраняя значение ценного театроведческого источника.

Историческая драма, в которой непосредственное авторское суждение о жизни не находит

места, оказалась наиболее свободна от реакционных социально-политических идей, развиваемых А. в публицистике и повествовательной прозе, имеющих охранительный характер. Всего А. написал около 20 пьес, но в собрание сочинений включил 14, не признавая за остальными литературных достоинств. Наиболее заметные среди них (помимо уже названных) — «Темный и Шемака», «Княгиня Ульяна Вяземская», «Смерть Мессалины», «Сидоркино дело». Самой сильной стороной дарования А. (кроме умения построить занимательную интригу) было живое и достоверное изображение быта прошлого, особенно в пьесах из русской жизни. А. прекрасно знал древнерусскую литературу и в своих драмах немало экспериментировал с языком, включая не только архаизмы, но фольклор и диалектную лексику. Он добивался яркого исторического колорита, не перегружая речь непонятными словами, не утрачивая живости диалога, хотя у него всегда ощущается любовь к языковой игре. В жаровом отношении большинство его пьес тяготеет или к комедии, или к мелодраме, прозаический текст в них перемежается стихотворным.

Лучшие пьесы А. — «Фрол Скабеев...» и «Каширская старина» — рисуют частных людей XVII в. А. с любовью и знанием дела воскрешает старинную жизнь, всемерно стремится создать «эффект присутствия». Ф. М. Достоевский в письме Стрехову выразил восхищение комедией «Фрол Скабеев...», отметив особую достоверность, объективность в изображении характеров русских людей XVII в.: «Не знаю, что выйдет из Аверкиева, но после «Капитанской дочки» я ничего не читал подобного... Прежде всего и главное всего, что это изображение в самом деле именно то настоящее, что и было» (Полн. собр. соч. — Л., 1986. — Т. 29. — Ч. I. — С. 36). Сравнение с «Капитанской дочкой» указывает прежде всего на сходство задачи: дать реалистическое изображение частного человека ушедших эпох, не «осовременивая» его внутренний облик, образ мыслей и действий. Полнота изображения жизни XVII в. достигается резким столкновением драматических сцен, описывающих нищету крестьян, бесправие незнатных и самоуправство «больших бояр», с общим ощущением яркости и праздничности бытия. Острая интрига вырастает непосредственно из самого изображения быта, «оживляющего» для зрителей жизнь предков. «Фрол Скабеев...» и особенно «Каширская старина» имеют богатую сценическую историю, сохраняясь в репертуаре и в советское время.

Соч. Дневник писателя. — Спб., 1885; 2 изд. — Спб., 1886; Драмы: В 3 т. — Пб., 1887—1896; 2-е изд. — Пб., 1906; Повести из старинного быта: В 3 т. — Пб., 1898; Повести из современного быта: В 3 т. — Пб., 1898; О драме. Критическое рассуждение. — Пб., 1893; 2-е изд. — Пб., 1907; «Фрол Скабеев» и «Каширская старина» // Русская драма эпохи Островского. — М., 1984. *Лит.*: Лотман Л. М. А. Н. Островский и русская драматургия его времени. — М.: Л., 1961; Аникст А. А. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова. — М., 1972; Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха». 1864—

1865. — М., 1975; Перхнин В. В. Д. В. Аверкиев // Очерки истории русской театральной критики. Вторая половина XIX в. — Л., 1976; Журавлева А. И. Русская драма эпохи Островского // Русская драма эпохи Островского. — М., 1984; Некрасов В. Н. Д. В. Аверкиев // Там же.
В. Н. Некрасов

АВЕРЧЕНКО, Аркадий Тимофеевич [15. (27) III. 1881, Севастополь — 12. III. 1925, Прага] — прозаик, драматург, театральный критик. Автобиографические сведения А. сообщил П. В. Быкову: «Отец мой — севастопольский купец, долга разорившийся. Родился я 15 марта 1881 года в Севастополе. Учился только дома. Девяти лет отец пытался отдать меня в реальное училище, но оказалось, что я был настолько в то время слаб глазами и вообще болезнен, что поступить в училище не мог. Поэтому и пришлось учиться дома. С десяти лет пристрастился к чтению — много и без разбора. Тринадцати лет пытался написать собственный роман, который так и не кончил. Впрочем, он привел в восторг только мою бабушку» (ИРЛИ. — Ф. 273. — Оп. 1. — № 770). В письме к С. А. Венгерову А. уверяет, что его дед («по матери») был атаманом шайки разбойников («держал под Плтавой постоянный двор и без всякого зазрения совести грабил проезжих по большой дороге» (Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома. 1973. — Л., 1976. — С. 155)). Мать А. — Сусанна Павловна Романова, добрая и кроткая женщина, по словам А., вспоминала об этом с ужасом. Отец — Тимофей Петрович Аверченко, разорился, когда сыну было 10 лет, «учиться пришлось дома, с помощью старших сестер, — довольно скудно» (Там же). По другим сведениям, А. все же окончил два класса Севастопольской гимназии (Иллюстрированная Россия. — 1935. — № 13. — С. 15).

В 1896 г. А. поступил на работу младшим писцом в транспортную контору, откуда ушел через год и уехал на станцию Алмазная, где стал работать конторщиком на Брянском угольном руднике. Встречавшийся с ним там С. Горный (А. А. Оцуп) свидетельствует: «...где-то в «счетоводстве», в скучном отделе, где горизонтально и вертикально расставлены сухие каллиграфические цифры, сидел, согнувшись, целыми днями и заполнял карточки близорукий сдержанный человек. Совсем еще молодой» (Русь. — 1930. — 28 апреля). А. прослужил здесь три года, а в 1900 г. уже работал в Харькове, в Брянском акционерном обществе. Он вспоминал: «Вел я себя с началом настолько юмористически, что после семилетнего их и моего страдания был уволен. В Харькове после этого пытался издавать сатирический журнал «Штык», но существование вел полугодное» (Ежегодник. — Ф. 273. — Оп. 1. — № 770).

31 октября 1903 г. в харьковской газете «Южный край» появился первый рассказ А. «Как мне пришлось застраховать жизнь», но сам писатель считал своим литературным дебютом рассказ «Праведник» (Журнал для всех. — 1904. — № 4). В 1906 г. А. стал редактором (с № 4) сатирического журнала «Штык», который составлял по-

чти полностью из его материалов. Он вспоминал: «Я наполнял весь номер, рисуя, пища, редактируя и корректируя. Но на девятом номере меня оштрафовали на 500 руб. (я их не заплатил), и журнал закрылся. В 1907 г. начал другой журнал — «Меч», но подъем уже кончился, и моему журналу приходилось плохо» (Ежегодник. — С. 156).

«Меч» был приостановлен на третьем номере. А. 24 декабря 1907 г. уехал в Петербург, где стал работать в сатирическом журнале «Стрекоза» и газете «Свободные мысли». После того как «Стрекоза» была реформирована в «Сатирикон», А. (с № 9) стал постоянным редактором этого популярного журнала (выходил с 1908 по 1913 г., с 1913 по 1918 г. — «Новый Сатирикон»). В 1910 г. вышли три книги А., которые сделали его известным всей читающей России: «Веселые устрицы», «Рассказы (юмористические)» (кн. I) и «Зайчики на стене» (кн. II). В них много молодого задора и беззаботного веселья, основанного на комизме ситуаций и положений. А. повествует о «быте», который заслонил собой «событие» — только что отгремевшую революцию 1905—1907 гг. Его герой — российский обыватель, интересы которого сосредоточены на ресторане, спальне, детской. Его смех часто превращается в гомерический хохот, напоминающий юмор Марка Твена и О. Генри с его ярко выраженной буффонадностью, комизмом положений, стихийной веселостью. Разоблачая российского обывателя, который прячется от потрясенной революции, А. часто пользуется фантастикой, доводит до абсурда юмор положений. Но в основе самых нелепых и смешных ситуаций у него всегда лежит абсурдная в своей нелепости российская действительность периода реакции.

Творчество А. отразило стихийный протест мелкобуржуазных и демократических слоев русского общества против политики насильственного «успокоения» России. Свой задорный «краснощечий» юмор А. предложил читателю как лекарство от тоски и уныния. Рецензируя первые книги А., В. Полонский заметил, что они представляют собой «крупное литературное явление, а их автору суждено стать русским Твенем...» (Всеобщий ежемесячник. — 1910. — № 7. — С. 98). Вышедшие в 1912 г. книги А. «Круги по воде» и «Рассказы для выздоравливающих» утвердили за ним звание «короля смеха», исповедующего «смехотерапию» как спасение для утопающих в пессимизме. Идеал писателя — любовь к жизни во всех ее проявлениях, основанная на «простом здравом смысле». Его любимый герой — человек спокойный и остроумный, не останавливающийся ни перед чем, когда нужно выйти из затруднительного положения. Ему присущи добродушие и непробиваемая толстокожесть. Смех у А. может вызвать даже «папал», поставленный в условия высшего комизма.

Книги А. — огромный систематический каталог «добрых знакомых». Под его пером возникает страна, в которой все насковы прогнило: политика, мораль, любовь, семья. Но, бичуя зло, писатель

не предлагает никаких мер для его искоренения, кроме смеха. Обывательская стихия, которую с таким мастерством изображает А., порой подхватывает и тащит за собой его самого. Позиция созерцателя, а не активного борца с пороками приводит к тому, что смех А. со временем превращается в смехачество, а юмор становится самоцелью. После 1912 г. он все чаще отказывается от злободневной сатиры, теряет свой былой радикализм. Е. Зозуля писал: «Аверченко социально мыслить не умел. О том, что истоки человеческого одиночества могут находиться в неправильном устройстве человеческого общества, он, возможно, и не подозревал. Но обойденного человека чувствовал и — странно! — несмотря на свои личные блестящие успехи ощущал и в себе. Особенно он чувствовал и выразительно изобразил в своих рассказах заброшенных детей» (ЦГАЛИ. — Ф. 215. — Оп. 1. — № 141). Сб. «О маленьких для больших» — одна из лучших дореволюционных книг А. Свежесть восприятия, трогательную чистоту и бесхитростную правду детского мира А. противопоставляет корыстному, лживому миру взрослых. Ему симпатичны те, кто разрывает круг привычных моральных норм, выламывается из нудной размеренной обывательской жизни. Повесть «Подходцев и двое других» (1917) подводит итог творчества А. до Октября: от смеха-лекарства, утешающего и веселящего читателя, он пришел к смеху-забвению, в котором, по выражению А. Блока, можно было «утопить свою радость и свое отчаяние, себя и близких своих, свое творчество, свою жизнь, наконец, свою смерть» (Собр. соч. — Т. 5. — С. 346).

Февральскую революцию А. встретил восторженно, Октябрь же напугал. Осенью 1918 г. он уехал на юг, сотрудничал в газетах «Приазовский край» и «Юг» («Юг России»), выступал с чтением своих рассказов, заведовал литературной частью в севастопольском «Доме Артиста», написал пьесы «Лекарство от глупости» и «Игра со смертью», в апреле 1920 г. организовал собственный театр «Гнездо перелетных птиц». В октябре того же года А. эмигрировал в Константинополь, с июня 1922 г. жил в Праге, совершая кратковременные поездки в Берлин, Польшу, Румынию, Прибалтику.

Книги А., написанные после Октября, отражают, по меткому выражению В. И. Ленина, взгляды «озлобленного почти до умопомрачения белогвардейца» (Полн. собр. соч. — Т. 44. — С. 249). Назвав сборник памфлетов «Дюжина ножей в спину революции» талантливой книжкой, В. И. Ленин заметил: «Так, именно, так должна казаться революция представителям правящих классов» (Там же). В 20 гг. А. пишет книги рассказов «Дети», «Смешное в страшном», «Отдых на крапиве», «Записки простодушного Я. в Европе», «Рассказы циника», юмористический роман «Шутка мецената», трехактную комедию «Игра со смертью». Картины «константинопольского зверинца», зарисовки эмигрантского быта окра-

шены горькой иронией. Последние маски А.— Простодушный и Циник — свидетельствуют о том, что в эмиграции он все чаще изменял доброму, светлому юмору, заменяя его желчным сарказмом, злым смехом «висельника».

Летом 1924 г. А. перенес операцию удаления глаза, после чего долго не мог оправиться. Врачи запретили ему работать. Стала резко прогрессировать болезнь сердца. 22 января 1925 г. его поместили в Пражскую городскую больницу, где он скончался. А. похоронен в Праге на Ольшанском кладбище.

Сочл.: Чудаки на подмостках: Сб. пьес и монологов.— Пг., 1918; Занеши простодушного (Эмигранты в Константинополе).— М., 1922; «Шутка мецената», «Развороченный муравейник». Эмигрантские рассказы.— М.; Л., 1927; Юмористические рассказы / Предисл. О. Михайлова.— М., 1964; *Лит.*: В о й т о л о в с к и й Л. Литературные слезы (А. Аверченко) // Киевская мысль.— 1910.— № 184.— 6 июля; Крапчихфельд В. Литературные отклики. В подполье // Современный мир.— 1910.— № 11.— Огд. II, 6; Полонский В. Смех и горечь. Юмористические рассказы А. Аверченко // Всеобщий ежемесячник.— 1910.— № 7; Чуковский К. Устрицы и оксан // Речь.— 1911.— № 77.— 20 марта; Седых И. (Князь в В. В.) Цемент «Сатирикона» // Литературный Ленинград.— 1934.— № 31.— 8 июля; Никитин А. Люди русского искусства.— М., 1947; Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконы.— М., 1968; Скиталец (Петров С. Г.) Повести и рассказы. Воспоминания.— М., 1960; Вержбицкий Ник. Записки старого журналиста.— М., 1961; Спиридонова (Евстигнеева) Л. А. Русская сатирическая литература начала XX века.— М., 1977.

Л. А. Спиридонова

АВСЕЕНКО, Василий Григорьевич [5(17).I. 1842. Московская губ.— 29.VII (11. VIII). 1913. Петербург] — критик, прозаик, журналист. По происхождению дворянин. В 1852 г. поступил в 1-ю Петербургскую гимназию, где под влиянием известного педагога-словесника В. И. Водовозова и старших гимназистов, в особенности В. В. Крестовского, начал писать стихи; однако в печати как поэт почти не выступал (лишь в 1869 г. в № 8 журнала «Модный магазин» под псевдонимом *В. Порошилов* поместил стихотворение). С 1856 г. учился в 1-й Киевской гимназии, по окончании которой (1859) поступил на историко-филологический факультет университета св. Владимира (Киев). Лекции В. Я. Шульгина и Н. Х. Бунге сформировали академические интересы А. (см. его очерк «Школьные годы. Отрывки из воспоминаний» // Исторический вестник.— 1881.— № 4): он занимался изучением всеобщей истории, выступая со студенческих лет с историографическими работами, статьями по истории Западной Европы и Украины сначала в петербургских и московских изданиях («Русское слово», 1860—1861; «Русская речь», 1861; «Отечественные записки», 1863; «Русский вестник», 1863; «Вестник Европы», 1866), а затем и в местной печати, особенно в газете «Киевлянин», где интенсивно сотрудничал в середине 60 гг. как публицист. В 1863 г. А. окончил университет кандидатом и был оставлен приват-доцентом на кафедре всеобщей истории. Человек «сухой и холодный», он не поль-

зовался симпатиями 'ий' факультете (Романович-Славятинский А. В. Моя жизнь и академическая деятельность. 1832—1884 // Вестник Европы.— 1903.— № 5.— С. 186). Покинув университет, А. служил мировым посредником в Киевском у.

Переехав в 1869 г. в Петербург и определившись на службу (сначала в министерство внутренних дел, с 1873 г.— в министерство народного просвещения), А. вскоре стал заметной фигурой литературной жизни столицы. Он прикнул к редакции журнала «Заря», где сблизился с Д. В. Аверкиевым, Н. Н. Страховым, А. Ф. Писемским, Ф. Н. Бергом (см. его очерк «Кружок. Рассказ по личным воспоминаниям» // Исторический вестник.— 1909.— № 5); регулярно печатал там анонимные статьи, отвечавшие в целом направлению журнала: резко критиковал писателей, «жаждущих пересадить на нашу почву болезненные и крайние явления европеизма» (Сочинения Марко Вовчка.— Спб., 1870 // Заря.— 1869.— № 10.— С. 267), с тревогой констатировал «наплыв чуждых нашей жизни западных идей» (Критические заметки о текущей литературе // Заря.— 1870.— № 3.— С. 139).

Однако в дальнейшем А. решительно отмежевался от почвеннических воззрений, напечатав под красноречивым названием «Блуждания русской мысли» разносную рецензию на изданные Н. Н. Страховым статьи А. А. Григорьева: А. протестовал против апологетического отношения к простонародью, считая подлинными носителями культурных ценностей «тонко развитых и тонко чувствующих» представителей образованного общества (Русский вестник.— 1876.— № 10.— С. 885). Постоянно помешая свои критические обзоры в газете «Русский мир» (1871—1875; подписывался: *А. О.*) и в журнале «Русский вестник» (1873—1877; подписывался: *А.*), он последовательно развивал свое понимание народности в искусстве: изображение лишь «стихийных сторон» жизни народа, могучего, еще не познанного, но по природе своей «пассивного», ограниченного «идеалом растительной, стоячей жизни» (Русский вестник.— 1876.— № 3.— С. 376), с одной стороны; с другой — преимущественная ориентация на «интересы образованного круга, потому что они одни только суть истинные национальные интересы» (Там же.— 1874.— № 4.— С. 872). Хотя А. был одаренным критиком, проницательным в суждениях и смелым в оценках, его элитарная по сути литературная позиция вызвала негодование не только в революционно-демократическом лагере, но и у Тургенева, Страхова, в особенности Достоевского, раздраженного, помимо прочего, отзывами критика о «Бесах» и «Подростке»: А. расценивал эти романы как свидетельство односторонности и ограниченности Достоевского, изображавшего «мир, в высшей степени чуждающийся действитель-

ности», «душное и мрачное подполье», «интимную глубину порока» (Очерки текущей литературы // Русский мир.— 1871.— № 85.— 27 нояб.; 1875.— № 27.— 29 янв.). В ответ Достоевский написал блестящий памфлет, охарактеризовав А. как «деятеля, потерявшего на обожании высшего света», а потому презирающего народ (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т.— Л., 1981.— Т. 22.— С. 103—119). При всех полемических перехлестах спор носил принципиальный характер: постижение народных идеалов затруднялось, по мысли Достоевского, развращающим влиянием цивилизации, по мысли А.—недостатком подлинной культуры в образованных слоях. Поэтому А. постоянно возвращался в своих статьях к рассуждениям об упадке «культурных элементов» в обществе (Русский вестник.— 1874.— № 8) и винил в этом «петербургский журнализм», обличительную литературу, отвергавшую «элементарные требования красоты и благородства» (Русский вестник.— 1874.— № 7.— С. 438), перечеркнувшую «приемы и предания прежней дворянской литературы» (Там же.— № 4.— С. 872). Перспективы литературной эволюции А. связывал главным образом с пушкинскими традициями, отрицая плодотворность гоголевского направления, к которому относил творчество А. Н. Островского, Н. А. Некрасова, критическое наследие В. Г. Белинского.

А.—прозаик и в ранних своих произведениях (дебютировал рассказом «Буря» // Русский вестник.— 1865.— № 8), и в особенности в повестях и романах 70—80 гг. («Млечный путь», «Скрежет зубовой», «Злой дух») обращался к актуальным общественным проблемам (девальвация идеалов и моральная апатия, меркантилизм и разрушение семейных устоев, трагическая судьба «нигилистического» движения), в разоблачительных тонах рисуя проворовавшуюся бюрократию, несправедливую судебную практику, пустоту и ложь высшего света. Но современники неоднократно отмечали, что критический пафос А. лишен подлинной остроты: «...он против своей воли, видимо, обольщен этими милыми образами» (Буренин В. П. Литературные очерки // Новое время.— 1880.— № 1445.— 7 марта). Подобные оценки в сочетании с некоторыми особенностями повествовательной манеры А.—сквозная динамичная интрига, эффектные сюжетные ходы, мелодраматические сцены, гладкий и бойкий стиль — создали ему репутацию салонного романиста, сосредоточенного на мотивах «устаревших, почти заплесневевших» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т.— М., 1970.— Т. 9.— С. 443). Ироничное отношение к А. усугубилось тем, что он явно подражал Л. Н. Толстому, хотя резко отрицательно относился к его философским воззрениям и к поздним произведениям, в частности — к «Крейцеровой сонате» (Жертва вечерняя. На современную тему // Художник.— 1891.—

№ 35). Тем не менее романы А. пользовались огромной популярностью у рядового читателя, они и по сей день представляют интерес как талантливые зарисовки русской действительности конца прошлого века.

Творческая жизнь А. была долгой и продуктивной. Он постоянно сотрудничал в крупнейших газетах и журналах: в 70—80 гг.— в журналах «Нива», «Всемирная иллюстрация», газетах «Московские ведомости», «Гражданин»; в 90—900 гг.— в журналах либерального толка «Вестник Европы», «Русская мысль», а также в «Северном вестнике», «Историческом вестнике», в «Петербургской газете», «Новом времени», «Биржевой газете» и др. Исключительное место в жизни А. занимала журналистская деятельность. С 1883 г. он редактировал «Санкт-Петербургские ведомости», в 1886—1890 гг.— «Русскую газету» (удешевленный и сокращенный вариант «Санкт-Петербургских ведомостей»), в 1891—1892 гг.— иллюстрированный журнал «Художник». «Он был из тех редакторов <...>, которые чеканят форму», культивируют «суровую дисциплину стилистической работы» (Кугель А. Р. Заметки // Театр и искусство.— 1913.— № 32.— С. 633).

А. оставил богатое наследие. Он выступал и как публицист, и как драматург, и как мемуарист. В нач. XX в. его охотно печатали, считали добротным беллетристом, образцовым бытописателем (см.: Афанасьев Н. И. Современники. Альбом биографий.— Спб., 1910.— Т. 2.— С. 6—10).

Соч.: Соч.: В 12 т.— Спб., 1904—1905.

Лит.: Михайловский Н. К. Записки профана // Отечественные записки.— 1875.— № 12.— Отд. II; Бычков П. В. Современные русские писатели. В. Г. Авсеенко // Огонек.— 1879.— № 6; Гайцева Э. Г. Вопрос о литературной критике и литературно-критических жанрах в редакционной политике «Русского вестника» конца 1860-х — начала 1870-х гг. // Проблемы жанров в русской литературе.— М., 1980.

О. Е. Майорова

АЙЗМАН, Давид Яковлевич [14(26). III. 1869, Николаев Херсонской губ.— 26.IX.1922, Детское Село] — прозаик, драматург, публицист. Воспитывался в провинциальной мелкобуржуазной еврейской семье, жившей в окружении рабочих низов и деклассированного городского люда. Отец А., мелкий торговец, был хорошим знатоком книг, много и увлеченно читал, печатался в еврейских газетах. В доме часто звучали имена Бокля, Бюхнера, Писарева, других выдающихся деятелей науки и культуры, велись бурные диспуты по вопросам философии, политики, истории, морали, искусства. После смерти отца А. в 12-летнем возрасте был вынужден самостоятельно зарабатывать себе на жизнь: давал уроки, рисовал портреты с натуры, выполнял чертежные работы.

Рано проявившимся интересом к литературе и искусству А. во многом был обязан своему

старшему брату, бывшему ссыльному, владельцу книжного магазина и редактору местной либеральной газеты «Южанин». В этой газете были напечатаны первые литературные опыты А. (он был тогда учеником шестого класса).

После окончания в 1886 г. Николаевского реального училища А. отправился в Одессу, где в 1890 г. поступил на живописное отделение рисовальной школы. Обучаясь в ней, он одновременно сотрудничал в газете «Одесский вестник», регулярно публиковал на ее страницах циклы фельетонов «По родным болотам» и «Очерки провинциальной жизни». В 1896 г., награжденный за успехи в рисовании бронзовой медалью, А. уехал в Париж, чтобы продолжить занятия живописью в Школе изящных искусств. Однако усилившаяся тяга к литературному творчеству изменила его планы. Вместе с женой, практикующим врачом, А. в 1898 г. поселился в глухой французской деревушке в Шампани. Написанный там — в числе других произведений — психологический очерк «Немножко в сторону» был опубликован в майской книжке журнала «Русское богатство» за 1901 г. В 1904 г. «Русское богатство» издало первый сборник рассказов А. «Черные дни». В том же году он вернулся на родину.

Осенью 1904 г. А. послал М. Горькому рассказ «Ледоход», который был одобрен и напечатан в V сб. «Знания» за 1905 г. Горькому импонировала позиция А. в еврейском вопросе, чуждая националистической ограниченности. Прозвучавшие в произведениях писателя призывы к единению во имя всеобщего освободительного движения, гневные разоблачения погромов создавали благоприятную почву для сближения с Горьким, сразу привлечшим его к работе в «Знании». В 1906 г. по инициативе Горького «Знание» выпустило первый том рассказов А. (второй том вышел в 1910 г.). Произведения А. стали периодически публиковаться на страницах литературно-художественных сборников «Знания», его имя получило известность в социал-демократических кругах. Организованные черносотенцами в Одессе, Екатеринославе и других южных городах еврейские погромы заставили А. в конце 1905 г. вновь уехать за границу — в Италию и Францию, где он находился (исключая кратковременную поездку в 1908 г. в Петербург по литературным делам) до сентября 1909 г.

В рассказах начала 900 гг. А. выступил как бытописатель социально обездоленных слоев еврейской эмиграции, угнетенной еврейской бедноты, к которой относился с нескрываемым сочувствием. Мужество стариков родителей, благословляющих детей на трудный жертвенный путь («Ледоход»), горестная судьба бедняка еврея, с болью в сердце осознающего несправедливости жизни («Гнев», 1905), душевные метания старого еврея, сошедшего с ума от

зверств погромов и мечтающего уничтожить страшное «сердце бытия» как источник мук, обид, кровавых преступлений («Сердце бытия», XVI сб. «Знания» за 1907 г.), — таковы темы некоторых остросоциальных рассказов А. революционной эпохи, вызвавших похвалу Горького. Оставаясь в целом верным реалистическим традициям (хотя и не без примеси натуралистических тенденций в воспроизведении ужасов окружающей действительности), тяготея к углубленному психологическому конфликту, А. вместе с тем не чуждался возвышенных лирико-патетических интонаций, всемерно подчеркивал авторское субъективное начало. В более поздних повестях и рассказах А. эти черты его стилиевой манеры усилились: вместо объективного, хотя и лиризованного, изложения, вместо выразительных предметных деталей, устремленных к психологической характеристике персонажей, он все чаще прибегал к резким, неожиданным «перебивкам» сюжетных построений, к пространным авторским отступлениям публицистического плана, выдержанным в однотонном абстрактно-символическом духе.

С большим эмоциональным подъемом раскрывался героизм массовой революционной борьбы в наиболее значительном произведении А. — трагедии «Терновый куст» (1907), действие которой протекало грозным летом 1905 г. в маленьком еврейском местечке на юге России. В центре ее — судьба бедной семьи лудильщика Эмсона, дети которого включаются в революционные сражения и один за другим погибают. Пробуждение классового самосознания еврейских низов, их растущая преданность молодому революционеру Манусу, который совершает террористический акт и умирает на виселице, героическая смерть на баррикадах его сестры Доры — таковы узловые моменты сюжетной схемы «Тернового куста».

Драматург сумел отобразить характер революционных битв, происходивших в стране, показать самоотверженность и мужество тех, кто отдавал жизнь во имя революции. «А. написал превосходную пьесу из быта евреев-революционеров, — сообщал Горький И. Ладыжникову в ноябре 1906 г. — Работа — яркая, движения — сколько угодно, четвертый акт — вооруженное восстание...» (Архив А. М. Горького. Письма к писателям и И. П. Ладыжникову. — М., 1959. — Т. 7. — С. 147). Симпатии драматурга к революционно настроенной молодежи были очевидными, и не случайно именно молодые герои-социалисты оказывались в пьесе своеобразным центром эмоционального притяжения для тех, кто испытывал колебания в выборе жизненной позиции. А. Луначарский писал в большевистском журнале «Вестник жизни»: «Драма А. есть действительно, трагедия, и притом реалистическая, социальная трагедия, в которой люди оказываются орудием необходимости, но не-

обходимости совершенно понятной — неизбежной, непреклонной борьбы старой и новой России...» (Критические этюды. — Л., 1925. — С. 198).

Присущий драматургической стилистике «Тернового куста» общий романтический тон выражался в красочной, экспрессивно приподнятой речи героев, в библейских возвышенных образах, поэтической символике. И самый символ тернового куста, который горит, но не сгорает, ибо в нем живет «возмущенный дух угнетенного народа», воспринимался как символ романтический, отвечавший героическому характеру трагедии. В этом отношении, соприкасаясь с общей социально-политической направленностью горьковского творчества, «Терновый куст» обнаруживал подчас стилистическую близость к героико-романтическим произведениям раннего Горького, к роману «Мать». «Когда я писал мою пьесу, — признавался сам А., — я чувствовал, что зажег меня Максим Горький...» (М. Горький. Материалы и исследования. — М.; Л., 1936. — Т. 2. — С. 328).

Все же автору «Тернового куста» не хватало глубокого знания социалистической, пролетарской среды и ясности социально-политических и эстетических взглядов: созданные им образы революционеров страдали схематизмом и не раскрывались в конкретном характере их политических убеждений. Трагическая сторона революционных событий, величие и красота жертвенного порыва, гибели ощущались в пьесе органичнее, нежели героический оптимизм воставшего народа. А борьба за народное счастье как бы отождествлялась писателем с борьбой за восстановление, возвращение людям бога, о чем постоянно напоминали в своих монологах старый Самсон, его жена Леа, другие персонажи пьесы.

Почти одновременно с «Терновым кустом» А. написал повести «Кровавый разлив» (XX сб. «Знания» за 1908 г.) и «Утро Аанчла» (1907), посвященные еврейским погромам. Однако его понимание характера революционных процессов в этих повестях существенно изменилось: расправа над революцией оценивалась не только как бесповоротный крах освободительных надежд, но и как разгул жестоких, звериных начал самой человеческой природы. «Кровавый разлив» был подвергнут резкой критике Горьким, увидевшим в натуралистическом нагнетании «внешнего ужаса» давление упадочных настроений, которые препятствовали автору в постижении позитивных корней исторического процесса, мешали ему отчетливо осознать неотвратимость гибели старого мира и победы передовых общественных сил.

Горьковские замечания, касавшиеся общей направленности творчества А., имели под собой серьезные основания. В годы реакции А. не сумел удержаться на уровне «Тернового куста»: его новая социальная и художественная мысль, рожденная революционным временем, оказалась

незрелой, не успела укорениться достаточно прочно. Покинув «Знание», он заключил в 1908 г. идейно-творческий союз с М. Арцыбашевым, создавшим собственное издательство «Жизнь». В «сборнике художественной литературы» «Жизнь» (1908) были напечатаны рассказы А. «Белый роман» и «Черный роман», объединенные общим заголовком «Любовь». Первый из них, окрашенный в сентиментально-радужные тона, представлял любовные переживания деревенской девушки-француженки на фоне идиллически «белого» (от цвета яблонь) пейзажа, а во втором, где смаковались перипетии чувственной связи опустившегося пройдохи-кюре с полубезумной монахиней, господствовала «поэтика» ужасов, мрака, утверждалось торжество низменных инстинктов в жизни человека. Публикация этих рассказов, вполне отвечавших модернистским «взвоям времени», привела А. к окончательному разрыву с Горьким.

Творчество А. 10 гг. не поднималось выше плоского натуралистического бытописательства. К Великой Октябрьской социалистической революции он не проявил враждебности, хотя очень слабо ориентировался в происходивших событиях. Незадолго до смерти в письме к Горькому А., уже будучи тяжело больным, выразил желание приобщиться к революционной действительности, послужить «делу нового строительства», но намерениям этим не суждено было осуществиться.

Соч.: Собр. соч.: В 7 т. — Спб., 1911—1916; Терновый куст. Пьеса в 4 д. // Драматургия «Знания». Сб. пьес. — М., 1964.

Лит.: Кармин С. Д. Айзман // Театральный курьер. — 1918. — № 4; Луначарский А. Критические этюды. // Русская литература. — Л., 1925; Максимович А. М. Горький и Д. Я. Айзман // М. Горький. Материалы и исследования. — Л., 1936. — Т. 2. Б. С. Бугров

АКСАКОВ, Иван Сергеевич [26.IX(8.X). 1823, с. Надёжино Белебеевского у. Оренбургской губ. — 27.I(8.II). 1886, Москва; похоронен в Троице-Сергиевой лавре] — поэт, публицист. Общественный деятель. Третий сын С. Т. Аксакова. Раннее детство провел в Надёжине, с осени 1826 г. — в Москве. Получил домашнее образование.

В 1838—1842 гг. учится в Петербургском Императорском училище правоведения, где готовились кадры для руководящих постов государственного-административного аппарата и прежде всего министерства юстиции. К этому времени относятся и самые ранние из дошедших до нас стихотворений А., хотя он начал писать еще под крышей родительского дома. Окончив училище с чином 9-го класса — коллежского секретаря (всего было 14 классов, высший — 1-й), позволившего занимать младшие руководящие должности, получил назначение в Уголовный департамент Московского сената; с декабря 1843 по ноябрь 1844 г. — в комис-

сии, занимавшейся ревизией Астраханской губ.; с июня 1845 по апрель 1847 г.— товарищ (т. е. заместитель) председателя Калужской уголовной палаты; затем снова в Москве в Уголовном департаменте.

К своим служебным обязанностям А. относился очень серьезно, выполнял их на редкость добросовестно, порою даже проявляя чрезмерное усердие, но не потому, что хотел угодить начальству (члены Астраханской комиссии, напр., поразились его способности работать легко и непринужденно по 16 часов в сутки), а в силу исключительного трудолюбия, ненасытной жажды деятельности, сохранившейся у него до последних дней жизни. И если в Училище А. еще верил в общественную полезность выбранного поприща, то, отправляясь в Астрахань, он на этот счет уже никаких иллюзий не имел. «Я решительно убеждаюсь,— пишет в то время А.,— что на службе можно приносить только две пользы: 1) отрицательную, т. е. не брать взятки, 2) частную, и только тогда, когда позволишь себе нарушить закон» (Иван Сергеевич Аксаков в его письмах.— Т. I.— С. 227; далее — Письма).

Не менее поразительны сыновья чуткость и внимательность А., вообще свойственные всем детям С. Т. и О. С. Аксаковых. Куда бы А. ни направлялся, уже начиная с дороги, не взирая ни на какие обстоятельства, через каждые три дня, регулярно, он посылает письма родителям, подробно рассказывая о том, какие места проезжал, что видел, чем занимался, с кем встречался, вел разговоры, о чем думал, размышлял, что переживал и чувствовал. Созданные человеком наблюдательным, жизнелюбивым, обладавшим незаурядной художественной восприимчивостью мира, написанные прекрасным языком, астраханские и калужские, затем петербургские, ярославские, заграничные письма А.— это поистине и проникновенная летопись души одного из замечательных людей России того времени, и бесценный по своим сведениям и наблюдениям дневник путешественника по родным и чужим землям, и по-своему уникальный литературный памятник эпохи.

Годы напряженной служебной деятельности А. были плодотворными в творческом отношении. Письма и поэзия являлись для него единственными отдушниками в отупляющей рутине канцелярских буден, не давая очерстветь его душе. Стихи А. тех лет — это раздумья человека, который видит в себе силы для больших свершений и дел, но вынужден тратить «цвет лучших дней» на службу, в которой «слишком мало толку». При этом он не скрывает иронического отношения ни к месту своей службы, называя его «фабрикой сенатской» (стихотворение «Итак, в суде верховном...», 1843; опубл. в 1888 г.), ни к «лучезарной» перспективе чиновничьей карьеры, которую венчают генераль-

ство, звезды и ленты («Жизнь чиновника. Мистерия в трех периодах», 1843; опубл. в 1861 г. в Лондоне; в России — в 1886 г.). Иронизирует он и по поводу своего усердия: «Трудись, младой герой — чиновник, / Не пожалей, смотри, себя, / И государственный сановник / Представит к ордену тебя!!!» («Послание», 1844; опубл. в 1886 г.).

В астраханский период А. охотно пишет шуточные стихи и экспромты («Шибко едет вниз по Волге...», «Благовонная сигара...», «Едет длинный караван...», «Астраханский беад топде» и др.). Тогда же впервые со всей остротой перед ним встанет вопрос: «Но для себя, но для отчины, / Но для других — что сделал ты?» («Христорфор Колумб с приятелями», 1844), который пройдет рефреном через его творчество и ответом на который станет вся его кипучая деятельность, полная борьбы, треволнений.

Летом 1846 г. А. предпринял попытку опубликовать сборник своих стихотворений, включив в него и все крупные, написанные им к тому времени, произведения — мистерию «Жизнь чиновника», отрывки из незавершенной поэмы «Мария Египетская» (1845; опубл. в 1886 г.), задуманной как психологический портрет раскаявшейся грешницы, а также драматические сцены «Зимняя дорога» (1845; опубл. в 1847 г.), представляющие своеобразный диспут о современной и будущей России, который вели два молодых человека разных убеждений — славянофил и западник, «едущие из Москвы на имении одного помещика». Цензор «ужасно», как писал А., «перепачкал» рукопись; полностью зачеркнул мистерию и два стихотворения — «Зачем опять теснятся в звуки...», «Сон» (1845; опубл. в 1886 г.), вымарал немало строк в других произведениях (Письма.— Т. I.— С. 376, 379). В результате сборник так и не увидел света. Цензор поступил благородно, вернув рукопись, а не доложив о ее «крамольном» направлении по начальству. Только издательской неопытностью молодого поэта можно объяснить его стремление заручиться официальным разрешением на публикацию стихотворений, где звучал призыв не ждать, пока падут «громadne завоы на воротах, ведущих в будущее, а действовать во имя «жданной свободы» («Зачем опять теснятся в звуки...»), и рисовалась ироническая картина, как «в дышле разные народы / Идут под крепкую уздой, / Гордяся призраком свободы!» («Сон»). Опыт общения с цензурой не прошел бесследно, А. уже больше не пытался издать свои стихи отдельной книгой, и собранные воедино стихотворения А. увидели свет лишь после его смерти.

Первое выступление А. в печати относится к 1845 г. Большая подборка его стихов была помещена в двух выпусках (1846, 1847) славянофильского «Московского литературного и ученого сборника» («Среди удобных и ленивых...», «26 сентября», «Очерк», «Ночь», «Вопро-

сом дерзким не пытай...», все — 1845, и др.). Два стихотворения — «Бывает так...» и «Совет (К. С. Аксакову)» — появились на страницах «Современника» (1846). Основной мотив этих стихотворений А. — «мучительная двойственность» его «тогдашнего бытия: стихотворца и чиновника, службы и поэзии» (Письма. — Т. 1. — С. 7), когда вера в «близости еще за тучей / От нас таящегося дня» сменяется ощущением безысходности: «Но время мчится, жизнь стареет, / Все также света не видать...» («Среди удобных и ленивых...»), а вспыхнувшую надежду гасит отчаяние: «И жизнь теперь, как время, носим мы, / И веры нет в грядущие успехи...» («Бывает так...»). Это не помешало А., однако, вынести приговор существующей действительности: «Ваше царство пасть готово, / Ваше благо — вред и ложь, / Ваш закон — пустое слово, / Ваша деятельность — тожь!» («Голос века», 1844; опубл. в 1862 г.), осудить «гнилое племя просвещенных обезьян», под игом которых страдает народ («С преступной гордостью...», 1845; опубл. в 1886 г.), дать клятву: «Да тяжесть нашего греха / И поклонение обману / Могучей силою стиха / Изобличать не перестану!» («Языкову», 1845; опубл. в 1886 г.) и остаться верным этой клятве до конца.

По характеру своего дарования А. был поэтом-гражданином с ясно выраженной общественно-политической позицией, творчество которого составило как бы связующую нить между лермонтовской поэзией, стихом, «облитым горечью и злостью», и некрасовской «музой мести и печали», не дав прерваться отечественной традиции гневной, страдающей и бичующей лиры. И он сам это прекрасно понимал: «...стремление к пользе, воззвание к деятельности, нравственные строгие требования, борьба высшего содержания — вот что наполняет мои стихотворения...» (Письма. — Т. 2. — С. 173).

В 1847 г., став обер-секретарем Московского сената и членом суда, А. «ринулся, — как писал впоследствии, — вместе со своими товарищами по воспитанию (т. е. по училищу. — А. К.) в неравную борьбу с судейской неправдой», но быстро осознал свое «бессилие помочь истине, невозможность провести правду через путы и сети» судопроизводства (Письма. — Т. 2. — С. 1—2). Не желая быть соавтором беззаконий, которым потакали «сановные старики», заседавшие в судебных инстанциях, А. в сентябре 1848 г. переходит в министерство внутренних дел и сразу же направляется с секретной миссией в Бессарабию: изучать раскольничьи секты. Оперативно справившись с заданием, в конце января 1849 г. возвращается в Петербург, надеясь на продвижение по службе. Однако начальство не спешило предоставить более широкое поле деятельности недавнему борцу «с судейской неправдой». И снова отчаяние прорывается в стихи А.: «Бесплодны все труды и бденья, /

Бесплоден слова дар живой, / Бессилен подвиг обличенья, / Безумен всякий честный бой» («Пусть гибнет все...», 1849; опубл. в 1859 г.).

Томительное ожидание нового назначения было прервано 18 марта 1849 г. визитом жандармского подполковника, получившего приказ доставить А. в III отделение. Этому визиту предшествовал арест 4 марта и заключение в Петропавловскую крепость славянофила Ю. Ф. Самарина, вызвавшего царский гнев своими «Письмами из Риги», содержавшими критику правительства, которое безучастно взирает, как немецкое юнкерство притесняет русский народ. Рассказывая об участии Самарина, А. в письмах к родителям просит всех «быть *очень осторожными*», называя петербургское общество не иначе, как «подлое» (Письма. — Т. 2. — С. 119). Эта просьба-предостережение вместе с неслестной оценкой петербургской знати, а также отдельные высказывания и намеки в ответных письмах С. Т. Аксакова дали повод «блюстителю порядка», вскрывавшим «по долгу службы» всю «подозрительную» корреспонденцию, предположить о существовании среди славянофилов «тайной организации» с антиправительственными замыслами. Напуганный революционными событиями, охватившими в 1848 г. ряд европейских стран, царь отдает распоряжение о немедленном аресте А., что и было исполнено.

Однако «тайной организации» обнаружить не удалось. А. продержали четыре дня под стражей, задали 12 вопросов, в т. ч. относительно его литературной деятельности, получили письменные на них ответы, которые лично просмотрел и прокомментировал сам царь (см: Письма. — Т. 2. — С. 147—163), и милостиво отпустили... под негласный надзор полиции. А чтобы у него не было времени славянофильствовать и осуждать столичное общество, подыскивают и соответствующее поручение, «скудное и многосложное», как отметил сам А. (Письма. — Т. 2. — С. 168): провести ревизию всего городского хозяйства Ярославской губ., дать полное статистическое и топографическое описание недвижимого имущества и поземельной собственности, состояния служб, бюджета, торговли, промышленности, ремесел, делопроизводства и т. п., добавив еще и секретное задание, связанное с изучением старообрядческих сект. Кипя от возмущения по поводу непонятого для него ареста, А. горит желанием вести беспощадную борьбу с «Бессмыслицей и Злобой», поправившими «святую правду»: «Нет! словом злым и делом черным / До дна души потрясены, / Мы все врагов клеймом позорным / Клеймить без устали должны!» («N. N. ответ на письмо», 1849; опубл. в 1960 г.).

Почти два года (с мая 1849 по март 1851 г.) ушло у А. на выполнение данных ему поручений, и это несмотря на то, что работал он каждый день с 7 утра до 10 вечера. Ему пришлось про-

смотреть несчетное количество бумаг, встретиться со множеством самых разных людей, участвовать в расследовании открывшейся в Ярославле «шайке воров и грабителей» (Письма.— Т. 2.— С. 329), побывать во всех городах, расположенных на территории губернии, а в иных и по несколько раз, в т. ч. и по делам Следственной комиссии о беглых, бродягах и пристанодержателях, в которую был включен 25 июля 1850 г. Было от чего отупеть, погрязнуть в мелочах и пошлости провинциальной жизни, запутаться в паутине бумажной круговерти, вообще разучиться мыслить и чувствовать, на что и рассчитывать пославшие А. Спасло А. «поэтическое, говоря его словами, отношение к труду» (Письма.— Т. 1.— С. 38), бесконечная любовь к родине, ненависть к существовавшему порядку и вера в великое предназначение России. Эта вера, боль, любовь и гнев оттолкнули тогда у него в чеканные, получившие широкое распространение, строки: «Клеймо домашнего позора / Мы носим, славные извне; / В могучем крае нет отпора, / В пространном царстве нет простора, / В родимой душе стороне!» («Клеймо домашнего позора...», 1849; опублик. в 1888 г.). Некрасовское: «Душно! без счастья и воли / Ночь бесконечно длинна...» (1868) — отражение тех же настроений...

А. тяжело переживает и продолжающуюся трату сил на бесплодную служебную деятельность («Усталых сил я долго не жалел...», 1850; опублик. в 1856 г.), и поражение революций в Европе: «Пережита тяжелая година; / Была борьба и пролилася кровь... / Где ж истина? Безмолвствует могила...», и в поисках этой истины взывает к ней: «Блесни лучом, откликнись мне ответом, / На твой алтарь всего себя отдам! / Перед собой устал я лицемерить! / Для дел твоих мне силы сбереги... / О, если есть, чему я должен верить, / Ты моему безверью помоги!...» («После 1848 года», 1850; опублик. в 1886 г.).

В январе — феврале 1851 г. произошло объяснение А. с министром внутренних дел Л. А. Перовским по поводу поэмы «Бродяга», над которой А. работал в 1846—1850 гг. (не завершена; первая часть опублик. в 1852 г.; наброски — в 1859 г.) и отрывки читал ярославским знакомым. Героем поэмы («повести в стихах», как называл ее автор) был молодой крестьянин, убежавший от помещика в поисках лучшей доли. Такой выбор заинтересовал III отделение уже в марте 1849 г. Отвечая тогда на вопрос: почему избрал «беглого человека предметом сочинения?» — А. писал: «Оттого, что образ его показался мне весьма поэтичным, оттого, что это одно из явлений нашей народной жизни, оттого, что бродяга, гуляя по всей России как дома, дает мне возможность сделать стихотворное описание русской природы и русского быта в разных видах...» (Письма.— Т. 2.— С. 162). По своему замыслу, поэтике, сочу-

вственному отношению к народу и его изображению «Бродяга» предвосхитил ряд художественных открытий Н. А. Некрасова, обозначив путь, который приведет великого поэта к созданию «Кому на Руси жить хорошо».

Ознакомившись с поэмой и не найдя в ней ничего «предсудительного», министр, тем не менее, высказал пожелание, чтобы А., «оставаясь на службе, прекратил авторские труды» во избежание возможных неприятностей. Отвечая министру, А. вспыхнул, ему тут же было указано на «совершенно неприличный» тон, после чего оставалось либо «нижайше просить» извинения, либо подать в отставку. А. выбрал второе (см.: Письма.— Т. 2.— С. 393—402). 19 февраля 1851 г. он подает соответствующее прошение и в апреле покидает Ярославль, навсегда расставаясь с государственной службой, со средой «бездушной, где закон / Орудье лжи, где воздух смраден / И весь неправдой напоен...» («Моим друзьям, немногим честным людям, состоящим на государственной службе», 1851; опублик. в 1859 г.).

В 1852 г. А. издает первый том «Московского сборника», помещая в нем свою статью «Несколько слов о Гоголе» и отрывки из «Бродяги». Обе публикации вызвали недовольство цензуры, особенно первая, где вопреки правительственным установкам давалась восторженная оценка деятельности писателя как «подвига жизни». Второй том вообще был запрещен, рукопись конфискована, а авторам, в т. ч. и А., предложившему для печати статью «Несколько слов об общественной жизни в губернских городах» с открытым призывом к молодым людям не бояться борьбы и объединяться «крепким союзом на дело добра и правды!», было высочайше повелено все свои сочинения «представлять отныне для цензуры не в Московский цензурный комитет, а в Главное управление цензуры в Петербурге», что было равносильно запрету печататься. А., сверх того, лишился прав впредь быть редактором какого-либо издания. Этот запрет сохранялся до 29 марта 1858 г.

Снова оказавшись не у дел, А. отдается творчеству и пишет одно из самых обличительных своих, да и пожалуй всей русской литературы XIX в., произведений — «Присутственный день Уголовной палаты. Судебные сцены» (1853; опублик. в 1858 г. в Лондоне, в «Полярной звезде»; в России — в 1892 г.), разоблачившее глазами «отставного надворного советника» всю систему царского судопроизводства. «Гениальной вещью» назвал эти «сцены» А. И. Герцен (Собр. соч.: В 30 т.— М., 1962.— Т. 26.— С. 137). В ноябре 1853 г. А. принимает предложение Географического общества изучить и описать украинские ярмарки. В течение года он живет на Украине, посещает все ее губернии. Его «Исследование о торговле на украинских ярмарках» (опублик. в 1858 г.) было удостоено большой (Констан-

тиновской) медали Общества и «половинной» премии Академии наук и до сих пор сохраняет свою научную ценность.

В августе 1854 г. начинается Крымская война. 18 февраля 1855 г. А. записывается в Серпуховскую дружину Московского ополчения, с которой идет походом через всю Украину к Одессе и далее в Бессарабию. Принять участие в военных действиях дружина не успела. Затем А. работает в Комиссии по расследованию интеллигентских злоупотреблений в Крыму во время войны. В нач. 1857 г. уезжает за границу, побывал в Мюнхене, Париже, Риме, Неаполе, Берне, Цюрихе, тайно посетил Лондон, где встречался с Герценом. А. становится его тайным корреспондентом. В последующие годы в герценовских изданиях появляется серия статей и заметок А. (более 30) под псевдонимом *Касьянов*.

Вернувшись на родину в сентябре 1857 г., А. погружается в литературную и общественную деятельность. Он принимает активное участие в издании журнала «Русская беседа», став с лета 1858 г. фактически ее редактором; является инициатором создания Славянских благотворительных комитетов, в работе которых играет ведущую роль; получает разрешение на издание газеты «Парус» (1859), ставившей своей целью защиту интересов как русского, так и славянских народов, их прав на самостоятельное национальное государственное и культурное развитие. Газета была закрыта после выхода второго номера, как только А. пообещал в следующем номере начать разговор о необходимых условиях решения крестьянского вопроса и «уничтожения крепостного права» (Соч.— Т. 7.— С. 748).

В апреле 1859 г. умирает его отец; последние дни доживает «Русская беседа»; не добившись разрешения на издание вместо «Паруса» новой газеты, А. в январе 1860 г. отправляется в поездку по славянским странам. Возвращается через год, привезя в Москву тело умершего на о. Занте брата Константина. Оказавшись на родине в самый разгар предреформенных баталий, А. сразу же включается в литературно-общественную борьбу, найдя свое истинное призвание в общественной деятельности, став одним из ведущих публицистов в России 60—80 гг. XIX в.

Он издает газеты «День» (1861—1865) и «Москва» (1867—1868), пишет для них передовицы, выступая по всему кругу проблем внутренней и внешней политики правительства, действия которого постоянно оспаривает и критикует, особенно в сфере национальной экономики и «славянском вопросе». Цензура нещадно вмешивалась в текст статей А., вычеркивая абзацы и даже целые полосы. А. не остается в долгу и каждый раз вместо изуродованных или просто не пропущенных передовиц дает в черной рамке объявление, что передовая статья не может быть напечатана «по независящим от редакции об-

стоятельствам». Пристальное внимание цензуры объяснялось тем, что в произведениях А., как подчеркивалось в секретном цензурном обзоре 1865 г., «виден гражданин-демократ с социалистическим оттенком» (см.: Лемке М. Эпоха цензурных реформ 1859—1865 годов.— Спб., 1903.— С. 472). Издание акасовских газет неоднократно приостанавливалось на срок от трех до шести месяцев, что в конце концов привело к прекращению «Дня», а «Москву» просто закрыли.

В 1872—1874 гг. А. председатель Общества любителей российской словесности при Московском университете, ведет заседания, выступает с речами, пишет «Биографию Федора Ивановича Тютчева», первое издание которой (1874, второе — 1886) было конфисковано цензурой и уничтожено из-за общего, как заявили автору, «предосудительного направления» (Письма.— Т. 4.— С. 296), когда народное самопознание, выразителем которого в книге выступал замечательный русский поэт — лирик, философ, мыслитель, ставилось выше официальной идеологии.

Возглавляя Московское славянское благотворительное общество, А. непосредственно участвует в оказании помощи Сербии и Черногории, начавших в 1876 г. войну против Турции за свою свободу и независимость: организует заем сербскому правительству, собирает пожертвования на нужды сербской армии (было собрано около 800 тыс. руб.), помогает переправлять за границу добровольцев. С началом русско-турецкой войны 1877—1878 гг. все внимание А. сосредоточено на политической и материальной поддержке болгарских дружин, сборе средств, приобретении и переправке им оружия. 22 июля 1878 г. А. выступил на собрании Московского славянского общества с речью, получившей всемирный резонанс, в которой резко критиковал решения Берлинского конгресса и позицию, занятую на нем русской делегацией, которая не смогла ничего противопоставить «открытому заговору против русского народа», против «свободы болгар», «независимости сербов», позволив «Русь-победительницу» разжаловать «в побежденную» (Соч.— Т. 1.— С. 297—308). Царская реакция последовала незамедлительно: А. высылают из Москвы, а Славянские благотворительные общества вообще распускают.

После двухлетней ссылки А. возвращается в Москву, получает разрешение на издание газеты «Русь» (1880—1886), активно выступает как публицист и литературный критик, по-прежнему отчаянно воюет с правительством и цензурой. Однако сил на это новое противоборство хватило у него лишь на шесть лет. Не выдержало сердце... Отмечая выдающиеся заслуги А. как общественного трибуна, человека высокой искренности, честности и правды, ни при каких обстоятельствах не склонявшего своего знамени,

отечественная и мировая печать, скорбь о невосполнимой утрате, была единоподушна, утверждая, что в лице А. Россия потеряла одного из великих деятелей, а славянские народы — верного защитника и преданнейшего друга. Именем А. названы улицы в Софии и Белграде.

Соч.: Соч.—М., 1886—1887.—Т. 1—7; Иван Сергеевич Аксаков в его письмах: В 4 т.—М., 1888—1896; Сб. стихотворений.—М., 1886; Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. А. Г. Дементьева и Е. С. Калмановского.—Л., 1960; К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика / Вступ. ст. А. С. Курилова.—М., 1983; Письма к родным. 1844—1849 / Изд. подг. Т. Ф. Пирожкова.—М., 1988.

Лит.: Арсеньев К. К. И. С. Аксаков как поэт // Критические этюды по русской литературе.—Спб., 1888.—Т. 2; Литературные взгляды и творчество славянофилов.—М., 1978; Цимбаев Н. И. И. С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России.—М., 1978; Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858—1878 годах.—М., 1960.

А. С. Курилов

АКСАКОВ, Константин Сергеевич [29.III(10.IV). 1817, с. Ново-Аксаково Бугурусланского у. Оренбургской губ.—7 (19).XII.1860, о Корфу (Керкира) Ионического арх. (Греция); похоронен в Москве в Симоновом монастыре] — критик, поэт, публицист, драматург, историк, филолог. Старший сын С. Т. Аксакова. Детские годы прошли в южном Предуралье на степных просторах Оренбуржья и Башкирии. С осени 1826 г. почти безвыездно живет в Москве, летние месяцы проводит в подмосковном с. Абрамцево, приобретенном родителями в 1843 г. Получил домашнее образование.

Первые поэтические опыты А. не сохранились. Из дошедших до нас стихов самые ранние написаны, когда юному поэту было десять — двенадцать лет; первое выступление в печати относится к 1832 г. В 1832—1835 гг. А. учится в Московском университете на словесном отделении, входит в кружок студентов и молодежи (1832—1837), объединявшихся вокруг Н. В. Станкевича. А.-студент весь во власти лирической стихии, все находит у него поэтический отклик (стихотворения «Я видел Волгу...», 1832; «Воспоминание», «Орел и Поэт», 1833; «Фантазия», «Раздумье», «Мечтание», 1834, и др.). Уже тогда он почувствовал в себе призвание к общественной деятельности, желание «среди народных волн, / Восторга пламенного полн, / Греметь торжественно глаголом! / И двигать их, и укрощать, / И всемогущим правды словом / Их к пользе общей направлять...» («Зачем я не могу...», 1832).

Входивший в кружок Станкевича В. Г. Белинский привлекает А. к сотрудничеству в газете «Молва» и журнале «Телескоп», а после их закрытия (1836) к сотрудничеству в журнале «Московский наблюдатель», фактическим редактором которого в 1838—1839 гг. являлся сам критик, и в журнале «Отечественные записки», отдел критики и библиографии которого Белинский возглавил в 1840 г. На страницах этих изданий (под инициалами А. К., псевдонимом

К. Эврипидин, криптонимом -к-, а затем и под собственным именем) увидели свет лирические стихотворения А., отрывок из драматической пасторали в стихах «Олег под Константинополем», направленной против крайностей «скептической школы» М. Т. Каченовского и «стихотворных идеализаций истории» (1835; полностью опубли. в 1858 г.), некоторые прозаические произведения, переводы, преимущественно из Шиллера и Гете, несколько рецензий, в т. ч. на «Основания русской грамматики» Белинского (1839).

Это было время увлечения А. немецким романтизмом, поэтикой метаморфоз, видений, тайн, «роковых встреч», «потусторонним», «нечистой», как говорится, силой, героями-оборотнями, образами обреченных на гибель влюбленных мечтателей и т. п., что и получает отражение в его творчестве (баллада «Русская легенда», 1835; повести «Вальтер Эйзенберг» («Жизнь в мечте»), «Облако», 1836; стихотворения «Гроза», «Путь», «Тэкле», «Первая любовь», 1835; «Разговор», «Тучи грозные покрыли...», «Да, я один, меня не понимают...», 1836; «И вот мой путь...», 1837, и др.). Отдавая дань традиции, следование которой высоко почиталось в среде романтически настроенной молодежи той поры, А. совершает поездку-паломничество в Германию и Швейцарию (1838), а по возвращении с головой уходит в переводы из немецких поэтов.

Неизвестно, как бы в дальнейшем сложилась творческая судьба молодого поклонника немецкой литературы и культуры, если бы в 1839 г. в московских салонах не разгорелся спор по поводу двух не предназначавшихся для печати и распространенных в списках статей — «О старом и новом» А. С. Хомякова и «В ответ А. С. Хомякову» И. В. Киреевского, где остро ставились вопросы о настоящем, прошлом и будущем России. Это событие — предвестник грядущих баталий между западниками и славянофилами — перевернуло всю жизнь А. Он оставляет свои занятия переводами и активно включается в полемику, которая с каждым днем становилась все ожесточеннее, вовлекая в число спорящих все новых и новых участников.

А. сближается с «возмутителями спокойствия». Он разделяет прозвучавшую в их статьях критику крепостничества, этого «наглого, по выражению Хомякова, нарушения всех прав». Его воодушевляет идея преобразования России на самобытных началах, предполагавших возврат к формам жизни, выработанным еще в Древней Руси и свойственным вообще жизненному укладу славянских народов (община, соборность, вече, крестьянский сход, принимающий решения всем миром, и т. д.). Отсюда название «славянофильство» (т. е. любовь к славянам, к исторически сложившимся началам их жизни и быта), закрепившееся за этим учением о путях преобразования российской действительности,

в разработке которого А. суждено было сыграть заметную роль.

А. стоял у истоков славянофильской критики. В 1842 г. выходит его брошюра «Несколько слов о поэме Гоголя «Похождения Чичикова, или Мертвые души», где с восторгом утверждалось, что в гоголевской поэме восстает «древний, гомеровский эпос», что само «эпическое созерцание Гоголя — древнее, истинное», а потому он «в отношении к акту творчества» (близко нашему понятию «художественный метод») может быть сопоставим лишь с Гомером и Шекспиром (К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. — С. 141—148). С резкой критикой основных положений брошюры выступил В. Г. Белинский, отметив, что А. «навязал поэме Гоголя значение, которого в ней вовсе нет» (Полн. собр. соч. — М., 1955. — Т. VI. — С. 255). Сам Гоголь находил в брошюре А. «свои достоинства», «две-три истинно поэтические мысли» и «много непростительной юности...» (Полн. собр. соч. — М., 1952. — Т. 12. — С. 186—187).

А. явился инициатором оригинальной формы пропаганды славянофильских идей, которая заключалась в отказе от западноевропейских фасонов одежды — сюртуков, шляп, фраков и т. п. — и демонстративном ношении национального платья. Он сшил себе по древнерусским образцам длиннополый зипун — «святославку», и головной убор — «мурмолку», отпустил бороду, считая, что она «есть часть русской одежды», отнятой у нас по приказу Петра I, и, начиная с осени 1843 г., стал появляться на московских улицах и в обществе в таком виде, а порою еще и в сапогах и красной рубахе. Эффект, по свидетельству современников, был огромен, общественный резонанс — тоже. Молодые дворяне начали отпускать бороды, шить шапки-мурмолки; надел «святославку» и С. Т. Аксаков. Устами героя стихотворения «Монолог» (1845) А. раскроет глубинный смысл подобного образа действий, за которым необходимо, как он верил, следует внутреннее преобразование человека, возрождение его национального чувства: «Я надеваю Русскую одежду. / И имя самое мое теперь / Звучит мне как бы вновь / Всем Русским звуком...»

Однако движение «за русское платье» было недолгим. Напуганное революционными событиями 1848—1849 гг. и усмотрев в бороде «знак, вывеску известного образа мыслей», царское правительство в апреле 1849 г. специальным циркуляром запретило дворянам, и прежде всего состоящим на государственной службе, ношение бород. С К. и С. Т. Аксаковых были взяты персональные расписки, по которым они обязывались не появляться в общественных местах «в русской одежде».

А. определил главное условие славянофильской концепции преобразования общества: единение всех сословий «в одну великую семью»

и искупление покаянием тяжкого греха «постыдной измены» русскому, позора «нравственного плена» под «цепью золотой» западного просвещения, принесшего с собою «равнодушие, презрение Родной земли и дел родных» («Поэту-укорителю», 1845). Первым шагом на этом пути, считает А., должно стать отращивание от всего заемного и сближение с народом, «землею»: «Слетел туман! Пред нашими очами / Явилась Русь!.. Родной ее призыв / Звучит опять... / Земле родной — все, что нам Небо дало, / Мы посвятим!...» («Возврат», 1845).

А. первым указал на необходимость нового подхода к изображению русского народа, на недопустимость говорить о нем, «могучем хранителе жизненной великой тайны», снисходительно, с «чувством своего мнимого превосходства», отметил рассказ И. С. Тургенева «Хорь и Калиныч» как пример благотворного («Вмиг дается сила!») прикосновения писателя «с участием и сочувствием» «к земле и к народу» («Три критические статьи г-на Имрек», 1846). Критерий уважительного отношения к русскому крестьянину становится для А. главным не только при оценке им достижений произведений искусства, но также поступков и поведения людей.

Сам А. сознает, что ему выпало сыграть роль «передового бойца», быть застрельщиком в борьбе за идеалы нового литературно-общественного движения, о чем прямо скажет в стихотворении «9 февраля (1848 г.): «Глас народа зовущий я слышал, / И на голос откликнулся я...» 40 гг. — время напряженных творческих исканий А., но крайне редких выступлений в печати. Славянофилы не имели ни собственной типографии, ни своего печатного органа, а их, как правило, острополемические статьи, стихи, послания отпугивали редакторов газет и журналов, расстраиваясь устно или в рукописном виде. Такова и судьба многих, особенно стихотворных, произведений А. тех лет. Кроме брошюры о «Мертвых душах» Гоголя и «Трех критических статей г-на Имрек» тогда были опубликованы лишь две рецензии (на поэму Тургенева «Разговор» и на сб. «Физиология Петербурга», 1845), стихотворение «Москва» (1845; без двух последних строк), статья «Семисотлетие Москвы» (1847), куплеты «Столица древняя, родная...» (1846) из водевиля «Почтовая карета» (1845; поставлен 24 апреля 1846 г.; опубл. в 1915 г.). Однако литературной общественности были хорошо известны такие стихотворения А., как «Толпе эмпириков» (1842), «Поэту-укорителю», «Возврат», «Петру» (все — 1845), «Безмолвна Русь: ее умолкли города...» (1846), «Опять к земле родной любовь...», «Семисотлетие Москвы» (оба — 1847) и др. Наибольший успех в эти годы выпал на долю стихотворения «Союзникам» (1844), ставшего (наряду со стихотворением Н. М. Языкова «К не нашим») своего рода объявлением войны всем «западникам». «На битвы выходя

святые, / Да будем чисты меж собой! / Вы прочь, союзники гнилые, / А вы, противники,— на бой!»

Не получая выхода в печать и видя успех лекций Т. Н. Грановского и С. П. Шевырева, А. задается целью занять университетскую кафедру, чтобы с ее высоты распространять свои идеи. В конце 1846 г. он издает и 6 марта 1847 г. защищает на степень магистра русской словесности диссертацию «Ломоносов в истории русской литературы и русского языка». Перед молодым ученым открывается дорога на кафедру. В Московском университете вакансий не было, ему предложили место в Киевском университете. Но покинуть отчий дом было выше его сил, сама мысль о долгой разлуке с родителями была для него невыносимой. А. остается в Москве и целиком отдается литературной деятельности.

Он завершает драму «Освобождение Москвы в 1612 году» (начата в 1845 г., опублик. в 1848 г.), где большое место занимали массовые сцены, народ выступал главным героем и сквозной была мысль: «Глас народа — где божий». Затем перекладывается на критическую деятельность, связывая с ней большие надежды. Однако его судьба как критика складывается поистине трагически.

А. обладал незаурядным даром литературного бойца, полемиста, снискав славу «Белинского славянофильства» (Венгеров С. А. Передовой боец славянофильства.— С. 37). Но обстоятельства оказались сильнее его. Лишенный журнальной трибуны, он «перегорал» в «домашних спорах», которые велись в литературных салонах Москвы 40 гг. Многие статьи, «шевелившиеся» в его голове, не были написаны, а те, что были написаны («О Карамзине», 1848; «Взгляд на русскую литературу с Петра Первого», «Литература предыдущей эпохи», 1849, и др.), так и не попали тогда в печать (их публикация началась лишь в конце 70 гг. XX в.).

Огромная творческая энергия А. требовала выхода к людям, общественного внимания и отклика. Но все его усилия в этом направлении оказываются тщетными. Сразу же после премьеры 15 декабря 1850 г. на сцене Московского Малого театра запрещается его драма «Освобождение Москвы в 1612 году». Не получает одобрения для постановки и печати комедия А. «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню», в которой развенчивалось представление о «темноте» и «невежестве» русского крестьянина в глазах воспитанного за границей барича (1850—1851; опублик. в 1856 г.). Запрещается к публикации статья «Богатыри времен великого князя Владимира по русским песням» (1852; опублик. в 1856 г.).

Пристальное внимание цензуры вынуждает А. искать новые сферы приложения своих сил. Он обращается к национальной истории и древ-

нейшему ее периоду» (статьи «Родовое или общественное явление было „изгой“?», 1850; «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности», 1852; «О состоянии крестьян в Древней Руси», 1852—1856; опублик. в 1861 г., и др.), продолжает филологические исследования (брошюра «О русских глаголах», 1855). Заметно снижается поэтическая деятельность А. Среди написанных в это время — «Гуманисту» (1849), «Наш род», «К славянам» (1850), «Новгород» (1851), «Лже-дух» (1855). Опубликовано было лишь одно — «Орел России» (1854), отклик на четырехсотлетие падения Византии и события русско-турецкой войны, начавшейся в 1853 г., с тревожным предчувствием войны новой, но уже с Англией и Францией (Крымской войны). А самым известным, получившим распространение в списках, стало «Свободное слово» (1854) — своеобразный гимн этому «святилищу мысли», который гонит «невежества ложь» и ведет «к свету... к правде».

Смерть Николая I и процесс демократизации общественной жизни, наметившийся при Александре II, приводят к заметному ослаблению цензурных преследований славянофилов. Они получают разрешение на издание собственного журнала «Русская беседа» (1856—1860), а затем и газеты «Молва» (1857), самым активным сотрудником которых становится А. Уже в первых книжках нового журнала появляются его статьи «О русском воззрении» и «Еще несколько слов о русском воззрении» (1856), где остро ставилась проблема самостоятельности «нашей умственной деятельности», говорилось о необходимости освободить «нашу мысль из плена, в который отдалися мы Западной Европе», перестать глядеть на все происходящее «чужими глазами» и навсегда утвердиться на народной точке зрения, основанием которой служат «общественный быт народа, язык, обычаи, песни». Отводя упреки в том, что славянофилы якобы призывают к национальной самоизоляции, А. писал: «...мы вовсе не думаем, чтоб народное воззрение дичилось и отворачивалось от чужого. Напротив, совершенно напротив!» Народное воззрение, утверждал он, предполагает критическое и свободное отношение ко всему «чужому», принимая из него «лишь то, что может быть общим достоянием», не противоречит народным традициям и укладу жизни, не разрушает их (Литературная критика.— С. 197—205).

В «Обозрении современной литературы» (1857) А. выделяет произведения Ф. И. Тютчева, А. К. Толстого, И. С. Тургенева, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, М. Е. Салтыкова-Щедрина, связав их успехи прежде всего со стремлением к творческой самостоятельности и художественной правде в отличие от «механического отражения жизни», свойственного писателям «натуральной школы». Самым большим дости-

жением; но А., явилось образование в нашей литературе «целого направления», имеющего целью «изображение простого народа, преимущественно крестьянина», и ведущего свое начало от тургеневских «Записок охотника» (Там же. — С. 218, 219, 224). Только этому направлению, считает А., под силу раскрыть всю правду нашей жизни, только за ним будущее русской литературы.

Яркой, но непродолжительной была публицистическая деятельность А. Она началась «Запиской (О внутреннем состоянии России)» (1855), поданной Александру II, в которой содержалась резкая критика «угнетательной системы нашего правительства» и предлагались меры, необходимые для восстановления «древнего отношения государства и земли (народа): уничтожение крепостного гнета, созыв представительного — от всех сословий — совещательного Земского Собора, обеспечение свободы слова, мнений и т. д., а завершилась серией передовиц на страницах «Молвы», фактическим редактором которой являлся сам А. В этих передовицах из номера в номер, с вызывающей последовательностью А. ставил вопрос о народе, его месте в жизни государства, несоответствии его положения с действительным назначением, ролью в духовном и экономическом развитии России: «Народ есть... великая сила...» (№ 2), «простой народ есть основание всего общественного здания страны. И источник вещественного благосостояния, и источник внешнего могущества, источник внутренней силы и жизни. И, наконец, мысль всей страны пребывает в простом народе» (№ 9). И т. д. Народоведческая концепция, с которой выступал А., была в основе своей демократична и глубоко интернациональна. Из совокуности народностей, писал он, «слагается общечеловеческий хор. Народ, теряющий свою народность (т. е. национальное своеобразие, свое лицо.— А. К.), умолкает и исчезает из этого хора... Нет, пусть свободно и ярко цветут все народности в человеческом мире... Да здравствует каждая народность!» (№ 5).

С подчеркнутым уважением А. говорил о работающей России, о русском крестьянине, о всех, кто занят какой-либо полезной деятельностью. «Труд,— писал он,— есть долг человека, есть его нормальное состояние на земле. Только труд дает право на наслаждение жизнью. Каким бы ни был труд: вещественное ли это обрабатывание земли, работа на это напряженной мысли — все равно. *В поте лица снести хлеб свой* — вот удел и долг человека» (№ 20).

Подобная направленность выступлений А. не укладывалась в русло официальной идеологии, цензурные предупреждения следовали одно за другим. А. пишет статью «Опыт синонимов. Публика — народ», в которой открыто высказывает свое отношение к паразитирующему на

народе сословию: «Публика спит, народ давно уже встал и работает. Публика работает (большею частью ногами по паркету), народ спит или уже встает опять работать. Публика презирает народ, народ прощает публике. Публика преходяща; народ вечен. И в публике есть золото и грязь, и в народе есть золото и грязь; но в публике грязь в золоте; в народе — золото в грязи...» (№ 36). Такой презрительной язвительности в их адрес ни правящие круги, ни сам царь не могли простить А.: «Молва» была закрыта.

И опять единственно возможными для него оказываются лишь две сферы деятельности — отечественная история и филология. Он откликается на выход каждого очередного тома «Истории России» С. М. Соловьева, собирает материалы для «Истории очерка Земских Соборов», выступает с обстоятельным «Критическим разбором „Опыта исторической грамматики русского языка“ Ф. Бушлаева» (1859), увлеченно работает над собственным «Опытом русской грамматики», считая этот труд чуть ли не главным делом своей жизни, но не успевает его завершить (1860, Ч. 1; 1880, Ч. 2).

В апреле 1859 г. умирает С. Т. Аксаков. Привязанность сына к отцу была так велика, что он не смог перенести утраты. Охватившая его невыносимая тоска вскоре перешла в чахотку. Богатырского телосложения, полный сил, здоровья, А. начал таять на глазах. Его повезли лечиться за границу; последние его дни прошли на о. Занте. Похоронили А. в Москве рядом с отцом.

Смерть А. передовая Россия восприняла как свою потерю. «Рано умер Хомяков, еще раньше Аксаков,— писал А. И. Герцен в статье «К. С. Аксаков»,— больно людям, любившим их, знать, что нет больше этих деятелей, благородных, неутомимых, что нет этих *противников*, которые были ближе нам многих *своих*». Вся жизнь А., отмечал он в «Былом и думах», «была безусловным протестом против петровской Руси, против петербургского периода во имя непризнанной, подавленной жизни русского народа... Он за свою веру пошел бы на площадь, пошел бы на плаху, а когда это чувствуется за словами, они становятся страшно убедительны» (Собр. соч.— Т. 15.— С. 9; Т. 9.— С. 163).

Соч.: Полн. собр. соч.— М., 1861—1880.— Т. 1—3; Соч. Пб., 1915.— Т. 1; Воспоминания студентства 1832—1835 гг.— Спб., 1911; Стихотворения // Поэты кружка Н. В. Станкевича / Вступ. ст. С. И. Машинского.— М.; Л., 1964; К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика / Вступ. ст. А. С. Курилова.— М., 1983.

Лит.: Герцен А. И. Константин Сергеевич Аксаков // Собр. соч.: В 30 т.— М., 1958.— Т. 15; Венгеров С. А. Передовой боец славянофильства // Собр. соч.— Спб., 1912.— Т. 3; Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература.— М., 1976; Литературные взгляды и творчество славянофилов. 1830—1850-е гг.— М., 1978; Янковский Ю. З. Патриархально-дворянская утопия. Страница русской общественно-литературной мысли 1840—1850-х годов.— М., 1981; Кошелев В. А. Эстетические и литера-

турные воззрения русских славянофилов (1840—1850-е годы). — Л., 1984; Цимбаев Н. И. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. — М., 1986.

А. С. Курилов

АКСАКОВ, Сергей Тимофеевич [20.IX (1.X). 1791. Уфа — 30.IV (12.V). 1859, Москва] — прозаик, мемуарист, критик, журналист. Происходил из родовитой дворянской семьи. Отец, Тимофей Степанович, служил прокурором Верхнего земского суда в Уфе. Детские годы А. провел в Уфе и в имении родителей Новое Аксаково Бугурусланского уезда Оренбургской губернии (в автобиографических произведениях А. это имение фигурирует под именем Новое Багрово). С детства А. полюбил природу; рыбная ловля, охота, собирание ягод, дальние прогулки в лес или в степь заложили в нем глубокие и мощные пласты впечатлений, которые позднее, спустя десятилетия, стали неосмыслимым источником художественного творчества. В 1801 г. поступил в Казанскую гимназию, а в 1805 г. был принят в только что открытый Казанский университет.

В гимназии и в университете проявился глубокий интерес А. к литературе, родившийся под влиянием преподавателя математики Г. И. Карташевского (у которого одно время юноша жил в качестве пансионера) и особенно преподавателя русской словесности Н. М. Ибрагимова. А. основательно изучил писателей XVIII в., от М. В. Ломоносова до Г. Р. Державина, Н. М. Карамзина и И. И. Дмитриева; пробовал он сочинять и сам, участвуя в рукописных студенческих журналах. Первые стихотворные произведения А. — «К соловью», «К неверной» и др. — окрашены в сентиментальные тона, свойственные и массовой лирике того времени и творчеству окружающих его начинающих поэтов, в частности Александра и Владимира Панаевых. В 1807 г. А. был принят в существовавшее при университете Общество вольных упражнений в российской словесности. Увлекался он и театром, с успехом выступая в студенческих спектаклях. Интерес к театру усилился в А. под влиянием гастролировавшего в Казани П. А. Плавильщикова: «Игра Плавильщикова открыла мне новый мир в театральном искусстве... Яркий свет сценической истины, простоты, естественности тогда впервые озарил мою голову» (Собр. соч.: В 3 т. — М., 1986. — Т. 2. — С. 118—119).

В 1807 г. А. приехал в Москву, а весной следующего года поселился в Петербурге и поступил на службу в комиссию по составлению законов, а затем в экспедицию о государственных доходах. Главные его интересы, однако, сосредоточивались не на служебной деятельности, а на художественной, литературной и театральной жизни столицы. А. свел обширные знакомства — с адмиралом А. С. Шишковым, охранительному, консервативному направлению которого в области литературного словоупотребления и стилистики он горячо сочувствовал; с Г. Р. Державиным,

с актером Я. Е. Шушерным (впоследствии каждому из них писатель посвятил отдельный мемуар: «Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове», 1856; «Знакомство с Державиным», 1856; «Яков Емельянович Шушерин и современные ему театральные знаменитости», 1854). Круг петербургских знакомств был пополнен литераторами и театральными деятелями Москвы, куда А. неоднократно наведывался: С. Н. Глинкой, Н. М. Шатровым, Н. П. Николаевым и др. В это время происходит литературный дебют А. — журнал «Русский вестник» (1812, № 7) печатает басню «Три канарейки». Занимается он и переводами: «Школа мужей» Ж.-Б. Мольера (опубл. лишь в 1886), «Филоклет» Софокла по переводу Лагарпа (опубл. в 1816) и т. д. Из ранних произведений А. выделяется послание «А. И. Казначееву» (1814) — взволнованный отклик на опустошение Москвы, учиненное французским нашествием 1812 г.

В 1816 г. А. женился на Ольге Семеновне Заплатиной, дочери проживавшего в Москве суворовского генерала, и уехал с молодой женой в Новое Аксаково. В 1817 г. в семье родился сын Константин — в будущем известный критик, поэт и ученый, один из основателей славянофильства. В 1819 г. родилась дочь Вера, в 1820 г. — второй сын, Григорий; позднее, в 1823 г. — Иван, впоследствии также известный поэт, критик, публицист, видный деятель славянофильства. Всего в семье было десять детей. Аксаковы уделяли их воспитанию исключительное внимание. Семью отличала общность интересов, высокий интеллектуальный и духовный настрой. Зимой 1820/21 г. А. провел в Москве, где сблизился с А. И. Писаревым, М. Н. Загоскиным (с которым подружился еще раньше, в Петербурге) и др. и продолжал свои литературные занятия (в частности, в 1821 г. опубликовал свой перевод X сатиры Н. Буало). Весной 1821 г. А. избрали в действительные члены Общества любителей российской словесности при Московском университете.

Летом 1821 г. все семейство переехало в имение Надеждино Белебеевского уезда Оренбургской губернии (в автобиографической дилогии оно фигурирует под названием Парашино), где прожило пять лет. Осенью 1826 г. Аксаковы окончательно поселились в Москве. Сергей Тимофеевич устроился на должность цензора в Московском цензурном комитете (1827—1832); позднее (с 1833 г.) был инспектором Константиновского землемерного училища. Когда последнее было преобразовано в межевой институт, А. стал его первым директором (1835—1838). Но по-прежнему главные интересы А. сосредоточивались в семейном и дружеском кругу и главные свои усилия он посвящал литературной и театральной деятельности. В доме установился постоянный день для встреч — т. н. аксаковские субботы, на которых, помимо старых друзей,

стали бывать новые лица: актеры М. С. Щепкин и П. С. Мочалов (познакомился с ним А. еще раньше); математик П. С. Щепкин; физик, философ и агроном М. Г. Павлов; историк, писатель и журналист М. П. Погодин; критик, эстетик и журналист Н. И. Надеждин и др. Летом 1832 г. (по-видимому, 2 июня) в доме А. на Сивцевом Вражке впервые появился Н. В. Гоголь, к которому все семейство относилось с глубоким трепетным почитанием. В московский период разворачивается деятельность А. как литературного и театрального критика. В рецензиях и заметках, публикуемых в журнале «Московский вестник», в газете «Молва», он отстаивает принципы естественной, правдивой игры, по достоинству оценивает сценическое творчество Щепкина. В «Письме к издателю „Московского вестника“», опубликованном в № 6 за 1830 г., критик ставил А. С. Пушкина в пример другим литераторам, ибо он имеет «такого рода достоинства, какого не имел еще ни один русский поэт-стихотворец» (Собр. соч.— Т. 3.— С. 364). Журнальные выступления А. обратили на себя сочувственное внимание Пушкина, с которым критик познакомился лично. Печатает А. и острую сатирическую сценку «Рекомендация министра» (Московский вестник.— 1830.— Ч. 1), направленную против чиновничьей, государственной коррупции. Журналистская деятельность А. в конце 20 гг. была омрачена его резкой полемикой с Н. А. Полевым. Справедливо укоряя последнего в некотором верхоглядстве и поверхностности, А. в то же время выступал и против либерального, критического направления («вольнодумных выходок»), проводимого Полевым в его журнале «Московский телеграф».

Вершиной литературной деятельности А. 20 — начала 30 гг. стал его небольшая очерк «Буря» («Денница на 1834 г.».— М., 1834). Писатель не только впервые поднялся здесь до уровня большой литературы, но ненароком нашел свой истинный род творчества, основанный на открытом или подспудном биографизме, на максимально полном и точном воспроизведении былого и пережитого, на бесыскусном и в то же время динамичном описании как природы, так и душевных движений сталкивающегося с ней человека. «Буря» являлся прологом будущих автобиографических и природоведческих произведений А.

Во второй половине 30—40 гг. А. принимает активное участие в общественной и литературной жизни. Дом А., благодаря усилиям сыновей Константина и Ивана, становится одним из центров формирующегося славянофильства; здесь бываюи виднейшие его представители: И. В. и П. В. Киреевские, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин, А. И. Кошелев и др. А. относится к новому течению сочувственно, но в то же время не одобряет крайностей, нередко спорит с Констан-

тином, что давало основание людям сторонним считать его человеком «с убеждениями ультра-западными» (выражение С. М. Соловьева). Наряду с московским домом Аксаковых, местом встреч и споров стало подмосковное имение Абрамцево, которое семья приобрела в 1843 г.

В 1847 г. А. опубликовал «Записки об ужении» (в последующих изданиях «Записки об ужении рыбы»), над которыми работал с 1840 г. Книга имела огромный успех, побудивший А. в 1849 г. приступить к «Запискам ружейного охотника Оренбургской губернии» (вышли в 1852 г.). Рыбачко-охотничьи диалоги А., возвестившая о приходе в литературу выдающегося писателя, отличалась прежде всего тонким и оригинальным «чувством природы». Стиль А.— информационный, деловой, подчас даже суховатый, резко противопоставленный сентиментальному или возвышенно-романтическому природоописанию. Никакого очеловечения природы, почти никакой эмоциональной подцветки. «Герон» — будь то ерш или щука, голубь или тетерев — выступают своей собственной персоной и оттого чрезвычайно рельефно. У каждого есть свои привычки, повадки, свой характер; именно на объективности описания строится авторское отношение к природе, нередко совпадающее с народной, крестьянской точкой зрения. Происходит естественный, без насилия и нажима, переход от природы к миру человеческих отношений. Книги вышли далеко за рамки специального интереса рыболова и охотника. «...Всякий, кто только любит природу во всем ее разнообразии, во всей ее красоте и силе, всякий, кому дорого проявление жизни всеобщей, среди которой сам человек стоит, как звено живое, высшее, но тесно связанное с другими звеньями, не оторвется от сознания г. А-ва...» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч.— М.; Л., 1963.— Т. V.— С. 397).

Пятидесятые годы стали для А. периодом тяжелых испытаний. А. мучительно пережил смерть Гоголя и сожжение им второго тома «Мертвых душ». На причинах произошедшей трагедии А. остановился в ряде статей («Письмо к друзьям Гоголя», «Одним сыновьям», 1852, и др.) и в «Истории моего знакомства с Гоголем» (опубл. посмертно, в 1890 г.), явившейся одним из лучших образцов русской мемуарной литературы.

С болью воспринял А. и поражение русской армии в Восточной войне 1853—1855 гг. Резко ухудшилось его здоровье, неутомимо надвигалась слепота. Но, несмотря на бедствия и невзгоды, он упорно работает: в 1856 г. выходит «Семейная хроника», а в 1858 г.— «Детские годы Багровавука».

Автобиографическая диалогия А., воспроизводившая жизнь трех поколений помещичьей семьи, строилась по законам художественно-документальной прозы с ее предельной верностью

действительности, с минимальным участием вымысла, а также с повышенной ролью героя-рассказчика. Все повествование пронизано мыслью о семейной гармонии, согласии, высоте всего строя семейных отношений; однако эта мысль фигурировала не отвлеченно, в виде декларации и тезисов, а развивалась на подлинном материале прожитой А. жизни.

Со страниц книг вставали и дальний родственник, крепостник-самодур; и отец, человек добрый, но безвольный; и мать — волевая, красивая, умная; и он сам, дитя, потом мальчик Сережа Багров, со своими страхами, играми, увлечениями, с трогательной привязанностью к милому другу — стреленку, с первыми усилиями понять и разобраться в окружающем. В документальной прозе А. отчетливо проявились традиции романа воспитания, одним из лучших образцов которого в русской литературе стала его диалогия. К «Семейной хронике» и «Детским годам...» примыкают другие мемуарные произведения А.: «Воспоминания» (опубл. в 1856 г. вместе с «Семейной хроникой»), «Литературные и театральные воспоминания» (опубл. в 1856—1858 гг.), «Собрание бабочек» (опубл. в 1859 г.), «Встречи с маринистами» (опубл. в 1859 г.) и т. д. Все они, помимо художественных достоинств, обладают большой познавательной ценностью как исторические документы.

Таким образом, последние годы и месяцы жизни А. ознаменовались расцветом его творческих сил, достижением самых больших художественных вершин, и это достижение получило широкое и повсеместное признание. «Эта Ваша книга такая прелесть, что и сказать нельзя», — писал И. С. Тургенев автору 22.1.1856 г. в связи с отдельным изданием «Семейной хроники» и «Воспоминаний». — Вот он, настоящий тон и стиль — вот русская жизнь... Я еще не встречал человека, на которого бы Ваша книга не произвела бы самого приятного впечатления» (Тургенев И. С. Указ. изд. Письма: В 13 т. — М.; Л., 1961. — Т. II. — С. 335).

Соч.: Полн. собр. соч.: В 6 т. / Вступ. ст. А. С. Хомякова, Н. М. Лонгинова, И. С. Аксакова. — Спб., 1886; Собр. соч.: В 4 т. / Вступ. ст. С. И. Машицкого. — М., 1955—1956; Собр. соч.: В 3 т. / Вступ. ст. Е. И. Анненковой. — М., 1986. Лит.: Добролюбов Н. А. Деревенская жизнь помещика в старые годы // Собр. соч.: В 3 т. — М., 1950. — Т. 1; Некрасов Н. А. Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах С. Аксакова... // Полн. собр. соч. и писем. — М., 1950. — Т. IX; Соловьев Е. А. Аксаковы, их жизнь и литературная деятельность. — Спб., 1895; Дурылин С. Гоголь и Аксаковы // Звенья. — 1934. — № III—IV; Машинский С. И. С. Т. Аксаков. Жизнь и творчество. — 2-е изд. — М., 1973; Войтоловская Э. Л. С. Т. Аксаков в кругу писателей-классиков. — Л., 1982; Анненкова Е. И. Гоголь и Аксаковы. — Л., 1983; Лобанов М. С. Т. Аксаков. — М., 1986. Ю. В. Манн

АЛИПАНОВ, Егор Ипатьевич [1800, Людиновский горный завод Жиздринского у. Калужской губ. — не ранее 1856] — поэт-самоучка. Отец А.

был крепостным владельцем Людиновского завода И. А. Мальцова. А. не получил никакого образования, но с детства пристрастился к чтению. До 1824 г. выполнял плотницкую и столярную работу в заводских мастерских, затем был назначен приказчиком и по делам службы начал регулярно ездить в Петербург. Эти поездки позволили А. расширить круг чтения. Писать стихи начал около 1828 г. после знакомства с книгой Ф. Н. Слепушкина «Досуги сельского жителя». А. был представлен читателю в 1830 г. в журнале «Отечественные записки» (Ч. XI. — № 117. — С. 105—110) писателем Б. М. Федоровым, приложившим немалые усилия для воспитания в верноподданническом духе литераторов из социальных низов. Небольшая публикация стихов А. (Там же. — С. 111—118) открывалась панегириком Николаю I и завершалась стихотворением «Чувства крестьян — доброму помещику». Вскоре при содействии Б. М. Федорова была издана первая книга А. («Стихотворения». — Спб., 1830). Хотя А. заявил о себе как о последователе Слепушкина, дальнейшее развитие в его произведениях тема крестьянского быта не получила. На страницах стихотворного сборника А. вновь появились популярные в поэзии XVIII в. условные буколические пастушки, по сравнению с которыми даже кроткие и трудолюбивые «земледельцы» Слепушкина, обрисованные в полном соответствии с канонами официальной народности, казались вполне достоверными персонажами. Печатью вторичности, литературного стилизаторства отмечены почти все стихи А., вошедшие в его первую книгу. В стихотворениях на военные темы заметно влияние Державина, стихи для детей написаны в худших традициях сентиментализма, ряд произведений — перепевы мотивов лирики Жуковского, Батюшкова, молодого А. С. Пушкина. Так как уровень культуры и стихотворная техника у начинающего поэта были очень невысоки, некоторые его опыты больше походили на пародии, чем на подражания. Тем не менее в первой книге А. прозвучала одна совершенно новая для русской поэзии тема. Три стихотворения («Труды заводских мастеров», «Заводские работы», «Послание Ф. Н. Слепушкину») он посвятил описанию работы металлургического и стекольного заводов. Стихотворение «Заводские работы», построенное на сравнении завода с разбушевавшейся, kloкочущей лавой Этной («Не Этна ль пламенем зияет? / Там искры с шумом вверх летят, / Kloкоча, лава прах сдает, / И вихри звезд златых кипят» — «Стихотворения». — С. 130), выдержано в классицистическом стиле, в «Трудах заводских мастеров» процесс изготовления металла воспроизведен с обстоятельностью и скрупулезностью, характерными для творческой манеры Слепушкина («Тут каждый к должности пустился: / Кто уголь, кто чугуан тащил, / А кто огонь класть торопился, / В колесы воду пропустил» — Там же. — С. 56). Новизна и необычность темы, затронутой А., не

были замечены современниками. Лишь спустя около 100 лет к стихам А. с заводской тематикой впервые проявился интерес истории литературы. занятые поисками истоков пролетарской поэзии (см.: Гроссман Л. П. Поэты крепостной поры.— М., 1926.— С. 12—33; Розанов И. Н. Литературные репутации. М., 1928.— С. 81—103; Селиванов К. Страницка из истории пролетарской поэзии // Волжская новь (Самара).— 1930.— № 7.— С. 30; Левин И. У истоков пролетарской поэзии // Резец.— 1931.— № 9).

Вторая книга А.— «Басни» (СПб., 1832) — была во многом удачей первой. Ряд басен А., содержащих обличительные мотивы, не лишен сатирической остроты и реалистических деталей («Медведь и мышонок», «Рак и осетр», «Сельская карета», «Свинья в огороде», «Мухи», «Статуя»). Одна из любимых тем А.— баснописца — самоуправство сильных и власть имущих и беззащитность слабых. Однако сатирическое начало в сборнике басен вполне уравновешивается благонамеренным морализаторством («Змея», «Крестьянин и сверчок», «Воробей», «Две белки») и сентиментальными аллегорическими картинками («Скворец», «Голубь, осел и козел», «Дитя и бабочка», «Зяблик и ястреб»). Отказ А. от последовательной разработки острых социальных тем во многом объяснялся влиянием его наставников (кроме Федорова, ему покровительствовал А. С. Шишков), стремившихсяписать его литературную деятельность в рамках официальной народности. Наклонность А. к литературным заимствованиям проявилась и в этой книге: он в равной степени подражает и Крылову и Дмитриеву.

За книгу басен А. был награжден серебряной медалью Российской Академии. Шишков представил обе книги А. Николаю I, и автор получил в подарок от августейшей четы двое золотых часов. И. А. Мальцову было направлено от имени академии ходатайство об освобождении А. от крепостной зависимости. А. получил волю и приписался к петербургским мещанам. Несколько лет спустя он женился на дочери Слепушкина (1837) и обзавелся собственной типографией (в ней в 1840 г. были отпечатаны «Мечты и звуки» Н. А. Некрасова). Типография просуществовала недолго, т. к. приносила убытки. В дальнейшем А. работал десятником на строительстве железной дороги Петербург — Москва и приказчиком на Червинском стекольном заводе И. А. Мальцова (Новгородская губ.).

Литературная активность А. заметно снизилась после выхода второй книги, хотя в 30 гг. он еще продолжает издавать новые произведения. В 1835 г. появился в печати водевиль «Ханский чай», не имевший успеха и выдержавший всего одно представление в Александринском театре, а в 1838 г.— стихотворная «Сказка о мельнике колдуне, Федоте, хлопотливой старухе, о двух жидках и о двух батраках», которая, напротив,

пользовалась большой популярностью и выдержала не менее 20 лубочных изданий. И водевиль, и «Сказка о мельнике» отличались невысоким художественным уровнем и незначительностью тематики. В «Сказке» был использован фольклорный сюжет о хозяине и работнике (тот же, что в пушкинской «Сказке о попе и о работнике его Балде»).

В нач. 40 гг. А. практически прекращает литературную деятельность.

Резко отрицательно относился к А. В. Г. Белинский, посвятивший его произведениям три рецензии. Гневные слова Белинского были обращены не только против А., но и в адрес его покровителей, направивших поэта-самоучку по ложному пути: «...в сердце г. Алипанова глубоко запали назидания Б. М. Федорова, и он, увлеченный примером и стихотворной доблестью своего учителя, до сих пор нищет рифмы. Вот плоды полезных наставлений! Творениям г. Алипанова указывали на храм бессмертия, а вместо того они падали в мешки букиннистов, на макарьевскую ярмарку, в руки деревенских лакеев и т. д.» (Полн. собр. соч.— Т. VII.— С. 618).

Соч.: Русская басня.— М., 1986.— С. 332—337; Песни русских поэтов. XVIII — первая половина XIX века.— Л., 1936; Русские поэты XIX века. Хрестоматия / Сост. Н. М. Гайденков.— М., 1964; Качалкин А. П., Пехтерев А. С., Пухов А. В. Забытые писатели земли калужской.— Калуга, 1984.

Лит.: [Федоров Б. М.] Новый поэт-крестьянин Е. Алипанов // Отечественные записки.— 1830.— Ч. XI.— № 117; Сомов О. М. Стихотворения крестьянина Е. Алипанова.— СПб., 1830 // Литературная газета.— 1830.— Т. II.— № 72.— 22 дек.; Полевой Н. Стихотворения крестьянина Е. Алипанова.— СПб., 1830 // Московский телеграф.— 1831.— Ч. XXXVII.— С. 107—108; Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— М., 1954—1955.— Т. IV.— С. 388—389; Там же.— Т. VI.— С. 117; Там же.— Т. VII.— С. 617—618; Гроссман Л. П. Егор Алипанов // Гроссман Л. П. Цех пера.— М., 1930.— С. 55—73. Г. Г. Григорьева

АЛМАЗОВ, Борис Николаевич [27.X(8.XI). 1827, г. Вязьма Смоленской губ.— 3(15).IV.1876, Москва; похоронен в Донском монастыре] — поэт, переводчик, литературный критик, прозаик. Сын отставного штабс-капитана, по происхождению принадлежавшего к высшей московской знати. Детство А. провел в родовом с. Караваево (Смоленская губ.). Первоначальное образование получил дома. В 1839 г. поступил в 2-й класс 1-й Московской гимназии, откуда перешел в пансион Эннеса. В 1848 г. А. поступил на юридический факультет Московского университета, где посещал лекции известных историков Т. Н. Грановского и П. Н. Кудрявцева. Однако не только научные интересы волнуют его в это время: А. страстный театрал, завсегда Малого театра, он участвует в любительских спектаклях, мечтая о славе актера. Окончив университет А. не удалось: в 1851 г., оставленный разорившимся отцом без средств, он не смог внести плату за образование и был отчислен. Вскоре после

этого А. становится членом «молодой редакции» журнала «Москвитянин», в состав которой входили литераторы А. Н. Островский, Е. П. Эдельсон, А. А. Григорьев, Т. И. Филиппов, Л. А. Мей, артисты П. М. Садовский, И. Ф. Горбунов и др. Близки к «молодой редакции» были П. И. Мельников (Печерский) и А. Ф. Писемский, знакомство с которым переросло у А. в 60—70 гг. в тесную дружбу. Втянутый друзьями в журналистскую жизнь, А. поначалу переживает сильный душевный подъем, с энтузиазмом бросается на борьбу «с пороками, с развратом и злоупотреблениями» (Барсуков Н.— Т. XII.— С. 213), «со всем, что есть пришлое, басурманского» в русской «литературе и... жизни» (Там же.— Т. XI.— С. 381). Ярким выразителем умонастроений и литературных вкусов молодого критика, склонного к розыгрышам и мистификациям, стал придуманный им персонаж *Эраст Благодраво*, именем которого А. подписывал свои фельетоны, остроумные пародии и критические выступления. Избранная А. литературная маска, по-видимому, в несколько комичной и шаржированной форме представляла его собственный автопортрет. На сходство А. и Эраста Благодраво, в частности, указал историк М. И. Семевский, отметив, что критик, как и его «двойник», отличается «любовью к известности, страстью к литературе, восприимчивостью сердца...» (А. Н. Островский в воспоминаниях современников.— С. 148). Выступления Эраста Благодраво, нередко подчеркнута полемичные по отношению к некрасовскому и панаевскому «Современнику», вызывали яростные журнальные перепалки. Особенно бурно обсуждалась в печати статья Эраста Благодраво «Сон по случаю одной комедии» (Москвитянин.— 1851.— № 7 («Предупреждение»), 9-10), в которой автор пытался привлечь внимание публики к только что написанной, но запрещенной цензурой к постановке, первой комедии Островского «Свои люди — сочтемся!». Написанная в драматической форме, статья-шутка Эраста Благодраво как бы обыгрывала все возможные критические замечания в адрес драматурга, доводя до абсурда литературные позиции критиков тогдашних направлений — западников и славянофилов, поклонников «чистого искусства» и утилитаристов. Однако за блеском остроумия Эраста Благодраво даже самого А. скрывались выстраданные и серьезные размышления о русской литературе. В этой статье (одной из лучших в наследии критика) А. выступает с требованием простоты в жизни и искусстве, пытается определить самобытность таланта Островского и Гоголя. По мнению А., первый стремится к объективному изображению действительности; Гоголь же склонен к фантазмагории и гиперболизации. Задетые полемикой критики в откликах на статью А. продемонстрировали к ней крайнее пренебрежение, а автору отказали даже в остроумии (см.: <И. И. Панаев> // Современник.—

1851.— № 5.— Отд. VII.— С. 52—53, <А. Д. Галахов> // Отечественные записки.— 1851.— № 8.— Отд. VI.— С. 141—142). Восстановить справедливость спустя почти десять лет попытался Григорьев, заявив, что в «замечательной, не позабытой... шутке» «высказан был впервые даровитым критиком-юмористом глубоко верный взгляд на различие нового таланта... от таланта Гоголя» (Григорьев А. А.— С. 390).

Вскоре А. пережил духовный кризис, о чем и поведал в доверительном письме Погдину в октябре 1852 г. Жалуясь авторитетному корреспонденту, что «решительно никто не понял», отчего он «кричал и горячился», А. признавался, что «прежняя деятельность ему «протививела» (Барсуков Н.— Т. XII.— С. 213). Ставший весной 1852 г. постоянным литературным обозревателем, А. в статье «Наблюдения Эраста Благодраво над русской литературой и журналистикой» (Москвитянин.— 1852.— № 17) пытался совместить новые обязанности с прежним литературным амплуа. Статья успеха не имела. С этого момента общий тон литературно-критических выступлений А. меняется: его статьи, проникнутые теперь преклонением перед русской патриархальностью, приобретают привкус дидактизма, фельетонная юмористика уступает место грубому морализаторству (см.: Егоров Б. Ф.— С. 33). Важным критерием оценки произведения для А. становится характер изображения писателем русского народного быта. Так, например, А. приветствует роман Д. В. Григоровича «Рыбаки», в котором увидел «что-то истинно родное... льстящее... народной гордости» (Москвитянин.— 1853.— № 11.— Отд. V.— С. 80), а о рассказе И. С. Тургенева «Муму» отзываясь крайне неприязненно, упрекая автора в изысканности сюжета, «прямых эффектах», не имеющих отношения к действительной русской жизни (Москвитянин.— 1854.— № 9.— Отд. IV.— С. 32—33). Как литературный обозреватель, А. привлекает внимание публики к проникнутой «теплым чувством» повести Л. Н. Толстого «Детство» (Москвитянин.— 1852.— № 19.— Отд. V.— С. 113), поэзии П. А. Вяземского, А. С. Хомякова, Ф. И. Тютчева, Н. Ф. Щербинь и др.

В 1853 г. А. «счастливо» женился на С. З. Ворониной, которой ранее давал уроки литературы. Семейная жизнь принесла с собой и серьезные материальные трудности: жена не имела состояния, а потомство молодой четы быстро увеличивалось. В поисках заработка А. в 1854 г. был вынужден поступить на службу в канцелярию попечителя московского учебного округа, откуда в 1857 г. перешел в контору московской синодальной типографии. По свидетельству Д. В. Аверкиева, с большой симпатией относившегося к писателю, А. «был самым непрактическим человеком в мире и никогда не мог устроиться... К службе он был неспособен» (Аверкиев Д. В. Дневник писателя.— 1885.— № 4.— С. 146).

Действительно, прослужив несколько лет, А. уже в 1861 г. вышел в отставку в чине губернского секретаря.

Служба не препятствовала энергичной литературной работе А. В 1859 г. как бывший сотрудник «Москвитянина» (журнал перестал выходить в 1856 г.) А. принимает участие в альманахе Погодина «Утро», задуманном издателем как «инспекторский осмотр» русской литературы с позиций «искусства для искусства». Эта установка наиболее отчетливо воплотилась в помещенных в альманахе статьях А. «О поэзии Пушкина» и «Взгляд на русскую литературу в 1858 г.». Выступая как ревностный защитник «искусства для искусства», А., однако, подчеркивает и свое сочувственное отношение к современной литературе на злобу дня, связывая с ней «успехи родной земли в деле гражданственности» (Т. III.— С. 351). А. в целом стремился объективно взглянуть на «вечное» и «злободневное» в литературе, что приводило иногда к оценкам, казалось бы, неожиданным у защитника «чистого искусства». Так, например, «чистую» лирику А. А. Фета А. отвергает за ее принадлежность к «туманному и неясному роду поэзии» (Т. III.— С. 366), а о деятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина и его сатирической школы отзываясь положительно, руководствуясь в этом случае утилитарными соображениями, насущными потребностями общества. Неоднозначность подхода критика, чьи художественные вкусы оказались более демократичны, чем декларируемая им эстетическая программа, не была замечена современниками. В рецензии на сборник «Утро» Н. А. Добролюбов подверг уничижительной критике все работы А. Особенно резко рецензент выступил против статьи «О поэзии Пушкина», в которой А., отстаивая право художника на «свободное творчество», заявлял, что в Пушкине воплотился «полнейший и чистейший тип поэта» (Там же.— С. 280), воспевающего «только прекрасное» и непреходящее. Чуждый дидактизма и тенденциозности, чрезмерной увлеченности любой наукой, Пушкин, по мнению А., не принадлежал ни к одному направлению, «смотрел на все окружающее... безо всякого предрешения» (Там же.— С. 291) и стремился к достижению высшей «поэтической цели». В пылу полемики Добролюбов увидел в А. критика, противопоставляющего поэзию общественной жизни, а искусство — науке. Отрицательный отзыв вызвала статья и у Григорьева, вынужденного констатировать, что в ней «во имя поэтической непосредственности» А. «лишает поэта его великой личности... его высокого общественного значения» (Григорьев в А. А. — С. 166). Как видно из письма А. к Погодину, статью о Пушкине сам критик расценивал как творческую неудачу — «какую-то мертвую, механическую работу», «написанную «против совести», и намеревался в дальнейшем создать фундаментальный

труд о Пушкине, который бы стал «программой истории» русской «словесности после Петра» (Барсуков в Н.— Т. XI.— С. 370—371). Этот замысел не был осуществлен.

В 60—70 гг. А. как литературный критик почти не выступает, но продолжает плодотворно работать как поэт и переводчик. Он сотрудничает в журналах «Русский вестник» (1861—1864, 1871—1872), «Развлечение» (1859—1866), «Искра» (1861—1862), «Заноза» (1863), «Зритель общественной жизни, литературы и спорта» (1862—1863) и др., где публикует в основном юмористические стихи. В 1863 г. под псевдонимом Б. Адамантов А. издал в Москве сборник пародий «Диссонансы». Темы, сюжеты, типы, к которым обращается А., традиционны для русской демократической сатиры и юмористики. В его стихах высмеиваются и обличаются вторжение полицейского режима в частную жизнь («Неизбежный»), нестойкость либеральных убеждений («Скептик»), крепостническая идеология («Недовольный»). Безукоризненному версификатору, А. легко удаются литературные перевоплощения, стилизация. Он широко использует перенос, парадраз, чаще всего ориентируясь на сюжетные схемы и размеры известнейших стихотворений А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова и др. Так, например, в стихотворении «Московский Алкивиад» А. «перепевает» пушкинское «К...» («Я помню чудное мгновенье...»); в стихотворении «Если кроткий, как вол, в трезвом виде...» — некрасовское «Если мучимый страстью мятежной...», в «Модных звуках», пародируя Фета и его последователей, отталкивается от стихотворения Лермонтова «Есть речи — значенье...»: «Есть вирши — теченье / Их ровно и гладко, / Но смысл их при чтенье / Для смертных загадка. Не менее интересны и шуточные стихотворения А., в которых даны меткие характеристики известным журналистам 50—60 гг. Некоторые стихотворения: «Учено-литературный маскарад», «Московский поэт и петербургский обыватель», «Похороны „Русской Речи...“» и др. — пользовались большим успехом.

Гораздо менее популярны немногочисленные «серьезные» стихотворения А. В основном они философичны и проникнуты религиозным чувством («Гроза», см. также «Успокоение»). Нравственный идеал А. — Ф. Шиллер, «певец добра и светлых сновидений», в котором соединились «сердечный пламень» и «дух стоика» («К Шиллеру»). Утверждение безусловного приоритета чистой духовности у А. подчас граничит с морализированием и даже дидактизмом. Таковы, в частности, и поэма «Русь и Запад» (1854), стихотворения «Старая русская партия» (1864), «Русскому царю», пронизанные славянофильскими умонастроениями.

С конца 60 гг. А. много переводит. Его крупной работой в этой области стал первый воль-

ный перевод на русский язык «Песни о Роланде», изданный в 1869 г. в Москве под названием «Роланд». В предисловии к изданию А., раскрывая принципы перевода, подчеркивал, что заботился «больше всего о том, чтоб быть» верным «идее и духу» произведения (Т. I.—С. 198). Признавая «добросовестность переводчика» и полезность его труда, рецензент, однако, отмечал, что А. «значительно сгладил первоначальную свежесть оригинала» (А. С. // Вестник Европы.—1869.—№ 10.—С. 965). А. принадлежат также переводы преимущественно лирических и антологических стихотворений Шиллера, И. В. Гете, А. М. Шенье и др., многочисленные переводы поэтических памятников средневековой французской и испанской литератур.

Итоговым в творчестве А. стал сборник «Стихотворения» (М., 1874), вошедший в себя почти все ранее написанное поэтом. Пропагандировать сборник, не замеченный критикой, пытался А. Ф. Писемский, «с величайшим удовольствием», по его словам, прочитавший книгу (Писемский А. Ф.—С. 312).

В 1875 г. А. публикует повесть «Катенька», выдержанную в основном в духе «натуральной школы».

Как член «Общества любителей российской словесности» А. в том же году принимает участие в чествовании Писемского: 19 января в Московском университете он выступает с докладом «А. Ф. Писемский и его двадцатипятилетняя литературная деятельность».

Последние годы жизни А. были омрачены смертью горячо любимой жены (1874), оставшей ему на воспитание семерых детей (еще семерых детей семья Алмазовых лишилась ранее). Постоянная нужда и горе подкосили здоровье А. Он скончался в Шереметевской больнице.

Современники по-разному воспринимали творчество А. Для большинства он остался даровитым юмористом, «певцом минуты», и лишь немногие разглядели самобытный облик интересного русского поэта и критика, бескомпромиссно отстаивающего свои взгляды на искусство.

Соч.: Соч.: В 3 т.—М., 1892; Стихотворения // Сатира 60-х гг. / Сост. Н. Кравцов, А. Морозов.—М.; Л., 1932; Русская стихотворная пародия (XVIII—начало XX в.) / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. А. Морозова.—Л., 1960 (по указателю); Поэты 1860-х гг. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. И. Г. Ямпольского.—Л., 1968; Сон по случаю одной комедии // Русская эстетика и критика 40—50-х гг. XIX в. / Подгот. текста, сост., вступ. ст. и примеч. В. К. Кантора, А. Л. Ошовата.—М., 1982.

Лит.: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина.—Пб., 1897.—Т. 11; Т. 12.—Пб., 1898; Т. 14.—Пб., 1902 (по указателю); Писемский А. Ф. Письма / Подгот. текста и коммент. М. К. Клеймана и А. П. Могилянского.—М.; Л., 1936 (по указателю); Добролюбов Н. А. Утро. Литературный сборник. Москва, 1859 // Собр. соч.—М.; Л., 1962.—Т. 4; А. Н. Островский в воспоминаниях современников / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А. И. Ревякина.—М., 1966 (по указателю); Григорьев А. А. Литературная критика / Сост., вступ. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова.—М., 1967 (по указателю); Он же. Борьба эстетических идей в России середины XIX в.—Л., 1982 (по указателю).

Е. В. Войналович, М. А. Кармазинская

АЛЬБОВ, Михаил Филилович [8(20) XII.1851, Петербург—12(25).VI.1911, там же]—прозаик. Из разночинцев. В 1873 г. закончил петербургскую гимназию. Уже во втором классе гимназии написал повесть «Растрепалкин» (подражание «Мертвым душам»), потом—исторический роман «Маркиза Бренвилье», фантастический роман «Путешествие на Луну» (совместно с товарищем по гимназии К. С. Баранцевичем) и т. д. В своих первых опубликованных произведениях (очерки «Записки подвального жильца», 1866; «Петербургские мизерабли», 1866—1867; повесть «На новую дорогу», 1869) А. ориентируется на творчество Достоевского. Его привлекает тема униженных и оскорбленных, психология и мироощущение «бедного человека», его незащищенность от мира зла. А. чужда идеологическая сложность «Преступления и наказания», но близка история семейств Мармеладовых. Первые произведения А. появились в эпоху реакции 60 гг., когда надежды на изменение жизни рушились. Все это усугубило мрачный тон произведений А. Ему было близко отразившееся в поздних произведениях «шестидесятников» чувство беспомощности и одиночества бедного разночинца. Он близок, напр., к Левитову тоном своих произведений, хотя причины, вызвавшие этот тон, у писателей разные. А., как человек другого поколения, не пережил трагедию неоправдавшихся надежд. Он остался в стороне и от популярных в конце 60 гг. естественнонаучных и политических увлечений времени. Отсюда—иной, «сниженный» характер его пессимизма. Он—отражение настроений «массового», разночинного сознания, и закономерно, что А. напечатал первые свои произведения в «массовых» петербургских газетах («Петербургский листок», «Петербургская газета»). Таково же и первое крупное произведение А.—повесть «Пшеницыны» (1873). Подробно рассказанная история трагически закончившейся жизни мелкого чиновника, углубленный психологический анализ и описание бытового уклада, своего рода «хроника» жизни «маленьких людей»—характерные черты художественной манеры А., определившиеся уже к середине 70 гг.

В 1873 г. А. поступил на юридический факультет Петербургского университета. Окончил он его, однако, лишь в 1879 г.: с лета 1877 по весну 1878 г. А. находился в качестве брата милосердия в Дунайской армии. Участие в русско-турецкой войне не оставило заметных следов в духовной биографии А. (известно лишь два его очерка на военную тему: «В тылу армии», 1880; «Транспорт», 1882). А. впоследствии никак не воспользовался своим юридическим образованием: лишь короткое время служил в Ревеле в исландском акцизном управлении (1886—1887). А. жил только литературным заработком, главным образом на гонорары за свои произведения и на небольшие вознаграждения за редактирование

периодических изданий: в 1881 г. А. редактировал демократический журнал «Слово», в конце 80 гг. — журнал «Дело», в 1891—1895 гг. был официальным редактором первого модернистского журнала «Северный вестник», в конце 90 гг. — редактором газеты «Приднепровский край». В этих изданиях А. преимущественно и печатался.

Известность А. принесла повесть «День итога» (1879), «психиатрический этюд», в котором раскрывалась психология одинокого и «заеденного» средой человека. После повести за А. установилась репутация подражателя Достоевского. Но, как справедливо заметил С. А. Венгеров, А. «не подражает Достоевскому. Он только пишет в том же самом роде, потому что душевный мир, стоящий на грани психологии и психиатрии, ему вполне понятен. Он здесь у себя дома и подмечает такие изгибы, которые совершенно недоступны обычной художественной наблюдательности» (Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. — Спб., 1889. — Т. 1. — С. 463). Есть сведения, что Достоевский в «Дне итога» «подражания себе не нашел, но отозвался об этом произведении молодого автора сочувственно» (Наше время. — 1893. — № 42. — 17 окт.). Пессимизм и метания героя А. близки гаршинской «Ночи» с той существенной разницей, что герой А. не борется с «мировым злом»; одинокий, видящий мелочность интересов окружающей среды, он может быть назван «лишним человеком» 70 гг. Трагедия одинокой личности, осознавшей фатальность зла в современном мире, станет главной темой творчества А. Свое прямое развитие она получит в повестях «В потемках» (1886), «О том, как горели дрова» (1887) и др. Повесть «Конец Неведомой улицы» (1881—1882), в которой рассказана история жизни и гибели портного Егора Бергамотова, жителя захламленной петербургской окраины, позволила критикам говорить о зависимости творчества А. от идей и поэтики французского натурализма. Однако и эта повесть была произведением вполне оригинальным. Венгеров отметил, что художественная манера А. в этой повести ближе к живописи мастеров старой фламандской школы (к так называемому «жанру»), чем к натурализму. К. И. Чуковский уточнил эту мысль. Он доказывал, что А. не столько жанрист, сколько психолог, для которого главное — психология «слабого человека», бунтующего против застывшего мещанского быта. Это бунт «отчаявшегося бессилия», часто дикий (Егор Бергамотов, напр., в пьяном угаре поджигает свой дом, а вместе с ним и всю Неведомую улицу), но в нем проявляется «трагедия великого чувства в ничтожной душе», вызванная тоской по идеалу (Чуковский К. И. Бунт слабого человека. — С. 110). К той же идейно-стилевой тенденции в творчестве А. относятся дилогия «О людях, «взыскующих града» (1879—1881), роман «Ряса» (1883), повесть

«Юбилей» (1895) и многие другие произведения. Однако и в них ведущим оказывается мотив фатального одиночества: они «взыскуют града» и испытывают на себе удары судьбы и неумолимых законов природы. «Одиночество при наличии каких-то тяжелых, ненужных уз» — такова, по мнению Н. К. Михайловского, ведущая тема произведений А. «Это, действительно, одно из самых больных мест нашей современной жизни, — писал критик. — Не добро человеку быти едину, это давно сказано, но еще хуже человеку быти едину, когда он в то же время связан» (Полн. собр. соч.: В 10 т. — Спб., 1908. — Т. 5. — С. 909).

Особое место среди повестей и рассказов А. занимает повесть «Филипп Филиппович» (1885). В ней рассказана типичная для творчества А. история одинокого человека, отставного учителя словесности, который живет в узкой сфере быденщины, но несет в себе невоплощенную мечту о прекрасном. Та тоска по идеалу, которую почувствовали в произведениях А. многие критики, в этой повести становится главным содержанием духовной жизни героя.

Итоговое произведение А. — трилогия «День да ночь» («Тоска», 1890—1893; «Сирота», 1901; «Глафирина тайна», 1903), которую автор назвал «эпизодами из жизни одной человеческой группы». Сюжетно почти не связанные между собой, герои трех повестей объединены общностью судеб, своей принадлежностью к категории людей одиноких. Испытывая на себе действие непонятных им законов жизни, они остро ощущают свое сиротство и замкнуты в узких пределах своего обособленного быденного мира. Трилогия показала, что на рубеже XIX и XX вв. А. оставался тем же писателем, каким он заявил о себе в «Дне итога» и «Конце Неведомой улицы». Он был писателем одной темы и одного типа героя. «Альбов в сущности только и делал, что ставил его в различные положения, наряжал в различнейшие одежды» (Бунт слабого человека. — С. 103). О том же свидетельствуют и его произведения, опубликованные в начале XX в. (пьеса «Поэт», повесть «Ночная жуть» и др.). Актуальная для 80 гг., такая тема и такой герой оказались несовременными в новую литературную эпоху. Однако значение А. в истории русской литературы по-своему значительно. Он явился прямым наследником писателей-шестидесятников и Достоевского в конце 70 гг.; в 80 гг. он некоторыми сторонами своего творчества оказался близок Гаршину, но сохранил оригинальный взгляд на мир. В повестях и романах А. по-своему отразились поиски и разочарования среднего, обычного человека. Поэтому, как справедливо заметил А. В. Амфитеатров, мимо А. не должен пройти в будущем ни один историк общества, культуры и литературы русского XIX века» (Собр. соч. — Т. 14. — С. 469).

Соч.: Соч. — Спб., 1906—1908. — Т. 1—8; Писатели чехословацкой поры. — М., 1982. — Т. 1.

Лит.: Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы (1848—1890). — Спб., 1891; Чуковский К. И. Бунт слабого человека в произведениях М. Н. Альбова: Критический очерк // Литературное и популярно-научное приложение «Нивы». — 1908. — № 1; Амфиатов А. В. Собр. соч. — Спб., 1912. — Т. 14. — С. 431—469; Королев В. Г. О литературе. — М., 1957. — С. 304—312; Сокина Е. К. Проблема «двойничества» в творчестве Альбова // Русская литература 1870—1890 годов: Эстетика и метод. — Свердловск, 1987; Муратов А. Б. Творчество М. Н. Альбова в литературном процессе второй половины XIX в. // Русская литература. — 1988. — № 4.

АМФИТЕАТРОВ, Александр Валентинович псевдонимы — *Аббадонна, Old Gentleman* [14(26).XII.1862, Калуга — 26.II.1938, Леванто, Италия] — прозаик, публицист, поэт-сатирик, критик. Родился в семье священника, протоиерея московского Архангельского собора. В 1880—1885 гг. учился на юридическом факультете Московского университета. По окончании его отказался — вопреки желанию родных — от занятий юридической практикой, учился пению, уехал в Тифлис, где поступил вторым баритоном в местный оперный театр. Активная деятельность А. — журналиста и литератора началась в тифлисской газете «Новое обозрение» в 1889 г. В этой газете на протяжении 4 лет печатались театральные рецензии, литературные фельетоны А.

В 1892 г. А. возвращается в Москву и становится московским корреспондентом газеты «Новое время». Сотрудничество в газете А. С. Суворина — важный этап в общественно-политическом самоопределении А. Его позиция не всегда совпадала с позицией издателя этого реакционного органа, со взглядами других сотрудников «Нового времени». С детских лет А. окружала атмосфера дискуссий о прогрессе общества, о возможностях позитивизма и естественных наук. Кумирами его юности были революционные народники, он зачитывался народнической беллетристикой, статьями Н. К. Михайловского. Приверженность к буржуазному либерализму вводила А. все дальше от Суворина. Окончательный разрыв с «Новым временем» произошел в 1899 г. В этом же году А. вместе с В. М. Дорошевичем начинает издавать газету «Россия», на страницах которой публично отмежеввался от «нововременцев».

Газета А. и Дорошевича, в которой сам А. печатал злободневные фельетоны, театральные рецензии, отклики на события литературной жизни, завоевала популярность своим фрондерством. Она просуществовала до января 1902 г., когда была закрыта по распоряжению правительства за публикацию фельетона А. «Господа Обмановы». В нем содержалась довольно прозрачная аналогия с историей царствующей династии Романовых. А. был сослан в Минусинск. Возвратившись из ссылки, в 1903—1904 гг. сотрудничал в газете «Русь», до тех пор пока ему не была запрещена всякая литературная

деятельность. В годы революционного подъема А. захватила волна радикализма: он пишет хлесткие политические фельетоны, сатирические сказки, в которых перемежат традиционные сказочные формулы газетно-публицистическими оборотами и политическими лозунгами. К «Современным сказкам» А. близки его т. н. «стихиры». В них, используя форму торжественных церковных песнопений, А. высмеивал черносотенца Иоанна Кронштадтского, царских министров В. И. Тимирязева и П. Н. Дурново, палача восстания на Черноморской эскадре вице-адмирала Г. П. Чухнина, а также самого Николая II и членов царской фамилии. За публикацию «стихирей» газета «Русь» была закрыта в 1906 г.

В конце 1904 г. А. эмигрировал в Париж, где издавал журнал «Красное знамя». На его страницах, а также в своих публичных лекциях А. выступал с резкими нападками на царскую фамилию, пропагандировал тезис о вырождении династии Романовых. Вместе с тем радикализм А. был весьма ограниченным. А. считал себя «беспартийным революционером». Он пытался найти некую срединную, внепартийную линию в политической борьбе, что полностью соответствовало его позитивистскому в своей основе и буржуазно-либеральному по своей сути мировоззрению. За границей А. сблизился с М. Горьким, привлек его к участию в своем журнале, встречался и интенсивно переписывался с ним. Но Горький, как видно из его писем к В. И. Ленину, критически отнесся к попытке А. поставить за границей «внепартийный» русский журнал. Вскоре сам А., убедившись в бесплодности своей затеи, прекратил издание журнала и уехал в Италию. В итальянской печати А. публиковал корреспонденции о русской общественно-политической и культурной жизни, в русской печати выступал с литературными и театральными рецензиями и фельетонами. В России и за границей одна за другой выходили его публицистические и беллетристические книги.

На «итальянский» период жизни А. (он продолжался до его возвращения в Россию в 1916 г.) приходится особенно интенсивная работа над беллетристическими произведениями. Хотя первые романы А. были написаны еще в 90 гг. и в начале века, именно в эмиграции он приступил к реализации своих масштабных замыслов в прозе. В 1908 г. была завершена диалогия «Сумерки богов», задуманная в 1904 г., создана серия романов из многотомной хроники «Концы и начала»: «Восьмидесятники», «Девятидесятники», «Закат старого века», «Дрогнувшая ночь». А. стремился проследить переломы в политике, философии, общественной морали и в искусстве на рубеже веков, широко используя свои личные наблюдения, свой опыт участия в общественной и литературной жизни конца XIX — нач. XX в.

В 1911 г. А. основал журнал «Современник»

и в течение года редактировал его. Это была новая попытка создать «внепартийный» журнал, вновь окончившаяся неудачей. М. Горький, поначалу согласившийся сотрудничать в «Современнике», опубликовал в нем лишь несколько небольших произведений, а затем под влиянием В. И. Ленина, критиковавшего журнал за нечеткость политического направления, отошел от него. Сам А. опубликовал в «Современнике» роман «Закат старого века», рецензии и литературные фельетоны.

В 10 г. от былого радикализма А. не осталось и следа, писатель очень быстро правел. Вернувшись в Россию в 1916 г., он занял «патриотическую» позицию, сотрудничал в газетах «Русское слово» и «Русская воля», на страницах которых опубликовано большинство его фельетонных циклов. Темы фельетонов А. 10 г., как правило, мелки и случайны. Он продолжает работу над хроникой «Концы и начала», издает Собрание своих сочинений, редактирует сборники «Энергия», а в 1917—1918 гг. — сатирический журнал «Бич».

Февральскую революцию А. встретил восторженно, к Октябрю отнесся враждебно. В 1920 г. эмигрировал в Италию. Деятельность А. в эмигрантской печати показала полное непонимание им происходившего в Советской России, стала логическим завершением пути буржуазного либерала и «беспартийного литератора», каким А. стремился быть до 1917 г.

Литературное наследие А. включает в себя, помимо огромного количества газетно-публицистических материалов, романы, повести, рассказы, литературно-критические статьи и заметки, пьесы, сатирические стихотворения. Оно неравноценно. Значение произведений А. определяется злободневностью поднимавшихся им проблем, уровнем их осмысления. Большинство романов, повестей и пьес А. — более или менее удавшиеся попытки беллетристической или драматургической обработки тем А.-журналиста.

А. называл себя «публицистом по духу, любви и привычке», а свое творчество — «типическим обобщением наблюдений» над жизнью современников. Он с гордостью относил себя к «восьмидесятникам», т. е. его мировоззрение и художественные принципы сформировались в 80—90 гг. с ее культом позитивизма, буржуазного прогресса, натуралистическим увлечениями. На А. писателя непосредственно повлияли теоретические выступления и творческая практика французских натуралистов Э. Золя и бр. Гонкуров. Как и П. Д. Боборыкин, А. считал своей главной задачей создание своеобразной «социологической летописи» современности. Его романы-«фельетоны» («Виктория Павловна», «Марья Лусьева», «Марья Лусьева за границей», «Сумерки божков») и романы-«хроники», составившие обширный цикл «Концы и начала», ввели массу разнообразных «человеческих документов». Практически все факты общественно-политической,

культурной жизни страны и даже «личной» жизни персонажей в произведениях А. строго документированы. Он использовал в качестве «человеческих документов» не только дневники, статьи, письма и т. п., но и проводившиеся им самим анкеты (на основе их сложился, напр., цикл рассказов-очерков «Бабы и дамы (междусословные пары)'). Питательная среда беллетристики А. — общественные толки, мнения, слухи. Прозрачные намеки А. на общественные факты и конкретных лиц без труда расшифровывались читателями и давали обильную пищу для пересудов. Это, впрочем, входило в его творческие намерения.

А. неоднократно писал о своей приверженности «реализму», но его эстетическая программа была, по существу, натуралистической. Он, по меткому замечанию критика А. Измайлова, «бежал через жизнь», что приносило и приобретения (оперативность писательской реакции на события, злободневность, публицистическую остроту), и ощутимые художественные потери (поверхностность, дефицит обобщений, поспешность оценок и выводов). Многие произведения А. как бы распадаются под напором фактов на вереницу слабо связанных друг с другом эпизодов, сцен, монологов, споров, хотя писатель и пытался «скрепить» их, чаще всего с помощью любовной интриги. Тщательное социально-психологическое обоснование поведения персонажей А. нередко заменял биологическими мотивировками. Дурная наследственность, «вырождение», сумасшествие, алкоголизм или нимфомания — этот комплекс человеческих пороков для А.-прозаика был столь же важен, как и пороки общественные: обскурантизм, ретроградство, черносотенство и т. п.

Наибольший интерес представляет цикл романов-«хроник» А. «Концы и начала. Хроника 1880—1910 гг.», замысел которого сложился в годы первой русской революции. В этой своеобразной «летописи» русской жизни отразилось убеждение А. в неизбежности и благотворности социальных потрясений. Романы цикла — первая в русской литературе попытка осмыслить жизнь русского общества в конце XIX — нач. XX в., основанная на личном опыте А., участника и свидетеля основных событий этого времени. Однако романы-«хроники» отмечены теми же недостатками, что и другие произведения А.

Соч.: Собр. соч.—Сиб.: Пг., 1911—1916.—Т. 1—XXX, XXXIII—XXXV, XXXVII; Современные сказки.—Женева, 1905.—Вып. 1—4; Сумерки божков.—Сиб., 1908—1909.—Ч. 1—2; Современники.—М., 1908; Литературный альбом.—М. [б. г.]; Жар-цвет; Романы. Фельетоны.—Кишинев, 1989. Лит.: Измайлов А. Бегом через жизнь (Александр Амфитеатрон) // Измайлов А. Пестрые знамена. Литературные портреты безвременья.—М., 1913; Львов В. Родственные и чуждые В. Писатель без выдумки // Львов-Рогачевский В. Слова накануне.—М., 1913.—С. 110—136; Спиридонова (Евстигнева) Л. А. Русская сатирическая литература

начала XX века.— М., 1977.— С. 59—66; Бушueva С. Я. А. В. Амфитеатров // Очерки истории русской театральной критики (конец XIX — начало XX в.).— Л., 1979.— С. 118—128; Литературное наследство.— М., 1988.— Т. 95.— С. 31—473.

В. Е. Красовский

АНДРЕЕВ, Леонид Николаевич [9(21).VIII. 1871. Орел — 12.IX.1919, дер. Нейвола, близ Мустамяк, Финляндия; в 1956 г. прах перенесен на литераторские мостки Волкова кладбища, Ленинград] — прозаик, драматург, критик и публицист. Родился в семье землемера. В 1882—1891 гг. учился в Орловской гимназии. В юности много читал и к двадцати годам, по словам писателя, «был хорошо знаком со всею русскою и иностранною (переводною) литературою» (Русская литература XX века.— М., 1915.— Т. 2.— С. 243). После смерти отца в 1889 г. семья А. сильно нуждалась и часто жила на его скудные заработки (уроки, живописные работы). В 1891—1897 гг. учился на юридических факультетах Петербургского и Московского университетов.

В литературу А. вступил как писатель-реалист. В печати первый его рассказ появился в 1892 г. (Звезда.— № 18). Печатался в 1895—1896 гг. в «Орловском вестнике». Однако началом своей творческой работы писатель считал сотрудничество (с конца 1897 г.) в новой демократической газете «Курьер». В ней он выступал как судебный репортер, фелетонист (псевдоним *Джеймс Линч*), беллетрист. Первый же опубликованный в «Курьере» рассказ А. «Баргамот и Гараська» (5 апреля 1898 г.) обратил на себя внимание М. Горького. Горький содействовал появлению в издательстве «Знание», вокруг которого объединил группу молодых реалистов, первой книги «Рассказов» А., имевшей большой успех.

Мировоззрение А. развивалось под сильным воздействием философии Шопенгауэра и народных идей, революционно-народнической этики. «Проблема совести» затронута во многих произведениях А. Своими литературными учителями он называл Л. Толстого и В. Гаршина.

А. обладал двойственным отношением к миру. Двойственность эта, подкрепляемая резкими колебаниями общественных настроений, была органическим свойством личности и творчества М. Горький писал: «...на одной и той же неделе он мог петь миру — «Осанна!» и провозглашать ему — «Анафема!» (Полн. собр. соч.— Т. 16.— С. 324). Трагическое мировосприятие сочеталось у А. с ярким общественным темпераментом, с быстрой реакцией на явления современной жизни.

Первые традиционно-бытовые рассказы раскрывали трагедии повседневной жизни и были проникнуты чувством глубокого сострадания к обездоленным людям. Во многих из них автор проявил себя тонким психологом. Критика особо отметила «Рассказ о Сергее Петровиче» (1900) и рассказ «Жили-были» (1901). В первом из них прослежено вызревание протеста у юного

нищезанца-самоубийцы против общества, обезличивающего человека, и против природы, создающей посредственные натуры. Во втором противопоставлялись два мировосприятия — не имеющее духовных связей с окружающим миром и исполненное любви к нему.

В мире, изображенном А., страдали и взрослые и дети, почти не знающие радостей. Всего несколько счастливых дней выпало на долю измученного работой парикмахерского мальчика («Петька на даче», 1899). Не знает светлого детства и гимназист Сашка. Восковой ангелочек, принесенный с елки в богатом доме, рождает у мальчика мечту об иной, счастливой жизни. Но ангелочек тает и вместе с ним исчезает мечта («Ангелочек», 1899).

Творчество А. быстро приняло антибуржуазный, антимеркантистский характер. Читателей поражала новизна проблематики и поэтики молодого автора, эмоциональный настрой его рассказов. Они вызвали ощущение тревоги, всеобщего неблагополучия и близящейся катастрофы («В темную даль», 1900; «Набат», 1901). А. Луначарский говорил: «Андреев поет так, что песня его переходит в крик» (Комсомольская правда.— 1926.— 24 окт.). Успех произведений А., особенно у молодежи, был огромен. Его слава соперничала со славой М. Горького.

Жизненный опыт А. был невелик, да он и не стремился расширять его. Писателя привлекала морально-этическая и философская сущность человеческого бытия. Особо волновало его все возрастающее отчуждение и одиночество современного человека. Разобщенность людей, их духовная ущербность, равнодушие к судьбам родной страны связывались А. не только с социальным неравенством и материальной нуждой, для него это результат ненормального устройства буржуазного общества в целом («Город», 1902). Разобщенность и бездуховность присущи и «благополучным» обывателям. В «Большом шлеме» (1899) персонажи равнодушны друг к другу, объединены лишь долготелней игрою в винт. Они так безлики, что автор начинает именовать их столь же безликим «они». Когда во время игры один из игроков умирает, оставшиеся взволнованы не самой смертью, а тем, что мертвый не узнал о своем долгожданном выигрыше, а они лишились четвертого партнера. В этом небольшом, но емком по смыслу рассказе появились черты, характерные для всего творчества А.

Неоднократно возвращаясь к теме одиночества, А., однако, не рассматривал его как фатальное предопределение или непреодолимое следствие социальных условий. По мысли писателя, одиночество можно преодолеть путем приобщения к горестям и радостям людей, к активной помощи им (рассказы 1900—1901 гг.: «На реке», «В подвале», «Иностранец», «Жили-были»).

Не менее характерны для раннего А. темы безумия и смерти («Мысль», 1902; «Жизнь

Василия Фивейского», 1903; «Призраки», 1904). Рассказ «Мысль» послужил началом многолетнего спора А. с М. Горьким о силе и значении разума. Горький был певцом его положительных начал. А. также высоко ценил мысль и вечное стремление человека преодолевать ею же установленные нормы («К звездам», 1905; «Полет», 1914), но писателя пугала двойственная сила разума, возможность использовать его разрушительную силу.

Среди реалистов нач. XX в., переживавших пору напряженных творческих исканий, А. занимал крайние позиции. Критиков удивляли необычные художественные средства и простота его творчества (рассказы «Ложь», «Стена» — оба 1901). Это были первые экспрессионистские опыты писателя. Быстро проявилось тяготение А. к поискам ирреального в реальном: в его произведениях возникает ощущение чего-то зловещего и таинственного, в то же время автор дает понять, что «роковое» в своей основе реалистично, хотя часто лишено каких-либо причинных связей. В отличие от критиков, советовавших А. писать проще, А. П. Чехов справедливо счел эту «непростоту» коренным свойством таланта А., к которому он приучит читателя. «И это будет большое имя» (Полн. собр. соч. Письма.— М., 1981.— Т. 10.— С. 134).

Значительное место в творчестве А. занимает богоборческая тема. В 1904 г. он писал: «Царство человека должно быть на земле». Отсюда призывы к богу нам враждебны» (Литературный архив.— М.; Л., 1960.— Т. 5.— С. 106).

Первый период творчества А. завершился повестью «Жизнь Василия Фивейского» (1903). Повесть эта с наибольшей силой проявила уже намечившееся ранее у А. тяготение к социально-философским обобщениям.

А. все больше отходит от изображения типичных обстоятельств жизни, видоизменяется и психологизм А.: в психике героя начинают выделяться лишь черты, характеризующие его своеобразную одержимость. Фивейский, судьба которого напоминает судьбу библейского Иова, одержим верой в высшую справедливость и ищет скрытый высший смысл в своих и чужих страданиях. Ему начинает казаться, что он, испытываемый богом избранник, призван облегчать несчастья людей. Но возвышенность чувств и мыслей героя сталкивается с реальной правдой. Он хочет воскресить умершего бедняка, оставившего большую семью, но чудо не свершилось. И тогда Мир для нового Иова рушится в самых основах: нет высшего Промысла и нет никакого оправдания тому, что происходит на земле.

Повесть раскрывала андреевскую концепцию человека: он ничтожен в сопоставлении с Вселенной. Не существует predeterminedного свыше смысла его жизни. Мрачная окружающая его действительность, но, постигая это, человек не становится смиренным. Герой А. обычно гибнет,

но это герой возмущившийся. Не смиренным умирает и Василий Фивейский. Повесть была признана выдающимся литературным явлением. Многие читатели, в т. ч. А. Блок, были потрясены ею. В. Г. Короленко писал, что тема повести «одна из важнейших, к каким обращается человеческая мысль в поисках за общим смыслом существования. Исполнение сухоовато, сурово и полно нервного захвата: читатель как бы попадает в какой-то вихрь, палящий и знойный» (Короленко В. Г. О литературе.— М., 1957.— С. 363).

Рассказ «Красный смех» (1904) обозначил новую веху в творческом развитии А. Писатель отказался от изображения конкретных событий русско-японской войны, поставив задачу показать антинародность и антигуманность войны как одного из безумств XX в. А. все шире начинал использовать условные художественные средства. Безумный ужас войны был воплощен им в символическом образе Красного (кровоавого) смеха, начинающего господствовать на земле. Гневный антивоенный протест А. получил широкую известность не только в России, но и за рубежом.

А. был увлечен революцией 1905 г. и всячески помогал революционерам. В феврале 1905 г. он был заключен в тюрьму за предостережение своей квартиры для заседания ЦК РСДРП. И все же его общественная позиция не стала более четкой. Его мировоззрение продолжает быть противоречивым. Пьеса «К звездам», прославляющая революционеров, появляется одновременно с рассказом «Так было», в котором выражено сомнение в победе революции. Такая двойственность будет характерна и для последующего творчества А.

«К звездам» — первая русская пьеса с обнаженной революционной тематикой. Впервые на сцене появились революционер-рабочий. Но пьеса говорит не только о революции. По мысли А., движение человечества вперед обусловлено двумя факторами: революционной борьбой и расширением научного познания мира. В пьесе утверждалась социальная значимость как революционных, так и научных подвигов. Вместе с тем в связи с религиозными исканиями интеллигенции на рубеже веков в пьесе был поставлен вопрос о личном бессмертии. Отвергая религиозную трактовку вопроса, А. говорил в своих произведениях о земном характере бессмертия, достигаемого деяниями и разумом самих людей.

И эта, и обнаженно богоборческая драма «Савва» (1905) — драматическая цензура запретила обе пьесы — были написаны в реалистической манере, не удовлетворившей автора. А.-драматург стремится теперь к обобщающим образам, выражающим определенную мысль или идею. Его все более привлекали «вечные» вопросы о жизни и смерти, борьбе добра и зла. Обращение к новой проблематике демонстрировала «Жизнь человека» (1906). Широко используя гро-

теск и гиперболу, писатель «создал» в этой пьесе схематизированную обобщенную картину жизни человека от рождения до смертного часа. То была условная пьеса, лишенная бытовой конкретности. В своей основе пьеса пессимистична: человек уже при рождении обречен на исчезновение, смерть. Ему неизменно сопутствует Некто в сером, как бы напоминающая, что все преходяще. Пьеса вызвала бурные споры. Одни критики сочли эту фигуру воплощением мистического представления о Роке; другие, в т. ч. А. В. Луначарский (см. его кн.: Критические этюды. Русская литература.— Л., 1925.— С. 156), увидели в ней символ неумолимой природы с ее биологическими законами. В «Прологе» говорилось, что человек «покорно совершает круг железного предначертания», в самой же пьесе А. не отказался от концепции мятежного человека, противопоставляющего свою волю неизвестному ему предначертанию. В начале пьесы юный герой вызывает на бой Некогого, точное имя которого ему неизвестно. В конце постаревший герой, лишенный силы и всеми покинутый, вновь вспоминает о боевом мече и умирает непокорным. Богоборческий пафос пьесы вызвал резкие протесты реакционной критики и церковников. По настоянию последних для новых постановок «Жизни человека» (она уже шла в Московском Художественном театре и в Театре Веры Комиссаржевской) были введены ограничительные меры.

В 1907 г. появилась пьеса «Царь Голод», которая должна была открыть задуманный, но не реализованный А. социально-философский цикл пьес о жизни человечества («Война», «Революция», «Бог, человек и дьявол»). В «Прологе» к «Царю Голоду» утверждалась историческая повторяемость: человек, преобразующий землю своим трудом, остается несатытым и бесправным. Царь Голод не раз поднимал людей на бунт, и он же заставлял их смириться. В пьесе в абстрагированной форме был показан один из бунтов в капиталистическом мире. Однако отрыв от реальной действительности искажал изображаемое: рабочие выступали как примитивная масса, незнакомая с классовой борьбой. К тому же анархический бунт рабочих не был явственно противопоставлен действиям черни, поджигающей библиотеки и картинные галереи. Все это значительно снизило социальный пафос пьесы, ее антибуржуазный характер. Одна из картин («Суд над голодными») была опубликована в социал-демократической газете (Гудок.—1908.—23 марта). Театральная цензура запретила «Царь Голод».

«Жизнь человека» и «Царь Голод» показали, что в литературу пришел драматург-новатор. «Жизни человека» была присуждена премия им. А. Грибоедова. Все в пьесах было подчинено стремлению автора дать широкое абстрагированное обобщение. Индивидуальный герой был изгнан, схематизированные персонажи обладали лишь родовыми признаками (гости, враги, друзья,

рабочие, судьи). «Такая схематизация позволила ввести в пьесы на равных правах с указанными персонажами персонажи условные — Некто в сером, Царь Голод. Основными художественными средствами стали гротеск, гипербола, антитеза. Позднее А. назовут зачинателем экспрессионистского театра, предварившего такой театр на Западе.

Богоборческая направленность творчества А. с особенной силой проявилась в трагедии «Анатэма» (закончена в 1908 г.). В ней поставлен вопрос о трагической ограниченности разума в познании тайн мироздания, о силе и значении любви к ближнему, о понятии бессмертия человека. Новый Мефистофель, Анатэма хочет проникнуть за железные врата, символизирующие предел миропостигаемости; ему надо узнать, что таит в себе Вечность и что лежит в ее основе. Анатэма дает понять, что одни ищут ответа в материалистическом учении, другие в религии. Сам Анатэма в исканиях истины терпит поражение. Он так и не узнал, кто является вершителем человеческого судьбы. Терпит он поражение и при проверке силы любви к ближнему.

При постановке Московский Художественный театр выявил в пьесе социальную сторону, а Новый драматический театр (Пб.) — философскую. И эта пьеса вызвала бурные споры, а затем была запрещена к постановкам циркуляром министра внутренних дел.

«Жизнь человека», «Анатэма» и последующие за ними «Черные маски» (1908) и «Океан» (1910, также запрещенный цензурой) обозначили возникновение в русской драматургии философско-символической драмы. Вместе с тем А. не отказался и от драмы реалистической. Две из них из студенческой жизни — «Дни нашей жизни» (1908) и «Гаудеамус» (1909) пользовались большим успехом на провинциальных сценах. А. создал также ряд сатирических пьес, из которых наиболее известны «Любовь к ближнему» (1908) и «Прекрасные сабинянки» (1912).

А. — драматург и прозаик создал оригинальную художественную систему, резко выделившую его среди других авторов. В связи с обращением к нереалистической поэтике А. порою причисляют к представителям нереалистических течений. Это неправомерно. Критики часто сближали А. с символистами (А. Белый, В. Брюсов, Вяч. Иванов, З. Гиппиус) не считали его близким себе литератором, он был чужд их мировоззрению и творческому методу. А. остался крупным представителем реалистического искусства, ищущего в нач. XX в. своего обновления.

В 1906—1909 гг. А. прозаик продолжал в своем творчестве обсуждать животрепещущие социальные вопросы. Пессимизм его в связи с общей политической обстановкой в стране и со смертью жены усилился. Однако коренные основы его гуманизма остались неизменными. Об этом свиде-

тельствует рассказ «Елеазар» (1906), противостоящий своей социальной направленностью модернистской литературе, воспевающей смерть.

В 1907 г. А. опубликовал рассказы «Иуда Искариот» и «Тьма», явившиеся в какой-то мере откликом на распространившиеся в русском обществе после подавления революции 1905 г. явления ренегатства и предательства. В первом рассказе А. создал сложный психологический образ предателя. Став учеником проповедника добра, Иуда испытывает к нему любовь-ненависть. Он убежден в господстве зла и вместе с тем ему хочется, чтобы правым оказался не он, а Христос. А. расширяет в своем рассказе представление о пределах предательства. Помимо Иуды в предательстве были обвинены и трусливые ученики и народная масса, не выступившая в защиту Иисуса. Рассказ еще раз обнаружил парадоксальность мышления А.

Рассказ «Тьма» посвящен раскрытию психологии революционера-ренегата. Передовая критика, прежде всего марксистская, осудила рассказ, поставив его в один ряд с произведениями, очерняющими революционеров. «Тьма» послужила началом разрыва дружбы А. с М. Горьким. М. Горький высоко ценил талант А., но неясная общественная позиция этого художника все далее отдаляла их друг от друга. С 1909 г. А. перестает быть участником «Сборников товарищества „Знание“» и начинает печататься в модернистских альманахах издательства «Шиповник». «Тьма», по мысли М. Горького, показала отход А. от демократизма. Позиция А. не была и теперь однозначной. Одновременно с «Тьмой» писатель опубликовал рассказ о неясности стремления человека к борьбе за свободу («Из рассказа, который никогда не будет окончен»), а в 1908 г. выступил с гневным протестом против смертных казней в годы реакции («Рассказ о семи повешенных»).

Обостренный интерес А. к проблеме совести и нравственного долга вновь проявился в романе «Сашка Жегулев» (1911), посвященном стихийному протесту романтически настроенной молодежи и «потревоженной России» против подавления революции. Юный атаман «лесных братьев», совершающих набеги на помещичьи усадьбы, обрекал себя на гибель во имя попорченной социальной справедливости.

Проблема совести, трактуемая в духе народной этики индивидуального самопожертвования ради блага народа, уже не соответствовала новым историческим условиям. Роман был отвергнут критикой, не признавшей психологически убедительным образ гимназиста Саши Погодина (Жегулева). То, что А. впервые в своем творчестве заговорил о бесплодности анархического бунта, ею отмечено не было. Особенно болезненно воспринял А. резкий отзыв М. Горького. Позднее, в 1925 г., когда полемика с А. ушла в прошлое, М. Горький изменил свое отношение к

роману, признав, что А. удалось показать явление, характерное для лет реакции (Литературное наследство.— М., 1965.— Т. 72.— С. 404).

1910 гг., обозначившие третий период творчества писателя, стали годами его духовного кризиса. Он отказывается от острой социальной проблематики и вновь активно работает в области драматургии.

Взгляды его на театр изменяются. А. выступает как теоретик нового театра («Письма о театре», 1912—1913), утверждая, что время острых интриг и коллизий прошло, теперь на первый план выдвигается внутренний мир человека. Трагедийный театр не исчезнет, но все из внешней сферы жизни должно переместиться в микрокосм отдельного человека, в глубь подсознания его души. Необходимо появление особого, панпсихического театра, который будет прежде всего воздействовать на мысль, а не на чувства зрителей. Свои представления о новой драме А. наиболее отчетливо выразил в «Собачьем вальсе» (1915) и «Реквиеме» (1916), изобилующем манеру условного театра. Создать панпсихический театр А. не удалось, но его художественные искания оказались созвучными более поздней европейской драматургии.

Отход от социальной проблематики и панпсихическое экспериментаторство значительно снизили популярность А. Из его творчества почти совсем исчезает человек-протестант. В числе немногих исключений — сатирическая пьеса «Конь в сенате» (1915) и рассказ «Полет», который А. считал выражением своего творческого кредо. Но одно из новых произведений А. не становится литературным событием. И тем не менее за его творчеством пристально следят. В 1916 г. И. Бунин записал в дневнике: «Все-таки это единственный из современных писателей, к кому меня влечет, чью всякую новую вещь я тотчас же читаю» (Орловская правда.—1973.—6 мая).

Значительную роль в падении популярности сыграла позиция А. в годы первой империалистической войны. Писатель выступил в ее защиту, призывая к объединению всех общественных сил. Ему казалось, что победа над Германией создаст благоприятные условия для послевоенных революционных выступлений, сейчас же необходимо единство. Печальную страницу в творческой биографии А. представляло сотрудничество в буржуазной газете «Русская воля». Здесь он выступал как прозаик, публицист и редактор литературного и критического отделов. Но вскоре в повести «Иго войны» (1916) он показал рядового человека, начавшего понимать, какие беды несет война народу. Это был гуманистический протест А. против мировой войны, но протест этот не обладал уже силой эмоционального воздействия «Красного смеха». Эмоциональные годы жизни А. работал над романом «Дневник Сатаны». Герой рассказа «Мысль» только мечтал о всеразрушающем оружии. В «Дневнике Сатаны» говорилось о его возникновении.

Октябрьская революция не была принята А., вместе с тем его не покидали трагические раздумья о том, за кем будет историческая правда. Писатель тяжело переживал свой отрыв от родины (как и И. Е. Репин, А. жил с семьей на своей даче в Финляндии и после получения ею самостоятельности в декабре 1917 г. оказался в эмиграции), никогда не теряя веру в «ум, талант и совесть» русского народа, которые дадут ему возможность «воздвигнуть» вместо старого прогнившего дома «новое величественное здание» России (письмо к Л. А. Алексеевскому // Десницкий В. А. М. Горький.— М., 1959.— С. 239).

Соч.: Собр. соч.: В 13 т. / Предисл. М. А. Рейснера.— Спб., 1911—1913; Полн. собр. соч.: В 8 т.— Спб., 1913; Собр. соч.— М., 1913—1917.— Т. 14—17; Пьесы / Вступ. ст. А. Л. Дымшица.— М., 1959; Повести и рассказы: В 2 т. / Вступ. ст. В. Н. Чувакова.— М., 1971; Избранное. Со ст. А. И. Хвостова.— Л., 1984; Литературное наследство (Горький и Леонид Андреев. Незданная переписка).— М., 1965.— Т. 72.
Лит.: Львов-Рогачевский В. Две правды: Книга о Л. Андрееве.— Спб., 1914; Реквием. Сб. памяти Л. Андреева.— М., 1930; Афонин Л. Н. Леонид Андреев.— Орел, 1959; Андреев В. Л. Детство.— М., 1963; Вороский В. Леонид Андреев (1910) // Вороский В. Литературная критика.— М., 1971.— С. 261—279; Горький М. Леонид Андреев (1919) // Полн. собр. соч.— М., 1973.— Т. 16.— С. 313—357; Григорьев А. Л. Леонид Андреев в мировом литературном процессе // Русская лит-ра.— 1972.— № 3.— С. 190—205; Андреевский сборник.— Курск, 1975; Келдыш В. А. Русский реализм начала XX века.— М., 1975.— С. 212—264; Езунтова Л. А. Творчество Леонида Андреева: (1892—1906).— Л., 1976; Гречнев В. Я. Русский рассказ конца XIX—начала XX века.— Л., 1979.— 3-я глава; Творчество Леонида Андреева.— Курск, 1983; Бездубов В. Леонид Андреев и традиции русского реализма.— Таллинн, 1984; Муратов А. К. Д. Леонид Андреев — драматург // История русской драматургии. Вторая половина XIX — начало XX века (до 1917).— Л., 1987.— С. 511—551. К. Д. Муратова

АННЕНКОВ, Павел Васильевич [19. VI (1. VII). 1813 (по другим данным — 18 (30). VI. 1812), Москва — 8 (20). III. 1887, Дрезден] — публицист, критик, мемуарист. Родился в семье симбирского помещика. Учился сначала в Горном институте Петербурга, из которого ушел в 1832 г. и стал вольнослушателем историко-филологического факультета Петербургского университета. В 1833 г. был зачислен в канцелярию Министерства финансов в чине коллежского секретаря, но вскоре оставил службу. Первым духовным вождем А. был Гоголь, чьи субботние вечера на Малой Морской он посещал постоянно (Анненков П. В. Литературные воспоминания.— М., 1983.— С. 58—65). С 1839 г. в жизнь А. входит В. Г. Белинский, оказавший огромное воздействие на его дальнейшее духовное развитие. Дружба с Гоголем и Белинским определила будущую литературную судьбу А., его верность принципам реализма, глубокий интерес к современности. 1840—1843 гг. А. провел за границей, посетил Германию, Австрию, Италию, Швейцарию, Францию, Бельгию, Данию, Англию. Поселившись в Риме с Гоголем, он переписывал набело первый том «Мертвых душ». Свои впечатления А. живо и интересно отразил в «Письмах из-за границы»

(«Отечественные записки», 1841—1843) и «Путевых записках» (Анненков П. В. Парижские письма.— М., 1984.— С. 235—281). Белинский одобрил его дебют, обратив внимание публики на широту и точность изображения, на импровизационную манеру «Писем». Характеристика А. как эстетствующего сибарита, одержимого лишь «платонической любознательностью» (П. Л. Лавров), несправедлива. В центре внимания А.— быт и нравы, культура и политика, история и современность Европы. От его наблюдательного взора не ускользает ничего: он видит не только великолепие Венеции, Рима, Милана, напряженную умственную атмосферу Берлинского университета, Соборный, блеск парижских театров с великой Рашелью, Ф. Леметром, но и ужасающую нищету, филистерство, усиление католицизма, угрожающего культуре и просвещению Европы. Мертвящая политика Прусской империи и Июльской монархии неизбежно порождает, по свидетельству А., протест. Дух оппозиции подчеркивает он в идеях младогегельянцев, в литературной программе «Молодой Германии», в поэзии Гейне. Особый интерес вызывает у него активная общественно-литературная борьба во Франции, которой он пророчит погибнуть «или в революционном вихре, или в другом каком-либо исключительном направлении» (Парижские письма.— С. 43). Так уже в начале творческого пути определились характерные признаки его «энциклопедически-панорамического пера» (И. С. Тургенев).

В петербургский период (1843—1845) А. еще больше сблизился с Белинским и его друзьями: Герценом, Огаревым, Грановским и др.

А помог кружку Белинского глубже разбираться в различных течениях европейской социально-политической, философской мысли (Фейербаха, П. Леру, Э. Кабэ). Принимая активное участие в спорах вокруг Гоголя и «натуральной школы», он первым обратил внимание на успех физиологического очерка во Франции, чем, вероятно, помог утверждению его в русской литературе. В процессе страстных общественно-литературных споров между западниками и славянофилами А. определился как либерал-западник. В 1846 г. он снова едет в Европу. Живет преимущественно в Париже, летом 1847 г. сопровождает Белинского в Зальцбрунн и становится «нравственным участником» (П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка. 1835—1855 гг.— Спб., 1892.— С. 531) создания «Письма к Гоголю». Этот факт не прошел для него бесследно. 40 гг. были пиком радикального умонастроения А. В 1846 г. в Брюсселе происходит знаменательная встреча его с Марксом (затем с Энгельсом). Их переписка по поводу книги Прудона «Философия нищеты» и общая методология Маркса оказали определенное влияние на мышление А. Он не принял, разумеется, исторический материализм в целом, но закон обусловлен-

ности общественного развития, экономическими отношениями в известной мере усвоил. 6 января 1847 г. А. пишет Марксу, что его мнение о работе Прудона оказало на него «поистине живительное действие». Он соглашается с критикой произвольных, «чистых категорий» Прудона и подчеркивает объективность теории Маркса, «который возвращает... нас к экономическим и историческим фактам и показывает их нам в их действительном развитии» (К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия.— М., 1967.— С. 142). Судя по письмам и мемуарам А., он сумел по достоинству оценить масштабы личности Маркса и пронес глубокое уважение к нему через всю жизнь. В 1848 г. А. вновь встречается с Марксом и Энгельсом в Париже. Общение с ними наложило заметный отпечаток на его корреспонденции и оценку французской буржуазной революции. Круг интересов А. необычайно расширяется, обостряется его внимание «к политико-экономическому движению» (Парижские письма.— С. 154). В «Парижских письмах», опубликованных «Современником» (1846—1847), воссоздается атмосфера литературной жизни Парижа (Дюма, Ж. Санд, Бальзака), вернисажей Делакура, Коро. Но главную задачу А. видел в том, чтобы показать, «чем занята общественная мысль» французов. Поражает осведомленность автора «Писем» о политической жизни Франции с ее непримиримыми противоречиями, властью финансистов, голодом, с толпами на парижских улицах, словно ждущими взрыва. Внимательно изучая настроения рабочих и буржуазии, А. делает вывод: трудовая и официальная Франция говорят на разных языках. Однако революцию 1848 г. он не принял: кровавое насилие и восставшего народа, и душителя революции Кавеньяка ужаснуло его. Тем не менее А. нашел в себе мужество стать ее летописцем, о чем свидетельствуют его вновь найденные «Записки о французской революции 1848 г.», передающие живое присутствие автора во всем: он отправляется на разгромленные баррикады, попадает в толпу расстреливаемых рабочих, вслед за восставшими входит в Тюильри, видит знаменитых вождей революции: А. Ламартина, Л. Блана, А. Барбеса, Л. Бланки. Информация А. была активной, целенаправленной. О чем бы он ни писал, перед его глазами всегда стояла родина, общественно-политическое переустройство которой ему хотелось ускорить. Горячо поддерживая Белинского в борьбе со славянофилами, А. выступал за антифеодалную, антиклерикальную, просвещенную Россию, призванную через познание Европы осознать собственный исторический путь. «Письма Ваши — наша отрада», — писал Белинский и делился с ним заветными мечтами об отмене крепостничества, о возможных путях «гражданского» развития страны (Белинский и В. Г. Полн. собр. соч.— Т. XII.— С. 342).

В 1848 г. А. вернулся домой и занялся критикой. Продолжая традицию умершего Белинско-

го, он пишет обзор, «Заметки о русской литературе 1848 г.» (Современник.— 1849.— № 1), где впервые использует термин «реализм». Запретного имени великого критика А. не называет, но ссылается на «петербургские» журналы, которые уже разработали понятие о «натуральной», истинной поэзии. Он творчески развивает идеи Белинского и трактует реализм широко как новый художественный метод, противоположный мелкому, натуралистически-бытовому описательству, видит в литературе «помощницу общественного образования» (Анненков в П. В. Воспоминания и критические очерки.— Спб., 1879.— Т. 2.— С. 45). Однако уже в этой статье намечались тенденции нормативной эстетики А.: принцип нравственности и гармонии как основной критерий оценки искусства. В статье «Романы и рассказы из простонародного быта в 1853 г.» в итоге анализа произведений Д. В. Григоровича, А. Ф. Писемского, А. А. Потехина, И. В. Кокорева он приходит к отрицанию в литературе непримиримых социальных конфликтов, разрушающих мир гармонии.

Массовые репрессии в период мрачного семилетия испугали А. Он оставляет Петербург и 1849—1853 гг. проводит в имении Чирьково. В его записках «Две зимы в провинции и деревне. С января 1849 по август 1852 года» саркастически изображен разгул николаевской реакции: всеобщая подозрительность, доносы, грабеж народа. Конец 40—50 гг.— время активной литературной деятельности А. Он пишет очерки «Письма из провинции», повести «Кирюша», «Она погибнет», статьи, готовит «Материалы для биографии Пушкина», издает полное собрание его сочинений (1855—1857). Издание пушкинских сочинений и первой научной биографии в эпоху общественно-исторического безвременья было равносильно подвигу. Мужеством боролся А. за право публикации подцензурных стихов поэта. Около ста двадцати его новых произведений, набросков вошло в это издание. «Русские, любившие Пушкина как честь своей родины, как одного из вождей ее просвещения, давно уже пламенно желали нового издания его сочинений, достойного его памяти...» (Добролюбов в Н. А. Собр. соч.— М.; Л., 1962.— Т. II.— С. 164). И А. блистательно выполнил эту национально-историческую задачу. По богатству документов, глубокому текстологическому анализу анненковское издание было уникальным и не утратило своего значения до сих пор. Наряду с Белинским, А. смело можно отнести к первым исследователям, заложившим основы современного пушкиноведения. Работая над «Материалами», он стремился воссоздать исторически достоверный, живой и целостный облик поэта, а главное — «уловить мысль Пушкина» (Материалы.— С. 132), проследить динамику его творчества, что требовало обширного знания фактов, тонкого художественного чутья. Неумоимо собирал А. воспоминания близких, друзей, сов-

ременников Пушкина, scrupulosamente изучал его письма, рукописи, периодику тех лет. Книга А. согрета сердечной любовью к поэту, в ней звучат интонации пушкинского голоса, его мысли, чувства. Автор глубоко постиг многообразный мир Пушкина — человека, поэта, философа, историка, критика и публициста. Благодаря А. Пушкин во многом предстал по-новому. Опираясь на традиции Белинского, А. в то же время сделал шаг вперед в научном освоении пушкинского наследия: поставил на должное место сказки, воплотившие «гениальное» проникновение поэта в дух русского фольклора, по достоинству оценил прозу и «Бориса Годунова» как рубеж на пути обретения автором полной творческой зрелости, впервые обратился к изучению графики Пушкина как средству постижения тайны его творчества. С небывалой до того широтой раскрылось в фундаментальном труде А. национально-историческое и мировое значение поэта, верную оценку получила его журналистская деятельность; важное значение которой не смогли понять другие критики. Пушкин для А. — универсальный гений, поэзия которого сохраняет свое непреходящее значение как идеальный образец русского искусства, как залог его великого будущего. Изучение творческой биографии Пушкина стало делом всей жизни А. В «Материалах» он был вынужден умолчать о декабристах, о причинах ссылки и дуэли поэта. В книге «Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху» (1874) А. восполняет этот пробел, но трактует декабристские связи, столкновение поэта с царем с умеренно либеральных позиций. В статьях «Общественные идеалы А. С. Пушкина...» (1880) и «Литературные проекты А. С. Пушкина. Планы социального романа и фантастической драмы...» (1881), написанных к столетнему юбилею поэта, анализируются его журнальные, творческие замыслы, роль его в общественном самосознании 20—30 гг. Издание «Материалов», сочинений Пушкина вызвало огромный интерес, многочисленные частные и публичные восторженные отклики: И. И. Павличева, С. А. Соболевского, И. И. Пущина, М. П. Погодина, П. А. Плетнева (см.: Комментарий к «Материалам для биографии А. С. Пушкина». — М., 1985. — С. 27—32), А. В. Дружинина (Библиотека для чтения. — 1855. — № 3, 4), Н. Г. Чернышевского (Современник. — 1855. — № 2, 3, 7, 8), М. Н. Каткова (Русский вестник. — 1856. — Кн. 1, 2), Н. А. Добролюбова (Современник. — 1858. — № 1) и др. Дружинин писал, что «Материалы» «составлены... с редким талантом и с редкою пронизательностью» (Дружинин А. В. Литературная критика. — М., 1983. — С. 33). Н. Г. Чернышевский также отметил «совершенно обработанную литературную форму» «Материалов», которые будут служить «образцом биографии» (Полн. собр. соч. — М., 1949. — Т. 2. — С. 428). Добролюбов назвал издание А. общественно-литературным событием, связав его успех с пере-

ломным историческим моментом, и заметным оживлением литературы после смерти Николая I: «Память Пушкина как будто еще раз повеяла жизнью и свежестью на нашу литературу, точно окропила нас живой водой...» (Собр. соч. — Т. II. — С. 164). Единодушно одоблив труд А., революционеры-демократы и либераль решительно разошлись во взглядах на роль Пушкина в современной литературе. Чернышевский и Добролюбов высоко ценили историческое значение поэта, который совершил «великое дело свое» — ввел в русскую литературу «поэзию, как прекрасную художественную форму». Но он был для них уже «в прошедшей эпохе» и не мог быть «признан корифеем и современной русской литературы», живое содержание в которую внес Гоголь. Дружинин, напротив, был убежден, что «текущая словесность изнурена, ослаблена своим сатирическим направлением» и «лучшее орудие» против этого одностороннего направления, «к которому привело... неумеренное подражание Гоголю», видел в поэзии Пушкина, изображавшей жизнь во всей полноте и гармонии (Дружинин А. В. Литературная критика. — С. 61). В условиях обострившейся общественно-литературной борьбы 50 гг. А. порвал с «Современником» и примкнул к Дружинину, Боткину, но занял в эстетическом триумфаторе особую, хотя и противоречивую позицию. В статье «О мысли в произведениях изящной словесности» (1855) он отмечает активный общественный запрос на идейно-поучительное искусство и даже признает, что «постоянные хлопоты о мысли» расширяют «круг действия литературы», но зато лишают ее «свежести понимания явлений, простодушия во взгляде» на мир, придают ей «педагогический» характер (Воспоминания и критические очерки. — Т. 2. — С. 98). А цель искусства — «созерцание» жизни, когда «художническая мысль» изначально присутствует в произведении. К этому «высшему роду повествования», в котором объективно изображенные события и характеры «сами в себе носят свой суд, приговор и мысль, присущую им», стремятся Тургенев и Толстой. Справедливо отвергая отвлеченно-априорные концепции в искусстве, А. вместе с тем оставляет «в стороне сущность произведений» писателей и рассматривает преимущественно «внешнюю сторону» их таланта. Однако в анализе специфики разных способов повествования критик делает ряд ценных наблюдений и убедительно прослеживает переход Тургенева от «рассказа от собственного лица» («Записки охотника») к новой объективно-повествовательной манере («Два приятеля», «Затишье»), пронизательно усматривая в ней тенденцию к романной форме воплощения жизни. Справедлив его вывод и о том, что в творчестве Тургенева гоголевское влияние органически сочетается с пушкинским, в результате чего образуется своеобразный тургеневский стиль.

Идею преемственности Гоголя с Пушкиным и

плодотворности обоих начал в русской литературе выдвигает А. в программной статье «О значении художественных произведений для общества» (1856). Он как бы хочет «примирить крайние полемические точки зрения» (Егоров Б. Ф. Борьба эстетических идей в России середины XIX в.—Л., 1982.—С. 284), преодолевая крайности «артистической» теории искусства, А. утверждает, что искусство отражает «потребности общества» и невозможно «без живого понимания современности». «Первым условием художественности произведения он считает «полноту и жизненность содержания», для чего мало одного таланта, необходимо глубокое «познание» изображаемых явлений. Только в этом случае оно станет «выражением своей эпохи». Тезис: искусство — воспитатель общества, является основополагающим в его эстетической концепции. Утверждая принцип реализма, А. видит заслугу Гоголя в том, что он открыл русской литературе «дорогу в пространную область действительности». Но отношение искусства к действительности он понимает иначе, чем Чернышевский, «отдельные метафизические положения» (Егоров Б. Ф.—С. 116) диссертации которого (в частности, искусство — «суррогат» действительности) вызвали у него чувство протеста. А. защищает идею творческого переосмысления жизни в искусстве, создающем «новую», эстетическую реальность. Он подвергает также сомнению мысль о «практической пользе» искусства, о его «прямом служении обществу» и ставит вопрос «о неизмеримой важности художественных приемов как специфической черте искусства: истина в искусстве воплощается в «образе или представлении». А. придает огромное нравственно-воспитательное значение «художественному направлению в поэзии» и верит, вопреки демократам, что «пушкинская школа, как представительница этого направления, возродится с новым содержанием и с новой силой». Однако в полемике с демократической критикой он сам впадает в крайность и утверждает «чистую художественность» как непреложное «правило» эстетики. В итоге критик отождествляет социальную активность писателя с дидактикой, чуждой искусству, сужая тем самым его общественное значение. В 1857 г. выходит книга А. «Н. В. Станкевич. Переписка и биография», в которой обстоятельно и правдиво изображается благородный облик одного из друзей Белинского, огромное умственное и нравственное воздействие его на духовную жизнь эпохи. Не удивительно поэтому, что Чернышевский отозвался об этой книге самым лестным образом. Возросший интерес критики, читателей к нравственным проблемам в конце 50 гг. оказал на А. заметное влияние. Нравственно-этический анализ в статье «О литературном типе слабого человека» (1858), посвященной «Асе» Тургенева, приобретает прин-

ципальное значение! Он признает «верность всех положений» статьи Чернышевского «Русский человек на rendez-vous» и разделяет его мнение о нерешительности, бездействии тургеневского героя, но вывод делает совершенно противоположный: «лишний человек», при всей своей слабости, «единственный нравственный тип» современности. А цельные, сильные характеры, в качестве которых выступают у А. самодуры Островского, Щедрина, опасны, т. к. аморальны. Идея Чернышевского о необходимости новых, активных героев была несостоятельной в его представлении еще и потому, что в свойствах русского характера, склада жизни нет якобы «героического элемента». Точка зрения А. противоречила не только взглядам Чернышевского, но и Тургенева, который был убежден в неизбежности появления «сознательно героических» людей. В статье «О деловом романе в нашей литературе» (1859), написанной по поводу «Тысячи душ» Писемского, А. пытается вернуться к художественному анализу и возражает против отождращения в литературе общественных вопросов как основных. Однако под давлением времени он осознает крушение прежних идеалов. Важным этапом в идейно-эстетической эволюции А. стала рецензия на «Дворянское гнездо» Тургенева (1859), которая раскрывает с социальной точностью и глубиной неразрешимую драму героев «отживающего поколения». Критик подчеркивает, с одной стороны, «достоинство их характера», высокое «нравственное чувство» ответственности перед окружающими и видит в этом преимущество Лаврецкого перед Онегиным, Печориным. Лиза также значительно тверже, последовательнее Татьяна Лариной в представлении о счастье и долге и не способна «на сделку со своей совестью». Но в то же время, полемизируя с «искателями идеалов» (С. С. Дудышкиным, М. Де-Пуле), А. сурово судит героев Тургенева за самоотречение, пассивность. Их «нравственный паралич» он расценивает как следствие «болезни общества», старости, «круга, где они родились», и делает радикальный вывод: «обновление» необходимо «всем классам общества», и писатель должен обратиться к новым типам, так как именно от него «всегда можно ожидать... того слова, которое на очереди». Это суждение А. прямо перекликается с известным положением Добролюбова. В начале 60 гг. его внимание привлекает тема народа. Он резко осуждает Н. Ф. Павлова за пренебрежительную оценку «Грозы» Островского, заслугой которого считает обращение к «тайнам русской народности», к «коренным основам русского быта» и национальной культуры. Новое умонастроение А., несомненно, было обусловлено бурными событиями накануне реформы и возобновившимся общением в 1858—1860 гг. с Герценом, Огаревым. Реформу 1861 г. он встретил одобрительно (см. письма к Тургеневу от 6 и 25 марта — «На другой день», «Три недели спустя»), но вскоре убедился, что она означает начало

новой борьбы между помещиками и крестьянами. Школа диалектики, которую прошел критик в молодости, спасала его от фанатизма односторонности.

С середины 60 гг. А. живет в основном за границей, но по-прежнему остается в курсе всех русских дел. Дружба с Тургеневым, общение с Пыпиным, Стасюлевичем, Щедриным, Писемским тесно связывает его с литературной жизнью России. Широкая эрудиция, тонкий вкус позволили ему в 60—70 гг. создать ряд интересных работ, отразивших дальнейшую эволюцию его эстетической концепции. В статье «Русская современная история в романе И. С. Тургенева «Дым» (1867) А., в отличие от прежних работ, придает большое значение социальному смыслу романа, в котором слышит биение современной жизни. Идеологичность «новой манеры» Тургенева он справедливо объяснял «положением дел и умов в России» и активной позицией писателя как «общественного деятеля». Публицистичность «Дыма» не снижала теперь в его глазах художественной ценности романа. Напротив, он полагал, что «резкие черты жизненной правды» требовали подчеркнуто оценочного изображения. А. глубже других понял жанровое своеобразие «художнически-poleмического романа» Тургенева и снова оправдал его безграничное доверие как литературный судья и советчик.

Важное место в статьях А. 60 гг. «Исторические и эстетические вопросы в романе гр. Л. Н. Толстого «Война и мир» (1868), «Последнее слово русской исторической драмы: „Царь Федор Иванович“, трагедия гр. А. К. Толстого» и др. занимает проблема художественного историзма. Он расценивает «человеческий взгляд» Л. Толстого на историю как «самый лучший и щедрый дар» его романа, благодаря чему у читателя рождается «ощущение духа времени», сопричастности изображаемому. «Война и мир», по его словам, «составляет эпоху в истории русской беллетристики». Но жанрового новаторства эпопеи А. не понял. Исходя в ее оценке из критериев традиционно-исторического романа, он отмечал в ней «недостаток романического развития». В «историческую правду и достоверность» персонажей А. К. Толстого, при всей глубине их «психической разработки», А. не верил, т. к. находил в его драмах преобладание «фантазии над реальными фактами» и заимствование «чужих образов», противоречащих национальному духу. Делом жизни его в последние годы стали мемуары «Замечательное десятилетие» (1880), «Идеалисты тридцатых годов» (1883), в которых он достоверно, «изнутри» изобразил сложный процесс нравственно-философских исканий Белинского, Герцена, Огарева, Станкевича, Бакунина, воспитавших их подвижничеством. Центральное место в мемуарах занимают также Гоголь («Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года», 1857) и Тургенев. Воспоминания «Молодость И. С. Тургенева» (1884), «Шесть лет пе-

реписки с И. С. Тургеневым» (1885), написанные после кончины знаменитого, духовно очень близкого А. писателя, широко освещали малоизвестные страницы его биографии и роль его в общественно-литературной жизни с 1856 по 1862 г. Интересно по глубине проникновения в психологию творчества писателя воспоминание А. о Писемском «Художник и простой человек» (1882). Собранные в одну книгу, эти бесценные мемуары обрели значение, далеко выходящее за их жанровые рамки. Они соединили в себе философско-публицистические элементы с аналитичностью критики, с глубоким психологизмом художественной прозы. Наследие А. вошло в золотой фонд отечественной культуры, без него невозможно современное исследование истории русской литературы, критики, публицистики.

Соч.: Воспоминания и критические очерки: В 3 т.— Спб., 1877, 1879, 1881; П. В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка 1835—1885 годов.— Спб., 1892; Литературные воспоминания / Вступ. ст. и примеч. Б. М. Эйхенбаума.— Л., 1928; О мысли в произведениях изысканной словесности. О значении художественных произведений для общества. Русская эстетика и критика 40—50 гг. XIX в. / Подгот. текста, вступ. ст. и примеч. В. К. Кантора, А. Л. Оспаната.— М., 1982.— С. 319—368; Литературные воспоминания / Вступ. ст. В. И. Кулешова; Комментар. А. М. Долотовой, Г. Г. Елизаветиной, Ю. В. Манна, И. В. Павловой.— М., 1983; Парижские письма / Подгот. текста и примеч. И. Н. Конобеевской.— М., 1984; Материалы для биографии А. С. Пушкина / Общ. ред. и вступ. ст. Г. М. Фридляндера; Подгот. текста и комментарий А. А. Карпова.— М., 1984; Материалы для биографии А. С. Пушкина. Комментарий к материалам для биографии А. С. Пушкина / Вступ. ст. К. В. Шилова; Комментар. А. Л. Оспаната, Н. Г. Охотина.— М., 1985.

Лит.: Лавров П. Л. Турист-эстетик // Дело.— 1879.— № 10; Чернышевский и Н. Г. Социниан А. С. Пушкина // Полн. собр. соч.— М., 1949.— Т. 2.; Добролюбов Н. А. Сочинения Пушкина. Седьмой дополнительный том // Собр. соч.— М.; Л., 1962.— Т. II; Егоров Б. Эстетическая критика без лака и без дегтя / В. П. Боткин, П. В. Анненков, А. В. Дружинин // Вопросы литературы.— 1965.— № 5; Егоров Б. Ф. П. В. Анненков // Борьба эстетических идей в России середины XIX века.— Л., 1982; Володина Ю. В. П. В. Анненков — литературный критик // Русская критика и историко-литературный процесс.— Куйбышев, 1983; Дружинин А. В. А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений // Литературная критика.— М., 1983; Мани Ю. В. Гоголевские мемуары («Н. В. Гоголь в Риме летом 1841 года») Анненкова как эстетический документ // Проблемы изучения культурного наследия.— М., 1985.

М. М. Кедрова

АННЕНСКИЙ, Иннокентий Федорович [20. VIII, 1855, Омск—30. XI. 1909.] — поэт, переводчик, драматург, критик, педагог. Родился в семье начальника отделения Главного управления Западной Сибири. В 1860 г. переехал с родителями в Петербург. В 1879 г. окончил историко-филологический факультет Петербургского университета по специальности сравнительное языкознание. В том же году приступил к педагогической деятельности, которую не прекращал практически до самой смерти (преподавал древние языки в гимназии Ф. Ф. Бычкова и в Павловском институте, теорию словесности на Высших женских (Бестужевских) курсах, греческую литературу на курсах Н. Н. Раева, работал директором Коллегии Павла Галагана в Киеве, 8-й мужской гимназии в Петербурге и Николаевской гимназии в Царском

Селе, затем — инспектором Петербургского учебного округа).

А. начинает выступать в печати в 80 гг. со статьями по филологии и педагогике в основном в «Журнале Министерства народного просвещения» (его первая рецензия на польскую грамматику А. Малецкого была напечатана в марте 1881 г.). В работах, посвященных проблемам гимназического образования, А. подчеркивает эстетико-воспитательное значение гуманитарных дисциплин, необходимость классической основы обучения.

Начиная с 90 гг. в журнале «Русская школа» появляются статьи А. о творчестве русских писателей: Гоголя, Лермонтова, Гончарова, Майкова. В 90—900 же гг. начинают выходить его переводы трагедий Еврипида.

Первое опубликованное художественное произведение А. — трагедия «Меланиппа-философ» (1901), вторая трагедия «Царь Иксион» появляется в 1902 г. В 1904 г. А. под псевдонимом *Нук*. Т.-о. выпускает первый стихотворный сборник, куда входят стихотворения разных лет и стихотворные переводы («Тихие песни»). В 1906 г. он печатает трагедию «Лаодамия» и издает сборник литературно-критических статей «Книга отражений». «Вторая книга отражений» была выпущена А. в 1909 г. В 1906 г. выходит первый том переведенных А. пьес Еврипида («Театр Еврипида») с вступительными статьями переводчика. Второй сборник лирики А. «Кипарисовый ларец» и трагедия «Фамира-кифарэд» были опубликованы уже посмертно. В 1923 г. сын поэта В. Кривич издает сборник «И. Анненский. Посмертные стихи», куда вошли все стихотворения, не печатавшиеся ранее.

А. вступает в литературу будучи сложившимся поэтом. Уже в «Тихих песнях», отмеченных наиболее заметным влиянием французского декаданса (включение в сборник переводов «Парнасцы и проклятые» носит программный характер), очерчивается круг основных тем его лирики, проявляются отличительные черты его поэтического стиля, звучит главный камертон всего творчества А. — единство интеллектуального и нравственного начал.

Творчество А. обычно рассматривают в соотнесенности с литературой русского символизма, хотя художник не принадлежал к символистской школе. Но поэт был внутренне близок символистам в понимании потенциальных возможностей слова в художественном тексте, его смысловой и образной многоплановости. Однако, рассматривая те же, что и символисты, проблемы, А. концентрирует свое внимание и на эстетическом, и на этическом моменте творчества. Ему чужда поза поэта-индивидуалиста, что было характерно для символистов 90 гг. Высокая социально-нравственная проблематика в произведениях А. в значительной мере объясняется своеобразным преломлением в его сознании народнических идей (стар-

ший брат Н. Ф. Анненский, видный деятель народнического движения в России, имел серьезное влияние на А. в юности) и традиций русской реалистической литературы XIX в.

Лирический герой стихотворений А. — интеллигент переходного периода рубежа веков, остро чувствующий несовершенство современной действительности и трагически переживающий свое бессилие что-либо изменить в ней. Чувство тоски, одиночества, тревоги, ответственности за происходящее, муки «больной совести», испытываемые героем, создают основной тон и настроение поэзии А. Поэт пытается постичь сложные чувства, неуловимые процессы, происходящие в человеческой душе, выявить ее многообразные, глубинные связи с окружающим миром. Отсюда — зыбкость, текучесть поэтического пространства большинства его стихотворений, взаимопроницаемость стихотворных текстов, наиболее четко выраженная в разных способах циклизации, наметившейся в «Тихих песнях» и ставшей основным принципом группировки стихотворений в «Кипарисовом ларце» (трилистники, складки).

При стилевом и жанровом разнообразии творчество А. обладает идейно-эстетическим единством, которое возникает на основе освоения поэтом классического литературного наследия (античной литературы, в первую очередь драматургии Еврипида), опыта русской психологической прозы XIX в. и французской поэзии второй половины XIX в. (главным образом творчества парнасцев и символистов). Античная литература и искусство были дороги А. гармоническим единством формы и содержания, эстетических и этических целей. В поэзии парнасцев, среди которых А. особенно выделяет Леконта де Лиля, он ценил подчеркнутую объективацию лирического чувства, повышенное внимание к художественной детали. Французские символисты были близки А. пониманием поэтического символа как соответствия и поисками новых художественно-выразительных средств поэзии, обостренной чуткостью к музыкальности стиха.

Символ у А. не является средством постижения трансцендентных сущностей в отличие от русских символистов. Он служит способом связи между миром лирического героя и внешним миром (тракуемый чрезвычайно широко: «все, что не я»). В поэтической системе А. мир природы (сюда же относится мир вещей) наделяется самостоятельным существованием, в то же время «сцепленным» с миром человека, этически равным ему. При этом происходит анимизация вещи, с одной стороны, и опредмечивание человеческих ощущений и переживаний — с другой. Художественный метод А. может быть в целом определен как психологический символизм.

А. художественно обоснованно и точно пользуется широким диапазоном русской лексики (от церковной до областных слов), что давало повод некоторым современным поэту критикам упрекать

его за «будничность», «прозрачность» поэтического языка.

Детальная разработанность художественного мира А. в сочетании с интеллектуально-философским началом его поэзии создает особый образный ряд, в котором объединяются реальное и фантастическое, предметно-конкретное и отвлеченное. Стиль А. в своей основе — импрессионистический, предметом изображения в его произведениях становится не сам объект, а впечатление, им производимое. Лирика А. обращена к активно воспринимающему читательскому сознанию. Организующим принципом его лирики является ассоциативность мышления, которая обуславливает глубинное внутреннее единство внешне не связанных между собой стихотворений, что особенно наглядно выражено в циклах «Кипарисового ларца».

Для литературно-критических работ А., как и для его поэзии, характерна импрессионистичность стиля. Гуманность позиции, литературная и общекультурная эрудиция, утонченная ирония и вместе с тем отсутствие элитарности, назидательности, претензии на исчерпывающий анализ превращают критические работы А. в особый вид художественного творчества. Он создает в своих литературно-критических эссе своеобразный художественно-психологический комментарий к известным литературным произведениям, пытается обнаружить законы внутренней связи художника с его произведением. Одновременно А. рассуждает о проблемах литературного творчества, о природе и задачах искусства, избегая в то же время прямых ответов на поставленные вопросы. Недосказанность, прерывистость, незавершенность — таковы черты художественного стиля и поэзии и критической прозы А.

Философско-эстетические взгляды А. уходят корнями в античную эстетику. Красота (А. сопрягает понятия красивого и нравственного) выступает у него главным критерием оценки жизни. (Образ некрасивой красоты, встречающийся в творчестве А. довольно часто, восходит к учению Платона.) Влияние античности наиболее очевидно в драматургии А. Самым близким из древних трагиков ему становится Еврипид как выразитель сложных и противоречивых настроений эпохи перехода от классики к эллинизму, в которой А. видел соответствия с современным ему периодом русской истории. В драматургических произведениях А. пытался осуществить принцип художественного мифотворчества, по его убеждению, единственно верный и перспективный принцип развития художественного творчества. Формой наивысшего художественного воплощения мифа поэт считал античную трагедию. Тем не менее его собственные драмы не стали стилизацией известных античных образцов. Сохраняя миф как сюжетобразующий элемент в своих пьесах, А. как бы проецирует на него проблематику своей лирики. Отсюда — отчетливо выра-

женное взаимодействие двух культурных пластов в его драматических произведениях — классики и современности. Миф в драматургии А. реализуется в сочетании этих планов, которое создает новый, оригинальный художественный мир.

Утверждение искусства, в основе которого, по словам самого поэта, лежит «только действительно жизнеспособное, только строгое и подлинное искание красоты, жудкое того бессильного брожения и распада, которое наблюдается слишком часто в искусстве и литературе нашего времени», предопределило участие А. в организации журнала «Аполлон». Акменсты впоследствии объявили А. своим духовным учителем, находя в его творчестве истоки развития нового направления в русской поэзии, стремящегося к «прекрасной ясности»: утверждение эстетической самоценности обыденной вещи, способной вызвать художественное переживание. В идейном, стилевом, ритмическом отношении поэзия А. в определенной мере предвосхитила творчество Ахматовой, Мандельштама, Пастернака. Ритмико-интонационные открытия А. («Шарики детские», «Прерывистые строки», «Нервы», «Колокольчики», «Перебой ритма») отразились на поэтических экспериментах Маяковского и Хлебникова.

Соч.: Стихотворения и трагедии. — Л., 1959; Книжки отражений. — М., 1979; Письма к С. К. Маковскому // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год. — Л., 1978; Письма к М. А. Волошину // Там же; Театр Еврипида. — М., 1906. — Т. 1; М., 1916. — Т. 2; М., 19. — Т. 3.
Лит.: Гинзбург Л. Я. Вечный мир // Гинзбург Л. Я. О лирике. — Л., 1971; Черныш К. М. И. Анненский и Ф. Тютчев // Вестник МГУ. Серия Х. Филология. — 1973. — № 2; Корсакая И. В. Импрессионизм в поэзии и эстетике русского символизма // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX — начала XX века. — М., 1975; Лавров А. В. Тпмечки к Р. Д. Иннокентий Анненский в неслезанных воспоминаниях // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник на 1981 год. — М., 1983; Пономарева Г. Философско-эстетические взгляды Иннокентия Анненского // Тартуский государственный университет. Тезисы докладов по гуманитарным и естественным наукам. Русская литература. — Тарту, 1986; Федоров А. В. Иннокентий Анненский: Личность и творчество. — Л., 1984. Г. Н. Шелагурова

АНТОНОВИЧ, Максим Алексеевич [18(30.IV, по другим данным 27.IV(9.V) 1835, Белополье, Харьковской губ. — 14.XI.1918, Петроград] — публицист, литературный критик, философ, естествоиспытатель. Родился в семье дьячка, в раннем детстве лишился родителей. Учился в духовном училище в г. Ахтырке, затем в Харьковской семинарии и Петербургской духовной академии (1855—1859), которую окончил кандидатом богословия.

На IV курсе академии предложил статью в «Современник» и, хотя она не была принята, был приглашен Н. А. Добролюбовым сотрудничать в журнале. Дебютировал статьей «Что иногда открывается в либеральных фразах!» (Современник. — 1859. — № 9), где разбирал книгу А. П. Шаповала «Русский раскол старообрядства»; предисловие к статье написал Добролюбов. Частые

встречи с Добролюбовым, а после его отъезда за границу (в мае 1860 г.) — с Чернышевским, с которым А., по его словам, «коротко сблизился <...> и стал для него своим человеком» (Воспоминания.— С. 39—40), были прекрасной школой для начинающего публициста. Оказавшись очевидцем (вместе с П. И. Бокковым) ареста Чернышевского 7 июля 1862 г., спас от конфискации материалы к биографии и собранию сочинений Добролюбова. Благоговейное отношение к Чернышевскому и Добролюбову пронес через всю жизнь. По возвращении Чернышевского из ссылки организовал для него заказ на перевод книги О. Шрадера «Сравнительное языковедение и первобытная история», на издание которого откликнулся рецензией (Русская мысль.— 1887.— № 12).

После смерти Добролюбова А., хорошо зарекомендовавший себя статьями по философским вопросам, ведет литературно-критический отдел «Современника». С 1863 г., по возобновлении издания журнала (после восьмимесячного запрещения), он входит в состав редакции вместе с А. Н. Пыпиным, Г. З. Елисеевым, М. Е. Салтыковым-Щедриным. Poleмические статьи А. часто идут за подписью *Посторонний сатирик* (ею же пользовался Щедрин). А. участвует также в «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и писателями», редактируемом П. Л. Лавровым (статья «Евангелие» и др.); в журнале «Народное чтение» (1861—1862, статьи на естественнонаучные темы); в газете «Очерки» (1863, ведет «Политическое обозрение»). Незадолго до закрытия «Современника» в апреле 1866 г. уходит из журнала вследствие осложнившихся отношений с Н. А. Некрасовым и, как свидетельствует А., по предложению Некрасова (см.: Воспоминания.— С. 206—207, 229). Некоторое время живет с семьей за границей. Возвратившись в Петербург, скептически воспринимает факт аренды Некрасовым с 1868 г. «Отечественных записок» А. А. Краевского (при официальном редакторстве последнего), А. не был приглашен в новую редакцию этого журнала. Вместе с Ю. Г. Жуковским (тоже бывшим сотрудником «Современника») выпускает приобретающую скандальную известность брошюру «Материалы для характеристики современной русской литературы» (1869), где Некрасову как редактору предьявлялись обвинения идейного и финансового характера. Впоследствии А., посещавший Некрасова перед его смертью и помирившийся с ним, признал необоснованность данных обвинений («Несколько слов о Николае Алексеевиче Некрасове» // Слово.— 1878.— № 2; «Из воспоминаний о Николае Алексеевиче Некрасове» // Журнал для всех.— 1903.— № 2, и др.). После ухода из «Современника» А. не имел постоянной трибуны и печатался нерегулярно, во второстепенных изданиях: научно-популярном журнале «Космос» (1869); газете «Тифлисский вестник» (1875—1878); журналах

«Слово» (1878), «Новое обозрение» (1881), «Русская мысль» и др. Неоднократно прерывал сотрудничество из-за разногласий с редакторами. По воспоминаниям дочери, А. обладал очень самолюбивым и нетерпимым характером (см.: Избранные статьи.— С. 514), что усугубляло драматизм его судьбы в журналистике. Много времени отдал на естественнаучным занятиям. Сделал важное открытие в геологии: обнаружил на берегу Западной Двины слой девонской формации, о чем прочел доклад в Геологическом обществе (Горный журнал.— 1873.— № 4); после его рецензии, указывающей на многочисленные ошибки, изъят из употребления учебник по геологии для гимназий (см.: Избранные статьи.— С. 501). В 1881 г. под давлением материальных обстоятельств А. поступил на службу: сначала в правление Либаво-Роменской железной дороги, а с 1883 г.— в Государственный банк. Вышел в отставку в 1908 г. В 1896 г. опубликовал книгу «Чарльз Дарвин и его теория» (Спб.). На склоне лет написал и напечатал по частям (1898—1915) очень ценные мемуары, в основном посвященные Чернышевскому, Добролюбову и Некрасову (см.: Воспоминания). А. был прежде всего талантливым, остроумным полемистом, пронзительно выявляющим суть различных социальных, философских концепций и оценивающим их в свете материалистических, революционно-демократических воззрений, сложившихся в кругу «Современника». Хотя при этом он нередко прибегал к нападкам на личности, излишне резкому тону (Г. З. Елисеев пишет о «постоянной грызне г. Антоновича» — Шестидесятые годы...— С. 285), в основе его критики лежали всекие идейные мотивы.

Неоспоримы заслуги А. в защите материалистической философии, эстетики. В 1861 г. он выступил с полемическими статьями «Современная философия» (№ 2), «Два типа современных философов» (№ 4), «О гегелевской философии» (№ 8), высоко оцененными Чернышевским, писавшим, что он «завидует» А. «с досадою опережаемого» (Чернышевский и Н. Г. Полн. собр. соч.: В 15 т.— М., 1950.— Т. 7.— С. 719). Включившись в дискуссию, возбужденную «Антропологическим принципом в философии» Чернышевского (1860), А.— сам последователь Фейербаха — убедительно критиковал как «старых» философов-богословов (С. С. Гогоцкого, П. Д. Юркевича), так и «новых». К ним он отнес П. Л. Лаврова, чьи публичные лекции («Три беседы о современном значении философии».— Спб., 1861) имели огромный успех. А. своевременно указал на эклектизм Лаврова, на проявления агностицизма (кантианства) в его построениях. Позднее А. в статье «Промахи» (1865.— № 2) предостерег от увлечения А. Шопенгауэром публициста журнала «Русское слово» В. А. Зайцева. В связи с переизданием «Эстетических отношений искусства к действительности» Чернышевского А. в

он «П» статьи в «Вестнике» и «Вопросы» в журнале. В статье «Современная эстетическая теория» (1865.— № 3) пропагандировал идеи автора, высказав одно замечание — недостаточность анализа «элементарных физиологических оснований» прекрасного (Литературно-критические статьи.— С. 227). Лучшее свидетельство жизнеспособности воззрений Чернышевского на искусство, по А., — литературная критика «Современника», в особенности добролюбивские разборы, развивающие «ту же теорию в живых примерах...» (Там же.— С. 197). В статье «Лжереалисты (По поводу „Русского слова“» (1865.— № 7) А. указал на разрушение объективных оснований эстетики Писаревым, оспаривающим взгляды Чернышевского и А. как его последователя. В нач. XX в. А. резко осудил сборник «Вехи», богоискательские и богостроительские теории («Письмо в редакцию» // Современник.— 1911.— № 1). Сильной стороной аргументации А. в пользу материализма была его опора на данные естествознания — на открытия Дарвина, И. М. Сеченова, И. П. Павлова и др.

Значителен вклад А. в разъяснение «Современником» сути направлений ведущих периодических изданий. Меткой была критика программы журнала «Время» и сменявшей его «Эпохи», издаваемых бр. Достоевскими при сотрудничестве критиков А. А. Григорьева, Н. Н. Страхова. Статьей «О почве (Не в агрономическом смысле, а в духе „Времени“» (1861.— № 12) А. начал полемику, к которой позднее присоединился Щедрин. За расплывчатой фразеологией «почвенников» А. увидел умеренность программы, сводящейся лишь к «учению и грамотности народа» (Литературно-критические статьи.— С. 23). Пародируя сквозные мотивы «почвеннической» критики, А. в статье «Стрижам (Послание оберстрижу, господину Достоевскому)» (1864.— № 7) остроумно высмеивал контраст между многословием авторов и однообразием, бедностью мысли; бесконечное повторение слова «почва»: «...именительный — *почва* нам неизвестна, сфинкс, загадка, terra incognita (в переводе с лат.— неведомая земля.— *Ред.*) и т. д.,— итого две страницы; родительный — *почвы* мы не знаем, не понимаем, не любим, оторвались от почвы и т. д.— итого три страницы...» (Там же.— С. 182). Но гораздо более резкой была критика А. направленных газет «День», издаваемой И. С. Аксаковым, — славянофильского культа русской патриархальной старины, оборачивающегося «религиозно-национальной исключительностью и нетерпимостью», «обскурантизмом» (Там же.— С. 317). За статью «Суемудрие „Дня“» и стихотворение Некрасова «Железная дорога» (1865.— № 10) журнал получил предостережение. Как и Щедрин, А. стал летописцем эволюции вправо русского либерализма после реформы 1861 г., в частности антинигилистической кампании под эгидой «Русского вестника» М. Н. Каткова («Литературный кризис» // 1863.— № 1—2; «Причины неудовлет-

ворительного состояния нашей литературы» // Слово.— 1878.— № 2). Продолжая традиции Добролюбова, писал материалы для сатирического отдела «Свисток» (№ 9), искусно пародируя наукообразный стиль («Свисток» и его время. Опыт истории «Свистка»), изображая борьбу с материализмом как борьбу со здравым смыслом («Письма отца к сыну» // 1863.— № 4). Смело обличал А. лицемерие цензурной реформы 1865 г., заменившей предварительную цензуру карательной («Надежды и опасения (По поводу освобождения печати от предварительной цензуры)» // 1865.— № 8).

Одним из застрельщиков был А. и в полемике «Современника» с «Русским словом», названной Ф. М. Достоевским «расколом в нигилистах» (в статье «Господин Щедрин, или Раскол в нигилистах», 1864). Помимо разногласий по философским, эстетическим проблемам, эти ведущие демократические журналы расходились в понимании самих путей прогрессивных преобразований, в оценке революционных потенций народа в пореформенный период. Ставка Писарева прежде всего на научный прогресс и соответственно на «мыслящих реалистов» («Мотивы русской драмы», 1864; «Реалисты» (первоначальное название «Нерешенный вопрос», 1864, и др.) приводила к определенному пересмотру взглядов Чернышевского и Добролюбова. В частности, это наглядно проявилось в писаревской трактовке образа Катерины из «Грозы» А. Н. Островского («Мотивы русской драмы»), оспаривающей положения статьи Добролюбова «Луч света в темном царстве» (1860). Не видя в Катерине «луча света», Писарев противопоставил ей тип «русского прогрессиста», «который нашел уже себе свое выражение в литературе и который называется или Базаровым, или Лопуховым» (П и с а р е в Д. И. Соч.: В 4 т.— М., 1955.— Т. 2.— С. 394). А. в статье «Промахи» (1865.— № 4) подверг резкой критике эту попытку ревизии Добролюбова, инкриминируя Писареву как искажение смысла статьи «Луч света...», так и недооценку стихийного, не просветленного теорией протеста в целом: «И вообще, г. Писарев, знайте навсегда, что люди простые, с неразвитым умом, не знающие ни Бокля, ни электричества, так же сильно и болезненно чувствуют гнет семейного и всякого самодурства и так же способны протестовать против него, как и те развитые умы, которые постоянно бредят о Бокле...» (Избранные статьи.— С. 445—446). Будучи прав в споре о Катерине Островского, как и в целом ряде других пунктов полемики с Писаревым, Зайцевым, Г. Е. Благоветловым, А. тем не менее уступал публицистам «Русского слова» (переживающего именно в 1863—1865 гг. свой расцвет) в разработке обновленной позитивной программы в условиях спада освободительного движения. Властителем дум был прежде всего Писарев, развивавший теорию «реализма» и обвинивший А. в отсутствии «самостоятельного миросозер-

дания...» (Писарев Д. И. Соч.— Т. 3.— С. 303).

Авторитету А. вредили также плохо удавшиеся ему разборы литературных произведений. Видя в литературе один из «способов действия на общественную мысль», он подчеркивал прогрессивное значение творчества А. Н. Радищева, Н. И. Новикова, А. С. Пушкина (статью Писарева «Пушкин и Белинский», 1865, считал «комически-нелепой» — Литературно-критические статьи.— С. 268), Н. В. Гоголя, «Записок из Мертвого дома» Достоевского. Однако его качества идейного, бескомпромиссного борца в обращении к текущему литературному процессу мешали видеть многозначность, объективно-познавательную ценность реалистических произведений; А. искал в них лишь «тенденцию» автора. Печальная знаменита первая, очень ответственная литературно-критическая статья А. «Асмодей нашего времени» (1862.— № 3), в которой роман Тургенева «Отцы и дети» оценен как неудовлетворительный и в художественном отношении («морально-философский трактат» — Там же.— С. 36), и «с точки зрения его тенденции» (Там же.— С. 50). А. увидел в романе идеализацию отцов и клевету на детей — «беспощадную и <...> разрушительную критику молодого поколения» (Там же.— С. 45), найдя в Базарове и безнравственность, и пьянство, и «кашу» в голове и крайне произвольно при этом интерпретируя подробности сюжета. А. в комическом образе Кукшиной А. уловил насмешку Тургенева над стремлением женщин к эмансипации: «гораздо лучше форсить книгой, чем кринолином...» (Там же.— С. 70). В заключение своей статьи А. возвел «Отцов и детей» к якобы их истоку — беспомощнейшему роману реакционера В. И. Аскооченского «Асмодей нашего времени» (1858), где самыми черными красками изображен не верующий в бога, дичинный ловелас Пустовцев — «родной брат и двойник Базарова...» (Там же.— С. 89). Этот грубый полемический прием (подчеркнутый названием статьи) обнаруживал предвзятое отношение А. к Тургеневу, в значительной мере объясняемое разрывом писателя с «Современником». Как оценка авторской «тенденции» романа отзыв А. отражал общую позицию журнала и достигал, по выражению Г. З. Елисеева, «партийной цели» (Шестидесятые годы...— С. 274). Строки из ненапечатанной статьи Чернышевского «Безденежье» (1862), посвященные «Отцам и детям»: «Вот картина, достойная Дантовой кисти...» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.— Т. 10.— С. 185), свидетельствуют о сходном отношении А. и Чернышевского к роману. В сатире «Искры» («Просьба», «Отцы или дети» Д. Д. Минаева, 1862; «Рапсодии о нигилизме» В. С. Курочкина, 1863) Тургенев изображается как противник нигилизма.

Будучи выражением мнения ведущего демократического журнала, приговор А. глубоко огор-

чил Тургенева, в своих письмах и статье «По поводу «Отцов и детей» (1869) отмечавшего несправедливость и даже нелепость многих обвинений. Одновременно с разбором А. вышла в «Русском слове» статья Писарева «Базаров», явившаяся признанием победы тургеневского реализма. Свое отрицательное отношение к роману А. неоднократно подтверждал впоследствии: так, во «Взбаламученном море» А. Ф. Писемского он узнал «точный снимок с тургеневского романа» (Там же.— С. 143), в «Нови» — столь же тенденциозный антинигилистический роман, как «Отцы и дети» («Из заметок о журналах» // Тифлиссский вестник.— 1877.— № 93). В Тургеневе А. видел только эволюционирующего вправо либерала и поэтому даже отказал ему в моральном праве писать воспоминания о Белинском — «хвалебный гимн» критике (Литературно-критические статьи.— С. 326). В 1881 г., разбирая «Братьев Карамазовых» Достоевского, А. вычленил в сложном содержании романа его тенденцию (проповедь мистицизма и аскетизма), якобы очевидную в делении героев на праведников (Зосима, Алеша и Дмитрий Карамазовы), грешников (Ракин, Федор Карамазов, Смердяков) и переходящих к грешникам (Иван Карамазов). Критик прошел мимо концепции противоречивости человеческого характера, столь важной у Достоевского («Мистико-аскетический роман» // Новое обозрение.— 1881.— № 3). Перенесение в литературно-критический анализ приемов полемики, эффективно используемых А. в теоретической сфере, привело к неадекватности прочтений произведений.

Соч.: Воспоминания // Шестидесятые годы: М. А. Антонович. Воспоминания. Г. З. Елисеев. Воспоминания / Вступ. ст., коммент. и ред. В. Евгеньева-Максимова, Г. Ф. Тизенгаузена.— М.; Л., 1933; Избранные статьи. Философия. Критика. Полемика / Под ред. В. Евгеньева-Максимова; Коммент. В. Евгеньева-Максимова, Д. Максимова, Г. Тизенгаузена.— Л., 1938; Избранные философские сочинения / Под ред. и с предисл. В. С. Кружкова.— М., 1945; Литературно-критические статьи / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. Г. Е. Тамарченко.— М.; Л., 1961.

Лит.: Евгеньев-Максимов В., Тизенгаузен Г. Последние годы «Современника». 1863—1866.— Л., 1939; Пеунова М. Н. Мирозрение М. А. Антоновича.— М., 1960 (есть библиография трудов А.); Чубинский В. В. М. А. Антонович.— Л., 1961. Л. В. Чернец

АПУХТИН, Алексей Николаевич [15(27).XI.1840 или 1841, Болхов Орловской губ.— 17(29).VIII.1893, Петербург] — поэт. Из небогатой дворянской семьи. Рос окруженный заботами родных в дер. Павлодар (Калужская губ.), наследственном имении отца, «помещика средней руки», умевшего «держатъ хозяйство и дом на подобающей высоте» (Фет А. А. Мои воспоминания.— М., 1890.— Т. 1.— С. 257). Детские годы отозвались в поэзии А. образами «покая счастливого», «дивного сна», первого стиха, «нашептанного» красавицей весной. Свой ранний интерес к литературе он связывал с влиянием матери, одаренной, по его словам, «теплым симпатичным сердцем и самым тонким изящным вкусом» (Апухтин А. Н.

Стихотворения.— Л., 1961.— С. 326). Образование А. получил в Петербурге, в привилегированном Училище правоведения (1852—1859), где завоевал репутацию «феноменального мальчика-поэта» и приобрел поклонение товарищей, среди которых был П. И. Чайковский, будущий композитор, до конца жизни оставшийся другом А.

Уже в годы учебы А. писал стихи, вполне совершенные по поэтической технике. Первым в печати появилось стихотворение «Эпаминонд», посвященное герою Крымской войны В. А. Корнилову (Русский инвалид.— 1854.— 6 ноября.— № 240). В училище ходили «по рукам в переписываемых наскоро рукописях» и шуточные стихи А. (Мещерский В. П. Мои воспоминания.— Спб., 1897.— Ч. 1.— С. 33). Вместе с тем в его интимной лирике уже тогда преобладали melancholicкие настроения: «Доля печальная, жизнь одинокая, / Слез и страдания цепь непрерывная...» («Жизнь», 1856). Обе грани дарования А. проявились при его вступлении в литературу: в конце 50 — нач. 60 гг. успехом пользовались как его пародии и «перепевы», напечатанные в «Иллюстрации» и «Искре» (анонимно и под псевдонимом *Сысой Сысоев*), так и проникновенно лиричный цикл стихотворений «Деревенские очерки» (Современник.— 1859.— № 9). Юмористические, жизнерадостные стихи и элегическая, подчас безысходно трагическая интонация соседствовали и в зрелом творчестве А., отражая разные стороны его личности.

Со страниц большинства воспоминаний о поэте встает образ неистощимого остроумца, изобретательного шутника, блестящего импровизатора, чьи каламбуры, быстро разнесшиеся по Петербургу, были далеко не безобидны; такова эпиграмма на министра внутренних дел А. Е. Тимашева, скульптора-дилетанта: «Он, правда, *лепит* хорошо, / Но министерствует *нелепо*». Однако мемуаристы запечатлели лишь внешнюю канву поведения поэта — культивируемый им самим облик беззаботного салонного стихотворца. Из его частной переписки, где остроты тонут в потоке горьких жалоб, надрывных признаний, пессимистических оценок, вырисовывается иная сторона личности А. — ранимая натура, хорошо знакомая по его лирике. Повышенной уязвимостью и мнительностью поэта отчасти объясняется полная крутых поворотов его творческая судьба.

Принятый поначалу исключительно благосклонно литераторами различной ориентации — его поддерживал А. А. Фет, считал «подающим надежды» Н. А. Добролюбов (Добролюбов Н. А. Собр. соч.— М.; Л., 1964.— Т. 9.— С. 385), опекал Тургенев, ценил Н. А. Некрасов, печатал в журнале «Время» Ф. М. Достоевский, а в начале 60 гг., когда обострилась общественно-литературная борьба, А. стал мишенью резких критических нападок, а то и насмешек. В Курочкин иронизировал над его лирическим циклом «Весенние песни» (Искра.— 1860.— 29 апреля.—

№ 16.— С. 170) Д. Д. Минаев пародировал стихотворение «Современным витиям» (Русское слово.— 1862.— № 3.— Отд. III.— С. 5—7), Добролюбов негативно отзывался о его лирике в целом (Добролюбов Н. А. Собр. соч.— Т. 7.— С. 241). Реакция А., очевидно, была столь острой, что он перестал печататься, оставил службу в министерстве юстиции, уехал в провинцию (1862) и надолго был забыт массовой читательской аудиторией.

Отныне поэт, по его собственным словам, — «уединенный дилетант» в искусстве: и в годы, проведенные в Орловской губернии (А. состоял чиновником особых поручений при орловском губернаторе), и по возвращении в Петербург (1865) он держится в стороне от литературных кругов, со своими произведениями знакомит лишь небольшой круг друзей, ведет светский рассеянный образ жизни, изредка выезжая за границу и в провинцию. Его стихотворения получают хождение в рукописях, декламируются чтцами-любителями, служат основой многих популярных романсов (по сей день известны «Ночи безумные, ночи бессонные...» и «День ли царит, тишина ли ночная...»; музыку к обоим, помимо других композиторов, писал П. И. Чайковский). Лишь начиная с 70 гг. произведения А. изредка просачиваются в печать (газета «Гражданин», журналы «Новь», «Русская мысль», «Северный вестник» и др.).

Неудивительно, что первый лирический сборник, выпущенный уже немолодым поэтом в 1886 г., заново открыл его творчество русской публике. Быстро раскупленный, а затем еще дважды переизданный при жизни А., он получил значительный резонанс в печати. Некоторые рецензенты рассматривали томик его стихов как знамение надвигающейся поэтической эпохи (Русская мысль.— 1886.— № 5.— С. 311—313). Единодушное восхищение вызывали эмоциональность, мелодичность его лирики и, главное — углубленный психологизм, поныне дающий основания исследователям сближать поэзию А. с прозой его великих современников. Так, в стихотворной новелле «С курьерским поездом» (нач. 70 гг.) ошутимо влияние толстовского психологизма: авторский, объективный рассказ «перетекает» во внутренний монолог героев, раскрывая их меняющееся состояние через обостренное восприятие внешнего мира, случайных деталей бытовой обстановки: «И стало весело ей вдруг при мысли той, / Все оживилось в ее воображеньи! / Сидевший близ нее и спавший пассажир / Качался так смешно, с осанкой генерала, / Что, глядя на него и на его мундир, / Бог знает отчего, она захохотала. К психологической новелле тяготеет и одно из лучших произведений А. — поэма «Год в монастыре» (1883), написанная в дневниковой форме, но выходящая за рамки интимной проблематики, господствующей в творчестве поэта; здесь драматически остро звучат философские мотивы.

Успех сборника вывел А. на авансцену литературной жизни: его имя стали часто поминать в критических обзорах, одно за другим выходили его собрания сочинений (семь изданий с 1895 по 1912 г.), его взгляды на искусство стали предметом общего, хотя и не всегда сочувственного внимания. Так, после письма А. к Л. Н. Толстому с осуждением нравственной проповеди писателя и призывом вернуться к художественному творчеству (см.: Литературное наследство.— М., 1939.— Т. 37—38.— С. 441—442) за А. утвердился репутация поэта «чистого искусства» и о нем отзывались крайне критично многие литераторы, в частности Л. Н. Толстой и Н. С. Лесков. Тем не менее в 90 гг. интерес к творчеству А. возрос, что объясняется отчасти литературными вкусами предсимволистской эпохи, чутко откликнувшейся на «неуловимо тонкие формы поэтического настроения» А. (В о л ы н с к и й А. <А. Л. Флексер>. Литературные заметки // Северный вестник.— 1891.— № 11.— Отд. II.— С. 140—141), на «усталую, настроенную на минорный лад» интонацию (П е р ц о в П. А. Апухтин // Философские течения русской поэзии.— Пб., 1896.— С. 352). Хотя младшие современники А. с горечью писали об отсутствии в его творчестве стройного мировоззрения, тем не менее они высоко ценили глубокую связь поэта с «золотым веком» русской лирики — с поэтическим преданием первых десятилетий XIX в.

Верное прочтение А. действительно возможно лишь на фоне поэтической традиции. Его стихотворения насыщены литературными ассоциациями и цитатами, рассчитанными на узнавание, и, чтобы быть правильно истолкованными, они должны постоянно соотноситься с поэзией предшественников. Так, стихотворения А. «Прощание с деревней» (1858) и «Приветствую вас, дни труда и вдохновенья...» (1870, 1885) отчетливо ориентированы на пушкинскую «Деревню»; начало стихотворения «Судьба» (1863) построено на ритмико-тематических переключках с «Анчаром»; а в стихотворении «К морю» (1867) разработаны мотивы пушкинских элегий «Погасло дневное светило...» и «К морю». А.-лирик сформировался в «поэтическую» эпоху 50 гг., высоко чтившую Пушкина; простота и гармония пушкинского стиха остались до конца жизни идеалом поэта. Однако по своему мироощущению, трагическому и рефлексированному, А. куда ближе Лермонтову. Как и у Лермонтова, в его поэзии лирическое «я» — в непримиримом противоречии с «толпой бездушной» («В театре», 1863); излюбленный А. мотив «светская жизнь — сцена» окрашен в лермонтовские тона; и наконец, в творчестве А. выражена по-лермонтовски звучащая жажда приобщения к величиим ценностям — природе, верне, несущим успокоение измученной душе: «Я хочу во что-нибудь да верить, / Что-нибудь всем сердцем полюбить!» («Современным витиям», 1861). В поэзии А. ощутимы и отголоски поэзии Ф. И. Тютчева («Ночь в Монпельезе», 1868).

Вместе с тем, традиционно поэтическая лексика и фразеология нередко уживаются в лирике А. с прозаическим словом; «бездна роковая», «тоска уединения» — с выражениями «по горло он погряз», мчался «на всех парах»; «страсти пламень беспокойный» — с просторечными словосочетаниями «хоть тресни», «шутка ли». Подобно Некрасову — хотя с меньшей смелостью и интенсивностью — А. вводит в поэзию прозаические детали и злободневную проблематику (см. стихотворение «Братьям», 1877). Ряд его стихотворений представляет собой монолог человека, отделенного от автора психологическим и социальным барьером (см. «Венеция», 1874; «Письмо», 1882) — явление, близкое «ролевой» лирике Некрасова. Порой А. обращается к чисто некрасовским, драматургически-повествовательным, сюжетным принципам развития темы («В убогом рубище, недвижна и мертва...», 1871). Все это позволяет пересмотреть репутацию А. как поэта «чистого искусства». Смысл его общественно-литературной позиции сложнее: он не отворачивался от общественной жизни, но считал, что искусство должно быть не эхом, а мудрым ответом на текущие события: «Ты в жизни понял все и все простил, поэт!» («Графу Л. Н. Толстому», 1877).

Обогащенная некрасовскими открытиями, неотделимая от романтических традиций, поэзия А. не прошла незамеченной для лириков начала XX в. Так, Блок писал в автобиографии, что в юности «с упоением декламировал» его стихи (Б л о к А. Собр. соч.: В 6 т.— Л., 1982.— Т. 5.— С. 73). Исследователи находят отзвуки А. не только в раннем, но и в зрелом творчестве Блока (см.: П ь я н ы х М. Ф. Роль поэтических традиций Некрасова в развитии лирики русских символистов // Некрасовский сборник.— Л., 1967.— Т. IV.— С. 161), в поэзии Бальмонта (см.: История русской поэзии.— Л., 1969.— Т. 2.— С. 261).

Интерес к творчеству А. заметно возрос в наши дни: в 80 гг. увеличилось число его изданий, включающих и полузабытые произведения, к примеру прозаические («Дневник Павлика Дольского», «Архив графини Д.»), созданные поэтом в конце жизни, но опубликованные посмертно. Ироничная, построенная на игре полутонов, его повествовательная манера отчасти предвосхитила чеховскую и получила заслуженное признание в XX в., в частности из уст М. А. Булгакова (см.: Ч у д а к о в а М. Библиотека М. Булгакова и круг его чтения // Встречи с книгой.— М., 1979.— С. 245).

Соч.: Стихотворения А. Н. Апухтина.— Спб., 1886; Сочинения А. Н. Апухтина.— 3-е изд., доп.— Спб., 1898 (с биографическим очерком М. И. Чайковского); Стихотворения / Вступ. ст. и сост. Н. А. Коварского; Подгот. текста и примеч. Р. А. Шацевой.— Л., 1961 (Библиотека поэта. Большая серия); Сочинения. Стихотворения. Проза / Сост. и подгот. текста А. Ф. Захаркина; Вступ. ст. М. В. Отрадна; Примеч. Р. А. Шацевой.— М., 1985.

Лит.: Ж и р к е в и ч А. В. Поэт милостиво божей // Исто-

рический вестник.— 1906.— № 11; Ямпольский И. Сочинения. Алухтина // Литературное изображение.— 1938.— № 13—14; Ермалова В. В. Поэзия на рубеже двух эпох // Смена литературных стилей.— М., 1974. О. Е. Майорова

АРЦЫБАШЕВ, Михаил Петрович [24.X.(5.XI). 1878, Ахтырский у. Харьковской губ.— 3.III.1927, Варшава] — прозаик, драматург, публицист. Родился в семье помещика, отставного офицера. До 5 класса учился в Ахтырской гимназии, мечтал стать художником. Уйдя из гимназии, поступил в Харьковскую школу живописи, где пробыл недолго. Затем работал письмоводителем у земского агента, сотрудничал в провинциальных газетах.

Литературный дебют А.— рассказ «Паша Туманов», опубликованный в журнале «Русское богатство» (1901),— был встречен сочувственно. С 1902 г. А.— профессиональный литератор. Он живет в Петербурге, а весной и летом в родной Ахтырке или Ялте. Печатался в журналах «Мир божий», «Журнал для всех», «Новый путь», «Образование», «Современный мир». С 1909 г. А. публиковал основные свои произведения в сборниках «Земля». Поддерживал дружеские или близкие отношения с А. И. Куприным, В. В. Муйжелем, Д. Я. Айзманом, Б. А. Лазаревским, А. Р. Крандиевской и др. писателями. Крайне враждебно относился к М. Горькому и Л. Н. Андрееву. А. пытался стать организатором литературной жизни, был инициатором ряда издательских предприятий, в частности сборника «Жизнь» (1908), который, по мысли А., должен был идейно и художественно противостоять горьковскому «Знанию».

Характерные черты личности А.— амбициозность, фрондерство, претензии на роль «вероучителя» молодых писателей. Своей целью считал борьбу с «литературными генералами», стремился создать школу «независимых» литераторов: в 1905—1906 г. А. был восточновителем быстро распавшегося «кружка бьющих» (В. В. Муйжель, А. С. Рославлев, А. П. Каменский и др.). Кружок А. ничем не проявил себя в литературной жизни. В первой половине 1907 г., став редактором художественного отдела журнала «Образование», А. вновь безуспешно пытался сплотить близких ему писателей. Неудача А. объясняется отсутствием у него стройной эстетической концепции, а более всего демонстративным отказом от социальных и моральных критериев творчества. «Идеалы очень хороши, но и мыльные пузыри очень красивы»,— заявлял А. (Рассказы. Записки писателя.— М., 1914.— С. 313).

Мировоззрение и литературная позиция А. проделали стремительную эволюцию. А. начинал писать, по его признанию, под непосредственным влиянием идей и позднего творчества Л. Н. Толстого. В его ранних рассказах «Паша Туманов», «Кровь», «Смех», «Бунт» легко обнаруживаются «толстовские» мотивы, зависимость от психологизма Толстого. В 1901—1903 гг. А.— писатель-моралист, активно отрицающий зло и

насилие. В это время ему близок даже жизнеутверждающий оптимизм М. Горького, которого А. назвал «самым молодым духом времени» (Петербургская газета.— 1903.— 26 февр.). Но насилие А. осуждает с абстрактно-гуманистических позиций. Одновременно он утверждает право писателя быть вне политики. Социальные проблемы, рожденные временем, А. склонен рассматривать как отражение неких «универсальных» противоречий человеческого бытия.

В ряде ранних рассказов («Подпрапорщик Гололобов», «Жена») заметен интерес А. к «пограничным» ситуациям в жизни человека, проявилось парадоксальное, но чрезвычайно характерное для А. сочетание чувственного гедонизма и мизантропии. Переходной в творчестве А. стала повесть «Смерть Ланде» (1904). В ней писатель как бы подводит итог своему увлечению толстовством, переориентируется на проблематику творчества Ф. М. Достоевского, которого А. воспринял схематично и однобоко. «Непротивленцу» Ивану Ланде А. тенденциозно противопоставил циника и аморалиста художника Молочаева. Молочаев — предшественник эгоцентристов и проповедников новой «половой морали» в позднейших произведениях А.

В годы революции А. создал произведения («Тени утра», «Кровавое пятно», «Ужас», «Человеческая волна»), в которых революционные события стали для автора лишь отправной точкой в изображении хаотичности и бессмысленности жизни. А. избирает острые, трагические ситуации, но совершенно игнорирует социальный смысл происходящего, видя и в действиях своих героев-революционеров, и в действиях карателей вспышки «животного ужаса» и «кровавого безумия».

В годы революции основой эстетического и творческого кредо А. становится биологизм в истолковании личности и исторического процесса. «Мир основан на взаимоистреблении всего живого, и единственный закон вечен и общ — закон борьбы за существование»,— считает А. (Рассказы. Записки писателя.— С. 262). А. утверждает культ «сильной» личности ницшеанского типа, считает необходимым извратить человека от ответственности за свои поступки. По мнению А., удовлетворение элементарных физиологических потребностей — высшая цель человеческого существования, лишь слегка прикрытая «одеждами» социальности и идеологии. А. пытался развенчать саму идею социальной и моральной ответственности искусства. С 1906 г. он развивал этот комплекс идей в своей публицистике и в художественном творчестве.

В годы реакции после революции 1905—1907 гг. А. стал важнейшей фигурой в неонатурализме, литературном течении, унаследовавшем худшие черты натуралистического метода. В идейном плане А., как и другие неонатуралисты (А. П. Каменский, В. К. Винниченко), вписался в общую атмосферу «уныния, покаяния, ренегатства»

(В. И. Ленин). В романе «Санин», который получил скандальную известность после публикации в 1907 г., в повестях «Миллионы» (1908), «Рабочий Шевырев» (1909), в романе «У последней черты» (1909—1911) А. занялся переоценкой социальных и идеологических ценностей революционного прошлого, дегеронизировал революционера, противопоставил ему «сильную» личность, освободившую себя от социальных связей и моральных принципов. Критика, много писавшая о «Санине», верно поняла главное намерение А.: дать свое представление о «герое времени» и «законах» жизни. «Героем времени» для А. явился нищезащитник и имморалист Санин, а действие «законов» жизни он видит в судьбе недавнего участника революционной борьбы студента Свакожича, которого перемалывает «кровяное колесо» истории. С образа Санина в творчестве А. начинается ряд героев-деклараций, депсихологизированных, становящихся рупорами авторских идей. Таковы террорист Токарев («Рабочий Шевырев»), миллионер Мижуев («Миллионы»), инженер Наумов и художник Михайлов («У последней черты»). А. полностью подменяет социальный анализ конструированием пар героев-идеологов, в которых персонажи противопоставляются «философии существования», а личность сводится к сумме абстрактно-теоретических воззрений. Философствующие персонажи становились либо протагонистами, либо оппонентами автора.

С течением времени в творчестве А. усиливаются настроения социального пессимизма. Из пропагандиста «культы тела» он превращается в апологета смерти. По мнению А.-публициста и его героев-резонеров, смысл человеческой жизни — в движении к «черной дыре», т. е. к смерти. В романе «У последней черты» появляется теоретик самоубийства Наумов, который, видя в человечестве «колоссальное страдающее стадо», обосновывает бесполезность жизни вообще. Это последнее крупное произведение А. явилось иллюстрацией его тезиса о ценности только одного момента в жизни человека, когда тот оказывается на границе между жизнью и смертью. А. показывает вереницу смертей, назойливо фиксирует все, что толкает персонажей на самоубийство, воспроизводит их агонию. Грубо-натуралистические сцены неизменно сопровождаются тенденциозными авторскими обобщениями. Даже благожелательные настроения к А. критики отказали этому роману в каких-либо литературных достоинствах. Страстно полемизировал с идеями А. Горький, видевший в них огромный социальный вред, тем более что А. пытался и в газетных выступлениях 1911—1912 гг. обосновать самоубийство как путь решения социальных и моральных проблем.

В 10 гг. интерес к творчеству А. постепенно угасал. Сам А. в истории русской литературы остался характерной фигурой эпохи реакции, литератором талантливым, но заблудившимся в тупиках своей нищенской, по словам М. Горького,

«философии». Последние дооктябрьские произведения А. посвящены модной в 10 гг. теме распада буржуазных семей. В повести «Женщина, стоящая посреди», в пьесах «Ревность», «Война» и «Закон дикаря» А. разрабатывал «философию ревности», основанную на старой идее «свободной половой морали». Пьесы А. шли на сценах ряда театров, но и равнодушие критики, и падение читательского интереса отразили уход А. из «большой» литературы.

Октябрьскую революцию А. встретил враждебно, эмигрировал. Жил в Варшаве, редактируя вместе с Д. В. Философовым белоэмигрантскую газету «За свободу!» В своей публицистике А. нападал на Советскую Россию, советских писателей, тенденциозно освещал литературную жизнь до революции.

Соч.: Собр. соч.: В 10 т. — Спб.; Пг., 1905—1917; Записки писателя: В 3 т. — М., 1917.

Лит.: Измайлов А. Банкротство идеалов (литературный портрет М. П. Арцыбашева) // Измайлов А. Пестрые знамена: Литературные портреты безвременья. — М., 1913. — С. 5—36; Тарасова А. А. Что такое «неонатурализм» // Литературно-эстетические концепции в России конца XIX—начала XX в. — М., 1975. — С. 284—296; Крайнов В. Е. От натурализма к декадентству // Из истории русской литературы конца XIX — начала XX в. — М., 1988.

В. Е. Красовский

АСЕЕВ, Николай Николаевич [28.VI (10.VII). 1889, Льгов Курской обл. — 16.VII.1963, Москва] — поэт. Родился в семье страхового агента; воспитывался в доме деда по матери Николая Павловича Пинского, охотника и рыболова, фантазера и замечательного рассказчика. «Это он мне рассказывал чудесные случаи из его охотничьих приключений, не уступавшие ничуть по выдумке Мюнхгаузену. Я слушал разинув рот...» (из автобиографии поэта). По окончании Курского реального училища А. приезжает в 1909 г. в Москву, поступает в Коммерческий институт и одновременно слушает лекции на филологическом факультете Московского университета.

В журнале «Весна», где в 1911 г. будут опубликованы его первые стихи («Лунно-янтарный туманом», «Весна», «Мимолетное»), молодой поэт познакомился с начинавшими тогда же Вл. Лидиным, Н. Огневым, Ю. Анисимовым и др. «...Не знаю, — напишет он позже, — каким именно образом случай свел меня с писателем С. Бобровым, через него с поэтом Борисом Пастернаком. Пастернак покорила меня всем: и внешностью, и стихами, и музыкой. Через Боброва я познакомился и с Валерием Брюсовым, Федором Сологубом и другими тогдашними крупными литераторами. Несколькими годами спустя, став уже известным поэтом, А. в серии статей-воспоминаний расскажет о своих первых литературных «похождениях», Брюсовских «вечерах», «ужинах» Вяч. Иванова, об атмосфере художественных «угощений» и споров — обо всем, что так внезапно обрушилось на молодого человека, приехавшего из провинции в Москву.

В 1912 г. в ежемесячнике для начинающих писателей «Первоцвет» появляются три стихотворения А. («В поле», «Где» и «Солнце»), а через год в альманахе «Лирика» (1913) — подборка стихов поэта. С этого времени начинается активная литературная деятельность А. Однако первые стихотворные опыты поэта крайне подражательны. От строки к строке в них нагнетаются расхожие образы-клише («взоры тусклые», «печальные глаза», «горькие слезы» и т. д.), скрепленные столь же расхожим мотивом: «Буду скучать я. Буду скучать и томиться. Буду всегда я один». Условно-вымышленный мир, замкнутый пространством ночного переулочка, предстает автору пустыней, лишенной каких-либо признаков жизни. В нем только «чья-то странная бродит тень» — это поэт-сомнамбула: «Он читает ли звездам Фета? Или шепчет кому-то угрозы? И, шатаясь, уходит прочь» («Переулоч поэтов»).

За четыре с лишним года после первых ученических публикаций А. издал пять сборников оригинальных стихотворений: «Ночная флейта» (1913), «Зор» (1914), «Леторей» (1915), «Четвертая книга стихов» (1916), «Оксана» (1916); книжечку переложений избранных мест из финского эпоса «Калевала» (1915) и «Повесть об Эймунде и Рагнаре» (1915) — переложение из скандинавских саг. Имя поэта приобрело известность, он активный участник трех поочередно возникавших и мало чем отличавшихся друг от друга литературных объединений — «Лирика» (1913), «Лирень» (1914) и «Центрифуга» (1914—1916). Ныне эти группы почти забыты, но в истории русской поэзии им суждено остаться, поскольку с ними связано начало пути двух крупных поэтов — Асеева и Пастернака.

«Лирика», возглавляемая критиком и поэтом С. Бобровым, в качестве основополагающего выдвинула, вслед за символистами, тезис об абсолюте лирики. Участники группы усматривали в лирике единственный источник истинного знания. Лирика «не желает поучать, рассказывать — только хочет быть», ее цель и оправдание — в самом факте существования. Поэтому ее предметом может быть что угодно, в том числе и «нелепость», достигаемая самыми разными путями, напр. разрушением «синтаксической (ортодоксальной) правильной фразы» (С. Бобров). Особое значение придавали «лирики» приему тавтологии, вдыхающему в стихотворение, как им представлялось, живую жизнь.

В «Лирени» А. уже сам теоретизирует и вместе с В. Хлебниковым и Г. Петниковым разрабатывает новую эстетику поэтической речи. В предисловии к сборнику «Леторей» он проводит мысль о вреде для поэзии рационального знания: «...ум вливает в слово яд». «Ядовитому» слову он противопоставляет слово «лётное», извлеченное из глубин подсознания, или, как говорит поэт, «из душевных дремли». Первое

ограничивается ролью обменной монеты, обслуживая «рынок» людской речи. Второе, подобно хлебниковскому «самовитому» слову, несет в себе глубину многозначности и первоуродства.

«Центрифуга», объединив «Лирику» и «Лирень» и усугубив идею «бесконечного лёта», символизировала собой некую чудесную поэтическую машину, «взвивающуюся непостижвенно» и уносящую лирического поэта вокруг Вселенной на «штурм высей весен». «Оглушительные свисты», «раступенная небосводь», «распластанный руконог», «гнездящиеся над миром Асеев, Бобров, Пастернак» и т. п. — все это не что иное, как внешние знаки интуитивного «вчувствования», бессознательного погружения в пласты так называемой «чистой лирики». Увлеченный этими идеями, А. создает ряд стихотворений, производящих впечатление лабораторных опытов («Начало зора», «Выбито на ветре», «Пожар на барже», «Донская ночь» и др.). И все же не эти упражнения, несомненно, пригодившие поэту для выработки «своего способа высказаться», сыграли решающую роль в становлении его таланта. Художественное сознание А. формировалось, как об этом он сам скажет, прежде всего под воздействием пословиц и поговорок, летописей, старорусских сказаний, «Жития протопопа Аввакума», «Слова о полку Игореве», прельщавшего «непонятной силой языкового размаха» Кириши Данилова «с его удивительными уроками языка» и т. д. Изучая древнерусские летописи, он извлекает из них понравившиеся истории и легенды, а обрабатывает их, перелагая на современный язык. Так рождаются рассказы «Подзвонок» (1914), «Князьки очи» (1914), «Игорев лов» (1914) и др. Параллельно А. пишет, опираясь на те же источники, «Сарматские песни» (1912—1914) — цикл славянских стихов. В нем явно слились два начала. Первое исходит из традиционного для начала века интереса к природе поэтического языка, второе обусловлено впечатлениями детства, атмосферой сказок, фантастических дедовских придумок. «Это был большой индивидуалист и свободолюбец, — рассказывает о своем дедке А. — Он не мог ужиться в обстановке мешанского, опутывающего уездного быта и выражал протест против него путем ухода к природе. Свою любовь к природе, к птицам, зверью и полям он передал и мне». Дед передал внуку свою «дикость», непокорство, бродяжий дух, отвращение ко всякого рода мешанским добродетелям. Отсюда — исподволь формировавшаяся в сознании поэта антитеза, имевшая важное идейное и стилиобразующее значение в его творчестве: сегодня и вчера, сегодняшний дух мертвечины, стяжательства, уездного быта — и вчерашняя вольная жизнь, захватившая поэта стихийно, отсутствием косного быта. «Сарматские песни» — это опозитивированный легендарный край, мир вольного воинства. Застой в нем противостоит бурная динамика.

Рутине и доместрою — кочевье, охота, набег, постоянные схватки: «Не спасти худым коуям / Стольный град. / Нынче ночью зацелуем / Ваших лад». (*Кой* — наемный воин. — О. С.)

Фольклорная стихия, неистощимое словотворчество и, наконец, сама жизнь определили своеобразие раннего творчества А. Начиная с 1914 г. лирика поэта все заметнее реагирует на события современной ему жизни. Интерес к злободневности совпал с событием, которое оказало сильнейшее воздействие на всю его последующую жизнь, — знакомством и дружбой с В. В. Маяковским. «Объяснив, кто я и что я тоже пишу и читаю стихи, — вспоминает А., — что его стихи мне очень по сердцу, я был удивлен его вопросом не о том, как я пишу, а «про что» пишу. Я не нашелся, что ответить. То есть как про что? Про все самое важное. А что я считаю важным? Ну, природу, чувства, мир. Что же это — про птичек и зайчиков?.. Я тогда увлекался Хлебниковым. Ну, вот и значит — про птичек. «Бросьте про птичек, пишите, как я!» Таково было требование. Я, как полагается, усмотрел попытку ущемить мой творческий суверенитет. Но спора не вышло. И только очень позже я понял, что разговор шел не о рифмах и ритмах, а об отношении моем к действительности» (А сеев Н. Собр. соч.: В 5 т. — М., 1964. — Т. 5. — С. 652). Горизонты лирики А. существенно расширяются, поэт овладевает мастерством, позволившим ему стать заметной фигурой в литературной жизни последнего пятилетия перед Октябрем. Лиризм поэта этого времени находит воплощение в противоречивом единстве нескольких мотивов — антимишского, антивоенного, богоборческого, любовного.

Начавшаяся первая мировая война принесла социальный диссонанс в стихи поэта. Драматизм любовных переживаний сливается в них с «тревогами улиц» («Осмейте...», 1916). Но это произойдет позже, а поначалу отношение А. к войне весьма расплывчато: предчувствие всеобщей беды в первых откликах на войну сочетается с мажорной нотой и броской изобразительностью («Граница», 1914). Поэту пригрезилось, что вихрь войны сметет неизбежность торгашеской России. Проходит, однако, совсем немного времени, и А. со всей остротой начинает понимать трагическую сущность происходящего. В 1915 г. его забирают в армию. «В городе Мариуполе, — пишет он, — я проходил обучение в запасном полку. Затем нас отправили в Гайены, ближе к австрийскому фронту, чтобы сформировать в маршевые роты. Здесь я подружился со многими солдатами, устранил чтения, даже пытался организовать постановку рассказа Льва Толстого о трех братьях, за что сейчас же был посажен под арест. Из-под ареста я попал в госпиталь, т. к. заболел воспалением легких, осложнившимся вспышкой туберкулеза. Меня признали непригодным к солдатчине и отпустили на поправку. На следующий

год меня переопределили и вновь направили в полк. Там я пробыл до февраля 1917 г., когда был избран в Совет солдатских депутатов от 39-го стрелкового полка. Начальство, видимо, решило избавиться от меня и направило в школу прапорщиков. В это время началась Февральская революция. На фронт наш полк идти отказался, и я с командиром в Иркутск отправился на восток. В Иркутск я не поехал. Забрав свою жену, двинулся с нею до Владивостока, наивно полагая поехать зимой на Камчатку» (из автобиографии).

Именно в эти годы поэт создает целый ряд стихотворений антивоенного толка, сближающих его с Маяковским уже не только «знакомством и дружбой», но и внутренне, сходством творческих установок. Наиболее значительные среди них — «Повеи вояна» (1916) и «Весна войны» (1916). Переключка этих стихотворений с поэмой Маяковского «Война и мир» (1916) несомненна. «Зараженная земля» (у Маяковского) и «тяжкая болезнь» (у Асеева) рождены ощущением всеобщего разложения. Для обоих поэтов война — следствие миропорядка, обреченного на гибель. Сходство переживаний и социальных мотивировок вместе с тем не обезличивает поэтов. А. укладывается в размеренные отрезки речи, он сдержан, и только неожиданность метафор выявляет исключительность трагического смысла всемирной бойни. Стих же Маяковского, в отличие от асеевской напевности, отчетливо «интонирован», его ритмика, обогащенная повышенной ролью пауз, более разнообразна и свободна. Особой выразительности А. достигает тем, что смело соединяет в стихе «дисгармонию» войны и гармонию песенной интонации. Противоречие между музыкой стиха и его смыслом и создает тревожное чувство. Маяковский «чрезмерен», подчеркнута экспрессивен, прикрыт броней саркастической усмешки, редкостного острословия. А. открыто раним, лиричен, надрывно напевен. Война для обоих поэтов кровью и чадом ворвалась в жизнь, ее не остановить, она наводит страх и ужас, все человеческое и живое: жизнь, весна, поэт, человек — все молит о пощаде. В творчестве А. впервые с такой вынятностью и прямоотой проявились протест, ненависть и отвращение к буржуазной действительности, войне: «Пускай тоски, и слез, и сна / не отряхнешь в крови и чаде; / мне в ноги брякнулась весна / и молит песен о пощаде».

Гуманистическая основа предреволюционного творчества А., восприимчивость и демократизм способствовали пробуждению в нем предчувствия близящихся революционных перемен, а вскоре и безоговорочного принятия Октября. Октябрьскую революцию поэт встретил во Владивостоке.

Соч.: Собр. стихотворений: В 4 т. — 2-е изд. — М.: Л., 1931—1932; Избр. произв.: В 2 т. — М., 1953; Стихотворения и поэмы: В 2 т. — М., 1959; Автобиографии. Советские писатели. — М., 1959. — Т. 1; Зачем и кому нужна поэзия. —

М., 1961; Собр. соч.: В 5 т. — М., 1963—1964; Стихотворения и поэмы. — Л., 1967;

Лит.: Дукор И. Поэтический путь Н. Асеева // Асеев Н. Собр. стихотворений: В 3 т. — М.; Л., 1928. — Т. 1; Селивановский А. П. Николай Асеев // Селивановский А. П. В литературных боях. — М., 1959; Левин Ф. Н. Асеев // Лит. критик. — 1939. — № 4; Плиско Н. Творчество Н. Асеева // Новый мир. — 1941. — № 4; Марголина А. О стихотворной судьбе Н. Асеева // Октябрь. — 1940. — № 11; Лесневский С. Выросли мы в пламени // Октябрь. — 1959. — № 6; Мильков В. Поэт неуходящей молодости // Молодая гвардия. — 1959. — № 6; Сарнов Б. М. Н. Н. Асеев // История русской советской литературы: В 4 т. — М., 1971. — Т. 4; Смолга О. Лирика Асеева. — М., 1980; Воспоминания о Николае Асееве. — М., 1980; Шайтанов И. В содружестве светил. Поэзия Николая Асеева. — М., 1985.

О. П. Смола

АХМАТОВА (настоящая фамилия *Горенко*), Анна Андреевна [23 (11).VI.1889, Большой Фонтан под Одессой. — 5.II.1966, Москва; похоронена в Комарове под Ленинградом] — поэтесса, переводчица. Родилась в семье отставного инженера-механика флота. С материнской стороны принадлежала к старой дворянской семье (записки ее деда Э. И. Стогова были опубликованы в 1903 г. в журнале «Русская старина»). «Годовалым ребенком я была перевезена на север — в Царское Село» (Соч. — Т. 2. — С. 236). После того как в 1905 г. семья родителей распалась, мать с детьми переехала в Евпаторию, оттуда в Киев. Там А. окончила Фундуклевскую гимназию и в 1907 г. поступила на юридический факультет Высших женских курсов в Киеве. В 1910 г. вышла замуж за знакомого ей еще по Царскому Селу поэта Н. С. Гумилева. Вместе с ним была в 1910 и 1911 гг. в Париже, в 1912 г. — в Италии. Живя в Царском Селе, училась некоторое время на Высших историко-литературных курсах Раева. В 1912 г. родился единственный сын — Л. Н. Гумилев, известный советский историк и этнолог.

По воспоминаниям А., первые свои стихи она написала в 11 лет, но они не сохранились. Первые из ныне известных относятся к 1904 г. Они представляют интерес как попытка соединить простодушные штампы дилетантской поэзии конца XIX в. с выработавшимися штампами декадентской поэзии. Из дошедших до нас писем А. 1906—1907 гг. и воспоминаний ее гимназической подруги В. Беер мы знаем, что в те годы юная поэтесса интересовалась поэзией русского символизма и прежде всего — В. Я. Брюсова. Первое ее стихотворение было напечатано в 1907 г. в парижском журнале «Сириус», издававшемся Н. С. Гумилевым, однако затем последовал перерыв до 1911 г.

Настоящий поэтический дебют А. состоялся летом 1910 г. после возвращения из Парижа, когда она читала стихи в Павловске друзьям Гумилева, а потом на «башне» В. И. Иванова. С 1911 г. она начинает регулярно печататься в петербургских и московских изданиях. С конца 1911 г., со времени образования кружка «Цех поэтов», где Гумилев был одним из «синдиков», выполняет обязанности секретаря «Цеха», а с

постепенным формированием внутри этого кружка акмеизма становится сторонником этого направления в поэзии.

В марте 1912 г. выходит в свет первый сборник стихов под названием «Вечер» с предисловием М. А. Кузмина. В стихах этой книги, наряду с несколькими стилизациями в духе поэзии Кузмина и живописи «Мира искусства», уже начинают появляться черты, на многие годы определившие поэтическую репутацию А.: напряженность любовного чувства, соединение внешних примет времени с переживаниями героини, ориентация на современную разговорную речь. Именно со стихами из «Вечера» в наибольшей степени связано восприятие ее творчества как ряда стихов, в которых «трепещет и бьется живая, близкая, знакомая нам душа женщины переходной эпохи, эпохи ломки человеческой психологии...» (Коллонтай А. // Молодая гвардия. — 1923. — № 2 (9). — С. 167).

В то же время стихи «Вечера» отразили движение поэзии А. от одной лирической маски к другой, что соответствовало и ориентации на различные поэтические системы начала XX в. В ранних стихах А. с очевидностью просматривается увлечение поэзией В. Я. Брюсова, А. Белого, М. А. Кузмина, А. А. Блока. Особое значение для нее имело знакомство со сборником И. Ф. Анненского «Кипарисовый ларец». Помимо обозначенного поэтессой как «Подражание И. Ф. Анненскому» стихотворения в «Вечере», влияние его поэзии отразилось и в самом поэтическом методе молодой А., в ассоциативной насыщенности стиха, в пристальном взглядывании в различные психологические состояния лирической героини, в соединении «банального» и остро оригинального при построении ситуации стихотворения.

«Вечер» имел значительный успех, и его малый тираж (всего 300 экземпляров) разошелся очень быстро. Стихи этой книги послужили одной из основ для создания теории акмеизма (особенно в статье С. М. Городецкого «Некоторые течения в современной русской поэзии»). Однако подлинная известность пришла к поэтессе после выхода в свет сборника стихов «Четки» (весна 1914 г.). Несмотря на неблагоприятную ситуацию (через несколько месяцев началась война), «Четки» приобрели большую популярность и до 1923 г. книга переиздавалась еще 8 раз.

Еще одним внешним показателем успеха стихов А. этого периода было появление большого числа подражателей, особенно среди поэтесс (для них был изобретен даже особый термин — «подахматовки»). По большей части эта популярность определялась теми же причинами, что и известность стихов «Вечера»: в них ценилась «дневниковость», изображение души современной женщины, наполненное стихов реальностями сегодняшнего быта. Однако такое отношение было односторонним, не улавливало многих

существенных аспектов ранней поэзии А., отчетливо выживших уже в «Четках»: «дневни-ковость» свободно переходила в философские размышления; камерность внешней тематики раз-вертывалась в серьезный психологический анализ, в описаниях литературно-художественной среды был заложен совершенно определенный заряд отрицания «богемности». Впервые отчетливо на-писал об этих свойствах поэзии А. ее близкий друг Н. В. Недоброво: «...само голосоведение Ахматовой, твердое и уж скорее самоуверенное, самое спокойствие в признании и болей, и слабостей, самое, наконец, изобилие поэтически претворенных мук — все свидетельствует не о плакси-вости по поводу жизненных пустяков, но откры-вает душу скорее жесткую, чем слишком мяг-кую, скорее жесткую, чем слезливую, и уж явно господствующую, а не угнетенную» (Русская мысль.— 1915.— № 7.— С. 63). А. считала эту статью пророческой и наиболее верно определив-шей суть ее поэзии. В «Поэме без героя» она определила ее как «победившее смерть слово и разгадку жизни моей».

В ранней поэзии А. отчетливо прослеживается как отталкивание от многих особенностей твор-чества, выработанных символизмом, так и про-должение тех традиций, которые сделали симво-лизм наиболее заметным поэтическим течением начала XX в. На уровне построения стиха А. чаще всего отказывается от принципов символиз-ма: на смену подчеркнутой музыкальности при-ходит «говорной» стих; из поэзии уходят высокие абстракции, которые в стихах символистов долж-ны были обозначать связь повседневного и выше-го (или, по Вяч. Иванову, «реального» и «реаль-нейшего»), заменяясь разговорными выраже-ниями, откровенно ориентированными на «женскую» речь (следует отметить, что для стихов крупнейшей поэтессы русского символиз-ма З. Н. Гиппиус было характерно стремление вести речь от лица мужчины); стихи А. избегают экзотичности и романтической «всеобщности» в описании примет действительности, заменяя их предельной конкретностью описаний, теснейшим образом связанных с повседневной жизнью; вместо твердых стиховых форм (сонетов, терцин, рондо и пр.) предпочтение отдается свободному построению стихотворения. В известном смысле был прав В. И. Жирмунский, писавший в связи с этим о смене «романтизма», характерного для поэзии символизма, «классицизмом» в сти-хах А. и О. Э. Мандельштама. Однако на уровне проблематики А. чаще переключается с симво-листами, чем полемизирует с ними. Справедливо писал Н. В. Недоброво: «Другие люди ходят в миру, ликуют, падают, ушибаются друг о друга, но все это происходит здесь, в середине мирового круга; а вот Ахматова принадлежит к тем, кото-рые дошли как-то до его края — и что бы им повернуться и пойти обратно в мир? Но вот, они бьются, мучительно и безнадежно, у замкну-

той границы — и кричат, и плачут» (Русская мысль.— 1915.— № 7.— С. 63). Стремление «укрупнить» переживания лирической героини, сделать их не прихотью частного человека, а свойством человеческой психологии вообще, раскрыть за внешним правдоподобием обстоя-тельств вневременную всеобщность чувств и поступков — это определяет связь поэзии А. с поэтическими принципами крупнейших поэтов русского символизма, особенно Блока, что было подчеркнуто поэтессой в дарственной надписи на сборнике «Четки», поднесенном Блоку: «От тебя приходила ко мне тревога / И умнее писать стихи».

Сложные внутренние связи творчества А. с поэзией символизма определяют и ее положение в литературной ситуации своего времени. При-надлежа к числу поэтов-акмеистов и развивая многие принципы акмеизма в своих стихах, А. в то же время тяготеет дисциплиной, царя-щей в их рядах, за строгим соблюдением кото-рой ревниво следил С. М. Городецкий. В воспо-минаниях о Мандельштаме А. писала: «...В зиму 1913—14... мы... даже дали Городецкому и Гуми-леву составленное Осипом и мною прошение о закрытии Цеха. Сергей Городецкий наложил резо-люцию «Всех повесить, а Ахматову заточить» (Вопросы литературы.— 1989.— № 2.— С. 192). Да и окончательное закрытие «Цеха» В. М. Жи-рмунский связывает с инициативой А. и Ман-дельштама. В то же время внутренние прин-ципы поэзии А. все более и более стремятся к заложенному в акмеизме тяготению реализо-вать имеющиеся в слове потенции к беспре-дельному расширению историко-культурного и ли-тературного богатства ассоциаций.

Потенциальное богатство этих ассоциаций, однако, не сразу было замечено критиками и чита-телями. На первый план выходило расширение тематического репертуара А., отразившееся в третьей книге ее стихов «Белая стая» (сент. 1917 г.). В ней заметное место стали занимать темы, касающиеся не только личных пережива-ний, но теснейшим образом связанные с собы-тиями войны и приближающейся революции. Это ощущается уже с начального стихотворения («Думали: нищие мы, нету у нас ничего...») (1915) и многократно повторяется во всей книге. Наиболее открыто предстают эти темы в цикле «Июль 1914» и ряде последующих стихотворе-ний, где предсказания жестоких испытаний («Ждите глады, и труса, и мора, / И затмьней небесных светил») сочетаются с ощущением вели-кого предназначения России («Так молось... / Чтобы туча над темной Россией / Стала облаком в славе лучей»).

В стихотворениях «Белой стаи» происходит решительное изменение поэтической манеры А., на смену интонациям живого разговора при-ходят интонации одические, пророческие, что влечет и смену предпочтений в стиховом плане:

преобладание дюльника уступает место ориентации на классические размеры.

Вместе с тем поэзия времени «Белой стаи» все больше и больше насыщается цитатами из лирики пушкинской поры, причем эти цитаты, согласно тенденциям поэтики XX в., являются не изолированно, а в сложном переплетении с цитатами как из других классических текстов, так и из произведений поэтов-современников. Это позволяет вычлнить в творчестве А. особый «пушкинский слой», который со временем становится все более насыщенным, превращается в особый принцип построения поэтического мира, где собственная поэтика начинает строиться и по-настоящему пониматься только в связи с пушкинской, пушкинская биография накладывается на биографию самой поэтессы, и в этом соотношении выявляется истинная сущность поэтического творчества.

В то же время ориентация на поэзию Пушкина не могла не сказаться и на изменении внешних тем А., она вызвала появление в ее стихах открытых откликов на события современности, в том числе и на события политические. Особое место среди этих откликов занимают стихи, написанные вскоре после Октябрьской революции. В стихотворении «Когда в тоске самоубийства...» (1917; в поздней редакции начинается строкой «Мне голос был. Он звал утешно...») открыто говорится о неприятии поэтессой революционных событий, но одновременно с этим — о невозможности оставить Родину, оказаться вдали от нее в дни испытаний. В дальнейшем позиция А. по отношению к революции стала более диалектической, но навсегда осталось ощущение горечи и гордости поэта, который может написать: «Нет! и не под чуждым небосводом / И не под защитой чуждых крыл — / Я была тогда с моим народом, / Там, где мой народ, к несчастью, был».

В 1918—1923 гг. поэзия А. пользовалась большим успехом, ее стихи многократно переиздавались, однако в середине 20 гг. началось многолетнее молчание, длившееся до середины 30 гг. В 1936—1946 гг. творчество А. переживало расцвет, ее стихи часто печатались во многих изданиях, а «Мужество» (1942) было опубликовано в газете «Правда». Подвергнутая жестокой и несправедливой критике в 1946 г., А. надолго была отлучена от литературы, и лишь со второй половины 50 гг. начинается возвращение ее стихов советским читателям. К этому времени относятся и публикации наиболее значительных ее произведений советской эпохи — «Поэмы без героя», «Путем всея земли», цикла «Северные элегии». В настоящее время поэзия А. большинством критиков и литературоведов признается одним из самых ярких явлений в русской поэзии XX в.

Соч.: Соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста и коммент. В. А. Черных, Э. Г. Герштейн, Л. А. Мандрыкиной, Н. Н. Глен.— М., 1986; Я — гоше твои...— М., 1989;

Лит.: Эйхенбаум Б. М. Анна Ахматова. Опыт анализа // О поэзии.— Л., 1969.— С. 75—147; Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой (Стилистические наброски) // Виноградов В. В. Поэтика русской литературы.— М., 1976.— С. 369—459; Жирмунский В. М. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика.— Л., 1977.— С. 106—133; Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой.— Л., 1973; Тименчик Р. Д. Ранние стихотворные опыты Анны Ахматовой // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1979.— Л., 1980.— С. 140—144; Виленикин В. В сто первом зеркале.— М., 1987.

Н. А. Богомолов

Б

БАЖИН, Николай Федотович [23.IV(6.V).1843, Вятка — 3(16).X.1908, Свияжск Казанской губ.] — прозаик, публицист. Родился в семье подполковника. Писать начал в 9—10 лет в младших классах Воронежского кадетского корпуса (сочинял патриотические стихи о Крымской кампании). Выйдя из корпуса в 1862 г., со стихов перешел на прозу и уже в 1864 г. был деятельным сотрудником журнала «Русское слово», где под псевдонимом *Холодов* поместил свою первую повесть «Степан Рулев», сразу привлекая к себе большую читательский интерес (№ 11—12). В этом же журнале в 1865 г. печатаются еще 5 повестей: «Чужие между своими» (№ 1—2), «Житетская школа» (№ 6, 7), «Скорбная элегия» (№ 9), «Три семьи» (№ 10, 11, 12). С закрытием «Русского слова» Б. вместе с другими сотрудниками перешел в журнал «Дело», где с 1867 по 1882 г. опубликовал 11 романов и повестей. Из них самое крупное и значительное, по мнению современников, произведение — роман «История одного товарищества» (1869, № 4—8, 11—12). Кроме того, Б. печатался в сатирических журналах «Искра» и «Маляр» (под псевдонимами *Старый маляр* и *Серый*), «Живописном обозрении» и «Всемирной иллюстрации», а также в «Женском вестнике», «Русском богатстве», «Северном вестнике» и «Наблюдателе». Отдельно вышли в 1874 г. его «Повести и рассказы», запрещенные в 1885 г. к выдаче из библиотек, и роман «Лицом к лицу» (1882).

Биографические сведения о Б. очень скудны. В письме к С. А. Венгерову он скромно заявлял, что сведения о его жизни «ровно никому не нужны и не интересны» (Русские повести XIX в. 60 гг.—Т. 2.—С. 542). Работы А. М. Скабичевского, С. А. Венгерова и др. исследователей содержат скупые указания о Б.

Существенное место в жизни Б. занимала редакционно-издательская работа.

В 1876—1878 гг. он много и в разных жанрах писал для «Малыра» (повести, очерки, рассказы, сцены, отрывки из дневника, наброски и т. д.) и фактически был его редактором. С приходом Б. полностью изменилось лицо и тон журнала, что сразу обратило на него внимание цензуры. В 1878 г. на 23-м номере журнал бы закрыт

за то, что выступал с политически острыми карикатурами и сатирами.

В 1879 г. Б. печатал в «Деле» очерки современной журналистики, подписываясь *-инъ*, и публиковал анонимно рецензии в разделе «Новые книги». «Иногда весь этот раздел заполнял я один», — писал он в письме А. А. Коринфскому (Сборовская Т. А. — С. 180). С 1880 по 1887 г. Б. был редактором беллетристического отдела этого журнала. Задумывал писатель и выпуск собственного журнала, однако Главное управление по делам печати отказало ему, «имея в виду, что, хотя сочинения его не вызывали замечаний со стороны Главного управления, тем не менее с именем его соединено представление литературного направления, признаваемого крайне предосудительным» (Там же). Тем не менее мысли о собственном журнале не оставляли Б., и в 1880 г. Б. и его жена, Серафима Никитична Бажина, детская писательница и переводчица, вошли в артель «братьев-писателей» (А. М. Скабичевский, Г. И. Успенский, В. М. Гаршин и др.), которая приобрела журнал «Русское богатство». Поиски издателя были по тому времени делом трудным, и официально он считался С. Н. Бажина, хотя по существу он издавался артельно. Когда между сотрудниками начались разногласия и артель стала распадаться, Б. и его жена до последнего дня боролись за журнал. «Точно какого-то друга приходится хоронить», — писал Б. в октябре 1882 г. о закрытии журнала, — и даже больше, чем друга, — душу свою, сердце свое» (Сборовская Т. А. — С. 182).

В прозе Б. — убежденного демократа, испытывавшего в начале пути сильное воздействие идей Н. Г. Чернышевского и в особенности Д. И. Писарева, — главными героями, как правило, выступают разночинцы-интеллигенты. Первая повесть Б. «Степан Рулев» написана под явным воздействием только что появившегося в «Современнике» романа Чернышевского «Что делать?». В Рулеве легко узнаются черты Рахметова. Сын крестьянина, дослужившегося до капитана, от отца Рулев унаследовал здоровье и физическую силу. Мать же его, одна из многих пробуждавшихся в ту пору женщин, решила воспитать сына по-новому. Усилия матери, ее друга учителя, самовоспитание и самообразование в духе Писарева привели к тому, что «в 20 лет он уже совершенно сформировался физически и выработал самостоятельный, строго реальный взгляд на жизнь... Он видел уже слишком много страданий человека, зла всякого, погибавших людей, и мысль о деле уже совершенно овладела им». «Дело» Рулева напоминает тщательно зашифрованное «дело» Рахметова. Нетрудно догадаться, что герой Б., развезжая по городам и селам, был занят революционной пропагандой. Пытаясь соединить в Рулеве черты Рахметова и Базарова, в его интерпретации Писаревым, Б. всячески подчеркивает целеустремленность и бескомпро-

мисность героя, подчас впадая в карикатуру. Помогая новым друзьям и знакомым найти свое место в жизни, Рулев в то же время не может и не хочет сойтись с отцом, брат для него — живой мертвец. Любовь его столь же рационалистична и бесплодна, как и сухая отповедь влюбленной в него женщине. Стиль и язык повести соответствуют образу главного героя: много аналитических рассуждений, обращенных к рассудку читателя, и мало живых картин, ярких образов, диалогов. В «Фельетонном словаре современников» В. Михневич определил Б. как писателя «повествовательно-протокольного ряда» (Михневич В. Наши знакомые. — Спб., 1884. — С. 9). Но актуальность содержания заставляла демократически настроенных читателей прощать автору эстетическое несовершенство повести.

В дальнейшем творчестве Б. появляются новые герои, которым не чужды слабости и противоречия, а авторское повествование приобретает часто налет сентиментальности. Восклицания «Бедная Маня!», «Бедный Митя!» то и дело встречаются на страницах одной из лучших повестей Б. «Маня» (1870). Драма главного героя, учителя Александра Петровича, — в его раздвоенности. Любовь и жизнь с любимой женщиной, оказавшейся мещанкой, убили в нем «то небольшое счастье», что было до свадьбы, счастье общения с друзьями, «новыми людьми». Эта повесть — свидетельство роста мастерства Б.: углубляется психологический анализ; сентиментальность, лиризм и мягкий юмор смягчают общую публицистическую заданность замысла.

Одним из первых Б. изобразил героя, соединившего в себе черты и свойства «новых» и «лишних людей», отразив противоречия в среде демократической интеллигенции того времени. Вот, напр., сюжет романа «История одного товарищества» (1869) в пересказе автора: «Несколько человек, задумавших устроить ассоциацию, увлекаются личными интересами, перессориваются, и вследствие этого ассоциация рушится» (Шорникова Т. А. — С. 155). Хотя комментарий этот был предназначен для Главного управления печати, он отразил некоторую эволюцию воззрений Б., все более осознававшего трудность общественных преобразований. Главный герой романа, врач Филипп Рябинин, в отличие от Степана Рулева, — подчеркнуто обыкновенный и недостаточно стойкий человек. Автор передал ему собственное увлечение утопическим проектом Р. Оуэна, который, однако, осуществить не удалось. Понимая обреченность одиночек, стремившихся перестроить общество, Б. видел главную причину их поражения в личном несовершенстве. Цензура запретила первоначальное название романа: «Подлинная история товарищества «Большие надежды» и сделала все возможное, чтобы изуродовать произведение и ослабить его воздействие на умы и души. Сам автор

считал свой роман «крайне плохим» (Там же.— С. 154), однако, как отмечал впоследствии А. А. Коринфский, «сколько горячих, молодых споров... пылких порывов вызвано было этим, особенно преследовавшимся тогда... цензорами и... педагогами романом! Какие светлые мысли пробуждал он...» (Иллюстрированное приложение к газете «Голос правды».— 1907.— № 369.— С. 4).

В романе «Зовет... (Записки Семена Долгого)», напечатанном в «Деле» в 1872 г. (№ 3, 5, 6, 10—12), показан начальный этап «хождения в народ». В главном герое Елизаре Селиверстове своеобразно сочетаются романтическая исключительность и готовность именно к повседневной, будничной работе, пропаганде среди крестьян, перед которыми интеллигенция «в неоплатном долгу». В делах и рассуждениях героев прослеживается влияние программы П. Л. Лаврова.

В последних романах и повестях Б. («Клад», 1891; «Итоги», 1892; «Ночь», 1893, и др.) усиливаются пессимистические ноты.

В целом творчество Б. интересно как художественное преломление исканий, настроений демократической интеллигенции в 60—80 гг. Как признал В. П. Буренин — критик, идейно чуждый Б., писатель «украшал своими романами и повестями радикальное «Дело»... и в этом журнале сиял одной из самых ярких звезд» (Новое время.— 1890.— № 5052).

Соч.: Повести и рассказы.— Сиб., 1874; Лицом к лицу.— Сиб., 1882; Степан Рулев // Русские повести XIX в. 60-х годов.— М., 1956.— Т. 2.
Лит.: Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы 1848—1908 гг.— Сиб., 1909.— С. 312—313; Касторский С. В. Беллетристики-демократы 60-х годов 19 в. // Проза писателей-демократов 60-х гг. XIX в.— М., 1962.— С. 33—36; Морозов В. С. Тип передового разночинца в повести Бажина «Степан Рулев» // Уч. зап. Туркменского университета.— Ашхабад, 1960.— Вып. 17.— С. 55—70; Шорникова Л. А. Идеино-тематическая направленность творчества Бажина конца 60-х — начала 70-х гг. XIX в. // Писатель и литературный процесс.— Душанбе, 1974.— Вып. 2.— С. 138—172; Сборовская Т. А. К литературной биографии Бажина // Русская литература.— 1975.— № 2.— С. 179—183.
И. И. Скуридина

БАЛТРУШАЙТИС, Юргис Казимирович [20.IV (2.V).1873, с. Паантвардий Юрсиенского у. Ковенской губ.; ныне Юрбаркс р. Литовской ССР — 3.I.1944, Париж] — поэт (двуязычный), критик, переводчик, театральный деятель, дипломат. Родился в крестьянской семье. В 1893 г. Б., недавний выпускник Ковенской гимназии, поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, где познакомился с С. А. Поляковым, а через него с К. Д. Бальмонтом, который летом 1899 г. представил своих друзей В. Я. Брюсову. Вместе с Поляковым, Бальмонтом, Брюсовым Б. был инициатором создания и активным участником ведущих символистских органов: книгоиздательства «Скорпион», альманаха «Северные цветы», журнала «Весы».

Творческое наследие Б. невелико. При жизни поэта появились два сборника на русском языке «Земные ступени» (1911) и «Горная тропа» (1912) и один на литовском — «Венок из слез» (1942). Третья книга на русском языке «Лилия и серп», часть стихотворений которой написана в 10 гг., вышла в 1948 г. в Париже. Кроме того, в «Северных цветах» и в «Весак» были напечатаны три рассказа Б. Идеино-тематический диапазон поэзии Б. не широк. Поэт в своем творчестве остается в пределах внутреннего мира. Самобытность лирики Б. заключается в ее философском характере. Акцент ставится на размышлениях, реалиях и ощущениях. Поэт мыслит романтическими антиномиями: духовное и материальное, возвышенное и низменное. Единичное, отдельное событие возводится к вечным темам: жизни и смерти, одиночества. Раскрывая трагизм человеческого бытия, Б. видит прекрасное в природе, свете разума, творчестве, в стремлении человека преодолеть вселенскую дисгармонию. Как и другие символисты, поэт был склонен рассматривать свое творчество как целостный и неделимый текст и выстраивал книги русской лирики как трилогию, в центре которой — история пути «человека вселенной», всеобщая жизнь мира. Б. придавал большое значение строению сборников: выделял главы, каждой главе предпосылал эпиграфы, поясняющие общий замысел, философский настрой. Книга обычно открывалась вступительным стихотворением. Внутренне сосредоточенный и замкнутый, поэт был сдержан в использовании художественных средств, традиционен в стихотворной технике.

Единое целое с поэзией составляют критические выступления Б. Им написаны статьи, рецензии, посвященные творчеству К. Д. Бальмонта, Н. Рериха, В. Ф. Комиссаржевской, Г. Ибсена, А. Стриндберга, др. скандинавских писателей.

Как театральный деятель Б. был связан с экспериментальными исканиями Театра-студии на Поварской, театра Комиссаржевской, сотрудничал с Свободным и Камерным, Московским Художественным театрами. Из внесимволистского круга знакомств поэта следует отметить его дружбу с М. Горьким и А. Скрябиным.

В 1920 г. Б. возглавляет специальную миссию, а в 1921 г. становится Чрезвычайным Посланником и Полномочным представителем Литвы в РСФСР (затем в СССР). В апреле 1939 г. проходит на пенсию и переезжает в Париж, где проживал его сын, известный искусствовед Юргис Балтрушайтис. Большая часть стихотворений последних двадцати лет написана на литовском языке.

Соч.: Дерево в огне.— Вильнюс, 1969, 1983; Капли // Северные цветы.— М., 1901.— С. 55—65; Легенда о факелах // Северные цветы.— М., 1902.— С. 84—88; Спутники // Весы.— 1906.— № 12.— С. 21—33. Статьи: Юган Людвиг Рунберг // Весы.— 1904.— № 2.— С. 55—57; У гроба Ибсена // Весы.— 1906.— № 8.— С. 55—58; Арцыбашев. Рассказы, т. 11 (ре-

цензия) // Веса. — 1906. — № 9. — С. 64—67; Ю. Айхенвальд. Силуэты русских писателей. Вып. 1 (рецензия) // Золотое руно. — 1906. — № 11—12. — С. 154—155; Карл Ионас Лове Альмквист // Северные сборники изд-ва «Шиповник». — Спб., 1908. — Кн. 5. — С. 7—13; Яльмар Седерберг // Там же. — С. 237—238; О внутреннем пути К. Бальмонта // Заветы. — 1914. — № 6. — С. 62—68; Последний замысел (Впечатления) // Комиссаржевская В. Ф. Альбом «Солнца России». — Пг., 1915. — С. 33—35; Внутренние приметы творчества Рериха // Рерих. — П., 1916. — С. 13—28; Памяти Эмиля Верхарна // Русское слово. — 1916. — № 267; Предисловие // Филпенко Иван. Эра славы. — М., 1918. — С. 5—7; Жертвенное искусство // Мысль и слово. — М., 1918 (1921). — Т. 2. — С. 219—224.

Лит.: Айхенвальд Ю. Балтрушайтис // Айхенвальд Ю. Слова о словах. — Пг., 1916. — С. 79—89; Бартечев А. Ю. Балтрушайтис. Горная тропа. II книга стихов (рецензия) // Жатва. — М., 1912. — Кн. 3. — С. 258—263; Белый А. Ekedo nascimur // Literatūra ir kalba. — Вильнюс, 1974. — Т. 13. — С. 426—449; Он же. Начало века. — М., 1933. — С. 185, 205, 381—382 и др.; Он же. Между двух революций. — Л., 1934; Брюсов В. Я. Собр. соч.: В 7 т. — М., 1975. — Т. 6. — С. 342—343; Он же. Сегодняшний день русской поэзии // Русская мысль. — 1912. — № 7. — С. 19; Он же. Дневники. 1891—1910. — М., 1927; Гумилев Н. Письма о русской поэзии // Аполлон. — 1911. — № 10. — С. 74; Иванов Вяч. Юргис Балтрушайтис как лирический поэт // Русская литература XX века / Под ред. С. А. Венгера. — М., 1916. — Т. 2. — С. 301—311; Полонский Г. На молитву: Поэзия Юргиса Балтрушайтиса // Запросы жизни. — 1912. — № 41; Розанов С. Балтрушайтис (Силуэт). — М., 1913; Скрябин А. Письма. — М., 1965. — С. 596, 608, 636, 648; Тумялис Ю. Об авторе и книге // Балтрушайтис Юргис. Дерево в огне. — Вильнюс, 1969. — С. 469—491; Турков А. Когда думаешь о судьбе Юргиса Балтрушайтиса... // Там же. — С. 3—29; Салынка В. Письма Ю. Балтрушайтиса к Горькому // Вопросы литературы. — 1968. — № 7. — С. 251; Кубилюс В. На пересечении национальных культур // Вопросы литературы. — 1975. — № 1. — С. 254—257; Дауэйтис В. Юргис Балтрушайтис. — Вильнюс, 1983.

Б. Мерзвинский

БАЛЬМОНТ, Константин Дмитриевич [3(15). VI.1867, дер. Гумница Шуйского у. Владимирской губ. — 23.XII.1942, Нуази-ле-Гран, близ Парижа] — поэт, критик, эссеист, переводчик. Родился и вырос в помещичьей семье. Отец Дмитрий Константинович Б. — земский деятель. Мать Вера Николаевна Лебедева — высококультурная женщина, оказала глубокое влияние на юного Б. Детские и юношеские годы Б., проведенные в родной усадьбе, описаны в автобиографическом романе «Под новым серпом» (Берлин, 1923).

В 1876—1884 гг. Б. учился в классической гимназии г. Шуи; был исключен из класса за принадлежность к «революционному» кружку. Продолжал учение во Владимирской гимназии, которую закончил в 1886 г. Для Б. этой поры характерны народолобные настроения, увлечение общественными и нравственными вопросами. В 1886 г. Б. поступает на юридический факультет Московского университета; сближается с П. Ф. Николаевым, революционером-шестидесятником. В 1887 г. исключен из университета как один из организаторов студенческих беспорядков и выслан в г. Шую под негласный надзор полиции. В сентябре 1888 г. вновь принят в Московский университет, однако через несколько месяцев бросает занятия. Осенью 1889 г. поступает в Демидовский юридический лицей г. Ярославля, но в том же году окончательно отказывает-

ся от «казенного» образования. «...Я не смог себя принудить заниматься юридическими науками, зато жил истинно и напряженно жизнью своего сердца, а также пребывал в великом увлечении немецкой литературой» (Утро России. — 1911. — 23 дек.). В марте 1890 г. происходит попытка самоубийства на почве нервного расстройства; затем — длительное, около года, лечение (см. автобиографический рассказ «Воздушный путь» (Русская мысль. — 1908. — № 11)).

Первое выступление Б. в печати относится к 1885 г.: три стихотворения в петербургском журнале «Живописное обозрение» (№ 48 от 1 дек.). В том же году знакомится с В. Г. Короленко, который принял деятельное участие в судьбе молодого поэта. В 1887—1889 гг. Б. занимается в основном переводами (Гейне, Ленау, Мюссе, Сюлли-Прюдом и др.). В 1890 г. в Ярославле выходит первая книга Б. — «Сборник стихотворений» (издание автора), включавший в себя наряду с переводами около 20 оригинальных стихотворений. Проникнутая тоскливыми мотивами, книга не встретила отклика, и весь тираж ее, по утверждению Б., был им уничтожен.

В 1891—1892 гг. Б. систематически занимается литературной деятельностью. Увлеченный современной скандинавской литературой, Б. переводит в этот период произведения Брандеса, Ибсена, Бьернсона, пишет статьи о них и рецензии (в основном для журнала «Артист» и газеты «Русские ведомости»), переводит книгу норвежского писателя Г. Йегера об Ибсене (русское издание запрещено цензурой). Знакомству Б. с новейшей философией и литературой способствует также его сближение с князем А. И. Урусовым (с 1892 г.), поклонником и знатоком современной западноевропейской культуры. «Урусов помог моей душе освободиться, помог мне найти самого себя» («Горные вершины». — М., 1904. — С. 105). С 1893 г. Б. работает над переводами Шелли, сочинения которого издает затем в семи выпусках с собственными вступительными статьями. Кроме того, в 1895 г. Б. выпускает на средства А. И. Урусова две книги переводов из Э. По («Баллады и фантазии», «Таинственные рассказы»).

В 1894 г. появляется стихотворный сборник Б. «Под северным небом». Во многом раздражающий, сборник содержал характерные для «усталого» поколения 80 гг. жалобы на серую бесприютную жизнь. Однако гражданские в своей основе мотивы получают у Б. символистско-романтическую окраску: неприятие мира, меланхолия и скорбь, томление по смерти. Заметно повышенное внимание автора к звуковой стороне стиха, тяготение к музыкальности, увлечение алитературными («Чели томленья», «Песня без слов») и т. д.

Об углублении пессимистических мотивов свидетельствует следующий сборник стихов «В безбрежности» (1895). Реальность мечты, сновиде-

ния полностью торжествует здесь над призрачностью действительного бытия. Субъективизм, культ мимолетности, прихотливая изменчивость настроений — таковы отличительные черты балмонтской поэзии 90 гг. Утверждается культ мимолетности, мгновения, мига. Поэтическая манера Б. этого периода ближе всего к импрессионизму; язык поэта — условно-символический, состоящий из загадочных намеков и расплывчатых определений. Зависимость Б. от «декадентских» настроений ощущается и в сборнике «Тишина» (Спб., 1898); в нем отразились также впечатления Б. от его путешествий по странам Западной Европы в 1896—1897 гг. (Франция, Испания, Голландия, Англия, Италия).

Особенно плодотворным для Б.-поэта оказалось его знакомство с Испанией. Б. выделял испанцев за то, что они, по его мнению, не похожи на других «европейцев», не раз писал об испанском национальном характере, о крупнейших испанских художниках — Гоёе, Кальдероне, переводил также Лопе де Вега, Тирсо де Молина и многих других. Наряду с испанской поэзией Б. высоко ценил английскую, переводил Блейка, Байрона, Теннисона; особенно увлекался Уайльдсом.

В 1894 г. состоялось знакомство Б. с Брюсовым. «Мы три года были друзьями-братьями», — вспоминал Б. в автобиографическом очерке «На заре». (Впоследствии их отношения осложнились; возникла литературная полемика.)

В 1898—1901 гг. Б. подолгу живет в Петербурге, где общается с кругом столичных символистов (Мережковский, Минский, Сологуб и др.). К 1900 г. Б.—одна из центральных фигур «старшего» русского символизма. Вокруг него складывается кружок, к которому принадлежат Брюсов, Балтрушайтис, владелец московского символистского издательства «Скорпион» С. А. Поляков и другие приверженцы «нового искусства». Читатели и критики, дружественные к символизму, воспринимают в эти годы Б. прежде всего как поэта-новатора, открывшего в русском стихе новые возможности, обогатившего его в лексическом, интонационном, музыкальном отношении.

Новым этапом в развитии Б. был поэтический сборник «Горящие здания» (М., 1900). На смену уныло-сумрачному настроению первых книг приходит радостное, жизнеутверждающее мироощущение, на смену тоскливой жалобе — гимн бытию. Неподвижность сменяется движением, полутона — яркими слепящими красками. «Книга Жизни и Страсти», «моя первая книга, полная оргийного торжества» — так отзывался о ней сам Б. (сб. статей «Морское свечение». — Спб.; М., <1910>. — С. 195—196). «Усталый» герой Б. перерождается в цельную вольнолюбивую личность, устремленную к «свету», «огню», «Солнцу» (основные слова-символы в поэзии зрелого Б.). Современники видели в этих иноска-

заниях бунтарский и даже революционный смысл, наделяли некоторые стихотворения Б. актуальным общественным содержанием. Не случайно излюбленный у Б. образ — сильный, гордый и «вечно свободный» альбатрос сродни горьковскому буреветнику.

В мае 1901 г. за публичное чтение и распространение антиправительственного стихотворения «Маленький султан» (отклик Б. на разгон студенческой демонстрации в Петербурге 4 марта 1901 г.) поэт лишается права проживания в столичных и университетских городах сроком на два года. С июня 1901 по март 1902 г. Б. живет в основном в усадьбе Сабынино (Курская губ.), где работает над новым сборником стихотворений «Будем как Солнце». Эта книга (М., 1903) — попытка построить космогоническую картину мира, в центре которой находится верховное божество, Солнце. Как бы уподобляя себя первобытному человеку, Б. слагает гимны стихийным силам, звездам, Луне и т. д. Главная из жизненных стихий для Б. — Огонь. Космогония Б. определяет и новый облик его героя; состояние «современной души», по Б., — это горение, пожар чувств, любовный экстаз. Поэт славит желание, сладострастие, «безумства несътой души». Встречаются, впрочем, и социально окрашенные стихотворения (напр., стихотворение «В домах», посвященное М. Горькому), но темы сострадания, свободы и т. д. решаются Б. с позиций анархического индивидуализма. Этими же мотивами проникнут и поэтический сборник «Только Любовь. Семцветник» (М., 1903), образующий вместе с двумя предыдущими книгами вершину творчества Б.

В марте 1902 г. Б. уезжает за границу и живет преимущественно в Париже, совершая поездки в Англию, Бельгию, Германию, Швейцарию и Испанию. В январе 1905 г. он отправляется (из Москвы) в Мексику и Калифорнию. Очерки Б. о Мексике, наряду с выполненными им вольными переложениями индейских космогонических мифов и преданий, составили позже книгу «Зменные цветы» (М., 1910).

Этот период творчества Б. завершается сборником «Литургия красоты. Стихийные гимны» (М., 1905). Основной пафос книги — вызов и упрек современности, «проклятие человекам», отпавшим, по убеждению Б., от первооснов Бытия, от Природы и Солнца, отатившим свою изначальную цельность («Мы разорвали, расщепили живую слитность всех стихий»; «Люди Солнце разлюбили, надо к Солнцу их вернуть» и т. п.). Отдельные стихотворения книги навеяны русско-японской войной.

Самым непосредственным образом откликнулся Б. на события первой русской революции 1905—1907 гг. Он пишет цикл политических стихотворений, обличая «зверя самодержавия» и прославляя «сознательных смелых рабочих». Настроения Б. того времени отличаются крайним радикализмом. Его стихи проникнуты гневом

и ненавистью к царю, к «облажно-культурным» мешанам. Сблизившись с Горьким, Б. сотрудничает в большевистской газете «Новая жизнь» и издаваемом А. В. Амфитеатовым парижском журнале «Красное знамя». Революционная поэзия Б. представлена в двух его книгах: «Стихотворения» (СПб., 1906; выпущена издательством «Знание» и конфискована полицией) и «Песни мстителя» (Париж, 1907; запрещена к распространению в России). 31 декабря 1905 г., опасаясь расправы со стороны властей, Б. нелегально покидает Россию.

В годы первой русской революции в творчестве Б. обостряется также национальная тема. Однако Россия, открывающаяся в книгах Б., это прежде всего древняя «былинная» Русь, предания и сказы которой поэт стремился переложить на собственный (современный, как ему казалось) лад. Увлечение Б. русской и славянской стариной впервые нашло отражение в поэтическом сборнике «Злые чары» (М., 1906; книга арестована цензурой из-за «богохульных» стихотворений). Обработанные Б. фольклорные сюжеты и тексты, в том числе — сектантские песни, составили сборники «Жар-птица. Свирель славянина» (М., 1907) и «Зеленый вертоград. Слова поцелуйные» (СПб., 1909). К этим книгам примыкает и сборник «Зовы древности», в котором представлено «первотворчество» различных (не славянских) народов, образцы ритуально-магической и жреческой поэзии.

Россию Б. всегда воспринимал как неотъемлемую часть общеславянского мира. «Есмь славянин и пребуду им» (из письма Б. к Д. Н. Анучину, 1912 г.) (Одесские новости.— 1913.— 5 / 18 марта). С особой любовью Б. относился к Польше, переводил на русский язык польских поэтов (Выпянского, Каспровича, Лесмяяна, Мицкевича, Словацкого и др.), много писал о Польше и польской поэзии. Позднее, особенно в 20 гг., Б. переводил поэзию других славянских народов: чехов (Я. Врхлицкий. «Избранные стихи».— Прага, 1928), болгар (Золотой сноп болгарской поэзии. Народные песни.— София, 1930), сербов, хорватов, словаков. Родственной славянскому миру Б. считал и Литву: первые выполненные им переводы литовских дайн относятся еще к 1908 г. Тесная дружба связывала Б. с литовским поэтом Людасом Гира (Северное сияние. Стихи о Литве и Руси.— Париж, 1931).

С 1906 г. поэт живет в Париже, путешествуя оттуда в разные страны. Весной 1907 г. Б. посещает Балеарские острова, в конце 1909 — начале 1910 г. — Египет. Многочисленные очерки Б. о Египте составили впоследствии книгу «Край Озириса» (М., 1914). В 1912 г. поэт совершил путешествие по южным странам, длившееся 11 месяцев; посетил Канарские острова, Южную Африку, Австралию, Новую Зеландию, Полинезию, Цейлон, Индию. Особенно глубокое впечатление произвело на него посещение Океании и

знакомство с обитателями островов Новая Гвинея, Самоа, Тонга и др. Б. казалось, что в тех экзотических краях он нашел действительно «счастливых» людей, еще не утративших непосредственности и «чистоты». Устные предания, сказки и легенды народов Океании Б. популяризировал в течение долгого времени на русском языке. Это путешествие Б. отразилось также в его стихотворном сборнике «Белый зодчий. Таинство четырех светильников» (СПб., 1914).

В творчестве Б. после 1905 г. намечается явный спад. Его поэзия постепенно утрачивает то значение, которое она имела в начале века. Замкнувшись в кругу созданной им поэтической системы, Б. как бы застывает в своем развитии. Блок уже в 1905 г. писал о «чрезмерной пряности» стихотворений Б. из сборника «Литургия красоты», о «переломе», наступившем в творчестве Б. (Блок А. Собр. соч.— М.; Л., 1962.— Т. 5.— С. 547). Этот перелом еще более очевиден в сборниках «Птицы в воздухе. Строки напевные» (СПб., 1908) и «Хоровод времен. Всегласность» (М., 1909). В них варьируются одни и те же темы, образы и приемы, повторяются характерные элементы «бальмонтовского» стиля. Символизм давно уже был преодолен как литературное движение, Б. же все еще оставался в плену своих неоромантических и декадентских представлений. Естественно, что его «стозвонности» и «мимолетности», эпитеты типа «солнцеликий», «поцелуйный», «пышноцветный» и прочие «бальмонтизмы» вызывали в новых условиях непонимание и даже раздражение. Большей цельностью и несомненным профессионализмом отличаются сборники «Зарево зорь» (М., 1912) и «Ясень. Видение древа» (М., 1916), хотя и в них налицо утомительное однообразие, вялость, банальные «красивости» (признак всей поздней лирики Б.).

Вернувшись в Россию в мае 1913 г. (после объявления амнистии для политэмигрантов), Б. много ездит по стране с лекциями на темы «Океания», «Поэзия как волшебство» и др. К апрелю 1914 г. относится первая поездка Б. в Грузию, которая занимает в те годы видное место в его жизни: Б. изучает грузинский язык и принимается за перевод известной поэмы Руставели. В ряду других крупных переводческих работ Б. этого времени — переложение древнеиндийских памятников («Упанишад», драмы Калидасы, поэма Асвагоши «Жизнь Будды» и др.).

Особое место в творчестве Б. занимают его литературно-критические статьи, эссе, посвященные русским и западноевропейским поэтам, путевые очерки и т. д.: «Горные вершины» (М., 1904); «Белые зарницы» (М., 1908); «Морское свечение» (М., 1910). Не раз обращался Б. и к проблемам языка и искусства. Проза Б. лирична и выдержана, как правило, в импрессионистическом ключе.

Летом 1914 г. в местечке Сулак на берегу Атлантического океана Б. узнает о начале войны,

которую воспринимает как: «Здра, колдовство» (письмо к жене Е. А. Андреевой от 15 / 28 января 1915 г.— ЦГАЛИ). В июне 1915 г. через Англию, Норвегию и Швецию Б. возвращается в Россию. В конце 1915 г. выходит его книга «Поэзия как волшебство» — трактат о сущности и назначении лирической поэзии. Основной вопрос книги решается в романтическом ключе: «Поэзия есть внутренняя Музыка, выраженная размеренной речью». Наподобие древних, Б. наделяет поэзию волшебнo-магическим, заклинательным смыслом. На примере народных сказаний и мифов утверждается «первичность и самобытность» древней поэзии («Первичный человек всегда Поэт»). Особый интерес представляет попытка Б. установить семантику отдельных звуковых элементов русской речи.

В конце 1915 и весной 1916 г. Б. совершает большие лекционные поездки по волжским, уральским и сибирским городам. Сильнейшее впечатление произвело на поэта путешествие в Японию в мае 1916 г. («Японией пленен безмерно...» — письмо к Е. А. Андреевой от 14 марта 1916 г. из Владивостока.— ЦГАЛИ). Его лирика этого времени тяготеет к жанру сонета, который в 1916—1917 гг. становится в его творчестве доминирующим. 255 сонетов, написанных им за годы войны, составили сборник «Сонеты Солнца, Неба и Луны» (М., 1917).

Февральскую революцию Б. встретил с воодушевлением, прославляя ее восторженными стихами. Однако по мере обострения политической ситуации в России, Б. теряет свою «революционность», оплакивает «хаос» и «ураган сумасшествия», требует во имя «народной свободы» продолжения войны с Германией. В эти месяцы Б. активно сотрудничает в левобуржуазных газетах «Русская воля» и «Республика».

Об отношении Б. к Октябрьской революции и пролетарской диктатуре полнее всего свидетельствует его книга «Революционер я или нет?» (М., 1918), где в полной мере сказалось его анархоиндивидуалистическое понимание свободы. Б. изображает большевиков как носителей разрушительного начала, подавляющих «личность» и т. п. Однако никакой общественно значимой деятельности Б. в 1918—1920 гг. не вел, считая себя человеком, чуждым политике. Живя в Москве (или в подмосковном поселке Новогиреево), он продолжал заниматься литературным трудом, готовил к печати сборники своих произведений (стихи и переводы), по-прежнему выступал с публичными лекциями. В апреле 1920 г. Б. получает разрешение временно выехать за границу в командировку (А. В. Луначарский поручил Б. составить сборник песен европейских народов для Госиздата). 25 июня 1920 г. Б. вместе с близкими выезжает из Москвы в Ревель и навсегда покидает Россию.

Оказавшись в эмиграции, Б. жил в основном в Париже либо в небольших поселках на берегу

Атлантического океана. Его литературная деятельность в 20 гг. была весьма интенсивной: он активно сотрудничает до середины 30 гг. в еженедельной парижской газете «Последние новости», в журнале «Современные записки», в ряде прибалтийских изданий. Свою разлуку с родиной поэт переживал болезненно, внимательно следил за происходящим в СССР. «Мне кажется, что мы за рубежом не чувствуем и не понимаем ничего из того, что сейчас происходит в России» (письмо к Е. А. Андреевой от 28 июня 1929 г.— ЦГАЛИ). С середины 30 гг. у Б. прогрессирует психическое заболевание, усугубленное трудными бытовыми условиями, в которых он находился (приют «Русский дом» в Нуази-ле-Гран). В творческом отношении этот последний период (1937—1942) был для Б. почти бесплодным.

В истории русской литературы Б. остался как один из зачинателей «нового искусства» в России, как виднейший представитель «старшего» символизма. Индивидуалистический бунт, крайний субъективизм, эстетство — эти и другие черты определяют собой поэтический облик Б., сложившийся на грани веков. В литературной и особенно переводческой деятельности Б. сказалось характерное для русского символизма тяготение к «культуре», к ее охвату в самом широком масштабе.

Однако все творчество Б. нельзя признать чисто символистским. Запечатленные в лучших стихах Б. оттенки любовного чувства, непосредственное восприятие природы, способность глубоко ощущать мгновение придают многим его произведениям, особенно ранним, импрессионистический характер. В своих лирических вещах Б. несомненно больше импрессионист, нежели символист. С другой стороны, все творчество зрелого Б. проникнуто и озарено мечтой о Солнце, о Красоте. Серой, будничной современности, обездушенной цивилизации железного века поэт стремился противопоставить первозданно целостное, совершенное и прекрасное солнечное начало. И хотя свой идеал поэт неизменно искал в глубокой древности, в укладе жизни и поэзии первобытных народов, но поиски эти основывались на его представлении об идеальном человеке будущего. Это позволяет говорить о Б. как о поэте-романтике, как о художнике неоромантического направления в искусстве конца XIX — нач. XX в.

Соч.: Светлый час.— Париж, 1921; Революционная поэзия Европы и Америки Уитман.— М., 1922; Воздушный путь.— Берлин, 1923; Мое — Ей.— Прага, 1924; В раздвинутой дали.— Белград, 1929; Светослужение.— Харбин, 1937; Стихотворения.— Л., 1969; Избранное. Переводы. Статьи.— М., 1980. Лит.: Белый А. Бальмонт // Белый А. Луг зеленый.— М., 1910; Львов Р. Огачевский В. Лирика современной души (К. Бальмонт) // Современный мир.— 1910.— № 4; Иванов Вяч. С лиризме Бальмонта // Аполлон.— 1912.— № 3—4; Записки Неофилологического общества при Петербургском университете.— Спб.— 1914.— Вып. 7; Жилчков Е. В. Бальмонт // Русская литература XX века: В 2 т. / Под ред. С. А. Венгерова.— М., 1914; Анненский И. Бальмонт — лирик //

Анненский И. Книга отражений.— М.: 1979.— Нинов А. Так жили поэты // Нева.— 1978.— № 6 и 7; 1984.— № 10; Нинов А. Чехов и Бальмонт // Вопросы литературы.— 1980.— № 1; Цветаева М. Слово о Бальмонте // Соч.: В 2 т.— М., 1984.— Т. 2; Шифман А. Л. Толстой и К. Бальмонт // Русская литература.— 1970.— № 3; Орлов В. Н. Бальмонт. Жизнь и поэзия // Орлов В. Н. Перепутья.— М., 1976; Рождественская И. С. Фольклор Океании в сказках К. Д. Бальмонта // Русский фольклор. Исследования и материалы.— Л., 1978.— XVIII.

К. М. Азадовский

БАРАНЦЕВИЧ, Казимир Станиславович, псевдонимы — *К. С. Б.*, *Сармат*, *Ан. Орешнев* [22.V(3.VI).1851, Петербург — 26.VII.1927, Ленинград] — прозаик, драматург, поэт. В детстве, по словам Б., «жизнь протекала довольно серо и скучно» (Автобиография.— С. 162). Его отец, обрусевший польский дворянин, служил мелким чиновником и положение семьи полностью зависело от доходов швейной мастерской, принадлежавшей матери Б. Среди детских впечатлений самыми яркими были родовые предания, рассказы о деде, участнике польского восстания, казненном в 1831 г. Под влиянием отца, «человека... в высшей степени умного, страстного любителя чтения, но по натуре крайне безвольного, слабодушного» (Отрывок из автобиографии // ЦГАЛИ.— Ф. 59.— Оп. № 1.— Ед. хр. № 82.— Л. 2), в Б. рано проявился «зуд писательства» (Автобиографическая записка.— С. 114). Прочитав в девять лет собрание сочинений Пушкина, он написал поэму «Понятовский» (не сохранилась). После поступления в гимназию (1862) продолжал сочинять подражательные стихи, пытался издавать рукописный юмористический журнал «Волна». Подружившись в гимназии с М. Н. Альбовым, Б. начал с ним писать фантастический роман «Путешествие на Луну» (около 1865 г.). В 1866 г. оставил учебу. Возможно, причиной ухода из гимназии были болезни матери, служебные неудачи отца и в результате — почти «бедственное материальное положение» (ЦГАЛИ.— Ф. 59.— Оп. № 1.— Ед. хр. № 82.— Л. 2): 1867—1870 г. Б. провел «у тетки в деревне» в Псковской губ. Позднее об этом времени он отзывался иронично: «Под влиянием журнальных статей и толков о народе принялся народничать. Бродя по деревням, сливался с мужиками, крестил у них ребят, на крестинах пил водку, ходил на покос, шеголял в высоких сапогах и красной рубахе» (Автобиографическая записка.— С. 115).

После смерти отца (1870), с 1872 г., на протяжении шести лет, Б. служил за скромное жалованье конторщиком в Русском строительном обществе. Его литературным дебютом стала драма «Опричина», стихотворная переделка романа «Князь Серебряный» А. К. Толстого, успешно прошедшая осенью 1873 г. на сцене Александринского театра. Другой опыт, рассказ о нищем чиновнике «Один из наших старых знакомых», также написанный в 1873 г., не был замечен читателями и критикой. В декабре 1873 г., нару-

шив волю матери, он женился на крестьянке Д. Н. Алексеевой и до 1878 г. к литературному творчеству не обращался.

В 1878 г. Б. перешел в 1-е Товарищество петербургских конно-железных дорог. «До сорока параграфов инструкций должен знать назубок, — писал он о своих обязанностях в очерке «Кондуктор» (1892), — малейшая оплошность, недогляденье влекут за собой более или менее строгое взыскание» (Соч.— Т. 2.— С. 263). Но однообразная и тяжелая служба, заключающаяся в выдаче и учете кондукторских билетных касс, позволила Б. преодолеть материальные затруднения и вернуться к литературным планам. С этого времени он начал публиковать в юмористических журналах «Стрекоза», «Осколки» и в газетах «Русские ведомости», «Новости» натуралистические бытовые зарисовки из жизни городской бедноты, мелкого чиновничества. Издал их в виде «юмористических сборников»: «Маленькие рассказы» (1887), «80 рассказов Сармата» (1891), «Картинки жизни» (1892), «Звуки» (1902) и др. Но «штрихи», «контурные», «столичные наброски» Сармата отличались от популярных в нач. 80 гг. рассказов-сценки Н. А. Лейкина и В. В. Библина полным отсутствием юмора. Это были «стоны, жалобы, вздохи» (Быков П. В. К. С. Баранцевич.— С. 26) по поводу печальной судьбы крестьян («Кляча», «Акулина», «Никита»), получавших в столице «цивилизующее крещение» и «мишурные блага» («Кляча» // Писатели чеховской поры.— Т. 1.— С. 339), или бесконечных трагедий жертв светских волокат («Предпраздничные холостяки») и дачных соблазнитель («Последний дачник»), ужасов мблированных комнат («Мблировка»), обывательской скуки («Дамы», «Наши журфиксы», «Литературно-музыкальный вечер») и тоски одиночества («Развязка», «Тусклая жизнь», «Одинокий» и др.).

«Тусклая жизнь... — восклицает начинающий литератор, герой одного из «столичных набросков» Б.— Какие струны сердца можно... заставить звучать?!» (Картинки жизни.— С. 203). В названии первой повести Б. «Порванные струны» (Слово.— 1878.— № 8.— С. 109—130), которую он считал началом своего творческого пути, точно выражена общая тональность его творчества: та «безысходная, невыносимая хандра», которая не оставляет человеку, «жаждущему разумной деятельности» (Соч.— Т. 7.— С. 120), возможности преодолеть «гнет» жизни. В 1883 г. повести и рассказы Б., публиковавшиеся в «Отечественных записках», «Вестнике Европы», «Устоях», «Русской мысли» и др. журналах, вышли отдельным сборником «Под гнетом». В нравоучительных историях о преданной кормилице («Власьева»), о подвижничестве любящей отца девушке («Нелли»), о крестьянских детях, «брошенных на волю божью» и обреченных на голодную смерть («Одни», «На волю божью»), рецензенты сбор-

ника увидели прежде всего стремление автора отыскать среди разных сословий, в «мути» жизни мелодраму, «повод для слезопротития» (Дело.— 1883.— № 12.— С. 36). Сравнивая Б. с Альбовым, отмечая «психиатрическую фальшь» обоих, Н. К. Михайловский подчеркивал сосредоточенность Б. на «сфере личной жизни», никак не связанной с «общественной тенденцией» (Отечественные записки.— 1884.— № 2.— С. 238). Откликнуться на современные проблемы Б. попытался в повести «Чужак» (1882). Его герой, «пылкий энтузиаст», Радунцев, решив «слиться» с народом, женится на крестьянке, но под влиянием мелодраматических обстоятельств расстается с «взледеющей и берегаемой с давних пор» идеей (Соч.— Т. I.— С. 74). Такое упрощенное представление о «хождении в народ» предопределило оценку народнической критики: повесть отнесли к откровенно слабым вещам Б. В сатирическом романе о журнальной борьбе 70 г. «Вавилонская башня» (1886), написанном Б. в соавторстве с Альбовым, преобладали в основном пасквильные интонации, хотя в грандиозных замыслах литератора Мехлюдева, мечтавшего сочинить роман «Мировая проказа», иногда проступали элементы самопародии. Лишь в рассказе «Горсточка родной земли» (1882) Б., по словам В. Г. Короленко, приблизился к верному изображению «психологии скитальца революционера», к пониманию трагических противоречий в его мыслях и поступках (Короленко В. Г. Юбилей К. С. Баранцевича // О литературе.— М., 1957.— С. 291).

В современной Б. критике предпочтение обычно отдавалось его действительно талантливым очеркам, объединенным в цикл «Из жизни заброшенных детей». Они послужили поводом для приглашения Б. в издательство «Посредник»; в сборнике «Доброе дело» (1894) был помещен его рассказ «Танцы», в «дешевых изданиях» И. Д. Сытина выходили рассказы и повести «Матушка» (1892), «Брат» (1892), «Гусли» (1902), «Поэт» (1902) и др. Мрачный натурализм органично сочетался в них с ярко выраженным гуманистическим пафосом. Но желание превратить рассказ или очерк в притчу, соединив романтическую поэтику с бытописанием, часто вело Б. к эпигонству. История любви мещанина Крутковки к дочери коллежского регистратора Анне Сергеевне Протопоповой в романе «Раба» (1887) напоминала «Бедных людей» Ф. М. Достоевского, повесть «Бродяга» (1894) буквально воспроизводила фабулу его же рассказа «Мальчик у Христа на елке», влияние А. П. Чехова сказалось в произведениях, включенных в сборник «Новые рассказы» (1889), рассказ «Невеста» (1904) оказался вариантом «Четырех дней» В. М. Гаршина.

В целом рассказы и повести Б. 80 — нач. 90 г. близки физиологическим очеркам 40 г., что подчеркнuto в авторских жанровых определениях

(«картинки offнатур», «жанры»: «записки», «наброски»). Но описания в них излишне подробны, психологические переживания героев малолубедительны. «Б.— отмечал А. С. Суворин, рецензируя роман «Две жены. Семейный очаг» (1894), отмеченный Пушкинской премией 1894 г.,— пишет скорее по книгам, по слухам, чем по наблюдениям» (Суворин А. С. К. Баранцевич.— С. 2).

В 90 г. произведения Б. часто переиздавались, переводились на иностранные языки, что свидетельствовало о их большой популярности. Причисляя Б. к «артели» восьмидесятников, Чехов точно обозначал круг поклонников его прозы: «Это буржуазный писатель, пишущий для чистой публики, едущей в III классе... Он фальшив, потому что буржуазные писатели не могут быть не фальшивы. Это усовершенствованные бульварные писатели. Бульварные грешат вместе со своей публикой, а буржуазные лицемерят с ней вместе и лгут ее узенькой добродетели» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма.— М., 1977.— Т. V.— С. 311). Духовному мещанству «среднего» человека Б. ничего не смог противопоставить. Герои его романов «Раба», «Две жены», «Тихое счастье» (1897), «Кровь» (1901) в сохранении «семейного очага» видят единственный способ защиты от пошлости жизни: страсти противопоставляют долг, супружескую верность. Морализаторство особенно заметно в его сборниках рассказов для детей «Весенние сказки» (1894), «Други» (1902), «Золотые дни» (1902), «Детский театрик» (1911), в редактируемом им детском журнале «Красные зори» (1904—1906). Иллюстрируя те или иные нравственные истины, он в сборнике «Други» со всей серьезностью, напр., рассказывает о подружившемся с человеком мышонке, о сеттере Марсе, преданном вылечившему его от чесотки доктору, о «благородном» коне Серко и т. п. С 1896 г. в литературном приложении к журналу «Театрал» Б. публиковал также юмористические пьесы: «Воробышек» (1896), «Куколка» (1896), «Отцы» (1899), «Пожарный праздник» (1911), «Целомудренное семейство» (1912), «Руки по швам» (1914), «Тутти-фрутти» (1914) и др. В них любовные интриги переносились с дачи («Пожарный праздник») в гостиную отставного русского полковника Пулеметова («Руки по швам»), на остров людоедов («Тутти-фрутти»), в дом английского эсквайра Мордстона («Целомудренное семейство») и т. п., но всюду торжествовала добродетель.

«Моя жизнь протекала очень монотонно»,— замечает герой одноактной пьесы Б. «Белый жук» (СПб., 1911.— С. 4). Это полностью может быть отнесено к самому Б. Чехов писал о нем в 1900 г.: «...Замученный, утомленный человек, несомненный литератор, в старости, которая уже наступила для него, нуждается и служит на конно-железной дороге так же, как нуждался и служил

в молодости» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма.— М., 1980.— Т. IX.— С. 11). В 900 г. Б. издавал в основном произведения, написанные в 80—90 гг. Будучи членом Литературного фонда, он часто участвовал в благотворительных концертах, собраниях. Его пьесы, стихи, появляющиеся под псевдонимом *Ан. Орешнев* в журналах «Задуманное слово», «Родник», «Детское чтение», сборник «Символические рассказы» (1904), собрание сочинений, вышедшее с 1908 г. по договору с издателем А. Ф. Марксом и оставшееся не завершенным, успеха среди читателей уже не имели. В революции Б. видел угрозу культуре, в 1917 г. он утверждал: «Худо будет, когда в русском обществе иссякнет вера в интеллигенцию!» (Революция и интеллигенция // Петроградский листок.— 1917.— № 206.— 26 авг.). Во время национализации товарищества «А. Ф. Маркс» (1917) рукописи последних томов сочинений Б. были утеряны, что, по свидетельству биографа, повлияло на душевное состояние автора (Т-ин Л. (Гул и н Т.). К 50-летию литературной деятельности // Красная газета. Вечерний выпуск.— 1924.— № 4.— 5 янв.). С этого времени Б. ничего не писал.

Б. интересен как представитель массовой беллетристики 80 гг., как «умственный пролетарий», судьба которого оказалась типичной для поколения литературных слугачиков Чехова.

Соч.: Сочинения.— СПб., 1908—1911.— Т. I—IX; Автобиография // Первые литературные шаги. Автобиография современных русских писателей / Сост. Ф. Ф. Фидлер.— М., 1911.— С. 162—165; Автобиографическая записка // Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых.— СПб., 1891.— Т. II.— Вып. 22—30.— С. 113—116; Один из наших старых знакомых (Подпись: К. С. Б.) // Школьная жизнь Тома Брауна. Рассказ бывшего ученика. Приложения.— СПб., 1874.— С. 291—319; Под гнетом. Повести и рассказы.— СПб., 1883; Порванные струны и другие рассказы.— СПб.; М., 1886; Новые рассказы.— СПб., 1889; Маленькие рассказы: Юмористический сборник.— СПб., 1887; Опричина. Драма в 4-х действиях и 9-ти картинах, переданная стихами из романа гр. А. Толстого.— СПб., 1890; 80 рассказов Сармата.— СПб., 1891; Две жены. Семейный очаг: Роман.— СПб., 1894; Вавилонская башня. Юмористический роман (Совместно с М. Н. Альбовым).— М., 1896; Золотые дни. Рассказы и сказки.— М., 1898; Други. Рассказы для детей среднего возраста.— М., 1902; Изгарь (Старое и новое). Повести и рассказы.— СПб., 1905; Тутти-фрутти. Оперетта в 2 д.— СПб., 1914; Котел // Спутники Чехова / Собр. текстов, ст. и коммент. В. Б. Катаева.— М., 1982.— С. 214—221, 468—469; Горсточка родной земли. Кляча // Писатели чеховской поры. Избр. прозв. писателей 80—90-х гг. / Вступл. ст., сост. и коммент. В. Б. Бучкина.— М., 1982.— Т. I.— С. 309—341, 451—453.

Лит.: Арсеньев К. Русские беллетристы нового поколения // Вестник Европы.— 1884.— Т. 2.— № 3—4.— С. 758—774; Быхов П. В. К. С. Баранцевич. К тридцатилетию его деятельности // Природа и жизнь.— 1904.— № 1.— С. 21—26; Громов Л. П. Чехов и «картель» восьмидесятников // А. П. Чехов. Сб. статей и материалов.— Ростов н/Д., 1959.— Вып. 1.— С. 108—109; Михайловский Н. К. (Посторонний). Письмо в редакцию // Отечественные записки.— 1884.— № 2.— С. 223—241; Муратов А. Б. Проза 1880-х годов // История русской литературы. Литература конца XIX—начала XX века (1881—1917): В 4 т.— Л., 1982.— Т. 4.— С. 46—48; Прохоров Г. Письма Чехова к К. С. Баранцевичу // Чехов и его среда / Под ред. Н. Ф. Бельчикова.— Л., 1930.— С. 149—165; Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы (1848—1890).— СПб., 1891.— С. 403—406; Суворин А. С. К. Баранцевич. Две жены.

(Семейный очаг); Роман.— СПб., 1895; Тулин Г. К. С. Баранцевич. К тридцатипятилетию юбилею его литературной деятельности.— СПб., 1908.

Ю. Г. Милоков

БАРАТЫНСКИЙ (Боратынский), Евгений Абрамович [19.II (2.III).1800, с. Мара Кирсановского у. Тамбовской губ.— 29.VI (11.VII). 1844, Неаполь; похоронен в Петербурге] — поэт. С 1812 по 1816 г. учился в Петербургском Пажеском корпусе. В 1819 г., приехав в Петербург, вступил в лейб-гвардии егерский полк. Здесь он познакомился с А. А. Дельвигом, В. К. Кюхельбекером, Н. И. Гнедичем, Ф. Н. Глинкой. В это время появляются в печати первые произведения Б. Он пишет дружеские послания («К Креницину», 1819; «Дельвигу», 1819; «К Кюхельбекеру», 1820), мадригалы, надписи, эпиграммы. Но главное место в его раннем творчестве занимают элегии. «Первые произведения Баратынского были элегии,— писал позднее А. С. Пушкин,— и в этом роде он первенствует» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.— М.; Л., 1937.— Т. XIII.— С. 34). Очень характерна для мироощущения и стилистических исканий молодого поэта поэма «Пырь» (1820). В ней проявилось вольнолюбие Б., не случайно поэма была опубликована с цензурными искажениями.

В нач. 1820 г. Б. был переведен в Нейшлотский полк, расквартированный в Финляндии, в которой поэту довелось провести почти шесть лет. Попытки друзей Б. добиться его производства в офицеры наталкивались на отказ царя. Действительной причиной этого отказа было недоброжелательное отношение к молодому поэту, связанное с его неблагонадежными дружескими связями, оппозиционными высказываниями, которые не раз доводилось от него слышать, и независимым, вольнолюбивым характером его творчества.

Имя и произведения Б. быстро стали известны всей читающей России. Элегия «Финляндия» (1820), другие стихотворения, посвященные краю, где проходили годы его службы, а позднее поэма «Эда» (1826) закрепили за ним репутацию «певца Финляндии». Его произведения читались и неизменно одобрялись в Вольном обществе любителей российской словесности.

Б. не стал декабристом, но и его захватил поток идей, которые получили наиболее прямое воплощение в деятельности тайных обществ. «Всего милей свобода!» (Стихотворения. Поэмы.— С. 312)— в этих словах звучит лейтмотив его раннего творчества. Его политическая оппозиционность особенно отчетливо проявилась в элегии «Буря» (1825), в эпиграмме на А. А. Аракчеева («Отчизны враг, слуга царя», 1824 или 1825), а позднее — в «Стансах» («Судьбой наложенные цепи», 1828). Он сближается с Рылевым и Бестужевым, которых называет «милыми собратями» (Стихотворения, поэмы, проза, письма.— С. 469) и просит взять на себя издание его сочинений. Издание это, однако, не состоя-

лось, а близость Б. с будущими декабристами сменилась охлаждением. Бестужев писал Пушкину, что «перестал веровать» в талант Баратынского (Пушкин А. С.— Т. XIII.— С. 150). Это и неудивительно. Декабристы ратовали за литературу, которая бы носила открыто агитационный характер и участвовала в переломе жизни в духе их идеалов. Поэзия же Б. была поэзией раздумий над жизнью, художественным исследованием человека и действительности.

В традиционной форме «унылой» элегии Б. сумел воплотить богатство и сложность, противоречивость и многогранность эмоционального мира конкретного человека. В лучших элегиях Б. мы видим не традиционное элегическое «я» с неизменными мотивами увядания, разочарования в жизни и скорби по уходящей молодости, а индивидуальную личность, чувства которой объясняются обстоятельствами ее жизни. Раскрывая изменчивость и противоречивость чувства, поэт использовал для его воплощения в стихе новую, более широкую палитру художественных средств. В 1821 г. появилась знаменитая элегия «Разуверение», на текст которой был написан романс М. И. Глинки, сделавший эти стихи едва ли не самым известным и популярным произведением Б.

Существо творческих открытий Б., его умение с реалистической точностью и холодной трезвостью анализировать движение чувств, психологические процессы, протекающие в душе человека, воплотились в его элегии «Притворной нежности не требуй от меня» (1823), первоначально имевшей заглавие «Признание». Судьба лирического героя «Признания» — неповторимая в ее своеобразии. Но складывается она под влиянием обстоятельств, будничных и реальных: «долгие годы разлуки», «бури жизненные», влияние окружающей среды («толпы»), подчиняющей человека своим «мнениям». При всей неповторимости эта судьба несет в себе так много типического, общего для всех людей, что служит обоснованием философского вывода, заключенного в последних строках стихотворения. «Баратынский — предель и чудо. «Признание» — совершенство», — писал Пушкин (Полн. собр. соч.— Т. XIII.— С. 84).

Высокую оценку Пушкина заслужила и поэма «Эда», причем и здесь он обратил внимание на попытку Б. изобразить человеческий характер в движении. Пушкин восхищался тем, как в «Эде» «развита» женская любовь. Не «изображена», не «описана», а именно «развита». Б. рисует чувство в динамике, пристально следит за тем, как каждое изменение в нем накладывает отпечаток на образ жизни Эды, на ее внешний облик, на ее речь. То, что фоном действия явился не живописный юг, как это было у Байрона и Пушкина, а скупые краски финского края, объясняется не только биографическими причинами, но и стремлением создать произведение, по колориту и

тональности непохожее на южные поэмы. Установке на изображение «очень необыкновенного» он противопоставляет свою — обращение к «совершенно простому». Отдавая дань «великому дарованию» Пушкина, он тем не менее стремился «идти новою собственною дорогою» (Стихотворения. Поэмы.— С. 438). Пушкин оценил эту «собственную дорогу», найденную Б. в его первой поэме. С этого времени начинается период наибольшей творческой близости обоих поэтов. Своеобразным символом этой близости явилась их общая книга — издание в 1828 г. поэмы Б. «Бал» и пушкинского «Графа Нулина» в одной обложке с заглавием «Две повести в стихах».

Стремление идти собственной дорогою характеризует и позднейшее творчество Б. В стихотворении «Не ослеплен я музою моею» (1829) назовет главное свойство своей музы: не «изысканный убор», не «игра глаз», не «блестящий разговор», но «лица необщее выраженье» и «речь спокойная простота» (Там же.— С. 121). Время подтвердило глубину и верность этой самооценки. В. Г. Белинский считал, что «нельзя вернее и беспристрастнее охарактеризовать» достоинство поэзии Б., чем это сделал сам поэт (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— М., 1955.— Т. VI.— С. 487).

В апреле 1825 г. многолетние хлопоты о производстве Б. в офицеры наконец увенчались успехом. Он получил возможность распоряжаться своей судьбой, вышел в отставку, женился и поселился в Москве, где в 1827 г. вышло в свет собрание его стихотворений, явившееся итогом первого десятилетия его творческого пути. Последующий период его жизни не богат внешними событиями. Со стороны могло казаться, что она складывалась благополучно, даже счастливо. Но это было не так. В конце 30 гг. он обронул в одном из писем многозначительные слова: «Эти последние десять лет существования, на первый взгляд не имеющего никакой особенности, были мне тяжелее всех годов моего финляндского заточения» (Стихотворения, поэмы, проза, письма.— С. 528).

Здесь — объяснение самой сути перемен, произошедших в мироощущении Б. Тогда, в Финляндии, он говорил: «...На ногах моих оковы», но внутренне чувствовал себя свободным: он победил печаль и «не убит неволей»: «Еще я бытия владею лучшей долей. / Я мыслю, чувствую: для духа нет оков...» (Стихотворения. Поэмы.— С. 74). Теперь пришло ощущение иной, горшей, убивающей неволи: «Знать, самым духом мы рабы / Земной насмешливой судьбы» (Стихотворения. Поэмы.— С. 10). Трагизм позднего Б. был отражением не превратностей его собственной жизни, а судьбы его поколения, осознанием непримиримости противоречий окружающей его действительности. В обстановке реакции, последовавшей за разгромом восстания декабристов, не было места тем, кто не хотел смириться

с торжеством зла и несправедливости. Их чувства, их настроения воплотила поэзия Б. второй половины 20 и 30 гг.

В этот период создаются многие наиболее известные произведения Б.: поэмы «Бал» (1828) и «Цыганка» (1831, 1842, заглавие ранней редакции — «Наложница»), стихотворения «Последняя смерть» (1827), «Судьбой наложенные цепи» (1828), «Тебя из тьмы не изведу я» (1828), «Мой дар убог и голос мой не громок» (1828), «В дни безграничных увлечений» (1831), «На смерть Гете» (1832), «К чему невольнику мечтания свободы?» (1833) и др. В этих стихах проявилась та напряженная эмоциональная философичность поэзии Б., склонность к углубленным раздумьям над жизнью и человеческой судьбой, которая давно уже была замечена Пушкиным, сравнившим Б. с Гамлетом (Пушкин А. С. Полн. собр. соч.— Т. III.— С. 72), и стала одной из определяющих черт его творческого облика.

Он жадно тянулся к деятельности, к активному участию в литературной борьбе. Когда в 1832 г. его друг И. В. Киреевский стал издавать журнал «Европеец», журнал пушкинской ориентации, целью которого было сплотить передовые силы для противодействия болгаринскому влиянию на литературу, одним из самых энергичных и деятельных его авторов стал Б. Именно в этот период он обращается к новым для себя литературным родам: к прозе и драме. Очевидно, под воздействием «Повестей Белкина», остро его заинтересовавших и впечатливших, Б. создает повесть «Перстень» (1831), начинает писать комедию, которая, по-видимому, осталась незавершенной и до нас не дошла. Все эти произведения предназначались для «Европейца». Но после выхода в свет первых двух номеров журнал был закрыт. Это повергло поэта в состояние безысходной тоски. «Что после этого можно предпринять в литературе? — горестно обращался он к Киреевскому. — Я вместе с тобой лишился сильного побуждения к трудам словесным... Что делать! Будем мыслить в молчании и оставим литературное поприще Полевым и Булгаринным» (Стихотворения, поэмы, проза, письма.— С. 516).

В 1835 г. поэт выпустил второе издание произведений, которое казалось ему тогда итогом его творческого пути. «Кажется, оно в самом деле будет последним, и я к нему ничего не прибавлю,— писал он.— Время поэзии индивидуальной прошло, другой еще не настало» (Стихотворения, поэмы, проза, письма.— С. 521). Случилось иначе. Последней книгой Б. стал сборник «Сумерки» (1842), в котором были объединены стихотворения второй половины 30 гг. и нач. 40-х. Хотя большинство вошедших в него произведений появилось в печати раньше, собранные вместе в книге с продуманной композицией и значащим заглавием, они, по замыслу Б., должны были «живее выражать общее на-

правление, общий тон поэта» (Русская старина.— 1904.— № 6.— С. 522). Это «общее направление» определялось в первую очередь единством проблемы, так или иначе поставленной во всех стихах, включенных в сборник.

«Сумерки» открывались стихотворением «Последний поэт» (1835), игравшим роль своеобразного творческого манифеста. Конфликт «Последнего поэта» проходит через весь цикл. С одной стороны, «железный век», его «промышленные заботы», «общая мечта» «поклонников Урании холодной», «безжизненный скелет» света, «дряхлающий мир», с другой — поэт, «нежданный сын последних сил природы», «улыбчивые сны» и «живительное дыхание» фантазии (Стихотворения. Поэмы.— С. 274—276). Разрешается этот конфликт трагически для обеих сторон. Поэтический дар бесполезен, если он не нужен людям, поэтому ненужный свету поэт обречен на гибель. Но и свет, отказавшийся от поэзии, напоминает позлащенный, но безжизненный скелет, т. е. тоже гибнет если не физически, то духовно.

Глубоко и верно уловивший болезнь своего времени, состоявшую в приверженности к «корысти», к «насушному и полезному», Б. не видел путей к избавлению от нее. В его стихах прозвучал крик боли и отчаяния, вырвавшийся у людей, которых, по словам В. Г. Белинского, «разложение и гниение элементов старой общечеловечности, продажность, нравственный разврат и оскудение жизни и доблести в современном — заставляют отчаиваться и за будущую участь человечества» (Полн. собр. соч.— Т. VI.— С. 477).

В противовес традиции, в соответствии с которой произведения, включаемые в поэтические сборники, отбирались и группировались по жанровому признаку, Б. использует выразительные возможности разных жанров для раскрытия одной идеи, сущности одного конфликта. Антитеза одинокой, возвышенной творческой личности и враждебной ей «толпы» раскрывается и в одических строфах «Последнего поэта», и в медитативной элегии («Осень», 1837), и в антологической надписи («Алкивиад», 1835), и в «мелочной, разрастающейся, наполняющей многогранным смыслом, вбирающей в себя и философское и социальное содержание» («Ропот», 1841).

В «Осени» трагическое звучание, присущее большинству стихотворений «Сумерек», достигает особого напряжения. «Осень» — суровая дума о своем времени. Трезвость мыслителя и пылкость оратора, строгая последовательность в развороте поэтической и философской мысли, эмоциональная насыщенность каждого образа, лаконизм и благородная скупость изобразительных средств, характерные для зрелого Б., с наибольшей силой и полнотой проявились в «Осени». На тональности этого произведения не могло, конечно, не сказаться и то, что во время работы над ним

Б. получил известие о смерти Пушкина. Он отозвался о ней как об «общественном бедствии»: «Не могу выразить, что я чувствую; знаю только, что я потрясен глубоко и со слезами, ропотом, недоумением беспрестанно себя спрашиваю: зачем это так, а не иначе?» (Стихотворения, поэмы, проза, письма.— С. 526).

«Сумерки» отразили не только общее в мироощущении и творчестве Б. второй половины 30 — нач. 40 гг., но и изменения, происходившие за это время. Не случайный цикл, открывающийся «Последним поэтом», он завершил «Рифмой» (1840). В этом стихотворении вновь поставлена проблема взаимоотношений поэта с веком и вновь звучит знакомое по «Последнему поэту» противопоставление современной действительности и гармонии античного мира, но оно раскрывает и новые черты эстетического идеала Б. Подлинный поэт, каким он обрисован в «Рифме», не отшельник, счастливый своим уединением, а политический трибун, вития, властитель дум. Вера в сочувствие народа необходима художнику слова, чтобы «свободным и широким метром, / Как жатва, зыблемая ветром, / Его гармония текла». Внимание, «могучее сотрясение» толпы, побежденной звучными струнами поэта,— подлинный источник творческого вдохновения.

Осенью 1843 г. Б. едет за границу, полгода проводит в Париже, встречаясь с писателями и общественными деятелями Франции. Но парижские салоны тяготили его, он чувствовал себя в них «холодным наблюдателем». Зато подлинно животворное воздействие оказало на него сближение с деятелями революционной эмиграции — Н. Тургеневым, И. Головиным, с людьми герценовского круга — Н. Огаревым, Н. Сатиным, Н. Сазоновым. Беседы с ними были посвящены «одной общей теме — уничтожению крепостного права» (Бобров Е. Дела и люди.— Урюев, 1907.— С. 171). По позднейшему свидетельству одного из участников этих бесед, Б. «жаждал дел, он нас сзывал на дело», «твердил: вперед, младшие братья», «он имел много планов и умер, завещая нам привести их в исполнение» (Русская мысль.— 1890.— № 10.— С. 12).

Духовное обновление, бодрость и вера в будущее прозвучали в произведениях Б. той поры и, в частности, в стихотворении «Пироскаф» (1844). Но им не суждено было стать началом нового этапа его творческого пути. Находясь в Неаполе, он заболел и 29 июня 1844 г. скоропостижно скончался. Тело Б. было перевезено в Петербург и в присутствии нескольких близких друзей предано земле.

Газеты и журналы того времени почти не откликнулись на его кончину. Лишь Белинский сказал тогда о покойном поэте вдохновенные и проникновенные слова: «Мыслящий человек всегда перечтет с удовольствием стихотворения Баратынского, потому что всегда найдет в них человека — предмет вечно интересный для челове-

ка» (Полн. собр. соч.— Т. VIII.— С. 448). Сходную мысль высказал в свое время и сам Б. Он верил, что потомок найдет в его стихах его «бытие» и именно поэтому их души окажутся «в сношенье», а его поэзия обретет читателя (Стихотворения. Поэмы.— С. 128). Растущее внимание к поэзии Б. подтвердило пророчливость этого пророчества. Гуманизм Б., приручая ему тонкость психологического анализа, глубина проникновения в противоречия действительности, благородная беспощадность к себе сделали его стихи близкими и нужными нашему времени.

Соч.: Полн. собр. соч. <Академическая библиотека русских писателей>: В 2 т. / Под ред., с примеч. и вступ. ст. М. Л. Гофмана.— Спб., 1914—1915; Полн. собр. стихотворений: В 2 т. / Ред., коммент. и биогр. ст. Е. Н. Кузнецовой и И. Н. Медведевой; Вступ. ст. Д. И. Мирского.— М., Л., 1936; Стихотворения, поэмы, проза, письма / Подгот. текста и примеч. О. Муратовой и К. В. Пигарева; Вступ. ст. К. В. Пигарева.— М., 1951; Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. Н. Кузнецовой.— Л., 1957; Стихотворения. Поэмы / Изд. подгот. Л. Г. Фризмана.— М., 1982.

Лит.: Белинский В. Г. Стихотворения Е. Баратынского // Полн. собр. соч.— М., 1955.— Т. VI.— С. 456—458; Филиппов П. П. Жизнь и творчество Е. А. Баратынского.— Киев, 1917; Фризман Л. Г. Творческий путь Баратынского.— М., 1966; Хетсо Г. Евгений Баратынский: Жизнь и творчество.— Осло; Вергеи; Тромсё, 1973; Голубков Д. Н. Недуг бытия. Хроника дней Евгения Баратынского.— М., 1981; Лебедев Е. Н. Тризна. Книга о Е. А. Баратынском.— М., 1985. Л. Г. Фризман

БАРЫКОВА, Анна Павловна [22.XII.1839 (3.I.1840), Петербург — 31.V(12.VI).1893, Ростов-на-Дону] — поэт, переводчик. Родилась в дворянской семье. Отец Б.— писатель П. П. Каменский, автор известных в 20—30 гг. XIX в. повестей и пьес. Мать Б. была дочерью художника и скульптора, вице-президента Академии художеств гр. Ф. П. Толстого; она тоже занималась литературой — ее перу принадлежат роман «Пятьдесят лет назад» (Отечественные записки.— 1860.— № 11—12) и драма «Лиза Фомина», шедшая на сцене в Петербурге и Москве.

Училась Б. сначала дома под руководством отца, потом — в Екатерининском институте в Петербурге, который окончила в 17 лет, по собственному признанию, «с большой серебряной медалью и очень небольшим запасом знаний» (см.: Ефремин А. В.— С. 12). Образование, полученное в институте благородных девиц, не отличалось ни объемом, ни глубиной, и пробелы в знаниях поэтессы впоследствии заполняла чтением книг. Еще в институте Б. начала писать стихи. Одно из стихотворений, посвященное классной даме, имело успех среди преподавателей и наставников, и девочке пророчили славу «будущей Ростовичной» (Там же.— С. 12). Она написала также рассказ из народного быта «Птичница», который одобрил друживший с ее отцом Д. В. Григорович и даже пытался напечатать, но безуспешно.

Стихи Б. впервые увидели свет в 1872 г. в журнале «Отечественные записки». В 70—80 гг. на страницах журналов «Отечественные записки», «Дело», «Русское богатство», «Северный

вестник» часто появляются ее стихи и переводы из В. Гюго, П. Ж. Беранже, И. В. Гете, Г. Гейне, П. Б. Шелли, Г. Лонгфелло и др. поэтов (поэтесса хорошо знала французский, немецкий, английский языки).

Деятельное участие в прогрессивных журналах укрепило радикальные взгляды Б. Она переписывалась с П. Ф. Якубовичем, ее произведения вошли в изданный под его редакцией сборник «Отклик» (1881). Первый и единственный прижизненный сборник стихов Б., вышедший в 1878 г., вызвал недоброжелательные и даже глумливые отклики реакционных критиков (Б. М. Маркевича, В. П. Буренина), обвинявших поэтессу в пристрастии к изображению «грязной» жизни.

С нач. 80 гг. Б. жила в Ростове-на-Дону, деятельно помогала революционной борьбе народовольцев — на ее квартире проходили их нелегальные встречи. При аресте Г. А. Лопатина в 1884 г. в его записках нашли имя Б. Поэтесса была арестована и провела месяц в тюрьме, ее освободили только из-за резкого обострения туберкулеза. Жандармы не располагали никакими материалами против Б. и даже не подозревали о том, что она была автором дерзкого памфлета, направленного против самодержавия, — «Сказки про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться», напечатанного в 1883 г. нелегальной типографией «Народной воли» в Петербурге.

Разгром народовольцев и наступление реакции заставили Б. отойти от революционного движения. «Жечь глаголом сердца людей не могу, а сказать слово любящей и жалеющей сестры и матери — в защиту или на пользу своих безгласных, немых братьев — могу и хочу сказать», — писала поэтесса (Ефремин А. В. — С. 37). Испытав влияние нравственного учения Л. Н. Толстого, Б. стала деятельным сотрудником его издательства «Посредник». Имя Б. можно встретить в письмах Льва Николаевича конца 80 — нач. 90 гг. Он ценил ее талант и одобрительно отзывался о ее произведениях, переводах и переделках этого времени, в которых морализаторство сочетается с сентиментальностью.

Лучшие произведения Б. написаны в 70 — первой половине 80 гг. под воздействием поэзии Н. А. Некрасова. Они демократичны и злободневны. Герои ее стихотворений — обездоленные и отверженные бедняки («Чужому горю», «Хата», оба — 1881), падшие женщины, брошенные дети («У кабака», 1880; «Обреченная», 1881). Им горячо сочувствует и страдает поэтесса. Их горестям и бедам резко противопоставлено бездуховное существование сытых и благополучных обывателей — обитателей «заднего двора», «счастливый скотский быт развевшихся мешан» («Перелетные птицы», 1878). К этому миру поэтесса испытывает отвращение и презрение («В альбом счастливице», 1878).

В стихотворениях «Моя муза», «Крылья» (оба — 1878) Б. заявляет о гражданском призвании поэта. Лучше страдать с униженными и обездоленными, чем парить в вышине над людской скорбью и несчастьями подобно поэтам «чистого искусства». Гневное послание «Жрецу эстетики» (1884) обращено к А. Н. Майкову: «Ты сладко, звонко пел, как соловей весною, / Про солнце и любовь, цветы и ручейки, / А родина твоя — страдалаца немая / Под снежным саваном стонала, замерзая».

Трубадуру реакции М. Н. Каткову иронически посвящена сатира Б. «Песнь торжествующей свиньи» (1892), написанная под влиянием памфлета М. Е. Салтыкова-Щедрина «Торжествующая свинья, или Разговор свиньи с Правдою». Другому реакционеру от литературы, травившему все честное и правдивое, — В. П. Буренину адресована сатира с недвусмысленным названием «Литературному прохвосту» (при жизни Б. не печаталась).

Лучшая сатира Б. — «Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться». Ее смысл был хорошо понятен современникам: в «православном царе Ахреяне» — глупом, ленивом и трусливом деспоте, который вместе с верной помощницей — «разноглазой Кривдой» боролся против Правды, узнавали Александра III, в царствование которого была создана сказка. Написанная понятным народу языком, с использованием элементов фольклора, она была адресована широким массам читателей и не знавшим грамоты слушателям. Неслучайно народники использовали сатиру в своей пропаганде среди крестьян. В России сказка широко распространялась в списках, вольная русская печать много раз переиздавала ее за границей — в Париже, Женеве (1896, 1901), Лондоне (1902), Берлине (1903). Долгое время имя автора сатиры не было известно, и ее приписывали то Козьме Пруткову, то А. К. Толстому, то П. Ф. Якубовичу. Впервые легально «Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться» была издана в Петрограде в 1917 г. и в последующие годы неоднократно переиздавалась.

Соч.: Стихотворения. — Спб., 1910; Сказка про то, как царь Ахреян ходил богу жаловаться / Предисл. А. С. Поликова. — Пг., 1922; Вольная русская поэзия второй половины XIX в. — Л., 1959 (Библиотека поэта. Большая серия); Поэты-демократы 1870—1880-х годов. — Л., 1968 (Библиотека поэта. Большая серия).

Лит.: Любимов С. Запрещенные стихотворения А. П. Барыковой // Красный архив. — 1924. — Т. 6; Ефремин А. В. А. П. Барыкова. — М., 1934; Осмаков Н. В. Поэзия революционного народничества. — М., 1961. — С. 64—66; Старицын З. А. Неопубликованные переводы А. П. Барыковой из Беранже // Русская литература. — 1977. — № 4.

А. В. Корнеев

БАТЕНЬКОВ, Гавриил Степанович [25.III (5.IV). 1793, Томск — 29.X (10.XI). 1863, Калуга] — поэт-декабрист. Детство и отрочество провел в Томске. Участвовал в Отечественной войне 1812 г., был тяжело ранен. После войны служил инженером-путейцем. Вошел в Северное общество. Ему

отводилась видная роль в предстоящей организации нового правления в случае царевубийства. После разгрома декабрьского восстания 1825 г. был приговорен к каторжным работам, но вместо этого по не вполне ясным причинам 20 лет находился в одиночном заключении, сначала в Свартгольмской крепости (Финляндия, Аландские острова), потом в Петропавловской. Перенес там психическую болезнь. После тюрьмы 10 лет жил на поселении в Томске, после амнистии 1856 г. — в Калуге и Белевском у. Тульской губ.

До ареста Б. писал шуточные стихотворения, хотя стихам «легкой» поэзии давался ему с трудом. В одну из таких ночей написал на стене камеры стихи: «И слез и радости свидетель, / Тяжелый камень на пути. / Мой гроб и колыбель, прости, / Я слышу скрип могильных петель».

Преодолевая пессимизм, Б. сочиняет «Тюремную песнь» (1828), в которой нет ни слова о тюрьме: это размышления узника, впервые познавшего восторг, — о мироздании, человеке, искусстве. А в некоторых стихотворениях тюрьма даже поэтизируется: «Темница тишина святая / Сосредоточила мой дух». Однако душевная болезнь Б. продолжалась, временами принимая острые формы, что особенно сказалось в «Писаниях сумасшедшего» (1845—1846): это тюремный дневник и одновременно философский трактат, во многом недоступный пониманию. Вылечился Б. лишь на свободе. В Томске он пишет стихотворения, посвященные родному городу, реке Томи, дружеские и любовные послания, стихотворные отклики на события Крымской войны. Подводит итоги своего творческого пути в вольном переложении 30-й оды Горация: «Non exegi monumentum» (1856). Несколько раз начинает писать мемуары, занимается переводами из французской историографии. В последние годы, вернувшись с поселения, пишет философские оды, пейзажные стихотворения.

Б. оставил неоконченную драму из времен Бориса Годунова, стихотворные переложения псалмов и молитв, заметки о литературе, в частности о «Мертвых душах» Н. В. Гоголя, переводы научных трудов и свои собственные исследования в разных областях знания. Интересовался русскими поэтами XVIII в. (М. В. Ломоносовым, И. Ф. Богдановичем, Г. Р. Державиным), продолжал и развивал их одописные традиции. Из поэтов-современников Б. имел контакты с В. А. Жуковским, памяти которого посвятил стихотворение «12 апреля 1862» (к 10-летию со дня смерти поэта), с декабристом В. Ф. Раев-

ским, адресовавшим ему «дружеские» послания в стихах.

Б. был склонен к филологическому экспериментаторству со стиховыми формами. В «Одичалом» виртуозно использует внутреннюю рифмовку, в «Писаниях сумасшедшего» некоторые сбивчивые мысли излагает ритмической прозой, создавая иллюзию скороговорки юридичекого, бормочущего заговор или заклинание; интересны опыты описания и батальных сцен (наброски-этюды на темы Крымской войны): «Сташу стопушечные с суши / И в сто узлов пушу бежать». Хоры девушек в неоконченной драме — опыты фольклорной стилизации. В «Тюремной песни» Б. средствами иносказания создает волнующий патетический пейзаж — с ковылем, с торжественным закатом: «Светится, красная, светится / В холмах седых, Россия-мать» Б. смело сочетает, а иногда сталкивает разнородные стили: интонации романтической скорби с характерно классицистическими нотами восторга, пафоса; лексика молитв, торжественных покаяний перемешана с научными (Б. — астроном, математик) и даже техническими терминами: «Служить бессмертью уповаю, / Хаоса сплавливая гарь», «Страстей нечищенным волнением...» Примечательна упорная приверженность Б. к традиционной строфической форме — одическому 10-стишию и его различным видам. Хотя далеко не все рискованные опыты удавались поэту, все же экспериментаторство Б. никогда не выливалось в бездушную и искусственную изощренность, не ослабляло серьезности и трагизма (биографически мотивированного) лучших его произведений.

При жизни и многие годы после смерти Б. поэт был известен лишь как автор «Одичалого» (опубл. в 1859 г.), ассоциировавшегося в сознании некоторых современников с «Шильонским узником» Дж. Г. Байрона — В. А. Жуковского. Остальные стихотворения, поэмы, а также письма и отрывки из «Писаний сумасшедшего» публиковались в XX в. и воспринимались как параллели-аналоги к философским построениям Л. Шестова, к теории экзистенциализма (мотивы одиночества, отчужденности, ощущение себя на грани жизни и смерти, обретение внутренней свободы своего «я» как следствие решающего выбора в экстремальной ситуации), хотя исторически экзистенциализм опирался на традиции иных, более известных своих «предшественников» XIX в. В последние годы фигура Б. привлекала также внимание современных писателей: роман Ю. Н. Сбитнева «Частная кара», поэма П. В. Вегины «Non exegi monumentum».

Соч.: Письма Б. со стихотворениями // Русские Пропилен. — М., 1916. — Т. 2; Б., И. И. Пущин, Э.-Г. Толь. Письма. — М., 1936; Одичалый, отрывки из «Тюремной песни» // Поэзия декабристов. — Л., 1950; Полн. собр. стихотв. // Вступ. ст. А. А. Илюшина. — М., 1978; Стихотворения // Декабристы. Избр. соч.: В 2 т. — М., 1987.

Лит.: Снытко Т. Г. Г. С. Батеньков-литератор // Литературное наследство. — М., 1956. — Т. 60. — Кн. 1; Базанов В. Г. О стихотворении «Одичалый» // Базанов В. Г.

Очерки декабристской литературы. Поэзия.— М.; Л., 1961; Карцов В. Г. Декабрист Г. С. Батеньков.— Новосибирск, 1965; Илюшин А. А. Поэтическое наследство Г. С. Батенькова // Вестник МГУ.— Филология.— М., 1966.— № 3; Мейлах Б. С. «Тюремная песнь» Г. С. Батенькова — поэма мужества и любви к родине // Декабристы и русская культура.— Л., 1975; Рабкина Н. А. Отчизны внеземлем призванье.— М., 1976; Немзер А. С. Голос услышан // Вопросы литературы.— 1980.— № 2. А. А. Илюшин

БАТЮШКОВ, Константин Николаевич [18 (29).V. 1787, Вологда — 7 (19).VII.1855, там же] — поэт, прозаик. Происходил из старинной дворянской семьи. Мать Б. Александра Григорьевна (урожденная Бердяева) в 1795 г. умерла из-за наследственной душевной болезни. До 1797 г. Б. жил в родовом имении — с. Даниловском Бежецкого уезда Тверской губернии (ныне Устюженский р-н Вологодской обл.); его домашним образованием руководил дед, Лев Андреевич Батюшков, предводитель дворянства Устюженского уезда. В 1797—1802 гг. Б. учился в Петербургских пансионах О. П. Жакино и И. А. Триполи, прекрасно овладел французским, итальянским и латинским языками. 14-летним мальчиком Б. перевел на французский язык похвальное слово митрополита Платона Любарского (перевод был выпущен отдельной брошюрой в 1801 г.). С декабря 1802 по январь 1807 г. Б. служил чиновником во вновь организованном министерстве народного просвещения: сначала в канцелярии министра П. В. Завадовского, потом секретарем у товарища министра, попечителя Московского учебного округа М. Н. Муравьева.

М. Н. Муравьев, двоюродный дядя Б., отец двух декабристов, выдающийся писатель и просветитель, сыграл огромную роль в формировании личности и таланта поэта. Под его влиянием Б. основательно изучил философию и литературу французского Просвещения (Вольтер, Дидро, Д'Аламбер), античную поэзию (Гораций, Вергилий, Овидий, Катулл, Тибулл, Сафо), литературу итальянского Возрождения (Данте, Петрарка, Боккаччо, Аристо, Тассо). «Дядюшка» привил Б. критическое отношение к феодально-аристократическим традициям, идеалы независимой, свободно мыслящей личности. С начала творческого пути Б. оказался близок к прогрессивным литературным объединениям — Вольному обществу любителей словесности, наук и художеств и кружку А. Н. Оленина. Среди его первоначальных знакомых были видные писатели (И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, В. А. Озеров, А. Е. Измайлов, П. А. Катенин, В. В. Капнист и др.), прогрессивные литературные деятели — сослуживцы Б. (И. П. Пнин, И. И. Мартынов, Н. Ф. Остолопов, Д. И. Языков, Н. А. Радищев и др.). Дебют Б. в печати — сатира «Послание к стихам моим» (Новости русской литературы.— 1805.— № 1.— С. 61—64); сатирические жанры стали ведущими в ранних стихах Б. («Послание к Хлою», «Перевод 1-й сатиры Боалло», «К Филисе», эпиграммы); наряду с ними воз-

никают и мотивы предромантизма («Мечта», «Элегия», «К Мальвине», «Послание к Н. И. Гнедичу» и др.); противопоставление бlesку окружающей действительности мира «мечты» («Мечтанье есть душа поэтов и стихов»; «Мы сказки любим все, мы — дети, но больше»), конструирование условного мира счастья, любви и веселья — земных образов человеческого бытия («Друзья! оставьте призрак славы, / Любите в юности забавы / И сейте розы на пути»), изначально отличных от «потустороннего» идеала лирики В. А. Жуковского.

В начале 1807 г. Б. круто переменяет свою жизнь, записавшись в народное ополчение и отправившись в Прусский поход (в качестве сотенного начальника милиционного батальона). 29 мая 1807 г. в сражении под Гейльсбергом он был тяжело ранен (пуля задела спинной мозг, что стало причиной последующих физических страданий). Б., однако, остался в армии и в 1808—1809 гг. участвовал в войне со Швецией; лишь после полугодовой жизни на зимних квартирах в Финляндии он вышел в отставку. С этого времени формируется своеобразный жизненный облик Б. — «странствователя», «первого онегинского типа русской литературы» (Д. Д. Благой). «Онегинство» Б. проявляется как внутренне — в постоянной душевной неуспокоенности, так и внешне — в острых приступах «хандры», «охоты к перемене мест». Б. почти не жил на одном месте более полугода. С 1808 г. (после вторичной женитьбы отца и раздела имения) «единственным верным приютом» для Б. становится имение матери в с. Хантоново Череповского уезда Новгородской губернии (ныне Череповецкий р-н Вологодской обл.). Однако в деревне Б. тяготился одиночеством, стремился к друзьям, а попадая в столицы, рвался к деревенскому уединению.

Летом 1809 г. Б. написал сатиру «Видение на брегах Леты», знаменовавшую начало зрелого этапа его творчества. Субъективно для поэта это была попытка определить собственные литературные ориентации. Объективно «Видение...» положило начало богатой литературно-сатирической традиции общества «Арзамас», которая продолжала основные мотивы произведения Б. (усыпление от бездарных стихов, «суд» над современными поэтами, «надгробные речи», апелляция к поэтам прошлого и т. д.). Б. выносит суровый приговор современным авторам: проверки в Лете («реке забвения стихов») не выдерживают ни литературные «староверы», соратники «славнофила» А. С. Шишкова, ни «лица новы из белокаменной Москвы», писатели-сентименталисты (П. И. Шаликов, В. В. Измайлов), ни «патриоты» во главе с С. Н. Глинкой. Единственным поэтом, которого Б. удостоил подлинного бессмертия, стал И. А. Крылов — именно из-за самобытности и народности его басенного творчества. «Видение...» (опубл. в 1841 г.) разошлось во множестве списков и стало очень популяр-

лярно: ему подражали, в частности, А. С. Пушкин («Тень Фон-Визина») и К. Ф. Рылеев («Путешествие на Парнас»). Столь же широкой и независимой позиция Б.-сатирика осталась и впоследствии: написанный им (в соавторстве с А. Е. Измайловым) «Певец, или Певцы в Беседе Словено-Россов» (1813, опублик. в 1856 г.) был, с одной стороны, памфлетом на писателей — сотрудников «Беседы...», с другой — пародией на стихотворение В. А. Жуковского «Певец во стане русских воинов».

В 1810—1812 гг. Б. сблизился с Н. М. Карамзиным и кругом будущих «арзамасцев» — Жуковским, П. А. Вяземским, В. Л. Пушкиным, Д. В. Дашковым, Д. Н. Блудовым, А. И. Тургеневым, Д. П. Севериным и др., стал активно сотрудничать в журнале «Вестник Европы». В этот период определился облик Б.-поэта, виднейшего представителя «легкой поэзии», появился ряд стихотворений («Веселый час», «Счастливец», «Мадагаскарская песня», «Источник», «Вахханка», «Мои Пенаты» и др.), связанных с анакреонтическими традициями литературы прошлых эпох, которые дали основание именовать Б. «Парни Российским» (имея в виду эротическую, гедонистическую стихию лирики французского поэта Э. Парни). В них Б. прославляет радости бытия, дружбу, любовь, свободу личности и ее право на жизнь в соответствии с внутренними потребностями. При этом он идет не от контраста условно-античного и конкретно-биографического плана (как Державин в «Анакреонтических песнях»), а от литературного образа идеального поэта-эпикурейца. Упоение жизнью и молодостью соединяется у Б. с предчувствием кризиса, отражающей сложности человеческой психологии вообще: за видимой душевной гармонией («Тих, покоен сверху вид») появляется и глубинная трагедия «сердца» («Но спустись ко дну... ужасно! / Крокодил на нем лежит!»). В послании «Мои Пенаты» Б. создает дисгармоничное художественное «двоемирие», в котором естественно сосуществуют образы условной античности с деталями, воссоздающими действительную жизнь поэта в деревенском уединении («стол ветхой и треногой», калека-солдат с «двухструнной балалайкой» и др.).

Своеобразие Б., писателя, сформировавшегося на раннем этапе развития русского романтизма, заключалось прежде всего в его творческой устремленности к литературным поискам, к выработке новых форм и новых художественных идей. Эти поиски шли, как правило, в пределах «смежных» литературных направлений, и потому Б.-писатель воспринимался то как представитель «неоклассицизма» и поэзии рококо, то как романтик, то как предшественник русского психологического реализма.

Подобные же поиски отразились в прозаических произведениях Б. «довоенного» периода («Отрывок из писем русского офицера о Фин-

лянди», «Похвальное слово сну», «Опыт в прозе», «Предслава и Добрыня»). Среди них выделяется очерк «Прогулка по Москве» (1811, опублик. в 1867 г.), где Б. представил ряд живых реалистических картинок быта «допожарной» Москвы (перекликавшихся с зарисовками в гробоведском «Горе от ума») и попытался создать новую жанровую разновидность, предвосхищающую русский «физиологический очерк» 40 гг.

Во время Отечественной войны Б., не ушедший в действующую армию (из-за болезни и из-за необходимости вывезти из Москвы вдову М. Н. Муравьева с детьми), испытал на себе «все ужасы войны» (разрушение «прекраснейшей из столиц», «переселение целых губерний», «нищету, отчаяние, пожары, голод») и отразил свои патриотические чувства в послании «К Дашкову» (1813), в котором декларировал отказ от прежней тематики своего творчества до тех пор, «пока на поле чести / За древний град моих отцов / Не понесу я в жертву мести / И жизнь, и к родине любовь...». Это послание стало ярким патриотическим манифестом в лирике Отечественной войны. Клятву, данную в нем, Б. выполнил: в 1813—1814 гг. он был в заграничном походе русской армии против Наполеона; участвовал (в качестве адъютанта генерала Н. Н. Раевского) в Лейпцигской «битве народов» (4.X.1813), в штурме Парижа. Под Лейпцигом погиб друг Б., полковник И. А. Петин, образ которого отразился в стихотворении Б. «Тень друга» и прозаических «Воспоминаниях о Петине» (1815). Впечатления войны и военных «странствований» стали основой многих стихов Б. («Пленный», «На развалинах замка в Швеции», «Судьба Одиссея», «Переход через Рейн» и др.) и его очерков в прозе («Воспоминание мест, сражений и путешествий», «Путешествие в замок Сирей»).

В «военных» произведениях Б. проявились новые черты его идеологии и поэтики, мироощущение «эпикурейца» трансформировалось в восприятие поэта-«фронтовика». Современники поэта поражались точности изображения им войны, умению раскрыть ее народный характер, дух эпохи, мироощущение русского солдата («Быть может, он вспоминает / Реку своих родимых мест — / И на груди свой медный крест / Невольно к сердцу прижимает...»). Пушкин назвал «Переход через Рейн» «лучшим стихотворением поэта — сильнейшим, и более всех обдуманым» (Полн. собр. соч. — Т. XII. — С. 283). Новаторство Б. проявилось и в отрывочных «военных» прозаических очерках, которые по своим мыслям и характеру повествования как бы предрекают «военные рассказы» Л. Н. Толстого.

В 1814—1817 гг. Б. по-прежнему ведет «страннический» образ жизни: Петербург, Хантоново, Каменец Подольский, Москва... В этот период он переживает идейный и психологический кризис: «горести бытия» становятся в проти-

воречие с прежними идеалами. Б. создает свою «маленькую философию», пессимистичную по существу. Он отказывается от сатирического изображения действительности, переосмысливает содержание «легкой поэзии». Его творчество тяготеет к углубленному психологизму в изображении человеческой «разорванности» («К другу», «Последняя весна»), к мотивам трагической, несчастливой любви («Мой гений», «Разлука», «Последняя весна», «Элегия»), к воссозданию конфликта поэта с действительностью («Послание к И. М. Муравьеву-Апостолу», «Гезюд и Омир — соперники», «Умиравший Тасс»). Картина общей жизненной дисгармонии, истоки которой лежат в самом человеке, становится предметом стихотворной сказки «Странствователь и Домосед» (1815), где Б. (полемизируя с лозунгом Жуковского «Наше счастье в нас самих!») подвергает сомнению возможность осуществления «положительных» жизненных идеалов вообще. В зрелых своих стихах он выступает как «поэт безнадежности» (Г. А. Гуковский): «Минутны странники, мы ходим по гробам, / Все дни утратами считаем, / На крыльях радости летим к своим друзьям — / И что ж?.. их урны обнимаем...»

В 1817 г. вышел сборник Б. «Опыты в стихах и прозе», имевший успех. В первом, прозаическом томе были собраны очерки Б., его переводы, морально-философские статьи («О лучших свойствах сердца», «Нечто о морали, основанной на философии и религии»), литературно-теоретические рассуждения («Нечто о поэте и поэзии», «Речь о влиянии легкой поэзии на язык»), исследования о писателях прошлого («Петрарка», «Ариост и Тасс», «Вечер у Кантемира», «О характере Ломоносова»), первый в русской литературе искусствоведческий очерк «Прогулка в Академию Художеств». Во втором томе были объединены стихи, сгруппированные по жанровому принципу («Элегии», «Послания» и «Смесь»).

19 ноября 1819 г. Б. выехал из России к новому месту службы: в Италию, чиновником при неаполитанской миссии. Там он общается с русскими художниками (С. Ф. Щедриным, О. А. Кипренским, Ф. М. Матвеевым и др.), занимается переводами (в т. ч. из «Странствований Чайльд-Гарольда» Байрона), описанием «неаполитанских древностей» и т. д. Однако наследственная склонность к душевному заболеванию, служебные неприятности и внутреннее чувство «раздвоенности» привели к тяжелым последствиям: в 1821 г. Б. начал ощущать признаки мании преследования, ставшей неизлечимой психической болезнью. Несмотря на заботу родных и друзей (Муравьевых, Жуковского, Вяземского и др.), на лечение в лучших клиниках, вернуть Б. к нормальной жизни не удалось. «Что касается до Батюшкова, — заметил Пушкин в 1825 г., — уважим в нем несчастья и не созревшие надежды. Прощай, поэт» (XIII, 135).

Последние годы Б. жил у родственников в Вологде; умер от тифозной горячки; похоронен в Спасо-Прилуцком монастыре вблизи города.

Из произведений Б. последнего периода до нас дошли лишь фрагменты; большая часть была уничтожена поэтом в припадке болезни; некоторые остались в виде замыслов («Русалка» — поэма в «русском» духе, обобщающий труд по истории русской словесности и др.). Наиболее ценными из дошедшего до нас являются антологические стихотворения Б., объединенные в два цикла: «Из греческой антологии» (1818) и «Подражания древним» (1821). Они отличаются глубиной психологического содержания и совершенством художественной формы. В пределах нескольких стихов Б. без всяких прикрас воплощает исчезнувшую красоту античности, пластически ощущимо передает целое мироощущение человека «идеальной» эпохи. Эти стихотворения Б. положили начало традиции антологической лирики в русской поэзии (Пушкин, Дельвиг, Фет, Майков и др.), во многом определили развитие в поэзии «художественного элемента» (Белинский).

В. Г. Белинский, говоря о значении Б. в развитии русской лирики, заметил: «Б. много и много способствовал тому, что Пушкин явился таким, каким явился действительно» (VII, 228). Б. был признанным кумиром Пушкина-лишайста, в стихах которого «отголоски лиры Б.» были весьма многочисленны. Как подчеркивает Белинский, влияние Б. на Пушкина было более «личным», чем влияние Жуковского: «До Пушкина ни один поэт, кроме Б., не в состоянии был показать возможности такого русского стиха» (VII, 228). На протяжении своего творческого пути Пушкин по-разному относился к наследию своего предшественника, но постоянно использовал и развивал его художественные открытия. Дело не только в реминисценциях из Б., которые имеются даже в поздних произведениях Пушкина («Евгений Онегин», «Медный всадник» и др.), но и в том, что Пушкин продолжал по существу ту же линию развития психологической убедительности и пластической ощутимости художественного изображения, по которой шел Б. в своих литературных поисках.

Помимо новых художественных форм, Б. открывал новые возможности для литературной идеологии, нашедшие дальнейшее развитие впоследствии. Так, Б. впервые употребил обозначение «век железный» применительно к XIX в. (этот образ впоследствии использовался Пушкиным, Баратынским, Блоком); ему же принадлежит и образ «черного человека» (выражение человеческого «двойничества»). Перспективность его художественных достижений была осознана лишь в последующие литературные эпохи: Б. не смог выразить их в законченном виде. Учтивая это, Белинский писал: «Батюшкову немного недоставало, чтоб он мог переступить за

черту, разделяющую большой талант от гениальности» (VII, 241).

Соч.: Соч.: В 3 т. / Вступ. ст. Л. Н. Майкова.— СПб., 1885—1887; Соч. / Вступ. ст. Д. Д. Благого.— М.; Л., 1934; Полн. собр. стихотв. / Вступ. ст. Н. В. Фридмана.— М.; Л., 1964; Опыты в стихах и прозе / Изд. подгот. И. М. Семенко.— М., 1977; Не что о поэте и поэзии / Вступ. ст. В. А. Кошелева.— М., 1985; Избр. соч. / Вступ. ст. А. Л. Зорина.— М., 1986.

Лит.: Белинский В. Г. Сочинения Александра Пушкина. Статья третья. // Полн. собр. соч.— М., 1955.— Т. VII.— С. 223—254; Майков Л. Н. Батюшков, его жизнь и сочинения.— 2-е изд.— СПб., 1896; Фридман Н. В. Проза Батюшкова.— М., 1965; Фридман Н. В. Поэзия Батюшкова.— М., 1971; Кошелев В. А. Творческий путь К. Н. Батюшкова. Учеб. пос.— Л., 1986; Проскурин О. «Победитель всех Гекторов халдейских» (К. Н. Батюшков в литературной борьбе начала XIX в.) // Вопросы литературы.— 1987.— № 6.— С. 60—93; Зубков Н. Опыты на пути к славе // Зорин А., Немзер А., Зубков Н. Свой подвиг свершив...— М., 1987.— С. 265—350; Кошелев В. Константин Батюшков. Странствия и страсти.— М., 1987.

В. А. Кошелев

БЕГИЧЕВ, Дмитрий Никитич [17(28).IX.1786, с. Никитское Ефремовского у. Тульской губ.— 12(24).XI.1855, Москва] — прозаик. Происходил из богатой родовитой дворянской семьи, с 1796 по 1802 г. обучался в Пажемском корпусе, откуда вышел с чином корнета Александрейского гусарского полка. Не имея склонности к военной службе, он почти сразу же оставил полк и перешел в Государственную Коллегию Иностранных дел, но пламенная любовь к родине возвращает его на военную службу в 1804 г. Б. участвует в кампании 1805 г. (сражение под Аустерлицем), в прусском походе 1807 г. (сражения под Гутштадом, Фридландом, Гельсбергом, при дер. Альткирхен) — события эти отражены в романе «Ольга». По окончании военных действий Б. уходит в отставку, будучи кавалером ордена св. Владимира 4 степени и Королевско-Прусского ордена. Вновь вернувшись на службу 3 января 1813 г., Б. не воевал, поскольку лейб-гвардии гусарский полк, в который он вступил, находился в резерве. Окончательно оставив военную службу в 1819 г. в чине штаб-офицера, Б. долгое время жил в Москве и в подмосковном с. Якишино, женившись на сестре поэта-партизана Д. В. Давыдова — Александре Васильевне. Кроме Давыдова, Б. был знаком с В. А. Жуковским, А. С. Грибоедовым (обширная переписка их, по-видимому, не сохранилась), В. К. Кюхельбекером, В. Ф. Одоевским. Интерес к литературе был свойствен и его родным: сестра Б. — Елизавета (бабушка изобретателя электрической свечи П. Н. Яблочкова) писала стихи, комедии, роман «Шигоны», достаточно снисходительно оцененный В. Г. Белинским (Полн. собр. соч.— Т. I.— С. 126—127), сестра Варвара (монахиня Смарагда) сочиняла проповеди, брат Степан (ближайший друг Грибоедова) принимал участие в литературной жизни Петербурга и Москвы.

Сам Б. обратился к литературной деятельности лишь в 1832 г., когда анонимно вышел

его роман «Семейство Холмских» (2-е изд.— М., 1883; 3-е — 1841). Обращение к сочинительству было вызвано, очевидно, службой Б. в качестве губернатора в Воронеже с 1830 по 1836 г. Будучи широко просвещенным и усвоив рационалистические идеи XVIII в. в педагогике, Б. поставил перед собой вполне просветительские задачи: благодетельствование подвластного ему края и воспитание с помощью литературы нравственно совершенного человека (Соколовнича Е. П. Воспоминания о Д. Н. Бегичеве // Исторический вестник.— 1889.— Март). А. В. Кольцов в стихотворении «Благодетелю моей родины» (1840) выразил чувства благодарности своих земляков губернатору Б. В дальнейшем служба Б. проходила в Москве с неуклонным повышением в должностях и чинах — до звания сенатора. Параллельно развивалась и литературная деятельность его: «Ольга. Быт русских дворян в начале нынешнего столетия» (СПб., 1840, 3 ч.), «Провинциальные сцены. Действие происходит в 1780-х годах» (СПб., 1840), «Последствия услуги, оказанной кстаи и вовремя» (СПб., 1842), «Записки губернского чиновника» (Сто русских литераторов.— СПб., 1845.— Т. 3), «Быт русского дворянина в разных эпохах и обстоятельствах его жизни» (М., 1851.— Вып. I посвящен военной службе; Вып. II — частному предпринимательству). Все сочинения были подписаны «Сочинение Автора „Семейства Холмских“», и недаром: роман был, по словам Л. Бранда, «одним из самых любимых нашей публикою сочинений» (Опыт библиографического обозрения, или Очерк последнего полугодия русской литературы с октября 1841 по апрель 1842 г.— СПб., 1842.— С. 57). Критика же оценивала сочинения Б. весьма низко: «В „Семействе Холмских“ нет ни тени художественного устройства», — писал Н. И. Надежин (Телескоп.— 1832.— Ч. XI.— № 17.— С. 383; ср.: Сын отечества.— 1840.— Т. 5.— № 1.— С. 145—164; № 20.— С. 243—252).

С течением времени художественное несовершенство произведений Б. становилось все более очевидным, что особенно отразилось в эволюции их оценок В. Г. Белинским. В 1840 г. он писал: «В „Провинциальных сценах“ много занимательного, много забавного; они читаются с удовольствием. Благородная цель, с какою они написаны, и несомненная польза, которую они должны принести, еще более возвышают их достоинство» (Полн. собр. соч.— Т. IV.— С. 155), «Ольга» противопоставлялась тогда же охранительной литературе (Там же.— С. 312—315). В 1843 г. Белинский отмечал, что роман «Семейство Холмских» «имел значительный успех; в нем попадаются довольно живые картины русского быта в юмористическом роде; но он утомителен избытками пружинами вымысла и избытком сентиментальности, соединенной с резонерством» (Там же.— Т. VIII.— С. 58). В 1845 г. к словам

«немножко сентиментальный, немножко резонерский» добавляется: «и несколько не поэтический» (Там же.— Т. IX.— С. 265), а «Запискам губернского чиновника» дается вообще уничижительная оценка. Время нравоучительных романов прошло, а социально-обличительная сила произведений Б. была невелика. Надо, впрочем, отметить, что Л. Н. Толстой, сам испытавший большое воздействие Б. в юности (Литературное наследство.— Т. 69.— Кн. 2.— С. 491), а позднее предлагавший создать краткий пересказ его для «Посредника» (Полн. собр. соч.— Т. 84.— С. 35, 36), весьма ценил воспитательное значение «Семейства Холмских». Роман Б. глубоко погружен в общественно-литературный контекст эпохи. Цитаты и реминисценции из «Горя от ума» (ко времени первого издания романа комедия Грибоедова не была еще опубликована полностью и потому «Семейство Холмских» знакомило современников с произведением великого драматурга), из произведений В. В. Капниста, М. Н. Загоскина, А. И. Писарева, А. А. Шаховского связывают его с традициями русской драматургии. В романе впервые «опубликована» неизвестная тогда еще в печати эпиграмма Пушкина на М. С. Воронцова «Полу-милорд, полукупец...». Цитаты из Д. В. Давыдова, И. А. Крылова, И. И. Дмитриева, К. М. Виланда, Ж.-Б. Мольера, Ж.-Ж. Руссо, Ж. де Лабрюйера, Ж. де Лафонтена и т. д. создают просветительский фон идеологии романа. Обращение же Б. к Франклину («журнал слабостей» из его «Автобиографии») придает морали «Семейства Холмских» пуританско-ханжеский оттенок и вместе с тем отражает стремление Б. раскрыть духовную красоту человека. Это сказалось в изображении трагической истории композитора А. А. Алябьева, несправедливо осужденного без достаточных оснований за убийство карточного партнера Времева (Штейнпресс Б. Страницы жизни А. А. Алябьева.— М., 1960.— С. 179—214). Но в изложении обстоятельств своего героя Аглаева Б. подчеркивает основную мысль романа: человек должен сам руководить своими страстями, иначе ему грозит гибель. Недаром Б. цитирует в романе слова Руссо: «Без силы нет добродетели» (1832.— Ч. II.— С. 136). Запечатлен в романе Б. и другой весьма популярный в Москве человек — Ф. И. Толстой-Американец, тот «ночной разбойник, дуэлист», который «в Камчатку сослан был, вернулся алеутом / И крепко на руку нечист» («Горе от ума» А. С. Грибоедова). Б. называет его Удушьевым, заимствуя фамилию у другого грибоедовского героя. Перечислив все приметы Ф. И. Толстого: игрок, бретер, дуэлянт, ссылка, женитьба на цыганке («странным образом»), Б. отмечает также, что Удушьев обыграл Аглаева на 70 тыс. руб. Дело в том, что в 1827 г., по свидетельству современника, Ф. И. Толстой обыграл одного московского богача на 700 тыс. руб. (Гусев Н. Н. Лев Ни-

колаевич Толстой. Материалы к биографии с 1828 по 1855 год.— М., 1954.— С. 342), а числа 70 и 700 в устной передаче могли легко превратиться из одного в другое. Изображение Удушьева у Б. ярко отрицательное, лишено всяких полутонов: писатель видит в нем обыкновенного бесчинного развратника. Эти истории реальных людей, запечатленные пером современника-очевидца, конечно, интересны и поныне любому современному читателю. Но не менее интересно в романе и то, что Аглаев хотел «построить беседку под названием «Храм Гименей» на одном возвышении, близ дома, откуда видны были уездный город, несколько сел и дом в Надеждине». Вспоминается маниловский бельведер, откуда можно было видеть Москву, и его беседка «Храм уединенного размышления». Создавая образ Аглаева, Б. подошел к изображению характернейшего типа русского помещика — праздного мечтателя. В «Семействе Холмских» Б. разрабатывал тип «семейного романа», и в этом отношении роман занимает важное место в историко-литературном ряду.

Лит.: История русского романа.— М.; Л, 1962.— Т. I.— С. 264—265; Китина А. Д. Д. Н. Бегичев (1786—1854) // Очерки литературной жизни Воронежского края. XIX—начало XX в.— Воронеж, 1970.— С. 74—85; Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика.— М., 1972.— С. 328—330; Акутин Ю. Автор «Семейства Холмских» // Альманах библиофила.— М., 1978.— Вып. 5.— С. 139—157; Строганов М. В. Об одной реминисценции из Пушкина в романе Д. Н. Бегичева «Семейство Холмских» // Вопросы биографии и творчества А. С. Пушкина.— Калинин, 1979.— С. 73—77.

М. В. Строганов

БЕДНЫЙ, Демьян, псевдоним; настоящее имя — Придворов, Ефим Алексеевич [I (13). IV. 1883, с. Губовка Александрийского у. Херсонской губ.— 25. V. 1945, Барвиха под Москвой; похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище] — поэт. Член Коммунистической партии с 1912 г. Родился в бедной крестьянской семье. Отец уходил на заработки в город (был черноработчим, сторожем). Б. с 3 до 7 лет жил у отца в городе, где выучился церковнославянской грамоте; с 7 до 13 лет — в деревне с матерью. Б. был подласком, подрабатывал как «грамотей» (писал письма, жалобы односельчанам, читал молитвы по умершим и т. п.); все заработанные им деньги отдавала мать. Б. имел возможность наблюдать деревенскую жизнь: «Дом Придворовых по своему стратегическому положению (против «расправы») и шинка и недалеко от дорожного тракта) был чем-то вроде заезжего двора. Сюда заглядывали и становой, и урядник, и сельские власти, и проезжающие обозы, и конокрады, и дьячок, и вызываемые в „расправу“ крестьяне» (Войтовский Л. Демьян Бедный // Печать и революция.— 1925.— Кн. 4.— С. 25). Закончив четырехклассную сельскую школу, Б. в 13 лет помогал учительнице (народнице из дворянок). При ее со-

действию удалось добыть рекомендации, и Б. в 1886 г. поступил в Киевскую военно-фельдшерскую школу. Там начал писать стихи в казенно-патриотическом духе.

Прослужив несколько лет фельдшером в Елисаветграде, Б. сдал экстерном за курс мужской классической гимназии и в 1904 г. поступил в Петербургский университет на историко-филологический факультет. Стихи Б. впервые появились в газете «Киевское слово» (1899) и в сборнике «Русские поэты и поэтессы» (1901). Позднее в автобиографии Б. писал: «...После ошеломительной для меня революции 1905—1906 гг. и еще более ошеломительной реакции последующих лет я растерял все, на чем зиждилось мое обывательски-благонамеренное настроение. В 1909 г. я стал печататься в королёвском „Русском богатстве“ и очень близко сошелся с известным поэтом-народовольцем П. Я. (П. Ф. Якубовичем-Мельшиным). Влияние П. Я. на меня было громадно... Однако только после смерти его я мог с большей независимостью продолжать свою эволюцию. Дав уже раньше значительный уклон в сторону марксизма, в 1911 г. я стал печататься в большевистской — славной памяти — „Звезде“. Мои перепутья сходились к одной дороге...» (Собр. соч.: В 8 т. — Т. 8. — С. 254). Стихотворения Б., опубликованные в «Русском богатстве» («Под новый год», «С тревогой жуткою», «Не примирился, нет!..»), написаны в присущих лирике поздних народных тонах уныния, «гражданской скорби». Однако одновременно он создает стихотворения «Memento» (другое название — «Сынок») — о казнях, репрессиях тех лет, но с боевой концовкой, и «О Демьяне Бедном, мужике вредном», где в острозащитной зарисовке изображено пробуждение у крестьянина-бедняка бунтарского духа, протеста против гнета помещика и властей. (Эти стихи не могли появиться в умеренном журнале В. Г. Короленко.) Имя и прозвище героя стихотворения о «мужике вредном» принадлежало родному дяде поэта, который уходил из деревни в поисках лучшей доли, но вернулся ни с чем.

С публикации стихотворения «О Демьяне Бедном...» в большевистской «Звезде» (16 апр. 1911 г.) начался новый этап творчества поэта и родился его псевдоним. Газету конфисковали, но тираж ее поднялся. Стихотворения Б. пользовались большим успехом. Стремясь обойти цензуру, поэт обратился к жанру басни. Однако первая его басня «Шпага и топор» (другое название «Когда наступит срок...») оказалась слишком острой, опубликована только в 1917 г. Публикация же других басен Б. в «Звезде», большевистском журнале «Просвещение», в «Правде» (с начала ее выхода в 1912 г.) шла успешно. Разностопный басенный ямб позволял поэту широко вводить в стих разговорную речь, придавать ей различную окраску. Б. выступает

в баснях продолжателем традиций И. А. Крылова и М. Е. Салтыкова-Щедрина, обратившегося (в сказках) к басенному алгеоризму. Но революционный поэт обновляет старый жанр, сближая басню со стихотворным фельетоном. В качестве эпитафий к басням используются выдержки из газет или другие сообщения. Краткую басенную мораль позднее заменяет публицистический вывод, несущий действенный агитационный заряд. Басенная аллегория в форме жанровой сценки, диалога персонажей разъясняет, иллюстрирует политическое содержание басни конкретным примером. При этом фельетонная злободневность не лишает лучшие басни Б. обобщающего значения. Такова, например, басня «Дом» (1912). Басня намекала на Дом Романовых и предсказывала свержение царизма. Не устарели басни «Добряк», «Пушка и соха» и др. Многие басни Б. наглядно изображали противоположность интересов рабочих и хозяев, крестьян и помещиков, своекорыстие богачей («Опека», «Хозяин и батрак», «Опекун», «Народник», «Порода», «Благотворитель» и др.). Б. высмеивал действия царских министров, «администраторов» разных рангов, реакционных думских деятелей («Притон», «Трибун», «Гастролер»), буржуазных либералов («Бунтующие зайцы», «Лицедеи», «Кукушка»), а также меньшевиков-ликвидаторов. Полемика с ними большевиков-ленинцев особенно обострилась в 1912—1914 гг. Ликвидаторы выступали против рабочих стачек, за «культурные» формы борьбы. И это — после Ленского расстрела рабочих, на который Д. Б. откликнулся лирическим стихотворением «Лена: — «О братья! Проклят, проклят будет, / Кто этот страшный день забудет, / Кто эту кровь врагу простит!» Против ликвидаторов направлены басни «Кашевары», «Рыболовы», «Ерши и выюны», «Паук, муха и чела» и др. В последней басне показано, к чему ведет «культурный спор» с капиталистом. Эти стихотворения Б. не нравились некоторым сотрудникам «Правды», занимавшим примиренческие позиции; летом 1912 г. поэт был фактически отстранен от участия в газете. В ноябре он обратился с письмом к В. И. Ленину; так завязалась их переписка. Сохранилось лишь одно письмо Ленина, в нем говорилось: «Мы были очень огорчены Вашим временным уходом из „Правды“ и очень обрадованы возвратом» (Ленин и В. И. Полн. собр. соч. — Т. 48. — С. 117). В феврале 1913 г. вышла первая книга Б. «Басни». Но поэт все еще конфликтовал с «Правдой», и Ленин написал в редакцию: «Насчет Демьяна Бедного продолжаю *быть* за. Не придирайтесь, друзья, к человеческим слабостям! Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать. Грех будет на вашей душе, большой грех... перед рабочей демократией, если вы талантливого сотрудника не примянете, и е м о ж е т е ему. Конфликты были мелкие, а дело

серьезное»; (Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 48. — С. 182). Но только в марте 1914 г. Б. вернулся в «Правду». До этого он продолжал печататься в «Просвещении» (где появилась его басня «Свеча» — намек на куцые свободы, дарованные царским манифестом 17 октября), в демократическом «Современном мире», в некоторых провинциальных газетах. С началом мировой войны цензура ужесточилась. Б. мобилизовали на войну как фельдшера, но, узнав о его неблагонадежности, в 1915 г. перевели в запас. Вернувшись в Петроград, Б. служит в Военно-промышленном комитете; пишет цикл басен «Дерунов 1001-й» — о купце, наживающемся на военных поставках; в эпиграмме «Баталлисты» высмеивает писателей-шовинистов. Печатает переводы из Эзопа (в журнале «Жизнь для всех», «Маяк»), но издать их отдельной книжкой не удалось.

Новый период творчества Б. начался в феврале 1917 г. — после свержения царизма. Поэт откликнулся на него басней «Тофута Мудрый», в которой призвал строить жизнь по «Коммунистическому манифесту». Но теперь поэт реже обращается к жанру басни, чаще — к эпиграмме, инвективе, куплетам — против политики Временного правительства (состоящего из «князей», буржуазных дельцов и соглашателей), лицемерных кадетов («Петельки»), меньшевиков («Социал-заики»). В эстетической декларации «Мой стих» Б. говорит о задачах своего творчества, он пишет не для «чистой публики», а для трудового народа: «Ты мне один судья прямой, нелицемерный, / Ты, чьих надежд и дум я — выразитель верный, / Ты, темных чьих углов я — „пес сторожевой“!» Однако высоко ценивший Б. Ленин говорил и о его недостатках: «Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко вперед» (Горький М. В. И. Ленин // Горький М. Собр. соч.: В 30 т. — М., 1952. — Т. 17. — С. 45). Стремление Б. к народности содержания и стиля ярко сказалось в его «Повести про землю, про волю, про рабочую долю», которую он начал писать в 1917 г., а завершил в 1920 г. Повесть первоначально (до Октября) состояла из четырех частей: «Царская война», «Петроград», «Февральская революция», «Демократическое надувательство». Герои повести: крестьянин Ваня, его невеста — батрачка Маша, Клим — питерский рабочий-большевик, — проходят через все главные события предоктябрьских лет. Повесть отмечена характерным для поэзии Б. разнообразием жанровых черт. Сказовая форма сочетается с песенной, сатира с патетической лирикой, с революционным призывом. В повесть вошли лучшие сатирические стихотворения Б., написанные в период с Февраля по Октябрь, в том числе песенка «Либердан», клеймившая меньшевистских лидеров Либера и Дана; она особенно нравилась Ленину (он неоднократно использовал кличку «Либер-

дан» в полемических статьях). Популярна была также антивоенная «солдатская песня» Б. «Приказано, да правды не сказано»: «Нам в бой идти приказано: / „За землю станьте честно!“ / За землю! Чью? Не сказано. / Помещичью, известно! / ...Нам в бой идти приказано — / „Союзных ради наций“. / А главного не сказано: / Чьих ради ассигнаций?..» Старинные рекрутские плачи положены в основу главки «Песни народных», на фольклорной основе созданы «Плясовая», «Барыня окопная», «Как у питерских господ...» (Предвыборная песня). Так поэт перерабатывает и заставляет служить целям большевистской агитации старые известные песни. Образы Вани и Маши воплотили основные черты характера, присущие героям русского фольклора, — активное отношение к жизни, выражавшееся в поисках социальной справедливости, лучшей доли, трудолюбие, нравственную стойкость. В «Повести...» Б. имеются реминисценции из Некрасова, выступают некрасовские персонажи — Яким Нагой, бабушка Ненила. Завершает повесть «Часть пятая. Большевистский Октябрь».

Поэзии Б. в целом присущи богатство и выразительность языка. Это было отмечено М. Горьким: «У нас есть хороший знаток языка — Демьян Бедный... у него отличный лексикон, он знает русский язык и церковно-славянский и речевой язык, знает и то, что называется фольклором, и язык афоризмов...» (Горький М. Две беседы. — М., 1931. — С. 37). Речевые характеристики Б. широко применяют для обрисовки своих персонажей. Язык передовых пролетариев, крестьян, солдат по своему строю и лексике совпадает с авторской речью, напр. обращение «Рабочие — солдатам», высказывания Тита и большевички Маши в «Повести про землю, про волю...», содержащие политические термины и понятия, слова нового революционного обихода. Диалектизмы, искажения языка свойственны преимущественно отрицательным персонажам Б. Черносотенец (басня «Столп отчества»), кулак («Свеча» и др.) употребляют такие слова, как «дилектор», «шеренка», «архандель», «сотельная», «не ахти», «обтяпать», «на предмет» и т. п. Сходный прием позднее наблюдался в агитлубках и агитпоэмах Маяковского. Дооктябрьский период творчества, когда, по словам поэта, «басенной пристрелкой» его руководил нередко Ленин сам, был плодотворным для поэта.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 19 т. — М.; Л., 1925—1933; Собр. соч.: В 5 т. — М., 1953—1954; Собр. соч.: В 8 т. — М.; Л., 1964—1965; Избр. произв.: В 2 т. — М., 1959.

Лит.: Цыбенко В. А. Поэзия Демьяна Бедного. — Новосибирск, 1962; Монастырский А. Р. Поэт революции. — Тамбов, 1963; Макаров А. Демьян Бедный. — М., 1964; Воспоминания о Демьяне Бедном / Сост. Д. Е. Придворов, А. В. Прямоков. — М., 1966; Бразуль И. Д. Демьян Бедный. — М., 1967; Недашкова Т. Демьян Бедный. Библиографический указатель (К 90-летию со дня рождения). — Кировоград, 1973; Эвентов И. С. Демьян Бедный: Жизнь, поэзия, судьба. —

БЕЛИНСКИЙ, Виссарион Григорьевич [30.V (11.VI).1811, крепость Свеаборг, ныне — Суоменлинна, Финляндия — 26.V (7.VI).1848, Санкт-Петербург] — критик. Отец Б. — флотский врач; в 1816 г. он вышел в отставку и поселился в г. Чембар (ныне — г. Белинский) Пензенской губ. Детство будущего критика прошло в этом глухом уголке русской провинции, учился он сперва в местном уездном училище (1822—1824), затем в Пензенской гимназии (1825—1828), в 1829—1832 гг. был студентом Московского университета. В 1830 г. Б. написал романтическую драму «Дмитрий Калинин» о трагической судьбе крепостного интеллигента и представил ее по наивности в Московский цензурный комитет, состоявший из профессоров университета во главе с ректором. Профессора пришли в ужас от такой пьесы, запретили ее, запомнили крамольного автора и постарались при первой же возможности (Б. по болезни попросил перенести экзамены на осень) в сентябре 1832 г. исключить его из университета «по слабому здоровью и притом по ограниченности способностей» (Литературное наследство.— М., 1950.— Т. 56.— С. 401).

Два года Б. вел тяжелейшую полугодичную жизнь журнального поденщика (мелкие переводы, компиляции). В сентябре 1833 г. Б. сблизился с литератором Н. В. Станкевичем (который дал ему ставшее крылатым имя «неистового Виссариона»), вошел в его кружок, где были заметны поэты И. П. Клюшников, В. И. Красов, К. С. Аксаков. Позднее к кружку примкнули М. А. Бакунин, будущий революционер-анархист (1836), В. П. Боткин (1835), М. Н. Катков (1837). Станкевич оказал большое влияние на Б. своей глубокой и гармоничной натурой, впервые познакомил его с немецкой философией, прежде всего — с учением Ф. Шеллинга; особенно важно было для друзей представление о наличии всеохватной целостной идеи и о превосходстве искусства над наукой. Понятие всеобщей идеи помогло позднее Б. освоить гегелевский «абсолют» и научило его типологизировать общественные и литературные явления, а также возводить до общеподлинного смысла и значения личные чувства и поступки (последнее ярко отразится в многолетней переписке Б. с Бакуниным и Боткиным). В кружке культивировались любовь и внимание к ближнему, духовное и нравственное самоусовершенствование, углубленное изучение эстетики и художественной литературы. Характерны были высокая оценка Н. В. Гоголя, прохладное отношение к поэднему Пушкину, ирония по адресу эпигонов романтизма (Н. В. Кукольника, А. А. Бестужева-Марлинского, В. Г. Бенедиктова, А. В. Тимофеева). Вскоре эти суждения будут развиты в статьях Б.

С 1833 г. Б. стал сотрудником, а с 1834 г. — помощником своего бывшего профессора Н. И. Надеждина, редактора журнала «Телескоп» (1831—1836). В еженедельном приложении к «Телескопу» — «Молве» Б. дебютировал в 1834 г. своей первой значительной статьей (фактически — цикл из 10 статей) «Литературные мечтания».

В этой ранней статье уже ярко проявились характерные черты Б.-критика: максимализм, суровая, повышенная требовательность к анализируемым произведениям в свете идеала. Основной признак, по которому определяется ценность произведений, — *народность* литературы. Для народности мало «простонародности», изображения сцен из жизни «низших слоев», необходимо «целая идея народа» (Т. I.— С. 92), а высшие сословия оторвались от народной жизни, подражают чужим культурам; им необходимо сближение с народом. Поэтому и возникает максималистский тезис статьи, несколько раз повторенный: «У нас нет литературы».

С точки зрения народности Б. предпринимает исторический обзор русской литературы и выделяет четыре периода: Ломоносовский, Карамзинский, Пушкинский, новый. Интересно, что современный, послепушкинский (а Пушкин еще был жив!) период не получает имени главы. Первые два периода рассматриваются как лишенные истинно народной литературы (лишь Державин подготавливал таковую), да и Пушкинский этап в этом отношении автор не очень-то жалует. Все надежды Б. возлагает на новый период, когда, наконец, народность станет «альфой и омегой».

Критический метод юного Б. еще романтический и идеалистический: литературные явления рассматриваются не столько в их реальных взаимосвязях и в их реальной ценности для своего времени, сколько с позиций теоретического нормативного идеала. Но уже в первой статье зрели зерна историзма: критик исследует творчество Жуковского и Батюшкова не только как предшественников Пушкина по времени, но и как поэтов, подготовивших его появление (эта идея потом будет подробно развита в цикле статей о Пушкине). Так элементы историзма впоследствии привели Б. к реалистическому методу.

Следующим этапом в развитии критика оказалась большая — тоже обзорная — статья «О русской повести и повестях г. Гоголя («Арабески» и «Миргород»)» (1835). «Литературные мечтания» создавались при главенстве идеи народности, вторая статья — под лозунгом *действительности*. В «Литературных мечтаниях» сама верность действительности как бы вытекала из принципа народности: «...наша народность состоит в верности изображения картин русской жизни» (Т. I.— С. 94). Во второй статье, наоборот, истинность приводит к народности: «...если изображение жизни *верно*, то и *народно*»

(Т. I.— С. 295; здесь и далее курсив принадлежит цитируемым авторам).

Благодаря этому принципу («пафос действительности») Б. впервые разделит литературу на две противоположные группы: *идеальную* поэзию, пересоздающую «жизнь по собственному идеалу», и *реальную*, которая «воспроизводит ее во всей наготе и истине» (Т. I.— С. 262). Фактически здесь заложено главное типологическое отличие романтического и реалистического методов. Б. предполагал возможность слияния обеих крайностей в «поэмах Байрона, Пушкина, Мицкевича», где «жизнь человеческая представляется, сколько возможно, в истине, но только в самые торжественнейшие свои проявления, в самые лирические свои минуты» (Т. I.— С. 269).

В «Литературных мечтаниях» новый, современный период русской литературы оставлен без главы: Гоголь был замечен критиком, назван «необыкновенным талантом», но остался в ряду других подающих надежды молодых писателей. В статье «О русской повести...» Б. делает Гоголя ведущим писателем нового периода.

Для большинства критиков очень важно иметь вершинный образец, эталон художественности, с которым уже соразмерялось бы все остальное. Чаще всего в качестве такого образца выступает некий писатель «целиком» или же с отдельными произведениями. Кажется, Б. первый в истории русской критики начал проводить такой «эталонный» принцип анализа, но он никогда не делал его догматическим, абсолютизированным. В 30 гг. его образцом был Гоголь, в нач. 40 гг. Гоголя потеснил Лермонтов (даже появление «Мертвых душ» мало изменило общую картину!); в середине 40 гг. на первое место вышел Пушкин, а в последние годы Б. вернулся к Гоголю, но в творчестве преобразованном виде: критик выбрал в наследии Гоголя самые ценные свойства и сделал их знаменем гоголевской школы в литературе, получившей наименование «натуральной».

Новый период русской литературы, считает критик, ознаменован господством поэзии реальной, а Гоголь из всех современных писателей больше всего отличается верностью жизни действительной. Б. выводит в своей статье четыре главных критерия (признака) художественности: простота вымысла, совершенная истина жизни, народность, оригинальность, усматривая в них дух современности и полностью находя их соответствие в творчестве Гоголя. Однако Б. отмечает еще и пятую особенность, уже индивидуально присущую Гоголю: «...комическое одушевление, всегда побеждаемое глубоким чувством грусти и уныния» (Т. I.— С. 290). Удивительное емкое, многоаспектное определение.

В статье «Стихотворения В. Бенедиктова» (1835) Б. резко критиковал романтическое эпигонство поэта, что способствовало увяданию его славы. На средства Станкевича Б. подготовли-

вает и издает весной 1835 г. «Стихотворения Алексея Кольцова»; в рецензии на книгу (1835) Б. подчеркивает жизненность и простоту стихотворений, противопоставляя Кольцова Бенедиктову. Б. сближается с Кольцовым, руководит его образованием, после смерти поэта готовит к печати новое издание: «Стихотворения Кольцова» (СПб., 1846) со своей статьей о творчестве поэта и о дружбе с ним. Через Кольцова Б. в 1836 г. познакомился с И. И. Панаевым.

В статье «О критике и Литературных мнениях «Московского наблюдателя» (1836) Б. диалектически соединил литературную теорию с практикой и определил критику как «движущуюся эстетику» (Т. II.— С. 123); критическую статью Б. противопоставил полемической рецензии, основанной не на «умозрении», а на «здравом смысле»; предметом рецензии является частный факт, не имеющий связи с теорией.

В 1836 г. благодаря Станкевичу и особенно Бакунину Б. знакомится с радикальной философией И. Г. Фихте 1790 гг. (поздний Фихте более умеренный идеалист). В письме к Бакунину от 12 окт. 1838 г. Б. так описал свои первые впечатления: «...фихтеизм понял как робеспьеризм (т. е. как учение Великой французской революции.— Б. Е.) и в новой теории чуял запах крови» (Т. XI.— С. 320). Этические воззрения Фихте: проповедь свободы человека и свободного нравственного выбора, разумность добра, совесть как следствие сознания — отражены в последней статье Б. в «Телескопе»: «Опыт системы нравственной философии. Сочинение магистра Алексея Дроздова» (1836).

Опасаясь угрозы запрещения, нависшей над «Телескопом», Надеждин сократил статью на две трети, изъяв рассуждения о церковных обрядах и предметах как своего рода искусстве (пение, иконы и т. д.), о божественной природе человека, отвергающего «земные» блага ради духовности, творчества, деятельного добра, об индивидуальном бессмертии человека, имеющего сознание, а главное — изъяв изложение идей Фихте о будущем уничтожении государства и о создании христианского братства людей, т. е. зародыши идей утопического социализма.

Однако «Телескоп» оказался в октябре 1836 г. обреченным: Надеждин опубликовал в нем замечательное публицистическое произведение друга Пушкина и декабристов П. Я. Чаадаева «Философическое письмо», полное резких суждений о современном социальном и культурном состоянии России. Николай I потребовал немедленного запрещения журнала, объявил Чаадаева сошедшим с ума, а Надеждина велел сослать на далекий Север. Б., как неофициальное лицо, остался без наказания — но и без работы...

Пушкин внимательно присматривался к молодому критику. Мы мало знаем об их контактах, но не исключено, что Б. каким-то образом познакомился с рукописными сочинениями великого

поэта. Названные выше четыре критерия художественности, выдвинутые Б., удивительно совпадают с критериями Пушкина, содержащимися в рукописном «Путешествии из Москвы в Петербург» (1834): простота, точность, народность, оригинальность. Если не знакомством с трудом Пушкина, то лишь конгенитальностью можно объяснить такое совпадение. Достоверно известно, что Пушкин внимательно читал статьи Б., положительно о них отзывался и после запрещения «Телескопа» начал переговоры о приглашении Б. в Петербург, в сотрудники журнала «Современник». Напряженная личная жизнь Пушкина в конце 1836 г., дуэль и смерть в начале 1837 г. помешали ему осуществить этот замысел.

Безработный Б. с помощью своих друзей: Станкевича, Бакунина и Боткина, а также М. Н. Каткова, несколько месяцев изучает философию Гегеля и труды гегельянцев-эстетиков. Наследие немецкого философа способствовало углублению и совершенствованию критического метода Б. Когда ему совместно с друзьями удалось получить в свои руки журнал «Московский наблюдатель» (он выходил под редакцией Б. и Бакунина в 1838—1839 гг.), то это издание стало первым русским печатным органом, пропагандирующим творчество Гегеля.

Склонный к крайностям, к «экстремальным» выводам, Б. истолковал гегелевскую формулу «Что действительно — то разумно» («Was ist — vernünftig») как утверждение разумности, оправданности любой действительности, в том числе и самой реакционной. Поэтому период «Московского наблюдателя» в деятельности Б. обычно называют *примирительным*; критик как бы примирялся с николаевской Россией, вплоть до самых ее негативных сторон: т. к. они существуют, значит, они имеют какой-то исторический смысл, какою-то закономерность; история развивается по железным, жестким, «фатальным» (от лат. «фатум» — судьба) законам, и бунтующая против несправедливостей личность должна подчиниться реальности, иначе она будет раздавлена.

А. И. Герцен, вернувшийся в Москву из ссылки, был поражен переменой (он знал Б. со студенческих лет): «Белинский — самая деятельная, порывистая, диалектически-страстная натура бойца — проповедовал тогда индийский покой созерцания и теоретическое изучение вместо борьбы <...>, в нем не было робости, потому что он был силен и искренен; его совесть была чиста. — Знаете ли, что с вашей точки зрения, — сказал я ему, думая поразить его моим революционным ультиматумом, — вы можете доказать, что чудовищное самодержавие, под которым мы живем, разумно и должно существовать? — Без всякого сомнения, — отвечал Белинский» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. — М., 1956. — Т. 9. — С. 22). Б. понимал односторон-

ность своего «экстремизма»: «...всякая крайность есть родная сестра отрицательности» (Т. IV. — С. 489), но знал свой характер: «...мне не суждено понадать в центр истины, откуда в равном расстоянии видны все крайние точки ее круга; нет, я как-то всегда очутюсь на самом краю» (Т. XII. — С. 51; письмо к Боткину от 28 июля 1841 г.). Между Б. и Герценом произошел разрыв; отношения, перешедшие затем в сердечные дружеские, были восстановлены при перемене воззрений Б.

Гегелевская философия была сложнее крайнего фатализма, она давала возможность и иной интерпретации: если все в жизни закономерно, то и бунт против гнета закономерен; очевидно, и «действительное» можно истолковать диалектичнее: если считать действительным только разумное начало, то в жизни имеется немало неразумного, недействительного, «призрачного» — ко всем этим идеям и сам Б. придет в конце «примирительного» периода и с яростью отбросит прежние заблуждения.

Но гегельянский период имел большое методологическое значение для развития Б. как эстетика и критика. Пафос *объективной*, существующей вне нас действительности, которую и изучать следует объективно; принцип *историзма*, т. е. обусловленности явления окружающими его факторами прошлого и настоящего; понятие *процесса*, процессуальности, динамического движения истории и культуры; изучение художественного произведения как *целостной* системы; *диалектическая* взаимосвязь и взаимовлияние элементов (образов, произведений, событий) в системе — все эти принципы, интуитивно существовавшие в методе Б. и ранних лет, теперь получили осознанную философскую опору.

Б. дебютировал в «Московском наблюдателе» под своей редакцией циклом из трех статей «Гамлет. Драма Шекспира. Мочалов в роли Гамлета» (1838). Сюжетный путь Гамлета рассмотрен в гегельянском духе, как переход от младенческой бессознательности через дисгармонию и распад души к примирению с действительностью. Б. всегда преклонялся перед сильными характерами, и Гамлета он также трактует в этом роде: «Он велик и силен в своей слабости, потому что сильный духом человек и в самом падении выше слабого человека в самом его восстании» (Т. II. — С. 293). Эта формулировка много проясняет в будущих анализах «Героя нашего времени» и «Бориса Годунова», как и в неустанной симпатии Б. к личностям Петра I и Иоанна Грозного.

Б. начал писать специальную статью с теоретическим изложением нового критического метода и с практическим разбором конкретных произведений: «Полное собрание сочинений Д. И. Фонвизина... Юрий Милославский, или Русские в 1612 году. Соч. М. Загоскина...», но успел создать и опубликовать лишь первую часть статьи, теорети-

ческое введение (1838), Б. противопоставил французскую литературную критику, увлекающуюся современным истолкованием произведения как отражения «момента гражданского и политического» (Т. II.—С. 564), идеалу — немецкой критике, т. е. критике гегельянского толка. В качестве образца названа статья Г. Т. Рётшера «О философской критике художественного произведения», недавно опубликованная в «Московском наблюдателе» в переводе и с пояснениями М. Н. Каткова. По Б., высшая форма критики — философская, она в первую очередь рассматривает идею произведения как момент в развитии абсолюта, абсолютной идеи, а затем анализирует произведение как «единое целое», «как живое, органическое» единство (Т. II.—С. 561). Более частый вид критики — психологическая, ее цель — «уяснение характеров, отдельных лиц» (Т. II.—С. 562).

Целостность, а также введенное год спустя понятие «замкнутости» произведения — закономерный вывод из общеметодологических принципов Гегеля. Понятие целостности провоцирует изучение единства содержания и формы, взаимосвязи идеи и сюжета и т. д. Благодаря этим принципам Б. научился разносторонне и диалектически взаимосвязанно исследовать компоненты произведения, проследить воплощение художественной идеи в фабуле и стиле, в системе образов. 1-я и 2-я статьи о «Гамлете» — пример удачного применения такого системного анализа: рассмотрены общие идеи, развитие сюжета и характера Гамлета, а все другие персонажи соотнесены с главным героем. Философская критика сочетается здесь с психологической. Впервые в мировой критике Б. предлагал читателю подробный анализ сюжета, состоящий из сложного монтажа обильных цитат, пересказа и критических комментариев.

Как Б. ни стремился объективизировать анализ, уже в недрах «гегельянского» периода возникали противоречия: вместо прежних обзорных и проблемных статей главным жанром критической работы Б. становится монографическая рецензия, посвященная отдельному произведению, пусть и воспринимаемому как момент в развитии абсолютной идеи, но все-таки как частное, «особое» явление. Наиболее заметно индивидуальное начало в 3-й статье цикла о «Гамлете», посвященной игре Мочалова в разных спектаклях: здесь на первый план выступают именно индивидуальные отличия, частности, психологические оттенки. Усиливают это личностное начало и частые вторжения в объективное повествование лирических оценок, эмоциональных восклицаний критика.

Сложные философские и научные статьи, преобладавшие в «Московском наблюдателе», не могли способствовать успеху журнала, подписка падала, выход томов задерживался; в июне 1839 г. журнал прекратил существование. Упадку

журнала способствовали еще бурные ссоры Б. с Бакуниным и примкнувшим к нему Боткиным: друзья обвинили Б. в пристрастии к «конечности», т. е. к сиюминутной практике жизни, а Б. отвечал Бакунину 14 авг. 1838 г.: «Я знаю, что должно стремиться к освобождению от субъективности, к абсолютной истине; но что мне делать, когда для меня истина существует не в знании, не в науке, а в жизни? <...> для тебя жизнь есть поверка знания, для меня наоборот» (Т. XI.—С. 271—272).

Б. всегда стремился к самостоятельности и даже в самый разгар «примирительного» периода заявлял: «Глубоко уважаю Гегеля и его философию, но это мне не мешает думать <...>, что еще не все приговоры во имя ее неприкосновенно святы и непреложны» (Т. XI.—С. 313; письмо к Бакунину от 12 окт. 1838 г.). Для Б. была характерна повышенная требовательность к себе (для Бакунина же — к ближним), но он не терпел авторитарного насилия со стороны, отсюда его постоянные споры с Бакуниным.

Петербургский издатель А. А. Краевский приобрел права на издание журнала «Отечественные записки» с 1839 г. и через И. И. Панаева пригласил Б. переехать в столицу и возглавить в новом журнале критический отдел. Осенью 1839 г. Б. переехал в Петербург и стал ведущим критиком «Отечественных записок».

В первых статьях Б. в новом журнале: «Бородинская годовщина, В. Жуковского...» (1839), «Менцель, критик Гете» (1840), «Горе от ума... А. С. Грибоедова...» (1840) — еще продолжают господствовать идеи «примирительного» периода: утверждается «разумность» николаевского самодержавия, «объективный» Гете оценивается выше «субъективного» Шиллера, образ Чацкого трактуется как бы в виде антипода Гамлета, т. е. как характер, не примиряющийся с жизнью: «Это просто крикун, фразер, идеальный шут <...>. Это новый Дон Кихот, мальчик на палочке верхом, который воображает, что сидит на лошади» (Т. III.—С. 481). Чацкого следовало бы, считает Б., сделать комическим персонажем, теперь же «Горе от ума» — несостоявшееся произведение, не имеющее целостной идеи; ему противопоставлен гоголевский «Ревизор» как высокохудожественная пьеса с целостной, «замкнутой в себе» идеей.

«Замкнутость» наряду с методологическими достоинствами (умение диалектически анализировать целое и части произведения) имела и оборотную сторону: Б. стал проповедовать крайние формы такой обособленности; «замкнутость» вела к противопоставлению произведения внешнему миру, к утверждению независимости художника от социально-политических условий времени, к защите «чистого искусства». Но постепенно Б. проникался гегелевским историзмом, а он всегда размыкал обособленность. Умение анализировать взаимосвязи элементов внутри произве-

дения помогло перейти к исследованию внешних взаимоотношений искусства с жизнью.

С интервалом в несколько месяцев в 1840 г. вышли в свет сначала роман Лермонтова «Герой нашего времени», а затем его «Стихотворения». С таким же интервалом Б. в середине 1840 г. и в начале 1841 г. опубликовал две статьи-рецензии, в которых последовательно проанализировал произведения поэта. При этом полугодовой перерыв между статьями демонстрирует изменение во взглядах критика, постепенное разрушение прежних установок и переход на революционно-демократические позиции.

В статье «Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова...» Б. ближе стоит к «примирительному» периоду, точнее — к «объективному» гегельянству. Критик основной акцент делает на отображении жизни в литературе: «Мы должны требовать от искусства, чтобы оно показывало нам действительность, как она есть» (Т. IV.— С. 237). Разумеется, лермонтовский роман получает с этой точки зрения высокую оценку. Б. подчеркивает также *типичность* всех основных персонажей романа, понимая под ней и художественную обобщенность, и сплав природного и общественного начал: «Искусство поэта должно состоять в том, чтобы развить на деле задачу: как данный природою характер должен образоваться при обстоятельствах, в которые поставит его судьба» (Т. IV.— С. 205). В последнем случае критик сознательно выдвигает на первый план историзм: «Судя о человеке, должно брать в рассмотрение обстоятельства его развития и сферу жизни, в которую он поставлен судьбою» (Т. IV.— С. 263). Историзм здесь двойкий: утверждается историзм Лермонтова, историзм в романе и историзм критического анализа, историзм истолкования Печорина.

С несколько даже «фатальным» историзмом Б. стремится объяснить обусловленность «отрицательных» свойств Печорина обстоятельствами времени и среды, воспитавшей его характер. Следует еще учесть, что Б. вообще очень любил сильные и глубокие натуры как в искусстве, так и в жизни. Потому-то так и поэтизирует, и оправдывает критик Печорина. Можно смело сказать, что во всей мировой литературе Б. больше всего любил шекспировского Гамлета и лермонтовского Печорина.

А некоторая фатальность исторической обусловленности характера, напоминающая фатальность примирения с действительностью, преодолевается теперь анализом *движения* образа и обращенностью в будущее. Это тоже важный методологический аспект историзма, ибо критик не ограничивается прошлым и настоящим, а продолжает историю в будущее время. Устремленность в будущее, вера в будущее — вообще свойство всех радикальных деятелей, это один из главнейших признаков революционно-демократической идеологии.

Б., с одной стороны, противопоставляет Печорина с его предшественником — Онегиным, подчеркивая, что каждый из них характеризует свою эпоху и что Печорин — это «Онегин нашего времени» (Т. IV.— С. 265), а с другой — завершает статью *прогнозированием*, предположением, какова будет судьба Печорина, если писатель выполнит обещание продолжить рассказ о своем герое. Б. считает, что это будет «совершенно новый» Печорин, который или истратит свои силы в борьбе, ожесточится, или станет «причастником радостей жизни», но в любом случае «искупление будет совершено» благодаря женщине. Увы — убийство Лермонтова лишило возможности проверить истинность предугаданий критика... Прогнозирование будущей судьбы художественных персонажей займет теперь свое место почти во всех статьях Б.

А в статье «Стихотворения М. Лермонтова» критик акцентировал — в свете более радикальных воззрений — личностное, субъективное начало. Действительность и здесь утверждается как первооснова, но она прекрасна лишь в своей глубинной сущности, художник должен отобрать в ней то, что составляет эту сердцевину, ядро, сущность. Художник творит, преобразует жизнь в свете своего идеала, и эта активная роль субъекта, корректирующего объективную данность, впервые после долгого перерыва положительно характеризуется критиком.

Б. подробно и хвалебно отзывается о *рефлектирующей* поэзии, т. е. о поэзии размышления, о поэзии субъективной. Впервые субъективность в искусстве оказывается равноправной с объективностью или даже *выше* ее: «...в наше время отсутствие в поэте внутреннего (субъективного) элемента есть недостаток. В самом Гете не без основания порицают отсутствие исторических и общественных элементов, спокойное довольство действительностью, как она есть. Это и было причиной, почему менее гетевской *художественная*, но более *человечественная, гуманная* поэзия Шиллера нашла себе больше отзыва в человечестве, чем поэзия Гете» (Т. IV.— С. 520). Получается, что субъективность тождественна гуманизму: «В таланте великом избыток внутреннего, субъективного элемента есть признак гуманности» (Т. IV.— С. 521).

Все эти теоретические рассуждения подготавливают высокую оценку поэзии Лермонтова. Субъективность его не противопоставляется жизни и исторической обусловленности, наоборот, Б. всячески подчеркивает, что Лермонтов — поэт современный, отражающий свою эпоху, размышляющий о ней. И его высокая субъективность, гуманность перерастают у Б. в понятие народности: «По этому признаку (субъективности.— Б. Е.) мы узнаем в нем поэта русского, *народного* в высшем и благороднейшем значении этого слова,— поэта, в котором выразился исторический момент русского общества» (Т. IV.—

С. 521). На заре своей критической деятельности Б. сопрягал народность с истинностью, с жизненностью, теперь в это понятие включается мировоззренческое начало — субъективность, гуманность.

В статье о стихотворениях Лермонтова Б. не отказался от историзма анализа, важного методологического приобретения гегельянского периода, критик подробно объясняет, напр., что горькие упреки лирического героя по адресу современной неприглядной действительности тоже исторически, современно истолковываются. А заканчивает статью Б. уверенным прогнозом о всеобщей популярности поэзии Лермонтова, законного наследника Пушкина, народного, общенационального поэта.

Социальные контрасты столичной жизни, с которыми воочию столкнулся Б., знакомство с западноевропейской радикальной литературой (в 1842 г. Боткин будет излагать Б. книгу Л. Фейербаха «Сущность христианства», а сам Б. читал французских социалистических утопистов и демократов: Пьера Леру, Жорж Санд, П.-Ж. Прудона) способствовали окончательному разрушению «примирительных» иллюзий и переходу Б. к революционному демократизму: «Проклинаю мое гнусное стремление к примирению с гнусною действительностью! Да здравствует великий Шиллер» (Т. XI.— С. 556; письмо к Боткину от 4 окт. 1840 г.); «Во мне развилась какая-то дикая, бешеная, фанатическая любовь к свободе и независимости человеческой личности <...>. Я понял и французскую революцию <...>. Понял и кровавую любовь Марата к свободе <...>. Гегель мечтал о конституционной монархии, как идеале государства, — какое узыское понятие! Нет, не должно быть монархов <...>. Люди должны быть братья» (Т. XII.— С. 51—52; ему же от 28 июня 1841 г.); «Итак, я теперь в новой крайности, — это идея *социализма*» (Т. XII.— С. 66; ему же от 8 сент. 1841 г.).

Но Б. не отверг гегелевского историзма; он помогал критику сдерживать крайности, крен в сторону субъективного, личностного начала. В рецензии на «Руководство к всеобщей истории» Ф. Лоренца (1842) Б. декларирует принципы исторического развития: настоящее есть результат прошедшего, на основании которого должно осуществиться и их будущее. *Прогресс и движение* сделались теперь словами ежедневными» (Т. VI.— С. 92).

Б. возвращается к жанру обозрений и проблемных работ. Начиная со статьи «Русская литература в 1840 году» (1841) он ежегодно помещает в «Отечественных записках» годовые обзоры, где сочетает исторический обзор русской литературы с теоретическими положениями. В свете нового мировоззрения Б. в начале 1841 г. задумал создать «Теоретический и критический курс русской литературы, куда предполагал включить эстетику, теорию стихосложения,

теорию словесности и др. разделы. Однако успел он подготовить лишь две статьи. Одна, оставшаяся в рукописи без названия, — об идее искусства, развивала принципы гегелевской эстетики: искусство — «мышление в образах» (Т. IV.— С. 585), содержание слито с формой; развитие прогрессивно: «...каждый последующий момент есть выше предшествовавшего» (Т. IV.— С. 588).

Другая статья — «Разделение поэзии на роды и виды» — была опубликована в «Отечественных записках» (1841). Здесь Б. тоже следует за Гегелем в определении трех родов (эпос, лирика, драма), в понимании драмы как синтеза объективной (эпос) и субъективной (лирика) поэзии и как «венца искусства» (Т. V.— С. 10), но Б., в отличие от Гегеля, подчеркивает взаимопроникновение родов, специально выделяя роль субъективного, лирического начала, поэтому для Б. ценны драматические элементы в других родах («Тарас Бульба», «Полтава») и особенно — лирические (к лирическим поэмам Б. относит, напр., «Евгения Онегина», к лирическим драмам — пьесы Шиллера, «Манфред» Байрона, «Фауст» Гете). Недостатком романов В. Скотта и Ф. Купера Б. считает «преобладание эпического элемента и отсутствие внутреннего, субъективного начала» (Т. V.— С. 25), зато, отрицая свою прежнюю оценку, Б. говорит о «Горе от ума» как о «благороднейшем создании гениального человека» (Т. V.— С. 61). В отличие от Гегеля Б. фактически не драму, а вид эпоса, роман, делает «венцом» искусства: «Эпопея нашего времени есть *роман*» (Т. V.— С. 39); отмечает Б. и повесть как вид, «тот же роман, только в меньшем объеме» (Т. V.— С. 42), приводя в пример Гоголя.

Несколько позже, в большой статье-рецензии «Речь о критике... А. Никитенко...» (1842) Б. сформулировал теоретические основы своего критического метода: «Нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать на основании личного произвола <...>, суд предлежит разуму, а не лицам, и лица должны судить во имя общечеловеческого разума» (Т. VI.— С. 270); «Наш век <...> решительно отрицает искусство для искусства, красоту для красоты» (Т. VI.— С. 277); «...определение степени эстетического достоинства произведения должно быть первым делом критики», но необходимо слияние «эстетической» критики с «исторической» (Т. VI.— С. 284).

К 1842 г. Б. отказался от замысла большой теоретической части своей книги и озаглавил ее теперь «Критическая история русской литературы» (Т. V.— С. 648), которая должна была включать теоретическое введение, а затем главы в хронологической последовательности. Раздел о фольклоре уже был опубликован в журнале (1841) в виде большого цикла из четырех статей «Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым...». Отражая уровень тогдашней науки и философии (Гегель), Б. счита-

ет фольклор принадлежностью ранней, «младенческой» эпохи народной жизни, поэтому стадильно фольклор оказывался «доисторическим», «до-сознательным», следовательно — ограниченным. В свете начинающейся полемики со славянофилами отрицательные оценки русского фольклора еще более усиливаются. Наиболее положительно Б. характеризует новгородские былины, отразившие относительно вольную жизнь торгового города. Недооценивал Б. и древнерусскую литературу, также отражая состояние тогдашней филологии и текстологии. Следующие главы должны были быть посвящены XVIII в., но их Б. не удалось создать, хотя к замыслу книги он возвращался и позднее. А разделы о XIX в. больше всего привлекали его внимание.

По выходе в свет первого тома «Мертвых душ» Гоголя (1842) Б. опубликовал четыре небольшие статьи. Три из них — антикритика, полемические отклики на отзывы в печати о гоголевской поэме. После смерти Пушкина и Лермонтова Б. считал Гоголя самым великим русским писателем: «Вы у нас теперь *один* — и мое нравственное существование, моя любовь к творчеству тесно связана с Вашей судьбою» (Т. XII. — С. 109; письмо к Гоголю от 20 апр. 1842 г.). Гоголь ценил внимание и суждения Б., был благодарен ему за помощь в опубликовании «Мертвых душ» в Петербурге, но критик всегда оставался ему чужд из-за крайностей взглядов, из-за «западнической» ориентации. О Гоголе Б. предполагал создать целый цикл статей, куда вошел бы и подробный разбор «Мертвых душ». Но этот замысел остался неосуществленным.

В небольших статьях о «Мертвых душах» Б. развивает идеи, высказанные в лермонтовском цикле, особенно в статье о «Стихотворениях» поэта. С одной стороны, критик усматривает в поэме Гоголя «пафос действительности, как она есть», а с другой — утверждает «пафос субъективности» писателя, которая не искажает и не ограничивает «объективную действительность», а лишь «обнаруживает человека с горячим сердцем, симпатичною душою и духовно-личною самостию» (Т. VI. — С. 217—219). С точки зрения субъективности Б. оценивает Гоголя даже выше Пушкина: «...мы в Гоголе видим более важное значение для русского общества, чем в Пушкине: ибо Гоголь более поэт социальный, следовательно, более поэт в духе времени; он также менее терпящий в разнообразии создаваемых им объектов и более дает чувствовать присутствие своего субъективного духа, который должен быть солнцем, освещающим создание поэта нашего времени» (Т. VI. — С. 259). Тем самым критик как бы призывает писателей, изучая действительность «как есть», отображать ее в своих произведениях в свете «субъективности», идейности, «социального» (т. е. общественного) мировоззрения. Поэтому Б. резко

полемицировал со славянофилом К. Аксаковым, утверждавшим «гомеровское», эпическое начало в «Мертвых душах»; для Б. же главное в поэме Гоголя — злободневное, глубоко юмористическое.

Несмотря на природную застенчивость, Б. был очень общителен. Подобно московским обширным знакомствам (кроме указанных выше, он был близок с М. С. Шепкиным, П. С. Мочаловым, Т. Н. Грановским, П. Н. Кудрявцевым, Н. А. и К. А. Полевыми, Н. Х. Кетчером, А. Д. Галаховым, К. Д. Кавелиным, художником К. А. Горбуновым), он уже в первые месяцы петербургской жизни знакомится с кн. В. Ф. Одоевским, В. А. Жуковским, И. А. Крыловым. Встречался Б. также с П. А. Плетневым, В. И. Далем, гр. В. А. Соллогубом, В. Н. Майковым, В. А. Каратыгиным, М. И. Глинкой, К. П. Брюлловым, Т. Г. Шевченко. В первой половине 40 гг. вокруг Б. группируется творческий актив «Отечественных записок», многие новые члены его наряду с прежними (Герцен, Н. П. Огарев, Боткин, Панаев) становятся его друзьями: П. В. Анненков (знакомство с Б. — 1840 г.), Н. А. Некрасов (1843), И. С. Тургенев (1843). Затем Б. знакомится с Д. В. Григоровичем (1844), Ф. М. Достоевским (1845), И. А. Гончаровым (1846), А. В. Дружининым (1847). Б. радовался каждому молодому таланту, помогал писателям и критикам советами, старался поддержать новичка сочувственными отзывами в печати.

Б. долго не удавалось устроить семейную жизнь. В 1835 г. в Москве Б. познакомился с классной дамой Александровского института Марией Васильевной Орловой (1812—1890); знакомство возобновилось в 1842 г., а в 1843 г. Б. женился на ней. Брак, несмотря на духовную близость, был мало удачен (жене, расчетливой, жесткой, был чужд непрактичный, «артистический» характер Б.). У Б. было трое детей: Ольга (1845—1902, в замужестве Бензис), Владимир (1846—1847), Вера (1848—1849; родилась через полгода после смерти Б.).

Самое крупное произведение Б. 40 гг. и вообще самый большой его труд — цикл из 11 статей — «Сочинения Александра Пушкина» (1843—1846). Поводом был выход в свет первого посмертного собрания сочинений Пушкина, но цикл значительно перерос рамки обычной рецензий или даже портрета писателя. Он стал фундаментальной критической работой о движении русской литературы от Ломоносова до Пушкина, включая в себя теоретическую 5-ю статью, посвященную вопросам критики и проблеме пафоса, главного свойства писателя (у Пушкина, считал Б., — пафос художественности). Но основной объект анализа 4-й — 11-й статей цикла — творчество Пушкина, которое рассматривается как закономерная вершина вскогого развития русской литературы, русской поэзии (в этом плане особенно большое внимание уделено непосредственным предшественникам

Пушкина — В. А. Жуковскому и К. Н. Батюшкову) и анализируется в хронологической последовательности: от ранней лицейской лирики до повестей и статей 30 гг.

Центральными главами (статьями) пушкинского цикла являются 8-я и 9-я, посвященные роману «Евгений Онегин». Роман Пушкина (Б. называет его традиционно: «поэма»), подчеркивает критик, «имеет для нас, русских, огромное историческое и общественное значение», это — «энциклопедия русской жизни» (Т. VII.— С. 431, 503). Всячески акцентируя «верность действительности» в романе и типичность центральных героев для своей эпохи, Б. тем самым утверждал реализм «Евгения Онегина», хотя он еще не употреблял этого термина (критик говорил: «реальный», «жизнь действительная», «верность действительности» и т. п.). Понятие реализма как метода ввели в критику ученики Б. (П. Н. Кудрявцев, И. С. Тургенев, П. В. Анненков) в конце 40 гг.

При анализе образов Б. интенсивно выявляет типические, «общие» для времени и национально-социальной сферы черты и индивидуальные особенности персонажей. Евгений Онегин выделяется критиком из его «массового» окружения как «недожиданный человек», но по обстоятельствам Онегин оказывается «эгоистом поневоле» (Т. VII.— С. 457—458), т. е. скованным своим временем и местом; оказавшимся несвободным, подавшимся воздействию общественных условий, бесплодно прозябавшим из-за отсутствия в его обществе тех целей, которые требовали бы приложения «недожиданных» сил.

Зато юная Татьяна, как бы в противовес Онегину, получает у Б. высокую оценку как «колоссальное исключение» в пошлом мире, как «существо исключительное», как свежая, неиспорченная натура, со всей силой незаурядного характера рвущая путы традиций и предрассудков (Т. VII.— С. 480, 484), хотя критик не мог не отметить «книжного» воспитания Татьяны, ее романтической оторванности от реального мира. Но когда Б. переходит к последнему объяснению Татьяны с Онегиным, к ее «отказу», то он возмущенно взрывается, произносит большую тираду против Татьяны, вернее — против общества, против света, против пренебрежения чувством и заковывания любви цепями долга. Б. в духе революционно-демократической борьбы за укрепление женщины, за уравнивание ее в правах с мужчиной, за свободное проявление чувства (немалое воздействие в этом отношении оказала на него своими романами Жорж Санд) готов был и Пушкина упрекать в следовании «домостроевским» и «славянофильским» традициям, патриархальным представлениям о роли женщины.

А Татьяна теперь получает эпитет — «тип русской женщины», исключением же, примером свободного волеизъявления в области чувства,

противопоставленным Татьяне, будет образ Веры из дермонтовского «Героя нашего времени» (Т. VII.— С. 502). В свете «критики» Татьяны Б. в 9-й статье пушкинского цикла пересматривает и прежнюю оценку первой, деревенской встречи Онегина с Татьяной, запальчиво характеризует чувство юной Татьяны как «характеризуя нравственного эмбриона» (Т. VII.— С. 499).

Достоевский в своей известной речи о Пушкине (1880) деликатно, но решительно оспаривает эти представления Б. о Татьяне, ибо уверен, что не Татьяна, а Онегин — «нравственный эмбрион». Достоевский считает Татьяну самым положительным типом в русской литературе, считает, что она не вынужденно, а свободно «отказала» Онегину при их последнем свидании, не только по велению нравственного долга, но и потому, что видит «парадность» Онегина.

Б. в конкретных оценках допускал крайности и просчеты, но показательно, что от статьи к статье в пушкинском цикле возрастал удельный вес *этического* анализа. И если в 5-й статье критик главное внимание уделил пафосу художественности, то в 11-й он так подытожил значение творчества Пушкина: «К особым свойствам его поэзии принадлежит ее способность развивать в людях чувство изящного и чувство *гуманности*, разумея под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека как человека» (Т. VII.— С. 579).

К середине 40 гг. усилятся конфликты между Б. и Краевским. Б. очень раздражался как боязнь цензуры и своеволие редактора-издателя, так и буржуазная меркантильность, стремление поменьше платить сотрудникам. Б. отстаивал свои права, но редко побеждал, особенно деликатен и стыдлив он был в денежных расчетах. Позднее Б. признавался в письме к Боткину от 5 нояб. 1847 г.: «...подлецы потому и успевают в своих делах, что поступают с честными людьми, как с подлецами, а честные люди поступают с подлецами, как с честными людьми» (Т. XII.— С. 412).

В феврале 1846 г. Б. порывает с «Отечественными записками», а в апреле надолго уезжает из Петербурга. М. С. Щелкин, отправляющийся на гастроли, пригласил Б., и они за полгода объехали европейскую часть России по маршруту: Москва — Калуга — Воронеж — Курск — Харьков — Одесса — Николаев — Херсон — Симферополь — Севастополь — Воронеж — Москва. Б. надеялся поправить ухудшавшееся здоровье, но непрерывные поездки лишь расстроили его.

Вдохновленный успехом некрасовских альманахов «Физиология Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (1846), Б. намеревался издать свой большой альманах «Левинафан», но в связи с приобретением Н. А. Некрасовым и И. И. Панаевым бывшего пушкинского журнала «Современник», который стал выходить под их редакцией с 1847 г., и с приглашением Б. к сотрудничеству

он отказался от замысла альманаха и передал все материалы в «Современник». Б. становится идейным руководителем этого журнала и с 1847 г. помещает здесь все свои статьи.

На средства, собранные Боткиным, Б. летом 1847 г. смог лечиться за границей. В мае он выехал из Петербурга через Кронштадт и Штеттин в Берлин, где его ждал Тургенев. Вместе они отправились через Дрезден — Бреславль — Фрейбург на силезский курорт Зальцбрунн (ныне Щавно Здруй, Польша). Вскоре туда прибыл Анненков, сменивший Тургенева. Здесь в июле Б. писал свое знаменитое письмо к Гоголю, формально бывшее ответом на письмо Гоголя к Б., а фактически вылившееся в социально-политическую декларацию, в «завещание», как назвал его, по словам Анненкова, Герцен. Б. бранит Гоголя за реакционную книгу «Выбранные места из переписки с друзьями» и рисует «ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми <...>, страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей. Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение, по возможности, строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть» (Т. X. — С. 213).

Благодаря копии, оставленной Б. для себя и друзей, письмо получило широчайшее распространение, размноженное в сотнях рукописных экземпляров. Письмо было на многие десятилетия строжайше запрещено в России. За публичное чтение письма в кружке петрашевцев Ф. М. Достоевский был приговорен царским судом к расстрелу, замененному каторгой.

В печатных статьях Б. редко удавалось в полной мере реализовать свой публицистический и художнический талант; некоторой компенсацией был эпистолярный жанр. В непомерно громадных, на много десятков страниц, письмах к Бакунину и Боткину Б. явился замечательным аналитиком мировоззрения и психологических глубин (своих и друзей). Переписка в кругу Станкевича — предвестие русского социально-психологического романа, а в письме к Гоголю наиболее полно воплощено публицистическое мастерство Б.

В июле 1847 г. Б. с Анненковым выехал из Зальцбрунна по маршруту: Дрезден — Эйзенах — Франкфурт-на-Майне — Майнц — Кельн — Брюссель — Париж. Здесь Б. лечился и встречался с друзьями (Герценом, Бакуниным, Тургеневым, Анненковым). Главная тема бесед — роль буржуазии; Б., видя прогрессивность капиталистического строя в сравнении с феодально-крепостническим, считал среднюю и мелкую буржуазию исторически полезной. В сентябре Б. вернулся в Петербург через

Брюссель — Кельн — Брауншвейг — Берлин — Штеттин — Кронштадт. Заграничное лечение мало помогло ему.

В «Современнике» опубликованы две крупные и программные статьи Б.: «Взгляд на русскую литературу 1846 года» и «Взгляд на русскую литературу 1847 года», продолжившие традиционные годовые обзоры. В этих статьях критик становится глашатаем нового литературного течения — «натуральной школы». Представители этой школы Тургенев, Герцен, Гончаров, Д. В. Григорович, Некрасов, Достоевский и др., ученики Пушкина и особенно Гоголя, стали тщательно изображать быт и характеры «маленьких» людей (городские низы, крестьяне) с явной симпатией к их обездоленному положению, а также трудную судьбу интеллигента в условиях николаевской России. Б. и посвятил свои обзорные статьи анализу произведений «натуральной школы». В этих статьях он достиг вершин реалистического, исторического метода.

В первой половине 40 гг. Б. главное внимание уделял субъективному, личному началу в литературе и все более интересовался положением народа в реальной жизни, теперь же он переносит акцент на изображение народа в литературе (хвалебные отзывы о повестях и рассказах Тургенева и Григоровича) и размышляет о реальных личностях, которые возглавляют бы национальное движение за свободу — свободу и личностей, и народа в целом.

Б. углубляет социалистические и демократические принципы, основывая их на «действительности», отказывается от романтических иллюзий, критикует утопических социалистов за беспочвенность. В обзоре за 1846 г. резко полемизирует с В. Н. Майковым, обвиняет его в абстрактном космополитизме, в пренебрежении национальной спецификой и современностью. С другой стороны, он критиковал славянофилов. Он спорил с ними еще в начале и середине 40 гг. (полемика с К. Аксаковым по поводу «Мертвых душ», отрицательные отзывы о стихотворениях Н. М. Языкова и А. С. Хомякова в обзоре «Русская литература в 1844 году», памфлет на «Ивана Васильевича», литературного персонажа, с намеком на И. В. Киреевского, в рецензии на повесть гр. В. А. Соллогуба «Тарантас», 1845). В «Современнике» Б. продолжал полемику (статья «Ответ Москвитянину», 1847), характеризуя славянофилов как утопических мечтателей, оторванных от жизни.

Историзм мышления и пафос «жизни действительной» вовсе не уничтожают в статьях Б. мечту и идеалы, но они становятся более реальными и определенными. Конечно, Б. многое было еще не ясно в историческом и литературном пути России, но поразительно не просчеты критика, а его гениальная прозорливость: ведь в его письме к Гоголю действительно намечены самые насущные, самые злободневные социально-

политические вопросы, стоявшие перед страной. Удивительно и литературное чутье Б. Не говоря уж об общей уверенности критика в магистральном развитии литературы — в развитии «натуральной школы», можно отметить его интересные индивидуальные прогнозы.

В статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года» Б. подробно остановился на двух романах, имевших особенный успех у публики: «Кто виноват?» А. И. Герцена и «Обыкновенная история» И. А. Гончарова. Определяя художественный метод Герцена-романиста как одушевление мыслью («Для них важен не предмет, а смысл предмета». — Т. X. — С. 319), Б. предсказал интеллектуализм, идеологичность некоторых русских романов последующих десятилетий. А в оценке «Обыкновенной истории» критик как бы предвидел дальнейший путь Гончарова. Недовольный эпилогом романа, буржуазным преобразованием романтика Александра Адуева, Б. предлагал другие варианты развязки, в том числе и следующий: «...такие романтики никогда не делают положительными людьми. Автор имел бы скорее право заставить своего героя заглохнуть в деревенской дичи, апатии и лени, нежели заставить его выгодно служить в Петербурге и жениться на большом приданом» (Т. X. — С. 342—343). Да ведь здесь подсказан Гончарову сюжет его будущего романа «Обломов»!

Б. предвидел также широкое развитие в русской литературе темы народа: критик с большим интересом анализирует новаторские повести и рассказы о крестьянском быте, особенно тургеневские «Записки охотника»: в очерке «Хорь и Калиныч», пишет Б., «автор зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто еще не заходил» (Т. X. — С. 346). Критик имел в виду не только глубоко правдивое изображение различных сторон народной жизни, но и авторское «участие», симпатию к народу, умение «заставить читателя полюбить» крестьянских героев.

Б. ушел из жизни, как и Пушкин, в возрасте 37 лет, в полном расцвете творческих сил (он умер от туберкулеза). И как Пушкин, он был — в критике — универсальным гением. Утверждение реалистического метода, обновление всех критических жанров, глубокий анализ целой галереи произведений и образов, сочетание художественного чувства с социально-политической идейностью, эстетического анализа с этическим, теории с историей литературы — таковы заслуги Б. в истории русской критики. Воздействие его на русскую критику последующих десятилетий, особенно на демократов-«шестидесятников», воистину всеобъемлюще. Но эпоха Б. оказалась еще более сложной и драматичной, чем время Пушкина, да и страстная, увлекательная натура Б. совсем не похожа на гармоничную сущность личности Пушкина, поэтому и его наследие оказалось более противоречивым, напряженным, мятущимся.

Соч.: Поли, собр. соч.: В 13 т. / Под ред. Н. Ф. Бельчикова и др.— М., 1953—1959; Собр. соч.: В 9 т. / Редкол.: Н. К. Гей и др.— М., 1976—1982.

Лит.: Чернышевский Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. Статьи 1—9 // Современник.— 1855.— № 12; 1856.— № 12; Пыпин А. Н. Белинский, его жизнь и переписка.— 2-е изд.— Спб., 1908; Лебедев-Полянский П. И. В. Г. Белинский. Литературно-критическая деятельность.— М.; Л., 1945; Поляков М. Я. Белинский в Москве. 1829—1839.— М., 1948; Литературное наследство. В. Г. Белинский.— М., 1948—1951.— Т. 55—57; Белинский — историк и теоретик литературы. Сб. ст.— М., 1949; Нечаева В. С. В. Г. Белинский. Начало жизненного пути и литературной деятельности (1811—1830).— М., 1949; В. Г. Белинский. Учение в университете и работа в «Телескопе» и «Молве» (1829—1836).— М., 1954; В. Г. Белинский. Жизнь и творчество (1830—1841).— М., 1961; В. Г. Белинский. Жизнь и творчество (1842—1848).— М., 1967; Мордовченко Н. И. Белинский и русская литература его времени.— М.; Л., 1950; Бурсов Б. И. Вопросы реализма в эстетике революционных демократов.— М., 1953; В. Г. Белинский в портретах, иллюстрациях, документах. Пособие для учителей средней школы.— 2-е изд., перераб. и доп. / Сост. А. М. Гордин.— Л., 1958; Оксман Ю. Г. Летопись жизни и творчества В. Г. Белинского.— М., 1958; Лаврецкий А. Эстетика Белинского.— М., 1959; Кулешов В. И. «Отечественные записки» и литература 40-х годов XIX века.— М., 1959; Поляков М. Я. Виссарион Белинский.— М., 1960; Гуляев Н. А. В. Г. Белинский и зарубежная эстетика его времени.— Казань, 1961; Манн Ю. В. Поэзия критической мысли // Новый мир.— 1961.— № 5.— С. 230—245; Белинский и современность.— М., 1964; Райхин Д. Я. Белинский в школе.— 4-е изд.— М., 1964; Лаврецкий А. Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм.— 2-е изд.— М., 1968; Поляков М. Я. Поэзия критической мысли.— М., 1968; Кийко Е. И. В. Г. Белинский: Очерки литературно-критической деятельности.— М., 1972; Брезина Б. Г. Белинский и вопросы истории русской журналистики.— Л., 1973; Кирпотин В. Я. Достоевский и Белинский.— 2-е изд.— М., 1976; В. Г. Белинский в воспоминаниях современников.— 2-е изд.— М., 1977; Прохоров Е. П. В. Г. Белинский.— М., 1978; Соболев П. В. Эстетика Белинского.— М., 1978; Мануйлов В. А., Семенова Г. П. Белинский в Петербурге.— Л., 1979; Шагинян Р. П. Белинский — основоположник русской классической критики.— Самарканд, 1981; Егоров Б. Ф. Литературно-критическая деятельность В. Г. Белинского: Пособие для учителя.— М., 1982; Макашев П. Ф. Наш Белинский.— 3-е изд., доп.— Саратов, 1986; Соловьев Г. А. Эстетические идеи молодого Белинского.— М., 1986.

Б. Ф. Егоров

БЕЛЫЙ, Андрей, настоящее имя *Бугаев Борис Николаевич* [14. (26) X. 1880, Москва — 8. I. 1934, там же] — поэт, прозаик. Теоретик символизма. Б. вырос в семье известного математика, профессора Московского университета Н. В. Бугаева. Под влиянием отца Б. поступил на естественное отделение физико-математического факультета университета, окончил его; уважение к точным наукам и своего рода чувство гордости за сопричастность им он пронес через всю жизнь. Это сказалося и в его колоссальной эрудиции, дававшей ему возможность свободно чувствовать себя в спорах и дискуссиях на самые разные темы, и в его критических и теоретических работах, когда для доказательства того или иного положения привлекались материалы из истории, естествознания, политэкономии, математики. В гимназические годы обнаружили и гуманитарные склонности Б., особенно его привлекали литература и философия: русские классики, среди которых он особенно выделял Н. В. Гоголя и Ф. М. Досто-

евского, Шопенгауэр, Кант, Спенсер, Нише. «С благодарностью вспоминаю и другого (кроме Л. И. Поливанова, словесника, директора гимназии.— А. А.) учителя моего, священника Н. П. Добронравова, укрепившего во мне серьезное отношение к вопросам религиозным», — пишет Б. позже. Так обозначается основа мироощущения Б. и важнейший принцип его искусства. Представление о религиозном назначении творчества и конечной цели его как преображения духовной жизни общества предопределили сближение молодого Б. с «младшими символистами». Вместе со своим гимназическим товарищем С. Соловьевым, племянником философа и поэта Вл. Соловьева, Б. организовал кружок московских «аргонавтов». В семье Соловьевых, состоявших в родстве с Блоками, познакомился Б. со стихами юного Блока («... Которого по воле рока / Послал мне жизни бурелом; / Так имя Александра Блока / Произносилось за столом» — «Первое свидание», 1921). Так впервые соприкоснулись жизненные пути поэтов, взаимоотношения которых потом далеко переросли рамки их биографий, став одним из интересных явлений русской литературы нач. XX в. В ранний период творчества оба пережили сильнейшее увлечение идеями Вл. Соловьева. Но если Блок черпал их в поэтическом творчестве Соловьева, заимствовав у него центральный образ лирики Девы Радужных Ворот, Софии Премудрой, ставшей у него *Прекрасной Дамой*, то Б. ориентировался непосредственно на идею Нового Пришествия, Нового Мессии, ставшую главной темой его первого поэтического сборника «Золото в лазури» (1904) и порожденного ею безоговорочного требования религиозного служения искусству. Активно выступал как теоретик и пропагандист нового искусства. Первым из такого рода выступлений была публикация в 1902 г. в журнале «Новый путь» письма за подписью *Студента-Естественника*, в котором Б. изложил свои взгляды по поводу появившегося незадолго до этого исследования Д. Мережковского о Л. Толстом и Ф. Достоевском, защищая религиозный смысл искусства как первоопределяющей его ценности.

Наиболее последовательно мысль о религиозной основе творчества была развита Б. в статье «О теургии» (Новый путь. — 1903. — № 9), которая имеет решающее значение для понимания его творчества на начальном этапе. Теософия — богопознание, духовидение как составная часть кабалистики — учения, возникшего на стыке ранней (II—III вв. н. э.) еврейской религиозной мысли и вавилоно-персидской магии, — в европейском общественном сознании появилась еще во времена Шеллинга, впервые заговорившего о равноправии в ней мистического и рационального элементов в богопознании. Эту идею подхватил Вл. Соловьев, провозгласивший теософию «цельным знанием», в котором синтезируются рациональное, эмпирическое и мистическое. Теур-

гия — умение входить в связь с высшими силами, своего рода практическое применение теософии. Ученики Вл. Соловьева символисты поставили ее практической целью искусства. Именно такое назначение искусства и отстаивает Б. Позже в статье «Апокалипсис в русской поэзии», вошедшей в его книгу «Луг зеленый» (1910), он сформулировал эту мысль предельно обнаженно, подчеркивая, что за прошедшие годы его позиция никак не изменилась: «Искусство <...> кратчайший путь к религии; здесь человечество, познавшее свою сущность, объединяется единством Вечной Жены: творчество, проведенное до конца, непосредственно переходит в религиозное творчество — теургию» (С. 230).

Еще один важнейший тезис, разрабатывавшийся Б. — теоретиком искусства на протяжении многих лет, — утверждение музыки как господствующего вида искусства, необходимости подчинения ей всех других его видов. Впервые Б. затронул эту проблему в статье «Формы искусства» (Мир искусства. — 1902. — № 12; позже включена автором в книгу статей «Символизм», 1910).

Еще А. Шопенгауэр развил теорию музыки как лучшего средства выражения алогической, иррациональной сущности мира. В этом смысле музыка противопоставлялась им всем другим видам искусства, ибо все они в конечном счете оперируют образами, сопоставимыми с реальной действительностью. Преимущество музыки, по Шопенгауэру, состоит в том, что язык ее безобразен, она выражает не форму явлений, а самую суть их, музыка независима от предметного мира.

Другой, не менее важный источник «музыкальной теории» искусства Б. — мысль Нише о том, что природа искусства двойственна; все пластические искусства подчинены светлomu началу Аполлона, позитивно или негативно они утверждают культ красоты, которая вне форм существовать не может; но все реальное, существующее в определенных формах, — лишь временное выражение вечной истины, подчиненной началу, противоположному красоте, это идеальное начало — Дионис, мрачный и суровый бог над всеми богами; непосредственное выражение его духа — музыка; в трагическом единстве этих двух начал и рождается искусство.

Нише «возвратил миру Диониса», как любили повторять символисты. Идеи Нише и получили дальнейшее развитие в теоретических работах символистов и прежде всего — Б. В основе теории искусства Б. — положение Шопенгауэра о музыке как искусстве, отражающем мир ноуменальный. В отсутствии образов в музыке, имеющей дело лишь с мотивами — аналогами настроения, заключается, по мысли Б., ее господство и преимущество перед другими видами искусства. «Музыка побеждает звездные пространства и отчасти время. Творческая энергия поэта останавливается перед выбором образов для воплощения своих идей.

Творческая энергия композитора свободна от этого выбора. Отсюда захватывающее действие музыки. Вершины ее возносятся над вершинами поэзии» (Символизм.— С. 167).

Таким образом, в представлении Б., музыка — это искусство искусств», остальные виды его имеют значение только тогда, когда они приближаются к музыке. Эта идея получила отражение в художественной практике Б., прежде всего — в его «симфониях». «Симфонии» Б. — оригинальная, никем более не повторенная (в силу очевидной искусственности приема) попытка создания литературного произведения по музыкальным законам: с использованием рефрена, контрапункта, последовательного и перекрещивающегося чередования тем, размытости образов. Появление в творчестве Б. «симфонии» было подготовлено еще его первыми литературными опытами (не дошедшее до нас произведение, созданное за два года до написания первой «симфонии», разрабатывалось им как поэма в прозе и, видимо, не случайно впоследствии осознавалось поэтом как «предсимфония»).

Всего Б. написаны четыре «симфонии»: первая «Северная» (1901; опубл. в 1904 г.), вторая «Драматическая» (1901; опубл. в 1902 г.), третья «Возврат» (1901—1904; опубл. в 1905 г.), четвертая «Кубок метелей» (1902—1907, четыре редакции; опубл. в 1908 г.). В них воплотились важнейшие идеи символистского искусства, прежде всего идея двоемирия и соотносительности мира ноуменального и мира феноменального. Вера и интуиция как средство постижения запредельного (противостоящие малозначающему рациональному знанию) отличают героев Б. Таков Сергей Мусатов, главный герой второй «Драматической», золотобородый праведный мистик, душою стремящийся к Вечности и умеющий слушать ее зовы. Если мистицизм как путь богопознания признавался всеми символистами, то у Б. обозначается еще один, совсем оригинальный, способ проникновения в сокровенную суть бытия, видимо, навеянный его интересом к философии и личности Ницше в эти годы, — безумие. В статье «О теургии» Б. сравнивает процесс познания бога с восхождением на гору. В обоих случаях перед страждущим на определенной высоте возникает зона хаоса. «Весь ужас тех, кто впервые останавливается перед этой зоной, заключается в уверенности, что необъятно простирается этого хаоса. Многие не идут дальше, а между тем — это безумие, потому что и хаос — безумие, не фиктивное, а действительное безумие, лежащее на пути идущего. Остановиться перед хаосом — значит никогда не узнать, значит не видеть света».

Так обосновывается необходимость безумия. Таков в «Драматической» «философ темной ночи», в бреду в стенах «казенного дома» прозревающий вечность. Параллельно эта тема найдет свое воплощение в целом ряде стихотворений

сборника «Золото в лазури». Тесно связана с ней идея *возврата* (для Б. ницшеанская, на самом деле традиционно романтическая, встречающаяся напр., у Е. Баратынского), вечного бессмысленного повторения жизни неосвященных. В третьей «симфонии», так и называющейся «Возврат», некто Хандриков сумел разорвать бесконечную цепь и через безумие прийти к Богу, встречающему его словами: «Много раз ты уходил и приходил, ведомый орлом. Приходил и опять уходил. Много раз венчал тебя страданием — его жгучими огнями. И вот впервые возлагаю на тебя эти звезды серебра. Вот пришел, и не закатишься. Здравствуй, о мое беззакатное дитя».

Важна в «симфониях» и тема любви священной, преломленная, однако, в отличие от традиций мировой литературы, сквозь призму соловьевского идеала Вечной Женственности или Новой Богоматери. В «Драматической» это любовь Мусатова к синеглазой Сказке, в четвертой «симфонии» «Кубок метелей» эту тему воплощает дуэт Адама Петровича и Светлой; в последнем случае тема доведена до логического завершения: образ Светлой постепенно трансформируется в безбрежный, всеобнимающий образ Жены, апокалиптическое единоборство со змеем-драконом и вознесение с алтаря под звуки неземных мелодий — таков ее финал. И Адам Петрович, по ходу действия превращающийся в некоего странника-скуфейника, унаследовал от своего предшественника мистика Мусатова рыжую бородку и соломенные волосы. Его приближение к богу в финале, как и бросающаяся в глаза многозначительность его имени, вполне в духе символического содержания «симфонии».

Оценивая содержание «симфоний», неверно было бы отметить лишь их идеалистическую пафос и антиреалистическую заданность. Существен и элемент романтической иронии, возникающий в них. Поскольку ирония вообще свойственна символическому искусству и в дальнейшем станет для Б. важным средством в отрицании не принимаемых им духовных ценностей, то появление ее уже в «симфониях» — симптоматично, в ней проявление свойственного Б. чувства неудовлетворенности и залога его неустанных новых поисков. Ведь осмеиваются не только сборища лжемистиков, в словесном пустозвонстве профанирующих богопознание («Драматическая»), насмешкой не обошел автор и своих идеальных героев: рассуждения о квадном патриотизме Мусатова; а сын Сказки, который как бы должен стать новым богом, вдруг оказывается просто переодетой девочкой.

«Симфонии» почти единодушно были признаны неудачей Б. — слишком уж нарочита, неестественна была их форма, с ритмическим рисунком строк, с нумерацией «музыкальных» фраз, приведшая к запутанности, зашифрованности авторской мысли. Очевидность неудачи объясняется тем, что Б. переступил естественную грань, ко-

торая отделяет область обогащения одного вида искусства выразительными возможностями другого, и попытаться подменить специфику слова (литература) спецификой комплекса звуков (музыка). Но работа над «симфониями» не прошла для Б. бесследно: живописание словом, цветопись и, конечно, музыкальная выразительность текста — звуковая инструментовка и особенно его ритмическое строение — имели для поэта большие последствия, предвосхитив не только его собственные теоретические штудии в области ритмики русского стиха («Лирика и эксперимент», «Опыт характеристики русского четырехстопного ямба», «Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбичном диатезе», «Ритм как диалектика и «Медный всадник» и др.), но главным образом его усилия в разработке своеобразного стиля ритмической прозы, чем отличается «Петербург» и др. романы и что оказало заметное воздействие на русскую прозу 10—20 гг.

«Золото в лазури» (1904) — своеобразная поэтическая параллель темам «симфоний». Но решаются они уже во многом по-иному. В главных своих разделах («Золото в лазури», «Прежде и теперь», «Образы») сборник — книга преимущественно радостная, солнечная. «Солнечность» ее определяется прежде всего *аргонавтической* темой, стремлением автора зримо, эмоционально передать восторги героя, постигающего беззакатный мир вечности («Золотое руно», «Вечный зов», «Образ Вечности»). Отсюда наиболее характерной особенностью стиля сборника с точки зрения художественной является «цвет». Прежде всего *священные* цвета названия передают фата-моргану соловьевского идеала и чувства героя, готовящегося к долгожданной встрече. Отсвет этого идеала окрасил и весь мир многоцветьем красок. Это своеобразная монополия Б., ибо трудно в русской поэзии найти столь расцветные стихи, как в «Золоте в лазури». Солнце, в понимании автора, — символ светлого божественного начала в жизни. Небо — преддверие вечности, где облик ее почти не искажен. Это царство света, и световыми эпитетами характеризует поэт все находящееся в этом мире. Невозможность единым точным определением выразить ноуменальное священное свойство видимого он восполняет многообразным цветовым его выражением: «Пронизал голубую эмаль / огневующий пурпур снопами...», «... занавес красный / весь соткан из грез и огня», «... Воздушные ткани / атласистых рыжих кудрей», «Вино / мировое / пылает пожаром» и т. д. Как и в «симфониях», многое в стихах принесено в жертву подчеркнутой алогичности, непропаденности таинственных знаков высшего мира, но там, где поэт не стремится к нарочитой сложности, ему удается создать яркие запоминающиеся образы, сильные и выразительные в своей новизне и оригинальности: «Ее лицо, / волос омытое волною... Фатю траурной грачи / несутся — затемнили на-

ши лица» («Осень»), «Вдоль заката, / тоскливой мечтой / Догоревшие тучки легли» («На закате»).

Идея Б. добиться выразительности поэтической мысли музыкальными средствами нашла свое отражение в ритмике стихов. В полном объеме представлены в сборнике двухдольные и трехдольные (двусложные и трехсложные) размеры русской классической метрики — ямба, хорей, дактиль, амфибрахий, анапест. Но более характерны для сборника стихи, являющие собой отклонение от классических размеров. Здесь и равносложные удлинненные строки в духе силлабических стихов нач. XVIII в. (напр., «Битва»), и разнообразие свободного тонического стиха («Воспоминание», «Отставной военный», «Утро» и др.).

Уже последний раздел «Золота в лазури» («Багряница в терниях») отразил понимание Б. невозможности достижения цели «аргонавтов»; книгой совсем противоположных устремлений поэта стал его второй сборник стихов «Пепел».

События революции 1905—1907 гг., наступившая вслед за тем реакция заставили Б., как и др. символистов, отказаться от привычных представлений о роли поэта — певца любви, жреца и визионера, и обратиться к действительности. Хотя и встречаются в «Пепле» стихотворения, развивающие богоскательскую концепцию, зоркий художник, Б. не остался глухим и невнимательным к тому, что происходило вокруг него. Главное заключалось в том, что колоссальный сдвиг в общественном сознании, произведенный революцией, коснулся и его, он ясно почувствовал, что Россия — не спящий великан, а могучий живой организм. Напряженно ищет Б. ответы на вопросы, поставленные историей. Угадывая решающую роль народа в будущей судьбе страны, он стремится полнее узнать его настоящий облик, понять его думы и стремления. Он идет к народу. Это роднит его с Блоком. Но было в обращении двух выдающихся поэтов-символистов к теме родины и народа принципиальное отличие. Для Блока эта тема стала темой любви, надежды и в конечном счете спасения его героя в труднейшие годы господства «страшного мира». Не то у Б. Его «неонародничество» имело две важнейшие составляющие. Прежде всего религиозная тема. Она, как всегда, чрезвычайно важна для Б. Только теперь он ищет точки опоры не в общих доктринах вероучения, а в религиозной благодати народной жизни, так сказать, в практике религии, что отразилось в «Пепле» в темах полевого пророчества, полевого священнодействия («Тень», «Прогулка», «Пустыня», «Бегство», «В полях», «На буграх» и др.). Вполне определенную параллель этой теме составляют религиозно-нравственные искания Дарьяльского, героя тогда же создаваемой Б. повести «Серебряный голубь», который в жажде обретения истины покидает смрадный город и обращается к деревенской общине, к носителям тайного зна-

ния — хлыстовцам.¹⁴ Как и героя «Пепла», его подстерегает трагический финал — найти единения с природными людьми дитя современной большой цивилизации не может: Дарьяльский гибнет от руки религиозного фанатика.

Вместе с тем Б., конечно, понимал, что в революционных схватках главенствовал отнюдь не богомольный настрой народа; в нем пробуждается интерес к живым людям из низов, к их характерам и поступкам. «Арестанты», «Каторжник», «Работа», «Телеграфист», «В вагоне» диссонируют с «полевым священнодействием» сборника, вскрывая остросоциальные противоречия современной поэту России. Если для Блока любовь к родине была спасительной и, что бы ни случилось, он верил в нее («Не пропадешь, не сгинешь ты...» — «Россия»), то у Б. несоответствие между мечтой и действительностью породило болезненно одностороннее восприятие только мрачных сторон жизни России. Бескрайние просторы, казавшиеся священной обителью, представились ему вотчиной смерти и опустошения: «Те же возгласы ветер доносит, / Те же стаи насытых смертей / Над откосами косами косят, / Над откосами косят людей» («Родина»). Во вступлении к «Пеплу» Б. писал: «...картина растущих оврагов с бурьянами, деревеньками — живой символ разрушения и смерти патриархального быта. Эта смерть и это разрушение широкой волной поднимают села, усадьбы; а в городах вырастает бред капиталистической культуры». В этих словах — все особенности мировоззрения Б. в начале века: и сознание необратимости исторического процесса, и непонимание происходящего, страх перед наступлением капитализма, горечь от картины разрушения и смерти патриархального быта, и несбывшаяся мечта о каком-то ином, «хорошем» пути преобразования России. Хотя «Пепел» запечатлел продолжение начатых еще в произведении «Золото в лазури» мистических поисков высшего смысла жизни и религиозную концепцию искусства как жизнетворчества, он по сравнению с первым сборником обозначает существенный сдвиг «влево» в творчестве Б. под влиянием революционных событий эпохи. Художник в Б. часто побеждал предвзятые идеи и настроения мистика; стихотворения, составившие циклы «Деревня» и «Россия», довольно точно отразили облик пореволюционной страны. Становится понятным неожиданное на первый взгляд посвящение книги поэта-символиста памяти Н. А. Некрасова. Многие стихи ее действительно переключаются с некрасовскими песнями. Правда, Некрасов даже в тяжелейшую для русского народа пору крепостного права почувствовал и запечатлел его духовную мощь, неустрашимое жизнелюбие. Б. не уловил жизнеутверждающего начала некрасовской поэзии, как не почувствовал новой жажды борения народных масс под гнетом реакции, отчего преобладающие интонации сборника — ужас и отчаяние при виде мрачной действи-

тельности, боль и горечь личных обид и потерь — истинное испеление героя. Но это, безусловно, лучшее из поэтических созданий Б.

Почти одновременно с «Пеплом» вышедшая «Урна» (1909), третий поэтический сборник Б., — иная грань того же этапа творчества поэта. Она запечатлела попытку автора обрести точку опоры в научном знании, углубленное изучение философии, стремление гносеологически обосновать доктрины символизма, требование рационализма и формальной ясности в эстетике, подкрепляемые практическим изучением систем русского стихосложения, исследование произведений А. Пушкина, М. Лермонтова, Е. Баратынского, Ф. Тютчева и др. и отчетливую тенденцию подражания корифеям классической русской поэзии. Таково многообразное содержание «Урны». Если «Пепел» — книга сердца, книга чувств, то «Урна» — голос разума, философское осмысление прошлого, настоящего и будущего. Если важнейшая отличительная черта поэтического стиля «Пепла» — демократизация лексиксы в связи с обращением автора к изображению действительной жизни, вторжение в стихи Б. некрасовских мотивов и некрасовских героев — представителей социальных низов России, и даже в ритмике стихов Б. использует не просто классические размеры, а преимущественно трехсложные — амфибрахий и анапест, т. е. те, которые в литературоведении часто называют некрасовскими, то третий сборник Б., будучи «философским» по содержанию, в области формы своеобразно отразил результаты его кропотливой работы по исследованию классической русской поэзии, отчего «ритмические узоры» или «фигуры ритма», выводимые Б. из наблюдений над структурой русского классического ямба (в основе — соотношение ударных, полуударных и безударных слогов, отклонения в канонической схеме ямба), стали важнейшей стилистической характеристикой «Урны».

Позднейшие поэтические создания Б., как и его проза, которая с 10 г. начинает занимать ведущее место в его творчестве, отразили поворот в его духовных исканиях в сторону антропософии (сб. «Звезда», 1919 и 1922; «После разлуки», 1921; переработки ранних стихов). Это сказалось и в биографии писателя: в 1912 г. он вместе с женой, художницей А. Тургеневой, уезжает в Европу, где примыкает к «духовному учителю» Р. Штейнеру, сопровождая его в поездках по Старому Свету с чтением публичных лекций с изложением нового вероучения. Смысл его прост: чаяние нового Христа, перенесенное из области ближневосточной мистики (собственно теософия) на почву мистики новейшей (западная ветвь теософии — антропософия), сопровождаемое постоянным самоуглублением и «самовознесением» (через эфирное тело — астральное тело — жизненный дух) до уровня духа-человека, т. е. самообожествление под руководством посвященного

учителя. В марте 1914 г. Б. с А. Тургеневой поселяется в Дорнахе (Швейцария), где в числе других учеников Р. Штейнера из «общины братьев» участвует в строительстве Иоаннова храма. Там же его застала первая мировая война. Вернулся в Россию Б. только в 1916 г., порвав со Штейнером, но приверженность антропософии сохранил до конца.

Наиболее значительным из всего написанного Б. в прозе является роман «Петербург» (1912; вторая редакция — 1927). В центре повествования автора — Россия на переломном этапе своей истории, в октябре 1905 г., т. е. в разгар революционных событий. Старый мир представлен образом сенатора Аполлона Аполлоновича Аблеухова, прототипом которого послужил легко узнаваемый яркий реакционер обер-прокурор Синода Победоносцев. Смещение в сторону безоговорочного развенчания этого героя подчеркивается тем, что он предстает своеобразным шаржированным образом Каренина из романа Л. Толстого (пародийное повторение семейной драмы Карениных, при этом жену зовут Анна, а сына *Николенька*). Аблеухов-старший выступает силой охранительной в отношении существующего режима, его идейным и физическим противником обнаруживает себя сын Николай, хотя его ненависть к отцу мало напоминает революционную убежденность. В желании расправиться с сенатором он вступает в союз с представителями партии эсеров-террористов. Изображение конфликта вскрывает и собственно авторское отношение к революции как историческому катаклизму. Старый мир он отвергает, герой не заслужил у него и одного слова похвалы. Но и силы революции, какой она выплеснулась на петербургские улицы, изображаются с заметным оттенком кровавости (образ красного домино, мелькающий то тут, то там) и вдруг угадываемой *восточной опасности* (господство «татарского» звука «ы» в речах ораторов, выступающих на митинге). В том же свете предстают и образы революционеров. Неуловимый террорист Дудкин, направляющий поступки Аблеухова-сына, на поверку оказывается человеком, спрятавшимся в конспиративной изоляции не столько от царских преследователей, сколько от массы народа, в своей деятельности он уже давно разочаровался и тайно ото всех читает Священное писание. Еще резче лодан образ одного из руководителей партии Липпанченко, в действительности тайного агента царской охранки и провокатора (отклик на реальные события тех лет — разоблачение Евно Азефа, одного из лидеров партии эсеров). Разрешение конфликта тоже характерно для Б.: неудачный взрыв в доме Аблеуховых как символ непобедившей революции, сумасшествие Дудкина, Аблеухов-младший, откачываясь от насилия, обращается к белому домину (в творчестве Б. священные одежды христианства, воспетые им еще в первой «симфонии»

и к философским работам Григория Сковороды, украинского поэта и просветителя XVIII в., в некотором смысле предтечи толстовской идеи самосовершенствования и важной для антропософа Б. идеи самопознания.

Во второй редакции романа, создававшейся в 20 гг., некоторые идейные акценты существенно изменены. Так, работая в это время над диалогий «Москва» (Анти-Петербург!), Б. уловил изменение исторической обстановки: в 20 гг., ближе к их концу, ошущимся для России и мира стала угроза не Востока, а Запада, нарождающегося фашизма, что и нашло отражение в «Москве». Сказалось это и в переработке «Петербурга», мотивы «желтой опасности» и ее персонафикация в революционном движении значительно ослаблены автором.

Заметным явлением художественной практики Б. последнего этапа творчества стали его мемуары и путевые заметки («На рубеже двух столетий. Воспоминания», «Ветер с Кавказа», «Начало века. Мемуары», «Между двух революций. Воспоминания»), они не только воскрешали исторические реалии и свидетельства человека, стоявшего в гуще литературной жизни России начала века, но и дали заверченный образец нового стиля ритмической прозы Б. Они же показали, что много работавший в 20 гг. на поприще культурного строительства молодой Советской республики последний из представителей отряда символистов русской литературы сумел многое преодолеть в себе, всем сердцем приняв преобразенную революцией жизнь страны.

Соч.: Симфония (2-я, драматическая).— М., 1902; Золото в лазури.— М., 1904; Северная симфония (1-я, героическая).— М., 1904; Возврат. Третья симфония.— М., 1905; Кубок метелей. Четвертая симфония.— М., 1908; Пепел. Стихи.— Пб., 1909; Уриа. Стихотворения.— М., 1909; Христос воскрес.— Пб., 1918; Королева и рыцари. Сказки.— Пб., 1919; Звезда. Новые стихи.— М., 1919; Первое свидание. Пэзма.— Пб., 1921; После разлуки. Берлинский песенник.— Пб.; Берлин, 1922; Стихи о России.— Берлин, 1922; Стихотворения.— Берлин; Пг.; М., 1923; Стихотворения.— Л., 1940 (Библиотека поэта. Малая серия); Стихотворения.— М.; Л., 1966 (Библиотека поэта. Большая серия); Серебряный голубь // Весы.— 1909.— Апрель—декабрь; Петербург.— Ярославль, 1912, или М., 1979; Котик Летасл // Скифы 1918.— № 1—2; Записки чудака: В 2 т.— Берлин, 1922; Воспоминания о Блоке: В 4 т.— 1922—1923; Крещеный китаец.— М., 1928; Москва (Московский чужак. Москва под ударом).— М., 1926; Ветер с Кавказа.— М., 1928; На рубеже двух столетий. Воспоминания.— М.; Л., 1930; Маски.— М., 1932; Начало века. Мемуары.— М.; Л., 1933; Между двух революций. Воспоминания.— Л., 1934; Письма к Блоку // А. Блок и А. Белый. Переписка.— М., 1940; Символизм. Книга статей.— М., 1910; Луг зеленый. Книга статей.— М., 1910; Арабески. Книга статей.— М., 1911; Трагедия творчества. Достоевский и Толстой.— М., 1911; Жезл Аарона // Скифы, 1918.— № 2; Глоссолия.— Берлин, 1922; Позвни слова. Пушкин. Тютчев. Баратынский. Вяч. Иванов. Блок.— Пг., 1922; Ритм как диалектика и «Медный всадник». Исследование.— М., 1929; Мастерство Гоголя.— М.; Л., 1934.

Лит.: Пяст В. Андрей Белый // Книга о русских поэтах последнего десятилетия / Под ред. М. Гобмана.— М., 1909; Эллс Л. Андрей Белый // Эллс Л. Русские символисты.— М., 1910; Коган П. Андрей Белый // Коган П. Очерки по истории новейшей русской литературы.— М., 1911.— Т. 3.— Вып. 3; Брюсов В. Я. Андрей Белый // Брюсов В. Я. Далекие и близкие.— М., 1912; За кр ж е в -

ский А. Андрей Белый // Загржецкий А. Религия. Психологические параллели. — Киев, 1913; Иванов-Разумник Р. В. Андрей Белый // Русская литература XX в. / Под ред. С. А. Венгерова. — М., 1916. — Т. II; Вольпе Ц. О поэзии Андрея Белого // Белый А. Стихотворения. — Л., 1940; Орлов В. Н. История одной дружбы-вражды // А. Блок и А. Белый. Переписка. — М., 1940; Цветаева М. Пленный дух (Моя встреча с Андреем Белым) // Соч.: В 2 т. — М., 1980. — Т. 2. Белът А. Проблемы творчества. — М., 1988. А. П. Авраменко

БЕНЕДИКТОВ, Владимир Григорьевич [5(17). XI. 1807, Петербург — 14 (26). IV. 1873, там же] — поэт, переводчик. Родился в семье чиновника, вскоре переехавшей в Петрозаводск, где отец Б. получил место советника губернского правления. Учился в Олонецкой губернской гимназии, уже тогда увлекаясь стихотворством, потом — во 2-м Петербургском кадетском корпусе (1821—1827). По окончании его поступил в полк; в 1831 г. в чине поручика принимал участие в походе против польских повстанцев, награжден за храбрость, но от военной карьеры тогда отказался, через год вышел в отставку. Карьера же поступил на гражданскую службу по финансовой части, от которой отошел в 1860 г., оставив место директора банка. Сочетание в одном лице благонамеренного, исполнительного чиновника и «бурно-пламенного» поэта комически отозвалось в пародийной фигуре Козьмы Пруткова, представленного «сослуживцем» Б.

С журналами («Библиотека для чтения», «Сын отечества» и др.) Б. сотрудничал сравнительно мало, выпустил три сборника стихов (1835, 1838, 1857) и один трехтомник (1856). Вначале его литературная известность была шумной и счастливой — публика приветствовала его как великого поэта, затмившего предшественников. В числе поклонников Б. — В. А. Жуковский и юный И. С. Тургенев; отзывы А. С. Пушкина сдержанные, С. П. Шевырева — восторженные, сливающиеся с общим хором похвал. Дерзко и неожиданно прозвучало выступление В. Г. Белинского, уничижительно отозвавшегося о первом сборнике Б., осудившего выпревший гиперболизм его образности, избыточную эмоциональность, страсть к внешним эффектам и стилистические просчеты. Поначалу многие почитатели Б. возмущались такой оценкой, но постепенно слава поэта потускнела и сошла на нет. О нем резко писали Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

Особенно шокировали критиков «нелепые» выражения и обороты в стихах Б., которые выписывались ими как образцы нездравомыслия и безвкусицы: «грудные волны», «камень лопает», «стоит безглаголен», «сердце пляшет», «прелестная сердцегубка», «благородит просторожденца», «мужское мясо», «теляцо», «яичность» и др. Я. П. Полонский назвал это «бenedиктовщиной», он же приложил к посмертному собранию стихов Б. «Алфавитный список слов, сочиненных В. Г. Benedиктовым, видоизмененных или никем почти не употребляемых, встречающихся в его стихотворе-

ниях» (более 140 слов). Критиков раздражали словесные эксперименты, совмещение стилистических «несовместимостей», необычная метафорика Б. Все это служило мишенью для пародистов: И. И. Панаева, авторов Козьмы Пруткова, Д. Д. Минаева и др.

Б. не был самодовольно упоен своими первоначальными успехами и достаточно спокойно реагировал на всеобщее охлаждение к себе. Он постепенно отходил в сторону от литературной жизни, замыкался в себе. Лирика его становилась грустнее и ироничнее: «Неотвязная мысль» (1856) — о неудачно сложившейся жизни — одно из самых впечатляющих стихотворений этого периода.

В своем вынужденном уединении Б. много занимался стихотворными переводами — А. Мицкевича и Ш. Петефи, В. Шекспира и Ф. Шиллера, А. Шенье, О. Барбье, В. Гюго и др. Добролюбов видел в этой области недостатки, характерные для оригинального творчества Б. Н. В. Берг находил в переводах Б. того же типа стилистические несообразности, какие отмечались критикой и в собственных стихах поэта. Но были и достижения. Проникнутый революционным пафосом «Собачий пир» Барбье в переводе Б. опубликован за границей Н. П. Огаревым (примечательно, что этот текст переписал в свой дневник Шевченко). Огромный труд — переложение почти всей поэзии Мицкевича (многое до сих пор осталось неопубликованным) — хранится в рукописном отделе Публичной библиотеки в Ленинграде.

Место Б. в ряду современных ему литераторов определялось по-разному. Пережитое поэтом чувство литературного одиночества (в последние годы жизни он практически и не пытался пробиться в печать, писал для себя и умер в забвении) в известном смысле иллюзорно: в историко-литературном пространстве и времени он окружен собратьями по перу, в том или ином отношении ему созвучными (поэтами, склонными, как и он, к словесному экспериментаторству).

Соч.: Соч. В. Г. Benedиктова: В 2 т. / Под ред. Я. П. Полонского. — Спб.: М., 1902; Стихотворения / Вступ. ст. и ред. Л. Гиизбург. — Л., 1939; Стихотворения / Вступ. ст. Ф. Я. Приимы; Подгот. текстов и примеч. Б. В. Мельгунова. — Л., 1983; Переводы // Мицкевич А. Соч.: В 5 т. / Под ред. П. Н. Полонского. — Спб.: М., 1882—1883; Мастеря русского стихотворного перевода: В 2 кн. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Е. Г. Эткинда. — Л., 1968.

Лит.: Белинский В. Г. Стихотворения Владимира Benedиктова // Полн. собр. соч. — М., 1953. — Т. I. — С. 355—371; Шевырев С. Стихотворения В. Benedиктова // Московский наблюдатель. — 1835. — Ч. III. — Отд. IV. — С. 439—459; Тургенев И. С. Литературные и житейские воспоминания // Полн. собр. соч. — М., 1956. — Т. 10. — С. 275—276; Карлгоф Е. А. Жизнь пройты не поле перейты // Русский вестник. — 1881. — № 9. — С. 141—143; Глаголева Т. Раб, элли и жрец. (Benedиктов, Шербина, Фет) // Русская мысль. — 1917. — № 2. — Отд. II. — С. 26—39; Шимкевич К. Benedиктов, Некрасов, Фет // Поэтика. — Л., 1927. — Сб. V. — С. 105—134; Гиизбург Л. О лирике. — Л., 1974. — С. 51—126; Илюшин А. А. Benedиктов — переводчик Мицкевича // Польско-русские литературные связи. — М., 1970. — С. 234—

БЁРВИ, Василий Васильевич (известен как *Берви-Флеровский*), псевдонимы — *Флеровский*, *И. Флеровский*, *Н. Флеровский*, *В. Б-и*, *А. Навалихин*, *С. Навалихин*, *Б. Р-ви*, *В. Васильев*, *Б. Р. В-и*, *Д. Мзевров*, *В. В. Б-ф*, *Земец* [28. IV (10. V), по другим данным 29. IV (11. V). 1829, Рязань — 4. X. 1918, Юзовка] — социолог, экономист, прозаик, публицист. Дед Б. по отцовской линии — английский дипломат, шотландец по национальности Роберт Бервик, поселившийся в России после выхода в отставку. Отец — доктор медицины, к моменту рождения сына работал в Рязанской врачебной управе, а с 1832 г. — профессор анатомии, физиологии и судебной медицины Казанского университета. Б. рано приистрастился к чтению. «Я получил два воспитания, — писал он впоследствии, — одно — давали мне люди, другое — я давал сам себе» (Записки революционера-мечтателя.— С. 12). Свершилось то, чего боялся отец Б.: сын набрался «вольномудства, о существовании которого ...не должен был знать» (Там же.— С. 11). В Казани Б. окончил гимназию, а затем юридический факультет университета (1849). В числе немногих лучших кандидатов университета был определен сразу на службу в министерство юстиции, где его поразили масштабы коррупции в государственном механизме, деморализация чиновничьего аппарата. Став в 1859 г. чиновником по особым поручениям, он получил в свое ведение дела о жестоком обращении помещиков с крестьянами, о злоупотреблении властью. В 1861 г. его приглашают на работу сначала в Харьковский, а затем в Петербургский университет, что совпадало с желанием Б. заняться наукой. Однако переход в столичный университет не состоялся, хотя уже был сдан магистерский экзамен и предстояла двухгодичная научная командировка в Гейдельберг. Была прервана и служба в министерстве (Б. имел чин надворного советника). Он попал в число «неблагонадежных» за защиту арестованных студентов, участников петербургских студенческих демонстраций 1861 г. А за выступление в защиту тверских дворян (1862), которые потребовали от правительства некоторой либерализации общественной жизни, в частности надевания крестьян землей за большой выкуп, Б. был помещен в психиатрическую больницу, где его продержали полгода, не обнаружив расстройств психики. В конце 1862 г. по высочайшему повелению Б. был сослан под надзор полиции в Астрахань. Незадолго до отправления в ссылку он женился на Е. И. Жемужиной, не побоявшейся разделить судьбу с человеком, попавшим под надзор полиции. С разрешения царя его под стражей привезли в церковь, где состоялось венчание.

Вплоть до конца 80 гг. Б. находился в ссы-

лах (Астрахань, Кузнецкий Ломск, Вологда, Тверь, Шенкурск, Архангельск, снова Шенкурск, Кострома), живя с семьей в постоянной нужде. По подсчетам Б., он сидел в 32 острогах, несколько лет провел в одиночных камерах, проехал под жандармским конвоем 19 тысяч верст, по этапу пешком прошел 3500 верст. В долгой поднадзорной жизни Б. был небольшой перерыв, когда по ходатайству жены его формально освободили от полицейской опеки и принудительного места жительства, запретив лишь въезд в Петербург и столичную губернию (1870). Поселившись в Любани, в 70 км от Петербурга, Б. сблизился с «чайковцами» (для встречи с которыми нелегально приезжал в Петербург), а затем, переехав в Финляндию (1872), установил тесный контакт с другой народнической организацией — «долгушинцами». На короткое время Б. оказался по существу в гуще революционного движения начала 70 гг., у истоков зарождавшегося «хождение в народ». Не разделяя целиком взгляды народников и не будучи членом какой-либо организации, Б. содействовал их усилиям, направленным на просвещение народа. Обращение сначала «чайковцев», а затем «долгушинцев» к Б. за помощью не было случайным, т. к. к этому времени его книги «Положение рабочего класса в России» (под псевдонимом *Флеровский*), «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати» (издана анонимно) были в списке изучаемых и распространяемых молодежью. По просьбе «чайковцев» Б. передал им первые две части рукописи (написанной в Твери) «Азбука социальных наук», которую «чайковцы» издали анонимно (Спб., 1871.— Ч. I—II; ч. III выйдет в Лондоне в 1894 г.). «Азбуку» сам Б. ценил выше книги «Положение рабочего класса», т. к. здесь он начал системно излагать собственные взгляды, в частности основы своей научной этики, которую будет разрабатывать всю жизнь. По воспоминаниям видного народовольца, историка этого движения О. В. Аптекмана, «Азбука социальных наук» наряду с «Историческими письмами» П. Л. Лаврова стала одной из самых любимых читаемых книг революционной молодежи того времени. Длительное «хождение в народ» Б. написал брошюру «Как надо жить по закону природы и правды» (1873).

Летом 1873 г. Б., узнав о том, что его горничная — агент III отделения, переезжает в Нижний Новгород, а осенью этого же года его арестовывают в связи с провалом «долгушинцев». Улик против него не нашли и через несколько месяцев следствия отправили в очередную ссылку в г. Шенкурск (1874). Лишь в 1890 г. он покидает последнее место ссылки — Кострому и для поправки здоровья едет в Тифлис, где устраивается работать на железной дороге. Близо сходитя с работавшим здесь в то время М. Горьким, который впоследствии опишет свои встречи с Б. в очерке «Лев Толстой». Весной 1893 г.

Б. выезжает за границу — в Женеву, а с октября 1893 г. живет в Лондоне. В Англии сотрудничает с «Фондом вольной русской прессы», который издал и переиздал некоторые его работы. Однако вскоре «Фонд» распался после смерти одного из его основателей — С. М. Степняка-Кравчинского (1895), и материальное положение Б. становится критическим. Воспользовавшись амнистией, объявленной по случаю коронации Николая II, Б. летом 1896 г. возвращается в Россию. Некоторое время живет у старшего сына в Костроме, затем в Крыму, в Дертпе, а с мая 1897 г. — в Юзовке, где жил и работал врачом его средний сын. Здесь в 1905 г. он завершает последнюю свою работу — «Краткую автобиографию». Здоровье его резко ухудшается. Ненадолго выезжает на лечение в Крым (1907), на Кавказ (1908). Разбитый параличом, последние годы Б. провел в Юзовке, где скончался на девяностом году жизни.

Основы своего мировоззрения Б. впервые изложил в «Азбуке социальных наук», большая часть тиража которой была конфискована и уничтожена сразу по выходе в свет (эта же участь постигла и многие другие работы Б.). Наиболее же полно его взгляды представлены в книге «Философия бессознательного, дарвинизм и реальная истина» (1878), а также в воспоминаниях «Три политические системы: Николай I, Александр II, Александр III» (1897).

Страстно мечтавший о времени, когда не будет социальной несправедливости, нищеты, национального угнетения, Б. видел причину общественных пороков в невежестве, а ключ к решению проблем — в верном общественном мнении и просвещении. Во взглядах Б. на общественное развитие много наивного и утопического. По Б., люди обладают инстинктом равенства, гармонического развития. Раскрывая смысл этого инстинкта, он формулирует идеалистическую философскую концепцию развития природы, согласно которой вся природа одушевлена и составляющие ее клетки стремятся к гармонии (равенству). В живой природе и тем более в обществе этот процесс совершается сознательно. Идея социального равенства, солидарности, таким образом, заложена в человеке. Чем раньше она будет осознана, тем быстрее люди улучшат свою жизнь. Желая быть лучше понятым простыми людьми, в первую очередь крестьянами, Б., будучи противником религии, называл систему своих взглядов новой рациональной религией братства, равенства без божества (его идею религии братства использовали в своей пропаганде «долгушницы»). В этой религии нет места эгоизму. Человек, по Б., рожден для счастья других, для блага общества. Он критикует получившее распространение в Западной Европе экономические и философские теории эгоизма, выражает несогласие и с теорией «разумного эгоизма» Н. Г. Чернышевского.

Однако Б. выделяет в человеке и животное

начало, которое породило мысль об эксплуатации и «разбойничье братство» (так он называет эксплуататорские классы). Спасаясь от «хищников» — эксплуататоров, трудящиеся выработали идею повиновения. Человечество разделилось на два слоя: «хищников», наслаждающихся своим богатством, и презираемых ими труженников. Трудящиеся, или т. н. низшие классы, превосходят высшие своей инстинктивной созидательной энергией, они двигатель прогресса. Многовековые старания «хищников» уничтожить саму идею равенства не увенчались успехом, поскольку она в природе человека. По Б., трудящиеся убедились, что только образование даст им избавление от власти «хищников». Он не приемлет учение Л. Н. Толстого о непротивлении злу, т. к. оно убивает умственное движение в обществе. В представлении Б. будущее общество должно стать воплощением принципа органической солидарности, т. е. таким, в котором все будет осознанно действовать ради всеобщего блага. Открытая пропаганда против существующего строя сочетается у Б. с проповедью возможности классовой гармонии.

Книга Б. «Положение рабочего класса в России» написана на основе изучения официальных документов и живых многолетних наблюдений автора. Издатель книги Н. П. Поляков (он же издатель первого русского перевода «Капитала») выпустил ее в свет в 1869 г. До этого по рекомендации Лаврова, с которым Б. был знаком, была опубликована первая глава книги в «Невском сборнике» (1867. — № 1), а затем отдельные главы публиковались в журнале «Дело» (1867. — № 9, 10, 12; 1868. — № 2). Автор предстал в ней не только как серьезный исследователь, но и как талантливый очеркист. «Написанная кровью сердца, книга возбудила в нас преданность и любовь к народу», — вспоминал Аптекман (Былое. — 1922. — № 19. — С. 129). Через Н. Ф. Даниельсона Б. отослал книгу с небольшими комментариями К. Марксу. Работа Б. была первой русской книгой, прочитанной и изученной Марксом на языке оригинала. В письме члену русской секции Интернационала Маркс писал: «Такие труды, как Флеровского и как вашего учителя Чернышевского, делают честь России и доказывают, что ваша страна также начинает участвовать в общем движении нашего века» (Соч. — Т. 16. — С. 428). Маркс отметил и своеобразие стиля Б.: его умение «очень хорошо схватывать особенности характера каждого народа — «прямодушный калмык», «поэтический, несмотря на свою грязь, мордвин», «талантливый малоросс», «ловкий, живой эпикуреец-татарин» (Соч. — Т. 32. — С. 363). Вместе с тем Марксу бросилась в глаза слабость теоретических взглядов автора, иллюзорность допускаемой им возможности сотрудничества капиталистов с рабочими как альтернативы капиталистической системе найма. Резкие замечания Маркса вызвали на-

дежды Б. на исправление цивилизации путем внушения верных понятий о счастье как отдельным людям, так и целым классам.

В большом и разнообразном наследии Б. значительное место занимают художественные произведения. Это автобиографический роман «На жизнь и смерть. Изображение идеалистов» (Женева, 1877; издан анонимно, тираж, пересланный в Россию, был полностью конфискован; второе издание — Женева, 1877, легально в России издан в 1907, только в 2 ч., с тех пор не переиздавался); повести «В глуши» (1856), «Галатов» (1879), «Забятая история» (1880), «Философия Стеша» (1882), «В медвежьем углу» (1886), «Как дела делают» (1888). Сюда можно причислить и воспоминания «Три политические системы: Николай I, Александр II, Александр III», изданные потом с сокращениями под заглавием «Записки революционера-мечтателя» (1929), и др. Некоторые сочинения (стихи, небольшая пьеса и др.) до сих пор не опубликованы (хранятся в рукописном виде в архиве В. Г. Короленко в ГБИЛ).

Первое художественное произведение Б. — повесть «В глуши» — была напечатана (возможно, с помощью Чернышевского, с которым Б. был знаком к этому времени) в «Современнике» (1856. — № 6). Здесь же была помещена и повесть Л. Н. Толстого «Два гусара». В свое время Толстой учился на одном курсе университета с Б., хотя лично знакомы они не были. Известно, что Толстой пренебрежительно отозвался о литературном дебюте Б. (см.: Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2 т. — М., 1978. — Т. 1). Повесть Б. посвящена жизни мордовских крестьян, едва сводящих концы с концами, нещадно эксплуатируемых помещиком. В автобиографическом романе «На жизнь и смерть» Б. напишет о своем нежелании подделываться под стиль дворянских писателей (к которым относил и Толстого), о своем стремлении подчеркнуть идеи в произведении.

В романе «На жизнь и смерть» Б. подключается к традиции изображения «новых людей», которыми в данном случае являются «рациональные идеалисты». Благодаря верному пониманию жизни они способны, по Б., изменить действительность. Автор пытается образно воплотить свою концепцию общественного развития. «Темная, страшная ночь холодом и мраком окутала всю Россию», — пишет он. Развясить тьму может лишь «новая раса людей», т. е. люди, обладающие свойством стать «органически связанным человечеством» (На жизнь и смерть. — С. 225). Герои романа — представители этой формирующейся «новой расы». В поисках общественного идеала они рассуждают о французской революции, М. В. Петрашевском, Н. А. Слепшине, Ф. М. Достоевском, Ш. Фурье, Р. Оуэне, П. Ж. Прудоне, Л. Блане. Они читают И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегеля, спорят с А. И. Герценом, Черны-

шевским. Становление «рациональных» идеалистов» выступает в романе прежде всего как результат умственной работы героев, их нравственного совершенствования, социально-политические же обстоятельства, формирующие характеры, лишь намечены. В письма и внутренние монологи героя романа Павла Скрипицына автор в изобилии вводит социологические и философские рассуждения, в которых узнаются его собственные мысли. Скрипицын приходит к выводу, что никакие социально-экономические изменения не принесут облегчения народу, пока правящий класс не изменит своей нравственности. Иной основы объединения различных общественных групп, кроме нравственной, герой не видит. Однако полной уверенности в эффективности методов борьбы, избранных героем романа, у автора нет: деятельность Скрипицына заканчивается арестом и ссылкой. Правдиво показана невосприимчивость основной массы крестьян к пропаганде «рациональных идеалистов». Исторически революционным оказалось введение Б. в роман революционеров из гуши народа.

С тематикой отдельных глав романа переключается повесть «Забятая история». Б. здесь подробно рисует затхлую духовную атмосферу учебных заведений России. Героя повести Петрушу волнуют проблемы равенства людей (Б. был против теории героев и толпы), и вместе с героем автор приходит к заключению, что нельзя успешно бороться с общественными пороками в одиночку. В «Забятый истории» Б. развивает тему, начатую им еще в публицистической работе «Свобода речи, терпимость и наши законы о печати» — о необходимости развития в стране провинциальной литературы (журналов, газет, торговых книгами), свободы речи для умственного развития общества. «Счастлив народ, к которому передовое мышление входит в открытые настежь ворота, среди белого дня...» (Забятая история. — С. 318).

В художественном творчестве Б. нашли воплощение такие важные темы, как рост самосознания трудящихся, эмансипация женщин («Галатов», «Философия Стеша»). Убеждение Б., что прогресс есть плод работы сознания, а не насилия, раскрывается в «Галатове». Здесь воздается хвала мысли, этому «началу и концу человеческого благополучия». После смерти главного героя Галатова, правдиво воздействующего на окружающих, активными борцами за интересы трудящихся становятся отдельные представители рабочего класса.

Б. выступал и как литературный критик. Известна его статья «Изящный романист и его изящные критики» (Дело. — 1868. — № 6), посвященная «Войне и миру» Толстого. Б. называет это произведение «грудой наваленного материала» (С. 23) и приписывает Толстому восхищение «нравственным безобразием», «умственной окаменелостью» в обществе, не видя даже в главных героях (Андрее Болконском, Пьере Безухове) ничего, кроме

грубости и эгоизма, называет их «изысканными бушменами». Статья Б. — один из самых резких отзывов о «Войне и мире». Б. написал также художественную биографию О. Г. Мирабо (1894) по просьбе издателя серии «Жизнь замечательных людей» Ф. Ф. Павленкова.

Насыщенные идеями гуманизма творчество Б., его мужественная, подвижническая жизнь, на деле воплощавшая принципы, за которые он боролся, были предметом внимания и восхищения многих его современников, в частности Л. Толстого, В. М. Гаршина (увлекавшегося еще на гимназической скамье «Азбукой социальных наук»), В. Г. Короленко (вспоминавшего в «Истории моего современника» о Б. как об одном из властителей дум передовой молодежи 70 гг.)

Соч.: В глуши // Современник. — 1856. — № 6; Изящный романист и его изящные критики // Дело. — 1868. — № 6; Азбука социальных наук: В 3 ч. — Спб., 1871. — Ч. I—II; Лондон, 1894. — Ч. III; Свобода речи, терпимость и наши законы о печати. — Спб., 1872; Галатов // Русская речь. — 1879. — № 1; Забытая история // Русская речь. — 1880. — № 8; В медвежьем углу // Книжки Неделе. — 1886. — № X—XI; Философия Стеши // Устои. — 1882. — № 7—8; Как дела делают // Книжки Неделе. — 1888. — № 1—2; Мирабо. Его жизнь и политическая деятельность. — Спб., 1894; Три политические системы: Николай I, Александр II, Александр III. Воспоминания. — (Б. м.), 1897; Краткая автобиография // Русская мысль. — 1905. — № 5; На жизнь и смерть. Изображение идеалистов. Роман. — Спб., 1907; Записки революционера-мечтателя / Предисл. М. Клевенского. — М.; Л., 1929; Положение рабочего класса в России. — М., 1938; Избранные экономические произведения: В 2 т. / Вступ. ст. В. Подорова. — М., 1958—1959; Свобода речи, терпимость и наши законы о печати (отрывки). Азбука социальных наук (отрывки). На жизнь и смерть. Изображение идеалистов (отрывки) // Встань, человек! / Сост., подгот. текстов, вступ. ст., примеч. А. И. Володина, Б. М. Шахматова. — М., 1986.

Лит.: К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Россия. — М., 1967. — С. 24—26, 35, 37, 66, 168, 171, 185, 191—195, 247; Ленин В. И. Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. — Т. 3. — С. 232, 574; Берви Е. И. Из моих воспоминаний // Голос минувшего. — 1915. — № 5—8; Горький М. Лев Толстой // Собр. соч.: В 18 т. — М., 1963. — Т. 18; М а л и н о в с к и й Н. Не пора ли вспомнить? // Русская мысль. — 1905. — № 4; Аптектман О. В. Флеровский-Берви и кружок Долгушина // Былое. — 1922. — № 18; Он же. Флеровский-Берви и чайковцы // Былое. — 1922. — № 19; Он же. Василий Васильевич Берви-Флеровский. — Л., 1925; Камеи с к и й В. И. В. Берви-Флеровский в русском общественно-литературном движении 70—80-х гг. // Из истории русских литературных отношений XVIII—XX веков / Отв. ред. С. В. Капторский. — М.; Л., 1959; П л а к и д а М. М. Бесстрашный труженик. — Сталино, 1960; Э й х е н б а у м Б. Лев Толстой. Семидесяте годы. — Л., 1960. — С. 9—31; З и г о в ь е в а М. Д. Роман В. В. Берви-Флеровского «На жизнь и смерть» // Русская литература. — 1967. — № 3; Т р о н ц к и й Н. А. Царские суды против революционной России. — Саратов, 1976 (см. указатель имен). В. А. Скиба

БЕРГ, Николай Васильевич [24.III (5.IV).1823. Москва — 16 (28).IV.1884, Варшава] — поэт, переводчик, журналист. По отцовской линии из прибалтийских дворян. Учился в Томском уездном училище до 1834 г., затем в Тамбовской (до 1838 г.) и Первой Московской гимназиях. В 1844 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, который через год оставил. Преподавал русский язык в Московском училище живописи и ваяния (с 1846 г.), служил в конторе коммерческого банка (с 1848 г.). Во вре-

мя Крымской войны 1853—1856 гг. был в Севастополе, сначала в казначейском отделении, затем переводчиком при штабе главнокомандующего; участвовал в сражениях. В 1859 г. (Австро-итало-французская война) Б. едет в Ломбардию, находится при штабах союзников — французском, итальянском, под конец — в отряде Гарибальди. Путешествия по странам Ближнего Востока (Ливан, Сирия, Палестина, Египет), изучение быта и культуры арабских народов заняли последующие три года (1860—1862). Как корреспондент «Санкт-Петербургских ведомостей» Б. в 1863 г., в связи с начавшимся Польским восстанием, едет в Варшаву, где остается до конца жизни. С 1868 г. Б. — в должности лектора русского языка при Варшавском университете; в 1874—1877 гг. — редактор газеты «Варшавский дневник».

Под влиянием университетских профессоров С. П. Шевырева и М. П. Погодина Б. увлекается славянскими языками, поэзией славянских народов; изучает европейские и древние языки. В конце 40 гг. сближается со славянофилами (семья Аксаковых, братья Киреевские и др.), затем с «молодой редакцией» «Москвитянина» (А. Н. Островский, Ап. А. Григорьев и др.). Как признавался Б., «одежды славянофилов» были ему «не по нутру», его тянуло в «Отечественные записки», в «Современник» (Посмертные записки. — С. 243). Однако сколько-нибудь серьезных признаков принадлежности к западникам Б. не обнаружил. Неопределенность в идеологических позициях, эклектичность в суждениях Б. были отмечены Н. Г. Чернышевским и И. И. Срезневским в рецензиях на сборник «Песни разных народов»; в этих рецензиях указывалось на внеисторическое деление народов по «способностям» к лирической и эпической поэзии, на непоследовательность в принципах и случайность подбора песен для сборника (глубокими познаниями в области теории и истории фольклора Б. не обладал), подвергнуты критике славянофильские увлечения Б. (славянские и русские народные песни поставлены выше песен других народов).

Писать стихи Б. начал рано, однако сколько-нибудь заметного следа в русской поэзии не оставил. Стоит упомянуть две его лиро-эпические поэмы — «Деревня» (Москвитянин. — 1848. — № 4) и «Соколыньки» (Москвитянин. — 1849. — № 2). В первой поэме показаны картины деревенской жизни (с весны до осени), охотничьих забав помещика, в «Соколыньках» — дачная жизнь, портреты дачников и местных жителей. Изложение (несколько ироничное, но весьма растянутое) в обеих поэмах — от лица отдыхающего «на лоне природы» столичного жителя. Стихи, повести, рассказы Б. печатал в текущей периодике 40—70 гг.

Наиболее заметный вклад Б. в литературу — переводы. Как талантливый переводчик Б. проявил себя еще в студенческие годы. В 1846 г. выходит перевод «Краледворской рукописи» (позднее выяснится, что «древнечешская рукопись» — умс-

лая подделка под фольклор, принадлежащая чешскому литератору В. Ганке). Затем следуют сборники: «Сербские народные песни» (М., 1847), «Песни разных народов» (М., 1854), «Переводы и подражания» (СПб., 1860). В «Песнях разных народов» переводы с 28 языков (правда, часть их, с восточных и неосновных европейских, — «переводы с переводов»). Начав с переводов фольклорных произведений славян и других народов, Б. вышел на новую славянскую и западноевропейскую поэзию. Он перевел произведения Петrarки, Гете, Байрона и, наиболее продуктивно, Мицкевича. Выходят отдельной книгой «Переводы из Мицкевича» (Варшава, 1865); «Пан Тадеуш» в переводе Б. дважды выходил отдельными изданиями (Варшава, 1875; СПб., 1907). Переводы Б. на русский язык, особенно песен славянских народов, длительное время перепечатывались в антологиях и хрестоматиях. Признано, что Б. внес самый крупный вклад в освоение Россией инославянской поэзии в XIX в.

Очерки и корреспонденции Б. печатались в различных московских и петербургских периодических изданиях («Москвитинин», «Современник», «Библиотека для чтения», «Отечественные записки» и др.). Как итоговые складываются книги: «Записки об осаде Севастополя» (т. I—II. М., 1858), «Севастопольский альбом» (М., 1858, с рисунками автора), «Путеводитель по Иерусалиму и его ближайшим окрестностям» (СПб., 1863), «Записки о польских заговорах и восстаниях. 1831—1862» (М., 1873; Познань, 1883—1885, т. I—IV; неоднократно издавались на польском языке). В последней книге, кроме наблюдений очевидца, — попытка составить очерк 30-летней истории польского освободительного движения. Со второй половины 60 гг. Б. пишет многочисленные очерки исторического и мемуарного характера, которые печатались в «Русской старине» и «Историческом вестнике». Статьи и книги Б. ценны прежде всего с фактографической стороны.

Соч.: Братьям-славянам. Стихотворения. — М., 1867; Воспоминания о Гоголе. 1848—1852 // Русская старина. — 1872. — № 5 (перепечатано в кн.: Гоголь в воспоминаниях современников. — М., 1952); Воспоминания об И. С. Тургеневе // Исторический вестник. — 1883. — № 11; Московские воспоминания. 1845—1855 // Русская старина. — 1884. — № 6, 10; Посмертные записки // Русская старина. — 1890. — № 2, 1891. — № 2, 3; Поэты 1840—1850 годов. — Л., 1972. — С. 425—445 (Библиотека поэта. Большая серия).

Лит.: Чернышевский Н. Г. Песни разных народов. Перевел Н. Берг // Полн. собр. соч. — М., 1949. — Т. II. — С. 291—318; Срезневский И. И. Труд и мнения Н. В. Берга касательно народных песен // Изв. ОРЯС Имп. АН. — 1855. — Т. IV. — Вып. 8. — С. 381—397; Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем. Т. X: Письма. 1840—1862. — М., 1952. — С. 208—209; Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. — М.; Л., 1961. — Т. II. — С. 236; Ровда К. И. Россия и Чехия: взаимосвязи литературы. 1870—1890. — Л., 1978. — С. 97—120. Ф. М. Селиванов

БЕСТУЖЕВ, Александр Александрович, псевдоним — *Марлинск*. [23.X (3.XI). 1797, Петербург — 7.VI (19.VI). 1837, мыс Адлер] — прозаик, критик, поэт. Второй сын известного радикально-

го писателя А. Ф. Бестужева. До десяти лет учился дома. В 1806 г. его отдали в Горный кадетский корпус, где он не проявил большого интереса к точным наукам, но увлекся словесностью. Не закончив курса обучения, Б. в 1819 г. поступил юнкером в лейб-гвардию драгунский полк и через год был произведен в офицеры. Полк, в котором служил Б., стоял под Петергофом, в местечке Марли (отсюда и псевдоним — *Марлинский*). Здесь и началась литературная деятельность Б.: в 1818 г. он дебютировал в печати переводами стихотворных и исторических сочинений, а затем и критическими статьями.

В 1818—1822 гг. Б. выступает как поэт, переводчик и критик, близкий к карамзинистам и арзамасцам. Он мечтает о своем печатном органе и задумывает издание альманаха «Зимцерла», но не получает разрешения властей. В это время он пишет послание «К К<реницын>у», «Подражание первой сатире Буало», «К некоторым поэтам» и переводит отрывки из «Мизантропа» Мольера и «Метаморфоз» Овидия. Широкою известностью приносят Б. его критические статьи о переводе П. А. Катенина трагедии Расина «Эсфирь» и о «Липецких водах» А. А. Шаховского, помещенных в «Сыне Отечества» (1819). В них Б. становится на сторону карамзинистов и ополчается против «заржавевшей славянщины». Солидарность с арзамасцами он демонстрирует, отдавая полное предпочтение Жуковскому перед его критиками. Выступления Б. были замечены: в 1820 г. его избрали членом Вольного общества любителей словесности, наук и художеств, а затем и Вольного общества любителей российской словесности. Значительно расширились его литературные знакомства: он подружился с Дельвигом, Баратынским, Рылеевым, Вяземским, переписывался с Пушкиным.

Тогда же Б. пробует себя в жанре путешествия. В 1821 г. он публикует «Поездку в Ревель», навеянную прибалтийскими впечатлениями. Особенностью произведения стало сочетание прозаического текста со стихами, обилие рассуждений на самые разные, в том числе и литературные, темы, непринужденность общения с читателем, который мог ощутить наблюдательность автора и его остроумие.

Разгоревшаяся в 1822 г. новая полемика с Катениным укрепляет за Б. репутацию приверженца нового слога, острого критика с тонким и верным вкусом. От защиты карамзинизма и поддержки арзамасцев Б. естественно двинулся к романтизму, понимая его в духе «парнасского афеизма», как тематическое и содержательное раскрепощение литературы от старых образцов. Все это привело писателя в стан передовых русских вольнодумцев-романтиков.

С 1823 по 1825 г. общественные и литературные взгляды Б. становятся уже более определенными. С января 1825 г. Б. стал одним из наиболее активных членов Северного общества. Как и боль-

шинство декабристов, Б. сначала был приверженцем конституционной монархии, а затем сторонником республики. Вместе с Рылевым он издает альманах «Полярная звезда» (1823—1825), сыгравший большую роль в пропаганде декабристских идей.

Альманах «Полярная звезда» собрал большие литературные силы. Его значение заключалось как в том, что Б. и К. Рылеев стали платить авторам гонорар, т. е. способствовали профессионализации литературы, так и в направлении, определяемом в значительной степени критическими статьями Б. В критических обзорах («Взгляд на старую и новую словесность в России», 1823; «Взгляд на русскую словесность в течение 1823 года», 1824; «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начала 1825 годов», 1825) Б. ратовал за национальную самобытность литературы, ее прочную связь с политическими идеями современности, за романтизм, означавший для него свободу человеческого духа, полноту и естественность выражения чувств. Это, по мнению Б., отвечало насущным интересам народа. А так как свободолюбие народа проявлялось и в исторически отдаленном прошлом, то истоки национального характера также заключены в нем. Только посредством истории можно понять и объяснить современного человека. Отсюда возникает идея романтического историзма, энергично отстаиваемая Б.

К 1826 г. Б. и Рылеев, занятые организационной деятельностью, решили поместить накопившийся у них материал в небольшом альманахе «Звездочка. 1826», но печатание в 1825 г. задержалось, а последующие события сделали издание невозможным. В это время Б. и Рылеев начинают понимать, что необходимо обратиться с призывом к массе дворян, к солдатам и крестьянам, т. е. пытаются до известной степени преодолеть отчужденность декабристов от народа. Так возникают «Агитационные песни». В некоторых произведениях («Михаил Тверской») Б. вступает на тропу Рылеева — создателя исторических дум. Явный интерес к истории проявляется и в жанре повести («Роман и Ольга», «Изменник», «Листок из дневника гвардейского офицера», «Замок Нейгаузен», «Ревельский турнир», «Замок Венден», «Замок Эйзен» — авторское название «Кровь за кровь»), которая проясняет существенные особенности романтизма Б. Романтизм стал для писателя знаком свободолюбия и общественного протеста. Центральное содержание произведений должны составлять национально-патриотические и гражданские идеи, раскрытые в лирико-субъективном ключе. Это означало, что в романтическом творчестве основное значение придавалось выражению возвышенных гражданско-патриотических идеалов, носителем которых выступал сам автор.

14 декабря 1825 г. Б. агитировал в Московском полку, и благодаря его энергии полк первым вышел на Сенатскую площадь. После разгрома восстания Б. приговорили к 20 годам (срок сокращен

до 15 лет) каторжных работ, а затем ограничились ссылкой в Сибирь. До июля 1829 г. он находился на поселении в Якутске. С августа того же года Б. был определен рядовым в действующую армию на Кавказ. В боях он показал чудеса храбрости и военного искусства. Неоднократно был представлен к наградам, но всякий раз следовал неизменный отказ императора. И только в 1836 г. ему был присвоен офицерский чин, который он «выстрадал и выбил штыком». Б. попытался перейти на статскую службу, так необходимую для занятий литературой, но ему отказали и в этом. В бою за мыс Адлер Б. был убит. Тело его не нашли. И долго еще ходили слухи, что он жив, и даже находились очевидцы, которые узнавали его в черкесских рядах на белом скакуне с развевающейся буркой.

Ни в якутской ссылке, ни под черкесскими пулями талант Б. не угасал. Ведущими темами лирических произведений Б., написанных в ранний период творчества, стали осуждение деспотизма, героика, гражданственность, свободолюбие. После подавления восстания в его стихах уже не осталось былого оптимизма: на первый план выдвинулись философские раздумья, любовные переживания, пейзажи, и на всем этом лежит печать глубокой грусти и тоски.

В 30 гг. Б. почти оставляет поэзию и решительно переходит к прозе. Он создает лучшие свои повести: «Испытание» (1830), «Вечер на Кавказских водах в 1824 году» (1830), «Лейтенант Белозор» (1831), «Аммалат-Бек» (1832), «Мулла-Нур» (1836) и др. Понятно, что имя Б. в журналах не упоминается. Так, критическое обсуждение стихотворной повести «Андрей Переяславский» происходит при полном молчании об ее авторе. Но в 1830 г. в журнале «Сын Отечества» была опубликована повесть «Испытание» под инициалами «А. М.». С тех пор в петербургских и московских журналах за подписью «А. Марлинский» начали выходить повести, военные рассказы и кавказские очерки.

В романтических повестях разворачивались увлекательные, острые и захватывающие воображение сюжеты. Писатель наделял своих героев исключительными чувствами. Этот необычный мир резко противостоял повседневной жизненной пошлости. В нем много необыкновенного, высокого, чистого, истинного. Б. словно бы возвращал человеку утраченные им духовные ценности, заставлял увидеть несовершенство жизни, вызывал чувство недовольства данным общественным строем. Герои Б. были людьми страсти и порыва, они вмещали в своих душах «всю вселенную».

«Зачинщик русской повести», как назвал Б. Белинский, выступил в защиту прав личности и в значительной мере определил эстетические принципы популярного жанра русских романтиков. Всякая общественная среда — светская или кавказская — в романтических повестях враждебна возвышенным героям, которые выглядят

исключительными личностями. Их внутренний мир складывается на основе идеальных представлений, но подверженных воздействию обстоятельств. Однако условия света (и шире — общества) оказывают пагубное влияние на судьбу героя. Обстоятельства, таким образом, могут отнять у героя друга, возлюбленную и даже самую жизнь, но им не дано уничтожить или переменить подлинные чувства героя, внутренний мир которого остается недосягаемым для внешних воздействий и потому неизменным. Отсюда проистекает двойственность изображения: статичность в трактовке внутреннего мира и динамика внешних событий с исключительными сюжетами, острыми и драматическими конфликтами, быстрыми и таинственными переходами от одной ситуации к другой. Зависимость романтической повести от байронической поэмы с ее «вершинностью», эпизодичностью, разрывами (эллипсами) в повествовании несомненна. Напряженность поддерживается и тем, что герои проходят своеобразные «испытания», помогающие, с одной стороны, высветить постоянно их идеальных чувств, а с другой — высветить ничтожность, пустоту и фальшь их окружения. Тем самым столкновение с обществом приобретает предельно контрастный, но вместе с тем отвлеченный характер. Идеальность героя не столько показывается, сколько декларируется, а т. к. автор эмоционально оказывается на стороне героя, то такая декларация достигается форсированно экспрессивной речью с обилием картинных сравнений, роскошных метафор и подчеркнутой патетикой. На фоне реалистических произведений Пушкина, Гоголя и Лермонтова подобные словесные краски выглядели искусственными, лишены простоты и благородства, а романтический пафос ложным. Более жизненной правды содержалось в образах простых русских солдат, офицеров, кавказских горцев.

Романтические повести принесли Б. всероссийскую известность, которая превзошла, по мнению большинства тогдашней молодежи, даже славу Пушкина. Им зачитывались все, его произведения выходили большими по тем временам тиражами, многие его повести инсценировались. Б. остался верным романтизму до конца, о чем свидетельствует и его знаменитая критическая статья «О романе Н. А. Полевого «Клятва при гробе господнем» (1833). В ней автор торжественно провозгласил победу романтизма.

Однако судьба романтизма в конце 30 гг. была уже решена. По словам Белинского, Б. «пролетел в литературе ярким метеором, который на минуту ослепил всем глаза и — исчез без следа...». Но в той же рецензии 1847 г. на собрание сочинений Б. Белинский поправил свой суровый приговор: «...Марлинский навсегда останется замечательным лицом в истории русской литературы... Его сочинения останутся навсегда любопытным памятником той литературной эпохи, которая так резко отразилась в них».

Завещание, написанное А. А. Бестужевым в 1837 г. перед последним боем, заканчивалось такими словами: «Прошу благословения у матери, целую родных, всем добрым людям привет русского».

Соч.: Русские повести и рассказы: В 8 ч. — Спб.: М., 1832—1834; Избр. повести / Вступ. ст. Н. Л. Степанова. — Л., 1937; Соч.: В 2 т. / Вступ. ст. Н. Н. Маслина. — М., 1958; «Полярная звезда», изданная А. Бестужевым и К. Рылевым / Изд. подгот. В. Г. Базановым и В. А. Архиповым. — М.; Л., 1960; Полн. собр. стихов. / Вступ. ст. Н. И. Мордовченко. — Л., 1961; Повести и рассказы / Вступ. ст. В. И. Гусева. — М., 1976; Соч.: В 2 т. / Вступ. ст. В. И. Кулешова. — М., 1981; Звездочка / Изд. подгот. Я. Левкович. — М.: Книга, 1981.

Лит.: Белинский В. Г. Соч. А. Марлинского // Полн. собр. соч. — М., 1954. — Т. IV; Алексеев М. П. Этюды о Марлинском. — Иркутск, 1928; Мордовченко Н. И. А. А. Бестужев // Русская критика первой четверти XIX века. — М.; Л., 1959; Канунова Ф. Эстетика русской романтической повести. — Томск, 1973; Русская повесть XIX века. История и проблематика жанра. — Л., 1973; Левкович Я. Судьба Марлинского // Звезда. — 1975. — № 12; Кардин В. Минута пробуждения. — М., 1984. В. И. Коровин

БЕСТУЖЕВ, Николай Александрович [13 (24). IV. 1791, Петербург — 15 (27). V. 1855, Селенгинск Иркутской губ.] — прозаик, мемуарист, историк флота, художник, механик. Декабрист. Б. был старшим сыном высокообразованного дворянина Александра Федосеевича Б., педагога (автора трактата «О воспитании») и знатока искусств (правителя канцелярии Петербургской «Академии трех знатнейших художеств»). Качества гражданина и тонкого художника Б. воспитал (после смерти отца в 1810 г.) и в своих младших братьях: Александр, Михаил и Петр были членами декабристских организаций, Павел пострадал за принадлежность к семье декабристов; Александр стал известен в литературе под именем Марлинского, Михаил (1800—1871) и Петр (1803—1840) — авторы мемуаров, а Павел проявил способности изобретателя («бестужевский прицел» его был введен во всей артиллерии).

Закончив в 1809 г. Морской кадетский корпус в звании мичмана, Б. был оставлен воспитателем и преподавателем в нем, но в период Отечественной войны 1812 г. он настойчиво просит перевести его в действующую армию. В 1813 г. Б. оставляет корпус, но участие его в военных действиях не состоялось и в 1815 г.: русский флот пришел в Копенгаген, когда Наполеон уже проиграл битву при Ватерлоо. Однако заграничный поход, знакомство с республиканской Голландией оказали на Б. революционизирующее влияние («Записки о Голландии 1815 года», 1821). Во время похода во Францию (1817) Б. познакомился с Н. И. Гречем, который ввел его в писательские круги. В 1818 г. Б. вступает в продекабристскую масонскую ложу «Избранного Михаила» (название указывало на то, что Михаил Романов был «избран» на царство народом), куда входили многие участники декабристского движения: Ф. П. Толстой,

Ф. Н. Глинка, В. К. и М. К. Кюхельбекеры, Г. С. Батеньков. Тогда же Б. стал членом другой декабристской организации — Вольного общества учреждения училищ по методу взаимного обучения (ланкастерских школ). Наконец в 1821 г. Б. был выбран членом Вольного общества любителей российской словесности, где быстро занял одно из ведущих мест.

Став в 1820 г. заместителем директора маяков в Финском заливе, Б. не ограничился выполнением своих прямых обязанностей и создал при Адмиралтейском департаменте литографию (1822), описал некоторые из маяков. Будучи переведен в департамент, Б. занялся «Историей русского флота», которая дошла до нас в незаконченном виде. Летом 1824 г. Б. участвует в экспедиции в Гибралтар (очерк «Гибралтар», 1824; «Плавание фрегата «Проворного» в 1824 году», Спб., 1825). В 1825 г. капитан-лейтенант Б. избран почетным членом Адмиралтейского департамента и назначен директором Адмиралтейского музея.

В 1824 г. Б. был принят в Северное общество К. Ф. Рылеевым и сразу занял в нем последовательно демократическую и республиканскую позицию, требуя освобождения крестьян с земель и расширения прав народного представительства. Б. был членом коренной Думы, являлся участником всех важнейших совещаний у Рылеева накануне восстания. В день восстания Б. привел на Сенатскую площадь Гвардейский морской экипаж, став таким образом «главным действующим лицом» дня, поскольку на этот экипаж «революционный штаб возлагал все надежды» (Нечкина М. В. Восстание 14 декабря 1825 г. — М., 1951. — С. 178). Но на Сенатской площади Б. отказался возглавить восстание, мотивируя это тем, что он моряк. Эта нерешительность, вызванная полным отсутствием опыта революционной борьбы, была свойственна всем декабристам. После их поражения Б. пытался бежать в Финляндию, но ночью 15 декабря был схвачен у Толбухинского маяка, доставлен в Зимний дворец и допрошен Николаем I. На следствии Б. вел себя очень осторожно и хладнокровно, не сообщая лишнего и не скрывая своих взглядов. По приговору верховного уголовного суда и высочайшему повелению Б. и его брат Михаил были осуждены на вечную каторгу (сроки ее постепенно сокращались, и братья пробыли на ней 13 лет).

13 июля 1826 г. над осужденными была совершена гражданская казнь, а в сентябре братья, закованные в кандалы, были направлены в Сибирь и 13 декабря прибыли в Читу, место своего заключения. В августе 1830 г. декабристов перевели в Петровский завод, где братья Б. пробыли до июля 1839 г.

В Чите и Петровском заводе Б. создал портретную галерею участников декабристского движения и их жен (115 портретов). Тогда же

были написаны политические трактаты («О свободе торговли и вообще промышленности», 1831), художественные и мемуарные произведения, сочинения по механике. Обосновавшись на поселении в Селенгинске, братья испытывали материальные трудности: семья Б. была не богата и на руках у матери Б. оставались еще три дочери. Девизом Б. были слова: «Если жить, то действовать» («Из записных книжек»), и Б. проявил себя мастером на все руки. Братья занимались овцеводством и земледелием, но это не могло обеспечить их жизнь, и Б. стал зарабатывать, рисуя портреты сибиряков Кяхты и Иркутска. Братья открыли часовую, ювелирную и оптическую мастерские, большой успех выпал на долю придуманных Б. «сидеек» («бес-тужевок»), удобного и легкого экипажа, распространенного в Сибири и в наши дни («Новоизобретенный в Сибири экипаж», 1853; издано под псевдонимом *Сибирский житель*). С 1844 г. мать и сестры Б. хлопотали перед правительством о разрешении поселиться вместе с Николаем и Михаилом, что облегчило бы их материальное положение. В этих хлопотах Прасковья Михайловна скончалась, а сестры прибыли в 1847 г. в Селенгинск. Это сделало жизнь Б. более радостной.

В статье «О бурятском хозяйстве» (1853), крупном этнографическом очерке «Гусиное озеро» (1854) впервые исследованы обычаи, образ жизни, религия и фольклор бурятского населения Предбайкалья. Удаленный от культурных центров, Б. жил полнокровной жизнью, вникая во все события внутренней и международной политики. Тяжело переживая трагические неудачи в Крымской войне, Б. предпринимал попытку усовершенствовать ружейный замок (отправленная в Петербург модель пропала в канцеляриях).

Жители Селенгинска установили на могиле Б. памятник — знак особой признательности декабристу-просветителю.

Литературная деятельность Б. распадается на два этапа: до и после 1825 г. Ранние произведения вполне укладываются в рамки декабристской прозы, стилем, методом и содержанием напоминая повести В. К. Кюхельбекера, А. А. Бестужева, Ф. Н. Глинка (оригинальная повесть «Гуго фон-Брахт», 1823; переводы: «Обожатели огня» Т. Мура, 1821; «Паризина» Дж. Г. Байрона, 1822; «Гленфинлас» В. Скотта, 1822; «Рип фон-Винкель» В. Ирвинга, 1825). Всем им свойственны тираноборческая направленность, пышная риторика, «быстрые переходы» в сюжетосложении, повышенная страстность героев. Б., очевидно, не владел стихотворной речью и даже стихи переводил прозой, поэтому ему не следует приписывать авторство двух стихотворений, обосновывая его только сходством инициалов: «Мартышка и бритва», «К улетеvшему гению» (см. в кн.: Декабристы / Сост.

Вл. Орлов.— М.; Л., 1951; 2-е изд.— Л., 1975.— Т. I). Вместе с художественной прозой Б. пишет и очерки, восходящие к иной стилистической манере — к рационалистической прозе французского Просвещения (четкое и ясное слово, без метафор и риторических фигур). Именно очерки и исторические сочинения раннего Б. вызвали высокие оценки писателей, ориентировавшихся на аналитический роман: П. А. Вяземского, А. И. Тургенева, а Н. М. Карамзин видел в Б. единственного возможного продолжателя своих «Писем русского путешественника».

В 1825 г. в художественном творчестве Б. происходит перелом, уже в повести «Трактирная лестница» мы видим приемы аналитического изображения человека, что сводит на нет выпренность повествования. Герой повести — едва ли не первая рефлектирующая личность в русской литературе, но рефлексия еще стадильно отдалена от самого поступка. Считается, что «Трактирная лестница» автобиографична: в ней отражены взаимоотношения Б. с Л. И. Степовой. Вряд ли, однако, Б. решился бы прямо изображать свой внутренний мир в художественном произведении. Другое дело, что опыт самонализа был использован им в художественной прозе. «Когда эти воспоминания по одиночке приходили терзать мое сердце,— писал Б. в записных книжках,— тогда анализ каждого фазиса, каждой оттенки заставлял дрожать». В повести Б. выступает против возвращающего влияния светского общества на душу молодого человека. Так «Трактирная лестница» предвосхищает дальнейшие опыты А. И. Герцена и особенно Л. Н. Толстого в области психологического романа. После восстания аналитичность просветительского типа становится центральным приемом изображения человека («Русский в Париже 1814 года»). Однако в эстетических декларациях Б. остается сторонником декабристского романтизма и не принимает реалистических принципов Пушкина («Воспоминания о Рылееве», 30 гг.). Романтическое житиетворчество Рылеева изображается как бы со стороны, отстраненно и даже как бы не принимается автором. Но в повести «Шлиссельбургская станция» (30 гг.) выдуманная причина (революционер не имеет права связывать свою судьбу с судьбой другого человека, сохраняя единство своей личности и посвящая себя целиком борьбе) закрывает истинную: невозможность брака Б. с Л. И. Степовой. Второе название произведения — «Отчего я не женат?» — не имеет, таким образом, прямого автобиографического характера. В «Шлиссельбургской станции» находим также опыт аналитического изображения чужой речи, стремление передать даже натуралистические ее подробности. Повесть «Похороны» (40 гг. (?) уже прямо сближает Б. с «натуральной школой» (тема и отдельные сюжетные мотивы). Недаром среди писателей 40 гг. Б.

выделяет М. Ю. Лермонтова, Н. В. Гоголя, Д. В. Григоровича. Художественное наследие Б.— одна из самых ярких страниц декабристской литературы.

Соч.: Рассказы и повести старого моряка Н. Бестужева.— М., 1860; Воспоминания Бестужева / Ред., вступ. ст., примеч. М. К. Азадовского.— М.— Л., 1951; Статьи и письма / Ред., вступ. ст., примеч. И. М. Троицкого.— М.; Л., 1933; Избранная проза / Вступ. ст. и сост. Я. Л. Левкович.— М., 1983.

Лит.: М. [Семенский М. И.]. Николай Александрович Бестужев // Заря.— 1869.— № 7; Чуковская Л. К. Декабрист Николай Бестужев — исследователь Бурятия.— М., 1950; Павлова Г. Е. Декабрист Николай Бестужев — историк русского флота.— М., 1953; Барановская М. Ю. Декабрист Николай Бестужев.— М., 1954; Зильберштейн И. С. Николай Бестужев и его живописное наследие.— М., 1956 (Литературное наследство.— Т. 60.— Кн. 2); Строганов М. В. Л. Н. Толстой и декабристская литература.— Калинин, 1981.— С. 74—80.

М. В. Строганов

БИЛЫБИН, Виктор Викторович, псевдонимы — *И. Грэк, Диоген, Виктор Ювенис, Жгучий Глаз, В. Холостов* [7(19).I.1859, Петербург — 31.V.(12.VI). 1908, там же.] — прозаик, драматург, журналист. Родился в дворянской семье. Окончив с золотой медалью гимназию, Б. поступил на юридический факультет Петербургского университета. Некоторое время (1880) служил помощником присяжного поверенного, а с 1881 г. — в Главном управлении почт и телеграфов, где в 1890—1900 гг. возглавлял международный отдел. Его карьера чиновника и перипетии брака с А. А. Соловьевой, сотрудницей журнала «Осколки», были объектом шуток и иронических замечаний А. П. Чехова. Отношения между Чеховым и Б. были сложными. Чехова раздражало мелочное самолюбие Б., странным образом сочетавшееся с постоянным самоуничтожением и житейской предприимчивостью. «Очень милый и талантливый парень,— писал он о Б. в 1889 г.,— но под давлением роковых обстоятельств и петербургских туманов превращается, кажется, в сухаря-чинушу» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма.— М., 1976.— Т. 3.— С. 238). С 1885 г., после личного знакомства Б. и Чехова, на протяжении пятнадцати лет между ними велась откровенная переписка. Среди многочисленных жалоб Б. на финансовые затруднения были тонкие оценки рассказов и пьес Чехова (Архив Чехова.— С. 22—24).

Б. достиг виртуозности в малых жанрах журнальной прозы. Фельетоны, экспромты, каламбуры «остроумнейшего И. Грэка» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма.— Т. 1.— С. 67) были особенно популярны в начале 80 гг. С 1879 г. Б. печатал юмористические сценки сначала в журнале «Стрекоза», в затем в «Осколках» (1882—1908), где активно участвовал в работе редакции, а в 1906—1908 гг., после смерти Н. А. Лейкина, редактировал журнал. Как секретарь редакции «Осколков» Б. под-

держивал начинающих авторов, предлагал им разнообразные смешные темы и сюжеты. Один из юмористических фельетонов, «Пестрые сказки» (Новая газета.— 1886.— 27 апреля и 4 мая), он написал в соавторстве с А. П. Чеховым и опубликовал за подписью «Два Аякса». Б. был талантливым пародистом. В лаконичных фельетонах он высмеивал наукообразные трактаты («О воспитании детей», «Грамматика влюбленных», «Руководство по устройству супружеских сцен» и т. п.), словари (медицинские, актерские, купеческие и др.), гороскопы («Предсказания на 1882 год»), уставы («Уложение о наказаниях», «Устав о предупреждении и пресечении стихотворства»), бессодержательные оперы, басни, романы, «звонистые рифмы» («Сокращенные либретто», «Театральные слухи и новости», «Литературные анекдоты»), пытался пародировать и произведения «большой» литературы («Братья Карамазовы», «Иванов» и др.). В 1882 г. «повестушки», «анекдоты», «шутки» И. Грэка Б. издал в виде сборника «Любовь и смех». Следуя традициям писателей-искровцев и М. Е. Салтыкова-Щедрина, Б. мастерски овладел приемами сатирической стилизации и иносказания. Именно ему принадлежит заслуга введения в «Осколки» в 1882—1884 гг. многих социально-политических тем: о полицейском надзоре («Под новый год»), о покорности «мужичка» («Веселые картинки»), об абсурдной бюрократической логике («Сновидения»), о глупости цензоров («Я и околоточный надзиратель») и мн. др. Околоточный надзиратель (Осколки.— 1883.— № 17) поучает сотрудника юмористического журнала: «...Не время смеяться... О доблестях пишите военных и гражданских, вносящие печатным словом страх и повиновение, любовь к отчизне, о необходимости военной службы и об умеренности в спиртных напитках также...» А в заключение заявляет: «Я бы юмористическую литературу того, похерил бы...» (Цит. по кн.: Спутники Чехова.— С. 106). Б. иронизировал по поводу подобных советов и разнообразных «уложений» о литературе, говорил о необходимости «писать как-то между строчками» (Из записок иностранца о России // Осколки.— 1882.— № 44). Он не видел разницы между поэтом, произведенным в околоточные надзиратели (Веселые картинки: Поэт // Осколки.— 1883.— № 15), и литератором, «обличающим» котов и кошек за то, что они «положительно расшатывают основы брака» (Записки сумасшедшего писателя. Будущее литературное помешательство // Осколки.— 1883.— № 26). Однако после закрытия журнала «Отечественные записки» (1884), последовательно отстаивавшего демократические принципы журналистики, общий тон публикаций в «Осколках» изменился: сатирические зарисовки практически не появлялись, предпочтение отдавалось бытовым сюжетам. После 1884 г. для самого Б. обрели неожиданное практическое значение

глубокомысленные наизидания обывателя из фельетона «Советы моего дядюшки, или Как иметь успех в жизни» (Любовь и смех.— С. 69—70): «не выделяйся из толпы», «скрывавай свой ум», «средствами не стесняйся», «будь как все».

С этого времени еженедельные юмористические обзоры Б. «Осколки современной жизни» в «Осколках» (1884—1908), многочисленные юморески Диогена и очерки Виктора Ювениса, появившиеся в газетах «Одесский листок» и «Новости», отличались от «мелочишек» И. Грэка идейной легковесностью, эмпиризмом, ориентацией на вкусы обывателя. В феврале 1887 г. Чехов писал брату по поводу фельетонного цикла Б. «Субботние бани провинциала», опубликовавшегося в «Петербургской газете» (1886—1887): «Б. начинает испускаться. Его скучно читать... Не хочет понять человек, что игриво и легко можно писать не только о барынях, блинах и фортепьянах, но даже о слезах и нуждах» (Чехов в А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма.— Т. 2.— С. 32). Тот же, по словам Чехова, «сентиментально-игриво-старушечий тон» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма.— Т. 3.— С. 191—192) преобладал и в комедиях-шутках Б. Обратившись в конце 80 гг. к драматургии, Б. редко публиковал свои пьесы. В 90 гг. они ставились в Александринском театре и на частных сценах, правда, успех им не всегда сопутствовал. По свидетельству современника, «водевильных начинаний своих Б. сам конфузился» (Амфитеатров А. Тризны.— С. 152).

Пьесы В. Холостова были непосредственно связаны с миниатюрами и бытовыми сценками Диогена и Виктора Ювениса, представляли собой как бы их развернутый вариант. Лишь внешне они напоминали водевили Чехова: в путанице розыгрышей и передеваний терялась авторская позиция, исчезал серьезный подтекст. Герой фарса «Жить надоело» (1889), сюжетно близкого чеховскому «Предложению», восклицает: «Жить надоело! Скучно жить... Сегодня, как вчера, завтра, как сегодня... Жить на свете порядочно человеку стало просто неприлично» (Пьесы в одном действии.— С. 179). Но, сделав предложение «хорошенькой барышне», очень скоро забывает о своей тоске и скуке. Сюжеты «веселых пьес» Б., как правило, сводились к семейным ссорам из-за модных шляпок («Молчание»), любовных писем («Иван Иванович виноват»), подброшенных детей («Цитварный ребенок») и т. п., а банальности любовного треугольника дополнялись интригами злого начальника или тещи (Менелай Петрович Менелав в «Суде над прекрасной Еленой», Анемподист Сергеевич Отвислов в «Цитварном ребенке», Евлампия Петровна Пилкина в «Молчании» и др.). Человек создан был для тонкой интеллигентной иронии, а работал на грубой, нутряной смех,— писал о Б. А. В. Амфитеатров.— Б. разменял свой

тонкий юмор — и потерял талант фельетониста» (Амфитеатров А. Тризна.— С. 152). Фарже «Спириты» (1876), связанный с деятельностью «антимедицинской комиссии» Д. И. Менделеева, скорее всего, ошибочно был приписан Б.

Основная часть пьес создавалась Б. после 1890 г., когда им окончательно был сделан выбор между чрезвычайно «хрупкой вещью — заработком литературным» и мечтами о чине статского советника (Архив А. П. Чехова.— Вып. 1.— С. 22). «Чиновник во мне заедает писателя», — признавался Б. в 1891 г. Чехову (Архив А. П. Чехова.— Вып. 1.— С. 22). Пытаясь обосновать свою позицию, Б. оправдывался: «Я — ремесленник, и в этом нет ничего стыдного... Ремесленники работают добросовестно, но не ждите от них идей вдохновенных. Я смотрю на литературу, как на литературное ремесло, как на хлеб...» (Шаталов С. Е. Два таланта.— С. 36). После выхода из Литературного общества (1890) Б. помещал короткие обзоры в «Осколках», издал сборник «Юмористические узоры» (1898), пытался пародировать декадентскую прозу («Отрывки современной беллетристики», 1898) и драматургию («Театр марионеток», между 1902 и 1908 гг.), но они уже не привлекали внимания читателей, а пьесы, по словам Чехова, его «цитварные дети», только подчеркивали полное угасание юмористического таланта писателя, оставившего яркий след в журналистике 80 гг. «Недавню я взглянул в старые «Осколки», уже наполовину забытые, — писал Чехов Б. 18.I.1895 г., — и удивился задору, какой сидел тогда в Вас и во мне и какого нет теперь ни у одного из новейших гениев» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма.— Т. 6.— С. 13—14).

Соч.: Любовь и смех. Веселый сборник. Повестушки, рассказы, сценки, очерки, пародии, анекдоты, шутки и пр. и пр. Кроме того, самые верные предсказания на 1882 год.— Спб., 1882; Юмористические узоры. Наука. Литература. Искусства. Суд и право. Коммерция. Спорт. Винт.— Спб., 1898; Пьесы в одном действии. 12 одноактных шпук.— Спб., 1902; Сборник веселых пьес.— Спб., 1910.— Т. 1—2; Из молодых, но ранних. Сновидения. Из записок иностранца о России. Др. рассказы и очерки // Писатели чеховской поры. Избранные произведения писателей 80—90-х годов / Вступ. ст., сост. и коммент. С. В. Букчина.— М., 1982.— Т. 1.— С. 59—75; По горячим следам. Под Новым год. Веселые картины. Я и околоточный надзиратель. Записки сумасшедшего писателя и др. фельетоны и очерки // Спутники Чехова / Собр. текстов, ст. и коммент. В. Б. Катаева.— М., 1982.— С. 97—111.

Лит.: Архив А. П. Чехова. Аннотированное описание писем к А. П. Чехову / Общ. ред. Н. Л. Мещерякова.— М., 1939.— Вып. 1.— С. 22—24; Амфитеатров А. Тризна.— Б. м., б. г.— С. 148—152; Библин Виктор Викторович. Некролог // Исторический вестник.— 1908.— № 7.— С. 377—378; Мышковская Л. М. Чехов и юмористические журналы 80-х годов.— М., 1929; Оболенский Л. Е. Обо всем // Русское богатство.— 1886.— № 12.— С. 166—167; Родионова В. М. А. П. Чехов и юмористическая журналистика восьмидесятых годов // Уч. зап. Моск. пед. ин-та им. В. И. Ленина.— 1957.— Т. XXV.— Вып. 7.— С. 344—345; Шаталов С. Е. Два таланта (Антоша Чехонте и Виктор Библин) // Чехов и его время.— М., 1977.— С. 20—38.

Букчин С. В. В. Библин // Писатели чеховской поры.— М., 1982.— Т. 1.— С. 434—436; Катаев В. Б. Виктор Викторович Библин // Спутники Чехова.— М., 1982.— С. 453—455; Он же. Чехов и его литературное окружение (80-е годы XIX в.) // Спутники Чехова.— М., 1982.— С. 17—24.

Ю. Г. Милоков

БЛОК, Александр Александрович [16(28).XI.1880, Петербург—7.VIII. 1921, Петроград] — поэт, драматург. Отец — философ, профессор Варшавского университета. Мать — А. А. Бекетова, по второму браку — Кублицкая-Пиоттух. Родители Б. разошлись сразу после рождения будущего поэта, и он воспитывался в семье матери, принадлежавшей к кругу петербургских профессорских семей. Его дед известный русский ботаник А. Н. Бекетов некоторое время был ректором Петербургского университета, бабка и все ее дочери занимались литературной деятельностью, переводили, сочиняли, а одна из них (Е. А. Краснова) даже была удостоена за свой сборник стихов похвального академического отзыва.

Как поэт Б. формировался под влиянием традиций русской классической литературы, свято почитавшихся в семье Бекетовых. Вместе с тем атмосфера семьи содержала и значительный элемент религиозной экзальтации, что заметно сказалось в понимании Б. ценностных категорий искусства. В начале поэтического пути наиболее близким ему оказался мистический романтизм В. А. Жуковского. «Первым вдохновителем моим был Жуковский. С раннего детства я помню постоянно набегавшие на меня лирические волны, еле связанные еще с чым-либо именем», — писал позже поэт в «Автобиографии». Тонкому и глубоко восприимчивому поэзии Жуковского способствовало то обстоятельство, что все летние месяцы Б. проводил в подмосковном имении деда — Шахматово. Певец природы, как назвал Жуковского В. Г. Белинский, учил юного поэта чистоте и возвышенности чувств, постижению красоты окружающего мира, соприкосновению с тайной бога, вере в возможность проникновения за предел земного. Далекий от теоретических философских доктрин, Б. поэзией романтизма был подготовлен к принятию основополагающих принципов искусства символизма. Уроки Жуковского не прошли для Б. бесследно: взращенные ими «острые мистические и романтические переживания» обратили Б. в 1901 г. к творчеству Вл. Соловьева. Русский поэт и философ-мистик В. С. Соловьев был признан «духовным отцом» младшего поколения русских символистов (А. Блок, А. Белый, С. Соловьев, Вяч. Иванов, Эллис и др.). Идеальный стержень его учения — мечта о царстве теократии, которое возникает из современного мира, погрязшего во зле и пороке, но спасенного в дальнейшем Мировой Душой, Вечной Женой, которая предстает

своеобразным синтезом гармонии и красоты; добра, духовным началом всего живого, новой богоматерью. Эта соловьевская тема стала центральной в ранних стихотворениях Б., составивших первую книгу его стихов «Стихи о Прекрасной Даме» (1904). Хотя в основе стихотворений лежит живое подлинное чувство любви к невесте, позже — жене поэта — Л. Д. Менделеевой (дочери знаменитого химика Д. И. Менделеева), лирическая тема, преломленная в аспекте соловьевского идеала, приобретает звучание темы любви священной. «Предчувствую Тебя. Годы проходят мимо. / Все в облике одном предчувствую Тебя. / Весь горизонт в огне и ясен нестерпимо, / И молча жду, — тоскуя и любя». «Стихи о Прекрасной Даме» — несомненно произведение символистское: платоновская по происхождению, давно и прочно усвоенная романтиками идея двомирия, противопоставление скорбного *здесь* и прекрасного *там*, святость возвышенных неземных идеалов героя, стремление его в край обетованный, решительный разрыв с окружающей жизнью, культ индивидуализма, красоты и созерцательности — важнейшие идейные черты нового искусства России на рубеже веков, нашедшие заметное воплощение в раннем творчестве Б. Поэтому Б. сразу же, как только вышли «Стихи о Прекрасной Даме», занял едва ли не центральное место в рядах символистов. Явственным в книге Б. и признаки символистской эстетики. Этому способствовало то, что он сам ощущал себя поэтом фетовской школы (как и Вл. Соловьев), находился под обаянием поэтической стилистики Фета, которого символисты называли в числе своих литературных учителей. Уже в ранних произведениях проявились важнейшие качества стиха Б.: музыкально-песенный строй, тяготение к звуковой и цветовой выразительности, метафоричность языка, сложная структура образа — все то, что теоретики символизма называли импрессионистическим элементом, считая его важным компонентом эстетики символизма. Все это определило успех первой книги Б. в среде его новых единомышленников. Но в стихах юного поэта уже можно было различить такие качества, как напряженность лирического чувства, страстность и исповедальность, в них зерно будущих главных завоеваний Б.-поэта: безоглядного максимализма и всегдашней искренности.

Поэтический дебют Б. пришелся на годы кануна первой русской революции 1905—1907 гг. Революционная ситуация, складывавшаяся в стране, резкое обострение классовых противоречий, все чаще принимавшее формы открытых столкновений трудящейся массы с «хозяевами жизни», наложили неизгладимый отпечаток на искусство той поры и литературу, пробуждая в ней темы борьбы, протеста, социальной активности. Изменение тонаса литературы затронуло не только ее демократическое крыло во

главе с «буревестником» М. Горьким, но все школы и направления, символизм в т. ч. Отозвался на революцию и Б. В этот период проявилось важное свойство Б.-художника — социальная чуткость. Он, сравнивший сердце художника со стрелкой сейсмографа, всегда поворачивающейся в сторону возмущения, прежде всего сам был поэтом такого типа. В преддверии революции мистические упования символистов обнаружили свою иллюзорность. Мотивы сомнения, неверия проникли уже в «золотолазурные» «Стихи о Прекрасной Даме» Б., а последние части книги буквально полнятся ими. Выразительно авторское название раздела, завершающего первый том лирики поэта — «Распутъя», содержащий стихи, написанные в 1903—1904 гг., в них уже меньше восторгов, ощутичее привкус горечи узнавания жизни. Непосредственно к современности обращены такие стихотворения, как «Из газет», «По берегу плелся больной человек...», «Фабрика» и др. Они не свободны от налета мистики, но свидетельствуют о пробуждении в Б. гражданских настроений.

Если «Стихи о Прекрасной Даме» пришлось по вкусу символистам — единомышленникам Б., то вторая книга стихов «Нечаянная радость» сделала его имя популярным в широких читательских кругах, в нее вошли стихи 1904—1906 гг. и среди них такие шедевры, как «Незнакомка», «Девушка пела в церковном хоре...», «Осенняя воля». Книга свидетельствовала о возросшем мастерстве Б., звуковая магия его стиха завораживала слушателя. По силе воздействия на читателя Б. в то время — уже один из самых значительных русских поэтов. Существенно изменилась тематика его лирики. «Ты в поля отошла без возврата...» — в этих строках из первого цикла «Весеннее» — прощание с Прекрасной Дамой. Теперь герой Б. — не инкогнито, свершающий обряд служения, а обитатель шумных городских улиц, жадно вглядывающийся в жизнь. Урбанистические стихи Б. отразили впечатление событий революции, очевидцем которых был поэт (отчасти и участником тоже: в одной из демонстраций Б., в целом в далекий в эти годы от симпатий к какой-либо политической партии, нес красное знамя). «Вися над городом всемирным...», «Митинг», «Все ли спокойно в народе», «Шли на приступ. Прямо в грудь...» и др. стихотворения этого ряда — воплощение настроений поэта в годы революции. А стихотворение «Осенняя воля» стало первым воплощением темы родины, России в творчестве Б., которой он в дальнейшем отдаст весь свой талант. В нем, как и в др. стихах Б. тех лет, появляются некрасовские ноты и интонации — еще одно проявление роста демократизма поэта. Не умея пока осмыслить превратности хода истории, Б. интуитивно открывает в этой теме самое для себя дорогое и сокровенное, что во всем последующем твор-

честве будет углубляться и усиливаться, став залогом надежды в самые трудные периоды жизни: любовь к родине — любовь-спасение, понимание того, что свою судьбу невозможно представить в отрыве от нее: «...Над печалью нив твоих заплачу, / Твой простор навеки полюблю... / Приюти ты в даях необъятных! / Как и жить, и плакать без тебя!»

1906—1907 гг. — переломные для Б., это годы переоценки ценностей. Перед лицом современности, полной драматических и даже трагических столкновений, мистицизм уже не мог удовлетворить Б. Развенчанию прежних иллюзий, порожденных общением с В. Соловьевым, посвящена лирическая драма Б. «Балаганчик».

Обращение Б. к драматургии не было случайным. Театр — его давняя и через всю жизнь пронесенная привязанность. В юности он мечтал о карьере артиста, много играл в любительских спектаклях. Любовь эта сказалась даже в его лирике: исследователи отмечают драматургический характер многих его стихотворений — диалогизация поэтического текста, акцент на интонационную выразительность, слова-жесты и т. д. Когда Б. почувствовал желание и необходимость сказать новое слово, жанр театрального действия стал для этого естественной формой. Всего им в 1906 г. написаны три лирические драмы — «Незнакомка», «Король на площади» и «Балаганчик». Первая в более широком плане развивает тему одноименного знаменитого стихотворения, по-видимому, непосредственно связанную с аналогичной темой у Ф. М. Достоевского (образ Настасьи Филипповны в «Идиоте») и перекликающуюся с тогда же написанной «Клеопатрой» — о красоте, униженной в мире пошлости и торгашества, но понимаемой поэтом как сила возвышающая и воскрешающая. «Королем на площади» Б. остался недоволен. Остросовременная, революционная по сути тема отрицания мертвых канонов прошлого и ожидания радостных перемен выражена в ней старыми во многом средствами: отвлеченные, аллегорические образы, нарочитая невнятица затрудняют ее чтение и прояснение смысла.

В «Балаганчике» наиболее заметно отразились изменения в блоковском мироощущении этих лет и прежде всего разочарование в возможностях мистического постижения жизни. Уже в самом названии, иронически уменьшительном, уничижительном, — отказ от былых верований, крутой поворот в сторону реальной действительности. Не случайно появление «Балаганчика» вызвало неудовольствие и резкую критику со стороны соратников Б. по «новому искусству». Поэт же, освобождаясь от пут декаданса, стремительно двигался по пути освоения богатств мира: «...Узнаю тебя, жизнь! Принимаю!..», «...И с миром утвердилась связь!»

Поражение первой русской революции решающим образом сказалось не только в судь-

бе всей поэтической школы символизма, но и в личной судьбе каждого из его приверженцев. Характерным было «поправление» их под напором реакции. Б. оказался едва ли не единственным в ряду символистов, в ком эти дни не приглушили жажды обновления жизни и идеалов, рожденных революцией. Отличительная черта блоковского творчества пореволюционных лет — укрепление в нем гражданского негодования и протеста. Буквально в день третьеиюньского столыпинского переворота (1907) написаны им первые из его гневных «Ямбов»: «Эй, встань и загорись и зги! / Эй, подними свой верный молот, / Чтоб молнией живою расколот / Был мрак, где не видать ни зги!» Примечательно, что этот страстный призыв сохранить горение, укрепить веру в то, что «За их случайной победой / Ройтся сумрак гробовой», исходил от вчерашнего убежденного символиста. В наступивший исторический период отход от революции основной массы деятелей искусства, с одной стороны, и укрепление гражданских позиций Б. — с другой, неминуемо должны были привести и привели к ослаблению его связей с бывшими единомышленниками. Выразительна дневниковая запись Б. этих лет: «Никаких символизмов больше: я не мальчик, сам отвечаю за все». Он мечтает об активной публицистической деятельности, об общественно-художественном журнале в духе Добролюбовского «Современника», сознавая, впрочем, невозможность осуществления своего намерения в условиях реакции (запись в записной книжке 12 сент. 1908 г. и письмо к В. И. Сторожеву: «Знаю, что теперь за всякую политику сцапают. И все-таки очень мечтаю о большом журнале с широкой общественной программой, внутренними обозрениями и т. д. Уверен, что теперь можно осуществить такой журнал, для очень широких слоев населения и с большим успехом, если бы... не правительство»).

Важный момент изменившейся блоковской концепции художественного творчества — новое понимание им роли искусства в жизни общества и назначения художника. Если в ранних циклах стихов герой Б. предстал иноком, рыцарем Прекрасной Дамы, индивидуалистом, горящим тем, что «принесет серафимы священный сон избранныкам миров», к которым принадлежит и он сам, то теперь поэт заговорил о долге художника перед эпохой, перед народом. Не имея возможности организовать издание своего журнала, Б. активно включился в литературную борьбу; вторая половина 900 гг. отмечена появлением большого числа его литературоведческих, критических и публицистических работ, среди них такие важные для него в плане определения своего художнического кредо, как «Девушка розовой калитки и муравьиный царь» (1906), «О реалистах» (1907), «О лирике» (1907), «Народ и интеллигенция» (1908), «Вопро-

сы, вопросы и вопросы» (1908), «Стихия и культура» (1908), «О современном состоянии русского символизма» (1910). «Утвердив с миром связь», Б. все настойчивее ставит вопрос об общественном служении художника. Раздумьями об этом полны перечисленные статьи и выступления поэта. В работе «Три вопроса» Б. приводит слова критика-народника Н. К. Михайловского о том, что каждый художник должен быть в душе публицистом, и развивает эту мысль: «И особенно свойственно это русскому художнику... Перед русским художником вновь стоит неотступно вопрос пользы. Поставлен он не нами, а русской общественностью... К вечной заботе художника о форме и содержании присоединяется новая забота о долге, о должном и не должном в искусстве. Вопрос этот — пробный камень для художника современности...»

В таком свете понятна резко отрицательная оценка, какую Б. дает новым молодым поэтам, считая их стихи даже и вредными, т. к. нельзя, считает поэт, «приручать публику любоваться на писателей, у которых нет ореола общественного, которые еще не имеют права считать себя потомками священной русской литературы» («Вечера искусств»). Неожиданно для многих, но в полном соответствии с логикой его духовной эволюции в острейшей литературной борьбе своего времени он вступает в полемику с бывшими союзниками, Д. Мережковским и З. Гиппиус, в защиту А. П. Чехова и М. Горького, считая последнего после смерти Чехова единственно подлинным русским писателем.

Изменение общественных взглядов Б. решающим образом отразилось в его творчестве. Если на раннем этапе он был вполне определенно продолжателем традиций школы Жуковского — Фета — Соловьева с ее подчеркнутым лиризмом, песенностью, высокими порывами героя к красоте и неземным идеалам и, одновременно, преднамеренной асоциальностью, то в пореволюционную пору в центре его лирики — герой, ищущий крепких связей с другими людьми, осознающий зависимость своей судьбы от общей судьбы страны и народа. Цикл «Вольные мысли» (1907), особенно стихотворения «О смерти» и «В северном море», обнажает тенденцию демократизации творчества поэта, проявляющуюся в настроениях лирического героя, в мирочувствовании, наконец, в лирическом строе языка автора. В сборнике «Земля в снегу», вышедшем в 1908 г., этот цикл помещен рядом с подборкой стихов имеющей название такое же, как и созданная в это время новая лирическая драма Б. — «Песня судьбы». В маленькой статье «Вместо предисловия», предпосланной сборнику, которая скорее является лирическим стихотворением в прозе, чем обычным авторским комментарием, Б., размышляя о поисках *пути в потемках* его героя-интеллигента, различает спасительный для него, доносящийся из-за вьюжной замяти «победно-

грустный, призывный напев» коробейника: «Ой, полна, полна коробушка, / Есть и ситцы и парча» и т. д. (Б. цитирует три строфы). Так обозначается еще один важнейший ориентир в поэтическом пути Б. — Н. А. Некрасов. Имя поэта-демократа отныне будет очень много значить для Б., что он и отметит в известных ответах на литературную анкету К. Чуковского. Песня коробейника становится для его героя песней судьбы. В одноименной лирической драме этот мотив вполне определенно конкретизирован: *мужик-коробейник* выводит Германа, героя драмы, заплутавшего в бездорожье, на дорогу.

Призывы поэта служить обществу не находили отклика у его вчерашних единомышленников. Вокруг Б. образовалась пустота. Порывая с прошлым, Б. в то же время не мог в силу противоречий своего мировоззрения сразу перейти в лагерь демократических писателей. Поэт выстоял в то время, когда не один талант был принесен в жертву «мародерам в ночи после битвы» (В. В. Воровский), но бесследно это не прошло и для него. Чувства неверия, опустошения, неведения дальнейшего пути, осложненные личными мотивами, заполняют строки его стихов. Начиналось осознание российской действительности как «страшного мира», мира, уродующего, губящего человека. В этом плане духовно близкими оказались Б. трагичнейшие, как он сам их называл, русские поэты — Е. Баратынский, А. Григорьев, Ф. Тютчев.

С Григорьевым Б. встретился еще раньше, в пору создания своего «кометного» цикла «Снежная маска», центральный образ которого во многом созвучен с любимым романтическим образом кометы у Григорьева. Влияние этого образа на поэзию Б. действительно огромно; отзвук григорьевской темы не просто ощутим в ней, под знаком развития «кометного» начала создавался весь второй том лирики Б. В ряду других факторов, определивших изменение характера романтизма Б., его эволюцию от мистицизма соловьевского толка к утверждению активного отношения к жизни и активных романтических начал в искусстве, немаловажным нужно признать и влияние Григорьева. Образ кометы полюбился Григорьеву и Б. не только потому, что он отражал, пользуясь выражением последнего, порыв и максимальные требования к жизни, предъявляемые поэтом-романтиком, отражал идею борьбы личности за свои права.

В этом образе — и трагизм подобной борьбы, неотвратимость гибели героя. Уже в стихах молодого Б., как раньше у Григорьева, появляется трагическая нота как отзвук трагичности самой эпохи. В этом ключ к пониманию влияния одного поэта на другого. Дело в сопоставимости эпох: «рожденные в года глухие», люди блоковского поколения ощущали на себе тяжесть атмосферы победоносцевской, а позже стольпинской России; и того, и другого поэта от противного воспиты-

вала реакция. Тема кометы — вариация общерусской темы искусства XIX в., темы столкновения личности героя — носителя светлых идеалов с «темным царством» российской действительности. Этот образ явился идеальным выражением трагического характера столкновения, в котором начался добра, света, гуманизма не дано было торжествовать. На новом витке истории, в схожем микроклимате времени эту тему подхватил Б. Гуманистическое искусство эпохи реакции не может не быть трагедийным, и Б. понимал это.

Рожденная в романтизме, традиционная для классической русской литературы тема столкновения с миром зла и насилия, определяющая основную протестующий пафос искусства прошедшей эпохи, нашла в Б. гениального продолжателя ее традиции. В ней он соприкоснулся с поэтическим опытом Е. Баратынского и Ф. Тютчева. Само понятие крушения гуманизма, программное для поэта в эпоху между двух революций, связывается им с наступлением бездуховной буржуазной цивилизации XIX в. Баратынский, по представлениям Б., стоял в самом начале этого процесса в России. Тютчев усилил трагизм конфликта привнесением философских мотивов прозрачности свободы одинокой личности перед лицом вечности и бездны космоса, бренности бытия и неотвратимости гибели всего сущего. Как истинный художник-новатор Б. идет дальше. Если Баратынский обнажает трагедию личности как психологического феномена, а Тютчев освещает философско-исторический аспект темы, то Б. психологическую драму личности и философию бытия концентрирует в социально-историческом контексте; Б. ощутил прежде всего социальное неблагополучие, затронувшее каждого, не только его героя. Он варьирует эту мысль в своих критических и публицистических работах. А в его поэзии тех лет встает образ лирического героя. человека кризисной эпохи, изувечившегося в прежних ценностях, считающего их погибшими, утраченными навсегда, но еще не нашего нового. Болью и горечью за исковерканные судьбы, проклятием жестокому страшному миру, поисками спасительных точек опоры в разваливающемся здании бытия, мрачной безысходностью и вновь обретаемой надеждой, верой в будущее наполняются стихи Б. этих лет; вошедшие в третий том его лирики цикл «Страшный мир» и цикл в цикле «Пляски смерти», «Возмездие» и «Арфы и скрипки» — лучшее, что написано Б. в период расцвета и зрелости его таланта. Само определение жизни как *страшного мира* лаконично и точно по-блоковски: в нем и огромность силы, уродующей людские судьбы, и ужас светлых душ перед всеохватывающим мраком, в котором не видно пути, и сознание невозможности принять его принципы.

Понимание трагичности своего времени и нежелание создавать лирику-сказку-обман, дающую забвение гибнущему человеку и отвращающую

его от жизни, привело Б. к осуждению своей лирики и даже решению бросить писать стихи. Он жаждал обновления эстетических принципов творчества, безусловной верности долгу поэта и гражданина, верности будущему, а не прошлому. В марте 1912 г. он писал об этих своих мучительных поисках в письме к грузинскому литератору А. И. Арсенишвили: «...для Вас стихи тех поэтов, о которых Вы пишете, (и мои), как «елисейские поля» — «благоуханные цветущие поляны... прошлого <...>. Я это чувство очень хорошо знаю, временами подчиняюсь ему и не люблю его, или, выражаясь по-Вашему, «еще печальней люблю». В этом же смысле могу сказать: «не люблю я стихов» <...> за то, что все прошедшие стихи (и мои в том числе) способны стать вдруг «полями блаженных», царством забвения. Чем меньше сил для жизни, тем слаще забвение.

<...> Мы пришли не тосковать и не отдыхать. То чудесное сплетение противоречивых чувств, мыслей и воли, которое носит имя *человеческой души*, именно оттого носит это *радостное* <...> имя, что оно все обращенное к будущему, чем к прошедшему... Человек есть *будущее*. <...> берегитесь елисейских полей; пока есть в нас кровь и юность,— будем верны будущему...; боюсь я всяких тонких, сладких, своих, любимых, медленно действующих ядов. Боюсь и, употребляя усилие, возвращаюсь постоянно к более простой, демократической пище».

Конечно, стихов Б. писать не перестал и лириком, тончайшим, остался навсегда. Даже в мрачные годы «ночи после битвы» у него бывали эмоциональные подъемы в творчестве. Один из них связан с поездкой летом 1909 г. в Италию, страну, издавна им любимую и почитаемую как колыбель культуры: результатом этой поездки стал цикл «Итальянские стихи». Позже, весной 1914 г., создавался другой лирический шедевр — цикл «Кармен», посвященный Л. А. Дельмас. Но настойчивое возвращение «к более простой демократической пище» было знаменательным. Десятилетие с 1906 по 1915 г. в творчестве Б. характеризуется борением двух главных линий его лирики: одна — «соловьиная», опирающаяся на традицию Жуковского — Фета, господствовавшая в начальный период его литературной деятельности и затухающая по мере *высвобождения* поэта; другая — встречающая, крепнущая линия гражданских, социальных, исторически значимых тем, созвучных эпохе. Они пересеклись окончательно в поэме «Соловьиный сад» (1915), и выбор поэта решителен и бесповоротен: «Заглушить рокотание моря / Соловьиная песнь не вольна!»

Поэтому, как и всякий большой художник, Б. при всей общности мировоззренческих принципов и схожести общественно-политических условий (реакция) не мог лишь повторить трагические образы и интонации своих предшествен-

ников. С одной стороны, тема гибели человека в страшном мире разработана у него более широко и глубоко, более значительно; а с другой — именно на пределе, в апофеоз звучания этой темы возникает существенный для понимания всего творчества Б., немислимый у Баратынского и Тютчева мотив преодоления как отражение воздействия на человека тех сил, которые реально способствовали обновлению жизни, — движение народных масс. Это прежде всего проявилось в теме родины, России, в теме обретения новой судьбы блоковского героя, стремящегося преодолеть исторически сложившийся разрыв между народом и той частью интеллигенции, к которой он изначально принадлежал.

Тема родины стала для Б. выражением веры его героя, надежды и спасения в единстве с ее судьбой. Не случайно поэт любил повторять, что все его творчество — о России.

Первые стихи, где возникает тема России, начиная с «Осенней воли», такие, как «Осенняя любовь», «Россия», воссоздают двуликий образ страны — нищей, богомольной, сирой и одновременно разбойной, вольной, дикой, с раскосостью азиатчины в глазах. Выразителен в этом отношении цикл «На поле Куликовом» (1908) — этапное произведение поэта. В третьем томе собрания своих стихотворений (1912) Б. сопроводил цикл весьма многозначительным примечанием: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение. Разгадка их еще впереди». Смысл этих строк глубже распространенных среди символистов неославянофильских упований на уготованную России исключительную роль в переименовании судеб мира. Существенное для Б. опрокидывание исторической темы в современность («*Опять* над полем Куликовым...») и примечательное первое лицо множественного числа повествователя («...Пусть ночь. *Домчимся, озарим* кострами / Степную даль... / И вечный бой! *Покой нам* только снится...»). Одной из важнейших для Б. в эти годы была проблема единения интеллигенции и народа, и то, что его герой находит свое место в битве за спасение отечества среди русских ратников, говорит об авторской вере в возможность такого единства.

По существу — о том же главное произведение Б. 10 г., поэма «Возмездие». Первоначально задуманная как скорбный реквием в память умершего отца, она постепенно наполнялась отражением судьбы России в роковые для нее годы эпохи «безвременья» конца XIX в.; социальный пафос поэтического исследования смены поколений русской интеллигенции постепенно становился основным в произведении, все отчетливее проясняя неизбежность финала, как понимает его Б., — возмездия-вырождения роду героя-романтика, не способного воздействовать на историю. Поэма не была завершена, но намере-

ния автора (высказанные им в предисловии) убеждают, что его отношение к исключительной личности, каким сознавал себя герой ранней лирики, решительно изменилось. Само понятие исключительности просто снимается Б. в прологе «Возмездия»: «Герой уж не разит свободно.— / Его рука — в руке народной...». «В эпилоге должен быть изображен младенец, которого держит и баюкает на коленях простая мать, затерянная где-то в широких польских клеверных полях...» *Простая* мать, в глубинах России пестующая сына, которому предназначено вершить историю человечества: «...в последнем первенце... новое и упорное начинает, наконец, ошутимо действовать на окружающую среду; таким образом, род... начинает... творить возмездие; последний первенец... готов ухватиться своей человеческой ручонкой за колесо, которым движется история человечества».

Рост гражданских настроений поэта, «и страсть и ненависть к отчизне», готовность к «неслыханным переменам, невиданным мятежам» («Возмездие») определили позицию Б. в событиях Октября, запечатленных им в поэме «Двенадцать».

Образ Революции, суровым и восторженным гимном которой стала поэма «Двенадцать», синонимизируется автором с могучим порывом ветра, всепообеждающей стихией, мировым пожаром, в котором как в очистительном огне, гибнет ненавистный ему страшный мир и встает мир преображенный. Лучше всего выражает отношение поэта к происходящему резко изменившееся звучание темы России. Он, посвятивший ей самые проникновенные строки, воспевавший ее «серые избы» и «ветровые песни», клявшийся ей в любви, вдруг начертал крамольные строки: «Товарищ, винтовку держи, не трусь! / Пальнем-ка пулей в святую Русь — / В кондовую, / В избяную, / В толстозадую! / Эх, эх, без Креста!» Бескомпромиссность атмосферы Революции подчеркивается «цветовым» решением поэмы: никаких полутонов, неясностей — «черный вечер, белый снег», и только красному флагу, бьющему в очи, дано нарушить черно-белую гамму красок. От этого особую прямолинейность и символичность приобретают образы поэмы. Двенадцать красногвардейцев, вооруженный патруль, идущий по городу, — как двенадцать апостолов Революции, ее карающая десница. Их шаг, их шаг, «мерный, державный», — победная поступь Революции. А найденный поэтом гротескный образ-символ старого мира — бездомного пса еще больше усиливает впечатление: «Стоит буржуй, как пес голый, / Стоит безмолвный, как вопрос. / И старый мир, как пес безродный, / Стоит за ним, поджавши хвост». Утверждению Революции в поэме подчинено все: и композиция — постепенное поглощение мелкого, личного темой общественного долга, доходящее до пафосного звучания; и интонация — ироническая, насмешливая,

когда автор рисует сценки петербургского старого мира, возвышенная, патетическая, когда звучит тема Революции; и ритм, и строфика, и «цвет», и символика.

В послереволюционные годы Б., призвавший деятелей искусства в статье «Интеллигенция и революция» к сотрудничеству с новой властью, сам активно включился в работу по культурному строительству молодой Советской республики. Он работает в правительственной комиссии по изданию классической литературы, в Репертуарной секции Петроградского театрального отдела Наркомпроса, в учрежденном М. Горьким издательстве «Всемирная литература», избирается председателем управления Большого драматического театра, председателем Петроградского отделения Всероссийского Союза поэтов, участвует во мн. др. советах, комиссиях и редакциях, одновременно с этим ведет большую публицистическую работу и подготовку к изданию собственных сочинений.

Весной 1921 г. появились признаки тяжелой болезни сердца, от которой 7 августа Б. умер.

Соч.: Стихотворения: В 3 кн.— М., 1916; Стихи о Прекрасной Даме.— М., 1905; Начаянная радость. Второй сборник стихов.— М., 1907; Земля в снегу. Третий сборник стихов.— М., 1908; Ночные часы. Четвертый сборник стихов.— М., МСМХI; Ямбы.— Пб., 1919; За гранью прошлых дней.— Пб., 1920; Седое утро.— Пб., 1920; Собрание сочинений / Вступ. ст. В. В. Гольцева; Предисл. П. С. Когана.— М.; Л., 1929; Собр. соч.: В 12 т. / Вступ. ст. А. Луначарского.— Л., 1932—1936; Соч.: В 2 т. / Вступ. ст. В. Орлова.— М., 1955; Собр. соч.: В 8 т. Вступ. ст. В. Орлова.— М.; Л., 1960—1963; Собр. соч.: В 6 т. / Вступ. ст. Б. Соловьева.— М., 1971; Письма А. Блока к родным: В 2 т. / Предисл. и примеч. М. А. Бекетовой.— Л., 1927—1932; Александр Блок и Андрей Белый. Переписка.— М., 1940; Записные книжки.— М., 1965; Письма к жене // Литературное наследство.— М., 1978.— Т. 89; Новые материалы и исследования // Литературное наследство.— М., 1980—1987.— Т. 90.— Кн. 1—4. *Лит.*: Чуковский К. Книга об А. Блоке.— Пб., 1922. *Жирмунский В.* Поэзия Александра Блока.— Пб., 1922. *Венгров Н.* Путь Александра Блока.— М., 1963; Долгополов Л. Поэмы Блока и русская поэма конца XIX — начала XX века.— М.; Л., 1964; Блоковский сборник. Труды научных конференций, посвященных изучению жизни и творчества А. А. Блока.— Тарту, 1964—1981.— Вып. 1—4; Соловьев Б. Поэт и его подвиг.— М., 1968; Громов П. А. Блок, его предшественники и современники.— М.; Л., 1966; Родина Т. А. Блок и русский театр начала XX века.— М., 1972; Горелов А. Грозга над соловьиным садом. Александр Блок.— Л., 1973; Максимова Д. Поэзия и проза Ал. Блока.— Л., 1975; Орлов В. Гамаюн. Жизнь Александра Блока.— Л., 1978; Он же. Здравствуйте, Александр Блок.— Л., 1984; Долинский М. Искусство и Александр Блок.— М., 1985. *А. П. Авраменко*

БОБЫРЫКИН, Петр Дмитриевич [15(27).VIII.1836, Нижний Новгород — 12.VIII.1921, Лугано, Швейцария] — прозаик, драматург, публицист, критик и историк литературы, театральный деятель, мемуарист, переводчик. Родившись в обеспеченной помещичьей семье, Б. получил разно-стороннее образование — сначала на юридическом факультете Казанского университета, затем в Дерпте, где готовился к карьере ученого-хи-

мика и медика, и, наконец, в Петербурге, где успешно выдержал кандидатские экзамены по «разряду административных наук» (1861). Свободно владеет основными европейскими языками, объездив весь Старый Свет, располагая обширными познаниями в философии, естествознании, политических дисциплинах, в изобразительном и театральном искусстве, Б. слыл одним из культурнейших людей своей эпохи, умелым рассказчиком и интересным собеседником, хранителем традиций дворянской просвещенности либерально-западнической ориентации.

Занятия литературой Б. начал еще в студенческие годы: в 1860 г. он напечатал комедию «Однодворец», в 1862—1864 гг. — объемистый и во многом автобиографический, посвященный жизни студенчества роман «В путь-дорогу!». С конца 1861 г. выступает как фельетонист в «Библиотеке для чтения» (псевдоним — *Петр Нескажусь*), а в 1863 г. становится редактором-издателем этого журнала, который в 1865 г., не завоевав читательских симпатий и скомпрометировав себя публикацией «антинигилистического» романа Н. С. Лескова «Некуда», терпит финансовый крах и закрывается. В 1865—1871 гг. Б. путешествует за границей, встречается с А. И. Герценом, Н. П. Огаревым, П. Л. Лавровым, М. А. Бакунным, в качестве корреспондента присутствует на Брюссельском конгрессе I Интернационала и дает о нем сочувственные отчеты в газете «Голос» (1868.— № 239, 241—245), в 1871 г. помещает в «Отечественных записках» (№ 8, 11) очерки «На развалинах Парижа», осуждающих кровавый разгром Парижской Коммуны.

В эти годы закладываются основы философского мировоззрения, политических взглядов и эстетической программы Б. Общественный индифферентизм, отличавший ранние произведения писателя (пьесы «Мать и дети», «Ребенок», «Старое зло», романы «Земские силы», «В чужом поле», «Жертва вечерняя» — на этот роман, исследующий круг интимных переживаний светской женщины, резким фельетоном «Новаторы особого рода» откликнулся М. Е. Салтыков-Щедрин (Собр. соч.: В 20 т.— М., 1970.— Т. 9.— С. 36—47), уступает место пытливому интересу к социальным и политическим проблемам, неизменно решаемым в духе умеренного либерализма. Большое воздействие на Б. оказывают философия позитивизма О. Конта, эстетическая теория И. Тэна, литературная позиция и художественная практика Э. Золя, бр. Гонкуров, других французских писателей-натуралистов. Вернувшись в Россию, Б. активно пропагандирует творчество Э. Золя и его последователей «золяистов» в статьях: «Новые приемы французской беллетристики» (Неделя.— 1872.— № 14, 15—16), «Реальный роман во Франции» (Отечественные записки.— 1876.— № 6—7), «Писатель и его творчество» (Наблюдатель.— 1883.— № 11) и т. д., разрабатывает,

опираясь как на эстетический кодекс «золаизма», так и на традиции русской «натуральной школы», собственную литературно-художественную концепцию, отразившуюся в статьях «Мысли о критике и литературном творчестве» (Слово.— 1878.— № 5), «Мотивы и приемы русской беллетристики» (Там же.— № 6), «Наша литературная критика» (Наблюдатель.— 1883.— № 1), в романах, повестях, рассказах, очерках, пьесах, созданных Б. за шестьдесят лет неустанной творческой деятельности.

Основным пунктом этой концепции, наиболее последовательно развитой Б. в его позднейших трудах «Европейский роман в XIX столетии» (1900) и «Русский роман до эпохи 60-х годов» (1912; не опубликован), является установка на исчерпывающе полное, предельно объективизированное и оперативное, вплоть до «репортажности», отображение современной писателю действительности. Б. мгновенно откликается на злобу дня, пишет романы, повести, рассказы, посвященные, напр., «славянскому вопросу» («Доктор Цыбулька», «В усадьбе и на порядке», «Сами по себе»), неудачному «хождению в народ» русских интеллигентов («Лихие болести»), проблемам «свободной любви» и женской эмансипации («Посестриез», «Труп»), сектантству («Исповедники») и пр., фиксирует kaleidosкопически быструю смену «умственных поветрий» в русском обществе, смело «портретирует» реальных лиц и подлинные события (так, рассказ «Последняя депеша» посвящен взаимоотношениям А. И. Герцена и Н. П. Огарева, в повести «Долго ли?» описаны смерть и похороны Ап. Григорьева, в повести «Однокурсники» излагаются впечатления от чеховских спектаклей на сцене Художественного театра и т. д.). Все это превращало произведения Б. в хронику общественной жизни или, пользуясь выражением А. В. Луначарского, в своего рода «летописные документы» и зачастую вызвало острое раздражение современников. «Я легко могу представить его на развалинах мира, строчащего роман, в котором будут воспроизведены самые последние «веяния» погибающей земли. Такой торопливой плодovitости нет другого примера в истории всех литератур! Посмотрите, он кончит тем, что будет воссоздавать жизненные факты за пять минут до их нарождения»,— писал, в частности, И. С. Тургенев (Полн. собр. соч. и писем. Письма.— Т. XIII.— С. 90). Вместе с тем неоднократно отмечались и заслуги Б. в художественном освоении действительности, его социальная отзывчивость. «Б. замечательно чуток. Это заслуга»,— указывал Л. Н. Толстой (Полн. собр. соч.— Т. 71.— С. 260); «Б.— добросовестный труженик, его романы дают большой материал для изучения эпохи. Этого не следует забывать»,— подчеркивал А. П. Чехов (см.: Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости.— М., 1966.— С. 17).

Достоинства и недостатки писательской манеры Б. наиболее рельефно проявились в его романах 70—90 гг., исследующих бурный процесс капитализации России. И хотя вопреки распространенному заблуждению Б. не был самозабвенным певцом русского капитализма и с неизменным сочувствием относился к жертвам буржуазного «прогресса», его позиция на протяжении полувека определялась верой в социальную эволюцию, движимую реформами и «малыми делами», в перспективу грядущего сращения традиций дворянской культуры с энергией нового русского купечества, деловых кругов, просвещенных администраторов и разночинных интеллигентов. Характерны в этом отношении романы «Солидные добродетели» (1870), «Дельцы» (1872—1873), «Китай-город» (1882) и в особенности «Василий Теркин» (1892), где, по словам М. Горького, Б. первым в русской литературе нарисовал образ просвещенного, политически мыслящего купца, который, сам выйдя из народа, хочет «дать полный ход всему, что в нем кроется ценного, на потребу родным угодиям и тому же трудовому и обездоленному люду» (Собр. соч.— Т. 25.— С. 308). В повестях «Изменник» (1889), «Поумнел» (1890), в романах «Перевал» (1894), «Ходок» (1895), «Княгиня» (1896) Б. обращается к вопросу о социальной роли и долге интеллигенции, воссоздает картину ее духовных исканий и идейного разброда, последовательно обличает «ренегатов», откачнувших в эпоху реакции от традиций народолюбия и прогрессизма, а в романе «По-новому» (1897) пытается разобраться в споре между народниками и марксистами, хотя и стоит по-прежнему на либерально-реформистских позициях, что вызвало резкий отзыв В. И. Засулич в статье «Плохая выдумка» (Новое слово.— 1897.— № 12), получивший одобрение В. И. Ленина (Полн. собр. соч.— Т. 2.— С. 537—538). Идейные споры составляют суть романа «Тяга» (1898), где, достоверно воспроизводя тяжкую жизнь и бесправие рабочих-текстильщиков, Б. связывает свои надежды не с революционной пропагандой и насилием, а с распространением просвещения как в пролетарской среде, так и в кругу предпринимателей. Неприятие революционных методов борьбы, растерянность Б. перед наступлением новой исторической эпохи выразились и в рассказе «Грозные дни» (1906), романе «Великая разруха» (1908), посвященных событиям 1905—1907 гг.

Наибольший интерес из произведений Б. 900—10 гг. представляют его воспоминания «За полвека» (1906—1913), «Столицы мира» (1911) и др., отразившие духовную, политическую и литературную жизнь России и Западной Европы. С 1914 г. Б., все больше теряющий зрение и работоспособность, живет за границей, его связи с Россией ослабевают. Последние публикации на родине — рассказ «Жить — ждаты!» (1916) и воспоминания «Итоги старейшего» (1917). За ру-

бежом Б. напечатал ряд литературно-критических статей и воспоминаний.

Соч.: Собр. соч.: В 12 т.— Спб., 1885—1887; Собрание романов, повестей и рассказов: В 12 т.— Спб., 1897; Воспоминания: В 2 т. / Вступ. ст. Э. Виленской и Л. Ройтберг.— М., 1965; Повести и рассказы / Вступ. ст. С. И. Чупринина.— М., 1984; Китай-город. Проезд / Вступ. ст. С. И. Чупринина.— М., 1985.

Лит.: Венгерова З. П. П. Д. Бобрыкин // Образование.— 1900.— № 11—12; Овсянко-Куликовский Д. Н. К пятидесятилетию литературной деятельности Бобрыкина // Вестник Европы.— 1910.— № 11; Линин А. М. К истории буржуазного стиля в русской литературе: Творчество П. Д. Бобрыкина.— Ростов н/Д, 1935; Чупринин С. И. П. Д. Бобрыкин — историк русской литературы // Известия АН СССР. Серия литературы и языка.— 1976.— № 3. С. И. Чупринин

БОБРОВ, Семен Сергеевич [около 1763, Ярославль — 22.III(2.IV).1810, Петербург] — поэт. Сын священника. Учился сначала в духовной семинарии, с 1780 г. — в гимназии при Московском университете, а затем в 1782—1785 гг. — в самом университете. В студенческие годы был членом московского масонского «Дружеского ученого общества» Н. И. Новикова. Закончив образование в 1785 г., переезжает в Петербург и с 1787 г. определяется в Канцелярию Сената по геральдическим делам. Принимает активное участие в петербургском Обществе друзей словесных наук, членом которого был и А. Н. Радищев, оказавший, несомненно, влияние на Б. — особенно на его эстетические воззрения. Начав печататься еще будучи студентом, сотрудничал в московских и петербургских журналах «Покойщийся трудолюбец», «Собеседник любителей русского слова», «Детское чтение», «Зеркало света», «Беседующий гражданин» (в котором А. Н. Радищев опубликовал свою «Беседу о том, что есть сын отечества»). С 1792 г. служит в г. Николаеве в Черноморском адмиралтейском управлении при адмирале Н. С. Мордвинове. Вероятно, отъезд из столицы был связан с закрытием Общества и арестами Радищева и Новикова. Находясь на юге России, Б. много путешествовал по делам службы, неоднократно ездил в Крым, города Херсон, Керчь, Одессу. Впечатления поездок были использованы в его поэме «Таврида», или Мой летний день в Таврическом Херсонесе» (Николаев, 1798), переименованной во втором издании в «Херсониду, или Картину лучшего летнего дня в Херсонесе Таврическом» (Спб., 1804). В этой поэме автор рассказывает о животном и растительном мире Крыма, его геологическом и историческом прошлом, о завоевании полуострова Россией, рисует поэтические картины величественной крымской природы, которые находят отклик в переживаниях лирического героя, разлученного со своей возлюбленной.

Около 1800 г. Б. возвращается в Петербург, где продолжает служить по морскому ведомству

в должности переводчика адмиралтейских коллегии, а затем одновременно и переводчиком Комиссии составления законов. В 1804 г. выпускает единственное собрание своих сочинений «Рассвет полнощи, или Созерцание славы, торжества и мудрости порфиросных, браноносных и мирных гениев России с последованием дидактических, эротических и других разного рода в стихах и прозе опытов Семена Боброва» (Часть I—IV.— Спб.). В начале XIX в. участвует в занятиях Вольного общества любителей словесности, наук и художеств и печатается в журналах Общества: «Северный цветник», «Лицей», «Галия», «Цветник». 19 октября 1807 г. принимается в члены Общества. В 1805 г. пишет статью «Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» — труд, явившийся одновременно и филологическим исследованием и политическим памфлетом, направленным на защиту просветительских традиций XVIII в. В 1807—1809 гг. выходят мистико-аллегорические философские поэмы Б. «Древняя ночь Вселенной, или Странствующий слепец» в 2 т. (Спб.) и «Россы в буре, или Грозная ночь на Японских водах» (Спб.).

Уже после смерти писателя, в 1812 г. был издан его труд «Древний российский плаватель, или Опыт краткого деписания о прежних походах Россиян» — первое научное исследование по истории русского мореплавания с древнейших времен по XVII в. включительно.

Среди современников Б. выделялся образованностью. Он свободно владел несколькими древними и современными языками. Б. оставил много сочинений в разных жанрах, но наибольший интерес представляют его труды, в которых он продолжает ломоносовские традиции научно-философской поэзии и вместе с тем подготавливает будущую «поэзию мысли» Ф. И. Тютчева, Е. А. Баратынского, Д. В. Веневитинова, поэтов-славянофилов. В лучших своих стихах ему удается сочетать точность поэтического видения, образность языка, глубину мысли и искренний лиризм, делающий эти опыты подлинными произведениями поэзии. Вот, напр., описание вечерних сумерек на закате солнца: «Какая густота подымется седая / К горящим небесам с простывших сил полей! / Смотри, почти везде простерлась мгла густая, / И атмосфера вся очреватела ей! / С востока ночь бежит к нам с красными очами; / Воззри сквозь тень на блеск красот ее, Зорам!» (Поэты 1790—1810-х годов.— С. 75). В стихотворении «Царство всеобщей любви» поэт видит в любви первичную космическую силу, создающую гармонию вселенной: «Еще вокруг солнцев не вращались / В превыспренных странах миры, / Еще в хаосе сокрывались / Сии виисящие шары, / Как ты, любовь, закон приняла / И их начатки оживляла» (Там же.— С. 71).

Космические мотивы, картины природы, исполненные сурового трагизма, мрачная напря-

женность лирики дают возможность увидеть в Б. одного из ранних представителей предромантизма. Б. широко использовал в своих стихах архаизмы, видя в древнерусской и народной лексике средство в борьбе за утверждение национальной самобытности русской литературы. «Принебрегши драгоценный вкус нашей древности, по крайней мере в старобытных песнях или народных повестях и поговорках,— писал он,— не перестаем пресмыкаться в притворе знания своего и, никогда не растворяя собственных красок, пишем чужою кистью и даже с кичливою некоей радостью употребляем чужие слова и вкус не только в чужой одежде, но и свои родные одеваем на иноплеменничью стать» («Таврида...». Предисловие).

Опираясь на старославянский, древнерусский и простонародный языки, Б. создавал собственные неологизмы (*гороносные воды*, *кровомлечное лицо*, *звездоблостилище* — обсерватория, *кругозор* — горизонт). Ему принадлежит заслуга разработки в русской поэзии белого стиха, которым написана «Таврида...».

Творчество Б. получило высокую оценку у Г. Р. Державина и А. Н. Радищева. Усложненность формы и мистико-философское содержание вызывали насмешки «арзамасцев», в частности К. Н. Батюшкова, П. А. Вяземского, молодого А. С. Пушкина. Впоследствии Пушкин изменил к нему свое отношение и даже отмечал влияние «Тавриды...» на «Бахчисарайский фонтан».

Соч.: Поэты 1790—1810-х годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана; Подгот. текста М. Г. Альшуглера.— Л., 1971.
Лит.: Альшуглер М. Г. С. С. Бобров и русская поэзия конца XVIII — начала XIX в. // Русская литература XVIII в. Эпоха классицизма.— М.; Л., 1964.— С. 224—246; Петрова З. М. Заметки об образно-поэтической системе и языке поэмы С. С. Боброва «Херсонида» // Поэтика и стилистика русской литературы: Памяти академика В. В. Виноградова.— Л., 1971.— С. 74—81; Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» — неизвестное сочинение С. Боброва) // Уч. зап. Тартуского государственного ун-та.— Вып. 358. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение.— Тарту, 1975.— Т. XXIV.— С. 168—322. В. Г. Смолицкий

БОГДАНОВ, Александр Алексеевич, псевдонимы — *А. Волжский, Волгин, Аль-бов, Али-бей, Астор, Альфа, Карпинский* и др. [10(22).IV. 1874, Пенза — 10.XI.1939, Москва] — пролетарский поэт и прозаик. Член Коммунистической партии с 1900 г. Профессиональный революционер. Родился в бедной интеллигентной семье. Отец — адвокат без диплома («ходатай по делам»), рано умер. Б. писал стихи с 8 лет. Средств на учебу в гимназии не было, и его отдали в семинарию, откуда исключили с «вольчим билетом» (сниженную отметку по поведению за

чтение атеистической литературы, эпиграммы на ректора). С 1883 г. работал сельским учителем и занимался народнической пропагандой среди крестьянской молодежи в Саратовской и Пензенской губ. Знакомил с Н. Э. Бауманом (1896), чтение марксистской литературы способствовало разочарованию Б. в народничестве. В 1897 г. Б. арестовали за распространение нелегальной литературы, заключили в Саратовскую тюрьму. В дальнейшем был арестован, подвергнут тюремному заключению 6 раз, 10 лет находился на нелегальном положении.

Стихи и рассказы Б. писал с начала 90 гг. Первые стихи Б. в духе позднего народничества рисовали нищету деревни, унижение человека («Голод», «Порка»); были проникнуты настроениями уныния, безысходности («Ветер», «В плену», «Народному учителю» и др.). Рассказом Горького «Челкаш» навеяно стихотворение «Босьяк» (1895). Раннее стихотворение «На заводе» изображало труд рабочего в беспросветных тонах (картины гибели и увечья людей машинами).

С 1899 г. Б. — в Петербурге, вступает в Союз борьбы за освобождение рабочего класса. В № 11 марксистского журнала «Жизнь», где литературный отдел редактировал М. Горький, публикуется стихотворение Б. «В деревне». Горький знакомится с рассказами Б., пишет ему письмо, встречается с ним. Но Б. главным делом своей жизни считал революционную борьбу, а не литературу, хотя пишет в дальнейшем много стихов и прозы. Стихи Б. тесно связаны с его деятельностью революционера, пропагандиста. Они часто печатались без подписи, в виде листовок в заграничных и подпольных изданиях. Так, первый вариант «Песни пролетариев» Б. (вольный перевод с польского) был написан по заданию и передан за границу, где стихотворение появилось в сборнике РСДРП «Песни революции» (Женева, 1902) без заголовка и подписи. В 1905 г. «Песня» публиковалась в «Пролетарской борьбе» (органы Саратовского комитета РСДРП, № 1, 15 июня, под псевдонимом «Прибой»). В отличие от ранних стихов Б. это были боевые строки, зовущие «вперед, на борьбу» и исполненные веры в будущее: «Победа близка, пролетарий голодный!..» В связи со студенческими волнениями начала 1900 гг. Б. создал «Студенческую Марсельезу», популярную среди молодежи. Попав в петербургскую тюрьму «Кресты», Б. пишет стихотворение «18 апреля (1 мая) 1901 года». Стихотворения Б. «Опричники» (о разгоне одной из демонстраций), «Свободное слово», пародия на гимн царской России «Боже, царя храни» получили распространение в революционной среде; «Первое мая» распространялось в списках при подготовке к мавзам 1903 г. (в Саратове). Поэт воссоздал переживания заключенного («Узник»), тружеников подпольной типографии («В подполье»), перегоняемых по эта-

пу ссыльных политкаторжан («В пути»). Годовщине Декабрьского вооруженного восстания в Москве посвящено стихотворение «После боя», содержавшее гневные строки: «Вы, палачи, властители земли, / Облещенные в пурпуре и злато! / Как вы посмели, как могли / Вонзить свой штык в трудящегося брата?» В годы реакции поэт не изменил своим идеалам. Он горячо верил, что «под пеплом жертвенным не умерло былое... / Народ не поражен...». В стихотворении «Два стана» (1909) противопоставлена жизнь борцов революции писателям-декадентам, эстетам и ренегатам: «Вам — чары навию», рукоплекания, / Пыри безумные, цветы ажурные... / Нам — жизнь в безвестности, снега изгнания, / Могилы братские, скитанья бурные / ...Вам — осужденные в веках... / Нам — память братская в сердцах...» В этот период Б. испытывает некоторое влияние поэтики символизма (в стихотворении «Русь» есть строки, перекликающиеся с блоковскими, ощущаются ритмы Бальмонта).

Поэмы Б. «Березки», «Бездомные» (1907), состоящие из лирических фрагментов, навеяны переживаниями 1905—1907 гг. В 1909—1915 гг. Б. живет в Финляндии под чужим именем, пишет много рассказов. Печатаются под псевдонимами во многих периодических изданиях вплоть до «Вестника Европы», пишет произведения из жизни рабочих («Красный цветок», «Варвара», «Федор Шуруп» и др.). В прозе Б. — разнообразный социальный типаж: крестьяне (быт которых он особенно хорошо знал), городские обыватели, бедняки («В больнице»), учителя, семинаристы. Лучшие рассказы — в русле чеховской традиции. Откликаясь на злободневные проблемы сельской жизни (напр. столыпинскую аграрную реформу), Б. далек от их упрощенного понимания; его произведениям присущ психологизм. Напр. в рассказе «Гарасьяна душа» алчности, корыстолюбия взрослых противопоставит чистый внутренний мир ребенка; в повести «Перед рассветом» предстает деклассированный тип, бывший крестьянин, который стремится выделиться из общины с одной только целью — продать свой надел кулаку. Односельчане знают об этом, но не могут пойти против «закона», направленного на разрушение общины. Б. хорошо владеет народным языком, некоторые его произведения написаны в форме сказа. Ирония, юмор присущи рассказам о городских трусливых обывателях («Сувенирчик»), о семинаристах. Б. ненавидит рабская психология, унижение одних и грубость, жестокость других (повесть «Волжская кипель»). В рассказе «Раб» запечатлена фанатическая преданность слуги своему господину (башкираденщика офицеру, который бьет его). В советское время Б. написал воспоминания о встрече и беседе с В. И. Лениным на Таммерфорской партийной конференции в 1905 г., о чтении ему стихов («Первая встреча»), о М. Горьком («Горький и начинающие писатели»), которые вошли

в сборник Б. «Избранная проза» (М., 1960). О своем пути Б. рассказал в очерке «Путь пролетарского писателя» (Красная новь. — 1927. — № 2). В годы мировой войны Б. выступал (печатался в газете «Вперед») с антивоенными стихами, проникнутыми духом интернационализма. Творчество Б., разбросанное по периодическим изданиям, под разными псевдонимами, полностью не собрано и не исследовано; многие произведения (в том числе два романа) утрачены во время обысков, конфискации. Только в 1949 г. было найдено исследование Б. о декабристах. В 1915—1916 гг. предполагалось издание собрания сочинений в 10 т., но вышло всего два сборника рассказов и стихотворений (Пг., 1916 и 1919).

Соч.: Стихи / Вступ. ст. Вал. Полянского. — М., 1936; Рассказы. — М., 1939; Избранное / Вступ. ст. Л. Вольпе. — Пенза, 1951; Избранное / Вступ. ст. и примеч. В. М. Черникова. — Саратов, 1951; Избранная проза / Вступ. ст. М. Накорякова. — М., 1960; Русская революционная поэзия. — М., 1954. Лит.: Ж а к Л. Александр Богданов — человек и поэт // Звезда. — 1960. — № 8; Ж а к Л. Товарищ Антон. — Саратов, 1970.

Л. К. Швецова

БОГДА́НОВ, Василий Иванович, псевдонимы — *Озлобленный поэт*, *Влас Точечкин*, *Богдан-ов*, *Бед* и др. [12 (24).I.1837, г. Лихвин Калужской губ. — 5 (17).VIII.1886] — поэт. Родился в семье священника. Образование получил светское, окончив в 1855 г. Калужскую губернскую гимназию с аттестатом, дающим право поступать в университет без экзаменов. В 1861 г. окончил медицинский факультет Московского университета, получив «степень лекаря с отличием». В эти годы формируется мировоззрение Б. как убежденного материалиста и демократа. О прогрессивности научных и общественных взглядов Б. свидетельствуют воспоминания С. А. Берс (будущей жены Л. Н. Толстого), домашним учителем которой он был в студенческие годы.

В 1862 г. Б. переезжает в Петербург, где два года работает врачом-практикантом в больнице для черноработчих и в родильне воспитательного дома. Живое и нередко драматичное соприкосновение с миром столичных «низов» обогащает его жизненный опыт. Служит по Морскому ведомству: сначала врачом Балтийского флота, а с 1885 г. — Черноморского. С 1 мая 1865 г. по 1 июня 1867 г. в качестве младшего врача на клипере «Изумруд» совершает кругосветное путешествие, которое существенно расширило его кругозор и дало обильную пищу для публицистического и поэтического творчества.

Начиная с 1863 г. активно сотрудничает в еженедельном сатирическом журнале «Искра» и становится одним из тех, кто определяет идейную направленность журнала. Ведет в «Искре» раздел «Политическое обозрение (заметки со всех концов света)».

Публицистика Б. отличается резкостью, хлесткостью политических характеристик. Он не раз

высмеивал монархов, в его злободневных «Заметках...» видны революционный радикализм, широта интересов (критика колониальной политики Англии и Франции; негативная оценка деятельности О. Бисмарка; едкое обличение правления Наполеона III, горячая поддержка Парижской Коммуны).

Расцвет поэтического творчества Б. падает на десятилетие его сотрудничества в «Искре» (1863—1873). Он один из наиболее радикальных поэтов-сатириков своего времени, обнажающий непримиримый конфликт между властью имущими и «низами». Симпатии автора на стороне обездоленных. Поэзию Б. отличает публицистическая острота, конкретность и узнаваемость объектов обличения.

Поэтическая эволюция Б. выразилась прежде всего в постепенном расширении тематики произведений и в нарастании их революционного звучания. В ранних произведениях поэт акцентирует внимание на отражении различных сторон жизни городских «низов», изображая широкую галерею петербургской бедноты: бывший студент, рабочий, портной, прачка и т. д. («Наш пролетарий», «Проезжим», «В портерной», «Портной» — все написано в 1864 г.). Следуя некрасовской традиции, поэт с особой болью и проникновенностью изображает горестную судьбу бедной женщины («Доходный дом», 1863; «Старухе», 1864; «Это ведь очень смешно!», 1866). В произведениях второй половины 60 гг. в центре внимания поэзии Б. оказывается и судьба крестьян («Дубинушка», 1865; «Сонная сила», 1866; «Песня доброго молодца», 1866; «Знакомая картина», 1871). Стихотворение Б. «Дубинушка», будучи переработано поэтом А. Ольхиным, стало знаменитой народной песней.

Социально-критический пафос особенно проявился в стихотворениях «Доходный дом»; «На Невском», 1865; «Курочка по зернышку клюет», 1868; «Мы — особь статья!», 1870; «Из автобиографии щенка», 1871; «Кулак», 1863; «Закулисная сцена», 1865; «Хан и дыня», 1885, рассказывающих о буржуазных дельцах, дворянской спеси, самодурстве и тирании. Одним из главных объектов сатиры Б. становится либеральное красноречие, подлое и лицемерное по отношению к тяготам народной жизни («Хамелеонида», 1865; «Утопия», 1864; «В четверг после дождичка», 1868; «Свой идеал», 1869). Едкому осмеянию предает Б. все виды лакейства («Ливрея», 1863; «Упражнения в русской грамматике...», 1864; «Все будешь знать — скоро состаришься», 1868). Наряду с другими поэтами «Искры» Б. сатирически изобличает шпионов и доносчиков («Знакомый незнакомец», 1868; «Едва затронем мы вопрос...», 1869).

Если в стихотворениях первой половины 60 гг. нередки у Б. безысходные ноты при изображении горькой участи бедняка, то в конце 60 — нач. 70 гг. сатира Б. приобретает оптимистические

наступательный характер. Поэт верит в силы и дух народа, в его социальное пробуждение («Песня доброго молодца», «Знакомая картина»). Это связано и с огромным интересом поэта к подъему освободительного движения в Европе. Его многочисленные поэтические отклики на политические события 1860—1870 гг. метки, актуальны и революционны по духу («Дела пошли прекрасно тут...», 1868; «Для грозной силы непонятно...», 1868; «У министров буржуазных...», 1870). Характерны заинтересованно сочувственные стихотворные отклики Б. на события Парижской Коммуны («Диалог Версальского и Парижского хора», 1871; «Площадная панорама», 1871). Французский революционный гимн «Марсельеза» впервые был опубликован на русском языке в переводе Б. (у него: «Ребята, в смертный бой!», 1868—1870, опубл. в 1885 г.). Эти и другие политические стихи Б. свидетельствуют о том, что он одним из первых русских поэтов увидел и воспел великую историческую роль пролетариата.

Б. — поэт некрасовской школы, его творчеству свойственны демократизм, социальная заостренность, реалистичность его поэзии. Стихи Б. сюжетны. В них нередки песенные интонации, строфа строится как куплет с рефреном, что характерно для поэтов «Искры». Распространенным приемом в поэзии Б. является использование «масок» «благочинного» человека, резонанствующего либерала, ретрограда-крепостника и т. д. Часто прибегают Б. к пародии и переделу («Шепот, робкие попытки...», 1869; «Подражание Тютчеву», 1871), к аллегии («Из автобиографии щенка»).

После запрещения в 1873 г. издания «Искры» Б. стал постепенно терять широкий контакт с читателем и с литературными кругами. Находясь на службе в Кронштадте, он принимал активное участие в деятельности местного общества морских врачей, секретарем которого состоял в 1874—1875 гг. В конце 70 гг. Б. задумывает серию популярных брошюр «Житье-бытье на море: Беседы из морского и приморского быта». Но написана и опубликована была лишь первая и единственная книжка из этой серии, в которой говорится «о том, как люди начали плавать по морю» (1878).

В конце 70 — нач. 80 гг. стихи Б. появляются в незначительных юмористических журналах «Будильник» и «Осколки». Большинство его произведений этой поры отличается неприятным и поверхностным юмором. Лишь в немногих стихотворениях дает себя знать политическая острота сатиры («Безмолвие финских болот», 1883; «Обыватель и мечтатель», 1884; «Хан и дыня»).

После смерти поэт надолго остается практически забытым. Лишь с 50 гг. пробуждается интерес к его самобытному поэтическому наследию. В 70—80 гг. проявляется ряд публикаций и исследований творчества Б.

Соч.: Стихи / Вступ. заметка А. Амфитеатрова // Амфитеатров А. Забытый смех. «Поморная муза», сатирический сборник № 1.— М., 1914.— С. 357—375; Стихотворения / Вступ. заметка, примеч. И. Г. Ямпольского // Поэты «Искры»: В 2 т.— Л., 1955.— Т. 2; Собрание стихотворений / Собрал и подг. к печати А. В. Кокорев.— М., 1959; Стихотворения.— М., 1987; Стихотворения / Вступ. заметка, примеч. И. Г. Ямпольского // Поэты «Искры»: В 2 т.— Л., 1987.— Т. 2.

Лит.: Зубовский И. В. И. Богданов (к 50-летию со дня смерти автора «Дубинушки») // Книжные новости.— 1936.— № 24.— С. 22; Дымшиц А. Л. О «рабочих марсельезах» (из истории пролетарской гимнической поэзии в России) // Дымшиц А. Л. Литература и фольклор.— М., 1938.— С. 162—163; Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860 г. Журнал революционной сатиры «Искра».— М., 1964; Сыркина А. В. Общественно-политическая жизнь Европы в фельетонах В. И. Богданова в 1868—1870 гг. (по страницам журнала «Искра») // Из истории русской и зарубежной литературы.— Саранск, 1976.— С. 161—173.

Е. П. Бернштейн

БОГДАНОВИЧ, Ангел Иванович, псевдонимы — А. Б., *Зритель* [2(14).X.1860, Городок Витебской губ.— 24.III(6.IV).1907, Петербург] — публицист, журналист, литературный критик. Родился в польско-литовской семье. Окончил Нижегородскую гимназию. 3 года проучился в Киевском университете на медицинском факультете. В 1882 г. арестован за участие в народовольческом кружке и сослан под надзор полиции в Нижний Новгород, где и начал журналистскую деятельность. Порывает с народничеством в 1887 г. В 1890 г. переезжает в Казань. В эти годы печатается в «Волжском вестнике» и «Казанских вестях», публикует статьи на общественно-политические темы, библиографические заметки, литературные обзоры, репортажи, рецензии. Особым успехом у читателей пользуются его фельетоны и корреспонденция с места событий. В провинциальной прессе оттачивается стиль Б.-журналиста: афористичный, едкий, полный скрытой иронии, насыщенный сентенциями. Б. отличает умение даже мелкому факту злоупотребления придать общественно-политический смысл. Короленко, отмечая его «суровую», «честную прямолинейность», предлагал не забывать о значении «для развития провинциальной печати русского «неблагонадежного» скитальца» (Короленко В. Ангел Иванович Богданович // Собр. соч.: В 10 т.— М., 1955.— Т. 8.— С. 155, 149).

Возвратившись в Петербург в 1893 г., Б. сразу же включился в литературную жизнь столицы: в «Русском богатстве» он ведет хронику внутренней жизни, а с 1894 г. связывает свою судьбу с «Миром божьим», где с 1895 г. начинают появляться его «Критические заметки». Вскоре он становится фактическим редактором этого журнала, а с 1906 г. занимает пост официального редактора журнала «Современный мир», сменившего «Мир божий». Журнал становится его любимым детищем. По признанию сотрудников, он читал рукописи по всем отделам, держал корректуру, вел деловую переписку, встречался с авторами, писал статьи и если бы оставался свободное время, то сам бы верстал номер, набирал бы и печатал статьи.

С середины 90 г. Б. переживает увлечение марксизмом, однако формально не связывает себя ни с одной из партийных группировок. В его мировоззрении сочетались идеи буржуазного просветительства, культурная программа партии «Народного права», к которой он некоторое время принадлежал, с ее пристальным интересом к самосознанию личности и завоеванию ею политических свобод и ориентация на марксистскую трактовку исторического процесса. Главную свою задачу как представителя нового течения европейской экономическая и политической мысли он видит в борьбе с «обветшалым» народничеством, разрушении его иллюзий и верований. Б. с энтузиазмом встретил революционные события 1905 г. Воспользовавшись свободой печати, сразу же обратился к публицистике: вместо «Критических заметок» в «Мире божьем» появились «Текущие заметки», в которых главными стали темы современности. Практически до конца дней он не оставлял журналистской работы. В литературе о Б. имеются сопоставления его с Н. А. Добролюбовым — не по степени таланта и воздействия на литературу, а в смысле чистоты натуры и самозабвенной преданности делу. По выражению В. Г. Короленко, «русская литература была настоящей родиной его души» (Там же.— С. 156).

Знакомство с марксизмом во многом определило трактовку Б. литературного процесса. Цена в марксизме в первую очередь его антинародническую направленность. Б. с этих позиций ополчается на морализаторство, схематизм, утопичность, слащавость, сентиментальность произведений народнической литературы, критикует новое народничество «на буржушной подкладке» (Богданович А. Годы перелома.— Спб., 1908.— С. 211). В чем-то близким Плехановскому оказывается его взгляд на соотношение мировоззрения и творчества писателей-народников. Однако в отличие от Плеханова он не объясняет реализм народнической литературы влиянием прогрессивных сторон их доктрины и утверждает, что «правда» народнической литературы возникла вопреки их ошибочным теориям. Анализируя произведения Гл. Успенского, Н. Златовратского, Н. Каронина-Петропавловского, Н. Наумова, А. Энгельгардта и др., Б. справедливо указывает на основное противоречие народнической беллетристики: изображение «ничтожности современного деревенского уклада» сочетается в ней с указанием «на этот «мир» как на идеал» (Годы перелома.— С. 216). Он подчеркивает, что «сами народники накопили массу материала, которым... марксисты только воспользовались для своих выводов» (Годы перелома.— С. 215), и там, где народническая литература стремилась быть верной правде жизни, она прокладывала дорогу антинародническим по сути представлениям об обществе и человеке.

Продолжателем «поразительного реализма»

(Годы перелома.— С. 214) народнической литературы Б. называет Чехова, чью повесть «Мужики» он настойчиво защищал от нападок народнической критики. У него имеются заявления об «осколочности» творчества писателя, об отсутствии «общей цельной картины» в его произведениях (Годы перелома.— С. 199), но в целом Чехов для него — «живая сила» (Годы перелома.— С. 190) русской литературы, «выразитель тех... общественных настроений, которые назревают в массе общества» (Годы перелома.— С. 240), автор «бунтовщической» (Мир божий.— 1902.— № 9.— С. 53) книги «Остров Сахалин».

Б. настойчиво поддерживал молодое поколение русских писателей — Чирикова, Телешова, Вересаева, Куприна, Серафимовича, ожидая, что в дальнейшем они будут еще более чутки к «беспокойному настроению» «осложнившейся жизни» (Мир божий.— 1903.— № 4.— С. 3). К достоинствам молодой беллетристики он отнес повышенный интерес к «личности, сознавшей свое человеческое достоинство» (Годы перелома.— С. 339).

В творчестве М. Горького критик как раз отметил ярко обрисованную личность героя, уловив, однако, неоднозначность авторского отношения к ней. Анализируя в статье «Философия приволья» (1898) образ Челкаша, Б. указал на сложность горьковского замысла: обретя свободу и независимость, Челкаш утратил нечто очень важное — связь с почвой, привязанность к земле, качества, выгодно отличающие Гаврилу. Но все же более привлекательным для Б. было «чувство безграничной свободы», таящее «задатки для развития в будущем», которое и «делает Челкаша... человеком» (Годы перелома.— С. 178). Олицетворением протеста, по Б., в творчестве М. Горького стал Фома Гордеев. По его мнению, «цельные и крепкие» натуры, подобные Фоме и Илье Луневу, в действительности «сумеют переделывать... рамки» жизни «по своим размерам» (Мир божий.— 1902.— № 1.— С. 10—11). В связи с этим критика не удовлетворил конец романа «Фома Гордеев». Несогласие Б. вызвало и нигилистическое, как ему показалось, изображение интеллигенции в романе. Видя в интеллигенции воплощение «духовной жизни народа» (Годы перелома.— С. 217), он советовал М. Горькому внимательнее приглядеться к ней, т. к. именно там могут быть обнаружены подлинные герои времени, отдающие должное «книжной мудрости» и «умственной работе», которые явятся якорем спасения «общего вопроса». Свято веря в прогресс, эволюцию, силу образования, благотворное влияние интеллигенции, Б. сочувственно отнесся к поискам «высших нравственных задач», которые продемонстрировали бывшие «легальные марксисты» — Н. Бердяев, С. Франк, С. Булгаков в сборнике «Проблемы идеализма».

Будучи сторонником реализма, Б. насто-

женно отнесся к мистико-декадентской символике новейших течений, поставил под сомнение художественность произведений З. Гиппиус, Мережковского. Однако он не был противником обновления средств художественной выразительности, которые должны раскрыть усложнившуюся психику людей и «тончайшие ощущения и настроения души» (Мир божий.— 1895.— № 10.— С. 193).

Б. по природе своего дарования и условиям формирования критик-публицист, он в первую очередь освещает жизненные проблемы, отразившиеся в произведении, требует от писателя выработанного мирозерцания, но считает недопустимым преобладание рассудочности, теоретической предвзятости над непосредственным, художническим познанием жизни. Критик излишне прямолинейно трактует реалистический принцип верности действительности, упорно сопоставляя жизненные явления и художественные реалии. Он настаивал, напр., на абсолютной адекватности горьковских героев реальным босякам, считая это высшим достижением писателя. И все же он сумел почувствовать и особо оговорил поэтичность мироощущения, которая пронизывает описания Горького и передает то «независимое и гордое», «бодрое настроение», которое составляет «особую прелесть свежести, новизны и жизненной правды» (Годы перелома.— С. 189). То же соединение реализма и романтизма (в терминологии того времени — «идеализма») критик обнаруживал у Короленко, в чьих произведениях «любовная ласковая проникновенность в глубь явления» обеспечивает «понимание» жизни, «желание борьбы за... скрытые в ней начала добра и правды...» (Годы перелома.— С. 391—392). В целом суждения критика о реализме отличаются широтой взгляда. Статьи Б. о литературе выделяются логичностью, ясностью изложения, глубоким знанием вопроса. Создав журнал для «среднего читателя», он и писал для него, «явившегося из тех слоев населения, которые раньше не имели ничего общего с литературой» (Мир божий.— 1901.— № 1.— С. 3).

Соч.: Годы перелома. 1895—1906. Сб. критических статей со вступительными статьями В. Г. Короленко, А. И. Куприна и Неведомского.— СПб., 1908.

Лит.: Мильцына И. В. Пропаганда научных знаний в журнале для самообразования («Мир божий» в 1892—1902 гг.) // Из истории русской журналистики начала XX в.— М., 1984; Скворцова Л. А. «Мир божий» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века. 1890—1904. Социал-демократические и общедемократические издания.— М., 1981.

БОГОРÁЗ, Владимир Германович, псевдонимы — *Тан*, *Н. А. Тан*, *В. Г. Тан* [15(27).IV.1865, Овруч Волынской губ.— 10.V.1936, по пути в Ростов-на-Дону, похоронен в Ленинграде] — прозаик, поэт, этнограф, фольклорист. Общественный деятель. Родился в небогатой еврейской семье. После окончания в 1880 г. Таганрогской гимназии поступил в Петербургский университет. Учился на

физико-математическом, а с 1881 г. — на юридическом факультете. С конца 1880 г. работал в революционных народнических кружках. Осенью 1882 г. за участие в студенческих волнениях был выслан в Таганрог, где, организовав революционный кружок, вел пропаганду среди рабочих. После разгрома кружка Б. был арестован и 11 месяцев провел в тюрьме. Выйдя на свободу, Б. жил на нелегальном положении. В 1885 г. стал одним из основателей организации «Народной воли» в Екатеринославе, работал в подпольных типографиях народовольцев в Новочеркасске, Таганроге, Туле и Москве. В декабре 1886 г. был вновь арестован, 3 года провел в заключении в Петропавловской крепости. В 1889 г. сослан на 10 лет в Средне-Колымск.

Став жителем «Колымской республики», как называли ссыльные свою коммуну, Б. занялся изучением местного края, записью русского фольклора Колымы. С 1895 по 1897 г. по поручению Географического общества кочевал вместе с чукчами по тундре, знакомясь с их бытом, нравами, верованиями. Б. считал изучение северных народностей, первобытных и полустрелбленных, «социальным заданием эпохи», продолжением своей общественной деятельности. Жизнь в чукотских стойбищах дала ему не только массу этнографического материала, который он позднее обобщил в своих научных трудах, но и побудила к литературной работе.

Б.-прозаик дебютировал в 1896 г. рассказом-очерком из жизни чукчей «Кривоногий», который В. Г. Короленко опубликовал в журнале «Русское богатство». В этом же году были напечатаны его первые «колымские» стихотворения. Б. ориентировался на литературный опыт Короленко, считая его главой «сибирской школы прозаиков», и сразу заявил о себе как писатель-этнограф. В «чукотских» рассказах он стремился к точной передаче быта и нравов чукчей, не идеализируя «дикарей», не гоняясь за экзотикой «примитива». Б. изображает малоизученный народ с позиций гуманиста, отдает должное упорству чукчей в борьбе с суровой природой, их искренности и прямоте, ценит поэзию их верований, но не скрывает и варварскую дикость обрядов, бедность, племенную рознь.

В 1898 г. по ходатайству Академии наук получил разрешение вернуться в Петербург, где до 1899 г. работал в Музее антропологии и этнографии, сотрудничал в легальных марксистских журналах «Начало» и «Жизнь». Первая книга прозы Б. «Чукотские рассказы» вышла в 1899 г., а в 1900 г. — поэтический сборник «Стихотворения».

В 1899 г. Б. выехал в Нью-Йорк, отсюда он вновь отправляется в Сибирь, изучает этнографию и языки народов Камчатки и Чукотки. После окончания экспедиции живет в Америке, в 1902—1903 гг. обрабатывает экспедиционные материалы, пишет новый цикл рассказов о Севере, роман «Восемь племен» о первобытной жизни на-

родов северо-востока Сибири, роман «За океаном», посвященный судьбе русских эмигрантов в Америке, книгу очерков «Духоборы в Канаде». Оставаясь писателем-этнографом, Б. в романе «Восемь племен» впервые широко использует фольклорный материал, создает легендарно-эпические образы.

Вернувшись в Россию в 1904 г., Б. участвует в общественной борьбе, много выступает как публицист. В 1905 г. был одним из организаторов «Христианского союза», публиковал статьи и стихотворения в большевистских газетах «Казарма» и «Голос солдата». Однако мировоззрение и политическая позиция Б. не отличались четкостью, он склонялся к народническому либерализму, стал одним из учредителей «Народно-социалистической партии».

События первой русской революции отразились в повести Б. «Дни свободы», в аллегорических рассказах и острых политических памфлетах. В 1905—1906 гг. им были созданы лучшие стихотворения: «Предсмертная песня», «Царские гости», «Цусима» и др. Как и в лирике 90 — нач. 900 гг., Б. призывал в них к борьбе с царизмом, воспевавший павших за революцию. Несмотря на художественное несовершенство, политические стихотворения Б. сыграли роль выдающихся агитационных материалов и были широко популярны. Но Б.-прозаику не удалось создать цельный художественный образ революции, раскрыть ее героико и драматизм. «Дни свободы» интересны прежде всего как документальный рассказ очевидца о событиях Московского восстания.

В годы реакции Б. не оставил политической борьбы, неоднократно привлекался к суду за политические убеждения. В 1910 г. был приговорен к тюремному заключению, но через несколько месяцев освобожден из-за болезни. Политические выступления Б. тех лет не имели осязаемых целей, он жил бунтом ради бунта, и это по-своему отразилось в его последних дооктябрьских произведениях. Их герои — одиночки, полные благородных побуждений, страсти к борьбе, но их бунт обречен, т. к. не подкреплен социальной необходимостью. Для создания образов борцов против «мирового зла» Б. по-прежнему широко использовал легенды и мифы народов Севера.

В романе «Жертвы дракона» (1909) на борьбу с драконом — символом земного зла — выходит юноша Яррий. В фантастическом романе «Завоевание мира» (1909) показан бунт юношей-«космистов», решивших взорвать Землю, общество «сытой пошлости», и улететь в космос. Бунтарство, по Б., — спутник юности, хотя бунтари фатально обречены на поражение. Таков смысл повести «Крылоносный Икар» (1914), в которой использован древнегреческий миф о Дедале и Икаре.

В годы первой мировой войны Б. был захвачен шовинистическим угаром. Выехав на фронт в составе санитарного поезда, печатал в газетах

ура-патриотические корреспондентии. Октябрьскую революцию понял и принял далеко не сразу. Лишь в 1925—1926 гг., пережив тяжелый идейный кризис, Б. преодолел настроения «малодушного обывателя», которые, по его собственным словам, овладели им после Октября. После революции Б. продолжил деятельность этнографа, публикатора фольклора северных народов, языковеда. Опубликовал романы «Союз молодых» (1927) и «Воскресшее племя» (1935).

Соч.: Собр. соч.: В 12 т.—Спб., 1910—1911; Собр. соч.: В 4 т.—М.; Л., 1928—1929; Восемь племен. Чукотские рассказы // Сост. и вступ. ст. Вл. Муравьева.—М., 1962.

Лит.: Колтоновская Е. Интеллигент-скиталец // Колтоновская Е. Критические этюды.—Спб., 1912.—С. 258—264; Алюков Я. П. В. Г. Богораз-Тан // Советская этнография.—1935.—№ 4—5; Карташев Б. По стране оленных людей. Путешествия В. Г. Тана-Богораз.—М., 1959.

В. Е. Красовский

БОТКИН, Василий Петрович [27.XII.1811(8.I.1812), Москва — 10(22).X.1869, Санкт-Петербург] — очеркист, критик, переводчик. Отец — крупный московский чаеотговец, среди младших братьев Б. известны: коллекционер Дмитрий, знаменитый врач Сергей, академик живописи Михаил; сестра Мария — жена А. А. Фета. Окончил частный пансион В. С. Крюжева, затем занимался самообразованием. С юных лет Б. много путешествовал (Франция, Германия, Италия, Испания, Марокко и др.). В 30 гг. Б. — романтик, переводчик Э. Т. А. Гофмана. В конце 1835 г. в кружке Н. С. Селивановского знакомится и сблизается с В. Г. Белинским, участвует по его приглашению в качестве очеркиста и рецензента в журналах «Телеской» и «Молва» (1836), затем — в журнале Белинского и М. А. Бакунина «Московский наблюдатель» (1838—1839); подобно руководителям журнала, Б. увлекся Г. Ф. Вегелем, использовал метод философа в своих критических статьях, смешивая его, однако, с романтическими принципами анализа. Став с 1839 г. одним из ведущих сотрудников журнала А. А. Краевского «Отечественные записки», Белинский привлекает и Б., который печатает там статьи о музыке, живописи, о В. Шекспире, в основном романтически истолковывая его произведения, находя в них отображение авторской субъективности и «вечных», общечеловеческих начал. В обзорной статье «Германская литература» (1843) Б. изложил начало брошюры Ф. Энгельса «Шеллинг и откровение», не ссылаясь из цензурных соображений на автора и название; Б. впервые познакомил русского читателя с трудом Энгельса.

В первой половине 40 гг. Б. отличается крайним радикализмом воззрений. В печатных статьях завуалированно, а в дружеских письмах откровенно он критикует современные государственные институты, церковь (прямо следуя книге Л. Фейербаха «Сущность христианства»); делит писателей на следующих «преданию и автори-

тету», глашатаев объективной действительности (Пушкин) и на «субъективных», проникнутых «лафосом отрицания и борьбы» (Руссо, Байрон, Лермонтов), явно симпатизируя последним. В оживленной полемической переписке с Белинским Б. иногда «трезво» оспаривал товарища, иногда в своем радикализме даже опережал его; напр., в письме от 22—23 марта 1842 г. он резко критиковал Пушкина за финал «Евгения Онегина», за изображение «Татьяны, добровольно осуждающей себя на прорституцию с своим стариком генералом» (Боткин В. П. Литературная критика.—С. 246). Белинский позднее развил эту мысль в девятой статье своего цикла «Сочинения А. Пушкина». Друзья тогда увлекались творчеством Жорж Санд, ее пропагандой женской независимости. Б. влюбился во французскую модистку Арманс Руляр, под воздействием Белинского и Герцена женился на ней (1843); брак оказался неудачным, спустя три месяца Б. покинул жену.

В 1843—1846 гг. Б. путешествует по Европе. В 1844 г. в Париже, благодаря М. А. Бакунину, он знакомится с К. Марксом и французскими социалистами (П. Леру, Л. Блан и др.), присутствует на их совместном заседании 23 марта, видимо, в качестве товарища Бакунина. Б. был принят западными радикалами как «эмигрант, демократ, коммунист» (письмо А. Руге об этом совещании — «Летописи марксизма». — 1928. — IV. — С. 47), хотя к Б. можно было применить лишь понятие «демократа», да и тогда у него уже проявились либеральные тенденции: он часто выступал примирителем крайностей.

В августе — октябре 1846 г. Б. был в Испании (Мадрид, Севилья, Кадис, Гибралтар, Гранада и др.) и Марокко (Танжер), на основе личных впечатлений и исторических источников он опубликовал очерки «Письма об Испании» (Современник.— 1847—1851; отд. изд.—Спб., 1857), в которых отразилась эволюция автора от радикальных, демократических принципов к либерализму. Первые три письма (1847), созданные под влиянием западноевропейских впечатлений и идей кружка Белинского, в основном посвящены политическому и социальному положению современной Испании (впрочем, большое место занимают также описания испанских женщин, природы, быта), а в последних четырех, относящихся ко времени репрессий в России после французской революции 1848 г., речь будет идти, главным образом, об истории Испании (но и здесь немало описаний архитектуры, природы, быта).

Б. ярко раскрывает сложное и напряженное состояние испанского общества, раздраемого противоречиями и гражданскими войнами, отмечает наиболее характерные национальные черты: свободолюбие, рыцарственное благородство, поэтичность, естественность, беспечность; в истории Испании Б. выделяет «три века правительственного безумства», деспотизма, инквизиции. Иног-

да Б. признает влияние экономических факторов на политическую жизнь, но в целом он утверждает необъяснимость первопричин движений истории, не видит других движущих начал, кроме «силы и хитрости» или идей. Отсюда возникает противоречивость в истолковании различных социальных факторов и событий; напр., равнодушные испанского народа к политическим переворотам наверху, к конституции и т. п. в разных местах «Писем...» объясняется разными причинами: то бесчеловечным угнетением, то отсутствием передовых идей.

В «Письмах...» заметно усиление либеральных тенденций: Б. с упоением рассказывает о почти полном отсутствии антагонизма народа и привилегированных сословий, выступает против распрей любого рода, сетует на притеснения, которые терпят торговля и промышленность (естественно, в этих пассажах автор постоянно имеет в виду и Россию). Существенно, что Б. защищает право народов Азии и Африки на самостоятельное развитие, негодует на европейские колонизаторы.

Литературе и искусству в «Письмах...» отведено немного места. Больше всего Б. привлекает живопись Б. Э. Мурильо, Д. Веласкеса, Ф. Сурбарана (Б. подчеркивает отображение ими действительности, но согласно с индивидуальными вкусами художников) и арабская архитектура (отмечается влияние кочевого быта и идеологии Корана). В анализах заметны и романтические тенденции: культ чувства, «природности» художника, интерес к импровизации и народной поэзии.

Главные критические статьи Б. периода «Писем...» «Об эстетическом значении новой фортепьянной школы» («Отечественные записки», 1850) и «Н. П. Огарев» («Современник», 1850) также проникнуты романтическим пафосом; в поэзии Огарева отмечается музыкальность, субъективность, неопределенность, «тайная, томная сила» (Боткин В. П. Литературная критика.— С. 158). Однако в свете своего интереса к национальному своеобразию Б. разделяет в искусстве две сферы: общечеловеческую (куда парадоксально относится и субъективно-лирическое начало) и объективную, народную, национальную: «Трагическое и лирическое сходны более или менее у всех народов, и только в одном комическом обнаруживается все резкое различие национальностей» (статья «Итальянская опера» // Современник.— 1850.— № 2.— Отд. VI.— С. 87). Б. штудирует труд немецкого литературоведа Г. Гервинуса «Шекспир» (1849—1850), где заметно стремление к историзму, и сокращенно переводит начальные главы этой книги: «Литература и театр в Англии до Шекспира», «Первые драматические опыты Шекспира» («Современник», 1853, 1855).

В 1855 г. Б. стал особенно близок к «Современнику», публикует там совместно с Некра-

совым «Заметки о журналах за июль месяц 1855 г.», где именно Б. принадлежит знаменательный тезис: «Нет науки для науки, нет искусства для искусства,— все они существуют для общества...» (Боткин В. П. Литературная критика.— С. 173). Однако упорчение в «Современнике» революционных демократов начинает тревожить Б., он увлечается трудами Т. Карлейля, английского шеллингианца, враждебно относившегося к прогрессу и воспевавшего искусство и героев. Б. опубликовал перевод отдельных глав из цикла очерков Карлейля: «О героях и героическом в истории», «Героическое значение поэта. Дант. Шекспир» («Современник», 1855, 1856). В отсутствие Некрасова, при помощи И. И. Панаева Б. печатает статью «Стихотворения А. Фета» («Современник», 1857), где, опираясь на идеи Шеллинга, Карлейля, Гете, частично — А. В. Дружинина, защищает «теорию свободного творчества» (против теории Чернышевского), а в поэзии Фета выделяет музыкальность, «тихие, глубокие ощущения», «простодушные чувства», «праздничный взгляд на явления жизни» (Боткин В. П. Литературная критика.— С. 220, 224).

После 1857 г. Б., непрерывно путешествуя по Европе, изредка публикует путевые очерки. В 1863 г., после польского восстания, Б. из либерального западника становится консерватормонархистом, вместе с Фетом пишет для «Русского вестника» резко отрицательную рецензию на роман Чернышевского «Что делать?» (не была опубликована). Б. долго вынашивал идею создать книгу об истории мировой живописи, но не успел осуществить, сохранились лишь небольшие отрывки. Большую ценность представляют письма Б. с разборами романов Тургенева и Л. Толстого. В письме к А. А. Фету от 9 июня 1869 г. он так охарактеризовал «Войну и мир»: «Исключая страниц о масонстве, которые мало интересны и как-то скучно изложены,— этот роман во всех отношениях превосходен <...>. Какая яркость и вместе глубина характеристики! Какой характер Наташи и как выдержан! Да, все в этом превосходном произведении возбуждает глубочайший интерес. Даже его военные соображения полны интереса, и мне в большей части случаев кажется, что он совершенно прав. И потом, какое это глубоко русское произведение» (Фет А. А. Мои воспоминания.— М., 1890.— Т. 2.— С. 196). Тургенев отмечал, что образ Базарова «совершенно поняли... только два лица: Достоевский и Боткин» (Письмо к К. К. Случевскому от 14 апр. 1862 г.).

Боткин как собеседник и корреспондент ценился в литературных кругах очень высоко: писатели посылали ему на суд свои произведения (Л. Толстой — «Семейное счастье» и «Сон»), критики (Белинский, П. В. Анненков, А. В. Дружинин) прислушивались к его суждениям.

Соч.: Соч.: В 3 т. — Спб., 1890—1893; Письма об Испании.— Спб., 1857 (новое изд.— Л., 1976 (серия «Литературные памятники / Изд. подгот. Б. Ф. Егоров и А. Звигильский»; Перепица В. П. Боткина и И. С. Тургенева.— М., Л., 1930; Пер. на французский язык А. Звигильского.— Париж, 1969; Пер. на польский язык В. Сливовской.— Варшава, 1983; Литературная критика. Публицистика. Письма / Вступ. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова.— М., 1984.

Лит.: Ветринский Ч. В. П. Боткин // Новое слово.— 1894.— № 12; Алексеев М. П. «Письма об Испании»: В. П. Боткина и русская поэзия // Уч. зап. ЛГУ. Серия филологических наук.— Л., 1948; Егоров Б. Ф. П. Боткин — литератор и критик.— Ст. 1—3 // Уч. зап. Тартуского ун-та.— Тарту, 1963.— Вып. 139 (приложение: Библиография трудов В. П. Боткина); 1965.— Вып. 167; 1966.— Вып. 184; Бернард Гр. В. П. Боткин // Советская музыка.— 1968.— № 3; Оспова т Ал. Короткий день русского «эстетизма» (В. П. Боткин и А. В. Дружинин) // Литературная учеба.— 1981.— № 3; Шукин В. Русское западничество сороковых годов XIX века как общественно-литературное явление.— Краков, 1987. Б. Ф. Егоров

БРЮСОВ, Валерий Яковлевич, псевдонимы — *Аврелий*, *Бакулин*, *Нелли* и др. [1(13).XII.1873, Москва — 9.X.1924, там же] — поэт, прозаик, драматург, критик, переводчик, литературовед и историк, один из организаторов и признанный лидер русского символизма. Родился в зажиточной купеческой семье. Дед по отцу, Кузьма Андреевич, откупился из крепостных крестьян, затем разбогател на пробочной торговле. Дед со стороны матери, Александр Яковлевич Бакулин, поэт-самоучка, писал сказки, басни, повести, пьесы, очерки. Вышла маленькая книжка Бакулина «Басни провинциала» (М., 1864). Отец Брюсова Яков Кузьмич, был человеком демократических убеждений, атеистом, интересовался математикой, медициной, сельскохозяйственными и другими «позитивными» науками, читал Дарвина и Маркса, владел французским языком, хорошо знал русскую литературу, писал стихи — некоторые из них были напечатаны в газетах. В зрелые годы отошел от торговых дел.

Воспитывали Б., как он вспоминал, «в принципах материализма и атеизма». Особо почитавшимися в семье литераторами были Н. А. Некрасов и Д. И. Писарев. С детства Б. прививались позитивистски-рационалистические взгляды на жизнь, интерес к естественным наукам, независимость суждений, вера в великое предназначение человека-творца. «От сказок, от всякой «чертовщины» меня усердно оберегали, — вспоминал Б., — зато об идеях Дарвина и о принципах материализма я узнал раньше, чем научился умножению. Нечего говорить, что о религии в нашем доме и помину не было <...>. После детских книжек настал черед биографий великих людей... Эти биографии произвели на меня сильнейшее впечатление; я начал мечтать, что сам непременно сделаюсь «великим»...» (Автобиография.— С. 102—103).

Общедемократические и позитивистские начала воспитания сказались на всем дальнейшем жизненном и творческом пути Б., с достаточным основанием заявившего на своем юбилее в 1923 г.: «Сквозь символизм я прошел с тем мирозер-

цанием, которое с детства залегло в глубь моего существа» (Валерию Брюсову.— М., 1924.— С. 56).

Получив первоначально домашнее образование, Б. в 1884 г. поступил во 2-й класс московской частной гимназии Ф. И. Креймана, где начал писать стихи, издавал рукописный журнал. Через четыре с половиной года Б. перешел в гимназию известного педагога и литературоведа Л. И. Поливанова, оказавшего значительное влияние на будущего поэта. В 1892 г. поступил Б. на историческое отделение историко-филологического факультета Московского университета. Слушал лекции историка В. О. Ключевского и известного знатока римской словесности филолога Ф. Е. Корша. Основной круг интересов Б.-студента — история, философия, литература, искусство, языки. В 1898—1899 гг. Б. становится активным членом Литературно-художественного кружка — идейного центра московских поэтов-символистов. В университетские годы сложилось в основных чертах мировоззрение молодого Б., во многом обусловленное исторической ситуацией «fin de siècle» («конца века») с ее ощущениями изжитости прежних социально-политических, этических и эстетических установлений, ярко выраженным индивидуализмом, равнодушием к общественной жизни, склонностью к пессимистическим умонастроениям. Эти настроения легли в основу как личности, так и ранней лирики Б., сочетаясь при этом со «страстным рационализмом» поэта.

Осенью 1897 г. Б. женился на Иоанне Матвеевне Рунт. В 1899 г. он окончил университет, получив диплом первой степени. С того времени он полностью посвятил себя литературной работе. В печати Б. впервые выступил в десятилетнем возрасте. В журнале «Задуманное слово» (1884.— № 16) было опубликовано его «Письмо в редакцию», в котором был описан летний отдых семьи Брюсовых.

В нач. 90 гг. Б. организовал группу молодых поэтов (А. Добролюбов, А. Ланг (Миропольский), А. Емельянов-Коханский и др.) и выступил в 1894—1895 гг. три сборника «Русские символисты», состоявшие в основном из стихов самого Б. и его переводов французских символистов, с творчеством которых он познакомился еще в гимназии Поливанова. Б. рассматривал сборники как своеобразную хрестоматию, как «сознательный подбор образцов» символистской поэзии, отмеченной на данном этапе существенным влиянием западноевропейского декаданса (П. Верлен, Ш. Бодлер, С. Малларме, А. Рембо). Вместе с тем заметно повлияли на раннего Б. и русские представители «новой поэзии» — К. Бальмонт, И. Коневский, А. Добролюбов, Ф. Сологуб, З. Гиппиус, Д. Мережковский. В тяготе Б. к декадантам проявилась не только его близость к их мироощущению, но, в не меньшей мере, и трезвый расчет аналитика, выбираю-

шего наиболее рациональный путь к признанию и успеху, к славе. «Талант, даже гений,— записывал Б. в дневнике 4 марта 1893 г.,— честно дадут только медленный успех, если дадут его. Это мало! Мне мало. Надо выбрать иное... Найти путеводную звезду в тумане. И я вижу ее: это декадентство. Да! Что ни говорить, ложно это оно, смешно ли, но оно идет вперед, развивается, и будущее будет принадлежать ему, особенно когда оно найдет достойного вождя. А этим вождем буду Я! Да, Я!» Все свои организаторские способности Б. направляет на создание нового литературного течения, лидерство в котором он заранее резервирует за собой. При этом он использует самые разнообразные методы для привлечения к начинаниям русских символистов широкого читательского и литературно-критического внимания, чем отчасти объясняется откровенно эпатажный характер первых поэтических опытов Б. и его сподвижников. Таково, напр., навеянное Малларме однострочное стихотворение, занимавшее в «Русских символистах» отдельную страницу: «О, закрой свои бледные ноги!»

Основой поэтической практики и теоретических взглядов молодого Б. на искусство стали индивидуализм и субъективизм. «В поэзии, в искусстве — на первом месте сама личность художника! — писал он П. П. Перцову 14 марта 1895 г.— Она и есть сущность — все остальное форма! и сюжет, и «идея» — все только форма! Всякое искусство есть лирика, всякое наслаждение искусством есть общение с душою художника...» (Письма Б. к Перцову.— С. 13). Эта любимая мысль Б. об абсолютной суверенности и доминантности личности художника в творчестве была повторена почти дословно в предисловии к первому лирическому сборнику поэта, вышедшему под эпатажным названием «Chefs d'oeuvre» («Шедевры», 1895). Эта книга, как и следующий сборник «Me eum esse» («Это — я»; вышел в 1896 г., на обложке — 1897 г., открывается знаменитым программным стихотворением «Юному поэту»), подводят итог первому периоду и уже намечают некоторые ведущие черты зрелого творчества Б.— урбанизм, тема одиночества человека в «страшном мире», мотивы изжитости старой культуры, обращение к истории, поиски новых поэтических форм.

Второй период творческого пути Б. отмечен четырьмя сборниками стихов, составившими своеобразную тетралогию: «Tertia Vigilia» («Третья Стража», 1900), «Urbi et Orbi» («Граду и Миру», 1903), «Stephanos» («Венок», 1906) и «Все напевы» (1909). Поэзия Б. этого времени свидетельствует о значительных изменениях в его мировосприятии и эстетике. Своими учителями Б. теперь признает А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, Э. Верхарна. Его произведения приобретают образную и композиционную четкость, выкупают пластичность «мрамора и бронзы», па-

фос страстного культурного просветительства; отточенность ораторско-декламационного строя стиха.

Объективно общественная и эстетическая позиция Б. в эти годы резко противоречила постулатам русского символизма, базировавшегося на неоплатонических идеях философа-идеалиста Вл. С. Соловьева. Рационалист, Б. внутренне был чужд мистическим исканиям символистов, их стремлениям видеть в поэте провидческого толкователя зашифрованных в символе потусторонних «высших тайн». С эпатажным антиэстетизмом и полемическим вызовом Б. уподобляет поэтическую мечту волю, впряженному в плуг («В ответ», 1902). Б. начинает тяготиться некогда желанным званием вождя символизма, хотя по-прежнему отдает все силы консолидации и развитию нового литературного направления. Он участвует в делах символистского издательства «Скорпион», становится редактором и издателем альманаха «Северные цветы» и журнала «Весы» (1904—1909) — центрального органа русского символизма. Одновременно Б. ведет большую научную работу, публикует исследования о Е. А. Баратынском, П. А. Вяземском, А. С. Пушкине, Ф. И. Тютчеве, А. А. Фете и др., сотрудничает в «Русском архиве».

Новый этап в развитии творчества Б. ознаменован расширением и укреплением его связей с живой действительностью в ее общекультурной насыщенности. По глубине знаний, многогранности интересов, объему научной и литературной работы, преданности культуре Б. занял в эти годы одно из первых мест среди современников. «...Если бы мне жить сто жизней,— отмечал он в дневнике,— они не насытили бы всей жажды познания, которая сжигает меня» (Ашукин.— С. 273). Именно тогда складывается образ Б., получивший незадолго до Октября известную характеристику М. Горького: «...Я всегда говорю о Вас: это самый культурный писатель на Руси!» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т.— М., 1955.— Т. 29.— С. 383). Стихи Б., известные «антологические» стихотворные циклы «Любимцы веков» и «Близким» (сб. «Tertia Vigilia»), «Правда вечная кумиров» (сб. «Stephanos»), «Властительные тени» (сб. «Зеркало теней», 1912), «В маске» («Семь цветов радуги», 1916) переполнены легендарными и мифологическими, историческими, географическими именами и названиями — «Ассаргадон», «Жрец Изиды», «Одиссей», «Наполеон», «Разоренный Киев» и др. Но обращение Б. к мифологии и древности, истории не означало ухода от жгучих вопросов современности. Поэта притягивают героика и трагические судьбы людей древних цивилизаций, т. к. в них он стремился найти аналогии с судьбой современного человека и мира. Б. искал в далеком прошлом образец личности яркой, поднимающейся над обыденностью, могущей стать идеальным примером для «безге-

ройной» современности. Стараясь понять закономерности появления героических характеров, столь необходимых времени настоящему, Б. одновременно стремился исследовать в своих персонажах черты, созвучные ему самому. «...У меня везде — и в Скифах, и в Ассаргадоне, и в Данте — везде мое «я», — подчеркивал он в одном из писем к М. Горькому. Именно поэтому стихи циклов сохраняют, наряду с чертами героической эпичности, глубокий лиризм и отчетливо субъективистскую окраску.

Другой темой Б. стала тема города, прошедшая через все творчество поэта. Продолжая и объединяя разнородные традиции (Достоевского, Некрасова, Верлена, Бодлера и Верхарна), Б. стал по сути первым русским поэтом-урбанистом XX в., отразившим обобщенный образ новейшего капиталистического города — «В стенах» (сб. «Tertia Vigilia»), «Картины» (сб. «Urbi et Orbi») и др. Б. ищет в городских лабиринтах красоту, называет город «обдуманном чудом», любуется «буйством» людских скопищ и «священным сумраком» улиц («Жадно тобой наслаждаюсь», 1899; «Конь блед», 1903; «Городу», 1907, и др.), склоняется к поэтическому «оправданию» язв и пороков мегаполиса, видя в них «отблеск тайн», эстетизирует «сон заученных объятий», «восторги» и «видения мечты» в опьянении страстью и азартом («Я люблю в глазах оплывших», 1899; «В публичном доме», 1905; «В игорном доме», 1905). Но любованию городом не переросло у Б. в его апологию, он углубляет в урбанизации жизни «противоестественные», враждебные человеку черты, чреватые будущими катаклизмами. Призраки грядущих катастроф являлся у Б. не только в облике разгневанной природы («В дни заустений», 1899; «Словно нездешние тени», 1900; поэма «Замкнутые», 1901; драма «Земля», 1904, и др.). Поэт проводит и оправдывает надвигающуюся революцию, несущую гибель «неправому и некрасивому» строю, могильщикам капитализма — сильных и униженных людей, которые готовы вскоре добыть себе «царственную долю» («Каменщик», «Братья бездомные», 1901; «Слава толпе», 1904, и др.). Это типы, в отличие от «призрачных теней» первого периода, вполне конкретные и социально охарактеризованные. Это — фабричный рабочий, девушка-прачка, сборщики на церковный колокол, каменщик из широко известного одноименного стихотворения, ставшего народной революционной песней. В стихотворении «Ночь» (1902) Б. говорит о рабочих: «И, спину яростно клоня, / Скрывают бешенство проклятий / Среди железа и огня / Давно испытанные рати».

Протест против бездушия городской цивилизации приводил Б. к раздумьям о природе, оздоравливающих начал которой поэт не признавал в своем раннем творчестве. Теперь он ищет в природе утраченную современными «аналитическим человеком» цельность и гармоничность бы-

тия («У земли», 1902; «Снова с тайной благодарностью», 1911; циклы «У моря», «Вечеровые песни», «На сайте», «На гранитах», «В поле», 1899—1907). Поиски эти симтоматичны в творческом развитии Б., хотя в целом его «природные» стихи значительно уступают его антологической и урбанистической лирике.

С большей художественной силой миру растворенной в городе пошлости противостоят у Б. поэзия любви. Стихи о любви сгруппированы, как и стихи на другие темы, в особые смысловые циклы — «Еще сказка» («Tertia Vigilia»); «Баллады», «Элегии» («Urbi et Orbi»); «Из ада изведенные», «Мгновения» («Stephanos»); «Эрот, непобедимый в битве», «Мертвая любовь», «Обреченный» («Все напевы»). Б. противопоставляет «дачным страстям» мешанской действительности всепоглощающую, возведенную до трагедии, «предельную», «героическую страсть» («Любовь», «И снова ты...», 1900; «Помпеянка», 1901; «В Дамаск», 1903; «Видение крыльев», «Антоний», 1905, и др.). Не случайно А. Белый назвал Б. «поэтом страсти». Но и здесь, вполне искренне воспевая все многообразие ликов и оттенков страсти, Б. часто предстает как человек и художник железного волевого императива, прославляющий конечную победу долга и героической воли над стихией страсти («Цирцея», 1899; «Возвращение», 1900; «Побег», 1901; «Эней», 1908). Противоречивость ответов в разрешении конфликта страсти и долга, страсти и свободы соответствовала общей диалектической природе творчества Б. и осознавалась самим поэтом. «Только поэт-педант, — писал он в «Miscellanea», — сумеет избежать противоречий, только тот, кто не «творит», но делает свои стихи, будет в них постоянно верен одним и тем же взглядам» (Эпоха. — М., 1918. — Кн. 1. — С. 213).

Противоречия взглядов Б. особенно наглядно выразились в его оценках социально-политических сторон действительности. Поэт с живой страстностью откликнулся на все важнейшие события современности. В начале века русско-японская война и революция 1905 г. становятся темами его творчества, во многом определяя его взгляды на жизнь и искусство. Б., сочувственно относившийся поначалу к идее монархической власти и мессианского великодержавия России («Проблеск», 1900; «Июль 1903»; «политические обозрения» в журнале символистов-неохристиан «Новый путь», 1903), в первый период русско-японской войны выступил со стихами официозно-шовинистического толка («К согражданам», «К Тихому океану»). Но вскоре его иллюзии полностью развеялись. Б. гневно упрекает защитников войны в трусости, тупости и предательстве: «Так слушайте напев веселый, / Поэт венчает вас позором» («Цепи», 1905). Поражение царизма в войне подвело Б. к предательству о закономерности и необходимости революции. Ему казалось, что именно революция вызовет к жизни

те героические характеры, которые поэт искал в глубинах древности. Не случайно в сб. «Stephanos» антологические стихи («Медей», «Антоний», «Ахиллес у алтаря» и др.) сочетаются с яркими образами революционной поэзии. В стихотворной инвективе «Довольным» (18 окт. 1905 г.) Б. обратил негодующий вызов к либералам, ликовавшим по поводу дарованной манифестом 17 октября «кущей конституции»: «Довольство ваше — радость стада, / Нашедшего клочок травы». Стихотворение Б. заканчивает призывом к революционерам — «детям пламенного дня»: «Крушите жизнь — и с ней меня». Та же мысль звучит в известном стихотворении «Грядущие гунны» (1904—1905), в идейном родстве с которым находится стихотворение «Близким» (1905). Идея последнего стихотворения, адресованного революционерам — «близким», выражена в заключительном стихе: «Ломать — я буду с вами! Строить — нет!» В. И. Ленин, процитировав эту строчку, в одной из статей назвал Б. «поэтом анархистом» (Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 14. — С. 288), точно определив характер «термидорианского» толкования поэтом революции как стихии только разрушительной. С анархистских позиций Б. полемизировал и со статей В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» (1905). Заявляя о своем презрении к буржуазному обществу, Б. в то же время выражал явное недоверие и к социал-демократии, также посягавшей, по его мнению, на творческую свободу художника. Однако следует признать, что Б. видел в революции не только стихию разрушения. Он воспевает счастливое будущее «нового мира» как торжество демократии, «свободы, братства, равенства» («К счастливым», 1904—1905), славит певцов борьбы: «Поэт — всегда с людьми, когда шумит гроза, / И песня с бурей — вечно сестры» («Кинжал», 1905). Стихи Б. о первой русской революции, наряду со стихами Блока, являются вершинными произведениями, написанными на эту тему поэтами начала века.

В годы реакции поэзия Б. уже не поднимается до высокого жизнеутверждающего пафоса «Венка». Перепевают старые мотивы, усиливается тема усталости, одиночества («Умирающий костер», 1908; «Демон самоубийства», 1910, и др.). Но и в этот период его творчества в сб. «Все напевы» (1909 — сб. имеет переходный характер), «Зеркало теней» (1912), «Семь цветов радуги» (1916), «Девятая камена» (1916—1917; отд. изд. не вышла), «Последние мечты» (1920, собранные стихи 1917—1919 гг.) поэт продолжает славить человека-труженика, дерзкого искателя и создателя, верит в будущее торжество революции.

Оригинальное художественное творчество Б. не исчерпывается стихами. В 1907 г. он выпускает книгу прозы «Земная ось», в которую вошли ряд новелл и драма «Земля», названная Бло-

ком «произведением предельно высоким». В 1908 г. выходит исторический роман Б. из жизни Германии XVI в. «Огненный ангел» (С. Прокофьев написал на его основе оперу), а затем появляются еще два романа и повесть из истории Древнего Рима — «Алтарь Победы», «Юпитер поверженный», «Рея Сильвия» (1911—1916). Как и в антологических стихотворных циклах, прошлое в прозе Б., представленное со скрупулезной научной точностью, проецируется на настоящее, служит художественной разработке актуальных проблем современности.

Зная основные классические и новые европейские языки, Б. активно выступал как переводчик. Он перевел Метерлинка, Верлена, Гюго, Эдгара По, Уайльда, Расина, Мольера, Байрона, Гете, Вергилия и мн. др. Именно Б. открыл русским читателям Верхарна, Райниса, финских и многих (более сорока) армянских поэтов. В советское время Совнарком Армении удостоил Б. почетного звания народного поэта Армении. Б. создал теорию перевода, не потерявшую своего значения до сих пор (см. статью «Фиалки в тигеле», 1905; предисловие к переводам Верлена, 1911; рецензию «Верхарн на прокрустовом ложе», 1923, и др.).

С начала столетия развертывается многогранная литературно-критическая деятельность Б., автора более шестисот статей и рецензий, из которых свыше восьмидесяти посвящено изучению Пушкина. Баратынский, Фет, Тютчев, Каролина Павлова, Гоголь, Блок, акмеисты, футуристы, античные и европейские авторы вошли в необычайно широкий круг научных и критических интересов Б.

В годы первой мировой войны, которая на первых порах представлялась Б. последней войной человечества на пути к вечному миру («Последняя война», 17 июля 1914 г.), поэт вновь испытал милитаристский азарт и шовинистический энтузиазм, но вскоре, побывав в качестве корреспондента «Русских ведомостей» на фронте, он понял ужас человеческой бойни и возвысил против нее свой голос («Тринадцатый месяц», 1917; «За что?», 1918).

В Октябрьской революции Б. увидел реальное воплощение героического пафоса истории и стал искренне и активно сотрудничать с Советской властью. Он работал в Книжной палате, Наркомпросе, Госиздате, Главпрофобре, преподавал в Московском университете, в Коммунистической академии и в Институте слова, организовал в 1921 г. Высший литературно-художественный институт и стал его ректором и преподавателем. В 1920 г. вступил в Коммунистическую партию.

Послеоктябрьские стихи Б. открывают четвертый, последний период его литературного пути, представленный сборниками «В такие дни» (1921), «Миг» (1922), «Дали» (1922) и вышедшим уже после смерти поэта сборником «Mea!»

(«Спешите!») (1924). Б. мучительно ищет новые художественные формы для выражения нового поворота в своем мировоззрении и адекватного воссоздания в искусстве революционной действительности («Третья осень», «К русской революции», 1920; «У Кремля», 1923, и др.). В сборниках «Дали» и «Меа!» Б. представляет образцы «научной поэзии» («Мир электрона», 1922; «Мир N-измерений», 1924, и др.). В 1919 г. выходит его стиховедческая работа «Наука о стихе». Многие отклики Б. на революцию были риторичны и маловыразительны. Сказалось внутреннее несопадение его сложившегося жизненного ощущения с его же новой эстетической программой творчества.

В Б. помимо творческого дара художника жил неукротимый дух исследователя, который дерзко вознамерился найти рационалистические «ключи тайн» к самым сокровенным человеческим чувствам, а также понять причины рождения новых форм в искусстве, логику их развития. Б. внес значительный вклад в русскую культуру; его творчество, отразившее этапы идейного развития не только самого поэта, но и русской литературы рубежа XIX—XX вв., подготовило почву для плодотворного развития многих советских поэтов.

Соч.: Полн. собр. соч. и переводов: Т. 1—4, 12, 13, 15, 21.— Спб., 1913—1914; Автобиография // Русская литература XX века. 1890—1910 / Под ред. С. А. Венгерова.— М., 1914.— Т. 1; Дневники. 1891—1910.— М., 1927; Из моей жизни. Моя юность. Памяти.— М., 1927; Валерий Брюсов в автобиографических записках, письмах, воспоминаниях современников и отзывах критики / Сост. Н. Ашукин.— М., 1929; Письма В. Я. Брюсова к П. П. Перцову (1894—1896) (К истории раннего символизма).— М., 1927; Стихотворения и поэмы.— Л., 1961; Собр. соч.: В 7 т.— М., 1973—1975.
Лит.: Горький М. Письма к Валерию Брюсову // Собр. соч.— М., 1954—1955.— Т. 28, 29; Перцов П. П. Литературные воспоминания.— М.; Л., 1933; Луначарский А. В. Брюсов и революция // Русская литература.— М., 1947; Жирмунский В. М. Валерий Брюсов и наследие Пушкина.— П., 1922; Максимов Д. Е. Поэзия Валерия Брюсова.— Л., 1940; Он же. Брюсов. Поэзия и поэтика.— Л., 1969; Валерий Брюсов // Литературное наследство.— М., 1976.— Т. 85

С. Н. Тяпков

БУЛГАРИН, Фаддей Венедиктович [24.VI (5.VII). 1789, имение Перышево, Минское воеводство Великого княжества Литовского — 1(13).IX.1859, мыза Карлово, близ Дерпта, ныне — Тарту] — журналист, прозаик, издатель. Из семьи польского шляхтича. С 1798 г. учился в Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, в 1806 г. выпущен корнетом в Уланский великого князя Константина Павловича полк. Принимал участие в военных действиях в Пруссии в 1807 г. (против наполеоновской армии, был ранен и награжден орденом Анны III степени) и в Финляндии в 1808—1809 гг. (против шведских войск). Свою счастливо складывавшуюся военную карьеру разрушил сатирическими стихами против командира полка (по некоторым сведениям — против шефа полка — великого князя Константина), за что в 1809 г. был переведен в Кронштадт-

ский гарнизонный полк (несколько месяцев просидел под арестом в крепости), а через год — в Ямбургский драгунский полк. Здесь Б. также не ужився, из-за какой-то скандальной истории был плохо аттестован и в 1811 г. отставлен от службы. Б. отправился на родину, в Польшу, а потом, по его собственному признанию, «следуя пословице, «как волка ни корми, а он все в лес смотрит», полетел бродить за белыми орлами (польский герб.— А.Р.) и искать независимости отечества» (ИРЛИ.— 10102.— Лист 60). Вступив во французские войска (Франция после Тильзитского мира была союзным России государством), он воевал в составе Польского легиона в Испании, участвовал в походе на Россию и в военных действиях на территории Германии. В 1816 г. Б. приехал в Петербург (был издан указ о прощении поляков, состоящих на службе в наполеоновских войсках), где по поручению своего состоятельного дяди вел судебную тяжбу о крупном поместье. Во время длительного пребывания в Вильне в 1819 г. вступил в «товарищество шубравцев» (по-польски — плуты, пройдохи) — кружок преподавателей Виленского университета, выпускавший на польском языке сатирическую газету «Уличные ведомости», где с просветительских позиций высмеивались пороки польской шляхты, препятствующие буржуазному развитию. Б. публиковал стихи и прозу в этой газете и ряде других польских периодических изданий, получив литературную известность. С 1819 г. он печатал стихи, рассказы, воспоминания в польском варианте газеты «Русский инвалид». В 1820 г. знакомится с Н. И. Гречем (в том же году статьей «Краткое обозрение польской словесности» (Сын отечества.— 1820.— № 31, 32) дебютирует в русскоязычной печати). Деловой и инициативный журналист, Б. быстро сходится с молодыми, прогрессивно настроенными литераторами (братья Бестужевы, А. О. Корнилович, В. К. Кюхельбекер, К. Ф. Рылеев и др.). Особенно сблизился он с А. С. Грибоедовым — оказывал ему различного рода услуги, провел в печать фрагменты из «Горя от ума» (в изданном Б. первом отечественном театральном альманахе «Русская Талия». — Спб., 1825), пропагандировал его творчество в «Северной пчеле». Уезжая в 1828 г. в Персию, Грибоедов подарил ему список комедии с надписью: «Горе мое поручаю Булгарину. Верный друг Грибоедов». Б. познакомился и поддерживал хорошие отношения с Пушкиным, на протяжении 20 гг. время от времени печатавшимся в его изданиях. В 1824 г. Пушкин относил Б. к «малому числу тех литераторов, коих порицания или похвалы могут быть и должны быть уважаемы» (Полн. собр. соч.— Т. 13.— С. 85). С 1822 г. Б. издавал «Северный архив» («Журнал истории, статистики и путешествий»), один из лучших русских журналов того времени (в 1823—1824 гг. в приложении к нему выходи-

ли «Литературные листки», где Б. активно участвовал в литературной полемике), с 1825 г. совместно с Гречем издавал «Северную пчелу», первую частную газету, имеющую право печатать политические известия.

Хорошее знакомство с польской и французской литературой, чутье журналиста, знающего потребности публики, бойкое перо позволили ему стать пионером в освоении русской литературой ряда жанров: нравоописательного очерка, фельетона, военного рассказа. Принадлежат Б. и одни из первых в русской литературе опыты в жанрах утопии («Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в ХХІХ веке», 1824) и антиутопии («Невероятные небылицы, или Путешествие к средоточию Земли», 1825). Не отличаясь особыми литературными достоинствами, произведения Б. были тем не менее написаны живо, интересно и профессионально.

Б. скептически относился к проектам революционного переустройства русской жизни. Придерживаясь умеренно-либеральных взглядов, он делал ставку на царя и царское правительство как инициаторов прогресса в России. Разгром декабристов еще более укрепил его на этих позициях. Напуганный восстанием (среди репрессированных было немало его друзей), Б. стал всеми силами демонстрировать свою преданность — дал словесный портрет разыскиваемого Кюхельбекера, подготовил несколько докладных записок для правительства по вопросам литературы и театра (см.: Русская старина.— 1900.— № 9.— С. 579—590; Лемке М.— С. 317—330; Бюлое.— 1918.— № 1.— С. 16—27; Вопросы литературы.— 1985.— № 2.— С. 130—132). Вначале он представлял их генерал-губернатору и в генеральный штаб, а с середины 1826 г., после создания III отделения, стал адресоваться туда. Информировав III отделение, Б. выступал «как доброволец-осведомитель, а не как наемный агент сыска» (Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором.— Л., 1925.— С. 35). Власти высоко ценили и осведомительскую деятельность, и литературное творчество Б. В конце 1826 г. по указу царя он был зачислен (без определенной должности) в штат Министерства народного просвещения (с чином 8 класса) и, как писал Бенкендорф в 1831 г., «был употребляем по моему усмотрению по письменной части на пользу службы, и... все поручения он исполнял с отличным усердием» (цит. по кн.: Лемке М.— С. 282). В 1831 г. Б. ушел со службы, но в 1844 г. вновь вступил в нее членом-корреспондентом специальной комиссии конезаводства, дослужившись к выходу в отставку (в 1857 г.) до чина действительного статского советника. Бенкендорфу и Николаю II нравился роман «Иван Выжигин» (см.: Современник.— 1913.— № 2.— С. 293), а в 1848 г. царь назвал «Северную пчелу» изданием, «отличающимся благонамеренностью и направлением, совер-

шенно соответствующим цели и видам правительства» (ЦГИА.— Ф. 777.— Оп. 2.— 1850.— Д. 146.— Л. 57).

Тем не менее и во время николаевского царствования в деятельности Б. были положительные моменты. Он деятельно помогал Грибоедову, временно заключенному в крепость после восстания декабристов, оказывая содействие А. А. Бестужеву в публикации его произведений. Б. высоко оценил в «Северной пчеле» «Героя нашего времени» Лермонтова и тем самым способствовал распространению романа. Он активно пропагандировал польскую культуру в России (что, впрочем, не помешало ему при необходимости напечатать в 1831 г. исключительно резкие по тону статьи против польских повстанцев). При всей своей благонамеренности, Б. неоднократно вступал в конфликты с цензурой по поводу запрещения публикации статей или их фрагментов (в частном письме он писал в 1845 г., что министр народного просвещения С. С. Уваров «набростил на все тень, навел страх и ужас на умы и сердца — истребил мысль и чувство...» — ИРЛИ.— 18439.— Л. 66), часто получал выговоры от царя или высокопоставленных чиновников за уже напечатанные материалы.

Однако в целом Б.-литератор был в значительной мере творцом мировоззрения, соответствующего Николаевской эпохе. Выступив идеологом «мещанской народности» (термин А. Азадовского), он выражал интересы средних слоев чиновничества, военных провинциального дворянства, части купечества и мещанства), на которые стремилось опереться правительство. Поэтому он получил поддержку сверху и в то же время пользовался широкой популярностью в читательских кругах. Сотрудничество Б. с III отделением было обусловлено не только его личными моральными качествами, но и логикой принятой на себя культурной роли. Во-первых, литератору, не демонстрирующему постоянно своей преданности, правительство просто не позволило бы издавать газету. Во-вторых, если литераторы из дворянской элиты с помощью родственных связей могли непосредственно входить в контакт с царем и его приближенными, то Б. вынужден был делать это через органы политического сыска. В-третьих, в условиях, когда промышленность развивалась не в условиях свободной конкуренции, а в борьбе за правительственную привилегию, Б., как литературный промышленник, также стремился к достижению монополии не только за счет привлечения подписчиков, но и путем политической дискредитации соперников.

С ориентацией на средние слои связаны и другие особенности позиций Б. в литературе. Если большинство литераторов апеллировали к мнению критики и просвещенных читателей, то для Б. основной инстанцией являлась публика. В результате книга оценивалась не по степени

ее художественности, а по количеству разошедшихся экземпляров, критику заменяла реклама. Любимым жанром Б. был фельетон, где в легкой и живой форме описывались и обсуждались разнообразные явления бытовой и культурной жизни страны, прежде всего — Петербурга. Наблюдательность и остроумие обеспечивали ему популярность, хотя журнальные противники нередко демонстрировали предвзятость и некомпетентность Б. Нередко он выступал также с путевыми и нравоописательными очерками, театральными и литературными рецензиями, но все эти произведения были близки по характеру к его фельетонам, разделяя их достоинства и недостатки.

Параллельно с журналистской работой Б. писал романы, адресуясь все к той же публике из средних слоев. Читательская аудитория, резко выросшая во второй половине 20 гг., читала в основном переводные романы, русские образцы этого жанра в данный период практически отсутствовали, хотя усилившийся интерес к истории и этнографии России создавал благоприятную почву для них. Удачно угадав потребность, Б. достаточно успешно удовлетворил ее, соединив в первом своем романе «Иван Выжигин» (Спб., 1829) традиционную схему плутовского романа с бытовыми картинами русской жизни и изложив это современным (а не архаизированным, как напр., у Нарезного) литературным языком. Герой его — неплохой, но легко поддающийся искушениям человек. Вначале безродный бедняк, он после многочисленных приключений (участие в шайке мошенников, плен у киргизов, тюремное заключение, судебный процесс, участие в войне с Турцией и т. д.) обретает семью, богатство и высокое служебное положение. Традиционный сюжет плутовского романа, дающий возможность описать образ жизни различных кругов общества (свет, помещиков и чиновников, армию, преступников, суда и т. д.), Б. насытил нравоучительными мотивами, стремясь доказать своим читателям из среды мелкого дворянства и чиновничества, что честность, умеренность и добросовестная служба позволяют им достичь успеха в жизни.

Роман имел громадный успех у широких кругов читателей. Первое его издание было быстро распродано, за ним последовали второе и третье, переводы на французский, английский, немецкий, итальянский, шведский, польский и др. языки. Однако представители другой читательской среды отнеслись к роману резко отрицательно — для их реакции на роман типичен отзыв П. А. Катенина: «Пустота, безвкусице, бездушность, нравственные сентенции, выбранные из детских прописок, неверность описаний, приторность шуток» (К а т е н и н П. А. Размышления и разборы. — М., 1981. — С. 76).

Близки по характеру были и другие «нрав-

ственно-сатирические» романы Б. — «Петр Иванович Выжигин» (Спб., 1831) и «Памятные записки титулярного советника Чухина» (Спб., 1835), имевшие, однако, меньший успех у читателей. Б. был одним из создателей русского исторического романа вальтер-скоттовского типа, опубликовав почти одновременно с «Юрием Милославским» Загоскина «Дмитрия Самозванца» (Спб., 1830), а позднее — «Мазепу» (Спб., 1833—1834). Лишенные динамизма и ярких бытовых черт, написанные стандартным языком и, что самое главное, резко отрицательно изображающие широкие народные движения, они не пользовались особой популярностью у читателей, однако оказали немалое воздействие на массовую историческую беллетристику 30—40 гг.

По мере того как росли известность и влияние Б., усиливалась и борьба с ним литераторов пушкинского круга. В конце 20 гг. эта среда узнает о контактах Б. с III отделением и использовании им связей такого рода для борьбы с конкурентами. В результате полемика резко обостряется, причем П. А. Вяземский и Е. Баратынский (авторы эпиграмм на Б.) втягивают в нее и Пушкина как наиболее авторитетного литератора своего лагеря. После обмена личными выпадами в 1830—1831 гг. (в т. ч. болгаринские памфлеты «Анекдот» и «Предок и потомки», пушкинское стихотворение «Моя родословная» и заметка о «Записках» Видока) и угроз Пушкина (в памфлете «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем») обнародовать ряд фактов биографии Б. тот капитулировал, прекратив полемику. В дальнейшем ожесточенную борьбу с Б. вели Белинский и Некрасов. После смерти Б. остался в литературной памяти, правда, не как реальный литературный деятель, а как символ моральной нечистоплотности, готовности торговать своими убеждениями и сотрудничать с полицейскими органами ради материальных выгод.

Соч.: Соч.: В 3 ч. — Спб., 1836; Полн. собр. соч.: В 7 т. — Спб., 1839—1844 (не включает произведений, вошедших в предшествующее издание); Очерки и рассказы // Полярная звезда. — М., 1960; «Янычар, или Жертва междоусобицы» // «Северная лира» на 1827 год. — М., 1984; Рецензии // «Горь от ума» на русской и советской сцене. — М., 1987.

Лит.: Л е м к е М. К. Николаевские жандармы и литература. 2-е изд. — Спб., 1909. — С. 229—358; Г р е ч Н. И. Записки о моей жизни. — М.; Л., 1930; П о к р о в с к и й В. А. Проблема возникновения русского «нравственно-сатирического» романа (о генезисе «Ивана Выжигина») // Изв. АН СССР. Отд. обществ. наук. — 1932. — № 10; Г и п п и у с В. В. Пушкин в борьбе с Булгаринами в 1830—1831 гг. // Временник Пушкинской комиссии. — М.; Л., 1941; Русская повесть XIX века. — М., 1973; В а ц у р о В. Э. «Северные цветы». — М., 1978; М е ш е р я к о в В. П. А. С. Грибоедов. Литературное окружение и восприятие. — Л., 1983. — Гл. 9.

А. Н. Рейтблат

БУНИН, Иван Алексеевич [10(22).X.1870, Воронеж — 8.XI.1953, Париж] — прозаик, поэт. Родился в небогатой дворянской семье, детство провел на хуторе Бутырки Елецкого у. Орлов-

ской губ. Начальное образование получил в домашних условиях, его учителем и наставником был Н. О. Ромашков, человек художественно одаренный и образованный, в прошлом студент Московского университета. Под его влиянием Б. пристратился к чтению книг и к занятиям живописью. Осенью 1881 г. Б. поступил в гимназию в г. Ельце. Занятия посещал неохотно, предпочитая им литературное самобразование. В 1886 г. был отчислен из четвертого класса гимназии. Четыре года Б. жил в дер. Озерки, где находился его старший брат Юлий, народоволец, сосланный сюда под полицейский надзор. Брат приобщил молодого Б. к чтению серьезной философской литературы, мировой и русской художественной классики. Еще в гимназические годы Б. писал стихи, здесь стал увлекаться и другими формами литературного творчества: прозой, публицистикой.

В 1889 г. Б. совершил первое путешествие по стране: Харьков, Севастополь, Ялта. Осенью того же года стал жить в Орле. Сотрудничал в газете «Орловский вестник» (сначала корректор, затем редактор). Через два года издал в Орле небольшую книжку стихотворений.

Увлеченный учением Л. Толстого, Б. в 1894 г. встречается с ним в Москве. Однако толстовцем не стал, через год в рассказе «Сутки на даче» с некоторой иронией напишет об идеях толстовского опрощения. В 1895 г. Б. знакомится в Москве и Петербурге с известными русскими писателями, в т. ч. с А. П. Чеховым. Затем вновь много путешествует, с 1898 г. живет около двух лет в Одессе.

В 1895 г. публикует рассказ «На край света». Поощряемый похвалами критиков, Б. весь отдается литературному творчеству. Кончились поиски призвания, остались позади странствия по Украине, мелкая журналистская и иная работа, давшие, впрочем, богатый материал для рассказов и повестей.

Вскоре пришло к молодому писателю и лестное официальное признание литературных заслуг: в 1903 г. Академия наук награждает Б. Пушкинской премией за стихотворный сборник «Листопад» (1901) и перевод «Песни о Гайавате» (1896) американского поэта Г. Лонгфелло, основанной на сказаниях североамериканских индейцев (в 1909 г. Академия наук изберет Б. своим почетным членом).

Постепенно Б. освобождается от прямых литературных влияний, обретает собственный творческий голос, это было замечено крупнейшими художниками. Его не захватили модные декадентские течения в литературе. Б. хранил верность реалистической традиции русской классики. Его стиль казался даже демонстративным на фоне разнообразных эстетических экспериментов той поры. Но таков был путь не одного Б.: традиция жила в великом опыте Чехова, Толстого, Горького. Б. потому и вошел в большую

литературу, что встал на ее магистральный — реалистический — путь.

Б. видел зреющие исторические перемены в стране и отразил их. Близость к Горькому (он долго шел рядом с ним, активно участвуя в совместных изданиях) усиливала общественную зоркость Б. Ему не дано было никогда избавиться от крупных противоречий во взглядах на мир, но уйти, подобно некоторым символистам, в «башню из слоновой кости» он не хотел. Б. не принял революцию 1905 г., записал в дневнике свои впечатления от нее: «какой-то жуткий восторг, чувство великого события» (Муромцев в а-Б у н и а В. Н. Жизнь Бунина. 1870—1906.— Москва, 1989). То, что вскоре после революции 1905 г. Б. напишет свои самые лучшие произведения, нельзя назвать случайностью. Он иногда высказывался о своей непричастности к политике, но в художественном творчестве отражал ее. В 1909—1910 гг. он создает повесть «Деревня», принесшую Б. широкую читательскую известность. В ней говорила страдающая и думающая крестьянская Россия.

В 1917 г. наступила социальная драма писателя, который всегда жил интересами России. Не поняв Октябрьской революции, писатель в 1920 г. навсегда покинул свою родину.

Начался эмигрантский период жизни и творчества Б., когда он уже не знал, как прежде, длительного творческого счастья и душевных радостей (его драматическое настроение выразилось в стихотворении «У птицы есть гнездо...», 1922). Б. остался большим писателем. А. Т. Твардовский, любивший Б.-художника, в превосходной статье о нем отметил историческую грань в судьбе писателя: прежние, главным образом, «деревенские» повести и рассказы «на поверку оказались более долговечными, чем его произведения, посвященные собственно «вечным» темам — любви, смерти. Эта сторона его творчества, получившая преимущественное развитие в эмигрантский период, не составляет в нем того, что принадлежит в литературе исключительно Бунину» (Твардовский А. Т. О Буине // Буин И. А. Собр. соч.: В 9 т.— М., 1965.— Т. 1.— С. 22).

Б. прожил долгую жизнь. Он увидел победу советского народа над немецким фашизмом в 1945 г., был счастлив за свое отечество. С интересом читал книги советских писателей, восторгался «Василием Теркиным» Твардовского. В 1953 г. писатель умер в Париже.

Б. вступил в литературу поэтом. Уже в его юношеских стихотворениях звучали мотивы, которые во многом определяют смысл позднейшего, зрелого творчества. Он говорит о природе как средоточии гармонии. Быть естественным, как сама природа, — вот идеал юного поэта. Не только восторг перед природой, а и страстная жажда воссоединения с ней — эта тема классической поэзии звучит в стихотворении шестнадца-

тилетнего Б. программно: «Ты раскрой мне, природа, объятия, / Чтоб я слился с красою твоей!» («Шире, грудь, распахнись для принятия...», 1886).

Этот пантеистический мотив варьируется в стихотворениях Б. В естественности бытия, по Б., — источник главных ценностей человеческого существования: покой, бодрость, радость. Давно возникшее в мировой, в т. ч. и русской, лирике очеловечивание (антропоморфизм) природы Б. повторяет настойчиво, обогащая новыми метафорами. По-тютчевски звучащая поэзия грозы как символа обновления мира прямо проецируется в человеческую жизнь («Не пугай меня грозою...», 1888). Но тютчевская тема обретает неожиданный поворот. Поэт слышит в весенней грозе не только гром, а и тишину: «Как ты таинственна, гроза! Как я люблю твое молчанье» («Полями пахнет...», 1901).

Лучшим стихотворным произведением Б. явилась поэма «Листопад» (посвящена М. Горькому) — это высокая пейзажная лирика. Паразитическая по краскам, живописному изяществу, она встала в один ряд с лучшими пейзажами в мировой поэзии.

Широкую известность Б. принесла проза. Многое в наследии Б.-прозаика следует отнести — по аналогии с тургеневским примером — к жанру «стихотворений в прозе». Для его прозы характерны главные свойства стихотворной речи: эмоциональная напряженность и ритмический строй. Почти в той же мере, что и в стихах, присутствует во многих рассказах автор в качестве очевидца и участника происходящего. Рассказ «Антоновские яблоки» (1900) выражает поэтическое отношение Б. к миру. Он воспринимается как радостный гимн природе.

Б. не скрывает «великой грусти» по поводу исчезновения старого уклада жизни. Симптоматично название рассказа, содержащего эти слова, — «Эпитафия» (1900). Опустела деревня. Стала мертвой лежащая вокруг степь. Перестала «говорить» природа. Чувство автора столь же печально, сколь и возвышенно.

С надеждой ждать грядущее, но не исключать из памяти ушедшее, помнить о связи времен — эта мысль в разных вариантах прошла через многие повести и рассказы Б.

В рассказе «Новая дорога» (1901) грохочущий по рельсам поезд представлен «гигантским драконом», который воюет с вечной природой, неохотно уступающей ему свое пространство. Две силы, два начала в мире как живые существа ведут символический диалог. Невнятно-му, торопливому «разговору» колес вторят столетние сосны: «Болтайте, болтайте!.. Мы раступаемся, но что-то несете вы в наш тихий край?»

Через композицию рассказа выражено внутреннее соучастие Б. в таком диалоге. Внимание читателя все время переключается с природы

на автора, думающего о своем месте в новом движении жизни, о судьбе «бесконечно великой» страны. Но самое сокровенное и тревожное он как бы вкладывает в уста природы. Мрачные леса обступили дорогу и говорят ей: «Иди, иди, мы расступаемся перед тобою. Но неужели ты снова только и сделаешь, что к нищете людей прибавишь нищету природы?» Такова философия рассказа.

Интерес к быту и духовному миру простых людей помог Б. в годы после революции 1905 г. создать превосходные повести и рассказы из народной жизни. В них в полной мере раскрылось искусство художественного психологизма Б. Образы мужиков выросли до крупных художественных типов. Взгляд писателя стал более конкретным и социальным. В повести «Деревня» Б. «путешествует» со своим героем по русской провинции, по несчастным селам и слободкам. Он рассказывает о жуткой нищете, о физических и нравственных муках бедноты. Но ничто, говорит Б., не может истребить в русском мужике человечность, способность размышлять. В повести — история самоучки из народа. Она отражает историю всей мужицкой страны, тянувшейся к свету. Мучительно, уродливо, но идет процесс пробуждения. Появились «базарные вольнодумцы» вроде старика гармониста Балашкина, который снабжал Кузьму, ищущего правду, книгами.

О чем ожесточенно спорят герои? О судьбах народа, об истории России, о ее правителях. Они ищут виноватых в национальных бедах, в трагизме жизни лучших сынов страны. Обвинения имеют прямой адресат: самодержавные верхи. Но и народ судим, ибо его покорность — потворство насилию. «Деревня» — этапное произведение Б.

Демократизм писателя становится все конкретнее. Внимательно вглядывается он в мир простого человека. Переплетение светлых и темных сторон жизни — постоянная тема бунинской прозы.

Даровиты и красивые люди, но скверны условия их бытия. Избыток физических сил, жажда подвига оборачиваются погибельным азартом и смертным исходом. Счастливая поначалу судьба деревенского богатыря из рассказа «Захар Воробьев» (1912) вдруг обрывается бессмысленно диким концом в хмельном угаре.

Во многих повестях и рассказах Б. обращается к «вечным» темам. Первые из них у Б. — любовь и смерть. В истинной любви, по Б., есть что-то общее с вечной природой. И прекрасно только то чувство любви, которое естественно, не ложно, не выдуманно. Такому чувству писатель сложил, как и природе, подлинный поэтический гимн. Для него любовь и существование без нее — два враждебных типа жизни. Возвращая любовь, Б. не скрывает, каким опасностям она подвергается. Одна из известных новелл

писателя — «Легкое дыхание» (1916) — художнический суд над моралью взрослых, фальшивых людей, погубивших прелестное, искреннее молодое существо. Гимназистка Оля Мещерская, беспечная к наставлениям классной дамы, юная красавица, не боящаяся, в отличие от своих чопорных подруг, ни чернильных пятен на пальцах, ни растрепанных волос,— это само «легкое дыхание» жизни. Однако враждебный ей мир взрослых оборвал эту праздничную жизнь, и ничего не осталось от Оли Мещерской, кроме фарфорового медальона на могильном кресте.

В своей защите любви Б. иногда переходит от нравственного суда к социальному. Особенно ненавистен ему в этом смысле буржуазный уклад жизни — он наблюдал его во время многочисленных путешествий по западным и восточным странам. Один из лучших рассказов — «Братья» (1914) обнажает пороки европейской буржуазной цивилизации. Страшная фигура английского колонизатора предстает перед читателями. Он умен, способен даже к критической самооценке, что, впрочем, не возбуждает никаких симпатий к нему. Это он отдавал во время англо-бурской войны приказ убивать людей, покупал в Японии «месячных жен», загонял на Цейлоне до предсмертного хрипа рикш, бил палкой стариков в Китае. Основной сюжет рассказа — о том, как юный рикша, увидев свою невесту среди белых, которым она продана, отчаявшись от горя, сознательно идет на смертельный укус змеи. Растоптана любовь, погублена молодая жизнь — всею виной «деловитые» европейцы.

Постоянный мотив в бунинских рассказах — превосходство естественности бытия над его расчетливым устройством. Буржуазная действительность побуждала Б. усилить эту антитезу. Одно из ярких свидетельств тому — знаменитый рассказ «Господин из Сан-Франциско» (1915). Здесь «радостный, прекрасный, солнечный» остров выступает символом реальной, истинной красоты, резко контрастирующей со всей показной, по дешевым актерским рецептам расписанной внешней жизнью американского господина и его семьи. Среди людей, приплывших в Европу на роскошном корабле, все фальшивы, все ведут игру, противную духу здоровой жизни, игру, в которой сокрыто духовное умирание, недалеко от физического конца. Господин из Сан-Франциско в самые, казалось бы, счастливые мгновения своей жизни неожиданно умирает. А бездушная игра продолжается: хозяин отеля хочет скрыть от постояльцев эту смерть, на пароходе тщательно прячут в глубине трюма тело покойника. Прячут и продолжают вести призрачную жизнь, полную блеска огней, бриллиантов, обнаженных женских плеч, и танцует по-прежнему «пара нанятых влюбленных», которой «давно наскучило... притворно мучиться своей блаженной мукой под бесстыдно-грустную музыку».

Последние из названных здесь рассказов — лучшее, что создал Б. в предреволюционные годы. В эмиграции его литературная деятельность не прекратилась. С прежней силой раскрывалась тема любви, страстно возвышаемой писателем. На первое место здесь надо поставить «Митину любовь» (1924). Убеждение Б. в чистоте, незамутненности, здоровой естественности любви осталось неизменным. Правда, порой в бунинском изображении любви преобладал «земной», чувственный характер. Но это никогда не случилось за счет снижения главной, духовной значимости любви. Только в таком качестве она составляет самые лучшие мгновения жизни. Любовь — высший судья в человеческих отношениях, — утверждает Б. в рассказе «Темные аллеи» (1938).

Самым крупным произведением Б., созданным в эмиграции, был роман «Жизнь Арсеньева» (1927—1933). Это — автобиографическое произведение, в котором автор рассказывает о своем духовном развитии, о счастливых и трагических ощущениях бытия. Эпическое начало — подробности реальной жизни, представленные с присущей Б. пластичностью, — определяет большое достоинство романа.

Среди литературных жанров Б. заметное место занимают его воспоминания о Чехове и Толстом, которых он считал своими учителями. Над литературным портретом Чехова Б. работал почти всю свою творческую жизнь (первые заметки — «Памяти Чехова» — опубликованы в 1904 г., писал о нем и в последний год своей жизни). Толстому Б. посвятил литературно-философское исследование «Освобождение Толстого» (1917). Его главная задача — раскрыть попытки Толстого освободиться от земного и прийти к «вечному». Б. продолжал писать о Толстом и в нач. 30 гг. Творчество Б. — крупное художественное явление в русской литературе XX в.

Соч.: Собр. соч.: В 9 т. — М., 1965—1967; Литературное наследство. — М., 1973. — Т. 84. — Кн. 1—2.

Лит.: Воронский В. В. Бунин // Воронский В. В. Литературно-критические статьи. — М., 1956; Афанасьев В. Н. И. А. Бунин. — М., 1966; Выготский Л. С. Психология искусства — М., 1986 (гл. VII «Легкое дыхание»); Михайлов О. Н. Строгий талант. И. А. Бунин. — М., 1976; Лакшин В. Я. Биография книги (статья «Чехов и Бунин — последняя встреча»). — М., 1979; Баборко А. К. И. А. Бунин. Материалы для биографии. 1870—1917. — М., 1983; Нинов А. М. Горький и Ив. Бунин. — Л., 1984.

П. А. Николаев

БУНИНА, Анна Петровна [7(18).I.1774, с. Урусово Рязского у. Рязанской губ. — 4(16).XII.1829, с. Денисовка Рязанской губ. Раненбургского у. (ныне — Чаплыгинского района Липецкой обл.); похоронена в с. Урусове] — поэтесса, прозаик, переводчица. Из древнего дворянского рода, к которому принадлежали В. А. Жуковский и И. А. Бунин. Воспитывалась у родственников в деревне (мать умерла, когда Б. шел второй год). В 13 лет начала писать

стихи. Первое опубликованное произведение — прозаический отрывок «Любовь» (журнал «Иппокрена, или Утехи любословия». — 1799. — Ч. IV).

До 27 лет Б. оставалась в деревне. Старший брат Василий Петрович часто возил ее в Москву и ввел в круг своих знакомых и друзей литераторов. В эти поездки, когда она, по-видимому, временами оставалась на целую зиму в Москве, и в последующие годы Б., должно быть, встречалась с В. А. Жуковским, А. А. Шаховским, А. Ф. Воейковым, В. Л. Пушкиным, А. Ф. Мерзляковым. В 1801 г. умер отец. Б. получила наследство, давнее ей независимое положение, и переехала на жительство в Москву к сестре Марии Петровне, муж которой, Николай Петрович Семенов, был, писала Б., «нежным» ее «отцом, действующею пружиною ее спасения». Он по ее просьбе в 1802 г. отвез ее в Петербург, и там, против воли родственников, осталась она одна, что по тем временам было весьма необычно. С большой настойчивостью и упорством занялась она изучением — с помощью учителей — иностранных языков: немецкого, французского и английского, а также отечественной словесности — П. И. Соколовым, будущим секретарем академии. Когда был потрачен на учителей весь капитал, она оказалась в безвыходном положении; помог брат Иван Петрович Бунин, моряк, возвратившийся из похода. Он познакомил ее с некоторыми петербургскими литераторами, и Б. вскоре завоевала себе видное положение в литературном мире столицы; переломилась вся ее жизнь. «Лира спасла меня от потопления», — напечатала Б. на своей книге «Неопытная Муза» (СПб., 1809), уподобляя себя древнегреческому поэту Ариону (мотив пушкинского «Ариона»). Первым наставником ее в поэзии был племянник Борис Карлович Бланк, известный в то время поэт, и П. И. Шаликов.

В эти годы Б. занималась также теорией стиха, в 1808 г. издала свой перевод с французского «Правил поэзии» аббата Ш. Баттэ «с призовокуплением российский стопосложения», философия искусства которого основывалась на учении Аристотеля о подражании природе; эстетические теории Баттэ господствовали во Франции, а также в Германии до трудов И. И. Винкельмана, Г. Э. Лессинга, И. Г. Гердера, Ф. Шиллера и посредством сокращенного перевода Б. становились широко известны в России. Затем Б. перевела четыре песни «Науки о стихотворстве» Н. Буало, напечатав русский текст вместе с подлинником; перевод оценен был критикой как точный и «исполненный красот» (Дамский журнал. — 1831. — № 9. — С. 132).

В 1809 г. был напечатан в Петербурге сборник стихов Б. «Неопытная Муза», имевший большой успех у публики и в критике, принесший ей известность. В 1811 г. было издано сочинение в прозе «Сельские вечера» (нередко в статьях

о Б. и в библиографических справочниках неверно называемое сборником стихов); в 1812 г. — «Неопытная Муза», часть вторая. Первый из «Вечеров» печатался также отдельно под заглавием «Спасение Фив» (СПб., 1811). Ее книги быстро раскупались. За «Падение Фаэтона», повесть в трех песнях, написанную на сюжет «Метаморфоз» Овидия (книга 2, стихи 1 — 339) Б. была пожалована императрицей Елизаветой Алексеевной золотая лира, осыпанная бриллиантами. И. А. Крылов публично читал «Фаэтона» на торжественном собрании «Беседы», Г. Р. Державин признавался, что «усвоивал себе» эту повесть (Дамский журнал. — 1831. — № 9. — С. 134). «Неопытная Муза» в критике сравнивалась со стихами Сапфо, поэзией «страстной, пламенной, величественной». У обеих поэтесс, говорилось в одной из статей, «необыкновенный дар изображать состояние души своей» (Аглая. — 1809. — Ч. VIII. — Октябрь). Отмечалось также, что ее басни отличаются «непринужденною благородною шутовством, стихи в них плавны и чистота языка соблюдена повсюду» (Цветник. — 1809. — Ч. III. — С. 104).

Б. называли русской Сапфо, Десятой Музой и Северной Коринной (по имени романтической героини романа Ж. де Сталь «Коринна, или Италия», поэтессы и артистки). В ее честь писали хвалебные стихи Державин, И. И. Дмитриев, А. С. Шишков, с которым она дружила, а также М. В. Милонов, Б. К. Бланк, В. С. Раевский, М. Н. Макаров, известные тогда писатели. К. Н. Батюшков находил, что в произведении «О Щасти» стихи «прекрасны», а описание сельского жителя «прелестно. Стихи текут сами собой, картина в целом выдержана и краски живы и нежны» (Б а т ю ш к о в к К. Н. Соч. — СПб., 1886. — Т. 3. — С. 135). О ней весьма благосклонно отзывались Н. И. Греч в «Опыте краткой истории русской литературы» и Белинский в статье «Сочинения Зенейды Р-вой» (СПб., 1843. Четыре части) (Полн. собр. соч. — М., 1955. — Т. VII. — С. 652). Н. М. Карамзин сказал: «Ни одна женщина не писала у нас так сильно» (Дамский журнал. — 1831. — № 9. — Февраль). В. К. Кюхельбекер дважды выступил с рецензиями на стихи Б. в журнале «Сын отечества». Он, как и другие критики, лучшими считал произведения: «Майская прогулка болящей», «Упрек другу», «Весна», «Юному Поллуксу» о сыне Зевса, боге рассвета и сумерек, «На разлуку», «Отречение»; стихи «Прогулка», в этом, писал он, «прелестном произведении стесняют душу, исполняют ее жалости и содрогания и противу воли извлекают слезы; «какая сильная, живая поэзия!» (Невский зритель. — 1820. — Ч. I. — Март. — С. 81).

13 марта 1811 г., в день открытия «Беседы любителей русского слова» в доме Державина в Петербурге, Б. была избрана почетным членом. Ее почтила своим вниманием также Императорская Российская Академия: наградила денежным

даром; и хотя она «не принадлежала к числу академических Почетных Членов», но отличные ее в стихотворстве дарования дали и ее портрету место между прочими («Труды Императорской Российской Академии». — Спб., 1840. — Ч. 1. — С. 88) в зале собраний Академии, украшенном портретами Карамзина, Дмитриева, Н. И. Гнедича, Пушкина и др. Бунинной оказывал покровительство А. С. Шишков. М. И. Кутузов просил у Александра I о назначении ей пенсии и этим, — писала Б. великому полководцу 17 февр. 1813 г., — устроила судьбу ее «на целый век».

29 июля 1815 г. Б. отплыла из Кронштадта в Англию для лечения. За границы, сообщает писатель и историк Д. Л. Мордвцов, она «завязала знакомства с лучшими умами того времени» (Мордвцов в Д. Л. Русские женщины нового времени. — Спб., 1874). Есть сведения, что Б. о своем путешествии оставила записки; это могли быть не записки, а письма к родным и друзьям, которые читались с большим интересом, они ходили по рукам. А. С. Шишков писал Б. 6 мая 1816 г.: «С удовольствием читаю ваши письма, не только к себе, но и к другим». Ее письма современники сравнивали с «Письмами русского путешественника» Карамзина. Б. возвратилась в Россию в 1817 г.; болезнь оказалась неизлечимой. Стихов больше она почти не писала; в 1817 г. опубликовала в «Сыне отечества» (№ 37) перевод драмы в одном действии «Агарь в пустыне» Жанлис об испытании человеческого духа страданием — мотив, близкий самой Б., первые годы которой, по ее признанию, «были исполнены душевных, последние телесных скорбей и недугов».

В 1819—1821 гг. Императорская Российская Академия издала три тома «Собрания стихотворений Анны Бунинной». Все ранее изданное для этого собрания было просмотрено автором и исправлено. Этим изданием подвигнулся итог ее поэтическому творчеству.

Бунинна воодушевлена была идеей, с такой силой выраженной Пушкиным в «Пророке», о великом назначении поэта, мудреца, в очах которого «небесный огонь горит», глагол певца, по словам Б., «должен разить «злое коварство», «суемудрие» и вещать истину людям — таким является ей в поэтическом видении Державин («Сумерки»). Она пела в патриотических гимнах «подвиги мужей», погибших на поле Бородина. Ее восхищали защитники античной Фивской республики, борющиеся с тиранией завоевателей-спартанцев («Сельские вечера»); только человеколюбивое правление монархов, — писала Б., — ведет «к бессмертию их имени», а не оковы и темницы. В стихотворении «Тем, которые предлагали мне петь псалмы», Б. говорит: «Народа счастье есть лучший гимн царям». Ее общественные взгляды формировались под влиянием просветительских идей Н. И. Новикова и Карамзина, с которыми она встречалась в «Беседе».

Стилю Б. присущи определенные особенности русского классицизма — некоторая тяжеловесность слога и риторичность, подражание античным поэтам (Саффо, Овидию), прославление монарха, идея подчинения чувства разуму («Сельские вечера», идиллия «Шастливый Меналк»). И Пушкин, отвергавший каноны предшествующей литературы, отзываясь о Б. иронически («Тень Фонвизина», 1815, и «Послание цензору», 1822). Но классицизм Бунинной — от Державина, разрушителя классицистических жанров; к тому же на ее поэзии сказалось влияние Жуковского и Батюшкова, предшественников Пушкина, начавших писать в те же годы, что и она, внесших обновление в русскую поэзию своими гармоническими, эмоционально выразительными стихами. И в стихах Б. — нередко глубокое лирическое чувство, легкость, простота и точность речи, изящество формы; они часто написаны по конкретным житейским поводам, автобиографичны и субъективны.

В 1823 г. Б. поселилась у двоюродного племянника Дмитрия Максимовича Бунина в с. Денисовка. Последние шесть лет прошли в больших страданиях; не помогли ни лучшие врачи, ни кавказские минеральные воды. Но она находила в себе силы работать — трудилась над переводом «Нравственных и философских бесед» шотландского писателя и проповедника Г. Блера, которые были, по ее словам, признаны в Европе «изящным, классическим сочинением». Перевод издан в 1829 г. (17 бесед). Б. подарила Блера 14 мая 1829 г. внуку ее сестры Марии — П. П. Семенову-Тян-Шанскому, когда ему не было еще и двух лет, в будущем ставшему знаменитым путешественником и ученым географом: «крестнику Петрушеньке Семенову, в чаянии достославной возмужалости...» (Работница. — 1974. — № 12. — С. 24).

За два года до кончины, 4 декабря 1827 г., Б. писала Д. М. Бунину, что передает ему свое завещание, отрывки из которого опубликованы им в 1831 г. в «Дамском журнале» (№ 2). Завещание и сопровождающее его письмо — волнующие человеческие документы, в которых выразилась натура глубокая, жившая высокими стремлениями; ее отличали, пишет о себе Б. в письме, «чрезмерная нежность сердца, пылкие страсти, мечтательное воображение и постоянство в избранных путях»; она всегда чтла «благое семя правоты и чести», которое насаждено было в ее сердце. Б. оставила, как сказано в письме, для П. Н. С. «тайные записки», несомненно — для племянника, сына ее сестры Марии Петровны, Петра Николаевича Семенова (1791—1832), писателя, известного своими народными и драматическими сочинениями, актера, героя войны 1812 г., отца П. П. Семенова-Тян-Шанского. Судьба их неизвестна. В Эрмитаже хранится портрет Б. работы А. Г. Варнека (фонд № 2815).

Соч.: Русские поэтессы XIX в. — М., 1979.
Лит.: Хмыре в М. Д. Русские писательницы... // Рассвет. — 1861. — Т. 12. — № 11; Мордовцев в Д. А. П. Бунина (Российская Салфо) // Русские женщины нового времени. — Спб., 1874; Чехов в Ал. П. Замечательные русские женщины. А. П. Бунина // Исторический вестник. — 1895. — Т. 62. — № 10; Семенов-Тяп-Шанский П. П. Мемуары. — Пг., 1917. — Т. 1; Бунина И. А. Семеновы и Бунины // Собр. соч. — М., 1967. — Т. 9. Семеновы-Тяп-Шанская В. Забытая Муза // Работница. — 1974. — № 12 (там же — цветной портрет Буниной). А. К. Баборско

БУРЁНИН, Виктор Петрович, псевдонимы — *Владимир Монументов*, *Генерал Суспостатов 2-й*, *Мих. Змисв-Младенцев*, *Худзодад Церебринов* и др. [22.II(4.III).1841, Москва — 15.VIII.1926, Ленинград] — критик, поэт, прозаик. Родился в семье архитектора. С 11 лет учился в Московском дворцовом архитектурном училище. Окончив его в 1859 г., несколько лет работал архитектором. С детства Б. интересовался литературой (стихи писал с 12 лет, подражая А. Фету). В конце 50 гг. он посещал «собрания» А. Н. Плещеева, где встречался с Н. А. Некрасовым, Л. Н. Толстым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, «пятницы» И. С. Аксакова, где бывали В. И. Даль, А. И. Кошелев. В 1861 г. Б. дебютировал в печати анонимной заметкой в «Колоколе» «Спасение цензуры в Москве» (№ 112), а в 1862 г. под своей подписью опубликовал лирическое стихотворение «Утром» в газете И. С. Аксакова «День» (20 окт.). Вскоре Б. начинает выступать как сатирик и быстро обретает популярность. Его стихотворные и прозаические памфлеты и пародии печатались на страницах сатирических журналов «Искра», «Зритель», «Будильник». Обратив внимание на стихотворение Б. «Шабаш на Лысой горе» (Искра. — 1862. — № 46), Некрасов привлек его к сотрудничеству в «Современнике», где Б. с 1863 г. печатал сатирические и лирические стихи, переводы из О. Барбье и Т. Гуда. В 1863 г. Б. переселился в Петербург, а в середине 60 гг. стал профессиональным литератором.

Внук крепостного, Б. с юных лет отличался демократическими убеждениями. Еще в годы учебы в архитектурном училище, руководя строительными работами в имениях Е. П. Нарышкиной и Н. Д. Пушкиной, он познакомился с возвратившимися из Сибири декабристами И. Д. Якушкиным, Н. И. Пушкиным, М. М. Нарышкиным, Г. С. Батеньковым и петрашевцем С. Ф. Дуровым; тогда же он сблизился с А. С. Сувориным. В начале литературной деятельности Б. щеголял радикализмом и числился среди самых «левых» и непримиримых «нигилистов». В излюбленном своем жанре — «сценах», построенных как небольшая пьеса, состоящая из стихотворных и прозаических реплик и монологов действующих лиц, Б. едко высмеивал противников революционно-демократической журналистики — М. Н. Каткова («Благонамеренная поэма» // Искра. — 1863. — № 16—17), А. А. Краевского («Михаил Касьянов или Сын будочника» // Будильник. — 1865. —

№ 27), представителей антинигилистической драматургии («Нигилист в деревне, или Россия на краю гибели» // Зритель. — 1863. — № 4).

Не отличаясь глубиной обобщений, Б. был силен быстротой отклика, наблюдательностью, живостью и едкостью даваемых характеристик. Эти качества Б. хорошо сочетались с специфике газетной работы. В 1864 г. он начинает печататься в «Санкт-Петербургских ведомостях», и с тех пор сотрудничество в газете составляет основу его литературной деятельности (хотя статьи, фельетоны и стихи в 60 — нач. 70 гг. Б. печатал также в журналах «Русское слово», «Библиотека для чтения», «Беседа», «Вестник Европы», «Дело», «Отечественные записки»). В «Санкт-Петербургских ведомостях» вначале Б. выступал с острыми фельетонами на темы текущей жизни, осуществив (совместно с А. С. Сувориным) реформу отечественного фельетона, введя в него актуальную социально-политическую проблематику и резко расширив его жанровые рамки за счет сближения с пародией, романом и т. д. Остросатирические фельетоны Б., испытавшего немалое влияние шедринской сатиры, пользовались широкой популярностью. С 1866 г. под влиянием цензуры Б. был вынужден переключиться на фельетонные обзоры литературы. С тех пор более пятидесяти лет он регулярно, обычно раз в неделю, выступал с «критическими очерками» (так называлась его рубрика в «Новом времени»), откликаясь практически на все заметные литературные явления (лишь незначительная часть ранних его публикаций собрана в сб. «Критические очерки и памфлеты». — Спб., 1884; «Критические этюды». — Спб., 1888).

Специфичность позиции Б. в литературе определялась тем, что при оценке текущих литературных явлений он руководствовался не групповыми («партийными») нормами и представлениями, а собственными симпатиями и антипатиями. Тем не менее в 60 — нач. 70 гг. в своей критической деятельности Б. объективно был союзником революционных демократов. Отвергая искусство для искусства, он в то же время резко выступал против писателей, жертвующих литературностью в угоду голой тенденциозности, к ним он относил как представителей «консервативно-сыскной беллетристики», так и «прогрессивно ложных» прозаиков, создающих «голые ходячие формулы» в романах о «новых людях» (Н. Ф. Бажин, А. К. Шеллер-Михайлов). Наиболее импонировали ему писатели, «стремящиеся к трезвому и правдивому пониманию и изображению действительности» (Санкт-Петербургские ведомости. — 1870. — 1 авг.) (Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин и др.; см. его кн.: Литературная деятельность Тургенева. — Спб., 1884), хотя и в их произведениях Б. нередко отмечал слабости и недостатки.

С учетом условий газетной критики, не давая глубокого и разностороннего анализа рецензируемого произведения, Б. ограничивался общей

его оценкой и частными замечаниями, нередко демонстрируя критическую чуждость и наблюдательность (его талант признавали Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов, Н. К. Михайловский и др.). Успех Б. основывался не на последовательном отстаивании определенной литературной и социально-политической программы, а на умении высмеять те или иные литературные явления. Он любил «низвергать» и «развенчивать» рецензируемого автора, причем нередко ирония и насмешка переходили в прямое глумление. С каждым годом все нагляднее становились слабые стороны ориентации Б. только на собственные впечатления: критика постепенно превращалась для него в средство самоутверждения, достижения тех или иных личных целей. В 1872 г. после полемики Б. и Н. К. Михайловского, сопровождавшейся с обеих сторон резкими и оскорбительными выпадами, произошел разрыв с «Отечественными записками», а в 1876 г. он перешел в издаваемую Сувориним газету «Новое время» и стал его «правой рукой» в редакции. Теперь, продолжая борьбу с консервативными деятелями, основным объектом своих нападок он сделал «либералов», в число которых включил не только собственно либеральных деятелей, но и таких представителей революционной демократии, как Некрасов, Щедрин, Н. К. Михайловский, и др. Используя недозволенные методы полемики, апеллируя к биографии разбираемого автора, практикуя развязность и грубость, Б. постепенно завоевал репутацию «литературного хулигана». Н. С. Лесков отмечал, что у Б. «масса начитанности, остроумия и толковости и при этом, вместо критики, какие-то «выходки»... Все он точно за что-то «отмщевает», как говорил о нем Писемский» (Лесков Н. С. Собр. соч.— М., 1958.— Т. 11.— С. 337). А. П. Чехов находил у него «мелочность в развенчивании, <...> холодное и себялюбивое остроумие и <...> грубость и неделикатность по отношению к людям» (Чехов А. П. Письма.— М., 1977.— Т. 5.— С. 22). Выступления Б. имели успех у газетной публики, но это был успех скандала, а даваемые Б. оценки могли сказаться на расхождении книги, но почти не оказывали влияния на престиж автора. Разбивавшиеся в суде иски В. А. Кашеваровой-Рудневой и М. М. Стасюлевича по обвинениям в клевете, ожесточенная газетная полемика с умирающим С. Я. Надсоном окончательно подорвали в 80 гг. литературную репутацию Б.

В конце XIX — нач. XX в. ведущее место в его публикациях занимает борьба с революцией и представителями новейших литературных течений (реалистами — В. Г. Короленко, М. Горьким; модернистами — Д. С. Мережковским, К. Д. Бальмонтом, А. А. Блоком). В этот период Б. воспринимался как одиозная фигура, олицетворяющая цинизм в литературных нравах, сочетающийся с литературной и политической реакционностью.

Многочисленные живо и легко написанные

повести и романы Б. печатавшиеся на страницах «Санкт-Петербургских ведомостей» и «Нового времени», а впоследствии включенные в сб. «Рассказы в современном вкусе» (Спб., 1874); «Из современной жизни» (Спб., 1878); «Мертвая нога — Роман в Кисловодске» (Спб., 1886), благодаря своей злободневности, а нередко и пассивному налету (поскольку Б. «выводил» в них известных лиц, напр., П. Боборыкина в «Романе в Кисловодске»), широко читались в свое время, но не имели серьезного литературного достоинства. Пьесы Б. по античным сюжетам («Медея». — Спб., 1883, совместно с Сувориним; «Мессалина». — М., 1885; «Смерть Агриппины». — Спб., 1886) или на материале русской старины («Комедия о княжне Забаве Путятышне и боярышне Василисе Микулишне». — М., 1890) нередко имели сценический успех, однако также не отличались глубиной и оригинальностью содержания. Слабой стороной прозы, драматургии и лирики Б. было умение писать так, как пишут другие, отсутствие самобытности. Однако в пародиях этот недостаток превращался в достоинство, благодаря чему они представляют наибольший интерес в его творчестве. Б. считал, что «пародия очень полезна для разоблачения всякой фальши и никогда не может принести вреда настоящему поэту» (Новое время. — 1883. — № 2554). Обладая даром имитации, он очень тонко ощущал особенности чужой поэтики и мог точно воспроизвести композицию и стиль произведений других литераторов, выставив в смешном виде общественно-политическую и мировоззренческую позицию автора. Лучшие пародии Б. являются классикой жанра, их высоко оценивали А. Блок, Л. Толстой и др.

Соч.: Соч. в 5 т.— Спб.; Пг., 1912—1917; Русская стихотворная пародия XVIII — начала XX вв.— Л., 1960; Поэты 1860-х гг.— Л., 1968; Мастер русского стихотворного перевода.— Л., 1968.— Т. 2; Стрелы // Вопросы литературы.— 1973.— № 6; Поэты «Искры». — Л., 1987.— Т. 2; Русская театральная пародия XIX — начала XX века.— М., 1976; Воспоминания о М. Е. Салтыкове // М. Е. Салтыков в воспоминаниях современников.— М., 1975.— Т. 1.
Лит.: Глинский Б. В. П. Буренин // Исторический вестник.— 1912.— № 1; Соловьева И., Шитова В. А. С. Суворин: портрет на фоне газеты // Вопросы литературы.— 1977.— № 2.— С. 188—189, 193—194. А. И. Рейтблат

БУРЛЮК, Давид Давидович [9(21).VII.1882, хутор Семиротовщина Лебедянского у. Харьковской губ.— 15.I.1967, США] — поэт, теоретик футуризма, прозаик, художник. Отец — выходец из «купцов-козаков» — с 1885 г., продав хутор, занимал должность управляющего в ряде имений Харьковской, Курской, Тверской, Московской, Симбирской, Херсонской губ. Мать — урожденная Л. И. Михневич — сестра фельетониста В. И. Михневича. Младшие братья — Владимир и Николай — стали художниками, одновременно печатали стихи в футуристических изданиях. В связи с частыми переездами семьи Б. учился в гимназиях г. Сумы, Тамбова, Твери. С 1892 г.

увлекся живописью под влиянием художника К. Первухина, брата домашней учительницы Бурлюков. Первое стихотворение Б. датирует 1897 г. (см.: Бурлюк Д. Стихи и биография. К 25-летию художественно-литературной деятельности.— Нью-Йорк, 1924). В 1898 г. поступил в Казанское художественное училище, в 1899 г. перевелся в Одесское художественное училище, однако в 1901 г. вернулся в Казань. Писательский дебют состоялся в херсонской газете «Юг» (первая публикация — 2 февраля 1899 г., затем — ряд стихотворений и статей по искусству). С 1902 по 1905 г. учился живописи (Мюнхенская Королевская академия искусств — у профессора Вилли Дица; парижская мастерская «Эколь де Бозар» — у художника Кормона). В Париже познакомился с К. Бальмонтом, Б. Борисовым-Мусатовым, М. Волошиным, Е. Кругликовой. В 1904 г. принял участие в художественной выставке в Херсоне, где познакомился с Вс. Мейерхольдом. С 1907 г. семья переезжает в Чернодолинское имение гр. А. Мордвинова, где отец занял должность управляющего. В том же году Б. впервые принял участие в московской выставке «Стефанос». С этого времени систематически участвовал в художественных выставках современного искусства в Москве, Петербурге, провинции и за границей. В 1909 г. вновь поступил и окончил Одесское художественное училище. В 1910 г. поступил в Московское художественное училище живописи и ваяния.

В 1909—1910 гг. Б. выступил в роли организатора группы «будетляне», объединявшей молодых поэтов и художников, отрицающих каноны символистской эстетики. «Будетляне» искали новые пути развития искусства и поэзии, ориентируясь на художественный опыт французских «проклятых» поэтов (Рембо, Бодлера, Лафогра). Группа именovala себя также «Гилея» (древне-греческое название Таврической губ., где жила семья Б.), а несколько позднее, под влиянием критики, — «футуристами». Первый сборник группы — «Садок судей» (Пб., 1910), при участии Д., Н. и В. Бурлюков, Е. Гуро, В. Каменского, В. Хлебникова — почти не был отмечен в критике, однако формирование новой поэтической школы продолжалось благодаря энергичным усилиям Б., выступавшего как ее организатор и пропагандист.

К концу 1911 г. относится встреча Б. с В. Маяковским, также учившимся в Училище живописи и ваяния. В автобиографии «Я сам» Маяковский вспоминает, что общении с Б. способствовало его творческому самоопределению: Б. с первых строк угадал в нем «гениального поэта». В главе «Прекрасный Бурлюк» Маяковский называл Б. своим «действительным учителем»: «Бурлюк сделал меня поэтом. Читал мне французов и немцев. <...> Выдавал ежедневно 50 копеек. Чтoб писать не голодая» (Маяковский И. В. В. Соч.— М., 1978.— Т. 1.— С. 52—53).

В 1912 г. по инициативе Б. был выпущен сбор-

ник «Пощечина общественному вкусу» (М., 1912) с девизом «В защиту свободного искусства». В сборнике приняли участие В. Хлебников, В. Маяковский, А. Крученых, Д. и Н. Бурлюки, Е. Гуро, Б. Лившиц, В. Кандинский. Сборник открывался коллективным манифестом, в котором прокламировался отказ от классических традиций (предлагалось «Бросить Пушкина, Достоевского, Толстого с Парохода Современности»), разрыв с существующими школами в современной литературе и утверждались принципы нового поэтического направления, основанные на самодовлеющем словотворчестве. Эпатирующий тон манифеста спровоцировал критику на яростные нападки на Бирник, что одновременно оказывалось и рекламой для нового направления: футуристы быстро приобрели шумную, скандальную известность.

В 1912—1914 гг. Б. развивает бурную издательскую деятельность, направленную на дальнейшее объединение поэтов и художников, близких футуризму. По его инициативе и при его участии выходят сборники «Садок судей» (2-й) (Пб., 1913), «Дохлая луна. Сборник единственных футуристов мира, поэтов Гилея» (М., 1913; 2-е изд., доп.— М., 1914); «Затычка» (М., 1913); «Требник троих. Сб. стихов и рисунков» (М., 1914); «Рыкающий Парнас» (Пб. 1914); а также журнал «Футуристы. Первый журнал русских футуристов» (М., 1914.— № 1—2; вышел только один номер). В сборниках печатались стихи, теоретические статьи и манифесты футуристов, а также их кубистские рисунки и офорты. Кроме братьев Бурлюков, в изданиях принимали постоянное участие В. Хлебников, В. Маяковский, В. Каменский, А. Крученых, Е. Гуро.

В эти же годы Б. активно выступает с публичными лекциями и докладами, пропагандируя принципы футуризма в поэзии и кубизма в живописи, принимает участие в диспутах (см.: Галдящие «Бенуа» и новое русское искусство. Разговор г. Бурлюка, г. Бенуа и г. Репина об искусстве.— Пб., 1913). В 1913—1914 гг. вместе с В. Маяковским и В. Каменским Б. предпринял большое лекционное турне по русской провинции (в автобиографии Б. называет 27 городов.— См.: Бурлюк Д. Д. Стихи и биография.— С. 45). Пропагандистская деятельность Б., как и В. Маяковского, раздражала администрацию Училища живописи и ваяния. В начале декабря 1913 г. совет преподавателей училища запретил ученикам читать лекции и участвовать в диспутах, а после возвращения Б. и Маяковского из турне 21 февраля 1914 г. единогласно исключил их из училища.

Издательская и пропагандистская деятельность Б. ослабла только после начала первой мировой войны. В 1915 г. выходит сборник «Весеннее контрагентство муз», при участии Н. Асеева, В. Каменского, В. Маяковского, В. Хлебникова, Б. Пастернака и др., в 1916 г.— сборник «Четыре птицы». В 1915—1917 гг. Б. поселился на станции

Иглино под Уфой, занимался живописью, постав- лял в армию сено. В 1918 г. принял участие в последней выставке «Бубнового вала» в Москве. Летом 1918 г. остался за линией фронта. В 1918—1919 гг. уехал на Дальний Восток, читал лекции в городах Сибири. В 1919—1920 гг. выступал с лекциями и устраивал выставки в Харбине. В 1920—1922 гг. жил в Японии. С 1 сентября 1922 г. жил в США, занимаясь живописью и литературой. Выпустил ряд поэтических сборников, сборники новелл и несколько книг по искусству в издатель- стве, основанном его женой, М. Н. Бурлюк, изда- вал журнал «Цвет и рифма». В 1956 г. приезжал в СССР.

Активная пропаганда футуристской эстетики создала Б. репутацию «отца российского футури-зма», всячески им поддерживаемую (это определе- ние вынесено на обложку всех американских изданий Б.). В своих теоретических декларациях он отстаивал идею самоценности и независимости искусства, право поэта на формальное изобре- тательство: «Вчера оно было средством, сегодня оно стало целью» («Пошечина общественному вкусу». — С. 95). Однако собственное поэтическое творчество Б., как это было отмечено уже его современниками, отличается не столько ярко выра- женной индивидуальностью, сколько умением перевоплощаться, усваивая чужие стиливые мане-ры, от народнической или символистской поэзии до французских «проклятых» поэтов, а позднее — экспрессионистских течений в поэзии и прозе (см.: Голлербах Э. Поэзия Давида Бур-люка. — Нью-Йорк, 1931. — С. 14—15). Наи-более активно были восприняты Б. принципы французской поэтической школы, основанные, во-первых, на «возвышении» традиционно низких, «внелитературных» тем, во-вторых, на эпатирую-щем «снижении» традиционно высоких поэти-ческих тем и образов. Первый принцип наиболее наглядно воплощен в стихотворении «Каждый моледа, моледа, моледа...», проповедующем «всеяд-ность» художественного освоения мира («Будем лопать пустоту, / Глубину и высоту, / Птиц, зве-рей, чудовищ, рыб, / Ветер, глину, соль и зыбы! / <...> Все, что встретим на пути, / Может в пищу нам идти»). Дестетизация поэтического языка характерна для многих стихотворений Б. («Ду-ша — кабак, а небо — рвань, / Поэзия — истре-панная девка, / А красота — кошуневенная дрянь»; «Небо — труп, не больше! / Звезды — черви — пьяным туманом»; «Ты нохал облака потлвную подмышку и т. д.). Полемика отталкиваясь от символистской идеи подчинения поэзии законам музыки, Б., как большинство футуристов, в поэтическом творчестве ориентиро-вался на законы живописи, разрабатывал учение о «цветной фонетике», придавал особое значение графической выразительности стиха.

Соч.: Лысеющий хвост. — Курган, 1918; По Тихому океану. — Нью-Йорк, 1921; Маруся-сан. Третья книжка стихов (1919—1924). — Нью-Йорк, 1925; Восхождение на Фудзи-сан. — Нью-

Йорк, 1926; Ошибка! Цветная гравюра (японский декаме-рон). — Нью-Йорк, 1927; Эпителизм. Теория. Критика. Стихи. Картины (1907—1930). — Нью-Йорк, 1930. Лит.: Лившиц Б. Подураглазый стрелец. — Д., 1933; Шкловский В. О Маяковском // Шкловский В. Жили- были. — М., 1966; Харджиев Н., Тренкин В. Поэтиче-ская культура Маяковского. — М., 1970; Русская литература конца XIX — начала XX в. (1908—1917). — М., 1972. — С. 334—369. Д. М. Магомедова

БУТКОВ, Яков Петрович [1820 или 1821 — 28.XI(10.XII). 1856, Петербург] — прозаик. Родился в мещанской семье, в одном из уездных городов Саратовской губ. Систематического обра-зования не получил. В конце 30 гг. Б. поселился в знаменитых «петербургских углах» и начал изредка выступать в печати. На первых порах ему покровительствовал Ф. В. Булгарин, опубли-ковавший в своих изданиях несколько произведе-ний Б., в частности отрывок из стихотворной повести «Гайдамаки» (Сын отечества. — 1840. — № 1). Ранние литературные опыты молодого писателя прошли незамеченными. Известность ему принес сборник «Петербургские вершины», первая часть которого вышла в 1845 г., а вто-рая — в 1846 г. Начиная с 1847 г. Б. сотрудничает в журнале «Отечественные записки», где одна за другой появляются его повести: «Горю», «Кре-диторы, любовь и заглавия» (1847), «Новый год», «Темный человек», «Невский проспект, или Приключения Нестора Залетаева» (1848), «Стран-ная история» (1849). Работал Б. много, но редактор «Отечественных записок» А. А. Красв-ский платил скупо и всякий раз напоминал, что тот и без того ему должен. В связи с этим В. Г. Белинский с иронией писал В. П. Боткину: «Кр< аевский > оказал ему (Буткову. — Н. Як.) важную услугу: на деньги Общества почитателей (точ-нее — посещения. — Н. Як.) бедных он выкупил его от мещанского общества и тем избавил от рекрутства. Таким образом, помогиши ему чужи-ми деньгами, он решился заставить его распла-титься с собою с ляхвою, завалил его работою, — и бедняк уже не раз приходил к Некр< асову > жаловаться на желтого паука, высасывающего из него кровь» (Полн. собр. соч. — М., 1956. — Т. XII. — С. 418). Жил Б. в поразительной бед-ности. Денег не хватало порой на самое необходи-мое. Вечная нужда, кабальная зависимость от Краевского наложили свой отпечаток на характер писателя. Он вел замкнутый образ жизни, был застенчив, мнительен, с людьми сходил-ся трудно и друзей среди собратьев по перу у него не было, хотя иногда бывал в кругу лите-раторов, связанных с кружком М. В. Буташевича-Петрашевского. Близкие отношения Б. поддержи-вал только с Ф. М. Достоевским, который относился к нему с трогательным вниманием. Материалов о жизни, взглядах и убеждениях Б. почти не сохранилось. Несколько скудных воспо-минаний современников (прежде всего А. П. Мил-люкова) и ряд произведений Ф. М. Достоевского, запечатлевших отдельные стороны личности пи-

сателя (см.: Чистова И. С. Я. П. Бутков в «Униженных и оскорбленных» Достоевского // Русская литература.— 1986.— № 1.— С. 163—169),— вот все источники, из которых можно почерпнуть кое-какие сведения о его характере и образе жизни. После разгрома кружка петрашевцев и ареста Достоевского в 1849 г. Б. пережил глубокое душевное потрясение. Он прекратил всякие отношения с литературными кругами и перестал печататься. И только незадолго до смерти (в 1856 г.) была опубликована его повесть «Степная идиллия», посвященная жизни провинции. Умер Б. всеми забытый в петербургской больнице св. Марии Магдалины в палате для нищих. Узнав о его смерти, Достоевский писал брату из Сибири: «Друг мой, как мне жаль бедного Буткова! И так умереть! Да что же вы-то глядели, что дали ему умереть в больнице! Как это грустно!» (Полн. собр. соч.: В 30 т.— Л., 1985.— Т. 28.— С. 276).

Творчество Б. развивалось под влиянием традиций Н. В. Гоголя и было теснейшим образом связано с эстетическими принципами «натуральной школы». В своих произведениях Б. стремился раскрыть общественные противоречия и социальные контрасты, обличал власть имущих, их лживую и лицемерную мораль. Но главное внимание писателя было сосредоточено на изображении жизни простых, бедных людей, задавленных горем и беспросветной нуждой, озбоченных вечной заботой о хлебе насущном. Именно они оказались главными героями произведений Б., вошедших в сборник «Петербургские вершины». Ко времени его появления было опубликовано уже достаточно много произведений о бедных людях, о «маленьком человеке» (это был, как правило, мелкий чиновник, забытый и задавленный жизненными невзгодами). Но в отличие от других писателей, обращающихся к изображению жизни угнетенных и обездоленных, для Б. бедные люди были не только объектом сочувствия и сострадания. К своим героям он относился трезво, без умиленной жалостливости. В каждом из них писатель стремится разглядеть неповторимую личность, выявить сильные и слабые стороны, достоинства и недостатки. Среди многочисленных чиновников, населявших «петербургские вершины», верхние этажи петербургских доходных домов, Б. выделяет разные характеры. Наиболее распространенный тип в его произведениях — человек униженный, болезненно самолюбивый, прячущий свои истинные чувства от глаз посторонних, но смирившийся со своим положением и не помышляющий о протесте. Изображает он и героев другого склада, которых можно отнести к типу переродившегося «маленького человека», стремящегося утвердить себя в жизни и упрочить свое благополучие, не гнушаясь никакими средствами. Писатель точно подметил, что порой именно из среды этих переродившихся «маленьких» людей выходили представители нарождавшейся тогда буржуазии. В изображении такого рода

героев отчетливо проявился, по словам Белинского, «чисто сатирический» талант Б., умение писателя «замечать смешную сторону предмета и схватить ее» (Полн. собр. соч.— Т. IX.— С. 356). Б. стал одним из зачинателей антибуржуазной темы в русской литературе.

Сборник «Петербургские вершины» составлен из произведений, тяготеющих к жанру физиологического очерка, хотя во многих случаях Б. стремился выйти за его рамки, смело волея в художественную ткань повествования элементы психологического анализа и оценочные характеристики.

В повестях Б., написанных в 1847—1849 гг., расширился круг героев, углубился интерес писателя к их внутреннему миру, наметилось стремление проследить процесс формирования личности «маленького человека», влияние социальной среды на его психологию, взгляды и убеждения. При этом писатель отметил одну характерную черту, свойственную многим «маленьким» людям,— всячески скрываемое страстное желание утвердить себя в жизни и «сделаться человеком значащим, имеющим свой взгляд, свои мнения и убеждения». Но всех героев Б. объединяет одно — все они «горюны», отверженные обществом люди, забытые и бесправные. Рассказывая об их горькой доле, писатель сочувствует им, хотя нередко иронизирует над ними, с грустной усмешкой говорит об их непрактичности, робости и неумении приспособиться к жизни. Своеобразие повестей Б. в том, что в них мало действия, мало событий. Внимание писателя сконцентрировано на изображении психологии задавленного жизненными обстоятельствами «маленького человека». Герои Б. молчаливы, они редко и мало говорят, но много размышляют. Отсюда обилие в повестях внутренних монологов и рассуждений. Многие страницы его произведений пронизаны юмором. Но это грустный юмор. Смех писателя не веселит, а оставляет у читателя чувство горечи и печали. Примечательной особенностью повестей Б. является наличие в них элементов фантастики, что связывало их, с одной стороны, с традициями Гоголя, а с другой — сближало с произведениями Достоевского («Двойник», «Хозяйка»). Между героями Б. и Достоевского имеется определенная типологическая близость.

Б. был одаренным и самобытным художником. «...Талант г. Буткова,— писал Белинский,— никого не напоминает — он совершенно сам по себе. Он никому не подражает, и никто не мог бы безнаказанно подражать ему. ...Рассказы, очерки, анекдоты — называйте их как хотите — г. Буткова представляют собой какой-то особенный род литературы, доселе небывалый» (Полн. собр. соч.— Т. X.— С. 39).

Менее десяти лет продолжалась активная творческая деятельность Б., и после него осталось не столь уж большое литературное наследие. Но его произведения стали заметным явлением

в развитии демократической литературы 40 гг. Однако условия жизни не позволили в полной мере раскрыться его дарованию. «Это один из печально погибших талантов, какими так обильны летописи русской литературы», — писал о Б. его близкий знакомый А. П. Милюков (Литературные встречи и знакомства. — Пб., 1890. — С. 131).

Соч.: Петербургские вершины, описанные Я. Бутковым. — Спб., 1845. — Кн. I; Спб., 1846. — Кн. II; Степная идиллия. Повесть: В 2 ч. — Спб., 1856; Повести и рассказы / Вступ. ст. и примеч. Б. С. Мейлаха. — М., 1967.
Лит.: Белинский В. Г. Петербургские вершины, описанные Я. Бутковым // Полн. собр. соч. — М., 1955. — Т. IX. — С. 354—362; Майков В. Н. Петербургские вершины, описанные Я. Бутковым... // Майков В. Н. Литературная критика. — Л., 1985. — С. 247—264; Милюков А. П. Литературные встречи и знакомства. — Пб., 1890. — С. 105—131; Багиров Э. Г. Яков Бутков // Новая Волга. — 1957. — Кн. 26. — С. 252—262; Он же. Петербургские вершины Я. Буткова // Уч. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. — М., 1957. — Т. СХУ. — Вып. 7. — С. 73—109; Мейлах Б. Вытопитель «поднебесного Петербурга» // Неделя. — 1966. — № 50. — С. 9; Чистова И. С. Об одной запрещенной повести Я. П. Буткова // Вестник ЛГУ. — 1973. — № 8. — С. 145—147; Она же. Чернышевский и Бутков // Русская литература. — 1978. — № 3. — С. 131—136. *Н. И. Якушин.*

В

ВЕЙНБЕРГ, Петр Исаевич [16(28).VI.1831, Николаев — 3(16).VII.1908, Петербург] — поэт, переводчик, историк литературы. Родился в семье нотариуса. Учился в одесской гимназии и Ришельевском лицее, затем — на историко-филологическом факультете Харьковского университета, который окончил в 1854 г.

Три года В. служил в Тамбове чиновником особых поручений при губернаторе и редактировал неофициальную часть «Гамбовских губернских ведомостей». Был безнадежно влюблен в дочь губернатора. В стихотворении «Он был титулярный советник» (1859), положенном на музыку А. С. Даргомыжским, по-видимому, отразился этот факт биографии В.

Литературная деятельность В. началась переводом драмы Ж. Санд «Клоди», напечатанным в 1851 г. в журнале «Пантеон». Три года спустя в Одессе вышел неболойшой сборник, включавший оригинальные стихи В. и его переводы из Горация, А. Шенье, В. Гюго, Дж. Г. Байрона. В 1856 г. несколько стихотворений В. было напечатано в журнале «Русский вестник». При этом произошло недоразумение — оригинальные стихи в редакции приняли за переводные и поместили в журнале под заглавием «Из Гейне». Это забавное событие впоследствии побудило В. взять псевдоним *Гейне из Тамбова*.

В 1858 г. переехал в Петербург и стал профессиональным литератором. Его стихи и переводы печатались в журналах «Современник», «Библио-

тека для чтения», «Сын отечества», а позднее в «Отечественных записках» Н. А. Некрасова и «Деле».

Как сатирик В. выступил в 1858 г. в журнале «Весельчак», где были напечатаны поэтический цикл «Мелодии серого цвета» и серия фельетонов «Жизнь и ее странности». В 1859—1866 гг. В. деятельно сотрудничал в «Искре» — там печатались его обличительные фельетоны, составившие цикл «Выдержки из памятной книжки старшего чиновника особых поручений «Искры», переводы и, конечно же, оригинальные стихи — юмористические и сатирические, вошедшие в сборник «Юмористические стихотворения Гейне из Тамбова» (Пб., 1863).

В своих воспоминаниях В. указывает, что его стихотворение, высмеивавшее видного сановника того времени, было напечатано в «Колоколе», не приводя ни названия стихотворения, ни имени сановника. Уже в наши дни удалось установить, что В. имел в виду сатиру «Гибкий человек» (Колокол. — 1860. — № 77—78), направленную против директора департамента министерства юстиции Топильского, низкопоклонника и карьериста (до недавнего времени В. ошибочно приписывалась другая сатира в «Колоколе» — «Иакову Ростовцову в день его юбилея») (см.: Бушканец Е. Г. О двух стихотворениях в «Колоколе» А. И. Герцена // Известия Академии наук СССР. — Отд. литературы и языка. — 1959. — Т. XVIII. — Вып. 1. — С. 61—64).

В 1861 г. В. редактировал еженедельный журнал «Век», не имевший успеха у читателей и принесший ему много огорчений. Желая сделать журнал более интересным и привлечь к нему внимание, В. написал фельетон о женщине, якобы нарушившей все правила нравственности: на литературном вечере в Перми она читала «Египетские ночи» А. С. Пушкина. Бестактный фельетон о даме, «явившейся перед публикою в виде Клеопатры», вызвал немало возражений в печати — в том числе М. Л. Михайлова, Д. И. Писарева, В. С. Курочкина, Н. Н. Страхова. Уже на закате дней В. посвятил этому печальному эпизоду страницы воспоминаний — «Безобразный поступок «Века» (Исторический вестник. — 1900. — № 5).

Материальные обстоятельства заставляли В. порой печатать свои произведения в журналах различных направлений, за что его критиковал Писарев (Писарев Д. И. Соч. — М., 1956. — Т. 3. — С. 454), однако демократические убеждения его несомненны. Он деятельно сотрудничал в обновленных «Отечественных записках», высоко ценил Некрасова, называя его «человеком громадного ума и крупнейшего лирического дарования» (Россия и Запад. Из истории литературных отношений. — Л., 1977. — С. 227). В. написал воспоминания «Последние дни Некрасова» (см.: Н. А. Некрасов в воспоминаниях современников. — М., 1971).

В течение многих лет В. занимался педагогической и научной деятельностью. В 1868—1874 гг. он возглавлял кафедру русской литературы в Варшавском университете и написал исследование «Русские народные песни об Иване Васильевиче Грозном», высоко оцененное академиком А. Н. Веселовским. По возвращении в Петербург читал курсы западной и русской литературы в Петербургском университете, где состоял приват-доцентом по кафедре всеобщей литературы, а также на женских педагогических курсах и драматических курсах театрального училища. Немалый научный интерес представляет книга В. «Страницы из истории западной литературы» (1907). Им были составлены многие учебные книги: «Русские писатели в классе» (10 выпусков, 1881—1886), «Русская история в русской поэзии» (1888), «Практика сценического искусства. Хрестоматия» (1888), «Европейский театр» (1875) и др.

В. принимал деятельное участие в работе Литературного фонда, председателем которого стал в конце жизни. В 1905 г. был избран почетным академиком (кандидатуру В. предложил А. П. Чехов в 1901 г.).

Используя свое видное общественное положение, В. неоднократно ходатайствовал за писателей, подвергавшихся репрессиям. Так, в феврале 1905 г. он хлопотал об освобождении М. Горького, арестованного после событий «кровавого воскресенья», в 1907 г. — о возвращении в Петербург Г. А. Лопатина, высланного из столицы. «Старинным и естественным заступником нашей братьи» называл его П. Ф. Якубович (см.: Россия и Запад. — С. 229). В марте 1901 г. как председатель Союза взаимопомощи русских писателей В. энергично протестовал против разгона студенческой демонстрации на Казанской площади Петербурга.

Творческая деятельность В. многогранна. До нашего времени не утратили ценности его лучшие юмористические и сатирические стихи. Для стихотворений В. характерно контрастное изображение «пышного и бедного» Петербурга, страдание из обездоленным и бесправным. Он обличает угодливость и низкопоклонство, взяточничество и казнокрадство (стихотворения «Тростник и спина», 1860; «Негордый человек», 1859), противопоставляет светским бездельникам, прожигателям жизни угнетенных и униженных бедняков (стихотворения «На Невском проспекте», 1859; «Печально я брожу по Невскому проспекту...», 1858).

Сатирические стрелы В. нередко метят в консервативных журналистов — так, стихотворение «Кольбельная песня» («Упи, редактор знаменитый...», 1862) высмеивает Н. Ф. Павлова, изменившего прогрессивным убеждениям и возглавившего субсидированную правительством газету «Наше время»; стихотворение «Прости, и если ты идешь от нас навеки...» (1860) — К. А. Полевого, ушедшего из редакции «Северной пчелы»

после смерти Ф. В. Булгарина и перехода газеты к более либеральной редакции; стихотворение «Утешение» (1862) — В. Д. Скарятин, проповедовавшего печатно «великую пользу союза» либералов и самодержавия. В своих сатирических стихах В. зачастую использует размеры и интонации известных произведений, что создает комический эффект: «Кольбельная песня» представляет собой перепев «Казачьей кольбельной» М. Ю. Лермонтова, «Стрекоза и муравей» (1862) — басни И. А. Крылова, «Песня сумасшедшего акционера» (1862) — песни Офелии из «Гамлета» В. Шекспира в переводе Н. А. Полевого. Как и другие поэты журнала «Искры», В. прибегает к сатирическим маскам. Это отец, с умилением смотрящий на подрастающего сына, уже проявляющего качества плута, подхалима и скряги («Ах ты, плут-мальчишка...», 1858); нечистый на руку делец, следующий правилу: брать все, что возможно («Негордый человек»); чиновник — любитель наград, отличий и «теплых мест» («Взгляд на природу», 1862); либерал, на словах проповедующий прописную мораль, а на деле сам же нарушающий ее («Экстренный случай»). В. склонен к каламбурам («Меня зовут Амур...», 1859; «Взгляд на природу»). Напр.: «Я люблю смотреть на звезды — / Но не те, что в горнем мире; / Мне милее те, что светят / На чиновничьем мундире» («Взгляд на природу»). На аналогичном каламбуре, обыгрывающем два значения слова «звезда», построена басня Козьмы Пруткина «Звезда и брюхо».

Менее оригинальна гражданская лирика В., абстрактность идеалов сближает ее со стихами позднего А. Н. Плещеева и С. Я. Надсона. Но и эти стихотворения пользовались признанием современников. Герой В. — труженик, страдающий от социального неравенства и непосильного труда: «Кровавый труд с утра до ночи, / С утра до ночи тяжкий путь... / Когда б хватило только мочи / Его до гроба дотянуть!» (стихотворение «Кровавый труд с утра до ночи...»). Об этом стихотворении с восторгом отзывался А. М. Жемчужников: «Так оно сильно, глубоко и так выстрадано рыдающей душою!» (Россия и Запад. — С. 232). Поэт верит в конечную победу добра и справедливости («Н. К. Михайловскому»), надеется, что молодежи удастся осуществить дерзновенные предначертания («Нашей молодежи»). До самого конца не прекращает битвы со злом герой В.: «И, как жил всегда в бою, / Так в бою и умираю» («Я боролся...»).

В. заслужил славу лучшего переводчика своего времени, много сделавшего для знакомства русских читателей с западной литературой. Диапазон его переводческой деятельности необыкновенно широк: более 60 писателей Европы и Америки, от Данте до современных ему поэтов, прозаиков, драматургов, критиков и публицистов. Так, В. переводил с немецкого языка И. В. Гете, Ф. Шиллера, Г. Э. Лессинга, Л. Берне, Г. Гейне,

К. Гущкова, Г. Гарвега, с французского — В. Гюго и О. Барбье, с английского — В. Шекспира, Р. Б. Шеридина, П. Б. Шелли. Дж. Г. Байрона и др. Переводы В. отличает выразительность языка, точность и верность оригиналу. Сделанный им перевод «Отелло» долгие годы считался непревзойденным — фразы из него стали крылатыми (напр.: «Она меня за муки полюбила, / А я ее — за сострадание к ним»). Обращаясь к В. от имени тех, чья молодость пришлась на 70—80 гг., В. М. Дорошевич напишет позднее: «Я обязан вам многими часами восторга, как объясано все поколение, к которому я принадлежу. Вы осветили нашу молодость — и каким светом! Вы были пророком, который принес нам откровение литературных богов» (Россия и Запад. — С. 244).

Знаток и ценитель театра, В. инсценировал «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева (1894), написал прологи для юбилейных спектаклей «У Фонвизина» (1893) (к «Недорослю») и «Миллион терзаний» (1895) (к «Горю от ума» А. С. Грибоедова). Многие стихи и переводы В. положены на музыку Ц. А. Кюи, А. Г. Гречаниновым, И. М. Имполитовым-Ивановым и др. композиторами. Им написано также либретто к опере Э. Ф. Направника «Гарольд» (1885). В последние годы жизни работал над воспоминаниями.

См.: Стихотворения. С добавлением юмористических стихотворений Гейне из Тамбова. — СПб., 1902; Поэты «Искры»: В 2 т. — М.; Л., 1955; Поэты 1860-х годов. — Л., 1968; Поэты «Искры». — Л., 1987. — Т. 2. — С. 265—290.

Лит.: Веселовский Ю. А. Вейнберг // История русской литературы XIX в. / Под ред. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. — М., 1910. — Т. V. — С. 287—297; Левин Ю. Д. Вейнберг — переводчик // Россия и Запад. Из истории литературных отношений. — Л., 1977. — С. 220—257; Он же. Русские переводники XIX в. и развитие художественного перевода. — Л., 1985. — С. 261—268; Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859—1873). — М., 1964.

А. В. Корнеев

ВÉЛЬТМАН, Александр Фомич [8(20).VII.1880, Санкт-Петербург — 11(23).I.1870, Москва] — прозаик, поэт, историк. Родился в семье выходца из Швеции, принявшего православие. До 20 гг. В. подписывался Вельдман, памятью о старинном написании фамилии. Отец В., удачно начавший военную карьеру при Павле I, с переходом на гражданскую службу (1800) стал мелким чиновником. Вначале семья жила в Тотьме, с 1863 г. — в Москве. Семейный культ карьеры причудливо сочетался с патриархальностью типично московского быта. Двойственность воспитания (педагогизм отца и артистичность матери) сказалась на развитии способностей будущего писателя: он с равным успехом овладевал и точными и гуманитарными науками. Образование В. получил в частных пансионах Плеско и Гейдена (1808—1811), в благородном пансионе при Московском университете (1811—1812), в частном пансионе бр. Терликовых (1814—1816). События

войны 1812 г., свидетелем которых стал юный В., оставили глубокий след в его душе. В 1816 г. он поступил в Московское учебное заведение для колонновожатых, организованное генералом Н. Н. Муравьевым, где готовили военных топографов, инженеров, штабистов. Здесь В. получил первые навыки работы с историческим материалом, научившись составлять исторические реликвии и справки. Вместе с тем смогли реализоваться и его математические способности: в 1817 г. В. опубликовал учебник «Начальные основания арифметики». Взаимодействие разных, казалось бы, неслиянных начал в натуре В. определило своеобразие его формирующегося писательского «я».

Военная служба В., протекавшая в Бессарабии с 1818 по 1831 г., позволяла ему изучать историю и быт края. Успехи военного топографа были замечены: в 1826 г. он стал штабс-капитаном, начальником Исторического отделения Главной квартиры армии. Итог служебных командировок — «Начертание древней истории Бессарабии» (М., 1828). В этот же период В. пишет стихи, поэмы, сказки. Прибывшему в Кишинев опальному А. С. Пушкину В. представляют как «своего поэта». Знакомство с Пушкиным, повлиявшее на творческую судьбу В., вскоре переросло в живое общение умов, хотя расудочный критицизм В. мало гармонировал с непосредственной импульсивностью пушкинского характера. По воспоминаниям И. П. Липранди, В. — «один из немногих, который мог доставлять пищу уму и любознательности Пушкина» (Липранди И. П. Из дневника и воспоминаний // Пушкин в воспоминаниях современников. — М., 1950. — С. 252). В круг друзей В. входили члены Южного общества — В. Ф. Раевский, М. Ф. Орлов, П. И. Фаленберг. Свои произведения В. читал друзьям и знакомым, но не публиковал их. Его писательский дебют состоялся только в 1828 г., когда в журнале «Сын отечества» появились два стихотворных фрагмента: «Юная грешница» и «Ожидание». Продолжение публикаций последовало не сразу: в 1828—1829 гг. В. принимал участие в русско-турецкой войне (за отвагу награжден орденом Владимира IV степени и представлен к чину капитана). В отставку В. вышел в 1831 г., получив чин подполковника, поселился в Москве и решил посвятить себя литературе. С 1830 г. в журнале «Московский телеграф» печатались отрывки из романа «Странник», были подготовлены к изданию стихотворные повести «Беглец» и «Муромские леса». Последняя, увидев свет в 1831 г., нашла признание у читателей и критики, была представлена на сцене. Особой популярностью пользовалась песня разбойников «Что затуманилась, зренька ясная...». В 1831—1832 гг. «Странник», доброжелательно встреченный Пушкиным, вышел отдельным изданием. Роман выдвинул В. в ряд ведущих русских писателей.

По материалу «Странник» — художественно оформленный итог бессарабского периода в жизни его автора. В. пародирует жанр сентиментального путешествия. Форма произведения необычна: стихи и проза чередуются в нем, словно в мозаике. Скачки авторской мысли как бы «дразнят» читателя. Автор высмеивает сложившиеся установки восприятия. При этом неожиданно возводится в принцип («Не сплю я... Вся душа в томленье. / Я жду ее... я весь горю. / Ревнивы, бросьте подозренье, / Я жду румяную зарю» — «Странник».— С. 13). Переход от одной стилистической стихии к другой происходит так же ненавязчиво, как и постепенное перерастание «путешествия по географической карте» в путешествие «на самом деле».

«Странник» ознаменовал окончательное утверждение творческой индивидуальности В. В нач. 30 гг. произошли изменения и в личной жизни писателя: в 1823 г. он женился на А. П. Вейдель. Семейная жизнь была сопряжена с расходами, и В. поступил на службу в Коммерческий суд, но уже в 1834 г. отказался от карьеры судебного чиновника и сосредоточился на занятиях литературой и историей. В 1833 г. В.— действительный член Общества любителей русской словесности, в 1836 г.— член Общества истории и древностей российских, в 1839 г.— член Одесского общества любителей истории и древностей. Тематику произведений В. в этот период определяют два начала — историческое и фантастическое. В 1833 г. вышел роман «МММСДXLVIII год. Рукопись Мартына Задека», в предисловии к которому писатель так объясняет закономерность фантазий в литературе: «Воображение человека не создавало еще вещи несбыточной... Обычаи, нравы и мнения людей описывают параболу в пространстве вселенной» (МММСДXLVIII год. Рукопись Мартына Задека.— М., 1833.— С. 2). Действие романа разворачивается в вымышленном балканском государстве Босфорании, описание которого напоминает о западноевропейских утопиях и об исканиях декабристов, воплотившихся в аналогичном жанре («Сон» А. Улыбышева).

В 1833 г. В. опубликовал свой лучший исторический роман «Кошей Бессмертный. Былина старого времени». Тема древней Руси не была случайной, о чем говорит последовавшая историческая работа — письмо «О Господине Новгороде Великом» (М., 1834). Взаимосвязи истории и литературы проявлялись в творчестве В. своеобразно: художественная правда подчиняла себе правду историческую. Переход от условной историчности к последовательному историзму был сложен и отразился во многих произведениях. В романе «Лунатик. Случай» (М., 1834) описаны события Отечественной войны 1812 г. Главный герой — Аврелий Юрьегорский, студент, увлеченный математикой, столкнувшись с жестокой правдой жизни, теряет интерес к чистой

науке и становится в ряды защитников родины. Перелом, проходящий в душе Аврелия, сопоставим с переживаниями самого автора. Автобиографическое начало помогает связать типичный для В. мотив превращения с развитием характера, с влиянием на него исторических обстоятельств. Проявляясь же на историческом фоне, «превращения» становятся частью сказочного мира, формируют оригинальный фольклорно-исторический жанр, черты которого наиболее полно выразились в романе «Святославич, вражий питомец» (М., 1835). Несколько иное сочетание жизнеподобия и условности нашло отражение в романах В. о Наполеоне: «Александр Филиппович Македонский. Предки Калимероса» (М., 1836), «Генерал Калимерос» (М., 1840). Обнаружив родство натур Александра и Наполеона, В. возвел родословную последнего к македонской династии. Наполеон скрыт под именем Калимероса (каломероса — греч. калыка с фамилии Бонапарт). Прием путешествия во времени, использованный в «Александре Филипповиче Македонском», напоминает воображаемое путешествие по географической карте в «Страннике». Цель полета на сказочном гиппогрифе — познание закономерностей исторического развития, формирующих характер.

Утверждающийся у В. к нач. 40 гг. психологизм продолжал соседствовать с элементами сказочной условности. В романе «Сердце и думка» (М., 1838) описана история душевного разлада, противоречия между чувством и разумом, «сердцем» и «думкой» девушки Зои. Введение в сюжет Ведьмы, Нелегкого и прочей пещистой силы, фольклорной по своему происхождению, стало приемом, при помощи которого В. нарисовал картины быта, попытался объяснить характер через описание социальных условий. На творчество В. в этот период оказывала влияние развивающаяся реалистическая литература, в частности — Н. В. Гоголь («Прнезжий из уезда, или Суматоха в столице». Повести.— Спб., 1843), однако к реалистическому направлению писатель не примкнул, его «реализм», как и «историзм», — сказочный, фантазмагорический. Многоаспектность творчества В. отразилась в его сборнике «Повести» (СПб., 1843), где разрабатывались темы, связанные с бессарабскими воспоминаниями автора («Радой», «Костештские скалы»), почерпнутые из исторических преданий и легенд («Июланда»), социальные («Ольга») или дающие пример синтеза жизнеподобия со сказочно-романтической фантастикой («Путевые впечатления и, между прочим, горшок герани»).

Параллельно с художественным творчеством В. занимался журнальной деятельностью: в 1836—1837 гг. издавал иллюстрированный альманах «Картины света», в 1839—1840 гг. сотрудничал в «Галатее», в 1841 г. — в «Приключениях к Московским губернской ведомостям». В 1842 г. В. удалось найти место, соответство-

вавшее его давним интересам, оно становится заместителем директора Оружейной палаты. Карьера историка В. удалась: в 1852 г. он — директор Оружейной палаты, в 1854 г. — член-корреспондент Академии наук. В центре внимания В.-историкографа находились проблемы скандинавистики («Варяги». — М., 1840) и славянский вопрос, исследуя который В. зачастую приходил к выводам панславистским («Индо-германы или сайване». — М., 1856). Однако тенденциозным официальным историком В. не стал. В своих трудах он руководствовался, как и в художественном творчестве, воображением и фантазией, отдавая предпочтение процессу исследования, а не результату. «Колонновожатый в молодости, указывавший полкам их позиции... он остался тем же колонновожатым и в старости. Гуннами, Вестготами и Остготами... помыкал он еще гораздо смелее и решительнее, чем Бородинским или Тарутинским полками», — замечал историк и писатель М. П. Погодин (Барсуков в Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. — Кн. 10. — С. 287—288). Работы В., касающиеся древнейших времен, субъективны, методологически напоминают сравнительно-мифологическое литературоведение.

Славянская тема интересовала В. не только как историка. Еще в Бессарабии он сблизился с представителями освободительного движения балканских народов, впоследствии продолжал оказывать посильную помощь болгарам, скрывавшимся в России от преследования турецких властей. В 1843 г. в «Библиотеке для чтения» был опубликован роман «Райна, королева болгарская», переведенный в 50 гг. на болгарский язык. Особое место занимал в творчестве В. славянский фольклор, стимулировавший возвращение писателя к стихотворной форме: «Ратибор Холмоградский», историческая стихотворная драма (М., 1841); написанная на основе сербских баллад и преданий поэма «Троян и Ангелица. Повесть, рассказанная светлой денницей ясновому месяцу» (М., 1846). В. выступил также как собиратель фольклорных материалов, его близкими друзьями были В. И. Даль и И. И. Срезневский.

В период своего творческого взлета В. не был обойден вниманием критики. Рецензирование «Странника» считал насущной необходимостью А. С. Пушкин. В. Г. Белинский отмечал, что романы В. о древней Руси «народны в том смысле, что дружны с духом народных сказок, покрыты колоритом славянской древности» (Белинский В. Г. Предки Калимероса. Александр Филиппович Македонский. — С. 115). С течением времени, однако, оригинальность и «странность» таланта В. стали рассматриваться как недостаток. Особые нарекания вызвал роман «Новый Емеля, или Превращения» (М., 1845), где, как писал Белинский, В. «превзошел самого себя в странной прихотливости своей фантазии» (Белинский В. Г. Русская литература в 1845 году. — С. 395).

В защиту романа высказался А. А. Григорьев, указав на сказочный характер главного героя. Разноречивость отзывов определялась и тем, что В. соблюдал нейтралитет в литературной борьбе западников и славянофилов; именно эта черта привлекла Погодина, предложившего писателю в 1849 г. редактировать журнал «Москвитянин». Последовательный и педантичный В. пытался спасти журнал от финансового краха, но ему не удалось сработаться с издателем. Впоследствии принципы В. были развиты «молодой редакцией» «Москвитянина» — А. А. Григорьевым, А. И. Островским, Б. Н. Алмазовым и др.

Последние 25 лет жизни В. посвятил эпопее «Приключения, почерпнутые из моря житейского», объединившей пять романов: «Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея» (Библиотека для чтения. — 1846—1848; отд. изд. в 1849 г.), «Чудодей» (Москвитянин. — 1849 (1 часть); полн. изд. в 1856 г.), «Воспитанница Сара» (М., 1862), «Счастье-несчастье» (М., 1863). Пятая книга — «Последний в роде и безродный» осталась незавершенной. В «Саломее» В. развивает тенденции своеобразного «реализма» «Сердца и думки», углубляет социальный анализ. Странничество авантюристов Дмитрицкого и Саломеи Петровны по бурным волнам житейского моря сродни знаменитому путешествию Чичикова. В романе отражен процесс рождения фантазмагорий в искаженном и искривленном ненормальными социальными отношениями мире. Дмитрицкий — типичный социальный оборотень, характер, пришедший в русскую литературу в XVII — нач. XVIII в. («Повесть о Фроле Скабееве», напр.) и оказавшийся литературно продуктивным.

Пытаясь разобрататься в сложном, уродующем человека общественном развитии, В. отдает свои симпатии людям, не продающим душу за карьеру и светский успех. Таков Илья Ларин в «Счастье-несчастье», который помогает главному герою, Гораздову, вернуться на круги своя, к тихой провинциальной жизни. Идеалы, выразившиеся в последних романах В., совпадали с его личными устремлениями. В 60 гг. он вел замкнутую жизнь в кругу семьи, с детьми и второй женой, писательницей Е. И. Вельтман (Еленой Кубе). Слава, обласкавшая В. при жизни, не сочувствовала дальнейшей судьбе его произведений. К концу XIX в. о В. почти забыли, и только в нач. XX в. литераторы и исследователи обратились к его наследию. Была определена роль В. как «предтечи Достоевского» (В. Ф. Перверзев). В последние десятилетия переизданы и прокомментированы шесть из пятнадцати романов В., одиннадцать повестей и рассказов, уточняется роль В. в развитии русской литературы.

Соч.: Приключения, очерпнутые в Чорноризитейского / Вступ. ст. В. Ф. Переврзьева.— М., 1957; Странник / Послесл. Ю. М. Акутина.— М., 1977; Повести и рассказы / Вступ. ст. Ю. М. Акутина.— М., 1979; Романы / Вступ. ст. В. И. Калугина; Послесл. А. П. Богданова.— М., 1985; Сердце и думка / Вступ. ст. В. А. Кошелева и А. В. Чернова.— М., 1986.

Лит.: Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1846 года // Полн. собр. соч.— М., 1956.— Т. X.— С. 7—50; Он же. Повести А. Вельмана // Полн. собр. соч.— М., 1955. Там же.— Т. VII.— С. 633—635; Он же. Предки Калимероса. Александр Филиппович Македонский // Там же.— Т. II.— С. 114—119; Он же. Русская литература в 1845 году // Там же.— Т. IX.— С. 378—406; Бухштаб Б. Я. Первые романы Вельмана // Русская проза.— Л., 1926.— С. 192—231; Ефимов А. З. С. Начальный период литературной деятельности А. Ф. Вельмана // Русский романтизм.— Л., 1927.— С. 51—87; Переврзьев В. Ф. У истоков русского реалистического романа.— М., 1937.— С. 78—145; 2-е изд.— М., 1965.— С. 114—215; Гранин Ю. А. Ф. Вельман // Очерки по истории русской литературы первой половины XIX века.— Баку, 1941.— Вып. 50.— С. 66—93; Виноградов В. В. О связи процессов развития литературного языка и стилей художественной литературы // Виноградов В. В. О языке художественной литературы.— М., 1959.— С. 570—575.

А. А. Чумаченко

ВЕНЕВИТИНОВ, Дмитрий Владимирович [14(26). IX. 1805, Москва — 15(27). III. 1827, Петербург; похоронен в Москве] — поэт, переводчик, критик. Вырос в родовитой, культурной и обеспеченной дворянской семье. Получил превосходное домашнее образование (серьезно занимался изучением древних и новых европейских языков, живописью, музыкой). В 1822—1824 гг. — вольнослушатель Московского университета. Увлечение философией, историей и теорией словесности сочеталось у В. с живым интересом к математике, естественным наукам. Необходимость универсального, целостного знания становится одной из основ его философско-поэтического мирозерцания. После сдачи экзаменов за курс университета поступает на службу в Московский архив Коллегии иностранных дел, однако главным своим занятием считает литературное творчество.

В. вошел в литературу в начале 20 гг., в пору утверждения и громких побед русского романтизма, и сразу же стал активным участником романтического движения. С его именем прежде всего связано возникновение нового, философского течения внутри русского романтизма, сыгравшего особенно важную роль после разгрома восстания декабристов, но сформировавшегося за несколько лет до их выступления. Был в числе организаторов и вдохновителей московского «Общества любителей» (куда входили также С. П. Шевырев, А. С. Хомяков, В. Ф. Одоевский, братья И. В. и П. В. Киреевские и др.), ставившего своей целью совместное изучение современной идеалистической философии и романтической эстетики — трудов Канта, Фихте, Шеллинга, братьев Шлегелей... В декабре 1825 г. общество было формально распущено, но кружок любителей в течение ряда лет фактически продолжал свое существование.

В критических статьях, философских опытах, заметках, письмах В. развивает свои воззрения на человека и мир, на сущность искусства и назначение художника. Сложившиеся под непосредственным воздействием немецкой философии и эстетики, под влиянием Гете, в котором поэт видел своего «наставника», они были в то же время во многом оригинальны, отвечали запросам и потребностям русского общества — необходимо найти в послереволюционную пору новые жизненные ориентиры, сформировать новые убеждения.

Главный пункт его эстетической теории — требование отчетливой позиции, осознанной программы, выработка целостного систематического мировоззрения. Высшей целью человека и человечества В. — вслед за Шеллингом — считает самопознание, а в каждом истинном художнике видит мыслителя, философа: «Чувство только порождает мысль, которая развивается в борьбе, и тогда уже, снова обратившись в чувство, является в произведении» (Стихотворения. Проза.— С. 131). Самопознание для него — путь к гармонии мира и личности, ибо в душе человека отражается все сущее. Но путь этот труден: он лежит через преодоление противоречий бытия. Вот почему судьба художника прекрасна и трагична в одно и то же время.

Во многом программный характер носит и художественное творчество В. В его стихотворениях отчетливо формулируются установочные так называемой «поэзии мысли». Именно поэтическая мысль, энергичная и ясная, подчас обнаженная, — одна из главных примет его лирики.

Центральная тема стихотворений В. — судьба поэта. Им свойствен культ романтического поэта-избранника, высоко вознесенного над толпой, над прозой и пошлостью повседневного существования. Между ним и обывденной житейской реальностью — ничего общего: «Пусть вокруг него, в чаду утех, / Бунтует ветренная младость, — / Безумный крик, холодный смех / И необузданная радость: / Все чуждо, дико для него, / На все безмолвно он взирает...» («Поэт», 1826). Чуждый мирской суете, живущий в царстве «священных, тихих снов», эстет «сын богов, питомец муз и вдохновенья», всецело погружен в свои грезы и раздумья, в постижение законов бытия, разгадывание тайн природы, которые открываются далеко не всем. В них проникает «Лишь тот, кто с юношеских дней / Был пламенным жрецом искусства, / Кто жизни не щадил для чувства, / Венец мученьями купил...» («Поэт и друг», 1827). Однако отрешенность от мира вовсе не означает, что лирика В. безоблачна и идиллична. И не только потому, что поэт вынужден волей-неволей сталкиваться с житейской реальностью. Сама по себе жизнь поэта представляет, по мысли В., определенный сюжет. Поэт-романтик, чья душа «осуждена к борению с противоречиями мира» (Стихотворения. Про-

за.— С. 125), неизбежно прокладывает путь, полный борьбы и страданий, от младенческой наивности и невинности к постижению противоречий бытия и — через их преодоление — к новой, высшей гармонии. Победа художника в этой борьбе отнюдь не безусловна, поединок с миром может закончиться его поражением, гибелью. Но он в силах одержать победу — это главное! Отсюда — напряженно-властный, уверенный и энергичный тон стихотворений В., столь резко отличающий их от обычной «унылой» элегии той поры. Отсюда же — его тяготение к трехчастному построению стихотворений, соответствующему трем закономерным этапам жизни художника, структуре философско-диалектической триады вообще.

Много сделавший для утверждения философской романтической лирики, В. не сумел все же выработать новые жанровые формы и выразительные стилистические средства для создания вполне оригинальной поэзии мысли. Он явно опирался на опыт сентиментально-романтической элегии начала века, непревзойденными мастерами которой были Жуковский и Батюшков, на художественные достижения Пушкина, чье творчество он высоко ценил. В его стихах до предела сгущены ходовые обороты элегической поэзии, такие, как «ничтожная толпа», «тайный ропот», «обманчивая мечта», «холодные сомненья», «мятежная грудь», «пламень речей» и т. п., давно ставшие литературными штампами, обветшавшими «поэтизмами». В результате выдвинутая им идейно-эстетическая и творческая задача оказалась разрешенной не до конца. Впоследствии совершенные образцы «поэзии мысли» были созданы Пушкиным, Баратынским, Лермонтовым и Тютчевым, художественные достижения которого явственно связаны с поэтическими исканиями и опытами В.

Стихи В. внутренне едины, скреплены лирическим образом художника — мыслителя и творца. Согласно его представлениям, художник-творец — это воплощение сущностных сил человеческой природы, высший образец человека вообще. И потому друзья, возлюбленная, близкие поэту люди — адресаты его стихотворений («К моей богине», 1826; «Элегия», 1827; послания к Н. М. Рожалину, 1825 и 1826; «Завещание», 1826 или 1827; «К моему перстню», 1826 или 1827) — тоже певцы, художники, духовные избранники. Характерно начало стихотворения «Элегия», посвященного З. А. Волконской, в которую В. был страстно и безнадежно влюблен: «Волшебница! Как сладко пела ты / Про дивную страну очарованья, / Про жаркую отчужду красоти!» Героиня элегии предстает здесь как яркая, артистическая натура, и поэт она об Италии — стране искусства и красоты. Так создается в лирике В. особый, эстетизированный мир, в котором обитает лишь избранники.

Поэт-романтик, погруженный в мир красоты, В. был далек от политической борьбы. Однако

вольнолюбивые идеи и настроения были ему отнюдь не чужды. Об этом свидетельствуют не только его стихотворения («Смерть Байрона», 1825; «Песнь грека», 1825; «Новгород», 1826), но также его явное сочувствие декабристам, его отвращение ко всякому насилию и произволу, а главное — его внутренняя независимость, честность и нравственная чистота.

С событиями на Сенатской площади связан и трагический финал биографии В. Переведенный по службе в Петербург (октябрь 1826 г.), он был арестован при въезде в город по подозрению в причастности к заговору 14 декабря. Двое суток под стражей, в сыром и холодном помещении, потрясли его физически и нравственно. Не прошло и полугода, как поэт внезапно скончался от сильной простуды. Пораженные безвременной кончиной, друзья В. создали культ юного мечтателя-романтика и в течение целых сорока лет отмечали годовщину его смерти. Именно их усилиями было подготовлено первое издание его сочинений (1829—1831).

Ум, душу, талант В., обаяние его личности, его тонкой, изящно-артистической природы высоко ценили люди разных поколений, разных общественно-литературных лагерей, среди них — Пушкин, Белинский, Герцен. «Проживи Веневитинов хотя бы десятью годами более,— полагал Н. Г. Чернышевский,— он на целые десятки лет двинул бы вперед нашу литературу» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.— М., 1949.— Т. II.— С. 926).

Соч.: Полн. собр. соч. / Под ред. и с примеч. Б. В. Смирнского; Вступ. ст. Д. Д. Благого.— М.; Л., 1934; Полн. собр. стихотв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. В. Неймана.— Л., 1960; Стихотворения. Поэмы. Драммы / Вступ. ст. Б. Смирнского.— М., 1976; Стихотворения. Проза / Изд. подгот. Е. А. Маймин, М. А. Чернышев; Отв. ред. Д. Д. Благой.— М., 1980.

Лит.: Сакулин П. И. Из истории русского идеализма.— М., 1913.— Т. I; Благый Д. Д. Подлинный Веневитинов // Благой Д. Д. От Кантемира до наших дней.— 2-е изд.— М., 1979.— Т. 2; Маймин Е. А. Русская философская поэзия.— М., 1976.— Гл. 1, 2; Гинзбург Л. Я. Опыт философской лирики // Гинзбург Л. Я. О старом и новом. Статьи и очерки.— Л., 1982.— С. 194—228; Малин Ю. В. Русская философская эстетика.— М., 1969.— С. 6—42.

А. М. Гурвич

ВЕРБИЦКАЯ, Анастасия Алексеевна, до замужества — *Зяблова* [11 (23).II.1861, Воронеж — 16.I.1928, Москва] — автор рассказов, повестей, романов и пьес. Совершенно забытая в наше время. В в нач. XX в. была очень популярной писательницей. В. родилась в небогатой дворянской семье, окончила Елизаветинский институт, затем училась в Московском консерватории. Одновременно преподавала пение в гимназиях. С 1883 по 1885 г. работала в газете «Русский курьер», где вела политический отдел. В 1887 г. дебютировала повестью «Первые ласточки», вышедшей под названием «Разлад» в журнале «Русская мысль». Печаталась в журналах «Жизнь», «Живописное обозрение», «Образование», «Начало»,

«Русское богатство», «Мир божий» и др. С 1889 г. стала издавать свои произведения отдельными книгами. Пьесы «Мираж» (1895) и «Семейство Волгиных» (1897) были поставлены на сцене Малого театра.

В. считала себя «идеиной» писательницей и отмечала, что литература никогда не была для нее целью, а только орудием борьбы. Писательница выступала за равноправие женщин, отстаивала их общественную независимость и материальную самостоятельность, подчеркивая, что «женский вопрос» является частью «универсального вопроса» (Автобиография.— С. 86). В. призывает «новую» женщину наполнить жизнь «упорным трудом над развитием своей личности <...>, идеей, искусством, выработкой миросозерцания, общественными интересами и общественной деятельностью» (Дух времени.— С. 58). Так как современное устройство семьи мешает развитию личности женщины, ее трудовой деятельности на благо общества, В. выступает противницей брака. Но, по мнению писательницы, женщина, отказавшись от семьи, не должна лишаться радости любви и материнства, а должна лишь так организовать свою жизнь, чтобы любовь и дети не мешали ее труду. А для этого надо «не делать из любви драму», а отвести ей «второе место в жизни» (Там же.— С. 58).

Но те идеи, которые проповедует В., ее героиням, как правило, не удается реализовать. Они являются «первыми ласточками» и погибают, не выдержав тяжелых условий жизни и не сумев преодолеть в себе психологию женщины «старого» времени. Для Валентины Львовны Камековой, героини повести «Первые ласточки», «иметь за душой что-то свое дороже любви и семьи» (С. 66). Она страдает оттого, что ее дети лишены нормальных человеческих условий существования. Но для нее важнее литературная деятельность и работа в газете, которая хотя и не дает нужного заработка, но позволяет сказать читателю о «жизни нашего рабочего» (С. 11).

Критика в целом с одобрением встретила первое произведение В. Отмечалось, что, несмотря на большую тенденциозность повести, «идеи автора <...> имеют громадную ценность и должны быть положены в руководство каждой женщины» (Краснов П. Идеи писательница // Литературные вечера «Нового мира».— 1903.— № 5.— С. 237). Но в то же время «в борьбе за материальную независимость героиня доходит до крайности, борьба выливается в целую драму с воплями и припадками» (Миртов О. Апофеоз догматов.— С. 92).

В последующих произведениях В.: романе «Освободилась!», повестях «Наши ошибки», «История одной жизни», «Чья вина?» — падают воплощение те же основные идеи, что и в «Первых ласточках».

В. разделяла прогрессивные идеи своего времени. Она участвовала в литературных вечерах

в пользу студентов, печаталась в сборниках «На помощь учащимся женщинам» (М., 1901), «Помощь евреям, пострадавшим от неурожая» (Спб., 1901) и др. В 1905 г. предоставляла Московской социал-демократической организации свою квартиру для собраний и помогала деньгами. После поражения первой русской революции, в годы реакции В. по-прежнему оставалась верна своим идеям. Она написала роман «Дух времени» (1907), который сама назвала «революционным романом», хотя революционная борьба в романе изображена в упрощенном виде. В романе также имеются отсылки на вопросы, выдвинутые в статье В. И. Ленинна «Партийная организация и партийная литература».

Книги В. пользовались огромным спросом читателей, по критика до 1910 г. почти не обращала внимания на ее произведения. В 1910 г. выходит роман «Ключи счастья» небывалым и исключительным для того времени тиражом — 40 тысяч экземпляров (обычный тираж книги составлял 2—3 тысячи экземпляров). Роман выдерживает две экранизации, ставшие громкими боеквами эпохи: «Ключи счастья» (1913; режиссер В. Гардин и Я. Протазанов) и «Победители и побежденные» (1917; режиссер Б. Светлов, по сценарию и сорежиссуре самой В.). Появляется большое число подделок и переделок романа для театра, и В. была вынуждена выступить против них с протестом на страницах журнала «Театр и искусство» (1913.— № 32). Выход романа вызвал огромную критику и шумные споры. «Лев Николаевич Толстой или Анастасия Алексеевна Вербицкая? Кому из них владеть мыслью и княжить в сердце современного русского читателя?» — этот актуальный вопрос поставил один из критиков в 1910 г., анализируя данные библиотек и читален, по свидетельству которых спрос на произведения В. значительно превысил спрос на книги Тихова и Толстого. Образчик бульварной, «ванькиной» литературы — и явление демократического творчества, отразившее, хотя и стихийно, пробуждение общественных прогрессивных настроений, — таков диапазон суждений о романе.

Как и все произведения В., роман отличает богатый занимательный вымысел, широта охвата русской действительности, в нем затрагиваются самые модные и злободневные вопросы времени.

Проповедуемое ранее В. женское равноправие и свобода личности оборачивается защитой «свободной любви». Отдавая дань модной «проблеме пола», проповедует принцип эгоцентризма как жизненную программу нового человека, В. попадает в бурный поток антидемократической «саннской» литературы, вызванной эпохой реакции. «Я дам вам ключи счастья,— говорил Ян, таинственный революционер и автор новой философии свободы.— Оно лежит за семью замками... Самое ценное в нас — наши страсти,

наши мечты... Жалок тот, кто отрекся от них. Из страха общественного мнения, из чувства долга перед близкими, из любви к детям, к семье... Надо быть самим собой. Если вы утром целовали меня, а вечером желание толкнет вас в объятия другого, — повинуйтесь вашему желанию» (Вербицкая А. А. Ключи счастья. — С. 107). Приняв это учение, Маня Ельцова до конца шеститомного романа мечется между бароном Штейнбахом, владельцем дворцов и парков, и бедным дворянином Никольевым Нелидовым, любя одновременно обоих.

Геронни В. лишены не только типичности, но и просто психологической достоверности. Мелодраматический стиль В., манера письма — все это соответствовало эстетике бульварной литературы. Но произведения писательницы никогда не были «безыдейными». В действительности билась над решением вопроса о новом человеке, о новой морали. Однако историческое содержание общественной борьбы и наболевших вопросов времени упрощалось писательницей; идеи модных философов, ученых, писателей нивелировались до элементарного уровня. Вопреки добрым намерениям автора и субъективно-антигемшанскому пафосу ее книг, произведения В. угождали весьма неприязнательному вкусу и, хотя не укладывались целиком в рамки «массовой» буржуазной литературы, все же сближались с ней рядом своих сторон.

После революции 1917 г. Наркомпрос решил сжечь весь склад книг В. «за порнографию, юдофобство и черносотенство» (Дискуссия о В. — С. 56). Писательница потребовала гласного суда над собой. Заведующий Госиздатом В. Воровский создал комиссию из 12 литераторов-коммунистов, которые в течение трех месяцев перечитывали 33 книги писательницы. Комиссия признала книги В. безвредными, и ей было обещано передать их в рабочие клубы и читальни. После смерти В. Воровского, в 1924 г. имя В. опять попало в список запрещенных писателей, книги ее изъяли из всех магазинов и библиотек. В 1926 г. в журнале «На литературном посту» (№ 7—8) была опубликована дискуссия о В. Поводом к разговору послужило письмо 65-летней больной и живущей в безвестности писательницы. В. перечисляла свои заслуги перед русским революционным движением и выражала желание «писать о современном строе» (Дискуссия о В. — С. 57).

В этой дискуссии имя В. было реабилитировано. Луначарский отозвался о ней как о писательнице, «по внешней форме приятной и занимательной, по своим устремлениям инициативной и прогрессивной, хотя в идеологическом отношении наивной», и высказал мнение, что «для некоторых очень отсталых слоев провинциального читателя... чтение произведений В. было бы прогрессом и могло бы оставить в их душе светлый след» (Дискуссия о В. — С. 54).

Соч.: Первые ласточки. — М., 1900; Вавочка. — М., 1901; Освободилась! — М., 1902; По-новому (роман учительницы). — М., 1903; Дух времени. — М., 1907; Ключи счастья. — М., 1909—1913. — Кн. 1—6; Автобиография // На помощь учащимся женщинам. — М., 1908.
Лит.: Горький М. Об А. Вербицкой // Несобранные литературно-критические статьи. — М., 1941. — С. 51—52; Миртов О. Апофеоз догматов // Образование. — 1907. — № 1. — С. 88—89; Кранихфельд В. П. О новых людях Вербицкой // Современный мир. — 1910. — № 8. — С. 68—82; Таи (Богораз В. Г.). Санни в юбке // Утро России. — 1909. — № 93—31 дек. — С. 3; Дискуссия о Вербицкой // Ольминский М. По литературным вопросам. — М.; Л., 1932. — С. 54—57; Чуковский К. Соч. — М. — Т. 6. — С. 10—21; Зоркая Н. На рубеже столетий. — М., 1976. — С. 165—179.

Н. И. Казакова

ВЕРЕСАЕВ, Викентий Викентьевич, настоящая фамилия — *Сидорович* [4 (16)]. 1. 1867, Тула — 3. VI. 1945, Москва] — прозаик, публицист, переводчик. Родился в семье врача. Отец В., человек разносторонне образованный, стремился привить своим детям с самого раннего возраста любовь к труду, твердые нравственные начала. Во время обучения в Тульской классической гимназии В. усиленно занимается историей, философией, много читает. К гимназическим годам относятся и его первые литературные опыты. Он пишет стихи, увлекается переводами из Гете, Г. Гейне, Ф. Шиллера. После окончания гимназии в 1884 г. В. поступает на историко-филологический факультет Петербургского университета, а в 1885 г. было напечатано его первое произведение — стихотворение «Раздумье», довольно слабое и несовершенное. Его следующими литературными опытами, увидевшими свет в 1887 г., были рассказы «Мерзкий мальчишка» и «Загадка», последний из которых В. неизменно включал в состав собраний своих сочинений. Так для В. окончательно определилось его писательское призвание. С целью познания человеческой природы, необходимого, по мнению В., для настоящего писателя, он решает после окончания университета в 1888 г. поступить на медицинский факультет Дерптского университета и, получив в 1894 г. диплом врача, приступает к врачебной практике.

Во время учебы в Петербургском университете В. пережил период сильного увлечения народническими идеями. Однако вскоре наступило разочарование: в конце 80 гг. политическая программа «Народной воли» исчерпала себя. Пессимистические настроения В., общие для поколения 80 гг., потерявшие свои духовные ориентиры, нашли отражение в повести «Без дороги» (1894). Написанная в форме дневника-исповеди земского врача Дмитрия Чеканова, она раскрывала глубокую трагедию человека, потерпевшего крах в своем стремлении честно служить народу. Ради этого он отказывается от научной карьеры, привычной обеспеченной жизни. Однако его самопожертвование оказывается напрасным. Он остается бесконечно далек от народа. Внутренне сломленный, Чеканов проходит свой путь до конца и умирает от побоев пьяной толпы мастеровых во время холерной эпидемии. Эта повесть

принесла В. первый литературный успех и вместе с последовавшими за ней повестями 900 гг. создала ему репутацию художественного летописца демократической интеллигенции. Вскоре происходит окончательный поворот В. в сторону марксизма. С наибольшей отчетливостью новые идейные симпатии В. обозначились в рассказе «Поветрие» (1897). Написанный как эпилог к повести «Без дороги», рассказ был проникнут верой писателя в новые «радостные, кипучие родники борьбы и жизни», которые открылись ему в марксистском движении. К этому все ширившемуся движению решительно примыкает героиня рассказа Наташа, с которой читатель впервые познакомился в повести «Без дороги». Она находит для себя ответ, ради чего жить.

Уже в первых значительных произведениях В. обозначились характерные особенности его творческой манеры. Сосредоточенность на социально-философской проблематике своего времени, преимущественное внимание к мировоззренческим вопросам. Основным стержнем повествования у В. были идейные споры героев. Отсюда — неизменное преобладание диалога над описанием, стремление к документальной точности в изображении жизни. Все это приводило к тесному переплетению художественного и публицистического начала, свойственному В. на протяжении всей его творческой биографии.

После разрыва с народническим «Русским богатством» В. примыкает к группе «легальных марксистов», печатается в журналах «Новое слово», «Начало», «Жизнь». В 90 — нач. 900 гг. в рассказах «Лизар», «К спеху», «Об одном доме», «Ванька», «В степи» он обращается к новой для него крестьянской теме. Своими выразительными зарисовками из народной жизни ему удалось наглядно раскрыть социальные причины тяжелого экономического положения русской деревни после реформы. Крохотные крестьянские наделы, не способные прокормить большое количество едоков, порождают у отчаявшегося мужика-кормильца, как у героя одноименного рассказа Лизара, страшную в своей бессознательной жестокости теорию о необходимости «сокращения человека» войной, болезнями и другими божьими карами. Этот рассказ получил высокую оценку Чехова и был использован в качестве иллюстрации В. И. Лениным в его труде «Развитие капитализма в России».

Одновременно с занятиями литературой В. долгое время сохранял верность профессии врача. С 1894 г. он служил ординатором в больнице памяти Боткина в Петербурге, откуда в 1901 г. был уволен за революционную деятельность и выслан в родной город Тулу. Годы активной работы в сфере практической медицины не прошли даром для В.-писателя. В итоге родилась книга, которая принесла В. настоящую славу, распространившуюся за пределы России. Это были «Записки врача» (1901), в которых В. прибегает

к открытой публицистике, страстной и беспощадно правдивой. Никогда до этого вопросы медицинской этики не ставились с такой остротой, но главный вывод, к которому пришел В., был тот, что «врач,— если он врач, а не чиновник врачебного дела,— должен прежде всего бороться за устранение тех условий», которые сокращают жизнь человека, уродуют и калечат его, «быть общественным деятелем в самом широком смысле слова».

Если в творчестве В. 90 гг. было заметно влияние И. Тургенева, А. Чехова, Л. Толстого, то в 900 гг. он становится одним из последовательных сторонников горьковского направления в литературе и принимает активное участие во всех общественно-литературных начинаниях, во главе которых стоял М. Горький. Художественное влияние М. Горького отразилось в таких произведениях В. этого периода, как рассказ-аллегория «Звезда» (1903) и двухчастная повесть «Два конца» (1899—1903) о жизни ремесленного пролетариата.

Вместе с тем В. остается верен своей изблюбленной теме — идейным исканиям передовой революционной интеллигенции. В новой повести «На повороте» (1901) В. удалось чутко уловить движение общественной мысли между революционным марксизмом и оппортунизмом. Если Варвара Изворова и Токарев теряют прежнюю веру в свои идеалы, что приводит первую из них к самоубийству, а второго — к принятию удобной и легкой правды обывательского мира умеренных либералов, то тем более цельными, не способными на компромиссы предстают в повести сестра Токарева Таня и рабочий-революционер Балуев. Однако вторая часть повести свидетельствовала о двойственности позиции самого В. Впервые в его творчестве возникает вопрос о «тайне неведомого», темного стихийного начала, способного влиять на душу человека, лишать его спокойной уверенности и бодрости. Все это придавало финалу повести несколько мрачное, pessimистическое звучание, порождало некоторую нерекличку с творчеством Л. Андреева.

Бурные события начала века продолжали влекать В. в свой водоворот. Во время русско-японской войны он был призван на военную службу как врач запаса и пробыв там до 1905 г. События этой «глупой и преступной колониальной авантюры», как назвал войну 1904—1905 гг. В. И. Ленин (Полн. собр. соч.— Т. 9.— С. 155), нашли в В. «трезвого, честного свидетеля» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т.— Т. 28.— С. 317). В своих записках «На японской войне» (1906—1907) и цикле «Рассказов о японской войне» (1904—1906) В. со всей беспощадностью обнажил глубокий кризис царского самодержавия. Подлинному героизму и истинной человечности простых солдат он противопоставляет «бестолочь» и суету, заботу только о личном благополучии, которые отличали всенное командование,

приведшее русскую армию к бесспорному поражению. В. наглядно доказал нарастание недовольства среди солдат, все большее их сочувствие разгорающейся в России революции. Все это сделало произведения В. о русско-японской войне ярким художественным документом эпохи.

Появление в 1909 г. повести «К жизни» ознаменовало новый этап идейного развития писателя. Это повесть о людях, которые делали революцию 1905 г. и которым пришлось пережить ее поражение. Не всем удается при этом сохранить уверенность в правильности избранного пути. В повести по-прежнему ведется жаркие идейные споры. В. мастерски раскрывает истинную политическую сущность представителей различных политических партий: кадетов, черносотенцев, либералов. Однако главный акцент был сделан В. не на политической борьбе, а на поисках смысла жизни, которые ведет главный герой повести, бывший революционер, Константин Чердынец. Самоубийство его друга Алексея заставляет Чердынцева задуматься над тем, что может удержать человека на краю бездны, не подчиниться власти темных, губительных инстинктов, скрытых в душе каждого человека. По-прежнему будучи убежден в необходимости социального преобразования действительности, В. приходит к выводу, что в борьбе за счастье человека нельзя ограничиваться только освобождением его от классового гнета. Необходимо научить людей радоваться «живой жизни», каждому ее мигу, жить в гармоническом единении с природой.

Революционными кругами новая повесть В. была воспринята в целом отрицательно. Впоследствии сам В. главную причину своей творческой неудачи видел в том, что взялся излагать свои новые убеждения в художественной форме, хотя для этого больше подошла бы «форма критического исследования». Произведение такого рода было им написано несколько позже и состояло из двух частей: «Живая жизнь» (о Достоевском и Льве Толстом) и «Аполлон и Дионис» (о Ницше) (1909—1914), в котором концепция «живой жизни» В. получила дальнейшее развитие. Несколько произвольно истолковывая сущность художественного творчества двух великих русских писателей, В. противопоставлял радостное, ликующее возвеличивание бытия у Толстого трагическому мировосприятию Достоевского. Вторая часть книги была полемически заострена против ницшеанской концепции атичности, построенной на исследовании культа страдающего бога Диониса. В полнокровном утверждении жизни, характерном для гомеровской античности и для Толстого-художника, В. находил воплощение того единого, цельного мировосприятия, которое позволяет человеку преодолеть страх смерти и жадно полюбить землю. Объективно книга В. противостояла воцарившимся в годы реакции настроениям уныния и упадка, затронувшим даже некоторую часть демократической интеллигенции.

Свои новые взгляды В. пытался превратить в своеобразную идейно-эстетическую программу основанного в 1912 г. «Книгоиздательства писателей в Москве», пришедшего на смену горьковскому «Знанию», которое В. возглавлял до 1918 г. Увлеченные В. философией и искусством Древней Греции заставили его вновь обратиться к переводам. За переводы из эллинической поэзии в 1918 г. В. был удостоен полной Пушкинской премии.

После свершения Великой Октябрьской социалистической революции В. активно включился в культурную работу молодой Советской республики. Он участвовал в становлении советской литературной периодики, был председателем Всероссийского союза писателей. Широкого размаха достигает его лекторская деятельность.

Вместе с тем отношение В. к революции не было однозначным. Важная для всего творчества писателя тема взаимоотношений интеллигенции и революции была продолжена в его романах «В тупике» (1923-1929), «Сестры» (1933).

Произведения В. (рассказы «Исанка», 1927, «Мимоходом», 1929, и др.) вызвали бурные дискуссии в печати и среди читателей. Однако отношение критики к творчеству писателя, посвященному советской действительности, было очень сдержанным, нередко его упрекали в излишнем биологизме.

В последний период своего творчества В. много сил отдавал работе над воспоминаниями, в которых нашла правдивое отражение культурная жизнь России конца XIX — нач. XX в. Первые две части — «В юные годы» (1927) и «В студенческие годы» (1929) — были позже дополнены «Литературными воспоминаниями», над которыми писатель продолжал работать до конца жизни. Им были созданы выразительные очерки о Н. К. Михайловском, В. Г. Короленко, Н. Ф. Анненском, Л. Андрееве, Л. Н. Толстом и А. П. Чехове, содержавшие ценные сведения о выдающихся деятелях русской литературы. В своеобразной жанровой манере были написаны «Невыдуманные рассказы о прошлом» и «Записки для себя», включающие разнообразные заметки, сценки, выписки, воспоминания, записки из дневника. Так исполнилась давняя мечта В. о максимальном сближении жизненного факта и художественного вымысла.

Немалый интерес у читающей публики вызвали также написанные в необычной для литературоведческого труда форме документального монтажа книги «Пушкин в жизни» (1926), «Спутники Пушкина» (1934—1936) и «Гоголь в жизни» (1933), в которых были собраны воедино многочисленные, зачастую противоречивые свидетельства современников о великих русских писателях.

С необычайной активностью продолжалась и переводческая деятельность В. В 1926 г. был издан его перевод «Работ и дней» Гесиода.

а в 1930—1940 гг. им были¹ полностью переведены «Илиада» и «Одиссея». В. продолжал с неутомимой энергией трудиться до самой смерти.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 4 т. — Спб., 1913; Полн. собр. соч.: В 12 т. — М., 1928—1931; Гоголь в жизни. М.: Л., 1933. Спутники Пушкина. — М., 1937; В туинке. 5-е изд. — М., 1927; Соч.: В 4 т. / Вступ. ст. Ю. У. Бабушкина. М., 1961. Собр. соч.: В 4 т. / Вступ. ст. Ю. Фохта-Бабушкина. М., 1986; Пушкин в жизни / Вступ. ст. Д. М. Уринова, В. А. Сайганова. — М., 1987. Лит.: Бояновский В. В. В. Вересаев. Критико-биографический этюд. — Спб., 1904; Вржосек С. Жизнь и творчество В. В. Вересаева. — Л., 1930; Силеско Л. В. В. Вересаев: Критико-биографический очерк. Тула, 1956; Гейзер Н. В. В. Вересаев: Писатель-врач. — М., 1957; Бровман Г. В. В. Вересаев. Жизнь и творчество. — М., 1959; Бабушкин Ю. В. В. Вересаев. — Тула, 1966; Польде В. М. Вересаев: Жизнь и творчество. — Тула, 1986; Милонов П. А. В. В. Вересаев и Тула. Тула, 1987. Т. В. Постыкова

ВЕСЕЛИТСКАЯ, Лидия Ивановна, псевдонимы — *В. Микучи*, *Л. Чернавина* [5 (17). III. 1857, Егорьевск — 23.II. 1936, Пушкин] — прозаик, мемуарист, переводчица. Из семьи потомственных военных, отец — преподаватель Александровского кадетского корпуса. В. окончила Павловский женский институт (1874) и Педагогические курсы (1876). Дебютировала в 1877 г. сказками «Четыре сестры» и «Сон после обеда» («Семья и школа»). С 1883 г. начинается активная литературная деятельность В. Она выступает в печати с рассказами и повестями из жизни «третьего сословия», городских низов. Известность В. приобрела после публикации второй части своей трилогии «Мимочка» — «Мимочка на водах» (Вестник Европы. — 1891. — № 2—3), которая привела в восхищение Л. Н. Толстого и Н. С. Лескова, названного, что «повесть... свежа, жива и любопытна... манера писания чрезвычайно искусна и приятна» (Лесков Н. С. Соч. — Т. II. — С. 526). Первая часть — «Мимочка-невста» (Вестник Европы. — 1883. — № 9) прошла незамеченной, третья — «Мимочка отравилась» (Вестник Европы. — 1893. — № 9, 10) значительно уступала второй. «Мимочка на водах» вызвала интерес социально и психологически мотивированным характером современной легковесной, эгоистической, лишенной духовных интересов и моральных устоев молодой женщины, развращенной своей средой. Первая и вторая части изданы вместе под заглавием «Мимочка» (Спб., 1892). Эта книга переведена на многие европейские языки. Личная жизнь В. не была счастливой (развод родителей, распад собственной семьи), что, по-видимому, вызвало ее обостренное внимание к теме женской судьбы, домашних конфликтов и неурядиц, отношений мужчины и женщины (рассказы «Зарницы» // Северный вестник. — 1894. — № 1—4; «Черемуха» // Северный вестник. — 1898. — № 1—2, и др.). В. — типичный беллетрист, ее произведениям не хватает жизненной глубины. Под влиянием Л. Толстого, его мировоззрения В. было написано несколько правдивых и впечатляющих рассказов о страш-

ной, нищей, униженной жизни обитателей подвалов, о социальной несправедливости («Пасха красная», «Телятина», «В доме Тришкина» // Сб. «Пасха Красная». — Спб., 1914). В первые десятилетия XX в. В. мало пишет, изредка публикует небольшие рассказы, повести («На улице», «В церкви», «Светлый праздник», «Под снегом» и др.), после 1917 г. она оказалась от литературных занятий и выступлений в печати. В. перевела произведения А. Додэ, В. Гюго, Ж. Нодье, А. Мицкевича и др., составившие сборник «Яшнина книжка» (Спб., 1899). Она была знакома и общалась с Ф. М. Достоевским, встречалась с В. М. Гаршиным, сотрудничала с редакторами «Северного вестника» Л. Я. Гуревич, А. Л. Вольским. Была близким другом журналиста М. О. Меньшикова (его сын Яков стал ее воспитанником). Особенно дружеские отношения у В. сложились с Лесковым, несколько раз она была в хамовническом и яснополянском домах Льва Толстого, который был к ней расположен, сблизилась она и с его дочерьми и друзьями П. И. Бирюковым, Н. Н. Страховым, В. Г. Чертковым и др. Будучи ортодоксально верующей, В. не сочувствовала толстовской антицерковной проповеди, но разделяла его социально-критические взгляды. В. в разные годы опубликовала мемуарные очерки о Достоевском, Гаршине, Л. Толстом, Лескове, составившие книгу «Встречи с писателями» (1929), где живо и занимательно рассказала о свиданиях и беседах с выдающимися художниками слова. Последние годы жизни В. прожила в г. Пушкине в одиночестве и большой нужде, какое-то время преподавала музыку в детском доме и школе им. А. Н. Герцена.

Соч.: Черемуха. Новенькая. Студент. Рассказы. — Спб., 1898; Рассказы. — Спб., 1911; Мимочка. — Спб., 1911; Дуся. Рассказ. — Спб., 1915; 2-е изд. — П. Г., 1917; Встречи с писателями. Лев Толстой, Достоевский, Н. Лесков, Всеволод Гаршин / Предисл. Д. Выгодского. — Л., 1929. Лит.: Сельбицкий. История новейшей русской литературы. — Спб., 1905; Николаев П. Ф. Вопросы жизни в современной литературе. — М., 1908; Колтоповская Е. А. Микучи // Колтоповская Е. А. Женские судьбы (Писательница и артистка). — Спб., 1912. — С. 102—125.

С. А. Розанова

ВОВЧОК, Марко. Настоящее имя *Маркович Мария Александровна* [10 (22). XII. 1833 (по другим данным — 1834), с. Екатериновка Елецкого у. Орловской губ. — 28.VII (10.VIII). 1907, близ г. Нальчика] — прозаик. Родился в семье мелкопоместного дворянина, отставного офицера Виленского. Когда В. исполнилось семь лет, отец умер. Отчим, жестокий крепостник, кутила, разорил родовое имение, девочку пришлось отправить к родственнице — матери Д. П. Писарьва. В 1845—1848 гг. В. воспитывалась в частном пансионе Харьковца. После окончания курса она поселилась у тетки Е. П. Мардовниной в Орле, где познакомилась с Н. С. Лесковым, братьями Яковичскими, П. В. Киреевским, а через них — с А. В. Марковичем, украинским этнографом,

политическим, сильным, осужденным вместе с Т. Г. Шевченко по делу Кирилло-Мефодиевского братства. В 1851 г. они поженились и выехали в Чернигов, затем в Киев и Немиров. Одержимость мужа фольклором заразила В., она стала изучать украинский язык, песни и быт крестьян. Итогом глубокого познания жизни и творчества украинского народа стал сборник В. «Народные рассказы» («Народні оповідання»), изданный в 1857 г. в Петербурге и сразу же поставивший ее в число прогрессивных писателей. Шевченко приветствовал появление новой «молодой силы» в украинской литературе, назвав В. «соблазнительницей жестоких», своей «дочерью», приемницей его заветов («Марку Вовчку», 1859).

В 1859 г. В. переезжает в Петербург, где становится «украшением и средоточием небольшой группы малороссов» (Шевченко, Кулиш, Костомаров, Белозерский и др.), которые видели в ее рассказах — «как и в стихах Шевченко — литературное возрождение своего края» (Тургенев И. С. — Т. XIV. — С. 227). В том же году ее рассказы были опубликованы на русском языке в журнале «Русский вестник», а затем вышли отдельной книгой — «Украинские рассказы Марка Вовчка» в переводе Тургенева. Уже самим названием сборника Тургенев подчеркнул право украинского языка и литературы на самостоятельность, что имело в ту пору большое общественно-политическое значение. Рассказы В. привлекли его внимание «названием прелестью и поэтической грацией» (Т. XV. — С. 80). В 1859 г. в Москве был издан новый сборник В. «Рассказы из русского народного быта», написанный по-русски, в котором она показала общность исторической судьбы русского и украинского народов, страдающих под игом рабства.

Идейное единство связывает рассказы В. с повестью «Институтка» (1860), переведенной Тургеневым. Повесть В. привела его в «совершенный восторг» самобытностью, «свежестью и силой» (Тургенев И. С. Письма. — Т. III. — С. 273). В мае 1859 г. В. вместе с Тургеневым выезжает в Германию для лечения, а главное — для самообразования и знакомства с европейской общественно-литературной жизнью. Тургенев помог ей установить контакты с А. И. Герценом, который назвал «Украинские рассказы» «бесподобной вещью», предсказав автору «славное место» в литературе (Соч. — Т. XXVI. — С. 278, 290). Герцен и Н. П. Огарев нашли в лице В. преданную помощницу в сборе материала и распространении «Колокола». Кроме Германии, В. побывала в Швейцарии, Англии, Италии, а с 1860 по 1867 г. жила в Париже, где при посредстве Тургенева познакомилась с Л. Н. Толстым, Ж. Санд, Ж. Верном, Ж. Этцелем (П. Ж. Сталь), П. Виардо и др. За границей В. постоянно общалась также с кругом польских эмигрантов, готовивших восстание. В 1861 г. в Неаполе она знакомится с Н. А. Добролюбовым, который от-

крыл ей «глаза тамное и многих». Все это неизмеримо расширило кругозор В. в понимании общеевропейских социально-культурных проблем. В «Письмах из Парижа» («Листи з Парижа») она рассказывала о разительных контрастах буржуазной Франции. Но в центре ее внимания была родина. В внимательно следила за политической борьбой в России, изучала историю Украины. Выполняя приказ Шевченко, она пишет на основе народных легенд и баллад сказки «Кармелюк», «Невольница», «Девять братьев и десятая сестрица Галя», где рисует в героико-романтическом плане образы народных мстителей. В 1862 г. выходит второй том «Народных рассказов». За рубежом В. пишет также произведения на русском языке: «Лихой человек» (1861), «Червоный король» (1860), «Тюлевая баба» (1861), «Глухой городок» (1862) и др. Вернувшись в 1867 г. домой, она активно сотрудничает с Н. А. Некрасовым, М. Е. Салтыковым-Щедриным, по их поручению налаживает конспиративную связь с П. Л. Лавровым, находившимся в эмиграции. В журнале «Отечественные записки» печатаются ее повести и романы: «Живая душа» (1868), «Записки причетника» (1869—1870), «Теплое гнездышко» (1873), «В глуши» (1875). В. ведет иностранный отдел журнала. Совместно с Писаревым переводит «Жизнь животных» Брема, «Происхождение человека» Ч. Дарвина. В. и Писарева связывали узы любви и единомыслия. Она была гражданской женой Писарева, преждевременная гибель которого (в 1868 г.) стала для нее подлинной трагедией, о чем свидетельствует посвященное ей стихотворение Некрасова «Не рыдай так безумно над ним». В 1871—1872 гг. В. редактирует журнал «Переводы лучших иностранных писателей», где публикует переводы из В. Гюго, Ж. Верна, Андерсена, Б. Пруса. В 1878 г. она оставляет Петербург и, следуя по местам службы последнего мужа М. Д. Лобача-Жученко, живет в Ставрополе, Богуславе, Новороссийске, в конце жизни — на хуторе Долинском, под Нальчиком. В 90 гг. ею написаны на русском языке — «Удельные нравы», «Отдых в деревне», «Встреча», «Вориска» и на украинском — «Чертова напасть», «Гайдамаки» и др. До конца В. сохраняла творческую и общественную активность. Революция 1905 г. вызвала у нее горячий отклик, она пыталась помочь детям убитых, заключенных. Все творчество ее — свидетельство неразрывной связи двух братских литератур и народов.

Наиболее значительными произведениями В. являются «Украинские рассказы» и «Рассказы из народного русского быта», проникнутые живым сочувствием к народу и ненавистью к крепостникам-помещикам. Горькая женская доля — главная тема рассказов «Одарка», «Сестра», «Горпина», «Казачка», «Молоденькую, счастливую» Одарку насильно увозят в барский дом. Обесчещенная паном, она не выносит диких над-

ругательств и умирает. Трагична судьба Горпины, измученной непосильной работой и доведенной до сумасшествия после смерти единственного сына. Барщина, отнимающая силы и молодость, губит Олесю, вольную казачку, вышедшую замуж за крепостного. Оригинальна стилизованная манера В., выдержанная в форме «сказа» от лица крестьянки, что придает рассказам наивную прелесть, трогательность. Антикрепостническим пафосом, поэтизацией образов крестьян и лиризмом «Украинские рассказы» В. типологически родственны «Запискам охотника» Тургенева. В «Рассказах из народного русского быта» отразились уже новые настроения крестьян накануне реформы: бунтарство и могучая воля к свободе. Первый сборник писательницы Добролюбов ценил за обличение «злоупотреблений помещичьей властью». В новом сборнике он видел отражение «великих сил, тающихся в народе, и разные способы их проявления» (Т. VI.—С. 222). Духом протеста отмечены рассказы «Маша», «Катерина», «Игрушечка». Гордая свободолюбивая Маша с детства возненавидела неволю. Никакие угрозы барыни не могли принудить ее к рабскому труду: она нарочно ранит себя серпом, чтобы избежать барщины. Но, когда ей удалось откупиться, дело закипело у нее, она «словно с живой воды вышла». В ее характере, по словам Добролюбова, схвачена коренная черта народа, жаждущего «светлого праздника освобождения» (Т. VI.—С. 240). Ищет свободного простора для своей души Катерина, мечтающая всех сделать счастливыми. Глубоким достоинством обладает Груша, которую оторгли от родного дома по капризу барышни и превратили в забаву. В гоголевских традициях изображает В. развращающую праздность господ. Барин, подобно Манилову, скучая от безделья, год целый день завязывать «шейный платочек... голубиным крылышком» или вбивать гвоздики. За верное изображение никчемности «мертвых душ» — помещиков Добролюбов отнес «Игрушечку» к лучшим страницам В. Важное место в антикрепостнической прозе В. занимает повесть «Институтка», посвященная Шевченко и наиболее близкая к его творчеству. С сарказмом рисует В. образованную, жестокою барыню, которая «всем работу тяжкую, всем горькорько придумала». Но изощренный деспотизм ее уже не устрашает крепостных: или освободиться, или пропасть — так решают они свою судьбу.

Сознательная антикрепостническая направленность, гуманизм произведений В. произвели большое впечатление на передовых читателей. Либеральная критика яростно отвергала реализм и гражданский пафос ее рассказов. А. В. Дружинин увидел в них «мерзостно-отвратительные эпизоды», вызывающие «чувство отвращения» (Библиотека для чтения.— 1859.— № 11.— С. 8—9). В защиту В. активно выступили революционеры-демократы. А. И. Герцен резко осу-

дил «безобразную выходку»: Дружинина, утверждая жизненную правду, нравственно-гуманистическое содержание и поэтическую свежесть рассказов В. Автор, по его словам, не скрывает своей симпатии к крестьянским персонажам: он почувствовал в них сердцем «заморенную силу, близкую, понятную, кровную нам», поэтому его рассказы «не наполняют душу одним безвыходным поедающим горем» (Соч.— Т. XIV.—С. 270—271). Добролюбов также глубоко импонировала революционно-демократическая позиция В., «почти первого и весьма искусного борца» против остатков крепостничества в общественной жизни России конца 50 гг. (Соч.— Т. VI.—С. 223). В противовес Дружинину он оценивал рассказы В. в перспективе революционного движения. Ему важно было накануне реформы привлечь внимание к «внешнему положению и внутренним свойствам народа, готового <...> вступить в новый период» своего развития и «защитить его полное право на участие» в «гражданской жизни» (Соч.— Т. VI.—С. 287, 288). Исходя из этого, критик считал необязательным анализ «абсолютно-эстетических достоинств» «Рассказов», хотя по ходу дела неоднократно указывал на недостаточную художественную их полноту (Соч.— Т. VI.—С. 286). Полемизируя с Добролюбовым, Достоевский писал, что никакие благородные соображения не могут оправдать художественное несовершенство произведения. Рассказы В. вопреки их «хорошему направлению» и «превосходным побуждениям» автора не достигают, по его убеждению, своей цели, т. к. в них действительность часто идеализирована, представлена неправдоподобно (Соч.— Т. XVIII.—С. 81, 85). Он усомнился в литературном таланте В. и подверг особенно резкой критике рассказ «Маша» за искусственность, манерность, психологическую неопределенность (Соч.— Т. XVIII.—С. 90). Мера художественности произведений В., разумеется, не отвечала высоким эстетическим критериям Достоевского, но свою функцию они выполнили. Чернышевский активно поддержал позицию Добролюбова, выражавшую революционную программу «Современника». Более того, в 1863 г. он писал из Петропавловской крепости: «...остаются люди, гораздо сильнее меня талантом. Из них я не считаю неудобным назвать Марка Вовчка. Это талант сильный, прекрасный...» (Соч.— Т. XII.—С. 683). Оценка Писаревым рассказов В. совпала в основных моментах с добролюбовской: его привлекали в них гуманизм, правдивость, поэтичность. Повести и романы В. 60—70 гг. развивались в русле демократической беллетристики, перекликаясь с произведениями Чернышевского, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Слепцова и др. В них сатирически изображался быт помещного дворянства («Тюлевая баба»), грабительский характер реформы, хищничество чиновников, трусость либералов («Глухой городок», «В глуши»)

и ставилась проблема «новых людей», эмансипации женщин («Живая душа»). Отмеченные печатно идеализации, описательства, они утратили теперь художественное значение, но вполне отвечали духу своего времени. Недаром Чернышевский, будучи в ссылке, перечитывал «Живую душу» десятки раз и по-прежнему называл В. «талантливейшим» беллетристом «последнегоголевской» эпохи (Соч.— Г. XV.— С. 831). Самый значительный роман В.— «Записки причетника», где беспощадно обличаются праздность, цинизм духовенства, обирающего народ. В изображении отца Еремея, Вертоградова, Мардария Глазотсеченского, для которых нет никаких законов, В. поднимается до уровня сатиры Салтыкова-Щедрина, высоко оценившего ее роман.

В. внесла свой вклад в историю русской литературы и оказала заметное влияние на реалистическую прозу Украины. Ей многим обязаны И. Франко, М. Коцюбинский, Л. Украинка и др. Произведения ее переведены на славянские и другие европейские языки. Имя В., по словам Франко, стоит «в ряду борцов за свободу и человеческие права угнетенных народных масс».

Соч.: Соч.: В 7 т.— Сарагов, 1896—1899; Соч. / Вступ. ст. А. Белешко.— М., 1957; Письма М. А. Маркович (Марка Вовчка). 1859—1864 / Ст. и коммент. Н. Е. Крутиковой // Лит. наследство.— М., 1964.— Т. 73.— Кн. 2.— С. 247—302; Избранно: Рассказы. Повести. Сказки / Вступ. ст. С. Машинского.— М., 1976; Тюлевая баба: Рассказы. Повести. Сказки.— М., 1984; Народные рассказы / Вступ. ст. Б. Б. Лобач-Жученко.— М., 1985; Записки причетника: Роман.— Киев, 1985.

Лит.: Дружинин А. В. Об «Украинских народных рассказах» в переводе И. С. Тургеня // Библиотека для чтения.— 1859.— № 11.— С. 1—14; Гершен А. И. «Библиотека» — дочь Сенковского // Собр. соч.— М., 1958.— Т. XIV.— С. 266—271; Там же.— Т. XXVI.— С. 278, 290; Добролюбов Н. А. Черты для характеристики русского простонародья // Собр. соч.— М.: Л., 1963.— Т. 6.— С. 221—228; Достоевский Ф. М. Г-н — бив в вопрос об искусстве // Полн. собр. соч.— М., 1978.— Т. XVIII.— С. 70—103; Писарев Д. И. Народные украинские рассказы // Полн. собр. соч.— Спб., 1909.— Т. 1.— С. 70—74; Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.— М., 1949.— Т. XII.— С. 683; Там же.— Т. XV.— С. 807, 831; Франко И. Я. Избр. соч.— М., 1951.— Т. 5.— С. 172—175; Салтыков-Щедрин М. Е. Сказки Марко Вовчка // Собр. соч.— М., 1966.— Т. 5.— С. 422—424; Тургенев И. С. Воспоминания о Шевченко // Полн. собр. соч.— М.: Л., 1967.— Т. 14.— С. 227—228; Там же.— Т. 15.— С. 80; Там же. Письма.— Т. 3.— С. 273; Засенко А. Е. Марко Вовчок.— М., 1958; Брандис Е. П. Сила молодая: Повесть о писательнице М. Вовчок.— Л., 1972. М. М. Кедрова

ВОЙКОВ, Александр Федорович [30.VIII (10.IX), 1779, Москва — 16 (28). VI. 1839, Петербург] — поэт, переводчик, журналист. Родился в дворянской семье. Учился в Благородном пансионе при Московском университете (1791—1796). Имя его как одного из лучших воспитанников было записано на золотой доске пансиона. В 1796—1801 гг. находился на военной службе в конной гвардии, начал печататься в популярных изданиях.

Возвратившись в Москву в 1801 г., он активно включается в литературную жизнь. Его дом стал местом постоянных собраний «Дру-

жеского литературного общества», куда входили В. А. Жуковский, Андрей и Александр Тургеневы, А. Ф. Мерзляков, Андрей и Михаил Кайсаровы, Семен Родзянко. В те годы взгляды В. отличались крайним радикализмом. Он проповедовал популярные в обществе, особенно среди военной молодежи, тираноборческие идеи, в литературных спорах вместе с Тургеневым «громил» нейтральные позиции Жуковского и писателей-карамзинистов, выступая за гражданское содержание поэзии. Вращаясь в кругу московских литераторов, В. приобретает известность, завязывает знакомства и связи, на которые будет опираться всю жизнь. Его биограф Е. Я. Колбасин пишет: «Маленький ростом, живой и остроумный, с отличным образованием и хорошим состоянием, В. еще до литературной своей известности был замечен в числе лучшего, отборнейшего московского общества» (Колбасин Е. Я. Литературные деятели прежнего времени.— Спб., 1859.— С. 251). Но пишет он в эти годы немного. Известны его сатиры «К С<перанскому> об истинном благородстве» и «К моему старосте», появившиеся в печати в 1806 и 1807 гг.

В 1812—1813 гг. находился в ополчении. Там В. прикнул к литературному кружку, сложившемуся вокруг походной армейской типографии при штабе Кутузова, во главе которой стоял А. Кайсаров. В 1812 г., воодушевленный победой России, В. опубликовал стихотворение «К отечеству» и «Князю Голицыну-Кутузову Смоленскому».

Чрезвычайно важным обстоятельством в жизни В. стала его женитьба в 1814 г. на младшей из сестер Протасовых, воспитой Жуковским в балладе «Светлана».— Александре Андреевне. Этот брак укрепил связи В. с Жуковским и его окружением, а тем самым и положение в обществе.

В 1815 г. В. с семьей переезжает в Дерпт (Тарту), где по рекомендации Жуковского в 1814 г. он получил место профессора русского языка и словесности в университете. В эти годы благодаря дружеским связям он сближается с кругом писателей-карамзинистов, участвует в «Арзамасе», а также занимается переводческой и издательской деятельностью. Из переводов В. наиболее известны: «Век Лудовика XIV и Лудовика XV» Вольтера (1809), поэма «Сады, или Искусство украшать сельские виды» Ж. Делля (1816), поэма Вергилия «Георгики» (1817). Одобрения современников заслужила издательская деятельность В. В 1815—1817 г. вместе с Александром Тургеневым и Жуковским он подготовил к печати «Собрание образцовых русских сочинений» в 12 частях, в 1822—1824 гг. переиздал его. Позже, живя в Петербурге, В. подготовил еще два аналогичных сборника. Профессорская карьера В. не сложилась. Он был отставлен от должности из-за постоянных конфликтов с коллегами и административной.

В 1820 г., опираясь на поддержку своих «знаменитых друзей», перебирается в Петербург, получив место инспектора артиллерийского училища. В том же году он был избран в члены Российской Академии. В Петербурге В. становится профессиональным журналистом. Его деятельность в этот период была теснейшим образом связана с историей салона его жены, снискавшей любовь и уважение в литературных кругах Петербурга. Положение мужа «замечательной женщины» не раз помогало В. выпутываться из крайне затруднительных положений, в которые он часто попадал из-за крайне тяжелого характера.

Живя в столице, В. участвовал в издании нескольких журналов и газет. В 1820 г. по рекомендации Жуковского он вошел в редакцию журнала «Сын отечества» и стал его создателем. Но, рассорившись с Н. И. Гречем, он вынужден был в начале 1821 г. уйти из журнала. С 1822 по 1828 г. был редактором газеты «Русский инвалид», с 1822 по 1826 г. издавал в качестве приложения к нему «Новости литературы», в 1827—1830 гг. — журнал «Славянин», в 1831—1836 (1839) — «Литературные прибавления» к «Русскому инвалиду». В журналистике В. был известен как опытный полемист, прославившийся своими фельетонами в 30 гг. под названием «Хамелеонистика». Хотя издания В. никогда не играли в литературной жизни значительной роли, он поддерживал журналиальные отношения с большинством видных писателей того времени (Пушкиным, Жуковским, Вяземским, Дельвигом, Рылеевым и др.). Позволяя себе выпады против высокопоставленных особ, В. часто имел неприятности с цензурой, и в то же время его делачество, бесцеремонность по отношению к коллегам создали ему нелестную репутацию.

Но не литературные труды и журналистская деятельность принесли В. настоящую известность, а ходившие в списках сатирические памфлеты «Дом сумасшедших» (1814) и «Парнасский адрес-календарь» (1818—1820). Особой популярностью пользовался «Дом сумасшедших», который представлял собой серию портретов-карикатур на известных писателей и общественных деятелей. Не предназначенное для печати, стихотворение отличалось резкостью языка и язвительностью характеристик, ярко раскрывавших скрытые мотивы поведения выведенных лиц. В дальнейшем В. много раз обращался к производству, дорабатывал его, вводил новые фрагменты. В печати стихотворение появилось лишь в 1874 г., т. е. почти через 20 лет после смерти автора.

В последние годы жизни В. преследуют неудачи, материальные трудности, т. к. после смерти жены в 1828 г. он лишился поддержки друзей своей молодости. В. пытался писать, готовил к печати свои сочинения, но они так и не были изданы.

Соч.: Дом сумасшедших // Сатира А. Ф. Воейкова 1814—1839. — Сб., 1874; Дом сумасшедших / Вступ. ст. и историко-литературный коммент. И. Розанова, И. Н. Сидорова. — М., 1911; Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. / Вступ. ст. и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер. — Л., 1959. — С. 295—320; Поэты начала XIX века / Вступ. ст. Ю. Лотмана. — Л., 1961. — С. 375—416; Поэты 1790—1810 годов / Вступ. ст. и сост. Ю. М. Лотмана; Коммент. Ю. М. Лотмана и М. Г. Альшуллера. — Л., 1971.

Лит.: Колбасин Е. Я. Литературные деятели прежнего времени. — Сб., 1859. — С. 234—291; Веселовский А. П. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения. — Пг., 1904. — С. 137—219; Мордовченко П. И. Русская критика первой четверти XIX века. — М.; Л., 1959. — С. 159—164; Очерки по истории русской журналистики и критики. — Л., 1950. — Т. I. — С. 243—244; Лотман Ю. М. Сатира Воейкова «Дом сумасшедших» // Уч. зап. Тартуского государственного ун-та. — Тарту, 1973. — Вып. 306. — С. 3—45; Лотман Ю. М. «Салон» Дельяна в переводе Воейкова и их место в русской литературе // Дельяна Ж. Салон. — Л., 1967. — С. 191—209. Т. В. Савченко

ВОЛОШИН (настоящая фамилия — *Кириенко-Волошин*), Максимилиан Александрович [16(28).V.1877, Киев — 11.VIII.1932, Коктебель] — поэт, критик, переводчик, художник. Воспитывала В. мать, Елена Оттобальдовна (урожденная Глазер, 1850—1923); отец умер в 1881 г. Начав учиться в Москве, В. заканчивает феодосийскую гимназию. С 1890 г. пишет стихи, переводит Г. Гейне. В 1897 г. поступает на юридический факультет Московского университета, но в 1900 г. за участие в студенческих волнениях исключается. В эти годы решает целиком посвятить себя литературе и искусству. В 1901 г. отправляется с целью самообразования в Париж. Слушает лекции в Сорбонне, в Лувре, усиленно занимается в библиотеках. Путешествует по Испании, Италии, едет на Балеарские острова (где пишет стихотворения «В вагоне», «Кастаньеты», «Венеция»). Знакомство с художницей Е. С. Кругликовой и К. Д. Бальмонтом вводит В. в литературно-художественную среду. Вернувшись в январе 1903 г. в Россию, В. знакомится со многими деятелями русской культуры: А. Н. Бенуа, И. Э. Грабарем, В. Я. Брюсовым, А. А. Блоком, А. Белым и др. Альманах «Северные цветы» публикует его произведение «В вагоне», чуть позже появляются публикации поэта в альманахе «Гриф» и в журнале «Новый путь».

Летом 1903 г. В. покупает землю в поселке Коктебель близ Феодосии и строит собственный дом. Отныне поездки в Париж, в Москву, в Петербург неизменно заканчивались возвращением в Коктебель, где полученные впечатления отстаиваются и претворяются в творчество. 1905—1912 гг. В. назвал «блужданиями»: «период больших личных переживаний романтического и мистического характера» («Автобиография», 1925). Большое влияние оказала на него художница М. В. Сабашникова, отношения с которой завершились недолгим браком (1906—1907). От нее и А. Р. Минцловой пошло увлечение В. оккультизмом, приведшее его к теософии и штейернрианству. Дань этому интересу — стихи «Кровь», «Сатурн», цикл «Руанский собор», венок сонетов

„Сорога astralis» и др. В эти же годы пишутся стихотворения, посвященные Парижу: импрессионистические зарисовки города с тонкой передачей настроения («Дождь» и др.).

В качестве парижского корреспондента журнала «Весь» В. пишет статьи о современном искусстве, отчеты о парижских выставках, рецензирует новые книги. Регулярно печатается в газетах «Русь» и «Утро России», в журналах «Перевал» и «Золотое руно», в различных альманахах и сборниках. Одним из первых он поддерживает творчество молодых С. М. Городецкого, М. А. Кузмина, А. М. Ремизова, М. И. Цветаевой. В 1908 г. в Париже знакомится с А. Н. Толстым. Оба писателя входят в редакцию создаваемого С. К. Маковским журнала «Аполлон», причем В. первоначально был в числе ведущих сотрудников.

В 1910 г. выходит из печати книжка В. «Стихотворения. 1900—1910» (М., изд-во «Гриф»). Критика отметила ее как событие, но преобладало при этом мнение о В. как о «головном», книжном поэте. В сборнике действительно было достаточно умозрительных и эстетских стихотворений, не выходивших из руслу символизма. К тому же, следуя парнасцам, В. стремился облечь каждое в безупречную форму.

Продолжая сотрудничать в «Аполлоне», В. публикует там стихи, переводы, статьи, среди которых — о А. Н. Толстом, И. Ф. Анненском, А. С. Голубкиной, К. Ф. Богаевском, М. С. Сарьяне. Это первые серьезные разборы творчества художников слова и кисти. Своёобразие В. критика заключалось в стремлении представить каждого творца как неповторимую личность в синтезе его творческих и человеческих качеств. Свободной ассоциативностью мышления, парадоксальностью В. близок в своих статьях французским эссенстам. В то же время «лирический» подход к объекту изображения сочетается у него со строго документальными записями бесед и высказываний.

Летом 1911 г. в обиходе волошинского дома в Коктебеле появляется слово «обормотство», шуточно определявшее стиль жизни его обитателей. Корни этого явления — в прирожденной самобытности В., как в его мышлении, так и во внешнем виде. Живя в знойном Коктебеле, В. ходил босиком, носил длинную холщовую рубаху с подпояской, а буйные волосы подвязывал ремешком. Это вызывало пересуды и насмешки обывателей, на которые В. отвечал уже намеренным эпатажем. Постоянные мистификации, маскарады, несоблюдение общепринятых приличий в одежде и поведении не раз навлекали на «обормотов» нападки «нормальных дачников».

На этой же почве происходит сближение В. с художниками обществ «Бубновый валет» и «Ослиный хвост» — А. В. Лентуловым, Д. Д. Бурлюком, Н. С. Гончаровой, М. Ф. Ларионовым. Он неоднократно выступает в защиту этих художест-

венных объединений в печати, участвует в нескольких публичных диспутах «Бубнового валета». Один из них, в феврале 1913 г., был связан с нашумевшим покушением на картину И. Е. Репина «Иван Грозный и сын его Иван». В. в своих выступлениях ставил проблему ужасного в искусстве и видел в картине Репина определенный отход от реализма к натурализму. Другим побуждением критика было стремление защитить новаторов искусства от нападков на них Репина, пререкаемого авторитета в глазах «публики». Развернувшаяся в ответ яростная кампания «в защиту Репина» надолго дискредитировала В. в общественном мнении.

В годы перед войной В. издает несколько своих книг: «О Репине», сборник статей «Лики творчества», перевод книги П. де Сен-Виктора «Боги и люди», перевод рассказов Анри де Ренье «Маркиз д'Амеркёр». Увлеченно занимаясь живописью, он осваивает технику темпера, в 1914 г. делает первые наброски акварелью. В эти же годы появляется ряд стихотворений портретного цикла «Облики», венек сонетов „Lunaria“, статья «Чему учат иконы?»

В июле 1914 г., перед самым началом мировой войны, В. выезжает в Швейцарию — в Дорнах, под Базелем. Работает на строительстве «храма» Гётеанум. В учении Р. Штейнера, ставившего на место Бога обожествленного человека, В. было близко стремление раскрыть высшие духовные способности каждого. Но доктринерство и кастовость штейнерианцев его отталкивали, и уже в январе 1915 г. он уезжает в Париж. В. не поддается патристическим иллюзиям и в стихах 1915 г. с необычной для него страстностью изображает «ужас разъяренных времен». Эти стихи составили книгу „Anno mundi ardentis (год пылающего мира — лат.) 1915“, вышедшую из печати в феврале 1916 г. (М.: «Зерна»). Протест против мировой бойни был выражен В. и в цикле статей «Париж и война», печатавшихся в «Биржевых ведомостях» в 1915—1916 гг. В 1916 г. появляется его одобрительная статья о стихах молодого И. Г. Эренбурга, а позднее (в 1917 г.) — о С. Я. Парнок и О. Э. Мандельштаме.

25 марта 1916 г. В. выезжает из Парижа в Россию — через Англию и Норвегию. Вернувшись в Коктебель, пишет монографию о В. И. Сурикове, читает лекции о литературе и искусстве в Феодосии и Керчи. Январь — апрель 1917 г. поэт проводит в Москве. Февральская революция не вызывает у него «большого энтузиазма»; тем не менее он подписывает заявление об охране памятников искусства, выступает на вечерах и литературных концертах. В статье «Гильдия св. Луки» дает проект Всероссийского союза художников (Клич.— 1917.— № 1). Вернувшись в Коктебель в апреле, В. работает над составлением сборника своих избранных стихов «Иверни» и сборником переводов из Э. Верхарна. Пишет акварели, стихотворение «Подмастерье» (свое поэти-

ческое «исповедание веры»): В августе общается с М. Горьким, отдыхавшим в Коктебеле.

Октябрьскую революцию В. принял как суровую неизбежность, как неисполненное России испытание. Однако с самого начала он надеется, что из этого испытания страна выйдет более одухотворенной и сильной. «Из бездны, со дна падения, / Благословляю цветенье / Твое — все-страстной цвет!» — пишет он 15. I. 1918 г. («Из бездны»). Призывы покинуть «гибнущую родину» не имеют над ним силы. Позднее (около 1924 г.) В. напишет: «То, что мне пришлось в зрелые годы пережить русскую революцию, считаю для себя великим счастьем».

После революции В. создает цикл философских поэм «Путями Каина» (1921—1923), поэму «Россия» (1924), стихи «Дом поэта» (1927), «Владимирская богоматерь» (1929) и др. Много работает как художник, участвуя в выставках в Феодосии, Одессе, Харькове, Москве, Ленинграде. Свой дом в Коктебеле В. превратил в бесплатный приют для писателей и художников (в чем ему активно помогала с 1923 г. его вторая жена М. С. Заболоцкая), а в 1931 г. завещал его Союзу писателей. Умер В. от воспаления легких и похоронен, по его просьбе, на вершине приморского холма Кучук-Янышар.

Одной из главных черт поэтического облика В. представляется неразрывность его лирического и личностного мира, полное соответствие его стихотворных деклараций образу жизни и поведению. Виртуоз формы, ювелирно оттачивающий свои строфы, В. дал классические образцы сонета и венка сонетов. В русской поэзии он остается редким мастером лирического пейзажа и стихотворного портрета, уникальным поэтом-живописцем. Поэт-интеллектуал, В., наряду с другими символистами, способствовал подъему уровня «культурности» поэзии, смело вводил в нее научные понятия и образы, поднимался до философских обобщений. «Без поэзии Максимилиана Волошина, — писал С. С. Наровчатов, — будет неполным представление о русской поэзии начала XX века...» Еще не исследовано влияние В. на младшее поэтическое поколение, но можно уже говорить об определенном воздействии ее на Г. А. Шенгели, В. А. Рождественского, И. Л. Сельвинского, Д. Б. Кедрина.

Энциклопедическая ученость уживалась в нем с чувством юмора, доходившим до озорства, а пунктуальность в быту — с любовью к игре и фантазии. Доброта и терпимость не мешали ему быть непреклонным в отстаивании своих убеждений (так, в 1916 г. В. наотрез отказался от военной службы, прекрасно понимая грозящие ему последствия). Главным для него всегда было духовное начало; все события жизни он мерил с этической точки зрения. И. Эренбург признавал, что В. «в годы испытаний оказался умнее, зреее, да и человечнее многих своих сверстников-писателей». (Э р е н б у р г И. Люди, годы,

жизнь. — М., 1961. — С. 189). А М. Цветаева определила: «Великий, мудрый и добрый человек» (Соч. — М., 1980. — Т. 2. — С. 226).

Соч.: Иверни. — М., 1918; Демоны глухонемые. — Харьков, 1919; Стихи о террооре. — Берлин, 1923; Стихотворения. — Л., 1977; Лики творчества. — Л., 1988.

Лит.: Ланн Е. Писательская судьба М. Волошина. — М., 1927; Пейзажи Максимилиана Волошина. Альбом. — Л., 1970; Максимилиан Волошин — художник. Сб. — М., 1976; Куприянов И. Т. Судьба поэта. — Киев, 1978; Купченко В. П. Остров Коктебель. — М., 1981. В. П. Купченко

ВОЛЫНСКИЙ А., настоящее имя *Аким Львович Флексер* [21.IV(3.V).1863, Житомир — 6.VII.1926, Ленинград] — литературный и театральный критик, историк искусства, философ. Родился в семье владельца книжного магазина и страстного библиофила, учился в житомирской, а затем в 5-й Петербургской гимназии. Влечение к литературной деятельности, испытанное еще на гимназической скамье, побудило его переехать из провинции в Петербург. В старших классах, не поладив с начальством, вынужден был уйти из гимназии и экзамены на аттестат зрелости сдавал экстерном в 1882 г. В том же году поступил на юридический факультет Петербургского университета, благодаря блестящему аттестату — на казенную стипендию.

Еще будучи студентом I курса, В. начал сотрудничать в русско-еврейской прессе (журналы «Рассвет» и «Еврейское обозрение», газета «Русский еврей»), подписываясь *Ното* или *А. Ф.*, а на III курсе в журнале «Восход», где впервые стал подписываться *Волынский*.

В 1886 г., окончив курс университета, В. возглавил критический отдел журнала «Северный вестник» (основан в 1885 г.). Будучи как бы продолжением недавно закрытых (1884) «Отечественных записок», этот журнал до 1890 г. имел народническое направление, в нем принимали участие Н. К. Михайловский, В. Г. Короленко, Г. И. Успенский и др. сотрудники запрещенного журнала. После 1891 г. «Северный вестник», возглавляемый Л. Я. Гуревич, стал журналом либерального направления, пропагандирующим идеалистическую эстетику и творчество символистов. Первые статьи В. в «Северном вестнике» посвящены вопросам философским и этическим. Став редактором журнала (нач. 90 гг.), он почти полностью отдается «Литературным заметкам», которые вместе с позднейшими статьями вошли в книги «Русские критики» (1896), «Борьба за идеализм» (1900), «Царство Карамзовых» (1901).

Философские взгляды В. неоригинальны, по сути эклектичны и тесно слиты с его религиозными воззрениями. Религия представлялась В. венцом человеческих знаний, основой всякой деятельности, что позволяло А. Белому назвать его критику «религиозно-эстетической» (Б е л ы й А. Арабески. — М., 1911. — С. 275).

С этих позиций в серии статей «Литературные

заметки» он критиковал представителей материализма и реализма в русской литературе и критике, интересуясь при этом «не разрозненными литературными явлениями, а более или менее цельными картинами нескольких исторических эпох» («Русские критики». — С. 2). В. провел огромную подготовительную работу, о чем свидетельствуют и длинные списки источников, предвещающие каждую статью. Он проследил деятельность В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, Д. И. Писарева и др. критиков «в ее первоисточниках — по старым журналам и даже газетам», «отыскивая характер» критика в материалах, «рисующих его жизнь, его влечения, его страдания, изучая общественное мнение... как оно сказалося в наиболее выдающихся статьях, принадлежащих известным русским писателям» (Там же. — С. 2, 136).

Вокруг статей завязалась ожесточенная полемика, первоначально главным образом с Н. К. Михайловским, обвинившим В. в злобных нападках на народничество. Охваченный полемическим жаром В. предпринял пересмотр литературной деятельности известнейших критиков. В итоговой книге «Русские критики», собранные материалы полны в характерной для В. эмоциональной, захватывающей читателя манере. Но В. хотелось «не рассказывать, а судить»: собрав материалы, «затем разобраться самому» в сочинениях критиков (Там же. — С. 2, 136). Подойдя к литературно-критической деятельности со странной меркой знания или незнания философии, он обвинил многих прогрессивных критиков в отсутствии самобытного философского таланта и усмотрел в их работах лишь «грубый примитивный материализм». Ему В. противопоставил положения идеалистической философской критики. Он требовал, чтобы критика отказалась от «партийной тенденциозности», от служения «гражданской борьбе» и ограничила свои задачи стремлением «осмыслить для публики глубокую тайну эстетической красоты» (Там же. — С. 813—819, 824—825). В. боролся против публицистичности, утилитаризма и политической тенденциозности искусства, противопоставляя им творчество, одухотворенное религиозными идеалами, но при этом сам был тенденциозен и категоричен. Усугублялись недостатки книги невниманием В. к историко-литературной стороне творчества критиков, отсутствием четких критериев оценки и безмерным увлечением полемикой, особенно повредившим статьям о Белинском и Добролюбова.

Идейные позиции и стиль В. подверг уничтожающей критике Г. В. Плеханов. В статье «Судьбы русской критики» (1897) он высмеял бессодержательность и неясность теоретических рассуждений В., назвав его идеалистический либерализм «фразерством самого дурного тона» (Плеханов в Г. В. Собр. соч. — Т. X. — С. 176). В одной из ранних статей В. И. Ленин проанализировал и расставил акценты в полемике В. с Ми-

хайловским (Ленин в В. И. Полн. собр. соч. — Т. 2. — С. 544).

После бурных дискуссий, вызванных «Русскими критиками», с В. мало полемизировали, с годами упрочивалась изолированность критика в литературных кругах. Даже к наиболее близким ему критикам символистского лагеря В. уже нельзя было отнести, потому что его критическая деятельность во многом расходилась с литературной практикой символизма. Идеализм и символизм были для него «по своему содержанию выражениями равно значащими, ибо и тот, и другой, один в теоретических построениях, другой в искусстве, показывают взаимное проникновение двух миров — видимого и невидимого» (Борьба за идеализм. — Спб., 1900. — С. 482).

В полемике с Д. С. Мережковским об «идеальном искусстве, которое грядет на смену утилитарному, пошлому реализму», В. указывает на целый «ряд ошибок» в его рассуждениях. «Более странное определение мы нигде не встречали... — пишет В. — Идеализм, низведенный на степень патристического восторга перед русским народом, символизм, отождествленный с учением о художественных типах, мистицизм, истолкованный в смысле невежественного суеверия» («Русские критики». — С. 770, 769, 772). Но после справедливой критики положений Мережковского В. дал свои определения, страдающие еще большей неопределенностью.

В «Русских критиках» содержится и оценка В. гоголевских «Выбранных мест...» как «откровенной, честной исповеди», «одной из лучших русских книг, несмотря на все ее частные ошибки» (Там же. — С. 783). Мнение это во многом предвосхищало дальнейшие оценки книги символистской критикой. И все же В. не понял и не принял художественные задачи, стоящие перед «новым искусством», что во многом определило его отношение к представителям русского символизма 90 гг. как к декадентам. Современная ему символистская литература не отвечала требованиям критика, главными из которых были воплощение в произведении высоких идеалов, психологичность и лиричность. Давший в «Северном вестнике» первый приют модернистам (З. Н. Гиппиус, Н. М. Минскому, К. Д. Бальмонту, Ф. К. Сологубу), почти совсем еще не встречавшим сочувствия, В. не обольщался их художественными достижениями: «...всегда охотно печатал декадентов и не менее охотно брал их. Всякий талант может и должен защищаться, но критика должна быть свободной» («Памяти А. Л. Волынского». — С. 22). В конце 90 гг. критик обрушился на символистов, как ранее обрушивался на «старые течения». В резких, а порой и оскорбительных формах он отказал всем модернистам в способности создавать истинно символические, в его понимании, произведения, что стало причиной ухода из журнала З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Ф. К. Сологуба.

Как литературный критик В. выступал не более 10 лет, главным образом в 90 гг. За публикацией «Русских критиков» последовали разгромные статьи Михайловского о В., в которых он писал, что «давно уже отказался от удовольствия читать его [В.] произведения» и читателям своим рекомендовал одно, «но уже радикальное средство: не читать» (Михайловский Н. К. Полн. собр. соч.— Т. X.— С. 641, 644). После этого публики и критики перестает интересоваться дальнейшей деятельностью ожесточенного полемиста. В 1898 г. «Северный вестник» прекращает свое существование «по недостатку подписчиков». В негде печатать свои статьи, двери всех редакций для него закрыты. С ним не полемизируют, его большей частью просто замечивают, а со временем (последние 10—15 лет) враждебное отношение сменяется равнодушным.

Мало печатаясь с 1899 г., В. часто выступает с лекциями, имевшими шумный, порой скандальный успех. Билеты на его выступления раскупались в один день, мест для желающих послушать (в огромном большинстве — студентов) не хватало. Невозможно обойти вниманием эту грандиозную В., о его красноречии была напечатана большая статья в «Биржевых ведомостях» («Памяти А. Л. Волынского».— С. 56). «Просто расквашивать он был не в состоянии, ни мог лишь держать речь, ему было доступно лишь ораторство».— вспоминал К. Федин (Федин К. Собр. соч.— Т. 9.— С. 126). На нескольких шумевших лекциях в Москве и Риге (1901), преклонившись только перед «гениальным безумцем» Ф. М. Достоевским, В. подверг ожесточенной критике литературную деятельность старых журнальных врагов своих и недавних союзников и сотрудников. Выступления эти при всех своих недостатках, по свидетельству современника, «волновали умы, вносили бурю и страсть в сонную атмосферу» (Корольцкий М. С. А. Волынский.— Л., 1928.— С. 22). В языке и стиле В. критики отмечали, а часто и высмеивали невразумительность, театральные пафос и др. недостатки. В то же время, по мнению современников, слушать его можно было часами с неизмеримым наслаждением. А. А. Блок писал об одной из речей В. как о «страстном и блестящем докладе», «основанном на глубоком интересе к вопросу» (Блок А. Собр. соч.— Т. 6.— С. 144—149). Блестящий собеседник, вдохновенный и темпераментный оратор, В. даже идейных противников поражал своей убежденностью и искренностью.

Наиболее ценное в наследии критика — разбор произведений Достоевского, пережившего на рубеже веков свое второе рождение. Андрей Белый писал о В.: «Он одним из первых поставил нас лицом к лицу с Достоевским» (Белый А. А. Волынский. «Достоевский» // Золотое руно.— 1906.— № 2.— С. 128). Достоевский был непревзойденным авторитетом для В., его интерпретация творчества писателя — одна из самых ранних и

символистской критике. Материалом для статей критика послужили главным образом романы «Идиот», «Братья Карамазовы», «Бесы» и «Преступление и наказание». Подойдя к творчеству Достоевского с идеалистических позиций, В. увидел в романах много «незримого очами», объяснял источники и движущие силы конфликтов не природными и социальными условиями и закономерностями, а отпадением героев от бога, противопоставлением в них «богофильства и богофобства» (Волынский А. Достоевский.— С. 28), личного, «демонского» и божественного, духовного начал. Как и др. символисты, В. схематизировал творчество Достоевского и переставил акценты в соответствии со своими взглядами. Статьи В. о Достоевском нельзя оценить однозначно, однако одним из их безусловных достоинств является выявление и анализ символики романов. Так, при анализе романа «Идиот» в центре внимания критика символика портрета героев: Настасьи Филипповны с ее двойственной, трагической красотой; князя Мышкина, «черты лица которого отражали его светлую природу», а «физическая оболочка являлась как бы тюрьмой для его души» (Там же.— С. 32—36); Рогожина, точнее его дома, в кратком описании которого «даже сжатая характеристика всей природы Рогожина» (Там же.— С. 46). Страстное, эмоциональное отношение критика, сам слог его статей находятся в удивительном соответствии с поэтикой Достоевского и создают атмосферу неизмеримо большей смысловой перспектив, чем прокрустово ложе лежащей в основе статей однообразной схемы. А. Белый писал, что статья В. «Трагедия красоты» одновременно и «анализ героев «Идиота» и поэма» (Белый А. А. Волынский. «Достоевский».— С. 129).

В нач. 900 гг. главной сферой деятельности В. становится история искусства, волновавшая его еще со времен «Северного вестника» (в 1896 г. в поездке по Италии с супругами Д. С. Мережковским и З. Н. Гиппиус зародился интерес В. к биографии и творчеству Леонардо да Винчи). В центре внимания его работ по изобразительному искусству была классика, в особенности великие мастера эпохи Возрождения: Микеланджело, Рафаэль, Рембрандт. За фундаментальный труд «Леонардо да Винчи» (1900) В. удостоился звания почетного гражданина Милана. Книга написана в полубеллетристической манере, основана на огромном и тщательно изученном материале, изобилует интересными и меткими наблюдениями. Тем не менее даже близкие к В. критики упрекали его в крайнем субъективизме и пренебрежении к историчности. Живя на гроши, В. совершает (частью пешком) многочисленные обширные путешествия с научными целями.

Во второй половине 900 гг. В. переходит к новой сфере интересов — балету. 15 лет отдал он изучению этого искусства. Знакомый с античным театром, В. был ревнителем чисто классических

традиций и значительно поднял в России интерес к балету, особенно работая заведующим балетным отделом «Биржевых ведомостей». Балет стал его страстью, и В. писал о нем «гимны», соединяющие, по словам К. Федина, «лабораторный анализ с богослужением» (Федин К.— С. 128). А его руководство по классическому танцу «Книга его рукований» (1925) стало одним из первых в Европе учебных пособий, соединивших научность и систематичность изложения с увлекательностью и доступностью. Но В. не удовлетворился книгами и бесчисленными статьями о балете в журнале «Жизнь искусства» и учредил школу классического балета, обеспечив ее воспитанницам самый широкий диапазон смежных наук. В. отдавал последние гроши любимой школе, а сам жил в пустой комнате с железной кроватью, на хлебе и чае и не мог себе представить иной жизни.

После революции, которую В. приветствовал как порядок, «твердый, как скала» (Королицкий М. С. А. Волынский.— С. 14), критик был приглашен в редакционную коллегию основанного Горьким издательства «Всемирная литература» и работал там председателем до 1926 г. В 1920 г. В. был избран председателем правления Петроградского отделения Всероссийского союза писателей. Многосторонне образованный и неутомимо жаждущий знаний, необыкновенно трудолюбивый и до аскетизма преданный делу, имевший пылких сторонников и наживший множество врагов, В. умер в тиши затворничества.

Соч.: Русские критики. Литературные очерки.— Спб., 1896; Книга великого гнева.— Спб., 1904; Ф. М. Достоевский.— Пб., 1909.
Лит.: Молоствов Н. Г. Борьба за идеализм.— Спб., 1903; Венгеров С. А. А. Волынский // Русская литература XX в. / Под ред. С. А. Венгерова.— М., 1915.— Т. II.— Вып. 5.— С. 121—134; Плеханов Г. В. Судьбы русской критики // Собр. соч.— М.; Л., 1925.— Т. X.— С. 165—197; Памяти А. Л. Волынского.— Л., 1928; Федин К. Горький среди нас // Собр. соч.— М., 1962.— Т. 9.— С. 249—256, 258—261; Куприяновский П. В. А. Волынский — критик // Творчество писателя и литературный процесс.— Иваново, 1978; Созина Е. К. А. Волынский в русском литературном процессе 1890-х годов // Русская литература 1870—1890 гг. Проблемы характера.— Свердловск, 1983.

И. И. Скуридина

ВОЛЬНОВ, Иван Егорович, псевдоним — *Иван Вольный* [3(15).I.1885, с. Богородицкое Орловской губ.— 9.I.1931, там же] — прозаик. Родился в бедной крестьянской семье. Окончил церковно-приходскую школу и учительскую семинарию в Курске, преподавал в сельских школах. С 1903 г.— член партии эсеров (их идеологию подверг позднее резкой критике в повести «Встреча», 1927). Активно занимался революционной деятельностью, участвовал в террористических акциях. В 1906—1910 гг. неоднократно сидел в Орловской тюрьме, известной своей жестокостью. «Этот период... самый страшный в моей жизни по тем ужасам, что пришлось мне наблюдать» (Клейнборг Л. М. Очерки народной литературы.— С. 148). За покушение на жизнь царского чинов-

ника был сослан в Сибирь, откуда в 1910 г. бежал за границу. Жил в Италии, побывал в Англии, Франции, Швейцарии. Часто приезжал на о. Капри к М. Горькому. Близко сошелся с гостившими у Горького писателями, художниками. Большое влияние на него оказали И. А. Бунин, Л. Андреев, особенно Горький. После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. вернулся в Россию. Активно включился в общественную деятельность, хотя ему было трудно разобраться в сложной политической обстановке.

В голодный 1918 г. по поручению М. Горького поехал в Сибирь за хлебом и привез в Москву целый железнодорожный состав. В 1919 г. вернулся в свое село, где его арестовали местные власти за эсеровское прошлое. По просьбе Горького В. И. Ленин вмешался в «дело» В. и его освободили. При аресте пропали многочисленные рукописи, в том числе и роман «Северные огни», хроника «Огонь и воды», несколько рассказов. В 1919—1920 гг. В. в составе санитарного отряда едет в Поволжье для борьбы с тифом. В 1921 г. окончательно возвращается в с. Богородицкое. Принимает активное участие в жизни села. Организует сельскохозяйственную артель, которая позднее становится колхозом, а В. его председателем.

Писать начал с 10 лет. Выступал со стихами. «Стихи давались поразительно легко. В деревне их пели» (Клейнборг Л. М. Очерки народной литературы.— С. 148). Первое произведение В.— лирические стихи в прозе «Три грезы», напечатанные в журнале «Современник» (1911). Основная идея стихов перекликалась с горьковским призывом к борьбе: «Дерзко бросайте вызов насилью и груду своей пробивайте свой путь». Эти слова становятся как бы литературным манифестом В. Следующие его произведения — очерковые корреспонденции о положении заключенных в Орловской тюрьме: «Орловская каторжная тюрьма», «В Орловской губернской тюрьме (Из воспоминаний крестьянина)», «В деревне», «А. Л. Джапаридзе» (журнал «Современник», 1911). Очерки написаны по совету Горького, которому В. подробно рассказывал историю своей жизни. Настоящий успех приносит В. автобиографическая трилогия «Повесть о днях моей жизни»: «Детство», «Отрочество» (1912), «Юность» (1913—1914), написанная по совету и с помощью Горького. В. обозначил жанр книги как «крестьянская хроника», тем самым заявив о ее документальной основе. В «Повести...» показана судьба главного героя Вани Володимирова со дня его рождения до возмужания. Исторический диапазон хроники широк: от жизни крестьян в эпоху крепостничества и реформы 1861 г. до революции 1905 г.

В «Детстве» и «Отрочестве» изображена патриархальная русская деревня с ее нравами и обычаями. В. показывает, как в недрах ее зреет новый социальный слой — кулачество. При изображе-

нии деревни В. следует традиции «трезвого реализма» писателей-демократов 60 гг. (Решетников, Левитов, Н. Успенский). В то же время В. явно полемизирует с повестью И. А. Бунина «Деревня» (1909), в которой преобладает изображение теневых сторон жизни русской деревни. «Сейчас в русской литературе о деревне пишут исключительно пакости, приравнивая ее к звериному или скотскому логову... Это — ложь: деревня не такова. Она груба, жестока, в ней много хамского, подлого, звериного, но рядом с этим в ней много такого прекрасного, чистого, чего не сыщешь у помещиков, у городской буржуазии, у всех правящих классов» (письмо к Ф. М. Андрюшину, 1912 // Миночкин М. В. Иван Вольнов.— С. 25).

В то же время В. чужда народническая идеализация русской деревни. Создавая образы своих мужиков, он спорил с такими «дворянскими» писателями, как Тургенев, Григорович, Л. Н. Толстой, которые изображали, по его мнению, «мужиков мягко, осторожно...» (Горький М. Иван Вольнов // Собр. соч.— Т. 17.— С. 326). Поэтому становится понятным стремление писателя рассказывать только о том, что он лично видел, пережил. Отсюда фактографичность повествования. Однако В. не всегда может художественно справиться с материалом, поэтому в повествовании нередки натуралистические элементы, бытовизм. Сказывается он и в языке произведения.

В «Юности» показана деревня накануне и в разгар революционных событий 1905 г. В. изображает «прорыпающуюся» деревню, появление в ней «новых» людей, сознательно стремящихся к социальным преобразованиям. В. подробно исследует все плюсы и минусы крестьянского «свободо-мыслия» этого периода, правдиво раскрывая причины поражения первой русской революции. Продолжением автобиографической трилогии является незавершенная повесть «Возвращение» (1928, впервые опубл. в 1956 г.), в которой как бы заканчивается идейное мужание главного героя трилогии — Вани Володимерова, героя нового типа, революционера из крестьянской среды. Художественно убедительно показана в трилогии история «выпрямления личности» на примере русской женщины — Моти Володимеровой. Ее духовный рост, становление ее как революционерки представлены как возрождение русской деревни в новых исторических условиях. Глубокая убежденность автора в плодотворности скорых социальных перемен придает повествованию взволнованную лирическую экспрессию, создавая определенный романтический пафос произведения. Такая стилистическая окрашенность повествования была необычной в русской литературе о деревне в 10 гг.

По совету В. И. Ленина В. пишет повесть «Встреча» (1927) о разгроме эсеровского мятежа в Поволжье в 1918 г. Как и в цикле очерков «Самара», В. раскрывает сложность исторической

судьбы России и сложность нравственного выбора пути в революции. Эти произведения также автобиографичны. Повесть «Встреча» получила высокую оценку Горького: «Наша критика не обратила должного внимания на эту искреннюю и очень жуткую повесть, а она — один из наиболее ярких документов гражданской войны» (Горький М. Иван Вольнов // Полн. собр. соч.— Т. 17.— С. 329).

В последние годы жизни В. пишет о советской деревне очерки «Мужичья артель», «Новая деревня», рассказы «Батя на празднике», «Эпитафия»; продолжает работать над давним своим замыслом: описать судьбы нескольких поколений крестьянства. Было написано восемь очерков, из них опубликовано пять: «Батя», «Орел», «Молодые годы Бориса», «Круг первый», «Круг пятый». Однако весь цикл «Огонь и воды» написать не удалось.

Соч.: Собр. соч.: В 5 т.— М.: Л., 1927—1928; Собр. соч.: В 2 т.— М.: Л., 1928—1930; Избранное.— М., 1956; Письма И. Вольнова // М. Горький. Материалы и исследования.— Л., 1934.— С. 367—389; Избр. проза.— М., 1987.
Лит.: Горький М. Иван Вольнов // Горький М. Собр. соч.: В 30 т.— М., 1952.— Т. 17.— С. 315—334; Клейнберг Л. М. Очерк народной литературы.— Л., 1924.— С. 145—150; Автобиография // Писатели / Под ред. В. Лидина.— М., 1926; Вольнов Ив. Сб. ст.— М., 1928; Тоом Л. Литературные портреты.— М., 1930; Миночкин М. В. Иван Вольнов: Очерк жизни и творчества.— Тула, 1966.

Д. У. Якибова

ВОРÓВСКИЙ, Вацлав Вацлавович, литературный и партийный псевдонимы — *Важный*, *В. В.*, *П. Орловский*, *Кентавр*, *Мухомор*, *Ю. Адамович*, *Оптимист*, *Профан*, *Тарантул*, *Фавн*, *Фантазер*, *Черномор* и др. [15(27).X.1871, Москва — 10.V.1923, Лозанна; похоронен в Москве на Красной площади] — публицист, литературный критик, журналист, партийный и государственный деятель. Родился в семье польского инженера. После окончания гимназии в 1890 г. поступил на физико-математический факультет Московского университета, откуда перешел в Московское Техническое училище, из которого был исключен вследствие ареста в 1897 г. В годы учебы принимал активное участие в студенческом движении, входил в Московский «Рабочий союз». В 1899 г. последовала ссылка в Вятскую губ., где и были им сделаны первые шаги на литературном поприще: написана не дошедшая до нас статья о М. Горьком, задумана работа о Чехове. Здесь же началась деятельность его как партийного публициста: в 1901 г. в журнале «Жизнь» появилось «Письмо в редакцию, высмеивающее вождя «легальных марксистов» П. Струве. На «Письмо...» обратил внимание В. И. Ленин (см.: Полн. собр. соч.— Т. 6.— С. 175).

Первая дошедшая до нас литературно-критическая работа В.— статья о М. Горьком (Вестник Европы.— 1901.— № 11). Написанная в ответ либеральному критику Е. Ляцкому, как и мн. др.,

отождествившему мировоззрение автора и его героев-босюков; она давала подробное объяснение причин обращения писателя к этому социальному слою. В самой реальной жизни Горький не мог еще обнаружить «такой общественной силы, которая могла бы воплотить излюбленные им нравственные качества» (Воробей В. В. Эстетика. Литература. Искусство.— М., 1975.— С. 148). В написанной в это же время, но не напечатанной статье «Раскол в „темном царстве“» критик дал сравнительную характеристику пьес С. Найденова «Дети Ванюшина» и М. Горького «Мещане».

С 1902 г. В. за границей. Он агент и автор ленинской «Искры». На II съезде РСДРП принимает сторону большевиков, участвует в III и IV съездах. С 1904 г. постоянно сотрудничает в легальной и нелегальной марксистской прессе — газетах «Наша мысль», «Вестник жизни», «Зритель», «Молодая Россия», «Простые речи», «Тернии труда», «Труд», «Волна», «Новый луч», «Казарма» и др. В «Образовании» (1906.— № 4) помещает статью «Мятущиеся» и «мечущиеся», в которой развенчивает претензии идеологов либеральной буржуазии (в частности, Н. Бердяева) на наследование идей революционеров-шестидесятников. В «Правде» (1905.— № 7) в статье «Лишние люди», проанализировав произведения Надсона, Минского, Гаршина, Г. Успенского, проследил эволюцию либерально-буржуазной интеллигенции на протяжении двух десятилетий, завершившуюся появлением чеховских «лишних людей», страдающих «разладом сознания и воли», не способных «ставить себе цели» (С. 435).

Наиболее плодотворным в литературно-критической деятельности В. был т. н. «одесский период», когда он вел партийную работу на юге России и активно печатался в местных легальных и нелегальных изданиях. Только в «Одесском обозрении» им было опубликовано более 300 заметок, фельетонов, рецензий. В одном из откликов он привлек для сопоставительного анализа работу В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» (см. его отзыв на кн.: Фервортн Макс. Естественное и миросозерцание. Проблема жизни.), что дало ему возможность выступить с критикой махизма. Одновременно он регулярно публикуется в марксистских сборниках: «Вопросы тактики» (1907), «О веяниях времени» (1908), «Литературный распад» (1909), «Из истории новейшей русской литературы» (1910).

Революция и период реакции позволяют ему увидеть дальнейшую эволюцию либеральной интеллигенции, продолжавшей усиленно подчеркивать антибуржуазную направленность своих произведений и программ. В. вскрыл разницу между подлинной антибуржуазностью рабочих и анархическим настроением мелкобуржуазных интеллигентов («О „буржуазности“ модернистов», 1908; «Базаров и Санин. Два нигилизма», 1909). Итог своим размышлениям о Чехове В. подвел в статьях «А. П. Чехов» и «А. П. Чехов и русская интелли-

генция» (обе — 1910). В его творчестве критик ценит «холодную безжалостность анатома» (С. 480) в анализе действительности, но одновременно В. усматривал недостаточную глубину в освещении Чеховым «причины, смысла и тенденции» (С. 336) современной жизни, хотя, отмечал В., Чехов обладал той зоркостью исторического зрения, которая позволила ему в конце жизни стать провозвестником «надвигающегося нового» (С. 483). В Чехове он видел безжалостного отрицателя современного строя, определил его метод как «строгий реализм» (С. 481).

Критерием оценки художника для В. всегда служила степень полноты и всесторонности отражения ведущих процессов действительности. Ограниченность метода критического реализма, не справлявшегося с изображением складывающейся новой действительности, определило отношение В. к «архиреальной» «Деревне» Буннина, явившейся «своего рода исследованием о причинах памятных неудач» («Литературные наброски. Апрель 1911».— С. 344), Деревня, писал В., была представлена Бунниным «не со всех сторон» (С. 343), поэтому была дана «не вся правда», а «только частица правды» (С. 514). Выделив в творчестве Куприна жизнерадостность и силу реалистического письма («Из истории новейшего романа. Куприн», 1910), В. подчеркнул, что писатель продолжает воспевать героические усилия одиночек, не обращая внимания на примеры массового героизма. Степень «неполноты» в изображении действительности зависела, по В., от классовых пристрастий художника. В., несомненно, был слишком категоричен в своем приговоре и излишне прямолинейно судил о степени зависимости социальной и творческой психологии творца от его классового происхождения и окружения.

Неспособность «воспринимать наблюдаемое явление в формах его движения, его развития» (С. 344) отличала, на взгляд В., художников критического реализма. А под пером модернистов предстала искаженная картина мира. В этом отношении показательна критика творчества Л. Андреева, в котором В. сумел выявить и проанализировать и прогрессивные и реакционные стороны. Андрееву В. посвятил статьи «В ночь после битвы» (1908), «Правда» или «ложь» (Леонид Андреев) — «Мои записки», 1908), «Сын человеческий» (1909), главу в статье «Из истории новейшего романа». Творчество писателя он рассматривал под углом зрения социально-психологического анализа судеб русской интеллигенции нового времени. «Тьму» Андреева и «Творимую легенду» Ф. Сологуба он расценивал как факты идеологической «ликвидации» революции и консервативного настроения русской интеллигенции. В работах, посвященных Андрееву, была вскрыта связь писателя с эпохой, сделана попытка дать объяснение кричащим противоречиям его творчества. В. писал, что под влиянием реакционных

идей Андреев нарушил художественную правду искусства: «разъедающая ложь» космического пессимизма пришла в столкновение с живой правдой действительности. Критик показал, как построение уверенности и надежд со временем переродилось в среде «народолюбивой интеллигенции» в мрачный скепсис и пессимизм, что повлекло за собой отрицание гуманистических идеалов, отказ от веры в добро и разум.

В. определил некоторые черты андреевской поэтики: отказ от конкретных подробностей жизни, подстановка на место живого лица отвлеченного типа, обрывчатость и бессвязность эпизодов, нагнетание однородных черт, их гиперболизацию, которые впоследствии получили название экспрессионистской.

Но, несмотря на идейные разногласия с писателем, его художественные просчеты, критик был убежден, что даже в самые мрачные периоды своего творчества Андреев не принадлежал целиком к стану политической реакции.

Голос революционной эпохи В. расслышал в творчестве М. Горького. Он приветствовал писателя как буревестника революции, глашатая героического настроения пролетарских масс, «открытого идеолога рабочего класса» (С. 280). Исходя из идейной эволюции писателя, В. одним из первых наметил периодизацию горьковского творчества, выделив период «босаяцких» рассказов и романов «Фома Гордеев» и «Трое», когда М. Горький «идет на поиски той силы, которая могла бы способствовать устроению жизни и освобождению личности», но не находит ее «ни в среде отверженных-босаяков, ни в среде буржуазии». Во втором периоде «он бичует безвольную, жалкую, не способную на смелый порыв интеллигенцию». Третий период начинается с пьесы «Враги» и романа «Мать», когда Горький обретает «строителя жизни в рабочем классе» (С. 280—281).

Однако увидев в романтике М. Горького отражение героического, боевого настроения пролетариата и обнаружив таким образом реальную основу горьковского романтизма, В. все же был склонен думать, что писатель пошел по пути идеализации, приукрашивания действительности («Литературные наброски. Февраль 1911»), доказательством чего, по его мнению, служило творческое кредо писателя Масакаова из пьесы «Чудак». Критик считал это в общем закономерным явлением, т. к., на его взгляд, художественная идеология всегда отстает от научной и эстетическое развитие пролетарской психики задерживается по сравнению с экономическим и политическим сознанием пролетариата. Подлинное же созревание «творческой пролетарской психики» (С. 499) В. отнесил к будущему так же, как и появление «собственных идеологов в области искусства», «чисто пролетарских талантов» (С. 500). Это убеждение В. было ошибочным. Но отсюда последовала недооценка романтического начала в повести «Мать» и признание образа Нилы

нетипичным, надуманным, маловероятным («Две матери», 1911); с чем, естественно, не согласился сам М. Горький (Собр. соч.: В 30 т.— М., 1959.— Т. 29.— С. 154).

Интенсивный период литературно-критической деятельности В. был прерван арестом 1912 г. В. был выслан в Вологду. В 1915 г. ему предоставляется возможность выезда за границу. После Февральской революции В. целиком отдается партийной работе. С 1917 г. он — из ответственных партийных и государственных постов. В 1919 г. становится заведующим Госиздатом. К литературной работе обращается редко: публикует один из первых биографических очерков о Ленине (В. И. Ульянов-Ленин // Красноармеец.— 1920.— № 21—22), предисловие к книге И. Кремнева (А. Чайнова) «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» (1920). С 1921 г. В.— полпред в Италии, в 1922 г.— генеральный секретарь на Генуэзской и Лозаннской международных конференциях. Убит в Лозанне белогвардейцем Конради.

Как партийного публициста и пропагандиста марксизма В. отличала большевистская принципиальность. Ленин назвал его в числе «главных писателей большевиков» (Полн. собр. соч.— Т. 22.— С. 280). Ведущим принципом оценки литературных явлений у В. на протяжении всех лет оставалось соотнесение их с действительностью. При этом роль искусства не сводилась им к пассивному отражению жизни, критик постоянно проводил тезис о действительной, воспитательной силе искусства, вдохновляющегося идеями революционного класса. В. более чем какому-либо другому критику-марксисту удалось объединить социологическое объяснение явлений искусства и их эстетический анализ. Литературно-критическое наследие В. отличается жанровым разнообразием, стилиевой выразительностью.

Соч.: Соч.: В 3 т.— М., 1931—1933; Литературно-критические статьи.— М., 1956; Фельетоны.— М., 1960 (Литературные памятники); Эстетика. Литература. Искусство / Вступ. ст. И. С. Черноуцана; Сост. и примеч. О. В. Семеновского и И. С. Черноуцана.— М., 1975.

Лит.: Семеловский О. В. Воровский в Одессе.— Одесса, 1962; Беляков А. К. Вацлав Вацлавович Воровский.— М., 1971; Сафронова Э. П. О методологических принципах литературной критики Воровского // Актуальные вопросы истории марксистской литературной критики.— Кишинев, 1975; Евдокимова Л. И. Воровский говорит с читателями (о публицистической деятельности В. В. Воровского) // Русская речь.— 1977.— № 4; Воробченко В. И. Оружие большевистской сатиры (Сатирическая публицистика В. В. Воровского).— Кишинев, 1981; Краснопольская Н. Е. Во имя любви к человечеству.— М., 1981; Соколов А. Г., Михайлова М. В. Русская литературная критика конца XIX — начала XX века. Хрестоматия.— М., 1982. М. В. Михайлова

ВЯЗЕМСКИЙ, Петр Андреевич [12(23).VII.1792, Москва — 10(22).XI.1878, Баден-Баден; похоронен в Петербурге] — поэт и критик. Родился в родовой и богатой дворянской семье. Род князей Вяземских вел начало от легендарного Рюрика,

от потомков Мономаха. Первоначальное образование В. получил дома, а с 1805 г. обучался в петербургском иезуитском пансионе и при Педагогическом институте. В 1806 г. он возвратился в Москву и брал частные уроки у профессоров Московского университета. После смерти отца (1807) о юноше заботился его родственник, писатель и историк Н. М. Карамзин.

Служба в Межевой канцелярии, куда В. был зачислен в 1807 г. отнимала немного времени, и В. отдался светской жизни и литературным увлечениям. Он воспитывался в кругу первостепенных талантов начала XIX в., перезнакомившись едва ли не со всеми литераторами, сторонниками и последователями Карамзина, а также будущими декабристами. Поэтическая культура, сформировавшаяся В., была однородной с поэтической культурой Пушкина. В. ощущал себя наследником XVIII в., был поклонником Вольтера и других французских философов. Просветительские идеи В. впитал с детства. Его отличали любовь к просвещению, к разуму, либеральные взгляды, тяготение к полезной государственной и гражданской деятельности.

Молодой В. ориентируется на французскую «легкую» поэзию и большим стихотворным формам предпочитает малые жанры — обновленную свободолобивую оду, элегию, послание, надпись, стихотворение в альбом или на случай. Рядом с этими жанрами в его репертуаре закрепляются эпиграмма и басня. Стиль В., опирающийся на принципы школы Карамзина, еще сохраняет черты архаичности. Выработывая свою индивидуальную манеру, поэт стремится выразить присущий ему «сгиб» ума, придавая языку черты угловатости и сохраняя в стихотворениях рассудочность и поучительность, восходящие к традициям XVIII в.

Литературные симпатии В. первоначально складываются под влиянием русских сентименталистов, прежде всего Карамзина и Дмитриева. Он горячо отстаивает языковую реформу Карамзина и входит в состав «дружеской артели» (Д. Давыдов, Ал. Тургенев, Жуковский, Батюшков, В. Пушкин, Блудов), соборная которой происходила в доме В. Эта «дружеская артель» станет впоследствии ядром «Арзамаса», который пополнится и другими литераторами.

В 10 гг. В. уже разделял оппозиционные идеи передовых дворян и желал либеральных преобразований (ограничения самодержавной власти и введения твердых законов). Эти настроения углубились во время и после Отечественной войны 1812 г., всколыхнувшей его патристические и гражданские чувства. В. вступил в дворянское ополчение и участвовал в Бородинском сражении. В конце 10 гг. В. был зачислен на службу в Варшаву. Либеральная речь Александра I в польском сейме внушила молодому вольнодумцу надежды на перемены государственного устройства в России, и В. принял участие в составлении

записки царю об освобождении крестьян (1820). Однако вскоре В. был обвинен в польских симпатиях и удален со службы. Подлинной причиной были либеральные настроения молодого князя. С 1821 по 1830 г. он находился в опале, и за ним учредили секретный надзор. В это время происходит идейное и творческое мужание В. Он посвящает себя литературной и журнальной деятельности, теснее сближается с декабристами, с Пушкиным, становится ревностным поборником романтизма.

С конца 10 гг. и в начале 20 гг. оппозиционность В. принимает резкий и боевой характер, в его поэзию проникают идеи декабристов. Общественные интересы выступают в лирике В. как насыщенная и неистребимая потребность души. К этому времени относятся такие замечательные элегии, как «Негодование», «Уныние», «Первый снег», в которых сливаются гражданская и личная темы. В. возмущен общественными условиями, отторгающими человека от гражданской деятельности, он обличает социальную несправедливость и моральную ущербность тогдашнего правопорядка. Отстаивая перевес мысли над чувством, В. часто жертвовал легкостью, благозвучностью стиха и точностью выражений. В стихотворениях В. стирались жанровые и стилистические перегородки, пересекались разные стилевые тенденции — «роскошный слог», лишенный простоты, блистающий «поэтизмами», картинными метафорами и сравнениями, и одновременно «прозаический», сниженный поэтический язык, стилизованный под грубоватую и прямолинейную речь. Острая мысль облекалась в заостренную и шероховатую словесную форму и в «тяжелый, как бы влчачщийся по земле стих» (Гоголь).

От элегии «Первый снег» и других произведений тянутся нити к творчеству 1820—1830 гг. В это время В. знакомится с поэзией Байрона, восторженно встречает «южные» поэмы Пушкина, сочувственно откликается на «Думы» Рыльева. Он дружит с А. Бестужевым-Марлинским и участвует в «Полярной звезде». Поэт становится горячим пропагандистом романтизма, который созмещается у него с «красками политическими».

В. понял романтизм как идею освобождения личности от «цепсэй», как низложение «правил» в искусстве (еще в 1817 г. он приветствовал драматургию В. А. Озерова, разрушавшую классицистические каноны). В романтизме В. увидел опору своим поискам национально-исторического своеобразия. Статьи В. о пушкинских романтических поэмах («О „Кавказском пленнике“, повесть. Соч. А. Пушкина», 1822; «Вместо предисловия [К „Бахчисарайскому фонтану“]»; «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова», 1824) стали подлинным манифестом русского романтизма. Таким же важным событием в литературной жизни был и перевод (1828—1829; опубли. в 1831 г.) романа «Адольф» Б. Константа.

В романтическом мироощущении В. открыл для себя источник новых творческих импульсов, в особенности в поисках национального содержания. В. увидел поэтическую прелесть в безбрежном покое, в простой, совсем не экзотической природе, почувствовал ее дыхание. При виде скудной, неприхотливой дороги поэтом овладевает чувство раздолья и духовной силы, внешне не бросающейся, но внутренне глубокой («Еще тройка» и др.). Его влечет теперь тайная связь земного и идеального миров, он погружается в натурфилософскую проблематику. В лирику В. явственно вторгается романтическая символика: дождный колокольчик и самовар осознаются как знаки национальной культуры, тоска, хандра — как неотъемлемые свойства романтической души, переполненной предчувствиями иных миров.

В романтической лирике В. оживает его горячая, страстная натура, широкая и вольная, чуждая «сущности лютой», скучной ежедневности. В его стихотворениях уже нет той логической заданности и тех резких стилистических сбоев, какими отличались его стихотворения 10 гг. Стихотворная речь в них льется свободно. Поэт гармонизирует стих, избегает дидактики. Его размышления приобретают отчетливо философский смысл («Ты светлая звезда», «Байрон» и др.).

Общественно-политические позиции В. по-прежнему родственны декабристским. Завидливо отзываясь о самодержавном правлении, В. ратует за конституционную монархию, за просвещение народа, либерализацию общественной жизни, отмену крепостного права. Разделяя воззрения декабристов, В., однако, не разделял их революционных методов. Поэтому он не вошел в декабристские организации и не стал участником восстания. Поэт хотел воздействовать на правительство словом, убеждением. Но это не помешало В. решительно осудить репрессии против декабристов. После разгрома восстания радикализм В. не теряет своей силы («Русский бог» и др. произв.). В его творчестве крепнут сатирические ноты. Одним из важных жанров становятся стихотворные путевые очерки, дорожная хроника. В них укрепляется иная манера — неторопливое описание. Для таких стихотворений («Зимние карикатуры», напр.) типична разговорная интонация.

Своими наблюдениями путешественника В., безусловно, содействовал демократизации поэзии и, в известной мере, предварил повести в стихах, газетные и дорожные обозрения, стихотворные фельетоны и другие формы, распространенные в 50 гг. Злободневность тематики, куплетная строфа, игривость и ироническая усмешка, неприужденность речи — вот те новые черты, которые В. придал этим стихотворениям.

Порвав в конце 1820 г. с журналом Н. Полевого «Московский телеграф», В. стал в 1830 г. сотрудником «Литературной газеты» Дельвига и Пушкина, а затем и пушкинского «Современ-

ника». Вместе с Пушкиным и другими литераторами В. образует пушкинский круг писателей, которые, не смиряясь с деспотизмом, не принимают и новый, торгашеский век. Передовая журналистика приобрела в лице В. исключительно ценного автора, обладавшего хлестким и умелым пером. Журналистская хватка сказалась и в поэзии В., щедро насыщенной злободневными политическими и литературными спорами.

В 1830 г. В., обратившись к Николаю I с просьбой рассмотреть его положение, был зачислен на службу чиновником особых поручений по министерству финансов. Он переехал в Петербург и занимал разные должности (вице-директор департамента внешней торговли, управляющий государственным заемным банком). Служебные обязанности не увлекли поэта. К высшей бюрократии и к Николаю I он относился отрицательно. После французской революции 1848 г. В. заметно «поправел». Это было связано с падением дворянской революционности и выходом на общественную арену разночинцев-демократов, с которыми ему уже было не по дороге. В. не устоял перед демократизацией освободительного движения и все больше расхохотался с современностью, смеясь над революционной молодежью, над западниками и славянофилами, испытывая глубокое презрение к либералам типа Каткова, издеваясь над новой литературой.

Вместе с тем В. зорко увидел отрицательные явления в тогдашней действительности: господство денег, холодный расчет политиков, либеральные фразы, прикрывавшие пустую болтовню или махровую реакционность, наивные надежды на воскрешение патриархальных нравов. В. было грустно наблюдать, как презрительно отзывались о лучших людях из дворян и созданной ими великой культуре бойкие литераторы и публицисты, как легко меняли они свои мнения, как терялся индивидуально-особенный склад мышления и речи. Но в целом сатира В., как пронзительно подметил Тютчев, уже напомнила старческое брюзжание. Испытание временем выдержали, однако, написанные В. книги о Фонвизине (1848), исторические очерки о Москве («Допотопная или допожарная Москва», «Грибоедовская Москва», «Московское семейство старого быта»), воспоминания («Иван Иванович Дмитриев»).

Сложность позиции позднего В., ощутившего глубокий разлад с современностью, заключалась в том, что он не только оглядывался назад, но и не терял надежды на то, что потомки возобновят прерванную связь с поколением, к которому он принадлежал. Необходимость такого духовного контакта водила рукой В., когда он заполнял, начиная с 1813 г. и до последних лет жизни, страницы знаменитых «Записных книжек», ценнейшего собрания фактов, событий, картин, отдельных выразительных черточек, передававших русскую и западноевропейскую историю, быт, литературу в оригинально неповторимом освещении.

Продвижение по службе (В. получил звание обер-шенка двора, пост товарища министра народного просвещения, сенатора, члена Государственного совета) все больше сближало поэта с царской семьей, высшей аристократией и отрывало от интересов новых поколений. Последние двадцать лет В. жил преимущественно за границей. Он в полной мере ощутил социальное и духовное одиночество, пережив и своих сверстников, и своих детей, кроме сына Павла. Скорбь от сознания этого одиночества отразилась в трагически высокой лирике поздних лет. В ней отлились грустные и очень искренние настроения человека, вынужденного без друзей пылкой и благородной молодости коротать свой век, так и не найдя в своем сердце сочувствия идеям передовой демократической молодежи 60—70 гг.

Свой «верховный час» В. встретил в Баден-Бадене. Смерть унесла последнего поэта пушкинской плеяды, внесшего в русскую поэзию, критику и публицистику ощутимый вклад. Фактом культуры стала и многолетняя, преданная дружба с Пушкиным. Все это дало В. право на память и признание потомства.

Соч.: Полн. собр. соч., изд. гр. С. Д. Шереметевым: В 12 т.— Спб., 1878—1896; Остафьевский архив: В 4 т.— Спб., 1899; Старая записная книжка.— Л., 1929; Избр. стихотв. / Вступ. ст. В. С. Нечаевой.— М.; Л., 1935; Стихотворения / Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург.— Л., 1958; Записные книжки (1813—1848) / Изд. подгот. В. С. Нечаева.— М., 1963; Стихотворения / Вступ. ст. В. И. Корвина.— М., 1978; Эстетика и литературная критика / Вступ. ст. Л. В. Дерюгиной.— М., 1984; Стихотворения / Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург.— Л., 1986.

Лит.: Кутанов Н. С. (Н. В. Дурылин). Декабрист без декабри // Декабристы и их время.— М., 1932.— Т. II; Лотман Ю. М. П. А. Вяземский и движение декабристов // Учен. зап. ТГУ: Тр. по русской и славянской филологии.— Тарту, 1960.— III; Гиллелсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество.— Л., 1969; Семенко И. М. Вяземский // Поэты пушкинской поры.— М., 1970; Коровин В. И. Поэтические искания Вяземского // Поэты пушкинской поры.— М., 1980; Рассадин Ст. Вяземский // Спутники.— М., 1983.

В. И. Коровин

Г

ГАРИН, Н., псевдоним, настоящее имя — *Николай Георгиевич Михайловский* [8(20).II.1852, Петербург — 27.XI(10.XII).1906, там же] — писатель, публицист. Крупный инженер-изыскатель, строитель, путешественник, видный общественный деятель. Г. был, по словам М. Горького, «разносторонне, по-русски даровит». Родился в семье военного. Его отец — Г. А. Михайловский, выйдя в отставку в чине генерала, поселился в Одессе, где и прошли детские годы будущего писателя. Первоначальное образование получил дома, затем учился в Ришельевской гимназии в Одессе, увлекался математикой и словесностью. Еще в гимназии познакомился с произведениями видных русских и зарубежных мыслителей (Писарева, Шелгунова, Добролюбова, Дарвина, Бокля). В

гимназические годы, как замечал биограф П. В. Быков, проявились «блестки несомненного литературного дарования».

В 1871 г. поступил на юридический факультет Петербургского университета, но через год перешел в Институт инженеров путей сообщения, который окончил в 1878 г. Сразу же после окончания института участвовал в работе по постройке мола и шоссе на дороге в районе Бургаса, строил Бендеро-Галицкую, а затем Батумскую железные дороги. Однако молодой инженер столкнулся на практике с рутинной и казенщиной, с хищениями и злоупотреблениями. Он оставил службу и в 1883 г., приобретя в Бугурусланском у. Самарской губ. имение Гундаревку, решил заняться «свободной, независимой деятельностью», преследуя двойную цель — стремясь к «заботам о личном благосостоянии и к заботам о благосостоянии окружающих крестьян». В этом отразились общие настроения передовых людей того времени, исповедовавших либерально-народнические идеи о социальном реформаторстве. Но вскоре кризис идеологии либерального народничества наглядно показал несостоятельность такого пути общественного переустройства жизни.

Решив «помочь тем, кто века работал на его «дедов и прадедов», Г. ввел усовершенствования в способы обработки земли, всячески старался помочь крестьянам, создал школу и больницу, прилагал усилия для укрепления крестьянской общины. Но деятельность Г. в деревне потерпела неудачу, и это заставило его критически отнестись ко всем народническим устремлениям. Вновь поступив на службу в 1886 г., он работает на строительстве Самаро-Златоустовской, а затем Уфимо-Златоустовской железной дороги.

В это же время Г. пишет очерк «Вариант» (1888) и работает над очерком «Несколько лет в деревне» (1890). В этих первых очерках писатель пытается осмыслить причины неудач своей преобразовательской работы в Гундаревке. Он задумывается над «общими причинами» деревенской жизни и объясняет свои неудачи не только полнейшим равнодушием крестьян к этим начинаниям, но, главным образом, тем, что крестьяне не удовлетворялись мелкими изменениями филантропического характера, а жаждали коренных преобразований в системе землепользования в целом.

Заложив имение, Г. в 1891 г. покупает у Л. Е. Оболенского право на издание журнала «Русское богатство», в котором в 1892 г. была опубликована его повесть «Детство Темы», а несколько позднее в журнале «Русская мысль» и очерки «Несколько лет в деревне», положившие начало его активной литературной деятельности и привлечшие внимание передовой общественности: М. Горького, одного из первых русских марксистов Н. Е. Федосеева и др.

Начиная с первых литературных публикаций, Г. стремился к точному воспроизведению дейст-

вительности. «В моей беллетристике выдуманных образов совсем нет: все взято прямо из жизни», — замечал он в 1894 г. и эту мысль неоднократно повторял впоследствии. Г. полагал, что действительность богаче всяких художественных домыслов, что участие в практических делах способно дать объективную оценку всем происходящим событиям. Отсюда — особое пристрастие Г. к жанру очерка или очерка-рассказа, основанному прежде всего на личном опыте и личных наблюдениях. Отсюда же и наполненность его очерков различными публицистическими и лирическими отступлениями, статистическими данными, что позволяло писателю обращаться к широкой читательской аудитории, быть всегда актуальным и делать значительные социальные обобщения.

В очерках и рассказах Г. 90 гг. — «Путешествие на Луну», «Сочельник в русской деревне» (оба — 1893), «На селе», «Акулина» (оба — 1894) — дана картина «неустроенности жизни» русской деревни и ее обитателей, «белых рабов черной земли», разложения крестьянской «общины». Г. интересуют не только социально-экономические условия жизни народных масс, но и нравственная сторона крестьянского быта. Писатель показывает в своих произведениях глубокие противоречия крестьянского сознания, соединяющего в себе черты труженика и собственника, попавшего под губительную власть денег, шире — капиталистических отношений.

Вместе с тем в рассказах и публицистических статьях 90 гг. «Под вечер» (1892), «Матренины деньги», «Дикий человек», «Коротенькая жизнь», «В усадьбе помещицы Ярышевой» (все — 1894), «Жизнь и смерть» (1896) дан убедительный анализ причин народных бедствий. Он считает, что «в некультурных условиях одинаково дичают: и человек, и животное, и растение», а потому необходимо решительно менять общие условия жизни для того, чтобы создать возможность для проявления лучших свойств русского национального характера — трудолюбия, душевной стойкости, «ума непокойного, сердца горячего...».

Еще в «Варианте» (1888) зазвучал радостный гимн человеку труда, человеку-деятелю. Инженер Кольцов страстно любит свое дело, с устройством сибирской дороги связывает он мечты о будущем могуществе родины. Похожи на инженера Кольцова и герои мн. др. произведений Г.: «Радости жизни» (1895), «Войцех» (1895), «Гимназисты» (1893), для которых «нет выше счастья, как работать во славу отчизны и сознавать, что работой этой приносишь не воображаемую, а действительную пользу». Перешагнув через народнические иллюзии, Г. в своем творчестве вышел к более широким социальным понятиям, признав труд каждого человека, прежде всего интеллигента, в качестве реальной исторической силы, способной преобра-

зовать мир. Не случайно, почувствовав это, М. Горький назвал Гарина «поэтом труда» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т. — М., 1952. — Т. 17. — С. 77).

Однако Г. хорошо понимал, что многие честные люди, его современники, бродят «без дороги», а без разумного приложения сил таких людей не может быть, как представлялось писателю, и истинного прогресса общества в целом. Вопрос о новом поколении людей, об их поисках разумной практической деятельности, несовместимой с инертностью, столь характерной для молодежи конца XIX в., стал главным и определяющим в тетралогии Г., состоящей из повестей: «Детство Темы» (1892), «Гимназисты» (1893), «Студенты» (1895), «Инженеры» (1906).

Тетралогия Гарина, во многом основанная на автобиографическом материале, в широком историческом плане дает характерную картину порочной системы воспитания, которая калечит человеческую личность, подавляет в ней естественные стремления к добру и правде. Именно эта система человеческих отношений и формирует затем людей безвольных, лишенных высокой жизненной цели, людей без «путеводной звезды». Закономерным порождением такого общественного уклада явился центральный герой тетралогии Артемий Карташов — рефлектирующий интеллигент, который не лишен, как это и подобает любому нормальному человеку, каких-то благородных стремлений. Но он не находит в себе сил и возможности для их осуществления, а потому быстро остывает и становится приспособленцем в жизни. О таких людях давно уже сказано: «Суждены им благие порывы, Но свершить ничего не дано». Такие люди — закономерное порождение общественного уклада жизни того времени. Однако повествование в тетралогии выходит далеко за пределы только личного опыта и личной судьбы, выходит за пределы жанра «семейной хроники» — оно становится в конечном итоге широким социально-психологическим полотном о судьбе России, а потому приобретает, по словам М. Горького, черты «целой эпопеи» русской жизни (Там же. — С. 80). В центре внимания писателя — общественная жизнь России переломной эпохи с ее сложными идейно-нравственными исканиями.

Приобретя широкую литературную известность еще в нач. 1890 г., Г. и в дальнейшем не прекращал своей практической работы в качестве инженера и общественного деятеля. Как крупный инженер-изыскатель, он принимал активное участие в строительстве многих железных дорог, в том числе Великой сибирской дороги, он обосновал необходимость железнодорожного моста через Обь возле устья р. Каменки, где потом вырос Новосибирск, не прекращал сельскохозяйственной деятельности в Самарской губ., много путешествовал, результатом чего стали его очерки «По Корею, Маньчжурии и Ляодунско-

му полуострову» (1899), «Вокруг света» (1902), составил сборник «Корейские сказки» (1899) и т. д.

Как мыслитель и общественный деятель, Г. претерпел значительную эволюцию. Под влиянием революционных событий в России он увидел в марксизме наиболее правильный путь преобразования жизни. Еще с середины 90 гг. Г. сблизился в Самаре с группой социал-демократов, затем принимал участие в издании первой легальной марксистской газеты «Самарский вестник», материально поддерживал другие марксистские издания, на его квартире хранилась нелегальная литература (в том числе и ленинская «Искра»), вместе с другими общественными деятелями он подписал протест против разгона студенческой демонстрации в Петербурге, сотрудничал в издательстве М. Горького «Знание». Находясь в 1905 г. на Дальнем Востоке, опубликовал воззвание к русским людям, в котором сочувственно говорил о забастовочном движении, был избран в Харбинский комитет Китайской железной дороги. В публицистической статье «К современным событиям» (1906) он писал: «Вся моя логика и все мои симпатии принадлежат социал-демократическому учению, потому что это единственное научно и логически обоснованное учение». Идеал его — «братство» всех людей «в труде всех». По его мнению, к конечной цели придет «самый богатый экономически народ». Вот почему высшей мерой деятельности человека он считал труд, направленный на увеличение материальных и духовных приобретений народа. Он твердо верил, что наступит время, когда все злое и несправедливое в жизни исчезнет. «Исчезнет и мрак, — и увидят люди, — писал Г. в сказке «Книжка счастья» (1894), — что для всех есть счастье на земле».

Соч.: Собр. соч.: В 9 т. — 4-е изд. — Спб., 1903—1910; Спб.; М., 1913—1914. — Т. 10.—17; Полн. собр. соч.: В 8 т. / Критико-биограф. очерк П. В. Быкова. — Ст., 1916; Из дневников кругосветного путешествия / Вступ. ст. и коммент. В. Т. Зайчикова. — 3-е изд. — М., 1952; Собр. соч.: В 5 т. / Вступ. ст. В. А. Борисовой. — М., 1957—1958; Избранное / Вступ. ст. С. Голубкова. — Куйбышев, 1980.

Лит.: Луначарский А. В. Критические этюды. — Л., 1925. — С. 378—389; Горький М. О Гарине-Михайловском // Собр. соч.: В 30 т. — М., 1952. — Т. 17; Бялый Г. А. Гарин-Михайловский // История русской литературы. — М.: Л., 1954. — Т. 10; Миронов Г. М. Поэт нетерпеливого созидания. — М., 1965; Н. Г. Гарин-Михайловский в воспоминаниях современников. — Новосибирск, 1967; Юдина И. М. Н. Г. Гарин-Михайловский: Жизнь и литературно-общественная деятельность. — Л., 1969. *В. В. Основин*

ГАРШИН, Всеволод Михайлович [2(14)]. II. 1855, имение Приятная Долина Бахмутского у. Екатеринославской губ. — 24.III (5.IV). 1888, Петербург] — прозаик. Автор двух небольших книжек рассказов, в которых, по словам Г. И. Успенского, было «положительно исчерпано все содержание нашей жизни» (Успенский Г. И. Полн. собр. соч. — Т. II. — С. 476). Для многих поколений русской интеллигенции его трагическая

судьба стала высоким нравственным примером. Г. родился в семье офицера кирасирского полка. В 1858 г. отец Г., Михаил Егорович, получив в наследство небольшое поместье, вышел в отставку и поселился в г. Старобельске, где активно участвовал в работе дворянского комитета по подготовке крестьянской реформы, однако вскоре в его поведении стали заметны признаки душевной болезни. Мать Г., Екатерина Степановна (до замужества Акимова), по свидетельству биографа, «была типичной шестидесятиницей» (Современники о В. М. Гаршине. — С. 33): живо интересовалась литературой и политикой, переписывалась с будущими участниками Слепцовской коммуны, свободно переводила с французского и немецкого, воспитывала детей в духе новейших педагогических теорий. В январе 1860 г. она бежала из дома с воспитателем своих старших сыновей П. В. Завадским, членом Харьковского революционного кружка, сопровождала его в ссылку в Олонецкую губернию (VI. 1860—VII. 1862) и была вынуждена оставить пятилетнего Всеволода с отцом. Только в 1863 г. ей удалось вернуть сына и увезти с собой в Петербург. Г., отмечая, какое большое влияние на его духовное развитие оказали мать и Завадский, писал по поводу этой семейной драмы в «Автобиографии» (1884): «Некоторые сцены оставили во мне неизгладимое впечатление и, быть может, следы на характере» (Полн. собр. соч. — Письма. — Т. III. — С. 12; далее — Письма). С детства обостренность восприятия сочеталась в нем с необыкновенной душевной чуткостью и совестливостью: жалея отца и тяжело переживая разлуку с матерью, он страстно желал облегчить их страдания и с четырех лет мечтал о подвиге самоотвержения.

К семи годам Г. перечитал «массу книг», от «Хижины дяди Тома» Г. Бичер-Стоу и «Собора Парижской богоматери» В. Гюго до «Что делать?» Н. Г. Чернышевского и журнала «Современник», с недетской серьезностью проводил научные опыты, стремясь самостоятельно осмыслить выводы энциклопедии «Мир божий» А. Е. Разина, в гимназии (1864—1874) начал писать. В четвертом классе, подражая «Илиаде», сочинил поэму о гимназическом быте, под псевдонимом *Агаасфер* писал фельетоны для рукописного еженедельника «Вечерняя газета» (не сохранились). В 1872 г. под впечатлением «Записок охотника» И. С. Тургенева написал эту «Смерть». Рассказывая о молодом филологе, перед смертью думающем не о причинах, а о неразрешенном научном вопросе, он попытался выразить свое отношение к тому нравственному подвижничеству, которое будет волновать его в течение всей жизни. Выбор героя не был случаен. К науке в эти годы Г. «чувствовал сильную любовь» (Письма. — С. 13), укрепившуюся в нем после знакомства в 1868 г. с А. Я. Гердом (1841—1888), талантливым педагогом и из-

вестным популяризатором естествознания, ставшим его духовным наставником и другом. «Когда науки трудный путь пройдет, — писал он в одном из стихотворных набросков, — Я в состоянии буду наблюдать / Людей ступки, тайные их мысли / ...пойму вполне ту тайну жизни, / Которой смутно чую бытие» (Письма. — С. 68—69). В 1874 г. по совету Герда Г. поступил в Горный институт, где учился без особого интереса, но с удовольствием слушал лекции Д. И. Менделеева, посещал семинар профессора ботаники А. Ф. Баталина, в студенческом кружке изучал социологические трактаты Дж.-С. Милля и Г. Спенсера, читал «Исторические письма» П. Л. Лаврова и «Азбуку социальных наук» В. В. Берви-Флеровского, давал частные уроки и писал стихи. Сочувствуя революционной молодежи и осуждая политические репрессии середины 70 гг., он, однако, не разделял энтузиазма народников. В 1874 г. писал: «Подлые ходят на задних лапах, глупые лезут гурьбой в нечаевцы и т. д. до Сибири, умные молчат и мучаются. Им хуже всех. Страдания извне и изнутри» (Письма. — С. 23). Эти размышления о нравственном долге интеллигента отражены в его студенческих стихотворениях «Нет, не дана мне власть над вами...», «Мне жалко вас, родимые места...», «Пленница» и др. С художественной точки зрения они малооригинальны, что признавал и сам автор: образы заимствованы в основном из романтической литературы («лира золотая», «язывы сердца», «злая тоска», «чужие небеса» и т. п.), слаба поэтическая техника. При жизни Г. его поэтические произведения не публиковались.

Литературным дебютом Г. стал очерк «Подлинная история Энского земского собрания» (Молва. — 1876. — № 15. — 11 апр.). Злободневную в конце 70 гг. тему ограниченности земской деятельности он раскрыл в духе традиций демократической сатиры 60 гг. Ироническая позиция автора «достоверных мемуаров» проступала в настойчивом подчеркивании «добротельности» членов земства, неустанно спорящих о дезинфекции вод, об уездном бюджете, «единогласно соглашающихся» с любимыми мерами правительства, но отступающих перед вопросом о борьбе с голодом в уезде. В той же манере он собирался писать «очерки старобельской жизни» (Письма. — С. 70). Но от нравоописательных и сатирических замыслов его отягло предложение сотрудничать в газете «Новости» в качестве художественного критика. С 1874 г. Г. поддерживал дружеские отношения с кружком молодых художников, близких «передвижникам» (И. И. Крачковский, Н. А. Ярошенко, К. А. Савицкий и др.), и, по свидетельству друга Г., художника М. Е. Малышева, непременно участвовал в импровизированных литературно-музыкальных вечерах, в спорах ратовал «за искусство как служение высшим идеалам добра и правды» (Сов-

ременники о В. М. Гаршине. — С. 42). В его четырех статьях, посвященных выставкам 1877 г. в Академии художеств, тонкие критические замечания о жанровом однообразии и слабой технике «модных пейзажистов» сочетались с яркими эстетическими обобщениями, суждения о принципах реалистической живописи отличались глубиной оценок. А в статье «Новая картина Семирядского «Светочи христианства» (Новости. — № 72. — 16 марта) Г. попытался связать историческую живопись с проблемами современности, дать психологическое объяснение и нравственную оценку «беззаветной веры» тех, кто, жертвуя собой, решается бороться со «скотски-равнодушной» властью.

В 1877 г. произошло событие, определившее творческую судьбу Г. С осени 1876 г. он пытался уехать добровольцем в Сербию. Свой порыв объяснял матери: «Я не могу прятаться за стенами заведения, когда мои сверстники лбы и груди подставляют под пули» (Письма. — С. 116). Просьба Г. была удовлетворена лишь в апреле 1877 г.: вместе с другом по институту и гимназии В. Н. Афанасьевым он участвовал в болгарском походе 138-го Болховского пехотного полка в качестве вольноопределяющегося. Впечатления от тяжелого двухмесячного похода легли в основу рассказов «Четыре дня» (1877), «Очень коротенький роман» (1878), «Трус» (1879), «Денщик и офицер» (1880), «Из воспоминаний рядового Иванова» (1883), которые должны были, по замыслу Г., составить книгу «Люди и война». В бою возле болгарской деревни Аяслар (11.VIII.1877 г.) Г. был ранен, некоторое время находился в госпитале г. Бела, а затем (IX.1877) отправлен в Харьков к матери, проживавшей там с 1869 г. с младшим братом Г. Евгением. В госпитале он начал писать рассказ «Четыре дня» и, закончив его в середине сентября, отправил в журнал «Отечественные записки». Рассказ, вышедший под заголовком «один из этюдов войны» (Отечественные записки. — 1877. — Т. V. — № 10. — С. 461—471), привлек внимание, по словам современника Г., «доходившее до сенсации» (С к а б и ч е в с к и й А. М. Сведения о жизни Всеволода Гаршина. — С. 32): он принципиально отличался от популярной военной беллетристики Н. Н. Каразина и Вас. Н. Немировича-Данченко или корреспонденций А. Н. Маслова-Бежецкого. Г. сразу заявил о себе как мастер психологического рассказа, как ученик Л. Н. Толстого (в сознании читателей возникла аналогия с «Севастопольскими рассказами»). Историю тяжелораненого солдата, оставленного на поле боя, он использовал как повод к размышлению о войне и осуждению ее. В исповеди героя, в точных психологических деталях, в реалистической картине всех ужасов странного «дела» были выражены переживания самого Г., убившегося в бессмысленности и безнравственности войны, превращающей подвижничество

в преступление. Зло, причиняемое войной, по мнению Г., имеет самые разные проявления. Эта мысль объединяет его военные рассказы: война нарушает привычный порядок жизни и обрекает на одиночество героя, вернувшегося калекой («Очень коротенький роман»), заставляет отказаться от личной воли, подчиниться «страшной силе массы» («Из воспоминаний рядового Иванова») и признать естественность и неизбежность убийства («Трус»). В «Четырех днях» определены черты героя, ставшего центральным в творчестве Г.: это человек «чуткой совести» (Короленко В. Г. Собр. соч.— Т. 8.— С. 220), нравственно прозревший и осознавший личную ответственность за совершаемое в мире зло.

Получив в декабре 1877 г. годовой отпуск, Г. вернулся в Петербург с твердым намерением заняться «литературной работой» (Письма.— С. 115). Вскоре он опубликовал очередной очерк о художественных выставках, откликнулся стихотворением «1877 года 30 декабря» на смерть Н. А. Некрасова (при жизни Г. не публиковалось). В марте 1878 г. в «Отечественных записках» появился рассказ «Происшествие» (Т. II.— № 3.— С. 129—144). По словам автора, он не касался «социальных и политических вопросов», был «историей двух изломанных душ» (Письма.— С. 154). Критики увидели в трагической истории любви чиновника к «благородной» проститутке подражание Ф. М. Достоевскому. За сентиментальными интонациями рассказа и не всегда удачно мотивированными поступками героев не был замечен чисто гаршинский подход к теме: стремление передать потрясение человека, осознавшего свое бессилие в борьбе со злом, но не изменившего своему нравственному долгу.

После произведения в прапорщики (27.IV. 1878) Г. хотел поступить в Военную академию. Но вскоре отказался от этого решения и в сентябре 1878 г. стал вольнослушателем историко-филологического факультета Петербургского университета (до XII.1878). Он слушал лекции О. Ф. Миллера, И. И. Срезневского, В. И. Ламанского, штудировал исторические монографии (сохранились конспекты Г.), собирался написать сказку «Фиалка» по мотивам преданий о Екатерине II (сохранился черновой вариант: Литературное наследство.— Т. 87.— С. 176—177). Приказ об увольнении со службы совпал с выходом рассказа «Трус» (Отечественные записки.— Т. II.— № 3.— С. 145—164), герой которого наделен многими автобиографическими чертами. Как и в предыдущих рассказах, для изображения внутренней драмы человека Г. использовал форму монолога-исповеди, но достиг большего, чем в «Происшествии», мастерства в передаче психологических состояний и реалистической трактовке характеров. И смерть рассказчика на поле боя, и случайная гибель его приятеля, по мысли

Г., подтверждали вывод о том, что война и любое другое преступление не могут быть оправданы социальными или биологическими законами. Вот почему очень резко Г. отзывался о попытках найти буржуазному хищничеству научное обоснование. На журнальные дискуссии о «социалдарвинизме» он откликнулся в рассказе «Встреча» (Отечественные записки.— 1879.— Т. II.— № 4.— С. 555—572). Жизненную философию предпринимателей, наживающих состояние казнокрадством, Г. представил в виде прямой аллегории, экзотического «аквария», в котором, по словам героя, всякая тварь «жрет друг друга и не конфузится». Подобные принципы жизни полностью отвергает герой рассказа «Художники» (Отечественные записки.— Т. IV.— № 9.— С. 103—118), задуманного Г. под впечатлением от картины Н. А. Ярошенко «Кочегар» (Дурыйлин С. Н. Гаршин и Репин.— С. 39). Современники восприняли этот рассказ как эстетический манифест писателя, как упрек тем, чье искусство безучастно к человеку. Духовным исканиям русской интеллигенции соответствовал и финал рассказа: решение художника Рябинина бросить живопись и уехать учительствовать в деревню, где, как намекает автор, он «не пресупел».

Трагические события конца 70 гг. Г. воспринял очень остро. «В социалы я не пойду,— писал он матери,— потому что я не убийца» (Письма.— С. 252). Сторонника «революционного» террора Г. собирался сделать героем драмы: сохранился набросок монолога о неизбежном приближении времени, когда «все особняки мира взлетят на воздух» (Комната. Полумрак...// Прометей. 1969.— С. 265). А в сказке «Attalea princeps» (Русское богатство.— 1880.— № 1.— С. 142—150) судьбе гордой пальмы, выраввшейся ценой жизни из тюрьмы-оранжереи, Г. придал символическое значение. Рецензенты расценили ее как политическую аллегорию. Анонимный автор журнала «Дело» писал по поводу «Attalea princeps»: «Наша борьба представляется ему бессмысленной сутолокой» (Дело.— 1882.— Кн. VIII.— Отд. 2.— С. 46). М. Е. Салтыков-Щедрин отказался публиковать сказку Г. в «Отечественных записках», увидев в ней проповедь «фатализма» (Современники о В. М. Гаршине.— С. 129). Однако образы сказки не поддаются однозначному толкованию: Г. сумел соединить нравственные, философские, политические проблемы, в форме философской притчи утверждая мысль о естественности всякого порыва к свободе. В целом же трагическое мироощущение поколения 70 гг. было ярко выражено Г. в исповеди героя рассказа «Ночь» (Отечественные записки.— 1880.— № 6.— С. 397—412). «Нужно, непременно нужно связать себя с общей жизнью»,— страстно восклицал герой Г., потрясенный открывшейся ему истиной.

В нач. 1880 г. душевное состояние Г. резко

ухудшилось, повторился пережитый в гимназии (1872) приступ наследственной болезни и затянулся почти на год. Другими он жаловался на тоску, апатию, упадок сил. Роковую роль в жизни Г. сыграла казнь И. О. Млодецкого (22.II.1880), стрелявшего в начальника Верховной распорядительной комиссии М. Т. Лорис-Меликова. В ночь накануне казни Г. в полубезумном состоянии умолял «диктатора» о великодушии, просил «простить преступника» (Письма.— С. 207). И уже «на границе полного безумия» (Памяти В. М. Гаршина.— С. 91) уехал в Москву (III.1880), потом скитался по Тульской и Орловской губ., в Ясной Поляне беседовал с Л. Н. Толстым, не заметившим в поступках и речах своего гостя ничего безумного (Современники о В. М. Гаршине.— С. 130—131). В мае 1880 г. Г. был помещен в харьковский сумасшедший дом (Сабурова дача), откуда в сентябре его перевели в Петербург. Из петербургской клиники Г. забрал дядя, В. С. Акимов, и увез (XI.1880) в свое имение Ефимовка (Херсонская губ.). Полтора года, проведенные там, вернули Г. душевное равновесие и позволили преодолеть «страх перед писательством», о котором он часто упоминает в письмах 1881 г. К этому времени относятся сделанный им, бесспорно, удачный перевод новеллы П. Мериме «Коломба» (Изысканная литература.— 1883.— № 10.— С. 1—151) и ироничная сказка «То, чего не было» (Устой.— 1882.— № 3, 4.— С. 266—270). В мае 1882 г. Г. вернулся в Петербург и вскоре опубликовал в газете «Южный край» очерк «Петербургские письма» (Южный край.— № 490 и 508.— 2 и 20 июня), в котором яркие зарисовки городского быта сочетались с глубокими размышлениями о Петербурге как «фокусе русской жизни», «духовной родине» интеллигенции.

Воспользовавшись приглашением И. С. Тургенева, лето 1882 г. Г. провел вместе с семьей поэта Я. П. Полонского в Спасском-Лутовинове. Тургенев внимательно следил за творчеством Г.: приветствовал выход его первой книжки рассказов (1882), отмечал «признаки настоящего крупного таланта» и называл Г. своим литературным наследником (Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма.— Л., 1967.— Т. XII.— Кн. 2.— С. 273—274). Однако его встреча с Г. не состоялась. В Петербург Г. вернулся с практически готовым к публикации рассказом «Из воспоминаний рядового Иванова» (Отечественные записки.— 1883.— № 1.— С. 135—176). Тема взаимоотношений интеллигенции с народом была раскрыта в нем полнее, чем в вышедшем ранее рассказе «Денщик и офицер» (Русское богатство.— 1880.— № 3.— С. 109—125). В расудительном солдате Житкове, неунывающем Федорове вольноопределяющемся Иванову открывался народный характер, а в тяжелых испытаниях формировалась мысль о приобщенности интеллигенции к судьбе народа. Такой подход

к теме «войны» и «мира», несомненно, сближал Г. с Толстым.

В сентябре 1882 г. Г. впервые поступил на гражданскую службу. Некоторое время он был помощником управляющего бумажным складом в Гостином дворе, а затем (с III.1883) перешел в канцелярию Общего съезда русских железных дорог. По свидетельству В. А. Фаусека, обязанности конторщика отнимали у Г. много времени, мешали литературной работе (Современники о В. М. Гаршине.— С. 65). Осенью 1882 г. он занимался в основном переводами детских сказок Кармен Сильвы («Замок ведьм», «Чихлуа») и Луизы де ла Раме («Честлюбивая роза», «Нюрнбергская печь»).

В феврале 1883 г. Г. женился на Н. М. Золотиловой, враче Петербургской акушерской клиники И. М. Тарановского. Брак был удачным. 1883 г. Г. считал самым счастливым в своей жизни. В этот год он написал самый лучший свой рассказ «Красный цветок» (Отечественные записки.— 1883.— Т. V.— № 10.— С. 297—310), вызвавший, по словам В. Г. Короленко, «всю душевную драму самоотвержения и героизма» поколения 1870-х гг. (Короленко В. Г. Собр. соч.: В 10 т.— М., 1955.— Т. 8.— С. 243—244). Однако первые рецензенты увидели в нем всего лишь «голый патологический этюд» (Новости.— 1883.— № 200.— 20 окт.), картину «исторических припадков» (Неделя.— 1883. № 46.— 13 дек.— С. 15—18). Такие оценки Г. называл «нелепыми» (Письма.— С. 339), противопоставляя им мнение психиатра И. А. Сикорского, первым указавшего на «определенную логику» в болезненных ассоциациях героя рассказа (Сикорский И. А. Красный цветок.— С. 347). В символических образах «Красного цветка» самым неожиданным образом пересеклись философские и политические идеи, научные концепции и мифологические мотивы. Герой Г., подобно Дон Кихоту уверовавший в возможность разом покончить со всем «злом на земле», отождествляет своего врага с древнеиранским божеством зла Ариманом, ищет поддержки у легендарного драконоборца и великомученика Св. Георгия, в духе народнической публицистики рассуждает о таинственном «деле» и «долге» и при этом ссылается на популярную в естествознании XIX в. теорию динамического равновесия, надеясь, что мир, потрясенный его жертвой, «содрогнется, сбросит с себя ветхую оболочку и явится в новой, чудной красоте». Особый смысл рассказу придавало посвящение И. С. Тургеневу. «Красный цветок» стал прекрасной иллюстрацией тезиса о вечном противостоянии двух «особенностей человеческой природы», «донкихотства» и «гамлетизма» (Тургенев И. С. Гамлет и Дон Кихот // Полн. собр. соч. и писем.— Т. XII.— С. 172). Позднее Г. часто отождествлял с героем рассказа, объясняли многие его поступки жадной самопожертвова-

ния или же называли «современным Гамлетом», мучительно переживающим «тяжелый кошмар» жизни (П. Ф. Якубович, С. С. Розанов, Питер Генри). Даже его внешний облик истолковывали символически, говорили об «апостольской красоте», «пророческом взгляде», «страдальческих устах» и т. д. Глубоко примечателен, напр., тот факт, что И. Е. Репин в 1884 г. писал с Г. царевича Ивана («Иван Грозный и сын его Иван. 16 ноября 1581 г.») и многими его чертами наделил героя картины «Не ждали».

Вышедший вслед за «Красным цветком» рассказ «Медведи» (Отечественные записки.— 1883.— № 11.— С. 199—213) критика встретила холодно, хотя тонкий лиризм, органичное сочетание трагического и сатирического пафоса свидетельствовали о поиске Г. новых форм. Именно в это время он упоминал о желании написать исторический роман из «петровщины» (Письма.— С. 309), вместе с Н. А. Демчинским писал драму «Деньги» (сохранились второе и четвертое действия, написанные Г.). Но весной 1884 г. повторились приступы меланхолии, «мучительной тоски». Ухудшение самочувствия совпало с закрытием «Отечественных записок» (апр. 1884). Как о смерти «любимого человека» сообщал Г. матери о роспуске редакции, в которой сотрудничал с 1877 г. (Письма.— С. 319). Болезненное состояние чередовалось у него с душевным подъемом, желанием работать и писать. В эти моменты, по свидетельству друзей, Г. был весел и необыкновенно деятелен. Он с энтузиазмом поддерживал все начинания Герда: корректировал рукописи книг по естествознанию, помогал описывать коллекции, редактировал вместе с ним ежегодник «Обзоры детской литературы», где, возможно, являлся одним из анонимных авторов рецензий. Будучи с осени 1884 г. членом общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный Фонд), с удовольствием выполнял любые поручения: готовил литературные вечера, юбилеи, концерты и по мере сил помогал оказавшимся на грани нищеты писателям, окружил заботой и вниманием смертельно больного поэта С. Я. Надсона.

С января 1885 г. Г. по приглашению В. Г. Чертова сотрудничал в издательстве «Посредник». Для общедоступных изданий переделал рассказы «Четыре дня» и «Медведи», сочинил несколько подписей к литографиям на евангельские темы, участвовал в вечерах «толстовцев», устраиваемых Чертковым. С учением о «непротивлении злу насильем» и художественной манерой позднего Толстого во многом связаны его последние произведения: «Надежда Николаевна» (Русская мысль.— 1885.— № 2, 3.— С. 348—368, 224—261), «Сказание о гордом Аггее» (Русская мысль.— 1886.— № 4.— С. 225—233), «Сигнал» (Северный вестник.— 1887.— № 1.— С. 1—9). О «христовых заповедях» спорят герои «Надежды Николаевны», подавляет в себе гордыню правитель Аггей,

подвиг самоотречения совершает Семен Иванов («Сигнал»). Безумной страсти Г. противопоставляет возвышенную любовь, жестокости и озлобленности — кротость и жертвенность. Но если в «Аггее» и «Сигнале» морализаторство соответствовало форме притчи, то в повести «Надежда Николаевна», сюжетно и тематически связанной с «Происшествием», дидактика явно противоречила принципам реалистического психологизма. Г. признавал неудачу «Надежды Николаевны», но болезненно реагировал на оскорбительные рецензии А. М. Скабичевского (Новости.— 1887.— № 84.— 28 марта), упреки матери и младшего брата, говорил о необходимости «перучиваться сначала» (Письма.— С. 356). По свидетельству Чертова, Г. готовил для «Посредника» роман о «петровщине», к которому собирал материал с 1884 г. Сохранившийся набросок плана позволяет предположить, что его героями должны были стать царевич Алексей Петрович, подьячий Докукин и Петр I. Остался нереализованным и замысел рассказа о «медумах», в котором, по словам Фаусека, Г. собирался выступить против «нетерпимости» в науке (Современники о В. М. Гаршине.— С. 81—82). Кроме «Сигнала», в 1887 г. были опубликованы его новые «Заметки о художественных выставках» (Северный вестник.— 1887.— № 3.— С. 160—170) и сказка для детей «Лягушка-путешественница» (Родник.— 1887.— № 7.— С. 515—581).

Наступившая осенью 1887 г. очередная депрессия не проходила до весны 1888 г. К этому времени резко ухудшились отношения Г. с матерью, переехавшей в Петербург (лето 1886 г.) и преследовавшей сына назиданиями, советами, требованиями больше писать. Причиной полного разрыва стала ссора Екатерины Степановны с женой Г. Из-за болезни Г. вынужден был оставить службу (II.1888). По совету доктора А. Я. Фрея весну 1888 г. он собирался провести в Крыму или на Кавказе. Но в день отъезда (19.III), не выдержав ожидания припадка, бросился в пролет лестницы. Через три дня Г. скончался, не приходя в сознание.

Вскоре после его смерти по инициативе А. Н. Плещеева и К. С. Баранцевича были выпущены два благотворительных сборника. В сборнике «Памяти В. М. Гаршина» (1889) А. П. Чехов опубликовал рассказ «Припадок», в котором сумел предельно точно передать своеобразие личности Г., связанное, по его мнению, с «человеческим талантом» сострадания, «великолепным чутьем к боли», которым обладал автор «Красного цветка» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т.— М., 1977.— Т. 7.— С. 216).

С именем Г. связан ряд художественных открытий: тематическое и стилистическое обновление жанра аллегорий («Attalea princeps», «Красный цветок»), соединение в рамках лирической прозы романтических и реалистических принципов («Происшествие», «Ночь», «Трус»,

«Четыре дня»), преодоление натуралистических тенденций в социально-бытовом очерке («Денщик и офицер», «Из воспоминаний рядового Иванова»), мастерство художественной детали. Его творчество интенсивно изучается как в СССР (Г. А. Бялый, В. И. Порудоминский, А. Н. Латынина и др.), так и за рубежом (П. Генри, Э. Ярвуд, Л. Стенборг и мн. др.).

Соч.: Полн. собр. соч.— Спб., 1910; Соч. / Вступ. ст. и коммент. Ю. Г. Оксмана.— М., 1934; Полн. собр. соч. Письма / Ред. ст. и примеч. Ю. Г. Оксмана.— М., 1934.— Т. 3; Рассказы.— Спб., 1885; Третья книжка рассказов.— Спб., 1891; Соч. / Вступ. ст. и примеч. Г. А. Бялого.— М., 1963; Люди и война / Сост., послесл. и примеч. И. И. Подольской.— М., 1988.

Лит.: Андреевский С. А. Всеволод Гаршин // Русская мысль.— 1889.— С. 46—64; Архангельский В. Н. Основной образ в творчестве Гаршина // Литература и марксизм.— 1929.— № 2.— С. 75—94; Баженов Н. Душевная драма Гаршина // Русская мысль.— 1903.— № 1.— С. 34—52; Дурьлин С. Н. Репин и Гаршин.— М., 1926; Он же. Вс. М. Гаршин. Из записок биографа // Звезда.— 1935.— Т. 5.— С. 571—676; Бялый Г. А. В. М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятых годов.— М., 1937; Он же. Всеволод Гаршин.— Л., 1969; Бекедин П. В. М. Гаршин и изобразительное искусство // Искусство.— 1987.— № 2.— С. 64—68; Бердников Г. Проблема пессимизма. Чехов и Гаршин // А. П. Чехов: Идеи и творческие искания.— М., 1961.— С. 130—160; Красный цветок. Литературный сборник в память В. М. Гаршина.— Спб., 1889; Короленко В. Г. Всеволод Михайлович Гаршин. Литературный портрет // Собр. соч.: В 10 т.— М., 1955.— Т. 8.— С. 215—247; Кострица Вл. Действительность, отраженная в исповеди // Вопросы литературы.— 1966.— № 12.— С. 135—144; Латынина А. Н. Всеволод Гаршин. Творчество и судьба.— М., 1986; Михайловский Н. К. О Всеволоде Гаршине // Полн. собр. соч.— Спб., 1909.— Т. 6.— С. 305—345; Милоков Ю. Г. Творчество В. М. Гаршина и теории мифа XIX века // Литературный процесс и развитие русской культуры XVIII—XX вв.— Таллинн, 1985.— С. 49—51; Порудоминский В. И. Грустный солдат, или Жизнь Всеволода Гаршина.— М., 1986; Памяти В. М. Гаршина. Художественно-литературный сб.— Спб., 1889; Семанова М. Л. Рассказ о человеке «гаршинской заваски» / Чехов и его время.— М., 1977.— С. 62—85; Современники о В. М. Гаршине. Воспоминания // Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. Ф. Самосюк.— Саратов, 1977; Сквозников В. Д. Реализм и романтизм в произведениях В. М. Гаршина // Известия АН СССР. Отд. литературы и языка.— 1957.— № 3.— С. 233—246; Скабичевский А. М. Наши новые беллетристические силы // Новости.— 1885.— № 4.— 28 марта; Он же. Сведения о жизни Всеволода Гаршина // Всеволод Гаршин. Рассказы.— Пг., 1912; Чуковский К. И. О В. М. Гаршине // Собр. соч.— М., 1969.— Т. 6.— С. 417—445. Ю. Г. Милоков

ГЕРЦЕН, Александр Иванович, псевдоним — *Искандер* [25.III (6.IV).1812, Москва — 9(21).I.1870, Париж] — прозаик, публицист, революционный деятель. Г. был сыном И. А. Яковлева, принадлежавшего к знатному дворянскому роду, и Г.-Л. Гагг, дочери мелкого чиновника из Штутгарта. Брак родителей оформлен не был, и ребенок получил вымышленную фамилию (от нем. Herz). Г. считался воспитанником Яковлева. Это обстоятельство надолго окрашивает его чувство к отцу, вызывая протест против «ложного» положения, усиливая симпатии ко всем угнетенным и одновременно рождая сознание независимости. Неудача тем Яковлев любил сына, его по своему незаурядная личность казалась на характере развития Г. Служивший в гвардии при Екатери-

не II и вышедший в отставку с началом царствования Павла I, Яковлев отличался вольномыслием и чуждался официальных форм жизни. В доме бывали его сослуживцы по Измайловскому полку («екатерининские оригинальности»), участники войны 1812 г. («отваги и удали люди»). Среди учителей Г. был якобинец 1789 г., эмигрант Бушо и студент И. Е. Протопопов, принесший запрещенные стихи Пушкина и Рылеева. Большие возможности для чтения давала собранная во Франции библиотека. В результате «Катехизис попался в руки после Вольтера» (Собр. соч.: В 30 т.— Т. VIII.— С. 53). Г. читает Руссо, Бомарше, Гете, затем Плутарха, Шиллера и Байрона. «Восторг» и «восхищение» вызывают первая глава «Евгения Онегина» Пушкина и «Горе от ума» Грибоедова. В 14 лет Г. совершает выбор на всю жизнь, поклявшись отомстить за казенных декабристов. Через год клатва была повторена вместе с другом — Н. П. Огаревым — «в виду всей Москвы», на Воробьевых горах, на том месте, где был заложен памятник в честь победы русского народа в войне 1812 г. Дружба Г. и Огарева, пронесенная через всю жизнь, принадлежит истории русского революционного движения и является средоточием высоких нравственных ценностей. Юные друзья осознавали в себе будущее России. Они мечтали о союзе, который продолжил бы дело декабристов.

В 1829 г. Г. поступил в Московский университет на физико-математическое отделение, где тогда преподавались естественные науки (к ним у Г. развилась «сильная страсть»). Г. сотрудничает в Московском обществе испытателей природы. В 1832 г. написал статью «О месте человека в природе». Овладевая научной «методой», Г. особенно ценит лекции М. Г. Павлова (курс общей физики), знакомившие с новейшими философскими системами. Московский университет этих лет отличался духом вольнолюбия. Вокруг Г. и Огарева, также посещавшего лекции в университете, складывается кружок с ярко выраженными политическими интересами. Падение июльской монархии во Франции в 1830 г. и польское восстание 1830—1831 гг. Г. воспринимает как непосредственно относящиеся к его личной судьбе.

Г. окончил университет в июне 1833 г. со степенью кандидата, получив серебряную медаль за сочинение «Аналитическое изложение солнечной системы Коперника» (труд «наполовину астрономический, наполовину философский»). Первый послеуниверситетский год отмечен углубленным интересом Г. и его кружка к идеям утопического социализма (Сен-Симон, Фурье). В круге интересов Г.— труды Шеллинга, Лерминье, Фихте, Бэкона, Кузена, исторические работы Мишле, Тьерри, Бюше. 1833 г. Г. считал торжественным заключением первой юности.

Летом 1834 г. Г., Огарев и члены их кружка, давно привлекавшие внимание полиции, были арестованы. Весной 1835 г., после девяти месяцев

следствия и тюремного заключения, «как смелый вольнодумец, весьма опасный для общества», Г. был сослан в Пермь, которая вскоре была заменена Вяткой. В конце 1837 г. он переведен во Владимир (по ходатайству В. А. Жуковского и К. И. Арсеньева). Через полгода после возвращения из ссылки (весной 1840 г.), недолгого пребывания в Москве и недолгой службы в Петербурге последовало назначение на службу (а фактически новая ссылка) в Новгород. Каждый из этих периодов жизни Г. отмечен ростом его мысли, своеобразием духовной жизни и творческой работы. В годы ссылки он углубленно изучает историю, философию. «Вятская тетрадь», продолженная во Владимире, содержит выписки из Данте, Гете, Вольтера, Паскаля. Событием явилось получение в Вятке журнала «Телескоп» (1836, № 5) с «Философическим письмом» Чаадаева. В Новгороде прочитаны привезенные Огаревым «Мертвые души» Гоголя и «Сущность христианства» Фейербаха. В ссылке Г. ближе узнал жизнь народа. В эти годы претерпевает эволюцию социалистический идеал Г. В Вятке и отчасти Владимире заметно увлечение Г. христианским социализмом. Однако уже в написанных во Владимире произведениях «Из римских цепен» и «Вильям Пен» на первый план выступает социальный пафос раннехристианских идей. Чтение Гегеля и Фейербаха способствует утверждению атеистических воззрений Г. С другой стороны, социалистический идеал Г. становится ближе к русской действительности: социальный пафос «нового учения» сливается теперь с мыслью об угнетенном русском крестьянине.

Первый год в Вятке Г. считал свою жизнь «пустой». Его удручают и полицейский надзор, и подневольная служба, и пошлое окружение. Нравственную поддержку он находит в переписке с Огаревым и своей невестой Н. А. Захарьиной. Чувство Г. к невесте, а затем жене (они венчались во Владимире 9 мая 1839 г.) занимает исключительное место в его жизни. Он ставил его «рядом со своим гуманизмом». Романтическое самовыражение, некоторая эстетизация переживаний придают переписке Г. с Захарьиной, при всем значении ее как биографического документа, черты литературного произведения. Письма отражают и раннее стремление Г. обобщать свои переживания, наблюдения и ту «непрерывность внутреннего развития», которая постоянно будет соединять особым образом все написанное им. В письмах Г. зарождаются его литературные жанры: автобиография («О себе»), мемуарные портреты («I Maestri»), путевые очерки (замысел цикла «Путевые письма к товарищам»), сатирические зарисовки. Форма писем станет излюбленной для философских и публицистических произведений Г. Заметный след в жизни Г. оставит встреча и близкое общение в Вятке с архитектором и художником А. Л. Витбергом, гонимым и оклеветанным автором проекта храма

Христа Спасителя (этот проект, в отличие от осуществленного проекта К. А. Тона, Г. находил гениальным). Записанные Г. воспоминания Витберга (см.: I, 380) можно рассматривать как проявление его интереса к биографиям выдающихся современников и начало деятельности по собиранию русских мемуаров. Встреча с Витбергом, как и предшествовавшая ей встреча в Перми с польским ссыльным П. Цехановичем, положила начало для еще одного жанра в творчестве Г. (см.: «Встречи», «Первая встреча», «Вторая встреча», «Симпатии»).

Владимирский период (1838—1840) Г. считал самым счастливым в своей личной жизни. Начало семейной жизни, появление первенца, сына Александра, сознание «огромности дела отцовского» открывали выход из мира романтических мечтаний в «действительную жизнь». Родилась та полнота мироощущения, без которой невозможно себе представить ни последующих философских работ Г., ни его художественных произведений. Свообразным художественным итогом первой ссылки явилась повесть «Записки одного молодого человека» (Отечественные записки.— 1840.— № 12; 1841.— № 8), ознаменовавшая переход Г. от романтизма к реализму. Новгородская ссылка переживалась Г. особенно тягостно как акт беспримерного самодурства царской власти. Связанный по службе с делами о злоупотреблениях помещичьей властью, он еще в большей степени осознал свое бессилие помочь народу. Настроение Г. этого периода нашло отражение в его дневниковой записи от 23 мая 1842 г.: «Как невыносимо грустно и тягостно жить подчас!» Дневник, начатый Г. в Новгороде в день тридцатилетия, стал творческой лабораторией его философской и политической мысли, документом, обобщающим размышления о личной, семейной жизни, собственной судьбе, судьбе своего поколения. Возвращение Г. в Москву летом 1842 г. совпадает с началом общественного подъема в России. Г. попадает в атмосферу споров вокруг философии Гегеля и идейных боев западников со славянофилами. Грановского и Белинского Г. называет «самыми светлыми и замечательными личностями» своего круга. В борьбе со славянофилами он скоро становится единомышленником Белинского. Резкое неприятие у Г. вызывает стремление славянофилов «примирить религию с наукой», идеализация ими допетровской Руси, ее государственной жизни и патриархальных нравов.

В 40 гг. (1842—1847) достигает расцвета философская деятельность Г. Он завершает и публикует в «Отечественных записках» начатый еще в Новгороде цикл статей «Дилетантизм в науке» (1842—1843). Г. развивает гегелевские идеи о единых закономерностях бытия и мышления. Особенно дорога ему идея борьбы и единства противоположностей в процессе развития природы и истории. Г. подчеркивает, что подлинно

современный человек не может жить вне науки. Однако наука не может быть целью человека, цель его — деяние. Г. высказывает надежду, что именно русская мысль достигнет «действительного единства науки и жизни, слова и дела». Во второй статье цикла («Дилетанты-романтики») сконцентрированы эстетические воззрения Г. Он излагает концепцию исторических типов мировоззрения от античности до XIX в. Равно обращаясь к мыслителям и поэтам, впервые в истории русской общественной мысли он столь глубоко раскрывает философское содержание искусства. «Совершенство» человечества, по его мнению, адекватен «реализм» как мировоззрение и метод познания действительности как основа построения нового мира. Второй философский цикл Г., «Письма об изучении природы» (1844—1846), занимает выдающееся место в истории не только русской, но и мировой философской мысли. По словам В. И. Ленина, здесь Г. «сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени» (Полн. собр. соч.— Т. 21.— С. 256). Одна из главных идей работы — необходимость преодолеть исторически сложившийся разрыв естествознания и философии. Г. дает материалистическое прочтение гегелевской диалектики, рассматривая ее как закон существования и развития самой природы, и тем самым делает значительный шаг к соединению материализма и диалектики. Он пытается применить диалектику и к философии истории. Однако в своей философско-исторической концепции он останавливается перед историческим материализмом. Философские произведения Г. сыграли выдающуюся роль в воспитании поколения демократической интеллигенции второго этапа освободительного движения в России. Их высоко ценил Н. Г. Чернышевский.

Рост философской мысли Г. способствовал развитию его художественного таланта, выявлению его оригинальности. В 1845 г. был завершён начатый еще в 1841 г. в Новгороде роман «Кто виноват?» (Отечественные записки.— 1845.— № 12; 1846.— № 4; отд. изд. в 1847 г.). В 1846 г. написаны повести «Сорока-воровка» (Современник.— 1848.— № 2), после двух лет цензурных мытарств и «Доктор Крупов» (Современник.— 1847.— № 9). Вопрос: кто виноват в трагической судьбе одних и моральном уродстве других? — революционизировал общественное сознание. Он в равной мере звучит во всех трех произведениях. В «Докторе Крупове» заключена революционно-просветительская идея о нелепости политического гнета и социальной несправедливости, о всеобщем заблуждении, мешающем это понять. Повесть «Сорока-воровка» явилась откликом Г. на споры между западниками и славянофилами о положении русской женщины, о возможности существования в России гениальной актрисы. Героиня повести, крепостная актриса, — человек

огромной духовной силы, источник которой и в гордом протесте против рабства, и в сознании своего таланта.

Летом 1846 г. наметились разногласия в кругу западников (споры в Соколове по философским вопросам). Г. и Грановский решительно разделяет вера последнего в бессмертие души. Идейно и духовно близкими Г. остаются лишь Огарев и Н. А. Герцен. Объективно намечалось разделение демократической и либеральной тенденций в русском освободительном движении. Своей философской позицией Г. способствует этому процессу. К этому времени закончилась поражением борьба Г. за издание собственного журнала и стала окончательно ясна невозможность политической деятельности в России. Вместе с тем были очевидны признаки революционного подъема в Европе.

21 января 1847 г. Г. с семьей уезжает за границу, не предполагая еще, что покидает родину навсегда. Он полон веры в будущее, в свои силы и надеется, что грядущая революция принесет социальное освобождение народам Европы и явится началом освобождения его родины. «Письма из Avenue Marigny» (Современник.— 1847.— № 10—11) содержат анализ положения в предреволюционной и революционной Франции. С симпатией Г. рассказывает о французском народе. Он разоблачает буржуазную мораль, буржуазное искусство, буржуазную прессу. Критический пафос Г. отталкивает от него большинство западников. Лишь Белинский поддерживает его, хотя и не соглашается с ним в определении исторической роли буржуазии. Осенью 1847 г. в Риме Г. участвует в народных шествиях и манифестациях, присутствует на митингах, посещает революционные клубы. Он знакомится с виднейшими деятелями итальянского национально-освободительного движения: Чичеро-ваккио, Мацини, Гарибальди, Пизакане, Спини. Близким другом Г. становится Саффи. Свои впечатления об Италии Г. передает в «Письмах с Via del Corso» (1847), которые в России, однако, цензурой пропущены не были: в ответ на революционные события в Европе там начиналась общественная реакция. Оба цикла вошли в знаменитую книгу Г. «Письма из Франции и Италии» (1847—1852). В мае 1848 г. Г. возвратился в революционный Париж. Крах иллюзий в буржуазной республике с наибольшей очевидностью обнаруживается в июньские дни 1848 г., когда «озлобленные, взбесившиеся лавочники», одетые в мундиры Национальной гвардии, топили в крови парижских рабочих, шедших до конца в своих социальных требованиях. Г. расходится с представителями буржуазной демократии, которые продолжают питать иллюзии в отношении характера революции и республики, и надолго теряет веру в революционный Запад. Переживаемая Г. духовная драма запечатлена в книге «С того берега» (1847—1850; впервые опублико-

вана в 1850 г. в немецком переводе), которую Г. считал лучшим произведением из всего им написанного. Диалогическая форма книги воссоздает сложный, подчас мучительный процесс расставания с иллюзиями и направление дальнейших поисков истины. Важнейшие выводы Г.: человек — «не самовластный хозяин» в истории; «законы исторического развития... не совпадают в своих путях с путями мысли»; необходимо серьезно заняться историей «как действительно объективной наукой».

Идейный кризис осложняется личными несчастьями. Г. переживает семейную драму, вызванную увлечением жены Г. немецким поэтом Г. Гервегом. В ноябре 1851 г. во время кораблекрушения погибают мать Г. и его младший сын. В мае 1852 г. умирает Н. А. Герцен. «Все рухнуло — общее и частное, европейская революция и домашний кров, свобода мира и личное счастье» (X, 25). Надо было быть человеком великого духа, чтобы не сломиться. От отчаяния Г. спасает вера в свой народ, в будущее России («За эту веру в нее, за это исцеление ею — благодарю я мою родину» — V, 10). Одним из путей духовного возвращения Г. на родину стала работа над книгой-исповедью, книгой воспоминаний «Былое и думы» (1852—1868). Начатый в октябре 1852 г. в Лондоне, куда Г. переехал вскоре после смерти жены, труд этот вывел его из «праздного отчаяния», в котором он погибал, и «воротил к цели».

Испытания, выпавшие на долю Г., не были только его личными испытаниями. В них прошла проверка на зрелость передовая мысль России, ее материалистические идеи, диалектика, ее демократизм и социалистические идеалы. Оставаясь в эмиграции (в России его ждала расправа царского правительства), Г. считал себя ответственным за будущее России. На первом этапе своей заграничной деятельности Г. считает необходимым «знакомить Европу с Русью», с ее подлинной историей, «скрываемой за фасадом империи». В книге «О развитии революционных идей в России» (впервые опубликована в 1851 г. на немецком языке; в том же году издан французский оригинал; в русском переводе вышла нелегально в Москве в 1861 г.) Г. рассказывает о русском народе, его борьбе против рабства, о передовой общественной мысли России, о русской литературе, защищающей интересы народа («единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести»). Г. впервые рассматривает историю русской литературы в ее связи с освободительным движением. Одновременно он разрабатывает теорию «русского социализма», которая станет идеологической основой народничества 60—70 гг. Этому посвящены его работы «Россия» (1849), «Письмо русского к Маццини» (1850), «Русский народ и социализм» (1851). Г. полагает, что в России, где буржуазно-собственнические отношения

не получили развития, социалистические идеи смогут быть осуществлены легче, чем в Западной Европе. В общественной собственности на землю он усматривает «зародыш социализма». Развитие его возможно лишь при условии совершенствования общинного самоуправления и полной свободы лица, т. е. при ликвидации самодержавно-крепостнического строя. Г. надеялся в то время, что Россия может миновать буржуазный путь развития. Социалистический идеал Г., оставаясь утопическим, становится выражением революционных требований русского крестьянства.

В 1853 г. Г. основывает Вольную русскую типографию в Лондоне. Это «лучшее дело» своей жизни Г. назовет «наиболее практически революционным, какое русский может сегодня предпринять в ожидании исполнения иных, лучших дел» (XII, 79). Первая прокламация «Юрьев день! Юрьев день!» была обращена к русскому дворянству, на образованное меньшинство которого Г. еще возлагает надежды. Блестящим образцом антикрепостнической публицистики является брошюра «Крещеная собственность» (1853). В 1855 г. Г. начал издавать альманах «Полярная звезда» (название повторяет издание Рыльева и Бестужева; на обложке — профили пяти казненных декабристов). Здесь были опубликованы «Путешествие из Петербурга в Москву» Радищева, запрещенные стихи Пушкина, Рыльева, Лермонтова, Полежаева, первое «Философическое письмо» Чаадаева, знаменитое письмо Белинского к Гоголю, печатались произведения Г. и Огарева, «Записки» декабристов, русские мемуары XVIII в. и др. мемуарные материалы.

1 июля 1857 г. (вскоре после приезда в Лондон Огарева) вышел первый лист газеты «Колокол», ставившей главной задачей борьбу за освобождение крестьян. Вскоре в «Колокол» стали поступать корреспонденции из России. Газета, тайно перевозимая в Россию и все более широко распространявшаяся там, стала одним из факторов складывавшейся революционной ситуации 1859—1861 гг. «Мы крик русского народа, битого полицией, засекаемого помещиком», — писал Г. Однако обличительная мощь «Колокола» вступала в противоречие с сохранявшейся у Г. надеждой на освобождение крестьян сверху и его обращениями к Александру II. Либеральные колебания Г. вызвали критику со стороны руководителей революционно-демократического движения в России. Для объяснения с Г. в Лондон в 1859 г. приезжал Чернышевский. В «Колокол» было адресовано «Письмо из провинции» за подписью *Русский человек* (опубл. 1 марта 1860 г.), побуждающее Г. открыто призывать к революционной борьбе. В русле этих противоречий и полемика Г. с Добролюбовым по вопросам о значении обличительной литературы в России и месте «лишних людей» в общественной жизни и литературе (статьи Г. «Very Dangerous!!!» и «Лишние люди и желчевники»). 1861 г., верши-

на революционной ситуации в России, стал решающим в преодолении Г. либеральных иллюзий. Восстания в селах Бездна и Кандеевка, выявившие отношение крестьянства к реформе, заставили Г. по-иному взглянуть на родную страну. Увидев революционный народ, Г. непосредственно обращается к нему в своих памфлетах «Двенадцатое апреля 1861 г. (Апраксинские убийства)», «Мартиролог крестьян», «Ископаемый епископ, допотопное правительство и обманутый народ». В своей публицистике и «Былом и думах» Г. приватствует в разночинной интеллигенции «молодых штурманов будущей бури» (XI, 341). Г. участвует в создании и деятельности «Земли и воли», крупнейшей революционной организации 60 гг.

Исключительное значение для морального авторитета русской общественной мысли и революционного движения имела поддержка «Колоколом» польского восстания 1863 г. Посвященные Польше публикации Г. в «Колоколе» («Плач», «Протест», «1863», «Братская просьба к русским воинам») остаются лучшими страницами русской публицистики. Наступившая в России общественная и политическая реакция, разгул шовинистической и антидемократической пропаганды, арест руководителей революционного лагеря не могли не отозваться на судьбе «Колокола». Его популярность в России падает. Г. и Огарев тем не менее продолжают издание. В 1865 г. Вольная русская типография была переведена в Женеву, ставшую центром русской революционной эмиграции. В 1867 г. Г. прекращает издание «Колокола» (еще год газета издавалась на фр. яз. с русскими прибавлениями). Он полагал, что «Колокол» сыграл свою роль в истории освободительного движения России. Своей главной задачей теперь Г. считал разработку революционной теории. Новый этап развития теоретической мысли Г. находит отражение в опубликованных уже посмертно письмах «К старому товарищу» (1869). В «международных рабочих съездах» (конгрессы I Интернационала) Г. усматривает «первую сеть и первый всход будущего экономического устройства» (XX, 582). Выступая против анархизма Бакунина, Г. настаивает на необходимости глубокого теоретического обоснования грядущего социального переворота. Он должен быть результатом сознательного исторического действия масс. Только при этом условии возможно сохранение материальных и духовных ценностей культуры («Горе бедному духом и тощему художественным смыслом перевороту»). Утверждая идею творческого характера социализма, Г. предостерегает от опасности, таящейся в идеях «казарменного коммунизма» («каторжное равенство» Гракха Бабёфа и «коммунистическая барщина» Кабе).

Смерть оборвала несомненное начало нового этапа в жизни Г. Весной 1869 г., после нескольких лет скитаний по Европе, он решил обосноваться

в Париже, чувствуя там «электрическую атмосферу», близкую к грозе. 21 октября 1869 г. он писал Огареву: «Мы бродим на вулкане...» Через три месяца Г. не стало. Он был похоронен на кладбище Пер-Лашез; позже прах Г. был перенесен в Ниццу и погребен рядом с могилой его жены.

Место Г. в истории русской литературы определяется прежде всего своеобразием и масштабом идейных исканий писателя. В его личности и судьбе, в обретенном им реальном историческом деле нашла воплощение живая связь важнейших эпох русской и европейской жизни XIX столетия. Г. высказывал неудовлетворенность известными ему литературными типами. Он проявлял особый интерес к людям, обладающим известной независимостью от среды, тающим возможности роста, не останавливающимся в своем идейном развитии и потому не поддающимся общим («гуртовым») социальным определениям. Тем самым он обосновывал и свое преимущественное внимание к реальным лицам и событиям, и свое право на автобиографию. Автобиографические и документальные жанры мы находим у истоков творческого пути Г. Вершиной его творчества стала мемуарно-автобиографическая книга «Былое и думы». Творческие открытия Г. следует рассматривать в русле исканий русской литературы второй половины XIX в., прежде всего в соотношении и объективных связях с творчеством Толстого и Достоевского. Характерно, что оба гениальных русских писателя высоко ценили художественный талант Г., его новаторство. Плодотворным для развития русской литературы была ориентация на идейный и художественный диалог с Г. многих его современников (помимо Толстого и Достоевского, следует назвать Тургенева, Чернышевского, Лескова, Г. Успенского, в дальнейшем Буннина).

Наследие Г. — свидетельство взаимодействия и взаимообогащения теоретической и художественно-образной форм познания действительности. Белинский первым отметил «могущество мысли» как ведущую особенность таланта Г. Однако в его восприятии мысль Искандера неотделима от его гуманности. Характерна также оценка Грановским повести «Доктор Крупов»: «Так шутил Вольтер во время оно, но в Крупове более теплоты и поэзии». За «фейерверчным блеском» герценовского остроумия «искренность и теплоту» всегда чувствовал Тургенев. Несомненно творческое самоопределение Г. в его оценке «артистического юмора» Гофмана в противоположность «разрушающему юмору» Байрона и «ядовитой, адской змеиной насмешке» Вольтера. Утверждая ведущее начало мысли в художественной прозе Г. («У Искандера мысль всегда впереди»), Белинский не забывая и о другой грани его творчества — «поразительной верности действительности». Она неотделима от того «трепетного сочувствия с жизнью», которое Г. ценил

в Гете и которое в не меньшей степени было присуще ему самому. Принципиально чуждый догматизма, Г. — философ и художник утверждал приоритет реальной действительности перед мыслью, ее постигающей.

Ярко выраженное личностное начало («печать личности», по выражению Белинского) определяет единство всего написанного Г., будь то исполненная лиризма публицистика, или лирически окрашенные страницы философских произведений, исповедальное начало в повестях и романе, или собственно автобиографическое повествование. Примечателен отзыв Н. В. Шелгунова о сборнике Г. «Раздумье», вышедшем анонимно в России в 1870 г. (в составе сборника наряду с художественными философские, публицистические и литературно-критические произведения Г.): «Это связанная нить событий внутреннего мира человека; это — роман и исповедь человеческой души...» (см.: А. И. Герцен в русской критике. — М., 1953. — С. 202—203). Такого рода единство позволяет говорить об общих особенностях прозы Г.: присутствием ей философском начале, ее образности, блеске остроумия, богатстве исторических и художественных ассоциаций, об отражении в ее стиле самого процесса течения мысли и постижения истины. Очевидна, однако, эстетическая неравнозначность различных жанровых форм герценовской прозы. В современном литературоведении со всей бесспорностью к собственно художественным произведениям относят повести и роман Г. Несомненно значение художественного обобщения в «Былом и думах» и таких публицистических произведениях, как «Письма из Франции и Италии», «С того берега», «Концы и начала». Как явление лирической прозы правомерно рассматривать такие статьи Г. в «Колоколе», как «Mater dolorosa», «Плач», «Mortuos plango». Вершина творчества Г. — «Былое и думы» соединяет все разновидности его прозы: художественные портреты и исповедь, дневники, письма, теоретические статьи и политическую публицистику. Обобщение реального жизненного материала основывается в этой книге на всем предшествующем опыте Г. — философа, романиста и публициста.

В творческом пути Г. отчетливо выявляются этапы: романтизм 30 гг., художественная проза «натуральной школы», публицистика и лирическая проза эпохи 1848 и следующих за ними лет, творчество 60 гг.

В раннем творчестве Г. скрещивается много литературных влияний. Сам Г. указывал на воздействие на него Жан Поля (Рихтера), Гюго и Шиллера. Несомненно воздействие и прозы Карамзина. Г. как бы примеряет к себе различные литературные формы, и все они не удовлетворяют его (повесть «Елена», «Легенда», «Из римских сцен», «Вильям Пен»). Наиболее «своими» Г. казались опыты «прямо рассказывать воспоминания из своей жизни». Уже в 30 гг. у него

родился замысел передать «пером симпатии» портреты людей, действовавших на его жизнь. Удачными сам Г. считал «I Maestri» (портреты поэтов Дмитриева, Жуковского и художника и архитектора Витберга), «Вторую встречу» (о встрече с польским ссыльным П. Цехановичем) и романтическую автобиографию «О себе» — «позму юности», оканчивавшуюся встречей с Н. А. Захарьиной. В остальных находил лишь «две-три порядочные страницы». Своеобразные черты Г.-писателя, которые будут свойственны его творчеству последующих периодов, мы видим в жанре философского диалога («Из римских сцен», «Первая встреча») и в такой важной сюжетной ситуации, как идейно значительная встреча («Первая встреча», «Вторая встреча», «Симпатии»). Переходной на пути от романтизма к реализму была повесть «Записки одного молодого человека» (Отечественные записки. — 1840. — № 12; 1841. — № 8). Первую часть повести составляет романтическая автобиография молодого человека, вторая содержит «описание патриархальных нравов города Малинова», в котором герой оказывается не по своей воле. Обе части соединены не только биографией героя, но и постановкой важнейшей для русской литературы проблемы героя времени. Русский романтик, воспитанный на искусстве Древней Греции, сочинениях Плутарха, творчестве Шиллера и Гете, поэзии Пушкина, идеях Великой французской революции, показан в его встрече с реальной действительностью России середины 30 гг. Он обличает нравы малиновцев, стремится к внутренней независимости («стоять головою выше обстоятельств»). Но автор (и здесь он возвышается и над молодым человеком, от имени которого ведется повествование, и над своей романтической юностью) понимает, что и малиновский мир имеет свое «генеалогическое дерево», «твердо растет на прошедшем и верен своей почве». Вне реальности настоящего жизнь героя никоим образом «не влетает» в жизнь человечества. Этой идее служит образ другого героя — Трензинского, раскрываемый в диалогах-спорах с «молодым человеком». Трензинский уже потерпел поражение в борьбе с обстоятельствами, но вынес глубокое убеждение в необходимости для человека реального практического дела. Осмысляя жизненные перспективы «молодого человека», автор не исключает для него и возможности превратиться в одного из малиновцев. Нельзя не заметить воздействия на повесть романа Лермонтова «Герой нашего времени», в 1839—1840 гг. печатавшегося в «Отечественных записках». В описании быта Г. следует гоголевской школе.

Поставленные в повести проблемы получают дальнейшее развитие в романе «Кто виноват?», явившемся этапным в истории этого жанра в русской литературе. В романе содержится глубокий анализ социальных обстоятельств русской жизни второй половины 30 — нач. 40 гг.

(петербургская столица и провинция, крепостнические порядки в помещичьем доме, петербургские углы и жизнь дворовых крестьян). Размышления героя о Петербурге и губернском городе соотносятся с его граничными впечатлениями, мысли о современности — с фактами истории. Исследовательская устремленность авторской мысли ощутима и в пристальном внимании автора к «биографиям» героев. Г. пытается разгадать тайные пружины человеческих поступков, уловить в личности заряд сопотвращения среде, способность к пробуждению и развитию чувства собственного достоинства и гуманности. Особенно характерна в этом отношении судьба Софи Бельтовой, матери главного героя романа. Вынося приговор социально-политическому строю за искаленные человеческие души и судьбы, Г. ставил вопрос и об ответственности личности за свою собственную судьбу. Этот вопрос наиболее полно освещается во второй части романа в изображении четырех его героев — Дмитрия Круциферского, Любови Александровны Круциферской, доктора Крупова и Владимира Бельтова. В романе приобретают значение такие критерии оценки личности, как «реальность», «действительность» натуры, способность к идейному и духовному росту, умение противостоять обстоятельствам. Выясняется, что окончивший в свое время университет учитель гимназии Круциферский остановился в своем развитии. Скептик Крупов легко разбивает этого мечтателя-идеалиста в спорах. Однако очевидно, что и доктор Крупов, натура более сильная, практическая, тоже остановился в идейном развитии. «Медицинский материализм» ограничил его кругозор, отвлек от общественных проблем. В центре сюжета романа — встреча Владимира Бельтова и Любови Александровны Круциферской. Впервые в русской литературе любовь мужчины и женщины оказывается непосредственно связанной с кругом их идейных запросов. Герои романа оказались в ситуации неразрешимых противоречий. В связи с семейной драмой Круциферских утверждается мысль о необходимости гармонии «частного» и «общего» в жизни человека. Наиболее сильной духовно и цельной личностью является Любовь Александровна Круциферская. Серьезно осмысливается отсутствие такой же цельности в Бельтове. Стремления Бельтова к общественной деятельности оказались нереализованными. Главную причину общественной драмы Бельтова Г. усматривает в самодержавно-крепостническом строе и атмосфере политической реакции. Вместе с тем Г. подчеркивает и непрактичность Бельтова, его неспособность к серьезному, долговому, терпеливому труду. Эти недостатки героя не трудно объяснить его воспитанием, оторванным от реальных жизненных условий, характерами его матери и воспитателя жезевца Жозефа. Разночинец Крупов в числе немаловажных причин называет и отсутствие

необходимости трудиться из-за куска хлеба. Однако во второй части романа акцент на этих обстоятельствах ослаблен. Это было замечено Белинским, который хотел бы видеть в романе более тесную связь между слабостью натуры Бельтова и его положением богатого помещика. Г. же во второй части романа доверяет Бельтову очень важные и глубокие мысли. Таково, напр., рассуждение о запросе истории на общественных деятелей. Бельтов пытается конкретно-исторически объяснить свою судьбу «лишнего человека». Такое понимание было результатом осмысления Г. опыта декабристов, идейного опыта людей его круга, передовых людей 40 гг. То есть Г. приближает Бельтова к этим исключительным людям. Недаром уже в 60 гг. он заметит: «У Рудинных и Бельтовых иной раз бывает и воля, и настойчивость», «видя невозможность деятельности, к которой они стремились по внутреннему влечению, они бросали многое, уезжали на чужбину и заводили... русскую книгопечатню и русскую пропаганду» (XX, 339—340). Но это лишь возможность, для ее претворения в действительность Г. и стремился воздействовать на образованную часть дворянской молодежи. Лишь немногие оправдают эти надежды. Типичной для Бельтовых и Рудинных окажется судьба «лишних людей». Опыт жизни реальных исключительных личностей, стоящий за героем романа, присущие ему черты автобиографичности придают произведению оптимистическое звучание. Не меньшее значение имеет и непосредственное выражение идей автора, печать его личности. Не только содержанием, но и своей тональностью, ритмическим строем авторские рассуждения в романе, как и некоторые рассуждения его героев, напоминают высказывания Г. в его письмах, записи в дневнике. В языке романа, в его повествовательном слоге ощутим Г.-рассказчик, полемист, участник идейных споров 40 гг., восхищавший и изумлявший собеседников энциклопедичностью и одновременно «какой-то безоглядной расточительностью ума». Одновременно герценовскому слогу присущи и свойственные живой разговорной речи отступления от более строгих ее письменных форм. «Язык его, до безумия неправильный, приводит меня в восторг: «живое тело», — писал И. С. Тургенев. Большой интерес представляют художественные искания Г. в его незавершенном романе «Долг прежде всего» (1847—1852). В первых пяти главах романа Г. с большей полнотой, чем в каком бы то ни было из своих прежних произведений, проявляет свойственный ему дар художественной типизации. Судя по тому, как основательно исследованы уходящие в далекое прошлое корни той среды, которая должна была мотивировать характер его героя-дворянина, можно предположить, что Г. ставил задачу более обстоятельного его социально-исторического и психологического обоснования, чем это имело

место в романе «Кто виноват?». Спокойная, объективная манера письма, полное устранение автора от вмешательства в повествование подчеркивают доверие к эпической форме, логике развития характеров. Опубликованная часть романа вызвала восхищение Толстого. Здесь Г. выступает как непосредственный предшественник автора «Войны и мира» и «Анны Карениной». Но роман Г. не был завершен. Примечательно, что авторский пересказ продолжения романа «Долг прежде всего» в письме к немецкому переводчику В. Вольфзону (см.: VI, 524) воспринимается как самостоятельное произведение, родственное по стилю и формам выражения авторской личности художественным произведениям Г. 40 гг.

В старой манере, хотя и на основании богатейшего опыта «Былого и дум», написаны и повести Г. 60 гг. «Скуки ради» и «Доктор, умирающий и мертвые». Задуманное эпическое полотно требовало к тому же, чтобы художественная деятельность стала главной для Г. Значение художественной прозы Г., основанной на вымышленном повествовании, было велико в тот период, когда наиболее отвечающие его таланту мемуарно-автобиографические формы временно исчерпали себя. «Эпохи» собственного развития были уже обобщены и в ранних опытах автобиографии, и в «Записках одного молодого человека». Литературная деятельность ни по своему значению, ни по своему месту в жизни Г. не могла у него явиться основой автобиографического произведения, как это было, напр., у Гете. Лишь последние исторические события, испытания, выпавшие на долю Г., революционное дело, в котором он преодолевал свою духовную драму, сообщили новую жизнь мемуарам и автобиографии Г.

Замысел «Былого и дум», как и его творческое воплощение, непосредственно связан с духовной драмой 1848 г. и следующих за ним лет. В своей книге Г. ставил одной из главных задач — «заключить счет с личной жизнью... остальные думы — на дело, остальные силы — на борьбу». Для Г. это означало понять, как его личная жизнь, его семейная драма связаны с исторической драмой и драмой его идей. Он отдавал себя, свою жизнь на суд истории. Чтобы разобраться во всем, нужно было вновь вернуться к истокам своих убеждений, к спорам с друзьями и полемике с врагами в России и на Западе, к детским впечатлениям, росткам юной мысли, шаг за шагом в «думах» повторить «былое», чтобы понять, что остается истинным, а что оказалось заблуждением. Осуществляя эту задачу, Г. открыл, как глубоко жизнь личности уходит в большой мир истории. Именно это открытие поставило его книгу в ряд не только великих автобиографий прошлого, но и крупнейших художественных произведений своего времени.

Природа единства книги Г. и в ее философско-лирической, и в ее эпической основе остается

мемуарно-автобиографической. Однако по силе эстетического воздействия люди, о которых рассказывает Г., не уступают литературным типам, а его исповедь имеет поэтическое звучание.

Исповедь и рассказ о событиях и людях объединены общей идеей. Г. назвал ее в предисловии к пятой части «Былого и дум» «отражением истории в человеке». Исторический аспект охватывает в «Былом и думах» все стороны жизни и все многообразные отношения людей — не только социальные, политические, но и нравственные, семейные, личные. И в объективном мире, в судьбах своих современников, и в собственной жизни Г. стремился показать неразрывную связь прошлого, настоящего и будущего. Большое и малое, крупное и мелкое показаны в потоке истории, понятой как сложный процесс умирания старого и рождения нового мира. Философско-исторической концепции Г. подчинены портреты современников: Чаадаева и Белинского, Грановского, бр. Аксаковых, Хомякова, Мицкевича, Оуэна, Гарибальди и многих, многих других. Отношение к историческому процессу, способность к развитию, духовному росту являются первым критерием оценки личности в «Былом и думах». Однако идея исторического самоопределения личности не только не ослабляла, но, напротив, в большей мере выявляла ее самостоятельную ценность. Человек выступает в «Былом и думах» во всем богатстве проявлений в нем жизни — радости бытия и одновременного ощущения его пределов, в любви и ненависти, в счастье и горе, в поэзии дружбы и первой любви, в общественной борьбе и наедине с природой. Только в самобытной индивидуальности и общественные ценности, и исторические закономерности проявляются наиболее полно и жизненно. Индивидуальности, не ставшие личностями, превращаются в орудия социальных сил, в их придаток, средство, «людей для мундира». «Человека-то и не нужно было ни для иерархической пирамиды, ни для преуспевания помещичьего быта». Многочисленные представители царской бюрократии на страницах «Былого и дум» предвосхищают сатирических персонажей Салтыкова-Щедрина. Даже такое наиболее общее, как национальные особенности, выступает полнее в личности неповторимых, своеобразных (Белинский, Бакунин, Гарибальди, Мицкевич). Национально безлик мещанин. Г. заметил по поводу Наполеона III: «Он уничтожает, осредотворяет в себе все резкие стороны национального характера и все стремления народа». В «Былом и думах» Г. диалектически решает вопрос о социально-исторической обусловленности человеческой судьбы и той роли, которую в жизни отдельной личности играют ее собственные «воля и разум». Рассказывая о себе, людях своего поколения, поколения петрашевцев и шестидесятников, он показал, что сознательное участие

в революционном движении, активная защита интересов народных масс, искания истины позволяют человеку оставить в истории следы «борозду», дают возможность вставить в ее «импровизацию» «свой стих». Такое изображение жизни таило новые возможности ее познания и намечало важные перспективы дальнейшего развития реализма в русской литературе.

Еще при жизни Г. «Было и думы» были переведены на английский (1855), немецкий (1855) и французский (1860—1862) языки. Известен высокий отзыв Гюго о книге Г. Сохранились пометки Маркса на полях русского издания «Былого и дум». Примечателен отзыв о Г. в рецензии на французский перевод книги, опубликованной в английской газете «Leader»: «Гете мог бы усмотреть в нем яркое подтверждение теории грядущей универсальной литературы. Все, что он делает и создает для России, в то же время становится достоянием остальной Европы, и вся Европа с большим интересом и сочувствием смотрит на все возрастающую энергию его деятельности» (см.: XI, 766).

Соч.: Соч. А. И. Герцена и переписка с Н. А. Захарьиной: В 7 т.—Спб., 1905.—Т. 7; Полн. собр. соч. и писем: В 22 т. / Под ред. М. К. Лемке.—Пг., 1915—1925; Собр. соч.: В 30 т.—М., 1954—1965.

Лит.: Белинский В. Г. Взгляд на русскую литературу 1847 г. // Полн. собр. соч.—М., 1956.—Т. X; Плеханов Г. В. Соч.—М.; Л., 1926.—Т. 23; Горький М. История русской литературы.—М., 1939; Луначарский А. В. Герцен и люди 1840-х годов // Луначарский А. В. Русская литература. Избр. ст.—М., 1947; Веселовский А. Н. Герцен-писатель.—М., 1909; Ветринский Ч. (Чешихин В. Е.). Герцен.—Спб., 1908; А. И. Герцен в русской критике: Сб. ст.—2-е изд.—М., 1953; Герцен в воспоминаниях современников.—М., 1956; Гинзбург Л. «Было и думы» А. И. Герцена.—Л., 1957; Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия.—М., 1973; Смирнова З. В. Социальная философия Герцена.—М., 1973; А. И. Герцен—художник и публицист.—М., 1977; Татаринова Л. Е. А. И. Герцен.—М., 1980; Герцен—мыслитель, писатель, борец.—М., 1985; Птушкина И. Г. Александр Иванович Герцен.—М., 1987; Летопись жизни и творчества А. И. Герцена. 1812—1870: В 4 кн. 1812—1867.—М., 1974—1987.

Л. И. Матюшенко

ГИЛЯРОВСКИЙ, Владимир Алексеевич, псевдоним — *дядя Гилый* [26.XI (8.XII).1853, имение Вологодской губ.—I.X.1935, Москва] — прозаик, поэт, журналист, мастер поэтического экспромта. Родился в семье служащего. Получил первоначальное домашнее образование, учился в Вологодской гимназии.

Истинным другом и воспитателем Г. (мать умерла, когда ему было восемь лет) стал двоюродный брат дедушки, беглый матрос П. Китаев — сильный и смелый человек, который учил Г. лазанью по деревьям, боксу, борьбе, гимнастике, плаванию, верховой езде, рассказывал о приключениях и путешествиях. В доме отца Г. познакомился с политическими ссыльными, которых немало было в Вологде, студентами Московского и Петербургского университетов.

В 1871 г. под влиянием прочитанного рома-

на Н. Г. Чернышевского «Что делать?» и особенно образа Рахметова Г. бежал из отцовского дома на Волгу. Скитания Г. по России длились десять лет. Он близко познакомился с жизнью и бытом трудового народа, босяков, сам ходил бурлаком, работал крючником (грузчиком), пожарным, рабочим на заводе свинцовых белил, обездичком лошадей, провинциальным актером. Работа в театре свела его с интересными людьми, познакомила с русской и мировой классикой.

Во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. добровольно вступил в военную службу. Был разведчиком. Награжден орденом. После окончания военных действий вернулся к актерской деятельности в Пензе, а в 1881 г. стал москвичом.

В 1881 г. в журнале «Будильник» опубликовал стихотворение «Все-то мне грезится Волга широкая», по словам Г., «открывшее дверь в литературу» (Мои скитания.—С. 215). С этого времени регулярно начал печататься как поэт и репортер в московских изданиях.

В 1883 г. появляется его первый рассказ «Обыкновенный случай» в газете «Современные известия», в 1885 г. рассказы «Человек и собака», «Обреченные» в газете «Русские ведомости», которые были отмечены литераторами старшего поколения М. Е. Салтыковым-Щедриным и Г. И. Успенским. Г. хорошо изучил Москву. Его репортажи отличались достоверностью, он стал признанным «королем репортажа».

Большой жизненный опыт, близость к беднякам и босяцким низам определили темы его первых рассказов и очерков. На самом дне жизни он находил замечательные характеры, сильных духом людей, мечтавших о казацкой вольнице Степана Разина. Видел он и мрачные стороны жизни: беспросветную бедность, городские трущобы. Бесстрашие, физическая сила (он мог узлом завязать кочергу, двумя пальцами согнуть серебряную монету) помогали ему выходить невредимым из самых сложных ситуаций.

По совету Г. И. Успенского и настоянию А. П. Чехова в 1886 г. Г. собрал и напечатал первые рассказы под названием «Трущобные люди». Наиболее значительный рассказ «Обреченные» — об изнуряющем труде рабочих на белильном заводе. По распоряжению цензуры книга была запрещена за изображение жизни с мрачной стороны, отпечатанный тираж был сожжен.

Г. много работал в дореволюционной журналистике («Русские ведомости», «Россия», «Русское слово», «Журнал спорта» и др.). Печатал репортажи, очерки, рассказы, стихи. Наиболее известный репортаж Г.— «Катастрофа на Ходынском поле» (1896), а также репортаж 1905 г. о маевке в Сокольниках — «Праздник рабочих».

К столетию Н. В. Гоголя («Тараса Бульбу» и другие сочинения писателя Г. любил с детства) Г. предпринял поездку в село Большие Сорочин-

цы, уточнил дату и место рождения писателя (опубл. в журнале «Русская мысль». — 1900. — № 2). Тогда же он сделал доклад в Обществе любителей российской словесности о поездке. В 1902 г. вышла книга Г. «На родине Гоголя», в 1909 г. — статья «О современниках Гоголя» (Русское слово. — № 95).

В советское время Г. издает поэмы «Петербург» (1922), «Стенька Разин» (1928), ряд книг, в которых в живой и занимательной форме воспроизводит нравы и быт старой Москвы, в частности: «От Английского клуба к Музею Революции» (1926), «Москва и москвичи» (1926), «Записки москвича» (1931), «Друзья и встречи», «Москва-газетная» (1934) и др. Книги были тепло встречены советской общественностью.

Г. — сторонник реализма. Проза его отличается простотой, живостью, массой интересных деталей, оптимизмом, несет на себе отпечаток незаурядной личности самого рассказчика. От репортерских навыков идет подкупающая достоверность, живость портретов и описаний, ощущение сиюминутности происходящего, аромат времени. Г. справедливо называют бытописателем старой Москвы.

В его книгах, очерках, репортажах сохранились сведения о писателях (Г. И. Успенском, А. П. Чехове, Л. Толстом, Я. П. Полонском, В. М. Дорошевиче, А. А. Блоке и др.), художниках, артистах, редакторах периодических изданий, интересных исторических событиях (напр. о полетах С. Уточкина, урагане 1904 г. в Москве, памятных местах Москвы, отдельных зданиях) и т. д.

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. — М., 1967; Избранное. В 3 т. — 1960; Забытая тетрадь. Стихотворения. — М., 1894, 1896, 1901; Стенька Разин. Поэма. — М., 1928; Москва и москвичи. — М., 1926, 1935, 1959; От Английского клуба к Музею Революции. — М., 1926; Мои скитания. Повесть бродяжной жизни. — М., 1928; Вологда, 1958; Записки москвича. — М., 1931; Друзья и встречи. — М., 1934; Люди театра. Повесть актерской жизни. — М.; Л., 1941; На жизненной дороге. — Вологда, 1959.

Лит.: Бедный Д., Вишневский В., Леонов Л., Толстой А. и др. Памяти В. А. Гиляровского // Правда. — 1935. — № 273; Никулин Л. «Москва и москвичи» дяди Гиляя // Москва. — 1957. — № 3; Лидин В. Г. Люди и встречи. — М., 1957; Паустовский К. Дядя Гиляй (В. А. Гиляровский) // Собр. соч. — М., 1958. — Т. 5; Гура В. В. Жизнь и книги дяди Гиляя. — Вологда, 1959; Киселева Е. В. А. Гиляровский и художники. — Л., 1961; Морозов Н. И. Сорок лет с Гиляровским. — М., 1963; Киселева Е. Жизнь и творчество В. А. Гиляровского. — М., 1966; Лобанов В. Столешники дяди Гиляя. — М., 1972; Чехов М. П. Вокруг Чехова. — М., 1981; Киселева Е. Рассказы о дяде Гиляе. — М., 1983; Есин Б. И. Репортажи В. А. Гиляровского. — М., 1985.

Б. И. Есин

ГИППИУС, Зинаида Николаевна, псевдоним — *Антон Крайний* [8(20).XI.1869, Белев Черниговской губ. — 9.IX.1945, Париж] — поэт, прозаик, критик. В 70 гг. отец Г. служил товарищем обер-прокурора сената, но вскоре (после обострения туберкулеза) переехал с семьей в Нежин, где получил место председателя суда. После его смер-

ти (1881) семья переселилась в Москву, а затем в Ялту и Тифлис. Женской гимназии в Нежине не было, и основам наук Г. обучали домашние учителя. В 80 гг., живя в Ялте и Тифлисе, Г. увлекается русской классикой, особенно Ф. М. Достоевским.

Летом 1889 г. Г. выходит замуж за Д. С. Мережковского и вместе с мужем переезжает в Петербург, где и начинает литературную деятельность в кружке символистов, который в 90 гг. складывается вокруг журнала «Северный вестник» (Д. Мережковский, Н. Минский, А. Волынский, Ф. Сологуб) и популяризирует идеи Бодлера, Ницше, Метерлинка. В русле настроений и тем, собственных творчеству участников этого кружка, и под влиянием новой западной поэзии начинают определяться поэтические темы и стиль поэзии Г.

В печати стихи Г. появились впервые в 1888 г. в «Северном вестнике» за подписью З. Г. Основные мотивы ранней поэзии Г. — проклятия скучной реальности и прославление мира фантазии, искание новой нездешней красоты («Мне нужно то, чего нет на свете...»), тоскливое ощущение разобщенности с людьми и в то же время — жажда одиночества. В этих стихах отразились основные мотивы ранней символистской поэзии, ее этический и эстетический максимализм. Подлинная поэзия, считала Г., сводится лишь к «тройной бездонности» мира, трем темам — «о человеке, любви и смерти». Поэтесса мечтала о примирении любви и вечности, но единственный путь к этому видела в смерти, которая только и может спасти любовь от всего преходящего. Эти раздумья на «вечные темы» определили тональность многих стихов Г. 900 гг.

Те же настроения господствовали и в двух первых книгах рассказов Г. «Новые люди» (1896) и «Зеркала» (1898). Основная мысль их — утверждение истинности лишь интуитивного начала жизни, красоты «во всех ее проявлениях» и противоречиях и лжи во имя некоей высокой истины. В рассказах этих книг — явное влияние идей Достоевского, воспринятых в духе декадентского миропонимания.

Наиболее «ярким событием» своей «внешней жизни» Г. считала организацию (при активном участии Мережковского) в нач. 900 гг. Религиозно-философских собраний (1901—1902), смысл которых состоял в призыве к религиозному возрождению и проповеди некоего апокалиптического неохристианства, веры в Христа грядущего. Утверждалась равносвятость Святой плоти и Святого духа в их грядущем синтезе. Это были тезисы религиозного учения Мережковского, которое он проповедовал в те годы. Печатным органом Собраний стал журнал «Новый путь» (1903—1904). Увлечение Г. богословскими идеями Мережковского приводит к тому, что многие ее стихи становятся поэтически неубедительным их изложением («Христу», «Господь Отец», «За

Дьявола Тебя люблю...», «Предсмертная исповедь христианина» и др.). Но среди стихов Г. 900 гг. есть и истинно художественные вещи, которые высоко оценивались современниками («Сосны», «Дождичек»). Поэтический талант Г. проявлялся в полную силу тогда, когда она отвлекалась от проповеди мистических идей Мережковского. Лучшее, что создано Г.-поэтом, относится к позднейшему времени — к 10 гг. Ее стихи этих лет отличаются умением передать сложность и противоречивость человеческого чувства, яркой афористичностью. С подлинным мастерством владела Г. «свободным стихом», звукописью, музыкой стиха.

В идейно-творческом развитии Г. большую роль сыграла первая русская революция, которая обратила ее к вопросам общечеловечности. Они начинают теперь занимать большое место в ее стихах, рассказах, романах. После революции выходят сборники рассказов «Черное по белому» (1908), «Лунные муравьи» (1912), романы «Чертюва кукла» (1911), «Роман-царевич» (1913). Но говоря о революции, создавая образы революционеров, Г. утверждает, что истинная революция в России возможна лишь в связи с революцией религиозной (точнее — в результате ее). Вне «революции в духе», убеждала Г., изображая в «Чертювой кукле» русскую послереволюционную действительность, социальное преобразование — миф, вымысел, игра воображения, в которую могут играть лишь неврастеники-индивидуалисты.

Тогда же Г. выступает и как литературный критик. В 1908 г. выходит «Литературный дневник» — сборник ее критических статей, опубликованных ранее в журнале «нового» направления. Написаны они в манере доверительного разговора с читателем, в форме авторских размышлений о жизни и литературе. Это — обоснование символизма как художественного мировоззрения нового времени, полемика с литературой гражданского направления, в частности с горьковским лагерем литературы.

Октябрьскую революцию Г. встретила враждебно. Вместе с Мережковским в 1920 г. эмигрировала. Эмигрантское творчество Г. состоит из стихов, воспоминаний, публицистики. Она выступала с резкими нападками на Советскую Россию, пророчествовала ее скорое падение. Из эмигрантских изданий наибольший интерес представляет книга стихов «Сияние» (Париж, 1939), два тома воспоминаний «Живые лица» (Прага, 1925), очень субъективных и очень личных, оставшихся еще тогдашние общественные и политические взгляды, и незаконченная книга воспоминаний о Мережковском (Г.-М е р е ж к о в с к а я З. Дмитрий Мережковский. — Париж, 1951), о которой даже критик-эмигрант Г. Струве сказал, что она требует больших поправок «на пристрастность и даже озлобленность мемуариста» (С т р у в е Г. Русская литература в изгнании. — Нью-Йорк, 1956. — С. 139).

Соч.: Собр. стихов: В 2 кн. — М., 1904—1910; Последние стихи. 1914—1918. — П., 1918.

Лит.: Брюсов В. З. Н. Гиппиус // Русская литература XX в. / Под ред. С. А. Венгерова. — М., 1914. — Вып. 1: Чуковский К. З. Н. Гиппиус // Чуковский К. И. Лица и маски. — П., 1914. А. Г. Соколов

ГЛЙНКА, Сергей Николаевич [5(16).VII.1776, имение Сутоки Духовщинского у. Смоленской губ. — 5 (17). IV. 1847, Петербург] — мемуарист, поэт, прозаик, драматург, переводчик, журналист, издатель. Брат декабриста Ф. Н. Глинки. В судьбе Г. важную роль сыграла Екатерина II, определившая его, сына отставного гвардейского офицера, в Сухопутный Шляхетский корпус. Корпус был в те годы одним из лучших учебных заведений в России. Руководил корпусом замечательный педагог Ф. Е. Ангальт, генерал-поручик и генерал-адъютант Екатерины II. По свидетельству самого Г., Ангальт стремился приобрести доверенность своих воспитанников, пробудить в них интерес к знаниям, поощрял творчество. Развитие воображения и фантазии Г. способствовали и занятия русской словесностью, одно время их вел Я. Б. Княжнин.

В 1795 г. Г. окончил корпус и назначен адъютантом кн. Ю. В. Долгорукова в Москве. Через два года переведен в полк под командованием М. И. Кутузова. В 1799 г. был включен в состав дополнительных частей, направленных на помощь А. В. Суворову в Австрию и Италию. Но принять участие в боях Г. не пришлось — когда он прибыл к границе, война уже окончилась. В 1800 г. в чине майора Г. выходит в отставку. Два года он учителем в Украине. В 1807 г. вступил в ополчение и был бригад-майором Сычевской дружины. Во время войны в 1812 г. одним из первых вступил в ополчение, пожертвовал на нужды обороны 3000 рублей, полученные от Александра I как поощрение его литературной деятельности в «Русском вестнике», для антифранцузской пропаганды.

Литературные взгляды Г. нельзя определить однозначно. Воспитание, интересы связывали его с классицизмом. Он порицал философ-материалистов XVIII в., обещавших «беспредельное просвещение, неограниченную свободу», отвергал «сии мечты воспланенного и тшеславного воображения» (Русский вестник. — 1808. — № 1. — С. 6). Однако творчество самого Г. противоречиво. Писать он начал еще в корпусе, поощряемый наставниками (послания, стихи, посвященные торжественным датам, и т.п.). Позднее в поэзии Г. все сильнее сказывается сентиментализм, стремление проникнуть в чувства своего героя. При этом поэт, с одной стороны, призван, «обнявшись с красотою», «природу оживлять» (Пушкиной и Пушкину // Поэты 1790—1810 годов. — С. 54), так что «до горя и до бури» ему нет дела, с другой же — сам автор размышляет о том, «что наша жизнь?», и утверждает: «К человечеству душою / Не охлаждаюсь никогда» (Там же. — С. 123).

В 1806 г. Г. перевел и выпустил «Юнговы ночи в стихах», выдержанные в духе сентиментализма и до 1820 г. дважды переизданные. В «Предупреждении» Г. пишет: «Страдание возмечивает души превосходные: душою и мыслями Юнг переселился в мрачные селения смерти и воспарял оттуда к лучезарным странам бессмертия» («Юнговы ночи». — С. 8).

После окончания корпуса Г. пробует силы в драматургии. Он переделывает прозаические тексты в оперные либретто, а затем и в драмы для театра Медокса в Москве. Одна из первых постановок «Наталя, боярская дочь» по повести Н. М. Карамзина (первое представление 30. VIII. 1805 г.). Молодой автор не воспользовался текстом Карамзина, заимствовав только фабулу. Эта пьеса, хотя и «очень слаба в отношении историзма» (Бочкарев В. А. — С. 416), но интересна и важна для понимания эстетической позиции Г.: сентиментальный конфликт Карамзина трансформируется Г. в классицистический. Причем, стремясь передать в пьесе конфликт чувства и долга, Г. искал решение, которое было бы за пределами и классицизма, и сентиментализма и могло бы устроить оба направления. Несомненной данью сентиментализму стала трагедия «Сумбека, или Падение Казанского царства» (1806), в которой Г. отстаивает право человека на любовь, на определенную свободу поведения. Для Г.-драматурга характерна тяга к зрелищным эффектам. Так, «Сумбека» завершается сценой разрушения казанской стены.

В 1808 г. Г. публикует историческую пьесу «Михаил, князь Черниговский». Но история служит для него лишь поводом для размышления о современности. «Я вызываю минувшее, олицетворив в трагедии моей современность», — признается Г. (Записки. — С. 209).

Г. довольно вольно обращается с историческими фактами, преувеличивая или перетолковывая роль тех или иных исторических лиц. Так, в драме «Минин» (М., 1809) Минин оказывается исполнителем воли Провидения, которую сообщает Палицын. Именно Палицыну отводится в пьесе роль организатора отпора полякам. В драматургии Г. заметно влияние В. Озерова.

Позднее Г. утверждал, что цель трагедии (особенно исторической) — «напоминать смертным, облеченным властью... что и они люди» (Русский вестник. — 1811. — № 4. — С. 117).

Немало времени уделял Г. изучению прошлого, в начале 10 гг. издал свою «Русскую историю». Не довольствуясь пересказом источников, он высказывает свою точку зрения на происшествия. Так, он считал Русь исконно славянским государством, отвергая довольно распространенную в его время теорию норманнского завоевания: «Никакие внешние причины не произвели в девятом столетии преобразования России...» (Русская история. — Ч. I. — С. XI).

Особое место в биографии Г. занимает изда-

ние «Русского вестника». Именно в журналистике проявилась система взглядов Г. в целом. Г. писал, что в основе журнала две задачи: «пробуждение народного духа» и «вызов к новой, неизбежной борьбе» (Записки. — С. 220). На страницах «Русского вестника» Г. выступил за самостоятельное развитие России, предупреждал о политической и военной угрозе со стороны бонапартистской Франции.

В публицистике Г. периода «Русского вестника» своеобразно переплелись национальный традиционализм и дух свободомыслия, независимости. Позиция Г. существенно отличалась от официальной. Для него характерно прежде всего уподобление всех человеческих отношений семейным. Он пишет не только о необходимости и пользе монархии, но и об обязанностях государя, отца по отношению к своим подданным.

Идеал русского человека Г. сформулировал в «Русском вестнике» так: «Бог, Вера, Отечество» (1811. — № 8. — С. 71). По сравнению с девизом С. Уварова: «Православие, самодержавие, народность», в концепции Г. акценты существенно смещены. Идеал Г. более человечен, менее официальный.

Расцвет журнала пришелся на период войны 1812 г. По словам П. Вяземского, журнал тогда «облекся в плоть и кровь». С окончанием войны журнал утратил популярность, и слава его стала угасать. В 1820 г. Г. прекратил издание. Попытка возобновить его в 1824 г. успеха не имела.

В 1828 г. Г., стесненный в средствах, поступает цензором в Московский цензурный комитет. Это решение было вынужденным, так как годом раньше он отверг аналогичное предложение П. А. Ширинского-Шихматова, заявив, что «в силу такого чугунного устава не может быть цензором» (Записки. — С. 349). К своим обязанностям Г. относился своеобразно: он целиком полагался на добросовестность авторов и редакторов. По воспоминаниям Кс. Полевого, Г., например, подписывал номера «Московского телеграфа», не читая их, ничего не исправляя и не запрещая. В 1830 г. за пропуск фельетона «Утро в кабинете знатного барина» в «Московском телеграфе» он был отстранен от должности цензора.

Историю своей жизни Г. описал в «Записках» (посмертно изданных в 1895 г.).

Соч.: Соч.: В 12 ч. — М., 1817—1820; Записки. — Спб., 1895; Сумбека, или Падение Казанского царства. Трагедия в 5 д. // Стихотворная трагедия конца XVIII — начала XIX века. — М., Л., 1964; Стихотворения // Поэты 1790—1810 годов. — Л., 1982. — С. 572—578; Из записок о 1812 году // 1812 год в русской поэзии и воспоминаниях современников. — М., 1987.

Лит.: Вяземский П. А. Сергей Николаевич Глинка. — Спб., 1847; Данилов В. С. Т. Аксаков, С. Н. Глинка, В. В. Измайлов в Московском цензурном комитете. — Л., 1928; Дурыйли С. Н. Русские писатели в Отечественной войне 1812 года. — М., 1943; Вацуро В. Э., Гилельсон М. И. Сквозь умственные плотни. Очерки о книге и прессе пушкинской поры. — 2-е изд. — М., 1986; Киселева Л. Н. Система взглядов С. Н. Глинки (1807—1812 гг.) // Уч. зап. Тар-

ГЛИНКА, Федор Николаевич [8(19).VI.1786 (по другим данным — 1785), имене Сутоки Духовщинского у. Смоленской губ. — 11(23)II.1880, Тверь] — поэт, прозаик, драматург, журналист. Декабрист. Брат С. Н. Глинки. Как и его брат, Федор Г. воспитывался в I кадетском корпусе (так после преобразования назывался Сухопутный Шляхетский корпус). Окончив корпус в 1803 г., он уже через два года был назначен адъютантом генерала М. А. Милорадовича. Боевой офицер, Г. участвовал в войне 1805—1807 гг., был при Аустерлице. В 1807 г., выйдя в отставку, стал сотенным начальником дворянского ополчения. В это время Г. много путешествует по России, занимается литературой. В 1812 г. Г. вновь вступил в армию и был адъютантом Милорадовича. Он участвовал в сражениях под Смоленском и Бородином, в заграничных походах русской армии до конца 1814 г. За храбрость Г. был в 1812 г. награжден золотой саблей. В 1816 г. переводится в гвардейский Измайловский полк. В этом полку образовалось Общество военных людей, которое создало свою библиотеку, а затем и «Военный журнал». В 1818 г. этот журнал возглавил Г.

Ненависть к деспотизму, желание познать тайны мироздания и склонность к мистике привели Г. в масонскую ложу «Избранного Михаила». Стремясь к активному действию, он в 1816 г. вступил в «Союз спасения», в начале 1818 г. стал одним из руководителей «Союза благоденствия». В 1819—1820 гг. Г. участвовал в литературном обществе «Зеленая лампа», долгие годы был вице-председателем, а в 1819—1825 гг. председателем Вольного общества любителей российской словесности. Однако крайностей Г. старался избегать, насилия не одобрял и республиканских взглядов друзей по тайному обществу не разделял. Поэтому, когда в 1821 г. «Союз благоденствия» был распущен, Г. к Северному обществу не примкнул, хотя знал и о его существовании, и о заговоре. После восстания 14 декабря он был арестован, признан причастным к делу, уволен в отставку и сослан в Петрозаводск. Там ему позволили поступить на гражданскую службу.

После возвращения из ссылки Г. живет в Твери, он увлеченно занимается историей, по поручению Географического общества изучает курганы. Его исследование «О древностях в Тверской Карелии» (СПб., 1836) получает премию Географического общества.

В 40 гг. Г. сближается с кругом редакции «Москвитянина», особенно с историком М. П. Погодиным, активно сотрудничает в журнале.

Первое стихотворение Г. «Глас патриота» напечатано в «Русском вестнике» в 1807 г. Г. посвятил его Ломоносову. С творчеством Ломоносова

он связывает первоначально свои литературные симпатии, ожидая дальнейшего развития гражданского направления. Отсюда в гражданской лирике Г. довольно сильный оттенок дидактики, морализаторства. Вместе с тем на поэзию Г. сильно повлияли В. А. Жуковский, с культом тайны, с интересом к мистике и постороннему, и Н. М. Карамзин, обратившийся к природе, заново привлекая внимание к русской истории. Позднее Г. отмечал, что Карамзин «заговорил языком чувства» и «как будто дал ключ к самой природе» (Гр о т К. Я. Н. М. Карамзин и Ф. Н. Глинка.— С. 3—4).

В ранних гражданских стихотворениях Г. воспевал военные походы, победу русского оружия («Мечтания на берегах Волги (в 1810 году)», «Песнь русского воина при виде горящей Москвы», «Авангардная песнь», «Партизан Давыдов» и т. п.). В них еще не столь явна самобытность таланта Г. Правда, уже тогда появляются и аллегорические стихотворения с философской окраской — «Сон», «Осенняя грусть», переложения псалмов и т. п.

В 1823 г. в «Полярной звезде» Г. опубликовал одно из лучших своих стихотворений «Плач плененных иудеев». Г. прибегает к библейской аллюзии, чтобы изобразить современность. «Надежды редко нам светили, / И те надежды были — сон!» (Избр. произв.— С. 153). Вообще библейская тема приобретает в поэзии декабристов современное звучание, отдельные слова выделяются, превращаются в символы. Такими символами становятся обычно ключевые понятия: «религия», «надежда», «любовь», «совесть», «свобода», «истина». По мнению В. Базанова, эти понятия и составляют основные образы — символы поэзии Г. (Избр. произв.— С. 417).

В 1826 г., почти одновременно, Г. выпускает две книги: «Опыты аллюгорий, или Иносказательное описание в стихах и в прозе» и «Опыты священной поэзии» (СПб.). В них уже хорошо заметно «основное противоречие идеологии» Г. (Избр. произв.— С. 410) — попытка придать религиозным понятиям не только земной, конкретный смысл, но еще и тираноборческий, попытка сблизить религию и декабризм.

В годы ссылки и позднее Г. становится по преимуществу философским поэтом. Лучшие образцы философской лирики Г. — стихотворения «Раздумье», «Все сущности вместив в себя природы...» и т. п. Г. интересуют не только земля и ее судьбы, но и космос. Космос — одновременно и начало и конечная цель мироздания, его источник и его угроза. Эта двойственность ощущается в стихотворениях «В вьсы миры летят стремглав к мирам...», «Две дороги».

Однако наибольшую известность принесли Г. не политические и философские стихотворения, а лирические миниатюры «Узник» («Не слышно шуму городского»), «Москва», «России верные сыны», «Тройка» («Вот мчится тройка удалая...»).

Некоторые из них, позже став популярными городскими романсами, постоянно были на слуху и в памяти современников. Реминисценции и прямые повторы слов из романсов Г. встречаются и в поэзии XX в. Так, мотивы романсов «Не слышно шуму городского...» и «Вот мчится тройка удалая...» используются А. Блоком в поэме «Двенадцать» и Н. Клюевым в поэме «Погорельщина».

В Твери Г. заканчивает поэму «Карелия, или Заточение Марфы Иоанновны Романовой» (1830), посвященную событиям Смутного времени. Изображая заточение Марфы Романовой, сосланной в монастырь Годуновым, Г. опирается на историческое предание. Вместе с тем история Марфы служит поводом для размышлений о становлении Русского государства, о жизни и нравах карельских крестьян. Этическая концепция Г. отразилась в символике поэмы. Скажем, с образом царя Михаила устойчивая литературная традиция связывает мотив очищения, победу добра над злом и т. п.

В эти же годы в Карелии и в Твери Г. работает над поэмой «Иов. Свободное подражание священной книге Иова». Сопражение библейского эпоса с историей собственной жизни потребовало от Г. определенной поэтической вольности, свободы в обращении со священным писанием. Это вызвало сильное противодействие в Петербургском комитете духовной цензуры. Поэма была разрешена и выпущена отдельным изданием только в 1859 г.

В позднем творчестве Г. усиливаются мистические и религиозные мотивы. Особенно заметно это в поэме «Таинственная капля», созданной по мотивам средневекового апокрифа. Эти же настроения преобладают и в его стихотворениях 40—70 гг. Он постоянно обращается к текстам священного писания, к духовным сюжетам. Однако это не означало полного ухода от реальности. Таким способом Г. пытался показать внутренний мир человека, его «я», его идеал. Г. предостерегает современников от поверхностного взгляда на мир, от замкнутости на себе: «И жизнь мировая потоком / Блестящими бежит и кипит: / Потока ж в поддоне глубоко / Бессмертия тайна лежит» (Соч.—С. 121). К этой тайне и стремился Г. привлечь внимание читателей.

Интересно стихотворение Г. «В защиту поэта». Он работал над ним почти 20 лет (1849—1872). В нем ощущается спор с Некрасовым: «Несправедливо мыслят, нет, / И порицают лиры сына / За то, что будто гражданина / Условий не неснет поэт!» (Избр. произв.—С. 437).

Г. постоянно откликается на важные внешнеполитические события. Его стихи и в период Крымской, и во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. становятся достоянием всей армии, их переводят на иностранные языки: «Ура! На трех ударим разом», «Голос Кронштадту», «Сербская песнь», «Уже прошло четыре века».

Лирика Г. при всем ее разнообразии проник-

нута любовью к человеку, к народу в целом и к отечеству. Причем поэта привлекают переломные моменты истории, ибо в них отчетливо проступает связь чувства и разума. По мысли Г., поэт находится в точке пересечения этих связей.

Известность прозаика и журналиста пришла к Г. в 1810 г., когда он выпустил «Письма русского офицера», посвященные событиям русско-французской войны 1805—1807 гг. После Отечественной войны 1812 г. эти «Письма» были значительно дополнены и переизданы. Они интересны и как исторический документ (ибо Г. писал их на привалах, в перерывах между походами), и как литературное произведение. В. Г. Базанов правомерно сближает их с «Письмами русского путешественника» Карамзина (База н о в В. Г. Поэтическое наследие Ф. Н. Глинки.—С. 28).

Продолжением «Писем русского офицера» стали «Письма к другу». Они построены на рассуждениях автора, отличаются меньшей конкретностью, но большей проблемностью, публицистичностью. Г. начал их статьей «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года». Он размышляет в ней о различии в восприятии одного и того же события современниками и потомками и утверждает необходимость создания «общего и самого верного изображения всех важнейших событий», для чего нужно «умнее ловить и беречь подробности» (Письма к другу.—Спб., 1816.—Ч. 1.—С. 9, 15). В приложении к 3-й части «Писем к другу» Г. впервые публикует отрывки из повести «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия». Романтический контраст в изображении характеров соседствует здесь с классицистической заданностью образа Хмельницкого. Г.—автор «Очерков Бородинского сражения» (1839). Белинский считал их произведением, достойным «названия народной книги» (Б е л и н с к и й В. Г. Собр. соч.: В 9 т.—Т. 2.—С. 141). Эту оценку, хотя она и дана Белинским в период «примирения», все же можно считать объективной.

Соч.: Подарок русскому солдату.—Спб., 1818; Опыты аллегорий, или Иносказательных описаний, в стихах и в прозе.—Спб., 1826; Опыты священной поэзии.—Спб., 1826; Собр. соч.: В 3 т.—М., 1869—1872; Избранное.—Петрозаводск, 1949; Избр. произв. / Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. Г. Базанова.—Л., 1957; Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобожденная Малороссия // Декабристы. Антология: В 2 т.—Л., 1975.—Т. 2; Письма русского офицера.—М., 1985; Соч.—М., 1986; Письма русского офицера.—М., 1987. Лит.: П у т я т а Н. В. Несколько слов о литературной деятельности Федора Николаевича Глинки // Беседы общества любителей российской словесности.—М., 1867.—Вып. 1. К о т л я р е в с к и й А. А. Заметка о трудах Ф. Н. Глинки по науке русской древности.—М., 1867; Г р о т К. Я. Н. М. Карамзин и Ф. Н. Глинка.—Спб., 1903; База н о в В. Г. Поэтическое наследие Федора Глинки (30 гг. XIX в.).—Петрозаводск, 1950; Ж а р к е в и ч Н. М. Творчество Ф. Н. Глинки в истории русско-украинских литературных связей.—Киев, 1981; Б о ч к а р е в В. А. Предкабристская аллюзионная трагедия Ф. Н. Глинки «Вельзен, или Освобожденная Голландия» // Русская историческая драматургия начала XIX в. (1800—1815) // Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та.—Куйбышев, 1959.—Вып. 25. В. Н. Греков

ГМЫРЕВ, Алексей Михайлович [17(29).III.1887, Смоленск — 11(24).IX.1911, Херсон] — пролетарский поэт. Сын железнодорожного кондуктора (в прошлом бедного крестьянина). Г. рано потерял мать, ее заменяла сестра, затем мачеха. В 7 лет Г. поступил в начальную школу, а по окончании ее в городское шестиклассное училище, в котором проучился три года. В 1902 г. отец Г. умер, и он в 15 лет начал самостоятельную жизнь. Уехав в Николаев к старшему брату, устроился на судостроительный завод учеником слесаря. В Николаеве, крупном промышленном центре, в 90 гг. возникли марксистские кружки, а с начала 900 гг. действовал комитет РСДРП, в котором работали большевики В. П. Ногин, Ф. А. Артем и др. Юный Г. уже в 1903 г. принимал участие в забастовке и политической демонстрации рабочих, за что был уволен с завода. В конце того же года он вступил в партию и стал большевиком-подпольщиком. С этого времени его жизнь постоянно связана с риском. С декабря 1904 г. поэта неоднократно арестовывали, а в мае 1906 г. выслали в Архангельскую губ. По дороге в место ссылки он заболел и задержался в г. Холмогоры, откуда бежал и вновь появился в Николаеве. Но оставаться там ему было опасно. Г. уехал в Елисаветград, где в сентябре 1906 г. был случайно арестован в связи с уголовным делом, к которому не имел отношения. Следствие длилось около полутора лет, в течение которых Г. находился среди уголовников. Его отправляли по этапу из елисаветградской в херсонскую тюрьму и обратно. И хотя никаких улик против Г. не было, черносотенный суд в январе 1908 г. приговорил его к 10 годам каторги; как не достигшему 21 года срок был сокращен до 6 лет 8 месяцев. Здоровье Г. к тому времени оказалось подорванным, и на 25-м году жизни поэт скончался от чахотки в каторжной тюрьме.

При жизни Г. в 1910—1911 гг. было опубликовано всего несколько его стихотворений. Но друзья поэта — старые большевики и невеста его М. А. Козлова сохранили наследие Г. — стихи и письма. В 1912 г. некоторые стихотворения Г. появились в «Правде» и «Невской звезде». Первый сборник поэта — «За решеткой» (М., 1926; предисл. В. М. Фриче). Г. вошел в пролетарскую литературу как революционный романтик и задумчивый лирик, тонко изображающий красоту природы, воспевавший верность в любви.

Г. горячо воспринял ленинскую идею вооруженного восстания, стремился увлечь рабочие массы «на верх горящих баррикад» в стихотворениях 1905 г. — «Призыв», «Набат», «Алая». Характерны для романтической поэтики цветовые контрасты в этих стихотворениях — черного мрака ночи и красного флага (или огненных баррикад), их пафосная интонация, энергия ритма. Писавшие о Г. неоднократно сравнивали его с горьковским Данко. М. Горький был одним из любимых писателей Г., о чем свидетельствуют

его стихотворения «Сокол», «Буря», «Гори мое сердце...»: «В тюрьме я. А там, за стенами, на воле / Борьба... Там дрожат властелины-цари... / Телами борцов покрывается поле... / Гори, мое сердце, сильнее гори!» Сама судьба, короткая жизнь поэта являли трагический контраст между его свободолобием, жадной деятельностью и унылым существованием узника, а с 1908 г. каторжника, закованного в кандалы, ограниченного в общении с внешним миром (ему разрешалось отправить одно письмо в месяц на полулистке бумаги, дозволялось одно свидание в месяц на 15 мин, допускались и телесные наказания). В 1909 г. начальники тюрьмы «запретил» Г. писать стихи. Эти меры сказались на творческой активности поэта — она была выше в начале заключения, когда поэт мог чаще пересылать стихи на волю. Но Г. и в самых тяжелых условиях остается борцом, презирая душегубителей свободы («Моим врагам»), он убежден, что их ждет «роковая расплата» («Они победили!»). В то же время поэзия Г. запечатлела разгул реакции и репрессий в стране — стихотворения «Казнь», «На смерть М. Клина» (об убийстве часовым политзаключенного), «После суда», «Казненным». Поэт любит природу, он как бы акварельными красками рисует зимний лес в стихотворении «Беглец»: «...блеск и солнце, / Цветут снежинки / На иглах сосен, на сизом льду... / Хрустящей лентой лесной тропинки, / Разбив оковы, иду, иду». Лесной пейзаж запечатлен и в стихотворении «На озере». Пейзаж у Г. не самоцель — это поэзия настроения, как в стихотворении «К осени» или «Летней ночью», где поэт высказал всю свою тоску о просторе украинских степей «ароматно-росистых», горечь от разлуки с ними, предчувствие близкой кончины. В стихотворении «Лес шумит» предстает аллегорический образ поколения, к которому принадлежал поэт. Но порой отчаяние охватывало поэта-узника («Кошмар», «Не от мира сего»). Единственным утешением для Г. было творчество, надежда на то, что вместе с ним не умрут его «пролетарские песни», его «муза-узница». Поэт не ошибся — его наследие, хотя и художественно неровное («Нет в моих песнях ни тени искусства...»), воссоздает притягательный образ автора, характер героический, цельный. Д. Д. Шостакович, создавший несколько музыкальных поэм на стихи Г., писал в предисловии к документальной повести о поэте: «Гмырев не перестает волновать меня, композитора, и многочисленных... читателей своей поэтической чистотой и силой правды... юный Гмырев является примером великого назначения человека на земле» (Предисловие к кн.: Уралов Т. Потомок Прометеев. — 2-е изд. — Одесса, 1980. — С. 6—7).

Соч.: Стихи. Письма / Подгот. текста, вступ. ст., примеч. И. Т. Трофимова. — Смоленск, 1961; Алые песни. Стихи, письма, воспоминания / Предисл. А. Жарова; Сост. и предисл. Н. М. Михайловой. — М., 1968; У истоков пролетарской поэ-

зии / Вступ. ст. А. М. Бихтера; Биограф. справка, подгот. текста и примеч. О. Е. Афонинной.— М. Л., 1965; Грома гордые раскаты. Стихи. Письма. Документы / Подгот. текста, вступ. ст., примеч. Т. Т. Уралова.— Одесса, 1970; Гори, мое сердце. Стихи, письма, документы / Подгот. текста, вступ. ст., примеч. Т. Уралова.— Киев, 1957.
Лит.: Уралов Т. Путь Алексея Гмырева.— Херсон, 1960; К е л д ы ш В. А. Проблемы дооктябрьской пролетарской литературы...— М., 1964; Алексеев Гмырев. К 100-летию со дня рождения пролетарского поэта.— Киев, 1987. Л. К. Швецови

ГНЭДИЧ, Николай Иванович [2(13).II.1784, Полтава — 3(15).II.1833, Петербург] — поэт, переводчик, общественный и театральный деятель. Происходил из казачьего дворянского рода. Его отец был небогатым помещиком. Мать умерла при рождении сына. Образование он получил в Полтавской «словенской семинарии», где заметил его способности и отправили для дальнейшего обучения в Харьковский коллегиум, который он окончил в 1800 г. После этого Г. приехал в Москву и поступил в университетский Благородный пансион. Здесь проявилось его театральное дарование и любовь к античности. Г. прекрасно декламировал и недурно играл в студенческих спектаклях. Он отличался необыкновенным прилежанием и проводил много времени за изучением древнегреческого языка и чтением греческих авторов. Тогда же Г. испытал живой интерес к просветительской философии.

В конце 1802 г., не кончив университетского курса, Г. уехал в Петербург. Там он нашел более чем скромное место писца в департаменте народного просвещения, подружился с К. Н. Батюшковым и вошел в литературный круг северной столицы. К этому времени он уже приобрел некоторую известность: в 1802—1803 гг. появились его переводы пьес французского драматурга Дюжиса «Абюфар, или Арабская семья» и «Заговор Фнеско в Генуе» Шиллера и вышел его роман «Дон Коррадо де Геррера, или Дух мщения и варварства испанцев». В 1804 и 1805 гг. Г. приносит славу перевод философской оды французского поэта Тома «Общежитие» и оригинальное стихотворение «Перуанец к испанцу». В стихотворениях Г. современники привлекал гражданский пафос и пылка декларация общественного назначения человека. В стихотворении «Перуанец к испанцу» содержалось энергичное негодование против рабства, и призыв к мести угнетателям. Все это придало стихотворению злободневный характер и сделало его одним из значительных произведений ранней русской гражданской лирики.

В 1807 г. Г. сблизился с Державиным и группировавшимся около него литераторами. Его приветливо встретили и поэты-радищевцы в Вольном обществе любителей наук и художеств. Батюшков ввел Г. в дома М. Н. Муравьева и А. Н. Оленина, привязанность к которому вырастает на почве интересов к античности и театру. Тогда же Г. познакомился и подружился с Крыловым. Из его переводов особенно примечательны «Танкред Вольтера (1810), «Последняя песнь Оссана»

(1804), «Красоты Оссана». Г. привлекли в Оссане народные героические мотивы. Своими переводами Г. расширил репертуар русского театра.

В 1811 г. Г. получил, наконец, место в открывшейся императорской Публичной библиотеке, и его материальное положение упрочилось. Он поселился при библиотеке над квартирой Крылова.

С 1807 г. Г. приступил к переводу «Илиады». Интерес к высокой гражданской и героической поэзии соединился с интересом к народному искусству. Поставленная поэтом колоссальная задача была продиктована национальными потребностями развития литературы, литературного языка и стиха. Перевод «Илиады» выдвинул перед Г. массу практических и теоретических проблем, без разрешения которых он не смог бы успешно исполнить свой труд.

Начав перевод «Илиады» вслед Ермилу Кострову (как продолжатель его дела, Г. был тепло принят в кругу Державина), поэт вскоре убедился, что традиционный александрийский стих не передаст стих Гомера. Неудовлетворенный, Г. пересмотрел свои переводческие принципы. В результате напряженных творческих исканий он понял Гомера как народного поэта Древней Греции, как поэта общественно-национальной темы. Это убеждение укрепило в нем во время и после Отечественной войны 1812 г., когда чувства и понятия народности; идеи патриотизма, гражданского долга, воспитания юношества в духе национальных традиций, самобытности литературы выдвинулись на первый план и приобрели политическое звучание. Восприятие античности в духе революционного вольнолюбия и борьбы республиканцев с тиранами, предложенное декабристами, оказалось созвучно Г. Для создания перевода Г. потребовалось изыскать внутренние возможности русского языка и стиха, которые с наибольшей выразительностью отвечали бы смыслу и духу античных образцов. На протяжении 20 лет, в течение которых поэт трудился над переводом, он не раз включался в теоретические споры о передаче античного гекзаметра русским стихом и не однажды предлагал практические их решения.

В 1813 г. после письма С. С. Уварова о русском метрическом эквиваленте для переводов «древних поэтов» Г. пишет ответное письмо, в котором доказывает, что только русский гекзаметр способен передать стих Гомера. Отвергнув александрийский стих, Г. воспользовался мыслью Радищева и основал русский гекзаметр не на скандовке стоп, а на их декламационной выразительности, единственно пригодной, чтобы сообщить стиху широкое, плавное и величавое движение. Одновременно он задумывается и о стилевом эквиваленте («Рассуждение о причинах, замедляющих развитие нашей словесности», 1814), сочетая архаичность языка с народными и даже простонародными речевыми средствами.

Если, переводя первоначально эпос Гомера

александрийским стихом, Г. следовал традиции, сложившейся во французском классицизме (Удар де ла Мотт), то затем он решительно полемизировал с классической концепцией. Для Г. совершенно ясно, как это следует из его предисловия к переводу (1829), что каждый век имеет свои особенности и что нравственность древних греков иная, чем нравственность русских XIX столетия. Различие заключено не только в национальности, но и в истории. Г. отверг идею подражания Гомеру и понял, что повторить в новое время его эпос нельзя. Но Гомер доставляет художественное наслаждение вследствие того, что его произведения «совершеннейшие» для своего времени. Следовательно, чтобы понять и почувствовать Гомера, не надо ориентироваться на современный изысканный вкус («Переводчику Гомера должно отречься от раболепства перед вкусом гостиных, перед сей прихотливой утонченностью и изнеженностью обществ...»). Наконец, переводчик Гомера должен порвать с принципом «украшающего перевода», т. е. пренебречь попыткой сделать Гомера лучше или хуже, чем он есть на самом деле. Тем самым Г. держался при переводе «Илиады» исторической точки зрения и стремился передать особенность античного миропонимания и его выражения, сливая высокий стиль с низким. В отличие от декабристов он не отождествлял героико-античности с героикой современности. Присвоив русской поэзии гекзаметр и освободив этот стих от штампов классицизма и сентиментализма, Г. открыл простор для интонационной и стилевой выразительности.

В процессе перевода у Г. накопилось много исторического материала, который он предполагал поместить в качестве обширного комментария. Словом, он подошел к переводу «Илиады» как поэт-ученый. Однако болезнь помешала Г. закончить научное дополнение к своему труду. Перевод же «Илиады» вышел в 1829 г. и сразу же стал крупнейшим событием литературной жизни. А. С. Пушкин в «Литературной газете» откликнулся на него в следующих словах: «...с чувством глубоким уважения и благодарностизираем на поэта, посвятившего гордо лучшие годы жизни исключительно труду, бескорыстным вдохновениям и совершению единого, высокого подвига. Русская Илиада перед нами» (Полн. собр. соч.— Т. II.— С. 88). Это восторженное впечатление, вызванное подвижничеством Гнедича и блестящими достоинствами перевода, отразилось и в пушкинских стихах «На перевод Илиады»: «Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи; / Старца великого тень чую смущенной души».

Перевод «Илиады» соответствовал нуждам отечественной словесности, что сознавал и сам поэт и о чем он сказал в поэме «Рождение Гомера» (1816).

Работа над «Илиадой» углубила интерес Г. к народной культуре, свидетельством чему служи-

ли оригинальные произведения и переводы («Сетование Фетиды на гробе Ахиллеса», идиллии «Сиракузянки» и «Рыбаки», «Простонародные песни нынешних греков»), созданные в начале 20 гг. Жанр идиллии, напр., Г. осмыслил как «народный» и в «Рыбаках» обратился к народному характеру и быту. Он включил в идиллию национальные элементы, решительно отказавшись от атрибутов «греческой мифологии», которые, по его мнению, принадлежали к ушедшему и невозвратимому миру. Источник русского современного характера, утверждал Г.,— обряды, поверья, домашний быт и нравы простолюдинов. Русская идиллия, считал он, может быть воссоздана стихом Феокрита (безрифменный пятистопный амфибрахий). Вместе с тем Г. соотнес русский быт с гомеровским. А. М. Кукулевич показал, что «Рыбаки» построены на основе гомеровской топки. Русский народный быт оказался сближенным с античным, а русская речь выражала образ мыслей и чувств простых русских людей, современников Г., по аналогии с понятиями и представлениями древних. В этом состояла ограниченность метода Г.: он искал общих примет в античном и русском быте, а не специфически национальных, возникших в разных исторических культурах, что станет характерным для Пушкина. Поэтому «понятия и созерцания чисто древние» оказались, по словам Белинского, только «прикрытыми» «русской речью» (Полн. собр. соч.— Т. VII.— С. 256).

В идиллии «Рыбаки» явственно проявилась и связь литературных взглядов Г. с эстетикой декабристов. Так, он заметно героизировал образ молодого рыбака, сообщив ему черты романтического поэта. Подобная трактовка национального характера отвечала и собственным убеждениям Г., о чем свидетельствует «Речь <о назначении поэта >» (1821), в которой он утверждал: «Пробудить, вдохнуть, воспламенить страсти благородные, чувства высокие, любовь к вере и отечеству, к истине и добродетели — вот что нужно в такое время, когда благороднейшими свойствами души жертвуют эгоизму, или так называемому свету ума, когда холодный ум сей опустошает сердце, а низость духа подавляет в нем все, что возвышает бытие человека» (Соревнователь просвещения и благотворения.— 1821.— Ч. XV.— С. 146). Члены Вольного общества любителей российской словесности, где была произнесена эта речь, избрали Г. своим вице-президентом.

После опубликования «Илиады» Г. выпустил подготовленный им сборник стихотворений (1832). В него вошли 77 произведений, написанных в последние годы жизни. В это время поэт был уже тяжело болен. Вскоре его не стало.

Г. вошел в историю русской культуры своей гражданской лирикой и переводом «Илиады». «Перевод «Илиады»,— писал Белинский,— эпоха в нашей литературе, и придет время, когда «Или-

ада» Гнедича будет настольною книгою всякого образованного человека» (Полн. собр. соч.— Т. V.— С. 553).

Соч.: Стихотворения.— Спб., 1832; «Илиада» Гомера, переведенная Н. Гнедичем: В 2 т.— Спб., 1829. Илиада.— М.; Л., 1935; Стихотворения. Вступ. ст. И. Н. Медведовой.— Л., 1956. *Лит.*: Белинский В. Г. Соч. А. С. Пушкина. Статья третья. Гнедич, его переводы и оригинальные сочинения // Полн. собр. соч.— М., 1955.— Т. VII.— С. 254—260; Кукулевич А. М. Русская идиллия Н. И. Гнедича «Рыбаки» // Уч. зап. ЛГУ.— Ленинград.— 1939.— № 46.— Филология.— Вып. 3.— С. 284—320; Медведова И. Н. Н. И. Гнедич и декабристы // Декабристы и их время. Материалы и сообщения.— М.; Л., 1951.— С. 101—154; Егунов В. А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков.— М.; Л., 1964; Вацуро В. Э. Русская идиллия в эпоху романтизма // Русский романтизм.— Л., 1978.— С. 118—138. *В. И. Коровин.*

ГНЭДИЧ, Петр Петрович, псевдонимы — *Гнедич-Смоленский*, *Старый Джон*, *Rectus* и др. [18 (30). X. 1855, Петербург — 16. VII. 1925, Ленинград] — прозаик, драматург, переводчик, историк искусств, театральный деятель. Гнедичи — старый малороссийский род. Еще в летописи XVII в. упоминается «товарищ значный войсковый... пан Яков Гнедич». Отец Г. — инженер путей сообщения, двоюродный брат поэта Н. И. Гнедича, мать — урожденная Смоленская, бабка (по материнской линии) — из рода Акинфьевых, родственница А. С. Грибоедова и Н. П. Огарева.

В 1866 г. Г. поступил в 1-ю Петербургскую гимназию, в старших классах которой принимал деятельное участие в издании рукописного журнала, в нем он помещает свои первые рассказы, повести и фельетоны. С 1875 по 1879 г. Г. — студент Императорской Академии художеств, которую окончил с серебряной медалью за композицию «Смерть Иоанна Грозного». В 1877 г. в журнале «Нива» появляются первые публикации Г.: рассказы (из гимназического журнала) «Во тьме» (№ 7) и «Сосредоточилась» (№ 10). Вслед за рассказами Г. пишет первую пьесу «Дверей не заперли» (1878) для благотворительного домашнего спектакля, под названием «Птичка в западне» ее поставил в свой бенефис актер Александринского театра М. М. Петипа. В 1880 г. во время путешествия по Малороссии и Волге Г. написал комедию «Затишье (картины из деревенской жизни)», главным героем которой выводит студента-медика, нигилиста «из совсем новых людей», называющего брак «взаимным обманом с приложением церковных печатей». Пьеса была отклонена петербургским театральным-литературным комитетом для постановки на императорской сцене как «крайне радикальная», причем возмущение вызвал не только образ студента Челюканова, но и главная героиня — молодая, радикально настроенная дочь богатого степного помещика Соня Тяпушина. В ней увидели сходство с В. Н. Фигнер и Н. А. Армфельд — героинями громких политических процессов. Тем не менее в декабре 1881 г. с огромным успехом прошла премьера этой пьесы под другим названием — «На хуторе» в частном театре А. А. Бренко и в

Московском Пушкинском (лишь в 1883 г. пьеса была поставлена в Александринском театре). Все-го она выдержала около 500 представлений. Далее Г. пишет пьесу «Женя» (1881), из трех актов которой цензура оставила лишь первый. Позднее, в 1889 г. этот драматический этюд своей тонкостью и психологизмом привлек внимание М. Г. Савиной, в исполнении которой спектакль стал заметным событием театральной жизни.

С этого времени Г., несмотря на успех его первых пьес, в течение пяти лет их не пишет совсем, хотя и окончательно укрепляется в решении посвятить себя именно литературе (а не живописи). Считая, что, для того чтобы стать настоящим писателем, нужно много и серьезно учиться, Г. переезжает от отца на отдельную квартиру и штудирует разнообразную литературу, начиная с древнеиндийской и персидской и кончая современной европейской (мемуаристы восхищаются эрудицией и образованностью Г., называя его «ходячей энциклопедией»). Чтобы иметь средства к жизни, Г. иллюстрирует журналы, пишет же мало, лишь для того, чтобы не разорвать завязавшихся связей в журналах (в основном фельетоны, театральные рецензии, обзоры художественных выставок, искусствоведческие статьи). Он работает над записками по истории искусств, которые издает в 1885 г. Позднее (1897) перерабатывает их в обширный трехтомный труд «История искусств (зодчество, живопись, ваяние)» — один из первых в России искусствоведческих трудов для широкого читателя. На основе культурно-исторического метода здесь прослеживается мировая история искусств с древнейших времен. Написанная прекрасным литературным языком и богато иллюстрированная, книга выдержала 4 издания и принесла автору пожизненное звание члена Общества поощрения художеств.

С этого времени Г. начинает активно печататься. В 1885 г. выходит его первый сборник «Повести и рассказы», появляются многочисленные публикации в газетах «Новое время» и «Санкт-Петербургские ведомости», в журналах «Нива», «Русский вестник», «Исторический вестник», «Северный вестник», «Артист», «Книжки Недели» и др.

По воспоминаниям Вл. И. Немировича-Данченко, А. П. Чехов говорил о Г.: «Это же настоящий писатель. Он не может не писать. В какие условия его ни поставь, он будет писать: повесть, рассказ, комедию, собрание анекдотов... у него нет нужды в заработке, а он пишет еще больше...» (Немирович-Данченко Вл. И. Из прошлого.— М.; Л., 1936.— С. 33). Известен и более поздний (1903) отзыв Чехова о Г. в письме к нему: «Я давний Ваш почитатель и всегда любил Ваш талант» (Чехов А. П. Собр. соч. и писем. Письма.— Т. XI.— С. 151). Критика часто ставит рядом имена Чехова и Г. (К. Ф. Головин, К. К. Арсеньев, А. М. Скабичевский), на-

ходя общее в героях и сюжетах рассказов, в тонком юморе, психологизме.

Действительно, Г. пишет умно, живо, легко, хотя эта легкость подчас граничит с поверхностностью, эскизностью. Он как бы набрасывает картинки с натуры быстрыми и яркими мазками, занимательно и интересно. Его рассказы очень разнообразны по темам, настроению. В сборнике «Семнадцать рассказов» (1888) автор повествует и о Понтии Пилате и Иисусе Христе («Римский прокуратор»), и о капризах женской натуры («Странная женщина», «В лесу»), и о мужском монастыре («Соловьи»). Здесь есть и нагнетающие ужас записки психопата («Череп»), и анекдоты из театральной жизни («Статуя командора», «Тень отца Гамлета»), которые невозможно читать без смеха.

Второе издание этого сборника выходит в 1892 г., следом за ним «Новые рассказы» (Т. 1—2.—Спб., 1892), затем вышло еще 6 сборников, с интервалами в два года. Фельетоны Г. объединены в сборник «Песнь мухи» (Спб., 1905—1909).

В период с 1892 по 1900 г. Г. публикует четыре романа: «Китайские тени» (1894), «Ноша мира сего» (1897), «Туманы» (1899), «Купальные огни» (1900). Это романы — обозрения современной жизни, нравов, прослеживающие увлечения интеллигенции толстовством, богоискательством, духоборством, теорией «малых дел» и др. Часто Г. выводит реальных лиц и конкретные события, за что получает упреки в буквализме и «бесхитростном фотографировании действительности» (С к а б и ч е в с к и й А. М. // *Сын отечества*.—1899.—№ 349). Эти романы интересны, прежде всего, как картины быта и нравов той эпохи. При общей либеральной направленности автор не высказывает своего отношения к событиям, его манера описательна и иллюстративна, а часто иронична и скептична. Л. Н. Толстой благодарил и хвалил Г. за роман «Туманы», который он «...все читал в Неделе и с большим удовольствием...» (Т о л с т о й Л. Н. Полн. собр. соч.—Т. 72.—С. 263).

Помимо работы над художественными произведениями, Г. много занимался редактированием. В 1888—1889 гг. он издает совместно с Вс. С. Соловьевым журнал «Север», который покидает в 1890 г. из-за идейных расхождений с соредктором. Он основал (1890) и редактировал первые, а затем 13—18-й выпуски «Ежегодника императорских театров». В 1899 г. Г.—редактор юбилейного Пушкинского сборника, а с 1900— в числе редакторов альманаха «Денница».

Наибольшую популярность и известность Г. получил как драматург. Им написано около 40 пьес, которые с успехом шли почти на всех сценах (за исключением «Декабриста», написанного в 1908 г., но запрещенного цензурой и поставленного на сцене Малого театра лишь после революции, в 1918 г.), среди них — и бытовые

комедии, и психологические драмы. Драматургии Г. практически чужда тенденциозность, он не предлагает ответов на общественно-политические вопросы времени. Считая себя сторонником «чистого искусства», Г. стремился писать беспристрастно, хотя несомненна его общая либеральная ориентация.

Как и многие «массовые» драматурги, Г. затрагивает актуальные темы: появление новых типов «лишнего человека», а также типов деятелей, занявшихся общественно полезным трудом. Как правило, это дворяне, ставшие хорошими хозяевами своих владений, стремящиеся открывать школы, лечить крестьян, «возделывать землю» («Перекасти-поле», 1887; «Стоячие воды», 1889; «Зеленый яр», 1891; «Лопухи», 1894, и др.). Пьесы Г. отличает сценичность, занимательность, точное, остроумное, изящное воспроизведение быта и нравов своего времени, но все же это, по выражению А. Н. Плещеева, «чистенькие» пьесы для «бомонда» (Литературное наследство.—Т. 68.—С. 359).

Пьесы Г. во многом традиционны, но в них есть и развивающиеся на рубеже XIX—XX вв. в драматургии склонность к психологическому подтексту, некоторая импрессионистичность (изображение характера несколькими штрихами). Большим успехом пользовалась его одноактная пьеса «Горящие письма» (1887), привлекая К. С. Станиславского тонкой психологической игрой и выбранная для режиссерского дебюта в 1889 г. в Обществе искусства и литературы; в этом же спектакле дебютировала В. Ф. Комиссаржевская.

Г.-драматург обращается и к русской старине, им написано 7 исторических пьес. Первая — комедия «Венецейский истукан (Картины московской жизни XVII века)» (1893) — написана в манере пьес В. А. Крылова: незатейливые повороты легкой любовной интриги, помещенной в исторический антураж. Однако позднее Г. пишет более глубоко по своему историзму пьесы, отражая в них разные эпохи. Это семейная хроника 1812 г. «Разгром» (1896), пьеса времен Александра I «Перед зарей» (1910), «Светлейший» (1911) — о Г. А. Потемкине, «Ассамблея» (1912) — о Петре I и др. Успеху исторических пьес Г. способствовала его искусствоведческая эрудиция, его мастерство стилизатора.

Наибольший интерес представляет пьеса «Холопы» («Пять картин из семейной хроники князей Плавутиных-Плавуновых»), написанная в 1907 г. и тогда же поставленная на сцене Александринского театра, с М. Г. Савиной в главной роли (которую она играла около 50 раз). Основная тема заявлена уже в самом названии — холопство во всем многообразии его проявлений, холопство, торжествующее и пресмыкающееся, фрондирующее и смиренное, лицемерное и угодническое. Автор показывает холопов в раззолоченных мундирах и наследственных рабов-крепостных. Взята эпоха наиболее характерная

и мрачная — последние дни царствования императора Павла I. Развивая несколько занимательных сюжетных линий, сочетая юмор и мелодраматизм, автор через частную жизнь одной семьи обличает холопство во всех его видах (хотя сатирой пьеса не является, характеры героев неоднозначны).

Г. не только любит и знает театр, он органически связан с ним всей своей жизнью. Уже в первых своих пьесах он выступает как актер и художник — пишет эскизы к костюмам и декорациям, позже — он режиссер, художник-сценограф, театралный деятель. В 1891 г. избирается членом вновь сгруппированного Театрално-литературного комитета при Дирекции Императорских театров; с 1892 г. — член Совета Русского литературного общества; в 1893 г. избирается председателем Литературно-артистического кружка (переименованного позднее в Литературно-художественное общество); в 1895 г. уступает председательство А. С. Суворину и принимает на себя обязанности руководителя художественной частью и заведование труппой созданного на базе этого общества т. н. Суворинского, или Петербургского Малого театра. С 1901 по 1908 г. — заведующий репертуаром и управляющий труппой Императорского Александринского театра. О своей жизни, богатой впечатлениями, встречами с известными писателями, актерами, деятелями сцены, Г. живо и увлекательно рассказал в мемуарах («Книга жизни», 1929).

Г. известен и как переводчик многих пьес Шекспира, Мольера и др. Снабженные литературно-художественными комментариями, близкие к первоисточнику, стилистически совершенные, эти переводы привлекли режиссеров: «Проделки Скапена», «Лекарь поневоле» Мольера, «Усмирение строптивой», «Зимняя сказка» Шекспира и др. шли на столичных сценах в переводах Г. А в постановках «Гамлета» в Александринском и Малом театрах «с новым переводом Гнедича появляются и новые Гамлеты» (История русского драматического театра. — Т. 6. — С. 132).

Соч.: Соч. — СПб., 1910—1915. — Т. 5, 6, 8, 9, 10; Повести и рассказы. — СПб., 1885; Шесть комедий. — СПб., 1887; Семнадцать рассказов. — СПб., 1888; Новые рассказы. — СПб., 1890; Кавказские рассказы. — СПб., 1894; Мгновенья и другие рассказы. — СПб., 1896; Китайские тени. — СПб., 1895; Ноша мира сего. — СПб., 1898; Туманы. — СПб., 1899; Купальные огни. — СПб., 1901; Слепцы и другие рассказы. — СПб., 1898; Вегелье. — СПб., 1904; Книга жизни. Воспоминания. 1855—1918 / Вступ. ст. Г. Адонца. — Л., 1929.

Лит.: Головин К. Ф. Русский роман и русское общество. — СПб., 1902; Буренин В. // Новое время. — 1898. — № 7862; Театр и искусство. — 1899. — № 22; Новое время. — 1899. — № 8466; Нива. — 1902. — № 7; Живописное обозрение. — 1905. — № 9; Нива. — 1917. — № 6; Исторический вестник. — 1917. — № 3; Архив А. П. Чехова. — М., 1939. — Вып. 1. — С. 46—47; Литературное наследство. — Т. 68 (см. по указателю).

Л. В. Леонтьева

ГОГОЛЬ, Николай Васильевич [20.III(1.IV). 1809, местечко Великие Сорочинцы Миргородско-

го у. Полтавской губ. — 21. II (4. III). 1852, Москва] — прозаик, драматург, критик, публицист. Родился в семье помещика средней руки. Детские годы провел в имении родителей Васильевке того же Миргородского у. (другое его название — Яновщина, образованное от фамилии владельца — Гоголь-Яновский). Край был овеян легендами, поверьями, историческими преданиями, будоражившими воображение. Рядом с Васильевкой располагалась Диканька (к которой впоследствии Гоголь приурочил происхождение своих первых повестей), где показывали сорочку казненного Кочубея, а также дуб, у которого якобы проходили свидания Мазепы с Матреной. Культурным центром края являлись Кибицны, имение Д. П. Трошинского, дальнего родственника Г., бывшего министра. В Кибицах находилась большая библиотека, был домашний театр, для которого отец Г. писал комедии, — все это содействовало пробуждению художественных и умственных интересов будущего писателя. Но здесь же он наблюдал сцены самодурства и унижения человеческого достоинства (в имении, по старому обычаю, держали шутов), ощущал гнетущее чувство зависимости от знатного и богатого.

В 1818—1819 гг. Г. вместе с братом Иваном (умершим, очевидно, летом 1820 г.) обучался в Полтавском поветовом (уездном) училище, а в мае 1821 г. поступил в новооснованную Гимназию высших наук в Нежине. Здесь проявилась разносторонняя художественная одаренность Г.: он учится играть на скрипке, занимается живописью, участвует в спектаклях и как художник-декоратор и как актер, причем с особым успехом исполняет комические роли (напр., роль Простаковой в «Недоросле» Д. И. Фонвизина). Пробует он себя и в различных литературных жанрах, преимущественно серьезных (напр., не дошедшие до нас трагедия «Разбойники», историческая поэма «Россия под игом татар» и т. д.); в то же время, давая выход своей наблюдательности и комическому дару, пишет сатиру (также не сохранившуюся) «Нечто о Нежине, или Дуракам закон не писан». Однако мысль о писательстве еще «не всходила на ум» Г., все его устремления связаны со «службой государственной». Скрытый от природы, в тайниках души вынашивает он планы будущей деятельности, предстоящего переезда в Петербург, делясь ими лишь с самыми близкими друзьями. Г. мечтает о юридической карьере: «Я видел, что здесь работы будет более всего. Неправосудие, величайшее в свете несчастье, более всего разрывало мое сердце» (письмо к двоюродному дяде Петру Косяровскому от 3. X. 1827 г.). На принятие такого решения большое влияние оказал профессор Н. Г. Белоусов, читавший курс естественного права, а также общее усиление в гимназии вольнолюбивых настроений. В 1827 г. здесь возникло «дело о вольнодумстве», закончившееся в 1830 г. увольнением Белоусова и других передовых профессоров, а

позднее (в 1832 г.) преобразованием гимназии в лицей со специальным физико-математическим направлением. На Г., горячо сочувствовавшего Белоусову и давшему на следствии показания в его пользу, все эти события оказали сильное воздействие.

Окончив в 1828 г. гимназию, Г. в декабре вместе с другим выпускником, одним из своих самых близких друзей А. С. Данилевским едет в Петербург. Первые же недели пребывания в столице глубоко его разочаровывают царящим духом чиновничества, мелочностью и своекорыстием интересов, всеобщей обезличенностью. Безуспешно хлопоча о месте, Г. делает первые литературные пробы: в начале 1829 г. появляется стихотворение «Италия» (Сын отечества и Северный архив.— Т. II.— № XII), по всей вероятности, принадлежащее Г., а весной того же года под псевдонимом В. Алов печатает «идиллию в картинах» «Ганц Кюхельгартен» (Спб., 1829) с пометой, по-видимому, соответствующей действительности: «писано в 1827 г.». В этом произведении, носящем в основном еще ученический характер и обнаруживающем разнообразные влияния, от В. А. Жуковского и А. С. Пушкина до немецкого поэта И. Г. Фосса, автора идиллии «Луиза», пробивалось тем не менее подлинное чувство Г., проступали многие мотивы его зрелого творчества, в частности содержались первые наброски конфликта мечты и действительности, получившего позднее столь полную разработку в «петербургских повестях». Поэма вызвала резкие и насмешливые отзывы критики, что усилило тяжелое настроение автора. В июле 1829 г. он сжигает нераспроданные экземпляры книги и внезапно уезжает за границу (Любек, Травемюнд, Гамбург), а к концу сентября почти столь же внезапно возвращается в Петербург. Еще до поездки за границу или, скорее всего, по возвращении предпринимает неудачную попытку поступить на службу.

В конце 1829 г. Г. удается устроиться на службу в Департамент государственного хозяйства и публичных зданий. В апреле следующего года он определяется в Департамент уделов (в начале писцом, потом помощником столоначальника), где служит до марта 1831 г. Пребывание в канцеляриях вызвало у Г. глубокое разочарование в «службе государственной», но зато снабдило его богатым материалом для будущих произведений, запечатлевших чиновничий быт и функционирование государственной машины. К этому времени обстоятельства Г. существенно поправляются; все больше времени уделяет он литературной работе. Вслед за первой повестью «Бисаврюк, или Вечер накануне Ивана Купала» (Отечественные записки. — 1830. — Февраль — март. Без подписи; вошли в измененном виде в «Вечера на хуторе...») Г. печатает ряд художественных произведений и статей: «Глава из исторического романа» («Гетьман») («Северные цветы

на 1831 г.». Подпись 0000), «Глава из малороссийской повести: Страшный Кабан» (Литературная газета. — 1831. — 1 янв. Подпись П. Глечик), «Женщина» (Там же. — № 4. Первое произведение за подписью Н. Гоголь) и др. Г. сводит обширные литературные знакомства: в 1830 г. с В. А. Жуковским, П. А. Плетневым и, возможно, с А. А. Дельвигом, а 20 мая 1831 г. на вечере у Плетнева он был представлен Пушкину.

«Вечера на хуторе близ Диканьки» (первая часть опубликована в 1831 г., вторая — в 1832 г.) не только засвидетельствовали поразительно быстрое созревание гоголевского гения, но и вывели его на авансцену русского и — объективно — европейского романтизма. В сознании русской публики и отчасти критики неподражаемая оригинальность «Вечеров» на долгое время создала им репутацию художественного феномена, не имеющего прецедентов и аналогий. Белинский в 1840 г. писал: «...Укажите в европейской или в русской литературе хоть что-нибудь похожее на эти первые опыты молодого человека, хоть что-нибудь, что бы могло натолкнуть его на мысль писать так. Не есть ли это, напротив, совершенно новый небывалый мир искусства?» (Белинский и Пушкин. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1953. — Т. I, III. — С. 504). Тем не менее первую попытку определить свою книгу с точки зрения существовавших художественных тенденций предпринял сам Г. еще в процессе работы над нею: «Здесь так занимает всех все малороссийское...» (из письма к матери от 30 апр. 1829 г.). Созданное Г., украинцем по происхождению, вливалось в русло широко распространенного в русском обществе интереса к украинскому народному творчеству, быту, образу жизни, что, в свою очередь, выходило за рамки интереса к определенной конкретной народности. Вопрос стоял принципиально более широко, и в этой широте скрывались корни общеромантической ориентации гоголевского украинифильства. Один из первых рецензентов «Вечеров» Н. И. Надеждин назвал Украину «славянской Авзонией», т. е. славянским Древним Римом. Обращение к Украине есть обращение не к эмпирическому сегодня конкретной народности, но к коренным, национальным первоосновам славянского мира. Это «заветный ковчег», «в коем сохраняются живейшие черты славянской физиономии и лучшие воспоминания славянской жизни», — прибавлял Надеждин (Надеждин Н. И. Литературная критика. Эстетика. — Л., 1972. — С. 281). Оно, это обращение, аналогично тому зондированию средневековья, которое велось западно-европейскими романтиками в поисках коренных, первоначальных основ своих национальных культур.

Г. стал вровень с этим общеевропейским направлением и в самом существе своих творческих усилий. Дело в том, что украинифильство предшественников и современников Г., таких, как Н. А. Цертелев, М. А. Максимович, отчасти да-

же О. М. Сомов и В. Т. Нарезный, в большой мере имело еще чисто собирательский, этнографический характер (разумеется, это само по себе весьма важная тенденция романтического умонастроения, сопровождавшая развитие и западных романтических литератур). Но Г. поставил перед собою задачу открыть цельный и полный народный мир в свободном воссозданном им собственном художественном мире. Это была свободно-творческая и притом художественно реализовавшаяся концепция Украины как целого материка на карте вселенной, с Диканькой как своеобразным его центром (ср. выражение из «Ночи перед Рождеством»: «...и по ту сторону Диканьки и по эту сторону...»), как средоточием и национальной духовной специфики и национальной судьбы. Больше всего подготовил здесь Г. В. Т. Нарезный своими украинскими романами «Бурсак» и «Два Ивана, или Страсть к тяжбам...», но по яркости и экспрессивности рисунка, выразительности колорита и характера, не говоря уже о законченности и полноте образа Украины и нагруженности философской проблематикой, гоголевские изображения намного превосходили бытописание Нарезного.

С другой стороны, Г. решительнее, чем кто-либо другой (напр., тот же Нарезный), порывал с идиллическими представлениями об Украине, сложившимися в русской литературе в начале XIX в. под влиянием сентиментализма. При этом поскольку сама Украина приобретала указанное выше обобщенное, «символическое» значение, то и связываемые с нею качества — социальная гармония, согласие между помещиком и крестьянами, умиротворенность — воспринимались как образцовые для всей русской — или, по крайней мере, русской деревенской, «сельской» — жизни. Напротив, миру гоголевских «Вечеров», изначально конфликтному, чужды всякая идилличность и прекраснотушие. В двух повестях — в «Вечере накануне Ивана Купала» и в «Страшной мести» — развивалась (в сказочной форме, опирающейся на мифологическую почву) романтическая история отчуждения центрального персонажа (Петруся Безродного), включая такие моменты, как преступление перед соотечественниками, убийство, расторжение человеческих и природных связей. В трех повестях — в «Сорочинской ярмарке», «Майской ночи...» и «Ночи перед Рождеством» — любовный сюжет, также свободный от идилличности, был близок к хитроумным проделкам влюбленных (традиции, восходящей к фарсовой комедии нового времени как русской, так и западноевропейской, к комедии дель арте и т. д.), но эта коллизия осложнялась не только обычным в таких случаях сопротивлением людей старого поколения, но и участием, доброжелательным или враждебным, ирреальных сил. И даже две самые маленькие, приближающиеся к новелле, повести цикла — «Заколдованное место» и «Пропавшая грамота» — строились на полуироническом-полу-

серьезном контрасте желаемого и реального, стремлений и результата, причем развитие интриги не обходилось без участия тех же ирреальных сил. Вообще вмешательством и вторжением фантастического мира в людские дела отмечены — в той или другой степени — все повести «Вечеров», за исключением одной — «Ивана Федоровича Шпоньки и его тетушки», повести, предвещавшей уже иные художественные принципы.

После появления «Вечеров» Г. — один из ведущих русских писателей; летом и осенью 1832 г. его с воодушевлением встречают в Москве С. Т. и К. С. Аксаковы, М. С. Щепкин, И. В. Киреевский, С. П. Шевырев, М. П. Погодин. Весной и в конце лета 1835 г. Г. снова побывал в Москве; в это время (в мае) состоялась его, по-видимому, первая встреча с В. Г. Белинским.

Уже в пределах «Вечеров» повестью «Иван Федорович Шпонька...» было предугадано дальнейшее развитие гоголевского творчества, выразившееся вместе с тем кардинальный поворот всей русской литературы к реализму. Вместо сельской (казацкой, деревенской) среды выступала среда помещичья, мелкопоместная и чиновничья; вместо поэтической, чувствительной фабулы хитроумных проделок влюбленных — мелкие заботы и неприятности, повседневный быт; вместо резких в своей определенности характеров — пошлость и безликость обывателей. Это направление со всей силой раскрыто повестями «Миргорода» (1835) и отчасти «Арабесок» (1835), где, однако, пошлость и повседневность соединились с напряженным пафосом, гротескным изломом сюжетных и повествовательных планов, с тревожным, катастрофическим духом столичной, петербургской жизни. По свойству своего таланта Г. с самого начала тяготел к своеобразным региональным символам, и, таким образом, на его карте вселенной, наряду с Диканькой, появились новые поэтические материи — Миргород и Петербург.

В повестях миргородского цикла «Старосветские помещики», «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» и «петербургских повестях» (следует оговорить, что последнего обозначения нет у Гоголя и оно было закреплено в критике уже после его смерти) «Портрет», «Записки сумасшедшего» и «Невский проспект» происходит решительная перестройка сентиментальных и романтических конфликтов, а также существенное изменение типажа и речевого стиля.

В «Старосветских помещиках» перед нами вновь, как в «Ганце Кюхельгартене», идиллическая среда с несложными, неприязательными интересами, простыми радостями, естественной жизнью, протекающей на лоне щедрой природы, чьи дары, казалось, не могут истощить никакое расточительство и хищения («...благодословенная земля производила всего в таком множестве, Афанасию Ивановичу и Пульхерии Ивановне

так мало было нужно, что все эти страшные хищения казались вовсе незаметными...»). Маленький осколок давно прошедших времен, уголок «земного рая»? Если это и так, то его существование эфемерно и недолгительно. Тревожные и непонятные импульсы со стороны (тут большое значение в чисто стилистическом отношении играют моменты особой, чисто гоголевской, почти неприметной с первого взгляда фантастики), а также собственные, непредвиденные возможности простой жизни (скрытые силы «привычки», оказавшейся могущественнее и разрушительнее любой самой пламенной страсти) неумолимо приводят к гибели буколического острова. Участием повествователя эфемерность идиллии всачески подчеркивается (он сознает, что «в буколическую жизнь» можно сойти ненадолго, забыться в ней лишь на время); еще выразительнее оттеняет эту эфемерность зароненная в повести мифологическая параллель: легендарные древнегреческие жители Филемон и Бавкида за радушие и взаимную любовь были справедливыми богами вознаграждены, а их порочные соотечественники — наказаны; малороссийские Филемон и Бавкида бесследно сходят со сцены, а их корыстолюбивые соотечественники живут и благоденствуют. Признаком идиллии являлась обычно ее относительная устойчивость перед напором враждебных стихий: так было и в первой книге Г., где идиллический мир смог одержать верх или, по крайней мере, устоять перед романтической вспышкой чувств юного мечтателя. В «Старосветских помещиках» идиллия разрушена и стерта с лица земли неумолимым течением жизни.

Не меньшее значение имело переосмысление романтического мироощущения, романтической поэтики, осуществлявшееся в «петербургских повестях». Важно не только то, что художник Пискарёв в «Невском проспекте» гибнет в столкновении с жестокой действительностью: это был довольно частый, обычный исход романтической коллизии. Важнее то, что оказываются несостоятельными его высокие грезы, что в полупрозрачном свете предстают его экальтивированные мечты о перевоспитании проститутки — словом, «жизнь в поэзии» не удается. В свете переосмысления романтической поэтики особый вес приобретают «Записки сумасшедшего» и — если несколько схематизировать — даже сама тема сумасшествия. Высокая страсть безумия, являющаяся в произведениях романтиков одним из проявлений — самым ярким — «жизни в поэзии», отдается не гению, но человеку заурядных, весьма скромных способностей; не художнику, не музыканту, не поэту, но мелкому петербургскому чиновнику, «титularному советнику» (показательна уже сама творческая история произведения, в процессе которой совершался отход от традиционной модели; ср. раннее название повести: «Записки сумасшедшего *музыканта*»). Наконец, решающим толчком, способствовавшим

усилению болезни, оформлению мании величия, послужили не антистетизм и филистерская ограниченность среды (хотя в сознании Поприщина, в меру его понимания, преломлялись и эти импульсы), а служебное унижение, сознание недоступности красавицы, мучительное ощущение иерархических преград. Г. строит сюжет на сплаве романтического материала с собственно социальной проблематикой, и даже традиционная формула разлада «мечты и действительности» выливается в вопль человеческого унижения прозвительной, разрывающей душу силы: «Все, что есть лучшего на свете, все достается или камер-юнкерам или генералам. Найдешь себе бедное богатство, думаешь достать его рукою, — срывает у тебя камер-юнкер или генерал».

Но, пожалуй, верх гоголевской смелости в переплавке и переосмыслении романтического материала — повесть «Шинель» (задуманная еще в начале 30 гг. вместе с другими «петербургскими повестями», но опубликованная значительно позднее, в 1842 г.). Внимательный анализ обнаружит в центральном персонаже повести, в титулярном советнике Акакии Акакиевиче Башмакине психологические черты, словно заимствованные из душевной палитры «истинного музыканта», «наивной поэтической души», т. е. того человека не от мира сего, который воспринимался как особый гофмановский тип. Тут и почти патологическая неуклюжесть, безразличие к внешней жизни, к комфорту и удобству, и сосредоточение на одной посторонней идее, выросшей до маниакальной *idee fixe*. Но какая это была неожиданная, дерзкая в литературном смысле «идея»? Подобно тому как высокая тема безумия в «Записках сумасшедшего» отдавалась не художнику или музыканту, а мелкому чиновнику и насыщалась повседневно материальным, социальным смыслом, так в «Шинели» место трансцендентального стремления к высокой художественной цели занимала «вечная идея будущей шинели» на толстой вате. Трансцендентальное стремление редуцировалось до элементарной потребности, но потребности жизненно важной, не избыточной, насыщенной необходимостью в бедной, бесприютной жизни Акакия Акакиевича и притом терпящей такое же неотвратимое крушение, какое претерпевали мечтания художника или композитора. В сочетании переосмысливаемого романтического материала с бытовой и социальной фабулой Г. нашел эффективнейшее художественное средство. Другое средство подобной же силы было найдено (как показал Б. М. Эйхенбаум в статье «Как сделана шинель») в сфере повествования и стили повести, где чистый комический сказ, построенный на языковой игре, каламбурах, нарочитом косноязычии, сочетался с возвышенной, патетической, с точки зрения риторики «правильной» декламацией (знаменитое «гуманное место» — призыв к состраданию и жалости к гонимому, страдающему существу). Благодаря этому

уже вскоре после своего появления «Шинель» стала ощущаться как «одно из глубочайших созданий Гоголя» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., Т. VI.— С. 349), как открытие новой темы — темы «маленького человека», равнозначное манифесту человеческого равенства и неотъемлемых прав личности в любом ее «состоянии» и звании. Философская проблематика повести, напр. универсальность коллизии мечты и действительности, непредсказуемость событий, вторжение в повседневную жизнь враждебных человеку стихийных сил — все это не противоречило мотивам социальности и гуманизма, а, как всегда у Г., совмещалось с ними.

Творческая эволюция Г., движение его поэтики в направлении к реализму, от первых произведений к «Ревизору» и затем к «Мертвым душам», может быть особенно четко прослежена в связи с развитием фантастики, а также в связи с формированием принципов художественного обобщения и историзма.

В ранних произведениях Г. — большинстве повестей из «Вечеров», а также некоторых повестях из «Миргорода» («Вий») и «Арабесок» («Портрет») — удельный вес фантастики был большим и определенным: фантастические силы открыто вмешивались в сюжет, определяя судьбу персонажей и исход конфликтов. Тем не менее с самого начала уже в упомянутых произведениях Г. произвел изменение, равносильное реформе фантастического. Прежде всего, фантастика была подчинена фактору времени; каждой из двух временных форм — прошлому и настоящему — соответствовала своя система фантастики. В прошедшем (или давно прошедшем) временном плане открыто выступали образы персонажифицированных сверхъестественных сил — черти, ведьмы, а также людей, вступивших с ними в преступную связь (таковы Басаврюк из «Вечера накануне Ивана Купала», колдун из «Страшной мести», ростовщик Петромихали из первой редакции «Портрета» и т. д.). В настоящем же временном плане перед нами не столько сама фантастика, сколько влияние носителей фантастики из прошлого; таким образом, складывалась разветвленная система особой, можно сказать, завуалированной, или неявной, фантастики. Ее излюбленные средства: цепь совпадений и соответствий вместо четко очерченных событий; форма слухов, предположений, а также сна персонажей вместо «достоверных» сообщений и свидетельств самого повествователя — словом, не столько само «сверхъестественное явление», сколько его восприятие и переживание, открывающее читателю глубокую перспективу самостоятельных толкований и различий. Сфера фантастического, таким образом, максимально сближалась со сферой реальности, открывалась возможность параллелизма версий — как фантастической, так, с другой стороны, вполне реальной, даже «естественнонаучной». Развивая систему завуалированной

фантастики, Г. осуществлял общеевропейскую (Э. Т. А. Гофман, Л. Тик) и даже более широкую, чем европейскую (если вспомнить о фантастике В. Ирвинга и Э. По), тенденцию художественного развития.

Но Г. не остановился на этой стадии и в повести «Нос» (опубл. в пушкинском «Современнике» в 1836 г.) предложил такой строй фантастики, аналогичный которому мы едва ли найдем в современной ему русской и мировой литературе. В повести был полностью снят носитель фантастики, в то же время сохранялась сама фантастичность события (злключения майора Ковалева). Претовращалась и потенциальная возможность параллелизма, двойственности версий (неестественной и, с другой стороны, реальной, «естественнонаучной») — все описываемое просто переключалось в другую плоскость: происходило «на самом деле», но не объяснялось и в то же время не мистифицировалось, даже не усложнялось, но просто оставалось в своей собственной сфере загадочно-неопределенного, странно-повседневного. На этой почве развивалась тончайшая пародия романтической тайны, романтической формы слухов и недостоверных, случайных суждений, пародия чудесного сновидения (в повести, собственно, остался лишь намек на эту форму: от первоначальной версии, будто бы все происшедшее приснилось Ковалеву, Г. в окончательной редакции отказался) — да и вообще вся система и, больше того, технология иронического артистизма. Благодаря этому маленький и недооцененный современниками шедевр Г. во многих отношениях стал поворотным пунктом его художественной эволюции и неисчерпаемым источником вдохновения для последующих художников.

Дальнейшая, заключительная стадия гоголевской эволюции — отказ от фантастики в собственном смысле слова (в том числе и от завуалированных, неявных ее форм), широкое развитие таких изобразительных средств, которые правильнее назвать проявлением не фантастического, но странно-необычного. Странно-необычное было свободно от прямого или косвенного участия носителя фантастики, от его воздействия из прошлого; оно целиком располагалось в плоскости повседневного течения жизни. Говоря более конкретно, странно-необычное проявлялось во множестве родственных форм, с одной стороны, в плане изображения (ср., напр., алогизм речи повествователя в «Повести о том, как посорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»), с другой — в плане изображаемого. Последний план наиболее важен: это целая система проявления странно-необычного в поведении вещей; во внешнем виде предметов; это странное вмешательство животного в действие (в сюжет); дорожная путаница и неразбериха; странное и неожиданное в поведении персонажей; произвольные движения и гримасы пер-

сонажей; наконец, это аномалии в антропонимике. Уже в «Иване Федоровиче Шпоньке...», повести о ссоре и «Старосветских помещиках» все это можно было встретить довольно часто: странное в поведении вещей (знаменитые поющие двери), странное вмешательство животного в действие (возвращение и бегство «серенькой кошечки») и т. д. В последующем же творчестве, особенно в «Мертвых душах», эти формы, которые можно назвать *нефантастической фантастикой*, еще больше стали определять художественную фактуру, выполняя важную смысловую функцию. Открытая фантастика словно ушла в «прозаический существенный дразг жизни», в быт и нравы, в вещи и обычаи, в поведение и поступки людей, в их способ мыслить и говорить.

Другой момент, важный для гоголевской эволюции, — историзм и историческое обобщение. Занятия историей в начале 30 гг. (Г. в 1834—1835 гг. был адъюнкт-профессором в Петербургском университете, мечтал о кафедре истории в Киевском университете) шли параллельно созреванию многих его художественных замыслов и свидетельствовали не о мимолетной прихоти, а об органичном внутреннем влечении. Из художественно-исторических произведений Г. наиболее значительны два: незаконченная драма «Альфред» (1835) и повесть «Тарас Бульба» (первая редакция опубли. в «Миргороде» в 1835 г.; вторая — в «Сочинениях Николая Гоголя» в 1842 г.). Они связаны с двумя сферами, вызывавшими к себе и наибольший интерес Г.-историка: «Альфред» — с западноевропейским средневековьем, «Тарас Бульба» — с историей Украины.

В обоих произведениях Г. привлекает такое состояние национальной жизни, когда она, несмотря на внутренние конфликты, вопреки этим конфликтам, способна вдохновиться одной идеей, общим историческим делом, предстать именно как национальное целое. В «Альфреде» — это борьба англосаксов под командованием короля Альфреда со скандинавскими завоевателями; причем в ходе этой борьбы Альфреду приходится преодолевать невежество, своекорыстие и мелкое интриганство своего окружения, сплачивать соотечественников в единую нацию. В «Тарасе Бульбе» — это борьба Украины с иноземцами в период становления ее национальной государственности, причем последняя (если говорить о второй редакции повести) становилась для Г. почти синонимом общерусской государственности или, точнее, общерусских национальных потенций («русской силы»). Отсюда особый, высокий масштаб главных персонажей обоих произведений. В Альфреде запечатлены черты государственного реформатора и, как предположил еще Н. Г. Чернышевский, проведена параллель к Петру I: «...выбор сюжета был внушен Гоголю возможностью найти аналогию между Петром Великим и Альфредом» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. — М., 1947. — Т. III. — С. 527). Тарас Бульба — также

национальный герой, «представитель жизни целого народа, целого политического общества в известную эпоху жизни» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — Т. III. — С. 439). В этом смысле Г. — исторический писатель избирает другой путь, чем Вальтер Скотт, у которого на авансцене обычно «средний» герой, находящийся между борющимися лагерями, не заслоняющий динамику этой борьбы и позволяющий привести в соприкосновение противоположные силы. И хотя в «Тарасе Бульбе» (в лице Андрия) уже намечен конфликт индивидуализирующегося человеческого чувства и общенародной судьбы, но центральный персонаж сохраняет в основном право представлять последнюю как герой национальной эпопеи. Эпопейность «Тараса Бульбы» — и здесь вновь очевидно отступление от традиции Вальтера Скотта — дает Г. возможность пренебрегать правдоподобием исторических деталей, точно хронологии, совмещать в одно время несколько эпох, в одном якобы историческом лице — несколько реальных прототипов. Повесть «смотрит» на прошлое сквозь «эпическую дистанцию», подобно эпопее, для которой «ошибка» в несколько десятилетий или даже веков не имеет значения — важно, что это прошлое, что это было. Метод Г. родствен методу народной поэзии, особенно украинским историческим песням, в которых, по словам писателя, бессмысленно искать «показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции», но зато можно «выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного» («О малороссийских песнях», — «Арабески», 1835). В то же время эпичность задания открывала доступ влиянию гомеровского эпоса, ярко проявившемуся во второй редакции повести, в ее ритмико-стилистической и изобразительной сфере.

Историзм Г. непосредственно подвел его к «Ревизору» — комедии с исключительно глубоким, поистине философским содержанием (поставлена впервые 19 апр. 1836 г. в Петербургском Александринском театре; около того же времени вышла отдельным изданием). На подсказанный Пушкиным сюжет, объединявший вечную коллизию с локальным мотивом чиновничьей инспекции (ревизии), Гоголь написал пьесу, тяготеющую к предельному обобщению, при этом драматург стремился раскрыть и движущие пружины всего происходящего. «В «Ревизоре» я решился собрать в одну кучу все дурное в России... все несправедливости, какие делаются в тех местах и в тех случаях, где больше всего требуется от человека справедливости, и за одним разом посмеяться над всем» («Авторская исповедь»). Перед нами не больше и не меньше, как исторический момент жизни народа — на сей раз современный момент, современная Г. эпоха. В то же время, согласно замыслу писателя, историческая широта должна воплотиться в максимально-экономной и драматургически отграниченной, отграненной

форме — исторический момент должен реализоваться в драматургическом моменте. Г. двойным образом решал эту задачу — со стороны предмета изображения (конкретно выражившемся в драматургическом пространстве пьесы — буквальном и подразумеваемом) и со стороны общей ситуации. В первом случае вместо обычного в русской и западно-европейской драматургии фокусирования действия на одном ведущем персонаже, на одной семье, на одной любовной интриге Г. выдвинул на авансцену целый социально организованный коллектив — чиновников, во главе с городничим, их жен и детей, купцов, мещан, полицейских и других обитателей потревоженного города. Так создавалась возможность воображаемого расширения пространства пьесы: формально перед нами только находящиеся на сцене, в действительности же — все те, кто заинтересован в исходе событий, кто трепетно следит за происходящим между участниками действия, т. е. фактически весь «город».

Город же как предмет изображения дал в руки драматурга такую модель обобщения, которая в силу своей иерархической определенности и цельности была подобна более крупным социальным объединениям — другим городам (в том числе столице), наконец, Российской Империи в целом. Благодаря этому широта изображения и сила социальной критики достигались посредством не буквального расширения масштаба художественного мира, но его *подобия* другим, реальным мирам. В русской литературе подобный метод был предуказан еще Пушкиным в «Истории села Горюхина». Дальнейший путь вел от гоголевского «Ревизора» к «Патриархальным нравам города Манилова» (в «Записках одного молодого человека» А. И. Герцена), к «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, к «Городку Окурову» М. Горького и др. произведениям; вплоть до «Города Градова» А. Платонова, где прием обнажен и подчеркнут («Город Градов» — это как бы «город», возведенный в квадрат). Вместе с тем прием города — в соответствии со старой агиографической и мемуарно-исповедальной традицией — давал возможность движения и в субъективную сферу, обобщения ее до некоей законченной цельности, до «душевного города» любого, каждого человека (на этом основана попытка интересного, но одностроннего перетолкования комедии, предпринятая Г. в «Развязке Ревизора» (написана в 1846 г.; опублик. в 1856 г.). В обоих случаях оттенялась этическая проблематика, подчеркивалось несоответствие жизни города — будь то город объективный как социальная организация людей или субъективный как внутренняя жизнь каждого лица — подразумеваемой норме и образцу.

Со стороны же ситуации пьесы обобщенность достигалась тем, что в жизни города был выбран момент чрезвычайный: ожидание и прием ревизора (мнимого), такой момент, который дей-

ствительно разом («...за одним разом посмеяться над всем») раскрыл все тайные помыслы и душевные устремления персонажей, все движущие пружины жизни «сборного города» (выражение Г. из черновой редакции «Театрального разъезда после представления новой комедии»; опублик. в 1842 г.). И в то же время этот момент был всеобщим по своему действию, т. к. затрагивал интересы всех персонажей, он стал *общей ситуацией*, которую Г. сознательно противопоставил частной ситуации комедии мольтеровского типа (последняя строилась на частной завязке, т. е. главным образом на любовной интриге) и возводил к традиции старой аттической комедии: «В самом начале комедия была общественным, народным созданием. По крайней мере такую показал ее сам отец ее, Аристофан. После уже она вошла в узкое ущелье частной завязки, внесла любовный ход, одну и ту же неперемную завязку. Зато как слаба эта завязка у самых лучших комиков, как ничтожны эти театральные любовники с их картонной любовью!» («Театральный разъезд...»).

Другим отступлением Г. от современной ему театральной традиции был тип Хлестакова как главного героя пьесы. Вместо обычного плута или мошенника, ведущего продуманную интригу, в центре комедийного действия оказался ничтожный «елистратишка», который не ставил перед собою осознанной цели обмана чиновников и других жителей города, но который стечением обстоятельств и полной естественностью психологической реакции и поведения всех лиц был приведен в положение «победителя». Характер Хлестакова, samozабвенно отдающегося собственной лжи, действующего импульсивно и «вдруг», соединяющего несоединимое («у меня легкость необыкновенная в мыслях»), всегда открытого для чужих влияний и потому вечно текущего, нового и неуловимого в самой своей ординарности, — этот характер явился гоголевским открытием мирового масштаба (впоследствии к нему присоединились такие же оригинальные и объемные характеры «Мертвых душ» — Манилов, Хоздрев, Чичиков...). От специфики характера Хлестакова и от того, что он поставлен на центральное место (Г. настойчиво подчеркивал: Хлестаков — главный герой комедии), зависел тип интриги — «миражной» интриги, при которой противоборство и усилия персонажей не только не вели к реальному результату, но и заведомо не могли к нему привести (ведь Хлестаков — не настоящий ревизор). «Миражная» интрига комедии соответствовала отмеченной выше общей тенденции гоголевского творчества — сужению поля открытой фантастики, уходу ее в стиль, в более глубокие пласты текста. Другим выражением подспудной гротескности комедийного мира «Ревизора» явились фарсовые элементы и элементы «грубой комики» (впрочем, весьма умеренные), а также заключительная «немая сцена».

Другие комедии Г., уступая «Ревизору» в широте и синтетичности общего задания, развивали и в некотором смысле углубляли его подспудно-гротескную основу. В «Женитьбе» (заключена в 1840 г.; опубл. в 1842 г.) это достигалось тонкой переакцентировкой традиционной пары: «нерешительного» жениха и предпримчивого, напористого помощника (друга, слуги и т. д.). Роль первого ведет Подколесин, второго — Кочкарев, но если жених нерешителен при своей кровной заинтересованности в женитьбе (так, по крайней мере, можно понять открывающую действие реплику Подколесина и следующие затем его суматошные приготовления); то сват напорист и настойчив при отсутствии реального интереса в предстоящей женитьбе. Белинский отметил, что в словах Кочкарева: «Из чего бьюсь, кричу, инда горло пересохло? Скажите, что он мне? Родня, что ли? И что я ему такое — нянька, тетка, свекруха, кума, что ли? Из какого же дьявола, из чего, из чего я хлопочу о нем?.. А просто черт знает из чего!» — в этих словах заключена «вся тайна характера Кочкарева». Вместо активной — корыстной или бескорыстной — заинтересованности в деле (обычная роль активного, волевого героя классической комедии или водевиля: Скалена, Криспина, Фигаро и т. д.) почти рефлекторное участие, однако такое, которое потребовало от Кочкарева максимального напряжения душевных сил и рассудка, стало его кровной заботой (на этом построен комизм отмеченной выше переакцентировки, когда Подколесин ведет себя так, будто он женится ради кого-то другого, а Кочкарев разговаривает с ним так, будто речь идет о его собственной женитьбе: «...Ну вот я на коленях!.. Век не забуду твоей услуги...»). Вместо же достигнутого результата — устроенного сватовства или женитьбы — комедия вновь оканчивается ничем: дело разлажено и притом таким необыкновенным, непредвиденным способом (бегство жениха в окно), что возвращение к исходному состоянию едва ли возможно. Это общая черта драматургии Г. (кроме «Ревизора» и «Женитьбы», назовем еще «Игроков» с «обманутым обманщиком» в финале — Ихаревым): все персонажи на своих местах, формально ничего не произошло такого, что мешало бы вернуться к исходному состоянию — к новому приему ревизора, к новому сватовству или к новой карточной игре; но на самом деле в ходе действия открылось нечто до такой степени неправильное и алогичное, что возвращение на круги своя невозможно. Отсюда мотивированность «немой сцены» в финале «Ревизора», причем и в «Женитьбе» и в «Игроках» есть как бы сокращенные, близкие к ней эквиваленты наивысшего потрясения персонажей (в «Женитьбе» — когда обнаруживается, что Подколесин выпрыгнул в окошко, и невеста «вскрикивает, всплеснувши руками»; в «Игроках» — когда Ихарев, узнав об интриге, «в изнеможении упадает на стул»).

Драматургия Г., при его жизни почти не известная или, точнее, только начинавшая приобретать известность за пределами России, объективно составила важное и оригинальное звено мирового художественного развития. В четкости сценического рисунка, даже в частичном соблюдении единства места и времени (в «Ревизоре») сказалось влияние театра классицизма; однако в старом Г. создавал новое, в известном находил неизвестное. Особенно существенным оказалось взаимодействие Г. с мольеровской традицией психологического комизма, проистекающего не из внешних сюжетных эффектов, а из неожиданно обнаруживающихся потенций характера. Г. слил этот принцип с принципом национальной, русской самобытности («Ради бога, дайте нам русских характеров, нас самих дайте нам, наших плутов, наших чудачков!» — «Петербургские записки 1836 года», 1837); но, отталкиваясь от Мольера, он подчинил национальную характерность и современность персонажей современности «плана» сюжета («ситуации ревизора» вместо хитроумных проделок влюбленных). Вместе с тем в «миражности» интриги, в фарсовых элементах, в структуре «немой сцены» ощутило воздействие романтической драматургии и уходящих в глубь столетий традиций народного театра, от знакомого Г. по детским впечатлениям украинского вертепа и итальянской комедии дель арте до древней аттической комедии.

Осенью 1835 г. Г. принимается за написание «Мертвых душ»; сюжет которых также был подсказан ему Пушкиным. После отъезда писателя за границу (в июне 1836 г.), вызванного глубокими переживаниями в связи с премьерой «Ревизора» и желанием «разгулять свою тоску, глубоко обдумать свои обязанности авторские» (письмо к М. П. Погодину 15 мая 1836 г.), работа над новым произведением становится главным делом писателя. Г. живет в Бадене-Бадене, Вене, Париже (где знакомится с А. Мицкевичем) и других городах; в марте 1837 г. впервые приезжает в Рим, где встречается с колонией русских художников (в частности, с А. А. Ивановым) и где была написана большая часть «Мертвых душ». Одновременно Г. создает ряд других произведений, в частности повесть «Рим» (опубл. в 1842 г.). В 1839—1840 гг. Г. приезжает в Россию (Москва, Петербург) и читает друзьям главы «Мертвых душ»; в конце 1841 — первой половине 1842 г. писатель — вновь на родине, занятый печатанием первого тома (вышел в мае 1842 г.); чуть позже, в 1842 — начале 1843 г., вышли Сочинения Гоголя в 4 т.

Обобщение, к которому гоголевская художественная мысль всегда тяготела, получает в «Мертвых душах» новую форму. «Мне хочется в этом романе показать хотя с одного боку всю Русь» (из письма к Пушкину от 7 октября 1835 г.). В отношении художественного предмета, отбора материала это родственно социально-

критической установке «Ревизора» («...собрать в одну кучу все дурное в России»). Но в отношении временного и пространственного оформления материала уже чувствуется другой поворот: показать нечто с «одного боку» — это не то, что показать «все в одном», драматургический момент сменяется эпической перспективой. Кроме того, очень скоро после начала работы Г. расширил и первоначальную установку: вместо изображения «с одного боку» замышлено «сочинение полное», «где было бы уже не одно то, над чем следует смеяться». Окончательная реализация этого задания отодвигалась на последующие тома поэмы — второй и главным образом третий, но его присутствие должно было ощущаться уже в томе первом (в лирическом пафосе, а также в намеках и предвосхищении в повествовательной речи последующего развития событий). Все это, как в зеркале, отразилось в эволюции жанрового определения: от первоначального наименования «роман» Г. отказывается, он остро ощущает непохожесть вещи на выработанные прозаические жанры: «...вещь, над которой... тружусь теперь... не похожа ни на повесть, ни на роман...» (письмо к М. П. Погодину от 28 ноября 1836 г.), и останавливается на жанре собственно поэтическом, стихотворном (поэма). Решение это, скорее всего, было вдохновлено пушкинским прецедентом и преследовало цель способом от противного зафиксировать диалектичность и единственность произведения («Евгений Онегин» — роман, но не в прозе; «Мертвые души» — поэма, но не в стихах).

Наименование «поэма» призвано было отделить рождающееся творение от большого массива русской прозы — от романов исторических, нраво-описательных, сатирических и т. д. В этих романах Г. не устраивали мелкотравчатость сатиры, наивное морализирование, уравновешивание порочных персонажей добродетельными. Но вместе с тем наименование «поэма» отделяло произведение и от складывающегося в это время западного реалистического романа (О. Бальзак, Ч. Диккенс и др.), судьбы которого в главных чертах были знакомы автору «Мертвых душ».

Разумеется, у гоголевской поэмы и западноевропейского реалистического романа на ранней его стадии достаточно много общего — в детализации быта, обстановки, одежды, в характерности психологического рисунка, в пристрастии к теме аморального и преступного (ср. аферу Чичикова и многочисленные преступления и проделки персонажей Бальзака, Диккенса, У. Теккерея) и т. д. Эти параллели — свидетельство общности пути европейского реалистического романа XIX в.; но в то же время в самой архитектонике, в ведущем конструктивном принципе «Мертвых душ» обнаруживалось существенное — и, надо думать, вполне осознанное Г. — отличие. Оно состояло в некоей монументальной панорамности. Вместо «семейственного романа», а так-

же тонкого переплетения индивидуальных судеб друг с другом и с историческим фоном, с социальной механикой целого, — словом, вместо группового, центрического — построение линейное, с помощью сквозного героя, и последовательная демонстрация этого целого, сначала с одного, а потом и с другого боку.

Подобно тому как в создании современной комедии Г., минуя новую «высокую комедию», обращался за поддержкой к древней аттической комедии, так и при обдумывании современной формы эпоса, минуя традиции современного романа, он искал стимулы в более архаичных образцах, (Л. Ариосто, М. де Сервантес, Г. Филдинг). Но в обоих случаях он хотел не столько восстановить, сколько актуализировать традицию, слив ее с современностью конструкции, «плана». Заметна перемена, произошедшая после «Ревизора»: «план» последнего еще не так национально заострен, еще ближе к общечеловеческой «модели». Перенос акцента на общенациональное, общерусское совершился в Г. в период работы над «Мертвыми душами» (из установки на конкретно-национальное вытекает и основное лирическое сопровождение сюжета: знаменитые пассажи о Руси-тройке, о русском слове, о русском «умении обращаться» и т. д.). Общечеловеческий аспект при этом не исключается, но путь к нему ведет через национальное, общерусское.

Обработка старой эпической традиции предполагала также известное отграничение, по гоголевской терминологии, «округление» материала. Открытая описательная перспектива старого романа с нанизыванием бесконечного количества эпизодов, с их относительно непрочной, внешней связью автору «Мертвых душ» казалась недостаточной (так, в частности, обстояло дело в плутовском романе, чьи традиции, однако, по своему преломились в гоголевской поэме, особенно в выборе Чичикова как низкого с моральной точки зрения героя — антигероя). Отсюда, с одной стороны, внесение в эпический поток драматических принципов с «обдуманной завязкой», кульминацией, развязкой, с группировкой лиц вокруг одного центрального события — аферы Чичикова (именно так построен первый том). А с другой — поиски внесюжетного, символично-ассоциативного и философского принципов объединения материала, из которых, конечно, самый главный принцип связан с антитезой: «мертвая» и «живая» душа.

«Мертвые души» — это понятие потому так многообразно преломляется в поэме, постоянно переходя из одной смысловой плоскости в другую (мертвые души — как умершие крепостные и как духовно омертвевшие помещики и чиновники), из сферы сюжета в сферу стиля (покупка мертвых душ и мертвенность как характерологический признак живущего), наконец, из области прямой семантики в переносную и сим-

волицескую, что с ним, с этим понятием, связана концепция целого. Концепция омертвления человеческой души в русской (и, конечно, тем самым — в общемировой) жизни, как и ее грядущего горячо желаемого, гипотетического возрождения. Драматическая и мучительная история продолжения поэмы, работы над вторым томом и обдумывания третьего проистекает из напряженных усилий перенести эту гипотезу на почву современного материала, овеществить в конкретной человеческой судьбе, в главнейших стадиях духовного развития. Поскольку этот замысел строился трехчленно, предполагал переход от низкого к более значительному, а само перевоспитание центрального персонажа перерастало в «историю души» с ее главными (временными) стадиями, то для автора «Мертвых душ» обретала особый смысл дантовская традиция. Недаром Г. в пору работы над «Мертвыми душами» проявлял живой интерес к «Божественной комедии».

С июня 1842 г. Г. вновь живет за границей (во Франции, Германии, Австро-Венгрии, но больше всего в Италии: в Риме, Неаполе и др. городах), продолжая работу над вторым томом «Мертвых душ» (начатым, по-видимому, еще в 1840 г.). В первой половине 1845 г. резко ухудшается самочувствие Г., силы которого были подорваны напряженным и, как ему казалось, недостаточно эффективным трудом. Летом того же года писатель сжигает рукопись второго тома, с тем чтобы начать работу сначала. В январе 1847 г., будучи в Неаполе, Г. тяжело переживает известие о смерти Н. М. Языкова, ставшего одним из его самых близких друзей (они познакомились еще в 1839 г. в Ганау).

В 1847 г. Г. издал «Выбранные места из переписки с друзьями»: Книга выполняла двоякую функцию — и объяснения, почему до сих пор не написал второй том, и некоторой его компенсации: Г. переходил к декларативно-публицистическому изложению своих главных идей. Книга отразила мучительные душевные процессы, изнурявшие и обесилившие писателя, и прежде всего его сомнение в действительности, учительной функции художественной литературы. Это сомнение поставило Г. на грань отречения от его прежних созданий, ибо они, в его глазах, не отвечали задачам прямой моральной дидактики. Вместе с тем книга объективно отражала и общий кризис в стране, где царят не согласие сословий и классов, а брань и ссора: «Дворяне у нас между собой как кошки с собаками; мешане между собой как кошки с собаками, крестьяне <...> между собой как кошки с собаками». Отразила книга и общеевропейский и общемировой кризис, уподобленный Г. землетрясению: «...в эту тяжелую годину всемирного землетрясения, когда все помутилось от страха за будущее». В поисках выхода он конструирует идеальную программу выполнения своего долга всеми «сословиями» и «званиями», от кре-

стьянина до высших чиновников и царя. Это была утопия, причем с явными критическими тенденциями, однако ее консервативная функция состояла в том, что «идеальное небесное государство» привязывалось Г. к реальным бюрократическим инстанциям царской России. Г. глубоко сознавал жизнестойкость человеческого зла, понимал, что никакой общественный прогресс не будет прочным без морального воспитания и перевоспитания каждого, — и в этом была сильная сторона книги. Однако попытка Г., в обход назревающих в стране социальных преобразований, ограничиться лишь проблемой индивидуального и общего жизнестроения являлся бесперспективной. Выход «Выбранных мест...» навлек на их автора настоящую критическую бурю. Резкой и принципиальной критике книга была подвергнута Белинским в рецензии (Современник. — 1847. — № 2) и особенно в письме к Г. от 15 июля 1847 г. из Зальцбрунна. В ответном письме Белинскому от 10 авг. 1847 г. Г., признавая частично неудачу своей книги, со своей стороны упрекал критика в односторонности и непримиримости к чужому мнению, в игнорировании религиозно-моральной проблематики. Немного смогли оценить рациональное зерно книги Г., прежде всего — А. А. Григорьев в статье «Гоголь и его последняя книга» (Московский городской листок. — 1847. — № 5, 6).

В апреле 1848 г. после путешествия в Иерусалим, к Гробу Господню, Г. окончательно возвращается на родину; живет в Васильевке, Одессе, Петербурге, где осенью 1848 г. на вечеру у А. А. Комарова знакомится с Н. А. Некрасовым, И. А. Гончаровым, Д. В. Григоровичем, А. В. Дружининым, но больше всего в Москве, продолжая работу над вторым томом поэмы. Труд продвигается вперед чрезвычайно медленно и стоит автору огромного напряжения нравственных и физических сил.

В июне 1850 и в сентябре 1851 г. посещает Оптину пустынь, где встречается с архимандритом Моисеем, иеросхимонахом Макарием и др.

В конце января 1852 г. обнаружили признаки нового душевного кризиса. Г. терзает предчувствие близкой смерти, усугубляемое вновь усилившимися сомнениями в благотворности своего писательского поприща и в успехе осуществляемого труда. Г. тяжело переживает смерть Е. М. Хомяковой, сестры Н. М. Языкова (26.I.1852 г.). В конце января — начале февраля он встречается с приехавшим в Москву ржевским протоиреем Матвеем Константиновским; содержание их бесед осталось неизвестным, однако есть указание на то, что Константиновский советовал уничтожить часть глав поэмы. Константиновский мотивировал этот шаг их неточностью и вредным влиянием, какое они будут иметь; Г. же, со своей стороны, мог перетолковать его реакцию в том смысле, что второй том остался неубедительным, т. е. художественно несовер-

шенным. 7 февраля Г. исповедуется и причащается, а в ночь с 11 на 12 сжигает беловую рукопись второго тома (сохранились лишь в неполном виде пять глав, относящихся к различным черновым редакциям; опубл. в 1855 г.). 21 февраля утром Г. умер в своей последней квартире, в доме Талызина на Никитском бульваре.

Смерть Г. вызвала в русском обществе глубокое потрясение. Тысячи людей участвовали в похоронной процессии; от университетской церкви, где состоялось отпевание, до места погребения в Донском монастыре гроб несли на руках профессора и студенты университета. После революции останки Г. были перенесены на Новодевичье кладбище.

Г. оказал исключительно сильное воздействие на все последующее развитие русской литературы, причем характер этого воздействия и его понимание с течением времени все более и более углублялись. Для непосредственных продолжателей Г.— представителей «натуральной школы» первенствующее значение имели антиромантические тенденции его поэтики: обнаружение пошлости жизни («пошлость пошлого человека» — Гоголь Н. В. Полн. собр. соч.— М.,— 1952.— Т. VIII.— С. 292); снятие всяческих запретов на тему, материал и т. д.; установка на социальную критику, которой они придали целенаправленный аналитический характер, а также гуманистический пафос в решении темы «маленького человека». Вместе с тем значение Г. еще ограничивалось национальными рамками; оставались еще в тени гротескно-фантастическая линия поэтики, историко-философская направленность, а также мучительные поиски идеала (прежде всего в «Мертвых душах»), глубокая нравственно религиозная проблематика, в связи с чем общая картина его художественного мира оставалась неполной. Более глубокие, подсудные слои этого мира стали открываться позднее, особенно явственно в последние десятилетия, что выдвинуло Г. в настоящее время в число наиболее значительных художников, оказывающих влияние на всю мировую культуру.

Соч.: Соч.: В 7 т.— 10-е изд.— М., Пб., 1889—1896; Полн. собр. соч.: В 14 т.— М., 1937—1952; Собр. соч.: В 6 т.— М., 1952—1953; Собр. соч.: В 7 т.— М., 1984—1986.

Лит.: Русская литература XIX века.— М., 1984; Гоголь в русской критике.— М., 1953; Гоголь в воспоминаниях современников.— М., 1952; Котляревский Н. Н. В. Гоголь (1829—1842).— 4-е изд.— П., 1915; Мережковский Д. С. Гоголь и черт. Исследование: В 2 ч.— М., 1906; Белый Андрей. Мастерство Гоголя. Исследование. М.: Л., 1934; Набоков В. В. Николай Гоголь // Новый мир.— 1987.— № 4; Гиппиус В. Гоголь.— Л., 1924; Он же. Творческий путь Гоголя // Гиппиус В. От Пушкина до Блока.— М.; Л., 1966; Виноградов В. В. Эволюция русского натурализма: Гоголь и натуральная школа. Этюды о стиле Гоголя // Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы.— М., 1982, 1976; Переверзев В. Ф. Творчество Гоголя // Переверзев В. Ф. Гоголь, Достоевский. Исследования.— М., 1982; Эйхенбаум В. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум В. О прозе. Сб.

ст.— Л., 1969; Тынников Ю. Н. Достоевский и Гоголь // Тынников Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино.— М., 1977; Бахтин М. М. Рабле и Гоголь: Искусство слова и народная смеховая культура // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики.— М., 1975; Иофанов Д. Н. В. Гоголь. Детские и юношеские годы.— Киев, 1951; Поспелов Г. Н. Творчество Н. В. Гоголя.— М., 1953; Степанов Н. Л. Гоголь. Творческий путь.— 2-е изд.— М., 1959; Ермилов В. В. Гений Гоголя.— М., 1959; Гукровский Г. Реализм Гоголя.— М., 1959; Войтоловская Э. Л., Степанов А. Н. Н. В. Гоголь. Семинарий.— Л., 1962; Лотман Ю. М. В школе поэтического слова.— М., 1988; Войтоловская Э. Л. Комедия Н. В. Гоголя «Ревизор». Комментарий.— Л., 1971; Машинский С. Художественный мир Гоголя.— Москва, 1971; Елистратова А. А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа.— М., 1972; Бочаров С. Г. О стиле Гоголя // Теория литературных стилей. Типология стилового развития нового времени.— М., 1976; Вишневецкая И. Л. Гоголь и его комедии.— М., 1976; Боголепов П., Верховская Н. Тропа к Гоголю.— М., 1976; Турбин В. Пушкин. Гоголь. Лермонтов.— М., 1978; Храпченко М. Б. Николай Гоголь. Литературный путь. Величие писателя / Собр. соч.: В 4 т.— М., 1980.— Т. 1; Золотусский И. Гоголь.— М., 1984; Он же. Поэзия прозы. Статьи о Гоголе.— М., 1987; Николаев Д. Сатира Гоголя.— М., 1984; Макогоненко Г. П. Гоголь и Пушкин.— Л., 1985; Кривонос В. Ш. «Мертвые души» Гоголя и становление новой русской прозы.— Воронеж, 1985; Еремича Л. И. О языке художественной прозы Н. В. Гоголя.— М., 1987; Смирнова Е. А. Поэма Гоголя «Мертвые души».— Л., 1987; Манн Ю. В. В поисках живой души. Мертвые души. Писатель — критик — читатель.— 2-е изд.— М., 1987; Гоголь: История и современность.— М., 1985; Гоголь и литература народов Советского Союза.— Ереван, 1986; Гоголь и мировая литература.— М., 1988; Манн Ю. Поэтика Гоголя.— 2-е изд.— М., 1988.

Ю. В. Манн

ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ, Арсений Аркадьевич [26.V.(7.VI).1848, Царское Село — 28.I.(10.II).1913, Петербург] — поэт, прозаик. Родился в семье, принадлежавшей к старинному знатному дворянскому роду. От одной из его ветвей происходил фельдмаршал князь М. И. Голенищев-Кутузов, от другой — граф П. В. Голенищев-Кутузов, член Государственного Совета, дед поэта. До десятилетнего возраста Г.-К. жил в Петербурге, а лето проводил в родовом имении — селе Шубино Тверской губернии. После смерти отца весной 1859 г. мать с двумя детьми переехала в Москву. Здесь большое влияние на мальчика оказала сестра матери — монахиня Зачатьевского монастыря. Окончив с золотой медалью 4-ую московскую гимназию, Г.-К. осенью 1865 г. стал студентом юридического факультета Московского университета. Начал писать стихи еще в гимназические годы, но свои первые стихотворения опубликовал в 1869 г. в журнале «Заря». В это же время Г.-К. перевелся в Петербургский университет, который закончил в 1871 г. со степенью кандидата прав и был зачислен на службу в Государственную канцелярию. Произведения Г.-К. начинают регулярно появляться в печати. Он сблизился с В. В. Стасовым, постоянно посещал его знаменитые музыкальные вечера, подружился с М. П. Мусоргским, даже некоторое время жил с ним коммунально в меблированных комнатах. Выдающийся композитор исключительно высоко отзывался о

Г.-К., оказавшем некоторое влияние на его литературное творчество (См.: Мусоргский М. П. Литературные произведения.— М., 1972). Г.-К. и Мусоргский не только обменивались стихотворными посланиями, в их творческом содружестве были созданы два вокальных цикла «Без солнца» (1874) и «Песни и пляски смерти» (1875—1877). При поддержке Стасова в журнале «Дело» публикуется замеченная критикой поэма Г.-К. «Гашиш» (1875). После своей женитьбы в 1876 г., он несколько лет провел в родовом Шубино. В 1889 г. Г.-К. назначен управляющим Дворянским и Крестьянским земельными банками, а с 1895 г.— канцелярией и секретарем императрицы Марии Федоровны, оставаясь в этой должности до конца жизни.

Литературную известность приносит поэту первый сборник стихотворений «Затишье и буря» (1878). Отдельным изданием также вышла драматическая хроника «Смута (Василий Шуйский)» (1879). Сам поэт декларировал свою принадлежность к поэзии «чистого искусства». В стихотворениях Г.-К. звучит призыв к всепрощению: «Уста не осквернить упреком / И душу — казнию стыда!» («На шумном празднике весны», 1878). Своими поэтическими учителями он называет А. С. Пушкина, Ф. И. Тютчева, А. Н. Майкова, А. А. Фета. Обращаясь к поэтической деятельности последнего, Г.-К. отмечал, что, чуждая «мести и печали», муза Фета «видит свое призвание исключительно в целинии мук, порожденных бурями и невзгодами житейской действительности и целение это она приносит не в виде поучений и обличений, а в призыве к «высокому наслаждению», к счастью «пленительных снов наяву», — снов, которые она навевает своєю «божественной властью» (См.: Г.-К. А. А. Вечерние огни (Стих. А. А. Фета) // Рус. вестник.— Спб.— 1888.— № 4.— С. 372). Во многом эти слова относятся и к творчеству самого Г.-К., усматривавшего задачу поэта в служении «красоте» — «где бы и в чем бы она ни проявлялась: в окружающей ли природе, в людях, или в области отвлеченной мысли» (С. 370). Тем не менее в его поэзии прослеживаются и социальные мотивы. В таких стихотворениях, как «Шествие войны», «Мольба» (1877) выражен протест против войны как социального бедствия, с ее «бессмысленным кровавым приговором». Про несчастных людей, «про их неволю, / Про великие их скорби, / Про неверную их долю» поет ветер в стихотворении «Расскажи мне, ветер вольный...» (1878). Истерзанного «горем, тоской да нуждой» мужика «Смерть обнимает, ласкает, / С пьяненьким пляшет вдвоем трепака, / На ухо песнь напевает» («Трепак», 1975). В мотивах покаяния и жертвенности лирики 70 гг. превосхищаются «надсоновские» настроения («Порой среди толпы ликующей и праздной...», 1877; «Мне говорят: забудь тревоги дня...», 1878); лирический герой

Г.-К., как и Надсона, ожидает «пророка», который откроет истину, поведет за собой на подвиг во имя справедливости («Меж тем как вкруг тельца златого...», 1876).

Однако в целом социальные, гражданские мотивы не органичны для творчества Г.-К., что в полной мере обнаруживается в 80 гг., когда тематический диапазон его творчества усугубляется окончательно.

В начале своей литературной деятельности Г.-К. пытался сблизиться с демократическими кружками, печатался в журнале «Дело», хотел даже сотрудничать в «Отечественных записках» (представленные стихи были отвергнуты Н. А. Некрасовым). В дальнейшем Г.-К. приобретает широкую известность прежде всего в салонно-аристократических литературных кругах. Он часто посещает «пятницы» К. К. Случевского, где собирались поэты разных направлений.

Начиная с 80 гг., в его поэзии преобладают скептические и трагические ноты. Неустойчивые гражданские настроения сменяются призывами учиться страданию и терпению, бессильной тоской по героическим идеалам прошлого и неясному будущему. Религиозно-философской настроенности сопутствуют созерцательность, бесстрастность, скептицизм, разочарование («К Мефистофелю»). Поэт ищет отдохновения в красоте. «Заветный образ красоты / поет мне песню утешенья» («На Закате»). Г.-К. считался знатоком и ценителем живописи, он разыскивал, приобретал и восстанавливал картины старых мастеров, собрав у себя дома целую картинную галерею. Один из излюбленных мотивов поэзии Г.-К.— возврат к природе, единение с ней, спасающее от разочарований жизни. Но эти поиски утешения также часто оказываются тщетными. Пейзажная лирика Г.-К. обращена внутрь души поэта, отстраняющегося от внешнего мира («Прошумели весенние воды», 1884; «Родному лесу», 1885). Действительности, перед которой поэт чувствует свое бессилие, противопоставляется «свет иного бытия» («Прекрасен жизни бред...», 1884; «Мне легче дышится на горных высотах», 1893). Мотивы отчаяния и тоски, разочарования в жизни, не оправдавшей надежд, сближает поэзию Г.-К. с творчеством К. К. Случевского, А. Н. Апухтина и других поэтов 80 гг.

В 1884 г. вышел второй сборник Г.-К., куда, помимо небольших стихотворений, были включены драматическая сцена «Смерть Святополка», поэмы «Дед простил», «Рассвет», «Старые речи». Эти лирические поэмы, по мысли В. С. Соловьева, связаны между собой как последовательные ступени в развитии одних и тех же «буддийских настроений»: здесь Г.-К. выступает как «поэт смерти и Нирваны» (См.: Соловьев В. С. Буддийское настроение в поэзии // Вестник Европы.— 1894. Май. Июнь.— С. 329—332). Память о смертном часе заставляет людей оду-

маться и понять суету своих страстей («Ангел смерти»). Однако «буддийские настроения» поэзии Г.-К.— это не столько поэтизация смерти, сколько осознание безмерной власти природы и ничтожества человека перед ней. Здесь проходит трагическая доминанта творчества Г.-К., предвосхищавшая многие искания поэтов XX в., в частности А. А. Блока и А. Белого. Простота и гармония звука, яркость изображения, напевность стиха Г.-К., придерживавшегося традиционных силлабо-тонических размеров, вдохновляли многих композиторов. Свои романсы на стихи поэта писали С. В. Рахманинов, Ц. А. Кюи, А. С. Аренский.

С 1888 по 1894 г. Г.-К. печатал свои стихотворения в «Русском вестнике» и в «Русском обозрении». Эти стихи составили два тома сочинений, изданных в 1894 г. К поэту приходит официальное признание. В 1891 г. Академия наук избирает его членом-корреспондентом по Отделению русского языка и словесности и поручает Г.-К. оценку поэтических сочинений, представленных на пушкинскую премию. В 1900 г. он вместе с Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, В. Г. Короленко, А. М. Жемчужниковым, А. Ф. Кони и В. С. Соловьевым был избран академиком «по разряду изящной словесности». В 1901 г. выходит в свет небольшой сборник избранных стихотворений. Поэт все более последовательно отграничивает себя и свое творчество от гражданско-тенденционного искусства. В 1905 г. вышло полное собрание сочинений Г.-К. в 3 т. В первый том включены все лирические стихотворения, во второй — поэмы и в третий — драматические произведения. Поэт начал работать над трилогией в прозе («Даль зовет», «Жизнь зовет», «Бог зовет»), но успел лишь напечатать в 1907 г. первую часть. В 1912 г. был выпущен сборник последних стихотворений «На Закате» и сборник прозы «На летучих листьях».

Соч.: Соч.: В 3 т.— Пб., 1904—1905; Соч.: В 4 т.— Пб., 1914; Поэты 1880—1890-х годов / Вступ. ст. Г. А. Бялого.— С. 301—336; М.; Л., 1964; Поэты 1880—1890-х годов / Вступ. ст. Г. А. Бялого.— Л., 1972.— С. 5—64.
Лит.: Перцов П. П. Граф А. А. Голенищев-Кутузов // Перцов П. П. Философские течения в русской поэзии.— 2 изд.— Пб., 1899.— С. 365—378; Высоцкий И. Позвня гр. А. А. Голенищева-Кутузова.— Рига, 1913; Круковский А. Певец безмятежных переживаний // Филологические записки.— 1915.— № 4.— С. 523—560.

Т. Г. Петрова

ГОЛЬЦ-МЙЛЛЕР, Иван Иванович [27.XI(9.XII). 1842, Иоганншкери Поневежского у. Ковенской губ.— 5(17).VIII.1871, Орел] — поэт. Революционный демократ. Жизнь Г.-М. была короткой и драматичной. Его отец был внебрачным сыном гр. И. А. Толстого — деда Л. Н. Толстого и незамужней Е. Я. Перфильевой, из старинной дворянской фамилии (умерла вскоре после рождения сына). Он воспитывался

сначала в Москве в семье повивальной бабки Гольц-Миллер и ее мужа, отставного поручика прусской службы, а после их смерти — как «благодетельствованный сирота» — в имении богатого помещика Бехтеева во Владимирской губ. Там он видел дочь и внуков А. В. Суворова, слушал рассказы о М. М. Сперанском (родное село которого находилось неподалеку), встречался с поэтом М. В. Милоновым (о котором впоследствии написал воспоминания). Начав самостоятельную жизнь, без малого пять десятилетий служил в военной и статской службе, участвовал в польской кампании 1831 г., но так и не смог достигнуть сколько-нибудь солидного положения в обществе. В 60 гг. занимал скромную должность секретаря Минского губернского акцизного управления, имея чин коллежского ассессора (см.: Корнеев А. В. «Произведен был в немцы». О происхождении И. И. Гольц-Миллера // Русская литература.— 1985.— № 1).

Г.-М. с отличием окончил минскую гимназию (1860), учился на юридическом факультете Московского университета. Вместе с другими студентами принимал участие в печатании и распространении запрещенных произведений А. И. Герцена, Н. П. Огарева, Т. Г. Шевченко. Будучи арестован в августе 1861 г. по доносу преемателя Вс. Д. Костомарова, Г.-М. мужественно держался на допросах, отвергая предъявленные обвинения. Находясь под следствием, он вместе с арестованными товарищами сочинял революционную прокламацию «Молодая Россия», призывавшую к свержению самодержавия и установлению демократической республики. Высоко оцененная позднее К. Марксом и Ф. Энгельсом, прокламация вызвала переполох в «высших сферах», однако ее авторы не были установлены. Участие Г.-М. в издании нелегальной литературы следствию доказать не удалось, и он был приговорен к заключению за ее распространение. Отбывая наказание, поэт принял деятельное участие в разоблачении провокатора Костомарова по фабрикуемому в это время жандармами «делу» Н. Г. Чернышевского. Из-за тюремной решетки Г.-М. и его товарищи послали Н. А. Некрасову письмо, в котором рассказали о готовящейся провокации и роли в ней Костомарова. Первым из подписавших его был Г.-М. Стремясь избавиться от защитников Чернышевского, власти поспешили разобщить их и выслать из Москвы. Г.-М. был выслан под конвоем в заштатный городок Карсун Симбирской губ., где безвыездно провел два года под надзором полиции.

В 1865 г. благодаря хлопотам отца Г.-М. было разрешено продолжать образование в одном из провинциальных университетов. Он избрал Одессу. Здесь он участвовал в создании революционной организации. На встрече нового, 1867 года он произнес горячую речь, призывав-

шую к свержению самодержавия, за что был выслан из Одессы. Отъезд Г.-М. совпал со смертью младшего брата, помощника по созданию революционной организации, и одесские студенты одновременно хоронили младшего брата и провожали старшего.

Поэт-революционер представлял немалую опасность для властей, о чем свидетельствует переписка высших сановников министерства внутренних дел и III отделения, под чьим двойным надзором он находился. Летом 1869 г. Г.-М. вновь приехал в Одессу, где проходили в это время студенческие волнения. Опасаясь его влияния на молодежь, новороссийский генерал-губернатор П. А. Коцебу (сын Августа Коцебу) добился высылки Г.-М. из Одессы и запрещения жительства и в других университетских городах.

Последние два года жизни Г.-М. прошли в Орле и Курске. Они были отравлены непрерывными гонениями властей. М. Н. Лонгинов, бывший тогда орловским губернатором, категорически отказал Г.-М. в поступлении на службу. Г.-М. занялся адвокатурой, и выступления в суде принесли ему известность, но не дали средств к существованию, т. к. он защищал бедняков. Тяжелые условия жизни и оторванность от товарищей по революционному движению способствовали попытке самоубийства в августе 1870 г. Весть о ней всколыхнула провинциальную тишь, и Лонгинов просит министра внутренних дел об удалении из губернии «возмутителя спокойствия». Г.-М. переезжает в Курск, но нелегально бывает в Орле, где у него остались друзья. Незадолго до смерти он думал о политической эмиграции, мечтая погибнуть со знаменем на баррикадах.

Г.-М. умер в расцвете творческих сил. Незадолго до смерти он начал готовить сборник своих стихотворений, эпиграфом к которому избрал строки Н. А. Некрасова: «Если долго сдержанные муки, / Накипев, под сердце пойдут, / Я пишу...» Некрасов ценил талант Г.-М., печатавшего его преимущественно в его журналах «Современник» (1864—1865) и «Отечественные записки» (1868—1871), вел с ним переписку (не сохранилась). По всей вероятности, Некрасов был инициатором издания сборника, работу над которым прервала смерть Г.-М. Позднее Некрасов пытался издать его стихотворения, но этому препятствовали цензурные обстоятельства.

Гражданская лирика Г.-М. отражает настроения передовой молодежи: радость ожидания революции, готовность участвовать в ней («Отцам», «Другу», «В грозу»); тревогу и горечь несбывшихся надежд, когда революционный взрыв не произошел («Мертвая тишь», «Когда же?»); стремление продолжать дальнейшую борьбу («Дай руку мне, любовь моя...», «Мой дом»). В программном стихотворении «Отцам»

(Русское слово.— 1863.— № 6), написанном вскоре после выхода романа И. С. Тургенева «Отцы и дети» и статей Д. И. Писарева о романе (стихотворение было напечатано в том же журнале, где и статьи Писарева), Г.-М. от имени революционной молодежи бросает вызов правящему классу — дворянству: «Мы ли, вы ли в бою победите, / Мы — враги, и в погибели час / Вы от нас состраданья не ждите, / Мы не примем пощады от вас!» Пламенные стихи Г.-М. подобны революционным воззваниям, порой его строки дословно совпадают с текстом прокламации «Молодая Россия» («В грозу», «Мертвая тишь», «Грусть щемит мне сердце»). Стихотворение «Слушай!» («Как дело измены, как совесть тирана...», 1863), рисующее побег из тюрьмы узника, который во имя «воли святой» предпочел смерть заточению, положенной на музыку П. П. Сокальским, стало известной революционной песней. Горькой любви революционного демократа к порабожденной отчизне посвящено стихотворение «К родине» (1867). Кредо героя времени четко и лаконично определено в стихотворении «XIX век» (1868): «Верую в разум, надеюсь на силу науки, / И человека, откуда б он ни был, люблю».

Как и другие революционные демократы, Г.-М. горячо сочувствует освободительной борьбе народов других стран — западных славян («С верой за дело!», 1867), греческого населения острова Крит («Критянка в Морее», 1868). Он ненавидел захватнические войны, уносящие тысячи жизней («Перед битвой», «Что нового?»; при жизни не публиковались).

С гражданской поэзией перекликается любовная лирика, в которой преобладают два мотива. Лирический герой Г.-М. вынужден жертвовать личным счастьем во имя революционной борьбы («Прощание», «9 мая 1870 года»; при жизни не печатались). Вместе с тем любимая женщина — верная спутница и единомышленница героя в борьбе («Дай руку мне, любовь моя!», 1870).

Творчество Г.-М. органически завершает стихотворение «Мой дом», увидевшее свет вместе с некрологом поэту (Вестник Европы.— 1871.— № 11). Оно посвящено «наставникам-друзьям» поэта — книгам, составляющим его небольшую библиотеку: «Вы дали мне, чего другой / Никто не в силах дать: / Дар насмехаться над бедой / И мужество — страдать!»

Поэтическое наследие Г.-М. невелико по объему. Оно составляет немногим более 80 стихотворений. Из них меньше половины было напечатано при жизни поэта. Г.-М. был также талантливым переводчиком с французского, английского, немецкого и польского языков. Он перевел стихи О. Барбье, Дж. Г. Байрона, Н. Ленау, А. Мицкевича и др. близких ему по духу поэтов. Только в наше время поэтическое наследие Г.-М. было издано полностью.

Соч.: Стихотворения // Поэт-революционер И. И. Гольц-Миллер / Сост. Б. Козьмин и Г. Лелевич.— М., 1930; Неизданные стихотворения / Предисл. и примеч. И. Г. Ямпольского // Литературное наследство.— 1936.— Т. 25—26; Стихотворения / Поэты 1860-х годов.— Л., 1968.— С. 287—310; Неопубликованные стихи И. И. Гольц-Миллера / Предисл. и примеч. А. В. Корнеева // Русская литература.— 1980.— № 2. Лит.: Гаврилов Н. Забытый революционный поэт (И. И. Гольц-Миллер) // Катора и ссылака.— 1929.— № 12; Лелевич Г. Я. Поэзия революционных разночинцев 60—80-х годов XIX века.— М.; Л., 1931; Еголин А. М. Поэты-демократы 60—80-х годов XIX века.— М., 1960; Корнеев А. В. Поэт революции И. И. Гольц-Миллер // Известия Академии наук СССР.— Серия литературы и языка.— 1978.— Т. 37.— № 6.

А. В. Корнеев

ГОНЧАРОВ, Иван Александрович [6(18).VI.1812, Симбирск — 15(27).IX.1891, Петербург] — прозаик, критик. Родился в состоятельной купеческой семье. Отец — Александр Иванович неоднократно избирался городским головой Симбирска. Он скончался, когда Г. было 7 лет. Воспитанием детей занималась мать Авдотья Матвеевна, а также бывший морской офицер Николай Николаевич Трегубов, человек передовых взглядов, знакомый с некоторыми декабристами. Именно он возбудил интерес Г. к морским путешествиям. Г. учился в частном пансионе священника Ф. С. Троицкого, где Г. приобщился к чтению книг западноевропейских и русских авторов и хорошо изучил французский и немецкий языки. В 1822 г. Г. поступил в Московское коммерческое училище, восьмилетнее пребывание в котором оставило у него неблагоприятное впечатление. К счастью, молодой Г. компенсировал недостатки казенного обучения активным самообразованием. Не окончив училища, Г. решил на вступительные экзамены в Московский университет. Он успешно выдержал их в 1831 г. (в 1830 г. из-за холеры в Москве в университете занятий не было), став студентом филологического («словесного») отделения. Г. интересовали преимущественно вопросы теории и истории литературы, изобразительных искусств, архитектуры. Самым сильным впечатлением тех лет для Г. стало посещение А. С. Пушкиным университета, где великий поэт спорил с профессором М. Т. Каченовским по вопросу подлинности «Слова о полку Игореве». Г. вспоминал впоследствии: «...для меня точно солнце озарило всю аудиторию: я в то время был в чадю обаяния от его поэзии; я питался ею, как молоком матери; стих его приводил меня в дрожь восторга. На меня, как благодатный дождь, падали строфы его созданий («Евгения Онегина», «Полтавы» и др.). Его гению я и все тогдашние юноши, увлекшиеся поэзией, обязаны непосредственным влиянием на наше эстетическое образование» (Собр. соч.— М., 1980.— Т. 7.— С. 241).

К литературному творчеству Г. обратился в годы университетской учебы. Последовавшая за окончанием университета (1834) служба в канцелярии симбирского губернатора, а затем

(с мая 1835 г.) в Петербурге — переводчиком в министерстве финансов — не очень мешала его литературным занятиям. К ним особенно побуждало молодого Г. общение с семейством Майковых, художественно одаренных людей: живописцев, поэтов. Литературный салон Майковых был популярен в Петербурге: здесь бывали И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Д. В. Григорович.

В рукописном журнале «Подснежник», выпускаемом Майковыми, Г. впервые публикует свои сочинения. Сначала это были стихотворения подражательные, выпренные, со стереотипными «красотами слога» («тайны роковые», «сумрачные ненастья»), но без оригинальных мыслей и сильных чувств. Однако Г. рано освободился от наивно-романтических восторгов.

В 1838 г. Г. печатает в этом журнале шутивную антиромантическую повесть «Лихая болезнь», где говорит о «странной болезни», распространенной в Западной Европе и проникшей в Петербург. Болезнь эта выражается в сентиментально-романтических декламациях, в пустых мечтаниях о воздушных замках. Повествование построено на противопоставлении пустопорожних восторгов и отрезвляющих фактов обыденной жизни. В 1839 г. в рукописном альманахе «Лунные ночи», сходном по своей направленности с «Подснежником», Г. публикует повесть «Счастливая ошибка», где пытается дать реалистическую трактовку человеческого поведения, изобразить вполне конкретную жизненную ситуацию.

В духе получивших в ту пору распространение физиологических очерков, созданных под влиянием творчества Гоголя, в 1842 г. Г. пишет очерки «Иван Савич Поджабрин». Запоздалая публикация очерков (лишь в 1848 г.), когда в центре читательского внимания стал уже социально-психологический роман, не сделала «Поджабрин» популярным произведением, но для начала 40 гг. этот цикл был своевременным и соответствовал уровню лучших творений очеркового жанра. Точность бытовых картин, мастерство в передаче языка городских низов, сюжетная простота — все это говорило о зрелости писателя и близости его к гоголевской школе. В большую литературу Г., однако, вошел романом «Обыкновенная история» (1847), опубликованном в «Современнике».

«Обыкновенная история» получила одобрение В. Г. Белинского (в статье «Взгляд на русскую литературу 1847 года»), чья оценка была предметом особой гордости Г. в течение всей его жизни. Лидеры демократического направления в литературе той поры приветствовали роман за содержащееся в нем глубокое художественное исследование и резкое отрицание романтики в ее многообразных формах. В «Обыкновенной истории» писатель последовательно отрицает абстрактные, идеалистические

обращения главного героя Александра Адуева к некоему «божественному духу», прекраснo-душные мечтания «розового» романтика о любви, но подкрепленные реальным, серьезным чувством. Романтическая мечтательность героя не наполняет живым смыслом ничье существование, даже его собственное. Адуев пишет стихи, но романтизм молодого стихотворца безжизнен, вторичен, заимствован, что насмешливо и констатирует его дядюшка — Петр Иванович Адуев. В объяснении причин, по которым жизнь Адуева-младшего оказывается, по существу, бессмысленной и бесполезной, Г. предвосхищает главный замысел романа «Обломов». Пустополные восторженные разлагательства героя выступают как следствие его барского воспитания. Для писателя идеальная жизнь в гармонии ума и сердца, в естественности, но не стихийной, слепой, а сопряженной с верным пониманием хода вещей. Судьба Адуева-младшего свидетельствовала: осуществить эту гармонию очень трудно. Его вступление в сложную жизнь было не подготовлено активной умственной деятельностью. Романтика Адуева — не от духовного порыва, который мог бы иметь прекрасный результат, нужный ему и другим людям, он — знак душевной и умственной слепоты, форма ребяческой пустой восторженности. Отрезвление Адуева под влиянием дядюшки, разумеется, постепенно происходит, но преимущественно в пределах департамента, на мелкой канцелярской службе, долее всего он оставался «розовым» романтиком в сфере любви. Дядя указывает ему на образцы поведения, достойные подражания: «Посмотри-ка на нынешнюю молодежь: что за молодцы! Как все кипит умственной деятельностью, энергией». Но «труд» и «дело» Петра Ивановича далеки от гуманистических принципов писателя. Практическая деятельность должна быть освящена человечностью, не исключать бережного отношения к внутренним тревогам и запросам личности. Последнее отсутствует у дядюшки. Уроки дядюшки пошли племяннику впрок. В «Эпilogue» романа появляется Александр Адуев, сияющий, румяный, неся с достоинством «выпуклое брюшко и орден на шее». Прошло всего лишь четыре года после вторичного приезда нашего героя в Петербург. За орденom последовала сверхудачная женитьба, конечно, без любви, а по расчету: 500 душ и 300 тысяч рублей приданого.

В конце концов оба Адуевых даже на разных стадиях своего развития составляют то, что Л. Н. Толстой, восхищавшийся «Обыкновенной историей», называл «адуевщиной», считая ее главной особенностью эгоизм, неспособность жить общими интересами. Основной смысл «Обыкновенной истории» — в неприятии и осуждении пустой романтики и столь же ничтожной чиновничье-коммерческой деловитости — всего, что не обеспечено высокими идеями, необхо-

димыми человечеству. Этот мотив романа получит широкое развитие в «Обломове».

Г. начал работу над этим романом еще в 40 гг. В 1849 г. в альманахе «Литературный сборник с иллюстрациями» при журнале «Современник» был напечатан «Сон Обломова». Эпизод из неоконченного романа». Критика сразу же высоко оценила этот отрывок из будущего романа, впрочем, имеющий и вполне самостоятельное художественное значение. Но в критических суждениях сказались идейные разногласия. Славянофильская журналистика признала «фламандское» искусство писателя, но отвергла авторскую иронию по отношению к патриархальному быту помещиков (Москвитянин. — 1849. — № 11. — Кн. 1. — Отд. 4). «Современник» признал мастерскими и правдивыми сцены из усадьбы жизни и увидел в «Сне Обломова» творческий шаг вперед по сравнению с «Обыкновенной историей» (Современник. — 1849. — № 4. — Отд. Русская литература).

Но до создания главного романа Г. пройдет еще много лет, насыщенных большими событиями в жизни писателя и его интенсивным творческим трудом. В 1852 г. Г. отправляется в двухлетнее кругосветное путешествие, которое имело своим результатом двухтомные путевые очерки «Фрегат «Паллада». Плавание на военном корабле при всех внешних трудностях оказалось для Г. исключительно интересным. 25 февраля 1855 г. сухопутным путем, через Сибирь и Урал, Г. вернулся в Петербург. Еще во время путешествия он вел тщательные записи, характеризуя в них все увиденное в Европе, Африке и Азии. Г. говорил, что его дневниковые записи не носят исследовательского характера, однако они оказались объективным, правдивым изображением всего, что встретилось на пути, наблюдательного писателя и публициста.

В стиле очерков отразился антиромантический пафос, который продолжал владеть автором «Обыкновенной истории». Он полемизирует в очерках с теми путешественниками, которые идеализировали жизнь в далеких от цивилизации краях. Писатель увидел проникновение в древние уголки земли жестокой капиталистической системы отношений. Он иронично, а иногда и саркастически оценивает результаты деятельности на восточных окраинах «образованных» европейцев, говоря о фарисействе буржуазных культуртрегеров. Г. поразила нивелировка личности в промышленно-цивилизированной Англии, превращение человека в придаток машины. Главная ценность гончаровских очерков в социально-психологических выводах относительно увиденного, их эмоциональной наполненности. Описательные картины полны лирического чувства, замечательны сопоставлениями, ассоциациями с жизнью далекой, но родной России.

Почти все журналы откликнулись на пуб-

ликацию «Фрегата «Паллады» одобрительными отзывами, среди которых особо значимым было замечание Н. А. Добролюбова о том, что в очерка слышится голос эпического романиста.

Сразу же по завершении очерков Г. приступил к продолжению работы над «Обломовым». В 1859 г. писатель публикует роман в журнале «Отечественные записки». По отчетливости проблематики и выводов, цельности и ясности стиля, по композиционной завершенности и стройности роман — вершина творчества писателя. Это центральное произведение во всей русской литературе по эпической масштабности художественного исследования российского дворянского «байбачества». Здесь представлен художественный тип необычайной социальной и психологической емкости.

Для Ленина образ Обломова был олицетворением социальной косности и отсталости, мешающих историческому прогрессу нашего государства. Владимир Ильич призывал бороться против «усыпляющей» роли российских Обломовых, сохранившихся и после социалистической революции. В 1922 г. В. И. Ленин писал: «Старый Обломов остался, и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.—Т. 45.—С. 13).

Обломов чистосердечен, мягок, у него не потеряно драгоценное нравственное качество — совесть. Субъективно он не способен сотворить зло. Но степень объективной моральной ценности Обломова все же невелика. Обширная сюжетная экспозиция рисует картину духовного запустения героя. Н. А. Добролюбовым была отмечена в статье «Что такое обломовщина?» (Современник.— 1859.— № 5) странная, внешне парадоксальная, но в сущности закономерная смесь барства и рабства. Внутреннее единство барина и опустившегося слуги Захара, трагикомическое по своей сути, воспринимается как фарсовый вариант морального умирания Обломова. Захар — некое отражение Ильи Ильича, модификация «обломовщины», и в этом своем значении его образ дополнительно выявляет, обнажает омертвление природы природы Обломова. То, что Обломов помещик,— серьезное, решающее обстоятельство при оценке этой сущности. Он несет социальную ответственность за судьбу Захара, по сути трагическую, хотя, разумеется, старый слуга этого не понимает. Однако Обломов не осознает своей вины. «Триста Захаров» убивают в нем всякую активность. Погрголевски гиперболизированное число «воспитателей» — некий социальный символ, знак неизбежности возвышения одного человека над другими. Безосновательного, в конкретном случае и просто нелепого, но — возвышения. Обломов не забывает о своем помещичьем статусе и никак не может освободиться от сословного высокомерия. Он с поистине маниакальной сосре-

доточенностью изводит Захара, неосторожно сравнившего жизнь своего барина с жизнью других людей.

Ничегонеделание Обломова вовсе не невинно. Конечно, лежащий на диване Илья Ильич привлекательнее, чем надоедливые ничтожества, то, как заводные куклы, мелькающие перед Обломовым, то по-шакальи его обступающие. Но Добролюбов заметил: «Да пока лежит один, так еще ничего; а как придет Тарантьев, Затертый, Иван Матвейч — брр! какая отвратительная гадость начинается около Обломова. Его объедают, опивают, спаивают... разоряют его именем мужиков... Он все это терпит безмолвно». Как бы предупреждая возможные восторги по поводу положительных качеств Обломова, Добролюбов делает вывод: «Нет, нельзя так лстыть живым, а мы еще живы, мы еще по-прежнему Обломовы. Обломовщина никогда не оставляла нас» (Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В. 3 т.—М., 1952.—Т. 2.—С. 136).

Такой вывод подтверждается и сюжетными антитезами в романе: Обломов — Штольц, Обломов — Ольга Ильинская. Штольц — не положительный герой романа. Его деятельность иногда напоминает никчемную суету Петрова и Судьбинского из презираемого Штольцем петербургского окружения Обломова. Сообщения об энергичных занятиях и передвижениях Штольца вызывают ассоциацию с коммивояжерством, с туристской бегодней. Его практицизм далек от высоких идеалов. О невысокой цене культурно-коммерческой деятельности, экономических идей Штольца нетрудно догадаться. В самой необеспеченности «дела» Штольца высокими идеями писатель видел хотя и отдаленные, но реальные предпосылки в конечном счете той же обломовщины. Слова Штольца: «Труд — образ, содержание, стихия и цель жизни» — по воле автора звучат простой декларацией, не имеющей ни социальной, ни моральной перспективы. Образ Штольца порой схематичен и, в сущности, эмоционально безлик. Это обусловлено неясностью гончаровского представления о том, каким должно быть дело, спасающее Россию от обломовщины.

Главная сюжетная ситуация в романе — взаимоотношения между Обломовым и Ольгой Ильинской. Здесь Г. идет путем, ставшим к тому времени традиционным в русской литературе: проверка ценности человека через его интимные чувства, его страсти. Не отступает писатель и от наиболее тогда популярного разрешения подобной ситуации. О классическом примере такого разрешения писал Н. Г. Чернышевский в 1858 г. в известной статье «Русский человек на rendez-vous». Анализируя повесть Тургенева «Ася», критик показал, как через нравственную слабость человека, оказавшегося неспособным ответить на сильное чувство любви, раскры-

вается его общественная несостоятельность. «Обломов» не противостоит этому выводу, а еще более закрепляет его. Ольге Ильинской свойственны гармония ума, сердца, воли и деятельного добра. Невозможность для Обломова понять и принять эту высокую нравственную норму жизни оборачивается неумолимым приговором ему как личности. В романе так поэтизируется внезапно вспыхнувшее чувство любви Ильи Ильича, к счастью, взаимное, что может возникнуть надежда: Обломов возродится как человек в полной мере. Внутренняя жизнь героя пришла в движение. Любовь открыла в натуре Обломова свойства непосредственности, которая, в свою очередь, вылилась в сильный душевный порыв, в страсть.

Вместе с чувством любви к Ольге в Обломове пробуждается активный интерес к духовной жизни, к искусству, к умственным запросам времени. Но Илье Ильичу далеко до естественности Ольги, свободной от многих житейских соображений, посторонних и, по существу, враждебных любовному чувству. Чувство любви Обломова к Ольге было кратковременной вспышкой. Иллюзии на этот счет быстро рассеиваются у Обломова. Разрыв между Ольгой и Обломовым естествен: слишком несхожи их натуры. Дороже романтических свиданий оказалась для Обломова жажда безмятежного, сонного состояния. «Спит безмятежно человек» — вот каким видится Илье Ильичу идеал существования. И Обломов, на время увлекшийся Ольгой Ильинской, явил собой лишь элементарный вариант прелюбового «русского человека на rendez-vous».

Жизнь Ильи Ильича в доме Пшеницыной оказалась непродолжительной, ибо была к тому же физически инертной и, следовательно, ненормальной, нездоровой. И Обломов стал быстро идти навстречу своему вечному сну — смерти. Писатель недвусмысленно оценивает эту стадию жизни героя: «С годами волнения и раскаяние являлись реже, и он тихо и постепенно укладывается в простой и широкий гроб остального своего существования, сделанный собственными руками, как старцы пустынные, которые, отвергшись от жизни, копают себе могилу». Так Г. произнес приговор обломовскому идеалу.

По выходе в свет роман стал предметом активного критического внимания. На фоне разноречивых суждений выделялась оценка романа Добролюбовым. Критик придал понятию «обломовщина» широкое историческое значение. Он заметил, что у Г. были предшественники в изображении обломовщины и сходных с ним социально-нравственных явлений. Среди этих предшественников он назвал Пушкина, Лермонтова, Тургенева, создавших образы «лишних людей» — Онегина, Печорина и Рудина. Добролюбовская характеристика романа стала классической, сохранив свое полное значение и в наши дни.

В «эстетической» критике роман Г. истолко-

вывался вне связи с гоголевской школой, с позиций теории «чистого искусства», без отрицательного отношения к главному персонажу романа (Дружинин А. В. Обломов, роман Г. Гончарова // Библиотека для чтения. — 1859. — № 12). Сам автор «Обломова» солидаризировался с Добролюбовым. Он писал П. В. Анненкову: «Взгляните, пожалуйста, статью Добролюбова об Обломове: мне кажется об обломовщине — т. е. о том, что она такое, уже сказать после этого ничего нельзя... Двумя замечаниями своими он меня поразил: это принятием того, что делается в представлении художника» (Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т. — М., 1980. — Т. 8. — С. 275—276).

Продолжая и после «Обломова» изучать психологию русского дворянства, Г. показал, что обломовщина не отошла в прошлое. Его последний роман «Обрыв» (1869) представляет нам убедительно новый вариант обломовщины в образе главного героя — Бориса Райского. Это натура романтическая, художнически одаренная, но обломовская пассивность воли делает закономерной бесплодность его духовных усилий.

Г. долго работал над романом. Тут были и внешние препятствия. С 1855 г. он служил цензором. На первых порах, в период правительственного смягчения контроля над литературой, Г. удалось сделать немало хорошего для отечественной словесности. Он помог опубликовать, вызвав неудовольствие своего начальства, некоторые произведения Тургенева, Некрасова, Писемского, Достоевского. Когда вновь стали усиливаться цензурные гонения на литературу, Г. подал в отставку (в 1860 г.).

Некоторое время он редактировал официальную газету «Северная почта». Став на сторону правительственных реформ, в том числе и известной реформы 19 февраля 1861 г. по крестьянскому вопросу, Г. вновь был приглашен на высокую должность в цензурный комитет. С 1863 г. он был членом Совета по делам книгопечатания, а с 1865 г. — членом Главного управления по делам печати. Лишь в 1867 г. Г. покинул цензурный департамент. Эта его деятельность не только замедлила работу над «Обрывом», но и повлияла на некоторые идейные мотивы романа.

Одному из первых отрывков романа, опубликованному в 1860 г. под заглавием «Софья Николаевна Беловодова», сам Г. справедливо дал позднее отрицательную оценку. Но уже через год публикация отрывков «Бабушка» и «Портрет» показала, что Г. нашел верный стиль повествования и хорошо сознает художественную цель романа.

По завершении романа Г. писал: «У меня первоначально мысль была та, что Вера, увлеченная героем, следует после, на его призыв, за ним, бросив все свое гнездо, и с девушкой пробирается через всю Сибирь. Но это уже бывало сто раз — и меня поглотил другой вопрос,

который и поставлен мною в 5-й части. Это анализ так называемого падения» (письмо к Е. П. Майковой, апр. 1869 г.). Произошла не просто трансформация объекта изображения, изменились акценты: чувства Веры обрели иную направленность, исчезло ее противоборство патриархальным понятиям, нигилизм Марка Волохова, уходящего теперь отнюдь не в Сибирь, получил совсем иную окраску. Все происходящее в «Обрыве» так или иначе сюжетно связано с Райским или получает его активную оценку. Райский — романтик; такова его самооценка, мнение Марка Волохова, убеждение автора. Бесспорны его нравственные достоинства, особенно в сфере личного, интимного чувства, любви. Страсть Райского романтична, но не слепа. В его желаемом единении с другим человеком нет ни безрассудной безмятежности, ни взаимной покорности. Драматическая страсть к Вере привела Райского к прозрению. Он осудил ту общественную ложную мораль, когда женщине и мужчине предъявляются разные нравственные требования.

Г. активно защищает моральные принципы, рожденные феодально-патриархальным укладом жизни. Именно это заставляет автора иногда строго судить неустойчивость, безволие, художественный дилетантизм Бориса Райского и мн. др. в героях романа. В свете такой авторской защиты патриархальных основ и счастье Марфеньки — Викентьева кажется лишь сентиментальной идиллией. Тушин, явно идеализированный Штольц, и вовсе отталкивает от себя читателя. Но роман создавался не как иллюстрация идеологической доктрины, а по законам истинного искусства. Образы, рисуемые писателем с мудрым и гуманным взглядом на жизнь, наполнялись широким смыслом, приобретали черты общечеловечности в своем содержании.

Таков замечательный образ Татьяны Марковны Бережковой, бабушки. Все основные моральные упования Г. в романе связаны с ней. Только уклад ее жизни — душевный прежде всего, — если и не предотвратит временной беды, но спасет от окончательной гибели. Таково убеждение автора.

Весьма умеренный, а в социально-историческом смысле даже консервативный идеал Г., к счастью, в образе бабушки не получил последовательного выражения. Татьяна Марковна в итоге предстает перед читателем как богатый национальный характер.

Г. возвышает Татьяну Марковну более всего тем, что придает драматический характер ее мышлению да и жизненной судьбе. Художественный реализм образа бабушки приобретает масштабность, когда открывается ее прошлое и когда она испытывает потрясение, узнав о «падении» Веры. Образ Веры — художественное открытие Г. Возможност любви как всеохватывающей страсти угадывается читателем в мо-

лодой женщине сразу, как только героиня, оказавшись по воле обстоятельств в конфликтной ситуации, заявляет о себе твердо и прямо. Любовь Веры к Марку — от ее деятельного чувства, от жажды изменить, облагородить этого человека. Навивные мечтания если и сохранились, то перестали быть основными стимулами ее поведения: Вера захватила страстная любовь к незаурядному человеку.

Разум ее по-прежнему не приемлет чуждечств Волохова. Вере остаются чуждыми не только нарочитый вызов Марка общепринятым правилам, но и его взгляды, его претензии на идейную программу.

Г. замечательно воссоздает взрыв и борение сердечных чувств молодой женщины, поэтически возвышая их. Образ Марка Волохова обрисован с такой тенденциозностью, что вызывал по ходу романа в свет почти всеобщее неодобрение. Но Г. все же продолжал дорожить образом.

Журнальные и газетные отклики выразили почти всеобщее недовольство «Обрывом». Демократическая журналистика и критика были беспощадны к роману. Салтыков-Щедрин в статье «Уличная философия» (Отчетные записки. — 1869. — № 6) противопоставил этот роман «Обломову», найдя в последнем идеи, подсказанные лучшими людьми 40 гг. (имелся в виду Белинский). В «Обрыве» же Щедрин не увидел в персонажах истинного движения жизни, а лишь «колеблющиеся шаги» людей, идущих «наугад», тех, чьи действия «без начала и без конца». В образе Волохова сатирик высмеял «бытовой нигилизм», с помощью которого романтик пытался осудить молодое поколение. Примерно в том же духе писал об «Обрыве» и Н. В. Шелгунов в статье «Талантливая бесталанность» (Дело. — 1869. — № 8).

Критик «Вестника Европы», где печатался «Обрыв», Е. И. Утин заявлял, что Г., как и другие писатели его поколения, не знает нового времени и новых людей (Утин Е. И. Литературные споры нашего времени // Вестник Европы. — 1869. — № 11).

Сочувственное отношение широкой читательской публики к роману не смогло больше подвинуть Г. на создание нового большого художественного полотна. Замысел четвертого романа, охватывающего своим содержанием 70 гг., остался неосуществленным.

Но литературная деятельность Г. не ослабла и в этот период, обретя лишь новые формы. В 1872 г. он создает литературно-критический шедевр — статью «Миллион терзаний», до сих пор остающуюся классической работой о комедии Грибоедова «Горе от ума», через два года — «Заметки о личности Белинского». Театральные и публицистические заметки, статья «Гамлет», очерк «Литературный вечер», даже газетные фельетоны — такова литературная деятельность Г. в 70 гг., завершившаяся в 1879 г. крупной

критической работой о своем творчестве «Лучше поздно, чем никогда».

Из собственно художественных произведений этого периода выделяется цикл очерков «Слуги старого века». Он повторяет некоторые мотивы всех романов Г., относящихся к изображению крестьянской жизни. В цикле — эскизные описания деревенского быта, колоритные образы дворовых. Новеллистической манерой отличаются небольшие беллетристические произведения Г. тех лет — «Превратности судьбы», «Май месяц в Петербурге», «Уха», «Поездка по Волге».

В 80 гг. писатель выпускает в свет первое собрание своих сочинений. Он по-прежнему пишет статьи и заметки, можно лишь сожалеть, что перед своей кончиной Г. сжег все написанное в последние годы.

Специфика художественного реализма Г. — в решении сложной эстетической задачи: раскрыть внутренний динамизм личности вне обычных сюжетных событий. Писатель увидел в обыденности жизни, порой в удивляющей медлительности ее течения внутреннюю напряженность.

Самое ценное в его романах — объективный призыв к деятельности, одушевленный большими нравственными идеями: свободой от социального и морального рабства, гуманностью и высокой духовностью. Г. выступал за нравственную независимость личности, против всех форм деспотизма.

Соч.: Собр. соч.: В 8 т. — М., 1977—1980; Обломов. Литературные памятники. — М., 1987. Лит.: Цейтлин А. Г. И. А. Гончаров. — М., 1950; Десницкий В. А. Трилогия Гончарова // Десницкий В. А. Избранные статьи по русской литературе XVIII—XIX вв. — М.; Л., 1958; Алексеев А. Д. Летопись жизни и творчества И. А. Гончарова. — М.; Л., 1960; Пручков Н. И. Мастерство Гончарова-романиста. — М.; Л., 1962; Рыбасов А. П. И. А. Гончаров. — М., 1962; Пиксанов Н. К. Роман Гончарова «Обрыв» в свете социальной истории. — Л., 1968; И. А. Гончаров в русской критике. — М., 1968; Алексеев А. Д. Библиография И. А. Гончарова. Гончаров в печати. Печать о Гончарове (1832—1964). — Л., 1968; И. А. Гончаров в воспоминаниях современников. — Л., 1969; Краснощекова Е. <А>. «Обломов» И. А. Гончарова. — М., 1970; Лошиц Ю. Гончаров. — М., 1986.

П. А. Николаев

ГОРБУНОВ, Иван Федорович [10(22).IX.1831, с. Ивантеево Московского губ. — 24.XII.1895 (5.I.1896), Петербург] — прозаик, драматург и актер. Сын вольноотпущенного из дворовых. Учился у сельского священника, затем в Набилковском училище и во 2-й и 3-й Московских гимназиях. Давал уроки в небогатых купеческих домах, одновременно занимаясь рисованием в Московском училище живописи и ваяния и посещая лекции в университете. В декабре 1849 г. через преподавателя училища, поэта Н. В. Берга познакомился с А. Н. Островским. В конце 1853 г. рассказал ему и А. А. Григорьеву три первые свои «сцены»: «У пушки»,

«У квартального надзирателя», «Мастеровой» (опубл. в 1857 г. в «Общезанимательном вестнике»). Рассказ был повторен всему кружку драматурга — членам Т. н. «молодой редакции» «Москвитянина», попытавшимся привлечь Г. к участию в журнале. Для этого издания была написана «сцена» «Просто случай», появившаяся впоследствии в «Отечественных записках» 1855 г. (первая публикация Г.). Осенью 1853 г. Г. познакомился с П. М. Садовским, а в 1854 г. в его бенефисе успешно дебютировал в Московском Малом театре в пьесе М. Н. Владыкина. Начав писательскую и артистическую карьеру «с благоволения» двух великих деятелей русского театра — Островского и Садовского, Г. много лет поддерживал с ними близкие отношения. В 1855 г. по их настоянию переезжает в Петербург, где с помощью А. Ф. Писемского и Д. В. Григоровича быстро входит в литературные круги (в письме Островскому от 1 апреля: «В какой дом ни придешь, уже ты зарекомендован там таким талантом, что святых выноси». — Соч. — Т. III. — С. 517). К лету 1855 г. его известность распространяется и на высшие официальные сферы, однако устроиться на постоянную службу в театр долго не удавалось. 16 ноября состоялся дебют Г. в Александринском театре. В 1856 г. он был официально определен в труппу. Здесь Г. прослужил до конца жизни, сыграв более 50 ролей. В марте 1856 г. состоялся также первый авторский литературный вечер Г., давший значительный сбор. В 1861 г. вышла книга Г. «Сцены из народного быта» (СПб.), включившая 8 рассказов. До конца 70 гг. она выдержала 6 переизданий, число рассказов увеличилось до 23. В 1862 г. Г. впервые — вместе с Островским — побывал за границей. Посетил в Лондоне А. И. Герцена и получил в подарок его фотографию с надписью „alter ego“ (Шереметьев П. — С. 123—124). В мае — июне 1865 г. Г. путешествует по Волге вместе с Островским, причем участвует в Саратове в постановке «Грозы» — в роли Кудряша (Летопись жизни и творчества А. Н. Островского. — М., 1953. — С. 140). До нач. 80 гг. Г. многократно путешествовал по России, выступая с концертами, и приобрел исключительно широкую известность, о чем свидетельствовало, в частности, появление ряда подделок под «Сцены из народного быта» с именем Г. на обложке; выезжал и за границу. В 1883 г. в его дневнике появляются первые упоминания о болезни. Последние полтора десятилетия деятельности Г. отмечены усиленным интересом к отечественной истории. Он становится активным членом Общества любителей древней письменности, сближается с историками бр. Барсуковыми и редактором «Русской старины» М. И. Семевским, начинает писать мемуары, публикует рассказы об историческом прошлом («Старый дом» и др.), очерки о быте и типах дореформенной Москвы

(«Из московского захолустья», «Белая зала», «Петр Петрович»), создает ряд стилизаций официальных и бытовых жанров письменности XVII в. (письма, челобитные, указы, грамоты, донесения) и т. п. В эти же годы в творчестве Г. появляется особый персонаж — генерал Дятин, воплощение духа николаевской эпохи, претендующей в его лице на право судить и поучать людей нового времени, своеобразная словесная маска автора, используемая для пародийных реплик и целых речей по поводу политических событий и официальных торжеств (имя и отчасти социальная роль подсказаны романом В. В. Крестовского «Петербургские трущобы»). Преобладающая часть опубликованных произведений появилась в газете «Новое время». Печатался также в журналах «Осколки», «Русский архив» и др. 28 декабря 1895 г. в некрологе, написанном Т. И. Филипповым, было сказано, что Г. «по праву принадлежит имя народного русского художника» (Соч. / Под ред. А. Ф. Кони. — Т. I. — С. 119), мнение, которое полностью поддержал Кони в первом и — по сию пору — наиболее полном и точном по фактам критико-биографическом очерке о Г.

Своеобразие творчества Г.-писателя определено его исключительной чуткостью к живому русскому слову, к особенностям разных речевых манер и стилей, редким умением воссоздать социально и национально характерный облик говорящего, для чего иногда достаточно было одной его реплики. Дару Г. долгое время вполне соответствовал жанр короткого рассказа-сценки. Как правило, это почти сплошной диалог, связанный с типичной бытовой ситуацией («На почтовой станции») или, наоборот, вызванный необычным происшествием («Гролом убило», «Воздухоплаватель»). В центре изображения у Г. — парадоксальная смена настроений и реакций толпы. Такой угол зрения был непривычным (А. Ф. Кони доказывал его правомерность ссылками на новейшую социальную психологию). Сосредоточение внимания на отдельных персонажах вело у Г. к превращению рассказа-диалога в пьесу (ср.: «У квартального надзирателя» и «Просто случай»). Менее характерна форма драматического монолога («Спрятался месяц за тучи»). Несмотря на обилие «драматических этюдов» (есть даже пьеса в трех картинах «Самодур»), драматургия осталась для Г. делом второстепенным. Скорее всего он хорошо сознавал полную зависимость в этой области от школы Островского. В сценах-рассказах преобладало критическое освещение современного быта, в сценах-пьесах — утверждение традиционной нравственности и поэзии неприглаженной народной речи. Устойчивым был контраст речи и психологии народа условным нормам литературного языка и понятиям образованной среды (таков чаще всего подразумеваемый фон изображения). Этот контраст мог

оставаться основным источником творчества Г., пока он не пришел в конце 70 г. к пониманию современности как непрерывного исторического движения. Рассказы-сценки Г. импровизировал и лишь после многократных устных исполнений записывал, санкционируя тем самым один из уже известных вариантов текста. Начиная с 1879 г., когда был написан совершенно новый по манере рассказ «Медведь», в дневнике Г. впервые появляются записи о работе над текстами ранее никому не известными произведениями, которые автор затем «читает», а не рассказывает слушателю. В «Медведе» введен повествователь с его особой речью и точкой зрения, эпизоды-сценки связываются между собой как развитием единого сюжета, так и движением повествования. Новая манера оказалась особенно пригодной для изображения недавнего исторического прошлого. Но и в рассказах, и в воспоминаниях Г. повествование перебивается эпизодами анекдотического содержания, рассказываемыми «по поводу» (Щепкин на сцене, забывший свой текст, и т. п.). Г. было близко пушкинское понимание анекдота как исторического случая, равно как объективность и лаконизм пушкинского стиля. Начало рассказа «Петр Петрович» содержит пародийное воспроизведение характерного для «сцены из народного быта» лаконичного обозначения места действия. Популярный в предшествующее двадцатилетие жанр освобождается у Г. от сложившихся шаблонов двумя путями: во-первых, с помощью стилизации внелитературных форм передачи сцены-диалога (протокол в «Обществе прикосновения к чужой собственности») или бытовых жанров письма, записок («Купеческое житье», «Дневник дворецкого»), во-вторых, с помощью сказа. Сказ вначале характеризует речь рассказчика, передающего сцену-диалог («Травиата»), затем речь персонажа (в этом отличие новых, чисто повествовательных монологов Г.: «В деньгах счастье», «Тенериф» — от прежних, драматических). На втором пути Г. явился не столько современником Чехова, сколько предшественником Зошенко.

Чувство меры, связанное со способностью понять и принять порой взаимоисключающие точки зрения, — не только черта творчества Г., но и секрет неоспоримого личного обаяния «единственного человека в России, который так повсеместно был усвоен всеми» (Соч. — Т. III. — С. 6). Его остроты («В России всякое движение начинается с левой ноги, но с равнением направо»), фразы из произведений («Кажинный раз на этом месте») зачастую использовались как общее достояние. Так, выражение «Довольно стыдно мне...» (из анекдотов Г. об актерах) перешло уже без всяких признаков не только авторства, но и жанра в статью В. В. Маяковского «Как делать стихи?».

Соч.: Соч.: В 2 т. / Под ред. А. Ф. Кони.— СПб., 1901—1902; Соч.: В 3 т.— СПб., 1904—1907; Юмористические рассказы и очерки.— М., 1962; Избранное.— М.; Л., 1965. Лит.: Шереметьев П. Отзвуки рассказов И. Ф. Горбунова. 1883—1895.— СПб., 1901; Мущенко Е. Г. Скобелев В. П.; Кройчик Л. Е. Поэтика сказа.— Воронеж, 1978.— С. 120—132; Чудаков А. П. Мир Чехова.— М., 1986.— С. 28—34, 92—97. Н. Д. Тмарченко

ГОРОДЕЦКИЙ, Сергей Митрофанович [5(17).I. 1884, Петербург — 8.VI.1967, Обнинск] — поэт, прозаик, критик, переводчик. Известен также как художник. Отец — чиновник земского отдела Министерства внутренних дел, не чуждый литературных интересов. Учился в 6-й Петербургской гимназии (5-й и 6-й классы окончил в Орловской гимназии). После окончания гимназии (1902) поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где проучился до 1912 г., так его и не окончив. Первые годы учения в университете были для него годами интенсивных духовных поисков. Важнейшим событием в эти годы стало знакомство с А. А. Блоком (1903). В 1904 г. он выступил с рефератом о поэзии Блока. После поездок летом 1904 и 1905 гг. в Псковскую губ. Г. надолго заинтересовался народным творчеством, и этот интерес отразился в его стихах. Литературный дебют Г. состоялся в конце 1905 г. на «башне» В. И. Иванова, где его стихи произвели сенсацию. На некоторое время он стал близок к Иванову, восприняв его концепцию создания нового мифа как основную задачу современной литературы. Бурное обсуждение связанных с этим проблем происходило также в организованном Г. «Кружке молодых» (1906), куда входил и А. А. Блок.

С 1906 г. Г. начинает печататься как в символистских изданиях («Весы», «Золотое руно», альманах «Факел»), так и в «нейтральных» газетах и журналах, в том числе детских. В конце 1906 г. издает книгу «Ярь», единодушно признанную критикой. В ней отразился интерес Г. к народному творчеству, к воссозданию древней славянской мифологии в формах, близких современной литературе. Восприимчивость и творческое развитие языческих легенд воспринималось критикой как реальное оживление древнего народного сознания в современности. Ярила, Барыба, Тар, образы, изобретенные поэтической фантазией Г., развивают те представления, которые связаны в народе с реальными языческими богами, также становящимися предметом его описания, — Перуном, Стрибогом и др., а также с персонажами мифологических рассказов: Чудом-Юдом, Ягой, Лешим и пр. Но читателей привлекали не столько идеи книги Г., сколько то, как они были высказаны, — с поразительной энергией стиха, стремительным ритмическим движением, многочисленными внутренними рифмами, богатой звуковой инструментовкой.

Темы и приемы творчества, выработанные в

«Яри», были продолжены второй книгой Г., вышедшей в первой половине 1907 г., — «Перун». Третья книга стихов «Дикая воля» (конец 1907) свидетельствовала о кризисе первоначальных идей, одушевлявших поэзию Г. Наиболее интересным в книге является цикл «Тюремные песни», написанный во время заключения поэта в петербургской тюрьме «Кресты», куда он попал за провоз запрещенной книги из Финляндии в Петербург.

Таланту Г. вредило как стремление очень много писать и все написанное публиковать, так и тяготение к т. н. «мистическому анархизму» — течению, сформировавшемуся в среде петербургских символистов и проповедовавшему отказ от «декадентского индивидуализма» ранних символистов. Г. вслед за Г. И. Чулковым выдвигал теорию мистической «соборности», т. е. единства в религиозно-этическом сознании множества людей. Ряд статей Г., печатавшихся в 1908—1909 гг. в журнале «Золотое руно», нередко выходил за рамки литературного этикета, и в резких спорах с авторами журнала «Весы» Г. доходил до личных оскорблений, за что был демонстративно исключен из числа сотрудников «Весов».

В эти годы поэт стремится приблизиться в своем творчестве к современным проблемам (книга рассказов «Кладбище страстей», 1909; сб. стихотворений «Русь», 1910), но чаще всего в осмыслении событий и идейной борьбы своего времени оказывается несостоятельным. «Кладбище страстей» было конфисковано и часть тиража уничтожена за описание людей, преступающих все моральные нормы; сборник «Русь» вызвал резко негативное отношение даже у такого доброжелательного читателя и критика книг Г., как Блок.

Постепенный отход от идей символизма вызвал определенную изоляцию Г. Он начинает сотрудничать с массовыми журналами, рассчитанными на невзыскательного читателя, и следствие этого — упрощение стиха в угоду широкой публике. В то же время Г. активно участвует в формировании нового поэтического объединения — «Цех поэтов» (первое его собрание, описанное в дневнике Блока 20 октября 1911 г., состоялось именно на квартире Г.). Вместе с Н. С. Гумилевым он становится его «синдиком», автором эмблемы «Цеха» — лиры. В 1912 г. начинает вместе с Гумилевым борьбу за провозглашение нового течения — акмеизма; выступает с докладами, основные положения которых отразились в программной статье «Новые течения в современной русской поэзии» (Аполлон.— 1913.— № 1). Акмеистические настроения главенствуют в сборнике стихов Г. «Цветущий посох» (1914). Однако чрезмерная ригористичность в отстаивании того, что казалось ему акмеистическим идеалом (к тому же понимаемому весьма неопределенно), привела его к изоляции и в среде

акмеистов (см. письмо Н. Гумилева к Г.— Известия АН СССР. Отделение литературы и языка.— 1987.— № 1.— С. 70—71).

В годы первой мировой войны Г. пишет много стихов, посвященных ее событиям, чаще всего ура-патриотических, а нередко и откровенно монархических. Часть этих стихов собрана в сборнике «Четырнадцатый год» (1915), вышедшем в издательстве «Лукоморье», в котором прогрессивные литераторы избегали печататься.

В марте 1915 г. Г. знакомится с С. А. Есениным и становится пропагандистом его поэзии; в том же году организует литературную группу «Краса», куда входят, помимо Есенина, Н. А. Клюев, Б. А. Верхоулинский, С. А. Клычков и А. В. Ширяевец. По условиям военного времени как оформленное поэтическое объединение группа выступала редко: Г. вспоминает лишь об одном публичном вечере, а также о планах создания альманаха и издательства.

Осенью 1916 г. отправляется на Кавказский фронт, успев перед этим окончательно поссориться с Вяч. Ивановым и разойтись с Блоком (см. многочисленные антиблоковские выпады в повести Г. «Адам», 1915). Февральскую революцию встретил в Иране в лагере для тифозных больных (воспоминания об этом отразились в романе «Алый смерч», 1927). Его корреспонденции этого времени помещались в газете «Русское слово».

После отхода русских войск с Кавказа Г. жил в Тифлисе, где сотрудничал в различных кавказских изданиях, читал курс эстетики в тифлисской консерватории, организовал «Цех поэтов» (стихи его участников собраны в альманахе «Акме», 1919). Много делал для пропаганды армянского искусства: переводил армянских поэтов на русский язык, выпустил сборник стихов «Ангел Армении» (1918). После революции — известный советский поэт, автор воспоминаний, многочисленных оперных либретто.

Соч.: Ия. Стихи для детей.— М., 1908; Повести.— Спб., 1910; Ива.— Спб., 1912; Стихотворения и поэмы / Вступ. ст. С. И. Машинского.— Л., 1974; Жизнь неукротимая. Статьи. Очерки. Воспоминания / После сл. В. П. Енишерлова.— М., 1984; Об Армении и армянской культуре.— Ереван, 1974; [Письма к А. А. Блоку] // Литературное наследство.— М., 1981.— Т. 92.— Кн. 2.

Лит.: Гофман М. Сергей Городецкий // Книга о русских поэтах последнего десятилетия.— Спб.; М., 1909; Смирнов И. О Сергее Городецком // Русская литература.— 1967.— № 4; Сергей Городецкий: Из неопубликованного и забытого // Огонек.— 1977.— № 24; Вдовин В. Есенин и литературная группа «Краса» // Научные доклады высшей школы. Филологические науки.— 1968.— № 5; Айвазян М. Быть судимым... по законам для немногих (В. Брюсов и С. Городецкий) // Брюсовские чтения 1973 г.— Ереван, 1976.

Н. А. Богомолов

ГОРЧАКОВ, Дмитрий Петрович [1(12).I.1758, Костромская губ.— 29.XI(11.XII).1824, Москва] — поэт-сатирик, драматург. Принадлежал к знатному, но обедневшему роду князей — Рюриковичей (Черниговская ветвь). Единствен-

ный сын кн. П. И. Горчакова. Получил хорошее домашнее образование, в 1768 г. был записан на военную службу. Г. участвовал в походах русских войск в Валахию и в Крым. Однако в 1782 г., при неясных обстоятельствах, в скромном чине секунд-майора вышел в отставку и занялся сельским хозяйством в своем тульском имении. К этому времени относятся и его первые литературные опыты. В 1790 г. в качестве волонтера Г. принял участие в штурме крепости Измаил, где получил в руку тяжелую рану, которая давала о себе знать до конца его жизни. В донесении о сражении А. В. Суворов назвал Г. одним из тех храбрецов, кто «подавал пример подчиненным». В царствование Александра I Г. занимал должности Псковского (1807) и Таврического (1807—1810) губернского прокурора, правителя дел в молдавской армии при главнокомандующем М. И. Кутузове (1811—1812). С 1813 г. получил назначение вице-губернатором в Кострому, но в 1816 г. снова вышел в отставку и переехал в Москву, где жил до самой смерти. Похоронен в Даниловом монастыре.

Широкую популярность принесли Г. издание и постановка в московском театре его комических опер «Калиф на час» (М., 1786), «Счастливая тоня» (М., 1786) и «Баба-Яга» (Калуга, 1788). В этих произведениях отчетливо воспроизводятся, пародируются черты русской действительности, обличается взяточничество, казнокрадство. За сказочными, фольклорными сюжетами, «восточным» колоритом ясно просматриваются национальные, местные черты быта, обычаев, психологии. Так, в опере на известный сказочный сюжет, взятый из арабских сказок про знаменитого калифа Гарун аль-Рашида (786—809), сапожник Абдалла обличает взяточничество Кади. Здесь многое близко русскому читателю и зрителю того времени: «А истины в суде / Найти нельзя нигде». Сказка лежит и в основе сюжета «Счастливой тони»: к наделенному чудодейственной силой рыбаку Миловзору, желая узнать свою судьбу, приходят различные персонажи (судья, старуха, петиметр и др.). Судья при этом, напр., поет: «Я многих облупил / И денег накопил, / Судью бывши крал, / С живых и мертвых драл / И всячиною брал». Постепенно сатира все больше как бы подчиняет себе сказку. В «Бабе-Яге» снова действует совсем не сказочный, а реальный персонаж — подъячий Взяткин. При этом драматург не верит в скорое исправление зла. Сказка в комических операх воспринимается только как стилистический ключ, а поэтому и не противоречит ни сатире, ни введению персонажей из современности.

Значительное воздействие на Г. оказали творчество Г. Р. Державина и дружба с Н. П. Николаевым. Под влиянием тираноборческой трагедии Николаева «Сорена и Замир» Г. в конце 80 гг. создал свою гражданственную трагедию об Америке — произведение, которое, по свидетельству

Д. И. Хвостова, было написано, но не «выдано в свет». В 1796 г. вышла его «российская повесть» «Пламид и Раида». Неопубликованная комедия в стихах «Беспечный» была исполнена в Петербурге в 1799 г. В журнале «Друг просвещения» за 1804—1806 гг. печатались отдельные стихотворения сатирика. С 1807 г. (10.IV) Г. стал членом Российской Академии наук, а в 1811 г. был избран членом «Беседы любителей русского слова».

К началу XIX в. Г. приобрел известность как один из крупнейших поэтов-сатириков. В рукописном виде широко распространялись его сатирические послания, беседы, притчи, которые вместе с анонимными сатирическими произведениями, сатирами Д. И. Фонвизина, С. Н. Марина и др. заполняли тетради, рукописные книги современников. Поэт пристально наблюдал за идейной жизнью России и Франции, увлекался Вольтером и Гельвецием. В произведениях Г. также воплотился дух века Просвещения. Религиозное свободомыслие в традициях французских просветителей отразилось в его «Письме к Г. И. Шипову» («Ахти, любезный мой Шипов...», (1783). Алчность и грабительство губернаторов, беззакония судей, угнетение крестьян помещиками, несправедливости, чинимые царскими фаворитами,— все это находит отражение в его сатире «Послание к князю С. Н. Долгорукову». Злободневность острых произведений Г. обеспечивала их успех у читателей, а ему самому славу «российского Ювенала». «Злоязычный» А. Ф. Воейков в своем «Парнасском адрес-календаре» назвал Г. «действительным поэтом», «эксектором при наказании сатирическим бичом разврата, ябеды и грабительства». «Люблю твой колкий стих»,— писал Г. юный Пушкин в стихотворении «Городок». Г. присутствовал на публичном экзамене в Царскосельском лицее 8 января 1815 г., на котором поэт читал свои «Воспоминания в Царском Селе». Когда в 1828 г. возникло дело о «Гавриилиаде», угрожавшее Пушкину, поэт сделал попытку приписать ее авторство покойному к тому времени Г., опираясь на его репутацию сатирика и вольнодумца.

Именно сатира, по мнению писателей-просветителей, могла улучшить жизнь общества, помочь искоренению «зла». Как и все просветители, Г. отрицательно относился к завоевательной политике. В сатире «Русский у подошвы Чатырдага» (1807) он критиковал политику Александра I и руководящих правительственных кругов, бездарность военного командования. Выступая в своих сатирах против паразитизма дворянства, призывая его к служению родине, Г. считал достойной дворянина не только военную службу, поприще писателя, ученого, но и занятие судейством, что в представлении привилегированного сословия XVIII в. считалось «неблагородной» деятельностью. Продолжая традиции А. Д. Кантемира и А. П. Сумарокова, Г. рассматривал свое твор-

чество как служение отечеству, что отразилось, напр., в сатире «Он и Я. Разговор» (1790), проникнутой сознанием необходимости бескорыстного служения родине. Подобно Сумарокову, он осуждал дворян, продававших и проигрывавших своих крепостных крестьян. Раздумья Г. о социальном неравенстве видны в его двух «беседах»-сатирах, адресованных Николаеву. Так, в «Беседе 2-й» (сатире о Пустоне, 1790, 1793) поэт сравнивает крестьянство с фундаментом здания. Хотя «Никто его не зрит, его судьбина — мрак...», однако «Зодчий видит в нем твердеющую подпору / Огромных сих палат, толико лъстящих взору». Эти заключающие сатиру стихи переключаются с концовкой басни И. А. Крылова «Листы и Корни». По мысли Г., пример доброго служения родине подают дворянству труженики-крестьяне, не менее нужные России, чем герои, ее охраняющие, и философы, занятые ее просвещением.

В сатирах поэта почти всегда присутствует образ автора-обличителя, человека умного и гордого, который «павышши и чины считал за вздорный сон», «терзался, слушая вседневно бедных стон» («Стансы», 1804), «пел стихи в дни мирны, / И жизни не жалел, / Как огонь войны горел» («Напрасные труды. Послание к кому угодно», 90 гг.). Поэт не отступает от своего пути и «с лирой жизнь» оставит «Иль с шпагой... в руках» (Там же). Резкая, «ювеналовская» поэтическая интонация сочетается в творчестве Г. с шутивно-иронической, с примесью грустного скепсиса («Беспристрастный зритель нынешнего века»). Поэту свойственно сознание того, что «ничего не исправить», своего рода тотальная ирония. Непринужденность, доверительность стихов Г. порой достигается чередованием стихотворных размеров в пределах одного стихотворения («Письмо к другу моему Н. П. Николаеву», 1799). Г. был одним из первых создателей жанра «дружеского послания», облеченного в шутивно-ироническую форму. Поисками правдивости и простоты, неприятием «слащавости» объясняются его выступления против Н. М. Карамзина и его эпигонов. Предубеждение Г. против комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», так же как и против комической оперы А. О. Аблесимова «Мельник, колдун, обманщик и сват», во многом было вызвано тем, что реальная комедия Фонвизина с почти натуралистическими сценами, ее сатира и юмор не соответствовали, в представлении Г., высокому, учительному назначению литературы.

Взяв на вооружение наиболее сильные стороны классицизма — его высокий общественный, гражданственный пафос, связанную с ним дидактическую направленность, Г. внес значительный вклад в развитие русской сатиры, расширяя ее тематический диапазон. В лучших своих произведениях он продолжал традиции социально-политической сатиры, восходящей к Кантемиру, Новикову и др. поэтам XVIII в.

Изучение текстов Г. затруднено тем обстоятельством, что большинство его рукописей сгорело во время произошедшего в его деревне пожара, кроме того, многое из им написанного и напечатанного осталось анонимным.

Соч.: Соч. кн. Д. П. Горчакова.— М., 1890; Поэты-сатирики конца XVIII — начала XIX в. / Вступ. ст., подгот. текста, примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер.— Л., 1959; Из неизвестных атеистических произведений Д. П. Горчакова // Вопросы истории религии и атеизма.— М., 1959.— Т. 7; Сатира русских поэтов первой половины XIX в. / Подгот. текста, сост., вступ. ст. В. Афанасьева.— М., 1984.

Лит.: Брайловский С. Из прошлого отечественной литературы.— Воронеж, 1893.— С. 25—52; Пиксанов Н. К. Кн. Д. П. Горчаков // Пушкин А. С. Собр. соч.— Спб., 1907.— Т. 1.— С. 180—186; Шестериков С. П. Из неизвестных стихотворений Д. П. Горчакова // Известия отдела русского языка и словесности.— 1928.— Т. 1.— С. 154—183.

Т. Г. Петрова

ГОРЬКИЙ, Максим (псевд.; настоящее — имя *Алексей Максимович Пешков*) [16.III(28.III). 1868, Нижний Новгород (ныне г. Горький) — 18.VI.1936, Горки, под Москвой; похоронен на Красной площади] — писатель. Отец Г., Максим Савватиевич Пешков, столяр-краснодеревщик, мать — Варвара Васильевна, дочь владельца красильного заведения Василия Васильевича Каширина. После смерти отца в 1871 г. мать с трехлетним Алешей возвращается в семью деда, В. В. Каширина, где и проходит детство будущего писателя. В 1876 г. семья Кашириных разоряется, а в 1879 г. Алексей становится сиротой — начинается его жизнь «в людях». Он работает на посылках в обувном магазине, посудником на пароходах «Добрый», «Пермь», в иконной лавке и учеником в иконописной мастерской И. Я. Салабановой, чертежником, десятником на ремонте ярмарочных зданий. С 1886 г. работает в Казани в крендельном заведении и в булочной А. С. Деренкова, которая именовалась в жандармских управлениях «местом подозрительных сборищ учащейся молодежи», знакомится с членами первых марксистских кружков, читает книгу Г. В. Плеханова «Наши разногласия». Казанский период для Г. — время идейных исканий, самообразования и первых опытов пропагандистской работы среди рабочих Казани. В 1888 г. покидает Казань и вместе с революционером-народником М. А. Ромасем уезжает в с. Красновидово под Казанью для пропаганды революционных идей среди крестьян. После поджога лавки Ромася Г. предпринимает путешествие по Руси. В 1889 г. он впервые сталкивается с полицией: в ночь с 12 на 13 октября его арестовывают в связи с делом квартиранта, бывшего политического ссыльного, но вскоре освобождают и отдают под негласный надзор полиции. В этом же году Г. знакомится с В. Г. Короленко. В 1891 г. Г. уходит из Нижнего Новгорода, где работал письмоводителем у присяжного поверенного А. И. Ланина, и отправляется странствовать по России. Путешест-

вие кончается в Тифлисе — здесь, в газете «Кавказ», 12 сентября 1892 г. под псевдонимом *М. Горький* опубликован первый рассказ — «Макар Чудра».

В октябре 1892 г. Г. возвращается в Нижний Новгород и начинает систематические занятия литературным трудом. С 8 апреля по 6 июля 1894 г. в «Волгаре» печатается его первая повесть — «Горемыка Павел». С 1895 г. работает в «Самарской газете» фельетонистом (под псевдонимом *Иегудилл Хламида*), в 1896 г. печатает фельетоны в «Нижегородском листке», с 1897 г. начинает сотрудничать в журналах «Новое слово», «Русская мысль», «Северный вестник». В 1898 г. выходят в свет «Очерки и рассказы» Г. в двух томах. К этому времени Г. уже широко известен как самобытный художник.

Для рассказов Г. 90 гг. характерно романтическое мироощущение, которое писатель угадывает в народном характере пореформенного периода (Челкаш, Изергиль, Макар Чудра). Ломка патриархальных условий, вызванная развитием капитализма, раскрестьяниванием миллионов крестьян, превратившихся в люмпен-пролетариев, рождает характер, нищущий самоопределения в новых условиях жизни. Этот процесс, обусловленный социально-политическими и экономическими условиями развивающегося русского капитализма, порождает чрезвычайную интенсивность духовной жизни нации, которую Г. почувствовал острее, чем многие его современники. Это и обусловило его интерес к романтическому герою, стремящемуся к обретению свободы, понимаемой, однако, романтически — как свобода от общества.

Однако в рассказах Г. 90 гг. реалистические принципы типизации главенствуют. Мирозерцание романтических героев Г. объясняется социальными и политическими особенностями русской жизни 80—90 гг., т. е. типическими обстоятельствами, сформировавшими подобные характеры.

На рубеже веков наступает новый период в творческой эволюции Г. В журнале «Жизнь» в 1899 г. печатается роман «Фома Гордеев». К Г. приходит мировая слава. В сентябре этого же года он впервые приезжает в Петербург, знакомится с И. Е. Репиным, Н. К. Михайловским, В. Вересаевым, позже (1900) с Л. Толстым в Москве, с Л. Андреевым, встречается с А. П. Чеховым, И. А. Бунинным, А. И. Куприным, Скитальцем, Д. Н. Маминым-Сибиряком, Н. Телешовым. К этому времени Г. особенно близко сходитесь с революционными кругами; весной 1901 г. в связи с разгоном мирной студенческой демонстрации пишет прокламацию, призывающую к свержению царского режима, за что его высылают из Нижнего Новгорода в Арзамас. В. И. Ленин, возмущенный высылкой Г., писал в «Искре», что «европейски знаменитого писателя... самодержавное правительство высылает без суда и следствия из его родного города»

(Собр. соч.— Т. 5.— С. 295). В 1902 г. Г. избирается почетным академиком, но по личному распоряжению Николая II выборы были объявлены недействительными.

Для этого периода в творчестве Г. характерно обращение к критическому реализму. В первых романах («Фома Гордеев», 1899, «Трое», 1900) проследивается художественное исследование судеб человека, ищущего правды жизни. В эти же годы завязываются тесные связи писателя с Московским художественным театром, где ставятся его первые пьесы — «Мещане» (1901) и «На дне» (1902).

Драма «На дне» — этапное произведение Г. Обращаясь к жанру философской драмы, исследуя противоречия народного сознания, писатель трансформирует традиционные формально-содержательные каноны жанра. Внешнее действие, связанное с конфликтом вокруг любовного треугольника (Пепел — Наташа — Костылевы), перестает играть ведущую роль, служит фоном для развития внутреннего действия, основанного на философском конфликте (Сатин — Лука — ночлежники). Внутреннее действие оказывается основой драматургического конфликта.

Завязкой внутреннего действия в пьесе становится появление Луки. Его философия непротивления, спасительной лжи встречает внутреннюю готовность следовать ей практически у каждого из обитателей дна (исключая Сатина). Она выражает центральное противоречие в характере ночлежников: отрицание существующей действительности, искажающей личность человека, и пассивность в отношении к жизни.

В уста Сатина Г. вкладывает иное понимание отношений человека и действительности: человеку нужна не утешительная ложь, но вера в свои творческие возможности. Однако это еще не сложившаяся философия, а лишь первая реакция на проповедь Луки, лишь зарождение иного, революционного, миропонимания. Это пафос и философско-лирической поэмы «Человек» (1903).

В 1904—1905 гг. Г. пишет пьесы «Дачники» (1904), «Дети солнца», «Варвары» (обе — 1905). Он выступает против сложившихся еще в народных кругах представлений об интеллигенции как единой по своему составу сверхклассовой группе, которые поддерживались и символистской критикой. Г. показывает расхождение интеллигенции, острую борьбу социальных, этических, эстетических идей в ее среде.

Заметная роль принадлежит Г. в консолидации демократических сил литературы. Он становится активным членом «Среды» («Московская литературная среда») — сообщества литераторов, объединившего прогрессивных писателей-реалистов (А. Серафимович, В. Вересаев, А. Куприн, Л. Андреев, Скиталец, С. Найденов и др.), основателем которого был Н. Д. Телешов. Из произведений участников «Среды» формиро-

вались многие сборники «Знание», выпускавшиеся книгоиздательским товариществом в Петербурге. Состав сборников, куда входили произведения писателей-реалистов с явной демократической ориентацией, определялся при самом непосредственном участии Г. С 1904 по 1913 г. было издано 40 сборников товарищества «Знание».

В революционных событиях 1905 г. Г. принимает самое активное участие. Кровавое воскресенье, расстрел мирной рабочей демонстрации, который он штепно пытался предотвратить (вечером 8 января был у товарища министра внутренних дел и председателя Кабинета министров с требованием принять меры, способные предотвратить столкновение демонстрантов с войсками), потрясли писателя. 9 января, сразу же после событий, Г. пишет прокламацию «Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств» с призывом «к немедленной, упорной и дружной борьбе с самодержавием». За эту прокламацию Г. арестован и помещен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Протесты русской и мировой общественности приводят к освобождению писателя. Участие в Московском декабрьском вооруженном восстании 1905 г. (снабжал рабочие боевые дружины оружием, участвовал в конспиративной работе, сотрудничал в большевистских газетах «Новая жизнь», «Молодая Россия», помогал революционерам деньгами) ставит Г. под угрозу репрессий. По решению партии в феврале Г. уезжает за границу с партийными поручениями. В марте 1906 г. приезжает в Америку для сбора денежных средств в кассу большевиков. Здесь он пишет памфлеты «Мои интервью» и очерки «В Америке», знакомится с М. Твенном, Г. Уэллсом. В середине 1906 г. писатель начинает работу над романом «Мать» и пьесой «Враги».

«Враги» имеют явную политическую направленность. Забастовочное движение пролетариата приобретает характер политической борьбы. Процессы классовой поляризации в обществе становятся центральным предметом изображения в пьесе. В конце этого же года Г. заканчивает работу над романом «Мать», в декабре роман выходит в Америке, а в нач. 1907 г. в первой редакции публикуется в России и за рубежом.

В романе «Мать» и пьесе «Враги» проявились черты нового творческого метода — социалистического реализма: явная политическая тенденциозность, прямое вторжение в действительность, вмешательство в реальные общественно-политические процессы, что воспринимается художником как важнейшая цель искусства. Эстетика нового творческого метода привела к некоторой идеализации характеров (Павел Власов, Нилова). Автор стремится создать и предложить обществу некую позитивную программу действий. Каждый из героев (Андрей Находка, Рыбин, Весовщиков, сам Павел Власов, Пелагея Нилова Власова) представляет свой вариант движе-

ния к идеалу революционера, как он виделся тогда Г., — борца, героя, видящего свой долг в революционном преобразовании действительности. Творческий метод трансформировал и традиционную для реализма взаимосвязь типических характеров с типическими обстоятельствами. Социалистический реализм художественно обосновывает не только воздействие обстоятельств на характеры, но возможность и необходимость обратного воздействия — человека на обстоятельства. Эта идея стала центральной в эстетике социалистического реализма — отсюда утверждение в качестве идеала сильной личности, способной преобразовать действительность.

Эстетика нового творческого метода была направлена на то, чтобы показать объективную возможность «воскресения души» человека из народа в революционной действительности. Г., художник-реалист, прекрасно осознавал, что путь возрождения для Ниловны будет более трудным, чем для Павла Власова, поэтому в своем романе он ищет художественное обоснование этого процесса. Так возникает синтез общечеловеческого (материнская любовь и любовь сына к матери) и конкретно-исторического (приобщение героини к революционной борьбе). В ее сознании путь сына в революцию ассоциируется с христианскими мотивами, что тоже весьма характерно для народного сознания той эпохи.

Роман вызвал полемику в критике. В журнале «Русская мысль» (№ 4. — 1907) была опубликована статья Д. Философова «Конец Горького», которая ознаменовала поход эстетической, символистской и буржуазно-либеральной критики против Г. С ним солидаризировались З. Гиппиус, А. А. Измайлов, П. Дмитриев, И. Н. Игнатов. Но даже марксистская критика не сразу и не во всем приняла новаторство творческого метода Г. Об отступлении от художественности писал Г. В. Плеханов. В. В. Воровский, отметив огромное пропагандистское значение романа, отказал главной героине в жизненности, типичности, счел этот образ художественно неубедительным. Сам Г. опровергал эти взгляды — и не из авторского самолюбия, как писал он сам, но ссылаясь на реальные прототипы повести — Петра Заломова, осужденного в 1902 г. за первомайскую демонстрацию в Сороме, и его мать Анну Кирилловну Заломову, которая включилась в революционную борьбу, когда сын встал на этот путь.

Высоко оценил роман А. В. Луначарский. В мае 1907 г. положительную оценку книге дал В. И. Ленин. Позднее Г. вспоминал о разговоре с В. И. Лениным на V съезде РСДРП, когда он, «ласково поблескивая удивительно живыми глазами, тотчас же заговорил о недостатках книги «Мать»: оказалось, что он прочитал ее в рукописи, взятой у И. П. Ладыжников. Я сказал, что торопился написать книгу, но — не успел объяснить, почему торопился, — Ленин, у-

вердительно кивнув головой, сам объяснил это: очень хорошо, что я поспешил, книга — нужная, много рабочих участвовало в революционном движении несознательно, стихийно, и теперь они прочитают «Мать» с большой пользой для себя.

«Очень своевременная книга». Это был единственный, но крайне ценный для меня его комплимент» (Горький и М. Полн. собр. соч. — Т. 20. — С. 9).

Положительную оценку встретил роман у Л. Андреева и у ряда других литераторов. О том, сколь значительны с общественной точки зрения были споры вокруг романа Г., свидетельствует открытое письмо передовых рабочих Петербурга, опубликованное в журнале «Труженик» в августе 1908 г. Его авторы, среди которых были М. И. Калинин, С. В. Малышев, Д. А. Павлов, А. В. Шотман, восторженно приняли роман.

20 октября 1906 г. Г. приезжает на Капри, где живет до 1913 г. Сближается с А. А. Богдановым, видным революционером, членом РСДРП (на III, IV, V съездах избирался членом ЦК партии от большевиков), который, несмотря на серьезные политические и философские разногласия, был соратником В. И. Ленина. В 1909 г. Г. вместе с А. А. Богдановым и А. В. Луначарским организует партийную школу на Капри, деятельность которой резко критиковал В. И. Ленин. Серьезной ошибкой не только Г., но и всей «каприйской школы», где Г. читал лекции по истории русской литературы, стали идеи «богостроительства», ярко проявившиеся в повести «Исповедь». Социализм, идеи нового мира превращались в новую религию, основанную на вере в их фатальное торжество. Народ в такой концепции становился и новым божеством, и богостроителем. В июне 1909 г. совещание расширенной редакции газеты «Пролетарий» выносит решение о партийной школе на Капри, подчеркивая, что она отражает «групповые идейно-политические цели», и исключает А. А. Богданова из рядов партии. Ленин пишет Г. о несовместимости социалистических идей с божественной верой в них.

Каприйский период жизни Г. очень продуктивен в творческом отношении. В это время он создает пьесу «Последние» (1908), первую редакцию «Вассы Железновой» (1910), повести «Лето», «Городок Окуров» (обе — 1909), роман «Жизнь Матвея Кожемякина» (1910—1911), который он считал национально значимым произведением. В образе главного героя Г. сумел показать неспособность человека распорядиться своей жизнью, пассивность в отношении к действительности, которые оборачиваются трагедией несостоятельной, бессмысленно прожитой жизни. Обращение к этим негативным чертам народного характера имело в период между двумя революциями и конкретно-историческое значение, служило предупреждением социальной апатии и равнодушия. Завершают каприйский период твор-

чества Г. сатирические «Русские сказки» (1912—1917), направленные против общественной реакции и литературы декаданса.

В декабре 1913 г. Г. возвращается в Петербург (использовав амнистию), где живет до отъезда за границу в 1921 г. В 1914 г. выступает против кругов, развязавших мировую войну.

В 1915 г. Г. предпринимает издание журнала «Летопись» и придает ему ярко выраженный антивоенный характер, что прямо противоречит официальной идеологии царского правительства. Вокруг журнала Г. удалось объединить демократически настроенных писателей-реалистов (В. Шишков, М. Пришвин, К. Тренев, Ф. Гладков и др.), однако на политической линии журнала сказывалось сильное влияние меньшевиков-интернационалистов и махистов, за что «Летопись» критиковал В. И. Ленин. Литературно-организационная деятельность писателя в этот период не ограничивается изданием «Летописи»; противопоставляя официально пропагандируемому великодержавному шовинизму идею культурного сближения народов России, Г. издает серию сборников национальных литератур: латышской, армянской, финской.

В 10 г. творческий метод Г. весьма разнообразен: в «Сказках об Италии» (1911—1913) он обращается к характерной для него на рубеже XIX—XX вв. романтической эстетике, в рассказах цикла «По Руси» (1912—1916) намечается своеобразный синтез романтического и реалистического творческого метода, где преобладает, однако, реализм.

В повестях автобиографической трилогии «Детство» и «В людях» (1913—1916) в образе автобиографического героя проявляются черты той концепции личности, что была выработана в романе «Мать»: утверждается личность, способная к интенсивному духовному саморазвитию, к поиску неотчужденного отношения к миру. В столкновениях с мертвеющим старым миром, отталкиваясь от его темных сторон, внимательно вглядываясь в противоречивые и прекрасные характеры людей из народа, в которых сталкиваются подчас непримиримые противоречия добра и зла, прекрасного и низменного, формируется характер автобиографического героя, который, преодолевая внешние препятствия или противоречия собственного сознания, поднимается на более высокую ступень нравственного и интеллектуального развития.

После свержения самодержавия в феврале 1917 г. Г. участвует в издании газеты «Новая жизнь», позиции которой В. И. Ленин давал резко отрицательную оценку. Она выходила в Петрограде с апреля 1917 по июль 1918 г. под редакцией Г. и при ближайшем участии А. Н. Тихонова, Н. Н. Суханова, В. В. Базарова, В. А. Десницкого и являлась органом социал-демократов — интернационалистов, объединявшим меньшевиков, сторонников Мартова.

С октября 1917 по июнь 1918 г. в газете публикуются статьи Г. под общим названием «Несвоевременные мысли». Суть этих публикаций, которые Г. потом назовет ошибочными, состоит в опасениях в неподготовленности Октябрьской революции. «В 1917 г., — напишет позже Г., — я ошибался, искренне боясь, что диктатура пролетариата поведет к распылению и гибели политически воспитанных рабочих-большевиков, единственной действительно революционной силы, и что гибель их надолго затенит самую идею социальной революции» (Собр. соч.: В 30 т. — М., 1949—1955. — Т. XXIV. — С. 302). Видя отрицательные явления действительности, трагедии уличного самосуда и пьяных погромов, уничтожение и разграбление культурных ценностей, Г. стремится понять (далеко не всегда успешно) внутреннюю логику происходящего. «Теперь, когда вскрылся гнилостный нарыв полицейско-чиновничьего строя и ядовитый, веками накопленный гной растекается по всей стране, — теперь мы все должны пережить мучительное и суровое возмездие за грехи прошлого — за нашу азиатскую косность, за эту пассивность, с которой мы терпели насилия над нами», — писал Г., размышляя далее о роли русской интеллигенции в спасении нации, ее духовном возрождении: «Русская интеллигенция снова должна взять на себя великий труд духовного врачевания народа» (Новая жизнь. — 1918. — № 81 (296). — 1 мая (18 апреля)).

В середине 1918 г. Г. преодолевает свои колебания и переходит к сотрудничеству с Советской властью, активно участвует в строительстве социалистической культуры. Он организует I Рабоче-крестьянский университет, работает в только что основанном Большом драматическом театре, в издательстве «Всемирная литература», которое выпускает произведения наиболее значительных художников Европы и Америки. В годы гражданской войны, разрухи и голода писатель, используя свой огромный авторитет, организует помощь научной и творческой интеллигенции (деятельность в Комиссии по улучшению быта ученых, организация Дома искусств в Петрограде, где были собраны и в буквальном смысле спасены от голодной смерти многие писатели и художники).

Летом 1921 г. у Г. возобновляется туберкулез, и он, по настоянию В. И. Ленина, уезжает за рубеж, до весны 1924 г. живет на курортах Германии и Чехословакии, в апреле переезжает в Италию (Сорренто, Неаполь). В первой половине 20 гг. заканчивает работу над автобиографической трилогией (повесть «Мои университеты») и роман «Дело Артамоновых» (1925). К этому же периоду относится начало работы Г. над его главной книгой — «Жизнь Климента Самгина». Над нею он работал до конца своих дней. Находясь за рубежом, художник не теряет связи с родиной, ведет обширную переписку с писате-

лями, общественными деятелями, учеными. К этому времени относится работа Г. над литературными портретами Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, В. Г. Короленко, Н. Г. Гарина-Михайловского. Вершиной этого цикла стал очерк «В. И. Ленин» (1924—1931).

В 1928—1929 гг. Г. приезжал в СССР, а в 1931 г. навсегда возвратился на родину. На рубеже 20—30 гг. при непосредственном участии Г. выходят журналы «Наши достижения», «Литературная учеба», «За рубежом», и др.: серия книг «Жизнь замечательных людей», «Библиотека поэта», «История молодого человека XIX столетия», «История гражданской войны» и др. Огромна роль Г. в подготовке и проведении I Всесоюзного съезда советских писателей (1934).

30 гг. — не только период бурной организационной деятельности, но и творческой активности писателя. Интенсивно идет работа над последними томами эпопеи «Жизнь Климента Самгина», пьесами «Егор Булычов и другие» (1932), «Достигаев и другие» (1933). Г. создает новую редакцию «Вассы Железновой» (1935). В этот же период он пишет философско-критические и публицистические статьи.

Соч.: Собр. соч.: В 25 т.—2-е изд.—М.: Л., 1932—1934; Собр. соч.: В 30 т.—М., 1949—1955; Полн. собр. соч.: Художественные произведения: В 25 т.—М., 1968—1976; Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре // Литературное обозрение.—1988.—№ 9—12.

Лит.: Балуха тый С. Д. Литературная работа М. Горького: Список первопечатных текстов и авторизованных изданий. 1892—1934.—М.: Л., 1936; Летопись жизни и творчества А. М. Горького: В 4 т.—М., 1958—1960; Бялик Б. А. М. Горький — драматург.—М., 1977; Бялик Б. М. Горький — литературный критик.—М., 1960; Десницкий В. А. А. М. Горький: Очерк жизни и творчества.—М., 1959; Груздев И. А. Горький его время. 1868—1896.—3-е изд.—М., 1962; Михайловский Б. В. Творчество М. Горького и мировая литература. 1892—1916.—М., 1965; Михайловский Б. В., Тагер Е. Б. Творчество М. Горького.—М., 1969; Муратова К. Д. Максим Горький и Леонид Андреев // Литературное наследство.—М., 1965.—Т. 72.

ГРЕБЕНКА, Евгений Павлович [21.1(2.11).1812, Убежище Полтавской губ.—3(15).XII.1848, Петербург; похоронен на родине] — прозаик, поэт. Писал на русском и украинском языках. Родился в семье мелкопоместного дворянина. Учился в Нежинской гимназии высших наук (1825—1831); участвовал в гимназических рукописных журналах, написал пьесу «В чужие сани не садись», писал русские и украинские стихи, украинские басни. В 1831 г. опубликовал перевод первой главы «Полтавы» Пушкина на украинский язык (Московский телеграф.—1831), перевод всей поэмы — Спб., 1836) и стихотворение «Рогдаев пир» (Украинский альманах.—1831). В 1834 г. переехал в Петербург, где служил вначале в Комиссии духовных училищ, а с 1838 г. до конца жизни преподавал словесность (иногда также естествознание) во 2-м Кадетском корпусе и других военно-учебных заведениях. Был весьма

любим учениками. В 1835 г. дебютировал как прозаик (рассказы «Малороссийское предание» и «Сто сорок пять» — альманах «Осенний вечер»). Вскоре стал модным беллетристом. Г. посещал литературные салоны П. А. Плетнева, В. Ф. Одоевского и др., сам регулярно принимал у себя литераторов, любивших его за добродушие и хлебосольство. Вечера у Г. посещал, в частности, В. Г. Белинский. Г. одним из первых оценил талант Т. Г. Шевченко, принимал участие в его выкупе из крепостной зависимости и пропагандировал его творчество, но затем их отношения ухудшились. Среди ближайших друзей Г.—литераторы весьма различной ориентации: Н. В. Кукольник, В. И. Даль, П. П. Ершов, В. Г. Бенедиктов, И. И. Панаев. В 1838—1843 гг. Г. печатался главным образом в изданиях А. А. Краевского и в альманахе «Утренняя заря»; позднее — в журналах «Библиотека для чтения» и «Финский вестник». Замышлял издание украинского приложения к «Отечественным запискам», а после неудачи этого предприятия издал альманах «Ластівка» («Ласточка».—Спб., 1841) с участием Г. Ф. Квитки-Основьяненко, Т. Г. Шевченко, Л. И. Боровиковского и др. известных украинских писателей.

В ранних повестях и рассказах Г. разрабатывает преимущественно гоголевские темы и сюжеты: влияние «Вечеров на хуторе близ Диканьки» прослеживается в сборнике «Рассказы пирятинца» (Спб., 1837) и нек. др. повестях; «Петербургских повестей» — в последовавших затем повестях из жизни петербургского чиновничества; тип Хлестакова использован Г. в повестях «Лука Прохорович» (1838) и особенно «Сеня» (1842). На манере Г. сказалось и влияние русской романтической прозы «второго ряда»: А. А. Бестужева-Марлинского, М. Н. Загоскина, О. И. Сенковского.

Около 1841 г. вырабатывается характерный для Г. тип повествования: анекдот, чаще грустный, с гуманистической окраской, «рассказы о многом, что бывает на этом свете» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.—Т. 6.—С. 492). Среда, описываемая Г., как правило, — петербургский чиновный мир или провинция (чаще всего — уездный город); типичный конфликт — несчастья (иногда гибель) добрых и слабых людей под влиянием обстоятельств, интриг, провинциальных сплетен. Г. всегда сочувствует несчастным, которыми у него выступают представители разных социальных слоев. Если в высоко оцененном Белинским рассказе «Кулик» (1841) герои — крепостные, кончающие жизнь самоубийством из-за ссоры своих господ (своего рода крестьянские Ромео и Джульетта), то в повести «Быль не быль и сказка не сказка» (1844) в роли жертвы выступает отставной генерал. Наиболее развит «гребенкинский» сюжет в романе «Доктор» (1844), где герой — скромный и честный интеллигент — гибнет, обманутый плутами-свойствен-

никами. К лучшим повестям с этим типом сюжета относятся также «Записки студента» (1841), отчасти автобиографичные, и «Пруд» (1843). В одной из самых популярных повестей Г. «Путевые записки зайца» (1844) тот же сюжет разработан аллегорически, с использованием ряда басенных мотивов. И сюжеты, и тон повествования, в котором юмор сочетается с сентиментальностью, делают Г. одним из ближайших предшественников «натуральной школы»; ряд использованных им тем и ситуаций находят соответствие в произведениях И. А. Гончарова, А. И. Герцена, И. С. Тургенева. Отнесение же Г. собственно к «натуральной школе» не бесспорно, хотя он принял участие в «Физиологии Петербурга» очерком «Петербургская сторона» (1845) и затем опубликовал в «Финском вестнике» еще несколько физиологических очерков. Но этот жанр удавался Г. относительно мало. Наиболее удачным из сочинений, примыкавших к «физиологиям», получилась повесть «Приключения синей ассигнации» (1847) — ряд нравоописательных сцен, написанных от лица пятирублевой купюры. Большинство же «сентиментальных анекдотов» Г., о которых речь шла выше, написано до 1845 г. Критика, близкая к «натуральной школе», при достаточно одобрительном отношении к повестям Г. не считала его все же «своим» писателем.

Кроме физиологического очерка, Г. в 1845—1848 гг. пробует свои силы и в нек. др. новых для себя жанрах: психологической повести («Иван Иванович», «Лесничий»), моралистического рассказа из народной жизни («Чужая голова — темный лес», «Сила Кондратьев»). Фабула последнего рассказа, опубликованного в некрасовском «Современнике», напоминает стихотворение Некрасова «Влас».

Несколько особняком в творчестве Г. стоят произведения на историческую тему: повесть «Нежинский полковник Золотаренко» (1842) и роман «Чайковский» (1843), посвященные украинскому казачеству. Они романтичны, отчасти даже мелодраматичны; заметно подражание «Юрию Милославскому» Загоскина. Однако критика почти единодушно признала «Чайковского» лучшим произведением Г., а в среде украинской патриотически настроенной молодежи роман был популярен еще в 70 гг.

Русские стихи Г. по манере и уровню не выделяются из потока романтической поэзии 30 гг.; пролог к поэме «Богдан» (1843) написан в модном жанре «мистерии», хотя материал самой поэмы вполне историчен. Более оригинальны его украинские стихи: «Малоросійські приказки» (Спб., 1834) до сих пор считаются образцовыми украинскими баснями; лирические стихи связаны с народными песенными традициями. В песенной или романсной манере написаны и лучшие русские стихи Г. Несколько песен на его слова получили популярность, а фольклоризованные ва-

рианты «Песни» («Молода еще девица я была...») и «Черных очей» («Очи черные, очи страстные...») бытуют до сих пор.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 5 т. / Под ред. Н. Гербеля. — Спб., 1862; Творы у 3 т. — Київ, 1980—1981 / Вступ. ст. С. Д. Зубкова (на укр. яз., тексты на языке оригинала).
Лит.: Коваленко Г. А. Евгений Гребенка. — Чернигов, 1899; Лесевич В. В. Е. П. Гребенка. — Екатеринослав, 1899; Зубков С. Д. Русская проза Г. Ф. Квнтки-Основа-ненко и Е. П. Гребенки в контексте русско-украинских литературных связей. — Киев, 1979; Зубков Н. Н. 175 лет со дня рождения Гребенки // Памятные книжные даты на 1987 год. — М., 1987. — С. 91—92. Н. Н. Зубков

ГРЕЧ, Николай Иванович [3(14). VIII. 1787, Петербург — 12(24).I.1867, там же] — журналист, филолог, критик, прозаик, переводчик. Предки Г. происходили из Чехии. В середине XVII в. его прапрадед переселился в Германию в числе протестантов, преследуемых католиками. В 30 гг. XVIII в. дед писателя, окончивший Лейпцигский университет, был приглашен в Россию курляндским герцогом Э. И. Бироном в качестве секретаря. По предложению последнего магистр философии Иоганн Эрнест Греч (в России его называли Иван Михайлович) стал преподавателем гимназии в Митаве (столице герцогства Курляндского), затем по приглашению начальника Сухопутного шляхетского кадетского корпуса Б. К. Миниха был назначен профессором истории и нравоучения Рыцарской академии (как называли тогда корпус). В последние годы жизни преподавал историю и политику будущей императрице Екатерине II. Отец Г., бесспорный дворянин, служил чиновником — завершил карьеру обер-секретарем апелляционного департамента Сената.

Получив первоначальное образование дома, Г. мечтал о словесном отделении Московского университета. Однако, его отец, желавший видеть сына чиновником, определил его в Юнкерскую школу Сената (готовившую сенатских чиновников), преобразованную в Юнкерский институт, где Г. учился в 1801—1803 гг. Преодолев сопротивление родных, желавших видеть Г. чиновником, он поступает в только что открывшийся Педагогический институт вольнослушателем и посещает лекции в 1803—1805 гг. С 1804 г. начинается его преподавательская деятельность в качестве учителя русского языка и литературы: сначала в частных пансионах, затем — в государственных учебных заведениях, в том числе в Петербургской гимназии.

Дебют Г. в печати — статья «Синонимы. Счастье, благополучие, блаженство» («Журнал русской словесности», 1805). В 1806 г. перевел с немецкого языка книгу «Германия в глубоком унижении своем», разоблачавшую захватническую политику Наполеона I (по приказу которого издатель книги за ее выпуск в Германии был расстрелян). С 1808 г. началась деятельность Г. как профессионального журналиста. В 1808—1809 гг. он — соиздатель либерального исторического и политического журнала «Гений времен»,

в 1809—1810 гг.— «Журнала новейших путешествий», в 1811 г. редактировал «Исторический, статистический и географический журнал».

В разгар Отечественной войны — в октябре 1812 г.— начал выходить основанный Г. журнал «Сын отечества», названием которого стали слова из письма его брата Александра — поручика артиллерии, смертельно раненного в Бородинском сражении: «Умру — но умру как истинный сын отечества!» (Записки.— С. 297). Задуманный как издание, отражающее ход военных событий (здесь были опубликованы статья А. П. Куницына «Послание к русским», фрагменты «Писем русского офицера» Ф. Н. Глинка, басни И. А. Крылова «Волк на псарне», «Обоз», «Ворона и Курица»), «Сын отечества» после окончания войны становится лучшим литературным журналом и остается таким на протяжении целого десятилетия. Проявив незаурядные редакторские способности, Г. привлек к сотрудничеству Г. Р. Державина, И. А. Крылова, Н. М. Карамзина, А. С. Грибоедова, К. Н. Батюшкова, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, Н. И. Гнедича, А. С. Пушкина. В 1816—1825 гг. в журнале участвовали будущие декабристы — бр. Александр и Николай Бестужевы, К. Ф. Рылеев, Ф. Н. Глинка, В. К. Кюхельбекер, А. О. Корнилович. Журнал приобрел известность прогрессивного издания, а сам Г. — репутацию радикального журналиста.

Находясь в 1817 г. в Париже, Г. изучил недавно основанную ланкастерскую систему взаимного обучения. По возвращении в Россию он совместно с Ф. Н. Глинкой и Ф. П. Толстым основал в 1818 г. Вольное общество учреждения училищ по методе взаимного обучения, тесно связанное с «Союзом благоденствия», составив необходимые для преподавания учебные пособия и таблицы. Вначале общество получило официальное признание, т. к. преимущества скорого обучения грамоте по новой системе были неоспоримы. Однако сгушавшаяся реакция изменила взгляды правительственных кругов на просвещение солдат. Одним из виновников восстания в Семеновском полку осенью 1820 г. склонны были видеть Г. и введенную им систему обучения. Г. был отстранен от должности директора училищ, за ним был установлен тайный полицейский надзор по распоряжению Александра I.

Однако взгляды Г. меняются — он переходит в консервативный лагерь. Осторожность и предусмотрительность взяли верх: к началу 1825 г. он «уже вытрезвился от либеральных идей волею и неволею» (Записки.— С. 694). Предложение вступить в тайное общество Г., по собственному признанию, отклонил, сохранив доверенную тайну.

Некоторые преобразования, произведенные в первые годы царствования Николая I, отставка ряда реакционных сановников, прежде всего — ненавидимого всеми А. А. Аракчеева, вполне

удовлетворили недавнего «отъявленного либерала», каковым считал себя Г. Начавшееся в 1820 г. знакомство с Ф. В. Булгариным превращается в дружбу и тесное сотрудничество. В 1829 г. «Сын отечества» объединяется с «Северным архивом» Булгарина, с 1831 г. Г. становится соредактором официальной политической и литературной газеты «Северная пчела» (фактически Г. редактировал газету с 1825 г.). Вместе с тем Г. возобновляет знакомство с вернувшимся из ссылки А. С. Пушкиным, не прерывает литературных отношений с сосланными декабристами — в частности, печатает в «Сыне отечества» произведения А. А. Бестужева, талант которого высоко ценит. Принимает деятельное участие в разработке цензурного устава 1828 г.— более либерального, чем предшествующие. В 20—30 гг. в доме Г. регулярно проходили «четверги», собиравшие многочисленное и разнообразное общество — писателей, художников, музыкантов.

С первых лет издания «Сына отечества» Г. выступает как литературный критик. Он ввел в русскую критику обзор новых произведений за год: «Обозрение русской литературы 1814 г.», «Обозрение русской литературы 1815 и 1816 гг.» и др. Одним из первых оценил «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Цыган» А. С. Пушкина, критические статьи А. А. Бестужева. В 1840 г. отнес «Героя нашего времени» М. Ю. Лермонтова к «превосходнейшим» произведениям, оспаривая мнение о «ложном направлении» романа, отделяя образ Печорина от автора, «пламенного, умного, разнообразного, благородного» (Русский вестник.— 1841.— № 1.— С. 233—234).

Большой успех выпал на долю «Учебной книги российской литературы» (1822). Здесь Г. разграничивает ломоносовское и карамзинское направления в русской литературе, подчеркивает важность ориентации на нормы народного языка, связь литературы с общественной историей. Заметное место в науке заняли лингвистические работы Г. «Практическая русская грамматика» (1827) — «первое подробное и систематическое руководство в русском языкознании» (Винogradov В. В. Русская наука о языке // Уч. зап. МГУ.— 1946.— Вып. 106.— Т. 3.— Кн. 1.— С. 48—49), «Пространная русская грамматика» (1827), за которую автор был удостоен звания члена-корреспондента Академии наук, и «Краткая русская грамматика», выдержавшая одиннадцать изданий.

Г. выступал и как романист: «Поездка в Германию» (1830) (как отмечал он сам, первое в русской литературе подробное изображение петербургских немцев), «Черная женщина» (1834), где описание нравов сочетается с элементами романтической фантастики (привидения, чудесные исцеления на краю могилы и пр.). Перу Г. принадлежит также ряд книг путевых очерков: «Поездка во Францию, Германию и Швейцарию в 1817 г.», «28 дней за границу, или Действи-

тельная поездка в Германию. 1835», «Путевые письма из Англии, Германии и Франции» (1839), «Письма с дороги по Германии, Швейцарии и Италии» (1843), «Парижские письма с заметками о Дании, Германии, Голландии и Бельгии» (1847).

Г. был опытным журналистом и редактором, часто приглашаемым к сотрудничеству. Он редактировал «Журнал министерства внутренних дел» (1829—1831), журнал «Библиотека для чтения» (1834—1835, совместно с О. И. Сенковским); возглавлял издание «Энциклопедического лексикона» (1833—1836), «Военно-энциклопедического лексикона» (1836—1840); совместно с Н. А. Полевым издавал «Русский вестник» (1841—1844).

Для литературной репутации Г. поистине убийственное значение имели его тридцатилетнее сотрудничество и близость с Булгариным. «Нет ни одного человека в Москве, который бы умел врознь понять Минина и Пожарского так, как нет ни одного человека в Петербурге, который бы умел понять врознь Булгарина и Греча», — писал А. И. Герцен (Герцен А. И. Полн. собр. соч. — М., 1954. — Т. II. — С. 119). Хотя с годами Г. стал тяготиться дружбой с Булгариным (в разговорах с А. С. Пушкиным, П. А. Вяземским и др. писателями их круга даже высмеивал его), однако и порвать с ним не решался, т. к. зависел от него материально. (Разрыв произошел в начале 50 гг., но они продолжали издавать вместе «Северную пчелу».)

В 1830—1831 гг. Г. выступил на стороне Булгарина в полемике с А. С. Пушкиным, на что последний ответил памфлетами «Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов» и «Несколько слов о мизинце г. Булгарина и о прочем» (однако по окончании полемики Пушкин продолжал поддерживать отношения с Г.).

В представлении писателей последующих поколений Г. отождествлялся с Булгариным. Их действительно объединяли консервативные убеждения и близость к III отделению (выявлявшаяся постепенно). Так, одобрение А. Х. Бенкендорфа вызвала брошюра Г. «Разбор сочинения, озаглавленного «Россия в 1839 году», маркиза Кюстина» (1844), где Г. стремился опровергнуть критику французским литератором А. де Кюстина российского самодержавия.

На праздновании пятидесятилетия литературной деятельности Г. (1854) среди многочисленных участников юбилея было лишь несколько известных писателей. На юбилей саркастически откликнулся Н. А. Добролюбов — его сатирическое стихотворение «На пятидесятилетний юбилей его превосходительства Николая Ивановича Греча», где юбиляр назван «поборником лжи и мрака», распространилось в списках. Добролюбов был также автором памфлета, присланного в виде письма Г. два месяца спустя в ответ на статью последнего в «Северной пчеле», посвященную памяти Николая I.

С 1849 г. приступает к работе над историко-литературными воспоминаниями «Записки о моей жизни». В них содержится значительный материал по истории русской литературы, общественной жизни России 1800—1830 гг. В 1855—1857 гг. Г. пишет, не имея в виду публикации, также «Воспоминания старика», посвященные декабристскому движению. Не разделяя взглядов декабристов, он пишет в высшей степени сочувственно о С. И. Муравьеве-Апостоле, А. А. и Н. А. Бестужевых, Н. М. Муравьеве, И. И. Пущине и др. «Записки о моей жизни» остались незавершенными.

В последние годы жизни Г. деятельно помогал В. И. Далю, с которым был знаком на протяжении тридцати лет, в работе над «Толковым словарем».

Соч.: Соч.: В 5 т. — Спб., 1838; Соч.: В 3 т. — Спб., 1859; Записки о моей жизни / Под ред. и с коммент. Р. В. Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса. — М., Л., 1930; Пространная русская грамматика (отрывки) // Хрестоматия по истории русского языкознания. — 2-е изд. / Под ред. Р. П. Филина. — М., 1977. — С. 61—65; Письма о Швейцарии (к А. Е. Измайлову) // Полярная Звезда / Изд. А. Бестужевым и К. Рылевым. — М.; Л., 1960. — С. 78—104.

Лит.: Белинский В. Г. Сочинения Николая Греча // Полн. собр. соч. — М., 1956. — Т. II; Добролюбов Н. А. Письмо к Н. И. Гречу // Полн. собр. соч.: В 9 т. — М., 1961. — Т. I; Он же. На 50-летний юбилей его превосходительства Николая Ивановича Греча // Там же. — Т. 8; Полев о И. К. А. Юбилей пятидесятилетия литературной деятельности Н. И. Греча 27 декабря 1854. Сб. — Спб., 1855; Бурышев В. П. Четверги у Греча (из воспоминаний петербургского старожилы) // Заря. — 1871. — № 4; Калаш В. Пушкин на литературном вечере у Греча // Русский архив. — 1901. — № 2; Сидяков Л. С. «Пиковая дама» и «Черная женщина» Н. И. Греча // Болдинские чтения. — Горький, 1985.

А. В. Корнеев

ГРИБОЕДОВ, Александр Сергеевич [4(15).I. 1795 (по другим данным — 1794), Москва — 30. I(11.II). 1829, Тегеран, похоронен в Тифлисе] — поэт, драматург, дипломат.

В русскую литературу вошел прежде всего как автор комедии «Горе от ума», хотя написал еще несколько пьес, а также поэм и стихотворений. Владел также даром музыканта: играл на фортепиано, органе, флейте, занимался теорией музыки, сочинял ее (сохранились два вальса). Как музыканта его очень ценил М. И. Глинка.

Родился в именитой дворянской семье. Получил блестящее образование. Сначала дома: у него были хорошие домашние учителя (библиотекарь Московского университета Петрозилиус, питомец Геттингенского университета Б. И. Ион). Учился в Московском университетском благородном пансионе, из стен которого в разное время вышли многие в будущем знаменитые поэты и деятели культуры: В. А. Жуковский, А. И. Тургенев, В. Ф. Одоевский и др. В 1806—1812 гг. учился в Московском университете, где закончил словесный и юридический факультеты и занимался на физико-математическом. За это время изучил греческий и латинский языки, позднее он обучился персидскому, арабскому и турецкому

языкам, еще с детства он владел французским, английским, немецким и итальянским.

Ближайшими друзьями Г. по университету были П. Я. Чаадаев, Никита Муравьев, Н. И. Тургенев, дружба с которыми способствовала формированию у Г. передового и независимого мировоззрения. В университете начали проявляться и поэтические способности Г.: своим товарищам он читает стихи собственного сочинения — сатиры и эпиграммы, пишет комическую пьесу «Дмитрий Дрянской», пародирующую трагедию В. А. Озерова «Дмитрий Донской» и в остроумной форме изображающую распрю между учеными Московского университета.

В 1812 г. Г. готовится к сдаче экзамена на степень доктора права, однако начавшаяся Отечественная война с Наполеоном резко меняет его планы. Он поступает добровольцем в армию — корнетом в Московский гусарский полк. Непосредственно в военных действиях ему участвовать не пришлось, но служба в армии дала ему новый запас впечатлений и, главное, помогла ближе узнать и полюбить русского солдата.

В 1816 г., после окончания войны с Наполеоном, Г. уходит в отставку. Поселяется в Петербурге, поступает на службу в Коллегию иностранных дел, где служат в это время Пушкин, В. К. Кюхельбекер. Г. знакомится с ними, а также и с другими служащими в Коллегии, многие из которых — будущие декабристы. С декабристами у Г. и теперь и позднее — самые тесные отношения. Нельзя сказать с уверенностью, был ли Г. формальным членом какого-либо общества декабристов, но нет сомнений, что его взгляды на современную жизнь и общественное устройство близки декабристским.

В Петербурге Г. сходитя также с кружком, объединившим людей, причастных к театру. Возглавляет кружок драматург и театральный деятель А. А. Шаховской, к кружку принадлежат писатели П. А. Катенин, Н. И. Хмельницкий, актер И. И. Сосницкий, трагическая актриса Екатерина Семенова и др.

В это же время Г. сотрудничает в журналах, пишет пьесы. В журнале «Сын отечества» публикует эпиграмму «От Аполлона», в 1816 г. печатает статью «О разборе вольного перевода Бюргеровой баллады «Ленора», в которой защищает перевод П. А. Катенина от критических нападок Н. И. Гнедича, увидевшего в стихах Катенина «оскорбление слуха, вкуса, рассудка». Встав на сторону Катенина, Г. утверждает свои любимые идеи о необходимости естественности и раскованности словесного выражения, о недопустимости ложной патетики и языкового жеманства.

Еще в 1815 г. Г. пишет комедию в одном действии в стихах «Молодые супруги», в 1817 г. принимает участие (вместе с Шаховским и Хмельницким) в написании комедии «Своя семья, или Замужняя невеста». В том же году вместе с Ка-

тениным пишет комедию в прозе «Студент». Она имеет особенный интерес, т. к. некоторые ее персонажи (напр., петербургский барин Звёздов) напоминают будущих героев «Горя от ума». Вообще все петербургские комедии Г. были своего рода заготовкой, творческой лабораторией: и по языку, и персонажами, и бытовыми картинками они подготавливали главное произведение Г.

В 1818 г. Г. назначают секретарем русской дипломатической миссии в Персии. Назначение это, внешне почетное, было для Г. своего рода ссылкой за участие в качестве секунданта А. П. Завадовского в его дуэли с В. А. Шереметевым, закончившейся гибелью последнего. По пути на Восток Г. заехал в Москву. Своими горькими и безотрадными впечатлениями он делится со своим другом С. Н. Бегичевым: «В Москве все не по мне. Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему...» (Соч. — М., 1953. — С. 480). Настроение Г. сродни настроениям его будущего героя Чацкого.

Оказавшись в Персии помимо желания, Г., однако, и здесь проявляет свои незаурядные способности, на этот раз в качестве дипломата. Он добивается освобождения из плена и возвращения на родину 150 русских солдат. В августе 1819 г. в своем путевом дневнике Г. записывает: «Хлопоты за пленных. Бешенство и печаль... Голову мою положу за несчастных соотечественников...» (Соч. — М., 1953. — С. 422). Все дела свои Г. делает с великим умением и страстью.

В 1822 г. Г. переводят по службе в Тифлис, где он исполняет должность секретаря по дипломатической части при главноуправляющем Грузинского генерала А. П. Ермолова. Ермолов пользовался большой популярностью в декабристских кругах, притом среди его приближенных были и прямые декабристы, и люди, им сочувствующие. Г. попадает в близкую для себя политическую среду, что способствует росту его творческой активности. В Тифлисе Г. работает над первыми двумя актами «Горя от ума». Однако работа над комедией требует от него больше времени, больше уединения, большей свободы от служебных забот. Г. просит у Ермолова длительный отпуск и получает его. Отпуск — с середины 1823 г. до 1825 г. — Г. проводит вначале в Тульской губернии, в имении Бегичева, а затем в Москве и Петербурге.

В имении Бегичева, в селе Дмитровском, летом 1823 г. Г. пишет последние два акта комедии. Бегичев так вспоминал об этом: «Вставал он в это время почти с солнцем; являлся к нам к обеду и редко оставался с нами долго после обеда, но почти всегда скоро уходил и приходил к чаю, проводил с нами вечер и читал написанные им сцены. Мы всегда с нетерпением ожидали этого времени» (А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников. — М., 1980. — С. 28).

Из имени Бегичева Г. едет в Москву. Своим литературным друзьям он читает отрывки из «Горя от ума». Совместно с П. А. Вяземским пишет водевиль «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом» (музыку к водевилю написал композитор А. Н. Верстовский). В альманахе В. Кюхельбекера и В. Ф. Одоевского «Мнемозина» печатает свое программное (в духе декабристской поэзии) стихотворение «Давид».

В июне 1824 г. Г. переезжает в Петербург, где становится завсегдатаем на «русских завтраках» у Рылеева. Сотрудничает в его и А. А. Бестужева альманахе «Полярная звезда»: печатает там «Отрывок из Гете» (вольный перевод из гетевского «Фауста»).

В конце 1825 г. Г. возвращается на Кавказ. Здесь его и застают декабристские события. Ближайшие Г. к декабристам не остались тайной для правительства: в канцелярию Ермолова приходит предписание об аресте Г. и доставке его в Петербург. Ермолов предупреждает Г. о предстоящем аресте, и Г. успевает уничтожить компрометирующие его бумаги и письма.

В Петербурге в течение четырех месяцев он находится на гауптвахте Главного штаба под следствием. В допросных листах он отрицает свою принадлежность к какому-либо из тайных обществ. Его показания подтверждают декабристы Рылеев, А. Бестужев и др. Власти снимают с Г. обвинения и освобождают из-под ареста. Удачному завершению дела немало способствовали как спокойное мужество и самообладание Г., так и ходатайство за него перед царем генерала Ермолова.

В сентябре 1826 г. Г. возвращается на Кавказ. В это время между Россией и Персией идет война, и дипломатическая деятельность Г. получает все более широкий размах. И не только дипломатическая. Г. принимает активное участие в решении важных вопросов гражданского управления на Кавказе. В 1828 г. заканчивается война с Персией, дипломатическим завершением ее явился Туркманчайский мирный договор. Договор был выгоден для России, и большая доля заслуги в этом принадлежала Г.

Царь внешне оценил заслугу Г., наградив его, назначил полномочным министром в Персию. Но Г. не предавался иллюзиям: он ясно понимал истинную цену царской награды и отличия. Его письма к друзьям исполнены мрачных предчувствий: назначение послом в Персию он рассматривает как «политическую ссылку», как «чашу страданий», которую ему предстоит испить. Больше всего он желает для себя свободы и творчества, вместо этого ему предстоят тяжелые испытания, неизбежные опасности.

По пути в Персию Г. задерживается на некоторое время в Тифлисе. Здесь, в августе 1828 г., он женится на Нине Чавчавадзе — дочери его друга, известного грузинского поэта Александра Чавчавадзе. Но, только что повенчавшись, Г.

должен разлучиться с молодой женой: дела требуют, чтобы он немедленно отправился в Персию.

В Персии в качестве посла он успевает сделать много полезного, действует с присущей ему энергией и настойчивостью. Это не устраивает врагов России и врагов Г. — против него готовится заговор. 30 января 1829 г. толпа фанатиков-персов совершает нападение на русское посольство и учиняет разгром. Среди убитых и растерзанных толпою — Александр Сергеевич Грибоедов.

Г. похоронили в Тифлисе, в верхней части города, на горе св. Давида. На его могильном памятнике надпись — слова жены, Нины Грибоедовой, оставшейся до конца жизни верной ему: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но для чего пережила тебя любовь моя?»

Главное дело жизни Г., комедию «Горе от ума», А. А. Блок назвал «гениальнейшей русской драмой» (Блок А. Собр. соч.: В 8 т. — М.; Л., 1962. — Т. 5. — С. 168). Нет точных данных о времени возникновения замысла комедии. По словам С. Бегичева, она задумана в 1816 г.; существуют, однако, предположения, что первые мысли о комедии появились у Г. еще раньше.

Закончив писание комедии в 1824 г., Г. приложил немало стараний, чтобы ее напечатать, но ему это не удалось. Не удалось также получить разрешение для постановки «Горя от ума» на сцене: цензура посчитала комедию Г. политически опасной и запретила ее. При жизни автора в печати появились лишь небольшие отрывки из комедии (в альманахе «Русская Талия», в 1824 г.), да и то в сильно измененном по требованию цензуры виде.

Но это не помешало широкой известности комедии. Она расходилась в списках, ее читали и обсуждали, она вызывала восхищение — особенно в декабристской среде. Декабрист Д. И. Завалишин вспоминал, что весной 1825 г. члены Северного общества «захотели воспользоваться предстоящими отпусками офицеров для распространения в рукописи комедии Грибоедова, не надеясь никаким образом на дозволение напечатать ее. Несколько дней сряду собирались у Одоевского, у которого жил Грибоедов, чтоб в несколько рук списывать комедию под диктовку» (Записки декабриста. — Пб., — 1906. — С. 100).

Разрешена к печати комедия была лишь в 1831 г., уже после гибели Г. Условием разрешения было изъятие из текста тех мест, которые признали в цензуре особо «неблагонадежными». В таком виде и тогда же комедия была поставлена на профессиональной сцене: сперва в Петербурге (с участием Каратыгина в роли Чацкого и Екатерины Семеновой — в роли Софьи), а затем в Москве, где Чацкого играл П. С. Мочалов, а Фамусова — М. С. Щепкин.

Комедия «Горе от ума» относится к жанру высоких общественных комедий. Общественной комедией, в духе «отца ее Аристофана», назвал

Гоголь своего «Ревизора» (Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. — М., 1977. — С. 229). Такой же в принципе была комедия Г.

Общественный характер комедии «Горе от ума» означает прежде всего общественную значимость ее основного конфликта. Комедия Г. основана на конфликте одновременно личном, психологическом (любовном) и общем, проблемно-социальном. При этом одно с другим оказывается тесно связанным, общественная проблематика комедии прямо вытекает из личной. В «Горе от ума» существенно важным для развития действия оказывается и неразделенная любовь героя, и еще более — неразрешимое противоречие умного и честного героя с безумным обществом, в котором он живет. Г. так говорил об этом в письме к Катенину: «...девушка, сама не глупая, предпочитает дурака умному человеку (не потому, что ум у нас грешных был обыкновенен, нет! и в моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека); и этот человек, разумеется, в противоречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не хочет, зачем он немного повыше прочих...» (Соч. — М., 1953. — С. 527).

В тексте комедии все это развернуто и представлено очень живо, незабываемо, психологически достоверно. «Горе от ума» является одной из первых подлинно реалистических комедий на русской сцене. Это не значит, что в ее поэтике не обнаруживаются и иные, не собственно реалистические черты. В комедии Г., напр., легко заметить некоторые признаки классицизма: единство действия, единство места, единство времени. На первый взгляд, соответствуют традиционному амплуа классической комедии персонажи Г.: ослепленный любовью неудачливый герой; его соперник — проныра и хитрец; избалованная героиня; отец героини, которого все обманывают и который сам себя обманывает, и т. д. Персонажи, в полном соответствии с правилами классицизма, наделены значащими именами: Чацкий (в первой редакции — *Чадский*) — пребывающий в чад; Фамусов — всем знакомый; Молчалин — бессловесный; Репетилов — повторяющий чужие мысли и слова и проч.

Все это отдельные внешние признаки классицизма, но не классицизм. Г. частично использует поэтику классицизма ради достижения конкретных художественных целей. Так, соблюдение единства места помогает ему представить многообразное в едином, т. е. особенно ощутимо и наглядно. Дом Фамусова у Г. — не просто постоянное место действия, не просто частный дом московского барина, а образ особенного мира, говоря словами Гоголя о «Ревизоре», «сборное место». Оно предполагает и выражает не единичное, а множественное, оставляя при этом впечатление единства и цельности.

Заметнее всего это в третьем действии комедии. События в нем развиваются и поступа-

тельно и виришь. Стены дома Фамусовых точно раздвигаются, перед зрителем (читателем): разыгрывается не одна, а множество маленьких, забавных и типичных комедий, героями которых являются супруги Горичи, семейство Тугоуховских, графиня-бабушка и графиня-внучка и проч. Картина оказывается предельно обобщенной, предельно масштабной и предельно цельной.

Г. легко и свободно пользуется классицистической поэтикой — и легко отступает от нее. В «Горе от ума» не пять (как это полагается по законам классицизма), а четыре действия. В комедии нет решительной развязки, судьба героев остается нерешенной, все заканчивается не точно, а многоочием. Многого должен додумать сам зритель (читатель).

Еще важнее общий трагический смысл комедии Г. В комедиях классицизма возможны трагические чувства и коллизии, но чаще всего они находят более или менее спокойные разрешения. У Г. такого разрешения нет. Чацкий на протяжении всего хода пьесы живет и действует с «мильоном терзаний» в сердце, в том же состоянии он и уходит со сцены. Не чуждый отдельных комических черт, вовлекаемый порою в комические ситуации, Чацкий в основе своей трагичен — и он делает комедию Г. в целом трагической. Но комедия, которая есть в то же время и трагедия, — это явление, характерное более всего для реализма.

Реализм «Горя от ума» выявляется и в принципах изображения персонажей. У Г. все персонажи — характеры, верные правде жизни, яркие, неоднородные. Говоря об отличии героев Шекспира от героев классициста Мольера, Пушкин писал: «Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока, но существа живые, исполненные многих страстей...» (Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1976. — С. 178).

В своей комедии Г. идет вслед за Шекспиром, развивает его достижения. Персонажи «Горя от ума», будучи героями комедии, отнюдь не карикатуры, а точные подобию живых людей: «Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найду», — писал Г. Катенину (Соч. — М., 1953. — С. 527). Эти слова Г. хорошо подтверждаются зрительским и читательским восприятием действующих лиц грибоевской комедии.

Более всего характеризует то общество, которое противостоит Чацкому, Фамусов: недаром это общество мы называем «фамусовским». Фамусов — типичный московский барин начала прошлого века с характерной смесью самодурства и патриархальности. Он привык быть барином, никем иным и представить себя не может. Оттого он так уверен в себе, так любит себя. Он занимает большой служебный пост, но к службе тоже относится по-барски, не отягощает себя ею. Его политические идеалы сводятся к прославлению всего старого, устоявшегося: ему хорошо живется, и он не хочет никаких пе-

ремен. Чацкого он боится и не любит, потому что видит в нем испровергателя устоев, бунтовщика. Идеал человека для Фамусова тот, кто сделал выгодную карьеру; при этом для него неважно, какими средствами это достигнуто. Раболепие и подлость для него тоже хороший путь, лишь бы он привел к желаемому результату. В Фамусове поражает откровенная безразличность понятий и идеалов. Она тем особенно страшна, что Фамусов, как барин, имеет большую власть над людьми. Безразличность власти не может не быть страшной и опасной.

И все-таки Фамусов, как и другие герои, не карикатура, а характер, притом неоднозначный. В нем есть ум, точнее, тот род ума, который называется здравым смыслом; в его суждениях заключена и правда бытового свойства — результат его жизненного опыта. Иные его замечания метки, остры (напр., из его реплики Чацкому: «Меня не худо бы спросить. / Ведь я ей несколько сродни...» и др.). Язык Фамусова отражает дворянское просторечие, во многом вобравшее в себя живое богатство народной речи, хотя смысл сказанного им для нас чаще всего чужд и неприемлем. Фамусов, каким его создал Г., зло не отвлеченное, а конкретное, живое. В его реальность веришь — и потому оно особенно пугает.

Это справедливо и в отношении Скалозуба. Скалозуб нравится Фамусову. Он сравнительно молод, но уже в чинах; сейчас он полковник, а завтра непременно станет генералом; он надежный защитник старины. Все это в Скалозубе устраивает Фамусова.

Иначе, чем Фамусов, воспринимает Скалозуба Чацкий. Он отзывается о нем словами, похожими на эпиграмму: «Хрипун, удавленник, фাগот, / Созвездие маневров и мазурки». Скалозуб, как его понимает Чацкий (и мы вместе с ним), весь во внешнем, человечески не существующем, бездуховном: шумный, затянутый в мундир, озабоченный единственно военными упражнениями и танцами. Это типичный аракетевский офицер, тупой и бездумный, противник всякой свободной мысли и просвещения.

Это страшный человек. Человеческое подобие придает ему, в частности, его постоянные потуги на шутку; недаром Лиза говорит о нем: «Шутить и он горазд, / Ведь нынче кто не шутит?» На вопрос Фамусова, кем доводится ему Настасья Николавна, Скалозуб отвечает: «Не знаю-с, виноват; / Мы с нею вместе не служили». Это и есть род шутки Скалозуба (всерьез такого даже самый ограниченный человек сказать не может). Подобным образом Скалозуб шутит не раз, но его шутки не столько смешат, сколько озадачивают. Они слишком грубые, «солдафонские», и тот, кто так шутит, представляется нам очень самодовольным, очень глупым и страшным человеком.

По всем качествам характера Молчалин тоже принадлежит к фамусовскому обществу: более

того, он прямое его порождение. С первого же появления на сцене он кажется нам совершенным ничтожеством: боится произнести лишнее слово, охотно угодничает перед всеми, не смеет иметь своего мнения, своим главным талантом считает «умеренность и аккуратность». Все эти свойства обеспечивают его настоящие и будущие успехи в фамусовском мире. Н. В. Гоголь писал о Молчалине: «Молчалин... замечательный тип. Метко схвачено это лицо, безмолвное, низкое, покамест тихомолком пробирающееся в люди...» (Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 7 т. — М., 1978. — Т. 6. — С. 362).

Фамусовское общество представлено в комедии широко и многообразно. Это не только многие основные герои — Фамусов, Скалозуб, Молчалин и др., но и второстепенные, эпизодические.

Такова, например, Хлестова — важная московская барыня, грубоватая, властная, привыкшая не сдерживаться в словах. Она даже в отношении Фамусова не может не показать своей властности. Это не мешает ей быть очень похожей на Фамусова: и постоянным желанием повелевать людьми, и преданностью старым, отжившим устоям и порядкам.

К эпизодическим персонажам большой важности принадлежит и Загорецкий, необходимый спутник фамусовых и хлестовых. Он всегда готов предложить свои услуги, при этом его сомнительные нравственные качества нисколько не мешают его дружбе с хозяевами общества. Хлестова говорит о нем: «Лгунишка он, картежник, вор... / Я от него было и двери на запор; / Да мастер услужить...»

Замечательно, что Хлестова своими словами не только дает характеристику Загорецкому, но не менее того характеризует и себя, показывает нравственный уровень и свой собственный, и всего своего круга. Того круга, который противостоит Чацкому.

Чацкий — единственный зримо действующий положительный герой в комедии Г. Но его нельзя назвать героем исключительным и вполне одиноким. У него есть единомышленники: мы узнаем о них благодаря внесценическим персонажам (тем, о которых говорится в пьесе, но которые прямо не заняты в действии). Это, напр., профессора Педагогического института, которые, по словам княгини Тугоуховской, «упражняются в расколах и безверье», это «безумные люди», склонные к учению, это племянник княгини князь Федор, «химик и ботаник», и т. д.

Чацкий в комедии представляет молодое мыслящее поколение русского общества, его лучшую часть. А. И. Герцен писал о Чацком: «Образ Чацкого, печального, неприкаянного в своей иронии, трепещущего от негодования, преданного мечтательному идеалу, появляется в последний момент царствования Александра I, накануне восстания на Исаакиевской площади. Это —

декабрист, это человек, который завершает эпоху Петра Первого и силится разглядеть, по крайней мере на горизонте, обетованную землю...» (Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т.— М., 1959.— Т. XVIII.— С. 180).

С первого появления на сцене Чацкий привлекает зрителя. Он пылок, остер, умен, красноречив, полон жизни, нетерпелив. Но он слишком нетерпелив. И это «слишком» вызывает при знакомстве с ним улыбку: ту улыбку, с какой смотрит умудренный жизнью человек на славного, чистого, но еще недостаточно искушенного юношу. Чацкий и есть воплощение доброй юности: юной силы, честности, доверчивости, по-юному безграничной веры в себя и свои возможности. Эта его юность и безграничная вера в себя и делают его вполне открытым как для ошибок комического свойства, так и для трагических.

Одно из главных отличительных свойств Чацкого — полнота чувств. Она сказывается и в том, как он любит, и в том, как гневается и ненавидит. Во всем он проявляет истинную страсть, всегда бывает горяч душою. Более всего ему ненавистны деспотизм и рабство, глупость и бесчестие, умственная и нравственная глухота. Он бичует подлость крепостников и преступную ненормальность крепостного права. Он не может молчать, оттого что ему больно и мучительно видеть вокруг себя зло и несправедливость, он ненавидит все дурное, потому что любит добро и истину. Чацкий не только декабрист по убеждениям, но одновременно и романтик. Сама полнота его чувств и сила отрицания по природе своей романтичны. Мыслитель, борец-декабрист и романтически чувствующий человек так органически соединяются в нем, как они часто в ту эпоху соединялись в реальных людях и реальной действительности.

Как человеческий тип, как особенный характер, Чацкий выходит за строго определенные временные границы: Чацкие существовали в жизни и за пределами романтической и декабристской эпохи. С течением времени они изменились внешним образом, но оставались неизменными в главных своих признаках. Они всегда борцы за правду, всегда бескорыстные искатели истины.

Глубокому реализму комедии Г. соответствует и ее язык: яркий, многоцветный, очень живой. В основе языка «Горя от ума» лежит общенародная речь. Это и простонародные слова: «испужал», «не вспомнясь» и др.; это и выражения, встречавшиеся в дворянском разговорном обиходе: «глаз мигом не прищуря», «ругает наповал»; это и книжные слова, сохранившие живую силу. Г. пользуется всеми богатствами русского языка и при этом показывает себя несравненным мастером живого диалога. В комедии Г. живые люди говорят живым языком. И говорят каждый по-своему. Речь персонажа всегда особенная, неповторимая; она соответствует характеру персонажа и хорошо выявляет его характер. Г. пре-

красно владеет не просто языком, но всеми приемами языковой, речевой характеристики.

Меткий народный язык у служанки Лизы. Ее речь с лукавинкой, за нею живая мысль, ум, народная сметка. У Репетилова речь точно без удержу: у него все вразброс — и слова и мысли. Иное дело — речь Чацкого. Она логична и стройна, ее стройность от цельности мысли и чувства. По своему составу речь Чацкого во многом книжная, это речь образованного, начитанного человека. При этом внутренняя страсть, которая одухотворяет ее, придает ей живость и свежесть.

А. С. Пушкин писал о языке комедии Г.: «О стихах я не говорю: половина — должны войти в пословицу» (Пушкин А. С. Собр. соч.: В 10 т.— М.,— 1977.— Т. 9.— С. 127).

Предсказание Пушкина сбылось: множество выражений из «Горя от ума», таких как «Счастливые часы не наблюдают», «И дым отечества нам сладок и приятен», «Свежо предание, а верится с трудом» и т. д., действительно стали пословицами. Они точно разлетелись из своего родного гнезда и заполнили собой живую, повседневную и книжную русскую речь. Около шестидесяти поговорочных стихотворных выражений попало из «Горя от ума» в сборники крылатых слов и фразеологизмов.

Тесно связан с особенностями языка комедии и ее стиховой размер. До Г. комедии в России писались, как правило, «александрийским стихом» — шестистопным ямбом с цезурой после третьей стопы. Размер этот был довольно однообразным по ритму, что ограничивало изобразительные возможности комедийного жанра. Г. одним из первых использовал в комедии вольный ямб. Последний, благодаря своему ритмическому многообразию и гибкости. (в вольном ямбе стихи имеют различное количество стоп), наилучшим образом передает естественное течение живой речи, столь необходимое для драматического произведения, особенно в его реалистических формах.

Еще до комедии вольный ямб разработан был в баснях — и более всего в баснях И. А. Крылова. От Крылова, участь у него, шел и Г. В комедии Г. вольный ямб достиг такого совершенства, такого живого звучания, что после Г. почти все комедии в стихах писались (и переводились) именно этим размером.

Комедия «Горе от ума» произвела большое впечатление на современников и не менее сильно воздействовала и позднее — вплоть до нашего времени. Ею восхищались Н. В. Гоголь и А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский и М. Е. Салтыков-Щедрин и еще многие другие русские писатели и читатели. В 70 гг. XIX в., спустя почти пятьдесят лет после создания комедии, И. А. Гончаров написал о ней критический очерк «Мильон терзаний», полный такого живого пафоса, как будто в нем говорилось не о давней, а о современной драматической пьесе.

Гончаров писал в своем очерке: «Комедия «Горе от ума» держится каким-то особняком в литературе и отличается молоджавостью, свежестью и крепкой живучестью от других произведений слова. Она, как столетний старик, около которого все, отжив по очереди свою пору, умирают и валяются, а он ходит, бодрый и свежий, между могилами старых и колыбелями новых людей» (Гончаров И. А. Собр. соч.: В 8 т.— М., 1955.— Т. 8.— С. 7).

Причину необыкновенной жизненности комедии Г. Гончаров видит в обширности ее содержания и в художественном ее совершенстве: «Как картина, она, без сомнения, громадна... В группе двадцати лиц отразилась, как луч света в капле воды, вся прежняя Москва, ее рисунок, тогдашний ее дух, исторический момент и нравы» (Там же.— С. 10).

Центральное место в очерке Гончарова занимает характеристика Чацкого. Полемизируя с Пушкиным, который отказывал Чацкому в уме, Гончаров пишет: «Чацкий не только умнее всех прочих лиц, но и положительно умен» (Там же.— С. 13). В своих речах и поступках Чацкий, как говорит Гончаров, иногда попадает в преувеличения, но это объясняется внутренним смятением героя, его «миллионом терзаний», теми ударами, которые наносил ему фамусовский мир. В «миллионе терзаний» Гончаров видит психологическую разгадку поведения Чацкого.

С течением лет «Горе от ума» раскрывалось в своем идейном и художественном богатстве все глубже и полнее. Не случайно снова и снова выходили в свет и тотчас раскупались издания комедии. Не случайно с афиш театров не сходило ее название.

Комедию Г. ставили в центральных городах и на периферии, в Малом театре и во МХАТе в Москве, в Александринском театре в Петербурге и в Ленинградском Большом драматическом и т. д. Лучшие русские актеры разных времен — В. Н. Давыдов. А. И. Южин, К. С. Станиславский, В. И. Качалов, Б. Н. Ливанов, А. А. Яблочкина, В. Н. Рыжова, Т. В. Доронина, С. Ю. Юрский, К. Ю. Лавров — проверяли и оттачивали свое искусство, играя Чацкого, Фамусова, Молчалина, Софью, Лизу. Для комедии Г. театральная и читательская жизнь всегда продолжается — и нет и не будет ей конца. Как сказал о Г. самый даровитый его ученик и продолжатель А. Н. Островский, «на высокой горе над Тифлисом красуется великая могила Грибоедова, и так же высоко над всеми нами парит его гений...» (Островский А. Н. Полн. собр. соч.— М., 1952.— Т. XII.— С. 187).

Соч.: Полн. собр. соч.: В 3 т. / Под ред. и с примеч. Н. К. Пиксанова и И. А. Шляпкина.— Спб., 1911—1917; Горе от ума. Пьеса. Статья. Комментарий / Под ред. Н. К. Пиксанова и В. Л. Филиппова.— М., 1946; Соч. / Подгот. текста, предисл. и коммент. Вл. Орлова.— М.: Л., 1959; Сочинения в стихах / Вступ. ст. и примеч. И. Н. Медведевой.— Л., 1967;

Соч.: В 2 т. / Под ред. и с предисл. М. П. Еремина.— М., 1971; Избранное / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. С. А. Фомичева.— М., 1978; Соч. / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Л. Гришунина.— М., 1986; Сочинения в стихах / Вступ. ст. В. П. Мещерякова; Сост., подгот. текста, примеч. Д. М. Климовой.— Л., 1987.

Лит.: Орлов В. Н. Грибоедов. Краткий очерк жизни и творчества.— 2-е изд.— М., 1954; А. С. Грибоедов в русской критике. Сб. ст. / Сост., вступ. ст. и примеч. А. М. Гордина.— М., 1958; Пиксанов Н. К. Творческая история «Гора от ума» / Подгот. текста и коммент. А. Л. Гришунина.— М., 1971; Медведева И. Н. «Горе от ума» А. С. Грибоедова.— 2-е изд.— М., 1974; А. С. Грибоедов. Творчество. Биография. Традиции. Сб. ст. / Под ред. С. А. Фомичева.— Л., 1977; Нечкина М. В. Грибоедов и декабристы.— 3-е изд.— М., 1977; «Горе от ума» на сцене Московского Художественного театра. Опыт четырех редакций / Сост., вступ. ст. и коммент. Л. М. Фрейдиной.— М., 1979; А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Под ред. В. Э. Вацура, Н. К. Гея, С. А. Макашина и др.— М., 1980; Лебедев А. А. Грибоедов. Факты и гипотезы.— М., 1980; Фомичев С. А. Грибоедов в Петербурге.— Л., 1982; Лебедев А. А. Куда влечет тебя свободный ум.— М., 1982; Фомичев С. А. Комедия Грибоедова «Горе от ума». Комментарий / Книга для учителей.— М., 1983. Е. А. Маймин

ГРИГОРОВИЧ, Дмитрий Васильевич [19(31). II.1822, с. Никольское, Симбирск — 22.XII.1899 (3.I.1900), Петербург, похоронен на Волковом кладбище] — прозаик, переводчик, искусствовед. Сын небогатого русского помещика и француженки, чья сводная сестра была замужем за декабристом В. П. Ивашевым. Рано оставшись без отца, мальчик воспитывался матерью и бабушкой, говорившими только по-французски. Русскому языку он учился у камердинера и дворовых.

В 1832—1836 гг. учился в Москве в частной гимназии и пансионе, где также преобладала французская речь. В 1836 г. Г. поступил в Петербургское Главное инженерное училище, где он подружился с Ф. М. Достоевским, приохотившим его к чтению. Карьера офицера не интересовала Г., и при первой возможности он покинул училище, поступив в 1840 г. в Академию художеств, но также не завершил учебу. Не увенчалась успехом и попытка Г. стать актером. В 1842 г. он определился на службу в канцелярию Петербургского Большого театра. Общение с актерами и драматургами побудило Г. самого заняться литературным творчеством. Он перевел французские водевилы «Наследство», «Шампанское и опиум» (оба — 1843), напечатал рассказы «Собачка» (1845), «Театральная карета» (1844), в которых давало себя знать подражание Н. В. Гоголю.

Благодаря своей общительности Г. завел широкий круг знакомств, преимущественно в литературных кругах. В 1845 г. Н. А. Некрасов привлек Г. к участию в издаваемом им альманахе «Физиология Петербурга». Г. очень ответственно отнесся к этому сотрудничеству и на основе наблюдений за жизнью уличных музыкантов написал очерк «Петербургские шарманщики», проникнутый неподдельным сочувствием к жизни бродячих артистов. Белинский в рецензии на «Физиологию Петербурга» отметил, что очерк Г. свидетельствует о наблюдательности

автора и его умения «схватывать характеристические явления» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— Т. IX.— С. 55).

Ободренный успехом Г. создал новую повесть «Деревня» (1846), в которой поведал трагическую историю деревенской девушки-сироты, выданной барином за нелюбимого. В повести проявилась ориентация на принципы «физиологического очерка». Основное внимание Г. уделяет не анализу чувств и мыслей героини, а изображению событий, внешности действующих лиц, деталям обстановки. Сильной стороной повести явилась резкая критика крепостничества, в условиях которого человеческая судьба и жизнь зависят от прихоти господина.

«Деревня» была, по словам И. С. Тургенева, «по времени первая попытка сближения нашей литературы с народной жизнью» (Полн. собр. соч. и писем: В 28 т.— М.; Л., 1967.— Т. 14.— С. 33). Белинский увидел в повести призыв к практической деятельности по улучшению существования рабов (см.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— Т. X.— С. 16—17).

Подлинную литературную славу Г. принесла вторая его повесть «Антон Горемыка» (1847). Задавленный нуждой и произволом мужик, герой произведения, становится воплощением лучших качеств национального характера, самораскрытию которого мешает гнет крепостного права. Фигура всевластного управляющего рисуется в сатирических красках. Протест против бесчеловечных порядков звучит здесь еще сильнее, чем в «Деревне». В. Г. Белинский в письме к В. П. Боткину сообщал, что ни одна русская повесть не производила на него «такого страшного, гнетущего, мучительного, удушающего впечатления» (Полн. собр. соч.— Т. XII.— С. 445).

В «Антоне Горемыке» Г. преодолел односторонность «физиологического очерка» и, по мнению Белинского, приблизился к роману. Повесть Г., считал критик, «больше, чем повесть: это роман, в котором все верно основной идее, все относится к ней, завязка и развязка свободны выходят из самой сущности дела» (Полн. собр. соч.— Т. X.— С. 347).

Повесть была единодушно одобрена писателями и критиками. А. И. Герцен, М. Е. Салтыков-Щедрин, Л. Н. Толстой и др. указывали на огромное социальное и воспитательное значение «Антон Горемыки». Известный деятель освободительного движения П. А. Кропоткин вспоминал: «Ни один образованный человек того времени — да и позже — во время моей молодости не мог читать без слез о несчастьях Антона и не возмущаться ужасами крепостного права» (Собр. соч.— Т. 5.— С. 242).

В конце 40 — нач. 50 гг. Г. опубликовал (преимущественно в «Современнике») ряд рассказов и очерков, свидетельствующих о его близости к антикрепостническому движению, хотя он и не поднимался над либеральной програм-

мой. В годы «мрачного семилетия» (1848—1855) под давлением цензуры Г. вынужденно смягчает социальную остроту своего творчества: его произведения («Четыре времени года», «Мать и дочь», «Прохожий») освещают в основном светлые стороны деревенской жизни.

Овладев «малыми формами», Г. пробует силы в освоении масштабного произведения. Свое понимание дворянской и народной России он выразил в романе «Проселочные дороги» (1852). Взяв за образец «Мертвые души» Гоголя, Г. создал «роман без интриги», проникнутый отрицанием паразитического существования помещиков-«небокопителей» и явной симпатией к представителям народа, которые являются лишь эпизодическими персонажами. Критика справедливо указывала на растянутость и подражательность «Проселочных дорог».

Через год Г. опубликовал новый роман «Рыбаки», целиком посвященный народу. В свободном от крепостной зависимости крестьянине писатель усматривал подлинные живые силы нации, залог ее будущего успешного развития. Однако он считал, что деревня может существовать, только соблюдая верность патриархальным устоям, «фабрика» развращает народ, разлучает его с землей. Вместе с тем Г. понимал, что патриархальная крестьянская община не может устоять под натиском технического прогресса и капитализма и показал в «Рыбаках» первые признаки власти кулака в деревне.

«Рыбаки» стали заметным явлением в литературной жизни 50 гг. Герцен, анализируя роман, отметил преодоление в нем односторонности гоголевского направления, сатирически освещавшего бесчеловечность крепостничества, но не сумевшего изобразить положительного героя из народной среды (см.: Герцен А. И. Полн. собр. соч.— Т. 13.— С. 170—178). К достижениям Г. следует отнести и картины родной природы, долгое время помещавшиеся в качестве образцовых в школьных хрестоматиях.

В романе «Переселенцы» (1855) Г. построил конфликт на взаимоотношениях помещиков с их «крещеной собственностью». Всем ходом повествования писатель убеждает, что непримиримость интересов рабов и господ достигла высшей степени. Супруги Белицкие по-своему даже заботятся о крестьянах, но, совершенно не зная их нужд и желаний, становятся невольными виновниками драмы мужицкого семейства. И тем не менее Г. надеялся, что «просвещенные» помещики, вникающие в жизнь деревни, могут значительно улучшить ее. Н. Г. Чернышевский, в целом отозвавшийся о романе положительно, вместе с тем указал на невозможность разрешения коренных противоречий крепостного хозяйства путем филантропии (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 694).

В период обострения борьбы между сторонниками «чистого искусства» и революционно-де-

мократическим лагерем Г. пытался сохранить нейтралитет и призывал Некрасова прекратить «перебранку с журналами». «По одной новости такого поступка,— писал он поэту,— был бы уже произведен сильный эффект в публике. Право, душу теснят статьи, исполненные ненависти, невольно обращающиеся во вред и автору и журналу» (Некрасовский сборник.— С. 106).

Не сумев понять глубинной сущности социальных перемен, происходящих в России перед реформой, Г. испытывал идейный и творческий кризис. Это особенно наглядно проявилось в его повести «Пахарь» (1856), где он, намереваясь прославить мощь и красоту народного духа, больше всего любит терпением и выносливостью крестьянина.

Под воздействием А. В. Дружинина, не желавшего терять положение ведущего критика «Современника», Г. напечатал повесть «Школа гостеприимства» (1855), представляющую собой пасквиль на Чернышевского. Однако по мере укрепления связей с «Современником», в котором публиковались лучшие произведения Г., писатель постепенно изменил свое отношение к Чернышевскому и Дружинину, хотя политические взгляды автора «Что делать?» оставались для него неприемлемыми.

Надеясь, что смена обстановки благотворно повлияет на него, Г. принял приглашение Морского министерства совершить путешествие на военном корабле. О нем рассказал Г. в серии очерков «Корабль „Ретвизан“» (1858—1863). Возвратившись на родину, Г. предпринял издание книги для народного чтения «Народная беседа» (1860, 10 выпусков), не имевшей успеха.

На последствия отмены крепостного права Г. откликнулся романом «Два генерала» (1864, не окончен), в котором хотел изобразить «два поколения: отживающих помещиков старого закала и новых, мечтающих о сближении с народом» (Григорович Д. В. Полн. собр. соч.— Т. XII.— С. 339). Образы последних получились нежизненными, а в «нигилистах» Г. не увидел ничего, кроме дешевой демагогии.

В середине 60 гг. Г. надолго оставляет литературу и выступает в печати преимущественно как критик-искусствовед. Интерес к изобразительному искусству был у него давним и стойким: уже в 50 гг. Г. стал известен как коллекционер и знаток скульптуры и живописи. С 1864 г. он занял предложенный ему пост секретаря Общества поощрения художников, где он проработал почти 20 лет, много сделав для улучшения художественного образования в стране. По инициативе Г. при Обществе поощрения художников был организован музей, который «может быть смело поставлен наряду с лучшими подобными же музеями Европы» (Живописное обозрение.— 1882.— № 45.— С. 723). Наблюдая за работой начинающих художников, Г. одним из первых заметил и поддержал дарования Ф. А. Ва-

сильева и И. Е. Репина. Основной мотив искусствоведческих работ Г.— призыв к расширению общего образования художников, необходимости признания за прикладными видами искусства равных прав с живописью и скульптурой (см. его статьи: «Несколько слов о поощрении художеств в России», 1863; «Художественное образование в приложении к промышленности на Всемирной парижской выставке 1867 года»; «Очерки художественно-промышленных производств», 1886, и др.).

Вновь к литературному творчеству Г. возвратился только в 80 гг. Его повесть «Гуттаперчевый мальчик», повествующая о несчастном жребии маленького акробата-сироты, была воспринята как «маленький шедевр» (Новое время.— 1885.— № 3214). Хвалил ее и Тургенев. «Гуттаперчевый мальчик», переиздававшийся множество раз и в наше время, числится в классическом репертуаре детского чтения. По этой повести в 1915 и 1957 гг. были поставлены одноименные фильмы.

В 1883 г. Г. снова попробовал свои силы как переводчик. Его перевод повести П. Мериме «Этрусская ваза» до сих пор остается непревзойденным и включается во все издания сочинений французского писателя.

Сатирическая повесть «Акробаты благотворительности» (1885), обнажавшая фальшь светского общества, имела успех у читателей. Ее название стало общеупотребительным выражением. Его использовал В. И. Ленин в своей статье «Внутреннее обозрение. Голод» (Полн. собр. соч.— Т. 5.— С. 313). Сценической переделкой повести явилась комедия «Замшевые люди (Заноза)», в 1891 г. поставленная К. С. Станиславским на сцене Художественного театра.

Основной труд последних лет жизни Г.— «Литературные воспоминания» (1892—1893), в которых освещена литературная жизнь 40—50 гг. В них Г. почти не касается политических взглядов писателей, но тем не менее в мемуарах воссозданы выразительные портреты Тургенева, Боткина, Дружинина, Л. Толстого и др. литераторов того времени.

В 1885 г. Г. прочел несколько рассказов начинающего А. П. Чехова и обратился к нему с письмом, в котором предрекал ему большую будущность. Напутствие это придало Чехову веру в себя и новую энергию. Неоднократно оказывал Г. помощь и другим писателям.

Однако слава Г. была уже в прошлом; сам писатель с болью осознавал, что его время прошло и он остался «за штатом» в русской литературе (см.: Письма русских писателей к А. С. Суворину.— С. 48).

Творчество Г., дававшее обильный и разнообразный материал для обличения помещичье-дворянской России, базируется на принципах поэтики «натуральной школы» с ее сочув-

ствием «маленькому человеку» и скрупулезным исследованием бытовых подробностей. Для его творчества характерно преобладание социального анализа над психологическим, пристальное внимание к этнографии. Г. зарекомендовал себя и как мастер литературного пейзажа.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 12 т.— Пб., 1896; Избранные записные книжки // Ежемесячные литературные приложения к «Ниве».— 1901.— № 11—12; Литературные воспоминания / Вступ. ст. и коммент. В. А. Путинцева.— М., 1961; Избр. соч. / Вступ. ст. и коммент. Л. М. Лотман.— М., 1955; Избранное / Вступ. ст. В. П. Мещерякова.— М., 1976.
Лит.: История русского романа: В 2 т.— М.; Л., 1962.— Т. 1.— С. 431—454; Кулешов В. И. Натуральная школа в русской литературе.— М., 1965; Милонов Н. А. Русские писатели и Тульский край.— Тула, 1971.— С. 213—217; Юмакова Е. П. Повесть Д. В. Григоровича «Гуттаперчевый мальчик» // Уч. зап. Ленинградского педагогического института.— Л., 1963.— Т. 245.— С. 295—312; Мещеряков В. П. Д. В. Григорович — писатель и искусствовед.— Л., 1985. В. П. Мещеряков

ГРИГОРЬЕВ, Аполлон Александрович [16(28). VII.1822, Москва — 25.IX(7.X).1864, Петербург] — поэт, литературный и театральный критик. Дед Г. был крестьянином, дослужившимся до дворянства. Появление Г. на свет сопровождалось драматическими обстоятельствами: его отец страстно полюбил дочь крепостного кучера, родившую сына до того, как, преодолев сопротивление родных, молодые люди обвенчались, поэтому «незаконнорожденный» мальчик долго числился московским мешанином. Служба отца Г. в городском магистрате обеспечила материальный достаток семье, и Г. получил прекрасное домашнее образование. В детстве и ранней юности в воспитании Г. своеобразно переплетались мощное влияние романтической литературы и впечатлений патриархального быта Замоскворечья, купеческого и мелкочиновного района Москвы, где жила семья. В 1842 г. Г. окончил первым кандидатом юридический факультет Московского университета и начал в нем работать. В студенческие годы дружил с А. А. Фетом (жившим в доме Г.), Я. П. Полонским, С. М. Соловьевым и другими лицами, сыгравшими впоследствии заметную роль в русской культуре. Молодежь увлекалась философией и поэзией, центром кружка Фет в воспоминаниях называл Г.

В 1843 г. в журнале «Москвитянин» Г. начал печататься как поэт. В эти годы он переживает глубокое увлечение принадлежавшей к известной московской интеллигентной семье Антониной Корш, вышедшей замуж за Кавелина. Несчастливая любовь отразилась в лирике Г. 40 гг., в романтических повестях того периода. В 1844 г. Г. тайком уезжает из родительского дома в Петербург, чтобы начать самостоятельную жизнь профессионального литератора (периодически он вел также преподавательскую деятельность). Как критик Г. начал печататься в журнале «Репертуар и Пантеон» (с 1844 г.) и петербургском журнале «Финский вестник», мн. др. изда-

ниях. Единственная книга Г. «Стихотворения Аполлона Григорьева» (1846) привлекла внимание В. Г. Белинского. В рецензии на эту книгу и сборник Я. П. Полонского «Стихотворения 1845 г.» Белинский пишет, что в стихах Г. видишь «ум и чувство, но не видишь фантазии, творчества, даже стиха. Правда, местами стих его бывает силен и прекрасен, но тогда только, когда он одушевлен негодованием, превращается в бич сатиры, касаясь некоторых явлений действительности... Он глубоко чувствует и многое глубоко понимает, это иногда делает его поэтом» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— М., 1955.— Т. IX.— С. 593—594). В обзоре «Взгляд на русскую литературу 1846 года», оценивая невысоко всю поэзию года, как не отвечающую современному направлению литературы, Белинский пишет, что из поэтических книг 1846 г. «замечательнее других — «Стихотворения Аполлона Григорьева». В них, по крайней мере, есть хоть блестящие дельные поэзии, т. е. такой поэзии, которой не стыдно заниматься как делом. Жаль, что этих блестящих не много: ими обязан был г. Григорьев влиянию на него Лермонтова» (Там же.— Т. X.— С. 35—36). В 1846 г., вернувшись в Москву, Г. сотрудничает в «Московском городском листке», где знакомится с А. Н. Островским. В 1847 г. Г. женится на сестре А. Ф. Корш — Лидии, но брак оказался неудачным и скоро распался. В 1850 г. Г. сближается с М. П. Погодиным и в 1851—1855 гг. вместе с Островским возглавляет «молодую редакцию» «Москвитянина», будучи ведущим критиком журнала и печатая здесь также стихи и переводы. На эти годы приходится драматическая безответная любовь Г. к Л. Я. Вязард, которая вышла замуж за актера и драматурга М. Н. Владыкина, впоследствии получила в Швейцарии степень доктора медицины и была одной из первых женщин-врачей в России. Эта многолетняя любовь оставила глубокий след в поэзии Г., даже последние его стихи («И все же ты, далекий призрак мой...», 1864) связаны с ней. В 1855 г. нарастающие мучительные противоречия как среди членов «молодой редакции», так и между ними и Погодиным приводят «Москвитянин» к кризису. Г. фактически лишается любимого дела, наряду с мучительными личными переживаниями это толкает его принять предложение Погодина и уехать в Италию в качестве домашнего учителя кн. И. Ю. Трубецкого, затем Г. живет за границей самостоятельно (1857—1858 гг., Италия, Франция, Германия). Возвратившись в Петербург, в 1858—1859 гг. он редактирует журнал «Русское слово» и печатается в нем. В 1861—1863 гг. активно сотрудничает в журнале братьев Достоевских «Время». В 1859 г. Г. вступает в гражданский брак с М. Ф. Дубровской, взятой им из притона, но надежда на счастливую жизнь не оправдалась: несмотря на любовь к Г., М. Ф. Дубровская оказалась слиш-

ком опутана мещанскими предрассудками, стремлением «к благопристойной» и даже «светской» жизни. Пытаясь наладить свою семейную жизнь, Г. уехал с ней в Оренбург, где служил преподавателем в кадетском корпусе (1861—1862), но после серии скандалов дело кончилось разрывом и возвращением в Петербург (отношения с Дубровской отражены в поэме «Вверх по Волге», 1862). В 1863 г. Г. редактирует еженедельник «Якорь» и печатается в нем. В 1864 г. и до своей смерти (последовавшей вскоре после выхода из долговой тюрьмы) сотрудничает в журнале Достоевских «Эпоха».

Яркая личность Г., человека, фанатически преданного искусству, неутомимого в нравственных и умственных исканиях, страстного в интеллектуальных и житейских увлечениях, искреннего в самокритике, не способного на компромиссы, а вместе с тем в житейских делах беспорядочного и беспомощного, производила глубокое впечатление на хорошо знавших его. По предположению исследователей, некоторые черты его биографии отразились в «Дворянском гнезде» И. С. Тургенева (семейная история Г.), психологический тип личности и бытовой облик — в образах Мити Карамазова («романтический безудерж» героя романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»), Федя Протасова («Живой труп» Л. Н. Толстого).

В творческом пути Г. выделяются три основных периода: 40 гг. — период увлечения утопическим христианским социализмом и масонством, затем период участия в «молодой редакции» «Москвитянина» (1851—1855), когда Г. обратился к патриархальной народности и когда постепенно вырабатываются принципы созданной им органической критики, которые уже вполне сложились к 1858 г., в последний период его деятельности.

Сам Г. называл себя «последним романтиком», вкладывая в это понятие очень широкий философский, художнический и даже бытовой смысл, определяя им не столько свой художественный метод (в современном понимании этой категории), сколько тип творческой личности. Философские истоки эстетики Г. и созданной им органической критики у него в значительной мере общие с романтизмом — прежде всего концепция искусства как высшей формы познания мира. Опираясь на учение Ф. В. Шеллинга об интуитивном постижении жизни искусством, Г. вместе с тем стремился и защитить права разума, сознательного начала в творчестве, видя в их единстве залог подлинной художественности. Именно эта сторона его эстетических представлений заставляет Г. быть предельно внимательным к текущему литературному процессу. Его критика поэтому — живое свидетельство, репортаж, описание взаимодействия и борьбы художественных идей (в нерасчлененности обеих составляющих это понятие). Постоянное стрем-

ление к адекватности критики предмету, приближение ее к литературе, к художественному факту, к почве искусства — метод, позволивший Г. высказать множество глубоких мыслей о литературе, как современной ему, так и предшествовавшей.

Живой факт искусства для Г. — самый главный, неопровержимый, не допускающий замалчивания аргумент во всех критических построениях. Здесь сказалось, несомненно, что Г. сам был не только теоретиком, но и практиком искусства, поэтом, и потому он стоял и по ту, и по другую стороны черты, разделяющей два типа познания жизни: логический и художественный. Органическая критика и есть попытка соединить эти два типа на почве искусства, ограничив претензии логического познания на универсальность. Отсюда принципиальная незавершенность органической критики как системы, принципиальная (отчасти и плодотворная) противоречивость его критики, которая стремится быть абсолютно адекватной своему предмету — искусству живому и движущемуся. Г. был последовательным противником теории «искусства для искусства», нравственная проблематика — основная в его критике. Литературу он рассматривал как «органический продукт века и народа в связи с развитием государственных, общественных и моральных понятий. Таким образом, всякое произведение литературы является на суд ее (критики. — А. Ж., В. Н.) живым отголоском времени, его понятий, верований и убеждений, и постольку замечательным, поскольку отразило оно жизнь века и народа» (Собр. соч. / Под ред. В. Ф. Саводника. — С. 5). Не создав обобщающей работы, которая бы последовательно и полно излагала основные принципы органической критики, Г. развивал их в следующих статьях: «О правде и искренности в искусстве» (1856), «Критический взгляд на основы, задачи и приемы современной критики искусства» (1858), «Несколько слов о законах и терминах органической критики» (1859), «Искусство и нравственность. Новые Grübeleien по поводу старого вопроса» (1861), «Парадоксы органической критики» (1864).

Поскольку литературная деятельность Г. протекала в эпоху торжества реализма во всех областях искусства, «последний романтик» выступает как яркий теоретик, ценитель и защитник реализма. Уже в 40 гг. Г. дал весьма острую критику многих черт романтизма прежде всего за одностороннее отношение к жизни, чрезмерный индивидуализм романтического героя. При этом Г. признавал «законность» романтического протеста и критицизма, но видел в нем «болезненный момент» в развитии общества (автобиографическая проза, цикл 1846 г. «Русская драма и русская сцена», те же мысли развивают и статьи «москвитянинского» периода («Русская литература в 1851 г.», 1852; «Русская изящная

литература в 1852 г., 1853). Путь преодоления отъединенности романтического бунтующего сознания от общего, по Г., лежит в обращении к полноте жизни, к действительности в целом. Искусство и есть бесконечное осмысливание опыта, действительности, разумной именно как целостное бытие. Имеет оно дело с конкретными, достаточно устойчивыми проявлениями жизни, ее исторически сложившимися национальными формами — «почвой». Центральной категорией для Г.-критика становится народность, понимаемая прежде всего как исторически сложившаяся национальная характерность психологического склада личности, ее нравственных и культурных представлений, возникших в простонародном (недворянском, «третьесословном») быту. В «москвитянинский» период, совпавший с эпохой «мрачного семилетия» последних лет николаевского царствования, мысли Г. о национальных основах русской жизни и культуры временами приобретали характер идеализации ее застойных патриархальных форм, по его мнению, противостоящих дворянскому бюрократическому государству: «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене» (1853), «Замечания об отношении современной критики к искусству» (1855). В 60 гг. Г., признавая типичность патриархального мира и связанных с ним идеалов народной нравственности, уже, однако, пишет и о необходимости нового в жизни: «Но от этого самого по себе типического и, стало быть, поэтического мира — надобно же идти дальше. Вечно остаться при нем нельзя... иначе погрязнешь в тине» (Литературная критика. — М., 1967. — С. 420). Литературно-критические статьи Г. независимо от своей жанровой принадлежности (посвященные отдельному писателю в не меньшей степени, чем годовые обзоры) неизменно рассматривают всякое произведение (или творчество писателя) как часть литературного процесса, непременно исследуя его связь с общим движением русской литературы и мысли. Концептуальность, широта подхода и смелость нередко позволяли Г. раньше других почувствовать истинный масштаб и значение ряда современных писателей. Особенно много он сделал для уяснения роли Островского («После „Грозы“ Островского», 1860, большинство театрально-критических статей). Глубокие и тонкие мысли содержатся в статьях о Фете, Некрасове, Тургеневе, Писемском, Л. Толстом («Стихотворения А. Фета», 1850; «И. С. Тургенев и его деятельность. По поводу романа «Дворянское гнездо», 1859; «После „Грозы“ Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу», 1860; «Реализм и идеализм в нашей литературе», 1861; «Стихотворения Н. Некрасова», 1862; «Граф Л. Толстой и его сочинения», 1862).

С другой стороны, Г., несомненно, был одним из ярких историков литературы. Так, цикл

«Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина» (1859; Статья первая: «Пушкин — Грибоедов — Гоголь — Лермонтов». Статья вторая: «Отношение критического сознания к романтизму. — Гегелизм, 1834—1840) давал выразительную картину русского литературного процесса. Центральной его фигурой Г. считал Пушкина, выразившего всесторонне русский национальный характер послепетровской эпохи. Он говорит о поэте: «Это наш самобытный тип, уже мерявшийся с другими европейскими типами, проходивший сознанием те фазы развития, которые они проходили, но борющийся с ними сознанием, но вынесший из этого процесса свою физиологическую, типовую самостоятельность» (Там же. — С. 167). От абсолютной поэтизации рефлектирующего героя-протестанта Пушкин, по мысли Г., приходит к критике его индивидуализма. Это критическое начало воплощено в «смирненном» Белкине, который являет собой определенный тип отношения к действительности, не отменяющий, а лишь корректирующий «хищный» тип героя-протестанта. «Белкин для Пушкина вовсе не герой его, — а просто критическая сторона души, ибо иначе откуда взялась бы в душе поэта другая сторона ее, сторона широких и пламенных сочувствий?.. Но мы были бы народ весьма не щедро наделенный природою, если бы героями нашими были Иван Петрович Белкин и Максим Максимыч. Тот и другой вовсе не герои, а только контрасты типов, чьих величие оказалось на нашу душевную мерку несостоятельным» (Там же. — С. 182). Г. первым понял огромное значение пушкинской прозы и вообще позднего Пушкина для дальнейшего хода русской литературы. В статье «Горе от ума». По поводу нового издания старой вещи» (1862) Г. также впервые указал на связь Чацкого с декабризмом. Для журнала Достоевских «Время» Г. задумал цикл «Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина», частью которого стали опубликованные в этом журнале статьи: «Народность и литература», «Западничество в русской литературе. Причины происхождения его и силы», «Белинский и отрицательный взгляд в литературе», «Оппозиция застоя. Черты из истории мракобесия» (все статьи написаны в 1861 г.) и «Лермонтов и его направление, крайние грани развития отрицательного взгляда» (1862).

Другой областью, неизменно привлекавшей Г., был русский театр. В театральной критике он выступал непосредственным продолжателем Белинского, борясь за демократический театр с серьезным репертуаром, который включал бы мировую классику и современную русскую драматургию, прежде всего пьесы Островского. Г. был сторонником реалистического стиля игры. Его театральные рецензии содержат и разбор пьес, и описание актерского исполнения. Г. оставил блестящие портреты выдающихся русских акте-

ров в их лучших ролях: П. Садовского, П. Васильева, Л. Косицкой и др. Задолго до мирового признания Сальвини Г. восторженно описал его исполнение роли Отелло («Великий трагик», выразительные строки посвящены Ричарду III — Мочалову). Театральные статьи Г. являются ценным источником по истории русского театра.

Поэзия Г. — весьма яркое и в высших достижениях глубоко самобытное проявление романтической традиции в век реализма, явление не изолированное, а открытое мощному влиянию времени — влиянию реалистической прозы, фольклора, который он прекрасно знал. Г. собирал песни, бытовавшие в среде городского простонародья, в цыганских хорах. В замечательной статье «Русские народные песни с их поэтической и музыкальной стороны» (1860) он высказал глубоко верную мысль о необходимости записывать тексты, не «очищая» их от современных, по мнению большинства исследователей того времени, «искажений», поскольку это, как считал Г., и есть реальная жизнь народного искусства в современности. Именно такой «живой» фольклор, прежде всего песенный, и влиял на собственную лирическую поэзию Г., совершенно чуждую стилизаторства. Но и опыт литературы имел несомненное значение для Г., все творчество которого, теснейшим образом связанное с его жизнью, — как бы непрекращающийся диалог с русской и европейской литературой, предшественниками и современниками. Так, «Мои литературные и нравственные скитальчества» (1862—1864) были своеобразной репликой на «Былое и думы» Герцена, поэма «Вверх по Волге» (1862) — на стихотворение Некрасова «На Волге» (обе параллели указаны Б. Ф. Егоровым). К числу поэтических собеседников Г. несомненно относятся также Фет, Гейне и мн. др. Напряженно переживаемый конфликт между глубокой, мятущейся личностью и миром у Г. обретает черты житейской и бытовой конкретности. Патетическая исповедальность, продолжающая традицию «ораторских» стихов и философских монологических медитаций Лермонтова, сплетается у Г. с житейскими подробностями, бытовыми зарисовками. Способом введения правды и прозы жизни в напряженно-патетический мир романтической личности у Г. оказывается присущий всем формам его поэзии автобиографизм. Все творчество Г. — поэта, критика, прозаика, автора замечательной мемуарной книги «Мои литературные и нравственные скитальчества» прочно связано биографическим единством его личности. Автобиографическая проза с романтическим сюжетом неумовленно плавно переходит в критическое эссе («Офелия», «Великий трагик»), а мысли Г.-критика влетают в поэмы и даже лирику.

Г. много переводил, потому что, несмотря на пристальный интерес к национальной самобытности русского искусства, европейскую культуру

он мыслил не как соседство враждующих и отгораживающихся друг от друга национальных культур, а как общее достояние человечества, в которое каждый народ влетает свой неповторимо индивидуальный голос. Среди переводов Г. — лирика и «Вильгельм Мейстер» Гете, лирика Шиллера, Гейне, Мюссе, Байрона. Его переводы Шекспира имели важное значение в истории русского восприятия великого драматурга, поскольку Г. стремился освободить его от элементов сентиментальной трактовки, от сглаживания резкостей и приглушения трагической силы подлинника, распространенных в прежних европейских и отчасти также русских переводах. Г. перевел пьесы «Сон в летнюю ночь» (1857), «Венецианский купец» («Шейлок, венецианский жид», 1860), «Ромео и Джульетта» (1864). Переводы имели влияние и на поэтику оригинальной лирики Г.: образы мировой и русской классики, цыганский напев, философская формула равноправно входят в его поэзию, включаются в поток его лирической медитации, иногда неловко диссонировав друг с другом, в счастливых случаях создавая неповторимо яркие, ни на кого не похожие стихи.

Интерес Г. к большим стиховым формам (стихотворная драма «Два эгоизма», 1845; поэмы «Олимпий Радин», 1845; «Предсмертная исповедь», 1846; «Venezia la bella», 1857, «Вверх по Волге», 1862) отражал характерное для времени стремление расширить круг жизненных явлений, доступных поэзии. Г. как бы продолжал путь, намеченный Лермонтовым в его неоконченной поэме «Сказка для детей». Соединение интеллектуальной патетики и повествовательной фабулы, житейских подробностей демократического интеллигентского быта вызывало ироническую интонацию, временами доходящую до пародийности. Но это ирония всегда лирическая, направленная не только вовне, но и на себя, на личность лирического героя.

Характернейшей чертой всего творчества Г., связанной, как представляется, с его тяготением к большой форме, было стремление к циклизации, сказавшееся и в критике, и в прозе, и в лирике. Существовал даже замысел цикла «Одиссея странствующего романтика», который должен был объединить лирику, поэмы и критические эссе (частями этого цикла Г. считал поэмы «Venezia la bella», «Вверх по Волге», лирический цикл «Борьба», рассказ «Великий трагик»). Г. объединяет стихотворения в циклы и по жанровому принципу («Два сонета», «Элегия»), и по признаку обращенности к одному лицу, подкрепленному повышенным автобиографизмом, дневниковостью лирического высказывания (цикл «Старые песни, старые сказки», посвященный С. Г. Корш, матери сестер Антонины и Лидии Корш). Но едва ли не вершиной лирики Г. становятся циклы «Борьба» (в него вошла и гениальная «Цыганская венгерка» и донные

популярный романс «О, говори хоть ты со мной, подруга семиструнная...») и «Титании» (оба — 1857), отразившие трагическую любовь к Л. Я. Визард. Здесь тонкий психологизм и напряженная интеллектуальная рефлексия, острые и пронзительные зарисовки лиц и бытовых картинок, соединяясь, создают пронзительно достоверную картину мира и душевной жизни героя в их трагическом столкновении.

В острой журнальной борьбе середины XIX в. Г. стремился занять самостоятельную позицию. Он спорил и с революционными демократами (которых называл «теоретиками»), поскольку не принимал ни материалистической эстетики, ни идей утопического социализма. Но еще суровее судил он сторонников теории «чистого искусства» (называя их критику «гастрономическим направлением»). Даже более близкое ему славянофильство он считал не народным, а «старобоярским» направлением и неоднократно подчеркивал свое расхождение с ним. Все это определило одиночество Г.-критика в литературной борьбе 50—60 гг. и обилие полемически заостренных оценок его творчества современниками. Дальнейшее развитие литературы и современное нам состояние ее изучения позволяет более объективно оценить место Г. в русской критике. В период «мрачного семилетия» (1848—1855) Г. хотя и односторонне, но продолжал следовать традиции Белинского. Он противостоял неисторичным оценкам Пушкина (как в критике революционных демократов, так и в либеральной и эстетской), поставив вопрос о национальной самобытности его творчества, впитавшего и переработавшего великие достижения европейского искусства. Серьезно занимаясь проблемой исторически сложившегося современного ему национального характера, он в конце концов пришел к признанию в нем органического сочетания смирения и бунтарства. Это позволило ему диалектично подойти к оценке значения идей дворянской революционности, признав законность протеста «лишних людей». Идеи Г. отразились в эстетических воззрениях Ф. М. Достоевского, учеником Г. считал себя Н. Н. Страхов, в области театральной критики — Д. В. Аверкиев. Немало историко-литературных и критических суждений Г. постепенно вошло в современное литературоведение, и его имя занимает достойное место в сложной картине эстетических и нравственных исканий русской классической литературы.

Соч.: Соч. / Сост. Н. Страхов. — Пб., 1876. — Т. I; Собр. соч.: В 14 вып. / Под ред. В. Ф. Саводника. — М., 1915; Полн. собр. соч. и писем / Ред. В. Спиридонова. — Пг., 1918. — Т. I; Стихотворения / Вступ. ст., ред. и примеч. Н. Степанова. — М., Л., 1937; Избр. произв. / Подгот. текста и примеч. Б. О. Костелянца; Вступ. ст. П. П. Громова. — Л., 1959; Литературная критика / Сост., вступ. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова. — М., 1967; Стихотворения и поэмы / Сост., вступ. ст. и примеч. Б. Ф. Егорова. — М., 1978; Эстетика и критика / Сост.; вступ. ст. и примеч. А. И. Журавлевой. — М., 1980; Воспоминания

/ Изд. подгот. Б. Ф. Егоровым. — Л., 1980; Театральная критика / Вступ. ст. А. Я. Альтшуллера и Б. Ф. Егорова, примеч. Т. Б. Забзалаевой, Л. С. Даниловой, Н. В. Кудряшовой. — Л., 1985; Искусство и нравственность / Вступ. ст., сост. и примеч. Б. Ф. Егорова. — М., 1986.

Лит.: А. А. Григорьев. Материалы для биографии / Под ред. В. Княжнина. — П., 1917; Белинский и Б. Г. Стихотворения Аполлона Григорьева // Полн. собр. соч. — М., 1955. — Т. IX; Добролюбов в Н. А. Тмное царство // Собр. соч.: В 9 т. — М.; Л., 1962. — Т. 5. — С. 8, 9, 11; Добролюбов в Н. А. Луч света в темном царстве // Там же. — Т. VI. — С. 316; Писарев Д. И. Прогулка по садам российской словесности // Собр. соч.: В 4 т. — М., 1956. — Т. — С. 316; Чернышевский Н. Г. Очерки гооголевского периода русской литературы // Полн. собр. соч.: В 15 т. — М., 1947. — Т. III. — С. 44; Блок А. А. Судьба Аполлона Григорьева // Собр. соч.: В 8 т. — М.; Л., 1962. — Т. 5; Гуральник У. А. Ап. Григорьев — критик // История русской критики. — М.; Л., 1958. — Т. I; Егоров Б. Ф. Аполлон Григорьев — критик // Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. — Тарту, 1960. — Вып. 98 (с библиографией критической прозы Г.); Тарту, 1961. — Вып. 104; Егоров Б. Ф., Забзалаева Т. Б. А. А. Григорьев // Очерки истории русской театральной критики. Вторая половина XIX в. — Л., 1976; Раков В. П. Аполлон Григорьев — литературный критик. — Иваново, 1980; Егоров Б. Ф. Ап. Григорьев // Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX в. — Л., 1982.

А. И. Журавлева, В. Н. Некрасов

ГРИН, Александр, настоящее имя — *Гринеvский Александр Степанович* [11(23).VII.1880, Слободской Вятской губ. — 8.VII.1932, Старый Крым] — прозаик, поэт. Отец — Стефан Евзбиевич, поляк, 16-летним юношей был сослан в Сибирь за причастность к польскому восстанию против царизма в 1863 г. Мать, русская, умерла, когда Г. было 13 лет. Г. учился сначала в Вятском земском училище, затем — в городском училище (окончил в 1896 г.). Рано пристрастился к чтению, его интересовали рассказы о путешествиях, мореплавателях, охотниках. «...В 12 лет ... знал русских классиков до Решетникова включительно» (Автобиографическая повесть // Собр. соч. — Т. 6. — С. 240). Особенно притягательным был для него мир зарубежной приключенческой литературы. Впоследствии Г. признавал влияние таких писателей, как Дж. Ф. Купер, Э. По, А. Дюма, Д. Дефо, Ж. Верн, Т. М. Рид, Г. Эмар, Л. Жаколио, Р. Л. Ственсон, О. Уайльд. Юноша Г. пробовал писать стихи — о «безнадежности... разбитых мечтах и одиночестве» (Т. 6. — С. 243). Застенчивость, крайняя чувствительность, гордость, непокорность — эти качества характера как бы усиливались условиями провинциального быта. «Бегством» мечтателя от обыденщины захолустного города явился отъезд 16-летнего Г. из Вятки в Одессу. Бредивший морем и парусами, он намеревался начать жизнь моряка. Однако был вынужден скитаться по ночлежкам, бродяжничать в поисках работы. Дважды ему «повезло»: его взяли матросом на два рейса (Одесса — Батуми — Одесса), и еще раз он ходил матросом в Египет. По возвращении в Одессу Г. понял, что карьера моряка ему не удалась. Он перепробовал различные профессии: грузчика, рабочего при пекарне, землекопа, рыбака, гасильщика нефтяных пожаров (в Ба-

ку), матроса на волжской барже, чернорабочего в железнодорожном депо, лесоруба и плотогона на Урале, золотоскателя. Есть сходство между юношескими биографиями Г. и М. Горького: оба рано ушли из дома, бродяжничали примерно по одним и тем же местам России. Но М. Горький прошел этот путь раньше, и Г. уже знал его рассказы о «босьяках». Позднее в «Автобиографической повести» он напишет: «Я воодушевленно отставал любимого тогда автора» (Т. 6. — С. 324). Голод, нищета, болезни преследовали Г., и все же своеобразная «романтика» скитаний привлекала его. Как сын дворянина Г. не подлежал призыву, но, чтобы хоть как-то прокормиться, пошел в солдаты. В последующем он напишет: «Моя служба прошла под знаком непрерывного и неистового бунта против насилия» (Грин А. С. Тюремная старина // 30 дней. — 1933. — № 7. — С. 70). В 1902 г., оказавшись в Пензе, в 213-м Оровайском резервном пехотном батальоне, примкнул к эсерам. С их помощью бежал из армии. Г. был привлечен как связной к подпольной деятельности эсеров в Киеве, Одессе, Нижнем Новгороде, Симбирске. Готовился совершить террористический акт, но отказался. В программе эсеров Г. привлекала громкая революционность лозунгов, отсутствие строгой партийной дисциплины, обещание всеобщего счастья после победы революции. 11 ноября 1903 г. в Севастополе был впервые арестован за революционно-пропагандистскую работу среди матросов. За попытку к бегству отсидел на строгом режиме около двух лет (освобожден по амнистии 1905 г.). Снова схвачен в Петербурге 7 января 1906 г. и выслан на четыре года в г. Туринск (Тобольская губ.), через четыре месяца бежал в Вятку. Вскоре с чужим паспортом на имя «личного почетного гражданина» А. А. Мальгинова навсегда покинул родной город. В Москве Г. охотно принимает предложение товарищей по партии написать агитбюрошу для распространения среди солдат. Так в 1906 г. родился первый его рассказ «Заслуга рядового Пантелеева» (подписан А. С. Г.), но весь тираж был конфискован в типографии и сожжен полицией. Та же участь постигла и его брошюру «Слон и Моська». Оба произведения обличали армейскую муштру, расправу царизма над крестьянами после подавления первой русской революции. Рассказ «В Италию», опубликованный в газете «Биржевые ведомости» 5 (18) декабря 1906 г. (за подписью М-вз, А. А.), стал началом цикла произведений о революционной борьбе. Подпись А. С. Грин впервые появилась под рассказом «Случай» в петербургской газете «Товарищ» 25 марта (7 апреля) 1907 года. В 1907—1908 гг. Г. публикует в журналах и газетах короткие рассказы, описывая «случаи» из реальной жизни, связанные с его опытом политической борьбы («Ночь», «Марат», «Третий этаж»). Гриневский «революционер» Брон («Апельси-

ны») после освобождения из тюрьмы мечтает взмыть «молодым орлом», который огласит криком «воздушную пустыню». Но что же в ней прозвучит? Ответ не содержит какой-либо определенности: «Не все ли равно! Крикнет — и в крике будет радость жизни» (1, 85). В 1908 г. вышел первый сборник «Шапка-невидимка» с подзаголовком: «Рассказы о революционерах».

Молодой писатель и сочувствовал эсерам, и отвергал их идейно-теоретические позиции и авантюристические методы борьбы. В июле 1910 г. Г. снова был арестован за проживание по чужому паспорту. Опять сидел в тюрьме, и по 15 мая 1912 г. отбывал ссылку в Архангельской губ. (Пинега, Кегостров). Здесь познакомился с ссыльными социал-революционерами и посвятил им ряд рассказов («Ксения Турпанава», «Зимняя сказка»). «Герои» «северных» рассказов Г. — это безвольные мелкобуржуазные интеллигенты, страдаемые скукой. Концовки рассказов воспринимались как тревога и вызов: «человека нет!» Этот пафос звучал и в небольших рассказах о «бытовых явлениях», далеких от политики («Лебедь», «Игрушка», «Рай», «Ночлег», «Ерощка», «Пассажир Пыжиков», «Бытовое явление»). Г. осуждал жестокость и убожество «судорожной, грошовой, ломаной» жизни («Маг в три хода»). Объект внимания здесь «городская мелочь, шелуха жизни», в которых «человек пропадает» («Четвертый за всех»). Смутное ощущение того, что дальше так жить невозможно, желание найти свою «линию» — все это было присуще и героям произведений М. Горького, Куприна (с последним у Г. были тесные дружеские отношения). Г. ориентировался на традиции русской реалистической литературы первого десятилетия XX в., но его «реализм» носил эмпирический характер; «поле видения» писателя было ограничено узкими рамками личного жизненного опыта. В его мировосприятии нарастало ощущение, что исправить жизнь нельзя и что пропасть между реально существующим и должным непреодолимо глубока. Поэтому персонажи его ранних рассказов (и «политических», и «бытовых») разрушительно злобынны: им равно неприятны и окружающая действительность, и собственные попытки вырваться из нее. Где-то в глубине их сознания гнездится надежда на романтическое приключение, на «взрыв скучной действительности» («Приключение»). М. Горький считал одной из причин возникновения романтизма, в частности своего, давление на него «томительно бедной жизни» (ст. «О том, как я учился писать»), вызывавшее острое желание приукрасить жизнь вымыслом, фантазией, «выдумкой». Это же можно сказать о Г. — «томительно бедная жизнь» (обездоленность счастьем, любовью, добротой) пробуждала в нем жажду возвышенного. Важным источником его перехода к романтическому творчеству было и сильное книж-

ное влияние. Г. писал впоследствии: «Прочитанное в книгах, будь то самый дешевый вымысел, всегда было для меня томительно желаемой действительностью» (6, 231). В период реакции после 1905 г. в творческом сознании Г. стал складываться свой вариант романтизма — в притяжении и отталкивании от декадентских образов, как поиски «прямого» воплощения гуманистических идеалов. Г. углублялся в познание духовного состояния героя, находящегося в разладе с действительностью («Она», 1908). Писателя притягивала романтическая концепция сильной личности («Воздушный корабль», 1909). Параллельно с произведениями, «действие которых происходит в России», Г. начал создавать романтические новеллы, события которых развиваются в искусственных, в значительной степени экзотических обстоятельствах. Критик А. Г. Горнфельд задачу писателя определил так: «Он хочет говорить только о важном, о главном, о роковом: и не в быту, а в душе человеческой» (Русское богатство. — 1910. — № 3. — С. 147). В затянувшемся обретении «своего» метода Г. перепробовал разные варианты: пока герои его рассказов, написанных в стиле жизнеподобия, томилась неосознанной жадной необычного или бессмысленно, без видимых причин, гибли, его романтические герои жили бескомпромиссно, бестрепетно устремлялись навстречу опасности, жадно впитывали в себя многоцветный, экзотический мир. Как художник Г. нашел себя в новеллах этого типа. Первой «своей», романтической, новеллой писатель считал «Остров Рено» (1909), где явно обнаруживается разрыв героя с миром, его стремление к иной жизни и трагическая невозможность достигнуть желаемого в одиночку. С 1909 по 1918 г. в романтическом творчестве Г. герой-индивидуалист пережил сложную эволюцию, испробовав разные пути «бегства» от общества, от людей и возвращения к ним. Таковы — Тарт («Остров Рено»), Горн («Колония Ланфиер», 1910), Тинг («Трагедия плоскогорья Суан», 1912), Рег («Синий каскад Телдури», 1912), Валу («Зурбаганский стрелок», 1913), Дюк («Капитан Дюк», 1915) и, наконец, «Битт-Бой, приносящий счастье» («Корабли в Лиссе», написан в 1918). Нравственный максимализм становится доминантой творческой концепции писателя-романтика. Его захватывает идея «движения» человека к совершенству. Г. поэтизирует бескорыстие, честность, стремление к возвышенному, способность видеть своим «внутренним зрением» добрые начала в человеке. Одна из важных опор нравственного кодекса героя — отношение к женщине, к любви («Сто верст по реке» и «Жизнь Гнора», 1912, сб. «Позорный столб», 1913). Сила любви помогает герою выстоять, сохранить человеческое достоинство. Идея любви приобретает философский смысл — она вырастает до идеи смысла жизни и противопоставляется декадентской

позиции женоненавистничества, подкрепляемой ссылками на Гартмана, Шопенгауэра, Ницше. Взгляд писателя направлен на «жизнь сердца». В «междустрочии» его новелл все большее значение приобретают проблемы искусства.

Творческая эволюция Г. противоречива. В годы первой мировой войны наступил глубокий затяжной кризис. В «Повести, оконченной благодаря пуле» (1914) Г. подверг переоценке свои художественно-эстетические принципы и прежде всего — принцип романтического воображения. Он остро воспринимал современную ему эпоху как безгеройную, антиэстетическую, враждебную людям «с большими сердцами». В 1915 г. Г. опубликовал цикл «Наследство Пик-Мика», где господствуют «тьма» и «зло». Здесь метод писателя характеризуется тяготением к ирреальному, антиидеальному. Однако эти мотивы в его творчестве развития не получили. Рассказы 1914—1916 гг. «о загадочном» (ужас смерти, галлюцинации, сумасшествие, раздвоенное сознание и т. п.) в сущности были развлекательным чтением для обывателя, жаждущего сенсаций. Ограничивая предмет изображения «загадочным», Г. особенно близко соприкасался с эстетикой Э. По. Метод писателя становится эклектичным. Новелла «Возвращенный ад» (1915) явилась своеобразной исповедью и саморазоблачением. Это рассказ о художнике, потерявшем чувство современности и отдавшемся бездумной игре с фактами (как это было в рассказах Г. 1914—1915 гг., опублик. в журналах «Геркулес», «XX век», «Женщина» и в газете «Биржевые ведомости»). В 1916 г. писатель пытался осмыслить все написанное им за 10 лет и определить свое отношение к искусству («Таинственная пластинка», «Как я умирал на экране», «Слепой Дей-Канет»). Итог его размышлений таков: «...Искусство-творчество никогда не приносит зла... оно является идеальным выражением всякой свободы» («Черный алмаз» // Собр. соч. — Т. 4. — С. 143). Искусство и еще шире — всякое интенсивное духовное творчество стали для Г. главным способом личного существования, основным средством исцеления от всех бед, возможностью преодоления одиночества и эгоцентризма. Современность оставалась для него загадочной, хотя в его сознание прорывалось предчувствие, что в эпохи, подобные переживаемой, «неизбежно должны обнаружиться люди с действительным и пылким воображением, устремленным к борьбе» («Призвание» // Родина. — 1916. — № 22).

При первом же известии о Февральской революции Г. отправился в Петроград. Настроением бодрости и надежд пронизан его очерк «Пешком на революцию» (1917). В стихотворении «Колокола» (XX век. — 1917. — № 13) «индивидуалист» Г. выступал сторонником единства: «Дружной несите стяг свой красный, чтоб вас жестокая вражда не поразила силой власт-

ной». Однако патетическое настроение скоро прошло, что явствует из рассказов «Восстание» (Вольность.— 1917.— № 3), «Рождение грома» (Всемирная новь.— 1917.— № 18), «Маятник души» (Республиканец.— 1917.— № 37, 38). Г. пугала и отвращала современность. Идут мучительные поиски точки опоры и в социальной, и в эстетической сфере. Об этом свидетельствует и опубликованный в контрреволюционном журнале «Эшафот» памфлет «Волдырь, или Добрый Папа», содержащий размышления о социализме. В нем, как и в стихах 1917—1918 гг. (особенно показательны «Спор», «Петроград осенью 1917 года»), выразилось недовольство, раздражение Г. тем, что революция происходит не так «красиво», как бы хотелось. В 1919 г. Г. печатался исключительно в журнале «Пламя», первом советском «тонком» журнале под редакцией А. В. Луначарского. Здесь был опубликован его стихотворный рассказ «Фабрика Дрозда и Жаворонка» (№ 36 от 12 января). Это был первый непредрешенный взгляд на новый мир и на будущее как на «зданье, отвечающее снам». Стихотворения «Больной волк» и «Движение» свидетельствовали о выходе из духовного кризиса, о преодолении индивидуализма, о возрождении мечты, для которой теперь «открыты все пути». С осени 1919 г. Г. служит в Красной Армии связистом и в солдатском мешке носит пакет с «Красными парусами» — одним из вариантов будущих «Алых парусов» (1921). В послеоктябрьском творчестве Г. выступает как «чистый» маятник с преобладающим оптимистическим взглядом на мир. В период работы над романами («Блестящий мир», «Бегущая по волнам») окончательно сложился эстетический и «географический» облик его «Гринландии» (по определению К. Зелинского). Отчетливо вырисовывается заветная область писателя — внутренний мир человека, тайны воображения и творчества. Духовное развитие художника приводит его к созданию самобытного романтизма, сочетающего типологические черты классического искусства с особенностями, присущими литературе XX в. В способности Г. питывать достижения разных культур и «сплавлять» их со своим неповторимым отношением к миру заключен источник оригинальности его творчества.

Соч.: Собр. соч.: В 6 т. / Вступ. ст. В. Вихрова; Под ред. Вл. Россельса.— М., 1965; 2-е изд.— М., 1980.

Лит.: Воспоминания об Александре Грине.— JL, 1972; Горнфельд А. Г. Грин А. С. Рассказы.— Спб., 1910.— Т. 1 // Русское богатство.— 1910.— № 3 (рецензия книги); Он же. Грин А. С. Искатель приключений: Рассказы.— М., 1916 // Там же.— 1917.— № 6—7 (рецензия); Ковский В. Е. Романтический мир Александра Грина.— М., 1969; Прохоров Е. И. Александр Грин.— М., 1970; Харчев В. В. Поэзия и проза Александра Грина.— Горький, 1975; Тарасенко Н. Дом Грина: Краснеч. очерк.— 2-е изд., доп.— Симферополь, 1979; Михайлова Л. Александр Грин: Жизнь, личность, творчество.— 2-е изд., доп.— М., 1980; Киркин Ю. В. Александр Грин: Библиографический указатель произведений А. С. Грина и литературы о нем 1906—1977 гг.— М., 1980. А. А. Ревякина

ГУМИЛЁВ, Николай Степанович [3(15).IV. 1886, Кронштадт — 24.VIII.1921, Петроград] — поэт. Организатор и теоретик акмеизма. Семья Г. после отставки отца (военный врач) жила в Царском Селе (ныне г. Пушкин Ленинградской обл.). Будущий поэт учился в гимназии, где директором был известный поэт Ин. Анненский, воспитавший в нем любовь к литературе.

Г. начал свой поэтический путь в среде, близкой к символизму, находясь под влиянием поэзии В. Брюсова. Это отразилось в его первом поэтическом сборнике «Путь конквистадоров». Несамостоятельность в разработке поэтических образов и ученический характер всего сборника очевидны, что и было отмечено В. Брюсовым в рецензии на него. Однако то, что Брюсов обратил внимание на первую книгу стихов юного поэта, показательно; в ней была оригинальная попытка передать свое мирочувствование, были, хотя и немного, удачные стихи, что позволило строгому критику угадать в дебютанте незаурядный талант.

По окончании гимназии Г. продолжал свое образование в Сорбонне (Париж). Короткий период пребывания во Франции отмечен в жизни Г. несколькими важными событиями. Во-первых, вскоре он издает новый сборник своих стихотворений «Романтические цветы» с посвящением его будущей жене Анне Андреевне Горенко (настоящая фамилия А. Ахматовой), мало чем отличающийся от первого: та же атрибутика далеких стран и древних времен, книжные, внежизненные впечатления, да и центральный образ «конквистадора в панцире железном», шествующего «над пропастью и безднами», перенесен сюда полностью вплоть до автоцитирования. Сказалось, однако, и то, что все последнее время Г. не только писал стихи, но и усиленно изучал поэзию: поэтическая техника его стала совершеннее. Во-вторых, совместно с А. Горенко и художником М. В. Формановским на средства последнего Г. предпринимает издание литературно-художественного журнала «Сириус». Это была первая, хотя и неудачная (вышло всего три номера журнала) попытка Г. найти себя в организации литературных сил и в литературной критике. Наконец, в том же 1908 г. он совершает свое первое путешествие в Африку (последующие поездки были в 1910 и 1913 гг.).

По возвращении в Россию Г. сблизился с С. К. Маковским, издававшим журнал «Аполлон», где регулярно печатались все виднейшие представители «нового искусства» (В. Брюсов, К. Бальмонт, А. Блок, А. Белый и др.), и скоро стал одним из ведущих сотрудников издания, специализируясь на поэтической критике. Многие его статьи, опубликованные в «Аполлоне», позже вошли в книгу «Письма о русской поэзии» (1923). Вскоре в 1910 г. вышел третий сборник стихов Г. «Жемчуга» с посвящением В. Брюсову, принесший автору известность. «Жемчуга» можно

считать завершением периода становления Г. как поэта, выработки его своеобразной художественной манеры. Внешне связанный с символистским окружением, он уже созрел всю отгороженность от него. В области поэтики Г. ориентировался не на музыкальное, а на живописное начало, на более четкие, по сравнению с символистской поэзией (как бы графически очерченные), образы: «Но к чему победы в час вечерний, / Если тени упадут ниц, / Если словно золото на черни / Видны ноги стройных танцовщиц». В художественной палитре «Жемчугов» можно различить уже многое из того, что через некоторое время будет сформулировано Г. как эстетическая программа акмеизма. Неприятие «туманностей» символизма разделили с Г. др. поэты, первоначально причисленные к «третьему поколению» символистов, группировавшиеся вокруг «Аполлона», — М. Кузмин, М. Цветаева, О. Мандельштам, А. Ахматова, С. Городецкий. Последние трое вместе с Г. и др. поэтами в 1911 г. образовали литературное объединение «Цех поэтов», которое позже выпустило несколько альманахов и сборников стихов отдельных авторов. В конце 1912 г. Г. и С. Городецкий выступили с программными докладами (Аполлон. — 1913. — № 1), ставшими своеобразными манифестами акмеизма, — «Наследие символизма и акмеизм» (Гумилев) и «Некоторые течения в современной русской поэзии» (Городецкий). Теоретические положения новой литературной школы нашли отражение в художественной практике ее приверженцев, прежде всего в таких, как «Вечер» (1912) А. Ахматовой, «Камень» (1913) О. Мандельштама и четвертый сборник стихов Г. «Чужое небо» (1912). Своими ведущими принципами Г. (и его единомышленники) провозгласили отказ от устремлений символизма. Но «заземление» поэзии не означало поворота к глубокому отражению реальной жизни, а лишь выдвигало на передний край изображение грубой фактуры бытия. В стихотворении «Искусство» (сб. «Чужое небо») Г. писал: «Созданье тем прекрасней, / Чем взятый материал / Бесстрастней — / Стих, мрамор или металл. / И сами боги тленны, / Но стих не кончит петь, / Надменный, / Властительней, чем медь». Эта программная «бесстрастность» приводила к эмоциональному обеднению поэзии акмеистов, к оскудению лиризма в их творчестве, что было скоро отмечено и идейными противниками акмеистов (В. Брюсовым, Вяч. Ивановым, А. Белым), справедливо упрекавших приверженцев новой школы в эстетизме и идейности к самоценной ювелирной технике стиха без попыток выявить одухотворяющее начало жизни, и наиболее внимательными и строгими литературными критиками (напр., В. Жирмунским в статье «Преодолевшие символизм»). Позже тот же упрек в бездуховности прямо высказал по адресу Г. А. Блок в статье «Без божества, без вдохновенья» (1921). Не случайно

двое из акмеистов, чье творчество наиболее тесно связано с традициями русской классики, и следовательно, с ее глубоким психологизмом, — О. Мандельштам и А. Ахматова — вскоре отошли от акмеизма.

Первую мировую войну Г. встретил с воодушевлением, сам принимал в ней активное участие, пройдя путь от вольноопределяющегося до прапорщика, был награжден двумя Георгиевскими крестами. Атмосфера войны, где «залитые кровью недели / Ослепительны и легки», вполне соответствовала характеру его героя с его мужественностью, склонностью к решительным и стремительным действиям. Единственный из всех русских поэтов Г. не изменил восторженного отношения к войне и воспел ее в стихах, вошедших в сборник «Колчан» (1916). Весной 1917 г. в составе русского экспедиционного корпуса по распоряжению Временного правительства Г. отправился во Францию и вернулся в Россию уже после Октябрьской революции.

Последний период жизни Г. отмечен активной литературной работой: он член редколлегии горьковского издания «Всемирная литература», лектор Пролеткульта, литературный критик и переводчик, в 1921 г. Г. сменил Блока в должности руководителя Петербургского отделения Всероссийского союза поэтов.

Потрясения, пережитые страной, оказали воздействие и на Г., драматизм жизни заметно изменил пафос творчества поэта. Последние сборники стихов — «Костер» (1918), «Шатер» (1921) и особенно «Огненный столп», вышедший уже после смерти автора, — до некоторой степени поколебали акмеистические принципы поэзии Г. Здесь еще много «африканско-экзотических» стихов, но уже не они определяют «лицо» сборника. Поэт задумывается о собственной судьбе в переломную эпоху, переживаемую Россией: «Где я? Так темно и так тревожно / Сердце мое стучит в ответ» («Заблудившийся трамвай»); отзвуки *проклятых* вопросов врываются в его стихи: «Крикну я... но разве кто поможет, — / Чтоб моя душа не умерла? / Только змеи сбрасывают кожи, / Мы меняем души, не тела» («Память»). Совершенная по форме, что всегда отличало лучшие произведения Г. зрелой поры, его поэзия этих лет выявила знаменательную тенденцию возврата к символизму, когда эстетика акмеизма с ее «выверенной соразмерностью образов» разрушается под напором смятенного человеческого духа. Развиться этой тенденции, однако, было не суждено, жизнь и творчество Г. внезапно оборвались: 3 августа 1921 г. он был арестован и несколько позже по решению суда расстрелян как участник контрреволюционного заговора петроградской боевой организации.

Соч.: Стихотворения. Посмертный сборник / Вступ. ст. Г. Иванова. — Пг., 1922; Письма о русской поэзии. — Пг., 1923; Наследие символизма и акмеизм // Литературные манифесты. — М., 1924; Не покоряясь магии имен: Н. Гумилев-критик

тик. Новые страницы / Предисл. и коммент. А. В. Лаврова и Р. Д. Тименчика // Литературное обозрение. — 1987. — № 7. Стихотворения и поэмы. — Л., 1988.

Лит.: Брюсов В. Далекие и близкие. Статьи и заметки о русских поэтах от Тютчева до наших дней. — М., 1912; Брюсов В. Вчера, сегодня и завтра русской поэзии // Брюсов В. Собр. соч.: В 7 т. — М., 1975. — Т. VI; Жирмунский В. Преодолевшие символизм // Жирмунский В. Избранные труды. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. — Л., 1977; Айхенвальд Ю. Поэты и поэтессы. — М., 1922; Блок А. Без божества, без вдохновения // Современная литература. — Л., 1925; То же в кн.: Блок А. Собр. соч.: В 8 т. — М.: Л., 1962. — Т. 6; Орлов В. На рубеже двух эпох // Вопросы литературы. — 1966. — № 10; Павловский А. Николай Гумилев // Вопросы литературы. — 1986. — № 10. А. П. Авраменко

ГУРО́, Елена, настоящее имя — фон Нотенберг Элеонора Генриховна [1877, Петербург — 23.IV.(6.V).1913, Усикирко, Финляндия] — поэт, драматург, прозаик. Печататься начала в 1905 г. Занималась живописью, сама иллюстрировала свои произведения. В 1909 г. на вернисаже «Выставки картин современной живописи» Г. и ее муж, композитор и художник М. В. Матюшин, познакомились с Д. и В. Бурлюками, В. Каменским, Н. Кульбиным и другими т. н. левыми деятелями искусства. С 1910 г. Г. стала сотрудничать в футуристических сборниках («Садок судей», № 1 и 2, «Трое»), примкнула к группе кубофутуристов. При жизни издала всего две книги — «Шарманку» (1909) и «Осенний сон» (1912). В них ошутито формальное влияние символистов (в особенности А. Блока), но чуждое их устремленности к «запредельному», к религиозным «безднам», к мистическому опыту. Ее творчество пронизывает искренняя, порой застенчиво скрываемая любовь к жизни во всех ее проявлениях, которая чаще всего у Г. трагична, поскольку буржуазно-мещанская повседневность вольно или невольно калечит и убивает носителя этого «дара жизни». Трагизм мировосприятия, свойственный творчеству Г., был обусловлен и причиной чисто личного характера: «...доля Елены Г. в том была, что потеряла мать единственного сына-младенца и не могла смириться с горем. Елена Г. не поверила смерти сына, а вообразила, внушила, что жив сын, продолжает жить около матери. И вот считает Елена Г. дни, недели, месяцы, годы сыну своему, ежечасно видит его — растущим; игрушки, книжки с картинками покупает ему и на его детский столик кладет, и ему стихи, сказки сама пишет, рассказывает. И больше — пишет с него портреты, одевая сына по степени возраста» (Каменский В. Путь энтузиаста. — С. 122). Памяти своего «незабвенного единственного сына В. В. Нотенберга» Г. посвятила пьесу «Осенний сон». Главной героиней ее — восемнадцатилетний принц Гильом, он же барон Вильгельм фон Кранц, застенчивый, неуклюжий, романтически настроенный юноша, отказавшийся от карьеры военного, медленно умирает от пустяковой царапины, а на самом деле — не вынеся тирании солдафона-отца и цини-

ческого подтрунивания друзей над своей душевной незащищенностью.

Последняя, наиболее совершенная книга Г. «Небесные верблюдага» (1914) состоит из вещей, написанных в основном в последние 2—3 года ее жизни. В ней нет жанровых разделов. В новеллах Г. чередуются прозаические, стихотворные (рифмованные и нерифмованные), драматические отрывки. Сюжет в общепринятом смысле слова в них отсутствует. В этих лирико-импрессионистических повествованиях постоянно смешиваются прошлое, настоящее и будущее, действительность и мечта о ней, предметы и ассоциации, которые они вызывают. Все эти разнородные элементы участвуют в создании художественной «действительности» на равных правах.

Несмотря на дружеские отношения, связывавшие Г. с кубофутуристами, крайности футуризма: словотворчество, эпатаж — были чужды ей. И в литературе, и в жизни она держалась особняком. Творчество ее ценили такие разные художники, как М. Горький и В. Маяковский.

Соч.: Шарманка. Пьесы, стихи, проза / Обложка и рисунки работы автора; Музыка к пьесе «Арлекин» М. В. Матюшина. — Пб., 1909; 2-е изд. — Пб., 1914; Осенний сон. Пьеса в четырех действиях. — Пб., 1912; Небесные верблюдага. — Пб., 1914.

Лит.: Брюсов В. Год русской поэзии // Брюсов В. Избранные произведения. — М., 1955. — Т. II. — С. 266; Гусман Б. Е. Гуро // Гусман Б. 100 поэтов. — М., 1923. — С. 79—85; Харджиев Н., Гриц Т. Е. Гуро: К 25-летию со дня смерти // Книжные новости. — 1938. — № 7. — С. 40—41; Каменский В. Путь энтузиаста. — М., 1931.

В. И. Швыряев

ГУ́СЕВ-ОРЕНБУ́РГСКИЙ (настоящая фамилия — Гусев), Сергей Иванович [23.IX(5.X).1867, Оренбург — 1.VI.1963, Нью-Йорк] — прозаик. Родился в купеческой семье. Учился в гимназии; окончил Уфимскую духовную семинарию. Был народным учителем; в 1893 г. стал священником в глухом мордовском селе. Долгое время знакомство будущего писателя с литературой ограничивалось богослужебными книгами, которые читались в семейном кругу, и разного рода популярными изданиями, привозимыми с ярмарки. С классической русской литературой Г.-О. познакомился лишь в семинарии (тайком от начальства). Особую роль в становлении творческой личности Г.-О. сыграло чтение им произведений Г. Успенского: «Он первый пробудил во мне желание писать. Первые шаги сознательной жизни и творчества окрасились его влиянием» (Первые литературные шаги. — С. 125). Первый рассказ писателя «Слепой» был опубликован в 1890 г. в газете «Оренбургский листок».

Г.-О. вошел в литературу как продолжатель бытописательской традиции демократической прозы 60—70 гг. и народнической беллетристики. Годы, проведенные в деревне, определили круг тематики ранних рассказов Г.-О.: «горемычное житье» крестьянина, «дух бедноты неис-

ходной и горьких, надрывающих душу забот» («Самоходка», 1897), жизнь сельских священников. Образы представителей духовенства присутствуют в большинстве произведений писателя. Чаще всего в центре рассказов Г.-О.— «частный случай маленькой житейской правды», не претендующий на глубину обобщения, но показывающий суть деревенской жизни со всей «простотой и непосредственной правдивостью» (К о р о л е н к о В. Г. О литературе.— С. 372). Г.-О. изображает беззащитность крестьян перед мирскими и духовными властями («Агасфер», 1901; «Кахетинка», 1900), темноту и невежество крестьянской массы («Странница», 1900; «Злой дух», 1899; «Миша», 1900), обреченность попытки найти справедливость («Пастырь добрый», 1900). За внешне бесстрастной фактологичностью повествования часто скрыта грустная ирония автора, порой переходящая в яростное возмущение насилем над человеческой личностью, требование сочувствия к обездоленным («Где ветлы стояли», 1900; «Кошмар», 1904). «Непосредственная правдивость» писателя, свидетельствующая о глубоком знании жизни современной ему деревни, позволяет ему верно передать признаки происходящих социально-экономических процессов: расслоение деревни, массовое обезземеливание крестьян, усиление экономической мощи кулака, рост народного недовольства. В то же время общая гуманистическая направленность творчества Г.-О. далека от какой-либо политической определенности. Особенно очевидно это сказалось в произведениях, затрагивающих тему народного протеста: «Конокрад», «Последний час», «Суд» и др.

Шесть лет, проведенные в деревне, стали для Г.-О. временем «тяжелого самоопределения, разочарований и жестокого анализа» (Новый энциклопедический словарь / Изд. Б. А. Брокгауза и И. А. Ефрона.— Т. 15.— С. 311). Значительное видоизменение претерпели религиозные иллюзии писателя: для него стала очевидной глубина расхождения «чистых» идей христианства с повседневной «практикой» казенной церкви. Оставаясь человеком религиозным, Г.-О. снял с себя духовный сан и целиком посвятил свою жизнь литературной деятельности. Работал в редакции «Киевской газеты», сотрудничал в демократических журналах «Жизнь», «Журнал для всех», стал в ряд прогрессивных писателей-реалистов своего времени.

Большое значение для Г.-О. имело знакомство с М. Горьким и сотрудничество в издательстве «Знание». Вышедшая в этом издании повесть «Страна отцов» (1905) написана под несомненным влиянием М. Горького, в частности его произведений «Тюрьма» и «Человек». В повести развертывается широкая панорама исторической жизни России рубежа веков: рост капитализма в городе и деревне, обострение социальных противоречий, классовая борьба. Если

образы рабочих и представителей городской интеллигенции даются схематично, декларативно, то описание деревенских событий глубоко жизненно. Автор показывает, как с ростом капитализма теряется древняя связь человека с землей; хлеб «мужицкий» становится хлебом «купецким», земля превращается в предмет купли-продажи. Образы новых «хозяев жизни», кулаков-капиталистов (Шаповалов, Широкозадов и др.), приобретают черты гротеска. Крестьяне изображены в повести уже не как пассивная масса: сплотившись вокруг своих вожаков, они поднимаются на борьбу за свои права. По выражению одного из критиков, «Страна отцов» «точно впитала в себя атмосферу надвигающейся грозы» (Л ь в о в Р о г а ч е в с к и й В. Снова накануне.— С. 105). «Гроза» ломает и привычный уклад семейной жизни, заставляя «детей» (сына отца благочинного Дмитрия, Павла, Александра Широкозадова) восставать против своих «отцов». В образе отца Ивана Гонибесова показана внутренняя борьба человека, поставленного перед необходимостью выбора жизненной позиции: увлеченный новыми мыслями о «воле, свободе и иной жизни», он снимает с себя сан священника и переходит на сторону «детей». Повесть Г.-О. с ее острой гражданской направленностью (отмеченной в свое время М. Горьким) имела большое общественное значение. Вместе с тем революционные настроения писателя, характерные для этого периода его творчества, заключали в себе известную долю стихийности. Это не могло не сказаться на художественной стороне повести, как бы лишенной единого центра и состоящей из частей, далеко не однозначных в художественном отношении. «Грозная» символика повести часто недостаточно мотивирована конкретным жизненным материалом. Стиль писателя нередко приобретает чрезмерную декларативность.

В период реакции Г.-О. не избежал влияния декадентской литературы («Сказки земли», «Грани»). Однако последующие произведения — «Рыцарь Ланчелот» (1910), «Призраки» (1911), «В глухом уезде» (1912) — свидетельствуют о возвращении писателя на позиции реализма.

Творчество Г.-О. отличает острая антиклерикальная направленность. Борьба против официальной церкви и ее представителей, являющаяся одним из проявлений народного протеста, нашла широкое отражение в реалистической литературе рубежа веков. Ей посвятили свои произведения многие современники писателя: С. Елпатьевский, Н. Тимковский, Е. Чириков. В творчестве Г.-О. эта тема получила наиболее всестороннее освещение. Служитель культа в ранних рассказах Г.-О.— лицо неоднозначное. Горячая вера писателя в справедливость и великую силу добра соединяется здесь с его религиозными иллюзиями, с созданием образа священника-идеалиста, человека высокой нравственности, защитника слабых и угнетенных («Пас-

тьер добрый»). При создании образов подобного рода Г.-О. не удается избежать открытой нравоучительной тенденциозности. В стремлении сохранить жизненную правдоподобность «пастырей добрых» Г.-О. либо ограничивается изображением единичного исключительного случая («Конокрад»), либо придает характеру героя оттенок чудаковатости, эксцентричности («Капитан Кук»), либо прямо переходит от художественной трактовки образа к публицистической очерковости («Пастырь добрый»). Типичнее другие священники Г.-О.: отец Памфил, за добрым поступком не забывающий о собственной выгоде («Отец Памфил»), отец Автономов, спокойно выбирающий ту сторону, которая ему наиболее удобна в житейской борьбе («Кошмар»), дьякон Авессаломов, вымогатель и крючкотвор («Кяхетинка»). В дальнейшем творчестве Г.-О. изображение священнослужителей приобретает острую сатирическую направленность. На страницах его произведений появляется образ по-па-миroeда, стяжателя, лицемерно прикрывающего откровенный грабег селян ссылками на цитаты из священных книг и на «волю божью». Отбросив нравственные проблемы, священники Г.-О. живут по принципу «и благочестиво, и доходно» («Свадьба», «Жалоба», «В гостях», «По осени», «О. Геннадий» и мн. др.). В ряде произведений Г.-О. показывает, как с ростом народного протеста против существующих порядков растет возмущение крестьян их «деятельностью» («Илья», «В приходе» и др.). В повести «Страна отцов» представители церкви и религии, благословляющие хищничество новых «хозяев жизни», получают резкую отповедь со стороны своих потомков: «Вы самозванцы, вы обманщики!.. Чему вы можете учить народ? Цепи умственного рабства вы называете небесной истиной, вечную подлую ложь жизни — вечной правдой!» Вместе с тем проблематика произведений Г.-О. о жизни церковнослужителей не ограничивается одним лишь отрицанием. Как в ранний, так и в зрелый период творчества среда духовенства была тем жизненным материалом, на котором писатель изучал человеческие типы и характеры во всем многообразии их проявления; через эту среду писатель показал реалистическую картину быта и нравов своего времени. Значительным достижением в этом смысле явилась его повесть «В глухом уезде» (1912).

После революции 1917 г. Г.-О. эмигрировал. Жил в Нью-Йорке, редактировал журнал «Жизнь». В 1928 г. в эмиграции вышел его роман «Страна детей».

Соч.: Полн. собр. соч.: В 16 т. — Пг., 1914—1918; Рассказы. — М., 1938; Повести и рассказы. — М., 1958. Лит.: Богданович А. И. Годы перелома. — Пб., 1908. — С. 435—444; Королёвко В. Г. О литературе. — М., 1957. — С. 371—372; Львов-Рогаевский В. Снова накануне. — М., 1913. — С. 102—109; Первые литературные шаги. Авто-

биографии современных русских писателей / Собр. Ф. Ф. Фидлер. — М., 1911; Денисов Е. В. Антиклерикализм в произведениях С. И. Гусева-Оренбургского // Атеистические традиции русского народа. — Л., 1982. — С. 130—139.

Л. А. Юркина

Д

ДАВЫДОВ, Денис Васильевич [16(27).VII.1784, Москва — 22.IV (4.V).1839, дер. Верхняя Маза, ныне Ульяновской обл.] — поэт, писатель. Герой Отечественной войны 1812 г. Одним из ярких впечатлений его детства была встреча с А. В. Суворовым, который «Заметил резвого ребенка и, благословив его, сказал: «Ты выиграешь три сражения!» (Стихотворения. — С. 125). Как это нередко случалось в годы павловского царствования, отец Д. внезапно впал в немилость, его именем было конфисковано, и семья столкнулась с жестокой нуждой. Лишь после вступления на престол Александра I Д. смог поступить на службу, был определен в Кавалергардский полк. К этому времени относится начало литературной деятельности Д. Он пишет басню «Голова и Ноги» (1803), «Быль или басню, кто как хочет назови» (известную также под названием «Река и Зеркало», 1803), притчу «Орица, Турухан и Тетерев» (1804). Это стихотворения, едко высмеивающие царя и его ближайшее окружение. Сатирические стихи Д. распространялись в списках и принесли автору широкую известность. Показательно, что в 1826 г. в ходе следствия по делу декабристов декабрист В. И. Штейнгейль в ряду произведений, способствовавших развитию в нем «либеральных понятий», назвал басню «Голова и Ноги» (Общественные движения в России в первую половину XIX века. — Спб., 1905. — Т. 1. — С. 490). «Возмутительные сочинения» молодого офицера вызвали раздражение властей, Д. выслали в провинцию.

Д. в должности адъютанта П. И. Багратиона участвует в 1807 г. в войне с французами, а позднее, когда Багратион был назначен командующим Задунайской армией, — в русско-турецкой войне. Решающим этапом в его жизни стала Отечественная война 1812 г. Позднее он говорил: «...Я считаю себя рожденным единственно для рокового 1812 года» (Соч. — С. 281). Д. предложил свой план систематической партизанской войны с захватчиками, поддержанный Кутузовым. Рейды Д. по тылам противника наносили французам значительный ущерб и облегчали действия русской армии. Кутузов высоко оценил действия Д. «Удачные опыты твои доказали мне пользу партизанской войны...» (Военные записки. — С. 14).

Однако в придворных кругах к Д. продолжали испытывать острую неприязнь. Значение

партизанской войны и заслуги Д. замалчивались. Участвуя в заграничных походах русской армии, он постоянно сталкивался с враждебным и несправедливым отношением к себе. В 1813 г. лишь заступничество Кутузова спасло его от военного суда. Вернувшись в Россию, прославленный военачальник служит в глухой провинции на незначительных должностях и в 1823 г., не выдержав притеснений и унижений, выходит в отставку.

По собственному признанию Д., он находился «всегда в весьма коротких сношениях со всеми участниками заговора 14 декабря» (Соч.— С. 495); с А. А. Бестужевым, Ф. Н. Глинкой, Н. М. Муравьевым, И. Г. Бурцовым, А. И. Якубовичем, М. Ф. Орловым и др. Его двоюродный брат, В. Л. Давыдов, председатель Каменской управы Южного общества, был осужден к 20 годам каторги. Но, сочувствуя многим целям, которые ставили перед собой декабристы, Д. решительно расхохотался с ними в путях их достижения. Он видел желанную перспективу в том, чтобы «страхнуть самовластие», взять «крепость», именуемую «свободным правлением». Считал, что взять ее «приступом» не удастся, потому что народ не готов поддержать тех, кто собирается вести его за собой. Он предлагал «повести осаду», «и осада все будет продвигаться, пока, наконец, войдем в крепость и раздробим монумент Аракчеева», мрачный символ мракобесия и обскурантизма (Соч.— Т. III.— С. 233—234). Трагедия на Сенатской площади еще более укрепила в Д. неверие в успех революционной тактики и привела его к переходу на консервативные общественные позиции.

«Я не поэт, а партизан, казак / Я иногда бывал на Пинде, но наскоком...» — писал Д. (Стихотворения.— С. 100). Но это, конечно, не так. Он был поэтом большого и самобытного таланта. По словам Д., его стихи создавались «при бивачных огнях», «беззаботно кое-как» в часы досуга, между ратными заботами. Эта легенда, созданная самим Д., подкреплялась многочисленными посланиями, с которыми обращались к поэту-партизану его современники: Пушкин, Вяземский, Языков, Баратынский, Жуковский, Федор Глинка и мн. др.

Герой Д.— лихой гусар, удалой рубака, прямой и искренний, верный в дружбе, беззаветно преданный своей стране и готовый отдать за нее жизнь. Ему ненавистны ложь и двоедушье, ханжество и чванство. Не чуждаясь просторечия, охотно обращаясь к военному жаргону, Д. темпераментно и эмоционально воссоздал картины военного быта, в частности шумного, удалого, веселого офицерского досуга. Его стихи утверждали право человека на внутреннюю независимость, на веселье и счастье.

Д. стремился внести дух гусарщины и в свои любовные элегии. Их герой, страдающий от ревности и неразделенного чувства или разлуки с лю-

бимой женщиной, остается воином, он помнит «пыл сраженья» и «грозы боев». Но преодолеть традиции элегического стиля так же успешно, как были преодолены в «гусарских стихах» традиции «военной поэзии» — торжественной оды и героической эпопеи, Д. не удалось.

Особое место среди элегий Д. занимает «Бородинское поле» (1829), которое заслуженно причисляется к лучшим историческим элегиям в русской романтической поэзии. С тоской и скорбью поэт окидывает взором «умолкшие холмы, дол, некогда кровавый», и вспоминает «день вековой славы, / И шум оружия, и сечи, и борьбу», своих соратников: Багратиона, Раевского, Ермолова. «Мой меч из рук упал. Мою судьбу / Попрала сильные» (Стихотворения.— С. 96), — сколько горечи, сколько неизбывной обиды кроется за лаконизмом и сдержанностью этих строк! Пришло время, когда участник Бородинской битвы завидует тем, кто до этого времени не дожил. Многолетняя дружба связывала Д. с Пушкиным, который посвятил «певцу-гусару» несколько проникновенных стихотворений. Пушкин привлек Д. к сотрудничеству в журнале «Современник».

Литературный путь Д. завершился созданием «Современной песни» (1836). Это произведение, впервые опубликованное после смерти автора, широко распространялось в списках, но его популярность была скандальной. Энергия давыдовского стиха, хлесткость и едкость сатирических характеристик были направлены на сей раз против либеральных, оппозиционных кругов русского общества, в частности против П. Я. Чаадаева. Произведение это сложно и противоречиво. Оно подтверждает отрицательное отношение Д. к крепостному праву, поэт гневно клеймит помещиков, эксплуатирующих крестьян и издевающихся над ними, либеральное фразерство, разрыв слова и дела. Но несмотря на это «Современная песня» прозвучала в унисон с действиями тех, кто обрушил репрессии на автора «Философического письма».

В последние годы жизни Д. долго и упорно хлопотал о перенесении праха Багратиона на Бородинское поле и в конце концов добился этого. Церемония должна была произойти в день 27-летия сражения при Бородине, и Д. назначили командиром почетного эскорта, которому предстояло сопроводить останки прославленного генерала к месту их погребения. Но дожить до этого дня Д. было не суждено. 22 апреля 1839 г. он скоропостижно скончался.

«Давыдов, как поэт, решительно принадлежит к самым ярким светилам второй величины на небосклоне русской поэзии...» — писал Белинский. — Но чтоб понять Давыдова как поэта, надо сперва понять его как Давыдова, т. е. как оригинальную личность, как чудный характер, словом, как всего человека... Он был поэт в душе; для него жизнь была поэзией, а поэзия жизнью» (Полн. собр. соч.— Т. IV.— С. 369, 345—346, 353).

Соч.: Соч.: В 3 т.— Спб., 1893; Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст. В. М. Саянова и Б. М. Эйхенбаума.— Л., 1933; Военные записки / Под ред. В. Н. Орлова.— М., 1940; Соч. / Предисл., подгот. текста и примеч. В. Н. Орлова.— М., 1962; Стихотворения / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. Э. Вацууро.— Л., 1984.

Лит.: Белинский В. Г. Сочинения в стихах и прозе Дениса Давыдова // Полн. собр. соч.— М., 1954.— Т. IV.— С. 341—370; Попов М. Я. Денис Давыдов.— М., 1971; Пухов В. В. Денис Давыдов.— М., 1984; Барков А. С. «Питомец муз, питомец боя...» Рассказы о жизни и ратных подвигах героя Отечественной войны 1812 г. Д. Давыдова.— М., 1985; Серебряков Г. В. Денис Давыдов.— М., 1985 (Жизнь замечательных людей). *Л. Г. Фризман*

ДАЛЬ, Владимир Иванович, псевдоним — *Казак Луганский* [10. (22). XI. 1801, Лугань—22. IX. (4. X). 1872, Москва] — прозаик, лексикограф, этнограф. Отец Д.— датчанин, приехал в Россию по приглашению Екатерины II, принял русское подданство, передал любовь к своей второй родине детям. К моменту рождения сына работал врачом. Мать — обрусевшая немка, дочь известной переводчицы М. Фрейтаг. Родители Д. знали много языков. Он получил хорошее домашнее образование. В 1814 г. Д. поступает в Морской корпус в Петербурге, от учебы в котором, по его словам, «в памяти остались только розги» (Даль В. Автобиографическая записка // Русский архив.— 1872.— № 11.— Стлб. 2246—2250). В одно и то же время с Д. в корпусе учились будущий адмирал П. С. Нахимов и будущий декабрист Д. И. Завалишин. В 1817 г. в числе 12 лучших гардемарин Д. совершил плавание на бриге «Феникс» к берегам Швеции и Дании; выяснилось, что Д. страдает морской болезнью. Однако он заканчивает корпус (1819) и направляется мичманом на службу во флот в Николаеве. В этом же году Д. начинает собирать слова, которые войдут позже в его «Толковый словарь живого великорусского языка». По дороге из Петербурга в Николаев он записывает от новгородского ямщика первое удивившее его слово «замолаживает» (пасмурнеет). С тех пор, куда бы ни бросала его судьба, он всегда находит время записать меткое слово, выражение, песню, сказку, загадку.

Д. прослужил во флоте 7 лет (этот срок был обязательным для выпускников Морского корпуса). Одновременно он занимался литературой и сборником слов. В Николаеве Д. сочиняет стихи (первая его поэма «Вадим» написана еще в Морском корпусе в 1818 г., рукопись хранится в Пушкинском Доме) и одноактные комедии: «Невеста в мешке, или Билет в Казань» (1821) и «Медведь в маскарade» (1822) (хранятся в рукописном фонде Государственной библиотеки им. В. И. Ленина). Среди друзей Д.— А. П. Зонтаг, будущая писательница, родственница В. А. Жуковского. В 1823 г. в Николаеве Д. был арестован за сочинение пасквиля на вице-адмирала А. С. Грейга, но вскоре был освобожден. Получив повышение, был переведен на Балтику. Прослужив полтора года в Кронштадте,

он с 1 января 1826 г. подает в отставку: решив идти по стопам отца (умершего в 1820 г.), поступает на медицинский факультет университета в Дерпте.

Дерптский период своей жизни Д. называет «временем восторга и золотым веком нашей жизни». Здесь он дружит с Н. М. Языковым, возглавлявшим в университете кружок русских студентов. В доме наставника и друга Д., профессора хирургии А. Ф. Мойера часто бывают В. А. Жуковский, А. Ф. Воейков, сыновья Н. М. Карамзина; здесь читаются стихи А. С. Пушкина, с опальным поэтом ведется переписка. В 1827 г. в журнале «Славянин», издаваемом Воейковым, появляются стихи Д. Хирург Н. И. Пирогов, находившийся в то время в Дерпте, вспоминает о Д. как об остроумном, жизнерадостном юноше, блестящем рассказчике и балагуре (Пирогов Н. И. Посмертные записки // Русская старина.— 1855.— № 2.— С. 292—294). Учеба в Дерптском университете была прервана русско-турецкой войной. В марте 1829 г. Д. досрочно защищает диссертацию и отправляется на берег Дуная, где оперирует раненых, борется с чумой и холерой. Общась с солдатами, собранными со всех концов России, военный врач успевает вести и собирательскую работу. Записи слов и произведений народного творчества вырастают у него до таких размеров, что для перевозки материалов приходится использовать верблюда. Весной 1831 г. корпус, где служил Д., направили в Польшу для подавления восстания. Для переправы через Вислу нужно было навести мост и затем сразу же его разрушить (чтобы не дать пройти противнику). Генерал-лейтенант Ридигер вспомнил о второй профессии Д. и поручил ему эту операцию; за ее отличное исполнение Д. получил орден св. Владимира, впоследствии — перстень с бриллиантом. С марта 1832 г. Д. работает ординатором военно-сухопутного госпиталя в Петербурге, приобретает известность хирурга-окулиста. Однако конфликты с начальством вынуждают его оставить медицину. Он поступает на службу чиновником особых поручений к военному губернатору Оренбургского края В. А. Перовскому, ценителю искусств, близко знавшему Пушкина, поощрявшему литературные занятия Д.

Семь лет пробыл Д. в Оренбургской губ., сопровождая В. А. Перовского в его разъездах по Уралу, участвуя в 1839—1840 гг. в Хивинском походе, где погибла большая часть русского отряда. Одновременно со службой Д. занимается литературой, продолжает собирать лексикографический, этнографический и фольклорный материалы.

Начало литературной деятельности Д. относится к 1830 г. Его первая повесть «Цыганка» (Московский телеграф.— 1830.— Т. 36.— № 21—22) была названа издателем журнала Н. А. Полевым «превосходным сочинением» (Там же.—

№ 24.— С. 544), но широкая публика ее не заметила. Известность Д.— казаку *Луганскому* (псевдоним взят по месту рождения) принесли «Русские сказки, из предания народного изустного на грамоту гражданскую переложенные, к быту житейскому приуроченные и поговорками ходячими разукрашенные казакое Владимиром Луганским. Пятюк первый» (Спб., 1832). Используя фольклорные сюжеты, Д. свободно их изменял, комбинировал, вносил черты сентиментальности в сказочную фантастику. Из-за сатирической направленности некоторых сказок (высмеивались «блюдолизы придворные», тупые чиновники) сборник был расценен III отделением как «насмешка над правительством», запрещен и изъят из продажи. Автор был арестован, но сразу же освобожден: Николай I припомнил заслуги Д. в польской кампании и простил его. История с запрещением сказок принесла Д. известность среди литераторов. Сказки стали поводом для знакомства в 1832 г. с Пушкиным, к которому Д. пришел со своим сборником как литератор к литератору. В 1833 г. Д. встречается с Пушкиным в Оренбурге, куда поэт едет за материалами о Пугачеве. По дороге в Бердскую слободу Пушкин рассказывает Д. сказку о Георгии Храбром и волке (позже Д. ее напечатает); Д. же в ответ — сюжет «Сказки о рыбаке и рыбке». Через месяц Пушкин пришлет Д. рукопись этой сказки с надписью «Твоя от твоих! Сказочнику Казаку Луганскому — сказочник Александр Пушкин» (Майков В. В. «Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина и ее источники.— Спб., 1892.— С. 16). По свидетельству историка П. И. Бартенева, «за словарь свой Даль принял ее по настоянию Пушкина» (Бартенев П. И. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей.— М., 1925.— С. 21). В 1837 г. Д. по служебным делам оказался в Петербурге и, узнав от А. П. Башуцкого о дуэли, тотчас поспешил на Мойку, неотлучно сидел у изголовья умирающего поэта как врач и близкий друг, слышал его предсмертные слова. На память о Пушкине Д. был подарен сюртук, в котором стрелялся поэт, и его перстень-талиман с изумрудом.

В 1839 г. в «Отечественных записках» (Т. 3.— Кн. 5) появляется повесть Д. «Бедовик», где главный герой — честный и неподкупный уездный чиновник, на долю которого приходится одни невзгоды. В. Г. Белинский высоко оценил эту повесть, найдя в ней много человечности, доброты, юмора, знания человеческого и, преимущественно, русского сердца...» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— Т. III.— С. 189). С теплотой отзывался он и о более ранней повести Д. «Бики и Мауляна» (1836), рассказывающей о трагической любви казахского юноши и гордой красавицы Мауляны.

В Оренбургском крае Д. занимается не только службой и литературой. Он организует в Оренбурге зоологический музей, собирает коллекции

местной флоры и фауны, публикует статьи по вопросам медицины, составляет учебники зоологии и ботаники. В 1838 г. Академия избирает его членом-корреспондентом по отделению естественных наук.

С 1841 по 1849 г. Д. служит в Петербурге: сначала секретарем товарища министра делов Л. А. Перовского (брата В. А. Перовского), а после того, как Л. А. Перовский стал министром внутренних дел, заведует его особой канцелярией.

В 40 гг. творчество Д. развивается в русле «натуральной школы», где одним из ведущих жанров становится физиологический очерк, ставший своей целью показать человека как представителя определенной социальной среды, профессии, местности, соответствующим образом индивидуализировалась речь персонажей. При описательно-повествовательной композиции, почти бессюжетности очерков характерность речи, образа жизни персонажей была в центре внимания читателей. В 1842 г. в альманахе А. П. Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими» (Вып. 14) Д. печатает очерк «Уральский казак», который Белинский оценил как «одну из лучших статей» этого издания (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— Т. VI.— С. 560). Большую популярность принесли Д. и другие физиологические очерки: «Денщик» (Финский вестник.— 1845.— № 2), «Русский мужик» (Новоселье.— 1845.— Ч. 3), «Русак» (первая публикация неизвестна). В некрасовском альманахе «Физиология Петербурга» (1845) был напечатан очерк «Петербургский дворник» (первая публикация в «Литературной газете».— 1844.— № 38—39), признанный одним из лучших в книге. Успеху очерков Д. способствовало превосходное знание им самых разнообразных сфер русской жизни, тонкая наблюдательность, яркое своеобразие речи его героев. Н. В. Гоголь называл сочинения Д. «живой и верной статистикой России». Он писал о Д.: «Он не поэт, не владеет искусством вымысла, не имеет даже стремления производить творческие создания; он видит всюду дело и глядит на всякую вещь с дельной стороны» (Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 6 т.— М., 1959.— Т. 6.— С. 210—211). В эти годы Д. активно сотрудничает в журналах «Москвитянин», «Русская беседа», «Библиотека для чтения», «Финский вестник», «Отечественные записки» и др. В «Литературной газете» в 1844 г. он ведет раздел «Зверинец», где помещает статьи о животных, содержащие интересные наблюдения: «Медведь» (№ 3 и № 4), «Волк» (№ 9), «Лиса» (№ 16), «Верблюд» (№ 23), «О домашних животных» (№ 50).

Кроме очерков, в эти годы Д. пишет также повести и рассказы. Наиболее значительные из повестей: «Вах Сидоров Чайкин» (Библиотека для чтения.— 1843.— Т. 57.— Кн. 1), «Хмель, сон и явь» (Москвитянин.— 1843.— Ч. II.— № 3), «Павел Алексеевич Игривый» (Отечест-

венные записки.— 1847.— Т. 50.— Кн. 2), «Жизнь человека, или Прогулка по Невскому проспекту» (Москвитин.— 1843.— Ч. 1.— № 2). В них Д. также изображал «маленького человека», противопоставляя ему самодуров-помещиков, тупых блюстителей закона. В рассказах «Мертвое тело» (Русская беседа.— 1857.— Т. 2.— № 9), «Двухаршинный нос» (Современник.— 1856.— Т. 59.— № 9), «Хлебное дельце» (Отечественные записки.— 1857.— № 9) и др. Д. продолжает тему бесправия человека из народа перед законом, перед устоями общества. В 1853 г. по заказу великого князя Константина Д. выпускает сборник «Матросские досуги» («Солдатские досуги» были напечатаны в 1843 г.), оба сборника предназначались для простого народа и пользовались большим успехом. В это время Д. уже был управляющим удельной конторой в Нижнем Новгороде (с 1849 по 1859 г.). Служба в столице тяготила Д., хотя он и был правой рукой Л. А. Перовского, неохотно отпустившего его в Нижний. Хорошие отношения между ними сохранились, что видно из переписки, где Д. часто обращается к Л. А. Перовскому с просьбами помочь крестьянам Нижегородской губ. В течение всей своей многолетней службы Д. очень добросовестно исполнял свои обязанности; несмотря на умеренность своих политических взглядов, искренне любил крестьян и всегда стремился помочь им в решении отдельных вопросов. Вскоре после смерти Л. А. Перовского (1856) Д. по состоянию здоровья и из-за конфликта с новым министром подает в отставку и поселяется в 1859 г. в Москве.

К середине XIX в. значительно вырос интерес русского общества к истории, этнографии, фольклору. 19 сентября 1845 г. на квартире у Д. в Петербурге состоялось учредительное собрание Русского географического общества, развернувшего вскоре большую собирательскую работу. В 1845—1846 гг. в журнале «Иллюстрация» Д. печатает свои статьи о народных верованиях. (Позже они вышли отдельной книгой: О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа.— Спб.,— М., 1880.) В эти же годы появляются статьи Д. о языке (первая была написана по-немецки в 1835 г.): «Полтора слова о нынешнем русском языке» (Москвитин.— 1842.— № 2) и «Недовесок» к той же статье (Там же. № 9). В 1847 г. Д. выступает на заседании географического общества с докладом, в котором раскрывает свой замысел составления сборника пословиц (см.: Современник.— 1847.— № 6). В 1852 г. в статье «О наречиях русского языка» (Вестник Императорского Русского Географического Общества.— Кн. V.— 1852; отд. изд.— Спб., 1852) Д. намечает основные разделы русской диалектологии, дает характеристики отдельным наречиям. На отношение Д. к языку сказывались его политические воззрения, близкие к славянофилам: он призывал к очищению русского

языка от «иноземщины», подчас доходя здесь до крайности. Не случайно в 60 гг. статьи Д. о вреде грамотности (если она не сочетается с «просвещением») вызвали полемику в ведущих журналах (Пыпин А. Н. История русской этнографии.— Спб., 1890.— Т. 1.— С. 419).

В 1853 г. Д. представил в Академию наук свой сборник «Пословицы русского народа», включавший свыше 30 тысяч пословиц, поговорок, загадок, прибауток, народных верований. На титульном листе стоял эпиграф: «Пословица несудима». В «Напутном» (предисловии к сборнику) Д. обращался к своим читателям: «Что если бы каждый любитель языка нашего и народности, пробегая на досуге сборник мой, делал заметки, поправки и дополнения, насколько у кого останется знания и памяти, и сообщал бы заметки свои, куда кому сподручнее, для напечатания, или передавал бы их собирателю — не правда ли, что следующее издание, если бы оно понадобилось, могло бы оставить далеко за собой первое? Дружно — не грузно, а один и у каши загорит» (Пословицы русского народа. Сборник В. Даля.— М., 1957.— С. 31). Своих помощников в собирании Д. называл «добродетельными дателями». Академик А. Х. Востоков дал положительный отзыв на сборник Д., но второй рецензент, протоиерей-академик И. С. Кочетов, категорически воспротивился печатанию сборника, охарактеризовав его как «куль муки да шепотку мышьяку» и заявив, что «он небезопасен» и «посягает на развращение нравов». (Материалы цензурной истории сборника Д. хранятся в Институте русской литературы АН СССР.) «Пословицы русского народа» были напечатаны лишь в 1861—1862 гг., после смерти Николая I. Помимо этой книги, Д. под псевдонимом *Русопят* составил сборник эротических пословиц «Русские заветные пословицы и поговорки», который по цензурным соображениям так и не был напечатан (см.: Шахнович М. Краткая история собирания и изучения русских пословиц // Советский фольклор.— М., 1936.— Вып. 4—5.— С. 368).

«Живое слово дороже мертвой буквы» — Д. любил эту пословицу и на протяжении всей жизни собирал слова, народные выражения, стремясь показать богатство живого языка, а через него — раскрыть различные стороны народной жизни. Ни служба, ни занятия литературой и наукой не могли прервать его настойчивой и кропотливой работы по составлению «Толкового словаря живого великорусского языка». Полностью отдать этому главному делу своей жизни Д. смог после выхода в отставку. Первый том словаря был издан в 1863 г. Обществом любителей российской словесности, расходы по выпуску следующих томов взял на себя Александр II, пожаловавший Д. орденскую ленту. Последний, 4-й том словаря вышел в 1866 г. Академия наук присудила Д. за словарь Ломоносовскую премию и избрала его в почетные члены, Географическое общество на-

градило золотой Константиновской медалью, а Дерптский университет прислал диплом и немецкую премию.

В словарь Д. вошло более 200 тысяч слов, из них 80 тысяч собрано самим Д., они не входили раньше ни в один словарь. Впервые Д. применил расположение слов по гнездовому способу. Объясняя этот способ составления словаря, Д. писал: «При обработке словаря своего составитель его следовал такому порядку: идучи по самому полному из словарей наших, по академическому, он пополнял его своими запасами; эта же работа пополнялась еще словарями... и затем, собрав слова по гнездам, составитель пополнял и объяснял их по запискам и по крайнему своему разумению...» (Толковый словарь живого великорусского языка.— М., 1878.— Т. 1.— С. XXVI). Эти «записки» и «разумение» Д.— большого знатока народной жизни, рассказывали о труде крестьян, их быте, народном искусстве, верованиях, мироощущении. При объяснении значений слов Д. пользовался пословицами, поговорками, народной фразеологией.

В последние годы своей жизни Д. переиздает свои художественные произведения. В 1861 г. выходит полное собрание его сочинений в 8 т. (СПб., 1861). В своем доме на Пресне (сохранившемся) Д. мастерит ларцы, вырезает рогатые мотовила для пряжи, трудится на токарном станке. В то же время увлекается спиритизмом, учением шведского духовидца Э. Сведенборга, даже пытается переключать Апокалипсис по словарю таинственных слов, указанных Сведенборгом. За год до смерти Д. принял православие (чтобы быть похороненным недалеко от дома на Ваганьковском кладбище). До последней минуты он трудился над словарем, готовил его второе издание.

Д. вошел в историю нашей культуры прежде всего как создатель «Толкового словаря живого великорусского языка», отразившего с исключительной полнотой словарный состав языка XIX в. Словарь Д. выдержал шесть изданий. «Богатством материала труд Д. превышает все, что когда-нибудь у нас было сделано силами одного лица», — писал А. Н. Пыпин в своей «Истории русской этнографии» (СПб., 1890.— Т. 1.— С. 346) Д. фактически совершил подвиг в науке, создав за 50 лет труда словарь, «для составления которого потребовалась бы целая академия и целое столетие» (Мельников П. И. (А. Печерский). В. Даль. Критико-биографический очерк // Полн. собр. соч. В. Даля.— СПб., М., 1897.— Т. 1.— С. XXIV—XXVI).

Высоко оценивают деятельность Д. и ученые-фольклористы. «Пословицы русского народа» — крупнейшее собрание малых жанров народного творчества, тем более ценное, что Д. не занимался отбором пословиц, а дал объективную картину мировоззрения народа со всеми его противоречиями. Сборник пословиц, собранных Д., живет активной жизнью. Старые народные пос-

ловицы живут в произведениях писателей, в повседневной речи людей как мудрость народа, как золотой фонд его творчества. СобираТЕЛЬСКОЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д. не ограничивалась словарем и сборником пословиц. Большое количество записанных им сказок было передано А. Н. Афанасьеву для его сборника «Народные русские сказки», записи песен вошли в собрание песен П. В. Киреевского, лубочные картины, собранные Д., стали основной частью труда Д. А. Ровинского «Русские народные картинки» (см.: Азадовский М. К. История русской фольклористики.— М., 1963.— Т. II.— С. 24).

В историю русской литературы Д. вошел прежде всего как автор физиологических очерков, ценных своей этнографической точностью и речевыми характеристиками персонажей, выразительными сценами «с натуры». И. С. Тургенев восхищался языком произведений Д.: «Слог у Даля чисто русский, немножко мешковатый, немножко небрежный (нам крайне нравится эта мешковатость и небрежность), но меткий, живой и ладный...» (Тургенев И. С. Собр. соч.: В 12 т.— М., 1956.— Т. 11.— С. 101). Высоко ценил творчество Д. и М. Горький: «Его очерки — простые описания природы такую, какова она есть. Эти очерки имеют огромную ценность правдивых исторических документов... Даль не художник, он не пытается заглянуть в душу изображаемых им людей, зато их внешнюю жизнь он знает, как никто не знал ее в то время» (Горький М. История русской литературы.— М., 1939.— С. 187).

Соч.: Автобиографическая записка // Русская старина.— 1878.— № 5; Полн. собр. соч. В. Даля (Казань Луганского): В 10 т.— СПб., 1897—1898; Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Под ред. А. И. Бодуна де Куртене.— СПб., 1912—1914; Рассказы. Очерки. Сказки / Вступ. ст. Л. П. Козловой.— Л., 1961; Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. / Вступ. ст. А. М. Бабкина.— М., 1978—1980; Повести и рассказы / Вступ. ст. Ю. М. Акутина и др.— М., 1984; Избр. произв. / Сост. Н. Н. Соколовой.— М., 1983; Бикей и Мауляна. Повести. Рассказы. Очерки / Послед. М. Чванова.— Челябинск, 1985. *Лит.:* М а й к о в Л. Н. Пушкин и Даль // Пушкин.— СПб., 1899; Цейтлин А. Г. Становление реализма в русской литературе.— М., 1965; П у р о д о м и н с к и й В. И. В. И. Даль.— М., 1971; Б е с с а р а б М. Я. Владимир Даль.— М., 1972; Кулешов В. И. Натуральная школа в русской литературе XIX века.— 2-е изд.— М., 1982. В. Н. Ильинская

ДАНИЛЁВСКИЙ, Григорий Петрович, псевдоним — *А. Скавронский* [14(26).IV.1829, с. Даниловка Изюмского у. Харьковской губ.— 6(18).XII.1890, Петербург] — прозаик, переводчик. Принадлежал к старинному роду украинских помещиков. Детские годы прошли в атмосфере патриархальной старины. Большую роль в раннем развитии ребенка сыграли простые дворовые — няня Аграфена, ее муж Анисим. «Сказки этих стариков производили глубокое впечатление. Бывало, рассказ давно кончен... а у детского изголовья всю ночь до утра отзывается жалобный голос рыбки, бывшей когда-то красавицей-хуто-

рянкой, стучит-гремит по лесу страшная кобыля голова, шепчутся и шелестят степные травы, которым вьмает казак-пленник в Крыму, плачет переселенная в свирель душа зарезанной девочки...» (Соч.— Т. 8.— С. 94—95). Поэтический мир народных преданий Украины и ее природы, во многом определивший детские впечатления Д., отразился впоследствии и в его творчестве. Мальчик рано потерял отца. Его воспитанием занималась мать — Екатерина Григорьевна Купчинова, женщина образованная, начитанная, талантливая музыкантша, оказавшая влияние на духовный склад сына. Подробные письма Д. к матери заключают богатый материал для его биографии.

В 1841 г. Д. был определен в Московский дворянский институт — знаменитое учебное заведение, посвященное именами В. А. Жуковского, А. С. Грибоедова, М. Ю. Лермонтова, К. Ф. Рыльева, Ф. И. Тютчева. Гуманитарное направление института способствовало формированию литературных способностей Д., который в эту пору «до безумия влюбился в поэзию» (Т. 14.— С. 219). К этому времени относятся и его первые литературные опыты. Но жизнь в Москве кажется ему «беззаботной». Его манит Петербург, привлекает чиновничья карьера. В 1846 г. по окончании института он поступает в Петербургский университет на камеральное отделение юридического факультета, изучает экономические и естественные науки и не оставляет литературных занятий. В 1849 г. Д. был неожиданно арестован по делу петрашевцев и заключен в Петропавловскую крепость. Вся его переписка была конфискована и представлена в III отделение. Поводом к аресту послужило его знакомство со слушателем университета петрашевцем В. П. Катеневым. Сам Д. к кружку петрашевцев никогда не принадлежал. Почти через 4 месяца он был освобожден за недостатком улик, но еще некоторое время находился под надзором полиции. В 1850 г. Д. успешно закончил университет. С 1850 по 1857 гг. служил в министерстве народного просвещения. Выезжая по роду своей деятельности в командировки, Д. работал в монастырских архивах, знакомясь с древними рукописями исторического содержания в Курской, Харьковской, Екатеринославской губ., собирая материалы о Петровской эпохе в Полтаве. Впечатления от командировки 1856 г. по изучению истории и этнографии прибрежных районов юга России отразились в дальнейшем на творчестве Д., определив как типы героев, так и место действия его первых романов. Он вхож в литературные салоны Петербурга и Москвы, сходитя с М. П. Погодиным, посещает вечера поэтессы гр. Е. П. Ростопчиной, бывает у С. П. Шевырева и А. Ф. Вельтмана, находится под покровительством П. А. Плетнева, встречается с А. Н. Майковым, Н. Ф. Щербиной, Я. П. Полонским, Л. А. Меем, О. И. Сенковским, А. В. Дру-

жининым и др. Неизгладимое впечатление на Д. производит знакомство с его кумиром — Н. В. Гоголем (1851), описанное в литературных воспоминаниях («Знакомство с Гоголем», 1886). Интерес Д. к украинской национальной культуре проявился в этот период в работе над биографией писателя Г. Ф. Квитки-Основьяненко, в изучении жизни и творчества философа XVIII в. Г. Сковороды, статьи о которых впоследствии вошли в цикл очерков «Украинская старина» (1866). В конце 50 гг. Д. сотрудничал во многих периодических изданиях: «Московские ведомости», «Северная пчела», «Голос», «Санкт-Петербургские ведомости», «Одесский вестник», «Биржевые ведомости» и др. Увлечение литературой привело к убеждению, что «литератор выше всякого чиновника» (Т. 1.— С. 61), а обращение к историческому прошлому и настоящему Украины заставило бросить чиновничий Петербург и уехать на родину. Там в 1857 г. Д. женился на дочери местного помещика Ю. Е. Замятиной. Общественная деятельность, в которую он вошел в период подготовки крестьянской реформы, став выборным от дворян в Харьковский губернский комитет по улучшению быта помещичьих крестьян, дает обильный материал для изучения жизни крепостных и их отношений с помещиками. Относятся сочувственно к тяжелому положению крестьян и иронически изображая их хозяев, Д. тем не менее не видит антагонизма между этими классами (рассказ «Село Сорокопановка», 1859; очерк «Пенсильванцы и каролинцы», 1860). Он призывает к «полюбовному» разделу земли (статья «Харьковский крестьянин в настоящее время», 1858). С 1865 г. Д. состоит членом Харьковского земства, почетным мировым судьей Змиевского у. (1867) и пр. В 1860 г. Д. выезжает за границу. Свои впечатления о пребывании во Франции, Англии, Германии, Италии, Венгрии он изложил в «Письмах из-за границы» (1867). С 1869 г. писатель вновь в Петербурге. Он становится членом Совета по делам печати и бессменным сотрудником, а потом редактором газеты «Правительственный вестник». Дослужился до чина тайного советника. Умер от болезни почек, похоронен в с. Пришиб Харьковской обл.

Д. дебютировал как поэт в середине 40 гг. В 1849 г. была опубликована поэма «Гвайя-Ллри» («Библиотека для чтения») о завоевании Мексики испанскими колонизаторами. Ища свой путь в литературе, Д. обрабатывает в стихотворной форме слышанные в детстве украинские сказки, пробует себя и в драматургии: пьеса «Пир у поэта Катуллы» (1852) шла на сценах Петербурга и Москвы. Он также много работает над переводами произведений Байрона, Шиллера, Лонгфелло, Новалиса, Мицкевича и драм Шекспира «Ричард III» и «Цимбелин». Свообразным рубежом, как бы завершающим подготовительный период творчества Д., явился рассказ «По-

весть о том, как казак побывал в Бахчисарае» («Современник», 1852). Несмотря на явное влияние «Вечеров на хуторе близ Диканьки», в нем определились оригинальные черты, характерные для ряда рассказов Д., составивших его первый сборник «Слобожане» (1853), — национальный колорит пейзажных и бытовых зарисовок, сделанных с мягким юмором и наблюдательностью. Автору кажется, что он нашел себя. «Сказки были мои только по форме, Шекспир — по языку, а это все мое». «Я теперь узнал, ... в чем могут состоять мои силы», — пишет он матери о «Слобожане» (Т. 1. — С. 57).

В 1862 г. вышел первый роман Д. «Беглые в Новороссии» («Время») под псевдонимом А. Скворонский, действие которого происходит накануне крестьянской реформы. Его герои — крестьяне, бежавшие в поисках воли от крепостной зависимости и своих хозяев-притеснителей и попавшие в новую, еще более ужасную кабалу. Таков Левенчук, вызывающий сочувствие автора. Вначале нерешительный, тихий и робкий, он, доведенный до отчаяния, поднимается до активного протеста, готовый на убийство богача-душегуба Панчуковского за поруганную жизнь, за искаленную жизнь. Бесправие беглых писатель сравнивает с положением черных невольников в Америке, а украинских «плантаторов» — с американскими рабовладельцами. Яркий крепостник Панчуковский, отвергая необходимость крестьянской реформы, находит крепостному праву даже «нравственное» оправдание: «Ведь рабство — это труд, а труд — кусок хлеба, а хлеб — честь, нравственность!» (Т. 2. — С. 49). Выход в свет первого романа Д. был сопряжен с цензурными осложнениями, возникшими, в частности, из-за образа священника Павладия — защитника всех сирых и обездоленных, ставящего выше духовных книг сочинения В. Г. Белинского. О публикации «Беглых в Новороссии» хлопотали бр. М. М. и Ф. М. Достоевские, в чьем журнале роман был напечатан. Содержание романа раскрывается при помощи запутанной фабулы, излишних нагромождений в сюжете, избыточном приключении и немотивированными, случайными эпизодами. Это дало повод М. Е. Салтыкову-Щедрину подвергнуть произведение резкой критике и упрекнуть его автора в отсутствии «признаков жизненной правды» (Щедрин Н. Полн. собр. соч. — Т. 5. — С. 356).

Написанный вскоре второй роман Д. «Воля» («Время», 1863) является своеобразным продолжением «Беглых в Новороссии», на что указывает и подзаголовок «Беглые воротились». Характеры и события «Воли» складываются непосредственно под влиянием реформы о крепостном праве, обманувшей надежды крестьян. Возвращаясь в свои родные места к крестьянскому труду, беглые не получали земельных наделов. Сомнение крестьян в их освобождении в период подготовки реформы («Село Сорокопановка») за-

меняется в «Воле» открытым возмущением: «На нас надули, обманули! Настоящий закон спрятан» (Т. 3. — С. 71). Д. в новом романе удалось отразить логику событий, приводивших к пореформенным крестьянским волнениям. «Воля та, когда сам ее взял», — поучает горький бродяга Зинец Илью Танцура — главного героя книги. Судьба Зинца, рассказанная в своеобразной вставной новелле, напоминает историю Левенчука, отомстившего своему барину. Илья Танцур уже не бунтарь-одиночка, а крестьянский вождь, способный повести за собою массы. Танцур, ставящий дело народного отпущения выше личного благополучия, противопоставлен в нравственном плане персонажам, представляющим местную дворянскую среду. Изображенная в сатирических тонах земельная тяжба между генералом Рубашкиным и местной помещицей Перебоченской позволяет показать взяточничество, махинации и подкуп властей. Однако либерал Рубашкин и крепостница Перебоченская объединяются перед лицом крестьянского бунта, отстаивая свои сословные интересы. По своей форме роман «Воля» выгодно отличается от «Беглых в Новороссии»: его сюжет в значительной степени утрачивает авантюристичность.

Первые романы Д. были написаны в период демократического подъема в России, и сам писатель подчеркивал решающую роль в их создании «освободительной поры пятидесятых годов» (Т. 1. — С. 94). Обращение к народной жизни, разработка крестьянской темы, интерес к этнографическому материалу, положенному в основу повествования, сатирическое изображение представителей дворянства было данью Д. литературной демократической традиции начала 60 гг. и претерпело впоследствии трансформацию в его творчестве. В его последующих произведениях социальные противоречия были значительно сглажены. В романах «Новые места» («Русский вестник», 1867) и «Девятый вал» («Христова невеста») («Вестник Европы», 1874) главный герой уже не человек из народа, а буржуазный предприниматель, «честно» отдающий свой труд на пользу России. Писатель не видит зла и разрушительной силы, которые несет с собой капиталистический строй. По его представлениям, будущее — за «деловым человеком», сменяющимся в общественном плане «лишних людей». Мотив народного бунта вновь возникает у Д. в его последнем романе «Черный год» («Пугачевщина») («Русская мысль», 1888—1889), где он обратился ко времени Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева (1773—1775). Но в народном движении Д. увидел лишь случайность. Он не понял истинных социальных причин восстания и пытался разрешить психологическую задачу: «Почему <...> наш бедный, темный народ, сбитый с толку самозванцем, в коем он видел царя... пролил столько крови, будучи от природы добрым?» (Институт русской литературы.

Рукописное отделение.— Ф. 559.— № 36.— Л. 13). Отношение автора к пугачевскому восстанию подчеркнуто и в заглавии книги. Сатирические типы крепостников первых романов Д. уступают место идеализированным героям из дворян, отечески заботящимся о своих подопечных.

В романе «Черный год» Д. продолжает освоение исторической тематики, которая с 70 гг. становится ведущей в его творчестве. Интерес к историческим сюжетам проявлялся у писателя еще в 50 гг. (рассказы «Вечер в тереме царя Алексея», «Царь Алексей с соколом», «Екатерина Великая на Днепре»). К началу 70 гг. относится цикл художественных очерков «Семейная старина» из истории рода Д., к 1878 г.— роман «Потемкин на Дунае». Широкую известность Д. принес роман «Мирович» (первоначальное название «Шлиссельбургский узник»), написанный в 1875 г. Он был запрещен цензурой и напечатан только в 1879 г. («Вестник Европы») с измененным заглавием. В нем писатель обратился к эпизоду из истории российского престола середины XVIII в.— убийству при попытке освобождения офицером Мировичем таинственного Шлиссельбургского узника Ивана Антоновича, провозглашенного в младенчестве императором и низложенного вскоре гвардейцами Елизаветы.

Использование Д. документальных источников, лежащих в основе повествования, отразило уровень развития отечественной историографии 70 гг., когда, наконец, стали доступны многие запрещенные материалы. Писателя отличает внимательное отношение к историческим сведениям. Роман «Мирович» включает непосредственно документы эпохи (Д. был известен, напр., дневник Мировича, он первым установил факт посещения принца Петром III, неизвестный даже историку С. М. Соловьеву), различные версии событий (особенно ценными из них писатель считал записки В. П. Кочубея (1860) и Д. Н. Блудова (1871), работы историков М. И. Семевского (1866), А. Г. Брикнера (1874), С. М. Соловьева (в 1875 г. вышел 26 т. «История России»), Д. интересовался мнением академика Я. К. Грота и преданиями своего рода (прадед писателя, земляк Мировича, воспитывался с ним в одном корпусе). Единственным литературным источником был план к роману у Мировича Г. Ф. Квитки-Основьяненко (Русский архив.— 1863.— Вып. 2.— С. 160—170), откуда Д. заимствовал некоторые сюжетные ходы.

Авторская трактовка исторических лиц и событий романа не выходила за рамки дозволенного. Трагедию ни в чем не повинного Иоанна Д. не связывал со злой волей монархов, которые, как оказывается, даже проявляли к нему сочувствие (Елизавета плачет, глядя на него, Петр III собирается разделить с ним трон и пр.). Несчастный принц показан игрушкой в руках судьбы, невольной жертвой роковых обстоятельств. Тем не менее объективно речь шла о прес-

тупной природе самой монархической власти, утверждающейся на крови. Перед новой императрицей вновь неминуемо встает дилемма — сострадание или спокойствие трона, и она поощряет Панина за жесткое ее решение: «Империиум мой <...> всегда будет крепок с такими слугами» (Т. 10.— С. 23).

Герои «Мировича» не производят впечатления людей, искусственно перенесенных в чуждую для них среду. Они представляют конкретную историческую эпоху. Особое мастерство Д. проявилось в изображении внешних черт эпохи — ее предметного мира и быта. Этнографический материал романа и занимательность и драматизм фабулы, «сочиненной самой исторической действительностью», были, по мнению критики, причиной его популярности (М и х а й л о в с к и й Н. К. К теории вольницы и подвижника.— С. 726). Отмечая «добросовестность» Д. в обращении с историческим материалом, критика в то же время указывала на «злоупотребление историческими лицами», которые произвольно сближаются в сюжете, что нарушает историческую достоверность романа (А в с е е н к о В. Г.) Мирович. Исторический роман в трех частях Григория Данилевского // Русский вестник.— 1879.— № 9.— С. 398—423; С к а б и ч е в с к и й А. М. История новейшей русской литературы.— С. 371). Резко отозвался о Д. в статье «Бесплодная нива» Н. В. Шелгунов, упрекая его за отсутствие «историко-политической точки зрения» и измерение исторических героев «моральным аршином» (Дело.— 1880.— № 10.— С. 41—53).

Своеобразным продолжением «Мировича» был роман «Княжна Тараканова» (1883), разбирающий сходную проблематику на материале той же эпохи. В основе его сюжета лежит авантюрная история самозванки — претендентки на царский престол, выдававшей себя за дочь императрицы Елизаветы. Вновь применяя нравственный критерий к оценке исторических событий, Д. симпатизирует своей героине, жертве борьбы за власть, и осуждает ее врагов. При создании образа А. Орлова Д. отступает от стереотипа в изображении личности графа как исполнителя века и показывает его жестокость и вероломство. Форма дневника очевидца событий лейтенанта Концова, в которой дана I часть романа, свидетельствует о мастерстве авторской стилизации. Сведения о княжне Таракановой, на которые опирался Д. в романе, стали доступны в России только в 60 гг.: доклад В. Н. Панина, опубликованный в «Чтениях Московского общества Истории и Древностей» (М., 1867.— Кн. 1); «Заметки о самозванцах в России» С. М. Соловьева (Русский архив.— 1868.— № 2) и др. Особое влияние на Д. оказал очерк П. И. Мельникова-Печерского «Княжна Тараканова и принцесса Владимирская» (Русский вестник.— 1867.— Т. 69—70). В отличие от «Мировича» у «Княжны Таракановой» были литературные параллели

(Карнович Е. П. Самозванные дети. Историческая повесть из времен императрицы Екатерины II.— Спб., 1880; С а л и а с Е. А. Принцесса Володимирская.— Спб., 1882; Сухонин П. П. (А. Шардин). Княжна Владимирская (Тараканова), или Защищенные капиталы.— Спб., 1883). Произведения Д. выделялись на фоне массовой исторической беллетристики этого периода деликатным отношением автора к историческому факту, умением воссоздать колорит эпохи и своей гуманистической направленностью. Особенно часто писатель обращался к эпохе XVIII в. Современники считали Д. «большим знатоком XVIII в.» (Некролог.— С. 11). Но он отдал дань и другим периодам русской истории. Петровскому времени посвящен роман «На Индию при Петре» (1880) и последнее незаконченное произведение «Царевич Алексей». В 1883 г. Д. публикует отрывки из незавершенного романа о декабристах «Восемьсот двадцать пятый год». Лучшим его произведением часто называют роман «Сожженная Москва» («Русская мысль», 1886) на тему Отечественной войны 1812 г. В «Сожженной Москве» Д. остался по-прежнему верен своему излюбленному способу отражения исторической действительности, в основе которого лежит авторский интерес к отдельному эпизоду из прошлого. Поэтому внимание автора сосредоточено на перипетиях личной жизни героев, на их переменчивых в условиях войны судьбах, сами же исторические события составляют фон повествования. В центре сюжета «Сожженной Москвы» — романтическая история исключительной любви Авроры и Базиля Перовского. Война властно вторглась в их судьбы, разрушила их счастье. Базиль испытывает все тяготы плена, Аврора становится партизанкой и погибает при попытке убить Наполеона. Характер героини дан в романтическом ключе и своими идеальными чертами напоминает пушкинскую Полину из «Рославлева» — обеих сближает смелость души и страстная любовь к Отечеству, их вдохновляют одни и те же примеры библейской Юдифи, Марфы Посадницы, Шарлоты Корде.

Традиции «Рославлева» осязными и в изображении настроений русского аристократического общества, претерпевшего эволюцию в своем отношении к Наполеону. Сохранена пушкинская ирония в адрес великосветского «патриотизма» тех, чьи чувства выражались в нюхании русского табака и предпочтении щей лафиту. Так, княгиня Шелешпанская выдворяет из молитвы портрет своего бывшего кумира Наполеона и велит привесить надпись «Убийца и злодей». Развенчание культа Наполеона не приводит Д. к потере чувства меры, как, напр., это происходит с Д. Л. Мордовцевым в романе «Двенадцатый год» (1879). Но, оценивая личность Наполеона с нравственных позиций и развеивая миф о его величии, Д. в то же время считает его единственным виновником войны. В этом, в частности,

сказалось противоречие писателя в понимании роли личности в истории.

Разоблачение завоевателя составляет часть антивоенной темы, которая раскрывается в изображении патриотической борьбы с ним защитников России. Символом ее является образ спаленной, но не покоренной Москвы. В ряде выразительных эпизодов показана самоотверженность простых людей — старосты Клина, дворцового Сокова, дворника Карпа, мельника Петра, поджигающего свою избу с находившимися в ней французами, и др. «Вот он, русский-то народ! Они вернее и проще нас поняли просвещенных наших завоевателей», — думает Перовский (Т. 13.— С. 91). Его образ навеян личностью В. А. Перовского, участника событий 1812 г., знакомого Д. по его «Запискам» о пребывании в плену у французов (Русский архив.— 1865.— № 3), непосредственно использованных в романе, и по рассказам о нем историка М. П. Погодина. Обращение писателя к эпохе, прочно ассоциировавшейся с романом-эпопеей Л. Толстого «Война и мир», стало предметом обсуждения в критике 80 гг. (В. П. Буренин, Е. М. Гаршин, А. М. Скабичевский и др.). Однако подчеркивалось, что Д. удалось осветить «незатронутый Толстым уголок тогдашней эпохи» (Русское богатство.— 1886.— № 4.— С. 216. Анонимно).

Находясь под обаянием творения Толстого, писатель ездил в Ясную Поляну (1885) с целью показать ему свое сочинение, и Толстой, по свидетельству Д., просил его напечатать роман. Явное влияние книги Толстого на «Сожженную Москву» проявилось не только во внешнем сходстве некоторых героев и положений, но и в своеобразном обращении Д. к толстовской традиции в трактовке войны как национального бедствия, в изображении народного сопротивления, в развенчании личности Наполеона. «Сожженная Москва» была сочувственно встречена современниками. Ее причисляли к «лучшим историческим романам, какие в последние годы являлись в нашей литературе» (Исторический вестник.— 1887.— № 1.— С. 208. Подпись: А. М.). Это произведение Д. не утратило читательского интереса и до наших дней.

Сочинения Д., одного из самых популярных исторических романистов 70—80 гг., выдержали 6 прижизненных изданий (с 1876 г.), с 1874 г. они переводились на многие европейские языки.

Соч.: Соч.: В 24 т. / Биограф. очерк С. Трубачева.— 9-е изд.— Спб., 1902; Мирович. Княжна Тараканова. Сожженная Москва / Подгот. текста и примеч. Б. В. Яковлева.— М., 1961; Мирович. Княжна Тараканова. Сожженная Москва.— М., 1977; Сожженная Москва / Вступ. ст. Г. Богуславского.— М., 1968; Сожженная Москва: Исторический роман / Примеч. Э. С. Виленской.— М., 1979; Беглые в Новороссию. Воля. Княжна Тараканова / Послел. Э. Виленской.— М., 1983.

Лит.: Сокальский П. П. Поэзия труда и борьбы // Русская мысль.— 1885.— № 11.— С. 149—167; № 12.— С. 25—43; Гаршин Е. Критические опыты.— Спб., 1888.—

С. 131—134, 138—140; Левин С. С. Григорий Петрович Данилевский // Исторический вестник.— 1890.— № 4.— С. 154—170; Григорий Петрович Данилевский. Некролог.— Спб., 1890 (оттиск из № 268 «Правительственного вестника», 1890); Скабичевский А. М. История новейшей русской литературы.— Спб., 1891.— С. 233—235, 371—373. Данилевский М. Г. Г. П. Данилевский, по личным его письмам и литературной переписке.— Харьков, 1893; Грубачев С. С. Г. П. Данилевский: Биографический очерк.— Спб., 1893; Михайловский Н. К. К теории волюнции и подвижников: Мирovich. Исторический роман в трех частях Г. П. Данилевского // Михайловский Н. К.— Спб., 1897.— Т. IV.— С. 722—735; Черкас А. Г. П. Данилевский // Русский биографический словарь под наблюдением А. А. Половцева.— Спб., 1905.— Т. 6.— С. 63—66; Салтыков-Щедрин М. Е. Литературная подпись // Щедрин Н. Полн. собр. соч.— М., 1937.— Т. 5.— С. 284—286; Он же. Воля. Два романа из быта беглых А. Сковронского // Там же.— С. 354—362; Он же. Новые сочинения Г. П. Данилевского (А. Сковронского, автора «Беглых в Новороссии») // Там же.— Т. 8.— С. 308—311; Апостолов Н. Н. Л. Н. Толстой и Г. П. Данилевский // Лев Толстой и его спутники.— М., 1928.— С. 215—218; Лотман Л. М. Роман из народной жизни. Этнографический роман // История русского романа: В 2 т.— М.; Л., 1964.— Т. 2.— С. 390—415; Петров С. Русский исторический роман XIX века.— М., 1964.— С. 434—435; Киимова Л. Х. Исторический роман Г. П. Данилевского «Мирович».— Нальчик, 1979; Она же. Нравственное и историческое в романе Г. П. Данилевского «Княжна Тараканова» // Филологические науки.— 1981.— № 1.— С. 68—72; Она же. «Соженная Москва» и «Война на мир»: Традиции Льва Толстого в романе Г. П. Данилевского // Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова. Филология.— М., 1984.— № 1.— С. 44—49. Т. В. Романова

ДЕДЛОВ (настоящая фамилия *Кигн*), Владимир Людвигович [15 (27).I.1856, Тамбов — 4 (17).VI.1908, Рогачев] — публицист, прозаик, критик. Родился в небогатой дворянской семье. Отец писателя — выходец из Пруссии, носил фамилию Кйһп, которая при переселении его предков в Польшу в XVIII в. была записана как *Кигн*. Отец и дядя Д. стали первыми в роду католиками. Мать — Елизавета Ивановна, урожденная Павловская — дочь подполковника, белорусского дворянина — передала сыну и свою православную религию, и любовь к Белоруссии, и интерес к литературе (Е. И. Павловская — автор статей о фольклоре, составитель сборника «Народные белорусские песни».— Спб., 1853.— См.: Букчин С. В.— С. 79—81). Д. считал себя «и православным, и русским» (Северный вестник.— 1895.— № 7.— С. 79).

Образование Д. получил в Москве, сначала в немецкой «петершule», затем в русской классической гимназии. В 15 лет он увлекся идеями крестьянского социализма и даже организовал пропагандистский кружок. Это увлечение было недолгим и неглубоким, однако Д. был исключен из старшего класса гимназии, и ему пришлось завершить курс в ряде частных учебных заведений. «Мученичество» школьных лет, с муштрой и схоластикой, он впоследствии запечатлел в очерках «Школьные воспоминания» (Спб., 1902). В 1875 г. Д. поступает на юридический факультет Петербургского университета. В студенческие годы сближается с художниками, знатоками искусств, группировавшимися вокруг профессора А. В. Прахова, печатает рецензии, литературно-

художественные обозрения в журнале «Пчела».

Дебют Д. как писателя — рассказ «Экзамен зрелости» (газета «Неделя».— 1876.— № 3—5.— 15 апр.). Начинающий писатель послал письмо И. С. Тургеневу, в ответ на которое получил доброжелательное напутствие (хотя рассказа Тургенев не читал), содержащее характеристику «объективного писателя», которого «изучение человеческой физиономии, чужой жизни интересует больше, чем изложение собственных слов и мыслей...» (Письмо В. Л. Кигну от 16 июня 1876 г. // Тургенев И. С. Собр. соч.— М., 1858.— Т. 12.— С. 492). В рассказе Д. намечена одна из ведущих впоследствии его тем — «созревание» личности в борьбе идеального и прозаического, будничного начал. Герой-гимназист надеется стать «гражданином человечества», но одновременно предвидит одиночество и нравственное опустошение.

По окончании университета (1878) Д. служит в земском отделении министерства внутренних дел, совмещая службу с занятиями литературой; с 1880 г. он постоянный автор «Недели», выходят циклы его очерков и этюдов: «Белорусские силуэты», «Издалека» (Спб., 1887), «Мы. Этюды» (М., 1889). Он печатается в журналах «Наблюдатель», «Вестник Европы», «Книжках Недели» и др. под псевдонимами: *1* (Единица), *А. Б.* и *В. Дедлов* (по названию родового имени Дедлово). В конце 80 гг. он выступает в «Неделе» с литературными обзорами. В 1886 г. оставляет службу, всецело посвящая себя литературе, искусству, путешествиям. Результатом длительных поездок (в качестве корреспондента «Недели») явились «Приключения и впечатления в Италии и Египте. Заметки о Турции» (Пб., 1887), «Франко-русские впечатления. Письма с парижской выставки» (Пб., 1890). «Все образно, живо, весело, просто, жизненно — качество весьма редкое в описаниях путешествий», — писал рецензент «Русского богатства» о первой из этих книг (1888.— № 1.— С. 238). Достижения западной цивилизации Д. оценивает с точки зрения их пользы для народных масс. В 90 гг. он пишет в популярных в то время малых жанрах (этюды, зарисовки «с натуры»), черпая материал из жизни городской интеллигенции, чиновничества и пр. Позднее эти произведения были объединены в сборник «Лирические рассказы» (Пб., 1902), «Просто рассказы» (Пб., 1904). В 1892 г. выходит в свет единственная большая повесть Д. «Сашенька». В этом же году состоялось заочное знакомство Д. с А. П. Чеховым (встретились они немного позднее, их переписка охватывает период с 1892 по 1903 г.). В 90 гг. Д. служит в переселенческой конторе Оренбурга, где наблюдает мучительный процесс освоения Сибири русским крестьянством. «Переселенцы и новые места. Путевые заметки» (Спб., 1894) были высоко оценены критикой за правдивое изображение бедствий крестьян, страдающих от

голода, болезней, нерасторопности и равнодушия чиновников (см.: Литературные приложения к «Ниве». — 1894. — № 12. — С. 749; Мир божий. — 1894. — № 12. — С. 199—201; Вестник Европы. — 1894. — № 10. — С. 851—861). В то же время предложенная Д. переориентация переселенчества с Востока на Юг и Запад (с целью остановить онемечивание русских земель) вызвала возражения (в частности, у рецензента «Вестника Европы»). В очерках «Вокруг России» — Польша. — Бессарабия. — Крым. — Урал. — Финляндия. — Нижний. Портреты и пейзажи» (Пб., 1895), написанных на материале совершенной ранее поездки, обнаруживаются некоторые откровенно шовинистические тенденции, за что Д. был подвергнут резкой критике (см.: Мир божий. — 1896. — № 4. — С. 297—304; Новое слово. — 1896. — № 11. — С. 112—114; Русская мысль. — 1896. — № 11. — С. 683—684). С конца 90 гг. Д. сотрудничает в газете «Новое время», публикуя, в частности, очерки «Из деревни». Вступление (формальное) в «Союз русского народа» довершает характеристику противоречивой общественно-политической позиции Д., эволюционирующей от либерально-буржуазного просветительства к консерватизму и шовинизму (см.: Букчин С. В. — С. 141). Художественное творчество Д. конца 90 гг. (особенно рассказ «На лоне природы») оценивается неоднозначно: к недостаткам относят склонность к шаржу, натуралистические подробности (Русская мысль. — 1890. — № 4. — С. 184—189), вторжение публицистики (Север. — 1892. — № 2. — С. 1618—1620). На этом фоне ободряющим для Д. был последующий отзыв Чехова (о сборнике «Просто рассказы»): «...в них много былого, старого, но есть и что-то новое, какая-то свежая струйка, очень хорошая» (Письмо В. Л. Кигну (Дедлову) от 10 ноября 1903 г. // Полн. собр. соч. и писем. Письма. — М., 1982. — Т. II. — С. 303). Тем не менее Д. мучает сознание литературной неудачи. Последние годы жизни он провел в основном у себя на родине в Белоруссии, в имении Федоровка, страдая от одиночества и неизлечимых недугов. Трагически погиб в нелепом инциденте.

Наследие Д. многогранно. Как литературный критик он не принимал «тенденциозной» литературы. «Хорошо устроена жизнь или худо — это не дело художника и ученого. Худо ли жить, хорошо ли и как сделать, чтобы жилось лучше, — это забота политиков и критиков» (Книжки Недели. — 1891. — № IV. — С. 189). Он высоко оценил Чехова, якобы свободного от «направленства» (Север. — 1892. — № 15. — 12 апр.), разойдясь здесь с Н. К. Михайловским, сетовавшим на недостаточно выявленную авторскую идею в его творчестве. Д. утверждал, что «Чехов занимает бесспорно первое место среди своих сверстников. Его слог сжат и образен, идеи ясны, настроение цельно. Чехов не только художник и

наблюдатель, но и мыслитель» (Там же. — Стлб. 791). В вышедшей после смерти Чехова статье Д. указывает на созданный им психологический портрет «испуганного поколения 80-х годов», вписанный в «образ пореформенной, пореволюционной, уставшей от напряжения России» (Русский вестник. — 1904. — № 9. — С. 86—91). Д. писал также о творчестве К. С. Бараневича (Неделя. — 1884. — № 9), И. Н. Потапенко, в котором увидел «объективный» талант, выделив в особенности рассказ «На действительной службе» (Книжки Недели. — 1891. — № IV). Анализировал творчество Козьмы Пруткова (Неделя. — 1884. — № 9. — 26 февр.). Д. — художественному критику принадлежит интересный очерк «Киевский Владимирский Собор и его художественные творцы» (М., 1901), где он рассказал о А. В. Прахове, В. М. Васнецове, П. А. Сведомском, В. А. Котарбинском, М. В. Нестерове, создававших живопись храма, в которой подчеркивал национальное своеобразие: «Пока искусство не стало на национальную почву, — нет искусства» (С. 35). Д. защищал достоинства панно М. А. Врубеля «Принцесса Греза» и «Богатырь», вступив в полемику с М. Горьким (Неделя. — 1896. — 1 сент.).

В публицистике Д., помимо вышеназванных путевых очерков, выделяются «Школьные воспоминания», где он стремится выявить пороки школьной системы, формирующей современное «хворое» поколение. Тема воспитания личности является центральной и в рассказах Д., и в его повести «Сашенька», в которой ставится актуализировавшаяся на рубеже 80—90 гг. проблема «отцов» и «детей» применительно к новым поколениям (см. статью Н. К. Михайловского «Об отцах и детях» и о г. Чехове» и др.).

Главный герой повести, студент Александр Кирпичев (Сашенька), своей молчаливой беспринципностью и житейским прагматизмом противопоставлен родителям «отцам», чье догматичное поклонение идеям 60 гг. изображено иронично. Сатирические краски, однако, не единственные в образе героя, в третьей части повести Сашенька, косвенно виновный в гибели двух человек (один из них — сокурсник-террорист, тщето искавший у Сашеньки убежища), испытывает угрызения совести и ищет утешения в толстовских идеях всепрощения. Авторской концепции интересно задуманного характера не хватает определенности. История Сашеньки дана на фоне колоритных зарисовок петербургской и провинциальной жизни (светские гостиные, студенческие аудитории, рестораны и т. д.). Повесть вызвала многочисленные и разноречивые отзывы в критике (см.: Русская мысль. — 1892. — № X; Северный вестник. — 1892. — № 12; Наблюдатель. — 1893. — № 3, и др.). Популярность повести в 90 гг. отмечал М. Горький: «Часть молодежи увлеклась железной логикой Маркса, большинство ее жадно читало роман Бурже «Ученик», Сенкевича «Без догмата», повесть Дедлова «Са-

шенъка» и рассказы о «новых людях», — новым в этих людях было резко выраженное устремление к индивидуализму. Эта новенькая тенденция очень нравилась, и юношество стремительно вносило ее в практику жизни, высмеивая и жадно критикуя «обязанности интеллигенции» решать вопросы социального бытия» (Горький М. *Время Короленко* // Собр. соч.: В 18 т. — М., 1963. — Т. 18. — С. 164).

Соч.: Варвар. Элли. Еврей. Современные характеристики. — Спб., 1895; Панорама Сибири. — Спб., 1900; Лес. Двадцать пять тысяч // Писатели чеховской поры. Избр. произв. писателей 80—90-х гг.: В 2 т. / Вступ. ст., сост. и коммент. С. В. Букчина. — М., 1982. — Т. 2.

Лит.: Арсеньев К. Модная форма беллетристики // Вестник Европы. — 1889. — № 4; Коробоческий Д. Отцы и дети нашего нервного века // Книжки Неделю. — 1893. — № III; Букчин С. В. Дорогой Антон Павлович... Очерки о корреспондентах А. П. Чехова. — Минск, 1973. (глава «Где теперь Дедлов?»).
А. И. Запольская

ДЕЛЬВИГ, Антон Антонович [6 (17).VIII.1798, Москва — 14 (26).I.1831, Петербург] — поэт, критик, журналист. Из старинного, но обедневшего рода обрусевших лифляндских баронов. Учился в частном пансионе; в 1811 г. привезен в Петербург для поступления в открывающийся Царскосельский лицей. На вступительном экзамене познакомился с А. С. Пушкиным; знакомство вскоре переросло в тесную дружбу. По воспоминаниям Пушкина, в лицее Д. развивался медленно, но отличаясь способностями к наукам; однако ленью и флегматичностью сочетались у него с живостью ума и воображения, независимостью поведения и рано пробудившейся любовью к поэзии. Д. увлекается Г. Р. Державиным, хорошо знает изданное В. А. Жуковским в 1810—1811 гг. «Собрание русских стихотворений...» под руководством лицейского профессора Н. Ф. Кошанкова, читает Горация и с помощью В. К. Кюхельбекера знакомится с немецкой поэзией XVIII в. (Ф. Шиллер, Ф. Г. Клопшток, Г. А. Бюргер, Л.-Г. Гельти и др.). Особое внимание уделяет он, однако, изучению русской литературы; по свидетельству директора лицея Е. А. Энгельгардта, знает ее лучше всех своих товарищей и «воинствующе» отстаивает ее красоты. В лицее он начинает писать стихи и вскоре становится одним из первых лицейских поэтов; в его стихотворениях «К Диону» (1814), «К Лилете» (1814), «К Дориде» (1815) Пушкин находил «необыкновенное чувство гармонии и той классической стройности, которой никогда он не изменял» (Пушкин А. С. О Дельвиге // Собр. соч. — М., 1962. — Т. 7. — С. 293). В 1814 г. Д. дебютирует в печати патристической одой «На взятие Парижа» и в 1814—1815 гг. систематически помещает стихи в журналах «Вестник Европы» и «Российский музей».

Окончив в 1817 г. лицей (Д. принадлежит ставшая лицейским гимном «Прощальная песнь воспитанников Царскосельского лицея», 1817), Д.

служит в разных ведомствах, а с 1820 г. — помощником библиотекаря в Публичной библиотеке под начальством И. А. Крылова, но основное время отдает литературным занятиям. Он входит в поэтическую группу, сложившуюся вокруг Пушкина (Кюхельбекер, Д., Е. А. Баратынский, ставший близким другом Д.). Д. был первым, кто еще в лице объявил Пушкина поэтическим наследником Державина и главой нового поэтического движения («На смерть Державина», 1816; «К А. С. Пушкину», 1816 или 1817). Группа, обозначившая себя как «союз поэтов», провозгласила дух поэтической независимости, дружеского единения, наслаждения радостями жизни; в лирике Д. звучат мотивы и политического и религиозного вольномыслия; его стихотворение «Поэт» (1820) стало декларацией свободы и высокого предназначения поэта. Д. посещает и литературно-политические кружки, куда входили будущие декабристы: «Священную артель» А. Н. Муравьева и И. Бурцова, «Зеленую лампу». Он сближается с Ф. Н. Глинкой, А. А. Бестужевым, К. Ф. Рылеевым, которого рекомендует в члены петербургского Вольного общества любителей российской словесности; принимает участие в декабристском альманахе «Полярная звезда». Однако идеи декабристской революционности ему чужды; впоследствии он осудил восстание 14 декабря.

В 20 гг. Д. окончательно формируется как поэт по преимуществу лирический. Он пишет романсы, элегии, антологические стихи, одним из первых в XIX в. обращается к форме сонета. Но основные его жанры — идиллия и «русская песня». В традиционный жанр идиллии, излюбленный поэтами-сентименталистами, Д. вкладывает новое содержание. Он пытается воссоздать мир чувств и мыслей человека античной древности, духовно и физически гармоничного и естественного в проявлении любви, дружбы, в радостномприятии жизни, в горе и в смерти. Этот идеал прекрасного человека органически связан с областью искусства; в идиллии «Изобретение ваяния» (1829) Д. показывает, как в его мире органически рождается художественное творчество. Сам Д. был тесно связан с русской художественной средой (Пушкин называл его «художников друг и советник») и пытался перенести в свои стихи принципы скульптурной пластичности и гармонии. Изображая античный мир, Д. постоянно прибегает к русским вариантам античного стиха: к гекзаметру, элегическому дистиху, к восходящим к античности сложным строфическим формам. Пушкин считал идиллии Д. образцовым воплощением духа древней поэзии: «Идиллии Дельвига для меня удивительны. Какую силу воображения должно иметь, дабы так совершенно перенестись из 19 столетия в золотой век, и какое необыкновенное чутье изящного, дабы так угадать греческую поэзию сквозь латинские подражания или немецкие переводы, эту роскошь, эту негу, это прелесть, более отрицательную, чем по-

ложительную, которая не допускает ничего напряженного в чувствах; тонкого, запутанного в мыслях; лишнего, неестественного в описаниях!» (Пушкин А. С. Собр. соч.— М., 1962.— Т. 6.— С. 23—24). Другим характерным для Д. жанром были «русские песни», которые он писал по образцам подлинных песен, также стремясь проникнуть в их духовный и художественный мир. Песни Д. высоко оценивались Пушкиным и декабристской критикой (А. А. Бестужев), приветствовавшей это обращение к национальной поэтической традиции. Среди русских поэтов Д. был одним из лучших знатоков и литературных интерпретаторов народной лирической песни. Он сумел почувствовать и передать многие особенности ее построения, атмосферы, поэтической символики (см.: «Русская песня» («Как за реченькой слободушка стоит») (1829), хотя сделал ее излишне «литературной», приблизил к романсу. На многие стихотворения Д. написана музыка; песни «Не осенний частый дождичек...» М. И. Глинки, «Соловей мой, соловей...» А. А. Алябьева, «Пела, пела пташечка...» А. Г. Рубинштейна и др. популярны и сейчас.

В 1825 г. Д. начинает издавать один из лучших альманахов пушкинского времени — «Северные цветы», где участвовали Пушкин, В. А. Жуковский, И. А. Крылов, Н. И. Гнедич, П. А. Вяземский, Е. А. Баратынский, И. И. Козлов и др.

Поражение декабрьского восстания 1825 г. Д. пережил как личную драму. Отрицательно относясь к тактике революционного переворота, он сохранил привязанность и сочувствие к осужденным, среди которых были и его близкие друзья (И. И. Пущин, В. К. Кюхельбекер и др.). Он был одним из немногих, кто пришел молча проститься с ними в день казни и высылки 13 июля 1826 г. После 1825 г. в его творчестве нарастают трагические ноты, хотя политических стихов он не пишет. Так, в идиллии «Конец золотого века» (1828) он показывает крушение гармонического мира под порочным воздействием городской цивилизации. В эпоху реакции, наступившую с середины 20 гг., дом Д., в 1825 г. женившегося на С. М. Салтыковой, становится одним из очагов прежних, декабрьских настроений. Здесь постоянно бывает освобожденный из ссылки Пушкин, высланный из Литвы А. Мицкевич; собираются молодые поэты, которые видят в Д. литературного наставника. Альманах «Северные цветы» и «Литературная газета», которую организует Д. вместе с Пушкиным и Вяземским в 1830 г., теперь объединяют лучшее в современной литературе. Д. анонимно печатает и стихи и прозу осужденных декабристов (Кюхельбекера, А. И. Одоевского, Н. А. и А. А. Бестужевых). В «Литературной газете» Д. начинает выступать как критик и полемист. Основным противником его, как и всей пушкинской группы писателей, — «Северная пчела» Ф. В. Булгарина, игравшая роль литературно-политического офицоза, а также

«Московский телеграф» Н. А. Полевого. В своих критических статьях Д. выступал против «коммерческой литературы», консервативной социально и эстетически, рассчитанной на вкусы невзыскательного читателя, воспитывал высокие эстетические критерии у писателей молодого поколения, утверждая принципы литературной школы Пушкина. Правительство и III отделение с подозрением следило за выступлениями «Литературной газеты», в которой постоянно печатались и Пушкин, и Вяземский; в 1830 г. за напечатание четверостишия об июльских событиях во Франции она была приостановлена, а Д. А. Х. Бенкендорф обвинил в политической оппозиционности и пригрозил репрессиями. По мнению современников, выговоры эти сократили жизнь Д., постоянно и тяжело болевшему; он скончался после нескольких дней простудной болезни. Смерть Д. стала потрясением для всего его окружения, более всего для Пушкина.

Соч.: Полн. собр. стихотворений / Ред. и примеч. Б. Томашевского; Вступ. ст. И. Виноградова и Б. Томашевского.— Л., 1934; Полн. собр. стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. В. Томашевского.— Л., 1959; Соч.— Л., 1986. В. Э. Вацура

ДОБРОЛЮБОВ, Александр Михайлович [30. VIII (11.IX). 1876, Варшава — после 1943, Азербайджан] — поэт. Секант, основатель религиозной секты «добрлюбовцев», или «братков». Один из основоположников русского символизма, для которого судьба Д., направление его духовных исканий имели едва ли не большее значение, чем творчество. Родился в семье русского чиновника, служившего в Варшаве, где и начинал учебу. Незадолго до смерти отца семья переехала в Петербург. В 1891—1895 гг. учился в шестой гимназии, где сблизился с поэтом и будущим известным педагогом Вл. В. Гиппиусом (троюродным братом З. Н. Гиппиус), который пробудил у Д. интерес к французскому символизму. Д. стал ревностным последователем новейшей поэзии, был «пропитан самим духом декадентства» (Брюсов В. Автобиография // Русская литература XX века / Под ред. С. А. Венгерова.— Т. I.— С. 111). Образ жизни Д. этих лет создал ему особый ореол, существенно дополнявший впечатление от его странных стихов. Современники вспоминали, что он «курил гашиш, склонялся к этому и других в своей маленькой комнатке на Пантелеймоновской, оклеенной черными обоями, с потолком, выкрашенным в серый цвет» (Гиппиус Вл. В. Александр Добролюбов // Русская литература XX века.— Т. I.— С. 266). Не менее странным было поведение Д. в обществе, где он «говорил намеренную чепуху, садился посреди комнаты на пол» (Там же.— С. 288). «Письма он писал дикие, ни на что не похожие, без обращений, изломанным почерком, и точно поддельваясь под бред» (Крайний Антон (Гиппиус З. Н.). Литературный дневник.— Спб., 1908.— С. 55). Одевался Д. «в необычный костюм

вроде гусарского, но черный, с шелковым белым кашне, вместо воротника и галстука» (Гиппиус В. В. Александр Добролюбов.— С. 288).

Д. и Гиппиус в 1894 г. пытались прикнуть к альманаху Брюсова «Русские символисты», но план совместного выпуска осуществлен не был. Знакомство с Д. имело значение для творческого самоопределения Брюсова, о чем он писал в автобиографии (см.: И в а н о в а Е. В. Валерий Брюсов и Александр Добролюбов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка.— М., 1981.— Т. 40).

Одновременно с поступлением на историко-филологический факультет в 1895 г. Д. издает первый сборник своих стихов «*Natura naturans. Natura naturata*», заглавие которого было заимствовано у Спинозы и означало «Природа порождающая. Природа порожденная». Заглавию соответствовали два раздела книги, первый из которых обращен к предкам Д. (бабушке, отцу), второй — к их потомкам (братьям и сестрам Д.). Сборник был посвящен «Моим великим учителям Гюго, Рихарду Вагнеру, Росетти, Никонову». Соседство Гюго, Вагнера и никому неизвестного Никонова поставило это посвящение Д. в один ряд с эпатажными посвящениями Брюсова («вечности и искусству»), Емельянова-Коханского («Мне и египетской царице Клеопатре»). Стихи носили экспериментальный характер, в них предпринята попытка создания синтетического искусства, соединяющего поэзию, живопись, музыку (к большинству стихов предпосланы названия картин, в соотношении с которыми они должны восприниматься). Некоторые стихи строились по композиционным законам музыки — перед стихотворением задавались лейтмотивы, которые затем разрабатывались в отдельных стихах. Книга Д. была воспринята современниками как декадентские фокусы, по точному замечанию П. Перцова, «ошеломила критику, как свалившийся на голову кирпич» (Перцов П. П. Литературные воспоминания.— М.; Л., 1933.— С. 235). Легенды о жизни Д. приобретают в этот период мрачный оттенок: рассказывают о черных мессах, совершаемых на его квартире, о том, что в кругу единомышленников он проповедует самоубийство как последнее доказательство полного самоосвобождения личности от общеобязательных моральных запретов. Есть свидетельства, что двое из его товарищей покончили с собой (см. указ. работу Вл. Гиппиуса), под влиянием их смерти у Д. начинается духовный кризис. «Развалины прежнего Д.» — записывает Брюсов после встречи с ним 7 апреля 1896 г. (Брюсов В. Дневники.— С. 24). В 1896—1897 гг. Д. намеревался издать второй сборник стихов, но рукопись была утеряна в типографии.

Весной 1898 г. Д. оставляет университет и начинает странствовать по Олонечкой и Архангельской губ. С конца 1898 до апреля 1899 г. письма от Д. поступают из Соловецкого монас-

тыря, где он живет послушником, но откуда уходит, неудовлетворенный монастырскими порядками. В 1900 г. в издательстве «Скорпион» выходит «Собрание стихотворений» Д. с предисловием И. Коневского и В. Брюсова. Составителем сборника был Брюсов, который включил главным образом стихи, написанные накануне «ухода». Часть прозаических отрывков, написанных в это же время, Брюсов опубликовал позднее в альманахе «Северные цветы» на 1902 год» (М., 1902). В произведениях этого периода формальные эксперименты отсутствуют, стихи носят по преимуществу дневниковый и исповедальный характер. Богоборческие рассуждения чередуются в них с покаянными признаниями.

Уход Д. из литературы, превращение его в «рыцаря странствующего ордена» символисты расценивали как симптом пробуждающегося нового религиозного сознания. Когда же в начале 900 гг. Д. перебирается в Поволжье, где вокруг него складывается религиозная секта «добролюбовцев», или «братков», в которую входили местные крестьяне, в прошлом главным образом молokane, символисты начинают видеть в этом шаг навстречу стихии, народу.

За эти религиозные идеи, главным образом за проповедь пацифизма и отказа от воинской повинности, Д. неоднократно подвергался тюремному заключению (см.: А за до вский К. М. Путь А. Добролюбова // Блоковский сборник.— Тарту, 1979.— Вып. 3). Религиозная доктрина Д. ничего общего с символизмом не имела, была воспринята им главным образом у молкан и сводилась к отрицанию собственности, восхвалению бедности, отрицанию книжной культуры, проповеди пантеизма. Частично использовал Д. также учение М. Метерлинка о молчании как пути к внутреннему открытию. В эти годы Д. переписывался с Л. Толстым, который высоко ставил авторитет Д. (см.: И в а н о в а Е. В. Один из «темных» визитеров // Прометей.— М., 1980.— Вып. 12).

Для русского символизма важны были не конкретные идеи Д., а общее направление его духовной деятельности. Среди символистов он был канонизирован как своеобразный символистский святой, его сравнивали с Францисканом Ассизским. При этом каждый из символистов видел в его пути подтверждение собственных идей: Мережковский — подступы к религии «третьего завета», Вяч. Иванов — период «нисхождения» к народу в духе собственных теорий и т. п. Авторитет Д. пал вместе с символизмом.

До 1915 г. Д. жил как глава секты в Поволжье, затем с частью последователей перебирается в Сибирь, где занимается землеройными работами в районе Славгорода до 1923 г. В 1925—1927 гг. перекочевывает в Среднюю Азию, после 1927 г. уходит в глухие районы Азербайджана (города Евлах, Кубатлы, Мардакерт, Степанакерт), где работает в артели печников. Изредка посещает

Москву и Ленинград, переписывается с И. М. Брюсовой. После 1943 г. следы Д. теряются.

Последние его произведения (относятся к 30 гг.) — четыре «Манифеста представителей ручного труда», прозаические «Отрывки из потеряннного», стихотворение «Памятник» (несколько редакций) — свидетельство о новой перемене духовных ориентиров Д., в них исповедуются идеи, близкие к Пролеткульту. В письме к «браткам» 30 гг. писал о своем атеизме и отрицал существование «высшего существа свыше личности человека».

Е. В. Иванова

ДОБРОЛЮБОВ, Николай Александрович [24.1 (5.II).1836, Нижний Новгород — 17 (29).XI.1861, Петербург] — критик, публицист, поэт, прозаик. Революционный демократ. Родился в семье священника. До 11 лет воспитывался дома (с 1844 г. занимаясь с семинаристом М. А. Костровым), затем учился в нижегородских духовном училище (последнем классе) и семинарии (1848—1853), где был одним из первых учеников. Склонность к критике обнаружил уже в семинарии: писал отзывы о прочитанных книгах (см.: Реестры читанных книг // Собр. соч.— Т. 8); сделал, по его словам, «первую пробу... критического таланта» (8, 535) в суровой рецензии на стихи семинариста М. Е. Лебедева, помещенной в выпущенном Д. рукописном журнале «Ахиunea» (1850). Рано проявились в Д. и задатки ученого. Он увлекался фольклором: подготовил в 1853 г. статью «О некоторых местных пословицах и поговорках Нижегородской губернии», тогда же составил список областных слов. Сочинял многочисленные стихи, часто подражая любимым поэтам (М. Ю. Лермонтову, А. В. Кольцову). Ранняя лирика Д. (1849—1853), подвергнутая им позднее жестокой критике, ценна как психологический портрет автора; один из сквозных ее мотивов — жажда полезной деятельности, омраченная скорбными предчувствиями («Надежды», «Молитва за себя», «Стремление вперед»). Дневник Д. (который он вел с 1851 г.) свидетельствует о его способности к редким по своей силе чувствам: юношеское обожание преподавателя И. М. Сладкопегцева; религиозный экстаз, сменяемый «сомнением о святости церкви и ее постановлениях...» (8, 457). Но в выражении своих чувств (по воспоминаниям Лебедева, Сладкопегцева и др.) Д. был крайне сдержанным, застенчивым. Семинарское начальство отмечало его «послушание», «усердие к церкви», «неутомимость в занятиях» (см.: Рейсер С. А.— С. 37, 39). В стихотворении «Сил молодецких размахи широкие!..», написанном в 1861 г. и носящем явно автобиографический характер, Д. с грустью вспоминал: «С первых лет детства усвоил уроки я / Смирненномудрых начал».

Выйдя из семинарии за год до ее окончания, Д. летом 1853 г. уехал в Петербург учиться в ду-

ховную академию (мечту об университете пришлось оставить из-за несогласия отца и недостаточности средств), но вместо нее поступил на историко-филологический факультет Главного педагогического института, на «казенный кошт». Его письма к родным в первый институтский год радостны, исполнены студенческого энтузиазма. В 1854 г. Д. постигает тяжелый удар: смерть горячо любимой матери (от родов), случившаяся в марте, а в августе — смерть отца (эпидемия холеры). Это внезапное горе потрясло Д. и унесло остатки религиозной веры, «ожесточило...против той таинственной силы, которую у нас смеют называть благою и милосердною, не обращая внимания на зло, рассеянное в мире...» (8, 464). Будучи первенцем в семье, Д. неустанным заботился о своих пяти сестрах (две умерли при его жизни) и двух братьях (со временем взял их к себе в Петербург). Зарабатывал уроками (сохранились интересные замечания Д. в тетрадях Н. А. Татариновой — см.: Литературное наследство.— М., 1859.— Т. 67.— С. 223—258). В сентябре 1855 г. подал прошение о разрешении досрочного экзамена на звание старшего учителя, но продолжил учебу благодаря прежде всего хлопотам П. А. Вяземского (в то время товарища министра народного просвещения) по оказанию материальной помощи семье одаренного студента.

В институте Д. усердно, в особенности в первые годы, занимался славянской филологией, фольклором под руководством академика И. И. Срезневского (ранее учившего в университете Н. Г. Чернышевского). Уже имея опыт собирателя пословиц, Д. высказал по сборнику Ф. И. Буслаева «Русские пословицы и поговорки» (1854) ряд критических замечаний: натяжки в мифологическом объяснении пословиц, причисление к ним книжных сентенций («Заметки и дополнение к сборнику русских пословиц г. Буслаева»). Изучал поэтику и ритмику былин, народных песен. Много времени и сил отдал кандидатскому сочинению «О древнеславянском переводе хроники Георгия Амартола» (отмечено в отчете института в числе «замечательнейших» — см.: Рейсер С. А.— С. 140), хотя узкоспециальная тема уже не удовлетворяла Д. Выполнил также ряд работ по классической филологии у профессора Н. М. Благовещенского: «О Вергилиевой «Энеиде» в русском переводе», «О Плавте и его значении для изучения римской жизни», переводил Плавта. Изучая римскую литературу, полную заимствований у греков, сравнивал ее с русской и полемизировал со славянофилами: «...римская народность представляется нашему наблюдению только под призмю греческих форм» (1, 317). Однако преподавание русской словесности — предмета «постоянной любви» Д. (9, 145) — было плохо поставлено в институте и давало пищу лишь для сатиры («Заметки и размышления по поводу лекций Ст. Ис. <Лебедева>»). «Родина моей мысли» (9, 282) — так Д. назы-

вал Петербург. В студенческие годы (1853—1857) сформировались его материалистические, революционно-демократические, социалистические взгляды. Мощным катализатором было чтение Л. Фейербаха, А. И. Герцена, Чернышевского; под новым углом зрения перечитывается В. Г. Белинский. Дневник Д. запечатлел стремительность его духовного роста и разрыва с прошлым. Доскональное знание им, «сыном священника», взрастившего его «мира», он расценивает как дополнительный стимул к борьбе со старыми понятиями (18 дек. 1855 г.): «...смельзглянувший на оставленный мною мир, увидевший все, что в нем было возмутительного, ложного и пошлого,—я чувствую теперь, что более, нежели кто-нибудь, имею силы и возможности взяться за свое дело...» (8, 464). Под заглавием «Закулисные тайны русской литературы и жизни» собирает и язвительно комментирует в 1855 г. факты, а также анекдоты, обличающие Николая I, высших чиновников. 15 января 1857 г. замечает о своих «последних целях»: «Я — отчаянный социалист, хоть сейчас готовый вступить в небогатое общество, с равными правами и общим имуществом всех членов...» (8, 531).

От слов Д. быстро переходил к делу, часто подвергая себя риску. Завоевав уважение студентов в ходе их стычки с грубым инспектором в декабре 1854 г. (Д. написал и вместе с В. Гарановским подал жалобу директору института И. И. Давыдову), он быстро встал во главе кружка из 10—15 человек (М. И. Шемановский, И. И. Бордюгов, Б. И. Сциборский, Н. П. Турчаинов, П. И. Паржницкий и др.). Помню борьбы с администрацией, унижавшей достоинство студентов и морившей их голодом (мишенью насмешек Д. надолго становится беспринципный Давыдов, в 1858 г. в «Колоколе», № 23—24, был помещен памфлет Д. «Партизан И. И. Давыдов во время Крымской войны»), кружок занимался самообразованием. Была организована подписка на ведущие журналы, распространялись издания Вольной русской типографии в Лондоне. Выпускалась рукописная газета «Слухи» (из ее вышедших с сентября по декабрь 1855 г., по-видимому, 19 номеров большинство подготовлены Д.), перекликающаяся по содержанию с «Закулисными тайнами...». «Слухи» саркастически противопоставлялись Д. писаной, официальной истории: «Так называемое общественное мнение не есть ли выражение духа, направления и понятий народных в ту или другую эпоху? А ведь оно не записывается, потому что пишут только вещи неизвестные и интересные. <...> Не пишет же ведь никто трактатов о том, что человек имеет на руках по пяти пальцев, что Павел Петрович задушен и что Клейнмихель мошенник...» (1, 109). Другими смелыми сочинениями и одновременно поступками Д. были посланные по почте в редакции журналов («Отечественные записки» и др.) и Н. И. Гречу сатирическое стихотворение «На 50-летний юби-

лей его превосходительства Николая Ивановича Греча» (декабрь 1854 г.), чей праздник Д. называл «унижением» для русской литературы; письмо-памфлет к этому же адресату за подписью *Анастасий* (в переводе с греческого — воскресший) *Белинский* в связи с верноподданнической статьей Греча о смерти Николая I (февраль 1855 г.). В этом письме, многими положениями напоминавшем знаменитое письмо Белинского к Н. В. Гоголю от 3 июля 1848 г., давалась уничтожающая характеристика николаевского правления. Ходили в списках многие политические стихи Д., часто написанные по конкретному поводу: «Дума при гробе Оленина» (Оленин — жестокий помещик, убитый своими крепостными), «18 февраля 1855 года» (дата смерти Николая I), «К Розенталю» (Розенталь пытался поднять крестьян на восстание и был сослан в Сибирь) и др. (написаны в 1855—1856 гг.). Политическая лирика Д. замечательна реализмом, трезвостью мысли. Смерть Николая I не пробуждает в поэте особых надежд: «...Один тиран исчез, другой наддел корону, / И тяготеет вновь тиранство над страной» («18 февраля 1855 года»). Казенному оптимизму и патриотизму противопоставляются позор Крымской войны, казнокрадство и беззаконие, судьбы «запрещенных» поэтов, «в тюрьмах живыми схороненных / Или гниющих в рудниках...» («Газетная Россия», написано в конце 1855 г.). Помимо сочинения собственных стихов, Д. в эти годы с увлечением переводит Г. Гейне, ставшего его любимым поэтом: «Ни один поэт еще никогда не производил на меня такого полного, глубокого, сердечного впечатления» (8, 553).

В июне 1857 г. Д. закончил институт; хотя он был первым по успехам, он был лишен золотой медали, но все же получил звание старшего, а не младшего учителя. При выпуске его энтузиазм пропагандиста и организатора подвергся серьезному испытанию: некоторые друзья порвали с ним отношения, поверив пушенной Давыдовым сплетне о высказанной ему Д. благодарности; впоследствии дружба возобновилась. В письмах к однокашникам, учительствовавшим в провинции по окончании института, Д. призывал к продолжению «честной деятельности» (Шемановскому, 6 авг. 1859 г.—9, 378), к распространению идей — «оснований», на которых дружба «может быть крепче и чище, нежели просто по личным отношениям» (Сциборскому, сентябрь 1859 г.—9, 388).

Будучи еще студентом, Д. в 1856 г. дебютировал в журнале «Современник» статьями «Собеседник любителей российского слова» (№ 8—9; далее указываются год и номер), где подробно разбиралась русская сатира XVIII в., и «Описание Главного педагогического института» (№ 8), содержащее под видом похвалы ядовитую характеристику давыдовской казармы; обе были одобрительно замечены публикой. Во избежание осложнений при выпуске статья об институте была

напечатана анонимно (ее авторство приписывали Чернышевскому), а «Собеседник...» Д. подписал псевдонимом *Н. Лайбов* (соединение окончания имени и фамилии: *Николай Добролюбов*). В дальнейшем использовал также псевдонимы: *-бов*, *Н. Александрович*, *Н. Турчинов*, *Н. Т-нов*, *Волгин* (подпись под шестью стихотворениями, опублик. в 1858 г., № 9) и др., собственной же фамилией не подписывался. Названному дебюту предшествовали знакомство и долгая беседа с Чернышевским (приблизительно в апреле 1856 г.), завершившаяся предложением постоянного сотрудничества в «Современнике», что и осуществлялось по окончании института. (Номинально же Д., объявленный отслужить восемь лет по министерству народного просвещения, числится сначала домашним наставником в семье кн. А. Б. Куракина, а с мая 1858 г. вплоть до увольнения по болезни в сентябре 1860 г. — репетитором во Втором кадетском корпусе в Петербурге.) Сближение с Чернышевским, с которым сразу возникло полное взаимопонимание, Д. считал огромным счастьем, вспоминая при этом, «как Станкевич и Герцен учили Белинского, Белинский — Некрасова, Грановский — Забелина и т. п.», и добавляя, что «вся честь сравнения относится к Ник. Гавр.» (9, 248). С конца 1857 г. Д. возглавил критико-библиографический отдел «Современника», приблизительно в середине 1858 г. становится членом редакции, в 1859 г. — главным автором нового, сатирического отдела — «Свисток» (вышло 9 выпусков: 1859, № 1, 4, 10; 1860, № 3, 5, 12; 1861, № 1; 1862, № 1; 1863, № 1; только последний не содержит добролюбовских материалов). Сотрудничал Д. также в «Журнале для воспитания» А. А. Чумикова, «Искре» и др. Приход Д. в «Современник» способствовал самоопределению журнала как органа революционной демократии: отношение Д. к либералам, вполне удовлетворенным правительственным курсом, было крайне скептическим. Невыносимость для Д. фразерства ярко выразилась в стихотворении «На тост в память Белинского 6 июня 1858 года», посланном участникам традиционного (в именован критика) обеда в редакции «Современника»: «Лишь пошлым тостом мы ответим / На мысли светлые его!..» Статья Д. «Литературные мелочи прошлого года» (1858, № 1, 4), с ироническим эпиграфом из Е. А. Баратынского «Притворной нежности не требуй от меня», указывала на отставание литературы от потребностей общества, противопоставляла отвлеченным идеалам — «принципам» прежних деятелей «тип людей реальных» в молодом поколении (4, 73). Вместе с материалами «Свистка» (развивавшими те же темы: «Мотивы современной русской поэзии», стихотворение «Наш демон» и др.) эта статья вызвала обвинение со стороны Герцена в адрес журнала в его якобы охранительной тенденции («Very dangerous!!!» — в пер. с англ.: «Очень опасно!!!» // Колокол. — 1858. — № 44). Для объяснения с Герценом и

Н. П. Огаревым в Лондон ездил Чернышевский (в июне 1858 г.), следствием переговоров было снятие обвинения (Колокол. — 1858. — № 49). Однако разногласия преодолены не были, и в 1860 г. в «Колоколе» (№ 83) появилась статья Герцена «Лишние люди и желчевики», защищавшая людей «сороковых годов» от иронии Д., в особенности сильной в статье «Благонамеренность и деятельность» (1860. — № 7). Кульминацией в расколе внутри «Современника» — между либералами и демократами — была публикация Н. А. Некрасовым, несмотря на протест И. С. Тургенева, статьи Д. о его романе «Накануне» «Когда же придет настоящий день?» (1860. — № 3), приведшая к уходу из журнала ведущего романиста и давнего, ранее авторитетнейшего сотрудника. Поддержав в 1857 г. в статье «О значении авторитета в воспитании» (№ 5) передовые педагогические идеи Н. И. Пирогова, Д. в 1860 г. беспощадно высмеял его деятельность на посту попечителя Киевского учебного округа за полумеры в запрещении телесных наказаний: «Всероссийские иллюзии, разрушаемые розгами» (№ 1), сатирические стихи в 4-м выпуске «Свистка». Впоследствии Д. очень четко сформулировал разницу между радикалами и либералами: «Те всегда хотели коренных изменений, требовали нового направления; эти желали, чтоб все улучшалось понемножку, нимало не беспокоя установленного порядка» («Жизнь и смерть графа Камилло Бензо Кавура» // 1861. — № 6. — 7, 47).

И в ежедневных отношениях с людьми Д. не терпел компромиссов, был лишен, по словам Некрасова, «множества дурных привычек, известных под именем *уменья жить*» (Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников. — С. 297). Его постоянный круг общения составляли прежде всего Чернышевский, Некрасов, А. Я. Панаева (долгое время Д. жил рядом с квартирой Некрасова, и заботы Панаевой скрашивали его неустроенный быт), хотя дружеские отношения, переписка поддерживалась со многими; в частности, Д. привлекает к сотрудничеству в журнале М. А. Антоновича. Неудачно складывалась личная жизнь Д., что причинило ему страдания (см. письмо Бордюгово от 17 дек. 1858 г. — 9, 340—342, и др.). Как автор и редактор, Д. был постоянно перегружен работой, о темпах которой свидетельствует факт написания за одну ночь статьи «Любопытный пассаж в истории русской словесности» (1859. — № 12).

В мае 1860 г. Д., у которого давно обнаружилась чахотка, уехал по настоянию Некрасова и Чернышевского, на средства журнала, лечиться за границу. Жил в Германии, Швейцарии, Франции, Италии; регулярно присылал материалы для публикации. Лечение не было успешным, и в июле 1861 г. Д. вернулся в Россию, в Одессу. В одной из своих последних статей — «Внутреннее обозрение» (1861. — № 8) — Д., используя традиционную при освещении полити-

ческой темы символику «весны» и «осени», пишет о приходе осени, об обманувшей «петербургской весне» (т. е. предреформенном времени) и одновременно о том, что это была и его «собственная весна, которая тоже умерла в своем расцвете...» (7, 116). Навестив родных в Нижнем Новгороде, Д. приехал безнадежно больным в Петербург (в августе), где стал очевидцем политической реакции (аресты М. Л. Михайлова, В. А. Обручева). В последние месяцы жизни написал цикл исповедальных лирических стихотворений. Смерть Д. в возрасте 25 лет была огромным горем для его друзей, похороны на Волковом кладбище (20 ноября) стали политической демонстрацией. Для увековечения памяти Д. много сделал Чернышевский, опубликовавший еще до своего ареста часть «Материалов к биографии Н. А. Добролюбова» (1862.— № 1); после возвращения из ссылки печатает продолжение (Русская мысль.— 1889.— № 1—2). Д. посвящены стихотворения Некрасова, Михайлова, А. Н. Плещеева и др. поэтов, он послужил прототипом Левицкого в романе Чернышевского «Пролог». Как идейного борца и превосходного литературного критика высоко ценили Д. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин.

В историю русской литературы Д. вошел прежде всего как критик, продолжатель Белинского и Чернышевского. Д. был ближайшим идейным соратником Чернышевского.

Литературная критика Д. ярко публицистична. Выражение в критической статье своих радикальных взглядов входило в замысел Д., определяя и название статей, и подбор эпиграфов, и развернутые параллели между литературой и жизнью, и обращения к читателю — как прямые, так и иносказательные, «эзоповские». В. И. Ленин подчеркивал огромный пропагандистский эффект добролюбовской критики: «Из разбора «Обломова» он сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе, а из анализа «Накануне» настоящую революционную прокламацию, так написанную, что она и по сей день не забывается. Вот как нужно писать!» (Ленин В. И. О литературе и искусстве.— С. 456).

Однако пропаганда могла быть эффективной лишь при условии глубокого проникновения критика в логику воспроизводимых характеров, в законы художественного мира писателя. Д. был чутким ценителем прекрасного, искусства, неоднократно подчеркивавшим богатый, не лежащий на поверхности смысл подлинно художественных произведений. В статье «Нечто о дидактизме в повестях и романах» (написана в 1856 г.) он пишет, что «дидактические» произведения «показывают неуважение к читателю, оскорбляют его...» (1, 161). Ошибку писателей-«обличителей» видит в том, что они «отбрасывали в своих произведениях все, что казалось посторонним главной их мысли: оттого рассказы их и страдали часто некоторой искусственностью и безжизненностью»

(4, 168). Работу критика, по Д., стимулирует в особенности творчество объективное, внешне бесстрастное; в отличие от авторов, у которых «каждая страница бьет на то, чтобы взрастить читателя...», И. А. Гончаров «вам не дает, и, по-видимому, не хочет дать, никаких выводов» (4, 309).

С учетом специфики искусства разрабатывает Д. принципы «реальной критики» в статьях «Темное царство» (1859.— № 7, 9); «Когда же придет настоящий день?» и др. Главным источником творчества он считает «миросозерцание» художника, понимаемое в антропологическом духе прежде всего как «чувство человеческой правды» (5, 22—24). «Миросозерцание», взгляд писателя на мир следует искать в «живых образах, создаваемых им» (5, 22), а не в его теоретических взглядах, «общих понятиях», которые могут быть ложными. (В то же время Д. подчеркивает пользу усвоения художником «правильных» понятий, а идеал — пока не достигнутый — видит «в полном слиянии науки и поэзии» — 5, 24.) «Реальная критика» относится к жизненно правдивым произведениям как «к явлениям действительности: она изучает их, стараясь определить их собственную норму, собрать их существенные, характерные черты...» (5, 20). Признание правдивости изображения дает критику право «толковать о явлениях самой жизни на основании литературного произведения, не навязывая, впрочем, автору никаких заранее сочиненных идей и задач» (6, 98). Рефлексия Д. над критическим методом не случайно открывает статьи о творчестве А. Н. Островского и Тургенева — писателей-реалистов, чьи «общие понятия» во многом не совпадали с идеологией критика. Принципы «реальной критики» ориентировали на выявление несомненно сильной, объективно-познавательной стороны содержания произведений, на использование их гуманистического потенциала в целях освободительного движения. Так, в пьесах Островского «Не в свои сани не садись» и «Бедность не порок», написанных под явным влиянием «москвитянинского» кружка, критик обнаруживает посредством анализа характеров и сюжета не столько апологию старины и русской самобытности (восхищавшей «органичности» критика А. А. Григорьева), столько видоизменение основного мотива Островского: «неестественность общественных отношений, происходящая вследствие самодурства одних и бесправия других» (5, 71—72). Такое прочтение корректировало и суровый приговор, вынесенный этим пьесам Чернышевским на основании «ошибочного направления» Островского («Бедность не порок». — 1865.— № 5). (В 1858 г. в статье «Русский человек на rendez-vous» Чернышевский, по сути дела, применяет к повести Тургенева «Ася» метод «реальной критики».) Цена реалистические произведения за то, что они собирают в себе, «как в фокусе, факты дейст-

вительной жизни» (5, 23), Д. группировал эти факты, указывая читателю на корни явлений, на социально-психологическую обусловленность характеров: в посвященном роману Гончарова «Обломов» статье «Что такое обломовщина?» (1859.— № 5) — на крепостное право, породившее нравственную болезнь «обломовщины» (которой страдали и литературные предшественники Обломова, начиная с Онегина); на имущественное и правовое неравенство «самодуров» и их жертв, лежавшее в основе драматических коллизий пьес Островского («Темное царство»). Симптомами изменений в общественной жизни в предреформенный период выступают для Д. осознание в русском обществе исчерпанности типа «лишнего человека», потребность в людях дела, столь ярко обнаружившиеся в романе Тургенева «Накануне» («Когда же придет настоящий день?»), в «решительном» характере Катерины в «Грозе» Островского («Луч света в темном царстве». — 1860.— № 10), в силе естественных стремлений к свободе в русском крестьянстве, черты которого критик воссоздает по произведениям М. Вовчка (М. А. Маркович) («Черты для характеристики русского простонародья» // 1860.— № 9).

В анализе характеров Д. стремится воссоздать психологические мотивы поведения героя, обнажить его «натуру». Так, Большов у Островского («Свои люди — сочтемся») — не «порождение ада», в его словах и действиях «все так просто, добродушно, глупо», следовательно, не «натура» привела его к преступлению (5, 56—57). А Жадов в «Доходном месте» естественностью своего поведения (особенно в финале пьесы) выгодно отличается от «механических куколок» честного чиновника в «обличительных» пьесах «Чиновник» В. А. Соллогуба и «Предубеждение» Н. М. Львова (5, 26). Значение характера Катерины («Гроза») для Д. в том, что «он водится не отвлеченными принципами, не практическими соображениями, не мгновенным пафосом, а просто *натурою*, всем существом своим. В этой цельности и гармонии характера заключается его сила...» (6, 337). Антропологическая апелляция к «натуре», к не уничтожаемому ничем «естественным стремлениям человеческой природы» (6, 341) в системе мировоззрения Д. вела к преодолению просветительского рационализма.

Хотя Д. часто противопоставлял себя «эстетским» критикам, в его собственных работах немало ценных собственно эстетических наблюдений: сопоставление стилей Гончарова и Тургенева в статье «Что такое обломовщина?»; характеристика типа сюжета в «пьесах жизни» Островского («Темное царство») и роли второстепенных лиц в «Грозе» («Луч света...»); способ повествования в романе Ф. М. Достоевского «Униженные и оскорбленные» («Забитые люди» // 1861.— № 9); замечания о несоответствии пафоса комедии А. А. Потехина «Мишура» и ее

жанра («Мишура. А. Потехина» // 1858.— № 8) и др. Показателен отзыв Гончарова (в письме к П. В. Анненкову от 20 мая 1859 г.), оценившего в статье Д. о романе «Обломов» не только исчерпывающий анализ «обломовщины»: «Двумя замечаниями своими он меня поразил: это проницанием того, что делается в представлении художника. Да как же он, не художник, знает это? Этими искрами, местами рассеянными там и сям, он живо напомнил то, что целым пожаром горело в Белинском. <...> Такого сочувствия и эстетического анализа я от него не ожидал, воображая его гораздо суше» (Гончаров в И. А. Собр. соч.: В 8 т.— М., 1955.— Т. 8.— С. 323).

«Реальная критика» Д. не стремилась к всестороннему анализу произведений, сознательно отвлекаясь от замысла писателя, его мировоззрения: «Для нас не столько важно то, что *хотел* сказать автор, сколько то, что *сказалось* им, хотя бы и ненамеренно, просто вследствие правдивого воспроизведения фактов жизни» (6, 97). При разборах оставались в тени, приглушались, напр., тема жертвенности, невозможности сочетания счастья и исполнения долга, трагизма любви в романе «Накануне» (грустная развязка основного сюжета не получила такого подробного комментария, как завязка — выбор Елены Инсарова, а не Берсенева или Шубина); идиллические и романтические мотивы в романе «Обломов». В данных случаях сама избирательность анализа, умолчания, иной, чем у авторов, пафоса пересказа сюжета входили в задание критика, невольно полемизирующего с авторской концепцией.

Достоинство литературного произведения ставилось Д. в прямую связь с его народностью. Проблема участия народа в общественной жизни, выражения его самосознания в литературе была в исторической концепции Д. главной («О степени участия народности в развитии русской литературы» // 1858.— № 2; «Первые годы царствования Петра Великого» // 1858.— № 6—8; «Русская цивилизация, сочиненная г. Жеребцовым» // 1858.— № 10—11). Для Д. «история самая живая и красноречивая будет все-таки не более, как прекрасно сгруппированным материалом, если в основание ее не будет положена мысль об участии в событиях самого народа» (3, 15). Считая задачей литературы «служить выражением народной жизни, народных стремлений» (2, 263), Д. с этой точки зрения крайне скептически оценивает не только историю русской литературы (выделив А. В. Кольцова, жившего «народной жизнью», но в поэзии которого «простой класс народа всегда является... в уединении от общих интересов», и М. Ю. Лермонтова, как автора стихотворения «Родина»; Пушкин же овладел только «формой народности» — 2, 263, 260), но и ее современное состояние. «Массе народа чужды наши интересы, непонятны наши страдания, забавны наши восторги. Мы действуем и пишем, за немногим исключением, в инте-

ресах кружка более или менее незначительного...» (2, 228); «...между десятками различных партий почти никогда нет партии народа в литературе» (2, 228).

Острое переживание Д. ничтожности «участия народности» в литературе во многом объясняет завышенные оценки произведений о крестьянской жизни, с подчеркнуто демократической направленностью; в рецензии на «Повести и рассказы С. Т. Славутинского» (1860.— № 2), в статье о «Рассказах из народного русского быта» М. Вовчка («Черты для характеристики русского простонародья»). Последняя вызвала полемическую статью Ф. М. Достоевского «Г-н Бов и вопрос об искусстве» (Время. 1861.— № 2), на примере рассказа М. Вовчка «Маша» показавшего, в частности, что «произведение нехудожественное никогда и ни под каким видом не достигает своей цели...» (Достоевский Ф. М. Собр. соч.: В 30 т.— Л., 1978.— Т. 18.— С. 79). Откликаясь на эту критику в статье «Забитые люди», Д. на материале произведений самого Достоевского («Униженные и оскорбленные», «Бедные люди» и др.), не выдерживающих, с точки зрения критика, строгого эстетического суда, отмечает их ценность как выражения «боли о человеке, который признает себя не в силах или наконец даже не вправе быть человеком, настоящим, полным, самостоятельным человеком, самим по себе» (7, 242). Завершается эта оказавшаяся последней статья Д. (как и мн. др. его разборы) выражением надежды на «выход из горького положения загнанных и забытых...», на деятельность людей, «имеющих в себе достаточную долю инициативы...» (7, 275). Мысль и нравственное чувство Д. никогда не могли примириться с унижением личности. Его «реальная критика», прослеживая в произведениях русских писателей-реалистов, в частности в повестях А. Н. Плещеева (статья «Благонамеренность и действительность»), «постоянный мотив»: «среда заедает человека» (6, 193), в конечном счете утверждает естественность отпора «среде», борьбы, требующей, конечно, цельных и сильных характеров. В этих по необходимости иносказательных призывах к действию — публицистических кульминациях многих статей — виден отблеск пламени, горящего в душе критика: «По нашему мнению, убеждение и знание только тогда и можно считать истинным, когда оно проникло внутрь человека, слилось с его чувством и волей, присутствует в нем постоянно даже бессознательно, когда он вовсе о том и не думает. Такое знание, если оно относится к области практической, непременно выразится в действии и не перестанет тревожить человека, пока не будет удовлетворено. Это своего рода жажда, незаглушаемая, неотлагаемая. Когда я мучусь жаждой в безводной равнине и вдруг вижу ручеек, то я брошусь к нему, несмотря на то, что он окружен колючими кустами, из которых выглядывают змеи. Самое худое, что я могу потерпеть в этих кустах,— это смерть; но ведь я все равно умру от

жажды, стало быть, я ничем не рискую...» (6, 202).

Яркая грань критического творчества Д.— брызжащие иронией и сарказмом полемические, «разносные» статьи и рецензии, посвященные реакционным или поверхностным в идейном отношении и одновременно эстетически несостоятельным произведениям. Д. провел целую критическую кампанию, раскрывая убожество благонамеренного идеала «обличительной» литературы: разборы «Стихотворений» М. П. Розенгейма (1858.— № 11), комедии Львова «Предубеждение» (1858.— № 7), «Сочинений А. Бешенцова в прозе и стихах» (1859.— № 1) и др. Широко применяя иронический пересказ, он доводил до предела психологическую фальшь в поведении или переживаниях героев, вставляя в рецензии собственные пародии на разбираемые произведения. В разоблачении либеральной фразеологии и риторики он явился прямым предшественником Салтыкова-Щедрина; иронически-пародийная фраза «В настоящее время, когда у нас возбуждено столько общественных вопросов...» проходит как рефрен через многие статьи. К этой критике примыкает и собственно художественная сатира Д., начало которой положило стихотворение по поводу юбилея Н. И. Греча. Сатирическое дарование Д. особенно пышно расцвело в «Свистке», изобилующем стихотворными пародиями его сочинения. Здесь Д. пользуется псевдонимами-масками: в благонамеренном Конраде Лилиеншвагере узнается Розенгейм; казенно-патриотические восторги «австрийского» поэта Якова Хама метят в некоторые стихи А. С. Хмякова; поэтические штампы, холодный аллюгоризм А. Н. Майкова (по мнению Д.) спародированы в стихах «юного дарования» Аполлона Капелькина. В своих сатирах, пародиях Д. проявляет большую изобретательность и достигает истинной виртуозности. Д. написал также повести «Донос» (1857.— № 8), «Делец» (1858.— № 5) и др. На протяжении всей жизни сочинял лирические стихи, не предназначая их, как правило, для печати. На развитие поэтического таланта, мастерства Д. в зрелые годы оказала сильное и благоприятное воздействие поэзия Некрасова, Гейне. Лучшие из стихотворений Д. пронизаны щемящей болью, трагическим мужеством («Пускай умру — печали мало...», «О, подожди еще, желанная, святая!..», «Милый друг, я умираю...»). Многогранная деятельность Д., сама его кристальная личность служит примером редкого единства слова и дела.

Соч.: Собр. соч.: В 9 т./ Под общ. ред. Б. И. Бурсова, А. И. Груздева, В. В. Жданова и др.; Вступ. ст. В. В. Жданова.— М. 1961—1964.

Лит.: Григорьев А. А. После «Грозы» Островского. Письма к Ивану Сергеевичу Тургеневу // Григорьев А. А. Искусство и нравственность.— М. 1986; Писаре в Д. И. Мотивы русской драмы // Соч.: В 4 т.— М., 1955.— Т. 2; Чернышевский Н. Г. Материалы для биографии Н. А. Добролюбова.— М., 1890.— Т. 1; Скабичевский А. М. Н. А. Добролюбов. Его жизнь и литературная деятельность.— СПб., 1902; Н. А. Добролюбов в воспоминаниях современников /

Вступ. ст. Г. Г. Елизаветиной; Сост., подгот. текста и примеч. С. А. Рейсера.— М., 1986; Плеханов Г. В. Добролюбов и Островский // Плеханов Г. В. Литература и эстетика: В 2 т.— М., 1958.— Т. 1; Воробьевский В. В. Н. А. Добролюбов // Воробьевский В. В. Литературно-критические статьи.— М., 1956; Луначарский А. В. Н. А. Добролюбов // Собр. соч.: В 8 т.— М., 1967.— Т. 7; Евгеньев-Максимов В. Е. «Современник» при Чернышевском и Добролюбом.— Л., 1936; Рейсер С. А. Летопись жизни и деятельности Н. А. Добролюбова.— М., 1953; Лаврецкий А. Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм.— 2-е изд.— М., 1968; Соловьев Г. А. Эстетические взгляды Н. А. Добролюбова.— М., 1963; Соколов Н. И. Николай Александрович Добролюбов.— М.; Л., 1965; Кружков В. С. Н. А. Добролюбов. Жизнь — деятельность — мировоззрение.— М., 1976; Шербина В. Р. Революционно-демократическая критика и современность. Белинский, Чернышевский, Добролюбов.— М., 1980; Демченко А. А. Н. А. Добролюбов.— М., 1984; Егоров Б. Ф. Николай Александрович Добролюбов.— М., 1986; Творческое наследие Н. А. Добролюбова / Отв. ред. В. В. Богатов.— М., 1988; Н. А. Добролюбов и русская литературная критика / Отв. редактор Г. Г. Елизаветина.— М., 1988 (указатель работ о Д. за 1961—1986 гг.).

Л. В. Чернец

ДОЛГОРУКОВ, Иван Михайлович [7 (18). IV. 1764, Москва — 4 (16). XII. 1823, там же] — поэт, прозаик, драматург. Принадлежал к старинному и знатному роду, восходящему к основателю Москвы Юрию Долгорукому. На протяжении нескольких столетий Долгорукие были в числе видных государственных деятелей России. Дед поэта, канцлер И. А. Долгоруков, принял деятельное участие в составлении Кондиций, ограничивающих самодержавные права, которые Анна Иоанновна, взойдя на престол, публично разорвала, отправив Долгорукова в ссылку в Березов, а после на эшафот. Бабка поэта, дочь фельдмаршала Б. П. Шереметева, сподвижника Петра I, вызвала всеобщее восхищение и преклонение, последовав за опальным женихом в ссылку. Обладая незаурядным литературным даром, она оставила «Своеучные записки кн. Долгорукой», замечательные не только правдивой картиной нравов времен Анны, но и ярким, глубоко самобытным слогом. Детей Долгоруковых запрещено было учить грамоте и велено было записывать в службу рядовыми. Отец поэта извещал все тяготы солдатской лямки. В автобиографической «Повести о рождении моем...» Д. отдает дань уважения «твердым добродетелям предков своих, ревностно их духу и любви к отечеству» (С. 18). Независимость, унаследованная от предков, станет не только чертой характера Д., но и его творческим кредо: «Не могу сочинять ни по его наряду, ни из корысти, еще менее из выгоды», — писал он, сопроводив собрание своих стихов эпитафией: «Угоден — пусть меня читают, / Противен — пусть в огонь бросят — / Трубы похвальной не ищут» (Бытие сердца моего.— С. 1).

Д. был одним из образованнейших людей своего времени. Он получил прекрасное домашнее образование, уже в детстве свободно читал в подлиннике Вергилия и Горация. В 1777 г. он поступает в Московский университет, а в 1779 г. за перевод «Философических опытов» Л. Мерсье (перевод напечатан в 1780 г. в типографии Н. И. Нови-

кова с посвящением И. И. Шувалову) принят в секретари «Вольного Российского собрания» при университете, занимавшегося составлением русского словаря. С 1774 по 1783 г. оно издало 8 томов своих трудов. С 1773 г. русский язык становится всеобщим в учебных заведениях, преподавание в которых велось до этого на латыни. В этом была определенная заслуга «Вольного Российского собрания». Любовь к отечественному языку, его живому образному богатству станет основной чертой стиля Д.

В 1780 г. Д. оканчивает университет с чином прапорщика Московского пехотного полка, но главнокомандующий Москвы кн. В. Долгоруков-Крымской отчисляет его к своему штату личным ординарцем. Это дает ему возможность жить дома и продолжать свои занятия в «Вольном Российском собрании». В 1782 г. главнокомандующий скончался и весь штат его был отправлен в Военную коллегию для росписи по полкам. Д. оказывается в Петербурге, где в это время служит его отец начальником Остаточного канцелярства и где ему вскоре предоставляется случай вступить в гвардию в Семеновский полк. В 1788 г. появляется в печати его первое стихотворение — ода «На смерть Горича», казачьего наездника, павшего при штурме Очакова, вероятно, первая в России ода, посвященная простому человеку. Она сделала имя молодого стихотворца известным. Но гораздо большей популярностью пользуется в эти годы актерский талант Д. Незаурядное природное дарование, развитые уроками профессионального мастерства у знаменитого тогда французского актера Офрена, снижали ему всеобщее признание в петербургском обществе. Благодаря своей театральной деятельности Д. сближается с «малым двором» Павла. В 1790 г. он получает чин капитана гвардии и назначается в Шведский поход. Д. оставил ежедневный журнал военных действий «Записки Шведского похода» (закончен в 1809 г.). «Я шел резать людей, — пишет он в «Повести о рождении...». — В моем журнале этой кампании найдут немало примеров остревания человеческого в минуту драки» (С. 175). Не питая особой склонности к военному делу, Д. выходит в отставку в 1791 г. в чине бригадира и переселяется в Москву, где на первых порах он целиком поглощен устройством театра Шереметева. На открывшуюся ему вакансию председателя Верховного Земского суда Екатерина назначает другого, и Д. решается написать императрице лично, прося определить его к месту в гражданской должности. 19 сентября 1791 г. выходит именной указ об определении его вице-губернатором в Пензу. «Началась служба, а не службишка» («Повесть о рождении...» — С. 231). Д. роется в архивах, составляет запущенные до этого отчеты и ведомости по губернии, проявляет усиленную заботу к устройству гражданской и уголовной палат. Его записки содержат много интересных

наблюдений и размышлений об управлении казенных «экономий», системе откупов и пр. Он много содействует развитию просвещения — строит гимназии, способствует учреждению в них литературных обществ и библиотек, вводит казенное содержание детей бедных дворян. Значительная роль Д. и в развитии провинциального театра. Ревностная служба не мешает ему отдавать себя творчеству. Он продолжает вести автобиографические записки, ставшие одним из лучших образцов русской мемуарной прозы XVIII в., сочиняет стихи. «Приказ швейцару» (1793), «Парфену» (1794) — сатиры, решенные в бытовом плане, в которых преобладают жанровые картины, — ярко обнаруживают самобытность его дарования. Необычайную известность получает его ода «Камин в Пензе» (1795). Отпечатанная в личной типографии мецената Струйского малым тиражом для подарка друзьям, она тем не менее сразу же стала достоянием широких кругов читающей публики и была переведена на французский язык по просьбе известного поэта Ж. Делиля.

С восторжеством на престол Павла последовал указ об отставке Д. (1796). Не теряя всего, что устанавливала Екатерина, Павел упразднил введенное ею губернаторство и вновь учредил старые коллегии. В 1797 г. Д. назначается начальником Камер-коллегии, но затем в том же году переводится в Москву в Главную соляную контору в чине действительного статского советника. В Москве, по его собственному признанию, в него «вновь театральный демон вселился» («Повесть о рождении...» — С. 914). Он сочиняет комедию «Отчаяние без печали» (1799), оперу «Любовное волшебство» (1799), которая тут же была положена на музыку и поставлена в Нижнем Новгороде труппой кн. А. А. Шаховского. В 1802 г. Д. подготовил к печати первое издание своих стихов «Бытие сердца моего» (2-е изд., 1808). Наибольшим успехом пользуются стихи, воссоздающие простые житейские ситуации, зримо и пластично рисующие конкретные детали быта: «Камин в Москве» (1802), «Авось» (1798), «В последнее вкусе человек» (1798), «Пир» (1802). Одно из лучших од этих лет — «На освобождение кн. Сибирского» (1801), в которой выражен протест против тирании власти.

По своим политическим взглядам Д. был типичным представителем просвещенного дворянского либерализма. Он сочувственно встречает либеральные реформы начала царствования Александра I и с охотой принимает свое назначение губернатором во Владимир (1802), считая звание губернатора «самым важным в государстве». Во Владимире он близко сдружился с директором гимназии А. А. Цветаевым, братом профессора Московского университета Л. А. Цветаева. К этому периоду относятся его лучшие оды — «На открытие ботика Петра I», «На открытие Владимирской гимназии», лишенные риторичес-

кой громкости, характерной для тогдашних од, отличающиеся языковой смелостью и простотой выражений. Однако с 1811 г. нарастает его недовольство лицемерной политикой Александра. В частном письме министру полиции А. Д. Балашеву он жалуется на Сенат, употребляя «выражения свободные». Оно было показано царю. Начинаются служебные неприятности. В 1812 г. он уходит в отставку в чине тайного советника и поселяется в Москве, целиком отдавшись литературной деятельности. Он завершает произведение мемуарного характера «Капище моего сердца», «Путешествие из Москвы в Нижний» (1913), «Славны бубны за горами», пишет комедию «Дурьлом» (1816), издает четырехтомное собрание своих стихов (1817—1818), посвященное Московскому университету. Он принимает деятельное участие в заседаниях Общества любителей российской словесности при Московском университете. Прочитанная им 26 мая 1816 г. в публичном собрании Общества ода «Невинность» по поводу несправедливого отстранения его от губернаторства показала проф. Сандунува столь дерзкой по отношению к правительству, что он отказался от членства в Обществе. В 1820 г. Д. заканчивает трагедию «Султан и Фатима», где выводит в положительном свете образ конституционного монарха. Поэт избирается к тому времени почетным членом сразу нескольких литературных обществ — «Беседы любителей Российского слова», «Вольного общества любителей Российской словесности», «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств». Основанный им театр считается лучшим любительским театром в Москве. Похоронен Д. в Донском монастыре, в родовом склепе князей Долгоруких.

Не примыкая ни к одной из литературных группировок, Д. всегда стремился к выражению собственной индивидуальности в творчестве, будучи, по его словам, «историком собственного сердца». «Трудно найти автора, — писал о нем М. А. Дмитриев, — который бы столько выразил себя. Благородство мыслей и чувств вместе с простонародностью, с оригинальностью, с своеволием обычаев... составляли замечательный образец простого взгляда и естественности изложения» (Соч. М. А. Дмитриева. — С. 62). Д. был противником ложной сентиментальной чувствительности («Послание кн. Шаликову», «Черты свободного писателя», 1813), стремился раскрыть в своих стихах поэзию реальной действительности. Этот земным восприятием, изображением предметного, зримого мира он близок Г. Р. Державину. Отмечая эту близость двух поэтов, П. А. Вяземский замечал, что «напевы» Д. «не поддельные, не напускные» (Старая записная книжка. — Л., 1929. — С. 981). Творчество Д. ценно мерой внутренней свободы и полнотой выражения авторской индивидуальности, в которой щедро прорывалась стихия русской национальной самобытности и полнота народного характера. В. Г. Бе-

линский писал о нем: «Долгоруков — поэт чувствительный и сатирический, отличавшийся неподдельным русским юмором» (Полн. собр. соч. — Т. VII. — С. 129). В 10-й главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкин упоминает одно из самых популярных стихотворений Д. — «Авось!».

Соч.: Бытие сердца моего, или Стихотворения кн. И. М. Долгорукова: В 4 ч. — М., 1817—1818; Сочинения Долгоруковы (кн. Ив. Мих.): В 2 т. — Спб., 1849; Капище моего сердца, или Словарь всех тех лиц, с какими я был в разных отношениях в течение моей жизни. Соч. кн. И. М. Долгорукова / Предисл. О. Бояданкова. — М., 1874; Путешествие в Киев в 1817 году. Соч. кн. И. М. Долгорукова. — М., 1870; Славян бубны за горами, или Путешествие мое кое-куда 1810 года. Соч. И. М. Долгорукова. — М., 1870; Журнал путешествия из Москвы в Нижний 1813 года кн. И. М. Долгорукова. — М., 1870; Повесть о рождении моем, происхождении и всей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве 1788 года в августе месяце на 25 году от рождения моего. — Пг., 1916. Лит.: Князь И. М. Долгоруков и его сочинения // Соч. М. А. Дмитриева. — М., 1851; Поэты-сатирики XVIII — начала XIX в. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Битнер. — Л., 1959. — С. 385—474; Поэты начала XIX века / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Ю. М. Лотмана — Л., 1961. Т. Н. Очирова

ДОРОШЕВИЧ, Влас Михайлович [5(17).I. 1865, Москва — 22. II. 1922, Петроград] — прозаик, публицист, театральный критик. Его мать А. И. Соколова, происходившая из богатого дворянского рода, выпускница Смольного института, ставшая впоследствии журналисткой и писательницей, порвала со своей средой, сойдясь с человеком «низкого» происхождения, сыном метранпажа московской типографии. Отец Д. — С. Соколов — занимался мелкой литературной работой, вел богемный образ жизни, рано умер. Когда Д. было всего несколько месяцев, его мать оказалась причастной к невыясненной политической истории; она бежала за границу, оставив ребенка в одном из городов Северо-Западного края. Д. усыновил коллежский секретарь М. И. Дорошевич. Спустя десять лет возвратившаяся в Москву Соколова через суд добилась возвращения сына. Положение «незаконнорожденного», ставшее драмой детства и юности Д., нашло отражение в ряде его фельетонов и очерков, посвященных детям («О незаконных и законных, но несчастных детях», «Компетентное мнение», «Право отца»). Идущее от собственного горького опыта обостренное внимание к положению ребенка, подростка, школьника образовало в публицистике Д. большой раздел, связанный с темами детской беспризорности, проституции, бездушно-го отношения к детям в гимназиях, казенщины школьного преподавания, стремившегося воспитать «маленьких чиновников» (произведения на эти темы составили первый том собрания сочинений — «Семья и школа»). В остроумной форме Д. высмеивал главное «направление» старой школы — изгонять «самостоятельную критическую мысль» и утверждать «штампованную мысль обязательного и узаконенного образца» («Русский язык»). Живого, остроумного, не выносившего казенных порядков Д. не раз исключали из московских гимназий.

Шестнадцатилетним недоучившимся гимназистом Д. начал самостоятельную жизнь. Был землекопом, грузчиком, корректором, актером, давал уроки. Уже в ранней юности мировоззрение Д. формировалось под воздействием русской демократической культуры (творчество И. С. Тургенева, Н. А. Салтыкова-Щедрина, Ф. М. Достоевского, М. Е. Некрасова, театр А. Н. Островского), революционных вех 70 гг. Тогда же его захватила история Великой французской революции, интерес к которой он пронес через всю жизнь. Вместе с тем условия вынуждали Д. приспосабливаться к нравам полубульварного газетного быта 80 гг., толкали на переделку повестей Гоголя, которые он продал на неразборчивым издателям (см.: Сытин И. Д.: Жизнь для книги. — М., 1978. — С. 54—55).

С 1881 г. Д. сотрудничает в газете «Московский листок» (юмористические сценки, репортажные заметки — анонимно). Выступает как составитель юмористических сборников «Московский стрекоза» (М., 1883), «Погремущка» (М., 1885) и др. (под псевдонимом *Веселый Москвич*). Первая известная публикация (за подписью *Дядя Влас*) — пародийный рассказ из театрального быта «Отомстила» в журнале «Воля» (1884. — № 8). В этом же издании Д. начал вести (№ 44) публицистическую рубрику «Дневник профана» (подражание «Запискам профана» Н. К. Михайловского), не получившую продолжения. С середины 80 гг. Д. постоянно сотрудничает в журналах «Будильник», «Развлечения» и др. юмористических изданиях, в которых выступает как автор различных «сценок», рассказов «с натуры», фельетонных обозрений («Картинки общественной жизни» и др.), рисующих типы московской жизни. В этот период в его творчестве появляются мотивы социальной критики, зарождается индивидуальная творческая манера, на становлении которой сказалось увлечение раскованностью, хлесткостью стиля и мастерством каламбура французской журналистики (А. Рошфор, Ж. Клареси), отчасти влияние матери, выступавшей (под псевдонимом *Синее Домино*) с остроумными фельетонами на бытовые темы в московской печати. Громадным было воздействие Салтыкова-Щедрина, мотивы и образы произведений которого проходят через все творчество Д. Он считал Щедрина «великим и недосягаемым учителем русского журналиста» (Русское слово. — 1907. — № 99). Откровенное подражание щедринским «Письмам к тетеньке» очевидно в сатирическом цикле Д. «Письма к бабиньке» (Развлечение. — 1899. — № 27—55). В период сотрудничества в московских юмористических журналах Д. знакомится с Чеховым (был близок с ним до конца жизни писателя). Чехов восхищался умом, талантом зрелого Д., высоко ценил его принципиальность (см.: Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. — Письма. — Т. 10. — С. 142).

В 1889—1892 гг. Д. сотрудничает в московских

газетах «Новости дня» и «Московский листок», ведет публицистические рубрики «Злобы дня» и «За день», ставшие традиционными в его последующей журналистской деятельности. Рост критических настроений особенно выразился в памфлете, посвященном подавлению рабочих волнений на Юзовских заводах (Московский листок. — 1890. — № 342). Нравы новых «хозяев жизни», купцов, буржуа он показывает в фельетонах и очерках, созданных на материале наблюдений на Нижегородской ярмарке, где редактировал филиал «Московского листка» — газету «Нижегородская почта» (см. положительный отзыв В. Г. Короленко — Минувшие годы. — 1908. — № 8).

Жаждавший большей творческой свободы, Д. в 1893 г. принимает приглашение стать фельетонистом «Одесского листка», крупной провинциальной газеты либерального направления. Однако первая же его публикация, направленная против городского головы (1893. — № 248), вызывает такое недовольство местных властей, что он вынужден уехать на несколько месяцев в Петербург. Некоторое время печатается в «Петербургской газете» главным образом как театральный рецензент. Вернувшись в Одессу, на протяжении шести лет (до апреля 1899 г.) публикует в «Одесском листке» фельетоны, очерки, рассказы, обзоры, стихи, театральные рецензии, в которых высмеивает бюрократизм местных властей, обнажает хищничество и бесчеловечность торговцев и предпринимателей, борется с традициями мещанской буржуазной культуры и одновременно выступает защитником одесских бедняков, передовых деятелей города, прогрессивных явлений в общественной жизни. Завоевавший определенную известность в Москве, Д. именно в Одессе приобрел широкую популярность, привлек к себе внимание демократической интеллигенции острокритическими произведениями, в т. ч. обличающими нравы бульварной печати. Как удачный сатирический образец такого выступления М. Горький отметил (Самарская газета. — 1895. — № 190) фельетон «Разговор с читателем» (Одесский листок. — 1895. — № 222). Вместе с тем у М. Горького, как и у Короленко, в этот период вызвала критическое отношение развязность тона отдельных выступлений Д., его нетребовательность в отборе тем и фактов (см.: Короленко В. Г. Дневник. — Полтава, 1926. — С. 185—189; М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка, статьи, высказывания. — М., 1957. — С. 27, 30).

С 1895 г. в творчестве Д. возникает обширная зарубежная тема. В «Одесском листке» печатаются написанные на материале зарубежных путешествий публицистические циклы «Путевые и непутевые заметки» (западноевропейские впечатления), «Америка», многочисленные репортажи и очерки, пронизанные критическим отношением к буржуазной морали, культуре. Значительной страницей в творческой биографии Д. стала поездка в 1897 г. на Сахалин, куда он отпра-

вился из Одессы на пароходе, везшем приговоренных к каторжным работам. Он проявляет большую находчивость и настойчивость для того, чтобы добиться возможности собрать материалы о каторге (Дорошевич В. Как я попал на Сахалин. — М., 1903; 2-е изд. — М., 1905). Итогом ее всестороннего изучения стали сахалинские очерки, публиковавшиеся в «Одесском листке» в 1897—1899 гг., затем в газетах «Россия» и «Русское слово». Они вызвали широкий общественный резонанс правдивым изображением одной из страшных яв самодержавия, перепечатывались многими зарубежными газетами. Их высоко оценил Л. Н. Толстой (Одесский листок. — 1897. — № 259), с симпатией относившийся к таланту Д. (Литературное наследство. — Т. 37—38. — С. 542—543). Вышедшая в 1903 г. книга «Сахалин (Каторга)» (4-е изд. — М., 1907) была изъята из публичных библиотек, общественных читален и запрещена для продажи. Она была высоко оценена демократической критикой.

В 1897—1898 гг. Д. побывал в Китае, Индии, Японии, на Ближнем Востоке. Жизнь, культура восточных народов издавна интересовали его и дали богатый материал для многочисленных очерков, сказок, легенд. Широка интересов, глубокая осведомленность в разных областях экономики, истории, права, искусства, знание основных европейских языков в соединении с блестящим публицистическим талантом — все это делает Д. одной из заметных фигур русской журналистики. С 1899 г. он ведущий сотрудник петербургской либеральной газеты «Россия», в которой публикует судебные очерки, обнажающие фальшь царского правосудия, добивается отмены ряда несправедливых приговоров. В эти же годы он печатает циклы испанских, итальянских, французских очерков, критически изображающих буржуазный быт и нравы, и также многочисленные восточные сказки и легенды, фольклорные образы и мотивы которых часто использовались для сатирического осмеяния порядков царской России. Цензура остро реагировала на эти выступления Д. За его творчеством пристально следила демократическая общественность России и Западной Европы (В. В. Стасов, М. В. Нестеров, Р. Люксембург и др.).

С 1902 г. по приглашению И. Д. Сытина Д. становится во главе московской газеты «Русское слово» и превращает ее в «одну из самых распространенных в России либеральных газет» (Ленин и В. И. Полн. собр. соч. — Т. 24. — С. 116). Накануне и в период революции 1905—1907 гг. Д. создает наиболее радикальные произведения, поднимаясь до резкой критики правящей верхушки («Истинно русский Емельян», «И. Н. Дурново», «Депутат III Думы» и др.). В сатирических повестях «Вихрь» и «Премьер. Завтрашняя быль (Фантазия)» в острой художественно-публицистической манере Д. развенчивает буржуазный либерализм, заключивший

делку с самодержавием. Позднее в той же манере Д. написал повесть «Гений» (Русское слово.— 1916.— 13—20 нояб.), показав полное разложение верхов. В годы обострения классовой борьбы Д. пытался удержаться на общедемократических позициях «здорового смысла», выступил с публицистическим циклом «При особом мнении». Утрата четких ориентиров и конфликт с тяготеющим к поддержке кадетов редакционным комитетом «Русского слова» привели Д. в мае 1917 г. к отъезду от руководства газетой и отходу от нее.

Октябрьскую революцию Д. встретил в Петрограде. В нач. 1918 г. он выехал для лечения на юг, жил в Севастополе. В годы гражданской войны решительно отказывался от сотрудничества в белогвардейской печати, вообще ничего не публиковал, находясь в состоянии духовного кризиса и борясь с тяжелой болезнью, нуждой. Изредка выступал с лекциями о журналистах Великой французской революции, с чтением своих восточных сказок. В 1920 г. после освобождения Крыма от белых сделал заявление «о полном присоединении к Советской власти» (см.: Ефимович М. (Кольцов М.). Колец Дорошевича // Накануне.— 1922.— № 17; Он же // Журналист.— 1980. № 10). Д. стремился к участию в новой жизни, сотрудничеству в советской печати. Последняя (посмертная) публикация его — памфлет «Николай II» (Экран.— 1922.— № 25).

Творчество Д. способствовало становлению и обогащению художественно-публицистических жанров, прежде всего фельетона. Он доказал, что «газетная проза» может подниматься до высот большой литературы и претендовать на благодарное внимание потомков. Успешное использование форм памфлета, пародии, сатирического монолога, документальной повести подтвердило ее значительные возможности, которые начали развиваться в литературе и журналистике еще задолго до смерти Д. Особый успех выпал на долю созданного им стиля «короткой строки», сообщавшего повествованию энергию и выразительность. Д. оказал влияние на писателей-сатириков, молодого Маяковского. Его художественно-публицистический метод своеобразно отразился в творчестве М. Кольцова, К. Чуковского, В. Шкловского, Л. Лиходеева, С. Нариньяни, И. Шатуновского, способствовал развитию жанрово-стилевого разнообразия в советской художественной сатире и сатирической публицистике.

Д. был страстным поклонником и глубоким знатоком театра, создал талантливые художественные портреты крупнейших деятелей русской и зарубежной сцены (Ф. И. Шаляпина, М. Н. Ермоловой, М. Г. Савиной, Т. Сальвини, С. Бернар и др.), выступал с рецензиями и фельетонами, в которых отстаивал реалистические принципы искусства, высмеивал декадентские ухищрения. Перу Д. принадлежат статьи мемуарного и литературно-критического характера об

А. П. Чехове, Н. К. Михайловском, В. Г. Короленко, М. Горьком, В. В. Вересаеве, А. К. Шеллере-Михайлове и др. русских писателей и журналистах.

Соч.: Собр. соч.: В 9 т.— М., 1905—1907; Старая театральная // Вступ. ст. А. Р. Кугеля.— Пг., 1923; Рассказы и очерки // Послесл. С. В. Иванова.— М., 1962; 2-е изд.— М., 1966; Сказки и легенды // Вступ. ст. С. В. Букчина.— Минск, 1983; Избранные страницы // Вступ. ст. С. И. Чупринина.— М., 1986; Рассказы и очерки // Вступ. ст. А. П. Карелина.— М., 1987.

Лит.: Букчин С. В. Судьба фельетониста: Жизнь и творчество Власа Дорошевича.— Минск, 1975. С. В. Букчин

ДОСТОЕВСКИЙ, Михаил Михайлович [13(25). X.1820, Москва — 10(22).VII.1864, Павловск] — прозаик, литературный критик, журналист, переводчик. Старший брат Ф. М. Достоевского был первенцем в многодетной семье штаб-лекаря московской Марининской больницы для бедных. Несмотря на ограниченные средства, отец сумел дать двум старшим сыновьям погодкам образование в частном пансионе Л. И. Чермака, одном из лучших в Москве. Уже здесь братья проявили любовь к литературе. Михаил мечтал о поэтическом поприще; первым судьей его стихотворений стал Федор. В мае 1837 г. оба были увезены отцом в Петербург для поступления в Главное инженерное училище. После нескольких месяцев обучения в подготовительном пансионе К. Ф. Костомарова Михаил, в отличие от Федора, не был принят в училище по состоянию здоровья. В январе 1838 г. он вступил в Ревельскую инженерную команду кондуктором. Выросшие вместе братья были надолго разлучены. Но связь между ними не прерывалась благодаря оживленной переписке, в которой обсуждались волнующие обоих литературные и мировоззренческие вопросы. Так, восхищение Михаила Ф. Шиллером побудило и Федора обратиться к поэту, который стал и его кумиром. Романтический пафос присущ в конце 30 — нач. 40 гг. обоим, но, в отличие от брата, Михаил пронес его через всю жизнь. Письма к нему — ценное свидетельство о жизни Ф. М. Достоевского. «Брата моего я любил бесконечно» (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т.— Л., 1985.— Т. 28.— С. 117).

В 1842 г. Д. женится на ревельской уроженке Э. Ф. Дитмар. В совершенстве овладев немецким языком, выполняет ценные по сей день переводы из Шиллера («Разбойники», «Дон Карлос», «О наивной и сентиментальной поэзии») и И. В. Гете («Рейнке Лис»), часть которых печатается в 1848 г. в столичных журналах. Серьезное знакомство с немецкой литературой и философией во многом определило своеобразие позиции Д. на фоне русской художественной мысли 40—60 гг., преимущественно ориентированной на французские образцы. Неудовлетворенный провинциальной жизнью и службой, Д. в 1847 г. выходит в отставку в чине ин-

женер-подпоручика, и при поддержке уже вошедшего в литературу брата переезжает в Петербург, где энергично включается в культурную жизнь. В одном только 1848 г. опубликовано три его беллетристических произведения: «Дочка», «Господин Светелкин», «Воробей» (Отечественные записки.— № 8, 9, 12), два перевода: «Рейнке Лис» (Отечественные записки.— Т. 56, 57); «Дон Карлос» (Библиотека для чтения.— № 2—5) и две критические статьи «Сигналы литературные» (Пантеон и репертуар русской сцены.— № 3, 5). Но в связи с вызванными французской революцией 1848 г. репрессиями литературная судьба Д. была надломлена на самом взлете. В ближайшие годы «мрачного семилетия» он пишет мало и явно учитывая строгость цензуры: повесть «Пятьдесят лет» (Отечественные записки.— 1850.— № 7); комедию «Старшая и меньшая» (Отечественные записки.— 1852.— № 6), затем совсем замолкает до 1860 г., когда, ободренный «либеральной весной», печатает критическую статью о «Грозе» А. Н. Островского (Светоч.— 1860.— № 3) и два перевода: «Боги Греции» Шиллера и «Последний день приговоренного к смерти» В. Гюго (Светоч.— 1860.— № 1, 3). Вместе с братом он предпринимает издание журналов «Время» (1861—1863) и «Эпоха» (1864—1865), однако выполняет там исключительно редакторскую работу, напечатав лишь небольшую рецензию на книгу стихотворений А. Н. Плещеева (Время.— 1861.— № 4).

Тем не менее творчество Д. имеет несомненную ценность. Талантливый беллетрист, он внес в литературу «натуральной школы» особую ноту, предвосхитив важные открытия психологического реализма 50 гг.: «диалектику души», реабилитацию «шиллеровского» романтизма. Его эстетические («чистое искусство») и социально-политические («почвенничество») взгляды во многом сложились уже в конце 40 гг. и оказали определенное влияние на формирование литературной ситуации 50 и 60 гг. (напр., статья «Жуковский и романтизм» (1852) получила резонанс в критике). «Чистое искусство» Д. не тождественно концепциям А. В. Дружинина, П. В. Анненкова и В. П. Боткина при перекличке с ними в существенных чертах. Непосредственное воздействие взглядов брата испытал вернувшийся в Петербург в 1860 г. Ф. М. Достоевский. Повести, переводы и критические статьи Д. печатались в журналах «Отечественные записки», «Библиотека для чтения», «Пантеон», «Светоч», «Время». В 1915 г. вся его опубликованная в периодике беллетристика была собрана в отдельное двухтомное издание.

В конце 1847 г. Д. введен братом в кружок М. В. Петрашевского, он пользуется тайной библиотекой утопической литературы, увлечен идеями Ш. Фурье. Однако уже тогда, охлаждая радикализм Федора, высказывается в духе, предвосхищающем «почвенничество»: «правду ска-

зать и его-то (Фурье.— О.Б.), кажется, скоро брошу: все это не для нас писано» (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников.— М., 1964.— Т. I.— С. 173). В кружке С. Ф. Дурова, сложившемся в нач. 1849 г., Д. «косится» на товарищей за излишнее, по его мнению, «либеральничанье», предложение об устройстве тайной литографии называет «ребячеством». Однако все же подвергается аресту по делу петрашевцев 6 мая 1849 г. На допросах вел себя мужественно. Основываясь на свидетельствах многих участников процесса (Н. П. Григорьева, А. И. Пальма, Ф. М. Достоевского), следственная комиссия признала его невиновным. Через полтора месяца Д. был выпущен из Петропавловской крепости. Выйдя на свободу, посылает брату в тюрьму книги; приходит в крепость проститься с ним перед отправкой в Сибирь. Он тяжело переживает разлуку с «единственным другом своим» и, когда Ф. М. Достоевский по выходе из Омского острога получает право переписки, посылает ему книги и деньги. Правда, пишет ему редко, опасаясь за судьбу своих детей и проявляя осторожность, которая обижает брата. Однако по приезду последнего в Тверь в 1859 г. Д. самоотверженно хлопочет о разрешении ему жить в Петербурге, старается вновь ввести брата в литературу после десятилетнего перерыва: устраивает публикацию «Села Степанчикова» в «Отечественных записках», заботится о двухтомном издании его произведений. Д. преклонялся перед дарованием брата; может быть, близость гения и заставила его чрезмерно умалить собственный талант и полностью отказать от писательства. В журналах «Время» и «Эпоха» он целиком взял на себя хозяйственную часть, черновую работу, чтобы освободить брата для творчества. До смерти Д. тот практически не знал материальных забот.

Отказавшись от литературного заработка в нач. 50 гг., Д., чтобы обеспечить растущую семью, открывает небольшую табачную фабрику. Однако коммерция, несмотря на наследственную традицию (мать происходила из купеческого рода Нечаевых), отнюдь не родная стихия Д.: к нач. 60 гг. фабрика приносит одни убытки. Ободренный успехом журнала «Время», он в начале 1863 г. ликвидирует предприятие, войдя в большие долги, которые надеется выплатить из будущих журнальных доходов. Неожиданное запрещение «Времени» в мае 1863 г. (из-за статьи Н. Н. Страхова «Роковой вопрос») было страшным ударом для Д., лишившегося единственного теперь источника существования. Употребив много сил, в январе 1864 г. он добился разрешения издавать журнал «Эпоха». Но цензурные сложности, финансовый дефицит, постоянная спешка из-за вынужденного опоздания с подпиской на журнал и с выходом его книг, а также отсутствие брата, находившегося в Москве у постели умирающей жены, затрудняли работу

и вконец подорвали без того слабое здоровье Д. Он умер внезапно, от резкого воспаления в печени, оставив семью без средств и 25 тысяч долгу. Не желая, чтобы на имя брата «легла дурная тень», Ф. М. Достоевский взял на себя его долги, а также заботы о его семье и продал выпуск «Эпохи».

Как беллетрист Д., с легкой руки Анненкова, был почти на полтора века зачислен в простые подражатели брата. Действительно, на него оказал влияние «фантастически-сентиментальный род повествований» Ф. М. Достоевского (вместе с Я. П. Бутковым, Плещеевым, И. П. Крешевым Д. входил в т. н. «школу сентиментального натурализма», группировавшуюся во второй половине 40 гг. вокруг «Отечественных записок» и возглавлявшуюся его братом), а также общий дух «натуральной школы» (гоголевские приемы повествования, говорящие фамилии, сюжет «чиновничьей» повести). Однако в ряде произведений он сумел проявить независимость и самобытность.

Примкнув, вслед за братом, к «антропологическому» крылу «натуральной школы» (1846—1849), которое вдохновлялось идеями В. Н. Майкова, Д. в своих повестях выдвигает на первый план психологический анализ, почти отказавшись от социального («Дочка», «Господин Светелкин»). В последующих произведениях он, под влиянием критики, четче обуславливает психологию героев социальными причинами. Так, мнительность Цыпкина («Воробей») связана с его ничтожным положением в обществе, неразборчивость Наденьки («Два старичка» // Отечественные записки. — 1849. — № 11) — с необходимостью замужества как единственной возможности для девушки устроить свою жизнь. Эти произведения объединяет типичное для «натуральной школы» представление о «благости» человеческой природы. Сатирически разоблачая пороки членов семьи Ухверткиных («Господин Светелкин»), Д. одновременно подчеркивает их природную, изредка проглядывающую доброту и нравственность: так, Дмитрий способен оценить Наташин характер и, на время забыв о выгоде, предлагает ей законный брак. Хорошие порывы не чужды ни интриганке Афирье Кузьминичне, ни самодуру, скупцу и формалисту Филиппу Филипповичу. Это только «покривившиеся» люди.

Необычной и новой на литературном фоне эпохи выглядит фигура главного героя Светелкина. Читатель 40 гг. был приучен к тому, что добрый, скромный и робкий герой всегда раздавлен жизнью. Светелкин же одерживает победу над обстоятельствами. Только собственное трудолюбие и благородство помогают ему добиться материального достатка и любимой женщины. Так Д. реализует близкую ему мысль Шиллера о законном существовании и природной укорененности не только психологического

типа «реалиста» (человека положительного, трезвого), но и типа «идеалиста» (романтика, мечтателя). Этот тип не менее жизнен и имеет все шансы на успех, если остается верен себе и не впадает в крайности. Как главная ценность бытия и природная привилегия личности утверждается в повести человеческое достоинство: именно перед ним «глубоко согрешает» Наташа. Гуманистический идеал одушевляет все произведения Д. В большинстве из них заявлена актуальная для «натуральной школы» тема женской эмансипации. Его новаторские поиски в сфере синтеза психологических открытий «натуральной школы» и «шиллеровского» понятия о человеке отразились в творчестве Ф. М. Достоевского: Иван Петрович из романа «Униженные и оскорбленные» — тип, во многом восходящий к Светелкину и одновременно полемичный по отношению к нему.

«Сердце человеческое не скоро измеришь: в нем много такого, что и не снилось нашим мудрецам» (Т. 2. — С. 195), — подытоживает Д., как бы распахивая перспективу дальнейшим исследованием сложности и противоречивости человеческой натуры. Уже в «Двух старичках» он показывает эгоистичность и расчетливость «маленьких людей», тем самым выразив недоверие тезису о «благости». Так в конце 40 гг. он оказывается в русле исканий М. Е. Салтыкова-Шchedрина, Ф. М. Достоевского, Дурова.

Как критик Д. выступал мало, но его взгляды предвосхитили важные направления «эстетической» и «реальной» критики 50 гг., также оказали сильное воздействие на Ф. М. Достоевского. Унаследованную от романтизма идею органичности Д. применил и к эстетической, и к социально-политической сферам. В статьях «Сигналы литературные» обосновывается концепция «чистого», или «вечного», искусства в противоположность «догматическому», или «временному». По сути это знакомая проблема «художественности» и тенденциозности, разработанная в русской критике В. Г. Белинским и В. Н. Майковым и восходящая еще к Шиллеру. Характерно, что критерием оценки произведений «чистого искусства» объявляется верность действительной жизни. Синонимом «художественности» становится реализм как непредвзятое воспроизведение жизненного потока в его целостности и объемности. Истинный художник «даже и не думает о какой-либо идее, она сама непременно проглянет в создании, потому что идея, как дыхание, присуща жизни». Поэтому «из живых картин его, иногда без ведома самого романиста, как луч истекает и блещет великая идея» (Пантеон и репертуар русской сцены. — 1848. — № 3. — Отд. IX. — С. 96).

В рецензии Д. на стихотворения Плещеева интересно рассуждение о «деловитом направлении» в искусстве, которому Д. в целом сочувствует, но призывает его представителей к под-

линно художественной обработке «современных вопросов», что удается, по его мнению, пока одному Н. А. Некрасову, автору «стихотворений прелестных и в высшей степени поэтических, несмотря на всю сухость и... деловитость вопросов, которым посвящены...» (Время.— 1861.— № 4.— С. 155). Сходные мысли — в статьях Ф. М. Достоевского этого периода.

Самое значительное выступление Д.-критика — статья «Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского. Драматург, по его мнению, «адепт чистого искусства», обратившийся к незнакомому доселе пласту русской жизни — купечеству. «Новое слово» Островского в литературе — открытие такого коренного свойства русского национального характера, как «всепримиримость». Опираясь на это, Д. плавно переходит от «гуманистического космополитизма» в духе В. Н. Майкова к «русской идее» «почвенничества»: «народ, взятый во всей его полноте... есть всё... и... с этой точки зрения изображение чисто народных типов... важнее изображения всевозможных общечеловеческих идеалов» (Свечот.— 1860.— № 3.— Отд. «Критическое обозрение».— С. 14—15). Статья содержит скрытую полемику с некоторыми идеями «Темного царства» Добролюбова. Однако упрекая «реальную» критику за сужение смысла пьес Островского, Д. сам сводит все значение «Грозы» к изображению «истинно русского» характера Катерины. Поэтому эстетический разбор драмы грешит недооценкой многих ее художественных элементов; не укладывающихся в концепцию критика. Возможно, в появившейся через полгода статье «Луч света в темном царстве» Добролюбов учел некоторые мысли Д. (о Катерине как «русской живой натуре»).

Теория «почвенничества» — закономерный плод развития воззрений Д.: приближающийся, наконец, к цивилизации многомиллионный русский народ, после полуторавекового разрыва с образованным сословием в результате петровской реформы, должен самостоятельно выработать социальные и политические формы своего существования. Преступно навязывать их ему извне, это «теоретизирование», враждебное духу «вечно сущей жизни». Первым шагом к достижению истинного согласия между народом и цивилизованным обществом должно стать распространение грамотности и образования в народе. Эти взгляды Д. нашли отражение в программе журналов «Время» и «Эпоха». Одновременно полемизируя с «Современником» и славянофильским «Днем», периодические издания бр. Достоевских выступали не только против конкретного содержания их идей, но и против самого принципа «теоретизирования» в ущерб органическому возникновению новых форм русской жизни. Этим объясняется отсутствие у журналов четких социально-политических целей. «Почвеннические» воззрения разделяли с Д. его

брат, Н. Н. Страхов, А. А. Григорьев. Сотрудники и авторы подбирались им по принципу соответствия духу журналов. «Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год» (1860), написанное вместе с Ф. М. Достоевским, можно назвать манифестом «органического» направления: помимо «почвенничества», здесь изложена программа борьбы за полновесную «художественность» в литературе, против господства одностороннего «отрицательного» течения. Не щадя сил, Д. осуществлял ее вплоть до смерти.

Одаренный писатель, прозорливый критик, активный журналист, Д. оставил заметный след в литературе. К сожалению, его деятельность постоянно недооценивалась из-за невольного сравнения с гениальным братом, к которому он стоял слишком близко.

Соч.: Собр. соч.: В 2 т.— Пг., 1915; Сигналы литературные // Пантеон и репертуар русской сцены. 1848.— № 3, 5; Жуковский и романтизм // Пантеон.— 1852.— № 6; «Гроза». Драма в пяти действиях А. Н. Островского // Свечот.— 1860.— № 3; Стихотворения А. Н. Плещеева // Время.— 1861.— № 4; Письма М. М. Достоевского к Ф. М. Достоевскому (1849—1864) // Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинина.— Л., 1935; Господин Светелкин // Живые картины.— М., 1988.

Лит.: Достоевский Ф. М. Несколько слов о Михаиле Михайловиче Достоевском // Полн. собр. соч.— Л., 1980.— Т. 20; Достоевский Ф. М. За умершего. Дневник писателя за 1876 год, апрель, глава 2 // Там же.— Т. 22; Анненков П. В. Воспоминания и критические очерки.— Спб., 1879.— Т. 2.— С. 31—36; Страхов Н. Н. Воспоминания о Ф. М. Достоевском // Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского.— Спб., 1883; Быков П. М. М. Достоевский. По поводу годовщины смерти // Всемирная иллюстрация.— 1889.— Т. XLII.— С. 169—170; Долинин А. С. К цензурной истории первых двух журналов Достоевского // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина.— Л.; М., 1924.— Сб. 2; Волоцкий М. В. Хроника рода Достоевского.— М., 1933.— С. 90—102; Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время».— М., 1972.— С. 16—47. О. А. Богданова

ДОСТОЕВСКИЙ, Федор Михайлович [30. X (11. XI). 1821, Москва — 28. I (9. II). 1881, Петербург] — прозаик, журналист, публицист. Родился в многодетной семье штаб-лекаря Московской Марининской больницы для бедных. Отец — дворянин, мать происходила из старомосковского купеческого рода. Первые 16 лет жизни провел в скромной казенной квартире при больнице. С первых детских лет ближайший друг — старший брат Михаил, разница в возрасте с которым была всего год. Несмотря на ограниченные средства, отец сумел дать сыновьям прекрасное образование в частном пансионе Л. И. Чермака, одним из лучших в Москве. Литературные интересы мальчиков определились рано. Под влиянием В. Скотта и А. Радклиф Федор сочинял «романы из венецианской жизни»; журнал «Библиотека для чтения», выписанный для сыновей отцом, обеспечивал знакомство с новейшей иностранной литературой: О. де Бальзаком, Ж. Жаненом, Э. Т. А. Гофманом и др. Из русских авторов в семье любили Н. М. Карамзина,

В. А. Жуковского, А. С. Пушкина. Д. рос «в семействе русском и благочестивом», где знакомился с Евангелием «чуть не с первого детства». «Мне было всего лишь десять лет, когда я уже знал почти все главные эпизоды русской истории из Карамзина, которого вслух по вечерам читал нам отец. Каждый раз посещение Кремля и соборов московских было для меня чем-то торжественным», — вспоминал десятилетия спустя писатель (Д о с т о е в с к и й Ф. М. Полн. соб. соч.: В 30 т. — Л., 1972. — Т. 21. — С. 134). Каждую Пасху мать возила сыновей на богомолье в Троице-Сергиеву лавру. Сразу же после ее смерти от чахотки весной 1837 г. отец увез старших сыновей в Петербург и поместил в подготовительный пансион К. Ф. Костомарова, по окончании которого оба брата должны были стать «кондукторами» Главного Инженерного училища, куда, однако, был принят один Федор — старший брат не прошел медицинскую комиссию и был отправлен на службу в Ревельскую инженерную команду.

Впервые Д. был надолго разлучен с товарищем детских игр и поверенным отроческих мечтаний. Однако связь между братьями не прерывалась благодаря оживленной переписке, где обсуждалось творчество Гомера и Ж. Расина, И. В. Гете, Бальзака, В. Гюго и в первую очередь Ф. Шиллера, которым юный Д. вслед за братом «брехал» (28-1, 69). В этих письмах высказаны мысли, определившие духовный поиск всей жизни Д.: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (28-1, 63); «природа, душа, бог, любовь... познаются сердцем, а не умом» (28-1, 53); «Мысль зарождается в душе. Ум — орудие, машина, движимая огнем душевным...» (28-1, 54). В то же время «философия (плод ума.— О. Б.) есть та же поэзия, только высший градус ее!» (28-1, 54). То есть уже тогда признается лишь та философия, которая органически рождается из жизненной стихии. Романтическая концепция бытия была воспринята юношей глубоко и страстно.

В 1839 г. неожиданно умирает отец Д. (по официальной версии, от апоплексического удара). Вероятнее, однако, что грубый и мелочно-придирчивый помещик (в 1831 г. Достоевские приобрели две небольшие деревни в Тульской губ., Даровое и Черемошню, куда маленький Д. в течение нескольких лет выезжал на летние каникулы) был убит потерянными терпение крестьянами. Неполных 18 лет Д. остался круглым сиротой. Известие о смерти отца потрясло юношу и спровоцировало тяжелый нервный припадок — предвестие будущей эпилепсии, к которой у него была наследственная предрасположенность.

Училище, в котором Д. провел почти 6 лет (1838—1843), находилось в Михайловском замке,

в недавнем тогда прошлом послужившем декорацией в политической трагедии — убийству императора Павла I. В будущем писателе зарождалось недоверие к «дивному граду», воспетому его кумиром Пушкиным: то, что творилось внутри «раззолоченных палат», не могло не оттолкнуть его. Тем не менее Петербург властно вошел в его жизнь, захватил душу; но это был иной город — доходных домов вдоль Фонтанки, Сенного рынка, Мещанских и Подъяческих улиц — город париев и бедняков. Здесь он поселит своих будущих героев.

Несмотря на то что Д. считал свое пребывание в Инженерном училище «ошибкой», он существенно пополнил там свое образование. «Его начитанность изумляла меня», — признавался его соученик Д. В. Григорович (Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. — М., 1964. — Т. 1. — С. 127). Главное, что он приобрел, — чувство формы, прежде всего пространственной, архитектурной. Помимо мастерских городских пейзажей, пронизывающих все его произведения, об этом говорят блестящие «психологические» портреты «обожженного» домика в «Белых ночах» или рогожинского дома в «Идиоте». Бесконечные парады, смотры, занятия строем, необходимые в военном заведении, не смогли помешать ему определиться в своем истинном призвании — литературе. Еще юнкером он сочиняет не дошедшие до нас драмы «Борис Годунов» и «Мария Стюарт», а затем пробует себя в искусстве художественного перевода.

Не прослужив и года по полученной специальности, Д. в августе 1844 г. выходит в отставку в чине поручика. Тогда же за небольшую одновременно выплаченную сумму, с которой решает начать новую жизнь, отказывается от наследственных прав на тульские имения. Теперь единственный источник его доходов — литература. В середине 1844 г. в журнале «Репертуар и пантеон» появляется первая печатная работа Д. — перевод романа Бальзака «Евгения Гранде». В течение 1844 и 1845 гг. он увлеченно работает над своим первым романом «Бедные люди». Рукопись переделывалась много раз и наконец была прочитана Григоровичу, через посредство которого попала в руки Н. А. Некрасову, а затем — В. Г. Белинскому. Восторг был всеобщим, и дотоле никому не известный молодой человек сразу стал одним из главных участников «натуральной школы». 15 января 1846 г. его романом открылся «Петербургский сборник», второй по счету альманах школы, где были собраны произведения Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, И. И. Панаева, А. И. Герцена, В. А. Соллогуба, В. Г. Белинского и др. 1845—1848 гг. — время расцвета «натуральной школы»; Д. входит в ее орбиту как раз в этот кульминационный момент. Его роман вобрал в себя опыт предшествующих поколений школы (сюжет о «бедном чиновнике», «физиологические» вставки и т. п.) и одновременно внес в него новые черты.

Идеолог первоначального этапа «гоголевского направления» Белинский ценил «Бедных людей» за «гуманную мысль»: «Честь и слава молодому поэту, муза которого любит людей на чердаках и в подвалах и говорит о них обитателям раззолоченных палат: «Ведь это тоже люди, ваши братья!» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т.— М., 1982.— Т. 8.— С. 131), за «поразительную истину в изображении действительности» (Там же.— С. 594). Но тут же упрекал новый «необыкновенный» талант в многословии, излишней «говорливости», относя это к «неопытности молодого писателя, еще не успевшего одолеть препятствий со стороны языка и формы» (Анненков П. В. Литературные воспоминания.— М., 1960.— С. 283). Однако «сосредоточенность на стиле, выполнение определенного стилистического задания чрезвычайно существенны для первого романа Достоевского» (Виноградов В. В. Избранные труды. Поэтика русской литературы.— М., 1976.— С. 165). В гоголевском мире автор «Бедных людей» произвел, по словам М. М. Бахтина, «коперниковский переворот», сделав предметом изображения «не действительность героя, а его самосознание, как действительность второго порядка» (Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского.— М., 1972.— С. 82). Эпистолярная форма «Бедных людей» подчеркивала значимость «нового слова», которое Девушкин сам говорит. Упорная борьба героя за обретение собственного «слога» — это неловкие, косноязычные попытки доказать, что он тоже «человек, <...> сердцем и мыслями... человек» (1, 82). Незрелая, с точки зрения Белинского, «манера» Д. была новаторским приемом, позволяющим осветить изнутри процесс становления личности, утвердить достоинство «маленького человека». Сам Д. в ответ на критику писал: «Не понимают, как можно писать таким слогом. Во всем они привыкли видеть рожу сочинителя; я же моей не показывал. А им и невдогад, что говорит Девушкин, а не я, и что Девушкин иначе и говорить не может. Роман находат растянутым, а в нем слова лишнего нет» (28-1, 117—118). Как будто несущественное несогласие Д. с Белинским обнаружилось, тем не менее, принципиальное различие их установок, углублявшееся с каждым новым произведением Д. Так, одоблив повесть «Двойник» (1846) за типичность «амбициозной» фигуры Голядкина, критик советует автору укоротить произведение «по крайней мере целою третью» и замечает в нем «еще и другой существенный недостаток» — «фантастический колорит». Фантастическое же «в наше время может иметь место только в домах умалишенных, а не в литературе, и находится в заведовании врачей, а не поэтов» (Белинский В. Г. Там же.— С. 214). Еще суровее отзывы Белинского о «Господине Прохарчине» (1846) и «Хозяйке» (1847); последняя была воспринята как рецидив романтизма. Однако Д., хотя и бо-

лезненно воспринимал критику, продолжал писать по-своему.

Внутренняя судьба личности — истинная тема уже самых первых, «чиновничьих», произведений Д. Начиная с «Хозяйки» он практически отбрасывает и традиционную «гоголевскую» тематику — его героем становится «мечтатель», оторванный от реальности чудак, живущий в мире романтических грез. И Ордын, и герой «Белых ночей» (1848) — люди образованные, одаренные, исповедующие взгляды, близкие самому автору. Не случайно появление проблемы «мечтательства» у Д. совпадает с увлеченностью утопическим социализмом, участием в кружках бр. Бекетовых, М. В. Петрашевского, С. Ф. Дурова.

Главным авторитетом в социалистической ассоциации бр. Бекетовых (1846 — нач. 1847 г.) был молодой критик В. Н. Майков, преемник Белинского в критическом отделе «Отечественных записок». Во второй половине 40 г. он становится идеологом нового течения в «натуральной школе», ставившего своей целью прежде всего «анализ личностей». Опираясь на антропологизм Л. Фейербаха и учение о страстях Ш. Фурье, Майков выдвигает в качестве первой задачи современной ему литературы психологизм, изучение человеческой природы. Под влиянием его идей вокруг «Отечественных записок» формируется целая группа молодых писателей: Я. П. Бутков, А. Н. Плещеев, И. П. Крешев, М. М. Достоевский, образующая т.н. «школу сентиментального натурализма» (Григорьев в А. А. Ф. Достоевский и школа сентиментального натурализма // Гоголь Н. В. Материалы и исследования / Под ред. В. В. Гиппиуса.— М.; Л., 1936.— Т. 1), признанным главой которой стал Д. Именно Майкову удалось глубоко проникнуть в художественную суть «Бедных людей», «Двойника» и «Господина Прохарчина». Споря с Белинским, он заявлял: «И Гоголь и г. Достоевский изображают действительное общество. Но Гоголь — поэт по преимуществу социальный, а г. Достоевский — по преимуществу психологический. Для одного индивидуум важен как представитель известного общества или известного круга; для другого самое общество интересно по влиянию его на личность индивидуума» (Майков В. Н. Литературная критика.— Л., 1985.— С. 180). Критик отстаивал право писателя-ровесника на оригинальность «манеры»: ведь стилистическая «говорливость» — необходимый инструмент психологического анализа; сама речь героя-рассказчика раскрывает особенности его личности.

С кружком Белинского Д. расходится еще осенью 1846 г. из-за личной ссоры с Некрасовым и Тургеневым. К нач. 1847 г. относится окончательный разрыв с самим критиком, вызванный глубокими идейными разногласиями. С самого дня знакомства в мае 1845 г. их объединяла вера в ту «истину», которая раскрыва-

лась в утопических учениях П. Леру, Фурье, романах Ж. Санд. Эту веру юноша принял из рук Белинского и продолжал исповедовать в течение долгих лет. Критик же резко пересматривает свое мировоззрение: так, в письме к В. П. Боткину от 6 февраля 1847 г. социалисты презрительно названы «насекомыми, выпупившимися из навозу, которым завален задний двор гения Руссо» (Белинский В. Г.—Т. 9.—С. 608). Новые авторитеты для Белинского — О. Конт, М. Штирнер, левые гегельянцы. Христианский социалист Д., оставаясь верным «мечтательному» идеалу социальных утопий, уже не может найти общего языка с позитивистом и материалистом Белинским.

В «Петербургской летописи» (1847) Д. писал, что «...весь Петербург есть не что иное, как собрание огромного числа маленьких кружков» (18, 12), расценивая последние как своего рода переходную ступень между уединенностью и настоящей общественной жизнью, ближе стоящую, однако, к первому полюсу. Мечтатель, этот «кошмар петербургский», эта «трагедия, безмолвная, таинственная, угрюмая, дикая» (18, 32), — закономерное порождение «кружковой жизни». Герой «Белых ночей» не только в определенном смысле автопортрет Д. 40 гг., но и собирательный портрет его друзей по кружкам. «Мечтательство «Белых ночей» не одиноко в творчестве Достоевского. Ему уделено место и в «Бедных людях», и в «Неточке Незвановой»; ...оно раскрывается в «Хозяйке»...» (Комарович В. Л. Юность Достоевского // Былое. 1924.— № 23.— С. 31). Полухристианский идеал утопистов, тоска по «новому городу», где все будет «как бы братья с братьями» (Настенька из «Белых ночей»), чувствуется в мечтательстве многих героев раннего Д. Сам термин «мечтательство», перейдя в зрелое творчество, будет до конца жизни осмысляться писателем в связи с социалистическими идеями. Гуманизм, понятый в антропологическом духе, одушевляет все произведения Д. 40 гг.

Литературные интересы первенствовали в утопически-гуманистических кружках второй половины 40 гг. Так, в среде петрашевцев, куда перекочевали в нач. 1847 г., после отъезда бр. Бекетовых в Казань, многие участники ассоциации, в т. ч. Д., можно было встретить А. Н. Майкова, Дурова, Плещеева, А. И. Пальма и др. Сам Д. посещает «пятницы» довольно часто, но высказывается там всего дважды: о важном значении художественности в литературе, а также о личности и эгоизме. 15 апреля 1849 г. читает запрещенное тогда зальцбруннское письмо Белинского к Гоголю 1847 г. Не принимая позитивизма и атеизма Петрашевского, автор «Белых ночей» понимал фурьеризм прежде всего как «новое христианство», призванное исправить «ошибки» христианства исторического и создать условия для «мировой гармонии». Утопичность

Христос — совершенный, идеальный человек, герой — приходил восстановить людей в их природной красоте и силе и вернуть им отнятый рай здесь, на земле. «Благая» человеческая природа лишь временно омрачена уродливыми социальными условиями. Любое зло является для нее внешним. Склонность к религиозно-мечтательному, «розовому» социализму побудила небольшую группу петрашевцев (бр. Достоевские, Дуров, Плещеев, Пальм и др.) выделиться в нач. 1849 г. в особый кружок, собиравшийся на квартире Дурова. Однако под влиянием левого утопического коммуниста Н. А. Спешнева, также члена нового кружка, Д. все более проникается революционными идеями и в 1849 г. входит в группу по организации тайной литографии.

В связи с событиями французской революции 1848 г. и той ролью, которую играли в ней социалисты, правительство решает пресечь распространение утопических идей. К Петрашевскому был подослан провокатор, и в ночь с 22 на 23 апреля 1849 г. Д. в числе прочих участников собраний был арестован и посажен в Петропавловскую крепость. Мужественно пережив семимесячное следствие и обряд смертной казни 24 декабря 1849 г., стоя у эшафота, он услышал рескрипт о неожиданном помиловании: «...отставного поручика Д. за... участие в преступных замыслах, распространение письма литератора Белинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и за покушение, вместе с прочими, к распространению сочинений против правительства посредством домашней литографии лишить всех прав состояния и сослать в каторжную работу в крепостях на»... 4 года, а потом рядовым. (18, 190). В январе 1850 г. Д. был доставлен в Омский острог. По дороге, на пересыльном дворе Тобольской тюрьмы, петрашевцев посетили жены декабристов, среди них Н. Д. Фонвизина, подарившая Д. экземпляр Евангелия — единственной книги, которую разрешалось читать на каторге.

Четыре года провел писатель в «Мертвом доме». Помимо тяжелых и страшных впечатлений, они дали Д. возможность на деле узнать простой русский народ, изнутри проникнуть в его психологию. «Я узнал... народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, не многие знают его», — писал он брату Михаилу (28-1, 173), под «многими» явно подразумевая своих прежних друзей-интеллигентов (Белинского, Петрашевского, Спешнева). По выходе из острога Д. зачислен рядовым в Сибирский 7-й линейный батальон, стоявший в Семипалатинске, куда он и был доставлен по этапу в марте 1854 г. После смерти Николая I и начала либерального царствования Александра II участь Д., как и многих политических преступников, была смягчена. Вскоре он произведен в унтер-офицеры, за-

тем в прапорщики, ему возвращаются прежние дворянские права, и в отставку в 1859 г. он выходит уже в чине подпоручика. В 1857 г. в Кузнецке Д. женился по страстной любви на Марии Дмитриевне Исаевой, женщине большой и неуравновешенной. Семейная жизнь складывалась трудно. В годы неволи Д. не оставляет писательского труда: в Петропавловской крепости, ожидая приговора, пишет рассказ «Маленький герой», в Семипалатинске — повести «Село Степанчиково и его обитатели» и «Дядюшкин сон», более того — в самом остроге ведет записи тюремного фольклора, составившие «Сибирскую тетрадь». Ее материалы впоследствии пригодились Д. в работе над многими произведениями.

Хлопоты родных и друзей писателя о разрешении ему вернуться в европейскую Россию и печататься увенчались успехом: в августе 1859 г. Д. приезжает с женой и пасынком в Тверь, а в ноябре того же года получает разрешение жить в Петербурге и с нач. 1860 г. активно включается в литературную жизнь столицы. Это время — разгар «либеральной весны», резкого оживления общественной жизни в России. Вместе с братом Михаилом писатель посещает кружок бывшего петрашевца А. П. Милокова, где ведутся разговоры в духе 40 гг. и по-прежнему увлекаются французской литературой, пропагандирующей утопические идеи: Ж. Санд, Балзак, Ф. Сюзье, Э. Сю, Гюго. Однако участник собраний и будущий журнальный сотрудник Д. Н. Страхов, подчеркивая «первое место» Д. в кружке Милокова, указывает и на «особенное направление мыслей Федора Михайловича» (Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Д-го. — Спб., 1883. — С. 173). В том же 1860 г. написано объявление о подписке на журнал «Время», своеобразный манифест нового направления — «почвенничества». Д. прiderживается «органических» воззрений по социально-политическим и эстетическим вопросам (принципы «органической» критики развивал еще в 50 гг. А. А. Григорьев). Трагическую разорванность интеллигенции и народа — плод петровских реформ — необходимо преодолеть, опираясь на самобытную национальную почву. Приобщающийся к цивилизации многомиллионный русский народ должен самостоятельно выработать социальные и политические формы своего существования. Дело интеллигенции отнюдь не в навязывании народу европейских рецептов «земного рая», а в стремлении разбудить его творческие силы путем повсеместного распространения грамотности и образования. Все должны учиться друг у друга: народ — у образованного сословия, образованное сословие — у народа, ибо последний — основа и хранитель национальной самобытности, во многом утерянной западной интеллигенцией. Каторжный опыт привел Д. к мысли, что выражением народного духа является стремление к высшей правде (ибо только православный рус-

ский народ, в отличие от католической Европы, сохранил в душе образ истинного Христа»), потребность в страдании как возможности удовлетворить чувство вины из-за несоответствия христианскому идеалу. Православная идея братства позволит, по мнению Д., русскому человеку осуществить в будущем свою национальную «сверхзадачу» — идею «всечеловечности», т. е. объединения и примирения всех народов мира в высшем синтезе. По сути, это та же гуманистическая идея «земного рая», учитывающая, однако, национально-исторические особенности России. В отличие от славянофилов, «почвенники» не требовали возвращения к допетровской старине и признавали носителями русского народного начала не одно крестьянство, но и другие слои населения, в частности патриархальное купечество. «Почвеннические» воззрения Д. развивал в течение всей дальнейшей жизни, в той или иной форме они легли в основу его будущих произведений, а также одушевляют многочисленные публицистические статьи на страницах журналов «Время» (1861—1863) и «Эпоха» (1864—1865).

Одновременно полемизируя с революционно-демократическим «Современником», славянофильским «Днем» и официальным «Русским вестником», периодические издания братьев Д. выступали не только против конкретного содержания их идей, но и против самого принципа «теоретизирования» в ущерб концепции «органического» возникновения новых форм русской жизни. Важнейшими сотрудниками журналов были критики Григорьев и Страхов.

Помимо «почвенничества», в объявлении о подписке на «Время» на 1861 г. изложена программа борьбы за полную свободу «художественность» в литературе, против господства одностороннего «отрицательного» направления. Эстетические взгляды Д. с наибольшей полнотой выразились в статье «Г-н -бов и вопрос об искусстве» (Время. — 1861. — № 2). Здесь развиваются многие идеи, восходящие к В. Н. Майкову (о первичном характере «художественности» по отношению к тенденциозности, о «служебной» роли искусства как проводника передового мировоззрения, о необходимости в литературе идеала, уравнивающего «отрицательную» линию); чувствуется явное влияние учения о красоте Шиллера («Красота есть нормальность, здоровье. Красота полезна, потому что она красота, потому что в человечестве — вседневная потребность красоты и высшего идеала ее» — 18, 102), отстает высокое значение Пушкина («Пушкин — знамя, точка соединения всех жаждущих образования и развития; потому что он наиболее художествен, чем все наши поэты, следовательно, наиболее прост, <...> пленителен, <...> понятен» — 18, 103). В оценке Пушкина Д. близок к Григорьеву.

Если в полемике «Времени» с М. Н. Катковым («Русский вестник») и славянофилами первое

место принадлежало Д., то в полемике с «Современником» зачинателем и наиболее последовательным участником был Страхов. Его статья «Нечто о полемике» (Время. — 1861. — № 8) была воспринята как резкий выпад против «свистящего», т. е. односторонне обличительного направления революционно-демократического журнала и вызвала ответный удар со стороны М. А. Антоновича в статье «О почве. Не в агрономическом смысле, а в духе «Времени» (Современник. — 1861. — № 12). В статье «Два лагеря теоретиков» (Время. — 1862. — № 2), направленной одновременно против славянофилов и революционеров-демократов, Д. поддерживает Страхова в споре с Антоновичем. Однако симпатизирует «Современнику» в его борьбе с «Русским вестником» (см., напр., статьи Д. «Свисток» и «Русский вестник», «Щекотливый вопрос. Статья со свистом, превращениями и переодеваниями» и др.). Вообще для Д. было характерно стремление отмежевать лично уважаемых им Чернышевского и Добролюбова от массовых их поклонников и последователей, а также отграничить руководимый им журнал от «Современника», начавшего выходить в 1863 г. под новой редакцией (Салтыков-Шедрин и Антонович). В момент обострившейся с лета 1862 г. реакции в сущности не претерпевшие изменения программные положения «Времени» стали восприниматься радикалами как угодничество перед правительством, пособничество «полицейским мерам». С 1863 г. «Время», а затем и «Эпоха» вели жесточайшую полемику с «Современником», часто переходившую с обеих сторон границы допустимого, задевавшую личности. Так, напр., в ответ на издевательскую статью Шедрина «Литературные мелочи» (Современник. — 1864. — № 5), заканчивавшуюся «драматической бльюзой» «Стрижи», в которой даны нелицеприятные характеристики редакторов и ближайших сотрудников «Эпохи», Д. печатает хлесткий сатирический памфлет «Г-н Шедрин, или Раскол в нигилистах» (Эпоха. — 1864. — № 5). «Стрижи» были направлены против «Записок из подполья» с их критикой взглядов Чернышевского как автора «Что делать?». Подлинными антагонистами Д.-публициста были Салтыков-Шедрин и Антонович.

В мае 1863 г. журнал «Время» был неожиданно закрыт из-за статьи Страхова «Роковой вопрос», в которой правительство усмотрело полонифильство. В результате долгих хлопот М. М. Достоевскому удалось в январе 1864 г. добиться разрешения на издание журнала «Эпоха». После внезапной смерти брата в июле 1864 г. запутанные дела по журналу полностью переходят в руки Д. Кроме того, он берет на себя заботы о многочисленной семье М. М. Достоевского и обязуется выплатить его долги. В июне 1865 г. редакция «Эпохи» обанкротилась. Чтобы выйти из финансового тупика, Д. заключает контракт с книгоиздателем Ф. Т. Стелловским: за три тыся-

чи рублей он продает ему право на издание полного собрания своих сочинений в трех томах и в счет той же суммы обязуется написать новый роман к 1 ноября 1866 г. В случае неисполнения этого обязательства Стелловский получал право перепечатывать все будущие произведения Д. без всякого вознаграждения автору, тем самым угрожая лишить его средств к существованию. Еще в апреле 1864 г. умерла от чахотки жена Д.

1860—1864 гг. сам Д. впоследствии назвал для себя временем «перерождения убеждений». Очевидно, что отказ от социалистических идеалов произошел у писателя не столько в результате каторги, сколько в процессе столкновения с «текущей действительностью» первой половины 60 гг. Публицистика периода «Времени» и «Эпохи» — документальное свидетельство той «внутренней работы», которая совершалась в Д. в первые годы после каторги» (Комарович В. Л. Неизвестная статья Ф. М. Достоевского «Петербургские сновидения в стихах и прозе» // Русская мысль. — 1916. — Кн. 1. — С. 105). Художественные произведения этих лет также передают эволюцию мировоззрения писателя. В «Записках из Мертвого дома» (1860) в целом еще сохраняется антропологическая концепция «благой» человеческой природы, но именно здесь впервые у Д. появляется отчетливое представление о свободе как основе личности. Автор «Мертвого дома» с удивлением обнаруживает, что главное стремление заключенных — свобода, что тяжесть каторжного труда не в его трудности, а в его подневольности. «Записки из Мертвого дома», — отмечает Н. М. Чирков, — впервые целостно развешивают антропологию Д. Человек таит в себе и возможности неслыханного падения и извращения, и возможности морального обновления и бесконечного совершенствования... способность ко всему и в зле, и в добре. Человек — это универс в свернутом и малом виде» (О стиле Достоевского. — М., 1967. — С. 25).

В 1861 г. в журнале «Время» печатается роман «Униженные и оскорбленные». В традиционные для писателя мотивы 40 гг. (сочувственное изображение «маленьких людей», оскорбляемых в своем человеческом достоинстве сильными мира сего) вторгаются ранее не звучавшие ноты. Трагедия Наташи Ихменевой обусловлена не столько внешними, сколько внутренними, нравственно-психологическими причинами. Она и жертва, и мучительница одновременно. Новым в творчестве Д. является также тип кн. Валковского — откровенно хищный, циничный, жестокий, умный. Недаром Добролюбов в статье «Забитые люди» (1861), критикуя роман Д. с позиций антропологии, упрекает автора в том, что в характере князя сквозь хищнические черты нигде не проглядывает «благая» природа. Зло — сердцевина природы героя, осмелевается теперь утверждать Д. Критика-гуманиста возмущает и

то, что «историю любви и страданий Наташи с Алешей рассказывает нам человек, сам страстно в нее влюбленный и решившийся пожертвовать собою для ее счастья». Иван Петрович причисляется к «тряпичным сердцам», любовь его названа «головною» (Добролюбов Н. А. Собр. соч.: В 9 т.— М.; Л., 1963.— Т. 7.— С. 230). Слова Добролюбова обнаруживают начавшееся расхождение писателя с этикой «разумного эгоизма», характерной как для утопистов 40 гг., так и для революционеров-демократов 60-х. Характерное для социальных утопий представление о том, что в идеале человек предназначен исключительно для счастья, отрицало положительную роль страдания в его жизни и таким образом закономерно приходило в противоречие с христианской религией, построенной на принятии страдания как естественного удела человека на земле. Открыв в сибирские годы в человеческой душе «потребность» страдания, Д. сделал шаг от гуманизма к христианству, что и отразилось в этической позиции героя-рассказчика «Униженных и оскорбленных»: самопожертвование и сострадание окрашивают его любовь к Наташе в религиозно-христианские, подвижнические тона.

Летние месяцы 1862 и 1863 гг. писатель проводит за границей, посетив Германию, Англию, Францию, Италию и др. страны. Наблюдения, сделанные в первой поездке, вылились в «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1863), чрезвычайно важные для понимания мировоззренческого сдвига, происходившего с Д. в эти годы. Здесь впервые развернута одна из ключевых проблем Д.-романиста — соотношение России и Европы; виден процесс перехода писателя от «гуманистического космополитизма» в духе В. Н. Майкова к «русской идее» «почвенничества». Отметив в западном человеке преобладание «начала... особняка», индивидуализма, он, опираясь на сибирский опыт, считает христианский идеал братства изначально присущим природе русского простолюдина и на этом основании возводит русского крестьянина в идеальный общечеловеческий тип: ведь он уже достиг вершины индивидуального развития — способности к добровольному самопожертвованию. Это и есть основа русской «всечеловечности». Ложь западного социализма и буржуазности, по мысли Д., в том, что они исходя из природы западного человека-собственника, основаны на личной выгоде. Поэтому революционно-атеистический социализм теперь для него только оборотная сторона буржуазности. Но вера в принципиальную возможность социализма еще не утеряна: «хоть и возможен социализм, да только где-нибудь не во Франции» (5, 81). Социализм можно построить лишь на фундаменте русской природы, братства. Обаяние идеи «золотого века» не утеряло власти над Д. Но путь к достижению «мировой гармонии» видится теперь ему существенно иным, чем в 40 гг. и чем видели его революционеры-демократы 60 гг.

«Жажда страдания», незамутненный божественный образ Христа, найденный им в сердце русского народа, делала, по Д., неприемлемыми для России западные, революционные, средства переустройства. Особый, самобытный путь родной страны к «земному раю» — вот социально-политическая программа Д. нач. 60 гг.

«Записки из подполья» (1864), по выражению А. С. Долинина, «пролегомены» ко всему дальнейшему творчеству Д. Если «Мертвый дом» — серия лабораторных опытов, поставленных самой жизнью, то в «Записках из подполья» — результат этих опытов, новое «вещество», полученное в итоге проб и сомнений. О герое подполья сам автор в черновом наброске «Для предисловия» (1875) говорит: «Я горжусь тем, что впервые вывел настоящего человека русского большинства...» (16, 329). В этом произведении впервые прямо ставится знак равенства между человеческой личностью и ее свободой: «Что же такое человек без желаний, без воли и без хотений, как не штифт в органном вале?» (5, 114). Свобода предполагает выбор между добром и злом; так зло получает законное место в глубинах прежде однозначной «благости» человеческой личности. Видна открытая полемика с рационалистически-сенсуалистическим комплексом понятий о человеческой природе, который был характерен для «натуральной школы», а впоследствии для Н. Г. Чернышевского и берет свое начало в философских идеях Фейербаха, Конта и Фурье. Человек, по мнению героя «Записок», может стремиться «к самому пагубному вздору...» «единственно для того, чтобы ко всему... благоразумию примешать свой пагубный фантастический элемент. Именно свои фантастические мечты... пожелает удержать за собой единственно для того, чтоб самому себе подтвердить... что люди все еще люди, а не фортепьянные клавиши, на которых... играют сами законы природы собственноручно» (5, 116—117). Очевидно, что «фантастичность» здесь — бескрайние потенциальные возможности человеческой свободы, прямая противоположность математически расчисленной «табличке». И весь «фантастический реализм» Д. (так он сам определил свой метод), окончательно выработанный в «Записках из подполья», — это реализм личностей, суть которых — свобода воли. Именно в этом его главное отличие от психологического реализма Тургенева, И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого и др., опиравшихся на антропологическое в своей основе представление о личности. Фантастический же реализм Д. открывает поистине бесконечные глубины в человеческом существе, т. к. свобода, по мысли писателя, иррациональна и уводит «концы и начала» личности за грань эмпирического мира, в мир онтолого-метафизического. «Записки из подполья» — пик «перерождения убеждений» и в отношении к социализму. Писатель подвергает здесь сомнению саму конечную цель утопий — «земной рай», то единственное,

что еще объединяло «розовый», фуьрьеристский, и революционно-атеистический социализм Чернышевского и его товарищей. Так, X глава первой части «Записок», где возникает образ «хрустального дворца» — символа будущего идеального устройства человечества, полемически соотносится с четвертым сном Веры Павловны из романа «Что делать?»: «Я боюсь хрустального и навеки нерушимого здания, которому нельзя будет даже укладной языка выставить» (5, 120). Осуществленный идеал фуьрьеристского фаланстера — «хрустального дворца» — уничтожает, по мнению Д., возможность выбора, ущемляет человеческую свободу.

В «Записках из подполья» впервые четко обозначена еще одна сквозная в дальнейшем творчестве Д. проблема — эстетизм, понимание красоты. Герой подполья, этот наследник «демонических» романтиков первой трети XIX в., руководствуется в своем поведении не этическими, а эстетическими критериями, поэтому высшая добродетель и крайняя подлость для него одинаково привлекательны. Байроническое любование злом трансформируется в наслаждение своей униженностью, смакование пороков и мелких гадостей. Он боится только быть смешным и заурядным, потому что это эстетически невыразительно. Так, проповедью в постели проститутки Лизы он стремится достичь лишь «литературного эффекта», не влекущего за собой реальных последствий. Поведение Лизы нарушает внутренний баланс парадоксалиста: в ее лице сама жизнь покушается на «подполье». Девушка увидела в герое только несчастного человека, нуждающегося в утешении и поддержке.

Для поправки здоровья осенью 1865 г. писатель уезжает за границу и там, в курортном немецком городке Висбадене, начинает работу над романом «Преступление и наказание» (1866), в котором отразился весь сложный и противоречивый путь его внутренних исканий. В центре нового произведения — преступление, идеологическое убийство. «Молодой человек, исключенный из студентов университета, ...живущий в крайней бедности, по легкомыслию, по шаткости в понятиях подавши некоторые странным «недоконченными» идеям, которые носятся в воздухе, решился разом выйти из скверного своего положения» (28-2, 136) — убить и обратить старуху-ростовщицу, скверную «вошь», заедающую чужой век. На ее деньги Раскольников мечтает сотворить тысячи добрых дел, в первую очередь спасти от позора и нищеты горячо любимых мать и сестру. Но это не единственная причина преступления: герой, находящийся в плену «теории» о двух разрядах людей, стремится проверить, к какому из них принадлежит сам. «Право имеющие» избранники, «человекобоги» могут позволить себе переступить моральные нормы, писанные для «низшего» большинства. Так среди «недоконченных» идей западного происхождения

оказываются рядом, по Д., мысль о революционном насилии ради социальной справедливости («кровь по совести») и гордая идея «Наполеона». Их объединяет отчужденность от «живой жизни», питающейся от русских национальных, «истинно христианских» корней, ибо Европа, считает писатель, забыла подлинного Христа и вследствие этого оторвалась от источников бытия. Все идущие оттуда идеи (будь то буржуазный утилитаризм Лужина, «коммунистическое» общезжитие Лебезягинова, «наполеонизм» Раскольникова) носят разрушительный, нигилистический характер. Противостоят нигилизму в романе «почвенничество» — органическое мировоззрение, естественно вырастающее из «братской» природы русского человека. Однако «живая жизнь» сталкивается с нигилизмом не столько в теоретическом споре (напр., диспуты Раскольникова с Разумихиным и Порфирием), сколько опровергает его постулаты на практике. После совершения преступления «неразрешимые вопросы встают перед убийцей, неподозреваемые и неожиданные чувства мучают его сердце, <...> и он — кончает тем, что принужден сам на себя донести, <...> чтобы хотя погибнуть в каторге, но примкнуть опять к людям... Закон правды и человеческая природа взяли свое...» (28-2, 137). Соня Мармеладова и Свидригайлов воплощают полюса возможного развития личности центрального героя. Кроткая и жертвенная Соня, живущая по евангельским заповедям, подвигает Раскольникова на путь покаяния, отказа от «теории», воссоединения с людьми и жизнью. Напротив, убийца и циник Свидригайлов притягивает его как тоже «переступивший» и при этом способный преуспевать и наслаждаться существованием. Самоубийство Свидригайлова — доказательство неизбежной гибельности аморализма — и стало для Раскольникова последним толчком к признанию.

Трагедия Родиона разворачивается на фоне безысходных страданий «униженных и оскорбленных», населяющих большой капиталистический город Петербург. Антибуржуазный пафос романа проявился и в сочувственном описании быта бедняков (семей Мармеладовых и Раскольниковых), и в резком осуждении крупных и более мелких хищников (Алены Ивановны, вдовы Реслих, Коха, Лужина и др.), и в острой постановке тем алкоголизма и проституции.

Целью Д. было проследить «психологический процесс преступления» (28-2, 137), поэтому здесь ярко обозначилось своеобразие психологизма писателя, которое определяется прежде всего двойственностью духовно-нравственного ядра героя-«человекобога», столкновением в нем «неподвижных идей» и «несовместимых» чувств. Д. чужда текучая «диалектика души», построенная на полутонах. Психологический рисунок зависит не от внешних воздействий «среды», а от внутренних толчков прорывающихся в сферу души разнонаправленных духовных импульсов.

Наиболее значительные критические отзывы о «Преступлении и наказании» — статьи Д. И. Писарева «Борьба за жизнь» (1867—1868) и Страхова «Наша изящная словесность» (1867). Писарев настаивает на том, что преступление Раскольникова — прямое следствие безвыходной нищеты, в которую повергают героя общественные условия; его «теория» не имеет ничего общего с революционно-демократическими идеями. В итоге весь «антинигилистический» пафос романа сводится на нет. Напротив, Страхов видит главный смысл произведения в отражении идей демократической молодежи 60 гг. Основное достоинство романа в том, что автор исследовал глубинные истоки нигилизма как трагического явления, как искажения души, сопровождаемого жестоким страданием.

«Преступление и наказание» открывает новый, высший этап творчества Д. Здесь он впервые выступает как создатель принципиально нового типа романа в мировой литературе, который Бахтин назвал полифоническим (многоголосым). Ученый подчеркивал относительную свободу, самостоятельность и незавершенность героя и его «слова», которое может до конца развить свою внутреннюю логику, в условиях полифонического замысла: «...не множество характеров и судеб в едином объективном мире... но именно множественность равноправных сознаний с их мирами сочетается здесь» (Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — С. 77).

В октябре 1866 г. работа над «Преступлением и наказанием» была временно прервана из-за необходимости выполнить условия кабального договора с книгоиздателем Стелловским. С помощью стенографистки Д. удалось менее чем за месяц написать требуемый роман «Игрок», в котором центральной стала актуальная для писателя проблема России и Европы. Но помимо этого произведение должно было, по мысли автора, обратить на себя внимание «как наглядное и подробное изображение рулеточной игры... своего рода ада, своего рода каменной «бани» (28-2, 51). Алексей Иванович — «не простой игрок, так же как скупой рыцарь Пушкина не просто скупец. Он поэт в своем роде...» (Там же). В словах писателя слышны личные нотки. Самому Д. во время заграничных путешествий в 1865 — 1867 гг. довелось постичь губительную «поэзию» рулетки. Однако он нашел в себе силы навсегда отказаться от игры.

В 1867 г. Д. женился на своей помощнице-стенографистке Анне Григорьевне Сниткиной, ставшей для него по-настоящему близким, преданным другом. У Достоевских было четверо детей, однако двое из них умерли в раннем детстве. В том же 1867 г., желая на время избавиться от кредиторов, Достоевские надолго уезжают в Западную Европу, живут в Германии, Швейцарии, Италии. «Страна святых чудес» на этот раз подарила писателю глубокие эстети-

ческие впечатления. В картинных галереях Дрездена, Базеля, Флоренции он подолгу простаивал около таких полотен, как «Асис и Галатея» Клода Лоррена (которое Д. назвал «золотым веком»), «Динарий кесаря» Тициана, «Сикстинская мадонна» Рафаэля (которая стала для него высшим воплощением красоты и духовности), «Мертвый Христос» Ганса Гольбейна-младшего (описан в романе «Идиот»). В эти годы писатель работает над двумя романами — «Идиотом» (1868) и «Бесами» (1870—1871); последний завершает уже в России.

Работа над романами и появление их частей в печати шли параллельно, что вообще характерно для писательской жизни Д. «Сколько раз случилось за последние четырнадцать лет его жизни, — вспоминала впоследствии А. Г. Достоевская, — что две-три главы были уже напечатаны в журнале, четвертая набиралась в типографии, пятая шла по почте в «Русский вестник», а остальные были еще не написаны, а только задуманы» (Достоевская А. Г. Воспоминания. — М., 1987. — С. 234). Взятые Д. на себя долги брата значительно ухудшили условия публикации его произведений: в отличие от Тургенева, Л. Толстого, Гончарова и др., необеспеченный Д. должен был сам предлагать свой труд журналам и в итоге получал существенно меньше.

Начиная с «Преступления и наказания» писатель щедро использует в своих романах газетную уголовную хронику, вовлекая в сюжет поразившие его события реальной жизни: напр., некоторые обстоятельства дела убийцы Герасима Чистова; судьбы французского авантюриста Ласенера и мн. др. — в основе фабулы «Преступления и наказания»; нашумевшее дело об убийстве Жемариных прямо обсуждается на страницах романа «Идиот»; материалы процесса над террористической группой С. Г. Нечаева (1871) использованы в романе «Бесы» и т. п.

В «Преступлении и наказании» человек-«универс» был показан в основном на отрицательном полюсе своей «широкости». В «Идиоте» автор поставил перед собой противоположную задачу — «изобразить вполне прекрасного человека». Это была идея «старинная и любимая», восходящая к прежнему «розовому» мировоззрению писателя. «На свете есть одно только положительно прекрасное лицо — Христос» (28-2, 251), поэтому главный герой ориентирован прежде всего на его образ. Однако и в «Идиоте» это в значительной мере гуманистический, а не церковно-православный Христос; идеальный человек, а не бог, что проявляется и в неослабевающем стремлении «князя Христа» Мышкина создать «земной рай» (напр., любовное братство детей в Швейцарии), и в акцентировке его человеческой природы («широкости», т. е. наряду с просветленностью, переживанием чуждости миру и людям; «двойных мыслей» конфузливости из-за неравнодушия к оценкам других людей и т. п.); и в его двой-

ственности (в эмпирическом плане — «смешной дурачок», «идиот»); в метафизическом — мудрец и проповедник); и в явной переключке образа героя с «естественным человеком» Ж.-Ж. Руссо. «Идиот» — это последняя попытка Д. воплотить социально-утопический идеал: кн. Мышкин призван преодолеть окружающее зло и насилие, жестокие страсти и корыстолюбие одной лишь проповедью самосовершенствования и личным примером. Он верит, что, если все люди будут жить «главным умом», они сразу же окажутся в раю. Однако реалистический метод изображения вступил в противоречие с первоначальным авторским заданием, «художественность» победила «тенденцию». Несмотря на благотворное влияние, оказанное им на Бурдовского, Колю Иволгина, Евгения Павловича и др., фактические плоды «деятельности» князя удручающе печальны: гибнет Настасья Филипповна, внутренне сломлена Аглая, становится убийцей Рогожин, умирает, бунтуя против миропорядка, Ипполит. «Рай на земле не легко достается...» — резонно замечает Мышкину князь Ш. (8, 282). Одного обращения к «живой жизни», которая есть красота как «нормальность, здоровье», недостаточно для возрождения. Красота не в силах «спасти мир» — она сама нуждается в спасении, искажается и перерождается, свидетельствует художник судьбами Настасья Филипповна и Аглая. «И вот идея «Идиота» почти лопнула», — констатирует Д., заканчивая работу над романом (28-2, 321). Трагический колорит произведения связан со все более явственно обнаруживающейся для писателя невозможностью утопического «рая на земле». Отныне Д. пристальнее вглядывается в собственно христианское учение о судьбах мира и человечества, что сказалось в трех последующих романах, во многом выросших из неосуществленного «Жития великого грешника» (планы 1869—1870 гг.). Герой задуманной эпопеи должен был пройти через все соблазны современного мира: эгоистическое самоутверждение посредством «миллиона», социально-утопическую мечту об устройении счастья человечества ценой неизбежного отказа от свободы личности, «человекобожество» и атеизм, — прежде чем обрести подлинный идеал в единении с божественной правдой. «Главный вопрос, который проведется во всех частях, <...> — существование божие», — писал Д. (29-1, 117). Однако причудливое сочетание утопических и православных взглядов сохранится даже в последних произведениях писателя.

Замысел «Бесов» был вызван раздумьями Д. над целями и деятельностью подпольного революционного общества «Народная расправа», возглавляемого С. Г. Нечаевым. Отрицание всех выработанных историей морально-этических норм, всеобщее разрушение — вот крайняя нигилистическая программа нечаевцев. Топор, кровь, смута — средства для обновления мира. Это нравственное оскудение было в глазах писателя пря-

мым следствием безверия русской молодежи, причину которого он видел в «оторванности всего просвещения русского от родных и самобытных начал русской жизни», а генезис — в либерально-утопических движениях 40 гг.: «Наши Белинские и Грановские не поверили бы, если б им сказали, что они прямые отцы Нечаева. Вот эту родственность и преемственность мысли, развивающуюся от отцов к детям, я и хотел выразить в произведении моем» (12, 176). Так возник антинигилистический роман-памфлет, резко осудивший не только социалистов 60 гг. в лице Петра Верховенского, Липутина, Шигалева и др. «наших», но и утопистов 40 гг. в лице Степана Трофимовича Верховенского и писателя Кармазинова (вероятные прототипы — Т. Н. Грановский и Тургенев). Д. теперь уже прямо связывает «розовый» социализм и революционный нигилизм, хотя и подчеркивает, что первый намного шире и привлекательнее (преклонение Степана Трофимовича перед красотой — «Сикстинской мадонной» Рафаэля — протест против утилитаризма).

За перипетиями нигилистического заговора, как бы освещая их внутренним светом, просматривается второй план произведения — религиозно-философский роман-трагедия о «великом грешнике» Ставрогине, пронизанный апокалиптической символикой. Взгляд на романы Д. как на сплав эпоса и трагедии восходит к Вяч. Иванову, впервые отметившему напряженность и катастрофический характер действия, присутствие катарсиса, искусственное сопоставление лиц и положений в одном месте и в одно время, преднамеренное сталкивание их и т. п. как постоянные черты художественного мира писателя. Воплощение «рассудочного и низко-природного демонического начала, этот герой появляется в произведении в состоянии внутреннего кризиса: дальше по пути зла идти некуда — жизненные силы исощены, впереди только небытие. Им овладевает «новая мысль» — смирить гордыню, стать на путь искушения и воскресения. Отсюда намерение огласить брак с Хромоножкой, решение не мстить за пощечину Шатову и т. п. Но отрзанность от «богоносной» народной почвы, утопическое стремление спасти себя одной собственной «мыслью» делают эти попытки бесплодными: «спастись» только своими силами, без божественной помощи, человек, по христианско-церковному учению, проводимому здесь Д., не может. И если Ставрогин, обладатель «беспредельной» силы, не в состоянии ничего изменить в своей судьбе, то тем более обречены обыкновенные люди, находящиеся в поле его влияния: гибель Шатова, Кириллова, Хромоножки, Лизы Тушиной и др. закономерна. Сатанизм главного героя проявляется и в особом типе эстетизма, впервые в творчестве Д. возникшем у Героя подполья. «Вы в обоих полюсах... нашли совпадение красоты, одинаковость наслаждения», — замечает Ставро-

гину Шатов (10, 201). В насилии над Матрешей, в женитьбе на Лебядкиной — гадкий, подлый, уродливый «полюс». Среди главных причин гибели «Премудрого змия» не только рассудочность, но и эстетизм: неудача исповеди у святого старца Тихона связана с боязнью показаться смешным и жалким, что вместо покаяния вызывает у Ставрогина последний приступ презрения и злости к людям.

В «Бесах» Д. окончательно находит ту своеобразную манеру повествования — не от автора, не от главного героя, а от хроникера-очевидца, не знающего внутренних пружинок разворачивающихся событий, — которая перейдет затем в «Подросток» и «Братья Карамазовы». Это помогло писателю добиться видимой объективности изложения и в то же время сохранить таинственность, занимательность сюжета.

Разбирая общественно-политическую проблематику «Идиота» и «Бесов» в статье «Светлов, его взгляды, характер и деятельность» (1871), М. Е. Салтыков-Щедрин заметил «глумление над так называемым нигилизмом и презрение к смуте, которой причины всегда оставляются без разъяснения» (Ф. М. Достоевский в русской критике. — М., 1956. — С. 231). Такая реакция была характерна для революционно-демократических кругов в целом. Однако, осмысляя образ Мышкина как «человека, достигшего полного нравственного и духовного равновесия», Щедрин обращает внимание и на то, что Д. «не только признает законность тех интересов, которые волнуют современное общество, но даже... вступает в область предвидений и предчувствий, которые составляют цель не непосредственных, а отдаленнейших исканий человечества». Тем самым сатирик обнаруживает противоречивость писателя, прославляющего «конечную цель», но бичующего все «переходные формы прогресса» (Там же. — С. 231).

В мае 1872 г. Достоевские уезжают на лето из Петербурга в Старую Руссу, тихий маленький городок в Новгородской губ. С тех пор они проводят там каждое лето, в 1874 г. — остаются на зиму, а в 1877 г. покупают небольшую скромную дачу. В Старой Руссе написаны почти целиком романы «Подросток» и «Братья Карамазовы», многие главы «Дневника писателя», «Речь о Пушкине».

С 1873 г. Д. становится ответственным редактором журнала «Гражданин». на страницах которого начинает печатать «Дневник писателя», своеобразный моножурнал, откликающийся на важнейшие политические события дня, вмешивающийся в ход судебных процессов, поднимающий актуальные нравственные вопросы. Открытая публицистика и прямой отклик на события текущего дня перемежались в «Дневнике» художественными произведениями, которые получили самостоятельное значение: «Мальчик у Христа на елке», «Бобок», «Сон смешного человека»,

«Кроткая». В идейном отношении «Дневник писателя» — одно из самых противоречивых произведений Д. Здесь столкнулись крайне реакционные суждения (напр., о внешней политике Александра II) с выражениями любви и признательности к кумирам юности писателя — Ж. Санд и Белинскому. В «Дневнике» помещены задушевные воспоминания о Некрасове и дана высокая оценка его творчества, сказаны проникновенные слова о национальном значении Пушкина и Гоголя, дан интереснейший анализ «Анны Карениной». О чем бы ни писал автор «Дневника», он всегда одушевлялся демократическим идеалом: «Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получать высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами остаются во мраке» (22, 31). Автор «Дневника» становится учителем жизни для тысяч русских людей, тем самым осуществляя свою давнишнюю мечту — воздействовать на души и умы современников непосредственно, прямо. Он ведет обширную переписку, принимает многочисленных посетителей. Издание «Дневника» прерывается в годы работы над романами «Подросток» (1874—1875) и «Братья Карамазовы» (1878—1879), но постоянно возобновляется и продолжается вплоть до января 1881 г.

Как и прежде, роман «Подросток» посвящен настоящему и будущему России, но акцент здесь перенесен на будущее. Герой-рассказчик — юноша, «подросток»; от того, какая «идея» возобладает в нем и его сверстниках: «миллион», «золотой век» или Нагорная проповедь, — зависят дальнейшие судьбы страны. Разные люди окружают Аркадия Долгорукого. Это прежде всего его отец Версиров, русский аристократ, поднявшийся на вершины европейской культуры, но оторванный от национальной почвы. Однако он как драгоценное зерно носит в душе «русскую идею» — способность «всемирного боления за всех». Подобно другим гуманистическим искателям социальной справедливости Версиров также находится под обаянием мечты о «золотом веке», без которой «народы не хотят жить и не могут даже и умереть!» (13, 375). Однако мечту эту он считает пусть и высоким, но «заблуждением человечества», и его мысль о «золотом веке» по сути своей глубоко пессимистична. Для преодоления безысходности «мечтательного» версировского миропонимания нужен качественно новый уровень «общей идеи», слияние с «живой жизнью» (трагическую разъединенность с которой Версиров обнаруживает в своей «любви-ненависти» к Ахмаковой). Подросток Аркадий, кровно связанный с народно-православной стихией через свою мать-крестьянку и «законного» отца, «народного святого» Макара Долгорукого, и есть тот «ствол», двигаясь по которому, почвенные соки смогут напитать засыхающую крону дворянской

культуры. Мысль о некоей плодотворной преемственности идей, переходящих от «русских европейцев» к современному поколению, резко отличается «Подростка» от «Бесов». История «случайного семейства», осмысляемая Д. в «Подростке», и в этом романе выдвигает на авансцену повествования «скитальцев в родной земле», «случайное племя», деклассированные слои оторванной от народной традиции и подверженной западному влиянию интеллигенции. В сознании, не связанном с культурной почвой, мысль, мечта, идея получают исключительное развитие, приобретают огромную власть над личностью. «Идеесиле», заметил вслед за Страховым Б. М. Энгельгардт, не поставлено никаких пределов, и она превращается в опасного разрушителя духовной жизни. Так Д. становится «историографом» бытия идей в индивидуальном и социальном сознании; главная героиня его произведения — идея. Создается особый идеологический роман.

В мае 1878 г. писатель вместе с Вл. С. Соловьевым совершает поездку в козельскую Оптину пύстьнь, центр русского «старчества», во время которой сообщает спутнику главную мысль будущего романа «Братья Карамазовы» — «церковь» как положительный общественный идеал. Под «церковью» Д. понимал любовное братство людей, в котором «всякий пред всеми за всех виноват; не знают только этого люди, а если б узнали — сейчас был бы рай!» (14, 270). Так «старинная мечта» о «золотом веке», все же сохраняясь во многих существенных чертах, преображается в упование на «царство божие», осуществление которого на земле зависит от нравственного состояния людей. В конкретный эмпирический мир романа постоянно вторгаются «миры иные», обитающа бoга и дьявола, появляются мистический ореол, «фантастика»: напр., чудесное преображение Алеши, целующего землю, или беседы Ивана Федоровича с Чертом. Взаимосвязанность всего живого, взаимопроницаемость «миров» — ключевая мысль «Братьев Карамазовых».

Реальный, социально-исторический пласт произведения — панорама современной России: «Совокупите эти черты характера (семейства Карамазовых. — О. Б.), и вы получите, хоть уменьшенное в тысячную долю, изображение нашей современной действительности, нашей современной интеллигентной России» (15, 434—435). Каждый из героев, как обычно у Д., воплощает собой определенную «идею». Столкновение этих жизненных установок и определяет действие романа. Отвратительный в своем цинизме и разврате старик Карамазов как бы символ смерти и разложения русского общества 60 гг., которое, тем не менее, должно породить из своих недр нечто новое. Старший сын, Дмитрий, — натура стихийная, «широкая», в нем добро перемешано со злом. Он запутывается в своих страстях, заходит в нравственный тупик; но прекрасный

«новый человек», обитающий, несмотря ни на что, в его душе, — залог будущего воскресения к иной, праведной жизни. «Винность за всех», которую вдруг ощущает Митя после обвинения его в убийстве отца, предполагает крестный путь страдания, искупление: поэтому герой готовится в Сибири запеть «гимн Богу». Дмитрия влечет к Алеше, который воплощает в себе подлинную «живую жизнь». Напротив, с Иваном, олицетворяющим мощь отрицания, обаяние зла, у него нет ничего общего, их отношения чисто внешние. Именно Иван — настоящий, «по идее», убийца отца. Смердяков — жалкая фигура — лишь исполнитель его злой воли. Иван такой же нигилист (в социальном, моральном и онтологическом планах), как Раскольников и Ставрогин. На этом пути его ждут не нравственный подвиг, как Алешу, не возрождение к новой жизни, как Дмитрия, а распад личности (сумасшествие) и смерть (чему свидетельство — самоубийство Смердякова). Апофеоз нигилизма в произведении, да и во всем творчестве Д. — сочиненная Иваном поэма «Великий инквизитор».

«Братья Карамазовы» задумывались как серия романов; написан же был только первый, который «почти даже и не роман, а лишь один момент из первой юности моего героя» (14, 6) — «раннего человеколюбца» Алеши Карамазова, призванного осуществить на жизненном поприще заветы своего монастырского наставника старца Зосимы. Однако как деятель Алеша в этом первом и единственном романе практически не показан.

Одна из ведущих в последнем произведении Д. — сквозная в его творчестве тема красоты, представляющей отнюдь не «нормальностью» и «здоровьем», а «страшной и ужасной вещью». Писатель снова подчеркивает ее двойственность, зачастую — соблазнительность, «инферральность»: «Тут дьявол с богом борется, а поле битвы — сердца людей». Красота — стихия, связанная с «широкостью» человеческой личности, которая «уже с идеалом содомским в душе не отрицает и идеала Мадонны» (14, 100). Как для Героя подполья, Свидригайлова и Ставрогина, эстетизм во многом причина трагедии Дмитрия Карамазова. Однако «новый человек», родившийся в Мите, потому и нов, что уже не эстетичен, а этичен. Л. П. Гроссман заметил, что в большинстве произведений Д. прослеживается «путь человеческой души, нисходящей в подземный мир греховных блужданий для возрождения к новой жизни, просветленной до конца пережитым страданием» (Творчество Достоевского. — Одесса, 1921. — С. 108). Это дало ему право говорить в связи с Д. о романе-мистерии, построенном в определенном смысле по образцу античной и средневековой религиозной драмы. При этом писатель учился «у всех романов: бульварного и психологического, плутовского и сентиментального, авантюрного и философского, эпистоляр-

ного и мемуарного, социального и натурального, исповеди и фельетона» (Гроссман Л. П. Поэтика Достоевского.— Л.; М., 1925.— С. 173). В итоге Д. собирает в одном произведении несовместимые дотоле элементы и бросает их в «вихревое движение катастрофического замысла, придающего единство сплошного устремления этим многообразным материалам» (Там же.— С. 174). Отсюда понятно пристрастие Д. к авантюрному сюжету в философских романах. В лице автора «Братьев Карамазовых», считает Гроссман, европейский роман пережил один из крупнейших революционных этапов.

В. Е. Ветловская показала, что роман «Братья Карамазовы» в жаровом отношении соотносится с раннехристианским житием Алексея человека божия, популярным в Древней Руси. Главный персонаж романа Д.— Алеша — явно стилизован под житийного героя: напр., его «странность», противопоставленность остальным людям и одновременно теснейшая связь с ними. В старую житийную форму автор сумел вдохнуть новое содержание.

Современники редко понимали творчество Д. в его глубине и многомерности. Так, М. А. Антонович в статье «Мистико-аскетический роман» (1881) назвал «Братьев Карамазовых» произведением, идущим «вразрез с господствующим духом времени, с направлением науки и жизни, движущимся «против течения всей новой истории» (Ф. М. Достоевский в русской критике.— С. 302). Сходные мысли, анализируя весь творческий путь Д., высказал Н. К. Михайловский в статье «Жестокий талант» (1882), добавив к характеристике писателя такую черту, как «ненужная, беспричинная, безрезультатная жестокость» (Там же.— С. 339). Важное психологическое открытие Д.— нередкая склонность человека к мучительству или страданию — объявлялось с позитивно-гуманистических позиций несостоятельным.

В конце 70 гг. писатель постоянно выступал перед публикой с чтением глав из собственных произведений, отрывков из Гоголя, стихотворений Пушкина, особое предпочтение отдавая «Пророку». Все чаще самого автора «Дневника писателя» удостоивали этим званием, которое окончательно утвердилось за ним после речи на открытии памятника Пушкину в Москве 8 июня 1880 г. «Пушкинская речь» — квинтэссенция складывавшихся в течение жизни воззрений Д. на судьбу России, национальный характер, отечественную интеллигенцию. Возбуждая энтузиазм у слушателей в момент произнесения, речь Д. вскоре вызвала острую общественно-политическую и литературную полемику. Призыв писателя к «смирению» и к объединению противоположных сил и группировок — правительства и общества, славянофилов и западников, революционеров и либеральных дворян — в общей «работе на родной ниве» не мог встретить

полной поддержки ни у одной из них. Либеральные профессора А. Д. Градовский и К. Д. Кавелин объясняли бунт «русского скитальца» протестом против самодержавно-крепостнических устоев и предлагали России путь конституционно-буржуазных политических преобразований. Г. И. Успенский и Михайловский критиковали программу Д. за отказ от идеалов революционной борьбы. Церковноправославный публицист К. Н. Леонтьев, со своей стороны, считал веру Д. в «мировую гармонию» несовместимой со святоотеческим христианским учением.

Многие годы писатель страдал тремя тяжелыми болезнями: эпилепсией, эмфиземой легких и, видимо, туберкулезом. Сказались и творческие перегрузки, и нелегкая судьба. Неудивительно, что Д. настигла преждевременная смерть. За его гробом шла многотысячная толпа, у могилы на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры произносились горячие речи.

XX век с его социальными потрясениями и духовной переориентацией человечества — время подлинного признания гениального писателя. Произведения Д. переведены на десятки языков и читаются с неослабевающим интересом, который прежде всего вызван разворачивающейся здесь новой концепцией человеческой личности.

Соч.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т.— Л., 1972...

Лит.: Достоевский в изображении его дочери Л. Ф. Достоевской.— Пг., 1922; Достоевский А. М. Воспоминания.— Л., 1930; Волоцкой М. В. Хроника рода Достоевского. 1506—1933.— М., 1933; Гроссман Л. П. Достоевский.— М., 1965; Бурсов Б. И. Личность Достоевского: Роман-исследование.— Л., 1974; Селезнев Ю. И. Достоевский.— М., 1981; Волгин И. Л. Последний год Достоевского.— М., 1986; Достоевская А. Г. Воспоминания.— М., 1987; Критический комментарий к сочинениям Ф. М. Достоевского: Сб. критических статей: В 4 т. / Собрал В. Зелинский.— 3-е изд.— М., 1911; Ф. М. Достоевский: Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинна.— Пг., 1922.— Сб. 1: Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинна.— Л., 1925.— Сб. 2: Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования / Под ред. А. С. Долинна.— Л., 1935.— Сб. 3; Творчество Ф. М. Достоевского: Сб. ст.— М., 1959; Достоевский и его время: Сб. ст.— Л., 1971; Достоевский и русские писатели: Сб. ст.— М., 1971; Достоевский — художник и мыслитель: Сб. ст.— М., 1972; Достоевский. Материалы и исследования.— Л., 1974—1987.— Вып. 1—7; Леонтьев К. Н. Наши новые христиане. Ф. М. Достоевский и гр. Лев Толстой.— М., 1882; Соловьев Вл. С. Три речи в память Достоевского.— М., 1884; Волынский А. Л. Достоевский.— Спб., 1906; Шестов Л. Достоевский и Ницше (Философия трагедии).— Спб., 1903; Мережковский Д. С. Пророк русской революции // Полн. собр. соч.— Спб.; М., 1911.— Т. 11; Он же. Л. Толстой и Достоевский. Жизнь и творчество // Там же.— М., 1914.— Т. 9—10; Кудрявцев Ю. Г. Три круга Достоевского.— М., 1979; Переверзев Ф. В. Творчество Достоевского.— М., 1984; Белопольский В. Н. Достоевский и философская мысль его эпохи.— Ростов-на-Дону, 1987; Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // Иванов Вяч. Борозды и межи.— М., 1916; Андиферов Н. П. Петербург Достоевского.— Пг., 1923; Шкловский В. Б. За и против. Заметки о Достоевском.— М., 1957; Фриденлдер Г. М. Реализм Достоевского.— М.; Л., 1964; Саруханян Е. П. Достоевский в Петербурге.— Л., 1972; Альтман М. С. Достоевский. По векам имен.— Саратов, 1975; Кашина Н. В. Эстетика Ф. М. Достоевского.— М., 1989; Англинский И. Ф. Книги отражений.— М., 1979; Розенблюм Л. М. Творческие дневники Достоев-

кого.— М., 1981; Назиров Р. Г. Творческие принципы Достоевского.— Саратов, 1982; Захаров В. Н. Система жанров Достоевского.— Л., 1985; Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского.— М., 1979; Чиж В. Достоевский как психопатолог. М., 1885; Нечаева В. С. Ранний Достоевский (1821—1849).— М., 1979; Бельчиков Н. Ф. Достоевский в процессе петрашевцев.— М., 1971; Бочаров С. Г. Переход от Гоголя к Достоевскому // Бочаров С. Г. О художественных мирах.— М., 1985; Туниманов В. А. Творчество Достоевского. 1854—1862.— Л., 1980; Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Время».— М., 1972; Нечаева В. С. Журнал М. М. и Ф. М. Достоевских «Эпоха».— М., 1975; Карякин Ю. Ф. Самоубийство Раскольникова.— М., 1976; Кирпотин В. Я. Разочарование и крушение Родиона Раскольникова.— М., 1986; Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Комментарий.— М., 1985; Долинин А. С. Последние романы Достоевского.— М.; Л., 1963; Розанов В. В. «Легенда о Великом инквизиторе» Ф. М. Достоевского.— СПб., 1906; Ветловская В. Е. Поэтика романа «Братья Карамазовы».— Л., 1977; Достоевская А. Г. Библиографический указатель... (1846—1903).— СПб., 1906; Ф. М. Достоевский. Библиография произведений Ф. М. Достоевского и литературы о нем. 1917—1965.— М., 1968; Белов С. В. Библиография произведений Достоевского и литературы о нем. 1966—1969 // Достоевский и его время.— Л., 1971; Он же. Произведения Достоевского и литература о нем. 1970—1971 // Достоевский. Материалы и исследования.— Л., 1974.— Т. 1

О. А. Богданова

ДРОЖЖИН, Спиридон Дмитриевич [6(18). XII.1848, дер. Низовка Тверской губ.— 24.XII.1930, там же] — поэт. Родился в семье крепостных крестьян. Азы образования получил от деда, Степана Степановича Дрожжина, который обучил внука чтению азбуки и часослова. А осенью 1858 г. мать отдала юного Спиридона в школу к деревенскому дьячку, где будущий поэт в течение двух зим обучался письму и счёту. Те дни Д. с благодарностью воскресит в стихотворении «В школе у дьячка» (1905). На этом образование Д. было закончено — зимой 1860 г. он был отправлен на заработки в Петербург.

Последующие 36 лет жизни Д. прошли в мучительных скитаниях по России. Он сменил много профессий: был подручным буфетчика и трактирным слугой, продавцом в магазине газовых свечей и приказчиком в табачных и книжных лавках, лакеем, рассыльным, чернорабочим, доверенным по поставке дров для Николаевской железной дороги, агентом волжского пароходного общества «Самолет». Судьба забрасывала его в Москву и Тверь, Ярославль и Харьков, Киев и Ташкент.

Начальные, петербургские годы скитаний Д. (1860—1871) были временем не только нищенского полуголодного существования, но и настоящего самообразования. Первые 4 года в столице, работая половым в трактире «Кавказ», Д. жадно, но бессистемно набрасывается на чтение литературы, часто низкопробной: любовные романы, журналы типа «Мирского вестника» и «Чтения для солдат». Однако затем Д. знакомится с произведениями Н. А. Некрасова, А. В. Кольцова, И. С. Никитина, с интересом читает журнал «Искра», а с 1866 г. регулярно посещает Публичную библиотеку. На художественные вкусы и идейно-эстетическую ориентацию Д. положительно повлияло его знакомство в это время с

разночинно-демократической молодёжью и столичным студенчеством. Экономя на пище и одежде, он собирает собственную библиотеку, куда входят произведения его любимых писателей: А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова, Кольцова и Никитина, Г. Гейне и П.-Ж. Беранже, Л. Н. Толстого и Г. И. Успенского, Ф. Шиллера и Н. П. Огарева и др. Читает Д. и «запрещённую» литературу. В 17 лет он пишет первое стихотворение и с тех пор не прекращает поэтической деятельности. 10 мая 1867 г. делает первые записи в дневнике и ведёт его до конца своей болевой жизни.

Первую попытку опубликоваться Д. сделал в 1870 г., послав пять лучших, на его взгляд, стихотворений в «Иллюстрированную газету», но они были отвергнуты. Литературный дебют состоялся в 1873 г., когда в журнале «Грамотей» было напечатано его стихотворение «Песня про горе добра молодца». С этого времени Д. становится активным сотрудником многочисленных журналов: «Слово», «Дело», «Семейные вечера», «Русское богатство» и др., в том числе и детских: «Детские годы», «Детское чтение», «Жаворонок», «Юная Россия» и др.

В конце 70—80 гг. известность Д. как поэта растёт. Интерес к начинающему автору-самоучке проявил И. З. Суриков, что нашло отражение в их переписке 1879 г.

В 1889 г. в Петербурге выходит первый сборник произведений Д. «Стихотворения 1866—1888 гг. с записками автора о своей жизни». Эта книга выдержала еще два издания (1894, 1907), значительно пополняясь в каждом. Однако это не упрочило материального положения бедствующего поэта, и в нач. 1896 г. Д. окончательно возвращается в родную Низовку, где всецело посвящая себя литературному труду и сельскохозяйственной работе. Решение поэта вернуться в деревню было поддержано Л. Н. Толстым, с которым Д. встречался дважды: в 1892 и 1897 гг. В деревне за Д. был установлен негласный полицейский надзор.

Между тем известность Д. растёт. В 1900 г. Низовку посещает выдающийся австрийский поэт Райнер Мария Рильке. Четыре стихотворения русского поэта-крестьянина были переведены им на немецкий язык.

В первое десятилетие нового века одна за другой выходят книги Д.: «Новые стихотворения» (М., 1904), «Год крестьянина» (М., 1906), «Заветные песни» (М., 1907), «Новые русские песни» (М., 1909), «Баян» (М., 1909). В декабре 1903 г. суриковский кружок «Писателей из народа» организует в Москве вечер, посвященный 30-летию литературной деятельности Д. В этом же году поэту была назначена пожизненная пенсия в размере 180 рублей в год. В 1905 г. поэт избирается членом Общества любителей российской словесности при Московском университете. А 29 декабря 1910 г. Д. был

удостоен премии Российской императорской Академии наук в сумме 500 рублей за сборники 1907—1909 гг. по особому представлению; на основании рецензии почетного академика К. К. Романова (поэта К. Р.). 19 октября 1915 г. Академия наук отметила почетным «пушкинским» отзывом еще одну книгу Д.— «Песни старого пахаря» (М., 1913).

Жизнь в деревне не отрывает Д. от важных социальных событий. Он оказывается в числе тех немногих русских писателей, кто резко выступил против империалистической войны (стихотворение «Долой войну!», 1916), назвав ее в своем дневнике «пережитком грубого варварства» (запись от 7 сент. 1914 г.).

Великая Октябрьская революция была с радостью встречена 69-летним поэтом. Он включается в общественную работу, будучи выбранным в члены волостного исполкома, ездит по стране с чтением своих произведений. В 1919 г. поэт избирается председателем съезда пролетарских писателей из народа Тверской губ. В этом же году становится членом Тверского литературно-художественного общества им. И. С. Никитина. Продолжается его поэтическая деятельность. В 1923 г. выходит сборник «Песни труда и борьбы», знаменующий два юбилея поэта: 50-летие литературной деятельности и 75-летие со дня рождения. В связи с этими датами Д. избирается почетным членом Всероссийского союза поэтов; в Твери открываются библиотека-читальня его имени. А через пять лет 80-летний поэт получает приветствие от Академии наук СССР, подписанное ее президентом А. П. Карпинским.

28 сентября 1928 г. Д. встретился в Москве с М. Горьким, который вписал в записную книжку поэта: «На память старому поэту — с удивлением перед его неискаемым творчеством — С. Д. Дрожжину. М. Горький».

В последние годы жизни Д. работает над сборниками «Песни» (М., 1928), «Пути-дороги» (М., 1929), «Песни крестьянина» (М., Л., 1929; последняя прижизненная книга поэта), готовит к печати Полное собрание сочинений в 4 т., доводит до 1930 г. свои «Записки о жизни и поэзии».

Умер 82-летний поэт в родной Низовке. В 1938 г. его прах, а также дом, где он прожил большую часть жизни, были перенесены в пос. Завидово Конаковского р-на Калининской обл. (бывшей Тверской губ.), где был открыт мемориальный музей поэта.

Более чем 60-летний творческий путь Д. был чрезвычайно плодотворным. Им при жизни выпущено 32 сборника: 20 из них — до 1917 г. и 12 при Советской власти. Его стихи художественно неравноценны, однако в лучшей части поэтического наследия обнаруживается самобытный талант, мастерство. В творчестве Д. заметно влияние Кольцова, Никитина, Некрасова, в ряде его произведений 80—90 гг. слышны отзвуки

поэзии С. Я. Надсона. Простота, задушевность, непосредственность, искренность — определяющие качества лирики Д. Он певец крестьянской жизни, как сам с первых шагов в литературе определил свое призвание («Моя муза», 1875). Наряду с горестными стихами, рисующими нищету, бесправие, изнуряющий подневольный труд русского крестьянства («Смерть коня-пахаря», 1877; «В избе», 1882; «Не веселый напев...», 1887; «В засуху», 1897) и городской бедноты («Песни рабочих», 1875; «Швея», 1876; «От безотрадных горьких дум...», 1906), поэт изображает и радость созидательного труда хлебопашца («В страду», 1875; «Первая борозда», 1884; «Песня пахаря», 1891); любитесь душевной красотой русского крестьянина («Ровнюшка», 1878; «Жар весенних лучей...», 1880). В стихотворениях нередки мотивы социальной борьбы («Мы живем...», 1889; «Удаль», 1903; «Песня пловца», 1906; «Из мрака к свету», 1913).

Любовью к русской деревне, деревенскому пейзажу наполнены многие стихи Д. («В простой телеге деревенской...», 1871; «Песня из далекого края» 1875; «Прими меня, сторонуща родная...», 1889; «Утро в лесу», 1870; «Вечер», 1881; «Летом», 1882). Патриотизм поэзии Д. не декларативен, а глубоко задушевен, оттого его стихи, посвященные родине, и пронизаны болью, и полны верой в светлое будущее страны («На Волге», 1899; «Родина», 1904). Жизнеутверждающий патриотический пафос поэзии Д. ярко проявляется в его стихах советского периода («Прошли века неволи злой...», 1918; «Запевка», 1920; «Памяти В. И. Ленина», 1924).

Поэзия Д. органично связана с устным народным творчеством, особенно с песенной лирикой, недаром многие его стихотворения (и сборники) названы «песнями». Д. умело и свободно пользуется фольклорной поэтикой (отрицательные сравнения, психологический параллелизм, устойчивая символика и т. д.), его стилизации отличает ритмическое богатство («Песня» («Как по травке ветерок...»), 1889; «Песня» («Что не ласточка-касаточка поет...»), 1885; «Песня» («Ах, была одна...»), 1903; «Песня» («Разгрустился добрый молодец...»), 1907).

Ряд стихотворений Д. вошел в фольклор («Песня про солдата», 1872; «Песни рабочих», 1875). Многие стихи поэта были положены на музыку композиторами С. Евсеевым, В. Зирингом, Н. Потоловским, А. Чернявским, Ф. Лашеком и др. Песни на стихи Д. в исполнении популярных в начале XX в. певцов Н. Плевичкой, А. Вяльцевой, М. Лидарской, П. Тихонова, Г. Фотеевой записывались на граммофонные пластинки. Две песни на стихи из поэмы «Дуняша» (1880—1881) и «Красна девица, зазноба ты моя...» (1892) были в репертуаре Ф. И. Шаляпина (муз. А. Чернявского).

Соч.: Стихотворения 1866—1888 гг. / С записками автора о своей жизни и поэзии.— Пб., 1889; 3-е изд., испр. и доп.— М., 1907; Поэзия труда и горя (1889—1897): Новое собрание стихотворений / С портретом автора и указателем статей о его произведениях, составленным И. Горбуновым-Посадовым.— М., 1901; Песни старого пахаря. 1906—1912.— М., 1913; Избранное.— Калинин, 1940; Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Л. Ильина.— Л., 1949; Песни гражданина.— М., 1974.

Лит.: Брусянин В. В. Поэты-крестьяне: Суриков и Дрожжин.— Пб., 1899.— С. 23—41; 3-е изд.— М., 1915.— С. 32—63; Погорелов Т. Дрожжин и его поэзия: Очерк.— Уфа, 1906; Памяти С. Д. Дрожжина: К 20-летию со дня смерти поэта / Статьи, воспоминания, публикации; Сост. Л. Ильин.— Калинин, 1951.— С. 19, 40, 85—94. *Е. П. Беренштейн*

ДРУЖИНИН, Александр Васильевич [8(20). X.1824, Петербург — 19(31). I.1864, там же] — прозаик, критик, переводчик. Вырос в семье видного чиновника, получил домашнее воспитание, затем (1841—1843) обучался в Пажеском корпусе, из которого был выпущен прапорщиком в лейб-гвардии Финляндский полк. Здесь он сблизился с П. А. Федотовым, о ком написал позднее ценную статью «Воспоминания о русском художнике П. А. Федотове» (Современник.— 1853). В полку Д. заведовал библиотекой. По слабому здоровью и из-за желания целиком посвятить себя литературе он в 1846 г. выходит в отставку, но до 1851 г. служит в канцелярии военного министерства.

Ранняя смерть отца, материальная необеспеченность развили в Д. упорство и трудолюбие; среда и круг чтения обусловили сознательное стремление быть в жизни и творчестве джентльменом, английским денди, однако природное добродушие и связи с демократическими кругами часто разрушали этот выработанный с юности стереотип.

Дебютировал Д. повестью «Полинька Сакс» (Современник.— 1847.— № 12), получившей в целом положительную оценку В. Г. Белинского: «Многое в этой повести отзывается незрелостью мысли, преувеличением, лицо Сакса немножко идеально; несмотря на то, в повести так много душевной теплоты и верного сознательного понимания действительности, так много таланта, и в таланте так много самобытности, что повесть тотчас же обратила на себя общее внимание. Особенно хорошо в ней выдержан характер героини повести, — видно, что автор хорошо знает русскую женщину» (Б е л и н с к и й В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т.— М., 1953—1959.— Т. X.— С. 347). Повесть была написана в русле «натуральной школы», передовых идей 40 гг., борьбы за освобождение женщины.

Еще более высокую оценку Белинского получила вторая повесть Д., тоже опубликованная в «Современнике» (1848.— № 2), — «Рассказ Алексея Дмитрича», посвященная типу «лишнего человека» и осуждающая в образе фанатичной Веры женскую жертвенность. В письме к П. В. Анненкову (15 февраля 1848 г.) Белинский заметил: «А какую Дружинин написал повесть

новую — чудо! Тридцать лет разницы от «Полиньки Сакс»! Он для женщин будет то же, что Герцен для мужчин» (Там же.— Т. XII.— С. 467).

Вослед раннему Ф. М. Достоевскому и предвещая Л. Н. Толстого, Д. стремится к «исповедальному» изложению событий и чувств героев: его первые повести — или собрание писем, или рассказы персонажей о себе. Последующие произведения Д., также печатаемые в «Современнике»: рассказы «Фрейлен Вильгельмина» (1848), «Художник» (1848), роман «Жюли» (1849), комедии «Маленький братец» (1849) и «Не всякому слуху верь» (1850) и др. — создавались нарочито «светскими», развлекательными, менее значительными идейно и художественно. Большинство из них отражало постоянную тягу Д. к преодолению сложностей и трудностей жизни уходом от них в светлый, изящный мир творчества, игры, шуток. Эту склонность сильно развивали и цензурные гонения периода «мрачного семилетия» 1848—1855 гг.

Развивая свои представления о литературе и журналистике, Д. являлся в «Современнике» инициатором раздробления серьезных и социально проблемных годовых обзоров литературы на ежемесячные фельетоны, беглые очерки текущей периодики. В 1849—1854 гг. он регулярно публиковал «Письма иногороднего подписчика в редакцию «Современника» о русской журналистике». Большую ценность для русского читателя представляли аналогичные обзоры зарубежной литературы и критики, вскоре введенные Д. в «Современник». Особенно большое внимание он уделял Англии. В многолетних «Письмах иногороднего подписчика об английской литературе» (Современник.— 1852—1856) и в ряде отдельных статей Д. подробно характеризовал современных писателей и журналистов, творчество Ч. Диккенса и У. Теккерея в первую очередь; освещал жизнь английской прессы. Личные вкусы и пристрастия Д. проявились в повышенном интересе к писателям-женщинам (подробный анализ романов Дж. Элиот, т. е. Мэри Анн Эванс, и Коррер-Белла, т. е. Шарлотты Бронте), к жанру путешествий, путевых очерков, к поэзии, романтике в прозе. Д. постоянно освещал литературную жизнь Англии и в дальнейшем, вплоть до цикла «Новости английской литературы» (Санкт-Петербургские ведомости.— 1863). Оперативное и обстоятельное ознакомление русского читателя с творчеством современных английских писателей являлось фактом большого культурного значения. Д. публиковал также в «Современнике», «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках» 1850—1856 гг. историко-литературные очерки о С. Ричардсоне, О. Бальзаке, В. Скотте, Дж. Краббе и др. английских и французских писателях.

Широкую известность Д. принесли его фельетоны о похождениях Ивана Чернокнижника:

непритязательные юмористические очерки о петербургской городской и дачной жизни. Имя героя заимствовано от понятия «чернокнижие»: так в кругу Д. называли праздное времяпрепровождение с обильной дозой фривольности, эротики, дружеских пирушек, остроумных бесед и т. п. Фельетонный жанр был очень дорог автору, он его в разных вариантах продолжал много лет: «Сентиментальное путешествие Ивана Чернокнижника по петербургским дачам» (Современник. — 1850), «Заметки петербургского туриста» (Санкт-Петербургские ведомости. — 1855—1856), «Заметки и увеселительные очерки петербургского туриста» (Библиотека для чтения. — 1856—1857), «Заметки петербургского туриста» (Искра. — 1860), «Новые заметки петербургского туриста» (Век. — 1861), «Увеселительно-философские очерки петербургского туриста» (Северная пчела. — 1862—1863).

Из редакционного кружка «Современника» Д. с конца 40 гг. и в течение всех 50-х больше всего был близок с Д. В. Григоровичем, В. П. Боткиным, П. В. Анненковым, особенно с первыми двумя: их сближали и литературно-эстетические вкусы, и интерес к «чернокнижным» развлечениям. Боткин писал И. С. Тургеневу 14 июня 1855 г.: «Дружинин завтра уезжает в Петербург. Я искренно полюбил его и провожаю его с сожалением. Он редкий товарищ и отличный человек. Правда, что он характера необыкновенно сдержанного и больше обращенного внутрь, нежели наружу. Но сколько мне удавалось подмечать его внутренние движения, я всегда чувствовал в них сердечную теплоту и благородство души. Кроме того, — это человек с характером и умеет смотреть чорту в глаза» (Тургенев и круг «Современника». — С. 206).

В 1856—1858 гг. под заметным влиянием Д. находился Л. Н. Толстой, который тогда именовал группу «эстетических» критиков «бесценным для меня триумvirатом, Боткиным, Анненковым и Дружининым» (письмо к Боткину от 20 января 1857 г.).

Помимо «Современника» Д. был с нач. 50 гг. близок к редакции журнала «Библиотека для чтения», т. к. очень ценил произведения редактора О. И. Сенковского за фельетонизм и парадоксальные мысли. В 1850—1856 гг. Д. неоднократно помещал в этом журнале рассказы, очерки, рецензии. В 1856 г. он получил от издателя В. П. Печаткина приглашение возглавить «Библиотеку для чтения» и с осени становится ее редактором. Это событие совпало с началом новой эпохи и с приходом в «Современник» Н. Г. Чернышевского, с самого начала вызвавшего неприязнь Д. (и как литератор, проповедовавший «полезность» искусства, прогрессивное мировоззрение писателей, и как человек совсем другого идейно-психологического склада: разночинец, демократ, совершенно лишенный «светскости»). Попытки противодействовать Чер-

нышевскому в «Современнике» не увенчались успехом, и Д. перенес арену борьбы в свой журнал.

В «Библиотеке для чтения» Д. стал замечен прежде всего в роли ведущего литературного критика. Программная его статья «Критика гоголевского периода русской литературы и наши к ней отношения» (1856. — № 11—12) направлена против «Очерков гоголевского периода русской литературы» Чернышевского. В этой статье, как и в очень важной для понимания эстетических воззрений Д. более ранней его статье «А. С. Пушкин и последнее издание его сочинений» (Библиотека для чтения. — 1855. — № 3—4), автор противопоставляет Пушкина как идеального гармоничного и «светлого» писателя гоголевской школе в литературе, будто бы подчеркивающей грязные и темные стороны жизни. Эту школу и связанную с ней критику, от Белинского до Чернышевского, якобы защитницу «дидактического» искусства, Д. противопоставляет критике и искусству «свободным», «артистическим», опирающимся не на грязь жизни, не на злобу текущего дня, а на «вечные» ценности и цели.

Подобные идеи критик проводил и в многочисленных рецензиях о творчестве выдающихся писателей того времени. Это не означает, что Д. игнорировал современность. Наоборот, он постоянно ратовал за «сближение поэзии с действительностью», радовался отображенной в искусстве правде жизни и высоко оценивал доскопальное знание описываемого быта в творчестве Л. Н. Толстого, А. Ф. Писемского, А. Н. Островского, М. Е. Салтыкова-Щедрина. Однако Д. считал, что лишь эстетические достоинства произведения, отличные качества его художественной формы дают ему право на жизнь.

Д., один из немногих критиков середины XIX в., подробно анализирует художественную отделку произведений, разбирает особенности композиции, построения образов, стиля и языка, с удовольствием хвалит совершенство, нелицеприятно бранит художественные просчеты даже у писателей, с которыми он был тесно связан дружескими узами, напр. у И. С. Тургенева, и творчество которых в целом оценивал весьма высоко (статья «Повести и рассказы И. Тургенева. Спб., 1856»).

Пристрастие Д. к светлым и веселым картинам жизни сказывалось почти в каждом его критическом очерке. А в статье «Сочинения А. Островского. Два тома. Спб., 1859» почти все творчество драматурга рассмотрено под этим углом зрения, в том числе и пьесы «москвитянинского» периода («Не в свои сани не садись» и «Бедность не порок») охарактеризованы как «светлые» и «веселые». Но особенно выделены критиком с этой точки зрения небольшие драматические сцены: «Не сошлись характером» и «Праздничный сон до обеда». У Островского, подытоживает Д. в конце статьи, «не только тот

высокий дар смеха, от которого бледнеет порок и на душе честного человека становится ясно, но и другой, не столько поэтический, но почти столько же редкий дар смеха резвого и беззаботно веселого» (Литературная критика.— С. 288).

Во второй половине 50 гг. в критических статьях Д. усиливаются патриотические мотивы. Впервые он подробно развил их в рецензии «Русские в Японии в конце 1853 и в начале 1854 года (Из путевых заметок), И. Гончарова. Спб., 1855»: «Народность и самостоятельность каждой литературы держатся на духовной, таинственной, неуловимой связи между самой словесностью и народом <...>. Лучший ценитель каждому писателю есть его соотечественник; первый наставник каждого читателя есть писатель, ему родной по крови, языку, привычкам, характеру, даже народным недостаткам» (Прекрасное и вечное.— С. 119). Д. рассматривал творчество русских писателей в широком контексте европейской гуманитарной культуры, сопоставлял Пушкина, Гончарова, Островского и др. с западноевропейскими классиками литературы, с великими живописцами, отмечал сходство между ними и национальное своеобразие русских писателей, достигших художественного уровня выдающихся творцов Западной Европы. Статья Д. о Пушкине заканчивается такой мыслью: «Вполне сознавая, что в Пушкине готовился поэт *европейский*, что ранняя смерть отняла у него место возле Данта, Шекспира и Мильтона, мы не желаем унижать и того, что уже было сделано *нашим* начинающим Пушкиным» (Литературная критика.— С. 13).

Под влиянием общего духа эпохи, критических идей Н. А. Добролюбова Д. к концу 50 гг. стал больше обращать внимания на этические аспекты: в статье-рецензии «Обломов». Роман И. А. Гончарова. Два тома. Спб., 1859» (Библиотека для чтения.— 1859.— № 12), хотя и полемизируя с радикальной трактовкой Добролюбова, рассматривавшего Обломова как пассивного и безвольного «лежебоку», не способного противостоять злу и потому объективно ему потворствующего, Д. подчеркивает нравственную чистоту героя, его превосходит не только перед Штольцем, но и перед Ольгой Ильинской; в рецензии на «Сочинения В. Белинского» (1860), как бы корректируя свои прежние упреки Белинскому в «дидактизме», высоко оценивает его значение для литературы и критики.

Используя ряд идей своих предшественников в области критики и публицистики (напр., в разработке проблемы народности литературы он опирался на труды славянофилов), Д. оказал влияние на современников собственными открытиями. Напр., его характеристики раннего творчества Л. Толстого: «Поэтическое зеркало графа Толстого поражает свою беспримерную чистотой...» (Литературная критика.— С. 117); «Подвиги, им изображаемые, не имеют в себе ника-

кого великолепия, кроме великолепия нравственного...» (Там же.— С. 103); «...граф Толстой знает и любит солдат во всех видах и во всех случаях солдатской жизни» (Там же.— С. 104); «У него обозначены мастерски даже те переходные пункты, то переходные состояния, которые даже в физическом человеке очень часто ускользают от заблудливого глаза, а тут смело и отчетливо выставлено... как бы точнее выразиться? духовное расширение человека»,— были затем, в духе революционно-демократических принципов, переработаны Чернышевским.

Д. не был чужд и практическим запросам времени. Под влиянием сведений относительно денежного фонда для литераторов, почерпнутых из английской публицистики, Д. с 1856 г. стал настойчиво пропагандировать идею: создать русский литературный фонд. В 1859 г. при его активном участии в Петербурге было организовано «Общество для пособия нуждающимся литераторам и ученым», просуществовавшее затем около 60 лет.

Не прекращал Д. и художественного творчества: известны его повести «Легенда о Кислых водах» (1855), «Обрученные» (1857), роман «Прошлое лето в деревне» (1862), но они не оставили заметного следа в истории литературы. Более ценна переводческая деятельность Д.; особенно важно его обращение к Шекспиру, перевод пьес «Король Лир» (1856), «Кориолан» (1858), «Король Ричард III» (1862), «Жизнь и смерть короля Джона» (опубл. посмертно в «Современнике», 1865). Эти переводы сохраняют художественное значение до наших дней.

Либеральный и «эстетический» характер «Библиотеки для чтения» не мог обеспечить ей читательского успеха в горячую предреформенную пору. В. П. Печаткин в 1858 г. пригласил соредактором Д. А. Ф. Писемского; в 1860 г. Д. вообще оставил журнал.

С 1861 г. Д. прекратил критическую деятельность в области русской литературы, продолжая публиковать в журналах и газетах обзоры английской литературы и публицистики. Он сочувственно встретил реформу 1861 г., содействовал освобождению своих и окрестных крестьян, увидел противоречия пореформенной жизни; интересен цикл его бытовых очерков «Из дальнего угла С.-Петербургской губернии» (Московские ведомости.— 1863).

Умер Д. от чахотки. По инициативе родственников посмертно было издано почти полное собрание его сочинений, не имевшее успеха. Еще в середине 50 гг. он начал терять популярность; смерть его и похороны прошли почти не замеченными современниками.

Соч.: Собр. соч.: В 8 т. / Под ред. Н. В. Гербеля.— Спб., 1865—1867; Литературная критика / Сост., вступ. ст. Н. Н. Скацова; Примеч. В. А. Котельникова.— М., 1983; Прекрасное и вечное.— М., 1988; Повести. Дневник / Изд. подгот. Б. Ф. Егоров, В. А. Жданов (ст. Б. Ф. Егорова «Проза А. В. Дружинина»).— М., 1986.

Лит.: Венгерова С. А. А. В. Дружинин // Собр. соч. — СПб., 1911. — Т. 5; Чуковский К. И. Люди в книге шестидесятых годов. Статьи и материалы. — Л., 1934; Письма к А. В. Дружинину (1850—1863). — М., 1948; Брайде А. М. А. В. Дружинин: Жизнь и творчество. — Copenhagen, 1986. Б. Ф. Еворов

ДУДЫШКИН, Степан Семенович [25.XII.1820 (6.I.1821), Витебск — 16(28).IX.1866, Павловск; похоронен на Охтенском кладбище] — литературный критик, журналист. Происходил из разорившейся купеческой семьи, успешно учился в Витебской гимназии. Закончил в 1841 г. юридический факультет Петербургского университета, жил в бедности, давал частные уроки, работал чиновником Комиссариатского департамента, с 1848 г. — сотрудник редакции «Отечественных записок», в 1860 г. утвержден Главным управлением цензуры вторым редактором журнала. Вместе с Н. А. Некрасовым, Н. Г. Чернышевским, П. Л. Лавровым, П. В. Анненковым, А. В. Дружининым и др. участвует в организации Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (Литературный фонд). Был близко знаком со многими писателями и общественными деятелями 50—60 гг.: посещал «панаевские субботы», вечера в доме Анненкова, вместе с П. Л. Лавровым, С. С. Громекой, В. С. Курочкиным одним из первых слушал прокламацию «К молодому поколению» М. И. Михайлова и Н. В. Шелгунова; благодаря журналистской деятельности общался с известными русскими учеными: Ф. И. Буславевым, Г. Н. Геннади, И. Е. Забелиным и др., состоял в деловой и личной переписке с И. С. Тургеневым, (письма не сохранились), участвовал как секундант со стороны И. А. Гончарова в литературной дуэли писателя с Тургеневым. Д. был женат на Н. С. Кашкаревой, племяннице Е. П. Майковой, но овдовел. По воспоминаниям близко знавших Д. людей был «удивительно правдивым» «истинно русским, многосторонним человеком» (В. П. Боткин), в суждениях отличался «осторожностью и серьезностью» (Ап. Григорьев).

Литературно-критические интересы Д. формировались в кружке Майковых. По воспоминаниям Гончарова, который давал уроки в семье Майковых, оно «кипело жизнью, людьми, приносившими сюда неистощимое содержание из сферы мысли, науки, искусства...» Ввел Д. в дом сокурсник по университету А. Н. Майков (около 1837—1838 гг.). Д. участвовал в рукописных альманахах кружка. Первым опытом Д. в применении развивающихся филологических интересов становится перевод с немецкого (при участии В. Н. Майкова) статьи Я. Гримма о грамматике славянского языка (1845). В. Майков убеждает Д., что «он может писать» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — Т. XII. — С. 407), и знакомит с А. А. Краевским, редактором «Отечественных записок». Литературно-критический дебют Д. — рецензия на книгу А. Вейдемейера «Двор и

замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия» (1846), избранный историко-культурный подход развит в отзыве о книге В. В. Григорьева «Еврейские религиозные секты в России» (1847). Первые публикации Д. были поддержаны Белинским, который отметил у молодого автора «умение хорошо пользоваться историческим изучением развития, чтобы объяснить им литературные произведения данной эпохи», импонировал ему и стиль Д., где сказалось умение «владеть своей мыслью», «постоянно держать ее на данном предмете, не давая разбегаться» (Белинский В. Г. — Т. X. — С. 355).

Д. начал свою журнальную деятельность в то время, когда под влиянием реакции «мрачного семилетия», бурных европейских событий 1848 г. «Отечественные записки» меняли общие идейные установки. Отрекаясь от революционных идей, напуганный усилившимися цензурными запретами Краевский стремился сделать журнал более благонамеренным, допуская даже льстивые похвалы режиму.

После внезапной смерти В. Майкова (1847) Д., приглашенный Краевским в отдел критики и библиографии для постоянного сотрудничества, оказался перед лицом сложного выбора: с одной стороны, мощный авторитет идеи историзма, признание обусловленности жизни человека социальной средой намечали путь изучения литературы, который вел к революционно-демократической позиции, с другой — новые формы анализа сложных явлений психологического реализма, которые разрабатывает критика «чистого искусства». По своим идейным взглядам Д. тяготел к либерально-умеренной программе, вдобавок испытывая сильное давление общих установок Краевского.

Эстетической основой критики Д. стала мысль Белинского о необходимой связи литературы с общим развитием нации, ее историей. Четко придерживается ее Д. в оценке писателей прошлой эпохи. В разборе издания А. Смирдина «Сочинения Кантемира» он подчеркивает, что «писатель в своем произведении не должен отрешаться от того времени, в котором происходит действие», а заслуга современного критика в том, чтобы «уразуметь эту необходимую связь писателя и общества» (Отечественные записки. — 1848. — № 11. — Отд. III. — С. 3, 4). Этот же подход развит в статье об издании сочинений Фонвизина (1847). Примечательно, что в планах Д. было «писать о сочинениях Муравьева, Хемницера, Кантемира» (Белинский В. Г. — Т. X. — С. 408). Ощущая близость «Современнику» эстетических установок Д., Некрасов начинает приглашать его сотрудничать. И. И. Панаев чуть позже отметит «беспорный критический талант», «тонкий критический анализ», «замечательно верный взгляд» (Современник. — 1854. — № 12. — Отд. VI. — С. 42), которые присущи Д., особо выделив глубокую статью о Грибоедове (1854).

Но последовательность оценок и сохранение историко-литературного подхода затрудняли для Д. обращение к современным произведениям. Наиболее заметно это в споре о герое времени, главным для критики 50—60 гг. Начинает Д. с осуждения «беззачарованного героя» («Октавы» Е. А. Вердеревского, 1847). Такое отношение было подготовлено общей позицией демократической критики в период борьбы с эпигонским романтизмом, но усиливалось оно идеалами Краевского, связанными с буржуазным практицизмом. Д. резок в оценке: «Мы не верим, — пишет он о героях повести Тургенева «Затихшие», — в способности того человека, который ни в чем не обнаружился, хотя и щедро был наделен природой, мы не любим этих личностей» (Отечественные записки. — 1854. — № 11. — Отд. IV. — С. 31—32). Позднее, когда Добролюбов раскроет превращение «лишних людей» в обломовых, отказавшись от надежд на них, позиция Д. изменится.

В пореформенный период Д. вновь обращается к наследию Белинского. Пишет рецензию на первый том его сочинений, защищает от нападок реакции его имя в фельетоне «Шипящие старики» (1859), постоянно подчеркивает философскую направленность мысли Белинского, которому «мог бы отдать честь любой германский философ» (Отечественные записки. — 1859. — № 5. — Отд. III. — С. 32). Пытаясь найти опору в идее народности, в признании народа главной силой истории, Д. придет к выводу, что литература должна изображать чисто русские положительные свойства простого человека. Не обошлось в этом случае без курьеза. В статье «Пушкин — народный поэт» (1860) прозвучит обвинение: «Талант поэта воспитан на чуждой для народа почве», понимание истории основано на усвоенных от западной философии идеях Карамзина. В связи с этим Д. заявит, что Пушкин чужд народу. Д. осудит тех современных авторов, которые напишут о пороках, забитости и апатии русского народа. Почти со славянофильских позиций Д. обвинит Добролюбова и Некрасова в нелюбви к народу. По-иному теперь оценен Рудин — «последний из могиканов той западной образованности, которая так много принесла нам общих взглядов, человеческих чувств, борьбы за гуманные стремления...» (Отечественные записки. — 1861. — № 12. — Отд. III. — С. 87). Но предложенную Чернышевским концепцию нового героя Д. не примет, поместив в своем журнале резко отрицательный отзыв о романе «Что делать?» (автор неизвестен). В этом сказалось общее несогласие Д. с основными философско-эстетическими идеями Чернышевского. Д. высказался по этому поводу раньше, в разборе диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности». Возражение вызвал главный тезис Чернышевского, что «прекрасное — есть жизнь», и выводимое отсюда признание искусства «сурро-

гатом действительности». Д. не соглашается считать главной познавательную роль искусства (Отечественные записки. — 1855. — № 6. — Отд. IV). Полемизируя с ним, Чернышевский подчеркивает, что Д. увлекся «теорией необходимости примирять идеал с обстановкой и мыслью о необходимости трудиться» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. — Т. V. — С. 700), в связи с чем истинная оценка героя времени (речь идет о «лишних людях» в повестях Тургенева. — Л. X.) оказалась ему недоступна. Позиция Д. в оценке явлений литературы не всегда способствовала объективности в оценке современных писателей. Понимая это, Д. стремится соединить с историзмом антропологические идеи, но при этом неизменно ограничивается историко-литературным аспектом. Так, высоко оценивая произведения Ф. М. Достоевского, он подчеркнет, что главное у писателя — «психологический анализ души» (Отечественные записки. — 1849. — № 1. — Отд. III).

Д. принадлежит приоритет открытия прозы Л. Н. Толстого. Приведя обширные выписки из повести «Детство», Д. отмечает, как «верны все черты в этом отрывке (смерть матери. — Л. X.) и каким глубоким чувством проникнут он весь... нельзя не поздравить русскую литературу с появлением нового замечательного таланта» (Отечественные записки. — 1852. — № 10. — Отд. V. — С. 85). Но в дальнейшем он упрекнет Толстого, что тот ограничивается «портретной живописью» и «пейзажем». В тонких и интересных разборах современной поэзии он выделит А. А. Фета и Н. А. Некрасова как «оригинальных» авторов, противопоставив их художественные дарования: «ум, порабощенный фантазией, и «серьезная и угрюмая муза» (Отечественные записки. — 1854. — № 3. — Отд. IV. — С. 36, 38). Одним из лучших современных писателей Д. считает Тургенева, находя в его произведениях «живое», «поучительное», «современное». Но оценки его творчества несколько необычны: Д. называет Тургенева «скорее писателем мыслящим, чем художником», рекомендует ему не тратить время на художественную отделку повестей (Отечественные записки. — 1857. — № 4. — Отд. II. — С. 69).

Оценивая современную литературу, Д. не стремится к общим обзорам в духе Белинского, где определены тенденции литературного процесса, намечены его вершины. Он осторожен в суждениях, предпочитая отдельные разборы и рецензии, а в последние годы жизни перейдет к годовым «летописям». Оценочный подход к произведениям чаще всего оттесняется экскурсами в историю литературы, фактическими сведениями, характеристиками эволюции творчества, в двух статьях о Тургеневе (1857) наиболее ценно стремление наметить развитие творчества писателя от стихотворений и драм к повестям, достаточно глубокая типология героев — «романтики» и «лишние люди», обозначение гоголевских

и лермонтовских традиций в произведениях 50 гг. «Путешествие» И. А. Гончарова введено в контекст истории этого жанра, начиная с «Записок» Екатерины II и «Писем русского путешественника» Н. М. Карамзина.

Заметную роль сыграл Д. в борьбе за лермонтовское художественное наследие. Выпады С. П. Шевырева против включения М. Ю. Лермонтова в ряд с ведущими русскими писателями, попытка А. Д. Галахова «заштатить» Лермонтова, новые публикации из наследия поэта в «Современнике» — все это приводит Д. к решению издать сочинения Лермонтова, собрав их «в хронологическом порядке для уяснения развития таланта», для «лучшего объяснения, нежели бездоказательные похвалы» (Сочинения М. Ю. Лермонтова.— Спб., 1860.— Т. 1.— С. XXIV). В рецензии М. И. Михайлова на это издание (Современник.— 1860.— № 2) справедливо оспорено утверждение байронизма как главной черты мировоззрения лермонтовских героев, привнесенной поэтом в чуждую ему русскую жизнь. Но связи романа с николаевской эпохой Д. характеризует точно и глубоко: «Печорин производит сильное впечатление, потому что литература отрицала то общество, в котором жила, отрицала и возможность возрождения...» (Сочинения М. Ю. Лермонтова.— Т. 1.— С. XX). Обвинение Д. в «библиографическом эмпиризме», высказанное Михайловым, было поспешно и незаслуженно, хронологический принцип расположения материала в двухтомнике расширил представление о творчестве Лермонтова, послужил основой дальнейших изданий.

В 60 гг., когда Д. становится во главе «Отечественных записок», разгорается полемика с «Современником» по поводу работы Чернышевского «Антропологический принцип в философии». Оставаясь на идеалистических позициях, Д. поддержит проф. П. Д. Юркевича, выступившего с критикой идей Чернышевского. Д. верно укажет на неправомочность стирания граней между органической и неорганической природой, отметит метафизичность антропологических воззрений Чернышевского. Революционным идеям он противопоставляет «естественный ход событий», выступая «против подчинения всех начал жизни экономическим истинам» (Отечественные записки.— 1861.— № 8.— Отд. III.— С. 151, 155). При этом осторожное отношение к «людям теории, близкой делу», не превратило Д. в реакционера. Он не поддержит официальную прессу в период гонений на «Современник», пытаясь выступить с умеренно-постепенной проповедью — «остановить, образумить юношей, с гордой головой идущих на плаху», «думая, что они умирают за общество» (Отечественные записки.— 1863.— № 5.— Отд. II.— С. 191).

С потерей ясных идеологических ориентиров «Отечественные записки» переживают кризис. Д. печатается мало. Не сумев удержать вокруг

журнала лучшие писательские таланты, он в последние годы много сил отдает работе с писателями-беллетристами Н. Д. Хвоцинской (псевдоним Крестовский, Поречников), П. А. Боборыкиным, Н. С. Соханской (псевдоним Кохановская) и др., участвует в издании серии книг «Историки и публицисты новейшего времени в переводе на русский язык» (Спб., 1858), среди которых труды Ф. Гизо, О. Тьерри. Умирает внезапно от сердечного аневризма. Отдельные критические статьи Д. периздавались в хрестоматиях по русской критике в начале XX в.

Лит.: Старчевский А. В. Один из забытых журналистов // Исторический вестник.— 1886.— № 2.— С. 360—386; Иванов Ив. История русской критики // Мир божий.— 1898.— № 9.— С. 123—130; Кулешов В. И. «Отечественные записки» и русская литература 40-х годов XIX века.— М., 1958; Егоров В. Ф. С. Дудышкин-критик // Уч. зап. Тартуского ун-та. Труды по русской и славянской филологии.— Тарту, 1962.— Вып. 119.— С. 195—231; Кулешов В. И. История русской критики XVIII—XIX веков.— М., 1977.— С. 225—227; Алдонина Н. Б. С. С. Дудышкин и полемика о «пушкинском» и «гоголевском» направлениях в русской литературе // Проблемы истории критики поэтики реализма.— Куйбышев, 1976; Она же. Незвестные рецензии С. С. Дудышкина в «Отечественных записках» // Русская журналистика в литературном процессе 2-й половины XIX века.— Пермь, 1977.— С. 58—59. *Л. А. Ходанен*

ДУРОВ, Сергей Федорович [1816, Орловская губ.— 6(18).XII.1869, Полтава] — поэт, переводчик, прозаик, общественный деятель. Происходил из родовитой, но бедной дворянской семьи. Отец — полковник, умер в 1834 г., не оставив наследства. Плату за обучение Д. в Благородном пансионе при Петербургском университете (1828—1833) вносил его дядя по матери, известный драматург Н. И. Хмельницкий. С 1833 по 1847 г. Д. служит по гражданскому ведомству, занимая скромные должности, затем выходит в отставку в чине коллежского асессора и становится профессиональным литератором. Интеллигент-демократ по жизненному опыту, Д. легко вошел в общественный и литературный мир Петербурга 40 гг.

В периодике он печатается с 30 гг., но редко и анонимно. С 1843 г. — гораздо чаще и под собственным именем. Большинство произведений Д. написано с 1843 по 1849 г., до ареста по делу М. В. Петрашевского. В историю русской литературы он вошел как поэт и писатель-петрашевец, участник «натуральной школы». Стихотворения, повести, физиологические очерки Д. рассеяны по альманахам («Молодик».— 1843, 1844, «Метеор».— 1845, «Новоселье».— 1846, и др.), журналам (см. Лит.) и газетам («Литературная газета», «Санкт-Петербургские ведомости») 40 гг., несколько стихотворений — по журналам 60 гг. («Современник», «Время», «Эпоха», «Отечественные записки»). В отдельное издание произведения Д. не собирались.

Если написанное им со временем затерялось в литературном море эпохи, то его личность и судьба запечатлелись в памяти современников и

потомков. Человек незаурядного ума и обширных познаний, покоряющей убежденности, душевного благородства и обаяния, он до конца жизни умел привлекать сердца и оказывать поразительное влияние на самых разных людей: в 40 гг. — на участников кружков Петрашевского и своего, в 50 гг. — на Ч. Валиханова, Г. Н. Потанина, В. П. Буренина и др. Вокруг него (по признанию А. Н. Плещеева, Н. П. Григорьева, А. П. Милюкова) всегда создавалась особая, вдохновляющая атмосфера. Облик Д. сохранился в романах А. И. Пальма «Алексей Слободин» (под именем Рудковского), П. М. Ковалевского «Итоги жизни» (под именем Сорнева), в «Записках из Мертвого дома» и «Подорожке» (в образе Верилова) Ф. М. Достоевского. Многие поэты (среди них Плещеев) посвятили Д. задушевные стихи.

С зимы 1847/48 гг. он постоянный посетитель «пятниц» Петрашевского, высказывает там свои взгляды: о необходимости вооружать подчиненных не против непосредственных начальников, а против корня зла, который — «в законе и государе»; о том, что писать для журналов нужно смело и свободно, не оглядываясь на цензуру, тогда из множества идей хоть одна, да «проскочит»; что семейные и родственные узы лишь опутывают человека (отголосок идей Ш. Фурье), а брак, даже по любви, при недостаточном материальном обеспечении — безумие и др. Д. часто и с успехом читает свои сочинения. Здесь же познакомился с учением Фурье и других социалистов-утопистов, однако отнесся к их проектам критически: «Согласен, что труд может быть усилен и лучше организовано... что от этого физические нужды человека умалются...; но страсти, но болезни, утраты близких нам по сердцу — для этого одно лекарство — вера» (Дело петрашевцев. — Т. III. — С. 190). Неудовлетворенный сумбурным характером вечеров у Петрашевского, Д. вместе с Пальмом и А. Д. Шелковым организует весной 1849 г. у себя на квартире отдельный кружок, куда входили, помимо хозяев, бр. Достоевские, Плещеев, Н. П. Григорьев, П. Н. Филиппов, В. А. Головинский, Ф. Н. Львов, Н. А. Спешнев, Милюков и нек. др. Всего было семь вечеров и обед у Спешнева. Вскоре собрания приняли опасное политическое направление: члены кружка решили исследовать социально-экономическое состояние России в духе новых гуманных идей; читались антиправительственные сочинения («Письмо Белинского к Гоголю» — Ф. М. Достоевским, «Солдатская беседа», одна из первых попыток революционной пропаганды в армии, — Н. П. Григорьевым); шла речь о подпольном литографировании запрещенных цензурой произведений. Небольшая группа кружковцев (Спешнев, Достоевский, Филиппов, Львов) занялась устройством тайной литографии. Сведения о политических взглядах самого Д. противоречивы. С одной

стороны, таились революционные, радикальные тенденции: высказывание о «законе и государе», ряд стихотворений («Князя», 1845; «Н. Д. П-ой», 1863). С другой — Д. не сочувствовал идее тайной литографии и поэтому прекратил в апреле 1849 г. свои вечера. Как и некоторые другие петрашевцы (Достоевский, Головинский), он верил в особый, по сравнению с Западом, путь социального развития России, в то, что «народу русскому приготовлены великие судьбы» (Там же. — С. 192) и что перемены к лучшему следует ожидать от правительства. Видимо, для самого Д. в этом вопросе не было ясности. Интересно, что эту его «расколотовость» почувствовал и передал десятилетия спустя в своем Версилове Достоевский.

После ареста (23 апреля 1849 г.) Д. провел восемь месяцев в одиночной камере Петропавловской крепости. Был приговорен к расстрелу. Мужественно пережив обряд смертной казни и последующее помилование, он вместе с Достоевским был отправлен на четырехлетний каторгу в Омский острог, где потерял здоровье, но сохранил убеждения и бодрость духа. Выйдя из острога в 1854 г., Д. и Достоевский проводят месяц в доме дочери декабриста И. А. Анненкова в Омске. Связей со ссыльными декабристами, впервые возникших еще в 1850 г., Д. не терял до конца жизни. После непродолжительной службы рядовым он по состоянию здоровья был в 1855 г. переведен в гражданскую часть и поселился в Омске, где сблизился с Ч. Валихановым, Г. Потаниным и др. В 1857 г. ему разрешено покинуть Сибирь, и он обосновывается у друга молодости Пальма в Одессе. По дороге посещает подмосковное имение декабриста Пущиных — Фонвизинных. В 1862 г. получает позволение печататься. Все последние годы Д. часто и тяжело болел, рано состарился. Умер на руках у Пальма.

В литературе Д. был больше известен как поэт. Его лирика привлекает не столько яркой индивидуальностью, сколько искренним свидетельством о переходной, «непоэтической», по словам В. Г. Белинского, эпохе 40 гг. В рецензии на «Молодик» на 1844 г. критик хотя и выделил из сонма авторов Д. и нескольких других поэтов, однако прибавил, что и они «отличаются больше усердием и трудолюбием, чем талантом». Действительно, Д. не в состоянии выйти из-под мощного обаяния лермонтовского гения, влияния философско-психологической поэзии Е. А. Баратынского, Ф. И. Тютчева. Тем не менее у него немало по-настоящему волнующих стихов, отмеченных благородной простотой, энергией и сжатостью выражения («Из Апостола Иоанна...», написанное в каземате и переданное в день отъезда в Сибирь Милюкову; «Когда трагический актер...», 1845; «Когда, склонившись на плечо...», 1848, и др.). Большая часть поэтического наследия Д. — переводы из созвучных ему иностранных авторов: В. Гюго, А. Шенье,

Дж. Байрона, А. Мицкевича, но прежде всего — О. Барбье, обличительные, демократические мотивы которого особенно вдохновляли поэта-петрашевца. Д. — первый и, может быть, лучший переводчик Барбье на русский язык. Белинский (в той же рецензии) с одобрением отозвался об этой стороне его деятельности. Переводы раскрывают поэтический облик Д. не меньше, чем оригинальные стихотворения. Особо звучит тема народа, чья судьба в крепостной России — в центре внимания петрашевцев. Народ «...всегда хорошая земля, / Удобная к богатой разработке... / На ней одной великое родится...» (Поэты-петрашевцы. — С. 180) — строки из «Киаи» Барбье выражают собственный взгляд переводчика. Творческое кредо Д. — в стихотворении «К***» (при отсылке стихов Барбье). Гражданственная, сурово правдивая муза французского поэта для него образец: «Нагая истина в наш век / Умы болезненно тревожит...» (Там же. — С. 214).

Заслуга Д.-прозаика — в отклике на призыв Белинского создавать литературу, быстро и точно реагирующую на вопросы времени. Но проза автора лишена подлинной художественности. Декларативность, априорная заданность решений оставляют ее на уровне добросовестной беллетристики — не более. При этом искания Д. в сфере характерологии весьма плодотворны, хотя сам он и не сумел претворить свои рациональные открытия (противоречивых глубин человеческой природы) в объемные поэтические создания. Это сделали в те же годы, разрушая сложившиеся стереотипы «натуральной школы», Достоевский и М. Е. Салтыков.

Когда Д. обратился к «физиологии» (1847—1848), этот жанр был уже хорошо разработан. Писатель не только удачно использовал готовые приемы, но и внес сюда свои находки. Так, если очерки «Публиус Сирус» и «Петербургский ванька» написаны в целом «канонически», то «Тетинька» и «Халатник» уже намного дальше от нравоописательной документальности. «Тетинька» по сути попытка воссоздать конкретный живой характер, а не выведение среднего арифметического «всех наличных тетинек». Здесь Д. оспаривает как теорию среды, популярную в литературе раннего этапа «натуральной школы» (у него не социальное окружение формирует непривлекательный психологический облик Марьи Ивановны, а, наоборот, изначально присущие ее «природе» дурные свойства определяют ее отношение к обществу и положение в нем), так и антропологическую концепцию большинства произведений «натуральной школы» 1846—1848 гг. (все доброе в человеке — от его «благой природы», все злое — следствие неразумно устроенной социальности). Видны серьезные сомнения в утопически-гуманистических идеалах, несмотря на одновременную увлеченность ими. Возможно, здесь сказалось влияние романтической концеп-

ции личности, в частности взглядов Ф. Шеллинга, утверждавшего неизбежность зла в человеческой душе. Все это породило противоречивость художественного творчества Д. Так, в очерке «Халатник», в рассуждении о началах человеческой природы, выдвигается иная, чем в «Тетиньке», мысль: «вечная, неутолимая жажда зла и разрушения» в героях — прямое следствие печальных жизненных обстоятельств. Главное достоинство этого очерка — в дальнейшей разработке нового для литературы типа: подмастерья, обитателя «смрадных... жилищ», портных, сапожников, слесарей.

Тип «халатника» — примета нового, капиталистического Петербурга.

В повестях («Чужое дитя», «Роман в записках», «Грустная повесть с веселым концом» и др.) Д. близок к тому крылу «натуральной школы», которое объявило своей задачей «анализ... личностей» (М а й к о в В. Н. Литературная критика. — С. 180). «Наука души человеческой» заглохнет у него социальный анализ. Например, в повести «Чужое дитя», наиболее значительной у Д., богатая светская дама способна на самоотверженную привязанность к бедной воспитаннице, а родной отец — простой, казалось бы, добрый человек — готов на бесчестные по отношению к дочери поступки. Сердце человеческое подвержено удивительным переменам, причина которых в новом опыте души, а не в социально-имущественных обстоятельствах. Так, резко вспыхнувшая страсть графини к «блестящим золотым монетам» объясняется надеждой на то, что золото «не оставит» ее, как покинула — густь из чувства дочернего долга — Оленька. И здесь Д. отходит от преобладающего литературного окружения; полемически звучат строки: «Многие, желая во что бы то ни стало облагородить натуру человека, идеализируют ее до невозможного; но на самом деле не такова наша природа... — в каждой... душе есть какая-то частичка эгоизма, которая мешает человеку быть вполне добрым». Две другие упомянутые повести — прямолинейная иллюстрация мыслей Д. о браке. При этом вся его проза находится под явным образно-стилистическим влиянием пушкинских.

Произведения Д. 60 гг. немногочисленны. Это несколько переводов из Барбье и Гюго, небольшое количество оригинальных стихотворений. Верный либерально-демократическим идеалам 40 гг., он приветствует правительственные реформы 60 гг. («Что миг — то новые удары...», 1863). Яснее по сравнению с творчеством 40 гг. звучит мысль о бесчеловечности капиталистического уклада, актуальная для пореформенной России («Минотавр» из О. Барбье, 1862). И на краю жизни это все тот же «человек, экзальтированный гуманными идеями» (Дело петрашевцев. — Т. I. — С. 252). Страдальческая судьба освятила его убеждения.

Соч.: Чужое дитя // Финский вестник.— 1846.— № 7.— Отд. I.— С. 13—70; Публиус Сирус // Финский вестник.— 1847.— № 11.— Отд. VI.— С. 11—18; Халатник // Невский альманах на 1847—1848 гг.— Спб., 1847.— Вып. 1.— С. 189—205; Роман в записках // Иллюстрация.— 1847.— № 41.— С. 261—268; Тетинька // Пантеон.— 1848.— № 2.— Отд. V.— С. 148—172; Петербургский ванька // Пантеон.— 1848.— № 8—9.— Отд. VIII.— С. 28—36; Грустная повесть с веселым концом // Библиотека для чтения.— 1848.— № 3—4.— Отд. I.— С. 59—96; Хмельницкий Н. И. Собр. соч.— Спб., 1849.— Т. I; Поэты-петрашевы.— Л., 1957.— С. 155—246; Французские стихи в переводе русских поэтов XIX—XX веков.— М., 1973.

Лит.: Модзалевский Б. Л. Дуров // Русский биографический словарь.— Пб., 1905.— С. 727—729; Белинский В. Г. Полн. собр. соч. / Под ред. С. А. Венгерова.— Пг., 1907.— Т. 8.— С. 508; Семевский В. И. Петрашевы: Дуров, Пальм, Достоевский, Плещеев // Голос минувшего.— 1915.— № 11.— С. 5—11; № 12.— С. 3—43; Петрашевы.— М.; Л., 1926.— Т. I; Дело петрашевцев: В 3 т.— М.; Л., 1937—1951; Фетисов М. И. Литературные связи России и Казахстана.— М., 1956.— С. 248—276; Комарович В. Л. С. Ф. Дуров // Поэты-петрашевы.— Л., 1957.— С. 145—154. О. А. Богданова

ДУРОВА, Надежда Андреевна [1783 (по некоторым источникам — 1788), Киев — 21.III (2.IV). 1866, Елабуга] — прозаик. Родилась в семье гусарского ротмистра А. В. Дурова. Детство провела в имении бабушки Великая Круча в Полтавской губ. и в г. Сарапуре Вятской губ., где отец ее был городничим. С детских лет отличалась независимостью характера, силой, ловкостью, храбростью. В 1801 г. была выдана замуж за чиновника В. С. Чернова, в 1803 г. у нее родился сын Иван. Брак Д. оказался неудачным, и она вернулась к родителям.

В 1806 г., передевшись в мужское платье, Д. тайно ушла из дома и вступила под именем Александра Васильевича Дурова в казачий полк. Затем служила в армии под фамилиями Соколов, Александров. Стала первой русской женщиной-офицером. Участвовала в сражениях 1806—1807 гг. при Гудшадте, Гейльсберге, Фридланде. Спасла от гибели раненого русского офицера. За этот подвиг награждена Георгиевским крестом. Во время Отечественной войны 1812 г. участвовала в сражениях под Смоленском, Колоцким монастырем, при Бородине, где была контужена. После Бородинского сражения Д.—ординарец Кузубова.

В 1816 г. Д. вышла в отставку в чине штабс-ротмистра. Некоторое время жила в Петербурге, затем в Сарапуре и Елабуге, куда брат ее В. А. Дуров был назначен городничим.

В 1836 г. Д. приехала в Петербург, чтобы издать свои «Записки». Обратилась за содействием к А. С. Пушкину, который высоко их оценил. Публикуя отрывок из «Записок» Д. в своем журнале «Современник» (1836, т. II), Пушкин предварил его предисловием от издателя, в котором писал: «С неизъяснимым участием прочли мы признания женщины, столь необыкновенной; с изумлением увидели, что нежные пальчики, некогда сжимавшие окровавленную рукоять уланской сабли, владеют и пером быстрым, живописным и

пламенным» (Полн. собр. соч.— Т. VII.— С. 271—272).

«Записки» Д. вышли отдельным изданием в 1836 г. в Петербурге под названием «Кавалерист-девица, происшествие в России». В 1839 г. в Москве были напечатаны «Записки Александрова. Довлавление к Девице-кавалерист». «Записки» рассказывают о жизни и воинском подвиге Д., о тех исторических событиях, участницей которых она была. До сих пор они сохраняют свое значение и как ценный исторический документ, и как яркое литературное произведение. Их героиня — женщина необычной судьбы, исполненная высоких стремлений к личной свободе, патриотка, защищавшая от завоевателей родную землю с оружием в руках. «Записки» отличает точность многих исторических деталей и характеристик, мастерство и занимательность изложения, романтический пафос.

«Записки» принесли Д. громкую литературную славу. «...Что за чудный, что за дивный феномен нравственного мира героиня этих записок...— писал Белинский.— <...> И что за язык, что за слог у Девицы-кавалериста! Кажется, сам Пушкин отдал ей свое прозаическое перо, и ему-то обязана она этою мужественною твердостью и силою, этою яркою выразительностью своего слога, этою живописностью, увлекательностью своего рассказа, всегда полного, проникнутого какою-то скрытою мыслию» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— Т. II.— С. 236).

«Записками» Д. открыла свою деятельность на литературном поприще. В 1837—1839 гг. ее повести печатались в журналах «Библиотека для чтения», «Отечественные записки», в сб. «Сто русских литераторов». Отдельными изданиями вышли повесть «Год жизни в Петербурге, или Невыгоды третьего посещения» (1838), роман «Гудишки» (1839), «Повести и рассказы», в 4-х частях (1839), повести «Угол» (1840), «Ярчук — собака духовидец» (1840), «Клад» (1840).

Романтическая проза Д. пользовалась популярностью у современников. Многие ее произведения заслужили одобрение критики.

Одна из главных тем Д.— судьба женщины, ее право на раскрепощение от сословного и семейного гнета. При этом Д. пишет об имущественном и социальном неравенстве, препятствующем счастью ее героев (см., напр., повесть «Угол»). Д. часто обращается к национальной теме, выступая в защиту угнетенных народов России, утверждая идею ценности человеческой личности: в повести «Серный ключ» (1839) рассказывает о глубоких чувствах черемисов Зейлы и Дукмара, в повести «Курмега. Происшествие из времен Иоанна Грозного вскоре после покорения Казани» (1839) создает героический образ татарской женщины Кизбек, в романе «Гудишки» с сочувствием изображает нищих литовских крестьян. Автобиографический характер носит повесть «Год жизни в Петербурге,

или Невыгоды третьего посещения»: в ней Д. описывает свои встречи с Пушкиным, показывая его в кругу семьи и друзей, за работой; сатирически изображает лицемерный высший свет.

Последние 25 лет жизни Д. уединенно жила в Елабуге на скромную пенсию, оставив литературное творчество. По-прежнему носила мужской костюм, сохранив мужскую манеру поведения. Вместе с тем на старости лет любила заниматься рукоделием — вязала и вышивала. Дом ее был полон кошек и собак, к которым Д. была привязана. Была похоронена в военном мундире с воинскими почестями.

Соч.: Записки кавалерист-девицы / Вступ. ст. Б. Смирнского. — Казань, 1960; 2-е изд. — 1966; 3-е изд. — 1979; Избранное / Сост., вступ. ст. и примеч. В. В. Афанасьева. — М., 1984; Угол. Дача на Петергофской дороге: Проза русских писательниц первой половины XIX в. / Сост., вступ. ст. и примеч. В. Ученовой. — М., 1986.

Лит.: Рыкачев Я. К. Надежда Дурова. — М., 1942; Юдина И. Женщина — воин и писательница: Неизвестные автографы «кавалерист-девицы» Н. А. Дуровой // Русская литература. — 1963. — № 2; Изергина Н. П. Н. А. Дурова — писательница // Уч. зап. Кировского гос. пед. ин-та им. В. И. Ленина. — Киров, 1967. — Вып. 29. — Ч. II; Русская повесть XIX века. — Л., 1973. *Н. И. Михайлова*

ДЫМОВ, Осип, псевдоним, настоящее имя *Осип Исидорович Перельман* [4(16).II.1878, Белосток — 1.II.1959, Нью-Йорк] — писатель, журналист. Воспитывался в интеллигентной еврейской семье своей матери. Отец Д. был родом из Германии, «...я потерял его рано, — читаем в автобиографии писателя, — и не знаю его родственников» (Фидлер Ф. Ф. Первые литературные шаги. — М., 1911. — С. 133). Дед Д. со стороны матери, по семейным преданиям, был склонен к литературным занятиям и передал эти способности внуку. Тяга к чтению и творчеству появилась у Д. еще в детстве: «Наблюдательность и резкая память на мелочи проснулась очень рано» (Автобиография. — С. 133), сначала пробовал рисовать и лепить, потом писать рассказы. Первый из них — «Рождественский силуэт», оставшийся в рукописи, был написан, по собственному признанию, под влиянием «Мальчика у Христа на елке» Ф. М. Достоевского. Достоевский и Шеллер-Михайлов были первыми из прочитанных Д. писателей, потом особое воздействие на него оказали А. П. Чехов, М. Метерлинк, К. Гамсун и Пшибышевский. В детстве увлекался чтением журнала «Вокруг света», «...от которого до сих пор несет тиграми и привидениями» (Автобиография. — С. 133). В результате этого чтения родилось второе сочинение Д. — «Рассказ капитана». Подписанный псевдонимом, он был послан в любимый журнал и опубликован там в № 41 за 1892 г. Д. было в это время 14 лет, он учился в Белостокской гимназии. Директор гимназии, узнав о публикации, потребовал впрямь все написанное до отправки в журналы показывать ему. Так Д. впервые

столкнулся с цензурными мытарствами. В 1901 г., когда Д. был уже студентом Петербургского Лесного института (окончил в 1902 г.), его рассказ «Силуэт» прошел по конкурсу, получив из 1000 рукописей пятую премию, и был опубликован в газете «Биржевые ведомости». С этого времени Д. целиком посвящает себя литературной работе. В 1901—1904 гг. сотрудничает в журнале «Театр и искусство», в 1905—1906 гг. в журнале «Сигнал», в 1908 г. — в «Сатириконе», а также в газетах «Свободные мысли», «Русь», «Утро». До 1913 г., когда Д. уехал в США, им было выпущено в России и Германии множество сборников рассказов («Солнцеворот», 1905; 2-е изд. — 1913; «Земля цветет», 1908; «Веселая печаль», 1911; «Рассказы», кн. 1, 1910), роман «Бегущие креста» («Томление духа») (1911); пьесы «Голос крови» (1903), «Слушай, Израиль!» (1908), «НЮ» (1908), «Вечный странник» (1912) и др. Литературная известность пришла к Д. после появления его первой пьесы «Голос крови» и сборника рассказов «Солнцеворот». Д. быстро вошел в моду. О нем писали видные критики того времени — К. Чуковский, М. Гершензон, Л. Гуревич, В. Краинихфельд, Н. Петровская. Первым благожелательно откликнулся на сборник Д. «Солнцеворот» Н. Минский. Что определило успех Д.? Для кого и о чем он писал, чем обусловлены особенности его творческой манеры? Он тонко и точно почувствовал потребности времени и того слоя публики — средней городской интеллигенции, для которой писал. И хотя его кумиром был Чехов (даже псевдоним — *Дымов* — фамилия героя рассказа Чехова «Попрыгунья»), большее влияние оказали на него произведения Пшибышевского и Гамсуна, философия Ницше, религиозные искания эпохи и декадентские течения в литературе. Сказались и особые черты его личности, его духовного склада. А. Р. Кугель, сотрудничавший с Д. в журнале «Театр и искусство», вспоминает: «У Дымова был юмор, была острая и своеобразная наблюдательность. Всего было у него много, но как за его естественным и нормальным взглядом чувствовалась непроницаемая завеса — второе окно его души, так и в произведениях его было что-то, что неприятно раздражало и давало основание и повод сомневаться в его литературной искренности. И как человек он как-то двоился...», в нем был «какой-то бессознательный, самоуверенно спокойный холод души» (Кугель А. Р. Листья с дерева. — С. 35). Герои Д. — люди средних слоев городской интеллигенции, «полуобеспеченные, полубразованные, раздраженные верхами городской цивилизации, взращенные на асфальте и воспитанные газетными передовицами, требующие для себя «маленькой, едкой, щекощущей, гомеопатической словесности» (Чуковский К. От Чехова до наших дней. — С. 45). Они хотели найти в литературе «и пафоса, и лирики, и религии, и философии», но чтобы все

это «...в трех словах, и непременно сразу, не очень осязательно, не очень вразумительно, но чтобы не беспокоило...» (Там же.— С. 45). Этим требованиям и ответило творчество Д. Он пишет об одиночестве, метаниях человеческого духа, о поисках смысла жизни, стремлении выйти из теней быта в высокие, чаще не вполне ясные, полумистические сферы, о неразделенной любви и пресыщении любовью, о поисках идеала. Рассказы Д. чаще бессюжетны, полны вычурными описаниями природы и туманными, мнимо значительными рассуждениями героев и автора. И роман «Бегущие креста» тоже состоит как бы из ряда новелл, изображающих не столько события реальной жизни петербургской буржуазной интеллигенции, сколько состояние ее духа, искания героев, нарочито усложняющих свои чувства и мысли, в сущности лишенные глубины и подлинности, говорящих о простом и обыденном замысловато и претенциозно. Пьесы Д. посвящены семейным отношениям той же интеллигенции, ее маленьким драмам и незначительным радостям («Каин», «Долг», 1907; «Жертва», 1915, и др.). Пьесы «Слушай, Израиль!», «Певец своей печали» (1914) и др.— о жизни евреев и направлены против национального бесправия и угнетения. Уехав в 1913 г. в США, Д. продолжал активно писать и издавался на русском и еврейском языках.

Современная критика отмечала умение Д. находить точные и свежие детали (К. Чуковский назвал их образими-телеграммами), создавать настроение. Но большинство критиков подчеркивало подражательность Д., увлечение модными символистским мотивами и приемами, облегченное решение жизненных проблем, вычурность, небрежность языка его произведений, его самолюбование и «холодность души». Д. называли певцом безболезненных страданий, неоформленных мыслей и настроений, стремящимся «сказать больше того, что он может» (Кранихфельд В. // Современный мир.— 1912.— № 4.— С. 297). К. Чуковский назвал Д. коммивояжером буржуазной интеллигенции, от которой у него кокетничанье серьезными проблемами и чувствами и которая привила ему способность превращать «ужасное и радостное, и громадное, и маленькое явление в нечто очень приятное, очень коротенькое и милое, милое до чрезвычайности» (Чуковский К. От Чехова до наших дней.— С. 44—45). Это явление критик окрестил «дымовщиной».

Соч.: Рассказы.— Спб., 1910.— Кн. 1; Бегущие креста: Роман.— Берлин, 1911; Веселая печаль: Юмористические рассказы.— Спб., 1911; Вечный странник: Пьеса.— Спб., 1913; Новые голоса.— 2-е изд.— М., 1915; Автобиография Ф. Ф. Филлер: Первые литературные шаги.— М., 1911.

Лит.: Чуковский К. И. Осип Дымов // От Чехова до наших дней.— Пб.: М., 1908.— С. 40—53; Петровская Я. Н. О творчестве О. Дымова // Перевал.— 1907.— № 4.— С. 45—48; Гершензон М. Осип Дымов // Критическое обозрение.— 1908.— № 1.— С. 40—42; Краних-

фельд В. Обанкротившаяся душа // Современный мир.— 1912.— № 4.— С. 295—311; Гуревич Л. Осип Дымов // Русское богатство.— 1912.— № 9.— С. 207—209; Кугель А. Р. Листья дерева: Воспоминания.— Л., 1926.— С. 34—37. Г. А. Петрова

Е

ЕЛИСЬЕВ, Григорий Захарович [25.I (6.II).1821, с. Спасское Томской губ.— 18(30).I.1891, Петербург] — публицист, журналист. Родился в семье священника. Лишившись отца в раннем возрасте, Е. вместе с матерью поселился у ее сестры в г. Тара Томской губ. В девять лет остается круглым сиротой и живет на попечении духовного начальства, которое определяет его в Тобольское духовное училище, откуда впоследствии он переходит в Тобольскую духовную семинарию. Блестяще окончивший семинарию Е., вопреки собственному желанию поступить в Медико-хирургическую академию в Петербурге, был направлен начальством в Московскую духовную академию, которую оканчивает в 1844 г. по первому разряду. В 1845 г. Е. назначен на кафедру русской церковной истории в Казанскую духовную академию бакалавром (преподавателем) русской церковной истории и еврейского языка, где читает сверх того русскую гражданскую историю, каноническое право и немецкий язык. Е. занимается также археологией и историей края с церковной точки зрения; его труды привлекают внимание духовенства. Однако такая деятельность не удовлетворяет Е., чьи идеалы «не совпадали с жирным и лживым существованием <...> белого духовенства» и в котором «не было ни твердых религиозных убеждений, ни горячего религиозного чувства» (Соч.— Т. 1.— С. 12). В 1850 г. он выходит из духовного звания, в 1854 г. отказывается от профессорства и поступает на государственную службу, проходившую в Сибири; он — окружной начальник в Омске, Таре; директор Тарского попечительного о тюрьмах отделения; советник губернского правления в Тобольске. Е. приходится выполнять самую разную работу: он промеряет на протяжении 50 верст фарватер Иртыша, состоит членом рекрутского присутствия, производит дополнительные следствия по судебным делам и пр. Служба не удовлетворяет Е., и он решается на рискованный шаг: в 1857 г. подает в отставку и отправляется в Петербург.

В 1859 г. началась деятельность Е.-публициста: в «Современнике» выходят его статьи «О Сибири», о Н. И. Костомарове, о С. М. Соловьеве, одновременно он начинает вести в журнале «Искра» рубрику с ироническим названием «Хроника прогресса». Серьезные по сравнению с традиционными сатирическими искровскими мате-

риями хроники Е. создавали необходимый контрапункт (что было замечено современниками, когда в 1860 г. «Искра» выходила без «Хроники прогресса»). По собственному признанию, Е. стремился не столько высмеять те или иные явления, сколько указывать на них, делая «их удобными для смеха» (Искра.— 1863.— № 44.— С. 633—634). Вполне признание Е.-публициста реализовалось в его «Внутренних обозрениях», которые он помещал ежемесячно сначала в «Современнике», а после его закрытия — в обновленном журнале «Отечественные записки». Развивая принципы жанра, сформулированные Н. А. Добролюбовым в письмах к С. Т. Славутинскому (Д о б р о л ю б о в Н. А. Собр. соч.— М., 1964.— Т. 9.— С. 399—402), Е. явился, по сути, «родоначальником этого отдела не только в своем журнале, а и вообще в журналистике» (М и х а й л о в с к и й Н. М.— С. 27). В своих обозрениях Е. откликнулся практически на все актуальные вопросы, одновременно разрабатывая специфический стиль: он избирает тон доверительной беседы, стремясь избегать при этом однозначных ответов на указанные в подзаголовках вопросы (явно рассчитывая на читателя-единомышленника); строя материал на документальной основе, предпочитает цитированию пересказ, причем передача факта и его комментирование сливаются воедино и сухой материал окрашивается эмоционально. Несмотря на то что Е. почти никогда не подписывал ни своих обозрений, ни других статей или подписывал псевдонимом, к нему приходит широкая известность, о чем свидетельствуют приглашения к сотрудничеству в разных журналах. В 1862 г. он возглавляет журнал «Век», а в 1863 г. редактирует газету «Очерки». В 1866 г. Е. был арестован в связи с делом Д. В. Каракозова, к которому, вероятно, не был причастен, и вскоре отпущен за отсутствием улик. Е., несомненно, был не только близок к революционно настроенным кругам, но, по воспоминаниям Н. В. Шелгунова, связан как с легальной, так и с тайной деятельностью «Земли и воли».

Следующим этапом биографии Е.-публициста (после участия в «Современнике») была его работа в «Отечественных записках» (с 1868 г.). Хотя первоначально сама мысль сотрудничать в бывшем журнале А. А. Краевского казалась Е. противоестественной, в итоге он переменил свое отношение и стал одним из руководителей журнала. Как свидетельствуют современники (С. Н. Кривенко, Н. В. Шелгунов, Н. К. Михайловский), основная техническая работа в журнале легла на плечи Е. Работа в качестве редактора и ведущего публициста «Отечественных записок» продолжалась до 1881 г. и принесла ему материальное благополучие.

В 1881 г. здоровье Е. пошатнулось; он переносит удар, оправится от которого так и не удается. Он продолжает поддерживать деловые связи с М. Е. Салтыковым-Щедриным, но не может по-

стоянно сотрудничать в журнале. За последние 10 лет жизни им написано немного: статья о Некрасове и Салтыкове-Щедрине (Русское богатство.— 1902.— № 11; 1893—№ 2), отрывочные, не собранные в систему воспоминания, изданные с сокращениями только в советское время. Тяжело больной Е. умирает, окруженный заботами жены, бывшей его верной спутницей на протяжении 25 лет.

Общественно-политическая позиция Е. в «Отечественных записках», особенно в последние годы, выглядит более умеренной по сравнению с периодом работы в «Современнике», но причина этого не столько в перемене взглядов, сколько в стремлении все-таки найти в рамках существующего режима реальные пути демократизации русской жизни. Публицистическая деятельность Е. формировалась на волне реформ 60 гг. Он быстрее и глубже многих понял, что преобразования носят вынужденный характер и продвигаются туго вследствие сопротивления консервативных сил и опасений со стороны правительства (К л е й н б о р т Л. М.— С. 71). Поэтому Е. критически относился как к внешне прогрессивным, но не предлагающим ничего конкретного сенсационным статьям, написанным «бойко, горячо», поражающим всех «своей краснотой», так и к публикациям, предлагающим меры, невозможные в существующих политических условиях. В «рьяном прогрессизме ультрапрогрессистов» Е. видел «русскую обломовщину <...>, шеголяющую в научном кафтане», он критиковал науку, утверждающую, что что-то «можно с пользой делать только тогда, когда всю землю переворотить» (Современник.— 1864.— № 3.— С. 158—159). Любые проекты, в которых Е. усматривал утопичность, вызывали у него неприязнь; критически отзывался он даже о снах Веры Павловны в романе «Что делать?» (Там же.— С. 155). Трезвая оценка современной общественно-политической ситуации, стремление к достижению «непосредственных практических результатов» (М и х а й л о в с к и й Н. К.— С. 44) сказались в гонении к легальным формам борьбы, представлявшимся Е. наиболее эффективными. Особенно настаивал он на последовательном проведении политики гласности, иронически отзываясь об «умеренной», «никому не обидной» гласности современной печати. Склонность к официальному и легальным формам борьбы приводила к полемике с Салтыковым-Щедриным (в частности, по поводу сказки последнего «Случай с Крамольниковым») и в конечном итоге — к разочарованию («...удрал бы и забился в такую трущобу, где люди не только ничего либерального не говорят и не читают, но где вовсе пока и грамоты не знают» — «Письма...» — С. 30).

Понимая поверхностность обличительной кампании в нач. 60 гг., Е. иронически отзывался о современниках, пребывавших долгое время «в жестоком самообольщении относительно наших

успехов на пути развития», и подчеркивал, что негативные явления — «не случайный нарост общества, а плоть от плоти его» (Современник.— 1860.— № 11.— С. 70).

Е. считает, что Россия должна в своем дальнейшем развитии ориентироваться на Европу. Но при этом надо помнить об отрицательных сторонах европейского развития, показавшего, что без благосостояния масс невозможно благосостояние государства. Современное положение в России Е. характеризовал как «награждение голодных политическими правами с несомненным правом оставаться и впредь... голодными на законном основании» (Отечественные записки.— 1879.— № 10.— С. 211). Благосостояние народа является для Е. критерием, по которому оценивается пореформенная действительность; он замечает, что освобожденный народ продолжает бедствовать, что прогресс ограничивается одной областью — политической, но не касается социально-экономических вопросов.

С точки зрения достижения «непосредственных практических результатов» (М и х а й л о в с к и й) Е. смотрел и на русскую литературу и журналистику, полагая, что их основное назначение — «высказать известную долю правды» (Искра.— 1862.— № 38.— С. 497). Литератор должен если не лечить, то хотя бы указывать на «больные места», и, пока этих мест много, «звание литератора будет приобретаться у нас легко и пользоваться почетом» (Там же.— С. 498). Но литературную известность в эпоху реформ уже нельзя приобрести остроумием, гладкостью стиха, изощренностью стиля, «даже умением сочинять повести и романы» (Искра.— 1862.— № 5.— С. 71), потому что от таланта требуется прежде всего умение служить общественному делу. Особое значение Е. придавал журналистике, не признавая, вслед за Добролюбовым, «в литературе журнальной ни наук, ни искусства вне служения общественным целям» (Искра.— 1862.— № 14.— С. 205).

В Н. А. Некрасове Е. ценил не столько поэта («наша эпоха еще ждет своего талантливого поэта» — Современник.— 1864.— № 7.— С. 117), сколько руководителя журнала, отстаивающего новые принципы общественной жизни. Откликаясь на разгоревшуюся сразу после смерти поэта (1877) полемику между А. С. Сувориним, Ф. М. Достоевским и др. о Некрасове-человеке, Е. говорил, что время оценки личности Некрасова, который был вынужден ради интересов дела иной раз приспосабливаться к обстоятельствам, еще не настало (Отечественные записки.— 1878.— № 3.— С. 121). Впоследствии Е. называет Некрасова «героим-рабом, который умирает за свое дело в течение десятков лет, умирает, так сказать, по частям, в ежедневных мелких пытках от ежедневных мелких гонений и стеснений, от сделок со своею совестью, умирает, никем не признанный в своем геройстве и даже под общим тяже-

лым обвинением или подозрением от толпы в измене делу» (Русское богатство.— 1902.— № 11.— С. 42).

Литературно-критическая позиция Е. во многом отражала его убеждение, что современный журнал должен быть органом литераторов-единомышленников. Он считал, напр., одной из причин кризиса «Современника» появление статей противоречивого содержания о романе Чернышевского «Что делать?» (свои собственные критические замечания об утопической линии произведения он старался по возможности смягчить). Успех журнала «Сын отечества» Е. объясняет отсталостью читателя, который «не имеет никаких требований от литературы, кроме сообщения газетных сведений», тогда как думающий читатель пытается выйти «из-под власти факта, подчинить разнообразие явлений единству идеи» (Современник.— 1860.— № 11.— С. 63). Поэтому в своих обозрениях Е. стремится раскрыть «внутреннее значение» фактов, полагая, что действительность преподносит их в «обманчивой призрачности» (Современник.— 1861.— № 3.— С. 102).

Как историк русской литературы, Е. развивает традиции демократической критики, прежде всего критики Добролюбова. В «Очерках по истории русской литературы по современным исследованиям» называет «реторической» поэзию XVIII—начала XIX в., когда в литературе обращалось внимание прежде всего на художественные средства, и поэт, по произволу выбиравший красивые сюжеты, не ставил перед собой определенной цели и не заботился о том, «какое действие, полезное или вредное, произведет его изображение в читателе» (Современник.— 1866.— № 3.— С. 45). По поводу оды Г. Р. Державина «На смерть кн. Мещерского» Е. пишет, что в ней есть «небольшие оазисы, где мысль очищается от постоянного риторического опынания», имея в виду лишь последние строфы о старости, где художественные образы передают «реальность изображаемых чувств» (Современник.— 1865.— № 11—12.— С. 202). Заслугу А. С. Пушкина Е. видит в том, что он освободил русскую литературу от риторики и она стала на почву реальности, хотя сетует, что Пушкину не была доступна германская наука, вследствие чего отечественная литература не приобрела в нем своего Г. Э. Лессинга.

К «натуральной школе» Е. относился отрицательно, считая, что она превыше всего ставила «верность действительности», т. е., по Е., ценила определенную систему художественных средств, а не правду изображения (Современник.— 1866.— № 3.— С. 51). Популярностью «натуральной школы» поддерживалась В. Г. Белинским, который, по словам Е., до самой смерти не мог окончательно отрешиться от чисто художественных воззрений на литературу, признавая художественность и за произведениями, дающими «только бесцельное изображение действительности» (Сов-

ременник.—1866.— № 2.— С. 273). С этих позиций Е. и «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского оценил отрицательно, в полемическом азарте назвав роман «дрёбеденью». Он утверждал, что автор, с одной стороны, избирает для изображения случайный («голый») факт, а с другой — приписывает этому факту неверный смысл, обвиняя «целую корпорацию молодых юношей в повальном покушении на убийство с грабежом». Отказывая Достоевскому в знании человеческого сердца, Е. пишет, что роман лишь наводит скуку на читателя и нисколько не проясняет характера главного героя (Современник.—1866.— № 2.— С. 276—277). Позже отношение Е. к Достоевскому несколько смягчилось в его откликах на «Дневник писателя» (Отчетственные записки.—1876.— № 2.— С. 298—299).

Фигура Е. скоро после смерти публициста померкла, заслоненная именами его соредакторов, крупнейших деятелей русской культуры — Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, Салтыкова-Щедрина, Михайловского, и уже в 10 гг. XX в. о нем пишут как о литераторе, «в наши дни только понаслышке известном публике» (Ежемесячный журнал.—1916.— № 1.— С. 300). Однако последовательный демократизм, бывший, по словам Михайловского, для Е. «не делом только принципов и убеждений, а самим инстинктом» (Михайловский Н. К.— С. 45), обращает на себя внимание. М. Горький причислял Е. к самым резким и наиболее демократически настроенным людям того времени (Горький А. М. История русской литературы.— М., 1939.— С. 216).

Соч.: Соч.— М., 1894.— Т. 1; Шестидесятые годы. М. А. Антонович. Воспоминания. Г. З. Елисеева. Воспоминания / Вступ. ст., коммент. и ред. В. Евгеньева-Максимова и Г. Ф. Тизенгаузена.— М., 1933; Письма Г. З. Елисеева к М. Е. Салтыкову-Щедрину / Подгот. текста, писем и примеч. И. Р. Эйгеса; Ред. и вступ. ст. Я. Е. Эльсберга; Под общ. ред. Н. Л. Мещерякова.— М., 1935.

Лит.: Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? // Полн. собр. соч.— Т. 1.— С. 257—258; Михайловский Н. К. Г. З. Елисеев // Г. З. Елисеев.— М., 1894.— Т. 1.— С. 1—46; Клейнборт Л. М. Г. З. Елисеев.— Пг., 1923; Скабичевский А. М. Литературные воспоминания / Ред., вступ. ст. и примеч. Б. Козмина.— М., Л., 1928; Виленская Э. С. Революционное подполье в России (60-е годы XIX в.).— М., 1965.— С. 356—375; Шелгунов Н. В. Воспоминания / Вступ. ст. Э. Виленской и Л. Ройтберг; Подгот. текста и примеч. Э. Виленской и др.— М., 1967.— Т. 1 (по указателю); Емельянов Н. П. Г. З. Елисеев — публицист.— Л., 1971.

С. В. Жожикашвили

ЕРШОВ, Петр Павлович [22.II(6.III).1815, дер. Безруково Ишимского у. Тобольской губ.—18(30).VIII.1869, Тобольск] — поэт, прозаик, драматург. Родился в семье чиновника. Раннее детство провел в г.Березове, месте ссылки петровских вельмож Меншикова, Остермана, Долгоруких. Здесь Е. прожил до 12 лет, пока отец не увез его вместе со старшим братом Николаем в Тобольскую гимназию. Годы учения в Тобольске

совпали с пробудившимся в России интересом к сибирской теме: Н. Полевой опубликовал повесть из сибирской жизни «Сохатый», а вслед за ним пишут сибирские повести И. Савинов, И. Калашников, Н. Бобылев. В 1828 г. И. Петров выпускает первый в Сибири «Енисейский альманах», в русскую литературу входит целая плеяда сибирских поэтов — Нагибин, Речкин, Черкасов, Милькеев. Сибирская тема привлекает Е. Ковалевского, В. Карлгофа, В. Соколовского. В 1836 г. появляется письменный сборник учеников Иркутской гимназии, который положил начало рукописной литературе о богатствах Сибири и ее культурных традициях, разрушающей мифы о царстве дикости и культурной отсталости.

Эти настроения повлияли на Е., который в стихотворном послании другу студенческих лет Тимковскому писал: «Какая цель! Пустыни, степи / Лучом гражданства озарить, / Разрушить умственные цепи / И человека сотворить!» В Тобольске Е. собирает сибирские сказки и становится непревзойденным их знатоком. Он вынашивает программу будущих путешествий по Сибири целой колонии энтузиастов. Предполагается съезд их на зиму в один из городов для создания специального этнографического журнала, в котором будут печататься собранные в экспедициях народные песни, легенды и сказки.

В 1831 г. Е. оканчивает гимназию, и отец переезжает с сыновьями в Петербург, чтобы дать им возможность учиться в университете. Е. успешно поступает на философско-юридическое отделение Петербургского университета. В студенческие годы он знакомится с В. Бенедиктовым, сотрудничает в рукописном журнале А. Майкова «Подснежник», пишет не дошедшие до нас оперные либретто из древнерусской жизни, печатает в «Библиотеке для чтения» свои стихи.

В 1832 г. Е. с увлечением читает сказки А. Пушкина и приступает к работе над собственным произведением «Конек-Горбунок». В 1833 г. первая часть сказки представлена в виде курсовой работы профессору словесности П. А. Плетневу, который высоко оценивает опыт своего студента и подвергает его лестному публичному разбору на одной из лекций. В 1834 г. сказка публикуется в «Библиотеке для чтения» с похвальным отзывом Сенковского.

В 1835 г. Е. закончил университет и издал сказку отдельной книжкой. Познакомившись с «Коньком-Горбунком» в 1836 г., Пушкин заявляет: «Теперь этот род сочинений можно мне оставить». Е. использует в «Коньке-Горбунке» сюжеты сказок об Иванушке-Дураке и Сивке-Бурке, распределяя их на следующие мотивы: 1) поручение отца трем сыновьям оберегать добро от таинственного вора; 2) помощь чудесного коня; 3) перо чудесной птицы, прельщающее героя и приносящее несчастье; 4) добыча героем чудесной птицы; 5) наговор зложелателей-придворных; 6) добыча герою царевны-девицы;

7) извлечение со дна моря ее имущества; 8) пере- рождение героя в кипящей жидкости с помощью чудесного коня в красавца и доброго царя. Все эти мотивы находят подтверждение в изданных позднее сказках А. Афанасьева. Встречаются в «Коньке-Горбунке» Е. отголоски сатирической народной сказки о Ерше Шетинникове, мотив путешествия героя в иное царство встречается в сказках о Марке Богатом и Василии Бесчастном.

Сказка Е. при жизни автора выдерживает 7 изданий, но только с 4-го (1856) печатается с восстановленным стихом, выброшенным цензу- рою, и авторскими дополнениями, а иногда и противоречивыми добавками. Е. утверждал, что его сказка — произведение народное, почти слово в слово взятое из уст сибирских рассказчиков, от которых автор его слышал. Характерен глубокий демократизм содержания и формы; изящество стиха, типично народный юмор. Главный герой сказки — умный, честный и прямой Иванушка, царь и его слуги изображаются сатирически. Е. использует в сказке фольклорные мотивы, не сглаживая (в духе Жуковского и Дельвига), а заостряя их: в лукаво-ироническом тоне рисуются господа — духовенство, дворянство и сам батюшка-царь. Писатель вводит в повествование живую разговорную речь, чуждую простонародной экзотике, стилизации под «мужицкий» говор.

«Конек-Горбунек» с энтузиазмом приняла публика, но разноречиво оценила критика. Консервативное крыло, выступавшее за эстетизированный фольклор, видело в сказке Е. чрезмерный «натурализм» и грубость. Революционеры-демократы в лице Беллинского усматривали в «Коньке-Горбунке» эстетическую подделку во вкусе «простонародного» жанра, уводящую читателя от общеевропейских идеалов.

В 1835 г. Е. серьезно задумывается о необходимости возвращения в Сибирь: умирает отец и старший брат писателя, мать, оставшаяся на родине, нуждается в попечительстве. В 1836 г. он занимает место учителя, инспектора, а с 1857 г. — директора Тобольской гимназии. Е. встречается со ссыльными поляками и декабристами, занимается литературой, сочиняя быль «Сибирский казак», поэму «Сузг», рассказ «Кузнец Бадим», пьесу «Суворов и станционный смотритель», романтические стихи. Но все эти произведения не выдерживают сравнения с шедевром творчества Е. Успех сказки Е. объяснял так: «На „Коньке-Горбунке“ вочию сбывается русская пословица: не родись ни умен, ни пригож, а родись счастлив. Вся моя заслуга тут, что мне удалось попасть в народную жилу».

В 1864 г. на петербургской сцене по сказке Е. был поставлен Сен-Леоном балет «Конек-Горбунек». Сказка была переведена на чешский язык. Она породила массу подражаний, среди которых особенно выделяется написанный после

революции 1905 г. сказка Басова-Верхожанцева «Конек-скакунок» — революционное переосмысление сказки Е.

Соч.: Конек-Горбунек. — Пб., 1861; Конек-Горбунек. Стихотворения / Вступ. ст. В. Уткова. — Л., 1951; Конек-Горбунек. Стихотворения / Вступ. ст. М. К. Азадовского. — Л., 1961.

Лит.: Я р о с л а в ц е в А. К. П. П. Ершов, автор сказки «Конек-Горбунек». Биографические воспоминания университетского товарища. — Пг., 1872; У т к о в В. П. П. Ершов: Биографический очерк. — Новосибирск, 1950; Он же. Новое о П. П. Ершове // Сибирские огни. — 1961. — № 5; Л у п а н о в И. П. Фольклорные основы сказки П. П. Ершова «Конек-Горбунек» // Уч. зап. Петровского гос. ун-та. Историч. и филологич. науки. — 1956. — Т. VI. — Вып. I. — С. 161—192.

Ю. В. Лебедев

ЕСЕНИН, Сергей Александрович [21.IX(3.X). 1895, с. Константиново Рязанской губ. — 27/28. XII. 1925, Ленинград] — поэт. Родился в крестьянской семье. Детство провел в доме родителей отца, потом — матери. Пяти лет выучился читать. С 1904 по 1912 г. учился в Константиновском земском училище и в Спас-Клепиковской школе. «Стихи я, — отмечал Е., — начал писать рано, лет девяти, но сознательное творчество отношу к 16—17 годам» (Собр. соч. — Т. 5. — С. 220). За время учебы им написано более 30 стихотворений, составлен рукописный сборник «Больные думы» (1912), который он пытался опубликовать в Рязани. Рязанская деревня, ее быт, природа, устное народное поэтическое творчество, а главное — русская классическая литература оказали сильное влияние на формирование юного поэта, направляли его природный талант. Сам Е. в разное время называл разные источники, питавшие его творчество: песни, частушки, сказки, духовные стихи, «Слово о полку Игореве», поэзию Лермонтова, Кольцова, Никитина и Надсона. Позднее на него оказывали влияние Блок, Клюев, Белый, Гоголь, Пушкин. С увлечением изучал «Поэтические воззрения славян на природу» А. Афанасьева.

В 1912 г. Е. едет в Москву, работает в мясной лавке вместе с отцом, в книгоиздательстве, в типографии, полтора года занимается на историко-филологическом отделении народного университета им. А. Л. Шанявского, вступает в члены Суриковского литературно-музыкального кружка. Он участвует в революционном движении, некоторое время находится под наблюдением полиции. В 1913 г. вступает в гражданский брак с А. Р. Изрядновой.

Из писем Е. 1911—1913 гг. вырисовывается сложная жизнь начинающего поэта, его духовное созревание. Все это нашло отражение в поэтическом мире его лирики 1910—1913 гг., когда им было написано более 60 стихотворений и поэм. Здесь выражены его любовь ко всему живому, к жизни, к родине. На такой лад поэта особенно настроивает окружающая природа («Выткался на озере алый свет зари...», «Дымом половодье...», «Береза», «Весенний вечер», «Ночь», «Восход солнца», «Поет зима — аукает...», «Звезды», «Темна ноченька, не спится...» и др.).

С первых же стихов в поэзию Е. входят темы *родины и революции*. С января 1914 г. стихи Е. появляются в печати («Береза», «Кузнец» и др.). «В декабре он бросает работу и отдается весь стихам, пишет целыми днями» (И з р я д н о в а А. Р. // Воспоминания о Сергее Есенине.— М., 1965.— С. 101). Поэтический мир становится более сложным, многомерным, значительное место в нем начинают занимать библейские образы и христианские мотивы. В 1913 г. в письме Г. Панфилову он пишет: «Гриша, в настоящее время я читаю Евангелие и нахожу очень много для меня нового» (Т. 6, 26). Позже поэт отмечал: «Рано посетили меня религиозные сомнения. В детстве у меня очень резкие переходы: то полоса молитвенная, то необычайного озорства, вплоть до богохульства. И потом и в творчестве моем были такие полосы» («Воспоминания...» — С. 291).

В марте 1915 г. Е. приезжает в Петроград, встречается с Блоком, который высоко оценил «свежие, чистые, голосистые», хотя и «многословные» стихи (Блок А. Записные книжки. 1901—1920.— М., 1965.— С. 567) «талантливого крестьянского поэта-самородка» (Б л о к А. Собр. соч.: В 8 т.— М.; Л., 1963.— Т. 8.— С. 441), помог ему, познакомил с писателями и издателями. В письме Н. Клюеву Е. сообщал: «Стихи у меня в Питере прошли успешно. Из 60 принято 51» (6, 59). В том же году Е. вошел в группу «крестьянских» поэтов «Краса» (Н. Клюев, С. Клычков, А. Ширяевец, С. Городецкий, А. Ремизов и др.).

Е. становится знаменитым, его приглашают на поэтические вечера и в литературные салоны. М. Горький писал Р. Роллану: «Город встретил его с тем восхищением, как обжора встречает землянику в январе. Его стихи начали хвалить, чрезмерно и неискренне, как умеют хвалить лицемеры и завистники» (Собр. соч.: В 30 т.— М., 1955.— Т. 29.— С. 459).

В начале 1916 г. выходит из печати первая книга Е. «Радуница». В названии, содержании большей части стихотворений (1910—1915) и в их отборе видна зависимость Е. от настроений и вкусов публики. Позднее он скажет: «От многих моих религиозных стихов и поэм я бы с удовольствием отказался, но они имеют большое значение как путь поэта до революции» (5, 231). И еще: «Я просил бы читателей относиться ко всем моим Исусам, божьим матерям и Миколам, как к сказочному в поэзии» (5, 206).

Творчество Е. 1914—1917 гг. предстает сложным и противоречивым («Микола» «Егорий», «Русь», «Марфа Посадница», «Ус», «Исус-младенец», «Голубень» и др. стихотворения). В этих произведениях представлена его поэтическая концепция мира и человека. Основой есенинского мироздания является изба со всеми ее атрибутами. Не случайно в книге «Ключи Марии» (1918) поэт писал: «Изба простолодина — это символ понятий и отношений к миру, выработанных еще

до него его отцами и предками, которые неосозаемый и далекий мир подчинили себе уподоблениями вещам их коротких очажгов» (5, 174). Избы, окруженные дворами, огороженные *плетнями* и «связанные» друг с другом дорогой, образуют деревню. А деревня, ограниченная *околицей*, это и есть есенинская *Русь*, которая отрезана от большого мира *лесами* и *болотами*, «затерялась ... в Мордве и Чуди». И дальше: «Не видать конца и края / Только синь сосет глаза» («Гой ты, Русь, моя родная...»). Герой лирики Е. молится «дымящейся земле», «на алы зори», «на копны и стога», он поклоняется родине: «Моя лирика, — говорил позже Е., — жива одной большой любовью, любовью к родине. Чувство родины — основное в моем творчестве» («Воспоминания...» — С. 297).

В дореволюционном поэтическом мире Е. Русь многолика: «задумчивая и нежная», смиренная и буйственная, нищая и веселая, справляющая «праздники победы». В стихотворении «Не в моего ты бога верила...» (1916) поэт зовет Русь — «царевну сонную», находящуюся «на туманном берегу», к «веселой вере», которой теперь отвержен он сам. В стихотворении «Тучи с ожереба...» (1916) поэт словно бы предсказывает революцию — «преображение» России через «муки и крест» (образы «Нового Назарета», «Нового Рождества», «нового лика», зари и подобные им), и гражданскую войну.

Скупно пишет юный поэт о взаимоотношениях людей в процессе труда. И на земле и на небе Е. противопоставляет лишь добрых и злых, «чистых» и «нечистых». Наряду с богом и его слугами, небесными и земными, у Е. в 1914—1918 гг. действует всевозможная «нечисть»: лесная, водяная и домашняя. Даже бог не может одолеть «нечистую силу», победить мировое зло. Тем более это не под силу людям на земле. Злая судьба, как думал Е., коснулась и его родины, наложила свою печать и на ее образ: «Не в моего ты бога верила, / Россия, родина моя! / Ты, как колдунья, дали мерила, / И был, как пасынок твой, я» («Не в моего ты бога верила...»).

Но и в эти предреволюционные годы поэт вместе с народом верил в то, что заколдованный круг будет разорван. Верил потому, что считал всех «тесной родней»: значит, должно наступить такое время, когда все люди станут «братьями».

Стремление поэта ко всеобщей гармонии, к единству всего сущего на земле — важнейший принцип художественного мышления Е. Отсюда один из основных законов его мира — всеобщий метаморфизм. Люди, животные, растения, стихии и предметы — все они, по Е., дети единой матери-природы. Его дореволюционное творчество отмечено поисками своей концепции мира и человека, которую окончательно сформулировать и помогла поэту революция. В его поэзии мы видим как очеловеченную природу, так и «оприродованного» человека, которому присущи «раститель-

ные», «животные» и «космические» черты.

В начале 20 гг. поэт начинает понимать, что революция создаст новое единство мира, социальное равенство людей на новой основе, ускоряет процесс создания новой природы, «вторичной», «очеловеченной» трудом, с которой новый, гармоничный человек будет тесно слит.

Революция 1917 г. (Февральская, а особенно Октябрьская) до конца раскрыла талант Е., коренным образом изменив его художественный мир: «Не будь революции,— писал поэт,— я, может быть, так бы и засох на никому не нужной религиозной символической...» (5, 276).

Соч.: «Радунца» — М., 1916; Собр. стихотворений: В 4 т.— М.; Л., 1926—1927; Собр. соч.: В 6 т. — М., 1977—1980. Лит.: Наумов Е. И. Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха.— Л., 1973; Юшин П. Ф., Сергей Есенин: Идеологическая эволюция.— М., 1969; Белоусов В. Г. Сергей Есенин. Литературная хроника: В 2 ч.— М., 1969—1970; Марченко А. Алда. Поэтический мир Есенина.— М., 1972; Прокушев Ю. Л. Есенин. Образ, стихи, эпоха.— М., 1979; Воспоминания о Сергее Есенине. 2 изд.— М., 1975; Базанов В. Г. С. Есенин и крестьянская Россия.— Л., 1982.

А. Н. Захаров

Ж

ЖАДОВСКАЯ, Юлия Валериановна [29. VI. (11. VII). 1824, с. Субботино Любимовского у. Ярославской губ.—28. VII (9. VIII). 1883, усадьба Толстикovo Буйского у. Костромской губ.] — поэт, прозаик. Из дворянской семьи. Родилась калекой (без левой руки). Рано оставшись без матери (около 1825—1826 гг.), была передана отцом на воспитание бабушке А. П. Готовцевой, а затем тетке — писательнице А. И. Готовцевой, жившей в Костроме. В 1838 г. поступила в Костромской пансион Прево-де-Люмьен. В 1840 г. поселилась у отца в Ярославле. В нач. 40 гг. пережила любовную драму, надолго определившую ее житейскую и литературную судьбу: отец не дал согласия на ее брак с П. М. Перевлесским, кандидатом Московского университета, ее домашним учителем словесности. «Тесные рамки житейских интересов», «отсутствие новых свежих впечатлений» (Мизинов П. К биографии Юлии Жадовской // Ярославские губернские ведомости.—1889.—22 сент.), сознание своей неполноценности, постоянные недомогания определили мироощущение Ж. Близко знавший ее И. С. Аксаков писал: «Каким мечтам ни предавайся она, но знает, что руки не вырастут, тело не разовьется. Это горькое чувство, это исключительное положение сделали ее писательницей» (И. С. Аксаков в его письмах.—М., 1888.— Ч. 1.— Т. 2.— С. 260). Впервые Ж. выступила в печати в 1841 г., поместив в журнале «Москвитянин» «Письмо из Ярославля о посещениях государя императора (№ 7). Ее поэтический дебют состоялся в 1843 г. (стихот-

ворения «Много капель светлых...», «Лучший перл таится...» — «Москвитянин».— № 12). В 40—50 гг. по литературным делам Ж. иногда приезжает в Москву и Петербург, где знакомится с М. П. Вронченко, Э. И. Губером, П. А. Вяземским и др. В это время она сотрудничает в периодических изданиях с различными идейно-эстетическими платформами, преимущественно в «Москвитянин», с которым была связана через М. П. Погодина и Ю. Н. Бартенева, а также в журналах «Библиотека для чтения», «Сын отечества», «Иллюстрация», газете «Московский городской листок» и др. Принимала участие во многих литературных сборниках. Большинство стихотворений Ж., опубликованных в периодике, вошли в ее сборник «Стихотворения» (СПб., 1846), частично и со значительными дополнениями перепечатаны в сборнике «Стихотворения» (СПб., 1858). В конце 50 гг. опубликовала романы «В стороне от большого света» (Русский вестник.—1857.— № 5—8; отд. изд.—М., 1857; М., 1887), «Женская история» (Время.—1861.— № 2—4; отд. изд.—М., 1861) и повесть «Отсталая» (Время.—1861.— № 12). В 1861 г. литературная деятельность Ж. прекратилась, но ее стихотворения и переводы неоднократно переиздавались. В 1862 г. Ж. тайно обвенчалась с другом семьи, ярославским врачом К. Семеновым, с которым разделяла «мысли и мнения о многом в жизни» (Полн. собр. соч.— Т. IV.— С. 216). Счастливое замужество освободило ее от материальной и нравственной опеки отца. С 1873 г. поселилась в Толстикове (Костромская губ.). Однообразную жизнь Ж. омрачали болезни, а в последние годы — разрыв с семьей брата П. В. Жадовского. Умерла Ж. от грудной жабы.

Поэзия Ж. исповедальна, в лирическом дневнике героини отражен конкретный духовный опыт — боль безнадёжной любви, мужественное принятие судьбы, одиночество, самоотречение. Вместе с тем часто реальные переживания Ж. выражает, обращаясь к поэтическим штампам (см., напр., стихотворения «Любови не может быть между нами...», «Миг обновления...» и др.). Эта особенность поэтического языка Ж. позволила современникам по-разному воспринимать ее творчество. Преимущественно ее поэзия понималась как условно-романтическая. В. Г. Белинский, признавая в стихах Ж. «что-то вроде поэтического таланта», утверждал, однако, что талант ее «не имеет никакого отношения к жизни и беден поэзией» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— Т. X.— С. 34). Близкую мысль высказал В. Н. Майков, считавший, что «романтизм и мистицизм (несистематический)» — основные препятствия в развитии поэтического таланта Ж. (Майков В. Н.—С. 271). С другой стороны, популярность приобрели стихотворения Ж. с нехарактерной для нее романской интонацией. Замеченные М. И. Глинкой и А. С. Даргомыжским стихотворения Ж. «Ты скоро меня позабудешь...» (1844) и «Я все еще

его, безумная, люблю!..» (1846) стали известнейшими русскими романсами. В действительности Ж. чужды рассудочность, тенденциозность, литературная поза. Свообразие, самобытность ее поэзии тонко почувствовал Н. А. Добролюбов, посвятивший сборнику стихотворений Ж., изданному в 1858 г., обширную сочувственную рецензию: «Задумчивость, полная искренность чувства и спокойная простота его выражения — вот главные достоинства стихотворений г-жи Жадовской <...>. Она сумела найти поэзию в своей душе, в своем чувстве и передать свои впечатления, мысли и ощущения совершенно просто и спокойно, как вещи очень обыкновенные, но дорогие ей лично» (Добролюбов Н. А. Собр. соч. — Т. III. — С. 134—135). Ж. пишет историю своей души, ее занимает только сфера чувств, и она подробно фиксирует смену настроений. Часто варьируемый, повторяющийся в ее стихотворениях лирический сюжет — возрождение измученной и измененной страданием души: «И сколько в этот год / Живых надежд уявлю у тебя: / А, вот, опять с улыбкой благодарной / Я нахожу в природе счастья чары, / Высокий смысл в печальной этой жизни, / Покой в душе и Бога в небесах» («Раздумье»). Этот же мотив развивается в стихотворениях «Теперь не то», «Воспоминание» и др. Бедность впечатлений: «однообразно тащится день за днем, почти людей не вижу я» (стихотворение «Письмо», посвященное М. П. Вронченко) — определила одну из существенных особенностей лирики Ж.: поэтическое событие для нее становится рядовое происшествие или наблюдение. Созерцание природы (преимущественно из окна) — один из главных источников ее вдохновения: «Вечер», «Приближающаяся туча», «Я люблю смотреть в ясну ноченьку...» и др. Подлинные поэтические удачи Ж. связаны с обращением к белому стиху, который привлекает поэта как форма живой монологической речи: «В сумерки», «Все ты уносишь, нещадное время...»; свободным введением в лирику прозаических интонаций, житейских и бытовых подробностей: «Как мне вечером скучно одной, / Да при том же не в шутку больной. / Я б охотно послушала сказки, / Дождалась бы и глухой развязки...» («Скучный вечер»); прямым выражением чувства: «Я сегодня работать хотела, / Но лишь только иголку взяла, / Как в глазах у меня потемнело / И склонилась на грудь голова...» («Сила звуков»). Однако стремление к раскованному выражению переживаний приводит Ж. и к небрежности в отделке стиха; по словам Добролюбова, «рифма часто изменяет ей, иногда выходят стихи неловкие, незвучные» (Там же. — С. 134).

На рубеже 40—50 гг. Ж. обращается к эпическим жанрам — стихотворным и прозаическим повестям, преимущественно в форме дневников и писем: В них писательница варьирует сюжет непонятой, отвергнутой, несостоявшейся любви, разрешающийся трагически («Переписка», «Отрывки

из дневника молодой женщины», «Непринятая жертва», «Простой случай», «Неугомонная душа» и др.). Однообразные мелодраматические ситуации, избыточная эмоциональность стиля, экзальтированные характеры, в которых акцентированы покорность, ранимость, вызывали справедливые упреки критики: «жизни сердца» <...> сколько угодно, а настоящей жизни и вовсе нет» (Дружинин А. В. Письма иногороднего подписчика // Собр. соч. — Спб., 1865. — Т. VI. — С. 122). В 50 гг. Ж. делает попытку освоить злободневную тематику, однако ее стихотворения очевидно несамостоятельны. При несомненных демократических симпатиях Ж. «некрасовские» и «кольниковские» мотивы в ее творчестве объясняются влиянием общественно-литературных тенденций эпохи («Н. А. Н. <екрасов>у», «Н. Ф. Щербине», «Посев» и др.). Популярной песней стало стихотворение «Жива» (1857), положенное на музыку А. Т. Гречаниновым.

В поздней реалистической и во многом автобиографичной прозе Ж. отразился «последний кризис», который пережила писательница в конце 50—нач. 60 гг. «...Я выздоровела и чувствую себя сильной и свободной...» — писала она И. Н. Шиллю 17 июля 1861 г. (Полн. собр. соч. — Т. IV. — С. 55). Сюжет романтической, несостоявшейся любви повторен в поздней прозе Ж. как вариант судьбы, отвергнутой героиней. Она ведет неравную борьбу не только со средой, тяготившей ее недоброжелательством, фальшью отношений и мелочностью интересов, но и с собственными заблуждениями — ложно понятым чувством долга, влюбленностью в обаятельного, но недостойного человека. В этой борьбе формируется характер, независимый от мнений и предрассудков света, противостоящий «самой жалкой обыденности» провинциальной жизни. Героиня Ж. приходит к мысли, что «человек призван в мир бороться с горем, а не падать в бессилии» («Женская история»). «Роковые» обстоятельства оказываются преодолимыми. Неограниченность жизненной перспективы подтверждается счастливой развязкой и открытым финалом.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 4 т. — Спб., 1894; Избр. стихотворения / Вступ. ст. П. Лосева.— Ярославль, 1958; Поэты 1840—1850-х гг.—Л., 1972; Русские поэтессы 19 в.—М., 1979; «Переписка» // Дача на Петергофской дороге: Проза русских писательниц 1-ой половины XIX в.—М., 1986.

Лит.: Склябчевский А. М. Песни о женской неволе // Соч.—Спб., 1895.—Т. 2; Иванов И. Поэзия и личность Ю. В. Жадовской // Почин.—М., 1896; Писарев Д. И. Стихотворения Юлии Жадовской // Собр. соч.—Спб., 1909; Добролюбов Н. А. Стихотворения Юлии Жадовской // Собр. соч.—М.; Л., 1962.—Т. 3; Благоев В. А. Поэзия и личность Ю. В. Жадовской.— Саратов, 1981; Майков В. Н. Стихотворения Юлии Жадовской // Майков В. Н. Литературная критика.—Л., 1985.

Е. В. Войналович, М. А. Кармазинская

ЖЕМЧУЖНИКОВ, Алексей Михайлович [11 (23).II. 1821, местечко Почеп Мглинского у. Черниговской губ.—25.III (7.IV).1908, Тамбов; похоронен

в Москве] — поэт, драматург, публицист. Из старинного дворянского рода. Сын сенатора. Племянник А. Перовского (известного под литературным псевдонимом А. *Погорельский*). До 14 лет воспитывался дома. В 1835 г., недолго проучившись в 1-й Петербургской гимназии, перевелся в училище правоведения, опеку которого принц П. Г. Ольденбургский, по словам Ж., «своим личным характером и обращением» с воспитанниками «способствовал к развитию» у них «чувства собственного достоинства, человечности и уважения к справедливости, законности, знаниям и просвещению» (Автобиографический очерк // Избр. произв.— М., 1963.— С. 63). Обретенный в училище «запас возвышенных идеалов и честных стремлений» (Там же), как считал Ж., стал основой его мировоззрения и жизненной позиции. Окончив училище, в 1841 г. Ж. начал службу в Сенате, но через год освободился от канцелярских работ благодаря участию в ревизиях совместно с Д. Н. Бегичевым и своим «лучшим другом» В. А. Арцимовичем, позднее — с отцом. В 1846 г., получив отпуск, выезжал за границу. В 1847 г. Ж. переходит на службу в министерство юстиции, в 1849 г.— в Государственную канцелярию. Он неуклонно поднимается по служебной лестнице и в то же время, по его признанию, тяготится «бессознательной, механической работой» и «исполнением многочисленных внешних обрядностей» (Переходное время // Русский вестник.— 1861.— № 2.— С. 763), из которых складывалась государственная служба. В известной мере рассеянный, светский образ жизни, который в это время ведет Ж., компенсирует утомительное однообразие чиновничьих обязанностей. Но прежде всего казенному существованию Ж. противопоставляет литературное творчество и участие в общественной жизни. В середине 40 гг. он посещает «пятницы» М. В. Петрашевского, где бывали Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. Н. и В. Н. Майковы, А. Н. Плещеев и др. На рубеже 40—50 гг. вместе с бр. В. М. и Александром М. Жемчужниковыми и двоюродным братом А. К. Толстым, своими единомышленниками, создает знаменитый тип Козьмы Пруткова. В 1850 г. состоялся литературный дебют Ж.: в журнале «Современник» он опубликовал комедию «Странная ночь» (№ 2). В нач. 50 гг. Ж. особенно охотно сотрудничает в «Современнике», в частности печатает там комедию «Сумасшедший» (1852.— № 11), участвует в «Свистке», но помещает лирические стихи и сочинения Козьмы Пруткова также в «Отечественных записках», «Библиотеке для чтения», «Искре» и др. журналах.

С 1 января 1858 г. на пороге блестящей карьеры Ж. демонстративно оставляет службу — событие, переломное в его биографии. Теперь каждый его жизненный шаг определяется только внутренней целесообразностью. Он обретает «полную свободу частной жизни» (Автобиографический очерк.— С. 63). Конец 50 — нач. 60 гг.

остался в памяти Ж. «светлым праздником». Он с воодушевлением наблюдает введение реформ 60 гг. и их будоражащее влияние на общество, дружески сближается со многими писателями, среди которых — С. Т. Аксаков, И. С. Тургенев, В. Ф. Одоевский, Ф. И. Тютчев и др. В 1858 г. Ж. женится на Е. А. Дьяковой.

Однако в это время Ж. переживает творческий кризис и оставляет поэзию из опасения, как он объяснял впоследствии, стать «подголоском» Н. А. Некрасова. Покинув Петербург, живет в Калуге, Москве, а с середины 60 гг. — за границей, преимущественно в Германии, Швейцарии, Италии и на юге Франции. В конце 60 гг. Ж. возвращается к литературной работе: возобновляет сотрудничество в «Отечественных записках», обдумывает выпуск сборника стихов. Счастливую жизнь Ж., наполненную творческой деятельностью и духовно насыщенную, нарушает в нач. 70 гг. болезнь жены, и он практически прекращает все литературные занятия. После ее смерти (1875), пережив тяжелый душевный кризис, Ж. вновь начинает печататься — в журналах «Северный вестник», «Русская мысль» и др., отдавая предпочтение «Вестнику Европы», с редакцией которого был дружески связан. В 1892 г. наконец выходит первый сборник Ж. «Стихотворения» (СПб.— Т. 1—2), вызвавший поток восторженных откликов. В 1900 г. поэт выпускает сборник «Песни старости» (СПб.). Ж. становится одним из самых почитаемых литераторов эпохи (см. отзывы о нем И. Бунина, А. Волынского, А. В. Амфитеатрова, Я. Г. Полонского и др.). В 1899 г. ему присвоено звание почетного члена Общества любителей российской словесности, а в 1900 г.— почетного академика Петербургской Академии наук. Возвратившись в Россию в 1884 г., Ж. почти безвыездно живет в своей дер. Павловка Елецкого у. Орловской губ. и иногда у родственников в Рязанской и Тамбовской губ., а с 1890 г.— преимущественно в Тамбове и в дер. Ильиновка — имени старшей дочери О. А. Баратынской.

Драматургические произведения Ж., с которых он начал свою литературную деятельность, критика встретила недоуменными отзывами. Остроумные стихотворные психологические этюды «Странная ночь» и «Сумасшедший», в которых автор иронизирует над героями и ситуациями, возможно, были рассчитаны на эпатаж шаблонно мыслящего читателя. Критика осудила их с традиционной точки зрения. Автора «Странной ночи» рецензенты упрекали в подражании А. Мюссе (<А. А. Григорьев> // Москвитянин.— 1850.— № 13.— Отд. IV.— С. 27), «натяжках действия и прозаичности стиха» (Отечественные записки.— 1850.— № 12.— Отд. VI.— С. 135). Комедия «Фантазия», написанная Ж. в соавторстве с А. К. Толстым, 8 января 1851 г. с треском провалилась на сцене и была запрещена после первого представления, которое демонстративно покинул Николай I, возмущенный «абсурдностью» происхо-

дящего на сцене. Б. Н. Алмазов заявил, что комедия «Сумасшедший» лишена «всякого смысла», а изображение высшего света в ней неправдиво и социально неконкретно (Москвитянин.— 1852.— № 22.— Ноябрь.— Кн. 2.— Отд. V.— С. 38—39). Упреки критики бр. Жемчужниковы высмеяли в комедии «Блонды», вошедшей, как и «Фантазия», в прутковский фонд.

Гражданственная направленность, идеологичность и публицистичность определили своеобразие лирики Ж. Его ранняя гражданская лирика часто аллегорична, причем функции аллегории иногда выполняют зарисовки с натуры («Нишшая», 1857; «Верста на старой дороге», 1854; «Дорожная встреча», 1856).

В ряде стихотворений прочитывается сюжет духовной биографии Ж., звучат мотивы гражданского самоосуждения («Раскаяние», 1859; «Тяжелое признание», 1859). В этих стихотворениях Ж. оценивает свою причастность к бюрократии и свету как нравственное падение, выражившееся, в частности, в утрате внутренней свободы и унижении человеческого достоинства. Духовное обновление, возвращение к внутренней независимости и самостоятельности Ж. связывает с освобождением от тягостного ярма чиновной жизни («Септуор Бетховена», 1856; «Когда очнусь душою праздною...», 1857; «Возрождение», 1859). Гражданскими эмоциями насыщена и пейзажная лирика Ж., в которой деревенской свободе противопоставлена суетная жизнь света и бюрократии.

Возобновив литературную работу после творческих пауз 60 и 70 гг., Ж. стал «знаменосцем поневоле» гражданского направления в поэзии (стихотворение «Завещание», 1897). Гражданская позиция Ж. и ее поэтическое воплощение отличались самостоятельностью и оригинальностью. В отличие от творчества Некрасова в поэзии Ж. нет пренебрежительного интереса к доле народной. Как отмечал Н. Аммон, поэт «лишь изредка и как бы мимоходом является живописцем народной жизни» (Русская мысль.— 1901.— № 9.— С. 191). Социальный идеал Ж.— просвещенное демократическое общество, он отстаивает свободу личности, независимость мысли и вместе с тем требует гражданской активности. По точному определению М. А. Протопопова, идеал Ж. «чисто нравственный, но покоится он не на почве личной морали, а на почве общественности» (Там же.— 1892.— № 7.— С. 99). Анализируя психологию и умонастроения общества в эпоху пореформенной реакционной смуты, Ж. приходит к мысли, что причины возрождения реакции — в нестойкости, дряблости позиции современного гражданина: «Хотели ль мы порядок стройный / От смутных оградить тревог, / Взнуздать мы думали ль порок / И дерзость мысли беспокойной,— / Но в страшный мы вступили бой, / Все средства в помощь призывая, / И по земле своей родной / Прошли как язва моровая» (стихотворение «Современному гражданину», 1870). Поэт

наблюдает, как выхолащиваются демократические идеи, лозунги, как умиление косностью, неподвижностью общественного быта выдается за патриотизм («Думы оптимиста», 1871; «О, скоро ль минет это время...», 1870).

К сатирическим стихотворениям, проникнутым пафосом гражданского негодования, примыкают статьи, в которых проявился темперамент Ж.-публициста. В циклах антиимитаристских заметок «Письма из немецкого захолустья» (Санкт-Петербургские ведомости.— 1870.— 22, 26, 29 авг.) и «Письма из немецкого города» (Там же.— 1871.— 12 янв., 14 февр., 10 и 20 марта) Ж. осудил «национальную хвастливость и шовинизм», бездумное «поклонение мнению большинства». Ж. скептически отнесся и к подъему в русском обществе в связи с поддержкой балканских славян (статья «Русское общественное движение (Письмо к редактору)» // Голос.— 1876.— 20 окт.; ср. стихотворение «В Европе», 1871: «Боюсь я, что мы, опорожнив свой лоб / От всех невоенных вопросов, / Через год не пойдем, что за зверь — филантроп, / И спросим: что значит философ?»). Для Ж. очевидно, что мракобесие и милитаризм непосредственно связаны, что противоядие реакции — в культуре, в независимости мнений, в преодолении внутренней цензуры, сковывающей русское общество. Об этом он пишет, в частности, в стихотворении «Литераторы-гасильники» (1870): «Но есть великая преграда / Свободе слова — в нас самих!»

В последние десятилетия жизни в творчестве Ж. нарастают философские мотивы. Мироощущение человека с никогда не угасающим интересом к жизни выражено во многих его интимных и пейзажных стихотворениях. Ж. поэтизирует обычное частное существование. Он фиксирует известные, привычные, но всегда изумляющие приметы времен года, естественного неспешного движения времени. Всмотриваясь и вслушиваясь в окружающий мир, поэт пишет своеобразный поэтический дневник природы, в который заносит фенологические наблюдения, отмечает слитые с пейзажем черты быта, стенографирует движение чувств и мыслей, подсказанных погодой (циклы «Сельские впечатления и картинки», серия первая, 1886—1889, серия вторая — 1888—1892; «Лесок при усадьбе», 1897). Ж. создает самобытную поэзию старости, один из значительных мотивов которой — мужественное и мудрое принятие смерти и предшествующего ей старческого одиночества. Но постепенное выпадение из жизни новых поколений, закономерное в старости, ослабление человеческих связей у поэта соседствует со все более тесным общением с природой, в которую суждено вернуться человеку («Старая ракушка», 1898, и др.). Здоровое нравственное начало делает лирику Ж. оптимистичной. По словам В. Я. Брюсова, оставшего о Ж. один из самых пронзительных отзывов, «в своих старческих стихотворениях» поэт «сумел взять совершенно

самостоятельный тон, смог показать всю самобытность своей души и поэзии» (Брюсов В. Я. Собр. соч.— М., 1975.— Т. 6.— С. 322).

Соч.: Избранное.— Тамбов, 1959; Избр. произв.— М.; Л., 1963; Стихотворения.— М., 1988.

Лит.: Мостовская Н. И. С. Турневец и А. М. Жемчужников (по материалам неопубликованной переписки 1866—1869 гг. // Второй межвузовский турневецкий сборник.— Орел, 1968; Л. Н. Толстой и А. М. Жемчужников // Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями.— М., 1978.— Т. 2; Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т.— М., 1987.

Е. В. Войналович, М. А. Карминская

ЖУКОВА, Мария Семеновна [1804, Нижегородская губ.— 14(26).IV.1855, Саратов] — прозаик. Вошла в историю литературы как талантливый беллетрист, автор романтических повестей, путевых очерков. Ж. родилась в семье провинциального чиновника. Отец Ж. С. С. Зевакин служил уездным стряпчим в Арзамасе. В этом городке и деревне, принадлежавшей отцу, прошло детство писательницы. Ее судьба и творчество были теснейшими узами связаны с жизнью русской провинции, в облике которой Ж. умела видеть не только приметы затхлости и пошлости существования, но и трогательное обаяние. Семья Зевакиных была большая, обладала ограниченными средствами, поэтому отец не мог дать детям хорошее образование. В детстве Ж. обучал дьякон, она сама пополняла свои знания чтением, но блестящее образование, вероятно, получила так же, как и ее героини-провинциалки, воспитанные в богатых дворянских семьях. Известно, что княгиня С. А. Голицына (урожденная Корсакова), одна из образованнейших женщин своего времени, писательница, художница, покровительствовала Ж. В доме Корсаковых, нижегородских помещиков, скорее всего и воспитывалась Ж.: вместе с будущей княгиней Голицыной обучалась иностранному языку, живописи, музыке, литературе. В петербургском доме княгини, где собиралось избранное общество, часто бывала и даже жила Ж., приезжая в столицу. Голицыной был посвящен и первый литературный труд писательницы — сборник повестей «Вечера на Карповке» (1837—1838), получивший высокую оценку В. Г. Белинского, отметившего способность автора писать «живым языком сердца» (Полн. собр. соч.— Т. 11.— С. 574). В основе сюжетов лежит, как правило, история бедной воспитанницы в аристократическом доме или перипетии судьбы и разрушенное личное счастье молодой и прекрасной, но небогатой девушки, оказавшейся в свете. Здесь остро ощущим личный жизненный опыт писательницы, рано осознавшей свое фактическое положение рядом с богатой «благодетельницей». Проблема социального неравенства так или иначе отразилась во всех повестях Ж.

Ж. рано вышла замуж, лет 17—18 (не позже 1822 г.), но брак не был счастливым. Тягостные раздумья и мучительные душевные переживания, вызванные неудачным замужеством, сказались

в творчестве. Героини ее повестей «Провинциалка» (1837), «Медальон» (1837), «Самопожертвование» (1840), «Черный демон» (1840) глубоко несчастливы; в результате рокового стечения обстоятельств они часто вынуждены идти на разного рода нравственные компромиссы, отказываться от любви, сохраняя верность долгу. Однако, с точки зрения автора, дружеские чувства, благодарность, «самопожертвование» не могут заменить счастья. Сюжетные коллизии, выстроенные в значительной степени под влиянием традиций романтизма, вместе с тем отражали остросовременные проблемы, в частности положение женщины в сфере общественных, семейных и личных отношений.

До 1830 г. Ж. жила в провинции. Неизвестно точно, где провела она время с 1830 по 1837 г., но, вероятно всего, в Петербурге (сюда в 1830 г. был переведен ее отец). Ровесница жен декабристов, она отстаивала в своих произведениях право женщины на независимость суждений и самостоятельность духовной жизни. В повести «Мои курские знакомцы» (1840) она восклицает: «Дайте женщинам одинаковые нравственные права с вами, господа мужичьи!» (Повести.— Ч. II.— С. 221). Авторская позиция не просто декларируется — идеи женской эмансипации определяют судьбы героинь Ж., в своем стремлении к самоутверждению сумевших преодолеть семейственную замкнутость: Наденька («Мои курские знакомцы») оставляет свою жизнь служению ближнему, а Лиза («Самопожертвование») открывает школу.

У самой Ж. семья рано разрушилась. Она горячо любила своего единственного сына, но расстроенное здоровье принудило ее расстаться с ним: в 1838 г. Ж. уезжает за границу. «Очерки южной Франции и Ниццы», вышедшие в 1844 г., свидетельствуют о том, что она прожила за границей около трех лет, периодически возвращаясь в Петербург к сыну. В «Очерках...» отразились живые впечатления наблюдательной путешественницы, «...в них не говорится, не рассуждается ни о каких предметах общественных...», но увлекательно, «просто, без претензий» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— Т. VIII.— С. 422) описывается все, что встречается на пути. По свидетельству Белинского, это лучшее, что было написано в жанре путевых заметок после Н. М. Карамзина.

С 1843 г. Ж., по-видимому, безвыездно жила в России, попеременно то в Петербурге, то в Саратове, сотрудничала в журналах «Отечественные записки», «Современник», «Сын отечества», «Библиотека для чтения» и в «Литературной газете». Более поздние произведения писательницы носят характер примирения с жизнью, в них все реже встречается едкая горечь рассуждений, свойственная ранним повестям. Подобно Серафиме из повести «Черный демон», она могла бы сказать о себе, что и ее «черный демон» «умолк». Убе-

жище от всех жизненных треволений ей видится в природе и религии. Ее героини находят отдохновение у «подножия алтаря». После 1844 г. Ж. публикует еще несколько повестей: «Эпизод из жизни деревенской дамы» (1847), «Наденька» (1853) и др., но они остались почти не замечены критикой. Здоровье писательницы, подорванное жизненными невзгодами, ухудшалось из-за прогрессирующего туберкулеза легких. Весной 1855 г. она скончалась. Оценивая характер таланта Ж., Белинский отмечал склонность автора к идеализации жизни, а нередко и к резонерству. О повести «Мои курские знакомцы» он говорил: «Это не сама действительность, а только мечты и фантазии о действительности...» (Т. IV.— С. 111). Но одновременно критик подчеркивал: «...полнота горячего чувства, верность многих положений, истина в изображении многих черт и оттенков женских характеров, искусный, увлекательный рассказ и, прибавим к этому, прекрасный слог...— вот достоинство повестей г-жи Жуковой» (Т. IV.— С. 116).

Небольшое по объему творчество Ж. оставило заметный след в литературе 40—50 гг. Ее последние повести привлекли внимание И. С. Тургенева и Л. Н. Толстого, и хотя в дальнейшем имя Ж. было почти забыто, ее творческие достижения во многом предвосхитили искания последующих русских писателей, также пытавшихся решить проблемы женской эмансипации.

Соч.: Вечера на Карповке / Сост. и послесл. Р. Иезуитовой.— М., 1986; Повести.— Спб., 1840; Очерки южной Франции и Ниццы. Из дорожных записок 1840 и 1842 годов М. Ж.-к-вой.— Спб., 1844.

Лит.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.— М., 1953.— Т. II.— С. 566—575; 1954.— Т. IV.— С. 110—118; 1955.— Т. VII.— С. 656—657; 1955.— Т. VIII.— С. 422—456; Коноплева М. С. Мария Семеновна Жукова // Голос минувшего.— 1913.— № 7.— С. 19—38; Полевой Н. Очерк русской литературы за 1838 год // Сыны отечества.— 1838.— Т. II.— Март.— Отд. IV.— С. 157—163; Синьор С. Б. (Бурачек С. А.). Кабинет избранных произведений. Оригинальные // Маяк.— 1840.— Ч. II.— Гл. IV.— С. 33—40. *Е. В. Милокова*

ЖУКОВСКИЙ, Василий Андреевич [29.I(9.II). 1783, с. Мишенский Белевского у. Тульской губ.— 12(24).IV.1852, Баден-Баден, Германия; похоронен в Петербурге в Александро-Невской лавре] — поэт, переводчик. Отец — Афанасий Иванович Бунин, помещик Тульской губ., владелец с. Мишенского, мать — Сальха, турчанка по происхождению, взятая в плен русскими при штурме Бендер в августе 1770 г. Согласно семейным преданиям, была привезена в Мишенское и подарена Бунину одним из его крепостных, участником русско-турецкой войны. По другим данным, Сальха была взята в плен майором К. Муфелем, отдавшим ее «на воспитание» А. И. Бунину. Получив при крещении имя Елизаветы Дементьевны Турчиновой, она почти безвыездно жила в Мишенском сначала в качестве няньки при младших детях Буниных, а затем — домоправительницы

(экономки). Родившийся у нее в 1783 г. сын был по желанию А. И. Бунина усыновлен Андреем Григорьевичем Жуковским (жившим «на хлебах» у Буниных). Это позволило Ж. избежать участи незаконнорожденного, но для получения дворянства потребовалось зачисление малолетнего Ж. на фиктивную военную службу (в Астраханский гусарский полк). Согласно данным «формулярного списка» поэта, в 1789 г. он был произведен в прапорщики, что давало право на дворянство. В этом же году А. И. Бунин обратился в Тульское депутатское дворянское собрание с просьбой о «внесении рода Василия Андреевича Жуковского в соответствующий раздел дворянской родословной книги Тульской губ. Ходатайство А. И. Бунина было удовлетворено, дальнейшая «воинская» служба потеряла смысл, и в ноябре 1789 г. Ж. был уволен «по прошению своему от службы».

Первоначальное образование Ж. получил в кругу семьи Буниных, где рос на правах воспитанника. В сохранившейся программе Автобиографических записок (1806) Ж. упоминает о своем «первом учителе», немце-гувернере Якиме Ивановиче, который за невежество и жестокое обращение с юным воспитанником был изгнан из дома Буниных. При переезде семейства на зимнее время в Тулу Ж. обучался в частном пансионе Х. Ф. Роде (1790), после закрытия которого мальчика определили в Главное народное училище (1792). Исключенный из училища директором Ф. Г. Покровским «за неспособность», Ж. продолжал обучение в тульском доме В. А. Юшковой (сводной сестры и крестной матери будущего поэта) вместе с ее дочерьми и племянницами. В доме Юшковых, в атмосфере широких культурных интересов этой семьи, занимавшей видное место в образованном тульском обществе, Ж. впервые приобщился к литературному творчеству. Для постановки на домашней сцене им в 1794—1795 гг. были сочинены трагедия «Камилл, или Освобождение Рима» и написанная по мотивам романа Сен-Пьера пьеса «Павел и Виргиния». Произведения эти, ученические подражания пьесам в античном и сентиментально-мелодраматическом роде, наводнявшим тогда репертуар столичных и провинциальных театров, не сохранились и известны лишь в пересказе А. П. Зонтаг (родственницы и подруги детских лет поэта).

После смерти А. И. Бунина в марте 1791 г. заботы о подрастающем Ж. взяла на себя М. Г. Бунина, разделившая их с родной матерью поэта. Однако постепенное осознание материальной зависимости от Буниных и неустойчивости своего положения в их семье стало для Ж. источником глубоких внутренних переживаний, отразившихся в его лирике («К А. И. Тургеневу», 1808, и др.), в ранних дневниковых записях (26 авг. 1805 г.). Осенью 1795 г. близкие Ж. предприняли новую попытку устроить его на военную службу, поручив майору Д. Г. Постникову определение мальчика в Нарвский пехотный полк. С этим (неосуществ-

вившимся) проектом связана первая поездка Ж. в Петербург и Кексгольм, о которой он упоминает в программе своих автобиографических записок. Подробности поездки содержат детские письма Ж. к Елизавете Дементьевне (дек. 1795 — февр. 1796 г.), а также записка Д. Г. Постникова к Елизавете Дементьевне (20 дек. 1795 г.). Вопрос о дальнейшей судьбе юного Ж. был решен окончательно в 1797 г., когда он был определен в Благородный пансион при Московском университете. Пребывание в пансионе (1797—1800) — важнейший период творческого формирования будущего поэта, который находит здесь близкую ему по духу дружескую среду («тургеневский кружок» — ядро будущего Дружеского литературного общества), опытных, уважаемых наставников (А. А. Прокоповича-Антонского, И. П. Тургенева, М. Бакаревича и др.), под руководством которых Ж. успешно осваивает учебную программу (наряду с обучением основам первоначальных знаний включающую курс «высших наук» — русскую и всемирную историю, древности, право естественное, в преподавании которых сказывалось воздействие идей русского и европейского просветительства), усердно изучает языки, проходит основательную литературную подготовку (в качестве особых предметов в пансионе преподавались «словесность» и «сочинения»), поощрялись попытки самостоятельного творчества, для руководства которыми было организовано «Собрание воспитанников университетского Благородного пансиона». Ж. стал одним из активных участников этого общества и выпускаемого им альманаха «Утренняя заря». Большое внимание уделялось нравственно-эстетическому образованию воспитанников: идеалы нравственного самоусовершенствования и деятельной филантропии, культ личных и гражданских добродетелей находили отклик в душе будущего поэта, стимулировали потребность к литературному творчеству. Первое печатное произведение Ж. — лирическое стихотворение «Майское утро» (1797) — сочетает традиционные образы похвальной оды («с сентиментально-меланхолическими» мотивами в духе поэзии И. Дмитриева, которого Ж. называл впоследствии своим первым учителем в поэзии).

Написанные за годы учебы в пансионе сочинения Ж. носят во многом ученический, несамостоятельный характер, хотя и свидетельствуют о вкусе и даровании юного поэта, подражающего «корифеям» русского классицизма — Ломоносову, Державину и Хераскову. По большей части это торжественные оды «на случай» или речи, предназначенные для ежегодных пансионных актов и выступлений в «Собрании воспитанников...» («Могущество, слава и благоденствие России», 1799, речь «О начале общества, распространении и об обязанностях каждого человека относительно общества», 1799, «Мир», 1800), либо стихи и прозаические отрывки на заданные наставникам темы морально-этического и патриотического ха-

рактера («Благоденствие России, устрояемое великим ее самодержцем Павлом Первым», 1797; «Добродетель» («Под звездным кровом тихой ноши»), 1798; «Добродетель» («От света светов луч родился»), 1798; «К Надежде», 1800, и др.). Ж. воспринимает и новые литературно-эстетические веяния, связанные с сентиментализмом и предромантизмом карамзинистского толка, испытывает воздействие поэзии русского классицизма. Образцы произведений подобного рода были обильно представлены на страницах «Приятного и полезного времени», «Иппокрены» и др. современных русских журналов, служивших воспитанникам настольными книгами. В пансионе были заложены первые основы просветительских воззрений Ж., ставших фундаментом его философско-эстетической концепции в зрелом возрасте.

Одним из лучших учеников Ж. заканчивает пансион с серебряной медалью в декабре 1800 г. В нач. 1801 г. Ж. вместе с А. Тургеневым, А. Ф. Воейковым, А. Ф. Мерзляковым, С. Родзянко и др. организует «Дружеское литературное общество», просуществовавшее меньше года (январь — ноябрь 1801 г.), но сыгравшее заметную роль в утверждении новых (романтических) принципов в русской литературе. Участие Ж. в деятельности «Общества...» было значительным. Известны его речи, произнесенные на заседаниях «Общества...»: «О дружбе», «О страстях», «О счастье» — программные выступления, характеризующие нравственно-этический кодекс его участников, видевших свою цель в служении истине и добродетели посредством «изящной словесности», в ознакомлении русских читателей с достижениями новейшей европейской литературы. Эти установки помогают уяснить, почему в 1801 г. в творчестве Ж. преобладают переводы, главным образом, из Кюцебу, что отражает увлечение им в «Дружеском литературном обществе» («Мальчик у ручья», 1801; «Королева Ильдегерда», 1801; пьеса «Ложный стыд» и др.). К 1801 г. относится и 1-я (впоследствии полностью переработанная) редакция «Сельского кладбища» (из Т. Грея). Личное знакомство с Дмитриевым, а затем и с Карамзиным закрепляет связи начинающего литератора с сентиментализмом и способствует постепенному отходу от жанров классицизма и окончательному утверждению в его поэзии новых эстетических принципов. В этом же году Ж. поступает на службу «городовым секретарем» в московскую Главную соляную контору, которую впоследствии назовет «дурацкою». Равнодушие Ж. к своей чиновничьей «должности», а еще в большей степени — занятость литературой вызвали «неудовольствие» его начальника. Это привело Ж. к конфликту, закончившемуся арестом поэта, надолго отвратившим его от дальнейших попыток определиться на службу. Сразу после освобождения из-под ареста Ж. подает в отставку и уезжает в Мишенское с намерением полностью посвятить себя литературной деятельности.

1802—1807 гг. Ж. проводит в основном в родных краях, лишь изредка наезжая в Москву для устройства своих литературных дел (основным заработком поэта были переводы) и встречи с московскими литераторами и друзьями. На эти годы приходится пора интенсивного самообразования. Стремясь восполнить свои пробелы и недостаток систематических знаний, полученных в пансионе, он много читает, составляет обширный план творческих занятий (см.: «Роспись во всяком роде лучших книг, из которых большей части должно сделать экстракты», 1805), делает большие выписки из теоретических трудов европейских эстетиков (Лагарпа, Батте, Руссо, Мармонтеля, Гарве, Эшенбурга и др.), составляет «Конспект по истории литературы и критики» (1805—1810), «Теорию поэзии» (1805), в которой осмысляет для себя процесс мирового литературного развития, вырабатывает собственное представление о природе наиболее значительных жанров, о важнейших эстетических принципах и категориях. Этот период отмечен напряженностью нравственных исканий, нашедших яркое отражение в дневниковых записках 1804—1806 гг. с их углубленным самоанализом, программой самовоспитания и самоусовершенствования, с поисками устойчивых форм взаимоотношений с окружающими, планами на будущую жизнь и подведением первых итогов самостоятельной жизни, которые сопровождаются исключительной творческой активностью, многообразием жанровых поисков. Ж. пробует свои силы в жанре военно-патриотического гимна («Песня над гробом славян-победителей», 1806), басни (переводы из Флоринана, Лафонтена, Лессинга, Пфеффеля), описательной поэмы (план «Весны») и др. Однако на первый план в его поэтическом творчестве выдвигается элегия. С первой элегией — «Сельским кладбищем», ставшим началом его самостоятельной литературной деятельности (так считал сам поэт), связан первый успех, признание у читателей, широкая литературная известность. Об этом свидетельствует первый печатный отклик на «Сельское кладбище», принадлежавший Карамзину, который в своей статье об И. Богдановиче привел строки из перевода Ж. в качестве примера выразительной и точной поэтической речи. Усвоению широкого круга прогрессивных идей, составляющих литературно-эстетическую основу «Сельского кладбища» (в особенности важнейшей для него идеи внесловной ценности личности), способствовало как углубленное знакомство Ж. с произведениями европейских просветителей и близких им английских сентименталистов, так и его тесное общение с вождями русского сентиментализма (май 1803 Ж. провел в Свирилово под Москвой у Карамзина, а в нач. 1802 г. лично познакомился с И. И. Дмитриевым). Многомерность художественного видения мира, зримая осязаемость поэтических образов, богатство звуковой гармонии стиха, изысканность его мелодического рисунка, богатство рит-

мики — эти особенности поэтического дарования Ж., впервые проявившиеся в «Сельском кладбище», получают дальнейшее развитие в оригинальной элегии «Вечер» (1806), с гораздо большей свободой и полнотой отразившей личность автора, его внутренний мир, особенности мироощущения и особого психического склада. В поэтической топографии «Вечера» легко угадываются окрестности Белева и Мишенского, в элегических сетованиях и раздумьях автора находят отражение реальные события его жизни, пережитые им испытания и утраты. Художественные открытия Ж., определившие новаторские черты его элегий, связаны с утверждением биографизма как особого метода лирической поэзии, с повышением роли личного начала в ней. Это, однако, не означало прямого отражения в поэзии Ж. конкретных обстоятельств его жизни и бытовых черт личности, но восприятие окружающего мира в глубоко личном плане, в созвучности передаваемых поэтом настроений и чувств умоностроению молодого поколения «Вечер» обозначил переход поэта на позиции романтизма, дав первый законченный образец элегии нового типа. Постепенно элегия получает у Ж. и более отчетливые признаки жанра национально-русского, а текст насыщается острым социальным (и даже политическим) содержанием. Подобной тенденцией отмечена оригинальная элегия Ж. «На смерть фельдмаршала графа Каменского» (1809), развивающая идею неотвратимости судьбы, неизбежности возмездия за содеянное (поводом к написанию стихотворения послужило убийство Каменского, известного своей жестокостью к крепостным и обесславившего себя в Прутском походе 1807 г.). В дальнейшем Ж. прибегает к этой жанровой форме в поворотные моменты своей творческой эволюции, означая элегией важные события своей внутренней жизни («Славянка», 1815; «Цвет завета», 1819; «Море», 1822; «Я музу юную бывало...», 1824).

Особым этапом творческой деятельности Ж. стало участие его в журнале «Вестник Европы». Основанный Н. М. Карамзиным в 1801 г., он в течение первого десятилетия XIX в. был лучшим русским журналом; в конце 1807 г. «Вестник Европы» перешел в руки Ж., издательская деятельность которого способствовала проникновению на страницы журнала произведений в «новейшем» (т. е. романтическом) духе. В 1808 — середине 1809 г. Ж. издавал его один, с середины 1809 по конец 1810 г. — вместе с М. Т. Каченовским, с 1811 г. журнал целиком перешел к Каченовскому, а Ж. ограничился сугубо авторской работой в нем. Эти годы (1808—1810) Ж. живет по преимуществу в Москве, лишь на летнее время уезжая в родные места Орловской и Тульской губ. (Мишенское, Белев, Муратово). Годы эти характеризуются необычайной творческой активностью в области критики («Письмо из уезда к издателю», 1808; «Писатель в обществе», «О но-

вой книге», «Училище бедных г-жи Ле Пренс де Бомон»). В статьях подробно обосновывается программа журнала, понимание издателем не только сугубо литературных, эстетических задач, но и подчеркивается общественное, гражданское и социально-историческое назначение журнала, необходимость идти «вровень» с европейским просвещением. В журнале поэт выступает с циклом критических этюдов, также имеющих широкое программное значение («О басне и баснях Крылова», «Критический разбор Кантемировых сатир с предварительным рассуждением о сатире вообще», 1810, и др.). В плане собственно художественном эти годы характеризуются преобладанием интереса к переводу и даже переводу прозаическому (из Энгеля, Гарве, Сульцера, Жанлис, Шатобриана и т. п.). Расцвет лирики, несущей в себе потенциал романтического мировосприятия, был связан с переживаемым Ж. глубоким чувством к М. А. Протасовой. Отказавшись от издания журнала, Ж. в 1811 — первой половине 1812 г. почти безвыездно живет в Муратове (имении Протасовых) и Черни (имении его друга, впоследствии арзамасца А. А. Плещеева) Орловской губ. Попытки поэта добиться согласия матери Маши Протасовой на брак с ее дочерью были безуспешными, принесли любящим тяжелые разочарования, окрасив в трагические тона и интимную лирику поэта. Замужество Маши (1817), а затем и ее ранняя смерть (1823) стали финалом личной драмы поэта.

Особое значение для становления русского романтизма имели балладные опыты Ж., которому принадлежит заслуга утверждения этого жанра в русской поэзии. Ж. стремился создать балладу собственно русскую и даже простонародную («Людмила»). Русская баллада. Подражание Бюргеровой «Леноре», 1808; «Светлана», 1808—1812; «Двенадцать спящих дев», 1817) и одновременно ознакомить русского читателя с наиболее выдающимися произведениями этого жанра в европейской поэзии («Кассандра», «Ивиковы журавли», «Рыцарь Тогенбург», «Кубок» и др. баллады Шиллера, «Лесной царь» Гете, «Смальгольмский барон» В. Скотта, переводы из Саути, Уланда и т. п.).

Наибольшая популярность Ж.-балладника приходится на середину 10 гг. К 1816 г. относится начатая Н. И. Гнедичем (ст. «О вольном переводе Бюргеровой баллады «Ленора») полемика о балладе, в ходе которой (в особенности после ст. А. С. Грибоедова) наметилась целая программа преобразования балладного жанра в национально-русском, народно-поэтическом духе.

Подобными тенденциями отмечены и жанровые поиски Ж. в области русской идиллии («Овсяный кисель», «Деревенский сторож в полночь» и др. переводы из Гебеля), которую поэт также стремился насытить простонародным элементом (в картинах и сценах из народной жизни). Опираясь на эту традицию, творил в «простонародном духе» и Пушкин («Жених», «Утопленник», «Шот-

ландская песня» и др.), давший весьма высокую оценку балладам и идиллиям Ж., открывающим новые пути в русской поэзии («О поэтическом слоге», 1828). Интерес к жанру баллады сопровождается всю творческую жизнь Ж. (см.: «Баллады и повести В. Жуковского». — Спб., 1831), выступая одним из наиболее характерных проявлений формирующегося романтизма.

Важное место в творчестве Ж. занимает военно-патриотическая лирика, теснейшим образом связанная с исторической действительностью 800—10 гг. обращение к ней Ж. диктовалось традиционной для русской поэзии связью с общественно-политическими событиями эпохи. Откликом на Аустерлицкое сражение стала «Песня над гробом славян-победителей», трагический реквием русским воинам, павшим в антинаполеоновских войнах. Широкий отзвук в поэзии Ж. нашла и Отечественная война 1812—1814 гг. Начало войны застало Ж. в Черни, откуда в конце июля 1812 г. он отправился в Москву, с тем чтобы вступить в народное ополчение. 10 августа он был в чине поручика зачислен в Московское народное ополчение и вместе со своим полком (а затем с Главным штабом, куда перешел Ж. на службу) проделал всю военную кампанию 1812 г. — самый трудный и героический период войны с Наполеоном. 26 августа во время Бородинского сражения он находился на поле боя, хотя и не принимал прямого участия в военных действиях (полк его был резервным). Впечатления от битвы нашли отражение позднее в мемуарном письме («Бородинская годовщина», 1839) и в ряде поэтических произведений («Подробный отчет о луне», 1820, и др.). После оставления русской армией Москвы Ж. участвовал в знаменитом кутузовском марше-маневре, завершившемся Тарутинским сражением. Выполняя различные служебные поручения Главного штаба, Ж. несколько раз приезжал в Орел, где находились родные поэта и где им была начата работа над самым значительным произведением этой поры — «Певец во стане русских воинов» (1812). Получившее широкое распространение в русской армии, это стихотворение принесло Ж. славу «Русского Тиртея», служило целям военно-патриотической агитации в русской армии. Со сражением под Красным, очевидцем которого он был, связано посвященное Кутузову стихотворение «Вождю победителей», в котором воссозданы картины панического бегства наполеоновской армии из России. Вместе с отразившим дальнейший ход военных действий посланием «Императору Александру» (1814) цикл военно-патриотических стихотворений Ж. явился наиболее значительным с идейно-художественной точки зрения поэтическим памятником русской славы 1812—1814 гг. Ж. не ограничился ролью свидетеля и летописца Отечественной войны, славой поэта-воина, но выступил и в качестве своего рода «военного корреспондента». В начале ноября 1812 г. (после

вынужденного ухода А. С. Кайсарова с поста директора походной типографии при Главном штабе) Ж. был привлечен к составлению извещений о сражениях (печатавшихся в бюллетенях типографии) и к написанию деловых бумаг главнокомандующего.

Заболев горячкой после сражения под Красным, Ж. попал в военный госпиталь в Вильне, где (по воспоминаниям современников) едва не умер. Оправившись после болезни, поэт получил длительный отпуск и 6 января 1813 г. вернулся к родным, но уже не в Муратово, а в Белев Тульской губ. После долгих колебаний поэт принимает решение об оставлении военной службы, объясняя это тем, что теперь «война не внутри, а вне России». Почитая себя «правым сойти с этой дороги», на которую его могли «бросить только обстоятельства», Ж. в чине штабс-капитана выходит в отставку. Однако «военная биография» поэта оставила глубокий след в его творчестве. Отечественная война, воспоминания о кампании 1812 г., оценка вклада в общие подвиги отдельных героев войны, славные победы русского оружия, — одна из самых устойчивых тем поэзии Ж. В своих поздних стихах на эту тему («Русская песнь», «Бородинская годовщина») он отдает дань идеям официального патриотизма, но в лучших из них, таких, как «К Ермолову» (1837), поэт достигает гармонии емкого, насыщенного глубоким патриотизмом содержания и предельной простоты и лаконичности формы. Свообразным отзвуком 1812 г. стала в творчестве Ж. и наполеоновская тема, которая решается теперь в широкой исторической перспективе в более емкой, насыщенной психологизмом манере («Ночной смотр», 1836; «Четыре сына Франции», 1849).

Дальнейший жизненный и творческий путь Ж. связан с Петербургом, куда после двухлетнего пребывания в Дерпте (1815—1817) поэт окончательно переселяется в мае 1817 г. С этого момента начинается совершенно новая страница в биографии Ж. Переезд этот означал более активное участие поэта в столичной культурной жизни (напр., в деятельности литературного общества «Арзамас», 1815—1818) и вместе с тем стал началом службы при дворе (1815) и учебно-педагогической деятельности Ж.: поэт согласился на исходившее от двора предложение принять на себя обязанности чтеца вдовствующей императрицы Марии Федоровны, затем учителя русского языка великой княгини (впоследствии императрицы Александры Федоровны) с 1817 г. и, наконец, в 1826 г. — наставника наследника престола, великого князя Александра Николаевича (будущего Александра II). Служебные обязанности не сделали, однако, из Ж. преуспевающего царского сановника или царедворца, т. к. свои новые обязанности поэт-просветитель связывал со стремлением воспитать для России мудрого и широко образованного монарха, «отца» своих подданных, уважающего обычаи и законы своей

страны и стоящего на страже ее национальных интересов. Поэтому, не прерывая своих литературных занятий, Ж. считал свои педагогические обязанности общей и важной частью всей своей деятельности, видел в их исполнении свой гражданский и общественный долг. Внешняя сторона жизни поэта в течение всего петербургского периода определялась службой при дворе. С нею тесно связаны и заграничные поездки поэта: путешествие 1820—1821 гг. по Германии (отразившееся в ряде путевых очерков: «Путешествие по Саксонской Швейцарии», «Рафаэлева мадона» и др.), путешествие по Германии и Франции 1826—1827 гг., предпринятое с целью ознакомления с новейшими педагогическими системами, а также завершающие учебный курс наследника поездки конца 30 гг. Программный характер носила и широко освещавшаяся в русской печати того времени поездка по России 1837 г., длившаяся с мая по декабрь. Частный характер (по преимуществу лечебный) имела поездка в Италию и Швейцарию 1832—1833 гг. В течение 20—30 гг. главным местом пребывания Ж. был Петербург, в котором поэт занимал одно из самых заметных мест в среде своих современников-литераторов. Единомышленник и близкий друг Пушкина, Ж. был его надежным союзником в борьбе с Булгариным, активным и неизменным участником изданий пушкинского круга: альманаха «Северные цветы», пушкинского «Современника», а также других прогрессивных журналов 30 гг. В 1832 г. он выступил в защиту И. В. Киреевского, журнал которого «Европеец» был запрещен Николаем I по доносу Булгарина. Творческая, духовная жизнь поэта была неразрывно связана с прогрессивной социальной средой и прежде всего со средой литературно-художественной: Ж. принимал живейшее участие в судьбе многих литераторов, артистов, художников, пострадавших от произвола властей, хлопотал перед Николаем I за декабристов (Н. И. Тургенева, В. К. Кюхельбекера, А. Ф. Фон-дер-Бриггена, Ф. Н. Глинку), добиваясь смягчения их участи, помогал женам осужденных декабристов (А. Якушкиной, Е. П. Нарышкиной и др.). По образному выражению П. А. Вяземского, Ж. был «представителем русской образованности перед тронем безграмотных», хлопотал перед царем за А. И. Герцена, помогал поэтам из народной среды (А. Кольцову, Е. Милькееву), ему был обязан и своим освобождением от крепостной неволи Т. Г. Шевченко и мн. др. его современники, сохранившие о нем светлую память. Велика и разнообразна та помощь, которую Ж. оказывал Пушкину: поддерживал его в годы гонений и ссылки (1824—1826), неоднократно заступался за него перед Николаем I, улаживал намечающиеся между ними конфликты (напр., «дело» об отставке Пушкина 1834 г.). В ноябре 1836 г. усилиями Ж. была предотвращена первая дуэль Пушкина с Дантесом. После трагического поединка 27 января 1837 г. Ж. стал

душеприказчиком умирающего Пушкина, затем принял на себя заботы о его семье и о его рукописном наследии.

Участие Ж. в делах трагически погибшего Пушкина углубило внутренний разлад Ж. с двором и царской фамилией, намечавшийся и ранее, еще во время учебы наследника (см., напр., «Дневник 1834 г.»), когда попытка применить на практике высокие педагогические принципы стала для Ж. источником трагических переживаний и глубокого духовного кризиса. Отношения с русской монархией обострились в конце 30 гг. настолько, что, получив почетную отставку в 1841 г., Ж. принял решение переселиться в Германию, где весной 1841 г. женился на юной Елизавете фон Рейтерн, дочери своего старого друга художника Е. Рейтерна. С 1841 г. по самый конец жизни Ж. живет в различных городах Германии (Дюссельдорфе, Баден-Бадене), не прерывая своих связей с родиной. Он делает несколько попыток вернуться в Россию (особенно настойчиво это стремление усиливается к концу 40 гг.), однако состояние здоровья жены, надвигающаяся слепота не позволяют ему осуществить своего намерения.

Последнее десятилетие творческой деятельности Ж. отмечено активной переводческой деятельностью, тягой к монументальной, эпической форме, широким интересом к народному эпосу не только европейских, но и восточных народов. Ж. переводит «Наля и Дамайянти» (1837—1843), «Рустема и Зораба» (1846—1847), обращается к гомеровскому эпосу (от ранних опытов перевода «Илиады», относящихся к 1828 г., он переходит к переводу «Одиссеи», над которым работает в течение 40 гг. (впервые опубликована: Стихотворения В. Жуковского. — 5-изд. — Спб., 1849. — Т. VII—IX). В 30—40 гг. Ж. много пишет и переводит для детей. В 1831 г., соревнуясь с Пушкиным в Царском Селе, Ж. создает «Сказку о царе Берендее», используя фольклорную запись Пушкина, переводит «Спящую царевну», пишет шутиливую «Войну мышей и лягушек», завершая эту линию своего творчества созданием в 1845 г. «Сказки о Иване-царевиче и Сером Волке». В этой связи Ж. писал: «Мне хочется собрать несколько сказок, больших и малых, народных, но не одних русских, чтобы после выдать их, посвятив взрослым детям». Под «взрослыми детьми» Ж. имел в виду народ, следовательно, до конца своих дней поэт не переставал думать о необходимости иметь литературу народную, охватывающую интересы разных социальных слоев и возрастных групп. Ж. явился автором нескольких стихотворений, написанных им специально для детей («первого» (т. е. самого младшего) возраста — это «Жаворонок», «Птичка», «Котик и козлик», а также сказки «Мальчик с пальчик»). Произведением для юношества, несомненно, является переведенная из Ламот Фуке «старинная повесть» «Ундиана». В числе замечательнейших переводов Ж. — «Шильонский узник» Байрона (1822) и драма-

тическая поэма Шиллера «Орлеанская дева» (1817—1821). Последним произведением Ж. стало лирическое стихотворение «Царскоезский лебедь» (1851), в образной форме воссоздающее трагедию поэта, пережившего свое поколение и ощущающего свое одиночество в новую историческую эпоху.

Соч.: Собр. соч.: В 4 т. — М.: Л., 1959—1960.

Лит.: Зейдлиц К. К. Жизнь и поэзия В. А. Жуковского. — Спб., 1883; Веселовский А. Н. В. А. Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». — Спб., 1904; Семенов И. М. Жизнь и творчество Жуковского. — М., 1976; Иезуитова Р. В. Жуковский в Петербурге. — Л., 1976; Афанасьев В. Жуковский. — М., 1985 (Жизнь замечательных людей; Зайцев Б. Жуковский // Рус. лит., 1988. — № 2—4. Р. В. Иезуитова

ЖУЛЁВ, Гавриил Николаевич, псевдоним — *Скорбный поэт* [5(17).VII.1834, с. Спасское Бронницкого у. Московской губ. — 30.VI(12.VII).1878, Петербург] — поэт, драматург. Родился в семье дворовых людей помещика Н. М. Смирнова. Возможно, Ж. был его незаконнорожденным сыном. В 1847 г. в неполные 13 лет Ж. был отпущен на волю. В начале 50 гг. он окончил Петербургское театральное училище и стал профессиональным актером. В сезоне 1852—1853 гг. успешно дебютировал на сцене Александринского театра и состоял в его труппе до 1875 г., играя преимущественно в комедийных ролях. Известны доброжелательные отзывы современников о сценическом таланте Ж. Так, Ап. Григорьев в 1864 г. говорил о нем как о «молодом актере с огнем, веселостью и пониманием» (Эстетика и критика. — М., 1980. — С. 435). Но известно также, что артистической карьере Ж. всячески препятствовали режиссер Е. Воронов и начальник репертуарной части петербургских императорских театров П. Федоров, причиной этому служило сотрудничество Ж. в «Искре» и афиширование им нелицеприятных театральные нравов на страницах журнала.

Литературная деятельность Ж. начинается с появления в 1860 г. его стихотворений в «Искре», постоянным сотрудником которой он оставался на протяжении всех 60 гг. Стихи начинающего поэта были высоко оценены редактором журнала, поэтом В. С. Курочкиным, который называл Ж. «лучшим своим сотрудником» (Русская старина. — 1906. — № 12. — С. 714).

Наряду с «Искрой» Ж. активно сотрудничает и в других петербургских журналах и газетах: с 1865 г. он печатается в «Будильнике», в 1869—1874 гг. — сотрудник «Петербургского листка», с 1875 г. до конца своих дней регулярно публикуется в «Петербургской газете», где, кроме стихов, появляются и его фельетоны. В последние годы жизни Ж. является одним из негласных редакторов юмористического журнала «Стрекоза», в котором ведет стихотворный раздел.

При жизни поэт выпустил два сборника стихотворений. Выход в свет первого сборника «Песни Скорбного поэта» (Спб., 1863) предварялся хва-

лебным отзывом в «Искре» (1862.— № 50.— С. 710): «Бедность, умеющая весело трунить над собою и хохотать непринужденно и смело над хлыщевством и богатой наглостью, в каких бы они формах не проявлялись,— вот главный мотив, повторяющийся во всех пьесах Скорбного поэта».

М. Е. Салтыков-Щедрин в своей рецензии сдержанно и с иронией отозвался о сборнике, поскольку юмор Ж. не отвечал тем высоким требованиям, которые предъявлял к сатире писатель. Назвав книгу поэта «цветком, возросшим отчасти на почве русской гражданственности, отчасти на почве русского эротизма», Щедрин, однако, рекомендовал ее «любителям чтения легкого», которые в ней «найдут некоторую частичку остроумия» (Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.— Т. 5.— С. 334).

В «Песнях Скорбного поэта» нашли свое полное выражение особенности лирики Ж. Здесь нет непосредственно революционных мотивов, однако очевиден принципиальный демократизм поэта. Его стихи пронизаны «плебейской гордостью», которая ярко обнаруживается в едком и презрительном отношении Ж. к аристократии, высшему чиновничеству, мещанским вкусам и нравам. Характерно обращение поэта к бытовым темам, изображение повседневной, обиденной жизни. Стихи Ж., как правило, представляют собою лирическую исповедь петербургского разночинца, бедного, но внутренне независимого,— отсюда и раскованность поэтических интонаций, и живое остроумие, и задорная самоирония. Современники не случайно называли Ж. «беранжеровцем». Демократичный дух поэзии Беранже, ее оптимизм и доходчивость, богатство тем, гибкость стиха — все это созвучно творчеству Ж. Дух веселой поэтической игры, оригинальность лирических сюжетов, меткость оценок органично сочетаются в Ж. с простотой, умением, по словам А. Амфи-театрова, «разговаривать стихом без всякой, хотя бы малой, натяжки» (Стихи.— С. 209). Это обусловило популярность поэзии Ж. в демократических кругах. Ряд его произведений (в особенности «Карьера», 1860) вошел в эстрадный репертуар того времени.

В 1871 г. выходит второй стихотворный сборник Ж. «Ба! Знакомые все лица!!! Рифмы Дебютанта (Скорбного поэта)». Книга не выявила ничего нового в творческой манере поэта и уступала «Песням...» по художественным достоинствам. Но и в ней привлекают широта тематики и язвительность сатиры.

Хотя Ж., как и большинство поэтов «Искры», нередко пользуется героями-масками, в центре его художественного мира лирический герой — «маленький человек», живущий в столице, со своей нелегкой судьбой, но преисполненный оптимизма и юмора («Кухня», 1860; «Товарищу», 1862; «Беззаботная», 1862). Тема любви занимает большое место в лирике Ж. Продажной любви, браку по расчету поэт с доброй иронией противопостав-

ляет непосредственность, искренность и душевность чувств у бедняков («Карьера», 1860; «Незабудка», 1860; «Беззаботная»).

Лирика Ж. часто сюжетна и по жанру приближается к рассказу в стихах. Прозаически житейские ситуации: желание «задобрить» подарком начальника («Чижик», 1863), сделать карьеру ценой женитьбы на любовнице важного чина («Карьера»), дерзкая «комедь», представленная в кукольном балагане («Петрушка», 1864), — становятся в стихах Ж. средством реалистической типизации характерных сторон русской жизни.

У Ж., в отличие от большинства поэтов «Искры», нечасто встречается стихотворная пародия, непосредственно обнаженная сатира, прямая литературная полемика, однако у него есть яркие произведения и этих жанров, напр. положительно отмеченное Салтыковым-Щедриным стихотворение «Литературные старожеры» (1860), где поэт с остроумием клеймит противников демократической и реалистической литературы. В стихотворении «Современные разговоры» (1868) Ж. мастерски обнажает пошлость и цинизм тунеядствующего либерала. Поэт сатирически высмеивает полнейших сыщиков и шпииков («Некто», 1868), продолжает развивать тему, близкую другим поэтам «Искры»: В. С. Курочкину («Господин Искарриотов», 1861), Д. Д. Минаеву («Кто он?», 1865) и др.

Разнообразие образов и сюжетов, умение в неожиданном свете представить, казалось бы, обиденную ситуацию, разговорность интонаций, простота и в то же время отточенность стихотворной техники делают Ж. поэтом, предваряющим художественные открытия поэтов «Сатирикона», и прежде всего Саши Черного.

Наряду с поэтическим творчеством известностью пользовалась и драматургия Ж. Им создано около десяти пьес, главным образом в сотрудничестве с Н. А. Лейкиным, А. А. Соколовым, И. Е. Чернышевым, С. Н. Худековым и др. («Золотая удочка», «Беленькие и черненькие», «Герои темного мира», «Петербургский Фигаро», «Со ступеньки на ступеньку» и др.). Их художественные достоинства невелики. Недолгий успех выпал лишь на долю пьесы «Петербургские когти», написанной Ж. совместно с Худековым.

Из произведений Ж. в драматическом жанре подлинной талантливостью отмечены театральные пародии, которые выделяются мастерством стилизации, афористичностью, злободневностью. Объектами его насмешек становятся как произведения значительных писателей: А. Ф. Писемского, А. Н. Островского, Н. С. Лескова, А. А. Потекина, так и заполонившие русскую сцену сочинения драматургов-эпигонов: В. Кондырева, В. Крылова, Н. Потехина, Н. Чернявского и др. Поэт пародирует драмы Н. С. Лескова «Расточитель» («Сарданпал-расточитель», 1867), Н. Чернявского «Гражданский брак» («Гражданский брак, или Дух татарина», 1867), В. Крылова

«Против течения» («Отважный кларнетист, или Против течения ничего не поделаешь», 1865), разоблачая консервативные тенденции в этих пьесах. В пародии «Горькая судьбина кота, или Легкая бойня» (1863) Ж. язвительно обрушивается не столько на пьесу А. Ф. Писемского «Горькая судьбина», сколько на антиингилистические идеи его романа «Взбаламученное море».

Пьесы В. Кондырева «Пагуба», А. Потехина «Суд людской — не божий», а также произведения Н. Потехина, Д. Аверкиева становятся объектами пародии Ж. «Любовь — пагуба, доля горькая» (1865), где поэт высмеивает славянофильские издержки т. н. «народных пьес» школы А. Н. Островского. Пародирует Ж. и малохудожественные оперные либретто по пьесам А. Н. Островского «Гроза» («Итальянец в Калинове», 1867) и «Доходное место» («Ликуй, русская опера! Доходное место», 1868).

Профессиональное знание сцены, художественное мастерство, юмор обеспечивают театральным пародиям Ж. достойное место в ряду произведений этого жанра.

Поэзия Ж. в 1870 гг. стала утрачивать свою популярность. Скоро после смерти он был почти забыт. Интерес к его творчеству ненадолго пробудился в 1910 гг. И лишь с 1950 гг. начали предприниматься шаги к изучению и опубликованию литературного наследия Ж.

Соч.: Песни Скорбного поэта. — Пб., 1863; Ба! Знакомые все лица!!! Рифмы Дебютанта (Скорбного поэта). — Пб., 1871; Стихи / Вступ. заметка А. Амфиотрова // Амфиотро в ро в А. Забытый смех, «Поморная муза». Сатирический сб. — М., 1914. — № 1. — С. 206—270; Стихотворения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. И. Г. Ямпольского // Поэты «Искры»: В 2 т. — Л., 1955. — Т. 2; Русская театральная пародия XIX — начала XX века / Сост., ред., вступ. ст. и коммент. М. Я. Полякова. — М., 1976. — С. 182—197, 334—339, 383—392, 395—404, 406—416; Стихотворения / Вступ. заметка, сост., подгот. текста и примеч. И. Г. Ямпольского // Поэты «Искры»: В 2 т. — Л., 1987. — Т. 2.

Лит.: Салтыков-Шедрин М. Е. Песни Скорбного поэта (Г. Н. Жулева). — Спб., 1863 // Собр. соч.: В 20 т. — М., 1966. — Т. 5. — С. 334; Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов: Журнал революционной сатиры «Искра». — М., 1964. Е. П. Беренштейн

3

ЗАГОСКИН, Михаил Николаевич [14(25).VII.1789, с. Рамзай Пензенской губ. — 23.VI(5.VII).1852, Москва] — прозаик, драматург. Отец принадлежал к старинной дворянской фамилии, вышедшей из Золотой Орды еще в XV в., при Иване III, обедневшей ко времени рождения писателя. Первоначальное образование З. получил в деревне, в родительском доме, где была солидная библиотека. В детстве много читал, предпочитая историческую литературу. Рано появилось стремление к литературному творчеству. В одиннадцать лет он сочинил повесть «Пустынный», вызвавшую большой интерес род-

ственников и знакомых. Из написанного в детстве сохранилась лишь трагедия «Леон и Зыдея», написанная рифмованными силлабическими стихами, по-видимому, еще до повести «Пустынный». Подростком З. начал самостоятельную жизнь: в 1802 г. в возрасте 13 лет он был определен отцом на службу в качестве канцеляриста Петербургского государственного казначейства. Затем до 1812 г. служил попеременно помощником столоначальника в чине губернского секретаря в Государственном заемном банке и в Департаменте горных и соляных дел. Служебной карьеры не сделал.

В 1812 г., побуждаемый патриотическими чувствами, З. записывается в Петербургское ополчение и принимает участие в Отечественной войне. З. служил офицером корпуса Витгенштейна, в боях под Полоцком был ранен в ногу и награжден за храбрость орденом Анны 3-й степени. По окончании войны некоторое время жил на родине в с. Рамзай, где написал первую свою комедию «Проказник» (1814). Возвратившись в 1815 г. в Петербург на старую должность помощника столоначальника в Горном департаменте, он посылает свою комедию известному драматургу, члену репертуарной части Дирекции Императорских театров А. А. Шаховскому, отозвавшемуся о ней доброжелательно. В том же году он пишет новую комедию под названием «Комедия против комедии, или Урок волокитам» (в подражание комедии Шаховского «Липецкие воды, или Урок кокеткам»), тогда же поставленную на театре и имевшую определенный успех у публики. Выступив в своей комедии на стороне Шаховского, он тем самым сразу же оказался в гущу тогдашней литературной борьбы, примкнув к «шишковистам» (сторонникам А. С. Шишкова), защищавшим старые, классицистические нормы литературного языка и стиля в противовес «карамзинистам», сторонникам реформы литературного стиля в духе нового сентиментально-романтического направления.

После женитьбы в 1816 г. З. уходит из Горного департамента и определяется в следующем году помощником члена репертуарной части Дирекции Императорских театров, а затем переводится на должность почетного библиотекаря Императорской публичной библиотеки. Тогда же (1817) была напечатана и представлена на сцене комедия З. «Господин Богатов, или Провинциал в столице». Здесь высмеивается богатый невежественный помещик, кичащийся своими связями в Петербурге и «французскими» идеалами. В этом же году состоялось представление его новой комедии «Вечеринка ученых», где используется традиционный сюжет: влюбленные соединились, преодолевая многочисленные препятствия на пути к их браку.

С 1817 г. начинается журнальная деятельность З. Он издает совместно с П. А. Корсаковым журнал «Северный наблюдатель», где в том

же году печатает свои первые труды в прозе: ряд очерков и отрывков из романа «Нервный брак», в котором сатирическая нравоописательность сочеталась с пародированием сентиментальной прозы. В «Северном наблюдателе» (созданном на базе журнала Корсакова «Русский пустынный, или Наблюдатель отечественных нравов») З., оставаясь в последние полгода существования журнала (1817) за редактора, опубликовал ряд критических статей без подписи и под псевдонимами. Тогда же возникла целая полемика З. с временным редактором журнала «Сын отечества» А. Е. Измайловым по поводу комедии «Господин Богатонов, или Провинциал в столице». З. отстаивал при этом позиции неоклассицизма, хотя и считал возможным использование (в ограниченной степени) в литературе новых поэтических форм. Этой полемике посвящена эпиграмма Грибоедова «Лубочный театр».

В 1818 г., оставив службу при театре, он поступил на штатную должность помощника библиотекаря с постоянным жалованьем, а в 1820 г. вновь перешел на положение почетного библиотекаря. В это время им написаны комедии: «Роман на большой дороге» (1819), «Богатонов в деревне, или Сюрприз самому себе» (1820), «Добрый малый» (1820). Это был плодотворный период в творчестве З. Тогда же он пишет две интермедии: «Макарьевская ярмарка» и «Лебедянская ярмарка» (обе — 1817). З. сближается с литературным кружком директора публичной библиотеки А. Н. Оленина (просвещенного сановника, художника, историка, с 1807 г. — президента Петербургской Академии художеств), которому посвящает комедию «Добрый малый». С. Т. Аксаков сравнивает комедию по остроте сатирического изображения «столичных негодяев» с «Горем от ума» А. С. Грибоедова и «Ревизором» Н. В. Гоголя (см.: Аксаков С. Т. Биография М. Н. Загоскина. — М., 1853. — С. 13), хотя общая направленность комедий З. остается нравоучительной.

С 1820 г. З. живет в Москве. В 1821 г. он пишет «Разговоры в прозе» — веселые диалоги, пьесы «Выбор невесты» и «Авторская клятва», пробует свои силы в стихах, а в 1822 г. создает большую комедию «Урок холостым, или Наследники», написанную шестистопным рифмованным ямбом. Выдержав в 1821 г. экзамен на чин коллежского асессора, он в 1822 г. назначается экспедитором по театральному отделению, чиновником особых поручений при конторе Московского военного генерал-губернатора князя Д. В. Голицына. В том же 1822 г. он пишет комедию-водевиль «Деревенский философ». Как продолжатель и последователь Шаховского в комедийном жанре З. уступал последнему в художественном отношении и в своих пьесах критиковал в основном частные пороки дворянской жизни. В эти годы З. сближается с кружком С. Т. Аксакова, с директором московских театров Ф. Ф. Кокошки-

ным, который в 1823 г. определил его в свою контору членом по хозяйственной части. В 1827 г. им написаны комедии «Репетиция на станции» и «Благодарный театр». В 1822 г. З. был избран действительным членом Общества любителей российской словесности при Московском университете, в 1827—1829 гг. был его секретарем, а в 1833—1836 гг. — председателем.

С 1827 г. З. вновь обращается к прозе и начинает работу над романом «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», принесшим ему огромную известность и славу. Это, без сомнения, лучшее из произведений З., опубликовано в 1829 г. В. Г. Белинский высоко оценил «Юрия Милославского», как «первый русский исторический роман» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1979. — Т. 4. — С. 316). «Это была первая попытка заставить в русском романе говорить и действовать русских людей по-русски...» (Там же. — Т. 8. — С. 581). В романе обнаруживаются как слабые, так и сильные стороны: нечетко изображенный характер главного героя, неточная историческая достоверность и вместе с тем — яркая обрисовка нравов простого народа, характеров простых русских людей начала XVII в., свободный, плавный, образный язык автора. Мотивы любви к Родине, нравственная чистота замысла, задушевность и легкий юмор позволили Белинскому рекомендовать роман для детского чтения. «Первый роман, который можно дать молодому человеку лет двенадцати — «Юрий Милославский» г. Загоскина» (Там же. — С. 548). «Он будет преполозным чтением для детей от 7 до 12 лет включительно» (Там же. — С. 316). Роман З. Белинский рекомендует как лучшее чтение для детей наряду с баснями Крылова и сказками Пушкина. Высокую оценку роману З. дал также А. С. Пушкин: «Сколько истины и добродушной веселости в изображении характеров Кириши, Алексея Бурнаша, Федьки Хомяка, пана Копычинского, батьки Еремея!» (Пушкин. Собр. соч.: В 10 т. — М., 1958. — Т. VIII. — С. 103).

Последующие исторические романы З. были слабее. В них повторялись мотивы и характеры первого его романа. Через год после «Юрия Милославского», в 1830 г., появился роман «Рославлев, или Русские в 1812 году», в котором Белинский в качестве удачных отметил лишь отдельные сцены. Героиня романа Полина — мечтательная, наивная девушка, выйдя замуж за пленного француза, в конце концов погибает, явившись жертвой собственной доверчивости. Идеалу национального характера, выдвинутому здесь Загоскиным, сознательно противопоставлен активный характер пушкинской Полины (роман «Рославлев»), резко отличавшейся подлинным чувством национальной гордости от псевдопатриотизма московского общества.

В 1833 г. З. создает роман «Аскольдова могила. Повесть из времен Владимира I», использо-

ванный в 1835 г. А. Н. Верстовским для написания либретто к своей одноименной опере. В нем заметнее становится идеализация старины, религиозная направленность.

В 1831 г. З. назначается директором московских театров, а вскоре избирается членом Российской Академии.

В 1837 г. выходит сборник «Повести Михаила Загоскина» в двух частях. В этих повестях преобладают фольклорные, сказочно-фантастические мотивы. В сборник вошла также нравоописательная повесть «Три жениха». В 1838 г. написан роман «Искусительские черты. В 1840 г. изданы комедии: в стихах — «Недовольные» и в прозе — «Урок матушкам». В 1842 г. З. назначается директором Оружейной палаты. Эту должность он занимал до конца жизни. В том же году им написан большой роман «Кузьма Петрович Мирошев, русская быль времен Екатерины II», который С. Т. Аксаков считал «лучшим произведением Загоскина» (Аксаков С. Т. Биография М. Н. Загоскина. — С. 37), не понятым современниками. Здесь идеализируется характер мягкого, тихого, доброго человека, «человека божьего», как говорит Аксаков. Белинский оценил роман более сдержанно, указав, что в нем при «бедности содержания» можно обнаружить «веселенькие сцены», «искреннее увлечение в пользу старины» (Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 5. — С. 210). В 1839 г. издан роман «Тоска по родине», послуживший основой либретто для одноименной оперы композитора А. Н. Верстовского.

В 1842—1850 гг. З. издает четыре выпуска сборника рассказов «Москва и москвичи. Записки Богдана Ильина Бельского», охарактеризованные Белинским как «физиология Москвы в рассказах и сценах». В этих сборниках изображены нравы, быт, речь, одежда разных слоев жителей, населявших Москву и провинцию. По своей жанровой специфике это нравоописательные повести с идиллически-консервативной направленностью. В эти годы создана и повесть «Официальный обед», помещенная в сборнике «Сто русских литераторов» за 1841 г. Белинский отрицательно оценивает повесть, сравнивая ее с аналогичными «морализаторскими» произведениями Ф. В. Булгарина.

В 1846 г. выходит в свет двухтомный исторический роман З. «Брынский лес. Эпизод из первых годов царствования Петра Великого». Отмечая «бесцветность» главных героев этого романа, воспевание «доброе старое времени». Белинский в то же время высоко оценивает «прекрасно очерченные характеры раскольников» (Там же. — Т. 8. — С. 212), сцены суда, изображение земского приказа. Последний исторический роман З. «Русские в начале осмнадцатого столетия. Рассказ из времен единодержавия Петра I» (1848) отмечен теми же достоинствами и недо-

статками: занимательный сюжет, яркий язык и слабо выписанные характеры, особенно характеры исторических лиц.

Незадолго до смерти З. вернулся к жанру комедии: «Поездка за границу» (1850) (переделка одноименного рассказа из 3-го выпуска сб. «Москва и москвичи»), «Заштатный город» (переделка повести «Официальный обед»). Последним произведением З. (1851) явилась четырехактная комедия «Женатый жених» (переделка сцен «Московской домашней и общественной жизни» из 1-го выпуска сб. «Москва и Москвичи»). Всего им написано 17 комедий, водевилей и 29 томов прозы. Похоронен на Новодевичьем кладбище в Москве.

Творчество З. не укладывается в рамки однозначной оценки. Его патриотическое, «русское направление» часто совпадало с официальным. Тем не менее еще Белинский указывал, что следует отличать «искренний» патриотизм З. от псевдопатриотизма произведений, напр., Булгарина. По словам Белинского, З. — «патриарх московских романистов» (Там же. — Т. 5. — С. 482), «истинный Гомер» (Там же. — Т. 4. — С. 82), простого народа оставался в ряду «более или менее блестящих и сильных талантов» (Там же. — Т. 3. — С. 12), подготовивших становление гомеровского направления в русской литературе.

Несмотря на плодовитость, он известен главным образом как автор романа «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году», выдержавшего около 10 изданий в России и переведенного на многие языки. Наряду с одобрительными отзывами о романе Белинского, Пушкина, Шаховского, Н. И. Гнедича, И. И. Дмитриева, свои поздравления автору прислали В. Скотт и П. Мериме.

Соч.: Соч.: В 7 т. — СПб., 1889; Полн. собр. соч.: В 10 т. — СПб.; М., 1898; Юрий Милославский, или Русские в 1612 году / Вступ. ст. Б. Неймана. — М., 1956; То же. — М., 1961; Рославлев, или Русские в 1812 году / Вступ. ст. и коммент. А. М. Пескова. — М., 1980; То же. — М., 1983; Соч.: В 2 т. / Сост., вступ. ст. А. М. Пескова. — М., 1987.

Лит.: Замоти И. И. Романтизм 20-х гг. XIX столетия в русской литературе. — СПб.; М., 1913. — Т. 2; Григорьев А. Развитие идеи народности в нашей литературе со смерти Пушкина // Собр. соч. — М., 1915. — Вып. 3; Петрунина Н. Н. Пушкин и Загоскин // Русская литература. — 1972. — № 4; Белинский В. Г. Кузьма Петрович Мирошев. Русская быль времен Екатерины II. Соч. М. Н. Загоскина // Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1976. — Т. 4; Майков В. Н. Литературная критика. — М., 1985; Аксаков С. Т. Биография М. Н. Загоскина // Аксаков С. Т. Собр. соч.: В 3 т. — М., 1986. — Т. 3. Л. М. Крупчанов

ЗÁЙЦЕВ, Борис Константинович [29.I(10.II). 1881, Орел — 22.I.1972, Париж] — прозаик, драматург, переводчик. Происходил из дворянской семьи, сын горного инженера. Детство писателя протекало «в атмосфере приволья и самого доброго к себе отношения со стороны родителей» (Биографические сведения // Русская литература XX века. — С. 65). Впечатления детства были

им⁴ позднее воссозданы в ряде произведений («Заря», «Тишина» и др.). В 1898 г. окончил Калужское реальное училище. Поступил в Московское императорское техническое училище, откуда был исключен за участие в студенческом движении. Учился в Горном институте в Петербурге, в 1902 г. перешел в Московский университет на юридический факультет, но, занявшись литературой, курса не кончил. Тогда же совершил первую поездку в Италию.

Первый рассказ «В дороге» был опубликован в газете «Курьер» в 1901 г. В этом и ряде других рассказов («На станции», «Гора угрюмая») заметно влияние творчества Л. Андреева, который и ввел молодого писателя в литературу. В последующих рассказах начального периода («Север», «Земля», «Ласка») это влияние заметно ослабевает, отчетливо выступают оригинальные черты творчества З. Выход в свет рассказа «Волки» (1902) открыл ему путь в столичные журналы. Тогда же З. вошел в кружок «Среда». Литературная деятельность его определилась в 1905—1906 гг. С 1906 по 1911 г. в издательстве «Шиповник» вышли три сборника его рассказов («Тихие зори», «Полковник Розов», «Сны»), где З. проявил себя как зрелый и оригинальный мастер.

Творчество З. представляет собой сложную форму соединения различных типов художественного познания действительности. Реалистическая конкретность образов, психологическая достоверность изображаемых характеров своеобразно сочетаются с отвлеченно-бытийной их трактовкой. Преобладание общефилософской проблематики над конкретно-исторической сближает З. с представителями нереалистических литературных течений рубежа веков. С первых сборников рассказов творческая позиция З. обнаруживает связь с идеологией и эстетикой импрессионизма: обращение к субъективному восприятию действительности, «непосредственному впечатлению», к форме лирического фрагмента, живописной зарисовки. Основным содержанием рассказов З. является выражение «состояния души» автора-повествователя. В рассказах «Волки», «Мгла» он рисует картины трудной, внутренне драматичной жизни природы. Вместе с тем это «пейзаж души» человека, подавленного неразрешимыми загадками бытия и мыслью о смерти, чувствующего свое одиночество среди «равнодушной природы». Пейзаж создает ощущение зыбкости, трагедийности мира. В последующих рассказах картина жизни светлеет. Действительность предстает здесь уже не как первозданный хаос, а как преображенный духовным видением, человечески-облагороженный космос. В рассказах «Миф», «Полковник Розов» господствует настроение счастливой отрешенности от всего будничного, соединенное со способностью видеть чудесное в самых простых вещах. Реальные люди и события выступают здесь как художественное воплощение мечты о возврате к безоблачному,

согласному с миром, «детскому» состоянию души. В рассказах «Священник Кронид», «Деревня», «Молодые» общее радостное настроение сливается с прославлением природы, щедрой, творящей силы земли. Изображение героев освобождается от психологической конкретности; человек здесь лишь часть общего красочного пейзажа. Всему изображаемому З. придает мягкий, задушевный характер. Художественная манера З. в этих рассказах, по выражению критика, напоминает живопись мелкими мазками, «точками незначительных подробностей», запечатлевающих момент жизни преходящего, «чтобы дать почувствовать, как много содержания в этом преходящем» (Горнфельд Г. Лирика Космоса.— С. 15, 19). Следуя импрессионистскому принципу субъективного впечатления, З. подчиняет композицию повествования не объективной логике изображаемых характеров и событий, а произвольной смене спонтанно возникающих впечатлений, авторского лирического настроения. Поэтическое преобразование мира в творчестве З. неотделимо от сознания изначальной трагичности человеческой жизни («Тихие зори», «Аграфена»). В рассказах 3-го и отчасти 2-го сборников творческая манера З. становится более объективной. На первый план выходит индивидуальная судьба героя, человека реальной действительности («Сестра», «Гость», «Спокойствие» и др.). З. не изображает человека «общественного»: круг его интересов замыкается на «частной» жизни вне ее прямой связи с общественными процессами. Изображая характерные черты своего времени через призму индивидуальной судьбы и внутреннего мира героев, З. воссоздает не столько реальный облик своей эпохи, сколько присущую ей атмосферу кризисности. В этих произведениях ведущей становится тема любви и разлуки, разбитых надежд, утраченных иллюзий. Мир, в котором живут герои, хрупок, непрочен, трагически подвержен резким и неожиданным изменениям. Герои З., отмеченные печатью благородства, духовного аристократизма, далекие от мира житейской суеты, сознают свое одиночество, обреченность своего существования. Импрессионистическая образность в этих рассказах сменяется психологичностью «утонченного реализма», способностью воссоздавать мир через «призму воспоминаний». Приверженность прошлому — отличительная черта героев З., источник их «краткого оптимизма». Памяти о прошлом З. придает глубокий нравственный смысл; способность жить воспоминаниями о «прекрасных мгновениях» соединяется у З. с пониманием долга, ответственности перед жизнью, трагичной для каждого отдельного существования, но бесконечно прекрасной по своим возможностям, «по замыслу Творца» («Жемчуг», «Мой вечер» и др.). Гуманистические начала мировоззрения писателя при этом соединяются с его религиозно-мистическими представлениями,

с осознанием человеческой жизни как «бремени не от мира сего» («Актриса»). Эти же мотивы характерны для драм З.— «Верность», «Ариадна», «Усадьба Ланиных». Подобно «драмам настроений» А. П. Чехова, пьесы З. бессобытийны, лиричны. Однако лиризм здесь направлен не к будущему, как у Чехова, а к прошлому; чувствую мучительный разлад с жизнью, герои З. решительно отстраняются от реальности, оставляя себе в удел лишь воспоминания и сознание верности своему жизненному долгу.

В 10 гг. произведения З. печатались в альманахах «Шиповника», в популярных литературно-художественных журналах того времени. В 1913 г. вышел его первый роман — «Дальний край». В романе, охватывающем эпоху революционных событий и последующей реакции, З. остался верен своей субъективной лирической манере. Общественно-политические события служат лишь фоном для изображения внутреннего мира персонажей — представителей молодой интеллигенции. Стихия революционной бури чужда героям З. Богато одаренные внутренне, отвлеченные от мира реальности романтической устремленностью к вечному, в «дальний край», герои З. лишены общественного темперамента, «слабы, нежны и трогательны, как дети» (Дерман А. Новый роман Б. Зайцева // Современный запад.— 1913.— № 7.— С. 147). В 1916 г. вышла новая книга рассказов — «Земная печаль». В этих произведениях, как и в последующей повести «Голубая звезда» (1918), тема одиночества, непрочности жизненных связей («Мать и Катя», «Маша», «Бездомный») соединяется с темой трагедии буржуазно-городской культуры, оторванной от живых природных корней («Петербургская дама», «Богиня»). В тоне повествования обнаруживает себя созерцательность авторского мироотношения, господствует настроение отрешенности от земной жизни, предчувствие вечности. Картины жизни освещены закатным светом «кроткой осенней стихии», овеяны «легким дуновением времени» («Осенний свет», «Земная печаль»); звучит мотив «неизбежной разлуки с земным». В 10 гг. З. работал над циклом очерков, вошедших затем в книгу «Италия». Путешествие в Италию З. считал «одним из крупнейших фактов» своего духовного развития (Биографические сведения.— С. 66). Очерки написаны в импрессионистической манере; яркость живописных зарисовок природы и людей Италии соединяется с тонкостью проникновения в жизнь и культуру этой страны.

Во время войны 1914 г. З. жил в имени отца Притыкино Тульской губ. В 1916 г. поступил в Александровское военное училище в Москве. В авг. 1917 г. вернулся в Притыкино, где жил до 1921 г., затем переехал в Москву. Руководил Московским книгоиздательством писателей (где вышло первое собрание сочинений; 1916—1919); служил в Кооперативной лавке писателей.

Был избран председателем Всероссийского союза писателей. В этом же году им был издан сборник рассказов «Улица святого Николая», где отразилось негативное восприятие З. революционных событий 1917 г. В 1922 г. после тяжелой болезни получил разрешение выехать с семьей за границу. Жил в Берлине, Италии, с 1924 г.— в Париже. Основной темой творчества З. в эмиграции стала тема России «недавней, но уже не существующей». Здесь им были созданы романы «Золотой узор» (1926), «Дом в Пасси» (1935), повести «Анна» (1929), «Странное путешествие» (1927), книга очерков и воспоминаний «Москва» (1939), автобиографическая тетралогия «Путешествие Глеба» (1937), «Тишина» (1948), «Юность» (1950), «Древо жизни» (1953). Автобиографические романы представляют собой лирическое «путешествие в память», любовное воссоздание незабываемых черт мира, навсегда ушедшего в прошлое. З. писал также художественные биографии: «Жизнь Тургенева» (1932), «Жуковский» (1951), «Чехов» (1954). В годы немецкой оккупации Парижа работал над переводом «Божественной комедии» Данте (вышел в 1961 г.); им был написан также художественный очерк о жизни великого итальянского поэта. Писал произведения на религиозные темы: «Преподобный Сергей Радонежский» (1925) и др.

Соч.: Собр. соч.: В 13 т.— Спб., 1906—1911; Собр. соч.: В 7 т.— Берлин—Петербург—Москва, 1922—1923; Путники.— Париж, 1921; Избранные рассказы.— Белград, 1929; Тихие зори.— Мюнхен, 1961.

Лит.: Русская литература XX века / Под ред. С. А. Венгера.— М., 1916.— Т. 3.— Кн. 8.— С. 65—80; Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей.— 3-е изд.— М., 1917.— Вып. 3.— С. 205—222; Горнфельд А. Г. Лирика Космоса // Горнфельд А. Г. Книги и люди. Литературные беседы.— Пб., 1908.— Т. 1.— С. 13—21. Л. А. Юркина

ЗАЙЦЕВ, Варфоломей Александрович [30.VIII (11.IX). 1842, Кострома — 6(18).I.1882, Кларан, Швейцария] — публицист, литературный критик, переводчик. Вырос в семье мелкого чиновника, часто менявшего по характеру службы место жительства. В 1862 г. отец покинул семью, и совсем еще юному З. пришлось взять на себя заботы по материальному обеспечению матери и младшей сестры. В итоге он не получил систематического образования: не учился в гимназии, окончил всего один курс юридического факультета Петербургского университета и затем три курса медицинского факультета Московского университета. Однако З. много занимался сам, и это придало его знаниям довольно значительную широту. В 1863 г., переехав из Москвы в Петербург в поисках литературного заработка, З. находит работу в «Библиографическом листке» журнала «Русское слово», где регулярно выступает с разборами литературных и научных новинок. Неполные три года жизни З., связанные с этим журналом (апрель 1863 — октябрь 1865), — кульминационный мо-

мент: его творческого пути, благодаря которому он вошел в историю русской критики.

Хотя инициатором особого «нигилистического» направления «Русского слова» был, безусловно, его редактор Г. Е. Благосветлов, в сознании читателей оно связывалось прежде всего с именами Д. И. Писарева и З. Нигилизм — понятие, вошедшее в умственный обиход эпохи благодаря Тургеневу. Критики «Русского слова» развили базаровское отрицание в обоснованную систему, с азартом отмечая устоявшиеся ценности во имя идеала, имевшего ясную социалистическую окраску. Ближайшим учителем считали Н. Г. Чернышевского, деятельность которого одушевляла надежда на скорую народную революцию, основанная на вере в социалистические потенции крестьянской общины. Писарева же и З. окружала иная, изменившаяся реальность: необратимый спад крестьянских волнений после 1863 г., ускорившееся становление капиталистического уклада в стране. Неверие в самостоятельную революционную активность народа побуждало передать дело его освобождения от самодержавно-помещичьего гнета целиком в руки демократической интеллигенции. Отсюда задача прогрессивного публициста — воспитание революционного меньшинства, пристальное внимание к вопросам личности, просветительская работа. Для того чтобы внушить молодежи «правильное» мировоззрение, требовалось сначала уничтожить все те умственные, нравственные, психологические «путы», которые оставались от старого порядка вещей: в философском плане — идеализм и метафизику, в социально-политическом — преклонение перед патриархальной крестьянской общиной, в этическом — альтруистические иллюзии, в эстетическом — престиж искусства. Взамен же утвердить материализм и эмпиризм, авторитет разума, прогресса и естественных наук, «разумный эгоизм» и утилитаризм. В осуществлении этой программы активную роль играл З. «Русское слово» было так же невозможно без З., как оно было невозможно без Писарева. Только вместе, пополая один другого, они составляли одно целое... Писарев был пропагандист, З. — боец...» (Шелгунов Н. В. Воспоминания. — С. 190). Современникам З. запомнился именно как яркий, азартный, остроумный полемист, не особенно стеснявшийся в средствах и не останавливавшийся ни перед какими крайностями, если они вытекали из дорогих ему убеждений. Работая в «Русском слове», он вел интенсивную и разнонаправленную полемику почти со всеми тогдашними журналами: «Русским вестником», «Отечественными записками», «Эпохой», «Библиотекой для чтения», а также с «Современником». «Раскол в нигилистах» (так назвал Ф. М. Достоевский ожесточенную вражду двух революционно-демократических журналов 60 гг.) касался многих вопросов: отношения к народу как революционной силе, оценки база-

ровского типа, общественного значения искусства. Более частные пункты полемики, связанные исключительно с именем З., — это вопрос о неграх и о философии А. Шопенгауэра. Оппонентами З. в «Современнике» были М. Е. Салтыков-Щедрин и М. А. Антонович, против них направлены статьи: «Глуповцы, попавшие в «Современник», «Гг. Постороннему и всяким прочим сатирикам» и др. Нередко З. первым высказывал рискованную, оригинальную мысль, а Писарев, чей талант был художественнее и глубже, спустя время развивал и усложнял ее. Так случилось, напр., с оценкой А. С. Пушкина. Еще в 1863—1864 гг. в статьях «Сочинения Лермонтова», «Гейне и Берне», «Белинский и Добролюбов» З. уничижительно отзывался о поэте как о «мелкой и жалкой личности», презренной «художественной натуре» без серьезных убеждений. По сути то же отношение, только в более развернутом виде, — в знаменитой статье Писарева «Пушкин и Белинский» 1865 г.

Хотя З. и не признавал философии, как таковой, ставил на ее место систему обобщенных законов естествознания, его собственное мировоззренческое кредо, очевидно, сформировалось в русле широкой традиции философского рационализма, как материалистического, так и идеалистического толка. Ясно ощущаются генетические токи, идущие от просветителей XVIII в., Г. В. Ф. Гегеля и Л. Фейербаха (которого, однако, З. не признавал), позитивистов и эволюционистов О. Конта, Г. Спенсера, Дж. Ст. Милля, главным же образом — от механистических материалистов К. Фохта, Л. Бюхнера, Я. Молюшотта. З. отождествлял мышление и движение материи, что в области психологии вело к психофизическому монизму (сыгравшему с ним злую шутку при рассмотрении работы И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга» — З. не смог верно понять мысль ученого, за что подвергся справедливой критике Антоновича), а в области социологии — к признанию того, что интеллектуальное развитие — главный двигатель общества. Механистический материализм З. эволюционировал в сторону сенсуализма, позитивизма, агностицизма. В целом его мировоззрение эклектично. Особенно это заметно в статье «Последний философ-идеалист», где З. обнаруживает явную философскую беспомощность, объявляя Шопенгауэра «философом-натуралистом, руководившимся эмпирикой» (Избр. произв. — Т. 1. — С. 279). «Современник» в лице Антоновича справедливо указывал на этот промах З.

Социально-исторические взгляды З. также противоречивы. Следуя традиции утопического гуманизма, он считает, что пороки личности целиком детерминированы обществом. Сама по себе природа человека добра и прекрасна. Значит, исторический процесс — это постоянное приспособление несовершенных социальных условий к ее потребностям. В то же время, вслед за

вульгарными материалистами и Г. Т. Боклем, З. уверен в том, что исторический процесс зависит от влияния климата, почвы, пищи и т. д., а судьба индивида в обществе определяется наследственностью. Биологическое неравенство ставит предел равенству социальному. Так становится возможным чудовищный вывод З.: оправдание учением Дарвина невольнической участи негров («Единство рода человеческого» Катрфажа). В статье «Естествознание и юстиция», доказывая нелепость буржуазного правосудия, З. сначала апеллирует к тому, что преступник — жертва неблагоприятных социальных условий, а затем к тому, что он продукт своей биологической природы, дурной наследственности. З. не замечает, что эти объяснения построены на диаметрально противоположных представлениях о человеческой природе.

Революционность и реформизм причудливо сочетались во взглядах З. Его исторический оптимизм питала безграничная вера в социальный прогресс и биологическую эволюцию. Оба эти понятия З., вслед за Спенсером и Боклем, отождествлял. С этим связано своеобразное для социалиста отношение З. к капиталистическому развитию России. Как прогрессиста его привлекала в капитализме возможность индустриального и естественнонаучного скачка, который может в короткий срок двинуть эволюцию далеко вперед. Тогда и придет время для практической постановки социального, рабочего, вопроса, который вполне может быть разрешен на пути реформ (здесь З. ссылается на опыт Ф. Лассалля). Ведь прогресс коснется не только материальной, но и биологической, психической, нравственной сферы как трудящихся, так и нынешних эксплуататоров. В этом суть естественнонаучного обоснования социализма у З. Революционные, насильственные средства годятся скорее для свержения самодержавия, все еще стоящего на пути прогресса. При этом капитализм для З. отнюдь не идеал общественного строя, а лишь необходимая ступень на одобренном «новейшей» наукой пути к народному счастью. Так, в статье «Маколей» он прямо заявляет: «Мыслящие люди Европы... желают чего-то гораздо лучшего, чем владычество буржуазии». Отсюда понятен интерес З. к рабочему вопросу. С этих позиций он оспаривает точку зрения Антоновича («Современник») о возможности особого, по сравнению с Западом, пути исторического развития России (к социализму — через крестьянскую революцию, минуя капитализм). Вместе с Писаревым З., признавая огромные заслуги Н. А. Добролюбова, критикует его за идеализацию народа: «Добролюбов восторгался там, где следовало учить...» («Белинский и Добролюбов»).

Этические взгляды З. частично восходят к «антропологическому принципу в философии» Чернышевского, а также — к «утилитарианизму»

Милля и прогрессистско-гедонистической теории Спенсера. Понимание прогресса (социального и биологического) как постепенного нарастания в человеке возможности наслаждения и способности к нему приводит З. к мысли, что «польза и добродетель — одно» (Рассуждения и исследования Дж. Ст. Милля // Избр. произв. — Т. I. — С. 351). Поэтому «из принципов утилитаризма совершенно логично и ясно для всех вытекают правила общественной нравственности» (Там же. — С. 335). Более того, утилитарист может совершать высочайшие подвиги самопожертвования. Герой, по мнению З., идет на страдание потому, что находит его для себя «выгодным», ибо покупает им себе более высокое — нравственное — наслаждение.

Искусство — объект наиболее жестокой нигилистической атаки. Вслед за Чернышевским Писарев и З. признавали законность стремления человека к прекрасному, ибо оно источник наслаждения. Но так как вне действительности истинно прекрасного нет, то искусство, по их мнению, бесполезно. Любовь к искусству, по З., следствие ненормального развития личности в современном европейском обществе. Более того, искусство вредно, ибо, с одной стороны, отвлекает умственные силы от естественнонаучного знания — единственного условия прогресса, а с другой — поглощает национальные средства, которые могли бы пойти на развитие науки и производства. Утрируя мысли Чернышевского и Добролюбова, З. отрицает за искусством самостоятельное, специфически художественное значение. Его существование может быть временно оправдано только в одном случае: если оно служит популяризации передовых научных и общественных идей. И то лишь до тех пор, пока умственное развитие масс не позволит им воспринимать эти идеи непосредственно. Принцип «пользы» — в основе суждений З.-критика. Им определяются его литературные симпатии и антипатии: сводится на нет значение творчества М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета. Они послушные выразители мироощущения окружавшей их дворянской среды, чуждой идеям прогресса («Сочинения Лермонтова», «Белинский и Добролюбов», «Стихотворения А. Фета»). Так, «гусарское воображение» Лермонтова способно было породить только «пятитигорских франтов» и «раскаявшихся шулеров». Одобрения З. заслуживают Н. А. Некрасов, Н. Г. Помяловский, Г. Гейне, Л. Берне («Стихотворения Н. Некрасова», «Гейне и Берне»). Их произведения проникнуты верными идеалами и стремлениями. Это мыслители, лишь облекающие свои выводы в доступную массам форму. На антинигилистические романы А. Ф. Писемского, Н. С. Лескова и В. П. Ключникова З. обрушивается за клевету на молодое поколение («Взбаламученный романист» и др.). Как на пример объективного изображения нигилиста

указывает, вслед за Писаревым, на тургеневского Базарова.

Задача современной литературной критики, по мнению З., — судить «по обществу о литературе» («Белинский и Добролюбов»), т. е. оценивать литературные произведения по степени их соответствия реальным нуждам общественной жизни. Он резко разграничивает публицистику и критику, считая, что дело последней — исключительно эстетические вопросы, и тем самым, исходя из своего взгляда на искусство, лишая ее всякого значения. Ценность критических статей Белинского и Добролюбова — в их публицистическом содержании. Причем Белинский упрекается за чрезмерное пристрастие к эстетическим красотам, а Добролюбов признается плохим критиком, что, однако же, делает ему только честь, ибо Добролюбов не ставил перед собой литературно-критических целей, а был сатириком и публицистом под вынужденными обстоятельствами личной критика. В этом — объяснение критического метода самого З.

Помимо «Русского слова», в 60 гг. З. сотрудничал и в других отечественных изданиях: «Книжном вестнике», «Народной летописи».

В апреле 1866 г., после выстрела в Александра II, З., давно вызывавший недовольство III отделения, был арестован по подозрению в связях с Д. В. Каракозовым и посажен в Петропавловскую крепость. Однако одного «морального соучастия» оказалось недостаточно для обвинения, и через четыре месяца он был освобожден. Из сырых казематов вынес ревматизм, вскоре отразившийся на сердце, и болезнь глаз. Еще до ареста З. вышел из состава редакции «Русского слова», недовольный «эксплуататорскими» методами ведения журнала Г. Е. Благовсего. По выходе же из крепости нашел «Русское слово» закрытым за «вредное направление». С 1866 г. большинство статей и переводов З. запрещалось и уничтожалось. Жить было не на что, здоровье ухудшалось, маячила угроза нового ареста. В 1867 г. З. женился на Е. Е. Кутузовой, разделявшей его взгляды, и начал добиваться разрешения на выезд за границу. Только в 1869 г. семье (у Зайцевых родилась дочь) удалось обосноваться во Франции. На родину З. больше не вернулся.

В Европе в поисках заработка и контактов с революционной эмиграцией он часто меняет места жительства: Женева, Турин, Локарно, Ментона, Кларан. В 1869—1870 гг. связан с I Интернационалом, где примкнул к бакунистам в противовес марксистам. Однако бакунинской идеи «политического воздержания» З. в анархизме не принимал, считая, что реально достигнуть анархии можно лишь при условии предварительного наличия в стране политических свобод, обеспечивающих развитие общественного сознания. Поэтому в 1877 г. З. включается в политическую борьбу на страницах конституционалист-

ского органа «Общее дело» (Женева), хотя все либеральные свободы считает лишь промежуточной ступенью к общественному идеалу. Выстрел В. Засулич приветствует как знак пробуждения политического самосознания в России. Все его симпатии — на стороне террористической партии. В годы эмиграции З. старается сохранить связи с петербургской журналистикой и издательствами. Изредка печатается в «Отечественных записках», «Деле», «Неделе», «Знании». Составляет два тома «Руководства всемирной истории»: «Древнюю историю Востока» (1878) и «Древнюю историю Запада» (1882), в которых проводит идеи прогресса и естественнонаучного обоснования исторического процесса. Особое внимание уделяет периоду финской демократии. Книжки, статьи, переводы З. с трудом находили дорогу в печать на родине. Основным источником существования становится преподавание (частные уроки, чтение лекций в пансионе Парша в Кларане, куда З. переезжает в 1881 г.). Здоровье его все больше расстраивается, смерть была скоротечной.

Судьба литературно-публицистического наследия З. сложная. Часть политических памфлетов, созданных в годы эмиграции, была напечатана отдельными брошюрами в Женеве в начале XX в. Критика же и публицистика «Русского слова» была частично собрана и издана в Москве в 1934 г. Его противоречивое наследие до сих пор не получило достаточно объективной и глубокой оценки.

Соч.: Избр. произв. — М., 1934. — Т. 1.
Лит.: Шелгунов Н. В. Воспоминания // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т. — М., 1967. — Т. 1; Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута. — СПб., 1905. — Т. 1; Волынский А. Л. Раскол в радикальной русской журналистике 60-х гг. // Северный вестник. — 1895. — № 1; Соусун В. Г. В. А. Зайцев как литературный критик // Литература и марксизм. — 1928. — Кн. 1; Кирпотин В. Я. В. А. Зайцев // Очерки по истории русской критики. — М., 1931. — Т. 2; Козьмин Б. П. Раскол в книжниках // Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. — М., 1961; Кузнецов Ф. Ф. Журнал «Русское слово» и революционная демократия // Вопросы литературы. — 1963. — № 2; Он же. — Публицисты 1860-х годов. Круг «Русского слова». — М., 1980. О. А. Богданова

ЗАМЯТИН, Евгений Иванович [20.I(1.II).1884, Лебедянь Тамбовской губ. — 10.III.1937, Париж] — прозаик, драматург. Родился в небогатой дворянской семье. Детство З. прошло в маленьком провинциальном городке на юге России, неторопливая, сонная жизнь которого, не лишенная своеобразного патриархального колорита, послужила материалом для многих произведений будущего писателя. Окончив в 1902 г. с золотой медалью Воронежскую гимназию, З. поступает на кораблестроительный факультет Петербургского политехнического института. Студенческие годы оказались насыщенными бурными политическими событиями, в которых З. принимает самое активное участие. Совершая заграничное плава-

ние в качестве практиканта на пароходе «Россия», он становится свидетелем восстания матросов на «Потемкине», впечатления от которого легли позже в основу рассказа «Три дня» (1913). Во время революции 1905—1907 гг. З. примыкает к партии большевиков, за революционную деятельность подвергается аресту и высылке в родной город, но продолжает нелегально жить в Петербурге и ближайших к нему городах с 1906 по 1911 г. и лишь по амнистии 1913 г. получает право на проживание в столице. Вспоминая впоследствии об этом периоде своей жизни, З. характеризовал его как время своей влюбленности в революцию. Одновременно он совершенствуется в избранной им профессии, проявляя незаурядные способности инженера-кораблестроителя. После окончания в 1908 г. Политехнического института З.—преподаватель корабельной архитектуры. Литературный дебют, состоявшийся в том же году в журнале «Образование», оказался неудачным. Но уже с выходом в свет повести «Уездное» в пятом номере за 1913 г. руководимого Р. Ивановым-Разумником журнала «Заветы» к З. приходит настоящая литературная известность и широкое признание. Критика единодушно приветствовала появление «нового таланта». Здесь же, в редакции журнала З. знакомится с М. Пришвиным и А. Ремизовым, оказавшим заметное влияние на творческую манеру раннего З. В последовавших за «Уездным» повестях «Алатырь» (1914), «На куличках» (1914) и многочисленных рассказах окончательно откристаллизовались те свойства, которые придавали прозе молодого автора неповторимое своеобразие несмотря на явно прослеживающуюся связь с традициями Гоголя, Лескова, Салтыкова-Щедрина, а из современных ему прозаиков — А. Белого, Ф. Сологуба. Его имя органично вошло в ряд молодых талантливых прозаиков, заявивших о себе в 10 гг., таких, как А. Чапыгин, В. Шишков, М. Пришвин. Они сочетали верность реализму со стремлением использовать достижения модернизма в области художественной формы. Критика объединяла их под общим именем «неореалисты». Позже в ряде статей, написанных после революции, З. была создана эстетическая теория неореализма. Он считал неореализм искусством синтетическим, сочетающим «влюбленность в жизнь и взрывание жизни», «фантастику с бытом», снимающим противоречие между тезой реализма и антитезой символизма (З а м я т и н Е. О синтетизме // Анненков Ю. Портреты.— М., 1922.— С. 28).

В острой, гротескно-сатирической форме показана З. в его ранних произведениях жизнь провинциальной, уездной Руси с ее зоологическим бытом, скукой, бездуховностью, культом «съедобного бога» (А. Воронский). Вершиной этого периода творчества З. стала повесть «Уездное». Ее высоко оценил М. Горький, сравнив по силе обобщения со своим «Городком Оку-

ровом» и назвав «вещью, написанной по-русски, с тоскою, с криком» (Архив М. Горького.— М., 1969.— Т. XII.— С. 218). В ней вставал образ бессмертного и страшного в своем тупом равнодушии мещанства, постоянного оплота политической реакции. В «Уездном» З. сразу же проявил себя как настоящий мастер слова. Сказовая манера повествования, воспринятая им в «школе» Лескова и Ремизова, придавала изображаемому трагикомический оттенок, позволяя автору всегда сохранять ироническую дистанцию.

Не менее беспросветной показана З. жизнь обитателей другого провинциального города — Алатыря в одноименной повести. Однако сквозь уродливые и нелепые черты быта алатырцев пробиваются их робкие и столь же нелепые мечты о какой-то иной, нездешней жизни. «Алатырь» — это повесть о бесконечной маниловщине русской провинции. Наибольшей обличительной силы З. достигает в повести «На куличках», за напечатание которой номер журнала «Заветы» был конфискован, а редакция и автор преданы суду. Живописуя дикие нравы, царящие на заброшенном на край света дальневосточном военном сторожевом посту, З. обнажил всю глубину нравственного разложения русского офицерства. Критический пафос повести, направленный против военного сословия, позволял поставить ее в один ряд с «Поединком» Куприна и «Бабаевым» Сергеева-Ценского.

Одновременно с отрицанием Руси обывательской и чиновничьей в З. жила вера в Русь народную, в ее здоровые исконные начала. По роду службы З. довелось побывать во многих уголках России, особенно сильное впечатление произвела на него поездка на Русский Север. Не люди, а богатыри под стать могучим вековым лесам, среди которых они живут, населяют отдаленную северную деревню в рассказе З. «Кряжи» (1915). В крестьянской жизни З. видел также много темного и страшного (рассказы «Чрево», 1913; «Письменно», 1916), но именно в народной среде он находил чистые и цельные характеры («Африка», 1916).

Занятия литературой и вхождение З. в литературные круги не заставили его, однако, бросить свою основную профессию, и в 1916 г. он отправляется в качестве эксперта по строительству ледоколов в Англию, где работает на крупнейших предприятиях Лондона и других промышленных городов. По его чертежам для воюющей России было построено несколько мощных ледоколов, которые после революции продолжали служить уже социалистическому Отечеству. В перерывах между чертежами З. работал над повестью «Островитяне» (1917) и рассказом «Ловец человек» (1918), навеянными его лондонскими впечатлениями. С беспощадным остроумием высмеивал З. доведенную до абсурда регламентированность и ограниченность жизни лондонских обывателей. Технократическая цивилизация,

перед которой они преклоняются, их самих превратила в машины, лишила всех человеческих чувств. И если, повествуя о сонном растительном существовании русского захолустья, З. опирался на традиции Гоголя и Салтыкова-Щедрина, то, сатирически изображая английского мещанина, он обращается к опыту высоко ценимых им Г. Уэллса и А. Франса. Его стиль становится суше, лапидарнее, скорее графичным, чем живописным.

Революционные события, развернувшиеся в России, заставляют З. в начале 1917 г. покинуть Англию, где, по его собственному признанию, ему «стало невмочь», и вернуться на родину. Здесь он сближается с М. Горьким и активно участвует во всех культурных начинаниях, им руководимых: работает в издательстве «Всемирная литература», «Комитете исторических пес», имеет самую близкую причастность к деятельности Дома ученых и Дома искусства. Одновременно он читает курс новейшей русской литературы в Педагогическом институте им. Герцена, входит в правление Всероссийского союза писателей, сотрудничает еще в нескольких петроградских издательствах и журналах. Под непосредственным влиянием З. находились многие молодые литераторы, входившие в группу «Серапиевны братья». От него ими было воспринято особое внимание к построению сюжета, выверенности каждой фразы, образной выразительности языка. Сказовая манера повествования нашла свое органичное продолжение в «орнаментальной» прозе 20 гг.

Художественное творчество З. послереволюционного периода отразило те колебания и сомнения, с которыми им были встречены последовавшие за «веселой, жуткой зимой 17—18 года» (Повести, рассказы.— С. 33) события гражданской войны и эпохи военного коммунизма. Во многих рассказах 20 гг., таких, как «Пещера», «Мамай», «Церковь божия», «Дракон», «Икс», «Сподручница грешных», «Рассказ о самом главном», «Послание Замутия, епископа обезьянского», драме «Огни св. Доминика», З. сосредоточивает свое внимание на крайностях, отрицательных сторонах разнообразного и противоречивого революционного процесса. Одним из центральных вопросов, особенно волновавших З., становится вопрос о насилии. В неизбежной жестокости классовой борьбы З. видит жестокость неоправданную, осуждает гражданскую войну как братоубийственную («Рассказ о самом главном», 1923). Его собственные взгляды на сущность революции отразились в программной статье «О литературе, революции, энтропии и прочем» (1923), в которой революции социальной как частному проявлению З. противопоставляет революцию космическую, универсальную, призванную противостоять всякому застою, догматизации найденной истины, ведущих к энтропии, рассеянию духовной энергии. Двигателями

космической революции, согласно З., являются еретики всех времен и народов. В содержании статьи явно слышны отголоски полемике, являющую З. вел с теоретиками Пролеткульта, восставая против их стремления к идеологической и эстетической регламентации всей советской литературы.

«Еретическая» позиция, которую сознательно занимал З. в 20 гг., с наибольшей отчетливостью выразилась в романе «Мы» (1920), написанном в жанре антиутопии. Роман не был опубликован в свое время в советской печати, но получил хождение в литературных кругах, где был воспринят как пародия на будущее коммунистическое общество. В романе действительно содержались сатирические парафразы некоторых вульгаризаторских концепций построения социализма, выдвигавшихся в те годы некоторыми ультралевыми идеологами пролетарской культуры.

Однако объективно содержание романа было направлено против опасности, которая подстерегает любое общество, в котором произошло смещение ценностей и значение отдельной личности полностью нивелировано, низведено до уровня винтика в государственном механизме. Драматичная и противоречивая история XX в. подтвердила, что опасения З. оказались справедливыми. З. как автор «Мы» стал одним из родоначальников жанра антиутопии в западной литературе. Его традиции были продолжены в творчестве О. Хаксли, Д. Оруэлла, Р. Брэдбери.

В 20 гг. получила продолжение и другая линия в творчестве писателя. Рассказы «Ела», «Север», «Русь» (последний был написан под впечатлением живописи Б. Кустодиева) были навеяны глубокой любовью З. к русскому народному началу со всем его пестрым колоритом, тихийным размахом и удалью. Эти же мотивы прозвучали и в пьесе «Блоха», созданной на основе сказа Н. С. Лескова «Левша», которую сам З. назвал «опытом воссоздания русской народной комедии» (Собр. соч.— Т. 1.— С. 175). Пьеса была поставлена в 1925—1926 гг. сразу двумя театрами — МХАТ-2 и Большим драматическим театром в Ленинграде и имела триумфальный успех. Одновременно З. была осуществлена инсценировка повести «Островитяне», шедшая под названием «Общество Почетных Звонарей». Законченная к 1928 г. пьеса в стихах «Аттила», получившая высокую оценку Горького, так и не была поставлена.

Появление за рубежом без разрешения автора переводов романа З. «Мы» (первый перевод на английский язык вышел в 1924 г.) послужило поводом для широко развернутой рапповской критикой кампании по политической дискредитации З. В результате он был вынужден выйти из состава Всероссийского союза писателей и постепенно лишился всякой возможности публиковать свои произведения. Несмотря на труд-

ность для него такого шага, в 1931 г. З. подает прошение на имя И. В. Сталина с просьбой разрешить ему выехать за границу. По ходатайству М. Горького просьба З. была удовлетворена, и в 1931 г. он покинул родину, сохранив советское гражданство. За границей, как им было предсказано в «Автобиографии»: «...Если бы в 1917 г. не вернулся из Англии, если бы все эти годы не прожил вместе с Россией — больше бы не мог писать» (Повести, рассказы.— С. 34), З. не создал ничего значительного. Среди последних произведений З. были проникнутые глубоким уважением к личности М. Горького воспоминания о нем, написанные в 1936 г., после смерти великого пролетарского писателя. Скончался З. в 1937 г. в Париже и был похоронен на кладбище в окрестностях города, где обычно хоронили бедных русских эмигрантов.

Соч.: Собр. соч.: В 4 т.— М., 1929; Повести, рассказы / Вступ. ст. О. Михайлова.— Воронеж, 1986; Мы // Знамя.— 1988.— № 4—5; Соч. / После сл. М. Чудаковой.— М., 1988. Лит.: Григорьев Раф. Новый талант // Ежемесячный журнал для всех.— 1914.— № 12.— С. 82—85; Полоцкий Вяч. Заметки о молодых: Чаныгин, Никандров, Замятин // Летопись.— 1916.— № 3; Балаика Д. Е. Замятин («Уездное») // Балаика Д. Е. В лаборатории поэта (Ф. Сологуб, А. Белый, Е. Замятин).— Белые, 1917.— Вып. 1; Воронский А. Евгений Замятин // Воронский А. Искусство видеть мир. Портреты. Статьи.— М., 1987; Андреев Ю. Революция и литература.— М., 1987.— С. 44—50; Василевский А. Открывая Замятину // Октябрь. 1987.— № 3; Примочкин Н. Н. М. Горький и Е. Замятин... // Русская литература.— 1987.— № 4; Шайтанов И. Мастер // Вопросы литературы.— 1988.— № 12. Т. В. Постникова

ЗАСОДИМСКИЙ, Павел Владимирович, псевдоним — *Вологдин* [1(13).XI.1843, Великий Устюг Вологодской губ. — 4(17).V.1912, Опеченский Посад Новгородской губ.] — прозаик, публицист, критик. Предки З. были коренными вологжанами. Фамилия *Засодимский* образовалась, очевидно, от названия местной речки *Содимы* (за *Содимой*). Детство З., пятого ребенка в небогатой дворянской семье, прошло в провинциальной вологодской глуши, в постоянном общении с деревенскими людьми. Родители старались развить в мальчике чувства любви и уважения к простому народу, сострадание к его тяжелой доле. В доме была прекрасная библиотека. 9 лет З. написал повесть о сироте, который из-за жестокосердия людей умер у входа в храм от холода и голода. З. считал, что унаследовал литературные способности и общечеловеческий темперамент от своего деда по отцу Михаила Андреевича Засодимского, писателя и педагога, отдавшего много сил просвещению своих земляков и избранного «почетным гражданином Вологды». В 1856 г. З. поступил в дворянский пансион при Вологодской гимназии, где столкнулся с невежественными учителями, унижительными наказаниями, вплоть до телесных. В 1858—1860 гг. в гимназию проникают прогрессивные веяния, обновляется состав педагогов. З. знакомится с произведениями Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого. «Позже наряду с Герценом, —

писал он, — сильное влияние оказали на мое умственное развитие и на склад моих убеждений Чернышевский и Добролюбов» (Автобиографическая заметка П. В. Засодимского.— С. 146). Преподаватели отмечают литературные склонности З. Окончив гимназию, З. отказывается от чиновничьей карьеры, хотя к этому времени его родители были разорены и не могли помочь сыну. Он уезжает в Петербург и поступает в 1863 г. на юридический факультет университета, где усиленно занимается общественными науками. Однако через полтора года из-за отсутствия средств вынужден был оставить учебу. З. уезжает домашним учителем в Пензенскую губ. Начались долгие годы материальных лишений, скитаний по стране. Став профессиональным литератором, З. из-за тяжелых условий жизни спешил с публикацией произведений, иногда не имея возможности их доработать. «...У меня умер сын — мое первое дитя. Он умер, как я думаю, оттого, что у меня не было трех рублей для того, чтобы немедленно позвать доктора и купить лекарств... Одним словом, вышла одна из миллионов обыкновенных историй, какие ежедневно разыгрываются во всех уголках земного шара в мире пролетариев... всю ночь, последовавшую за смертью сына, я должен был работать, кончать статью для журнала» (Из воспоминаний.— С. 284). В 1867 г. З. знакомится с революционно-демократическими кругами.

Журнал «Дело» принимает к публикации первую повесть «Грешница». В 1868—1869 гг. З. живет в Вологде, сотрудничая в «Деле». Здесь он близко и на всю жизнь сошелся со ссыльным Н. В. Шелгуновым, которому посвящает вторую повесть «Темные силы» (1870), написанную на местном материале. Обе повести раскрывают беспросветность жизни городской бедноты, ее тяжелый труд, вечную нужду. В это же время З. сближается со своими земляками-вологжанами Н. Ф. Лермонтовым и М. В. Куприяновым, народниками из кружка «чайковцев». З. близки их нравственные искания. В 1872 г. он с энтузиазмом учительствует в Новгородской губ., в сельской школе, открытой профессиональной революционеркой С. А. Лешер; по поручению журнала «Дело» обследует молочные и кузнечные артели в Тверской губ. Из наблюдений над деревенской жизнью в Вологодской, Пензенской, Тамбовской и др. губ. он черпал материал для творчества. «Половину моей жизни я провел в деревне, среди народа...» (Из воспоминаний.— С. 40). Произведения часто не вмещались в рамки разделяемых им народнических теорий и даже опровергали их, что отметил М. Горький: «Там, где политическое учение могло ограничить его художественную силу, он умел встать над политикой» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т.— Т. 24.— С. 65). Это проявилось уже в первом романе З. «Хроника села Смурина» (Отчетственные записки.— 1874., под псевдонимом *Вологдин*), где глу-

боко освещены противоречия пореформенной деревни, показана борьба мужиков с кулаками, которые вкупе с помещиками жестоко их эксплуатируют. Прототипом главного героя, крестьянского вожака Дмитрия Кряжева был, по свидетельству З., крестьянин Псковской губ. Максим Брунов, обвиненный в подстрекательстве крестьян к неповиновению властям. Под руководством Кряжева смуринские мужики попытались организовать в деревне народное производство и встретили яростное сопротивление богатей всех мастей. Народнические симпатии не помешали писателю уже в 70 гг. показать неизбежность краха всех артельных начинаний. Кряжев понял, что частными мерами жизнь не изменить. В главе «Начало конца» он говорит: «...нужно брать выше, хватать глубже!.. Разве в корыте можно море переплыть!..» Выводы З. в последней главе романа звучали революционно, поэтому Салтыков-Щедрин смог опубликовать из нее лишь одну страницу.

В 1873—1877 г. раскрылось дарование З. и как детского писателя. На протяжении 30 лет в журнале «Детское чтение» он печатает произведения для детей «Задушевные рассказы» (1883—1884), которые пользовались неизменным успехом и не раз переиздавались. Популярны были сборники для детей «Задушевные рассказы» (1883—1884), «Бывальщины и сказки» (1888), «Свет и тени» (1895). Он также выступает со статьями и рецензиями в газете «Педагогический листок» (приложение к журналу).

В своих последующих произведениях для взрослых З. продолжает писать о разложении деревни, ее обнищании и расслоении, политической незрелости мужика, общественной пассивности основной массы крестьян, не получивших ни земли, ни воли: романы «Кто во что горазд» (1878), «Степные тайны» (1880), многочисленные очерки и рассказы. В 1878 г. после поездки по родной Вологодчине публикует очерки «Лесные тайны», в которых с документальной точностью передает тяжелей быт жителей «зырянского края». З. сотрудничает исключительно в демократической прессе: «Отечественных записках», «Слове», «Русском богатстве» и др. В конце 1880 г. он редактирует в течение 5 месяцев журнал «Слово». Это был самый яркий период в истории журнала. В 1878 г. З. открывает в Петербурге частную библиотеку для литераторов и общественных деятелей, которая была также местом встреч революционеров и хранилищем нелегальной литературы.

Писатель верен демократическим идеалам и в годы реакции, наступившей после 1 марта 1881 г.

В 1885 г. З. публикует роман «По градам и вёсям», посвященный «хождению в народ». В герое романа, разнощиче Феофане Верюгине отразились черты друга З. народника Феофана Лермонтова, арестованного за революционную деятельность и погибшего в заключении. Верюгин странствует по Руси, пытаясь пробудить в годы безвременья общественное самосознание людей.

Потерпев неудачу в деревне, он отправляется в город, «где дымят высокие фабричные трубы и где толпы закоптелых рабочих встречаются на улице», чтобы продолжать свое дело. З. показывает бессмысленность жизни интеллигенции, отказавшейся в годы реакции от общественных идеалов: повесть «Песня спета» (1888), очерк «Веретъев» (1889). Он разоблачает обывателей, живущих «на острове Личного Благополучия»: рассказ «Перед потухшим камельком» (1891), получивший высокую оценку Л. Н. Толстого, роман «Спасайся, кто может!» (1894). В ряде произведений З. 90 гг. прозвучали отголоски толстовского учения о непротивлении злу насилием, особенно в романе «Грех» (1895), где показано разложение патриархальной семьи из-за денежных отношений и нравственное возрождение старого крестьянина после «очищения от греха». Однако поиски нравственного идеала не зачеркнули общественно-политических интересов писателя.

В 1891 г. З. был выслан из Петербурга за выступление на похоронах Шелгунова и после долго был под негласным надзором полиции. В 1908 г. он уехал в Новгородскую губ. и поселился в деревне, где скончался и был похоронен.

В последние годы жизни З. по-прежнему много работал, многие его статьи на самые злободневные темы остались неопубликованными. В вышедшей в 1908 г. книге «Из воспоминаний» рассказано о дружбе, сотрудничестве за 45 лет активной литературной и общественной деятельности с Н. А. Некрасовым, А. И. Левитовым, В. С. Курочкиным, Г. И. Успенским, Н. Н. Златовратским, А. И. Эртелем, С. Н. Кривенко, В. М. Гаршиным, Д. Н. Маминым-Сибиряком, И. А. Буниним. За год до смерти З. выпустил книгу исторических очерков «Деспотизм, его принципы, применение и борьба с деспотизмом» (1911).

Жизнь и творчество З. тесно переплетались, составляя редкое по красоте и гармонии единство. Литература была для З. главным делом жизни. «Я писал потому, что всегда был убежден... что по мере моих сил исполняя известную часть общей работы, забрасывая в душу читателя добрые чувства и мысли... делаю свое дело в пространстве, отведенном мне моим талантом и условиями места и времени» (Собр. соч.— Т. 1.— С. 1).

Соч.: Соч. В 2 т.— Спб., 1895; Из воспоминаний.— М., 1908; Автобиографическая заметка П. В. Засодимского // Голос минувшего.— 1913.— Кн. 5; Грешница. Темные силы / Предисл. С. Розановой.— М., 1959; На большой дороге. Перед потухшим камельком / Предисл. В. Путинцева.— М., 1960; Хроника села Смурин: Роман. Воспоминания / Сост., вступ. ст. и примеч. О. В. Шелешниной.— Архангельск, 1986.

Лит.: Протопопов М. А. Писатель-оптимист // Русское богатство.— 1895.— № 9.— С. 101—118; Скабичевский А. М. Засодимский // Новое слово.— 1896.— № 4.— С. 51—73; № 5.— С. 123—139; Щербикова М. К. Беллестрикт-народник // Русская мысль.— 1896.— № 2.— С. 58—82; Дилекторский П. Вологжане-писатели: Материалы для словаря писателей, уроженцев Вологодской губернии.— Вологда, 1900.— С. 30—36; Горький М. Разрушение личности // Собр. соч.: В 30 т.— М.: 1958.— Т. 24; Соколов Н. И. Русская литература и народничество.— Л.,

1968; Спасибенко А. Писатели-народники.— М., 1968; Якушкин Н. И. По градам и весям: Очерк жизни и творчества П. В. Засодимского.— Архангельск, 1965; Гура Виктор. Народный печальник // Гура В. Времен соединение: Очерки. Портреты. Этюды. Обзоры.— Архангельск. 1985. С. В. Кузнецова.

ЗЕНКЕВИЧ, Михаил Александрович [9(21).V.1891, с. Николаевский городок Саратовской губ. — 16.IX.1973, Москва] — поэт, переводчик. Родился в семье учителя. Окончил гимназию в Саратове. Помимо интереса к естественным наукам, в особенности к геологии, рано проявилось увлечение З. поэзией. В 1906 г. его стихи, навеянные событиями первой русской революции, были напечатаны в двух (из четырех успешных выити до закрытия журнала) номерах социал-демократического еженедельника саратовской молодежи «Жизнь и школа». Революционные события оставили след в душе поэта на всю жизнь, их отголоски возникали и в дальнейшем его творчестве.

После окончания гимназии З. поступил на юридический факультет Петербургского университета. В студенческие годы печатался в журналах «Образование», «Новый журнал для всех», «Современный мир», «Аполлон», «Гиперборей», «Заветы». В 1911 г. З. вступил «учеником» в «Цех поэтов», организованный С. Городецким и Н. Гумилевым. В 1912 г. в издании «Цеха» вышла первая книга З. «Дикая порфира». Стихи этого сборника вызвали в печати много откликов. В. Брюсов назвал их «грубо-реалистическими». Но «синдики» «Цеха поэтов» Гумилев и Городецкий, ставшие затем вождями акмеизма, сочли поэзию З. «знаменательной» для нового литературного течения.

Уже в ранних стихах З. было заметно стремление раздвинуть рамки изображаемых событий, проведя исторические или мифологические аналогии, включив их в космическую картину мира. В первом сборнике поэта проявилась та литературная традиция, с которой были связаны эти особенности, идущая от Баратынского и Тютчева: само название «Дикая порфира» было цитатой из Баратынского. Городецкий назвал эту черту «юношеской зоркостью» поэтического взгляда З., обращенного к «скрытому единству» земли и человека.

Поэтическое мировосприятие З. было созвучно акмеистам. Осознавая мир как «золотое единство божественной воли», поэт не находил оправдания «слепому и гордому» духу индивидуализма. Первая книга З. была «глубоким» материи, ее «дикосумрачной» плоти и окрыляющему ее разуму. Воображение поэта вызывало к жизни картины космических превращений («Гимны к Материи», «Свершение», «Земля»), первобытной природы («Ящеры», «Махайродусы», «Человек»). Возникла тема непрочности человеческого существования — «крупинки золотиносной среди темных и могущественных сил природы» («Нити парок», «И нас — два колоса несжатых...», «Поход Александра в Индию», «Два полюса», «Князь») и т. н. «научный цикл» («Воды», «Камни», «Металлы»).

«Гордый царь» земли предстал в стихах З. как закономерное порождение космических процессов, а духовная жизнь человечества — как попытка осознания неким высшим началом красоты и величия мира («Темное родство», «В зоологическом музее», «Сумрачный бог»). З. стремился вернуть человека стихийной силе и «темной мудрости звериной» («Навуходоносор», «Вавилон»), связующим его с миром. Он считал, что именно забвение их привело человечество к господству опасных иллюзий, к тому, что над «огнистым пурпуром» зари люди «возвысили пурпур царской тоги» («Марк Аврелий»).

Гумилев, в «Письмах о русской поэзии» неоднократно обращаясь к сборнику «Дикая порфира», отмечал, что с программой акмеизма стихи З. сближали приятие мира, осознание «самоценности» явлений действительности и стремление «полно и интимно» раскрыть их в поэзии. Близкими гумилевской программе акмеизма (адамизма) были и другие черты стихов З. — обращение к «звериным добродетелям» и «незнанию» законов природы, вещей тайн, ожидание «чуда» их постижения («Рассвет», «Пусть ищут мудрецы...»).

Своеобразие мировосприятия поэта отразилось на особенностях образности его стихотворений. Осознание единства мира привело к исчезновению запретных тем, деталей и сравнений. Так появились натуралистические образы стихотворения «Летние кошмары» из первого сборника и более поздних: «День в Петербурге», «Посаженный на кол» (1912), «Вечная рифма» (1913), «Смерть лося» (1913) и др. Та же тенденция выразилась и в глубоком интуитивном проникновении в жизнь природы («В пшенице», «На обрыве», «Подняв неслышно два прилива...», «Как янтарь, золотистые зерна пшеницы...»).

Самое тяжелое последствие разрыва «глухой связи» человека и космоса З. видел в каждом разрушении, убийстве («Мясные ряды», «Комод», «Валгалла»). Отсюда — его неприятие первой мировой войны, обостренное тем, что летом 1915 г. на фронте погиб его брат.

В «Проводах солнца» (1915) впервые у З. возник обобщенный образ России — и современной, «налитой медной кровью», и исторической, оваянной образами «Слова о полку Игореве». С образом России связана мысль поэта о близости перемен, о пробуждении стихийных сил народа («Сибирь», «Мамонт»).

Октябрьская революция была воспринята З. как проявление творческой воли масс. В первые послеволюционные годы он работал секретарем полевого суда Красной Армии в Саратове, затем секретарем революционного трибунала Кавказского фронта. В 1918 г. вышла его книга «Четырнадцать стихотворений», включавшая стихи прошлых лет. В 1921 г. в Саратове была напечатана «Пашня танков» — сборник, отразивший перемены в его поэтике. Среди акмеистов современники сближали З. только с Вл. Нарбутом, в

остальном ставили его стихи вне акмеизма. Действительно, в идее дестетизации реальности, в обращении к первозданному было общее и с исканиями футуристов. Это проявилось в стихах сборника «Пашня танков», в которых были заметны и футуристические мотивы, и конструктивистские тенденции. Изменилась и лирическая интонация поэта, приобретает ораторскую окраску.

В 1923 г. З. приехал в Москву. Сотрудничал в журналах «Работник просвещения», «Новый мир», издательстве «Земля и фабрика». В его стихах нач. 20-х гг. — воспоминания о гражданской войне, разрухе, тогда же он создал серию поэтических очерков о современной жизни страны. В поэтической публицистике З., в его стиле и темах проявилось влияние Маяковского. Из молодых поэтов внимание З. привлекло творчество Э. Багрицкого и Н. Тихонова.

Во второй половине 20 гг. вышли новые сборники З., все большее место в которых занимали конкретные события и люди. В 1926 г. З. принял участие в составлении антологии «Молодая Германия». В 30 гг. он сотрудничал в горьковской серии «ЖЗЛ», много переводил, выходили и его новые стихи. В годы войны выезжал на фронт, много писал на патриотические темы, редактировал сборники погибших поэтов. В послевоенные годы З. стал крупнейшим советским переводчиком В. Гюго, А. Додэ, В. Шекспира, У. Уитмена, П. Прешерна, современных поэтов США, Англии, Испании, Франции, Болгарии, Югославии, Австралии, Южной Африки.

Соч.: Дикая порфира (1909—1911). — СПб., 1912; Четырнадцать стихотворений. — Пг., 1918; Пашня танков. — Саратов, 1921; Под пароходным носом. — М., 1926; Поздний пролет. — М.; Л., 1928; Машинная страда. — М.; Л., 1931; Избр. стихи. — М., 1932; Избр. стихи. — М., 1933; Братья Райт. — М., 1933; Набор высоты. — М., 1937; Сквозь грозы лет. — М., 1962; Избранное. — М., 1973. Т. П. Буслакова

ЗЛАТОВРАТСКИЙ, Николай Николаевич [14 (26).XII.1845, Владимир — 10(23).XII.1911, Москва] — прозаик. Родился в семье мелкого чиновника, выходца из духовного сословия. Отец З. был человеком прогрессивных убеждений и достаточно хорошо образованным. От него он впервые услышал о деятелях революционно-демократического движения, у него научился уважать и любить народ. Большое влияние на формирование взглядов писателя оказал его дядя А. П. Златовратский, близкий друг Н. А. Добролюбова. Учился З. во Владимирской гимназии, которую окончил в 1864 г. Образование там было поставлено плохо, и З. много и серьезно занимался самообразованием: читал «Колокол», сочинения В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова, Н. Г. Чернышевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, стихи А. В. Кольцова и Н. А. Некрасова. Принимал участие в редактировании рукописного журнала «Наши думы и стремления», который выпускали гимназисты, и там поместил свои первые произведения. Об этом пе-

риоде своей жизни З. рассказывал: «Я писал стихи по Кольцову и по Некрасову, писал рассказы по Тургеневу и Помяловскому, написал даже по Островскому целую драму из народного быта в подражание его «Грозе» и, наконец, стал писать даже классные задачки по Белинскому и Добролюбову» (Воспоминания. — М., 1956. — С. 194). Одновременно с обучением в гимназии окончил двухгодичные курсы и получил звание частного землемера-таксатора. В 1864 г. поступил вольнослушателем на словесный факультет Московского университета, но через год из-за недостатка средств вынужден был его оставить и переехать в Петербург. Там выдержал вступительные экзамены в Технологический институт. Однако мечту получить высшее образование З. осуществить так и не удалось. Материальная необеспеченность (а она преследовала его до конца дней) вынудила писателя в 1866 г. поступить корректором в газету «Сын отечества». В том же году З. под псевдонимом *Н. Череванин* опубликовал свой первый рассказ «Чупринский мир» (Отечественные записки. — № 8. — Кн. 1), где в весьма непривлекательном виде изобразил темных и забытых мужиков, которым предстояло подписать уставную грамоту. Вслед за этим он начал активно сотрудничать в журналах «Искра», «Будильник» и в газете «Неделя», где были напечатаны его очерки и рассказы, посвященные преимущественно жизни пореформенной русской деревни («Деревенские шутники», «Падеж скота», «Провинциальные письма» и др.), а также жизни рабочих («Рассказы заводского хлопца»). З. следующим образом оценивал свои первые литературные опыты: «Очерки и рассказы, напечатанные в «Искре» и «Будильнике», исключительно посвящены народному и провинциальному быту, по наблюдениям, главным образом почерпнутым им самим из своей землемерной практики. Почти все эти очерки носили резкий обличительно-реалистический характер, подражая общему тону тогдашней популярной беллетристики и не отличаясь еще яркой индивидуальностью» (Воспоминания. — с. 8). Это признание во многом объясняет происхождение псевдонима *Маленький Щедрин*, которым З. подписывал многие свои произведения и который должен был указать на приверженность молодого писателя сатирическому направлению. Но вскоре З. понял, что сатира чужда его дарованию. Гораздо ближе ему оказалось творчество писателей-демократов Ф. Д. Нефедова и А. И. Левитова, черпавших темы своих произведений из жизни, которую он сам хорошо знал. В начале 70 гг. З. возвратился в родные места и вскоре создал целый цикл произведений, в которых проявил себя серьезным исследователем сложных процессов, происходивших в пореформенной деревне, и выразителем взглядов и настроений, близких к главному течению общественно-политической мысли того времени — народничеству. Об

этом свидетельствовало первое большое произведение З. — повесть «Крестьяне-присяжные» (Отечественные записки. — 1874. — № 12; 1875. — № 3). О влиянии, которое оказало на него участие в революционно-демократическом журнале «Отечественные записки», З. позднее писал Салтыкову-Щедрину: «Вы сами знаете, что даже то немногое, что я успел еще сделать лично, было испытано только при неослабном участии ко мне редакции «Отечественных записок». Без этого стороннего участия моя деятельность была бы немислима» (Литературное наследство. — М., 1934. — Т. 13—14. — С. 366). В 1876 г. З. вернулся в Петербург. Конец 70 — нач. 80 гг. — самый активный и плодотворный период литературной деятельности писателя. Он публикует повесть «Золотые сердца» (1877—1878), где рассказывает о судьбе разночинцев-демократов, решивших посвятить свою жизнь народу, рассказы «Авраам» (1879), «Деревенский король Лир» (1889), «Горе старого Кабана» (1880), в центре которых — хранители крестьянских патриархально-общинных традиций, вступивших в конфликт с кулаками, насаждавшими в деревне новые, буржуазные отношения. В 1880—1881 гг. З. редактировал артельный народнический журнал «Русское богатство», а в 1881—1882 гг. был членом литературной артели, издававшей журнал «Устои». В своих публицистических и беллетристических произведениях, созданных в эти годы: «Деревенские будни» (1879), «Очерки деревенского настроения» (1881), «Красный куст» (1881), З. нарисовал широкую картину пореформенной жизни русского крестьянства, показал, как все большую власть в деревне приобретают разного рода буржуазные хищники. При этом писатель считал единственным способом оградить деревню от засилья мирового укрепления крестьянской общины, в чем откровенно проявились его народнические иллюзии. Идеализируя патриархально-общинные отношения, З. тем не менее, как и другие писатели-народники (Г. И. Успенский, П. В. Засодимский, Н. Е. Каронин-Петропавловский и др.), не мог не видеть, что в деревне уже воцарились буржуазные отношения, что крестьянская община разрушается и что главенствующее положение в ней занимают кулаки.

В 1878—1883 гг. З. работал над своим программным произведением — романом «Устои», где главное внимание сосредоточил на раскрытии общественно-исторических судеб русской деревни и описании общинных форм крестьянской жизни. Писатель стремился показать незыблемость общинных «устоев», высокую нравственность крестьянского мира. Он с любовью рисует таких хранителей «мирской» идеологии, как Мосей Волк, его дочь Ульяна, крестьянин Мин Афанасьевич. Им противопоставлен жестокий хищник Петр Мосей, принесший в деревню дух предпринимательства и наживы. Работа над романом продолжалась долго, что не могло не отра-

зиться на его идейной и художественной цельности. За это время во взглядах З. произошли серьезные изменения. Если раньше писатель свято верил в «устои» крестьянской общины и был убежден, что их можно уберечь от разрушительного влияния буржуазных отношений, то теперь пришел к выводу, что сделать это невозможно. З. грустит об уходящей патриархальной деревне и свои надежды на будущее связывает с такими «беззаветными романтиками», как Мин Афанасьевич и его сын Ян, верящими в то, что «в этой жизни должна быть правда», которую только нужно найти. Но как и где найти ее, эту «правду», писатель показать не сумел.

В «Устоях» отчетливо проступили сильные и слабые стороны мировоззрения и творчества З. В романе отразилась утопическая сущность народнического социализма, в котором, по словам В. И. Ленина, не было «ни грама социализма» (Полн. собр. соч. — Т. 21. — С. 258), но который вместе с тем явился формой протеста трудового крестьянства против надвигавшегося капитализма. Уже современная З. критика (А. Н. Пыпин, Н. К. Михайловский) указывала на некоторую искусственность сюжетного построения и действующих лиц романа, на их преувеличенно выраженную «программность», на обилие искусственно включенных в ткань произведения книжных терминов народнического толка. Действительно, многим образом в «Устоях» свойственна подчеркнутая многозначительность. Это, как правило, не просто характеры людей, но еще и носители определенного начала (социального, морального, трудового). Так, Н. К. Михайловский отметил, что писатель «дал в «Устоях» ряд не столько живых лиц и подлинных положений, сколько схематических фигур, долженствующих воплотить оттенки двух борющихся духов» — общинного и индивидуалистического» (Полн. собр. соч. — Сиб., 1911. — Т. 8. — С. 728).

В 1883 г. З. переехал в Москву, где прожил до конца жизни. В середине 80 гг. писатель пережил идейный кризис, связанный с разгромом революционного народничества. На какое-то время он оказался под сильным влиянием учения Л. Н. Толстого, с которым был знаком и переписывался, что нашло свое отражение в ряде произведений («Искра божия», «Белый старичок», «Мои видения»). Писатель все реже обращается к изображению жизни народа. Героями его произведений становятся преимущественно представители разночинной интеллигенции, утратившие веру в прежние идеалы и делавшие безуспешные попытки сближаться с народом («Скиталец», 1881—1884; «Барская дочь», 1883; «Безумец», 1887, и др.). Вместе с тем в эти же годы З. создал несколько произведений, посвященных жизни кустарей Нижегородской губ. («Город рабочих», 1885; «Мечтатели», 1893).

В начале 900 гг. принимал активное участие в кружке «Московские литературные среды»,

организованном Н. Д. Телешовым. Революцию 1905 г. З. встретил сочувственно и свое к ней отношение выразил в очерке «Три легенды о революции в России». В 1909 г. был избран почетным академиком по разряду изящной словесности. В последние годы З. написал ряд автобиографических и мемуарных произведений: «Так это было» (1890 и 1910), «Детские и юношеские годы» (1908—1910 и 1911) и «Литературные воспоминания» (1895—1897, 1910), куда вошли интересно и ярко написанные литературные портреты А. И. Левитова, Н. А. Добролюбова, И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. И. Эртеля.

Творчество З. является неотъемлемой частью художественного наследия писателей т. н. «литературного народничества» (Ф. Д. Нефедов, Н. И. Наумов, Г. И. Успенский, П. В. Засодимский, Н. Е. Каронин-Петропавловский и др.), к которому можно отнести слова В. И. Ленина о необходимости освободить в нем от напластования народнических утопий и иллюзий «здоровое и ценное ядро» демократизма крестьянских масс (Полн. собр. соч.— Т. 22.— С. 121). Этот демократизм ценили у З. писатели нового периода развития русской литературы, в первую очередь М. Горький.

Соч.: Собр. соч.: В 8 т.— Спб., 1912—1913; Избр. произв. / Вступ. ст. А. Егорова.— М., 1947; Устоп. / После сл. Ф. Заузола.— М., 1951; Воспоминания / Вступ. ст. С. А. Розановой.— М., 1956.

Лит.: Протопопов М. Последовательный народник // Критические статьи.— М., 1902; Буш В. В. Н. Н. Златовратский // Очерки литературного народничества 70—80-х гг.— Л.; М., 1931; Яковлев Н. В. Златовратский // История русской литературы.— М.; Л., 1956.— Т. IX.— Ч. I; Спассибенко А. П. Н. Н. Златовратский // Писатели-народники.— М., 1968; Соколов Н. И. Н. Н. Златовратский // Русская литература и народничество.— Л., 1971; Семенов К. Г. Н. Н. Златовратский. Очерк жизни и творчества.— Ярославль, 1976; Шпаковская Е. А. Н. Н. Златовратский и М. Е. Салтыков-Щедрин // Русская литература 1870—1890-х гг.— Свердловск, 1979.— С. 40—65. Н. И. Якушин.

И

ИВАНОВ, Вячеслав Иванович [16(28).II.1866, Москва — 16.VII.1949, Рим] — поэт, драматург, переводчик, философ и теоретик русского символизма. После окончания гимназии, где особенно увлекается древнегреческим языком, занимается на историко-филологическом факультете Московского университета, в 1886 г. уезжает в Германию, чтобы работать в семинаре у знаменитого историка Теодора Моммзена. За границей И. проводит более десяти лет: он много путешествует, собирая материалы об эллинском культе бога Диониса, завершает образование защитой диссертации в Берлине по истории, пишет стихи, не думая об их публикации.

Наиболее значительное событие «зарубежно-

го» периода в духовном и творческом развитии И.— знакомство с философией Фридриха Ницше. Особенно сильное и заметное влияние на него оказала идея Ницше о «духе музыки», составившим будто бы основу эллинской культуры и придавшим ей цельность. «Дух музыки», которому Ницше дает имя Диониса,— это сугубо иррациональное начало, это иступление, разрушающее границы между личностью и миром, это восторженное упоение жизнью, не ограничиваемое моральными нормами, переживаемое «по ту сторону добра и зла». Однако при всем увлечении Ницше, что сказалось больше и прежде всего в его работе «Эллинская религия страдающего бога» (1904), И. не принимает ницшеанского принципа индивидуализма. Для него «сверхчеловеческое», в котором находит исход экстатическое «дионисийское» состояние,— это не индивидуализм, а сверхличное, всенародное, это «вселенское», «соборность», что в конечных определениях И. означает религиозную общность людей.

До 1903 г. И., по его собственному признанию, «не был литератором». Но первый же изданный им в 1903 г. сборник стихов «Кормчие звезды» приносит ему широкую известность, упрочившуюся вышедшим вскоре стихотворным сборником «Прозрачность» (1904) и трагедией «Тантал» (1905).

В «Кормчих звездах» обозначились характерные и для последующего творчества И. темы, мотивы, образы: верховное, жизнестроительное значение духовных истин, противопоставление идеализации Руси, воплощающей утопическую «соборность», индивидуалистической буржуазности, надежда на возрождение религиозной общности. Стилевое же своеобразие этой «книги лирики» определяется стремлением автора к поэтическому возрождению старинного русского слова, что и ориентирует его на до-пушкинскую, державинскую традицию стиха, приводит к насыщению его стихов славянизмами. И. переносит изобразительно-выразительный акцент на отдельное слово, этот основной для него «носитель» поэтического смысла. Содержательную роль и функцию слова поэт «подчеркивает» и синтаксическим членением строки и ее ритмической организацией (преобладание двухсложных размеров, большое количество сверхсистемных ударений).

Как поэт И. не оказал сколько-нибудь заметного воздействия на развитие русской поэзии. Но в разработке и обосновании литературно-эстетической теории русского символизма ему принадлежит решающая роль. Вместе с тем именно статьи И. выявили и неисполнимость средствами искусства «тех заданий», которые поставил перед ним символизм.

И. требовал, «чтобы символизм был в полной мере искусством» («О границах искусства»). Он призывал символистов к образному отражению

действительности: «Истинному символизму свойственнее изображать земное, нежели небесное... Истинный символизм не отрывается от земли... Он не подменяет вещей и, говоря о море, понимает земное море...» («Мысли о символизме»). Он критикует и художников-«идеалистов», создающих «представление о вещи, заведомо отличное от нее» («Две стихии в современном символизме»), и авторов аллегорических, условных образов. Им И. противопоставляет художников, которые дают «только правильный список, точную копию, верную оригиналу...» (Там же). И хотя И. называл символизм «символическим реализмом», его эстетика родственнее натурализму, чем реализму.

При всех декларациях о «верности» вещам, И. отводит им то сугубо прикладное назначение, какое они имели в идеалистической и мистической философии. Эта философия провозглашает параллелизм двух миров — «земного и небесного». И за миром реальных, данных чувственному опыту явлений, за миром «феноменов», предлагалось провидеть мир «ноуменов», т. е. мир духовных сущностей, не доступных ни чувственному, ни рассудочному познанию и постигаемому лишь путем откровения. И «...дело художественного гения, — декларирует И., — являть ноуменальное в облачении феномена» («Лев Толстой и культура»). Средство же, которое, с точки зрения И., способно выявить мистический смысл образов земных явлений, — это «сознательно выраженный художником параллелизм феноменального и ноуменального... означенные соответствий и соотношений между явлением... и его умопостигаемой или мистически прозреваемой сущностью» («Заветы символизма»).

И. отчетливо сознает, что подобное символистское «задание» поставило бы искусство в ситуацию, которую сам определяет как «противоречия между ликом Альдонсы и ликом Дульсинен» («Лев Толстой и культура»). Действительно, образы явлений «земной» действительности, тем более «точные списки» этих явлений, всем смыслом своих предметных и других деталей, всем своим «облачением» являлись и могли явить только реальную же, земную жизнь. Возникло поистине трагическое символистское противоречие между объективным значением образа и тем мистическим смыслом, какой предлагали «вычитывать» из него символисты.

Предметы, явления реальной действительности оказали, следовательно, упорное сопротивление символистским «заданиям». Вот почему художественные опыты символистов в эпических и драматических жанрах, которые отражали по преимуществу именно предметный, «феноменальный» мир, оказались практически бесплодными; и собственно символических произведений они не создали. И. переориентирует литературу символистов на лирику, которая предоставляла им большую свободу для выражения мистического

содержания. Разочарованный в вещах, он теперь единственным символом, способным соединить предельное с беспредельным, объявляет слово. А для этого, учит И., оно должно стать «специфическим словом», «только намеком», «неадекватным внешнему слову» («Поэт и чернь»), «тайнописью неизреченного», «первым и смутным воспоминанием о священном языке жрецов и волхвов» («Заветы символизма»).

Но противоречие между «ликами» сохраняется и на этом, условно говоря, речетворческом направлении: как ни изобретательны были символисты в том, чтобы ослабить логическую стихию слова, преобразовать семантический строй речи, вычертить «специфические», ассоциативные круги слова, воплощенное в нем понятийное, общенародное содержание нейтрализовало «намекы» и «тайнопись».

Выход из противоречия И. ищет в принципе «творческой субъективизации», а по сути — в субъективном истолковании любого художественного произведения как символического: «...от нашего восприятия существенно зависит, символическим является для нас данное произведение или нет. Мы можем, например, символически воспринимать слова Лермонтова: «Из-под таинственной, холодной полумаски звучал мне голос твой...» — хотя, по всей вероятности, для автора этих стихов приведенные слова были равны себе по логическому объему и содержанию и он имел в виду лишь встречу на маскараде... нас, символистов, нет, — если нет слушателей-символистов» («Мысли о символизме»).

И., следовательно, выносит критерий символичности произведения за границы его образно-выразительной системы, смещает центр тяжести с результата творческого отражения жизни на отношение к нему. Но тем самым символизм, как заметил А. Белый, подводил искусство к той черте, за которой оно переставало быть искусством. И в своих «заданиях» искусству стать теургией, особым типом духовной деятельности, И. переступает эту черту. Его теория преобразования драмы в мистерию имела своей целью создание не театра, а религиозного действия. А такое действие, признавал сам И., отвечало не эстетической, а религиозной норме: театр-мистерия «внеположен эстетике» («Эстетическая норма театра»).

И. замкнул круг, по которому вращалась символистская эстетическая мысль. Попытка преобразовать искусство в особый тип культуры, а точнее — в тип новых жизненных отношений поставила искусству внеположные ему цели. И в 1910 г. И. прочтет доклад «Заветы символизма», в котором признает: «Исторической задачей символической школы было раскрыть природу слова, как символа, и природу поэзии, как символика истинных реальностей. Не подлежит сомнению, что эта школа отнюдь не выполнила своей двойной задачи».

Заметное место в культурной жизни Петербурга заняла «башня» И. В квартире, где он поселился в 1905 г. по возвращении из-за границы, собираются художники, поэты, философы, ученые всех направлений, чтобы обсуждать новые произведения, доклады. В 1911 г. И. издает первый сборник своих стихов «Сог ardens», в 1912 г.— второй. В 1919 г. появляются его лирико-философский цикл «Человек» и трагедия «Прометей».

И. с его религиозными идеалами и социальной утопией, обращенной в идеализированное прошлое России, не мог принять Октябрьской социалистической революции. И поэтому после периода лояльного сотрудничества с Советской властью (1918 г.— работа в театральном отделе Наркомпроса, 1920—1924 гг.— профессор, а затем ректор Бакинского университета, заместитель наркома просвещения Азербайджана) И. в 1924 г. эмигрирует в Италию, где в 1926 г. принимает католичество. Но до конца 30 гг. он сохраняет советское гражданство и советский паспорт. Это и приводит к тому, что приверженцы фашистов отменяют избрание И. профессором Флорентийского университета, по той же причине он не смог стать и профессором в Каирском университете.

В Риме И. получает работу и литературные заказы от католических изданий и учебных заведений, переводит на русский язык Данте, Петрарку, а на европейские языки — свои произведения. В 1925 г. опубликовал «Римские сонеты», а незадолго до смерти закончил работу над сборником своих стихов 1914—1944 гг. «Свет вечерний».

Соч.: Борозды и межи.— М., 1916; Стихотворения и поэмы.— Л., 1978.

Лит.: Богданов В. А. Самокритика символизма // Контекст-84.— М., 1986; Русская литература и журналистика начала XX века.— М., 1984 (глава «Модернистские издания»). В. А. Богданов

ИВАНОВ, Георгий Владимирович [29.IX(11.X), 1894, Студенки Ковенской губ.— 26.VIII.1958, Иер-ле-Пальмье, Франция] — поэт, прозаик, мемуарист, переводчик. Родился в дворянской семье, учился во Втором кадетском корпусе в Петербурге (не окончил). Печатался с 1910 г. в различных журналах. В 1912 г. примкнул к группе эгофутуристов, его стихи появлялись в газетах «Нижегородец» и «Петербургский глашатай» вместе со стихами других эгофутуристов. В 1912 г. под маркой кружка «Эго» вышла первая книга И.— «Отплытие на о. Цитеру» (название навеяно одноименной картиной А. Ватто, любимого художника И.). В сборнике, встреченном критикой (В. Брюсов, Н. Гумилев, М. Лозинский, И. Игнатьев) как многообещающее выступление молодого поэта, эгофутуристические новации были лишь слабо заметны. Наиболее отчетливо ощущалось влияние М. А. Кузмина,

с которым И. связывали не только творческие, но и житейские отношения.

В 1913 г. И. демонстративно порвал с эгофутуристами, напечатав вместе с поэтом Грааль-Арельским (С. С. Петровым) два специальных письма-отречения в журналах «Гиперборей» и «Аполлон», и примкнул к акмеизму, хотя основатели этого течения никогда не считали И. полностью принадлежащим к нему. Акмеистическая ориентация его поэзии с наибольшей отчетливостью выявлялась в сборниках «Горница» (1914) и «Вереск» (1914). Однако в стихах из этих книг отразилась лишь часть акмеистических принципов отношения к миру и к поэтическому слову: они описательны, безмятежны, лишены той внутренней конфликтности, которая ощущалась в лучших стихах А. Ахматовой, О. Мандельштама, Н. Гумилева и др. поэтов-акмеистов. Поэтому сборники подверглись критике не только со стороны лиц, посторонних акмеизму, но и со стороны Н. Гумилева (особенно «Вереск») и С. Городецкого. Отмечая незаурядное поэтическое мастерство И., все критики, писавшие о «Вереске» и «Горнице», говорили о бессодержательности этих книг, вялости стиха.

В 1912—1914 гг. И. много печатается, преимущественно в популярных журналах («Нива», «За 7 дней», «Сатирикон» и др.), что заставляло его нарочито опрощать свои произведения, делать их понятными самому поэтически неграмотному читателю. В сборники стихов эти произведения не всегда попадают, но, несомненно, оказывают заметное влияние и на «серьезное» творчество И. Особенно сильно соприкасалось творчество И. с «массовой» поэзией в годы первой мировой войны, когда он входит в число авторов журнала «Лукоморье», презираемого всеми сколько-нибудь уважающими себя литераторами. Военные стихи отчасти собраны в книге «Памятник славы» (1915). Они отличаются многословностью, ура-патристическими настроениями и принадлежат к числу худших во всем творчестве И.

Стихи И. 1916—1917 гг. собраны в книге «Сады» (1921), отличающейся полнейшим классицизмом стихотворных форм, скульптурностью, описательностью, тяготением к экзотическим сюжетам. Такая направленность творчества вызвала уничтожающую критику почти всех, писавших об этой книге. Типичен отзыв Л. Лунца: «...стихи Г. Иванова образцовы. И весь ужас в том, что они образцовы» (Книжный угол.— 1922.— № 8.— С. 49). Еще резче были отзывы о сборнике «Лампада» (1922), куда были включены стихи, напечатанные ранее, но не вошедшие в книги. В 1919 г. планировавшийся к печати сборник «Горница» (насколько можно судить, почти совпадавший по содержанию с «Лампадой») рецензировал А. А. Блок, сказавший о раннем творчестве И. горькие, но вполне справедливые слова: «Слушая такие стихи <...>, можно вдруг заплакать — не о стихах, не об авторе их, а о

нашем бессилии, о том, что есть такие страшные стихи, не обделенные ничем — ни талантом, ни умом, ни вкусом, и вместе с тем — как будто нет этих стихов, они обделены всем, и ничего с этим сделать нельзя. <...> Это — книга чело- века, зарезанного цивилизацией, зарезанного без крови, что ужаснее для меня всех кровавых зрелищ этого века» (Собр. соч.: В 8 т.— Т. VI.— С. 337).

По-настоящему вошел в русскую поэзию И. своими поздними стихами, написанными в эми- грации, куда он стбыл в 1922 г. Книги «Розы» (1931), «Отплытие на о. Цитеру» (1937), «Стихи 1944—1958» (1958) проникнуты трагическим мироощущением человека без ро- дины. Этот трагизм оживляет прежде холодные и безжизненные стихи И., превращая их в явления искусства.

В предреволюционные годы И. написал не- сколько критических статей, замеченных в ли- тературных кругах. Его деятельность как критика была также ориентирована на эстетическую кон- цепцию акмеизма, понятого как мастерство чистых форм и прославление «живой жизни».

В эмиграции И. печатал мемуарные статьи, часть которых собрана в книге «Петербургские зимы» (1928, 1952). Книга мастерски напи- сана, однако многочисленные отступления от ист- орической достоверности вызывали резкие про- тесты (в частности, в полемике с книгой И. писалась «История одного посвящения» М. И. Цветаевой, многократно зафиксированы от- рицательные высказывания о ней А. А. Ах- матовой).

Соч.: Респанд атома.— Париж, 1938; Собрание стихов.—
Юрибург, 1978; Стихотворения // Знамя.— 1987.— № 3.
Лит.: Жирмунский В. Г. Иванов. Версек // Русская
воля.— 1917.— 16 янв.; Гумилев Н. Письма о русской
поэзии.— Пг., 1923. Н. А. Богомолов

К

КАМЕНСКИЙ, Василий Васильевич [6(18).IV. 1884, на пароходе, река Кама, между Пермью и Сарапулом — 11.XI.1961, Москва] — поэт. Дед (со стороны матери) был капитаном парохода, отец — смотрителем золотых приисков. В четыре года мальчик остался круглым сиротой и воспитывался в семье тетки А. Трушовой, муж которой был управляющим буксирным пароходством в Перми. «Все детство прошло в доме на камской пристани, — вспоминал о своих ранних годах К., — среди пароходов, барж, плотов, лодок, крючников, матросов, водоливов, капитанов» (И это есть. Автобиография.— С. 5).

В шестнадцать лет, недоучившись в город- ской школе, юноша вынужден был поступить конторщиком в бухгалтерию Пермской железной дороги. Вскоре К. выступил в печати, опублико-

вав в газете «Пермский край» ряд заметок об эксплуатации мелких служащих, о беспорядках в железнодорожном хозяйстве. Свел знакомство с местными марксистами (В. Н. Трапезников, П. А. Матвеев и др.), оказавшими значитель- ное влияние на формирование его политических взглядов.

Увлечшись театром, бросает службу, стано- вится актером и до 1904 г. кочует по России в сезонных труппах. Оказавшись без ангажемента в Севастополе, К., воспользовавшись знакомством с капитаном корабля торгового флота, совершает поездку в Стамбул, впечатления от которой ска- зались впоследствии в ряде его произведений (в широком использовании турецкой, татарской, персидской лексики, в ярком изображении вос- точных реалий).

В 1904 г., вернувшись на Урал, К. ведет в Нижнем Тагиле «активную подпольную работу среди рабочих завода и железнодорожных мастерских» (Путь энтузиаста.— С. 63), а в 1905 г. печатает в екатеринбургской газете «Урал» свои первые стихи, исполненные революционного пафоса. После подавления забастовки молодой поэт, который был председателем стачечного комитета, попадает в тюрьму, а по выходе из нее, несмотр- я на взятую у него при освобождении подписку о невыезде, совершает свою вторую восточную поездку (опять в Стамбул, а оттуда в Тегеран).

В 1907 г. поселяется в Петербурге, сдает эк- замен на аттестат зрелости и поступает на сельскохозяйственные курсы. Однако вскоре заня- тия агрономией становятся для К. второстепен- ными. С 1908 г. он начинает активно печатать- ся как поэт, приобретает известность в петербург- ских литературных кругах, становится секретарем, а затем и соредактором журнала «Весна», издававшегося Н. Г. Шебуевым. Одновременно К. занимается живописью: пишет импрессионист- ские пейзажи и экспонирует их на тогдашних модернистских выставках.

В 1908 г. в редакции «Весны» он знакомится с В. Хлебниковым, а весной 1909 г. на верни- саже «Выставке картин современной живописи» — с Д. и В. Бурлюками, Е. Гуро, М. Матю- шинным, Н. Кульбиным. Вместе с ними весной 1910 г. К. издает «Садок судей» — первый сбор- ник оформившейся окончательно к 1912 г. группы «кубофутуристов», видным членом которой ста- новится поэт. Стихи К., вошедшие в «Садок судей», принадлежат к лучшему из написанного им до революции. Для них свойственны влюб- ленность в жизнь, оптимизм мировосприятия, свежее, детски-наивное внимание к повседнев- ным таинствам благорасположенной к человеку природы: «...В полдень, / на речушке Извивуш- ке, / на дощатом плотике, / под зелеными груст- очками, / схоронившись от жары, / я лежу, / И, прислонившись / носом к самой воде, / я гляжу на зеленое дно, / и мне все ясно видно...» (Стихо- творения и поэмы. Серебряные стрелки.— С. 61).

Большинство этих стихотворений было включено К. в законченный им в том же 1910 г. лирический роман «Землянка», в котором заметно влияние «Пана» Кнута Гамсуна. Роман, как и все творчество К. той поры, отличается резкая антиурбанистическая направленность, переходящая в своего рода «неоруссоизм». Главные герои, любящие друг друга юноша и девушка, отвергнув городскую цивилизацию, поселяются в лесной землянке, черпая жизненные силы из весенней стихийной мощи природы. В основу романа легли дневниковые записки, которые вел К., живя в глухой деревушке Новоселы недалеко от Перми летом 1909 г.

После выхода в свет отдельного издания «Землянки» литературная деятельность К. прерывается до конца 1913 г. новым его увлечением — авиацией. К. становится одним из первых российских авиаторов, профессиональным, дипломированным пилотом и совершает платные демонстрационные полеты в различных городах Российской империи.

В декабре 1913 г., оправившись от травмы, полученной при аварии 29 апреля 1912 г. в г. Чепцово, К. приезжает в Петербург и оттуда, вместе с В. Маяковским и Д. Бурлюком, выезжает в лекционное турне по России (Харьков, Симферополь, Севастополь, Керчь, Одесса, Кишинев, Николаев, Киев, Минск, Казань, Пенза, Ростов-на-Дону, Саратов, Тифлис, Баку), продолжавшееся до марта 1914 г. В своих выступлениях К. в основном солидаризируется с позицией В. Маяковского: громит мещанство во всех его проявлениях, ниспровергает устаревшие эстетические каноны, призывает к широкой демократизации искусства. Читает он и специальный доклад «Аэропланы и поэзия футуристов».

Увлечение К. авиацией (и шире — современной техникой) выразилось в издании им пятиугольной книжечки так называемых «железобетонных поэм» под эпиграфическим заглавием «Танго с коровами» (1914), представляющей собой, в силу чрезвычайной полиграфической вычурности, своего рода ребус.

В годы первой мировой войны наряду с активным участием в различных футуристических сборниках («Рыкающий Парнас», «Весеннее контрагентство муз» и др.) К. сотрудничает и в нефутуристических изданиях (журнал «Новый Сатирикон» и др.). Расширяется и круг его литературных знакомств: К. сближается с режиссером Н. Евреиновым и пишет «Книгу о Евреинове» (издана в 1917 г.), знакомится с И. Репиным, встречается с А. Ремизовым, А. Куприным, Ф. Шалыпиным. Знакомится К. и с М. Горьким, водит его по выставкам левой живописи, знакомит с В. Маяковским, способствует появлению горьковской статьи о футуризме в «Журнале журналов» (1915), в которой давалась аналитическая оценка этому течению.

В лирике К. 1914—1917 гг., объединенной в

сборниках «Девушки босиком» (1916) и «Звучаль веснянки» (1918), превалирует влияние красоты «эгофутуризма» модного в те годы И. Северянина, и в целом она уступает ранним стихам. Поэт в эти годы много «гастролирует» по России, пропагандируя футуризм, призывает к оптимизму.

Главная работа К. той поры — «привольный» роман «Стенька Разин» (1916). Опираясь на фольклорные предания о легендарном народном вожде, поэт создал образ Разина — волжского ушкуйника, удалого гусяря, предводителя горемычной сермяжной голи. В 1927 г. текст романа был К. кардинально переработан и превращен в поэму «Степан Разин». Вместе с историческими поэмами «Емельян Пугачев» (1931) и «Иван Болотников» (1934) она составила своеобразную поэтическую трилогию о крестьянских восстаниях XVII—XVIII вв. Эта трилогия — самое ценное в творчестве К. Для нее характерны «оперно-декоративный» подход к изображению исторических событий, упоение стихийной мятежа, вольный стих, тяготеющий к раешнику.

Революцию К. встретил восторженно: вел наглядную поэтическую агитацию в революционной Москве 1917 г., был первым депутатом-писателем в Московском городском Совете депутатов, культработником в Южной Красной Армии.

В лучших стихах и поэмах К. 20—30 гг. — «Гимн сорокалетним юношам» (1924), «Поэма о Каме» (1934), «Каменка» (1925) — стихийно-восторженное отношение к жизни, изначально свойственное его поэзии, обрывает фундамент в социальном оптимизме гражданина нового, советского общества. Однако целый ряд его произведений о строительстве социализма — «Медвежий ров» (1927), «Могущество» (1939) и др. — практически погублены прямолинейной риторикой.

Невысок художественный уровень многочисленных пьес К.: «Здесь слышат разум» (1921), «Скандальный мертвец» (1927) и др., а также двух его романов: «27 приключений Хорта Джойса» (1924) и «Пушкин и Дантес» (1928).

Очень ценны в историко-литературном отношении три мемуарные книги К.: «Его — моя биография великого футуриста» (1918), «Путь энтузиаста» (1931), «Жизнь с Маяковским» (1940). Поэтична очерковая книга К. о его «малой» родине — «Лето на Каменке» (1927).

Соч.: Сборник пьес. — М., 1925; И это есть. — Тифлис, 1927; Избранные стихи / Вступ. ст. А. Ефремина. — М., 1934; Стихотворения и поэмы / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Н. Степанова. — М.; Л., 1966; Путь энтузиаста. — М., 1931; Лето на Каменке. Избранные прозы / Вступ. ст. С. Гинца. — Пермь, 1961.

Лит.: Чукковский К. Василий Каменский. Футуризм. — П., 1922; Евреинов Н. Театрализация жизни // Поэт, театрализуя жизнь. — М., 1922; Гинц С. Василий Каменский. — Пермь, 1984. В. И. Шавыев

КАРÓНИН, С., псевдоним, настоящее имя и фамилия *Петропавловский Николай Еллидифоро-*

вич, известен как Н. Е. Каронин-Петропавловский [5(17). X. 1853, дер. Вознесенская Бузулукского у. Самарской губ.—12(24). V. 1892, Саратов] — прозаик. Родился в семье священника, первые годы жизни провел в деревне. В 1866 г. закончил духовное училище и поступил в Самарскую семинарию. В 1871 г. К. был лишен казенного содержания за непочтительное отношение к начальству и осенью подал заявление о выходе из семинарии. Он стал усердно готовиться к поступлению в классическую гимназию и осенью 1872 г. успешно выдержал экзамен в 6-й класс. Однако учеба в гимназии разочаровала К., он стал пропускать уроки и был отчислен. Увлечись идеями революционного народничества, летом 1874 г. К. принял участие в «хождении в народ». В августе 1874 г. был арестован по «делу 193-х о революционной пропаганде в империи» и помещен в саратовскую тюрьму. В декабре этого же года его перемещают в Петропавловскую крепость в Петербурге. В каземате К. настойчиво занимается самообразованием. После освобождения (1878) К. живет в Петербурге, перебиваясь случайными заработками. Он продолжает революционную деятельность, за что в феврале 1879 г. вновь был заточен в Петропавловскую крепость.

Точных сведений о начале литературной деятельности К. нет. Первые публикации — рассказ «Безгласный» под псевдонимом С. Каронин (Отечественные записки.—1879.— № 12) и повесть «Подрезанные крылья» (Слово.—1880.— № 4—6).

В связи с резким ухудшением состояния здоровья К. в конце 1880 г. был освобожден из крепости, но осенью 1881 г. вновь арестован и по рассмотрении «дела» сослан на пять лет в Сибирь в захолустный городок Курган, где жил с семьей в тяжелых материальных условиях под полицейским надзором. Обвинение жены К. — Варвары Михайловны Линьковой, занимавшейся акушерством, в распространении крамольных мыслей среди больных послужило поводом для ссылки К. с семьей в еще более глухое местечко — Ишим.

В эти годы К. публикует в «Отечественных записках» два цикла рассказов: «Рассказы о парашкинцах» (1879—1881) и «Рассказы о пустяках» (1881—1883), объединенных общим замыслом. Писатель создает собирательный образ «парашкинцев» (Парашка — название деревни в средней полосе России). «Шальное выражение лиц, бесцельность и беспринципность в разговоре, полнейшее отсутствие сознательности — таковы качества, отличающие всех парашкинцев» (Соч.— Т. 1.— С. 138). В «Рассказах о парашкинцах» К. повествует о первом этапе жизни русской пореформенной деревни. Согласно манифесту «парашкинцы» вместо земли и воли получили «болотца», взять которые было то же самое, что повесить через плечо кошель для подаяния («Светлый праздник»). Это была пора надежд и борьбы,

но жизнь развеяла надежды на нравственное («Вольный человек») и гражданское («Безгласный») возрождение народа, надежду найти путь к знаниям («Ученый»). К. раскрывает экономические основы «парашкинского» бытия, показывает, что примитивность средств обработки земли делает крестьянский труд тяжким наказанием («Фантастические замыслы Миняя», «Последний приход Демы»). Полная бесперспективность земледельческой инициативы заставляет К. усомниться в разумности поисков гармонии в пореформенной деревне. Завершает цикл картина полного разорения всех крестьянских усадеб — разрослись лишь владения парашкинского захребетника Елифана Колупаева.

Новому этапу в жизни «парашкинцев» — борьбе с мелочами жизни — посвящен второй цикл, в котором К. с горькой иронией и сарказмом раскрывает пустоту и идиотизм нового деревенского уклада. Савося Быков («Мешок в три пуда») должен всем в округе, его долг столь обширен и необъятен, что ему его никогда не погасить. Вся жизнь Савоси сосредоточена теперь на пустом мешке, который он должен наполнить, чтобы накормить семью. Труженик Гаврила Налимов («Две десятины») тратит всю свою энергию на то, чтобы взять займы землю на ужасно кабальных условиях, но обработать эту землю у него уже не остается сил. Г. В. Плеханов видел «оригинальность» К. в том, «что он, несмотря на все свои народнические пристрастия и предубеждения, взялся за изображение именно тех сторон нашей жизни, от столкновения с которыми разлетятся и уже разлетаются в прах все «идеалы» народников» (Плеханов Г. В.— С. 277).

Рассказы, составляющие циклы, сходны по композиции: вначале дается краткая экспозиция, затем — крупным планом — центральное событие, за которым следуют развязка и авторские рассуждения, включающие в себя сообщение о дальнейшей судьбе героев. Авторские публицистические рассуждения К. насыщены социальнo-нравственной проблематикой, глубоко искренни и последовательны в отстаивании народных интересов.

В центре повести К. «Снизу вверх. История одного рабочего» (Отечественные записки.— 1883.— № 11—12, и Северный вестник.— 1886.— № 6—7) — становление характера Михаила Лунина, который, сбросив путы земледельческого рабства, проникся жизнерадостным чувством освобождения, почувствовал в себе силу, энергию, желание борьбы, жажду счастья.

После окончания срока ссылки в 1886 г. К. живет в Казани, печатает очерки, корреспонденции, фельетоны под псевдонимом Н. Е. Сибиряк в «Казанском биржевом листке» и в «Волжском вестнике». Лето 1887 г. он провел в Екатеринбурге, побывал на уральских заводах, рудниках. Впечатления от удаленного легли в основу ряда

очерков («Из поездки по Уралу», «Золотоискатели»). В 1888 г. К. живет, сильно бедствуя, в Нижнем Новгороде, где весной его посетил А. М. Горький, написавший впоследствии в посвященном К. очерке: «Он часто говорил о людях, которым тяжело на земле, но я не слышал жалоб его на свою полуголодную жизнь, да казалось мне, что он и не замечает, как живет, весь поглощенный исканием правды — справедливости» (Горький А. М. — С. 38).

В конце 80—нач. 90 гг. основной темой творчества К. становятся судьбы разночинно-демократической интеллигенции: им посвящены помещенные в журнале «Русская мысль» повести «Мой мир» (1888, № 2—4), «Места нет» (1889, № 9) «Борская колония» (1890, № 4—6), «Учитель жизни» (1891, № 1—4).

В повести «Мой мир» традиционный для народной литературы сюжет — нравственное исцеление деревенским трудом интеллигента Варина. Здесь К. углубляется во внутренний мир героя, подчеркивает противоречие между его убеждениями и реальной действительностью.

Повествование, в особенности пейзажные зарисовки, окрашено лиризмом. Слова из этой повести: «На свете нет ничего дороже мысли... Люди прекрасны только в той мере, в какой вложена в них эта мировая сила» — Горький вспоминал как «ударившее» его «в сердце» (Горький А. М. — С. 24). В повести «Борская колония» дана острая и непримиримая критика толстовского учения опрошения.

В 1889 г. К. переехал на местожительство в Саратов, где и умер после тяжелой болезни (туберкулез горла). Его похороны превратились в массовую демонстрацию.

Соч.: Рассказы: В 3 т. — М., 1890—1891; Собр. соч.: В 2 т. — М., 1899; Соч. / Вступ. ст. А. Г. Цейтлина. — М.; Л., 1932; Соч.: В 2 т. / Вступ. ст. Г. П. Бердникова. — М., 1958; Повести и рассказы. — Горький, 1983.

Лит.: Плеханов Г. В. Наши беллетристы — народники (С. Каронин) // Плеханов Г. В. Литература и эстетика. — М., 1958. — Т. 2; Горький А. М. Н. Е. Каронин-Петропавловский // Собр. соч.: В 18 т. — М., 1963. — Т. 18; Буш В. В. Творчество Н. Е. Каронина-Петропавловского // Литературные беседы. — Саратов, 1930. — Вып. 2; Фохт У. Р. С. Каронин // Семидесятники. — М., 1935; Смирнский В. Н. Е. Каронин // Волжская новь.—1939.—N; Он же. Новое о Каронине // Урал.—1960.—№ 7; Он же. Еще о Каронине // Русская литература.—1960.—№ 3; Костылев О. С. Каронин и Гл. Успенский // Вестник ЛГУ. Серия истории, языка и литературы.—1961.—Вып. 1.—№ 2; Спасибенко А. П. Писатели-народники. — М., 1968; Храмов М. И. Толстой и С. Каронин (Петропавловский) // Л. Толстой. Статьи и материалы. — Горький, 1973; Он же. О датировке повести Каронина-Петропавловского «Борская колония» // Русская литература.—1975.—№ 2; Он же. К творческой истории повести Каронина-Петропавловского «Бабочкин» (по архивным материалам) // Русские писатели и народничество. — Горький, 1975. — Вып. 1. М. Ф. Иванова

КАСАТКИН, Иван Михайлович [24.III(5.IV). 1880, дер. Барановицы Кологривского у. Костромской губ.—13.V.1938] — прозаик, поэт. Родился в очень бедной крестьянской семье. Родители

из-за бедности вынуждены были покинуть деревню и жили в городах Кологрив, Кострома, Нижний Новгород. К. в школе не учился, грамотой овладел сам. Рано начал работать: был в учении «у серебряных дел мастера», служил в тракторах, торговал книгами, был маляром. В конце 90 гг. приехал в Петербург, работал слесарем на Путиловском заводе, помощником машиниста на электростанции. В это же время начал писать стихи, поэт К. К. Случевский первым открыл ему «тайны» поэтического мастерства. Многие его стихотворения были напечатаны в журнале «Родина». В Петербурге сошелся со студентами, которые ввели его в кружок самообразования. С этого времени К. занимается революционной деятельностью. В 1902 г. стал членом РСДРП. В Нижнем Новгороде вместе с друзьями организовал подпольную типографию, где печатались большевистские листки. Несколько раз сидел в тюрьмах, был 2 года в ссылке под Нижним Новгородом.

Первые прозаические произведения («Путина» («На барках»), «Нянька») К. написал в 1904 г., когда сидел в одиночной камере Нижегородской тюрьмы. Большинство его рассказов было напечатано в газете «Сухододец» (Нижний Новгород), которая отличалась демократической направленностью. В 1907 г. К. послал несколько своих рассказов М. Горькому на о. Капри. М. Горькому они понравились, началась переписка, длившаяся до 1934 г. Зимой 1914 г. состоялась их первая встреча. Дружба с М. Горьким оказала большое влияние на К. В 1909 г. в сборнике «Знание» появился рассказ Касаткина «В уезде» («Осенний ветер»); при содействии М. Горького многие рассказы К. были напечатаны в сборниках «Знание», в столичных журналах «Заветы», «Журнал для всех», «Просвещение».

1904—1914 гг. — это наивысший расцвет творчества К. В этот период написано большинство его произведений. В 1916 г. вышел первый сборник его рассказов под названием «Лесная бьель». После Великой Октябрьской социалистической революции К. много сил и энергии отдаёт организации советской литературы. «Все годы после революции судьба и жизненный путь К. это скорее путь большевика, путь организатора советской литературы», — вспоминает его жена З. А. Исакова-Касаткина (ЦГАЛИ.—Ф. 246.—Оп. 1.—Ед. хр. 174.—Л. 60).

К. много ездил по стране, занимался организацией литературных сил, вел большую работу во Всероссийском Объединении крестьянских писателей. Был председателем правления Всероссийского Союза писателей, являлся членом редколлегии Госиздата, Центральной литколлегии Наркомпроса, одним из редакторов журналов «Красная Нива» (1925—1927) и «Земля Советская» (1931—1932). В 1938 г. К. был незаконно репрессирован.

Основная тема его творчества — русское кре-

стьянство начала XX в., когда деревню потрясли социальные катаклизмы: бурный рост капитализации, растущие социальные противоречия между богатыми и бедными, революция 1905 г. Увлечение поэзией наложило определенный отпечаток на его прозу. Не случайно П. Орешин назвал его произведение «эпическими поэмами... сотканными из одного цельного материала» («Иван Касаткин» // Красная Новь.—1927.— № 4). Его небольшие по объему произведения, как правило, «многочисленные». К. создал целую галерею незабываемых образов русских мужиков, женщин, детей, стариков. В ряде произведений К. рисует правдивые картины страшной жизни деревни в период «раскрестьянивания», когда мужик стремительно нищал: «Мужик» (1907), «Веселый батя» (1910), «Семья» (1911). В ряде рассказов показано, как обездоленная жизнь оборачивается трагедией: «Волчья песня» (1907), «Лесовица» (1909), «Петрунькина жизнь» (1911). Но даже в самых суровых ситуациях лучших героев К. не покидают высокие бескорыстные чувства: доброта, материнская любовь, стремление к прекрасному. К. показал, как может любить, страдать и мечтать о счастье простой русский мужик («На барках» и др. рассказы). В то время, когда реакционная литература стремилась показать, «как туп, грязен и скотоподобен русский мужик» (Горький М. О писателях-самоучках // Собр. соч.: В 30 т.—Т. 24.— С. 134), К. раскрывает нам его непростой и красивый душевный мир. Ряд рассказов К.— о просыпающемся народном самосознании, о мужичьей тяге к знаниям, о его попытках самому разобраться в причинах социальных бед: «Осенний ветер» (1909), «С докукой» (1910), «Торг» (1911), «Богомаз» (1913).

Широкая панорама народной жизни показана в повести «Село Микульское» (1911). Повесть состоит из небольших главок, казалось, не сцепленных между собою ни единством главного героя, ни единством конфликта. И все же повесть представляет собой очень цельное произведение благодаря строго выверенной структуре. Писателю важно разобраться: какой стала деревня после революции 1905 г. И. К. показывает, что в, казалось бы, мирном и тихом селе, стоящем как бы в стороне от исторической жизни, идут глубинные процессы, имеющие большое значение. Оказывается, деревня не смирилась с поражением революции, не испугалась репрессий, а жаждет новой борьбы с учетом приобретенного опыта. «Мужика-то и в зачет не поставили!.. Жила тонка, надорвались без него!..» — так говорит Прохор Шитик, один из мужиков, пытавшийся осмыслить уроки 1905 г.

Заслужгой К. является и то, что он отразил в своем творчестве отмеченный В. И. Лениным факт: «В русской деревне появился новый тип — сознательный молодой крестьянин. Он общался с «забастовщиками», он читал газеты, он рас-

сказывал крестьянам о событиях в городе, он разъяснял деревенским товарищам значение политических требований, он призывал их к борьбе...» (Доклад о революции 1905 г. // Полн. собр. соч.— Т. 30.— С. 316).

Наиболее полно лирический талант К. раскрылся в рассказах о детях: «Нянька» (1908), «Веселый батя», «Кузькина мать» (1910), «Петрунькина жизнь» и др. Эти рассказы обнаруживают трогательную любовь писателя к своим маленьким героям, глубокое понимание детской психологии, умение раскрыть сложный мир ребенка, тонкий юмор.

Большой эмоциональной выразительности добивается К., показывая, как причудливо преломляются драматические события взрослых в мире ребенка и от этого трагедия жизни осознается читателем все острее.

Талант художника-лирика выявился и в пейзажных зарисовках. К. умел живописать словом. Один из его друзей писал об изображении зимнего леса в рассказе «Лоси» (1916): «Дочитывая твоих „Лосей“ я почувствовал, что зябну» (См.: Страхов Н. И. Иван Касаткин (Предисловие) // Иван Касаткин. Перед рассветом.— М., 1977.— С. 23).

Немногочисленные произведения, созданные в советское время, посвященные теме деревни, уже послереволюционной: «Галчата» (1919), «Чудо» (1927), «Задумчивый разговор» (1937), «Детвора» (1937). Ряд рассказов написан о крестьянине на гражданской войне: «Летучий Осип» (1919), «Вражья сила» (1921), «Записки Хорхина» (1928).

Соч.: Собр. соч.: В 3 т. / Предисл. И. Кубикова.— М., 1928—1929; Деревенские рассказы / Вступ. ст. В. Лядина.— М., 1967; Перед рассветом / Вступ. ст. Н. И. Стрехова.— М., 1977; Лесная быль / Вступ. ст. Вс. Иванова.— Ярославль, 1981.
Лит.: История русской литературы конца XIX—начала XX в. Библиографический указатель.— М.: Л., 1963. Д. У. Якибова

КАТЕНИН, Павел Александрович [11(22).XII. 1792, усадьба Шаево Кологривского у. Костромской губ.— 23.V(4.VI).1853, там же; похоронен в с. Борееве, в 1955 г. прах перевезен в г. Чухлому] — поэт, драматург, критик, переводчик. Из родовитой дворянской семьи. Получил домашнее образование, с детства знал ведущие западноевропейские языки. С 1806 г. — служба в министерстве народного просвещения, знакомство с К. Н. Батюшковым и Н. И. Гнедичем (сослуживцами К.). К 1809—1810 гг. относятся первые стихотворные опыты, переводные и подражательные, по сюжетам Вергилия, Оссиана и др., публикации их в журнале «Цветник» (1810). Тогда же начинается драматургическая и театральная деятельность К., воскресившего «Корнеля гений величайший» (А. С. Пушкин), а позднее переводившего для сцены также трагедии Ж. Расина и писавшего оригинальные драмы.

Отечественная война 1812 г. прервала на время литературные занятия. К. — участник Боро-

динской битвы, отличился в сражениях под Кульмом и Лейпцигом, вместе с Преображенским полком дошел до Парижа. Эти события оставили заметный след в его дальнейшей жизни и творчестве: дух граждански-патриотической идейности, героики, театральные впечатления, почерпнутые в артистическом мире взятого русскими Парижа. Память об этом времени К. бережно хранил.

В 1815—1816 гг. написаны баллады «Убийца», «Леший» и «Ольга из Бюргера» — русифицированный перевод немецкой баллады «Ленора», известной по переложению В. А. Жуковского («Людмила»).

С 1816 по 1819 г. К. — член тайных политических преддекабристских организаций («Союз спасения», «Военное общество», «Союз добра и правды»). Потом отошел от них и впоследствии по делу 1825 г. к ответственности не привлекался. В тот период К., вероятно, перевел французский революционный гимн «Отечество наше страдает с припевом «Свобода! Свобода! Ты царствуй отныне над нами!», популярный среди декабристов и дошедший до нас не полностью. Все это дает основание за некоторыми оговорками причислять К. к поэтам-декабристам, тем более что вольнолюбивые мотивы для его лирики вполне органичны. Они не иссякли и в последекабрьскую эпоху: в частности, именно с декабристских позиций «политической смелости» вел К. свое «поэтическое соизяние» с А. С. Пушкиным (Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. — С. 73—85), с которым познакомился еще в 1818 г.

В 1820 г. дослужившийся до чина полковника К., раздражавший начальство своим свободомыслием, был уволен в отставку, а в 1822 г. за «шikanе» в театре» (задевше актрису, которой покровительствовал гр. М. А. Милорадович) — выслан из Петербурга в Шаево. С тех пор выезды К. из костромской глуши, попытки заниматься литературной деятельностью, вновь поступить на военную службу эпизодичны и не приносят ему удовлетворения. В 1827 г. ему удалось опубликовать и поставить на сцене трагедию «Андромаха», в 1832 г. — издать сборник стихов, сочувственно встреченный Пушкиным («Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина», 1833), в 1834 г. — выпустить большую поэму-сказку «Княжна Милуша» (стихотворная фантазия на темы Древней Руси). В 1836 г. журнал «Библиотека для чтения» напечатал поэму-быль «Инвалид Горев», трогательное повествование о горемычной судьбе русского солдата. Были и неопубликованные при жизни К. шедевры, среди них монументальная кантата «Сафо» — о любви и гибели древнегреческой поэтессы.

На время возобновилась и военная служба. С 1834 по 1838 г. К. служил на Кавказе, получил чин генерал-майора, но снова был уво-

лен в отставку и на этот раз навсегда вернулся в Костромскую губ. В последние годы жизни К. почти не писал, жил уединенно. Иногда к нему заезжал сосед по имени А. Ф. Писемский, впоследствии запечатлевший образ К. в романе «Люди сороковых годов» под именем А. И. Коптина. В Николин день (9.V) 1853 г. близ Шаева произошел несчастный случай: К. был разбит лошадыми. Согласно местному преданию, сказал поднимавшему его кучеру: «Подшутил над нами Никола!» Умирал от тяжелых ушибов на руках своего крестника В. Ф. Пяткина. Последние слова поэта: «Ах, Славушка, хорошо умирать весною в мае». Над могилой К. долгое время покоилась плита с надписью — автоэпитафия в стихах (гекзаметрах), сочиненная им незадолго до смерти: «Павел, сын Александров, из рода Катениных. Честно / Отжил свой век, служил Отечеству верой и правдой, / В Кульме бился на смерть, но судьба его пощадила; / Зла не творил никому и мене добра, чем хотелось».

К. — поэт архаической ориентации, превыше всего ценивший церковнославянизмы, всячески отращавшийся от соблазнов и красот романтического жеста и стиля. Резко отзывался о Байроне и считал крайне вредным его влияние на русскую поэзию, ощущал свою принципиальную несовместимость с А. А. Бестужевым-Марлинским, настороженно относился к Жуковскому. Кавказские горы в изображении К. — «безобразная гряда камней», месяц за окном — «плешивый», призраки — «сволочь», все это в пику романтикам, поэтизировавшим подобные вещи. В то же время вместо «склонив голову» К. мог употребить выражение «склонив главу», поскольку это уже архаика.

Древние образцы поэзии — гомеровский эпос, испанскую поэму о Сиде, «Божественную комедию» Данте — К. любил за их первозданную неприглаженность. Перевел три песни Дантова «Ада», стараясь воспроизвести эту неприглаженность. Разрабатывая сюжеты о Сиде, прибегал к текстам-посредникам, немецким и французским, но при этом с чуткостью к духу испанского первоисточника — со стремлением восстановить этот дух в своем переводе, критически подходя к промежуточным интерпретациям (хотя «Сиде» Корнеля К. в целом принимал). Французским классицистам он доверял больше, чем, напр., предромантику И. Г. Гердеру с его вариантом романсов о Сиде.

Свои литературные и историко-литературные симпатии, антипатии, пристрастия, протесты К. высказывал в статьях, составивших цикл «Размышления и разборы» (1830), в полемических заметках и письмах. Время наибольшей активности К.-критика — 20—30 гг. Он был авторитетным ученым литератором, к его мнению, язвительным и придирчивым замечаниям, прислушивались Пушкин и Грибоедов. Далеко не всег-

да он бывал справедлив в своих оценках и пожеланиях, требовательность его нередко носила сугубо нормативный характер, предполагала обязательность соблюдения определенных, раз и навсегда усвоенных им правил. Особенно это сказало в критике пушкинской трагедии «Борис Годунов», высказанной в письмах К. (1831). Многие подобный педантизм тяготил. По свидетельству Пушкина, его дядя В. Л. Пушкин умер (20.VIII.1830) со словами: «Как скучны статьи Катенина».

Однако столь же строгие требования К. предъявлял и к самому себе, и это не было для него обременительным самоограничением. Всегда получалась искусно выверенная целостность, никогда никакой фрагментарности, неуправляемости, перескоков... Это насколько не противоречило верности натуре — разрабатывался ли античный сюжет, древнерусский ли, или же речь шла о современной действительности — и не препятствовало пути К. к реализму, к народности, к неприкрашенным картинам солдатского или крестьянского быта, чему свидетельством и явилось лучшее, самое проникновенное и самое зрелое произведение поэта — «Ивналд Горев», глубина и новизна которого не были по достоинству оценены критикой и читателями.

Соч.: Сочинения и переводы в стихах Павла Катенина, с приобщением нескольких стихотворений князя Николая Голицына: В 2 ч. — Спб., 1832; Княжна Милуша. Сказка. — Спб., 1854; Стихотворения / Ред. и вступ. ст. В. Орлова. — Л., 1954; Избр. прозв. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Г. В. Ермаковой-Витнер. — М., Л., 1965; Размышления и разборы / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и примеч. Л. Г. Фризмана. — М., 1981.

Лит.: Пиксанов Н. К. Заметки о Катенине // Пушкин и его современники. — 1910. — Т. 3. — Вып. XII; Розанов И. Н. Катенин // Пушкинская плеяда. — М., 1923; Тьяннов Ю. Н. Арханглы и Пушкин // Тьяннов Ю. Н. Пушкин и его современники. — М., 1969; Касторский В. В. Писатели-костромичи. XVIII—XIX вв. — Кострома, 1958; Илюшин А. А. Поэтическое наследство П. А. Катенина // Вопросы литературы. — 1966. — № 4; Он же. Эпитафия... себе // Русская речь. — 1986. — № 4; Сурач И. З. Сказка П. А. Катенина «Княжна Милуша» (к проблеме «Катенин и Пушкин») // Филологические науки. — 1985. — № 1. А. А. Илюшин

КАТКОВ, Михаил Никифорович [1(13).XI.1818. Москва — 20.VII(1.VIII).1887, с. Знаменское Московской губ.] — публицист, издатель, критик. Родился в семье мелкого чиновника. После смерти отца семья осталась без средств, и мать К. (урожденная Тулаева, из дворян) служила кастеляншей в тюрьме. Учился К. в Петербургском сиротском пансионе, около года в 1-й Московской гимназии, затем в частном пансионе М. Г. Павлова — профессора Московского университета, философа, пропагандиста немецкой философии (о нем см.: Каменский З. А. Русская философия начала XIX в. и Шеллинг. — М., 1980). Окончил с отличием словесное отделение Московского университета (1834—1838), где слушал лекции Н. И. Надеждина, М. Т. Каченовского, М. П. Погодина, С. П. Шевырева и др. Еще в университете вошел в кружок Н. В. Станкевича.

дружил с К. С. Аксаковым, В. П. Боткиным, М. А. Бакуниным; осенью 1837 г. сблизился с В. Г. Белинским: «Начинаю сходиться с К. и ценить его — чудесный малый!» (Письмо М. А. Бакунину 21 сентября 1837 г. // Собр. соч.: В 9 т. — М., 1982. — Т. 9. — С. 84). Друзья высоко ценили К., «видели в нем замечательное литературное дарование и большое расположение к философским занятиям» (Панаев И. И. Литературные воспоминания. — М., 1950. — С. 146). Белинский привлек К. к сотрудничеству в журнале «Московский наблюдатель», где появились его переводы из Г. Гейне и сцен из трагедии Шекспира «Ромео и Юлия» (1839. — № 1), полный перевод которой (впервые на русском языке) был опубликован в 1841 г. (Пантеон русского и всех европейских поэтов. — № 1). Переводы из Гейне вызвали восторженное отношение членов кружка: характеризует журнал «Московский наблюдатель», Станкевич писал летом 1839 г.: «Лучшая часть — стихи. Всего лучше — переводы К. из Гейне — отличные, как лучше нельзя желать» (Переписка Н. В. Станкевича (1830—1840). — М., 1914. — С. 431). (Библиографию переводов К. из Гейне см.: Генрих Гейне. Библиография русских переводов и критической литературы на русском языке. — М., 1958, по указателю.)

В этот период К. увлечен философией Г. В. Ф. Гегеля, изучаемой в кругу Белинского. В статье о «Песнях русского народа» И. П. Сахарова (Отечественные записки. — 1839. — № 6—7; без подписи) он пытался применить гегелевскую схему развития к процессам народной истории. С переходом Белинского в «Отечественные записки» К. становится деятельным сотрудником журнала. Наряду с многочисленными заметками в отделе «Библиография» (см.: Богород В. Журнал «Отечественные записки», 1839—1848. — М., 1985) К. опубликовал в журнале статьи об «Истории древней русской словесности» М. А. Максимова (1840. — № 4) и о «Сочинениях» графини С. Толстой (1840. — № 10). Работы К. неизменно встречали благожелательное отношение Белинского — статью о Сарре Толстой критик называл «чудесной» (Собр. соч. — Т. 9. — С. 410).

Осенью 1840 г. К. по пути в Германию посетил Петербург, где вместе с Панаевым перевел (с французского) роман Д. Ф. Купера «Следопыт, или Озеро-море» (в русском переводе «Путеводитель в пустыне, или Озеро-море // Отечественные записки. — 1840. — № 8—9; отд. изд. — 1841). Встречавшийся с К. В. А. Панаев вспоминал: «К. носил тогда волосы длиною до плеч <...>. Длинные волосы страшно мешали ему работать <...>. Но такова была тогда мода среди молодых людей, желавших выражать длиною волос свой либерализм» (Из воспоминаний В. А. Панаева // Григорович Д. В. Литературные воспоминания. — М., 1987. — С. 190—191).

За границей К. пробыл около двух лет (главным образом в Берлине), слушал лекции Ф. Шеллинга по «философии откровения», одновременно присылая в «Отечественные записки» статьи о германской литературе и заметки в отдел «Смесь». Вернувшись в Россию в конце 1842 г., К. постепенно отдалился от Белинского и его кружка: не последнюю роль в этом сыграло резко отрицательное отношение критика к философии позднего Шеллинга, приверженцем которой сделался К.

Все эти годы К. находился в стесненном материальном положении: литературная работа была единственным источником средств, из которых он выделял помощь матери и младшему брату. Однако теперь К. прекращает литературные занятия и решает посвятить себя научной деятельности, зарабатывая на жизнь уроками. Успешно защитив в 1845 г. магистерскую диссертацию «Об элементарных формах русского языка», он определяется адъюнктом по кафедре философии и читает лекции по истории философии и логике. По отзывам современников, лекции К. не пользовались особой популярностью, поскольку «едва ли были доступны большинству» (Любовинский, С. 43). Свои философские воззрения К. изложил в «Очерках древнейшего периода греческой истории» (сб. «Прописки». — 1851. — Кн. 1; 1853. — Кн. 3; отд. изд. — 1853). В 1850 г. последовало запрещение преподавать философию лицам, не имеющим духовного сана, и К. вынужден был оставить кафедру. В 1851—1856 гг. он служит казенным редактором университетской газеты «Московские ведомости» и исполняет обязанности чиновника особых поручений при министре народного просвещения. В 1851 г. К. женился на княжне Софье Петровне Шаликовой (дочери писателя П. И. Шаликова).

С 1856 г. К. наряду с группой либеральной интеллигенции (А. В. Станкевич, Е. Ф. Корш, П. Н. Кудрявцев, П. М. Леонтьев и др.) приступает к изданию журнала «Русский вестник» (разрешен 31 окт. 1855 г.) с оставлением «Московских ведомостей» Е. Ф. Коршу, а с 1858 г. издает журнал по сути единолично (П. М. Леонтьев занимался хозяйственной частью).

В конце 50 — нач. 60 гг. «Русский вестник» в вопросах внутренней политики занимает либеральные позиции: отстаивает освобождение крестьян с землей (но с последующим выкупом) и предоставление им гражданской полноправности, поддерживает судебную реформу, требует обеспечения личной свободы, твердости и ясности законов и беспристрастного их применения. В журнале участвуют ведущие историки (С. М. Соловьев, П. Н. Кудрявцев, Ф. Н. Устрялов и др.), экономисты (И. К. Бабст, Н. Х. Бунге), правоведы (Б. Н. Чичерин, К. П. Победоносцев). Очень солидно велся литературный отдел: в нем печатались М. Е. Салтыков-Щедрин («Губернские очерки», 1856—1857), И. С. Тургенев

(«Накануне», 1860; «Отцы и дети», 1862), Л. Н. Толстой («Семейное счастье», 1859; «Казаки», «Поликушка», 1863), А. Н. Майков, А. А. Фет, А. К. Толстой, А. Н. Плещеев и др. Участие К. состояло преимущественно в регулярных «Политических обозрениях», в которых анализировались различные европейские политические системы. К. не скрывал своих симпатий к Англии, видел в ней классическую страну новейшей цивилизации, чем надолго заслужил репутацию англомана.

Постоянного критического отдела в журнале К. создать практически не удалось: печатальщики второстепенные критики, эпизодически выступали П. В. Анненков и А. Д. Галахов. В 1856 г. К. опубликовал программную статью «Пушкин» (отклик на «Сочинения» Пушкина, изданные Анненковым в 1855 г.; статья печаталась в трех книжках и не была закончена) и сразу вклинился в полемику о цели искусства, наследии Пушкина и др., которую вели Чернышевский и Дружинин. Пытаясь занять в этой борьбе промежуточную позицию, К. отстаивал самостоятельное значение искусства и в то же время не противопоставлял красоту истине и добру («пользе»), а пытался совместить эти категории: «Не заставляйте художника браться за «метлу», как выразился Пушкин в стихотворении «Чернь». Поверьте, тут-то и мало будет пользы от него. Пусть, напротив, он делает свое дело; оставьте ему его «вдохновение», его «сладкие звуки», его «молитвы». Если только вдохновение его будет истинно, он, не заботясь, будет полезен» (Русская эстетика и критика 40—50-х годов XIX века. — С. 390—391).

В качестве первого шага к самоопределению в литературной борьбе журнал К. начал полемику со славянофилами («Изобличительные письма», псевдоним — *Байборода*) по вопросу об общинном землевладении. К. долгое время занимал позицию твердого и последовательного противника общины, в чем расходился с представителями самых разных направлений общественной мысли: с Н. Г. Чернышевским и (позднее) с народниками, славянофилами, К. П. Победоносцевым. В 80 гг. К. изменил отношение к крестьянской общине, однако и тогда высказывался за этот способ землепользования с существенными оговорками. С 1861 г. «Русский вестник» открывает полемику с «Современником» («Старые боги и новые боги». — 1861. — № 2), которая поначалу велась на теоретической почве и касалась философских статей Чернышевского (рубрика «Литературное обозрение и заметки»), но быстро перешла к проблеме «нигилизма» как общественно-политического течения. На следующий год К. вступает в борьбу с А. И. Герценом («Заметка для издателя «Колокола». — 1862. — № 6), толчком к которой послужили известные петербургские пожары — К. прозрачно намекал на причастность Герцена к ним.

С 1861 г. постоянный раздел «Русского вестника» — «Современная летопись» — выделялся в еженедельную газету (с 1863 по 1871 г. — приложение к «Московским ведомостям»).

Новый этап деятельности К. начинается с 1863 г., когда он вновь стал во главе газеты «Московские ведомости», но уже не в качестве казенного редактора, а на правах арендатора издания. Скромная университетская газета быстро превратилась во влиятельный политический орган. В нач. 1882 г. К. писал вступившему на престол Александру III, что в его газете «не просто отражались дела, в ней многие дела делались» (Былое. — 1917. — № 4 (26). — С. 21). Свой основной политический капитал К. приобрел благодаря вспыхнувшему в 1863 г. восстанию в Царстве Польском. Неопределенность политической ситуации в стране (недавняя отмена крепостного права, подготовка земского положения и новых судебных уставов и т. д.) вызвала заметную растерянность в правительственных кругах. К. удачно использовал ставшие очевидными колебания правительственного курса в отношении Польши и выступил решительным сторонником «энергичных мер». Свою позицию К. изложил в статье «Что нам делать с Польшей?» (Русский вестник. — 1863. — № 3), основные положения которой варьировались в многочисленных передовицах «Московских ведомостей» (отд. изд.: Катков М. Н. Собрание статей по польскому вопросу, помещавшихся в «Московских ведомостях», «Русском вестнике» и «Современной летописи» в 1863 году. — М., 1887). К. выступил за полное поглощение Польши Российской империей, приветствовал действия М. Н. Муравьева по подавлению восстания, но одновременно указывал на необходимость создания в Польше «сочувственного России элемента» в среде крестьянства путем проведения земельной реформы. Программа, выдвинутая в изданиях К., была проведена в жизнь: Царство Польское было преобразовано в Привисленские губ. (28 марта 1867 г.) и тем самым включено в состав России с утратой той незначительной национальной автономии, которой пользовалось ранее.

С этого времени публицистическая деятельность К. посвящена главным образом поискам обширного «заговора против России», центр которого, по убеждению К., находится в Польше. Он страстно убеждает читателя, что социалистические учения и нигилизм, студенческие волнения в столицах и сепаратистские тенденции на национальных окраинах инспирированы «врагами России». Органами «польской интриги» К. считал не только нелегальные издания, но всю демократическую и либеральную печать. При этом К. не останавливался перед критикой высокопоставленных сановников, министров, лиц, близких ко двору, и даже членов императорской фамилии. Он намекал, что Великий князь Константин Николаевич (наместник в Польше) вошел в

сговор с местной аристократией с целью отторжения Польши под свой скипетр; инкриминировал «полонофильство» и сознательное потворство «нигилистам» министрам внутренних дел П. А. Валуеву и народного просвещения А. В. Голловину, генерал-губернатору Петербурга кн. А. А. Суворову и др. Такие обличения делали издания К. своеобразной «правой оппозицией» правительству и вызывали недовольство тех его представителей, которые придерживались курса на либерализацию общественной жизни. В результате газета К., с 1865 г. выходявшая без предварительной цензуры, 31 марта 1866 г. получила первое предупреждение за то, что в ней «правительственным лицам приписываются стремления, свойственные врагам России» (Северная почта. — № 66). Затем последовало еще два предупреждения и в соответствии с правилами о печати аренда должна была быть передана другому лицу в трехмесячный срок. К. уже проработал с читателями, однако покушение Д. В. Каляева 4 апреля 1866 г. привело к резкому «правению» в дворцовых кругах: в мае Александр II прибыл в Москву, принял К. в Петровском дворце и одобительно отозвался о его редакторской деятельности. Издание «Московских ведомостей» продолжалось под редакцией К.

Национальный вопрос был ведущим в публицистике К. Основное внимание уделялось русификации Западного края: К. требовал введения русского языка в обучение и даже в богослужение католиков и протестантов, создания льгот для землевладения лицам русской национальности и т. д. При этом К. продолжал критику высшей администрации за «нерешительность», которую он по обыкновению объяснял «польской интригой», за что вновь получил предостережение (8 янв. 1870 г.). Поиски сепаратистских тенденций постепенно распространяются на Прибалтийские губ., Финляндию и Украину. «Враждебный России элемент» К. видел в местной аристократии и крупном землевладении, и таким образом национальные интересы для него оказывались существеннее сословных, что, в свою очередь, вызывало раздражение правительства, традиционно опиравшегося в своей национальной политике на дворянство. В 60—70 гг. К. хотя и считал целесообразным некоторое усиление прослойки крупных землевладельцев в землях, все же не был апологетом дворянства или защитником его сословных привилегий. Органом «помещичьей партии» была в те годы газета «Весть», с которой К. вел постоянную полемику и на страницах которой не раз объявлялся «красным» и «нигилистом» (Московские ведомости. — 1867. — № 59—69).

Другой темой катковской публицистики было народное образование. Являясь приверженцем «дисциплины и порядка» в учебных заведениях, К. повел борьбу с либеральным уставом 1863 г., и в 1871 г. его деятельность увенчалась успе-

хом: при его мощной поддержке была проведена гимназическая реформа, утвердившая пресловутый «классицизм». (Устав 1871 г. просуществовал, с незначительными изменениями, до 1901 г.) Образцом учебного заведения призван был служить Лицей цесаревича Николая, основанный К. и Леонтьевым в 1868 г. в Москве с целью углубленного изучения классических языков. Директором Лицея был сначала Леонтьев, а после его смерти (1875) — К. Более стойким оказался университетский устав, который, однако, не в последнюю очередь усилился К. был сменен в 1884 г.

Позиция К. по различным вопросам общественной жизни в 60—70 гг. может объяснить участие в «Русском вестнике» ведущих литераторов. Сочувствие журнала к проводимым реформам импонировало писателям либеральных взглядов: в нем продолжал печататься Тургенев («Дым», 1867), «защита национальных интересов» и борьба с «нигилизмом» привлекали Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», 1866; «Идиот», 1868; «Бесы», 1871—1872; «Братья Карамазовы», 1879—1880). Т. н. «антинигилистический роман» занимал в журнале почетное место: «Взбаламученное море» А. Ф. Писемского (1863), «Марев» В. П. Ключникова (1864), «На ножах» Н. С. Лескова и др.

Как редактор К. отличался жесткостью: в спорах с авторами он редко шел на компромисс. Под его давлением Тургенев вынужден был внести изменения в роман «Отцы и дети» (см.: Тургенев И. С. Собр. соч.: В 28 т.— Т. 8.— С. 583—589), а Достоевский — переработать некоторые главы «Преступления и наказания» (см.: Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т.— Т. 7.— С. 325—326). Степень известности писателя в таких случаях не имела для К. значения: он потребовал исключения из романа «Бесы» главы «У Тихона» (Там же.— Т. 12.— С. 239—251) и отказался печатать заключительную часть «Анны Карениной» из-за разногласий в оценке участия добровольцев в сербско-турецкой войне. Толстой прервал публикацию романа в «Русском вестнике» и выпустил последнюю часть отдельным изданием.

С 1881 г. в публицистике К. происходит существенный сдвиг. В его изданиях политика Александра III встречает самую горячую поддержку, а в чем-то и формирует ее. «В 1880 гг. К. представлялся всемогущим. «Московские ведомости» превращаются в своеобразный государственный департамент, в котором разрабатываются различные проекты по тем или иным вопросам внутренней и внешней политики» (Зайончковский П. А. Росийское самодержавие в конце XIX столетия.— М., 1970.— С. 70—71). В эти годы К. выступает против суда присяжных, отстаивает привилегии дворянства в государственной жизни и органах самоуправления. Именно в «Русском вестнике» увидела свет статья

А. Д. Пазухина «Современное состояние России и сословный вопрос» (1885), явившаяся теоретической основой цикла реформ, проведенных на рубеже 80—90 гг. Во внешней политике К. ориентировался на союз с Францией вопреки традиционному союзу с Германией. Заключение такого союза, отвечавшего интересам России, состоялось уже после смерти К.

Издания К. оказались на крайнем «правом» фланге русской журналистики: возникшая с 60 гг. полемика с либеральными и демократическими изданиями перешла в бескомпромиссную борьбу. В 80 гг. главными оппонентами К. стали газета «Русские ведомости» и журнал «Вестник Европы», а поскольку программа К. во многом отражала позицию правительства, то ее критика являлась косвенной критикой правительственного курса. Со своей стороны К. не устал обвинять «либералов» в политической неблагонадежности, причем его выпады нередко граничили с политическим доносом. (Салтыков-Щедрин был уверен, что в закрытии журнала «Отечественные записки» в 1884 г. К. сыграл решающую роль.— См.: Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т.— Т. 20.— С. 9—10.) Соответственно складывалась и репутация К. в либеральных и демократических кругах: фигура его стала мрачным символом политической реакции и идеологического обскурантизма. Широкий общественный резонанс вызвал эпизод на торжественном обеде в связи с открытием памятника Пушкину в Москве (в июне 1880 г.), когда Тургенев демонстративно уклонился от протянутого ему навстречу К. бокала. «Как же я могу протянуть руку человеку, которого я считаю ренегатом?» — объяснял он свой поступок Достоевскому (И. С. Тургенев в воспоминаниях современников.— М., 1983.— Т. 2.— С. 141).

Литературный отдел журнала в эти годы заметно тускнеет: ведущие писатели (Тургенев, Лесков, Л. Н. Толстой) прекращают сотрудничество с К.; творчество писателей «восьмидесятников» (А. П. Чехов, И. Н. Потапенко и др.) встречает в «Русском вестнике» открытую неприязнь. Журнал наполняется произведениями Б. М. Маркевича, Вс. В. Крестовского, Д. В. Аверкиева и др. Престиж изданий К. у читателя медленно, неуклонно падал, а после смерти своего идейного вдохновителя окончательно потерял кредит.

Соч.: Собрание передовых статей Московских ведомостей с 1863 по 1867 г.: В 25 т.— М., 1897—1898; Пушкин // Русская эстетика и критика 40—50-х годов XIX века.— М., 1982.— С. 369—400.

Лит.: Неведенский С. Катков и его время.— Спб., 1888; Любимов Н. А. М. Н. Катков и его историческая заслуга.— Спб., 1889; Семеновский Р. М. Н. Катков. Его жизнь и литературная деятельность.— Спб., 1892; Кантор В. К. М. Н. Катков и крушение эстетики либерализма // Вопросы литературы.— 1973.— № 5; Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия.— М., 1978. А. А. Носов

КВИТКА, Григорий Федорович, известен как Квитка-Основьяненко, псевдонимы — *Фалалей Повинухин*, *Евстратий Мякушкин*, *Г-а*, *Грицько Основьяненко* [18(29).XI.1778, с. Основа, ныне в черте Харькова — 8(20).VIII.1843, Харьков] — прозаик, драматург, поэт, автор исторических и этнографических очерков. Наиболее известный псевдоним *Основьяненко* (впервые: *Грицько Основьяненка*. Салдацкий патрет // Утренняя звезда. — 1833. — Кн. 2). Писал на украинском и русском языках. Родился в семье полковника Ф. И. Квитки, богатого украинского помещика, потомка легендарного основателя Харькова Андрея Квитки. Самый яркий детский впечатлением К. было «чуждое» избавление от слепоты во время молитвы в Озерной пустыни (около 1784 г.). С этого времени он посещал школу при Куряжском Преображенском монастыре. В 1790 г. под влиянием настоятеля монастыря архимандрита Наркиза (дяди К.) он решил постричься в монахи. Отец К., стремясь удержать сына, в декабре 1793 г. определил его в лейб-гвардии конный полк вахмистром. Некоторое время (около XII. 1794—IX.1796 г.) К. «по слабости здоровья» служил в герольдмейстерской конторе Харькова. В 1796 г. был приписан ротмистром к Северному карабинерскому полку, а затем (1797) к Харьковскому кирасирскому. В 1796—1797 гг. участвовал в военных сборах дворян. Однако вскоре вышел в отставку (около 1796 г.) и в июне 1804 г. поступил послушником в Куряжский монастырь. Сведения о его жизни в поместье отца и в монастыре скудны и противоречивы. В письмах К. упомянуты домашний театр, забавы «театральной банды», обсуждаются планы постановок на сельских ярмарках (Собр. соч.— Т. 7.— С. 163—166). В монастыре К. «со всей строгостью исполнял монастырский устав», усердно штудировал священную историю, сочинял «духовные концерты для пения» (Корсун А. А. Воспоминания о Г. Ф. Квитке.— С. 767), что не мешало ему музицировать на флейте и фортепьяно, посещать литературно-музыкальные вечера в Основе. Его уход из монастыря (апр. 1805 г.) биографы объясняли по-разному: болезнью отца, врожденной веселостью (Данилевский Г. Основьяненко.— С. 12), «склонностью к общественным развлечениям» (Науменко В. К пятидесятилетию со дня кончины Г. Ф. Квитки-Основьяненко.— С. 11). С декабря 1806 г. К. числился в составе Харьковского ополчения в должности управляющего канцелярией, в ноябре 1808 г. был избран секретарем дворянского съезда. Однако более всего К. был захвачен идеей восстановления «основьянского театра». С сезона 1808/1809 г. К. «сочлен» дирекции и актер Харьковского театра, а с 1812 по 1816 г.— его директор. По словам К., после открытия университета (1805) и театра (1808) весь «род жизни» в Харькове «переменился» (Собр. соч.— Т. 7.— С. 94).

Литературный дебют К. был связан с университетским журналом «Украинский вестник». Будучи одним из редакторов-издателей (1816—1819), К. публиковал в нем отчеты о деятельности Благотворительного общества, председателем которого являлся с 1811 г., и «хроники» всесословного Института благородных девиц, созданного в 1812 г. по его инициативе. Судьба института всегда особенно волновала К.; против «предрасудков», мешавших его работе, направлены сатирические «Письма к издателю», выходявшие в «Украинском вестнике» (I—IX.1816) под псевдонимом *Фалалей Повинухин*. Сатирический герой К. возмущался женским воспитанием и модными увлечениями театром. Вслед за Н. И. Новиковым К.-О. высмеивал «фалалейство» помещиков, «простоудшно» оправдывавших и собственный разврат, и взяточничество чиновников, и продажность суда. В 1822 г. К. опубликовал в журнале «Вестник Европы» «Письма к Лужницкому Старцу» (№ 9—10), своеобразно продолжение исповеди Повинухина. В 1816—1818 гг. К. опубликовал также восемь стихотворений на русском языке в юмористическом журнале «Харьковский Демокрит» и в «Украинском вестнике». Многие из них по содержанию напоминали «письма» Фалалея.

К. часто повторял: «Я непроизвольно, нечаянно, неумышленно попал в писаки» (Собр. соч.— Т. 7.— С. 216). Рукописи К. 1818—1827 гг. не сохранились, чем, скорее всего, объясняется появление биографической легенды об увлечении К. дворянской службой, «затормозившей» его «творческую активность» (См.: Зубков С. Д. Русская проза Г. Ф. Квитки и Е. П. Гребенки в контексте русско-украинских литературных связей.— С. 30). С 1817 г. исполнял весьма хлопотные обязанности уездного предводителя дворянства. Его досрочную отставку (май 1828 г.) многие биографы связывали с первыми драматическими опытами.

В 1828—1830 гг. К. направил в Московский цензурный комитет несколько комедий: «Приезжий из столицы, или Суматоха в уездном городе» (1827), «Дворянские выборы» (1828), «Турецкая шаль, или Так водится» (1829), «Дворянские выборы, часть вторая, или Выбор исправника» (1829), «Шельменко — волостной писарь» (1829), «Ясновидающая» (1830). Каждая из них содержала как бы часть ответа на вопрос Фалалея Повинухина: «Хорошо ли мы живем? И так ли в нашем звании жить должно?» (Собр. соч.— Т. 2.— С. 328). К. остроумно высмеивал нравы провинциального дворянства: чиновничество, страсть к мошенничеству, суеверие, круговую поруку. Чиновники и дамы уездного города пытаются любыми средствами добиться покровительства мнимого ревизора Пустолобова («Приезжий из столицы»), участники дворянского съезда стремятся соблазнить «справедливость», распределяя между собой выгодные долж-

ности («Дворянские выборы»), беспаспортный бродяга правит целой волостью («...Выборы исправника»), помещики, офицеры и ученый Точкин (пародия на М. П. Погодина) оправдывают свои «искушения» советами чудотворцев-мошенников и «ясновидящей» Евгении («Ясновидящая»). Соблюдая жанровые традиции комедии нравов, К. использует «говорящие» фамилии (городничий Трусилкин, стряпчий Пересолихин, помещики Кожедралов, Проживайкин, Лупилин, Драчугин, Выжималов и др.), тщательно разрабатывает речевые характеристики (особенно удачны женские образы: Матрена Степановна Кусакина в «Приезжем из столицы», Маргарита Чернодушкина и Евгения в «Ясновидящей»), а собственную позицию излагает устами положительных персонажей (Благосудов, Миллов, Твердов). В комедиях «Шельменко — волостной писарь» и «Шельменко-денщик» (около 1835 г.) К. противопоставляет «плохим» дворянам неудачливого, но добропорядочного Кондрата Шельменко, делает волостного писаря проповедником «истинной» морали. Простодушие и лукавый юмор неунывающего Шельменко обеспечили комедиям успех на провинциальной и столичной сцене (премьеры обеих пьес состоялись в Харьковском театре). Другие положительные персонажи К. бледны и безжизненны.

Отношение критики к комедиям К. было разным. В нем заметили талант ученика Фонвизина (Телескоп.— 1831.— № 1.— С. 133), «мастерскую и смелую кисть», умение видеть «безобразно-смешную» сторону жизни (Московский телеграф.— 1831.— № 21.— С. 85). Однако поводом для шуток, преследовавших К. всю жизнь, стал «простонародный язык» пьес (Северная пчела.— 1831.— № 17). Публикация комедии «Приезжий из столицы» (Пантеон русского и всех европейских театров.— 1840.— № 3) послужила поводом для нападок на Н. В. Гоголя реакционной печати, увидевшей в «Ревизоре» подражание К. (документальные свидетельства о знакомстве Гоголя с рукописью К. нет). В цензурных резолюциях указывалось на оскорбляющий дворянское сословие тон автора. По свидетельству С. Т. Аксакова, пьеса «Дворянские выборы» была запрещена со ссылкой на мнение Николая I (Собр. соч.— Т. 1.— С. 484).

В сентябре 1831 г. К. был избран судьей Харьковского совестного суда и оставался в этой должности до 1840 г. Служба давала ему богатый материал для творчества. «Запас мой с анекдотами, происшествиями не истощился», — писал К. летом 1832 г. М. П. Погодину. С помощью Погодина он опубликовал в том же году в журнале «Телескоп» повесть «Ганнуся». В ней малороссийские «анекдоты», разнообразные «происшествия», описанные с этнографической точностью (ярмарка, торги в предместьях Харькова и Киева), обрамлены сентиментальной историей «панночки» Ганнуси, рассказанной стран-

ствующим офицером. Тематически «Ганнуся» близок сборник «Малороссийские повести, рассказанные Грицьком Основьяненко» (1834—1837). Обжорству, пьянству помещиков и казацких старшин («Конотопська вільма», «Мертвецький великдень») К. противопоставляет смиренное подвигничество крестьян («Маруся»), их простой быт и высокую духовность, а убогой европеизированной речи — живой, яркий украинский язык. Этим повестям, написанным на украинском языке, К. придает особое значение. «Они написаны в разрешении спора, — замечал он в письме Погодину, — что на нашем наречии нельзя написать ничего серьезного, нежного, а только лишь грубое, ругательное, кощунное» (Собр. соч.— Т. 7.— С. 206). Позднее К. опубликовал на украинском языке комические «оперы» «Сватання на Гончарівці» (1836) и «Бой-жінка» (1840), «Листы до любезных земляків» (1839), повести «Козир-дівка» (1838), «Сердешна Оксана» (1841) и др., закрепившие за ним славу основателя новой украинской прозы. В 1837 г. повести К. «Салдацький патрет» и «Конотопська вільма» перевел на русский язык для журнала «Современник» В. И. Даль. Приветствуя «прекрасную» переделку своей повести и отмечая отдельные неточности (Собр. соч.— Т. 7.— С. 213), К., однако, предпочитал авторские переводы, хотя и признавал, что всегда сбивается «на тон малороссийский». Публикации украинских произведений К. содействовал В. А. Жуковский, побывавший в Основе в октябре 1837 г. Именно Жуковский, по словам К., советовал ему писать роман, «развить» темы, намеченные в «Дворянских выборах», «украсив и наполнив сценами из губернской обществ» (Собр. соч.— Т. 7.— С. 218).

Замысел нравоописательного романа появился у К. еще в нач. 30 г. В декабре 1833 г. он переслал Погодину рукопись романа «Жизнь и похождения Петра Пустолобова». Описывая «похождения» глумоватого и «неблагонадежного» Петруши Пустолобова, К. искусно пародировал дворянские родословные, комически описывал быт учебных и военных заведений (пансион мусье Филу и мушкетерский полк, переполненный бездарными, полуграмотными офицерами), придворный этикет, псевдоблаготворительные масонские ложи, бесчеловечные судебные тяжбы помещиков. В окончательном варианте романа (1841) он создал выразительную галерею типов помещиков («благородный» Баготон, отдавший поместье на разорение иностранцам-управляющим, скупой до безумия Жиломотов, развратный Прямыков, расчетливый Звонкин). Следование традициям просветительского романа, сюжетная схема сближают произведение К. с «Российским Жилблязом» В. Г. Нарезного и др. Роман, «наполненный изображениями злоупотреблений властей» (Собр. соч.— Т. 5.— С. 575), в феврале 1834 г. был запрещен цензу-

рой. К нач. 1838 г. К. подготовил вторую редакцию и опубликовал отрывок (Скупец // Новогодник.— Спб., 1839). И лишь в 1841 г. роман появился в печати под новым заглавием «Жизнь и похождения Петра Степанова сына Столбикова». Роман лег в основу водевиля «Похождения Столбикова», подготовленного для Александринского театра К. совместно с Н. А. Некрасовым, П. И. Григорьевым, П. С. Федоровым (преьера состоялась 4 мая 1842 г.).

Следуя пожеланию Жуковского «описать старинный быт малороссиан, род жизни, воспитание и все, до последнего» (Собр. соч.— Т. 7.— С. 221), К. приступил в конце 1837 г. к работе над романом «Пан Халаявский» (первая его часть опубл. в 1839 г. в журнале «Отечественные записки»). Роман отличается точностью бытовых зарисовок, глубиной социальных оценок вырождающегося «панства», удачным использованием сказовых форм. Эгоизм, невежество, самодурство, паразитизм Халаявских представлены как черты сословные, а не сугубо индивидуальные. «Высший» принцип жизни провозглашает в романе рассказчик, Трушка Халаявский: «Мое, мне по праву наследства принадлежащее! Не уступлю ни за какие предложения!» (Собр. соч.— Т. 5.— С. 168). Выход романа отдельным изданием (1840) вызвал поток оскорбительных замечаний о его авторе. «Это провинциальное остроумие,— писал один из рецензентов.— ...Глубокомысленные наблюдения над человеческим сердцем, делаемые из-за плетня...» (Библиотека для чтения.— 1841.— Т. 44.— С. 7—12). Противоположной была оценка Белинского: «Это превосходная сатира, написанная рукою отличного мастера» (Полн. собр. соч.— М., 1954.— Т. IV.— С. 446), хотя критик и отметил некоторую рыхлость композиции, навязчивость авторских сентенций, излишнюю «обстоятельность» описаний.

В 1840—1843 гг. две линии творчества К. (сентиментально-идиллическая, восходящая к «Ганнусе», и сатирическая, начатая в «письмах» Фалалея Повинухина и ярко выраженная в «Пане Халаявском») часто сочетаются. Он пишет памфлет «Званные гости» (1840), высмеивающий журнальные дразги; сатирические «Мемуары Мякушкина» (1841); предельно дидактичную повесть «Ложные понятия» (1840) о судьбах молодого поколения дворян; цикл «губернских сцен», составленный из рассказов и очерков, написанных между 1840 и 1842 гг. («Званный вечер», «Знакомые незнакомцы», «Друзья», «Ярмарка»), где комически изображает провинциальное «панство», чиновничество. Отвергая современные «ложные понятия» (в т. ч. упоминаемые в прогрессивной печати необходимые демократические преобразования), К. обратился к истории Малороссии и родовым преданиям. Назидательные интонации преобладают в «Панне Сотниковой» (1840), пересказе семейной легенды о гордой дочери тарановского сотника; в повести «Досто-

верное предание» (1841) — беллетризованном житии заблудшего, но прозревшего дворянина; в святочном рассказе «Фенюшка» (1841). В те же годы он публикует исторические очерки в журналах «Отечественные записки», «Современник», «Звездочка», в харьковском литературном альманахе «Молодик на 1843 год» и в «Литературной газете»: «Головатый» (1839), «О слободских полках» (1840), «Город Харьков» (1840), «Украинцы» (1841), «История театра в Харькове» (1841), «Предания о Гаркуше» (1842), «1812 год в провинции» (1843) и др. Большинство произведений 40 гг. написаны в стиле физиологического очерка, закономерно завершившего литературную эволюцию К.

Служебные перемещения К. были незначительными. В сентябре 1840 г. его избрали председателем Харьковской палаты уголовного суда (вступил в должность в июне 1842 г.), одновременно он исполнял почетные обязанности члена Товарищества наук при Харьковском университете и члена-корреспондента статистического Отдела министерства внутренних дел. Но жизнь его в Основе не была спокойной: 26 апреля 1839 г. К. писал П. А. Плетневу: «Вышла «Козир-дівка» — и судья сердится на меня, что он никогда бубликов не принимает от посетителей, за «Выборы» и теперь каждый исправник съест меня готов. В «Новогоднике» вышла статья «Скупец» — и все додумываются, кого я это описал?» (Собр. соч.— Т. 7.— С. 217). Преследуемый язвительными нападкама, по его словам, «толстопуzych журналов», «кривыми толками окружающих», «удушаемый собственной хандрой», тяжело переживая разрыв со старшим братом, женившимся на своей крепостной (А. Ф. Квитке принадлежало имение в Основе), незадолго до смерти К. вынужден был признать: «Основна так огадилась, что стыдно титуловаться ею, но нечем переменить. Заменить другим прозвищем, например, Бездомный или что-нибудь такое, не годится и не пристало, а собственное имени не хочется ставить» (Собр. соч.— Т. 7.— С. 357).

Творческий путь К. свидетельствует о глубоких связях русской и украинской литератур, их взаимовлиянии и взаимообогащении.

Соч.: Зібрання творів. (Собр. соч.): В 7 т.— Київ, 1978—1981. *Лит.:* Корсун А. А. Вспоминання о Г. Ф. Квитке // Литературная газета.— 1843.— № 37: Андриевский А. А. Григорий Федорович Квитка. 1778—1843.— Одесса, 1878; Науменко В. К. пятидесятилетю со дня кончины Григория Федоровича Квитки-Основайленка.— Киев, 1893; Сумцов Н. Ф. Г. Ф. Квитка как этнограф. (По поводу пятидесятилетия кончины его).— Киев, 1893; Волков Н. В. К истории русской комедии. Зависимость «Ревизора» Гоголя от комедии Квитки «Презжий из столицы».— Спб., 1899; Зубков С. Д. В братском единении. К 200-летию со дня рождения украинского писателя Г. Ф. Квитки-Основайленка // Радуга.— 1978.— № 11.— С. 145—154.

Е. В. Милокова

КИРЕЇВСКИЙ, Иван Васильевич [22.III(3.IV). 1806, Москва — 11(23).VI.1856, Петербург] — прозаик, критик, публицист, теоретик лите-

ратуры. Издатель, брат собирателя народных песен Петра Киреевского. С самого детства К. окружали люди талантливые, увлекающиеся литературой, философией, искусством. Близким родственником Киреевских был В. А. Жуковский.

Получив блестящее домашнее образование, К. восемнадцати лет поступил на службу в Московский главный архив Иностранной коллегии. Его друзьями и сослуживцами стали «архивные юноши» (Д. и А. Веневитиновы, В. Титов, С. Шевырев, В. Одоевский), как и К., жадно тянувшиеся к философскому знанию. Тогда же, в 1824 г., «архивные юноши» и близкие к ним молодые люди создали «Общество любомудрия», к которому примкнули А. Кошелев и др. Поражение декабристов привело к роспуску кружка. К. оставил службу и решил посвятить себя литературе, он рассматривал литературные занятия как способ служения народу и обществу: «Я могу быть литератором, — писал К. в письме к А. И. Кошелеву, — а содействовать просвещению народа не есть ли величайшее благодеяние, которое можно ему сделать?» (Критика и эстетика. — С. 335).

Литературное творчество К. стало реализацией этого принципа. Так, напр., «Обозрение русской словесности 1829 года» он начинает с разбора нового Цензурного устава, считая его способным «очистить дорогу» просвещению европейскому. Эту расчистку начал, по мнению критика, Н. И. Новиков, который «не распространял, а создал у нас любовь к чтению» (Там же. — С. 57), «он способствовал рождению общего мнения» (Там же). Вслед за Новиковым К. пытается выработать в читателях сознательное отношение к культурным и духовным ценностям, объединить общество, показав ему общие цели и идеалы. Уже в ранних критических статьях К. заметно желание постигнуть закономерности, которым подчиняется развитие литературы и в целом — искусства. Он прослеживает смену определенных стадий в литературном процессе, различает их не только в плане содержания, но и в плане формы. Новейший период русской литературы К. называет «русско-пушкинским». Содержание этого периода — синтез, или, в терминологии К., «поэзия действительности». Исходя из мысли о непрерывности развития, К. утверждал: «семена желанного будущего заключены в действительности настоящего» (Там же. — С. 59). Но и само стремление к поэзии действительности, по мнению критика, возникло в русской литературе потому, что «уважение к действительности», понимаемое как «историческое направление всех отраслей человеческого бытия и духа» (Там же), стало господствующим в европейской литературе и просвещении.

В 1830 г. К. предпринял путешествие за границу, слушал лекции Гегеля, Окена, Шеллинга, Шлейермахера, Ганса, Риттера, Раумера, Шорна,

с некоторыми из них (Гегелем, Океном и Шеллингом) познакомился лично. Вернувшись в Россию, К. в 1831 г. приступает к изданию своего журнала «Европеец», который хотел превратить «в аудиторию европейского университета» (Там же. — С. 357). Первый номер журнала вышел в 1832 г. К. помещает в нем рецензии, критическое «Обозрение русской литературы за 1831 год», программную статью «Девятнадцатый век».

В «Обзрении» 1831 г. К. подробно анализирует «Бориса Годунова» Пушкина и «Наложницу» Баратынского. Единственный из всех критиков К. рассматривал центральную проблему «Бориса Годунова» как проблему «трагического воплощения мысли» (Там же. — С. 107). Годунов, по мнению К., гибнет не от реального превосходства Самозванца, не от его силы, а от чувства вины действительной или мнимой, от самой «идеи» преступления. Это преступление, с точки зрения К., еще гипотетично, Годунов, может быть, и не совершал его. Но общее мнение обвиняет царя, и он обречен. «Тень умерщвленного Димитрия» сама становится как бы действующим лицом трагедии. Это она, по выражению критика, «управляет ходом всех событий», она создает в трагедии «один общий тон, один кровавый оттенок» (Там же. — С. 106). В центре трагедии оказывается не лицо и даже не действие, но идея, «коренная мысль», которая «заступает место господствующего лица, или страсти, или поступка» (Там же. — С. 107). Все это позволяет критику утверждать, что произведение Пушкина требует отказать от «многих ученых и школьных предрассудков» (Там же. — С. 107). К. сближает «Бориса Годунова» не только с древними трагедиями, но и с новейшей литературой — «Манфредом» Байрона и «Фаустом» Гете. Все это необходимо К., чтобы показать особое положение «Бориса Годунова» в русской литературе. К. считает, что Пушкин добивается большей объективности именно за счет соединения мысли и чувства.

Основные тенденции общеевропейского развития анализирует К. в статье «Девятнадцатый век». Европейская культура воспринимается им как диалектическая, возникающая в процессе борьбы античного начала с варварским и христианским. Отличие России от Западной Европы К. видит в том, что она не испытала влияния древнего мира, т. е. Греции и Рима. Это имело двойные последствия: с одной стороны, сама вера в России была «еще чище и светлее» (Там же. — С. 93), с другой же — страна не избежала раздробленности, которая привела к монголо-татарскому завоеванию.

Статья К. послужила поводом для запрещения журнала. Издатель был обвинен в неблагонамеренном образе мыслей, в поддержке Французской революции и т. п. В защиту К. выступили В. А. Жуковский, написавший письма Николаю I и шефу жандармов, начальнику III от-

деления графу А. Х. Бенкендорфу, и князь П. А. Вяземский, также пытавшийся смягчить гонения на К. Однако эти попытки оказались неудачными, и имя К. на двенадцать лет исчезло со страниц русской периодической печати (редкие статьи выходили под псевдонимами). Е. А. Баратынский, близкий друг К., писал ему после запрещения «Европейца»: «Что делать! Будем мыслить в молчании и оставим литературное попрание Полевым и Булгариным» (Баратынский и Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма.— М., 1951.— С. 516).

Результатом размышлений К. стала статья «В ответ А. С. Хомякову» (1839), написанная для чтения на одном из вечеров в салоне матери, А. П. Елагиной. Поводом для нее послужила статья Хомякова «О старом и новом», также прочитанная в салоне Елагиной. К. пересматривает свое отношение к основным элементам европейской цивилизации и культуры, вводит понятие «истинная образованность». Залогом последней он считает христианство, а наследие античного мира, которого как раз и лишилась Россия, представляется ему уже ненужным, ибо ассоциируется с «торжеством формального разума человека над всем, что внутри и вне его находится...» (Критика и эстетика.— С. 145). Основное противоречие между образованностью западной и восточной формулируется как противоречие между схемой и жизнью, формальным разумом и живым чувством, самовластием индивидуума и общинным согласием.

К. пользуется прежней категорией «синтез», но придает ей другое значение. В статье «Деятельный век» он предполагал соединение мечты и существенности, воображения и действительности, «правильности форм с свободой содержания» (Там же.— С. 84). Применительно к искусству это означало синтез классицизма и романтизма.

Через восемь лет он рассуждает уже иначе. В статье «В ответ А. С. Хомякову» речь идет о выработке в самом христианстве новых форм, более свободных и более соответствующих его духу, чем романтические, заимствованные из языческой античности. Так одним из первых в русской эстетике он поставил проблему «примирения» христианства и язычества, важную для понимания таких писателей, как Гоголь, Достоевский и т. п.

В 30-е гг. К. пробует свои силы в художественной прозе. Первый его рассказ «Царицынская Ночь» (1829) прочитан был в салоне З. Волконской и не предназначался для печати. В журнале «Европеец» он печатает волшебную сказку «Опал». Выступая в своих критических статьях сторонником «поэзии действительности», приближения к реализму, в собственной прозе К. все же выступает как романтик. Герой «Опала», царь Нурредин, очарованный мечтой, приобщается к Всемирному Духу. Но, постигая предустановлен-

ную гармонию, человек забывает о земном и в мире действительном оказывается беззащитным. Для «Европейца» К. писал роман «Две жизни». Сохранился и посмертно опубликован только начальный фрагмент этой неоконченной вещи.

В 1839 г. К. пишет повесть «Остров», которую обычно рассматривают как утопию, сближая ее со сном Версилова о золотом веке в «Подростке» Ф. М. Достоевского. В «Острове» явно прослеживается мотив бегства с острова, неудовлетворенность героя идиллией. К. отказывается от традиционного романтического и утопического представления о стране счастья. Трудно сказать, как развернулся бы замысел К. дальше (повесть не окончена), но несомненно попытка приблизиться к «поэзии действительности».

В 1845 г. К. становится неофициальным редактором «Москвитянина», журнала, издававшегося М. П. Погодиным и бывшего органом «официальной народности». Желая преодолеть кружковую ограниченность, он пригласил участвовать в журнале Т. Н. Грановского, А. И. Герцена. Он писал Грановскому: «Я желал бы своего «Москвитянина» сделать журналом хорошим, чистым, благородным, сочувствующим всему, что у нас есть благородного, чистого и хорошего» (Вопросы литературы.— 1979.— № 11). Однако из-за разногласий с Погодиным, не желавшим передавать право издания, К. выпустил только три номера «Москвитянина» и отказался от обязанностей редактора. Концепция К. полнее всего выразилась в это время в статье «Обозрение современного состояния литературы» (не доведенной до конца вследствие прекращения редакторской деятельности).

В отличие от «Обозрений» 1829 и 1831 гг. К. практически не анализирует конкретные литературные произведения. Его цель — выявить общее направление литературного движения России, показать его особенности и связь с литературой Западной Европы. Отмечая противоречие «между литературною образованностью» нашей и «коренными стихиями нашей умственной жизни» (Критика и эстетика.— С. 181), критик задается вопросом: как преодолеть это «искусственное состояние»? (Там же.— С. 183). Речь идет, в сущности, о том же, что и раньше: какой путь выбрать для дальнейшего развития России? К. отвергает и подражание Западу, и одностороннее подчинение старине, формам, уже исчерпавшим себя. Он полагает возможным примирить просвещение внутреннее («устройство духа») и внешнее («формальное развитие разума»), ибо они оба совпадают в стремлении к «всечеловеческому просвещению», т. е. христианскому.

В этом утверждении заметна преемственность с высказываниями 30-х гг., когда К. видел общность русской и западноевропейской культуры в «стремлении к лучшей действительности» (Там же.— С. 59). Но акценты, особенно по сравнению с началом 30-х гг., существенно сместились. Если

раньше России предстояло догнать Европу, пользуясь благоприятными историческими обстоятельствами, то в 40—50 гг. речь идет о том, что Европа должна обратиться к коренным началам русского (и шире — славянского) просвещения, к нравственному идеалу восточно-христианской церкви. Синтез европейского и русского теперь означает у К. нравственное пробуждение и очищение западного мира под влиянием восточного и одновременно — усвоение Россией последних достижений европейской цивилизации, главным образом технических.

В 1852 г. К. принимает участие в славянофильском «Московском сборнике», в котором помещает статью «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России». Он продолжает исследовать проблему национальной самобытности русской культуры и русского народа. Статья К. вызвала разные отклики, не все славянофилы с ней согласились. И. Аксаков в предисловии к I тому «Московского сборника» (запрещенному цензурой) отмечал дискуссионность статьи К., объясняя, что многие сотрудники «Сборника» придерживаются других взглядов. Хомяков оспаривал идеализацию «древней Руси», в частности возражал против предположения К. о полноте и истинности выражения христианства в древней Руси. Рецензируя статью К., Чернышевский отметил, что им двигала «горячая ревность к просвещению и к улучшению русской жизни» (Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.— М., 1947.— Т. 3.— С. 86). III отделение нашло эту «ревность» неуместной, а авторов «Московского сборника» — неблагонадежными, запретив им печатать и читать свои статьи без разрешения Главного управления цензуры, а фактически — без ведома и согласия III отделения.

Опалу со славянофилов сняли лишь после смерти Николая I, в 1856 г., когда они предприняли издание журнала «Русская беседа». Во второй книге журнала (1856) печатается статья К. «О необходимости и возможности новых начал для философии». Таким началом К. признает стремление православно-го мышления «самый разум поднять выше своего обыкновенного уровня» (Там же.— С. 318). Статья осталась незаконченной; автор так и не увидел ее опубликованной.

В своей критике и публицистике К. исследует (пользуясь его собственным термином) «одну необозримую задачу» — самобытность русского просвещения и культуры, соотношение русской национальной и мировой литературы. Этой задаче подчинены не только собственно теоретические рассуждения критика, но и конкретный анализ произведений Пушкина, Баратынского, Жуковского в «Обозрениях русской словесности», позднее — отзывы о В. Соллогубе, Н. М. Языкове, Л. Н. Толстом, Н. В. Гоголе.

В небольшой библиографической заметке, ка-

сясь творчества Гоголя (1845), К. провозглашает его провозвестником новой литературы, заявляя, что ожидает от него «совершенного переворота в литературе» (Там же.— С. 213).

К. поставил проблему национальной самобытности как философскую проблему об итогах предшествовавшего и перспективах будущего развития народа. Он разграничил литературную теорию и литературную критику. Даже в коротких рецензиях он обращался к коренным проблемам эстетики, связывая достоинство и недостатки произведения с тем, насколько удачно и своеобразно писатель отразил жизнь.

К. принадлежал к особому направлению в русской критике 20—40 гг. XIX в., к «философской эстетике», пытавшейся связать эстетику с общим ходом размышлений о мире, раскрыть в литературе не только специфическое, художественное, но и универсальное, общечеловеческое содержание. Он призывал обратиться к реальному, а не выдуманному миру. Анализируя проблемы нового, «синтетического» направления в литературе, он способствовал «переходу» ее к реализму, становлению теории этого направления.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 2 т. / Под ред. М. О. Гершензона.— М., 1911; Критика и эстетика / Сост., вступ. ст. и коммент. Ю. В. Манна.— М., 1979; Избр. статьи / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. А. Котельникова.— М., 1984; Царицынская Ночь; Опал // В царстве Муз: Литературный салон Зинаиды Волконской. 1824—1829.— М., 1987.— С. 538—553.

Лит.: Гершензон М. О. Исторические записки (о русском обществе).— М., 1910; Астров Вл. Не наши пути. Из истории религиозного кризиса.— Спб., 1914; Ковалевский М. Ранние ревнители философии Шеллинга в России Чаадаев и Иван Киреевский // Русская мысль.— 1916.— № 12.— С. 125; Гершензон М. О. Письма Жуковского о запрещении «Европейца» // Русская литература.— 1965.— № 4.— С. 114—124; Вацуор В., Гилдельсон М. Сквозь «умственные плотни».— М., 1972.— С. 114—138; Гуминский В. «Некто Иван Васильевич Киреевский» // Литературная учеба.— 1980.— № 6.— С. 176—187. Манн Ю. В. Русская философская эстетика.— М., 1969.— С. 76—103; Сахаров В. И. От «движущей эстетики» к литературной теории // Контекст 1980. Литературно-теоретические исследования.— М., 1981; Фризман Л. К. истории журнала «Европеец» // Рус. лит.-ра.— 1967.— № 2.

В. Н. Греков

КЛЫЧКОВ, псевдоним; настоящая фамилия — Лешенков, Сергей Антонович [1(13).VII.1889, дер. Дубровка Тверской губ.—1937] — писатель. Родился в семье кустаря-кожевника. В автобиографии К. писал, что многим обязан своей семье, особенно «языком обязан лесной бабке Авдотье, речистой ватке Фекле Алексеевне и нередко мудрому в своих косноязычных построениях отцу моему, Антону Никитичу Лешенкову (Клычков — фамилия по бабушке), а больше всего нашему полю за околицей и Чертухинскому лесу, в малинике которого меня мать скинула, спутавши по молодости сроки» (Клычков С. Чертухинский балакирь. Романы.— М., 1988.— С. 6). Учился в сельской школе, «пописывал стишки, больше про домовых и про лещих» (Там же.— С. 5), которые уничтожил позже,

когда был принят в Москве в училище И. И. Фидлера. Печататься начал с 1907—1908 гг. в поэтических альманахах.

В 1908 г. поступил на историко-филологический факультет Московского университета, где в это время учились Б. Пастернак и С. Соловьев, который оказал определенное влияние на К. В том же году вместе со своим «покровителем» М. И. Чайковским, братом великого композитора, ездил в Италию, познакомился там с М. Горьким и А. В. Луначарским.

По воспоминаниям современников, К. «вел довольно беспокойный образ жизни, близкий к богеме... пристрастился к вину... Систематические занятия были не в духе Сергея» (Русская литература.— 1971.— № 2.— С. 149). Его страстью было поэтическое творчество: «Слава богу, я опять полон счастьем своим одиноким, как пруд наш весною, стихи-рифмы в моей душе полощатся, как утки, зазывая с реки диких селезней! Так-то хорошо... Я сам знаю теперь, что у меня талант... Только в этом для меня соль и значение моей беспутной жизни!» (Письмо 1911 г. // Русская литература.— 1971.— № 2.— С. 152).

В 1911 г. в Москве выходит первый стихотворный сборник К. «Песни», состоящий из трех разделов: Печаль-Радость, Лада, Бова. Мир его стихов условно-сказочный, языческий, в котором живут Старец, Колдунок, Леший, Лада, Старый Дед — ее отец, Красногривый Горбунок и др. сказочные персонажи. А лирический герой — «тихий грустный инок», видящий перед собой три пути: «к веселию», «в келию», «Третий путь — нехоженный, / Взглянешь и растает, / Кем куда проложенный, / То никто не знает» («Образ троеручицы»). И он выбирает первый путь, живет в этом фантастическом радостном мире, где «Ходит Лада — сеет, / Вкруг нее синее / Взборонена борозда, / Что ни зернышко — звезда» («Лада в поле»). Все в этом мире доступно и просто: «Прибегли / На край земли. / Глядь-поглядь: дорожки нет — / Постучались на тот свет» («Лада в пути»).

Таким же легким и светлым был и второй сборник К. «Потаенный сад» (М., 1913). И в нем нарисован вымышленный мир, никак не связанный с реальной действительностью. Образ «потаенного сада» возник еще в первой книге. Жители в «потаенном саду» К. все те же: Старец древний, Колдун, Старый Леший, Бес, Купава, милая, «Потаенною тропинкой / Ходит Лада за водой» («Лада в саду»). А лирический герой «счастлив и в горе», он — «пастух» и «певец»: «И песни — как стадо овец / В тумане раннем у реки» («Я все пою — ведь я певец...»).

Блоку стихи К. не нравились, Клюев их одобрял. Нужны были деньги для содержания семьи, и поэту пришлось поступить на службу. Жизнь и мировоззрение его изменила начавшаяся летом 1914 г. война. Осенью он был

призван в армию, служил на Балтике, потом в школе прапорщиков в Финляндии, встречался с А. И. Куприным. В сознании К. происходит перелом, в его сказочный мир вторгается реальная жизнь, поэт тянет к эпической прозе, он задумывает написать хронику жизни старой деревни. В письме начала 1914 г. он сообщает: «Хочется мне, милый друг, написать свою прозу так, чтобы от нее не оторваться, чтобы все было по-иному, не как теперь пишут. Матерьялу у меня много, выдумывать мне незачем — это-то, мил друг, и труднее. Выдумывать, оказывается, в сущности не штука — штука вся в том, чтобы полюбить то, что видел, что пережил, действительность, правду...» (Русская литература.— 1971.— № 2.— С. 154). Он подавлен, почти совсем не пишет стихов, переоценивает свое прошлое: «...пустыня души, которая у меня как-то съежилась, завяла с первого дня этой войны... Чувство какой-то роковой странной опустошенности не покидает меня по сие время... — пишет он 1 января 1917 г. — Боязливо озираясь теперь на свою безвозвратную юность, я многое не понимаю сам в ней, не понимаю теперь бывшей душевной легкости, беспечности сердечной, не слышу аромата лучших цветов из ее прекрасного венка... все с начала до конца было ошибкой, самообольщением, невольным обманом самого себя перед строгим и бесстрастным лицом жизни, уходом от реальной правды, но если вернуть реки вспять, я не хотел бы иного!» (Там же).

Октябрьскую революцию К. встретил восторженно: «Как не петь и не молиться, / Если все поет вокруг — / Лес и луг, ручьи и птицы, / Если облак светлолицый / Улыбается, как друг!..» («Как не петь и не молиться...»). Но он уже иной — более грустный, видящий нелегкую жизнь крестьян в годы испытаний, остро реагирующий на все происходящее. Эти настроения отразились в сборнике «Дубравна» (М., 1918). Поэту слышится «похоронная песня берез», он видит, как «в окно... горе глядится», считает, что «хозяйка тут — злая судьба», «И все гостя чудесного ждуть» («Свет вечерний мерцает вдоль улиц...»). А в 1923 г. книгу своих избранных стихотворений он так и называет: «Гость чудесный». Из его творчества уходят сказочность и напевность, больше появляется вечных, философских тем, учащаются мотивы прощания и тревоги за сохранность мира природы (как у Клюева и Есенина). С 1925 г. он все чаще переходит на прозу. «Неистовые ревнители» окрестили его, как и Клюева, «кулацким поэтом». В 1937 г. К. был незаконно репрессирован. Посмертно реабилитирован.

Соч.: Песни.— М., 1911; Потаенный сад.— М., 1913; Дубравна.— М., 1918; Гость чудесный: Избр. стихотворения.— М.; Пг., 1923; В гостях у журавлей. Стихотворения.— М., 1985.

Лит.: Львов-Рогацковский В. Поэзия новой России. Поэты полей и городских окраин.— М., 1919; Ж у р о в П. А.

Две встречи с молодым Клычковым (Письма С. А. Клычкова) // Русская литература.—1971.— № 2; Банников Н. В. Вступ. ст. // Клычков С. А. В гостях у журавлей.— М., 1985; Солнцева Н. О Сергее Клычкове // Клычков С. А. Чертухинский балакирь. Романы.— М., 1988.

А. Н. Захаров

КЛЮЕВ, Николай Алексеевич [10.X.1884, дер. Коштуга Вытегорского у. Олонецкой губ. (ныне Вологодская обл.) — 1937] — поэт. Родился в старообрядческой семье. Дед, отец и особенно мать оказали огромное влияние на характер и творчество будущего поэта. «Грамоте, песенному складу и всякой словесной мудрости,— писал в автобиографии К.— обучен своей покойной матерью». Она была «искусной вопленицей, «былинницей» и «песельницей». Отец поэта, сиделец казенной винной лавки, был, по словам Есенина, встречавшегося с ним, «богаче всех наших книг и прений» (VI, 71); дед — старообрядец, ходивший с медведем по деревням, — «как святой безымянный» («От дремы, от теми-вина...»). «Родовое древо мое,— писал К. в автобиографии,— замлено коренем во времена царя Алексея, закурдявлено ветвием в предивных строгоновских письмах, в сусальном полыме пещных действий и потешных теремов. До соловейского страстного сиденья восходит древо мое, до палеостровских самосожженцев, до выговских неколебимых столпов красоты народной: «К костру готовьтесь спозаранку», — / Гремел мой прадед Аввакум» («Где рай финифтяный и Сириин...»).

Сначала семья жила в дер. Желвачево, а потом в г. Вытегра, где прошли детские и юношеские годы К., его брата и сестры. В 1893—1895 гг. он учился в церковноприходской школе, а затем в двухклассном городском училище. В доме Ключевых было много старопечатных и рукописных книг, древних икон, у них часто останавливались странники. Религиозно-старообрядческая атмосфера семьи и — шире — Заонежья и Беломорья тех лет во многом определила поэтическое мировоззрение и поведение К.

После окончания училища он год учился в Петрозаводской фельдшерской школе, из которой ушел по болезни. С этого времени начались долгие странствия будущего поэта по монастырям и старообрядческим скитам не только Севера, но и др. земель. Он, возможно, побывал даже в Иране, Индии и Китае.

К. овладел обширными и разнообразными знаниями — от фольклора до современного ему искусства, от различных религиозных и языческих учений до марксизма. Он владел разными формами фольклорного искусства: словесного, театрально-обрядового и музыкально-напевного, был прекрасным актером, умел перевоплощаться, «играл» в жизни и в искусстве.

В нач. 900 гг. он начинает писать стихи, отмечая «тридцать лет словостроения» в нач. 30 гг. («Чтоб пахнуло розой от странниц...»). С 1904 г. его стихи появляются в петербургской

печати (альб. «Новые поэты» — 1904; сб-ки «Волны» и «Прибой» — 1905; ж. «Трудовой путь» — 1907—1908, «Бодрое слово» — 1909 и др.).

К. участвует в революционных событиях 1905—1907 гг.: распространяет прокламации Всероссийского крестьянского союза среди жителей Олонецкой губ., поет им революционные песни, читает марксистскую литературу, пишет гражданские стихи. За это в 1906 г. он был арестован и полгода сидел в тюрьме, затем за ним был установлен негласный надзор полиции.

В 1907 г. К. призывают на военную службу (в результате появляется стихотворение «Казарма»), но вскоре освобождают по состоянию здоровья.

С этого года начинается его дружеская переписка с Блоком, которая продолжалась до 1915 г. Они неоднократно встречались, спорили.

В 1912 г. К. приходят известность, он публикует несколько поэтических сборников: «Сосен перезвон» (М., 1912; два издания); «Братские песни» (М., 1912); «Лесные были» (М., 1913); «Мирские думы» (Пг., 1916); пишет лучшие свои стихи (циклы «Избьяные песни», «Земля и железо» (в сб. «Скифы») и др.). Итоговым явился опубликованный уже после революции двухтомник «Песнослов» (Пг., 1919).

Предисловие к первой книге К., посвященной «Александру Блоку — Нечаянной Радости», написал Брюсов. К. заметили и высоко оценили не только Брюсов и Блок, но и Гумилев, Ахматова, Белый, Городецкий, Мандельштам, известные критики. Он активно сотрудничает в демократических журналах В. С. Миролюбова, в журнале «Новое вино», а также в полурелигиозном, полусветском еженедельнике «Новая земля».

Мировоззрение К. было противоречивым. Брюсов называл поэта «полукрестьянином-полуинтеллигентом». Сам К. считал себя выразителем настроений, дум и чаяний крестьянства, народа, продолжателем традиций не только крестьянских поэтов (Кольцова, Никитина), но и Пушкина, Тютчева, Фета, Мея («Где рай финифтяный и Сириин...»). Участвуя в деятельности группы крестьянских поэтов «Краса» (1915), он хотел выступать в роли их главы. Вот что об этом писал С. Городецкий: «Ключев оставался первым в группе крестьянских поэтов... В нее входили, кроме Ключева и Есенина... Сергей Клычков и Александр Ширяевец... Кроме меня, верховодил в этой группе Алексей Ремизов и не были чужды Вячеслав Иванов и художник Рерих. Блок чуждался этого объединения» (Новый мир.— 1926.— Кн. 2.— С. 140). С другой стороны, при всем уважении к Блоку и К. «чуждался» его и всех поэтов «интеллигентов», всячески оберегая от их влияния Есенина, Клычкова и Ширяевца: «...мы с тобой,— писал он Есенину,— козлы в литературном огороде и только по милости нас терпят в нем»

(сб. «Есенин и современность». — С. 240). К. был самым «крестьянским» из них. Он с детства впитал в себя крестьянскую образную речь, досконально изучил жизнь, быт, устное и письменное творчество русского крестьянства, его верования, официальные и апокрифические, сектантские; обогатил себя знанием русской и мировой литературы (есть сведения, что он свободно читал по-немецки и по-французски: «Маракую малость по басурманскому... только не лежит душа. Наши словеса голосистей...») — И в а н о в Г. Петербургские зимы. — Париж, 1938. — С. 84).

Поэтический мир К. — это крестьянский мир, который за многовековую историю пропитался мифами, религиозными легендами, апокрифами, обрядами, предрассудками, приметами, сказками, объединив, растворив в себе христианство и язычество, религиозное и бытовое начала. В центре его — деревенский мир, «мать-земля», «мать-отчизна» с ее изобой, работниками, богами, ангелами и нечистой силой: «Меж тучных, глухих и скудельных земель / Есть мать-земля, бытия колыбель, / Ей пестун судьба, вертогвардар же — бог, / И в сумерках жизни к ней нету дорог» («Есть горькая супесь, глухой чернозем...»). Для него изба — символ мироздания; «Беседная изба — подобие вселенной: / В ней шелом — небеса, полаты — Млечный Путь». Об этом и в статье К. (как у Есенина): «избяной рай» — величайшая тайна эзотерического мужского ведения: печь — сердце избы, конек на кровле — знак всемирного пути («Самоцветная кровь»). Но он и отличается от Есенина, поэзия которого художественно отразила реальную жизнь, а «Клюев, — по словам его «друга-врага», — поэт России по книжным летописям и ложной ее зарисовке всех приходимцев» (VI, 105). В погоне за яркой образностью К. перенасыщает свои стихи бытовыми деталями, этнографизмами, диалектизмами, библейской символикой и т. п. Мир избы (начиная с ее «рождества») с печью, божницей, окном, дедом, матерью и котом, с «избяным светилом» — ковригой и др. атрибутами занимает особое место в «избяных песнях», в «травяных псалмах», в поэзии К. Она и в его жизни была главной. Даже в свою петербургскую квартиру он перенес олонекую избу.

Изба в поэзии К. это — крестьянская Русь, «мать-отчизна», «мать-земля», «Мать-природа», где в согласии должны бы жить «люди, звери, гады» и боги, каждый зная свое место. Но «в безднах темноты ликуют ночи бесы» («О, ризы вечера, багряно-золотые...»), в мире действует не только «божья», но и «Вражья сила» («Я был прекрасен и крылат...»); Жизнь была сложнее и не укладывалась в клюевские схемы, люди враждовали между собой и с богом. И среди поэтов были распри, о чем писал и К.: «Вы — отгул глухой, гремучей, / Обессиленной

волны, / Мы — предутренние тучи, / Зори росные весны» («Голос из народа»);

«Мы — валуны, седые кедры, / Лесных ключей и сосен звон» («Вы обещали нам сады...»). Так в стихах К. возникает традиционное для крестьянской поэзии противопоставление города и деревни: «Иль чуёт древесная сила, / Провидя судьбу наперед, / Что скоро железная жила / Ей хвойную ризу прошьет? / Зовут эту жилу Чугункой, — / С ней лихо и гибель во мгле» («Пушистые, теплые тучи...»); «Сын железа и каменной скуки / Попирает берестяный рай» («Обозвал тишину глухоманью...»). Так появляется цикл «Земля и железо»: «Городывол копытами бил, / Устрашая нас каменным зевом» («Из подвалов, из темных углов...»).

Но К., стараясь выразить чаяния народа, верил в его лучшее будущее, в братство людей, в единение интеллигенции с народом: «Мы, как рек подземных струи, / К вам незримо притечем / И в безбрежном поцелуе / Души братские сольем» («Голос из народа»). Верил, что «Радость незримо придет», «Радость светлая близка», «Идет Посланец Сил, чтоб сумрак одолеть», «Ангел с ветвью благовестья», «Одолеть судьбу-змею / Скачет пламенный Егорий». Так возникает мечта поэта «Об Индии в русской светелке», вера в «Индию в красном углу», в «белую», «избяную» Индию, в «пшеничный», «берестяный», «избяной» «рай вожделенный, родной», в «Китежград», что объективно отражало чаяния крестьян о свободной и счастливой жизни.

Осуществление этой народной мечты К. увидел в Октябрьской революции, которую радостно приветствовал: «Да здравствуют Советы, / Социализма строй!» («Гимн великой Красной Армии»), «Ура! Да здравствует коммуна!» («Огонь и розы на знаменах...»). Он даже вступил в партию большевиков в 1918 г., стал петь о В. И. Ленине и интернационализме («Я — посвященный от народа...»). При этом суть взглядов К. не изменилась, его поэтическое мировоззрение осталось прежним, фольклорно-мифологическим, крестьянски-религиозным. И вскоре оно пришло в противоречие с господствовавшими в то время идейными течениями. А когда поэт пытался изменяться, шагать в ногу с революцией, «неистовые ревнители» его не понимали, называли «кулацким поэтом» («А стая поджарых газет / Скулила: кулацкий поэт — «Плач о Есенине»), каковым он не был. В 1920 г. К. исключили из РКП(б). А политика ликвидации кулачества как класса имела прямое отношение и к «кулацкому поэту» К.: в 1928 г. вышла его последняя книга «Изба и поле», после этого было опубликовано всего четыре стихотворения, в 1934 г. он был арестован и сослан в поселок Колпашево Нарымского края, затем жил в Томске, где и умер.

Соч.: Сосен перезвон. — М., 1912; Братские песни. — М., 1912; Лесные были. — М., 1913. — Кн. 3; Мирские думы. — Пг.,

1916; Песнослов: В 2 кн.— Пг., 1919; Изба и поле. Избр. стихотворения.— Л., 1928; Стихотворения и поэмы.— Л., 1977; Стихотворения и поэмы.— Архангельск, 1986.
Лит.: Князев В. Ржаные апостолы (Клюев и клюевщина).— П., 1924; Грунтов А. К. Материалы к биографии Н. А. Клюева // Русская литература.— 1973.— № 1; Азадовский К. М. Раннее творчество Н. А. Клюева // Там же.— 1975.— № 3; Куняев Ст. Жизнь — океан многозвонный // Клюев Н. А. Стихотворения и поэмы.— Архангельск, 1986. А. Н. Захаров

КЛЮШНИКОВ, Виктор Петрович [10(22). III.1841, с. Алексановка Гжатского у. Смоленской губ.— 7(19).XI.1892, Петербург; похоронен в Москве на Даниловском кладбище] — прозаик, журналист. По происхождению дворянин. Учился в 4-й Московской гимназии (окончил в 1857 г. с золотой медалью), затем — на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета (1857—1861). Кончив курс кандидатом, несколько месяцев прожил в Харьковской губ. (Сумской у.) — в имении дяди, известного в 40 гг. поэта И. П. Клюшникова. Природа, фольклор, бытовой уклад Малороссии и, главное, взволновавшие край политические события, связанные с восстанием в Польше, дали К. богатый материал для его первого произведения — романа «Марево» (Русский вестник.—1864.— № 1—5; отд. изд.: В 4 ч.— М., 1865), обратившего на себя общее внимание» еще до завершения его публикации (<Эдельсон Е. Н.>. Русская литература // Библиотека для чтения.—1864.— № 4./5.* — С. 19). Остроактуальная проблематика романа (социально-политическая обстановка в пореформенной России, судьба радикально настроенной молодежи) дала основания многим критикам 60—70 гг. ставить «Марево» в один ряд с крупнейшими произведениями тех лет — «Взбаламученным морем» А. Ф. Писемского, «Некуда» Н. С. Лескова, «Бесами» Ф. М. Достоевского, т. е. с т. н. «антинигилистическими романами», и даже с «Отцами и детьми» И. С. Тургенева, интерпретированными на страницах «Современника» и «Искры» как пародия на молодое поколение.

Не усматривая в радикальном движении «ничего, кроме *миража, марева*» (Скабичевский А. М. Русское недомыслие // Отечественные записки.— 1868.— № 9.— Отд. II.— С. 38), К. вместе с тем стремился быть беспристрастным: сочувствуя героям, искренне преданным революции (в отличие от множества коварных и беспринципных нигилистов), и отнюдь не идеализируя людей уходящей николаевской эпохи, он противопоставлял этим общественным силам свой вариант «нового человека» — Владимира Русанова, ищущего «дельной» службы (Ч. 1—2.— С. 129), преданного интересам народа, защитника «русского чувства, заваленного, замусоренного» наносными идеалами (Ч. 3—4.— С. 198). Этот «Дон-Кихот консерватизма» (Салтыков-Щедрин М. Е. Наша общественная жизнь // Современник.—

1864.— № 3.— Отд. II.— С. 53), идейно и биографически близкий К., при всей расплывчатости высказываний тем не менее вполне определенно тяготел к политической программе М. Н. Каткова, что позволило одному из критиков уподобить Русанова «вешалке, на которой автор развесил просушивать передовые статьи «Московских ведомостей» (Отечественные записки.— 1864.— № 6.— Отд. II.— С. 942). К. действительно был единомышленником Каткова и до конца жизни высоко ценил его «вещий голос» (Некролог М. Н. Каткова // Нива.— 1887.— № 31.— С. 775). Общественная позиция писателя определила во многом судьбу «Марева», вызвавшего массу отрицательных отзывов и многие годы упоминавшегося в радикальной и даже либеральной прессе как пример махровой реакционности. Тем не менее роман принес К. громкий успех. Бойкая манера повествования, динамичная, почти детективная интрига, явная ориентация на тургеневские принципы построения характеров, попытка дать летопись интеллектуальной жизни России, связав 60 гг. с эпохой 40 гг.,— все это создало К. репутацию «человека с настоящим талантом, хотя еще и не зрелым «он им орудует, как акробат» (Письмо А. К. Толстого к С. А. Толстой от 3 июля 1864 г. // Вестник Европы.— 1897.— № 6.— С. 609). Сходную оценку роману дал Тургенев: «...бойко написано и интересно, хотя немного жидко» (Тургенев И. С. Полн. собр. соч.: В 28 т. Письма.— М.; Л., 1963.— Т. 5.— С. 243).

Литературный дебют К. был самой счастливой страницей его творческой биографии. Человек «впечатлительный, застенчивый, мягкий и даже робкий», после шума вокруг «Марева» он «поспешил зарыться в скромную нору безымянного журнального работника» (<Матвеев П. А.> Письма о литературе // Русский вестник.— 1895.— № 1.— С. 228). В 60 гг. К. много переводил для «Русского вестника» (он в совершенстве владел французским, немецким, английским языками); с 1868 г., переехав в Петербург, участвовал в редактировании журнала «Заря»; в 1876—1878 гг. издавал журнал «Кругозор», позднее — газету «Собеседник»; в 1878—1882 гг. выпускал «Всенаучный энциклопедический словарь» (Спб.— Ч. 1—3); с 1883 по 1886 г., ненадолго вернувшись в Москву, заведовал редакцией «Русского вестника». Бесспорная заслуга К.—журналиста перед русским читателем — многолетнее (1870—1875, 1887—1892) редактирование «Нивы», одного из самых популярных изданий конца XIX в., формировавшего вкус массовой аудитории. По свидетельству современника, К. отдавался работе в этом журнале с редким «самозабвением» (Авсеенко В. Г. Кружок беллетристов «Нивы» // Нива.— 1904.— № 50.— С. 1006), придирчиво редактировал чужие рукописи, ночами сидел над корректурами.

К. всегда материально нуждался, и на многих его произведениях (в особенности исторических повестях, написанных в соавторстве с П. Петровым и В. Кельсиевым) лежит отпечаток спешной работы. Обилие мелодраматических сцен, маловероятных, слабо мотивированных событий портит даже лучшие его произведения, хотя искупается нередко талантом бытописателя, черпавшего обычно материал из собственного прошлого. Так, рисуя в романе «Большие корабли» (1866—1867) нравы сенатских чиновников, он опирался на опыт, приобретенный им в 1862 г., когда около года служил младшим помощником секретаря VIII департамента Сената в Москве. Детальное знакомство с закулисной жизнью петербургской прессы нашло отражение в рассказе К. «Пляска смерти» (Русское обозрение.— 1891.— № 12). Не удивительно, что К. удавались небольшие произведения — рассказы, очерки, позволявшие ограничиться зарисовкой бытового уклада и привычек представителя какого-либо сословия («Барышня и барыня» // Нива.— 1874.— № 4; «Крепisha» // Русский вестник.— 1885.— № 1). Изредка он выступал с рецензиями и критическими статьями. Однако имя К. еще при его жизни было забыто: «Его литературная карьера была карьера метеора», и после «Марева» он «утонул в пучине безвестности» (Михневич В. Наши знакомые // Фельетонный словарь современников.— Спб., 1884.— С. 104).

Соч.: Цыгане. Роман: В 3 ч.— Спб., 1871; Не-Мареву. Повесть // Заря.— 1871.— № 2,4; Большие корабли. Роман: В 3 ч.— Спб., 1874.

Лит.: Зайцев В. А. Перлы и адаманты русской журналистики // Русское слово.— 1864.— № 6.— Отд. II.— С. 45—50; Писарев Д. И. Сердитое бессилие.— Соч.: В 4 т.— М., 1956.— Т. 3; Салтыков-Шедрин М. Е. Цыгане. Роман: В 3 ч. Соч. В. Ключникова.— Спб., 1871 // Салтыков-Шедрин М. Е. Собр. соч.: В 20 т.— М., 1970.— Т. 9; Быков П. В. В. П. Ключников // Всемирная иллюстрация.— 1892.— № 1244.— С. 405—406.

О. Е. Майорова

КЛЮШНИКОВ, Иван Петрович [2(14).XII.1811, хутор Криничный Сумского у. Харьковской губ.— 16(28).II.1895, там же] — поэт. Воспитание и первоначальное образование получил в доме отца под руководством гувернеров; учился в Московской губернской гимназии; со степенью кандидата словесных наук закончил Московский университет (1828—1832). В архиве МГУ имеется рукопись К. «О духе римской литературы» (на латинском и русском языках). В Москве жил на Остоженке вместе с братом П. П. Ключниковым, в будущем известным доктором медицины. Давал частные уроки, среди его учеников — Ю. Ф. Самарин, И. С. Тургенев; в 1838—1839 г. вел курс истории в Московском дворянском институте. По оценке Т. Н. Грановского, подавал надежды в области истории и мог бы со временем занять кафедру в университете. В конце 30 гг. стал печатать

стихи в «Московском наблюдателе», «Отечественных записках», опубликовал повесть «Привидение первого мужа, или Вдова замужем» (Литературная газета.— 1841.— № 50), тяготеющую к «натуральной школе». В начале 40 гг. после тяжелой депрессии уезжает из Москвы, почти 40 лет безвыездно живет в родовом имении. Психологическая повесть «Любовная сказка» — единственная публикация этих лет (Отечественные записки.— 1849.— № 6). До глубокой старости писал стихи. В 1880 г. приезжает в Москву и оставляет у М. Н. Каткова, редактора «Русского вестника», своего товарища студенческих лет, несколько стихотворений последнего времени. В 1886 г. журнал опубликовал еще ряд стихотворений К., возможно, переданных в редакцию В. П. Ключниковым, племянником поэта, известным автором «антинигилистических» романов. Из друзей некоторое участие к его, вероятно, одинокой старости сохраняют Я. Н. Полонский, И. С. Тургенев, А. В. Станкевич.

Философско-эстетические взгляды и литературные интересы К. формировались в Московском университете 30 гг. К. был активным участником кружка Станкевича, составив вместе с В. И. Красовым, Я. М. Неверовым, И. А. Оболенским и др. его первоначальное ядро. Наиболее близок был Н. В. Станкевичу, изучает с ним Канта, Шеллинга, ведет беседы о Гете, Гоголе, Пушкине. В усвоении философских идей К. не был склонен к абстрактному теоретизированию, воспринимал их со значительной долей иронии; писал кантаты, послания, эпиграммы, разрушавшие пиетет перед философией, своими комментариями к философским сочинениям мог «уморить слушателей от хохота» (Н. Станкевич). Знал и любил историю, обладал «даром вызывать дух исторических эпох» (М. Катков). За живость ума, едкие насмешки над идеальными стремлениями получил прозвище «Мефистофель», но ирония соседствовала у К. с погруженностью в себя, острота ума вела к обособленности, преувеличенной рефлексии.

Бликие отношения связывали К. с В. Г. Белинским, они были сокурсниками. К. представил его Станкевичу. Позже критик вспомнит о «долгом авторитете» К. в начальный период своего развития, свяжет свой литературно-критический дебют «Литературные мечтания» с временем этого общения. Сотрудничая вместе с Белинским и Станкевичем в «Телескопе», К. выступил в защиту М. Ф. Орлова и П. Я. Чаадаева в своей рецензии на пьесу-пастыль М. Н. Загоскина «Недовольные» (1835), помогает вместе с В. К. Ржевским спасти Белинского от ареста во время гонений на журнал, предупредил об обыске. После отъезда Станкевича за границу (1836) ближе сходитя с московским окружением Белинского (М. А. Бакунин, Е. П. Ефремов,

В. П. Боткин и др.). Переход критика к гегельянству постепенно отдалил от него К. Осознавая в спорах о трагедии Гете «Клавиго», в оценках драматической истории отношений Станкевича и Л. А. Бакуниной (умерла в 1838 г.) недостаточность чисто идеальных устремлений, К. переживает глубокий кризис, «испытывает адское презрение к себе и всем нам» (М. А. Бакунин), приходит к мыслям о бесплезности жизни. С переездом Белинского в Петербург, со смертью Станкевича (1840) К. становится все более одинок, постепенно отдаляясь от В. П. Боткина, В. К. Ржевского, П. П. Ключникова, личные судьбы которых сложились более счастливо.

Лирика К. была воспринята друзьями как выход из кризиса, обретение «чистой» «светлой» гармонии (В. Г. Белинский). Для самого поэта это была история души, в которой «отметились» пережитые страдания. Герой элегических произведений К. обращен в себя. Динамика его внутренних переживаний основана на постоянном обращении к опыту прошлого. Присутствуют традиционные для романтизма мотивы утраты надежд, скорби о светлых идеалах юности. Но характерна ироническая игра с возвышенным началом, которое погружено в быт, сопряжено с бездумным «зеваньем». Устойчивые метафоры: «прошлое напевы», «пыл мечтаний» и др. — смешаны с умышленно корявыми прозаизмами «шлепнуть в грязь лицом», «гроб чувств», «глупо-ветренная радость» («Элегия» («Опять оно, опять былое...»), «Старая печаль», оба 1838).

Ведущая тема размышлений героя К. — назначение человека, судьба пережитого духовного опыта. Иронические мотивы в духе Гейне, которого почитал К., часто усложняются до гротескно-фантастических видений «безбрежной пустыни», «грядущего бесцветной пустоты», сквозь которые проглядывают мифы о конце мира. Вера в бессмертие души рождает жажду молитвы и плача, разрешаемых «панихидой над могилой» как спасением: «Ночная молитва», «Мой гений» (оба 1838). Вместе с тем герой пытается осознать, постичь благое мироустройства, его разумность, и это ведет к новому осмыслению событий и «примирению»: «Утренний звон», «Весна», «Ночное раздумье» (1839). В стихотворении «Собирателям моих элегий» (1840) поэт возвышается от страданий и панихиды о них к «святой гармонии души». В композиционном членении философских монологов узнаваема гегелевская триада движения абсолютного духа к самосозерцанию. Это придает произведениям «какую-то однообразную оригинальность» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — Т. IV. — С. 195).

Намеченная концепция примиренного бытия развита в любовной лирике К. Рефлексия мертвит чувства героя, заставляет отказаться от

них, каяться в «безумной любви» — «Я не люблю тебя...», «Ей» <1840>. Одновременно нарастает жажда созерцания «святыни красоты» как высшего проявления любви («Воспоминание», 1841).

Отличительная особенность лирики К., обнаруживающая в нем талантливого поэта, — умение сохранить рядом с философской напряженностью рефлексии богатство психологических оттенков переживания: мимолетные встречи в городке («Городок»), слегка ироничный диалог с другом («Когда, горя преступным жаром...»), а также неповторимое соединение ландшафта и внутреннего монолога («Осенний день»).

В творчестве К. заметно обращение к богатым поэтическим традициям. Рефлексия как характерная черта целого поколения («Меланхолик», «Претензия»), редкие моменты гармонии в единении с природой, почти космической, наконец, прямые переключки в стихотворном диалоге «Новый год поэта» (1883) роднят К. с музой Лермонтова. Значительное место занимает пушкинская тема. Литературный дебют К. «Медный всадник» (Московский наблюдатель. — 1838. — Ч. 18) был прямым откликом на опубликованный фрагмент одноименной поэмы Пушкина (Библиотека для чтения. — 1834. — Кн. 12); стихотворение К. было написано в 1835—1836 гг., до публикации полного текста пушкинского «Медного всадника» (Современник. — 1837. — № 1). (Отмечено нами. — Л. Х.) Развивается пушкинская тема у К. в прямых реминисценциях, в использовании пушкинских композиций, тематически обусловленных размеров. Ее своеобразным эпилогом является «Nova ars poetica» «Мечты и идеалы поэта будущности» (опубл. в 1883 г.). Посвященное А. С. Пушкину произведение написано в год открытия памятника поэту в Москве, на котором, возможно, присутствовал К. Главная тема произведения — поэтическое завещание.

Судьба художественного наследия К. драматична. Поэт намеревался издать стихи, чтобы «найти отголосок в чьем-нибудь сердце», но эти намерения не осуществил. Произведения К. остались рассеянными по журналам, часть их, видимо, безвозвратно утрачена. Но даже сохранившееся раскрывает «яркий молодой талант» К., которого Белинский включал в ряд современных «действующих» поэтов вместе с Лермонтовым, Кольцовым, Красовым. В истории русской поэзии лирика К. принадлежит к тому этапу развития философско-художественного мышления, когда психологическая глубина и достоверность переживания сопрягались с исповедальным философским началом, синтезируя пушкинскую и тючевскую традиции.

Соч.: Ф. Н. Глинка и И. П. Ключников. С приложением стихотворений. — М., 1901; Поэты 1820—1830-х годов / Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург — Л., 1961; Поэты кружка

Н. В. Станкевича / Вступ. ст. С. И. Машинского.— М.: Л., 1964.

Лит.: Муратова К. Д., Журавлева А. И. О поэтах кружка Станкевича // Вестник МГУ. Филология.— 1967.— № 4; Гинзбург Л. Я. О лирике.— Л., 1974.— С. 146—148; Мани Ю. В. В кружке Станкевича.— М., 1983.

Л. А. Ходанен

КОЗЛОВ, Иван Иванович [11 (22). IV. 1779, Москва — 30.I (11.II). 1840 Петербург] — поэт и переводчик. Родился и воспитывался в старинной и знатной дворянской семье. Когда К. исполнилось пять лет, его зачислили в лейб-гвардии Измайловский полк сержантом. В 16 лет он служил в том же полку прапорщиком, а через два года был произведен в подпоручики. В 1798 г., блестящий офицер, необыкновенный красавец и великолепный танцор, он внезапно вышел в отставку и поступил в канцелярию московского генерал-губернатора. Романтически настроенный юноша поражал современников начитанностью, знанием языков (французским и итальянским он овладел в детстве, а позднее выучил немецкий и английский), литературной образованностью. Его заметил Жуковский и познакомил с Пушкиным, Вяземским и бр. Тургеневыми.

Отечественная война 1812 г. потребовала участия в ней К., он стал одним из организаторов обороны Москвы и состоял в Комитете, который ведал собираньем московской военной силы. В 1813 г. К. переехал в Петербург и служил в департаменте государственных имуществ. Перед ним открылась чиновная карьера, сулившая продвижение по бюрократической лестнице, награды и материальную обеспеченность. Неожиданно все рухнуло: в 1818 г. его приковал к постели паралич, а вскоре на долю К. выпало еще одно тяжелое испытание — он стал слепнуть и в 1821 г. окончательно потерял зрение.

Дремавший в нем поэтический талант проявился в переводах, а затем и в оригинальных произведениях. Еще до окончательной потери зрения К. сблизился с людьми декабристского круга и молодыми романтиками. Он восторженно принял европейский и русский романтизм. Байрон остается его кумиром. Сначала К. перевел «Абидосскую невесту» на французский язык (перевод не сохранился), а затем (спустя шесть лет, в 1825 г.) и на русский язык. Вольнолюбивая настроенность характерна и для стихотворений «Пленный грек в темнице», «Байрон», написанных в первой половине 20 гг. К. становится известным благодаря многочисленным элегиям, романсам, переводам. Литературные и общественные связи К. ширятся: в доме поэта бывают Пушкин и Жуковский, Вяземский и Крылов, Грибоедов и Рылеев, Кюхельбекер и Гнедич, Дельвиг и Баратынский, Адам Мицкевич и Тютчев, Зинаида Волконская и Даргомыжский, а впоследствии Лермонтов. Их притягивала к пораженному недугу поэту его человеческая значительность, сила его дарования и упрямое сопротивление несчастьям, которые К. побеждал неустанным творческим

трудом. Беседы с ним, вспоминают современники, были всегда увлекательны и полезны. К. превосходно знал европейскую поэзию, обладал светлым умом и прекрасной памятью. Он сочувствовал новым поэтическим веяниям.

Творчество К. началось в период расцвета русского романтизма и закончилось в то время, когда романтизм стал терять завоеванные им позиции. Эволюция русского романтического движения своеобразно преломилась в поэзии К. Личная судьба поэта вписалась в насыщенную общественным содержанием поэзию, наполненную глубокой печалью и скорбью о разочарованной и страдающей человеческой душе, устремленной к свободе и жаждущей исцеления от душевных ран. В поэзии К. совместились его собственная горестная участь и грустный удел современного ему человека, надежда на чудесное физическое выздоровление и мечта о совершенном мире, где обитает радость и счастье. Славя этих переживаний актуализировал в творчестве К. два начала — религиозную мечтательность, отчасти роднящую поэта с его учителем Жуковским, и стойкое противостояние жизненным невзгодам, упорное и даже героическое сопротивление бедствиям — переживания, которые отличают К. от его наставника. В 20 гг. на первый план выдвинулся мотив преодоления страданий, в 30 гг. — религиозные ноты и настроения.

Когда декабристское вольнолюбие шло на подъем, К. славил человека, смело идущего в бой и приносящего себя в жертву. В эту пору К. черпает силы в переживаниях природы, в творческом акте, в гражданском долге, в дружестве. Он воодушевляется идеей создать русскую национальную романтическую поэму, обращается к истории, и в его воображении возникают образы древнерусской литературы. Итогом этих поэтических раздумий явились переводы из «Слова о полку Игореве» («Плач Ярославны», 1825), поэмы «Чернец» (1824) и «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» (1824—1827).

В поэме «Чернец» К. изобразил юношу, всем сердцем устремленного к счастью. Ради любви он вступает в борьбу с жизненными препятствиями, но не может их одолеть. Содержанием поэмы стали противоречивые переживания героя: рожденный для добра, он становится убийцей обидчика. В нем борются и сосуществуют полярные чувства. Углубив психологическую мотивировку разноречивых страстей, К. сделал важный шаг в развитии русской романтической поэмы от Пушкина к Лермонтову.

Вольнолюбивые настроения начала 20 гг. отразились и в переводах К., избравшего мужественные, славящие молодость, силу духа и доблесть оригинальные произведения. Таковы «Фея Моргана к Оливьеру» (перевод из поэмы Мильвуа, 1822), «Романс» («Есть тихая роща у быстрых ключей...») — вольный перевод из поэмы

Т. Мура, 1823), «Молодой певец» (перевод стихотворения Т. Мура, 1823), «Добрая ночь» (перевод отрывка из поэмы Байрона, 1824). Самое известное среди этих произведений — «На погребение английского генерала сира Джона Мура» (перевод стихотворения Ч. Вольфа, 1828). Энергия и упругость ритма чеканных строф стихотворения сделали его образцом переводческого искусства и фактом русской поэтической культуры.

После разгрома восстания декабристов в поэзию К. проникают пессимистические и религиозные настроения. Углубляются и мотивы трагического одиночества, вызванные потерей друзей и разлукой с ними. К. удалось выразительно передать эти переживания, чрезвычайно характерные для общей атмосферы и для сознания передовых людей конца 20 — начала 30 гг. Наиболее полно настроения шемящего и безысходного одиночества К. передал в стихотворении «Вечерний звон» (перевод из Т. Мура, 1827). Хотя лирика К. окрашена в цвет печали, в ней явно ощущаются и другие краски. Поэт не поддается напору обстоятельств, он не сгибается под тяжестью физических и душевных страданий, сохраняя любовь к жизни, природе, искусству и мужеству духа. Знаменательно, что К. находит возвышенный романтический идеал в безыскусственных образах простых людей, в чистоте их нравственности, в крестьянском труде и быте. В оригинальном творчестве К. 30 гг. народная тема становится одной из заметных («Умирающий гайдук», «Обманутое сердце», «Тревожное раздумье», «Песня»). Именно этими сторонами обворожила его поэзия Р. Бернса, с которой он первым познакомил русского читателя. Чувством полноты жизни, тонким переживанием природы отмечены и переводы «Крымских сонетов Адама Мицкевича» (1828).

Новые лиро-эпические произведения К., созданные во второй половине 20 и в 30 гг. («Венгерский лес», 1826—1827; «Безумная», 1830, и др.), лишаются психологической конкретности. В них господствуют абстрактные романтические чувства, а драматизм подменяется искусственной риторикой и театральными эффектами. В поздних балладах усиливается таинственность, широко используются образы средневековой романтики. Поэт остро ощущает непрочность и катастрофичность мира, а его героев всюду подстерегают несчастья или гибель.

И все же К. не покидают глубокое лирическое чувство нежной скорби по утраченному счастью, мечта о содержательной, наполненной высокими духовными впечатлениями жизни и волевая энергия в споре с общественными преградами и личными невзгодами. Вплоть до самой смерти К. не потерял интереса к общественно-литературным событиям в России и в Европе. Он откликнулся на национально-освободительное движение в Италии, внимательно следил за новой русской и европейской литературой.

Оригинальные и переводные произведения К. прочно вошли в музыкальный быт и в народный песенный репертуар («Романс», 1823; «Венецианская ночь», 1825; «Вечерний звон», 1827; «Португальская песня», 1828, и др.).

Соч.: Стихотворения.— Спб., 1828; Собр. стихотв.: В 2 ч.— Спб. 1833; Собр. стихотв.: В 2 ч.— Спб. 1834; Собр. стихотв.: В 2 ч.— Спб., 1840; Полн. собр. стихотв. / Вступ. ст. И. Д. Глиман.— Л., 1960.

Лит.: Б е л и н с к и й В. Г. Собр. стихотв. Ивана Козлова // Полн. собр. соч.— М., 1954.— Т. V.— С. 58—79; А ф а н а с ь е в В. Жизнь и лира: Художественно-документальная книга о поэте Иване Козлове.— М., 1977. В. И. Коровин

КОКОРЕВ, Иван Тимофеевич [6 (18). IX. 1825, Зарайск — 14 (26). VI. 1853, Москва] — прозаик. Сын вольноотпущенного крестьянина. К. вошел в литературу как бытописатель Москвы; его творчество и вся биография, представлявшая, по словам Добролюбова, «грустную историю гибели таланта», крепко связаны с Москвой (Д о б р о л у б о в Н. А. Собр. соч.: В 9 т.— М.; Л., 1963.— Т. 4.— С. 266). Учился в Московском уездном училище, обратил на себя внимание одаренностью и был принят во 2-ю Московскую гимназию. Проучившись в ней до 1-го класса, К. оставил занятия из-за недостатка средств и обратился к директору московских театров М. Н. Загоскину с просьбой принять его на сцену. Эта встреча сыграла большую роль в судьбе К.: благодаря совету Загоскина К. занялся литературой. С 1843 г. вынужден добывать средства поденной литературной работой: сотрудничал в журнале «Живописное обозрение»; разбирал и обрабатывал исторические документы у профессора А. Д. Черткова; с А. А. Стойковичем работал над книгой о Кавказе (1845); участвовал в иллюстрированном издании А. Семена «Нравы, обычаи и памятники всех народов земного шара» (1845). С 1846 г. К. связан с журналом «Москвитянин», как секретарь выполняет всю черную редакционную работу. Статьи и рецензии, написанные по заказу (включены в 3-й том сочинений К.), вызвали грусть и сожаление у читателей и критиков, любивших писателя. «Какой талант, какая поэзия может сохраниться в человеке, принужденном убиваться над такими предметами? Никто из читавших «Москвитянин» не предполагал, конечно, что этот же самый человек тут же, через несколько страниц, смастерит какие-нибудь заметки о парикмахерском объявлении, о новом полнейшем оракуле, о шрифте визитных карточек...» (Там же.— С. 270). Неизданные письма К. редактору журнала М. П. Погодину, полные просьб о ничтожных денежных суммах, — свидетельство его постоянной крайней бедности. Начало литературной деятельности К. совпадает со временем триумфа «натуральной школы». Первоначально физиологический очерк был всецело принадлежностью «петербургской литературы». Этот жанр культивировался и пропагандировался некрасовскими сборниками («Физиология Петербурга»,

1845; «Петербургский сборник», 1846), «Отечественными записками» и «Современником», в которых главной фигурой был В. Г. Белинский. Но физиологический очерк недаром явился практической реализацией призыва Белинского создать многоголосую русскую беллетристику, которая охватила бы все стороны действительности, жизнь всех сословий. Высшая цель этой литературы — выдвинуть на первый план демократического героя, «эпизодических» людей, которым раньше вход в «высокую» словесность был воспрещен. Уже скоро физиологический очерк из Петербурга переселился в Москву, в которой славянофилы и прежде всего «Москвитянин» в первое время в штыки приняли это новшество. И все же именно в «Москвитянине» с конца 1840 г. стали появляться физиологические очерки. Значительна в этом заслуга К., хорошо знавшего по опыту московские трущобы. К. жил на окраине тогдашней Москвы, в глухом переулке у Самотеки, в жалкой каморке ветхого домика, сам испытывал не меньшую нужду, чем те горькие бедняки, которых он изображал в своих произведениях. По глубине и верности описания быта городской бедноты, точном знании подробностей жизни этих слоев К., сам кровно связанный с ними, в то время не имел себе равных. В разработке темы народного быта большую роль сыграло общение К. с А. Н. Островским, вошедшим в нач. 50 гг. в «молодую редакцию» «Москвитянина», где в 1850 г. К. руководил отделом «Внутреннее обозрение», помещал очерки о Москве — «физиологию московской жизни», вырвавшую из живых и самых непосредственных наблюдений. Все очерки и рассказы К. — разрозненные страницы задуманной им книги о Москве. Один из набросков начинался так: «Город — книга: в ней можно добавлять страницы, но нельзя ни одной вырвать...» Такое образное понимание Москвы, городской жизни, характерное для писателей «натуральной школы», — ключ к литературной концепции общего замысла К. В 1847 г. в «Москвитянине» напечатана первая, во многом автобиографическая, программная повесть «Сибирка», полемически названная «мещанскими очерками» (отчасти предвосхищающая тему «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского). «На свете все в имени, — обращается автор к читателям, — и, назвав мою историю «очерками», вправе действовать как заблагорассудится, идти на все четыре стороны, не стесняясь оградями повести или другого какого произведения, получившего право гражданства в области слова. Очерки мои отчасти сродни тем литературным блестякам, что зовутся за морем физиологиями, и поэтому-то осмеливаюсь представить на твое благоусмотрение несколько отдельных штрихов, тем более, что они могут показать исходную точку, с которой надобно смотреть на целое» (Русские повести XIX в. 40—50-х гг. — М.; Л., 1952. — Т. 2. — С. 622). Но при всей «физиологичности»

повести (зарисовки районов Москвы с точки зрения сословной географии, бытовая характеристика ремесленного люда) К., согласно своей художественной установке, стремится к полноте изображения, касается многих тревожных тем времени, остро обсуждаемых в тогдашней литературе и журналистике. И прежде всего автора волнует новое лицо, новый демократический герой (ремесленник-живописец), его «положительность», житейская «перспективность», соотношение со старым героем романтического склада (люди деятельные, широкие натуры, в противоположность «кислякам», страдающим «душевной чахоткой»). В «Сибирке» соблюдается и определенная традиционная сюжетная занимательность: романтическая завязка соединена с острым социальным анализом (обольщение девушки из народа молодым развращенным аристократом, названным «подобием нравственного Хлестакова»), кульминация любовной линии (тайное свидание матери с ребенком, трагическая развязка любовных отношений) и оригинальный, своеобразный эпилог, в котором автор обращается к читателям за советом, как лучше оканчивать повесть: история не завершена, она могла бы иметь благополучный исход, но пусть подкажут читатели, и автор поведает по всем правилам повествовательного искусства, как развилась бы отдельное события. Повесть утверждает К. как жанр, не скованный традиционными нормами построения, в частности благополучной концовкой. В лучшем, «задушевном своем произведении» (Григорьев в А. // Москвитянин. — 1852. — № 4. — С. 72), повесть «Саввушка» К. поведал грустную, согретую мягким юмором историю портного-бедняка, дал яркую картину быта московских ремесленников 40 гг. По ходу рассказа внимание читателя постепенно переносится с социально-этнографических подробностей, с событийной стороны произведения на идейную. Герой повести спасает от нравственной гибели оставшуюся сиротой девочку-подростка. К. мастерски разоблачает филантропию богачей, равнодушных на деле к судьбам бедняков. Сентиментальность и идиллия — основные свойства видения и подачи жизненного материала К. — особенно подкупали читателей. «Идиллия есть у него дело сердца, и он сам верит в нее» (Анненков П. В. Воспоминания и критические статьи. — Спб., 1879. — Т. II. — С. 75—76). Повесть «Саввушка» была одобрена И. С. Тургеневым, отметившим в ней наряду с бедностью содержания и неумелым построением «своеобразную теплую струю, которая дается только особой близостью автора к описываемым нравам» (Полн. собр. соч. — П., 1898. — Т. 12. — С. 318; см. также письмо С. Т. Аксакову от 29 июня 1853 г.; упоминание в предисловии к роману Ауэрбаха «Дача на Рейне», 1868). Нищенская жизнь подорвала здоровье К. Оставшиеся после него бумаги свидетельствуют о том, что он реализовал лишь небольшую часть своих

планов. На смерть К. откликнулись многие писатели: А. А. Григорьев (взволнованный некролог в «Москвитянин».— 1853.— Т. II.— № 12.— Отд. VII.— С. 100), И. С. Тургенев («Много в нем было простоты и теплоты — при всей наблюдательности — какой-то наивный и ясный взгляд на вещи» — письмо П. В. Анненкову от 9 июля 1853 г.). Посмертное издание сочинений К. (В 3 т.— М., 1858) вызвало теплый отклик Добролюбова, сочувственно писавшего о трагической судьбе писателя-разночинца. К. стал прямым предтечей беллетристов-народников 60—70 гг., отчасти подготовил новаторскую позицию Л. Н. Толстого в жанре простонародной повести.

Соч.: Очерки и рассказы: В 2 т.— М., 1858; То же, 1959; Москва сороковых годов / Ред. и вступ. ст. Н. С. Ашукина.— М.; Л., 1932; То же, 1959; Сочинения И. Т. Кокорева / Предисл., подгот. текста и примеч. В. П. Петушкова.— М.; Л., 1959.

Лит.: Дементьев В. Черты из жизни И. Т. Кокорева // Москвитянин.— 1853.— Т. IV.— № 14.— Кн. 2.— Отд. VII.— С. 127—131; Дружинин А. В. Письма иногороднего подписчика // Собр. соч.— Пб., 1865.— Т. VII.— С. 288—290; Мейлах Б. С. И. Т. Кокорев. Биографическая справка // Русская повесть XIX в.: В 2 т.— М., 1952.— Т. II.— С. 776—778; Лотман Л. М. Проза 1840-х гг. // История русской литературы.— М.; Л., 1955.— Т. 7.— С. 524; Костелянец Б. И. Т. Кокорев // Русский очерк: В 2 т.— М., 1952.— Т. I.— С. 665—666; Кулешов В. И. Очерки и рассказы Кокорева // Русский очерк.— М., 1986 (Комментарий).
Е. Н. Пенская

КОЛЬЦОВ, Алексей Васильевич [3 (15). X. 1809, Воронеж — 29. X (10. XI). 1842, Воронеж] — поэт. Родился в зажиточной мещанской семье Василия Петровича Кольцова, прасола — скупщика и торговца скотом, слывшего во всей округе честным партнером и строгим домохозяином. Человек крутого нрава, страстный и увлекательный, отец поэта, не ограничиваясь прасольством, арендовал земли для посева хлебов, скупал леса на сруб, торговал дровами, занимался садоводством. И в торговых делах, и в частном быту Василий Петрович оправдывал известную народную поговорку: «Прасол — поясом опоясан, сердце пламенное, а грудь каменная». С детских лет он определил сыну торговое поприще, и К. служил при отце сначала мальцом, потом молодцом, а в зрелые годы — приказчиком и помощником. Летом они отправлялись в степь для надзора за скотом, зимой — для забора и продажи товара. Неделями приходилось скакать на коне, ночевать под открытым небом, коротать досуг в деревнях, толкаться среди народа в праздничной ярмарочной толпе. Прасольское ремесло воспитывало в человеке умение легко и свободно общаться с самыми разными людьми, входить в чужие заботы и интересы, прислушиваться к противоречивым голосам крестьянской молвы, проникаться мотивами русских песен. Воронежская природа, где лесной север переходил в южную степь, щедро наделила будущего поэта полнотою впечатлений, остротой восприятий. Приходилось вникать изнутри и в самые разные хозяйственные заботы сельского жителя: садоводство и хлебопа-

шество, скотоводство и лесные промыслы. В одаренной, переимчивой натуре мальчика формировались широта души и интересов, непосредственное знание народной жизни.

С 9 лет К. постигал грамоту на дому и проявил столь незаурядные способности, что в 1820 г. смог поступить в двухклассное уездное училище, минуя училище приходское. Проучился он в нем 1 год и 4 месяца: из второго класса отец взял К. в помощники. Однако страсть к чтению проснулась в мальчике: сначала это были сказки и лубочные издания, покупаемые у корабейников, потом библиотечка в 70 книг у приятеля по училищу, сына воронежского купца, — арабские сказки, проза писателей XVIII в. и, в частности, роман Хераскова «Кадм и Гармония».

В 1825 г. К. купил на базаре сборник стихов И. И. Дмитриева и пережил глубоко потрясение, познакомившись с русскими песнями «Стонет сизый голубочек» и «Ах, когда б я прежде знала». Он убежал в сад и стал распевать в одиночестве эти стихи, уверенный в том, что все стихи — песни, что все они поются, а не читаются. Возникло желание самому писать стихи, и К. переложил в рифмованные строчки рассказ товарища о троекратно повторявшемся сне. Получилась поэма «Три видения», вещь наивная и незрелая, которую К. впоследствии уничтожил.

К этому времени К. познакомился с книготорговцем Д. А. Кашкиным, человеком образованным и умным, любящим русскую словесность. Кашкин поощряет юного поэта, снабжает его руководством по сочинению стихов «Русская родосия», дает советы, правит его поэтические опыты, но главное — разрешает пользоваться своей библиотекой. В лавке Кашкина К. знакомится с поэзией М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, И. Ф. Богдановича, а затем А. Ф. Мерзлякова, А. А. Дельвига, А. С. Пушкина. Юношеские опыты К. («Разуверенье», «Плач», оба — 1829; «Земное счастье», 1830) литературны, вторичны, написаны в подражание популярной романтично-романтической поэзии. Однако проблески самобытного дарования ощутимы в «Путнике» и «Ночлеге чумаков» (1828).

К нач. 30 гг. К. становится известным в культурном кругу Воронежа «стихотворцем-мещанином», «поэтом-прасолом». Он сблизится с Андреем Порфирьевичем Серебрянским, сыном сельского священника, студентом Воронежской семинарии, поэтом, талантливым исполнителем своих и чужих стихов, автором статьи «Мысли о музыке» и популярной некогда студенческой песни «Быстры как волны дни нашей жизни». Серебрянский относится к другу серьезно, помогает ему словом и делом. «Вместе мы с ним росли, вместе читали Шекспира, думали, спорили», — вспоминал К. Серебрянский прививает К. вкус к философскому образованию, знакомит с профессорами семинарии П. И. Ставровым и А. Д. Вельяминовым, погружает в раздумья над мировоззрен-

ческими вопросами. Появляются стихи, предвестники будущих «дум» — «Великая тайна», «Божий мир», «Молитва».

В 1827 г., «на заре туманной юности», К. переживает тяжелую сердечную драму. В доме отца жила крепостная прислуга, горничная Дуняша, девушка редкой красоты и чуткости. К. страстно полюбил ее, но отец счел унижительным родство со служанкой и во время отъезда сына в степь продал Дуняшу в отдаленную казачью станицу донскому помещику. К. слег в горячке и едва не умер. Оправившись от болезни, он пустился в степь на поиски невесты, оказавшиеся безрезультатными. Неутешное свое горе К. выплал в стихах «Первая любовь» (1830), «Измена суженой», «Последняя борьба» (оба — 1838) и особенно в проникновенной «Разлуке» (1840), положенной на музыку А. Гурилевым и ставшей популярным романсом.

В 1830 г. стихи К. впервые появились в печати. Начинаящий поэт В. И. Сухачев, остановившийся у Кашкина проездом из Одессы в Москву, познакомился с К. и поместил его произведения в сборнике «Листки из записной книжки Василия Сухачева» (1830) в числе собственных стихов, без имени автора («Не мне внимать», «Приди ко мне», «Мщение»). А в 1831 г. К. выходит в большую литературу с помощью Н. В. Станкевича, который встретился с поэтом в Воронеже и обратил внимание на его незаурядное дарование. По рекомендации Станкевича в «Литературной газете» (1831. — № 34) была опубликована одна из первых «русских песен» К. «Кольцо», а в 1835 г. — на собранные по подписке среди московских друзей деньги — Станкевич издает первый поэтический сборник «Стихотворения Алексея Кольцова», принесший поэту славу в среде столичных литераторов.

Знакомство со Станкевичем открыло К. доступ в московские и петербургские литературные салоны. В 1831 г. он приезжает в Москву по торговым делам отца и сходитя с членами философского кружка Станкевича, студентами Московского университета, в т. ч. с В. Г. Белинским. В 1836 г. через Белинского К. знакомится с московскими литераторами Н. И. Надеждиным и Ф. Н. Глинкой, а в Петербурге сближается с В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, В. Ф. Одоевским, И. А. Крыловым, заводит дружбу с художником А. Г. Венециановым, появляется на знаменитых литературных вечерах П. А. Плетнева. Особое впечатление на К. производит знакомство с Пушкиным и беседы с ним на литературные темы. Потрясенный безвременной кончиной поэта, К. пишет думу «Лес», в которой через эпический образ русской природы передает богатырскую мощь и национальное величие поэтического гения Пушкина.

Летом 1837 г. К. навещает в Воронеже Жуковский. Этот визит возмущает поэта в глазах отца, который к литературным трудам сына

относится прохладно, однако ценит связи с высокопоставленными людьми, рекомендуя использовать их для продвижения торговых предприятий и успешного решения судебных дел. В 1838 г. он охотно отпускает сына в Москву и Петербург, где К. посещает театры, увлекается музыкой и философией, тесно сближается с Белинским. Под влиянием критика К. обращается к философской поэзии, создавая одну за другой свои «думы». В этот период совершается стремительный интеллектуальный рост К., достигает расцвета его поэтический талант. К. уходит далеко вперед в своем духовном развитии, и провинциальный купеческий быт Воронежа начинает тяготить его: «Тесен мой круг, грязен мой мир; горько жить мне в нем; и я не знаю, как я еще не потерялся в нем давно» (Полн. собр. соч. — Спб., 1909. — С. 215).

В сентябре 1840 г. К. совершает последнюю поездку в столицу, чтобы закончить две тяжбы и продать в Москве два гурта быков. Но торговое усердие оставляет его: «нет голоса в душе быть купцом». В Петербурге К. останавливается у Белинского, вызывая у великого критика искреннее восхищение глубиной таланта, острым умом и щедростью природы: «Кольцов живет у меня — мои отношения к нему легки, я ожил немножко от его присутствия. Экая богатая и благородная натура! <...> Я точно очутился в обществе нескольких чудеснейших людей» (Белинский В. Г. Собр. соч.: В 9 т. — М., 1982. — Т. 9. — С. 410, 425). В свою очередь К. попадает под обаяние страстной, увлекающейся личности «неистового Виссариона», преклоняясь перед его самоотверженным служением великим идеалам искусства. Пробуждается желание навсегда оставить Воронеж и перебраться в Петербург. Но эта мечта оказывается неосуществимой. Невыгодно завершив торговые дела, прожив вырученные деньги, К. возвращается в Воронеж к разгневанному отцу. Охлаждение сына к хозяйственным хлопотам вызывает у отца упреки «грамотею» и «писаке». Начинаются ссоры, которые углубляются после того, как К. влюбляется в женщину, отверженную воронежским обществом. Семейный конфликт разрастается, в него втягивается некогда близкая поэту и любимая им сестра Анисья. Драму довершает чехотка: она длится около года и сводит К. в могилу 33 лет от роду.

В 1846 г. выходит в свет подготовленное Белинским первое посмертное собрание стихотворений К. В сопровождавшей его вступительной статье о жизни и сочинениях поэта Белинский разделяет стихотворения К. на три разряда. К первому он относит «песни, писанные правильным размером, преимущественно ямбом и хореем. Большая часть их принадлежит к первым его опытам, и в них он был подражателем поэтов, наиболее ему нравившихся. Таковы его песни «Сирота», «Ровеснику», «Маленькому брату», «Ночлег чумаков», «Путник», «Красавице»...

(Т. 8.—С. 104). Ко второму разряду стихов К. Белинский причисляет наиболее оригинальные «русские песни», которые принесле поэту заслуженную славу. Третий разряд включает в себя философскую лирику К., его знаменитые «думы».

«Русская песня» вынесла К. на непревзойденную высоту среди современных ему писателей. Жанр «русской песни» возник в конце XVIII и получил особую популярность в 20—30 гг. XIX в., в эпоху исключительного подъема русского национального самосознания после Отечественной войны 1812 г. Этот жанр возник на пересечении книжной поэзии и устного народного творчества, но у современников К. он не поднимался над уровнем изящной стилизации. Литературная поэзия в русских песнях Дельвига, Дмитриева, Мерзлякова и Глинки снисходила к фольклорным текстам, стилизуя их образы и сюжеты. К. шел к литературной песне от «почвы», от устной народной поэзии, которую он чувствовал более органично, глубоко и непосредственно, чем его собратья по перу. Белинский объяснял поэтический феномен К. особыми условиями жизни воронежского просала: «Быт, среди которого он воспитывался и вырос, был тот же крестьянский быт, хотя и несколько выше его. К. вырос среди степей и мужиков. Он не для фразы, не для красного слова, не воображением, не мечтою, а душою, сердцем любил русскую природу и все хорошее и прекрасное, что, как зародыш, как возможность, живет в натуре русского селянина. Не на словах, а на деле сочувствовал он простому народу в его горестях, радостях и наслаждениях. Он знал его быт, его нужды, горе и радость, прозу и поэзию его жизни,— знал их не понаслышке, не из книг, не через изучение, а потому, что сам, и по своей натуре и по своему положению, был вполне русский человек» (Там же.—С. 111).

В русских песнях К. сохраняется общенациональная основа. Добрые молодцы, красные девицы, пахари, косари, лихачи-кудрявичи — характеры общерусского масштаба, в которых «опознается не отдельный индивид со своим субъективным своеобразием художественного изображения, а общенародное чувство, полностью поглощающее индивида...» (Гегель Ф. Соч.—М., 1958.—Т. XIV.—С. 301). К. схватывает в русских песнях самую суть, самую сердцевину народного духа — поэзию земледельческого труда («Песня пахаря», 1831; «Урожай», 1835; «Косарь», 1836). Он поэтизирует праздничные стороны трудовой жизни крестьянина, которые придают его существованию особую силу, стойкость и выносливость, охраняет его душу от разрушительных последствий деспотизма и крепостничества. Мужик, тесно связанный с землей-кормилицей, в поэзии К.— цельный человек. Труд на земле удовлетворяет сполна его духовные потребности. Способствуя рождению живого организма, его росту и созреванию, проходя вместе

с природой весь круг жизненного цикла, пахарь К. радуется прорастанию зерна, ревниво следит за созреванием колоса, волнуется, помогает природе как соучастник и творец великого таинства возникновения жизни.

В «Песне пахаря» мать — сыра земля ощущается как живой организм, глазами мужика-поэта воспринимается весь трудовой процесс в творческих его сторонах. Как и в народной песне, здесь нет аналитической детализации и конкретизации: речь идет не об узком крестьянском наделе, не о скудной полосоньке, а о «всей земле», о всем «белом свете». И в «Урожае»: «Красным полем / Заря встпхнула; / По лицу земли / Туман стелется». Родственная еще не отделившемуся от природы крестьянскому мирозерцанию космичность восприятия «света белого», «земли-матушки» придает и облику пахаря вселенские черты былинного богатыря Микулы Селяниновича. Работа мужика нерасторжимо слита с творчеством природы, человек-пахарь — друг и брат коня-пахаря.

Поэтическое восприятие природы и человека настолько целостно и так слито с народным эпическим мирозерцанием, что снимается типичная в литературной поэзии условность эпитетов, сравнений, уподоблений. Плодотворящее, животворное солнце в полном согласии с мифопоэтическими представлениями народа является в облике царственного божества: «С величества трона, / С престола чудес / Божий образ — солнце / К нам с неба глядит».

К. творит поэзию в духе народной песни, но в то же время оживляет и воскрешает застывшие в фольклоре традиционные образы. Народный фразеологизм «кровь с молоком» получает в его «Косаре» пластическую реализацию: «На лице моем / Кровь отцовская / В молоке зажгла / Зорю красную». В «Крестьянской пирушке» формула «от ворот поворот», конкретизируясь, приобретает живописную образность: «От ворот поворот / Виден по снегу». «Сокол» теряет обычную в литературной поэзии аллегорическую условность и превращается в целостный образ человека-птицы: «А теперь, как крылья быстрые / Судьба злая мне подрезала» («Тоска по воле»). Герой русских песен К. наделен решительной волей, он идет всегда прямым путем, без колебаний и рефлексии, «подсекая крылья дерзкому сомнению» («Неразгаданная истина, 1836), предпочитая верить «силам души да могучим плечам». И любовь у К.— чувство цельное, сильное, свежее, без полутонов, без романтической изощренности. Она преображает души любящих и мир вокруг так, что зима оборачивается летом, горе — не горем, а ночь — ясным днем. Любовь возвышает духовные и физические силы человека, превращая добромолдца в героя-богатыря: «Не любивши тебя, / В селах был молодцом, / А с тобою, мой друг, / Города ничепом!» («Нынче ночью к себе...», 1842). Не только в радости, но и в горе, и в

несчастье герои К. сохраняют силу духа, торжествуя над судьбой, предпочитая и «с горем в пиру быть с веселым лицом». «Он,— писал о К. Белинский,— носил в себе все элементы русского духа, в особенности — страшную силу в страдании и в наслаждении, способность бешено предаваться и печали и веселию и, вместо того, чтобы падать под бременем самого отчаяния, способность находить в нем какое-то буйное, удалое, размахистое упоение...» (Т. 8.— С. 112). Широка и масштабность природных образов в поэзии К. слита с человеческой удалью и богатырством. Бескрайняя степь в «Косаре» является и определением широты человека, пришедшего в эту степь хозяином, пересекающего ее «вдоль и поперек». Природная сила, мощь и размах ощутимы как в самом герое, так и в поэтическом языке, исполненном динамизма и внутренней энергии: «расстилается», «пораскинулась», «понадвинулась». Белинский считал, что «русские звуки поэзии К. должны породить много новых мотивов национальной русской музыки» (Т. 8.— С. 117). Так оно и случилось; русскими песнями и романсами К. вдохновлялись А. С. Даргомыжский и Н. А. Римский-Корсаков, М. П. Мусоргский и М. А. Балакирев.

Современники видели в поэзии К. что-то прочерченное. В. Майков писал: «Он был более поэтом возможного и будущего, чем поэтом действительного и настоящего» (Майков В. Н. Литературная критика.— М., 1895.— С. 175). А Некрасов назвал песни К. «вещими». Хотя К. прямо не выступал против крепостного права, всем пафосом своего творчества он его игнорировал. «Но ведь в известной мере так «игнорировал» его и народ, проданный, но не продавший», «клеяменный, да не раб»...» (Скатов Н. Кольцов.— М., 1983.— С. 71).

Песенный, космически-природный взгляд на мир трансформируется и усложняется в философских «думах» К., как правило, недооценивавшихся демократической критикой. В «думах» К. предстает самобытный поэт, размышляющий о тайнах жизни и смерти, о смысле существования («Великая тайна», 1833; «Неразгаданная истина», 1836; «Вопрос», 1837), о высоком назначении человеческой личности («Человек», 1836), о роли искусства («Поэт», 1840). Интеллектуально-философские интересы К. не наивны: они включаются в равноправный диалог с выдающимися мыслителями-современниками — Станкевичем, Одоевским, М. Г. Павловым, Белинским, П. Я. Чадаевым.

Русская революционно-демократическая критика — Н. А. Добролюбов, Н. Г. Чернышевский, М. Е. Салтыков-Щедрин — вслед за Белинским видела в таланте К. наиболее полное выражение таящихся в народе творческих сил, залогов будущего свободного развития.

Поэзия К. оказала большое влияние на русскую литературу. Под обаянием его «свежей»,

«ненадломленной» песни находился в 50 гг. А. А. Фет; демократические, народно-крестьянские мотивы К. развивали в своем творчестве Некрасов и поэты его школы; Г. И. Успенский вдохновлялся аналитическим осмыслением поэзии К., работая над классическими очерками «Крестьянин и крестьянский труд» и «Власть земли», в советское время песенные традиции К. подхватили М. В. Исаковским, А. Т. Твардовским и др. поэтами.

Соч.: Стихотворения Алексея Кольцова.— М., 1835; Стихотворения Кольцова.— СПб., 1846; Полн. собр. соч. А. В. Кольцова.— 3-е изд.— Пб., 1911; Полн. собр. стихотв.— Л., 1958; Соч.: В 2 т.— М., 1958; Соч.— М., 1966.

Лит.: Белинский В. Г. Стихотворения Кольцова // Полн. собр. соч.— М., 1953.— Т. I; Белинский В. Г. О жизни и сочинениях Кольцова // Там же.— М., 1955.— Т. IX; Майков В. Н. Стихотворения Кольцова // Критические опыты.— Пб., 1889; Чернышевский Н. Г. Стихотворения Кольцова // Полн. собр. соч.— М., 1947.— Т. 3; Салтыков-Щедрин М. Е. Стихотворения Кольцова // Собр. соч.— М., 1966.— Т. V; Добролюбов Н. А. Кольцов // Собр. соч.— М.; Л., 1962.— Т. 2; Успенский Г. И. Поэзия земледельческого труда // Собр. соч.— М., 1956.— Т. V; Де-Пуле М. Ф. А. В. Кольцов в его житейских и литературных делах и в семейной обстановке.— Пб., 1878; Сталинский Е. Кольцов и Сребрянский.— Воронеж, 1868; Бунаков Н. Ф. Алексей Васильевич Кольцов как человек и как поэт.— Воронеж, 1892; Тонков В. А. А. В. Кольцов и фольклор.— Воронеж, 1940; Он же. А. В. Кольцов. Жизнь и творчество.— Воронеж, 1958; Современники о Кольцове.— Воронеж, 1959; Слово о Кольцове. Русские советские писатели об А. В. Кольцове.— Воронеж, 1969; Скатов Н. Н. Поэзия Алексея Кольцова.— Л., 1977; Он же. Кольцов.— М., 1983. Ю. В. Лебедев

КОНЕВСКОЙ, Иван, настоящее имя — *Ореус Иван Иванович* [19. IX (1.X). 1877, Петербург — 8 (21). VII. 1901, станция Зегевольд Лифляндской губ.] — поэт, критик, близкий к символизму. Внешне жизнь рано умершего и не успевшего получить достаточной известности поэта небогата событиями. Единственный наследник старинной дворянской фамилии Ореусов, вышедший из Швеции, потомственных военных, К. получил хорошее домашнее образование. Это позволило ему в 1890 г. поступить сразу в 3-й класс 1-й Петербургской гимназии, которую он успешно закончил в 1897 г. и тогда же стал студентом историко-филологического факультета Петербургского университета. Основательное знание иностранных языков и пристрастие к чтению способствовали тому, что уже в довольно раннем возрасте К. познакомился с новейшими течениями западноевропейской литературы и философии и стал их горячим поклонником. Среди его первых литературных опытов большое место принадлежало переводам из Верхарна, Вьеле-Гриффена, А. де Ренье, Метерлинка, Суинберна, Ницше. Расширению духовного кругозора молодого поэта немало способствовали два путешествия в Западную Европу 1897 и 1898 гг., во время которых он побывал в Германии, Австрии, Швейцарии и Италии.

По натуре замкнутый, склонный к уединению, в студенческие годы К. все же постепенно сближается с петербургскими и московскими литератур-

ными кругами, в которых именно в этот период происходило организационное и теоретическое оформление русского символизма. Он начинает посещать литературные собрания у Ф. Сологуба, где знакомится с В. Брюсовым, отношения с которым быстро перерастают в горячую дружбу. Брюсов привлек К. к деятельности группы энтузиастов, объединившихся вокруг московского книгоиздательства «Скорпион» для активной пропаганды «нового искусства». Начинают появляться в печати собственные произведения К. (первое стихотворение, сонет «Снаряды», было опубликовано еще в 1896 г.). В 1900 г. увидел свет первый и единственный прижизненный сборник стихов и прозы К. «Мечты и думы», изданный им на собственные средства. В альманахах книгоиздательства «Скорпион» «Северные цветы» за 1901 и 1902 гг. (последний вышел уже после смерти К.) К. выступил и в качестве критика. Полемицируя с З. Гиппиус в статье «Об отвеивании новой русской поэзии», он отстаивал эстетические принципы символизма. Но литературная биография К. была прервана его неожиданной смертью: совершая после окончания университетского курса путешествие по Прибалтийскому губ., он утонул во время купания в реке Аа (Гауе) неподалеку от станции Зегевольд (ныне Сигулда) под Ригой.

Незаурядность поэтического дарования и личности молодого поэта успела произвести глубокое впечатление на многих его современников, которых привлекало в нем сочетание широты и многообразия познаний, пронизательности философских суждений с чисто юношеской наивностью и неопытностью в практических делах. «Мудрое дитя» — так назвал К. один из самых ревностных поклонников его таланта В. Брюсов, приложивший немало усилий для пропаганды и исследования наследия К. Во многом благодаря его стараниям в 1904 г. было издано помертное собрание сочинений К. «Стихи и проза», включившее почти все наиболее значительные произведения поэта, в том числе и неопубликованные. На некоторое время сложился своеобразный культ юноши-поэта среди его друзей, могила в лесу неподалеку от Зегевольда стала местом их паломничества. Однако позже имя К. было прочно забыто, и если его поэтическое творчество продолжало находить ценителей и на многих поэтов-символистов и постсимволистов оказало значительное влияние, то критическая и научная мысль К. до недавнего времени не исследовалась.

Между тем в создании новых поэтических принципов, с ясностью обозначившихся при дальнейшем развитии русского символизма, К. принадлежала совершенно особая роль. Поэзия К., при всей увлеченности его западноевропейским модерном, особенно французским символизмом, отличалась редким своеобразием и удивительной самостоятельностью поэтических поисков. На фоне взрывающейся старой классической формы поэзии раннего русского символизма творчество

К. выглядело нарочито архаизированным, чуждающимся тематической и формальной экзотики. Почти все, что написано К., принадлежит к поэзии философской, пронизанной стремлением проникнуть в сокровенные тайны бытия. Даже традиционная для чистой лирики (и столь редкая у К.) любовная тема пронизана у него скорее не конкретным земным чувством, а светом поисков горнего идеала, что сближало К. с Вл. Соловьевым и предвосхищало тему мистической любви у раннего Блока. В целом поэзия К. продолжала общеевропейскую традицию натурфилософской лирики, берущей свои истоки у Гете и немецких романтиков и развивавшейся на протяжении XIX в. Исследование соответствующей линии в русской поэзии было предпринято К. в статье «Мистическое чувство в русской лирике» (1900). Среди русских поэтов-мистиков на первое место К. ставит Тютчева. В качестве ближайших учителей К. можно назвать также Баратынского, Кольцова, Фета, Ал. Толстого.

Сущность философских раздумий К. была во многом определена влиянием на него немецкой идеалистической философии от Канта до Ницше. Необычайной глубины и силы достигает у К. чувство одухотворенности бытия, пантеистическое восприятие природы как некоего мирового организма, где все отражается во всем, пронизанное присутствием божества, и «малейший трепет, ничтожнейший шаг мошки или человека отдаются и оглашаются по всем струнам и органам мирового тела» («Северные цветы». — М., 1902. — С. 198—199). Человек в поэзии К. предстает как существо, способное вместить в себя всю бесконечность бытия («Зимняя ночь», 1899). Отсюда берет начало столь ярко выраженные у К. мотивы радостного слияния с жизнью и ее стихиями, ощущение переполненности своего существа, преклонение перед землей и ее животворящей силой («Воскресение», «В езде», «На лету», „Genius“, «Откуда силы воли странные...», «Наброски оды»). Но одновременно поэзия К. пронизана сознанием противоречия между нацеленным в бесконечность человеческим духом и «немогущим телом», плотью («Спор», 1899). Воспринятая у Ницше идея сверхчеловека ведет К. к признанию несовершенства человеческой природы, являющейся только переходной ступенью к более прекрасному и свободному существу («Кто мы? Неведомой породы переходы...», 1901). Одним из путей к достижению этой цели видится К. одухотворение плоти, «крови-руды», связывающей различные поколения («Ты, веками опозоренная...», 1900). С наибольшей отчетливостью пантеистические идеи, владевшие К., и др. философские мотивы его лирики были выражены им в исследовании «Мировоззрение поэзии Н. Ф. Шербины» (опубл. в 1902 г.) и в философской эссеистике («Олицетворения сил», «На волосок от задушевной жизни», «Новый душевный рубеж» — все 1897; «Мысли и замечания», 1901).

Содержание лирики К. не исчерпывается «вечными вопросами» бытия. Неоднократно в своих произведениях он обращается к событиям русской истории («С. Коневца», «В роды и роды», «Засуха», «Издалека», «Ведуны», «Среда», «Варяги»). Поэтически переосмысляя свою родословную, в которой слились воедино судьбы двух народов, К. создает собственную концепцию русского национального характера; развитую им также в эссе «Две народные стихи» (1897) и очерке «Русь» (1898). Как продолжение традиций Пушкина, Гоголя, Достоевского возникает в поэзии К. образ Петербурга, города призрачного, неправедного, беззаконного. Исторические темы у К., особенно его «варяжские» и древнерусские мотивы, отозвались позднее в творчестве Блока, в его цикле «На поле Куликовом», Гумилева и др. русских поэтов нач. XX в.

В области поэтической формы К. был сознательным архаизатором. Его поэзия многими своими чертами восходила к классицизму, а также была тесно связана со стиховой культурой нач. XIX в. К. отрицательно относился к характерной для символизма в целом устремленности к музыкальности, певучести стиха. Особенно неприемлемой в этом отношении ему представлялась поэзия Бальмонта. Затрудненность ритма, усложненность синтаксиса, широкое использование дольника помогали К. достичь своей главной цели — максимально увеличить смысловую нагрузку каждого слова, заставить его наиболее точно выражать мысль. На это же было направлено строгое разграничение им поэтической, «высокой» лексики и разговорной, достигавшееся обилием славянизмов, книжной и устаревшей лексики. Одним из первых среди символистов К. приходит к пониманию слова как символа, некоей мистической и магической сущности, соединяющей нас с трансцендентным миром. Вера К. в силу слова, превращающегося в «мысли членораздельный звук», отразилась в его программном стихотворении «Слово заклания» (1900). «Архаистическая» линия в русском символизме, начало которой было положено К., продолжилась в творчестве Вяч. Иванова, Ю. Балтрушайтиса, Ю. Верховского. Своими поисками точного слова он во многом предвосхитил эстетику акмеистов.

На всем наследии К. лежит печать незавершенности, его юношеские опыты, так и оставшиеся единственными образцами его творчества, не всегда безупречны, но они содержат в себе многие черты, которые позволили Брюсову оценить поэзию К. как «одну из замечательнейших на рубеже столетий» (Брюсов В. Я. Дневники. 1891—1910.— М., 1927.— С. 78). Расходившийся со своими ближайшими литературными соратниками в понимании сущности поэтического творчества, видевший в нем прежде всего средство философского постижения мира, К. обозначил особое направление в развитии русского символизма, вплотную смыкавшееся с классической

традицией философской лирики, и вместе с тем: разрабатывавшиеся им поэтические принципы оказались близки поэтам, «преодолевшим символизм», акмеистам и футуристам.

Соч.: Мечты и думы, 1896—1899.— Спб., 1900; Стихи и проза. Посмертное собрание сочинений (1894—1901) / Вступ. ст. В. Я. Брюсова.— М., 1904.
Лит.: Брюсов В. Я. Иван Коневский // Русская литература XX в. 1890—1910.— М., 1918.— Т. 3.— Кн. VIII; Поярко в Н. Иван Коневский. // Поярко в Н. Поэты наших дней. Критические этюды.— М., 1907; Лернер Н. Иван Коневский // Книга о русских поэтах последнего десятилетия.— Спб., 1909; Перцов П. Литературные воспоминания. 1890—1902 гг.— М.; Л., 1933.— С. 243—248; Степанов Н. Л. Иван Коневский. Поэт мысли // Литературное наследство.— М., 1987.— Т. 92.— Кн. 4.— С. 180—202; Мордере В. Я. Блок и Иван Коневский // Литературное наследство.— М., 1987.— Т. 92.— Кн. 4. Т. В. Постникова

КОРОЛЁНКО, Владимир Галактионович [15 (27).VII.1853, Житомир — 25.II.1921, Полтава] — прозаик, публицист. Родился в семье уездного судьи, происходившего из старинного рода украинских казаков. Галактион Афанасьевич, по воспоминаниям сына («История моего современника», 1909), человек «не совсем заурядный», выделялся в чиновничьей среде своей «донкихотской честностью» и неподкупностью, отчего и «был по службе очевидный неудачник». В 1866 г., переведенный в той же должности в уездный город Ровно, отец К. переехал туда и умер через два года, не дослужив до пенсии. Большая семья — у К. были два брата и сестра — сразу оказалась в отчаянном положении. Мать, Эвелина Иосифовна, полька, проявляла «истинно женский героизм», воспитывая детей на крошечное пособие. К. начал учиться в польском пансионе, затем в Житомирской гимназии, а заканчивал Ровенскую реальную гимназию. О годах учения сохранил недобрую память: казенная рутинная преподавания, слежка надзирателей и инспекторов за учениками. В старших классах единственным светлым пятном были уроки русского языка и словесности. Учитель В. В. Авдиев увлек К. статьями Н. А. Добролюбова, прозой И. С. Тургенева, поэзией Н. А. Некрасова: «Я нашел тогда свою родину, и этой родиной стала прежде всего русская литература». Из детских и юношеских лет К. также вынес любовь к украинской природе, поэзии Т. Г. Шевченко, украинской народной культуре.

В 1871 г. К. окончил гимназию с серебряной медалью и поступил в Петербургский технологический институт в надежде через год перейти в университет. Но нужда, хроническое голодание (за первый год студенческой жизни пришлось пообедать только пять раз) вынудили К. оставить учение и перейти на положение «интеллигентного пролетария». С января 1873 г. он добывает средства к существованию, занимаясь раскрашиванием атласов, чертежей и корректорской работой. В 1874 г. по совету земляков-ровенцев К. переезжает в Москву и поступает в Петровскую земледельческую и лесную (ныне Тими-

рязевскую) академию. Увлечен лекциями К. А. Тимирязева, сближается с передовыми студентами, участвует в сходках, в организации библиотеки запрещенных книг, вынашивает мечту написать повесть. В 1876 г. за подачу написанного им коллективного протеста студентов против действий администрации в связи с арестом одного студента К. исключен из академии на год, арестован и сослан в Вологодскую губ. По пути К. пережил «определяющую минуту в жизни»: это была встреча с крестьянином в северной деревне. Он навсегда запомнил «облик этого высокого, но точно изможденного богатыря, подходящего к величавым поклоном и приветливым словом к незнакомому гонимому человеку» («История моего современника»). Вологодская ссылка была заменена поднадзорным «жительство в Кронштадте», где К. проработал год чертежником (кронштадтские впечатления отразились позже в рассказе «Ат-Даван»). В восстановлении в Петровской академии К. было отказано, и в августе 1877 г. он в третий раз становится студентом, на этот раз Петербургского горного института. Однако проучиться пришлось лишь восемь месяцев: от учебы отвлекали материальная необеспеченность, необходимость зарабатывать для семьи, а главное — К. захвачен народническими идеями, «мянущими, но неясными и неопределенными», решая готовиться к собственному «хождению в народ» (в частности, учился сапожному ремеслу). В эти годы, писал К. впоследствии, «померкла даже моя давняя мечта стать писателем» (Там же).

В марте 1879 г. по доносу разоблаченного им агента III отделения К. арестован. Последующие шесть лет, проведенные в тюрьмах, на этапах, в ссылках, стали его «хождением в народ». В начале К. выслали его в г. Глазов Вятской губ., оттуда через пять месяцев в глухую деревушку Березовские Починки, еще через три месяца по ложному обвинению в попытке побега отправляют в Сибирь. В июле 1879 г. в петербургском журнале «Слово» появился рассказ К. «Эпизоды из жизни искателя». По пути к месту ссылки К. почти полгода находится в Вышневолоцкой политической тюрьме (1880). Здесь, в общей тюремной камере, им написан рассказ «Чудная» (рукопись распространилась в списках; без ведома автора рассказ был напечатан в 1893 г. в Лондоне; в России — лишь в 1905 г. под заглавием «Командировка»). Из Вышнего Волочка К. отправлен по этапу в Томск, откуда неожиданно возвращен в Пермь под надзор полиции. Занимается там сапожным ремеслом, работает табельщиком, письмоводителем на железной дороге. В августе 1881 г. за отказ подписать особую присягу на «верность подданства» царю Александру III (которую правительство требовало от части политических ссыльных после убийства Александра II), К. сослан в Восточную Сибирь. Три года он прожил в слободе Амге, в

275 верстах от Якутска. Занимался крестьянским трудом, шил сапоги, изучал быт и людей сурового края. В ссылке, несмотря на крайне неблагоприятные условия, впервые по-настоящему проявился его художественный талант. Сохранившиеся записные книжки и дневники К. заполнены записями услышанных в Сибири разговоров, набросками тех рассказов и повестей, которые он окончательно обработал уже в Нижнем Новгороде, где с 1885 г. ему было разрешено поселиться по возвращении из ссылки.

Следующие 11 лет, проведенные К. в провинции, — годы расцвета его творчества, активной общественной деятельности, семейного счастья. (В январе 1886 г. К. женится на давней знакомой по московским студенческим сходкам Авдотье Семеновне Ивановской, в октябре рождается старшая дочь.) С 1885 г. в столичных журналах регулярно печатаются рассказы и очерки К., созданные или начатые в ссылке: «Сон Макара», «В дурном обществе», «Лес шумит», «Соколинец» и др. Собранные воедино, в конце 1886 г. они составили книгу «Очерки и рассказы». В том же году К. работал над повестью «Слепой музыкант», выдержавшей затем при жизни автора более 15 изданий. Рассказы в первой книге составили две группы, связанные с двумя источниками тем и образов: украинские и сибирские. Сибирская тема будет продолжена и в рассказах 90 гг. «Ат-Даван» (1892), «Марусина заимка» (1899). Еще один источник впечатлений, отразившийся в ряде произведений К., — Волга и Приволжский край. Живя в Нижнем Новгороде, К. исходил пешком и извездил на лодке или на пароходе берега Средней Волги и Ветлуги, заволжские леса, изучил и описал жизнь приюкских рабочих-кустарей («Павловские очерки», 1890) и керженских сектантов («В пустынных местах», 1890), жителей маленьких захолустных городишек и крестьян, великороссов и представителей народностей Поволжья. Волга для К. — «колыбель русского романтизма», ее берега еще помнят походы Разина и Пугачева; раздумьями о судьбе русского народа наполнены «волжские» рассказы и путевые очерки «За иконой», «На затмении» (оба — 1887), «В облачный день» (1890), «Река играет» (1891), «Художник Алымов» (1896) и др. В 1893 г. выходит вторая книга «Очерков и рассказов». Путешествия, поездки, давшие сюжеты новым произведениям, К. совершает и в последующие годы: в Америку в 1893 г. на Всемирную выставку (самым крупным из завершенных произведений К. стал рассказ, а по сути целый роман о мятарствах украинского крестьянина-эмигранта в Америке «Без языка», 1895); на реку Урал за материалами для повести о Пугачеве «Набеглый царь», оставшейся незавершенной; на Дунай к казакам-некрасовцам, в Крым (очерки «У казаков», 1901; «В Крыму», 1907; «Наши на Дунае», 1909). Особую группу произведений составили «иноземные» по

материалу, но аллегорически связанные с русской действительностью «Сказание о Флоре, Агриппе и Менахеме, сыне Иегуды» (1886), «Тени» (1891), «Мгноновение» (1900).

С середины 80 гг. К. занял видное место в русской литературе, завоевал широкое читательское признание. В 1886 г. он знакомится с Л. Н. Толстым, в следующем году — с Г. И. Успенским и А. П. Чеховым, а в 1889 г. в Саратове — с Н. Г. Чернышевским. С 1887 г. началась редакторская работа К.: вначале он сотрудничает в журнале «Северный вестник», а с 1894 по 1918 г. — в журнале «Русское богатство». В конце 80 гг. на суд К.-редактора принес свои первые произведения никому тогда не известный самоучка Алексей Пешков: «Короленко первый сказал мне веские человеческие слова о значении формы, о красоте фразы, я был удивлен простотой, понятной правдой этих слов и, слушая его, жутко почувствовал, что писательство — не легкое дело,— вспомнил М. Горький позднее в очерке «Время Короленко» (Собр. соч.: В 20 т.— М., 1963.— Т. 18.— С. 157). По настоянию К. Горький написал рассказ «Челкаш».

Писателем-беллетристом К. считал себя «только наполовину»; другой половиной его работы была публицистика, тесно связанная с его многогранной общественной деятельностью. С середины 80 гг. К. публикует десятки корреспонденций и статей. В «Павловских очерках» (1890) он показал обреченность кулака в условиях капиталистических отношений (В. И. Ленин ссылается на книгу К. в своей работе «Развитие капитализма в России»). В 1891—1892 гг., когда в средней России разразился голод, К. собирает пожертвования, работает в голодающих деревнях, открывает для крестьян 45 бесплатных столовых. Из его корреспонденций в московскую газету «Русские ведомости» составила книга «В голодный год» (1893); в ней «потрясающая картина» народного бедствия связывается с нищетой и крепостной зависимостью, в которой продолжала оставаться русская деревня. В 1895—1896 гг. К. спасает от каторги крестьян-удмуртов из с. Старый Мултан (ныне с. Короленко), ложно обвиненных в человеческом жертвоприношении языческим богам. Убедившись в судебном подлоге и вопиющих нарушениях в ходе процесса, К. добивается нового разбора дела, пишет статьи в газеты и журналы (впоследствии объединенные в цикл под названием «Мултанское жертвоприношение»), привлекает к процессу внимание всей страны, выступает на суде в качестве защитника, снимая навет, по существу, с целой народности. Оправдательный приговор по Мултанскому делу совпал с получением известия о смерти дочери К. Ольги. В связи с переутомлением и нервным напряжением здоровье К. резко ухудшается: «Мне кажется, что я за это время потерял несколько лет жизни» (запись в «Дневнике» от 13 окт. 1886 г.).

В 1896 г. с семьей К. переезжает на жительство в Петербург, много времени отдает редакторской работе в «Русском богатстве». В 1900 г. Российская Академия наук избирает К. почетным членом. Непрекращавшаяся болезнь (острая бессонница), сутолока столичной жизни побудили переселиться с сентября 1900 г. в Полтаву. Здесь начался новый подъем писательского творчества К. Он завершает цикл сибирских рассказов («Государевы ямщики», «Мороз», «Феодалы», «Последний луч»), пишет рассказ «Не страшно». В 1903 г. выходит третья книга «Очерков и рассказов». С осени 1905 г. началась продолжавшаяся до смерти К. его работа над многотомной «Историей моего современника». В ней, продолжив традиции «Былого и дум» А. И. Герцена, К. воссоздал путь своего духовного и идейного развития в 70—80 гг. в неразрывной связи с судьбой своего поколения и историей русского общественного сознания этих десятилетий. Многие произведения К. остались неоконченными.

Многообразны проявления общественной активности К. в 900 гг. В 1902 г. царь отменил избрание М. Горького почетным академиком; в знак протеста К., вместе с Чеховым, сложил с себя звание почетного академика. Письмо К. в Академию было опубликовано 1 июня 1902 г. в ленинской газете «Искра». В том же году К. организует защиту участников аграрных волнений в Полтавской губ. В 1903 г. он выступает против еврейского погрома в Кишиневе, пишет о нем очерк «Дом № 13», не пропущенный цензурой (издан в России в 1905 г.). В годы первой русской революции К. пишет статьи и воззвания против черносотенной агитации в Полтаве. В «Русском богатстве» (ответственным редактором которого К. стал с 1904 г.) печатается «Манифест» Петербургского Совета рабочих депутатов. К. выступает против кровавой расправы с крестьянами Миргородского у. (статья «Сорочинская трагедия», 1907). Как редактор «Русского богатства» К. неоднократно привлекался к суду за публикация материалов противоправительственного содержания, журнал закрывался и конфисковывался, в доме К. производились обыски. По почте он получал смертные приговоры от черносотенцев; рабочие Полтавы поставили около квартиры К. вооруженную охрану. В годы реакции он выступает против «дикой оргии» смертных казней и карательных экспедиций (очерки «Бытовое явление», 1910; «Черты военного правосудия», 1910; «В успокоенной деревне», 1911), против шовинистической травли и клеветы («Дело Бейлиса», 1913). О статье К. «Бытовое явление» Л. Толстой писал ему: «Ее надо перепечатать и распространять в миллионах экземпляров. Никакие думские речи, никакие трактаты, никакие драмы, романы не произведут одной тысячной того благотворного действия, какое должно произвести эта статья» (Л. Н. Толстой. Переписка с русскими писателями: В 2 т.— М., 1978.— Т. 2.— С. 420).

С письмом Толстого в качестве предисловия эта статья была издана за границей на русском, болгарском, немецком, французском и итальянском языках. Выехав накануне первой мировой войны для лечения за границу, К. смог вернуться в Россию лишь в 1915 г. После Февральской революции 1917 г. он выпускает брошюру «Падение царской власти».

Убежденный демократ, К. в то же время остался в стороне от рабочего движения, называл себя беспартийным социалистом. Не все идеи Октября, диктатуры пролетариата он смог принять, хотя и видел, что к победе Октябрьской революции привел «исторический ход вещей». Живя в Полтаве, в годы гражданской войны переходившей из рук в руки, К. не раз рискует жизнью, выступая против погромов, грабежей, зверств, ходатайствует за арестованных большевиков и красноармейцев. Вместе с тем в некоторых выступлениях он пытается уравнять противников, апеллирует к гуманности с обеих сторон, не находя оправдания и ответному революционному террору, считая, что «движение к социализму должно опираться на лучшие стороны человеческой природы» («Письма к Луначарскому»). По словам А. В. Луначарского, «только ту этнику, которая будет обязательной на послезавтрашний день, на день после победы, Короленко переносил в суровую подготовительную эпоху» (Луначарский А. В. Собр. соч.— Т. 1.— С. 387). Борясь с прогрессирующей болезнью сердца, К. продолжает работу над «Историей моего современника», очерками «Земли! Земли!», организует сбор продовольствия для детей Москвы и Петрограда, основывает колонии для сирот и беспризорных, избирается почетным председателем Лиги спасения детей, Всероссийского комитета помощи голодающим. Смерть К. наступила от рецидива воспаления легких. Советскими властями Полтавы был объявлен общий траур, его память почтили на IX Всероссийском съезде Советов.

Одна из главных тем художественного творчества К., отразившая логику его жизненного пути и духовного развития, — путь к «настоящему народу». Уже в рассказе «Чудная» К. не только выразил восхищение убежденностью, негибкостью революционерки и показал бессознательную тягу простого человека к ее правде, но и раскрыл драму «революционеров без народа», непонимание народом своих защитников. Годы ссылки стали для К. временем освобождения от народнических иллюзий и догм, углубленного изучения народной жизни. В рассказе «Сон Макара» человек из народа предстает тружеником, мучеником, святым, чья судьба оплакивается. К концу рассказа образ Макара вырастает: это уже не восточносибирский «объехутившийся» поселенец, а вообще русский крестьянин, гневно рассказывающий на последнем суде о своей горькой доле. Картина приобретает эпические черты: беды и слезы Макара — это беды и слезы всех мужиков,

его трудной жизнью живет всякий простой человек, его недруги — исправники, попы, кабатчики — это враги и недруги всякого мужика.

В сибирских рассказах есть и иные образы людей из народа. Это — бродяги, беглые, ушедшие с каторги, бредущие по сибирской тайге. Главное в них, что подметил К., — тяга к «вольной волюшке», привязанность к памяти о родных краях и готовность на безоглядную дерзость в своем стремлении к воле. Подлинным шедевром, восланием такого человека, стал рассказ «Соколинец». А. П. Чехов в письме от 9 января 1888 г. писал К.: «Ваш «Соколинец», мне кажется, самое выдающееся произведение последнего времени. Он написан как хорошая музыкальная композиция, по всем тем правилам, которые подсказываются художнику его инстинктом» (Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма.— М., 1975.— Т. II.— С. 170—171). Музыкальность присуща самому построению рассказа. Во вступлении, как в своеобразной увертюре, звучит борьба двух начал: огонь, тепло, жизнь борются с мраком и стужей, окружающими одинокого человека в затерянном среди тайги поселении; уже здесь заявлена основная тема рассказа — тема сопротивления, стремления к жизни, к воле. Затем бродяжя одиссея Василия, бежавшего с «Соколиного острова» (Сахалина), предстает, словно в музыкальных переливах, в развитии главной темы, проводимой по разным «голосам». В конце еще раз звучит тема, начатая увертюрой. «Холодная и унылая краса» ночи, «сумрачные грезы» — и образ «горного орла, который реет, тихо взмахивая свободным крылом»: это «молодая жизнь, страстно рвущаяся на волю».

К. не раз возвращается к типу людей, подобных «соколину». В рассказе «Марусина заимка», также начатом в ссылке, но завершеном через полтора десятилетия, К. рисует три контрастных характера: «вечный работник» пахарь Тимоха, хозяйка таежной заимки Маруся, как «молодая искалеченная лиственница», с ее мечтой о простом человеческом счастье, и удалой охотник Степан, «беспокойный, неудовлетворившийся», которого «неутолимое желание воли срывает с места, уводит от оседлой жизни». О таких же людях, идущих на какой угодно риск ради воли, страшных в гнев, когда заденут их человеческое достоинство, повествует «полесская легенда» «Лес шумит». И колоритный Тыбурций (повесть «В дурном обществе»; в переработке для детского чтения — «Дети подземелья»), находящийся на самом дне жизни, — носитель поэзии, все той же «вольной волюшки», гордости, независимости. Как и сибирские бродяги, Тыбурций — прямой предшественник романтических «босяков» из ранних рассказов М. Горького.

По-новому подошел к ответу о «народе истинном» К. в рассказе «Река играет». На берегу «играющей» в короткое время разлива красавицы

Ветлуги рассказчик («проходящий») размышляет о том, что составляет сущность русского народа. Влюбленный в этот рассказ М. Горький считал, что образ переводчика Тюлина дает ответ на такие загадочные и могучие явления русской истории, как Козьма Минин и Пугачев. В канун великих потрясений нач. XX в. М. Горький увидел в короленьковском герое предвестие того, что не «навеки заснула» народная мысль и сила, что русская история будет двинута вперед «могучим толчком», который способны дать ей миллионы безвестных Тюлиных.

Раздумья о народе, поиски ответа на загадку русского народа, так много определившие и в человеческой, и в писательской судьбе К., тесно связаны с еще одним вопросом, также проходящим через многие произведения писателя. «Для чего, в сущности, создан человек?» — так поставлен этот вопрос в рассказе «Парадокс». Он же волнует автора и в «Слепом музыканте», и в аллегорических произведениях 80—90 гг. Для К. этот вопрос, казалось бы, философский и отвлеченный, и «неотвязные вопросы серой мужицкой жизни» связаны между собой. Вступая в полемичку с религиозно-аскетическими идеями Л. Н. Толстого, К. до предела заостряет свою позицию. «Человек рожден для счастья, как птица для полета», — провозглашает в «Парадоксе» существо, исковерканное судьбой. Если такую веру носит в себе человек, обделенный жизнью, умный, порой циничный, презирающий всякие иллюзии, значит, действительно, как говорил К. (в письме к А. С. Ивановской от 28 сент. 1894 г.), «все-таки общий закон жизни есть стремление к счастью и все более широкое его осуществление». Так в новую эпоху возродилась одна из центральных идей революционеров 60 гг.

Как бы ни была враждебна жизнь, «все-таки впереди — огни!» — писал К. в стихотворении в прозе «Огоньки» (1900). Однако оптимизм К. — отнюдь не бездумный, не закрывающий глаза на реальность. «Человек создан для счастья, только счастье не всегда создано для него» («Парадокс»). К. утверждает свое понимание счастья. Показательна в этом отношении повесть «Слепой музыкант». К. наделил своего героя, Петра Попельского, тем, что хорошо знал по собственному внутреннему опыту. Это — врожденное стремление к свету, к полноте бытия, преодоление преград на пути к свету. Путь героя, как и путь автора, лежал через познание народа, погружение в его жизнь; и главное — счастье утверждается в повести как ощущение полноты жизни посредством служения другим, «напоминания счастливым о несчастных». Активная борьба, сопротивление всему, что сковывает свободу, — такое понимание счастья утверждается и в «Сказании о Флоре...». Если в «Парадоксе» и «Слепом музыканте» К. полемизирует с толстовскими идеями аскетизма, отказом от счастья, то здесь ведется спор с толстов-

ской идеей непротивления злу насилием. В «Сказании...» речь идет о покорении императорским Римом одной из своих провинций, но все описания вызвали ассоциации с современной русской действительностью. Весь сюжет «Сказания...», стилизованного под хронику Иосифа Флавия, спор его героя Менахема с торговцами и смиренными эссеями, притча об ангеле — «Неведение зла», который становится ангелом Скорби, направлены против философии непротивления. Главного героя «Сказания...» Менахема К. наделил лучшими чертами русского революционера, в его речах выразил свои идеалы: необходима борьба за свободу, против позора рабства, во имя братства и мира на земле. В рассказе «Ат-Даван» внимание писателя привлекает отчаянная вспышка протеста «маленького человека», заброшенного в сибирскую глухомань. В рассказе «Море», написанном К. в 1886 г. и через 14 лет переработанном им в очерк «Мгновение», вновь задается вопрос: для чего живет человек? Жить, чтобы просто жить, или рисковать жизнью во имя свободы? И вновь, несмотря на экзотичность обстановки, все здесь соотносимо с думами русского революционера о русской жизни, русском народе. В описании нагнетается тема сна, охватившего жизнь за окнами тюрьмы, в которую заключен повстанец. Аллегорический смысл приобретает «сонное спокойствие» родного берега, «лениво и тупо дремавшего в своих туманах». И все-таки малейшая надежда на движение, на пробуждение родного берега заставляет узника сделать выбор. Его безрасчетный подвиг не пропал бесследно, он наводит других на размышления: «...во всяком случае, море дало ему несколько мгновений свободы. А кто знает, не стоит ли один миг настоящей жизни целых годов прозябанья!». Начальные слова очерка: «— Будет буря, товарищ.— Да... будет сильная буря», — приобрели особый смысл в 1900 г., найдя отклик в горьковском: «Буря, скоро грянет буря!»

Неизменный интерес К. к проявлениям героического, незаурядность многих его персонажей, использование условной, порой аллегорической формы заставляли многих читателей видеть в нем писателя-романтика. Но дело обстоит сложнее. Отношение К. к романтизму раскрывается в рассказе «Мороз» (1901). Здесь есть персонаж — ссыльный поляк Игнатович, воспитанный на поэзии романтизма, романтик по натуре, по взгляду на жизнь и на людей, впадающий то в восторг и обожествление человека, то в презрение к роду человеческому, к «подлой» человеческой природе. О гибели таких, как Игнатович, можно только скорбеть. Но его бесконечно далекий от реальной жизни романтизм все-таки чужд К. Взгляд автора-повествователя зорко замечает все несовершенство человека и жизни, но не приводит к мизантропии (в которую впадает герой). В «Морозе» есть еще один персонаж, староста ямщиков,

в котором, казалось бы, нет ничего ни романтического, ни героического. Но именно он просто, без аффектации соглашается без вознаграждения ехать в страшный мороз спасать человека в тайге. Для «чистого» романтика такое душевное движение ничтожно, он его просто не замечает, уходя от презираемой им толпы, противопоставляя ее жизни свой подвиг. Отдавая должное безоглядной отваге романтика, К. говорит о присущей такому герою слепоте: писатель дорожит самым малым проявлением человечности. Это позволяет более точно определить творческий метод К. Он — реалист, которого неизменно привлекают проявления романтики в жизни, размышляющий о судьбах романтического, высокого в суровой, отнюдь не романтической действительности. У К. немало героев (начиная с героини «Чудной»), чей духовный накал, самосжигающая беззаветность приподнимают их над тупой, сонной действительностью, служат напоминанием о «высшей красоте человеческого духа». Но не менее важно для К. заметить под толстой грубой кожей обыденности живое движение, порой один миг пробуждения (как у перевозчика Тюлина). «У каждого из нас есть свой выдающийся период в жизни», — замечает писатель в «Марусиной заимке», рассказывая о «вечном пахаре» Тимохе. Свой героический час, даже мгновение есть и у охотника Степана, и у Тыбурция, и у «соколинца», даже в жандарме из «Чудной», в старосте из «Мороза» не все погибло. Писателю дороги эти незаметные и мгновенные огоньки, в них опора его гуманизма, основа исторического оптимизма.

«...Открыть значение личности на почве значения массы» («Дневник».— С. 99) — так формулировал задачу литературы К. еще в 1887 г. Это требование, осуществленное в творчестве самого К., тесно связывает его с литературой последующей эпохи, отразившей пробуждение и деятельность масс.

Соч.: Полн. собр. соч.— Харьков, 1922—1929.— Т. 1—5, 7—8, 13, 15—22, 24, 50—51 (посмертное издание, не закончено); Дневник (1881—1893): В 4 т.— Полтава, 1925—1928; Собр. соч.: В 10 т.— М., 1953—1956; Собр. соч.: В 5 т.— М., 1960—1961; Избранные письма: В 3 т.— М., 1932—1936; А. П. Чехов и В. Г. Короленко. Переписка.— М., 1923; М. Горький и В. Г. Короленко. Переписка, статьи, высказывания.— М., 1957; Записные книжки (1880—1900).— М., 1935; В. Г. Короленко о литературе.— М., 1957; Письма к Луначарскому // Новый мир.— 1988.— № 10.

Лит.: Б а т у ш к о в Ф. Д. В. Г. Короленко как человек и писатель.— М., 1922; П и к с а н о в Н. В. Г. Короленко и якутская ссылка // Пиксанов Н. О классиках.— М., 1933; Дерман А. Б. Жизнь В. Г. Короленко.— М.; Л., 1946; Храбровицкий А. В. О тексте «История моего современника» // Русская литература.— 1976.— № 1; К о т о в А. К. В. Г. Короленко.— М., 1957; М и р о н о в Г. М. Короленко.— М., 1962; Л ю к с е м б у р г Р. Душа русской литературы // Люксембург Р. О литературе.— М., 1961; В. Г. Короленко в воспоминаниях современников.— М., 1962; Л у н а ч а р с к и й А. В. В. Г. Короленко // Собр. соч.— М., 1963.— Т. 1; К а т а е в В. П. Короленко // Катаев В. П. Почти дневник.— 2-е изд.— М., 1978; П л а т о н о в А. В. Г. Короленко // Платонов А. Размышления читателя.— М., 1980; Б я л ы й Г. А. В. Г. Короленко.— 2-е изд.— Л., 1983.

В. Б. Катаев

КОХАНОВСКАЯ, Надежда, псевдоним, настоящее имя *Соханская Надежда Степановна* [17.II (1.III). 1825 (по другим данным — 1823), хутор Веселый близ г. Корога Курской губ. (ныне Курская обл.) — 3 (15).XII.1884, хутор Макаровка Изюмского у. (ныне Харьковская обл.)] — прозаик, критик, публицист, драматург. Родилась в бедной дворянской семье, трехлетним ребенком потеряла отца, мать К. осталась почти без средств к существованию с четырьмя детьми. В доме сохранилась неплохая библиотека, и К., самостоятельная выучившись грамоте, уже в 7 лет жадно и много читала. Раннее детское чтение развило в ней любовь к истории, тонкое чувство слова, стремление к творчеству; оно же, вкупе с особенностями семейного воспитания, способствовало формированию высоко нравственного и глубоко религиозного характера будущей писательницы. Уже в 8 лет К. пыталась сочинять. «Не умру, пока не напишу комедию», — говорила она (Автобиография Н. С. Соханской (Кохановской).— М., 1896.— С. 18—19), но первый детский опыт творчества потерялся во время болезни девочки.

В 1834 г. после «долгой, тяжелой цепи исканий, убийственных отказов и потом опять надежд, и слез, слез» (Автобиография.— С. 19) К. поступила на казенный счет в Харьковский институт благородных девиц (окончила в 1840 г.). Талантливой, но бедной девочке жилось там очень нелегко, и только горячее стремление к знаниям вместе с благородной сдержанностью характера помогли ей не сломиться. Она отлично училась (окончила институт одной из первых учениц, с «шифром»), много читала, писала стихи; ее поддержал одаренный и добросердечный учитель русской грамматики М. И. Ильенко. По выходе из института К. почти безвыездно жила в глубокой провинции в имении Макаровка. Семья очень нуждалась, у юной К. не было даже бумаги для письма, и первые ее произведения записывались на обороте старых ротных донесений отца. Патриархальный быт и прекрасная природа юга России, стихия народной жизни и фольклора сформировали будущую писательницу. В 1844 г. К. опубликовала первую повесть «Майор Смагин» («Сын отечества»). В 1844—1845 гг. были написаны еще пять повестей (не сохранились).

Большое влияние на литературную судьбу К. оказало заочное знакомство в 1846 г. с П. А. Плетневым, издававшим тогда «Современник» и ставшим ее литературным наставником. Их длительная, очень содержательная переписка (см.: Русское обозрение.— 1897.— № 2—12) представляет и сейчас интерес как факт истории литературы и образец человеческих отношений. Плетнев ориентировал К. на реалистическую и психологическую прозу. Ей были очень близки мысли Плетнева о том, что «изобразить последовательность ежедневных явлений есть дело искусства и дело

важное» (Русское обозрение.— 1897.— Т. 43.— С. 1012). Написанная по его рекомендации художественная «Автобиография» (Русское обозрение.— 1896.— № 6—12) — первый зрелый опыт К. в реалистическом письме. Плетнев оценил ее как произведение «таланта удивительного», «неподражаемо-самобытное». В 1848—1850 гг. повести К. публиковались в «Санкт-Петербургских ведомостях» («Первый шифр»), «Отечественных записках» («Графиня «Д.»— 1848.— № 12), «Современнике» («Соседи».— 1850.— № 12) и др. изданиях. С повести «После обеда в гостях» завязались длительные творческие и дружеские связи К. с К. С. и И. С. Аксаковыми, высоко оценившими ее умение изобразить народный и мелкопоместный быт, национальный характер, «понимание нравственного мира» русского человека. Повести К. 50 гг. были восприняты многими деятелями русской культуры (Погодиным, Ишимовой, Никитенко, Вельманом, Шевченко, Данилевским, Катковым и др.) как открытие, начало «новой эпохи в литературе», «зарей нового отношения искусства к жизни» (И. С. Аксаков). Они восхищались умением писательницы показать поэзию простого и мирного быта, ее самобытным языком; многих привлекала ее нравственная философия, которую, несколько упрощая, можно свести к утверждению преимущества традиционного перед поисками отдельной личности, смирения перед бунтом. Эти качества творчества К. отрицательно были оценены критикой революционно-демократического лагеря (М. Е. Салтыков-Щедрин, Д. И. Писарев). Салтыков-Щедрин, указав на высокие достоинства повестей К. («Выше, поэтичнее, сладостнее этих строк мы положительно ничего не знаем в русской литературе» — о повести «После обеда в гостях» // Собр. соч.: В 20 т.— Т. 5.— С. 377), отметил их «внутреннюю связь с народною массою, умение показать «подвигающую за собой людей силу, которая многое сделает», резко критиковал нравственные идеи К. за утверждение «разумно-походной свободы», «смирения и прощения». Еще более негативно оценил эту сторону творчества К. Писарев, признавая в писательнице, однако, «сильный талант».

Сюжеты повестей К.— «Из провинциальной галереи портретов» (Русский вестник.— 1859.— № 5), «Гайка» (Русское слово.— 1860.— № 4), «Кирилла Петров и Настасья Дмитрова» (День.— 1862.— N), «Давняя встреча» (День.— 1862.— № 2), «Старина» (Отечественные записки.— 1861.— № 3, 4) и др.— ограничены, как правило, чисто семейными, интимными рамками, однако «эпическая наблюдательность» (К а т к о в М. Н. // Русское обозрение.— 1897.— Т. 43.— С. 1026) позволяла К. воссоздать при этом характеристические черты жизни народа, мелких хуторских помещиков и старого русского барства, порой с оттенком ностальгической идеализации. Во многих повестях К. встречается мотив смирения героев

после нравственного бунта как познание высшей духовной истины («После обеда в гостях»). Конфликт повести «Из провинциальной галереи портретов» (лучшего произведения К.) завершается общим смирением и прощением. Это связано с мировоззрением К., которая видела назначение писателя в том, чтобы «давать нравственное и благородное направление страстям человеческим, знакомить человека с лучшею частью его самого» (Русское обозрение.— 1897.— Т. 43.— С. 564).

Особенности поэтики К. определяются традициями южнорусского и украинского фольклора (напевность, красочность речи, сердечность интонации, множество песенных вставок в повествование); ей свойственно обстоятельное описание персонажей, их истории и характеров, неспешное движение увлекательного, умело построенного сюжета, любовное изображение быта и природы. Ряд произведений К. носит автобиографический характер.

Жизнь в глубокой провинции, особенности биографии определили и сильные (самобытность, духовное здоровье и т. д.), и слабые стороны творчества К. Лишь в 1862 г. ей удалось впервые, собрав необходимые средства, выбраться в Петербург, где она, наконец, встретилась с Плетневым, И. С. Аксаковым и др. русскими литераторами, а также была представлена императорской семье. (К. получила приглашение ко двору в качестве преподавательницы русской литературы для царских детей, но отказалась ради возможности писать, из привязанности к родному краю и матери.)

Вышедший в 1863 г. двухтомник сочинений К. расходился по своему пафосу с пореформенными настроениями значительной части общества: К. «скромные, но изведенные идеалы прошедшего предпочитает сомнительным очертаниям будущего» (С а л т ы к о в - Щ е д р и н.— Т. 5.— С. 371).

С 1863 г. К. сотрудничает в консервативной периодике («День» И. С. Аксакова, «Русь», «Заря», «Гражданин»), пишет пьесу «Слава богу, что мужик лапотку сплел» (Заря.— 1871.— №1) и др., статьи, работает над большим романом «Наталя Федосеевна» («Степная барышня»; не окончен), но творческая активность ее снижается. Умерла талантливая писательница практически забытой. Еще в 1900 г. С. А. Венгеров писал о том, что сочинения К., «разбросанные по разным журналам и... оставшиеся в рукописях... ждут еще хорошего издания».

Соч.: Повести: В 2 т.— М., 1863; Из провинциальной галереи портретов. Отрывок из повести // Дача на петергофской дороге. Проза русских писательниц первой половины XIX века.— М., 1987.

Лит.: Платонова Н. Н. Кохановская (Н. С. Соханская). 1823—1888. Биографический очерк.— Спб., 1909; Салтыков-Щедрин М. Е. Повести Кохановской // Собр. соч.: В 20 т.— М., 1966.— Т. 5; Писарев Д. И. «После обеда в гостях» Кохановской // Полн. собр. соч.: В 6 т.— Спб., 1909.— Т. 1. Т. Н. Танакова

КОЦ, Аркадий Яковлевич [3(15).X.1872, Одесса — 13.V.1943, Свердловск] — пролетарский поэт, переводчик. Родился в семье мелкого служащего, с 13 лет подрабатывал уроками. В 1880 г. оказался свидетелем печально-знаменитого одесского погрома. Одно из первых стихотворений (не опубликовано) написано в 14 лет: «Я с жизни светлого чела / Откинул рано покрывало — / И в ней добра увидел мало, / Но много, очень много зла...» (см.: Бонч-Бруевич В. Д. Автор «Интернационала» // На литературном посту. — 1931. — № 2. — С. 8). С юности К. увлекался чтением В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, публицистов и поэтов-народников, Надсона. «Поэзия моя была, естественно, гражданская и носила на себе печать безвременья восьмидесятых годов» («Надсоновщина»). Окончив Горное училище в Горловке, К. работал штейгером на шахтах Подмосковского угольного бассейна и Донбасса. В 1897 г. К. уехал в Париж и там, участвуя в Горном институте, сблизился с революционной эмиграцией, читал марксистскую литературу. В нач. 900 гг., во время споров «кисривцев» с «экономистами», сочувствовал сторонникам Ленина, в 1903 г. вступил в партию. Под влиянием «Коммунистического манифеста», который представлялся ему «подлинной поэмой социализма», К. создал «Пролетарскую Марсельезу», распространившуюся в среде русской социал-демократии (Левинская К. Из жизни одесского подполья 1901—1907 гг. // Пролетарская революция. — 1922. — № 6). К. был музыкант, пел в хоре и его слова «Мы «Марсельезы» гимн старинный / На новый лад теперь споем...» больше соответствовали мелодии французского гимна, чем известная песня П. Лаврова («Отречемся от старого мира...»). Однако «Марсельеза» к тому времени уже стала гимном французской буржуазии. Западные социал-демократы пели «Интернационал», и возникла настоятельная потребность в русском переводе текста гимна международного пролетариата, принадлежавшего борцу Парижской Коммуны и поэту Эжену Потье. Перевод трех строф «Интернационала» Э. Потье с припевом и был сделан К. в 1902 г. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал: «Появление «Интернационала» произвело огромное впечатление среди всех многочисленных русских колоний Западной Европы и Америки. Текст его был быстро усвоен всеми, и мы, русские социал-демократы, сразу стали отличаться... на всех уличных демонстрациях и собраниях... от всех других... политических групп русской эмиграции» (На литературном посту. — 1931. — № 2. — С. 5). Текст русского «Интернационала» впервые опубликован в марксистском журнале «Жизнь» № 5 (август) за 1902 г. под псевдонимом А. Данин. (Издание журнала из-за преследования властей пришлось тогда перенести из Петербурга в Женеву.)

Сотрудничество в «Жизни» К. начал, прислав

в редакцию стихотворение «Расправа», подписанное буквами *Ижд*, стихотворение имело подзаголовок — «Посвящается памяти Г. Леккерта». Остро-драматичное, оно рисовало жуткую сцену массового публичного сечения рабочих — участников первоймайской демонстрации в г. Вильно по приказу виленского генерал-губернатора фон Валя. Этот «сатрап», как называет его автор, желал потешиться унижением своих жертв, но выдал страх, тревогу властей перед ростом рядов революционеров, которых не могли сломить «ни казнь, ни тюрьмы, ни Сибирь». Нашелся смельчак, который во время этого публичного истязания выстрелил в фон Валя, — им оказался Гириш Леккерт, рядовой деятель рабочего движения, сапожник. Большую часть стихотворения составляет гневная инвектива против облеченных властью палачей. Завершают стихотворение строки о том, как приговоренный к повешению «безвестный мученик-герой» «гордо шел на эшафот». «Расправа» была помещена в № 4 «Жизни» (июль 1902 г.). А в следующем номере появилась уже подборка стихов за подписью *Д-н*, в нее вошли «Интернационал», «Пролетарская «Марсельеза» и стихотворение «Я слышу звук его речей (посвящается Л. Н. Толстому)» — направленное против толстовской проповеди непритязания злу, бесполезности там, «где пред грозным палачом / Народ смиренно спины клонит / И под ярмом и под бичом / Бессильно падает и стонет...». Вернувшись на родину в 1903 г., К. вел агитационную работу по заданиям партии в Мариуполе и Одессе. В 1907 г. издал книгу из 11 стихотворений под названием «Пролетарские песни» под псевдонимом *Д-н* (Спб.). Книга была сразу конфискована цензурой. Все стихи книги навеяны событиями тех лет — 9 Января (одноименное стихотворение), подъемом революционной волны и ее спадом, призывами к продолжению борьбы («Бушуйте, волны. Бросайте с гневом свои валы, / Пока не рухнет последний камень седой скалы...»). Стихотворение «Клятва» («Пролетарии, вперед! Снаряжайтесь к походу! / Бьет тот час, когда народ / Умирает за свободу...») было выпущено в виде листовки Комитетом РСДРП г. Николаева (июль 1905 г.). В тот же период К. опубликовал переводы памфлета П. Лафарга «Поклонение золоту» (1905) и пьесы О. Мирбо «Дурные пастыри» (1905). Однако в эпоху реакции К. отошел от революционной деятельности. Восстановился в партии большевиков лишь в 1920 г. После Октябрьской революции печатал стихи в газетах (в Днепрпетровске и Харькове). Позднее переводил поэтов Парижской Коммуны, главным образом Э. Потье. На стихи К. «Майская песнь» и «9 Января» Д. Д. Шостакович написал музыку для хорового исполнения. (Вошла в ораторию композитора «1905 год» — на стихи революционных поэтов того времени.)

Соч.: Песни пролетариев. — Спб., 1907; Пролетарские поэты. 1895—1910 / Вступ. ст. и примеч. А. Л. Дымшица. — М.;

Л., 1935.— Т. 1.; Революционная поэзия (1890—1917) / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. Л. Дымшица.— М.: Л., 1954.

Лит.: Беркова К. К. Кто перевел «Интернационал» на русский язык? // Красная нива.— 1928.— № 39; Лелевич Г. Один из зачинателей: К истории пролетарской поэзии // Новый мир.— 1930.— № 10; Шагинян М. Переводчик «Интернационала» // Уральский рабочий.— 1943.— 16 мая; Осьмаков Н. В. Русская пролетарская поэзия.— М., 1968. Л. К. Швецова

КРАВЧЫНСКИЙ, псевдоним — *Стеньяк*, известен как *Стеньяк-Кравчинский*, Сергей Михайлович [1(13).VII.1851, с. Новый Стародуб Херсонской губ.— 11(23).XII.1895, Лондон] — публицист, прозаик, переводчик. Революционный деятель. Родился в семье главного лекаря военного госпиталя, по настоящему отца был отдан в Орловскую военную гимназию, по окончании которой поступил в Московское военное Александровское училище. Более всех предметов интересовался историей и военными науками, овладел тремя иностранными языками (французским, английским и немецким). Вскоре К. был переведен в Петербург — в Михайловское артиллерийское училище, которое окончил в 1870 г. в чине поручика. Но К. не привлекала военная карьера, и, прослужив год учителем в фейерверкской (т. е. военно-технической) школе Харьковского военного округа, он вышел в отставку.

Еще в артиллерийском училище с семью другими воспитанниками К. создал тайный революционный кружок. Юноши читали и обсуждали произведения Н. Г. Чернышевского, Д. И. Писарева, «Историю цивилизации» Г. Бокля, «Исторические письма» П. Л. Лаврова, «Положение рабочего класса в России» В. В. Берви. В 1871 г. К. поступил в Петербургский Лесной институт. Ему казалось, что знакомство с теорией и практикой сельского хозяйства даст ему реальную возможность улучшить жизнь крестьянства в своей стране. А весной 1872 г. К. был принят в кружок «чайковцев». Этот петербургский революционный кружок, основанный М. А. Натансоном, был назван по имени одного из самых активных членов, Н. В. Чайковского. П. А. Кропоткин, С. Л. Перовская, Д. А. Клеменц, Н. А. Морозов и др. народники входили в это, по словам К., «общество подготовки социального, умственного и политического переворота» (Морозов Н. А. Повести моей жизни.— М., 1917.— Т. 1.— С. 156). Основываясь на утопической теории общинного крестьянского социализма, они отводили крестьянам роль главной движущей силы революции и занимались пропагандой своих идей среди рабочих и крестьян, фактически отказавшись от политических форм борьбы. В первых рабочих кружках, созданных «чайковцами», К. рассказывал слушателям о русской истории и знакомил с политической экономией по «Капиталу» Маркса.

Но энергичный, увлеченный новыми идеями, К. не мог довольствоваться такой «пассивной» деятельностью. И когда осенью 1873 г. «чайков-

цы» решили, что надо немедленно нести идеи социализма крестьянам, К. бросил институт и, переодевшись рабочим-пильщиком, пошел «в народ». Вместе с Д. Рогачевым он ходил по деревням Тверской губ., густонаселенного и нищего центра европейской части России, беседовал с крестьянами, читал им книги. «Иногда Сергей, знавший Евангелие почти наизусть, — вспоминал П. А. Кропоткин, — толковал его мужикам и доказывал стихами из него, что следует начать бунт. Иногда он толковал от великих экономистов. Крестьяне слушали пропагандистов как настоящих апостолов, водили их из избы в избу и отказывались брать деньги за харчи. В две недели пропагандисты создали настоящее брожение в нескольких деревнях» (Кропоткин П. А.— С. 285). Вскоре пропагандистов арестовали, но с помощью крестьян они бежали, тем самым лишив себя навсегда возможности вернуться к легальному существованию.

Рассказы К. и Рогачева о том, как пропагандистов слушали и принимали крестьяне, убедили кружковцев в необходимости прямой пропаганды и положили начало массовому хождению «в народ». Тогда же К. понял, что для улучшения пропаганды необходимы особые брошюры, написанные простым и доступным для крестьян и малограмотных рабочих языком, где излагались бы основные идеи социализма и революции. В конце 1874 г. в женевской типографии «чайковцев» была напечатана «Сказка о копейке» К., в которой он нарисовал утопическую картину русской деревни, ведущей хозяйство на общественных началах, т. е. автор считал, что, преобразуя жизнь, Россия пойдет своим, отличным от Запада путем. Используя приемы лубочных изданий, наиболее доступных и популярных в народе, стилизуя свой язык под народный, К. стремился вложить в сказку как можно больше познавательного материала. В середине 70 гг. в Лондоне и Женеве были напечатаны и другие сказки К.: «Мудрица Наумовна», «О Правде и Кривде», «Из огня да в полымя». Различные хитрости применялись издателями, чтобы сбить с толку полицию, — использовались разные названия («Мудрица Наумовна», она же «Похождения пошехонцев», она же «Сказка Говоруха»); указывалось, что брошюра отпечатана в типографии духовной академии и разрешена цензурой.

Арест, побег и разгром кружка вынудили К. в 1874 г. уехать за границу. Там он знакомился с социалистическим и рабочим движением. А как только до него дошли вести о восстании против турецкого ига в небольшом славянском государстве Герцеговина, К. поспешил на помощь восставшим. Получившему военное образование К. была доверена единственная пушка повстанцев. Восстание было частью подавлено, частью погасло само, и разочарованный в этом революционном «предприятии» К. нелегально вернулся домой.

... На родине его ждали нерадостные известия: аресты, разгромы. 1875—1876 гг. были для русских революционеров временем переосмысления теории и практики и собираного новых сил. В нач. 1877 г., сопровождая большого товарища в Италию, К. принял участие в подготовке восстания в провинции Беневенто и был арестован с оружием в руках при его подавлении. Но долгие 9 месяцев тюремного заключения в ожидании приговора не сломили К.: за это время он успел выучить итальянский язык и составить несколько инструкций по ведению восстания. С вступлением на престол в январе 1878 г. нового короля, объявившего амнистию, К. был освобожден из тюрьмы и пешком (за неимением денег) отправился в Швейцарию. Вместе с группой русских эмигрантов в Женеве он основал журнал «Община», где публиковал статьи о русском и итальянском освободительном движении и с первыми его номерами вернулся в Петербург (май 1878 г.).

На родине К. активно включился в деятельность недавно созданной (1876) подпольной организации «Земля и воля». Он вербовал новых членов, редактировал газету с тем же названием, наладил нелегальную типографию, впервые в истории русского подполья долго и систематически действовавшую в самой России. «Мы иногда называли его младенцем,— писал Кропоткин,— так мало заботился он о собственной безопасности. Но эта беззаботность являлась результатом бестрашия...» (Кропоткин П. А.— С. 283). Именно К. организация поручила первый террористический акт. Чуть ли не 2 месяца учился он действовать кинжалом, затем генералу Н. В. Мезенцову, шефу жандармов, был послан его смертный приговор (у жертвы был шанс спастись, отказавшись от должности). А два дня спустя, утром 4 августа на людной площади Петербурга ударом кинжала в сердце К. убил Мезенцова и, вскопив в ожидавшую пролетку, беспрепятственно скрылся. Это была неслыханная удача, давшая новый могучий толчок террористическому движению. Вся полиция была поднята на ноги, за голову К. назначена высокая цена, а он как ни в чем не бывало ходил по петербургским улицам, работал над статьей «Смерть за смерть», объясняющей мотивы покушения. Лишь 5 месяцев спустя с большим трудом друзьям удалось уговорить его переправиться за границу, якобы для изучения способа приготовления динамита. Он рассчитывал вернуться через несколько недель, но не вернулся на родину уже никогда.

По следам К. без промедления были посланы шпионы, и в эмиграции ему также пришлось жить и работать под чужими именами: С. Михайлов, Абрам Рублев, Владимир Джанжигеров, Шарль Обер, С. Горский, Никола Феттер, С. Штейн и др. После убийства Александра I царское правительство начало переговоры о выдаче К. швейцарскими властями, и он вынужден был тайно перебраться в Италию. Как ни велико было же-

лание вернуться на родину, но без адресов явочных квартир и помощи друзей сделать это было невозможно, а друзья не вызывали его, т. к. понимали, что арест его (означавший верную смерть) был неизбежен. Единственное оружие оставалось ему для службы родине — перо, и К. стал писать статьи, переводить с итальянского, испанского и немецкого.

В 1881 г. по предложению миланской газеты «Пунголо» («Жало») К. написал на итальянском языке серию очерков о русском революционном движении под общим названием «Подпольная Россия». Борьба русских революционеров привлекала к себе внимание всего мира, и К. считал своим долгом развенчать стереотипное представление о них как о злодеях и разбойниках, «выставить самих террористов такими, каковы они в действительности, т. е. не каннибалами, а людьми гуманными, высоко нравственными, питающими глубокое отвращение ко всякому насилию, на которое только правительственные меры их вынуждают» (Соч.— Т. 1.— С. 10). Подписанные псевдонимом *Степняк*, очерки эти вызвали большой интерес, и издатель решил выпустить их отдельной книгой. За первым (Милан, 1882) изданием последовали переводы на многие европейские языки, а псевдоним *Степняк* стал постоянным и известным всему миру. В 1893 г. очерки были изданы на русском языке в Лондоне, а в 1905 г. по ним велись занятия в крестьянских кружках в России. Множество русских юношей и девушек было «завербовано» на революционную борьбу этой книгой, где, начав с общей картины русского революционного движения, четко обозначив его этапы, К. воскресил в жанрах эссе, мемуаров, литературного портрета своих соратников и единомышленников, проследил эволюцию типа революционера. Огромное количество подлинного, исторически достоверного материала, почерпнутого из собственной практики, русских газет и журналов, рассказов и писем друзей, автор облек в истинно художественную форму. Главную часть книги, наиболее важную для автора, составили «Революционные профили» — очерки о Вере Засулич, Софье Перовской, Петре Кропоткине, Дмитрие Лизогубе и др. революционных деятелях.

Италия и Швейцария оказались досягаемыми для царской полиции, и с 1884 г. К. поселился в Лондоне. В 1885 г. там двумя изданиями на английском языке вышла вторая публицистическая книга К. — «Россия под властью царей», изданная вскоре во Франции, Швеции и США. По ней просвещенная Европа и Америка знакомилась с кратким курсом истории России и ее современностью: бесчинствами жандармерии, состоянием правосудия, образования, печати и пр. В то время на русский язык было переведено несколько глав этой книги. Полный перевод был опубликован лишь в 1964 г.

Живя в Лондоне, К. много работает: переводит на английский язык повесть «Слепой му-

зыконт» В. Г. Короленко, пьесы «Гроза» А. Н. Островского, «Свадьба Кречинского» А. В. Сухово-Кобылина, пишет предисловия к произведениям В. М. Гаршина, И. С. Тургенева и др. В Англии и Америке К. с большим успехом выступает с лекциями и докладами о революционном движении и литературе в России. В 1886 г. вышла на английском языке третья публицистическая книга К. «Русская грозная туча», посвященная национальному вопросу и царской армии, а в 1888 — четвертая — «Русское крестьянство». «Мои статьи,— писал К.,— дерзновенная попытка заставить англичан узнать и полюбить наших мужиков, как я заставил их узнать и полюбить нигилистов» (В Лондонской эмиграции.— С. 3).

Публицистика была для К. исполнением общественного долга, истинное же наслаждение он стал получать, когда смог наконец заняться своим любимым делом — художественной литературой. Еще в 1875 г. у К. появился замысел романа о русских революционерах. Работа над ним продолжалась долго. Начав роман в 1886 г., автор считал его законченным к 1889 г. Элеонора Маркс и ее муж Эдуард Эвелинг сделали окончательную стилистическую правку романа, писавшегося по-английски, и осенью 1889 г. он вышел из печати под названием «Карьера нигилиста» (это название, более понятное для англичан, заменило основное название романа «Андрей Кожухов»). Действие романа происходит в 70 гг.— время жестокой реакции и наивысшего подъема народнического движения в России. В образе двух главных героев Андрея и Жоржа много автобиографического. Андрей, как и сам К., переходит границу с помощью контрабандистов, ведет пропаганду в рабочих кружках, организует побег товарищей и покушение... И все же это не автобиография. Не является роман и выражением теоретической и практической программы русских революционеров, что нередко усматривалось в нем зарубежными читателями. К. стремился к художественным обобщениям, главным его достижениями стали предельно правдивые, многоплановые, написанные с чувством глубокой симпатии образы революционеров-народников. Отдельные главы романа перевела на русский язык В. И. Засулич, но до выхода в свет полного перевода К. так и не дождался. Его сделала вдова К.— Фанни Марковна. Изданный в 1898 г. в Женеве, небольшими партиями (по десять — двадцать экземпляров) он проникал в Россию. Только после 1905 г. стало возможным в сокращении издать его на родине писателя.

В последних прозаических произведениях К.: повести «Домик на Волге» (Женева, 1896) и неоконченном романе «Штундист Павел Руденко» (Женева, 1894), писавшихся уже по-русски, в центре внимания автора не сложившийся тип профессионального революционера, а процесс формирования его характера и убеждений, пути, которыми люди приходят к революции.

В конце 1889 г. К. удалось организовать в Англии «Общество друзей русской свободы», объединившее представителей разных направлений, партий и национальностей. Поставив целью завоевать общественное мнение Европы в пользу русского революционного движения, «Общество» занималось пропагандой, собирало деньги в фонд помощи русским политзаключенным. С лета 1890 г. стал выходить ежемесячный журнал на английском языке «Свободная Россия». К. был его редактором и писал для него большую часть статей. Помогала ему в редакционной работе и в работе исполнительного комитета «Общества» молодая англичанка Лили Буль. В доме К. она познакомилась с бежавшим из сибирской ссылки польским революционером Михаилом Войничем, ставшим впоследствии ее мужем. Они помогли К. в организации продолжающегося традиции А. И. Герцена «Фонда вольной русской прессы» (1891), созданного для издания и доставки в Россию революционной литературы. Породившая многие легенды личность К. вдохновила Войнич на создание романа «Овод» и др. произведений. Необыкновенные качества К. отразились в романах Э. Золя («Жерминаль»), А. Доде («Таргарен в Альпах»), В. Хуэлла («Путешественник из Альтрурии») и др. Среди многочисленных знакомых К.— Ф. Энгельс, Э. Эвелинг, драматург Б. Шоу, писатель О. Уайльд. Его лондонский дом стал местом встречи оппозиционно настроенных писателей и художников разных народов, русских политических эмигрантов, в среде которых К. всеми силами старался улаживать споры и разногласия.

В конце 1895 г. «Фонд», рассылавший издания на книжные склады почти всех крупных городов Европы и Америки, имел достаточно денег, чтобы издавать в Лондоне революционную газету на русском языке. Почти все время и силы К. отдавал подготовке ее первого выпуска.

Рано утром 23 декабря 1895 г. К. направлялся к друзьям с материалами для первого номера газеты. Он опаздывал и шел, погруженный в чтение. Не услышавший свистка, К. при переходе через линию пригородной железной дороги был сбит паровозом. Почти все английские газеты поместили сообщение о его трагической гибели. А в субботу 28 декабря многотысячные колонны рабочих разных национальностей прошли перед вокзалом Ватерлоо, провожая в последний путь русского писателя и революционера. К. погиб в возрасте 44 лет, не дожив нескольких дней до осуществления своей заветной мечты — издания свободной русской газеты.

Соч.: Соч.: В 2 т.— М., 1987; Смерть за смерть (Убийство Мезенцова).— Пб., 1920; Царь-чурбан, царь-цапля.— Пб., 1921; Андрей Кожухов. Домик на Волге.— М., 1981; В лондонской эмиграции.— М., 1968.

Лит.: Аксельрод П. Б. Сергей Кравчинский // Аксельрод П. Б. Рабочий класс и революционное движение в России.— Пб., 1907; Дейч Л. Г. С. М. Степняк-Кравчинский.— П., 1919; Кропоткин П. А. Записки революционера.— М.,

1966; Таратута Е. А. Ф. Энгельс и С. М. Степняк-Кравчинский // Наука и жизнь. — 1965. — № 7; Маевская Т. Слово и подвиг. Жизнь и творчество С. М. Степняка-Кравчинского. — Киев, 1968; Таратута Е. А. С. М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. — М., 1973.

И. И. Скуридина

КРАСОВ, Василий Иванович [23.XI(5.XII).1810, Кадников Вологодской губ. — 17(29).IX.1854, Москва; похоронен на Ваганьковском кладбище] — поэт. Происходил из многодетной семьи бедного сельского священника с Флоровского Кадниковского у. Рано начал писать стихи. Закончил училище и неполный курс семинарии в Вологде. Мало интересуясь богословскими науками, осенью 1829 г. самовольно покидает семинарию. Учится в Московском университете (1830—1834), который успешно закончит со степенью кандидата словесных наук. В положении «свокоштного студента» зарабатывал на жизнь дешевыми уроками, часто бедствовал. Испытал влияние идей профессоров Н. И. Надеждина и М. П. Погодина. Публиковал стихи в «Телескопе», «Московском наблюдателе» и др. известных изданиях того времени. По окончании университета был домашним учителем на Украине, преподавал в Черниговской гимназии. По ходатайству Погодина к новому ректору Киевского университета М. А. Максимовичу 29 ноября 1837 г. был назначен адъюнктом по кафедре словесности, читал лекции по «теории словесности», «теории поэзии», вел «изъяснение свойств русского языка». Выступил с публичной защитой докторской диссертации «О главных направлениях поэзии в английской и немецкой литературах с конца XVIII века», которая была отклонена ректором и факультетом, не принявшими идеи немецкой классической эстетики. Получив отставку, зимой 1840 г. К. возвращается в Москву, дает частные уроки в доме кн. Голицына, преподает во 2-й Московской гимназии, обзаводится семьей. Живет до женитьбы в доме В. П. Боткина на Маросейке. Боткин во многом ему помогал. В 50 г. ведет занятия в 1-м Московском кадетском корпусе, в Александровском сиротском военном корпусе. Пользовался среди воспитанников большой любовью за преподавание «не по учебникам». В июле 1854 г. скончалась жена К., Елизавета Алексеевна, ее смерть усугубила приступы давней чахотки. К. умирает через полтора месяца, оставив в крайней бедности семью из девяти дочерей.

В духовном развитии К. и в формировании его как поэта особая роль принадлежит Московскому университету 30 г. К. входил в кружок Станкевича, составив вместе с И. П. Клюшниковым, Я. М. Неверовым и др. его первоначальное ядро. Наиболее дружен был со Станкевичем, который брал у К. уроки по древним языкам, позже вместе с К. занимался философией, историей, чтением Гете, Шиллера, Козлова. К. был общителен, доверчив, отличался искренностью, открытостью. В узком кругу друзей любил веселую

шутку, умел разыгрывать смешные пародии, но был застенчив, иронически называя себя «штабс-капитан». В университетские годы сближается с К. С. Аксаковым, А. А. и К. А. Беерами, М. А. Бакунным, бывает в их «родовых гнездах», дружит со всеми семействами. Близкие отношения связывали К. с В. Г. Белинским (из переписки сохранилось пять писем К.). Прошедший сходную эволюцию от романтической восторженности к постижению реальных противоречий жизни, К. был лично близок критику. По его просьбе К. переписывает для М. В. Орловой, невесты Белинского, послания («Зачем зовешь ее: «Бесстрастная...», «Она бежит играющих подруг...», 1835, и др.).

Находясь в кругу философских споров и бесед, К. наиболее ярко выражает себя как поэт. Лучшие стихотворения созданы им в 30 — нач. 40 гг.; позже, теряя связи с кругом Станкевича и сменившего его Белинского, постепенно отходит от литературной жизни, почти не печатается. Единственный сборник стихотворений К. издан П. Шейном посмертно (1859).

По основному настроению лирика К. элегична; порой не свободна от расхожих штампов массовой поэзии позднего романтизма. Герой К. пережил идеальные порывы, питал юношеские надежды на высокий подвиг во имя человечества. Этим он близок духовным исканиям и сложной интеллектуальной жизни молодого поколения 30 г. В лирических монологах, исповедах, в любовной лирике сильно аналитическое начало, часто переходящее в рефлексию: «Элегия» («Я скучен для людей, мне скучно между ними...»), 1834, «Звуки», 1835, «Грусть», 1835, «Мечта», 1839, и др. Отличительная особенность героя К. — отзывчивость к страданиям другой души, часто это страдающая женщина: «Элегия» («С шумящим потоком, с весенней волной...»), 1839, «Стансы к Дездемоне», «Клара Моврай», оба — 1840, и др. По сравнению с другими поэтами кружка Станкевича лирика К. более стихийна, лишена присущей им некоторой философской заданности, в ней заметно стремление к конкретному психологизму. «Песня» («Взгляни, мой друг, по небу голубому...») (1835) — одно из лучших ранних произведений К., вероятно, было навеяно историей отношений с А. А. Беер. Симпатии были взаимны, К. состоял в переписке с сестрой своих друзей, но впоследствии его отеснил М. А. Бакунин. Более общее поэтическое содержание отметил в «Песне» Белинский, на память приведя строки из нее в размышлениях о «чистой гармонической душе Офелии» («Гамлет», трагедия Шекспира. Мочалов в роли Гамлета», 1838).

В нач. 40 г. мотивы одиночества, предчувствия тяжелой судьбы у К. нарастают. Герой и героиня лирики этих лет словно обернулись назад, любя «горячо и горестно все могилы, где погребено столько надежд и незабвенных образов»

(Соч.— С. 153). Лучшие произведения этих лет — «Известие», восторженно оцененное Белинским, «Воспоминания», «Октябрьский день», «Вечер», «Мелодии» и др. В неповторимые элегические ситуации мягко введены детали пейзажа: легкие тона заката, водная гладь, старый дом с садом. В поэзии К. есть переключки с М. Ю. Лермонтовым — «Молитва», «Элегия» («Когда душа скорбит, а сердце без желанья...»), 1840, «Романс Печорина», 1845, и др., в письмах К. упомянуто о нескольких коротких встречах с поэтом.

Почти параллельно с развитием элегических мотивов в поэзии К. появляются романсно-песенные интонации, порой нисходя до «лирики страстей» массового романтизма. Не истративший сил герой хочет «позабиться», «унестись» в разгульном веселье, словно опьяненный каким-то лихим отчаянием «проносящейся молодости», «запавшего сердца»: «Первый выезд» (1839), «Сара» (1838), «Песня» («Прочь, прочь, ни слова...») (1838) и др. В нач. 40 г. К. обращается к «русским песням»: «Песня» («Уж я с вечера сидела...»), «Песня» («Уж как я в ту ли ночь...»). Известно, что поэт начинал работать над большим циклом «российских песен», куда должны были войти «песни царевны», «песни ямщика», «песни новгородского удалца». Задуманные отношения связывают К. в эти годы с А. В. Кольцовым, современники вспоминают о знакомстве К. с Ф. И. Буслаевым.

Белинский писал, что стих К. «свободен», в нем «избыток чувств и разнообразие тонов» (Т. IV.— С. 180). Считая К. современным «действующим» поэтом, он помещал его в ряду с Лермонтовым, Кольцовым, Ключниковым. Долгое забвение К. в истории русской литературы связано с переходным характером его поэзии, которая соединила романтическую рефлексию и растущую песенную свободу стиха, предварив новые художественные открытия русской лирики середины XIX в.

Соч.: Поэты 1820—1830-х годов / Вступ. ст. Л. Я. Гинзбург.— Л., 1961; Поэты кружка Н. В. Станкевича / Вступ. ст. С. И. Машинского.— М.; Л., 1964; Соч. / Вступ. ст. В. В. Гурья.— Архангельск, 1982.

Лит.: Журавлева А. И. О поэтах кружка Станкевича // Вестник МГУ им. М. В. Ломоносова. Филология.— 1967.— № 4.— С. 3—15; Гинзбург Л. Я. О лирике.— Л., 1974.— С. 141—148; Манин Ю. В. В кружке Станкевича.— М., 1982.

Л. А. Ходанен

КРЕСТОВСКИЙ, Всеволод Владимирович [11(23).II.1840, с. Малая Березайка Тарашанского у. Киевской губ.— 18(30).I.1895, Варшава] — прозаик, поэт, журналист. Происходил из старинного дворянского рода, дед и отец служили в уланах. Учился в Петербурге в 1-й гимназии (1850—1856) и два года на историко-филологическом факультете университета. Еще в IV классе гимназии начал писать стихи и рассказы. В 1857 г. в журнале «Общезанимательный вестник» опубликованы перевод оды Горация «К Хлою» и рассказ в стихах «Без дочери». Универ-

ситетский друг Д. И. Писарева, К. был увлечен либеральными идеями. Одновременно он сближается с А. А. Григорьевым и Л. А. Меем. Уйдя из университета, учебу в котором было трудно совмещать со все более активной литературной деятельностью, К. сотрудничает в ряде журналов разных направлений: в «Русском слове» и «Искре» (знакомство и дружеские отношения с Н. И. Кролем, В. С. Курочкиным), в «Светоче» (кружок А. П. Милюкова, где он, видимо, познакомился с А. Н. Майковым и бр. Достоевскими), во «Времени» и «Эпохе», «Отечественных записках» и «Библиотеке для чтения» и, наконец, в «Русском вестнике» (в числе его друзей и знакомых — Н. С. Лесков, Д. В. Аверкиев, К. К. Случевский). Выступает прежде всего как поэт и чтец-исполнитель своих произведений (пользовались популярностью «Весенние ночи», «Сан-Яго» и «Полоса»), а также автор психологических рассказов («Бесенок», «Пчельник», «Сфинкс», «Погибшее, но милое создание») и очерков из петербургского быта («Петербургские типы», «Фотографические карточки петербургской жизни»). Но еще в 1858 г. К. становится свидетелем уличного происшествия, которое дало толчок к замыслу большого романа «Петербургские трушобы» (См. авторское предисловие к нему.) Созданию книги предшествовало изучение судебных архивов, домов бедноты (в частности, знаменитой «Вяземской лавры») и воровских притонов с помощью пристава К. К. Галахова и будущего начальника петербургской сысковой полиции И. Д. Путилина. О посещении К. притона «Малинник» существует воспоминание Н. С. Лескова (Крестовский В. В. Собр. соч.— Т. 1.— С. XI—XII). Используются были и некоторые, известные современникам, скандальные и криминальные факты и случаи из светской жизни. Поэтому «в тогдашнем обществе, в высшей степени заинтересованном этим романом, не прекращались горячие толки о действующих в нем лицах, многих из героев романа называли прямо по именам» (Маркузе И. К. Воспоминания о Крестовском.— С. 984). Успех романа (первая публикация — «Отечественные записки», 1864—1866) объяснялся не только такого рода актуальностью, но и увлекательностью авантюрного сюжета. Критика сразу же причислила К. к продолжателям Э. Сю; сам автор в одной из первых глав называет «Лондонские тайны» А. Троллопа, финал истории Маши напоминает «Даму с камелиями» А. Дюма-сына. Но литературное происхождение многих мотивов не мешает им одновременно иметь жизненные истоки. Так, в путешествии графа Каллаша по подземному каналу (ср. аналогичные эпизоды в «Отверженных» В. Гюго) можно ощутить отзвуки личных впечатлений К. как участника официальной комиссии, обследовавшей подземелья Варшавы в связи с польским восстанием 1863 г. Эти же события в Польше оказались для К., как и для многих других, испытанием, которого его

поверхностное свободомыслие не выдержало. Начался постепенный поворот к политическому консерватизму и националистическому патриотизму, выразившийся впоследствии в создании романов «Панургово стадо» (1869) и «Две силы» (1874). К. подчеркнул связь между ними, объединив их в диологию «Кровавый пух» (1-е изд. — 1875 г.). В первом романе участники революционного движения 60 гг. представлены марионетками в руках т. н. «польской интриги», якобы спровоцировавшей крестьян на требования «заправской» воли, а власти — на применение силы. Во втором — подавление польского восстания изображено как исторически справедливая развязка многовековой борьбы двух антагонистических наций: подаголовок диологии «Хроника о новом смутном времени Государства Российского» призван уподобить движение шестидесятников «смуте» начала XVII в. Грубая тенденциозность обоих романов вызвала крайне отрицательную реакцию прогрессивных кругов и упреки в односторонности и преувеличениях со стороны литераторов, идейно близких К. На рубеже 60—70 гг. произошли два события, вызвавшие шум вокруг имени К.: поступление 28-летнего и уже довольно известного писателя на военную службу — шаг, причины которого и до сих пор неясны и который «возбудил против него такое ожесточенное гонение в печати, как будто он сделал какой-либо противообщественный поступок» (Берг Ф. В. В. Крестовский. — С. 356) — и скандальный бракоразводный процесс. Дальнейшая жизнь К. пошла по совершенно иной колее: из литератора богемно-либерального типа он становится официально-патриотически настроенным журналистом, поэзию совсем оставляет, а в его беллетристике с течением времени все больше сказывается воздействие идеологии и вкусов военной среды. Зато во внешней жизни писателя вполне реализуется его склонность к авантюрам и жажда новых впечатлений.

Будучи зачислен (с июля 1868 г.) в уланский Ямбургский полк, К. вскоре получает поручение написать его историю (издана в 1873 г.). Затем следует перевод в гвардию с аналогичным поручением. Выполнение их приносит повышение в чинах и благосклонность высших властей. Параллельно писались очерки из жизни кавалеристов, роман «Вне закона» (1873), историческая повесть «Деды» (1876). В декабре 1876 г. К. направляется в штаб действующей армии в качестве корреспондента газеты «Правительственный вестник» в связи с началом русско-турецкой войны. Участвовал в ряде военных операций, в частности в штурме Плевны; был произведен в ротмистры и награжден за храбрость несколькими русскими и иностранными орденами. Издал два тома писем с театра военных действий (1879) и ряд очерков. Опыт и впечатления войны обострили интерес К. к мировой политике (в 1882 г. он опубликовал в журнале «Исторический вестник» статью «Наша будущая война»), который своеобразно

преломился в замысле серии романов, посвященных т. н. «еврейскому вопросу» — «Тьма египетская» («Русский вестник», 1881 и 1888; отд. изд. в 1889 г.), «Тамара Бендавид» («Русский вестник», 1889—1890) и «Торжество Ваала» («Русский вестник», 1891—1892). Современная западнорусская провинция здесь — аванпост борьбы христианского мира против разрушительных сил мирового хаоса; ситуация, по мысли автора, аналогичная столкновению Западной Римской империи с варварами. Замысел этот (изложение его см. в письме Н. М. Любимову: Крестовский В. В. Собр. соч. — Т. 1. — С. XXXVII—XXXVIII), сочувственно встреченный в близкой автору среде, вызвал иную реакцию в литературных кругах. Печатаение первой части трилогии в «Русском вестнике» было приостановлено, по свидетельству К., «вследствие окончательной несолидарности моих взглядов на еврейский вопрос с М. Н. Катковым» (Автобиография // Знакомые. Альбом М. И. Семевского. — С. 328) и продолжено лишь после смерти последнего Ф. Н. Бергом.

В июне 1880 г. К. командирован в качестве «секретаря для военно-сухопутных сношений» в эскадру генерал-адъютанта С. С. Лесовского: совершает путешествие из Неаполя во Владивосток, а затем в Нагасаки; проводит полгода в Японии. До октября 1881 г. напечатал в газетах более 50 писем, содержавших путевые впечатления. В 1882 г. переведен в чине полковника в распоряжение генерал-губернатора Туркестана М. Г. Черняева. Участвовал в посольстве в Бухару и Хиву (см.: «В гостях у эмира Бухарского», 1887) и в раскопках в урочище Афросиаб. С 1884 г. в Петербурге инспектирует деятельность земства в ряде губерний, пишет статьи в «Гражданин» и передовицы в газету «Свет». С апреля 1887 г. — штаб-офицер при департаменте таможенных сборов, ревизует бригады пограничной стражи. В Петербурге поддерживает отношения с А. Н. Майковым, Г. П. Данилевским, Вс. С. Соловьевым, И. Ф. Горбуновым. Согласие в 1892 г. на предложение генерал-губернатора И. В. Гурко стать редактором газеты «Варшавский дневник» можно расценивать как последнюю попытку К. совместить творческую работу со службой в обычных, не экзотических и не экстремальных условиях. Но 35-летие своей литературной деятельности он встретил уже больным и в последние три года жизни написать ничего не успел.

В наименьшей степени связано с фактами биографии К. его поэтическое творчество. Общий характер его поэзии конца 50 — нач. 60 гг. определяется не столько противостоянием гражданской тенденциозности и «чистого искусства», сколько не менее свойственным эпохе духом иронии — как над романтизмом идеализмом, так и над деляцким практицизмом. Отсюда и тяготение к непрямому — стилизованному и пародийному — слову. В жанровом отношении в лирике

преобладает песенно-романсная форма, заметно стремление к циклизации. Вслед за Л. А. Меем К. стилизует русский фольклорный стиль и стих, ветхо- и новозаветные мотивы и тексты, создает ряд переводов и подражаний античной лирике. Поиски формы в этом направлении иногда сочетаются с актуальной общественной проблематикой, в частности с прямыми отсылками на исторические события в России и на Западе (поэма «Калика перехожая», стихотворения «Владимирка», «Памяти пятерых», «Париж, июль 1848»). Более органична такая проблематика в произведениях, написанных в форме сказа (поэма «Весенняя смерть», стихотворения «Стон земли», «Полоса») и близких поэзии Некрасова. Ее воздействие ощутимо также в тех стихотворениях, где раскрывается «я» интеллигента-современника, склонного к самоиронии и рефлексии (цикл «Хандра»). В «Испанских мотивах», как и в аналогичных стихотворениях Гейне (которого К. переводил), экзотика — то иронический флер политического инсказанья («Сан-Яго»), то условная декорация, позволяющая вначале утрировать, а затем снизить романтический пафос персонажа («Фанданго»). Наконец, в цикле «Весенние ночи» стилизация поэзии А. А. Фета сочетается с довольно грубой эротикой, что дало повод пародиям Н. Ломана. В целом поэзия К. эклектична. Переводы его (назовем еще имена Гете и Шевченко) заметной роли в становлении русской переводческой традиции не сыграли.

Соч.: Стихи: В 2 т.—Спб., 1862; Собр. соч.: В 8 т./Под ред. Ю. Л. Ельца.—Спб., 1899—1900; Петербургские трущобы: Книга о сытых и голодных. Роман в 6 ч.: В 3 т.—М., Л., 1935—1937.

Лит.: Введенский А. И. В. В. Крестовский // Исторический вестник.—1890.—№ 12.—С. 734—754; Берг Ф. В. В. Крестовский // Русский вестник.—1895.—№ 2.—С. 356—359; П. П. (Плахов П.). В. В. Крестовский: Приложение к отрывному военному календарю Л. Плахова на 1897 г.—Киев, 1896.—С. 1—20; Елец Ю. Л. Биография // Крестовский В. В. Собр. соч.—Т. 1.—С. 11—15; Маркузе И. К. Воспоминания о В. В. Крестовском // Исторический вестник.—1900.—№ 3.—С. 979—1003; Кубиков И. В. В. Крестовский и его роман «Петербургские трущобы» // Крестовский В. В. Петербургские трущобы.—Т. 1.—С. VII—XXVI; Сорокин Ю. С. К историко-литературной характеристике антигнилостического романа (диалог «Кровавый пух») // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ.—М., 1947.—Вып. 3.—С. 79—87; Ямпольский И. Г. В. В. Крестовский. Биографическая справка // Поэты 1860-х годов.—Л., 1968.—С. 525—528. *Н. Д. Тамарченко*

КРЖИЖАНОВСКИЙ, Глеб Максимилианович [12(24).I.1872, Самара — 31.III.1959, Москва] — поэт. Ученый-энергетик. Партийный и общественный деятель. Происходил из обрусевших поляков, дед был ссыльным декабристом (умер в Тобольске). Отец К. окончил Казанский университет, но не работал по специальности, рано умер. Мать К. бедствовала с двумя маленькими детьми. К., по его словам, принадлежал к «городскому плесу», с 13 лет давал уроки. За блестящие успехи в начальной школе К. приняли в Самарское реальное училище на казенный счет, где

он также шел первым учеником. Мать К. (которой ее отец, «надворный советник» в Оренбурге, не мог простить гражданский брак) была образованной и передовой женщиной, хорошо знала немецкий язык и германскую культуру, сочувствовала русским революционерам. «Шиллер, Гете, Гейне, Чернышевский и Добролюбов — вот кого еще ребенком я считал солью земли», — писал К. в автобиографии (Деятели СССР и Октябрьской революции. Приложение к словарю «Гранат». — Т. 41. — Ч. 1—3. — Стлб. 234—235). Живя летом в деревне, К. знакомился с жизнью крестьян, интересовался народничеством. Но важнейшим периодом в становлении мировоззрения К. было время его пребывания в Петербурге (где он учился в Технологическом институте в 1889—1894 гг.). Там в 1893 г. К. встретился с В. И. Ульяновым (Лениным). Его появление, писал К., можно было «сравнить с животворным по своим последствиям грозovým разрядом. С этого момента для нас началось новая жизнь» (Кр ж и ж а н о в с к и й Г. М. Соч.—М., 1935.—Т. III.—С. 51). Участвуя и раньше в марксистских кружках, К. становится активным деятелем создаваемого Лениным «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», объединившего все петербургские кружки и ставшего прообразом социал-демократической партии. Закончив институт, К. уезжает служить в Нижний, но вскоре возвращается в Петербург, ведет пропагандистскую работу, участвует в собрании путиловцев, распространяет листовки. В связи с усилением революционного брожения среди рабочих полиция арестовывает руководителей «Союза» (в нач. дек. 1895 г.). Ленин, К. и др. были на все время предварительного следствия (на 14 месяцев) заключены в одиночки. И хотя общение между арестантами запрещалось, К. все же мог наблюдать, как работал в тюрьме Ленин, которому по коридору носили «целые корзины» литературы для книги «Развитие капитализма в России». Пример Ленина превратил пребывание в тюрьме для К. и его товарищей в «своего рода сверхуниверситет». Руководителей «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» приговорили к ссылке на три года в Восточную Сибирь. Оказавшись в 1896 г. в пересыльной Бутырской тюрьме, К. услышал песни польских революционеров, отличавшиеся мужественной интонацией и красивыми мелодиями. Писавший стихи еще в реальном училище, К. попросил сделать для него подстрочные переводы. Но слова польской «Варшавянки» (с припевом «Марш, марш, Варшава») отвечали лишь национальным чувствам поляков, стремившихся освободиться от гнета русского царизма. К. удалось создать на тот же мотив песню «Вихри враждебные веют над нами...», проникнутую духом пролетарского интернационализма, обращенную к рабочим всех стран, призывавшую их поднять «знамя великой борьбы» за «лучший мир». «Варшавянка» К. надолго

стала одной из самых любимых массовых революционных песен. К. осуществил тогда же вольный перевод другой польской песни — «Красное знамя». В ней были такие слова: «Долой тиранов! Прочь окопы, / Не нужно старых, рабских пут! / Мы путь земле укажем новый, / Владыкой мира будет труд!», а также строки припева: «Лейся вдаль, наш напев! Мчись кругом! / Над миром знамя наше реет / И несет клич борьбы, мести гром» и т. д. Песня эта распространялась через социал-демократические издания, подпольные и зарубежные, вошла в сборник «Перед рассветом» (Женева, 1905). Получили известность и песни К. «Слезами залит мир безбрежный...» и «Беснуйтесь, тираны» (также на основе польского текста, но заимствованного у галицийских студентов). Энергичный рефрен после каждой строфы (с вариациями гневных слов) придавал этому произведению действенность, агитационную силу: «Телесной неволи не страшны нам раны, / Позор, позор, позор вам, тираны!», «Пожаром встаньют объаты все страны, / И смерть, и смерть, и смерть вам, тираны!»

В. И. Ленин встретился с К. уже только в Сибири (в Красноярске, по пути в Минусинский край, куда они оба были сосланы). Он одобрил песни, созданные К. «Варшавянка», наряду со «Смело, товарищи, в ногу...» Л. Радина, стала одной из его любимых песен. Сосланные в разные села огромного края — Ленин в Шушенское, а К. в Тесь, находившиеся на расстоянии свыше 100 км, они поддерживали дружбу и (с разрешения властей) изредка гостили друг у друга, вместе встречали праздники. Тесная дружба с Лениным в молодые годы навсегда запечатлелась в памяти К. Он не только писал о Ленине воспоминания в прозе, но и посвящал Ленину (его высокому человеческим качествам, его образу) лирические стихи — сонеты, частично опубликованные в журнале «Юность» (1959. — № 6).

Соч.: Пролетарская поэзия. 1890—1917 / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. Л. Дымшица. — М.: Л., 1935. — Т. I; Революционная поэзия. 1890—1917. / Вступ. ст. и примеч. А. Л. Дымшица. — М.: Л., 1954; Русская революционная поэзия. Антология. — М.: Л., 1957; Кржижановский Г. М. Соч.: В 3 т. — М., 1933—1935; Он же. Великий Ленин. — М., 1968.

Лит.: Карцев В. Кржижановский. — 2-е изд. — М., 1985; (Жизнь замечательных людей); Красильщиков В. В начале будущего (Повесть о Глебе Кржижановском). — М., 1971. Л. К. Шевцова

КРУЧЁНЫХ, Алексей Елисеевич, псевдоним — Александр Крученых [9(21).II.1886, под Херсоном — 1968, Москва] — поэт-футурист. Родился в крестьянской семье, восьми лет вместе с родителями переехал в Херсон, где получил первоначальное образование. В 1902—1906 гг. учился в Одесском художественном училище, которое окончил с дипломом учителя графических искусств. Впоследствии непродолжительное время работал учителем рисования в гимназиях. В 1907 г. переехал

в Москву. Занимался живописью и литографией, но вскоре оставил их ради литературы. Д. Бурлюк, с которым К. познакомился еще в Одессе, ввел его в литературно-художественную группу кубофутуристов. Сблизился с В. Маяковским и В. Хлебниковым, которые оказали большое влияние на творчество и литературную судьбу К. Весной 1912 г. совместно с В. Хлебниковым написал поэму «Игра в аду», названную им «иронической, сделанной под лубок издевкой над архаическим чертом». (Поэма традиционно помещается в изданиях В. Хлебникова; об истории ее создания К. рассказал в книге «15 лет русского футуризма», 1928.) Полупародийные фантастические образы, нарушение логической последовательности в развитии сюжета, «сырая фактура» стиха — все эти черты станут характерными особенностями поэтики раннего К. (см. его сборники 1912—1913 гг. «Старинная любовь», «Полуживой», «Пустыньники»). Совместно с В. Хлебниковым К. была написана программная декларация «Слово как таковое» (1913), где провозглашалась полная свобода слова и художника. По воспоминаниям К., В. Хлебников также дополнял и правил его теоретические брошюры «Черт и речетворцы» (М., 1913), «Тайные пороки академика» (М., 1915) и др. Стихи К. и Хлебникова объединялись в общих сборниках «Мирсконца» (М., 1913), «Бух лесиный» (М., 1913), «Тэ-ли-лэ» (Спб., 1914). В. Хлебников написал также пролог к пьесе-опере К. «Победа над солнцем». Она была поставлена вместе с трагедией «Владимир Маяковский» футуристическим театром в Петербурге в Лунапарке в январе 1913 г. Музыка написал М. Матюшин, декорации оформил К. Малевич. Название «Победа над солнцем» призвано было символизировать победу над старыми канонами красоты, победу жизни над «искусством для искусства». Аналогический эксцентризм, чрезвычайное усложнение формы произведения, в котором действуют античные герои и персонажи народного балаганного театра, абсурдные реплики затрудняли и исполнение, и восприятие произведения. 1913—1914 гг. — пик творческой активности К. Он выступает на литературных диспутах в Москве и Петрограде, вместе с Д. Бурлюком, В. Маяковским, В. Хлебниковым сочиняет знаменитый манифест футуристов — «Пошечина общественному вкусу», участвует во всех футуристических сборниках: «Дохлая луна», «Молоко кобылиц», «Рыкающий Парнас», «Стрелец I». Именно в это время К. находит свое оригинальное место в литературе. По совету Д. Бурлюка пишет несколько стихотворений «на собственном языке», которые включает в сборник «Помада» (М., 1913). Начальные строчки первого пятистишия — «дыр бу щыл / убещур / скум» — стали, по словам автора, «знаменитее его самого», символом заумной поэзии. Позже К. разработал теорию заумного языка, в многочисленных брошюрах и статьях называл себя родоначальником новой литературной школы

в России — «заумников». В декларации «Слово как таковое» и в статье «Новые пути слова» (в сб. «Трое». — М., 1914) К. обосновывал возможность «сочетания слов по их внутренним законам, кои открываются речетворцу, а не по правилам логики и грамматики», отстаивал право художника на создание собственного языка: «поэтам суждено повторяться или порвать с бывшим словом» («Ожирение роз». — Пб., 1913. — С. 6). Происхождение заумного языка К. возводил к народным заговорам и заклинаниям, молитвам сектантов, детской речи. Однако чистым «фонетическим письмом» написана лишь небольшая часть его произведений. Чаще он включал произвольные наборы звуков в семантически значимый текст. К. не ограничивался только звуковыми экспериментами, он вводил в поэзию синтаксические, сюжетные (временные) сдвиги. Эпатировал читателя антиэстетическими образами, натуралистическими деталями. Все книги К. в настоящее время — библиографическая редкость. Автор сам издавал их литографическим способом в виде небольших брошюр, очень малыми тиражами. Большое значение придавалось им оформлению: текст К. сам писал от руки «каракулями», ломаными строчками, буквами разной величины; иллюстрации выполнялись художниками-авангардистами Н. Гончаровой, М. Ларионовой, О. Розановой, В. Татлиным. Ими был создан новый тип футуристической книги, стилистически цельной и экспрессивно-выразительной. Кроме стихов, К. писал книги литературоведческого характера, в которых наивно пытался развенчать классическую и новую русскую литературу с позиций футуристического максимализма. Особо в этом ряду стоит «выпыт» К. «Стихи Маяковского» (Пб., 1914) — первое отдельное исследование о поэте. В 1914 г. К., спасаясь от службы в царской армии, уехал на Кавказ. Был мобилизован в качестве чертежника на постройку военной Эрзерумской железной дороги. В 1915—1918 гг. выпустил около 80 гектографических и рукописных книжек. Пропагандировал футуризм в Тифлисе вместе с И. Зданевичем и И. Терентьевым. После революции возвратился в Москву, сотрудничал в журнале «Лэф». С 1930 г. занимался исключительно коллекционерством, библиофильством, изданием литературного наследия В. Маяковского, В. Хлебникова (см. 24 выпуска его книжек «Неизданный Хлебников»). В историю литературы К. вошел как ультралевый новатор, поэт-анархист, доводивший до крайней степени разрушения поэтический текст. Поэтому К. вызвал самые яростные нападки и насмешки современной ему критики. Произвольное слововещество К., в отличие от неологизмов Хлебникова, было — заведомо бессмысленно: он пытался воздействовать на эмоции читателя без посредничества слова, чистым звуко-образом. По воспоминаниям современников, К. большое значение придавал интонированию, сам виртуозно читал свои произведения. Формальные эксперименты К. име-

ли значение лабораторных опытов. В. Маяковский, назвавший своего соратника по футуризму «иезуитом слова», в статье 1926 г. «Как делать стихи?» писал: «Стихи Крученых: аллитерация, диссонанс, целевая установка — помощь грядущим поэтам» (Собр. соч. — Т. 12. — С. 88). Не меньшее значение поэтическая работа К. имела и для читателей: разрушая форму и лишая читателя привычных ориентиров рифменного и ритменного ожидания, она возвращала утраченную остроту восприятия стиха, развивала фонетический слух, отстаивала право поэта на создание любого, самого абсурдного с точки зрения здравого смысла произведения.

Соч.: Возрощем. — Спб., 1913; Взорваль. — Спб., 1913; Собственные рассказы и рисунки детей. Собрал А. Крученых. — Спб., 1914; Заумь. — М., 1922; Календарь. Стихи / Вступл. Б. Пастернака. — М., 1926; Ирониада. — М., 1930; Рубинада. — М., 1930; Турнир поэтов: 5 выпусков. 1928—1934. *Лит.:* Чуковский К. И. Футуристы. — М., 1922 (или: Чуковский К. И. Лица и маски. — Пб., 1914); Бука русской литературы. Сб. статей об А. Крученых. — М., 1923; Гусман Б. Сто поэтов. — Тверь, 1923. — С. 141—143; Камениский В. Путь энтузиаста. — М., 1931; Лившиц Б. Полтораглазый стрелец. — Л., 1989; Либединская Л. В. Зеленая лампа. Воспоминания. — М., 1966; Молдавский Д. Алексей Крученых // Нева. — 1986. — № 11. — С. 200—205; Харджиев Н. Полемичное имя // Памир. — 1987. — № 2.

О. Б. Кушлина

КРЫЛÓВ, Виктор Александрович, псевдоним — *Виктор Александров* [29.I (10.II). 1838, Москва — 28.II (13.III). 1906, Петербург] — драматург, театральный деятель и критик. Родился в семье стряпчего духовного происхождения. Мать — немка, родственница Ф. А. Брокгауза, издателя Энциклопедического словаря. Учился сначала в одной из московских гимназий, затем — в Петербургском главном инженерном училище (из которого вышли Ф. М. Достоевский и Д. В. Григорович). После окончания училища (1856) получает офицерское звание и поступает в Инженерную академию, учебу в которой совмещает с преподаванием начертательной геометрии во 2-м Кадетском корпусе. По окончании академии с 1859 г. преподает в инженерном училище. Однако увлечение литературой постепенно побеждает интерес к точным наукам. В 14-летнем возрасте К. начинает сочинять стихи. В середине 50-х гг. пишет несколько романсов на музыку своего друга композитора Ц. А. Кюи, среди них — популярный в то время романс «Тайна», затем (1857—1859) либретто для опер того же композитора. В 1858 г. К. написал первую пьесу — одноактную комедию «Прямо не было» по повести А. В. Дружинина «Полинька Сакс». В 1862 г. он публикует первую большую критическую статью о пьесе А. С. Грибоедова «Горе от ума» и ее постановке в Александринском театре (газета «Северная пчела», 5 и 6 окт. 1862 г.), привлекая внимание В. Ф. Корша, начинавшего тогда издание «Санкт-Петербургских ведомостей» и предложившего К. вести в этой газете театральную хронику. С 1863 по 1865 г. К. —

постоянный сотрудник театрального отдела газеты. Директор инженерного училища нашел литературные занятия несовместимыми с военной службой, и К. без сожаления выходит в отставку в 1867 г. и полностью отдается литературной деятельности.

В 1864 г. К. пишет первую большую пьесу «Против течения», по рассказу М. С. Щепкина. Это драма из крепостного быта о деспотизме помещика, доведшего до самоубийства крепостного музыканта, который посмел полюбить его дочь. Первоначально пьеса не была разрешена цензурой из-за того, что «в ней не проявляются нравственных начал в двух главных действующих лицах» (ЦГАЛИ.— Ф.230). В 1865 г. она была все же сыграна Малым театром, но прошла всего два раза и была снята с репертуара, якобы, по болезни одного из исполнителей.

В 1869 г. К. издает книгу обличительных очерков «Столбы. Старая погудка на новый лад. Черты нравов города Проваляшина», в которой раскрывает злоупотребления помещика Псковской губ. Вакселя (в книге назван Фискелем) в отношении его бывших крепостных. Возбужденное Вакселем против К. уголовное дело послужило предметом громкого процесса о клевете.

С 1870 г. после успешной постановки комедии «К мировому» К. окончательно посвящает себя театру, становится одним из самых плодотворных и репертуарных драматургов своего времени. Им написано около 125 пьес, более 30 оригинальных, а в основном — инсценировки и переделки произведений русских и иностранных авторов.

Наряду со всевозможными развлекательными комедиями, водевилями, опереточными текстами, К. пишет злободневные комедии и драмы. Это тенденциозные либерально-обличительные пьесы, главный герой (или героиня) которых, как правило, молодой интеллигент, обличающий косность, бюрократизм, буржуазное хищничество, произносящий эффектные фразы о добре, справедливости, всеобщем равенстве перед законом. К. рисует быт и нравы разнообразных социальных слоев, поднимает актуальные проблемы: реформе суда посвящена комедия «К мировому» (1870); земской деятельности и борьбе партий земцев — «Земцы» («Змей Горыныч», 1874); финансовым аферам, проводимым на законном основании, — «В духе времени» (1877); жалкому положению «маленького человека», мелкого чиновника — «Горе-злосчастье» (1879); стремлению интеллигенции к общественной деятельности в свете высоких идеалов — «Не ко двору» («Надя Муранова», 1882); пореформенной деревне, втянутой в процесс буржуазных отношений, — «Около денег» (по роману А. А. Потехина, 1883) и др. С середины 80 гг. К. отходит от гражданской проблематики, выступает в защиту патриархальных семейных устоев («Семья Пришелецевых», 1886; «Разлад», 1887).

На протяжении 80—90 гг. К. становится дра-

матургом, сочиняющим пьесы на все темы и вкусы, необычайно легко меняющим жанры. Он обращается и к истории: «Правительница Софья» (1883, в соавторстве с П. Н. Полевым); «Девичий переполах» (1891), «Петр Великий» (1901), «1812—Отечественная война» (1902). Исторические драмы К. не глубоки, во многом не соответствуют исторической правде и успех имели весьма скромный. Однако комедия «Девичий переполах» благодаря умелому построению и остроумным сюжетным комбинациям имела огромный успех и не сходит по сей день с театральных афиш.

Больше всего работал К. в жанре развлекательной комедии, столичную и провинциальную сцены буквально наводняют его комедии-фарсы, водевили, одноактные пьески. Они строятся на лихо закрученной интриге, модной тематике, содержат намеки на конкретных лиц и реальные события, как правило, скандально или анекдотически известные и узнаваемые. Занимательность сюжета в сочетании с прекрасным знанием законов сцены создала многим пьесам К. шумный успех. Среди них: «По духовному завещанию» (1871), «В осадном положении» (1875) — эта пьеса шла в Малом театре в течение шести сезонов, «Шалость» (1881), «Баловень» (1885), «Сорванец» (1888), «Кому весело живется» (1890), «Летние грозы» (1893). Приспособленные к условиям актерским амплуа, пьесы К. очень часто выбирались для бенефисных спектаклей. «У Крылова все фатально приспособлено к бенефису или известным актерам» (Б о б о р ы к и н П. // Московские ведомости. 1880.— 5 дек.). В его пьесах играли М. Г. Савина, М. Н. Ермолова, Г. Н. Федотова, П. А. Стрепетова, Н. И. Музиль и др. корифеи русской сцены, внося в них живость и блеск и во многом способствуя их успеху. К. был удобен не только актерам-бенефициантам, но и дирекции. Директор императорских театров И. А. Всеволожский пишет, напр.: «Этот портной с фантазией скроит пьесу на славу — и с ним спорить можно: «Переделай то и переделай это» (письмо П. М. Пчельникову от 1/VIII—1890). В то же время многие из актеров: М. Н. Ермолова, А. И. Южин, А. П. Ленский и др. — под угрозой штрафа (правила запрещали актерам отказываться от ролей их амплуа) отказывались играть некоторые роли в пьесах К., в особенности в его переделках пьес иностранных авторов (переносивших действие в Россию, использующих соответствующие реалии, но в сущности далеких от русской действительности). И. С. Тургенев недоброжелательно отзывался о таких пьесах; о «Лакомом кусочке» (1878) он писал, что пьеса «из рук вон плоха; кусочки французской тафты шиты суровыми российскими нитками» (Тургенев и театр.— М., 1953.— С. 580).

К. известен не только своими переделками, но и инсценировками романов, повестей и даже пьес. Довольно долгое время в театральных кругах использовалось выражение: «окрылить пье-

су». Так, в сезон 1878/79 г. для бенефиса М. Г. Савиной К. «имел нахальство... «окрылить» (Гнедич П. П. Книга жизни.— Л., 1929.— С. 117) «Месяц в деревне» И. С. Тургенева, сократив его и кое-что переставив: «После тридцати лет забвения пьеса вышла на божий свет и казалась вчера написанной» (Там же). Совместно с В. Сутогиным инсценировал «Идиота» (1899) Ф. М. Достоевского, перенеся в пьесу лишь диалоги героев. Сценичность достигалась К. ценой сильного упрощения содержания.

К концу XIX в. К. прочно завоевывает себе репутацию драмоведа и перелицовщика чужих произведений, подгоняющего свои многочисленные творения под вкусы и настроения невзыскательной части публики и стандарты театральных амплуа. Термин «крыловщина» становится обозначением театральной рутинности и кособокости: «Публика наша слишком привыкла к шаблону, к крыловщине, и нового, не рутинного не любит; особенно, если это новое — тонко...» (А. Н. Плещеев — А. П. Чехову // Чехов А. П. Собр. соч.: В 30 т. Письма.— Т. III.— С. 380); «Бездарная стряпня Крылова» (Островский А. Н. Дневники и письма.— М.; Л., 1937.— С. 86). Современники, в частности Вл. И. Немирович-Данченко (Русский курьер.— 1881.— № 63.— 6 марта), отмечали сценичность драматургии К.

В 1901 г. появляется открыто реакционная, антисемитская пьеса «Сыны Израиля» («Контрабандисты»), написанная К. совместно с С. К. Эфроном (Литвином). В Суворинском Петербургском малом театре этот спектакль вызвал огромный скандал, протест многих прогрессивных деятелей, в частности уход из театра Л. Б. Яворской. А. М. Горький писал, мотивируя невозможность постановки своей пьесы «На дне» в Суворинском театре: «Пьесу мою театру, в котором ставят «Контрабандистов» и прочую мерзость, не дам» (Горький А. М. Письма к К. П. Пятницкому.— М., 1954.— С. 120—121).

К. отличался необычайной работоспособностью. Он не только пишет для театра, но и служит в нем: с 1893 по 1896 г. состоит начальником репертуарной части Петербургских императорских театров. Он автор критических статей и театральных мемуаров: «Драма страстей господних в Обер-Аммергау» («Вестник Европы», 1881), «Очерки театрального дела в Европе» (1893) и др. А. П. Чехов писал Суворину: «Читали ли Вы в «Русской мысли» статью В. Крылова? Этот человек любит театр, и я верю ему, хотя я не люблю его пьес» (Чехов А. П. Указ. соч.— Т. 5.— С. 138).

Соч.: Для сцены. Сб. пьес: В 9 т.— СПб., 1875—1896; Драматические сочинения: В 9 т.— СПб., 1877—1903; Стихотворения.— СПб., 1898; Прозаические сочинения: В 2 т.— СПб., 1908; Автобиографические воспоминания // Исторический вестник.— 1906.— № 5.— С. 498—507.

Лит.: Обзор деятельности Общества русских драматических писателей и оперных композиторов за XXV-летие его существования. 1874—1899.— М., 1899; Ежегодник императорских театров. Сезон 1905—1906.— СПб., 1907.— Вып. 16; Скаби-

чевский А. М. История новейшей русской литературы.— 7-е изд.— СПб., 1909; Зограф Н. Г. Малый театр второй пол. XIX в.— М., 1960; Он же. Малый театр в конце XIX—нач. XX в.— М., 1966. Л. В. Леонтьева

КРЫЛОВ, Иван Андреевич [2(13).II.1769, Москва (дата и место рождения предположительны) — 9(21).XI.1844, Петербург] — баснописец, прозаик, драматург, журналист. Происходил из обер-офицерских детей». Отец, закончивший тяжелую полевую службу капитаном, в 1775 г. вышел в отставку и поселился в Твери, где вскоре занял должность председателя губернского магистрата в чине коллежского советника. Мать К. не знала грамоты, но была добра и умна от природы. Она составила, как вспоминает мемуаристка, план образования сына и следила за его занятиями. По одним сведениям, К. нигде, кроме как дома да в семье Львовых (вместе с их детьми), не учился. По другим же, он посещал Тверское училище.

Так или иначе образование он получил скудное, но в нем жила жажда знаний, а способностями он обладал исключительными. С детства он приучил себя к чтению и поглощал множество книг. Настойчивость, упорство принесли плоды: благодаря самообразованию будущий баснописец стал одним из самых просвещенных людей своего времени. Впоследствии Пушкин писал: «...Крылов знает главные европейские языки и, сверх того, он, как Альфиери, пятидесяти лет выучился древнему греческому» (О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова // Полн. собр. соч.— Т. XI.— М.; Л., 1949.— С. 34).

Жизнь не баловала К., и каждый шаг к успеху давался ему не даром. В 1778 г. умер отец, семья осталась совершенно необеспеченной. Десятилетнему мальчику пришлось поступить в губернский магистрат и переписывать бумаги. На его плечи ложится забота о пропитании матери и младшего брата, который с той поры стал называть его «тятенькой». Денег, конечно, не хватало. Мать добивалась пенсии после смерти отца, но ее прошения оставались без ответа. Тогда решено было ехать в Петербург, чтобы самим дать делу надлежащий ход. К. взял месячный отпуск, и вся семья выехала в 1782 г. в столицу. Хлопоты о пенсии ни к чему не привели, но для К. отыскалось место канцеляриста в Казенной палате. Петербург открыл и другие возможности.

К. еще в Твери начал писать стихи. В 1783 г. он сочинил комическую оперу в стихах «Кофейница», которую попробовал издать. Владелец типографии купил ее у К., но печатать не стал. У него К. встретился с известным актером Дмитриевским, который, по-видимому, ввел юношу в театральный мир Петербурга и стал первым его взыскательным, но доброжелательным критиком. К. быстро перезнакомился с петербургскими драматургами и актерами.

Неудача «Кофейницы», сюжет которой заимствован из журнала Н. И. Новикова «Живописец» и в которой, кстати, уже содержались выпады

против нравов крепостников и улавливалось знакомство неопытного автора с помещичьим бытом и даже разговорным языком дворян, не обескуражила К. Он одну за другой написал две трагедии («Клеопатра», 1785, и «Филомела», 1786). Последняя даже была напечатана в журнале «Русский театр» (1793) в одном томе с трагедией Я. Б. Княжнина «Вадим Новгородский». Тем не менее обе трагедии К. были жестоко раскритикованы Дмитриевским. В том же, 1786 г., когда была закончена тираноборческая трагедия «Филомела», появилась в журнале «Лекарство от скуки и забот» эпиграмма, ставшая первым печатным произведением К.

Не добившись успеха в жанре трагедии, К. возвратился к комической опере и комедии. Писал он очень быстро, в 1786 г. сочинил сразу две комедии: «Бешеная семья» и «Сочинитель в прихожей». В обеих комедиях предметом сатирического смеха стали лицемерие и развращенность дворянского общества. Особенно значительной была комедия «Сочинитель в прихожей». В ней Крылов вывел франтоватую столичную кокетку с порочными нравами, писателя-лысца и низкого угодника. С этого времени К. заметили в литературных и театральных кругах. Директор театров Соймонов пригласил молодого драматурга на службу в Горную экспедицию, которой управлял, и с мая 1787 г. К. перешел туда.

Литературные дела К. начали поправляться, судьба ему улыбнулась, но ее улыбка скоро сменилась иронической гримасой. В том же 1787 г. писателя постигло горе: умерла мать. Разрушились и надежды на карьеру драматурга. До сих пор не совсем ясны причины, по которым К. вывел в комедии «Проказники» (1788) Княжнина под именем Рифмокрада. В злой комедии К. содержалось много карикатурных преувеличений, что привело к резкому разрыву с Соймоновым, вступившимся за Княжнина.

К. пришлось уйти из Горной экспедиции, а о публикации новых произведений для театра («Инфанта из Заморы», 1788; «Американцы», 1788) и постановке их на сцене нечего было и думать. К. решил испытать себя на журналистском поприще. С 1788 г. он сблизился с издателем журнала «Утренние часы» И. Г. Рахманиновым, убежденным просветителем, поклонником и переводчиком Вольтера и Мерсье. В его издании он напечатал свои первые басни, которые еще ничем не напоминали будущего «дедушку Крылова». Знакомство с Рахманиновым имело и более широкое значение: молодой писатель встретил здесь людей прогрессивных общественно-литературных взглядов (И. И. Дмитриева, В. А. Озерова, А. Н. Радищева), что способствовало углублению его демократизма.

После нескольких поэтических произведений, написанных для журнала, К. снова обратился к сатире, но теперь уже не к комедии, а к прозе. С января по август 1789 г. он выпускал «Почту

духов», оригинальный журнал, в котором переводные (из 48 писем, вошедших в «Почту духов», 23 — перевод из романов маркиза д'Аржана «Кабалистические письма, или Философская, историческая и критическая переписка двух кабалистов, двух стихий и господина Астарота» и «Еврейские письма, или Философская, историческая и критическая переписка одного еврея, путешествующего по странам Европы, с его корреспондентами, живущими в различных местах»; источник одного письма неизвестен. — См.: Р а з у м о в с к а я М. В. «Почта духов» И. А. Крылова и романы маркиза д'Аржана // Русская литература. — 1978. — № 1. — С. 103—115) и самостоятельно сочиненные письма объединены общей фабулой. Воздушные, водяные и подземные духи, покинув загробное царство, поселились в земном мире, чтобы наблюдать за жизнью и нравами людей. Фантастическая форма прикрывала нравоописательное сатирическое и философское содержание, направленное на осуждение и осмеяние пороков монархического строя, самодержавного произвола и деспотизма, развращенности и лицемерия дворян, ханжеской морали духовенства, бюрократизма и казнокрадства чиновников. «Почта духов» по широте охвата действительности и проницательности ее критики — одно из самых значительных достижений К., просветителя и прозаика.

«Почта духов» просуществовала недолго. После известий о французской революции правительство ужесточило репрессивные меры против журналистики, и на два года в писательской деятельности К. наступил вынужденный перерыв. Только в 1792 г. он вместе со своими друзьями приступил к изданию журнала «Зритель». В нем появились замечательные произведения («Ночи», «Речь, говоренная повесою в собрании дураков», «Рассуждение о дружестве», «Мысли философа по моде», «Похвальная речь в память моему дедушке», «Кайб»), в которых были продолжены и развиты принципы просветительской сатиры и публицистики. В них высмеивались порочные нравы, развращенность общества, содержалась резкая критика крепостничества под видом прославления нравственно ничемного помещика-самодура («Похвальная речь в память моему дедушке») и разрушались иллюзии относительно идеи «просветленного государя» («Кайб»). К. выступил в них и противником сентиментализма. В этих произведениях слагалась ироническая манера К.-рассказчика, столь характерная впоследствии для его басен.

В мае 1792 г. в типографии К. из-за доноса по поводу сатирических произведений «Мои горячки» и «Горлицы» произвели обыск. «Зритель» закрыли. Через несколько месяцев, в январе 1793 г., К. (вместе с А. И. Клушиным) предпринял новую попытку издания журнала, названного «Санкт-Петербургский Меркурий». В нем печатались главным образом переводы, но помещались и оригинальные произведения. К. опубликовал там четыре статьи («Похвальная речь науке убивать вре-

мя», «Примечания на комедию «Смех и горе», «Похвальная речь Ермалафиду» и «Театр»). Но и этот журнал вскоре закрылся, а К. принужден был к длительному молчанию. Для него наступила пора скитаний и пересмотра мирозерцания.

Об этой поре жизни К. известно мало. Писатель объездил много городов. Он не перестал сочинять, но его произведения лишь изредка появлялись в печати. Наконец, после смерти Екатерины II ему удалось поступить на службу к князю С. Ф. Голицыну в качестве личного секретаря и домашнего учителя его детей. Но С. Ф. Голицын впал в немилость при Павле I и был сослан в свое имение Казачье. К. разделил с ним опалу. В домашнем театре Голицыных была поставлена написанная К. в 1880 г. шутотрагедия «Трумп, или Подщипа» — остроумная и меткая сатира на прусские и патриархальные порядки. Критика невежественности и пруссачества, заведенного Павлом I, содержательно сочеталась с формой пародии на классическую трагедию, кризис которой драматург остро почувствовал. В 1801 г. К. завершил комедию «Пирог», поставленную в Петербурге (1802) и в Москве (1804).

После убийства Павла I Крылов продолжал служить у Голицына, получившего пост лифляндского военного генерал-губернатора в Риге, но вскоре оставил должность правителя канцелярии и уехал к брату в Серпухов, а в 1806 г. переселился в Петербург и надолго обосновался там.

Он обрел близкий дружеский круг в обществе А. Н. Оленина, в доме которого стал своим и желанным человеком, Н. И. Гнедича, А. А. Шаховского, В. А. Озерова, К. Н. Батюшкова. Его по-прежнему увлекает драматургия, и он пишет комедии «Модная лавка» (1806), «Урок дочкам» (1807), комическую оперу «Илья-Богатырь» (1806), начинает, но не завершает пьесу «Лентяй» (1805). Комедийный талант К. в этих произведениях проявился гораздо полнее, чем в ранних комедиях. В «Модной лавке» К. высмеял пустое и неуклюжее подражание французским нравам, а также сентиментальные книжные представления. По ходу действия лица комедии попадают в рискованные положения. Сами пороки становятся как бы пружиной любовной интриги, разрешающейся благополучным концом. Осмеянию подверглись патриархально настроенный провинциальный помещик Сумбуров, его жена — модница, мечтательный и чувствительный молодой дворянин Лестов, влюбленный в дочь Сумбурова, нечестная торговка мадам Каре, хозяйка лавки, и ее соотечественник — ворюшка и проходимец Трише. Той же теме посвящена и комедия «Урок дочкам», в которой суги — Даша и в особенности Семен — преподносят «урок» дочкам господина Велькарова: Фекле и Лукерье, невежественным и грубым, но подверженным французскому влиянию вследствие поверхностного светского воспитания. Велькаров, придерживающийся отечественных обычаев, не отрицает, в отличие от Сумбурова («Модная

лавка»), пользы просвещения, но противится иноземным нравам, тогда как его дочки презирают национальные моральные устои. Играя на их глупых чувствах, искаженных дурным воспитанием, ловкий Семен выдает себя за французского маркиза и добивается желаемых целей. Велькаров разрешает ему уехать с Дашей и дает денег. В комедии «Лентяй» К. вывел новый тип молодого человека, неудовлетворенного светской суетой и предпочитающего лень пустопорожней деятельности. Некоторыми сторонами своего характера Лептул близок Евгению Онегину и превосходит Илью Ильича Обломова. Театральные интересы привели К. к участию в журнале «Драматический вестник», издававшемся А. А. Шаховским.

К этому времени в общественных и литературных взглядах К. произошли большие перемены, связанные с осмыслением опыта французской революции и острого кризиса абсолютизма в России после Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева.

К. обратился к жанру басни и внес в него столь конкретное и обобщенное социально-нравственное содержание, столь разительно преобразовал ее форму, что это сразу выдвинуло его в число первостепенных талантов.

До конца XVIII в. К. держался идей Просвещения, на философии и литературе которых был воспитан. Теперь он понял, что просветительские идеи потерпели крах: царство разума, обещанное философами, не наступило. В басне «Лягушки, просящие Царя» (1807) глупость Лягушек объяснена тем, что они исходят не из своего опыта, а из «головных», теоретических рассуждений. В результате они сами призывают править ими деспота и тирана Журавля, который их тут же судит и ест. Следовательно, жизнь подчиняется не отвлеченным требованиям теоретического «разума», как бы он ни был привлекателен, а лежащим в ее основе глубинным и вполне объективным законам. К. отбросил всякое умозрительное и сентиментально-книжное отношение к жизни («Два Голубя», 1808; «Откупщик и Сапожник», 1809, и др.). Разум (наука, просвещение), как и благородные чувства, не определяют отношения людей в социальном мире. Нельзя ни преувеличивать, ни преуменьшать их значения. Надобно отвести им надлежащее место («Водолазы», 1814, и др.) и понять существующий социальный порядок, связанный с большим злом («Волк и Ягненок», 1808; «Пестрые Овцы», 1822; «Рыбья пляска», 1824, и др.), далеко не совершенный, но сложившийся естественно в ходе истории. Отсюда следовало, что К. не принял революции как метода избавления от социального зла и исправления нравов.

Изменение существующего порядка возможно только эволюционным путем благодаря каждодневной и неумолимой деятельности. Стало быть, К. отвергал как неоправданное забегание вперед «дерзких умов», навязывающих свою волю, так и застой, неподвижность, косность («Пруд и Река»,

1814; «Камень и Червяк», 1814, и др.). К. выступил противником всякой пустопорожней деятельности, неумелости, рутины («Музыканты», 1808; «Ларчик», 1807; «Лебедь, Щука и Рак», 1814, и др.) и считал, что основу жизни составляет труд. Именно в процессе труда возникают нравственные понятия и представления. Благодаря им можно оценить как результаты его, так и мотивы поведения людей. В современной ему России К. увидел глубокое противоречие между простыми, естественными чувствами, здоровыми нравственными инстинктами и интересами и ложными, искусственными страстями, представлениями и желаниями. Благо общество зависит от согласного участия всех сословий и слоев населения, которые блюдут общую пользу и честно и умело возделывают свою ниву («Орел и Пчела», 1813, и др.). Только на такой почве возможно усовершенствование нравственности. К. тем самым отбросил абстрактную меру добра и зла, бедности и богатства. Он обратился к реальным отношениям людей в обществе и высказал суждения о них, исходя из конкретных воззрений, из этических критериев и норм, сложившихся в трудовом опыте народа. Это дало право Гоголю назвать басни К. «книгой мудрости самого народа». К. не отказался от критики противоречий современного ему общества, от язвительной сатиры на несправедливые социальные отношения и от обличения пороков, но теперь они стали частью его практически-жизненной философии. Все это предопределило переход к жанру басни. Первоначально К. полагал, что способен на большее, т. е. у него довольно дарования, чтобы писать, напр., превосходные комедии. Но именно басня стала тем жанром, в котором гений Крылова выразился необычайно широко и мощно. С началом басенного творчества — в 1806 г. в журнале «Московский зритель» появились первые басни «Дуб и Трость», «Разборчивая невеста», «Старик и трое Молодых» — К. отходит от комедии и всецело переключается на басенный жанр.

С тех пор каждая басня и каждая книга басен (первая из них вышла в 1809 г.) встречаются восторженно. Всего К. написал более 200 басен, объединенных им в девять книг.

Неслыханный успех басен объясняется тем, что К. вдохнул в этот жанр философско-историческое, социальное и нравственное содержание. В баснях он представил всю русскую жизнь в ее самых существенных противоречиях («Вообще,— писал Гоголь,— его занимали вопросы важные») и оценил ее с точки зрения народной нравственности. Он прояснил национальные моральные нормы, выкованные в опыте трудовой истории народа, и тем способствовал самосознанию нации.

К. интересовал человек не в его индивидуальной психологии, а в его общественно-социальных связях и отношениях. Поскольку русский человек предстал перед К. как плод общенационального исторического развития, то баснописец резко про-

двинул вперед решение проблем художественного историзма и народности. Зачатки исторического и социального детерминизма позволяют видеть в К. писателя-реалиста, предварившего на этом пути Пушкина.

Эти открытия проявились в том, что под пером К. басня преобразилась: на первый план в ней выдвинулся образ простодушного и лукавого рассказчика, повествующего об увиденных им живых сценах, своего рода маленьких человеческих комедиях, содержание которых необычайно разнообразно — от бытовых до социальных и философско-исторических тем. Точка зрения рассказчика часто спрятана и не выступает непосредственно и открыто: он отсылает к общему мнению, к молве, к преданию, которые выражены в пословицах и поговорках. Обобщив народные моральные нормы и нравственные представления, К. возвращал их в народную среду, принявшую их как свои собственные. Благодаря этому в басню хлынул широким потоком народный, разговорный язык. Каждый персонаж заговорил языком, соответствующим его положению, психологии, характеру. Словесная маска басенного персонажа утратила свою условность, она перестала ощущаться, и, по словам Гоголя, «предмет» выступил «сам собой, натурою перед глазами», или, что одно и то же, характер естественно слился с речью.

После выхода первой книги басен жизнь К. потекла размеренно и даже однообразно. Он достиг благосостояния, его материальное положение улучшилось, а слава росла и росла.

В 1808 г. он ненадолго поступил на службу в Монетный двор, а в 1812 г. был зачислен помощником библиотекаря в Публичную библиотеку и, получая должность, чины и награды, оставался там около 30 лет, выйдя в отставку лишь в 1841 г. Литературные заслуги К. с появлением басен были сразу же признаны, причем баснописца принимают обе враждующие партии — и сторонники «Беседы любителей русского слова», членом которой К. стал с 1811 г. и куда его привлекла идея создания национального литературного языка с опорой на русские тексты, и «арзамасцы» (за исключением, пожалуй, Вяземского). При выходе первой книги басен на нее откликнулся замечательной статьей «О басне и баснях Крылова» Жуковский. Вдумчивым ценителем баснописца был Пушкин. В том же 1811 г. К. был избран членом Российской Академии (в первый раз, в 1809 г., его кандидатуру забаллотировали: он получил всего два голоса).

Отечественная война 1812 г. вызвала в нем большой патриотический подъем, он откликнулся на нее знаменитыми баснями «Кот и Повар», «Ворона и Курица», «Волк на парне» и др. Взволновали К. и события 14 декабря 1825 г. Далекий от идеологии дворянских революционеров, он все-таки отправился на площадь, чтобы увидеть восставших.

С годами басенное творчество постепенно уга-

сало, но книги К. неизменно пользовались самой широкой известностью. Баснописец проводил время в библиотеке, в обществе знаменитых литераторов (Жуковского, Пушкина), художников (Брюллова, Тропинина), нередко его приглашали во дворец. Несмотря на расположение двора, К. не был спасен от цензуры, и многие его басни подверглись ее гонениям.

В 1828 и в 1833 гг. он задумывал совершить путешествие по Европе, но оба раза поездки не состоялись. В 1838 г. торжественно и пышно санный и литературный Петербург отпраздновал 50-летие творческой деятельности К. и 70-летие со дня его рождения.

Выйдя в отставку (1841), К. поменял и квартиру, перебравшись из столичной суеты на Васильевский остров. По сделанному им завещанию его друзья и знакомые после смерти вместе с извещением о похоронах получили экземпляры нового издания басен.

Хоронило К. множество петербургского люду.

В 1855 г. в Летнем саду К. воздвигли памятник работы скульптора Клодта. На это событие откликнулась литературная общественность.

Соч.: Басни.— Спб., 1809; Басни: В 3 ч.— Спб., 1815; Новые басни.— Спб., 1816.— Ч. IV, V; Басни: В 2 ч.— Спб., 1834; Басни: В 9 кн.— Спб., 1843; Полн. собр. соч. И. А. Крылова. С биографией его, написанной П. А. Плетневым: В 3 т.— Спб., 1847; Полн. собр. соч.: В 4 т. / Ред., вступ. ст. и примеч. В. В. Каллаша.— Спб., 1904—1905; Полн. собр. стихотв.: В 2 т. / Ст. Г. Гуковского, Б. Коплана, В. Гофмана.— Л., 1935—1937; Полн. собр. соч.: В 3 т. / Под ред. Д. Бедного.— М., 1944—1946; Соч.: В 2 т. / Вступ. ст. Н. Л. Степанова.— М., 1955; Басни / Изд. подгот. А. П. Могилянский.— М.; Л., 1956; Соч.: В 2 т.— М., 1984.

Лит.: Белинский В. Г. Басни И. А. Крылова: В 9 кн.— Спб., 1843. И. А. Крылов // Полн. собр. соч.— М., 1955.— Т. VIII; Лобанов М. Е. Жизнь и сочинения И. А. Крылова.— Спб., 1847; Кеневич В. Библиографические и исторические примечания к басням Крылова.— Спб., 1878; И. А. Крылов. Исследования и материалы.— М., 1947; Степанов Н. Л. И. А. Крылов. Жизнь и творчество.— М., 1958; Он же. Мастерство Крылова-баснописца.— М., 1956; Выготский Л. С. Психология искусства.— М., 1968; Степанов Н. Л. Крылов.— М., 1969; Иван Андреевич Крылов. Проблемы творчества.— Л., 1975; И. А. Крылов в воспоминаниях современников.— М., 1982; Гордин М. Гордин Я. Театр Ивана Крылова.— М., 1983; Гордин М. А. Жизнь Ивана Крылова.— М., 1985.

В. И. Корovin

КУЗМЬИН, Михаил Алексеевич [6(18).X.1872, Ярославль — 1.III.1936, Ленинград] — поэт, прозаик, литературный критик, переводчик, композитор. Родился в дворянской семье. Детские годы провел в Саратове, окончил там подготовительный и первый классы гимназии. С 1885 г. жил в Петербурге, где учился в 8-й гимназии (одним из ее директоров был И. Ф. Анненский), а после ее окончания — в консерватории. Совершил длительное путешествие в 1895—1896 гг. по Египту, а в 1897 г. — по Италии. Возвратясь в Россию, сблизился со старообрядцами и путешествовал с ними по северным губерниям в поисках древних икон. В 90 — нач. 900 гг. активно занимался музыкой (романсы, оперные сочинения, музыка к соб-

ственным сонетам). Став участником кружка «Вечера современной музыки», близкого художественному объединению «Мир искусства», входит в петербургскую литературно-художественную среду. Дебютировал в печати в 1905 г., опубликовав 13 сонетов и драматическую поэму «История рыцаря Д'Алесслио» в петербургском альманахе «Зеленый сборник стихов и прозы».

На протяжении творческого пути был в той или иной мере близок к разным поколениям русского поэтического авангарда (символизму, акмеизму, отчасти футуризму, поэтическим школам 20 гг.), при этом не становясь участником группировок и сохраняя творческую самостоятельность. Разноцветье интересов, любовь к изысканному, свежесть взгляда и тяга к вещным, земным проявлениям жизни — эти особенности творческой позиции К., особенно полно воплотившиеся в лирике, обусловили отталкивание от эстетики символизма. В отличие от символистов, стремившихся к религиозно-творческому преображению жизни, К. культивирует радостное, умилное отношение к миру, безусловное его приятие, доходящее до своеобразного просветленного фатализма: «Смирись, о сердце, не ропщи: / Покорный камень не пытается, / Куда летит он из пращи, / И вешний снег бездумно тает» («Осенние озера» — С. 60). Поэзия К. лишена социальных обобщений, носит камерный характер.

Не принимая порывов символистов в запретное, К. считает, что идеальное должно быть явленным, чувственно осязуемым. Мгновения приобщения к божеству возможны лишь в сфере прекрасного. Отсюда любовное, бережное отношение к разным ликам искусства прошлого, стремление воспроизвести тонкий аромат культур античности и Возрождения, французского XVIII в. и русского старообрядчества. К. погружен в секреты человеческого обаяния: острота, неповторимость человека разных эпох, его изящество — вот что привлекает поэта. Реальный мир в поэзии К. и его драматургии опосредован постоянно присутствующей эстетической призмой: лирическое переживание реальности обязательно сопрягается с отражением этой реальности в другом искусстве (живопись, музыка, балет, театр) или в литературе другой эпохи. Это рождает «впечатление припоминания» (О. Мандельштам), приводит к нарастающему элементу декоративной стилизации. Особую роль в лирике К. играет вечно-предметный мир. С утверждением чувственности в качестве главной эстетической ценности, с влюбленностью в эстетизированный быт связана своеобразная «домашность» лирики К., ее насыщенность «милыми мелочами», приметамы уходящего или давно ушедшего быта («шабли во льду», «фиалка в петлице у грума», «собачка с рыжими ушами», «тюлевый полог кровати», «шапка голанская с отворотами» и т. п.). Мир вещей становится в поэзии К. не периферийной сферой, а равноправным человеку объектом внимания. В использова-

нии вещных деталей К. далек от причинно-следственной мотивации: в его лирике и стилизованных драмах царит атмосфера сиюминутной импровизации, легкости, а порой манерной неточности, изящного дилетантизма. Воздушная ирония, объектом которой становятся и «пустяки мирного житья», и те, кто склонен относиться к этим пустякам только иронически, как нельзя лучше соответствует установке К. на искусство как «веселое, божественное, не думающее о цели ремесло». Убеждение в условном, игровом характере искусства приводит к широкому использованию литературных и культурно-исторических реминисценций, «обнажению приема», нарочитой простоте образного рисунка, часто имитирующего буколическую «наивность» человека далеких эпох.

Особенностями своей поэтики К. во многом повлиял на творческие поиски его младших современников — А. Ахматовой, отчасти В. Хлебникова, обэриутов. Его поэзия почти исключает использование метафор, необходимых символистам для сближения далеких смысловых рядов. Слово у К. конкретно, вместо иносказания он использует сопоставление, соприкосновение слов как своего рода частиц мозаики, добиваясь «изумительной стройности целого при свободном разнообразии частей» (Н. Гумилев // Аполлон.— 1912.— № 8.— С. 62). Благодаря устойчивости смысловых очертаний слов осязаемым становится само движение поэтической речи, богатой живыми интонациями. Свобода словоупотребления, смелое использование прозаизмов и неологизмов, разнообразие тематики сочетаются в лирике К. с обогащением ритмического репертуара поэзии: помимо классических размеров, К. широко использует дольник, свободный стих. Разнообразны и строфические формы поэзии К. В то же время апология формотворчества, в отличие от акмеистов, принципиально чужда К. «Чем больше преодолена форма и материал до того, что их почти не существует, тем легче и свободнее творит художник, тем прямее доходит его творческая мысль... Мастерство или новизна формальная без новизны эмоциональной — пустая побрякушка» («Арена».— Пб., 1924.— С. 10).

Как мастер изящной стилизации К. выступил в авантюрных «жизнеописаниях» («Приключения Эме Лебефа», «Подвиги великого Александра», «Путешествие сэра Джона Фирфакса»). Его проза лишена психологизма, увлекательная фабула строится на изобретательном чередовании приключений и метаморфоз, испытываемых персонажами. Освобожденная от примет быта, социальной среды, насыщенная игровыми мотивами, проза К. приобретает характер своеобразной занимательной мультипликации. Условность создаваемых ситуаций подчеркивается зачастую нарочитой фабульной незавершенностью, прямыми обращениями автора к читателю и т. п. Наибольшей художественной ценностью в прозе К. обладают его сказки, в которых стилизаторский талант

К. нашел наиболее адекватное воплощение.

Творческая эволюция К. изобиловала спадами и подъемами. Самым малопродуктивным в художественном отношении периодом его творчества стали 1913—1916 гг., когда он широко сотрудничает в бульварной периодике, становится завсегдатаем популярного в среде петербургской богемы литературно-артистического кафе «Бродячая собака» и литературных салонов. После 1917 г. творчество К. заметно меняется. В сборниках стихов «Вожатый» и «Недешние вечера», в значительной степени освобожденных от характерного прежде жеманного дендизма, появляются живые, безыскусственные интонации, впечатление теперь рождается от изящной точности называния: «...Смотрю не через пыльное стекло: / Собаки лают, учатся солдаты. / Как хлопья закоптелой, бурой ваты, / Буграми снег, а с крыш давно стекло...» («Вожатый».— С. 27).

В 1922—1924 гг. вокруг К. формируется не получившее сколько-нибудь значительного резонанса, камерное по составу литературно-художественное объединение эмоционалистов (Ю. Юркун, А. Радлова и др.). Эстетическая программа группы представляет собой дальнейшее развитие положений, изложенных К. в ранней статье «О прекрасной ясности» (Аполлон.— 1910.— № 4), и одновременно обоснование творческой практики К. 20 гг.: «...Эмоциональное искусство отвергает всякие законы, каноны и обобщения, признавая обязательными только законы данного творца для данного его произведения. Поэтому для каждой вещи возможен свой слог, свой материал» («Арена».— Пб., 1924.— С. 10). В соответствии с новыми представлениями К. его поэзия 20 гг. значительно усложняется. Заметное влияние на лирику позднего К. оказала поэтика немецкого экспрессионизма, что отчетливо проявилось в последнем сборнике «Форель разбивает лед». Нарастающей тенденции герметизма, широко используется оккультная символика, изощренные метафорические ходы, резко усложняется композиция стихотворных циклов, строящихся теперь на трудноуловимых культурно-исторических ассоциациях.

Заметное место в наследии К. занимают литературно-критические статьи и переводы. Самостоятельность эстетической позиции К. проявилась в сочувственной критической оценке таких разнородных литературных явлений, как «Городок Окуров» М. Горького, сб. «Вечер» А. Ахматовой, творчество В. Хлебникова, проза Б. Пастернака, лирика поэта-пролеткультовца И. Садофьева. Напротив, весьма взыскателен К. в оценке творчества А. Белого, Н. Гумилева, молодых писателей группы «Серапионовы братья». Разнообразен и круг переведенных им произведений: проза Апулея и Боккаччо, сонеты Шекспира, произведения Реми де Гурмона, Д'Аннунцио, Анри де Ренья и др.

К. был активным участником музыкальной и театральной жизни Петербурга начала XX в. Он

написал музыку к ряду постановок Александринского, Суворинского театров, театра В. Ф. Комиссаржевской («Балаганчик» А. Блока, «Шут Тантрис» Е. Гарта, «Бесовское действо» А. Ремизова), им написаны оперетты «Забавы дев» и «Возвращение Одиссея» и др. Был членом художественного комитета и музыкальным руководителем мейерхольдовского «Дома интермедий» в 1910—1911 гг., подготовил музыкальное сопровождение к пьесам Е. Зноско-Боровского «Обращенный принц», И. Крылова «Бешеная семья», Ю. Беляева «Красный кабачок» и др. Писал комические балеты, оперетты, вокальные циклы.

Соч.: Соч.: В 9 т. — Пг., 1914—1918; Сети. — М., 1908; Комедии. — Спб., 1909; Первая книга рассказов. — М., 1910; Вторая книга рассказов. — М., 1910; Куранты любви. — М., 1910; Осенние озера. — М., 1912; Третья книга рассказов. — М., 1913; Глиняные голубки. — Пг., 1914; Вожакий. — Пг., 1918; Нездешние вечера. — Пг., 1921; Эхо. — Пг., 1921; Параллели. — Пг.; Берлин, 1923; Условности. Статьи об искусстве. — Пг., 1923; Новый Гуль. — Л., 1924; Форель разбивает лед. — Л., 1929. Лит.: Жирмунский В. Преодолевшие символизм // Русская мысль. — 1916. — № 12. — Отд. II. — С. 27—28; Зноско-Боровский Е. О творчестве М. Кузмина // Аполлон. — 1917. — № 4—5. — С. 25—44; Цветаева М. Нездешний вечер // Литературная Грузия. — 1971. — № 7. — С. 17—23; Эйхенбаум Б. О прозе М. Кузмина // Эйхенбаум Б. Сквозь литературу. — Л., 1924. — С. 196—200; Шамаков Г. Блок и Кузмин // Блоковский сборник. — Пг. — Тарту, 1972. — С. 341—360; Орлов В. Перепутья. — М., 1976. — С. 102—117.

А. В. Леденева

КУКОЛЬНИК, Нестор Васильевич [8(20).IX.1809, Петербург — 8(20).XII.1868, Таганрог] — драматург, поэт, прозаик, художественный критик, журналист. Родился в семье профессора Петербургского педагогического института. Учился в Нежинской гимназии высших наук кн. Безбородко (окончил в 1829 г.) одновременно с Н. В. Гоголем, играл с ним в гимназическом театре в «Недоросле» Фонвизина, писал стихи и драмы (в т. ч. знаменитую впоследствии драму «Торквато Тассо»). В 1827—1830 гг. прокатившаяся по учебным заведениям России волна искоренения свободомыслия затронула и Нежинскую гимназию, где возникло т. н. «дело о вольнодумстве». К. горячо выступил на стороне главы «вольнодумцев» проф. Белоусова, взял вину на себя, но перед выпуском из гимназии отказался от своих показаний. Компромисс не помог, и он, первый ученик, был выпущен без присвоения чина и золотой медали.

Затем был учителем в Виленской гимназии, служил в Петербурге, в 1847—1856 гг. находился в провинции в командировке от военного министерства. В Петербурге собрал вокруг себя широкий круг деятелей культуры, особенно был близок с художниками Брюлловым и Айвазовским, актерами П. Каратыгиным и Щепкиным. Тесная дружба связывала К. с великим русским композитором М. И. Глинкой. Ими были созданы десятки песен и романсов (в т. ч. «Попутная песня», «Сомнение», «Колыбельная песня», «Жаворонок», цикл «Прощание с Петербургом» и др.),

ари; Глинка написал музыку к драме К. «Князь Холмский».

Первое опубликованное К. произведение — драматическая фантазия «Торквато Тассо» (1833) — встретило горячий прием и принесло автору славу. О ней одобрительно отозвался В. Г. Белинский, Н. А. Полевой, В. К. Кюхельбекер и др. Драма в стихах «Рука Всевышнего отечество спасла» (1834), посвященная защите Москвы в 1612 г. народным ополчением во главе с К. Мининым и Д. М. Пожарским и избранию на царствование Мих. Романова, вызвала противоречивую реакцию: патриотический дух, элементы народности и в целом довольно сильные, но признанию даже оппонентов К., стихи снискали драме огромный успех; вместе с тем официальность ее, проявившаяся уже здесь риторичность и отступление от исторической правды подверглись справедливой критике. Отрицательный отзыв Н. Полевого в «Московском телеграфе» (1834, № 3) стал поводом к давно готовившемуся запрещению журнала. Задуманная как произведение эпическое, написанная размером «Бориса Годунова» (белым пятистопным ямбом) драма К. в целом уступала современными ей лучшим достижениям романтической и зарождающейся реалистической русской литературы. История рассматривалась в ней под углом зрения, совпадающим с уваровской теорией «официальной народности», патриотизм в драме порой перерастал в гипертрофированный монархизм и демонстрацию верноподданничества, эпическая торжественность речи переходила в высокопарность. Это свойственно и некоторым другим драмам К. («Князь Михаил Васильевич Скопин-Шуйский», 1835; «Роксолана», 1835; «Генерал-поручик Паткуль», 1846; «Денщик», 1852, и др.), вызвавшим отрицательные оценки передовой критики. Но драмам К. нельзя отказать и в значительных достоинствах. Они написаны ярким, талантливым стихом, пронизаны идеей патриотизма, проповедуют идеалы душевного благородства, человечности, верности, чувства гражданского долга. Оставаясь в теории противником «натуральной школы», К. на практике искал пути к реализму, к подлинной народности, а в области языка — к его демократизации (см. драмы «Иоанн Антон Лейзевиц», «Иван Рябов, рыбак архангелгородский», «Боярин Федор Васильевич Басенок», «Ермил Иванович Костров» и др.). «Поэтическую теплоту души» и удачный рисунок характеров отметил в «Лейзевице» Белинский, а об «Иване Рябове» отзывался так: «Особенное достоинство этого нового произведения составляет народный язык, доведенный до крайнего совершенства, и что особенно-то и важно — под русскою простонародною речью таится русский простонародный ум, русская душа». Н. А. Некрасов, критикуя «Басенка» за риторичность и недостаток динамики, называл стихи драмы «прекрасными», а драму в целом — «гениальною»

по сравнению с тогдашней русской драматургией.

Наиболее ценная часть творческого наследия К. — проза, особенно многочисленные повести, рассказы и роман из глубоко изученной им эпохи Петра I: «Авдотья Петровна Лихончиха», «Капустин, московский купец», «Прокурор», «Сказанье о синем и зеленом сукне», «Часовой», «Позументы», «Новый год», «Сержант Иван Иванович Иванов, или Все заодно», «Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова» и др. Белинский называл их «талантливыми»; «прекрасными», отмечал «оригинальность характеров», «верность природе, живость, рельефность», писал о «неподражаемом мастерстве, с каким г. Кукольник изображает в своих повестях нравы этого (эпохи Петра I.— Т. Т.) интереснейшего момента русской истории» и т. д. Повести отличают демократизм, «занимательность» сюжета, по выражению Белинского, мягкий юмор, колоритные картины быта, народность языка, в связи с чем критик отметил, что К. «...одною стороною своего таланта прикнулся к так называемой натуральной школе...» (1847). Тяготеющие к реализму, нередко психологически и событийно достоверные, исторические повести и романы К. пользовались успехом у читателей 30—40 и 80 гг. Эпоха Петра I привлекала К. демократическими началами, духом прогрессивных исторических перемен (актуальным для России середины XIX в.), ростом авторитета России; он искал в ней образцы нравственной и социальной справедливости (не выходя, однако, за рамки монархизма). Так, в повести «Сержант Иван Иванович Иванов, или Все заодно» распутный и жестокий самодур, сын богатой помещицы, после ряда сюжетных перипетий оказывается в солдатах, где его «учит» тростью ставший сержантом бывший крепостной (в связи с антикрепостнической направленностью повести царь выразил К. недовольство). Та же позиция автора проявилась и в романе «Два Ивана, два Степаныча, два Костылькова». В рассказе «Авдотья Петровна Лихончиха» Петр I после стрелецкого бунта, тронутый горем матери покушавшихся на его жизнь троих стрельцов, разрешает освободить одного из сыновей. В «Капустине» он творит правый суд: наказывает богатого купца-сутяжника и помогает бедному и честному человеку. Петр I у К. — идеальный государь: это царь-патриот, царь-демократ, справедливый, требовательный и человечный. В изображении К. Петра I обнаруживается неоднозначный характер монархизма писателя, отнюдь не исчерпывающийся верноподданничеством. Далекий от революционных настроений своего времени, К., как и некоторые другие русские писатели до него, хотел видеть во главе России достойного, подобного Петру I монарха. Но этот просветительский социальный идеал уже не соответствовал эпохе буржуазных революций и революционно-демократического движения в России конца 40—60 гг.

Значительное место в творчестве К. занимает любимая романтиками тема искусства — это произведения о художниках, музыкантах, поэтах и т. д., часто биографические («Торквато Тассо», «Джулио Мости», «Ермил Иванович Костров», «Максим Созонтович Березовский», «Антонио», «Иоанн Антон Лейзевиц», «Три оперы» и т. д.), где сквозь романтические краски нередко просматривается драматизм жизни художника в обществе, полном социальных и нравственных противоречий.

Последовательность К. в разработке главной его темы — России, ее истории — сочетается с интересом и симпатией писателя к другим народам и культурам. Сюжеты произведений К. связаны и с Германией, Италией, Испанией, Финляндией, Украиной и др.

К. издавал «Художественную газету» (1836—1841), «Дагерротип» (1842), «Иллюстрацию» (1845—1847) и др. В 60 гг. анонимно публиковал либеральные статьи и разоблачительные заметки в газете «Голос» А. А. Краевского. Кратковременный соперник в славе Пушкина, К. утратил популярность в 50—60 гг. и умер забытым.

Соч.: В 10 т. — Спб., 1851—1853; Исторические повести. В 6 т. — Спб., 1894—1901; Антонио // Русская романтическая новелла. — М., 1989.

Лит.: Скабичевский А. Наш исторический роман в его прошлом и настоящем // Скабичевский А. — Пб., 1890. — Т. II. — С. 769—782; Туманина Н. Музыка Глинки к трагедии Кукольника «Князь Холмский» // М. И. Глинка Сб. материалов и статей. — М.; Л., 1950; Архипова А. В. Историческая трагедия эпохи романтизма // Русский романтизм. — Л., 1978. Т. Н. Танакова

КУПРИН, Александр Иванович [26.VIII (7.IX). 1870, Наровчат Пензенской губ. — 25.VIII.1938, Ленинград] — писатель. Отца, Ивана Ивановича, мелкого чиновника-письмоводителя, умершего в 1871 г., К. не помнил. Первые его детские воспоминания связаны с Вдовьим домом в Москве, в Кудрине, где мать К. Любовь Алексеевна, происходившая из обедневшего рода татарских князей Кулунчаковых, поселилась с трехлетним сыном в 1873 г. В 1876 г. мать отдаёт К. в Московский Разумовский пансион. В сиротском пансионе К. испытывал «жгучие детские скорби»; тогда же впервые проявились черты характера будущего писателя: «упрямая воля, дух предприимчивости» делали его предводителем во многих мальчишеских затеях, в том числе и неудавшемся побеге из пансиона. Его выделяли из сверстников неумная фантазия, «рассказчичьи таланты». Сочинявшиеся им «пестрые чудесные истории» вызвали восторг товарищей и раздражение классных дам, для которых он был «мальчик-лгун», «настоящий бунтарь» (рассказ «Храбрые беглецы»).

К семилетнему возрасту относится первое сочиненное К. стихотворение. Любимым чтением в

ранние годы были романы Ф. Купера, Г. Эмара, Ж. Верна.

Победа русской армии в русско-турецкой войне возбудила в мальчике желание стать военным. В 1880 г. он выдерживает экзамен во 2-ю Московскую военную академию, преобразованную вскоре в кадетский корпус. Впоследствии в повести «На переломе (Кадеты)» К. описал уродства системы, готовящей будущих офицеров. «Воспоминания о розгах в кадетском корпусе остались у меня на всю жизнь», — скажет К. незадолго до своей смерти. Лишь уроки преподавателя литературы Муханова оставили о себе светлую память. После окончания кадетского корпуса К. поступает в военное училище. О своем пребывании в Московском Александровском училище (1888—1890) он не раз будет писать впоследствии. Близкий автору герой повести «Поединок» Ромашов, выпускник военного училища, скажет о себе: «Моя душа была уже навеки опустошена, мертва и опозорена». В кадетские и юнкерские годы у К. постепенно созрела мечта стать «позтом или романистом». Сохранились стихи, написанные им в возрасте 13—17 лет, среди них стихотворение о казни народовольцев «Сны», сатирическая «Ода Каткову». В эти годы К. особенно увлекается поэзией Г. Гейне. Он знакомится с литератором «искровой» школы Л. И. Пальминым, который советует ему обратиться к прозе и содействует первому выступлению К. в печати. Основанный на газетной хронике рассказ о самоубийстве провинциальной актрисы «Первый дебют» (Русский сатирический листок. — 1889. — № 48) вызвал любопытство товарищей-юнкеров. Однако, прочитав вскоре толстовские «Кзаков», юный автор критически переоценил свой подражательный рассказ, придя к выводу о ценности «жизненной правды» в литературных произведениях. Местом своей армейской службы подпоручик К. выбрал наугад 46-й Днепровский пехотный полк, стоявший в Подольской губ.

Служба в 1891—1894 гг. в заштатных городках Проскурове и Волочиске дала К. возможность досконально узнать будничную жизнь царской армии, описанную им впоследствии во многих произведениях. В офицерской среде К. столкнулся с тем, что ежедневно будет видеть герой «Поединка»: муштра, шагистика, помыкание подчиненными; вечером, после службы, скука, пьянство, разврат — все это рождало ощущение «тяжелой и непонятной бессмыслицы военной службы». В 1893 г. К. сдал попытку изменить ход своей жизни, сдать экзамены в Академию Генерального штаба, однако из-за стычки с полицейским чином, происшедшей в Киеве, по пути в Петербург, он был отстранен от сдачи экзаменов. Занятия литературной работой К. уже не оставял. В повести «Впотьмах», рассказах «Психея», «Лунной ночью», написанных в эти годы, преобладают еще искусственные сюжеты,

условные приемы. Одним из первых произведений, основанных на лично пережитом и увиденном, стал рассказ из армейской жизни «Из отдаленного прошлого» («Дознание»), опубликованный в петербургском журнале «Русское богатство» (1894. — № 8). С «Дознания» начинается цепочка произведений К., связанных с жизнью русской армии и постепенно подводящих к «Поединку»: «Ночлег» (1897), «Ночная смена» (1899), «Прапорщик армейский» (1897), «Поход» (1901) и др.

В августе 1894 г. К. в чине поручика выходит в отставку: продолжать служить в армии он не мог, но каких-либо определенных планов на дальнейшее не было, как не было и никакой гражданской специальности, «знаний ни научных, ни житейских» («Автобиография»). В следующие годы (1894—1899) К. перепробовал множество занятий, странствуя по югу России. На киевских пристанях с артелью грузчиков разгружает баржи с арбузами, организует в Киеве атлетическое общество, совершает в 1896 г. поездку по шахтам и заводам Донбасса и работает несколько месяцев на одном из заводов, в 1897 г. на Волыни служит лесным обездчиком, управляющим имением, псаломщиком, занимается зубоврачебным делом, в 1899 г. на несколько месяцев вступает в провинциальную труппу, работает землемером, сближается с артистами цирка. Огромный запас наблюдений К. дополнял упорным самообразованием, чтением (в частности, увлекся очерковыми произведениями Г. Успенского).

Именно в эти годы К. становится профессиональным литератором, сотрудничает с 1894 г. в газетах «Киевское слово», «Жизнь и искусство», «Киевлянин». В полной мере К. познает «черное газетное дело», ему приходилось писать «заметки об уличных происшествиях или смешные сценки из камер мировых судей», рецензии, фельетоны, очерки. Оттачивалась писательская зоркость, накапливалось искусство точной социальной и психологической характеристики, что проявилось в цикле очерков «Киевские типы», вышедшем в 1896 г. отдельной книжкой.

В декабре 1896 г. «Русское богатство» печатает повесть К. «Молох», основанную на донецких впечатлениях. В повести еще немало литературных реминисценций. В описании пошлости провинциального семейства К. следует за А. П. Чеховым, автором «Учителя словесности»; герой повести инженер Бобров, с его нервностью, обостренной душевной чуткостью, обрисован во многом по-гаршински; в разговорах Боброва с доктором порой слышится гневная толстовская интонация, а «живые цифры», иллюстрирующие жестокость капитализма, словно сошли со страниц очерков Успенского. Но главная тема повести, тема русского капитализма — Молоха, прозвучала так ново и значительно, что сделала это произведение этапным не только для К., а и для

всей русской литературы. Молодой писатель смог не просто зарисовать быт заводчиков, а подняться до значительного художественного обобщения. Образ Молоха — попытка с помощью иносказания, символа выразить мысль о бесчеловечности промышленного переворота. Почти до конца повести рабочие изображаются как долготерпеливые жертвы Молоха, настойчиво звучит их сравнение с детьми. И вдруг в конце — взрыв, черная стена рабочих на фоне пламени. Эти образы призваны передать идею народного бунта. Выступление рабочих остается лишь эпизодом, бросившим грозный ответ на судьбы героев «Молоха». Но достоинство купринской повести в том, что еще за десять лет до романа Горького «Мать» автор ее отозвался на «рев отдаленного моря», грозное дыхание истории ворвалось на страницы «Молоха» с известием о бунте рабочих.

В 1897 г. в Киеве выходит книга рассказов К. «Миниатюры». Во многих из них, вначале печатавшихся в газетах, намелились темы, которые станут постоянными для К. В армейской среде происходит действие «Ночлега» и «Брегета», жизни цирка посвящен рассказ «Allez!», рассказ «Собачье счастье» — одно из первых обращений К. к жизни животных. В 1898 г. в газете «Киевлянин» печатается повесть «Олеся» (с подзаголовком «Из воспоминаний о Вольни») — одно из первых произведений, в котором К. предстает замечательным художником любви. Нежная, великодушная любовь лесной «колдуньи» Олеси показана по контрасту с робостью и нерешительностью ее возлюбленного, «городского» человека. К воспоминаниям о годах, проведенных в военной гимназии, К. обратился в повести «На первых порах» (1900; позднее название «На переломе (Кадеты)»).

Скитания К. по югу продолжались. «Я толкался всюду и везде искал жизнь, чем она пахнет, — вспоминал К. впоследствии. — Среди грузчиков в одесском порту, воров, фокусников и уличных музыкантов встречались люди с самыми неожиданными биографиями — фантазеры и мечтатели с широкой и нежной душой». В Одессе в 1897 г. состоялось знакомство К. с И. А. Буниным; двух писателей на долгие годы связала своеобразная дружба-соперничество в литературе. В 1901 г. К. знакомится с Чеховым, живет в его ялтинском доме, переписывается с ним, называя Чехова в одном из писем «учителем жизни».

В эти же годы произведения К. привлекают внимание Л. Толстого, который одобрительно отозвался о рассказах «В цирке», «Allez!». Впоследствии Толстой не раз будет говорить о точности деталей, «удивительном языке» купринских произведений.

В 1901 г. К. переезжает в Петербург, работает секретарем «Журнала для всех». В 1902 г.

женится на Марии Карловне Давыдовой, издательнице журнала «Мир божий», в 1903 г. у них рождается дочь Лидия. В петербургских журналах К. публикует рассказы «Болото» (1902), «Конокрады» (1903), «Белый пудель» (1904) и др. В простых людях К. увидел стойкость, верность в дружбе, неподкупное достоинство.

Важной вехой в жизни К. стало знакомство в 1902 г. с М. Горьким, сближение с горьковским издательством «Знание», которое в 1903 г. выпустило сборник К. «Рассказы» («Молох», «Ночная смена», «Дознание», «В цирке» и др.). По предложению К. III сб. «Знание» (1905) был посвящен памяти Чехова, в нем появились воспоминания К. о Чехове.

Посвящение Горькому стояло на первой странице повести К. «Поединок», вышедшей в мае 1905 г. в VI сб. «Знание». Окончив повесть, К. писал М. Горькому: «Все смелое и буйное в моей повести принадлежит Вам». Повесть уходит корнями в предшествующее творчество писателя, но в ней качественно новое осмысление жизни русской армии. Из зарисовок быта захолустного гарнизона в «Поединке» вырастает огромное социальное обобщение. Повесть воспринималась как картина разложения, которым поражена не только российская военная машина, но страна в целом, вся ее государственная система. «Поединок» — повесть о кризисе, охватившем самые различные сферы русской жизни. Всеобщая ненависть, разъедающая армию, — это отражение вражды, охватившей всю царскую Россию: вражды наций, классов. Знаменательным обобщением предстает тшедушная фигурка левофлангового солдата Хлебникова: подобно тому как все отношения в полку построены на дисциплине насилия, лишь при помощи грубой силы держится в стране власть, враждебная миллионам «этих серых Хлебниковых». Главным из обвинений против царской армии, высказанных в «Поединке», оказывается гибель подпоручика Георгия Ромашова. Ромашов напоминает героя «Молоха» инженера Боброва, но его характер психологически сложнее. К. рисует Ромашова с сочувствием и симпатией, но от его образа неотделима и авторская ирония. История Ромашова, внешне связанная с армией, — не просто история молодого офицера. Скорее, это история молодого человека, переживающего то, что К. называет «периодом созревания души». Подобно толстовским героям, Ромашов нравственно вырастает, обретает ответы на крайне важные для него вопросы. Но в том, к каким конкретно ответам приходит Ромашов, он наименее оригинален. Ромашов обращается к философским учениям Л. Толстого и Ф. Ницше. Чисто толстовским путем приходит он к выводу о ненужности армии: ему открывается неестественность того, что раньше казалось естественным. И выход ему видится по-толстовски утопический: стоит всему человечеству сказать «не хочу!» — и сей-

час же война станет невыносимой, армия отомрет. Рядом с этим противоположные по своей направленности ницшеанские идеи о презрении к толпе, о замене любви к человечеству «божественной любовью к самому себе»: незадолго до своей гибели Ромашов с увлечением прислушивается к ним в горячем монологе Назанского. Но важнее другое — сам разрыв Ромашова с окружающим, понимание того, что у каждого из солдат — свое «я». Для него наметились совсем новые связи с миром. Заглавие повести имеет такое же обобщающее значение, как и ее основной конфликт. На протяжении всей повести идет поединок между молодым человеком, который возрождается для нового, и разнообразными силами старого. Не о поединке чести пишет К., а об убийстве на дуэли. Окончательный предательский удар нанесен Ромашову в любви. Та ницшеанская проповедь пренебрежения к слабым, ненависти к чувству жалости, которая звучала в монологах Назанского, практически осуществляется Шуручкой. Презирая окружающую среду и ее мораль, сама она оказывается ее неотъемлемой частью. Так символически завершается сюжет повести: против человека, начавшего расправлять крылья, старый мир бросает все силы.

Летом и осенью 1905 г. повесть К. всколыхнула читателей в русской армии и во всей стране. Большим успехом пользовались выступления писателя с чтением глав «Поединка». Среди тех, кто осенью 1905 г. в охваченном революционным движением Севастополе приветствовал выступления К., был лейтенант П. П. Шмидт. Живя в Балаклаве под Севастополем, К. становится свидетелем восстания матросов на крейсере «Очаков», помогает многим из них скрыться от карателей. Откликом на события революции 1905—1907 гг. стали очерк К. «События в Севастополе» (1905), стихотворение в прозе «Искусство», рассказы «Река жизни» (оба — 1906), «Гамбринус», «Механическое правосудие», «Исполнины» (все — 1907), «Свадьба» (1908) и др. Не обладая определенным политическим мировоззрением, К. твердо стоит на общедемократических позициях. Герой рассказа «Гамбринус» музыкант Сашка из одесского кабачка обретает в революционные дни ту «непоколебимую душевную смелость», которая помогает ему, искалеченному полицейскими, выйти победителем из схватки с темными силами жизни.

В 1907 г. К. женится (второй брак) на сестре милосердия Елизавете Марицивне Гейнрих. В 1908 г. у них рождается дочь Ксения. Годы реакции, господства декадентства в русской литературе внесли в некоторые рассказы К. («Морская болезнь», 1908, «Искушение», 1910) ноты пессимизма и грубого натурализма. Противоречия творчества К. в годы между двумя революциями особенно наглядно проявились в повести «Яма». Повесть создавалась долго, с перерыва-

ми. В I ее части (1909) много общего в авторской установке с «Поединком». Говоря об узаконности проституции, описывая типы и нравы «среднего» публичного дома, К. ставит задачу вскрыть еще один социальный нарыв, обвинить власти, полицию, в целом буржуазное общество, которое не просто терпит зло, а его культивирует и наживается на нем. Во II и III частях «Ямы», написанных через пять лет, явно сужены авторские задачи, понимание сути проблемы. Корень зла, как следует из «Ямы», в самой природе человека, всем правит его необузданная натура.

Но в целом творчество К. этих лет противостояло улагодной литературе, оно проникнуто неизменно демократическими симпатиями. Жизнеутверждающее, здоровое начало присутствует в цикле очерков «Листригоны» (1907—1911) о балаклавских рыбаках, потомках легендарных гомеровских листригонов, разбойников-рыболовов. Внимание ко всем проявлениям живого, зоркость наблюдений отличают рассказы К. о животных: «Изумруд» (1907), «Скворцы» (1906), позже — «Завирайка» (1906), «Ю-ю». О любви, озаряющей человеческую жизнь, К. пишет, изображая яркую страсть библейской красавицы Суламифи («Суламифь», 1908), трогательное, безнадежное и самоотверженное чувство маленького чиновника Желткова, героя рассказа «Гранатовый браслет» (1911).

Проза К. стала одним из заметных явлений русской литературы начала века, ее литературные традиции новаторски, оригинально обогащаются писателем. По сравнению с предшественниками К. заметно усилил в своих произведениях событийное, сюжетное начало. Обилие и разнообразие сюжетов подсказал К. его жизненный опыт. Им владеет любовь к приключениям, интерес к «профессионалам риска», людям «исключительных и опасных ремесел». Свидетель начала эпохи воздухоплавания, он поднимается на воздушном шаре, в 1910 г. совершает полет на одном из первых в России аэропланов, изучает водолазное дело и опускается на морское дно, гордится дружкой с балаклавскими рыбаками, неизменно его влечет магия цирка. Все это вносит на страницы его произведений множество ярких красок, дух зреловой романтики. К., мастер увлекательного сюжета, изобразитель порой странных и маловероятных событий («Штабс-капитан Рыбников», «Капитан», «Звезда Соломона»), противопоставляющий обыденности любовь, искусство, красоту, во многом подготовил появление в русской литературе романтического творчества А. Грина.

С середины 10 гг. в творчестве К. постепенно наступает спад. Оттачивалось стилистическое мастерство К., разнообразие его сюжетов, но в них, как правило, отсутствует глубокое проникновение в суть быстро меняющейся исторической действительности. С 1911 г. К. с семьей

поселился в Гатчине под Петербургом. В 1912 и 1914 гг. совершает поездки во Францию и Италию. В годы первой мировой войны, особенно на начальном ее этапе, К. владеют ура-патриотические настроения, отразившиеся в его публицистике; писателю кажется, что война помогает единению всех классов русского общества. В своем гатчинском имении К. устроил солдатский госпиталь. Он приветствует Февральскую революцию, редактирует эсеровскую газету «Свободная Россия». В статьях К., написанных в первые месяцы после Октября, отразилась двойственность и противоречивость его отношения к революции. Он пишет о «кристальной чистоте» вождей большевиков, но выступает против конкретных шагов Советской власти — продразверстки, политики военного коммунизма; писателя страшат насильственные методы подавления контрреволюции. У него рождается план издания газеты для крестьянства «Земля», в связи с этим в декабре 1918 г. он был принят В. И. Лениным. Изданию не суждено было осуществиться. В октябре 1919 г. войска Юденича заняли Гатчину. К. был мобилизован в белую армию и вместе с отступающими белогвардейцами покинул родину. Вначале он попадает в Эстонию, затем — в Финляндию, а с 1920 г. с женой и дочерью поселяется в Париже. В эмигрантские годы К. выпустил несколько сборников прозы: «Купол св. Исаакия Долматского», «Елань», «Колесо времени», повесть «Жанета», роман «Юнкера». Подзаголовок одного из рассказов этих лет «Сашка и Яшка» — «Про прошлое» — можно отнести к большей части написанного К. в годы эмиграции. Основное содержание рассказов и романа — воспоминания о покинутой родине. Хотя по сюжету «Юнкеров» (1928—1933) можно считать продолжением «Кадетов», в позднем романе господствует совсем иная атмосфера. Это воспоминания человека на склоне лет о годах молодости, о юношеском открытии жизни.

К. тяжело переносил жизнь на чужбине, ему претили нравы эмигрантской среды. «Чем талантливее человек, тем труднее ему без России», — пишет он в одном из писем. Все это привело писателя к решению вернуться на родину. В мае 1937 г. К. с женой прибывают в Москву, встречают горячий прием писательской общественности, новых поколений своих читателей. Он публикует очерк «Москва родная», у него созревают новые творческие планы. Однако здоровье К. было подорвано, в августе 1938 г. он скончался от рака пищевода. Похоронен К. в Ленинграде на Литераторских мостках Волкова кладбища.

Соч.: Собр. соч.: В 9 т. / Вступ. ст. К. Чуковского. — М., 1964—1974.

Лит.: Берков П. Александр Иванович Куприн. — М., 1956; Корецкая И. Чехов и Куприн // Литературное наследство. — М., 1960. — Т. 68; Чуковский К. Куприн // Чу-

ковский К. Современники. — М., 1963; Куприна-Иорданская М. К. Годы молодости. — 2-е изд. — М., 1972; Лилин В. Александр Иванович Куприн. — Л., 1975; Куприна Ксения. Куприн — мой отец. — 2-е изд. — М., 1979; Волков А. Творчество А. И. Куприна. — 2-е изд. — М., 1981; Михайлов О. Куприн. — М., 1981; Кулешов Ф. Творческий путь А. И. Куприна. 1883—1907. — 2-е изд. — М., 1983.

В. Б. Катаев

КУРОЧКИН, Василий Степанович [28.VII (9.VIII) 1831, Петербург — 15(27).VIII.1875, там же] — поэт, переводчик, журналист. Родился в семье чиновника, бывшего крепостного, получившего потомственное дворянство. Воспитывался в доме отца, полковника Е. Т. Готцева. В десятилетнем возрасте был отдан в 1-й Кадетский корпус, продолжил образование в другом военно-учебном заведении — Дворянском полку, откуда в 1849 г. был выпущен прапорщиком. Жизнь офицера тяготила К., и, добившись в 1853 г. отставки, он перешел на статскую службу, а с 1857 г., отказавшись от карьеры чиновника, посвятил себя исключительно литературному труду.

В детстве и юношестве К., по словам его брата, «буквально целые дни проводил за чтением книг», следил за журнальной беллетристикой, пробовал сочинять (Курочкин Н. С. В. С. Курочкин // Курочкин В. С. Собр. стихов. — М.; Л., 1934. — С. 523). Его литературное дарование дало о себе знать уже в годы учебы: по свидетельству одноклассника, стихи К. открывали рукописный сборник, составленный воспитанниками Дворянского полка; сохранились упоминания о его сатирических произведениях тех лет.

В периодической печати К. начал сотрудничать с 50 гг. Его повести, стихотворения, фельетоны появлялись в «Сыне отечества» и «Пантеоне», а позднее и в ведущих журналах тех лет — «Современнике», «Отечественных записках», «Библиотеке для чтения», «Русском вестнике». Однако его путь в литературу вовсе не был гладким: многие произведения отвергались редакциями, мизерные гонорары вынуждали к писанию водевилей-однодневок, к работе на издателей бульварной продукции. В те годы он «находился в полном разочаровании самим собою, считал себя бедовиком...», вспоминал писатель С. В. Максимов (Максимов С. В. Литературные путешествия. — М., 1986. — С. 76). Стремясь к серьезной литературной деятельности, К. много переводил западноевропейских писателей — Мольера, Мюссе, Бернса и др. Именно как переводчик он и обратился на себя общее внимание; подлинную известность — а вместе с ней и перелом в литературной биографии — ему принесли переводы из Беранже, поразившие современников «легкостью, смелостью и блеском стиха, удачной передачею духа подлинника, считавшегося непереводаемым», вспоминал П. Ефремов, библиограф и друг К.

Песни Беранже на русском языке стали делом жизни поэта. Начиная с первого, имевшего громадный успех сборника его переводов из Беранже (1858) и вплоть до шестого, последнего прижизненного издания книги (1874), К. не переставал пополнять ее состав новыми стихотворениями. Некоторые из них, не пропущенные цензурой, получали широкое хождение в списках. Так, в апреле 1858 г. Т. Г. Шевченко, только что, приехавший из ссылки в Петербург, вписал в свой дневник «прекрасное и меткое», по его словам, стихотворение «Навуходоносор» (опубл. в герценовской «Полярной звезде на 1861 год»), насыщенное в переводе К. намеками на жестокий режим Николая I: «Наш царь бодается, так что ж, / И мы топтать народ здоровы, — / Решил совет седых вельмож. — / Да здравствуют рога каревы!» Именно Российскую империю (на гербе которой изображен двуглавый орел) имел в виду переводчик и в стихотворении «Добрая фея» (1856), пронизанном горькой иронией: «Нас в нашем царстве орлином / Холят, как птичек в гнезде...» Приближение песен Беранже к российской действительности — источник исключительной популярности переводов К. Их читали и в среде разночинной интеллигенции, и в аристократических салонах, и в купеческих домах; сочиняли к ним музыку; декламировали с эстрады на литературных вечерах (не случайно одно из них цитирует Актер в пьесе М. Горького «На дне»). По словам Д. Д. Минаева, самые популярные переводы К. («Знатный приятель», «Как яблочко румян», «Барышни») «сделались даже народными нашими песнями» (Дело. — 1869. — № 5. — III пагинация. — С. 33). Их быстрому усвоению способствовали куплетная форма, бойкие — порой веселые, порой ироничные — припевы, несложный ритмический рисунок, звучные рифмы.

К., называвший себя «переводчиком-поэтом», а свои переводы — «переделками», обычно довольно свободно обращался с текстом оригинала, смело вносил изменения. Одним критикам это представлялось вопиющим произволом, другим — превосходной находкой, позволившей органично вписать песни французского поэта в русскую стихотворную традицию и донести до русского читателя дух поэзии Беранже. Хотя, по мнению Добролюбова, К. не всегда удачно «дает мысли Беранже свой, самостоятельный оборот», тем не менее его «переделки», считал критик, «верно воспроизводят то общее впечатление, какое ostается в читателе пьесой Беранже» (Добр о л ю б о в Н. А. Собр. соч.: В 9 т. — М.; Л., 1962. — Т. 3. — С. 454). К. удалось воссоздать жизнеутверждающую тональность, демократизм и бунтарский пафос французского поэта.

Еще более значительный общественный резонанс получила журналистская деятельность К. С 1859 г. совместно с художником-карикатуристом Н. А. Степановым (а с 1865 г. — самостоя-

тельно) он издавал еженедельный сатирический журнал «Искра», завоевавший в 60 гг. колоссальный авторитет. «Искру» выписывали и в столице, и в провинции, читали «и друзья, и враги» (Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке. — Спб., 1907. — С. 152); боялись «Искру» все, кто мог «попасть или под карандаш ее карикатуристов, или под перо ее поэтов и прозаиков» (Вейнберг П. И. Безобразный поступок «Века». Из моих литературных воспоминаний // Исторический вестник. — 1900. — № 5. — С. 476). Несмотря на цензурные преследования, журналу удавалось оперативно и остроумно реагировать на злоупотребления и упущения в самых разных сферах жизни, обрушиваясь с революционно-демократических, просветительских позиций не только на ретроградов, но и на либералов. Как редактора «Искры» К. называли «всероссийскою грозою» (Скабичевский А. М. Первое 25-летие моих литературных мытарств // Исторический вестник. — 1910. — № 2. — С. 443), «председателем суда общественного мнения» (Михайловский Н. К. Литература и жизнь // Русская мысль. — 1891. — № 3. — II пагинация. — С. 205). Именно благодаря К. (члену центрального комитета тайной организации «Земля и воля») и его ближайшим помощникам (брату Н. В. Курочкину, Г. З. Елисееву, Д. Д. Минаеву) «Искра» была одним из самых прогрессивных изданий русской подцензурной печати.

В годы наивысшего успеха журнала расцвел и сатирический талант самого К. Почти в каждом номере он выступал как поэт, пародист, фельетонист, прикрываясь обычно псевдонимами, служившими ему своеобразными сатирическими масками. К. обращался к читателю от лица созданных его воображением благонамеренных литераторов — Пр. Знаменского (складывалось впечатление, что в органе революционной сатиры сотрудничает протоиерей), Бориса Фаддеева (контaminaция имен Фаддея Булгарина и поэта Бориса Федорова) и др. В их уста он вкладывал высказывания многочисленных противников «Искры», пародийно развивая при этом взгляды своих оппонентов, доводя порой враждебную идеологию до абсурда. Так, Тарих Толерансов (одна из излюбленных масок К.), полностью солидаризуясь с Катковым, «невольню» шаржировал его выступление в печати и — как бы защищая — самим изложением катковской общественной позиции разоблачил ее: «Бог журналистики! не дай душе моей / Дух озлобления, змеи сокрытой сей, / Дух отрицания неправды, нигилизма, / Но вознеси меня во области лиризма, / Где жизнь прелестною является для глаз / Всеобщей формулой, потоком громких фраз, / Неприменимою к отечеству доктриной / В соединении с любезной нам рутиной» («Казакские стихотворения», 1862). В этом фрагменте, основанном на ритмико-синтаксической, лексической, композиционной структуре стихотворе-

ния Пушкина «Отцы пустынноики и жены непорочны...», как и во множестве др. своих произведений, К. перделал классическое произведение, насытив его остролюбодневным содержанием. За подобными перделками закрепилось название «перепевы». И. Г. Ямпольский, анализируя его «перепевы», отметил их важнейшую особенность: неожиданное применение священных поэтической традицией словесных формул и сюжетных схем к явлениям текущей действительности рождало комический эффект, направленный, однако, не на классические образцы, а на темные стороны жизни. Так, в стихотворении «В ресторане» (1860) К. высмеивал вовсе не лермонтовское «Выхожу один я на дорогу...», а жизненную философию сановной бюрократии: «Уж от жизни и от службы, видно, / Ничего мне не осталось брат; / Пообедать я б хотел солидно / И солидно за обедом врать». К. «перепевал» не только лирические произведения. В 1862 г. появились его «сцены из современной комедии» «Целочка и грязная шея» — своеобразная перделка «Горя от ума». К. перенес героев Грибоедова в 60 гг. и заставил их грибоедовским тонком говорить о том, что волновало современников К. «Перепевы» были для К. мощным средством журнальной полемики. При этом особый комический эффект создавался благодаря возникавшему стилистическому разнообразию; элитическая лексика совмещалась с прозаизмами и церковнославянизмами, высокий стиль, поэтические штампы — с бойким, «барабанным» размером.

К. называл себя «газетным человеком», способным в серой повседневности разглядеть значительный факт и придать ему общее освещение. Журналистскую оперативность и злободневность К. перенес в поэзию, развивая тем самым открытия Некрасова, подорвавшего традиционные представления о поэтическом. Прозаичность сюжетов и образов, своеобразие жанрового репертуара (стихотворные фельетоны, «перепевы», вевдулы, «куплеты»), приближение к стихии разговорной и народной речи (что открыло поэту путь к освоению фольклорного стиха в кукольной комедии «Принц Лугоня») — все это дает основание исследователям рассматривать творчество К. в рамках поэтической школы Некрасова.

Издатель «Искры» и переводчик Беранже был в нач. 60 гг. «одним из самых популярных людей в России» (Михайловский Н. К. Записки профана // Отечественные записки. — 1875. — № 9. — II пагинация. — С. 89). Симпатии демократической интеллигенции вызывали не только политические взгляды, но и личные качества поэта. Сотрудники «Искры» вспоминали позднее о его бескорыстном энтузиазме, юношеской горячности, товарищеском отношении к авторам, бескомпромиссности. К. был «вполне сын 60-х гг., их создание и воплощение» (Скабичевский А. М. Цит. соч. — С. 442). Не-

удивительно, что ему было крайне трудно работать в обстановке общественного спада: к 70 гг. продуктивность поэта заметно уменьшилась, в его стихах все чаще стали звучать скептические ноты. «Невозможно на Руси Беранжерам быть», — с горькой улыбкой подводит он жизненный итог (письмо П. А. Ефремову, 1873). «В том обществе, где более уж нет / На прежние стремления ответа» («Реальные сонеты», 1873), постепенно теряла свое значение «Искра», которой трудно было, кроме всего прочего, противостоять цензурным репрессиям (закрыта правительством в 1873 г.).

К., до середины 60 гг. лишь изредка печатавшийся за пределами своего журнала (в «Иллюстрации», «Веке», «Современнике»), отныне начал довольно регулярно сотрудничать в некрасовских «Отечественных записках», где помещал театральные обзоры и переводы, в газете «Биржевые ведомости», где появлялись его фельетоны и сатирические стихи, в газетах «Новое время», «Неделя». Как и в молодости, иной раз ему приходилось не без труда пристраивать свои переводы, ради заработка перделывать французские вевдулы и оперетты («Фауст наизнанку», 1869; «Дочь рынка», 1875, и др.). К. тех лет остался в памяти мемуаристов «рассеянным, желчным, недвольным» (Засодимский П. Из воспоминаний. — М., 1908. — С. 306). Безвременная гибель поэта, случайно принявшего смертельную дозу лекарства, получила слабый отклик в печати, за его гробом шли лишь самые близкие. Однако уже авторы некрологов, а вслед за ними и литераторы новых поколений писали о К. как о ярчайшем выразителе своей эпохи и единодушно выделяли — в качестве самой притягательной черты поэта — верность убеждениям молодости, идеалам 60 гг.

Соч.: Поэты «Искры» — 2-е изд. / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. И. Г. Ямпольского. — Л., 1987. — Т. 1.

Лит.: Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859—1873). — М., 1964; Старицына З. А. Беранже в русской литературе. — М., 1980. — С. 76—88; Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. — М., 1984. — С. 177, 181, 199, 202; Скатов Н. Н. Некрасов и поэты некрасовского направления // Скатов Н. Н. Некрасов. Современники и продолжатели. Очерки. — М., 1986. — С. 77—80, 97—99. О. Сергеева

КУРОЧКИН, Николай Степанович [2(14). VI. 1830, Петербург — 2(14). XII. 1884, там же] — поэт, критик, журналист, переводчик. Брат В. С. Курочкина. В 1848 г., после окончания петербургской гимназии, поступил в Медико-хирургическую академию и окончил ее в 1854 г. Несколькими месяцами был окружным врачом пяти уездов Петербургской губ., врачом Ораниенбаумского госпиталя. Во время военных событий в Крыму был врачом в действующей армии. После окончания войны занимался частной практикой в Петербурге. Материальные обстоятель-

ства заставили его поступить врачом в Русское общество пароходства и торговли (1858—1859), по служебным делам был в странах Западной Европы, Сирии, Египте.

Еще в юности связал свою жизнь с литературой и революционным движением. В 1847 г. напечатал в журнале «Репертуар и пантеон» перевод романа Гуссе «Три сестры» (№ 9—10), в студенческие годы в журнале «Сын отечества» помещал оригинальные и переводные стихи, фельетоны, повесть «Недоразумение» (1850. — № 12). В 1849 г. познакомился с С. Ф. Дуровым и посещал его вечера, в связи с чем привлекался к допросу в следственной комиссии по делу петрашевцев.

В нач. 1860 г. К., побуждаемый братом, ставшим редактором журнала «Искра», навсегда оставляет медицину и становится профессиональным литератором. Его политические и эстетические взгляды формируются под непосредственным влиянием Н. Г. Чернышевского. Дружеские отношения складываются у К. с Т. Г. Шевченко, П. Л. Лавровым, Н. А. Добролюбовым, Н. А. Некрасовым. К. принимает деятельное участие в общественной и литературной жизни столицы. Участвует в похоронах Шевченко и произносит прощальное «слово, дышавшее сердечной простотой и искренностью» (Лесков в Н. С. Собр. соч. — М., 1958. — Т. 10. — С. 11). В сентябре 1861 г. подписывает протест писателей против ареста М. Л. Михайлова. 20 ноября 1861 г. принимает участие в похоронах Добролюбова. Осенью того же года вступает в тайное общество «Земля и воля», а год спустя избирается кандидатом в члены его Центрального комитета.

С 1860 г. К. становится активным сотрудником «Искры», привлекаемым к редакционной работе. Вместе с тем с лета 1861 г. он редактирует журнал «Иллюстрация», стремясь превратить его в демократический орган, привлекает к участию в нем Д. Д. Минаева, Г. Н. Жулева, П. И. Якушкина, П. Л. Лаврова, Г. З. Елисеева, И. Ф. Горбунова, выступает сам как поэт и публицист. Однако разногласия с издателем заставляют его в феврале 1862 г. отказаться от обязанностей редактора; вслед за К. из журнала уходят все приглашенные им авторы.

В 1862—1863 гг. К. находится за границей (Англия, Франция, Италия), где сближается с А. И. Герценом, М. А. Бакуниним, Н. Д. Ножиним, Д. Мадзини. С 1862 г. тайная полиция устанавливает за ним секретное наблюдение за связи с «лондонскими пропагандистами». По возвращении из-за границы К. поддерживает тесную связь с революционными организациями. После покушения на Александра II в 1866 г. его арестовывают, четыре месяца он находится в Петропавловской крепости.

В 1867 г. под редакцией К. выходит альманах «Невский сборник», объединивший произведения писателей, сотрудничавших в закрытых пра-

вительством журналах «Современнике» и «Русском слове», Г. И. Успенского, Ф. М. Решетникова, Лаврова, Елисеева, Н. К. Михайловского, В. В. Берви, А. М. Скабичевского. В 1865—1867 гг. К. является фактическим редактором журнала «Книжный вестник», который становится боевым демократическим изданием. С января 1868 г. Некрасов приглашает К. возглавить библиографический отдел журнала «Отечественные записки». Он полностью доверяет К., поручает ему редактировать журнал в его отсутствие, прислушивается к его мнению.

Последние годы жизни К. тяжело болел, однако не оставлял литературную деятельность.

В памяти современников (Н. К. Михайловского, А. М. Скабичевского, Я. П. Полонского, Н. А. Лейкина и др.) К. остался доброжелательным и отзывчивым человеком. Многие писатели вошли в литературу благодаря ему. Михайловский называл К. своим «литературным крестным отцом»: К. ввел его в «Отечественные записки» (Михайловский Н. К. Литературные воспоминания и современная смута. — Спб., 1905. — Т. 1. — С. 17, 49). Лейкин благодаря К. «приохотился к серьезному чтению и расширил свой кругозор» (Н. А. Лейкин в его переписке и воспоминаниях. — Спб., 1907. — С. 169).

К. был убежденным противником «искусства для искусства». Он перевел трактат П. Ж. Прудона «Искусство, его основания и общественное значение» (1865), снабдив перевод предисловием, где подчеркивалась верность критики Прудона. Сравнивая в статье «Библиографическая параллель» (1868) сборники стихов А. К. Толстого и Д. Д. Минаева, отдавал предпочтение последнему, несмотря на «великолепную форму» стихов Толстого. Иронизировал над абстрактностью образов, уходом от реальности К. К. Случевского (фельетон «Хромо-объективный поэт», 1860).

«Дело писателя — дело суровое / И не под силу иным!» (стихотворение «Я не хочу, чтобы сын мой дорогою трудной писателя шел...», 1880) — это убеждение К. лежало в основе его преклонения перед немногими, кому оно было «под силу». Он написал некролог Писарева (Отечественные записки. — 1868. — № 8). Памяти Некрасова посвятил стихотворения «Над могилой Некрасова» и «Некрасов» (оба — 1878), где прославлял поэта, «осветившего народа путь тернистый / Сознания лучами...». На смерть брата откликнулся стихотворениями «По поводу одной смерти» и «Честным я прожил певцом» (оба — 1876); последнее из них выбито на могильной плите В. С. Курочкина. Многие стихи К. посвящены «злобе дня»; он скептически оценивает реформы 60 гг., в частности судебную («Утешение в разлуке», 1862); высмеивает противников высшего образования и права на труд для женщин («Дева и жрецы», 1862); клеймит богача, за дорогим обедом разглаголюющего

о положении крестьян: «Не от голода, от воли / По России стон» («В ресторане», 1868).

Демократическая направленность творчества К. проявляется ярко и в его повествовательных стихотворениях с положительными героями: бедным музыкантом, мечтавшим в юности о славе композитора, но ставшим настройщиком («Настройщик», 1863); студентом-репетитором, сумевшем заронить в девушке из богатого дома искру сомнения в справедливости общественного устройства («Черти», 1863).

Политическая жизнь на Западе — еще одна тема К.-поэта. В цикле «Парижские оды» (1863), отражающем личные впечатления, империя Наполеона III представлена как господство произвола и насилия. Прямым и гневным откликом «Отечественных записок» на террор правительства А. Тьера по отношению к коммунарам стало стихотворение «Паровая гильотина» (1871.— № 7). К. был также даровитым переводчиком (Шевченко, В. Гюго, Ш. Бодлер, О. Барбье, Г. Надо, Д. Джусти, В. Альфиери и др.).

Соч.: Поэты «Искры» / Вступ. ст. и примеч. И. Г. Ямпольского.— Л., 1955.— Т. 2.— С. 573—613.

Лит.: Альмухаметова Г. А. Писатель-демократ Н. С. Курочкин // Русские писатели-демократы второй половины XIX — начала XX в. / Казанский пед. ин-т. Уч. зап.— Казань, 1979.— Вып. 191; Альмухаметова Г. А. Источники изучения литературно-критических взглядов Н. С. Курочкина // Вопросы источниковедения русской литературы второй половины XIX века.— Казань, 1983; Бушканец Е. Г. Н. С. Курочкин — редактор «Иллюстраций» // Революционная ситуация в России в середине XIX века. Деятели и историки.— М., 1986; Ямпольский И. Г. Сатирическая журналистика 1860-х годов. Журнал революционной сатиры «Искра» (1859—1873).— М., 1964. А. В. Корнеев

КУЩЕВСКИЙ, Иван Афанасьевич [1847, Ачинск, по другим источникам — Барнаул — 12 (24). VIII. 1876, Петербург] — прозаик, публицист. Биографические сведения о К. скудны. Он родился в семье обедневшего дворянина, служившего чиновником. После смерти отца в 1854 г. семья переехала в Барнаул, где К. окончил горнозаводское училище. По другим сведениям, он получил первоначальное образование дома. В 1859 г. К. поступил в Томскую гимназию, где пробыл до февраля 1864 г. Оставив гимназию по требованию родных, К. некоторое время служил чиновником в Барнауле, но, желая продолжить образование, летом 1864 г. отправился в Петербург. Мечту о поступлении в университет К. пришлось оставить из-за материальной необеспеченности. Добывая средства к существованию тяжелым физическим трудом, он перепробовал множество профессий, пока не устроился в контору «Санкт-Петербургских ведомостей». С конца 1864 г. К. начинает выступать в печати. Его небольшие рассказы, очерки, статьи появляются в «Искре», «Петербургском листке», «Петербургском комиссионер», «Народном голосе», «Иллюстрированной газете». К. входит в литературу как писатель разночинно-демократического течения, формиро-

вавшегося под влиянием революционно-демократических идей Н. Г. Чернышевского и Н. А. Добролюбова. Он был лично близок с Г. И. Успенским, о чем свидетельствуют воспоминания жены Успенского А. В. Бараевой. Решающую роль в судьбе молодого писателя сыграла его встреча с Н. А. Некрасовым, посетившим больного К. в больнице и оказавшим ему материальную и духовную поддержку.

Внимание К. привлекает жизнь низов общества, которую он изображает с глубоким сочувствием. Вслед за Н. Г. Помяловским, В. А. Слепцовым, Н. А. Благовещенским он исследует судьбу разночинца в современном обществе. Его ранняя повесть на эту тему «Утонувшие» (другие названия — «Погибший человек», «Младшие братья», 1865 г.) была запрещена цензурой. В Петербурге К. вел трудную жизнь литературного поденщика, голодал, ютился по углам и ночлежкам. В 1870 г. он попал в очередной раз в больницу и здесь в тяжелых условиях, по ночам, выменивая порции еды на свечи, написал свое главное произведение — роман «Николай Негорев, или Благополучный россиянин» (Отечественные записки.— 1871.— № 1—4).

Действие романа происходит в провинции в 50—60 гг. XIX в. Его герои — молодое поколение обедневшей дворянской семьи Негоревых (два брата и сестра) и их окружение. Соединив черты семейной хроники и мемуарную форму повествования с традициями разночинно-демократического романа о «новых людях», К. создал глубоко оригинальное произведение. Эпоха подъема общественного движения и первой революционной ситуации в России изображена сквозь призму восприятия филистера, враждебного идеям революции и озабоченного только созданием собственного благополучия, но до поры до времени умело скрывающего свое истинное лицо. Николай Негорев умен, наблюдателен, расчетлив. Это позволяет ему казаться своим в среде передовой молодежи, тем более что все члены кружка знакомы ему с детства. Детству и юности героев посвящена большая часть книги. К. продолжал разоблачение порочной системы школьного образования, начатое в «Очерках бурсы» Помяловского. Основываясь на своих воспоминаниях о пребывании в Томской гимназии, он изобразил бессмысленную зубрежку и муштру, жестоких и невежественных учителей, звериные нравы гимназистов, их быт, мало чем отличавшийся от бурсацкого. Общественный подъем конца 50 гг. вносит свежую струю в жизнь гимназии, появляются преподаватели нового типа, начинает выходить рукописный журнал. Молодые люди получают первые практические уроки общественной борьбы.

В центре внимания К. — становление личности будущих радикалов и либералов, самоотверженных борцов за счастье народа и пустых фразеров, бесшабашных смельчаков и осторожных филистеров. Разные характеры — разные

судьбы. Николай Негорев с детства ищет способы поудобнее устроиться в жизни, и ему вполне удается достичь этого ценой отречения от друзей молодости и от принципов честного человека. Николай Негорев — умный человек, но без нравственного стержня. Его справедливо считают ближайшим предшественником горьковского Клим Самгина. Непокоренная вера в свою незаурядность и презрение к окружающим, духовная пустота и эгоизм, скептицизм, переходящий в цинизм, — таковы черты этого социального типа, изображенного К. без карикатурности и сатирических преувеличений. Антагонистами Негорева в романе выступают его брат Андрей и соученик по гимназии Оверин. Андрей, бунтарь и весельчак, принимает самое активное участие в революционном движении и после его разгрома вынужден эмигрировать. К пятнадцати годам каторжных работ приговорен Оверин. Образ этого героя отразил неоднозначное отношение его создателя к эпохе 60 г. К. показал не только сильные, но и слабые стороны революционного движения в провинции. Оверин — чистый и самоотверженный человек, наделенный оригинальным умом и самобытной натурой. Но, в отличие от героев Чернышевского, Слепцова, Оммуевского и других авторов романов о «новых людях», он не является профессиональным революционером. Оверин — одиночка, не связанный ни с какой революционной организацией, действующий импульсивно и нерасчетливо. Он из разряда чудачков и Дон Кихотов. К. сочувствовал таким людям, но не верил в их способность изменить мир. Оверин младенчески наивен. В его поведении много странного, смешное соседствует с трагическим. Под влиянием революционной прокламации он идет к бунтующим крестьянам, но они не понимают ни истинных мотивов его поведения, ни смысла его речей.

Значительное место в романе занимает тема «новой женщины». Последовательными борцами за социальную справедливость предстают Лиза Негорева и Софья Лохова, своей убежденностью не уступающая Оверину, а трезвостью взгляда на жизнь превосходящая его. Сильной стороной романа К. является разоблачение либерального фразерства, игры в революцию от скуки и внутренней пустоты (кружок Катерины Григорьевны), игры, не всегда, однако, кончающейся благополучно (судьба барона Шрама, приговоренного вместе с Овериним в каторжные работы). Преобладающий тон романа — грустная ирония, и этим он отличается от других произведений о «новых людях», где господствовал если не жизнеутверждающий пафос и романтика («Шаг за шагом» Оммуевского), то суровый сдержанный трагизм («Трудное время» Слепцова).

Роман К. был замечен критикой. О нем писали С. С. Окрейдц в «Библиотеке дешевой и общедоступной» (1871. — № 6), П. Н. Ткачев (под псевдонимом П. Никитин) в «Деле» (1872. —

№ 2; 3), М. К. Цебрикова в «Отечественных записках» (1873. — № 11, 12). Статья последней «Беллетристика-фотография» дает высокую оценку роману. В 1872 г. «Николай Негорев» вышел отдельным изданием.

В 1873 г. в трех номерах газеты «Новости» были напечатаны фрагменты нового романа К. «На службе Отечеству». Однако работа над ним остановилась в самом начале 70 гг. К. плодотворно работал в жанре рассказа, выступая в журналах «Дело» и «Будильник», в газетах «Новости» и «Сын отечества». Рассказы К. просты, лаконичны и выразительны. Их отличают острота постановки социальных проблем, четкость авторской позиции, глубокое сочувствие всем униженным и угнетенным. К. показывает трагические судьбы талантливого писателя, выходящего из крестьян («Самоубийца»), бедных тружениц («История швей»), женщин, лишившихся материальной поддержки и оказавшихся на краю бездны («Бедная Лиза», «Тяжелая жертва», «Гражданский брак»), семинариста, приехавшего в столицу учиться и едва не умершего с голоду («Ошибки молодости»). Одна из главных тем рассказов К. — гибель иллюзий под напором жестокой действительности («Земский деятель», «Сеятель пустыни», «Труженицы», «Коварство и любовь»). К. разоблачает нравственную несостоятельность мирового судьи («Два нигилиста»), бездумную жестокость богача, легкомысленно играющего судьбами людей («Либеральный барин»), администраторов и проходивших нового типа («Танкред», «Новый Лутоюшка»). К. не видит выхода из все углубляющихся противоречий современной ему жизни, и поэтому в его рассказах преобладают чувства боли и гнева. Рассказы К. высоко оценил Вс. М. Гаршин.

К. выступал также как публицист и литературный критик. Еще в 1867 г. он написал статью «А. Н. Радищев и его «Путешествие из Петербурга в Москву» для первого после 1790 г. издания этого произведения. В 1872—1874 гг. он печатал в газете «Новости» обзорная «Новости русской литературы» под псевдонимом *Новый критик*, а также «Картинки современной жизни» под псевдонимом *Не поминайте лихом*. В той же газете появились его фельетонные циклы «Петербургский дневник помещицы коллежской секретарши Настасии Петровны Коробочки» и «Петербургский дневник неслужашего дворянина Ноздрева». До сих пор не решен окончательно вопрос о принадлежности К. очерков «Не столь отдаленные места Сибири» (псевдоним *Хайдаков*), опубликованных в «Отечественных записках» (1875. — № 7).

К. прожил очень недолгую жизнь. Постоянная нехватка денег, неустроенный быт, запой рано свели в могилу этого «писателя-пролетария», как он сам себя называл.

Соч.: Николай Негорев, или Благополучный россиянин. — Пб., 1872; Маленькие рассказы. Очерки, картинки и легкие

наброски.— Пб., 1875; Не столь отдаленные места Сибири // Русские очерки.— М., 1956.— Т. II; Избранное / Послед. Г. Раппопорта.— Барнаул, 1957; Николай Негорев, или Благополучный россиянин / Вступ. ст. М. Горячкиной.— Новосибирск, 1959; Николай Негорев / Вступ. ст. Н. И. Якушина.— М., 1984; Николай Негорев, или Благополучный россиянин: Роман, рассказы, фельетоны / Сост. В. Ф. Уляндра.— Иркутск, 1988.

Лит.: Горнфельд А. Г. Забытый писатель // Горнфельд А. Г. О русских писателях.— Пб., 1912.— Т. I.— С. 46—112; Горький М. Собр. соч.: В 30 т.— М., 1953.— Т. 15.— С. 249, 355—356; Уляндра В. Ф. И. А. Кушевский — критик и публицист // Труды Иркутского ун-та.— Т. 52. Серия журналистики.— Иркутск, 1967.— Вып. 4; Он же И. А. Кушевский // История русской литературы Сибири.— Новосибирск, 1975.— Т. 1.

И. П. Видуцкая

КЮХЕЛЬБЕКЕР, Вильгельм Карлович [10(21). VI.1797, Петербург — 11(23). VIII.1846, Тобольск] — поэт, драматург, критик. Декабрист. Родился в семье саксонского дворянина. Детство провел в Эстонии, в имении Авиноорм, где семья поселилась после отставки отца. В 1808 г. мальчик был отдан в частный пансион г. Верро, а спустя три года по рекомендации Барклая де Толли поступил в Царскосельский лицей, где его друзьями стали Дельвиг и Пушкин.

Литературное дарование К. проявилось уже в лицее. Несмотря на шутовское отношение товарищей к стихам К., он считался одним из признанных лицейских поэтов. Начиная с 1815 г. К. стал печататься в журналах («Амфион», «Сын Отечества»). Как и другие лицеисты, пережил огромный патриотический подъем во время Отечественной войны 1812 г. и испытал сильное воздействие раннего декабристского вольнолюбия. Вместе с Вольховским, Пушным, Дельвигом был членом «Священной артели».

После окончания лицея К., удостоенный серебряной медали, служил в Главном архиве иностранной коллегии и одновременно читал лекции в благородном пансионе при Главном педагогическом институте. Уже тогда К. горячо проповедовал свободу и конституцию.

Литературные занятия и вольнолюбивые настроения сблизили К. с литераторами-радикалами (он деятельно участвовал в Вольном обществе любителей словесности, наук и художеств) и декабристами (в 1819 г. он был избран членом Вольного общества любителей российской словесности). В это же время он вошел в масонскую ложу «Избранного Михаила», видную роль в которой играли декабристы.

Свободолюбие К. не осталось незамеченным: из-за стихотворения «Поэты» (1820), которое было политическим вызовом властям, выславшим Пушкина, на К. последовал донос и положение его осложнилось. К. согласился на предложение А. Л. Нарышкина сопровождать его за границу в качестве секретаря и в сентябре 1820 г. отправился в путешествие, которое продлилось около года. К. побывал в Германии, Италии, Франции. В Германии он встречался

с Новалисом, беседовал с Гете, что произвело глубокое впечатление на К. и отразилось на его творчестве (элегии, мистерия «Ижорский»). В Париже поэт с успехом читал лекции в «Атенеи», где заправляли французские либералы во главе с Б. Констаном, и познакомил французскую публику с новейшей русской литературой. Дух вольности, которым были проникнуты лекции К., обратил на поэта внимание французской полиции и русского посланника. Поэт покинул Париж и возвратился в Россию. Друзья помогли оказавшемуся на подозрении у властей опальному поэту поступить на службу при «проконсуле Кавказа» генерале Ермолове. В Тифлисе, куда он приехал в октябре 1821 г., К. подружился с Грибоедовым. Однако уже в мае он подал прошение об увольнении и уехал к сестре в имение Закуп Смоленской губ.

Здесь К. встретил Авдотью Пушкину, влюбился и собрался жениться, но его семейные планы встретили решительные возражения со стороны матери, указавшей сыну на его полную необеспеченность.

В Закупе К. написал несколько лирических стихотворений, закончил трагедию «Армяне», сочинил поэму «Кассандра» и начал поэму о Грибоедове.

Материальные обстоятельства побудили К. летом 1823 г. приехать в Москву. Поэт сблизился с Вяземским, В. Одоевским, принявшими живое участие в его судьбе. Вместе с В. Одоевским К. предпринял издание альманаха «Мнемосина» (1824—1825). В альманахе печатались Пушкин, Баратынский, Вяземский, Языков, Шевырев, В. Одоевский. К. поместил в нем отрывки из «Европейских писем», повесть «Адо», нескольких статей, из которых самой замечательной была «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие». Неудовлетворенный подражаниями английскому и немецкому романтизму, камерностью, узостью элегий и посланий, изысканностью и стертостью поэтического языка, засильем мелких лирических форм (сонеты, буриме, шарады, мадригалы), К. встал на защиту высоких жанров — героической поэмы, гражданской оды и трагедии.

В 1825 г. К. переехал в Петербург, где в ноябре того же года был принят Рылевым в Северное общество. Свой поступок он объяснил впоследствии желанием «иною порядка вещей», т. е. нынешний, по его мнению, характеризовался злоупотреблениями государственных чиновников, неправедным судопроизводством, угнетением крепостных крестьян, упадком торговли и промышленности, развращенностью нравов, невежеством народа, поверхностным воспитанием и обучением юношества «высших состояний» и «крайним стеснением» российской словесности «от самонаправства цензоров». К тому времени К. стал решительным противником всякой единоличной власти и потому в качестве

последней причины указал на «желание предстательного образа правления».

На Сенатской площади К. появился вооруженный пистолетом и палашом, стрелял (неудачно) в великого князя Михаила и генерала Воинова. После разгрома восстания он переоделся в платье дворового человека и добрался до Варшавы, где был схвачен, закован в кандалы, доставлен в столицу и водворен в Алексеевский рavelин Петропавловской крепости. К. приговорили к смертной казни посредством отсечения головы, но эта мера была заменена 20-летней каторгой и пожизненным поселением в Сибири. Потом срок сократили до 15 лет, а затем до 10 лет одиночного заключения с последующей бессрочной ссылкой. В 1835 г. К. отправили в Сибирь.

В ссылке К. обрел семью, женившись на дочери почтмейстера Дросиде Ивановне Артемовой. Разница в культурном уровне мужа и жены велика: Дросида Ивановна была неграмотна, К. учил и воспитывал ее. Вместе с семьей К. перебрался из одного сибирского местечка в другое (Баргузин, Акша, Смоленская слобода близ Кургана) и, наконец, поселился в Тобольске. К тому времени он заболел туберкулезом и ослеп.

До последних дней К. находил творческие силы для занятий литературным трудом и не переставал хлопотать о разрешении печататься. Его не сломали ни болезни, ни тяжелое материальное положение, ни угнетенное моральное состояние. Еще в крепости он начал романтическую повесть «Последний Колонна», поэму «Агасвер» («Вечный жид»). В ссылке он писал стихи, поэмы («Давид», «Юрий и Ксения», «Сирота», «Семь спящих отроков»), драматические произведения (мистерию «Ижорский», трагедию «Прокопий Ляпунов», драматическую сказку «Иван, купецкий сын»), переводил драмы Шекспира, задумал драму «Архилох», «Русский Декамерон 1831-го года». В журналы он предлагал статьи о юморе, о греческой дигамме, о Мерзлякове, Пушкине, Кукольник, Марлинском, Шекспире, Шиллере, Гете, Томсоне, Краббе, Муре, В. Скотте. Лишь ничтожная доля из написанного им в эти годы была анонимно напечатана при жизни, главным образом благодаря стараниям Пушкина.

Творчество К. своеобразно и противоречиво: в нем сочетались гражданские традиции русского классицизма с принципами декабристского романтизма. Поэтический путь К. начался со стихотворений, написанных в подражание Жуковскому. Ранние его произведения выдержаны в сентиментально-элегическом духе, в них сильны мотивы одиночества, мрачной безысходности. Однако постепенно поэт освобождается от них и все больше проникается гражданскими и вольнолюбивыми настроениями.

В поэзии К. 20 гг. воспевается дружба как союз людей; посвятивших себя высоким идеям

свободы, братства и справедливости, Центральный образ лирики — человек-герой, вступающий в борьбу с врагами, со стихиями природы, готовый принять смерть, но смело ринуться в бой. Излюбленная тема К. — тема поэтического служения. Поэт предстает в его лирике певцом-профромом, певцом-гражданином, неподвластным тирании. И хотя он чувствует неизбежность и неотвратимость испытаний и жертв, он не уклоняется от борьбы, а, напротив, смело идет ей навстречу. В этом акте острее подчеркивается его гражданская доблесть. Вместе с тем поэт в стихах К. — учитель людей, способный предвидеть и предсказывать будущее.

Основной жанр лирики К. — гражданская ода, значительно обновленная по сравнению с одой классицистов. Герой оды — борец за свободу, пылкий вольнолюбец и враг тирании. Одушевлявший поэта восторг передавался в ораторских интонациях и высоком стиле («Грибоедову», «Ода на смерть Байрона»). Тираноборческий пафос свойствен и трагедиям К. Например, в «Аргивянах» (в основу положен античный сюжет, но содержание насквозь современно) обличались жестокость и деспотизм тирана, предсказывалась его неизбежная гибель. Однако сложные исторические и современные проблемы решались романтически абстрактно: игнорировался принцип историзма, эпоха воспроизводилась в общем, типовом, а не конкретном художественном изображении. Реальные детали античного мира не имели для автора серьезного значения. Вследствие этого «Аргивяне» оказались не свободны от риторики и декларативности.

После 1825 г. творческие силы поэта не ослабевают. В его лирике начинают звучать ноты скорби, отчаяния, примирения, но не ими определяется основная ее пафос. К. остался «нераскающимся декабристом». Причины пессимистических настроений — в поражении декабрьского восстания, в оторванности от друзей, в невозможности вновь бороться за дорогие поэту идеи. Герой последекабрьской лирики — стойкий человек, не потерявший веру в справедливость своих убеждений («На 1829», «Мое предназначение», «19 октября 1836 года», «Сонет»), или узник, гонимый поэт. В стихотворении «Участь русских поэтов» К. вновь возвращается к теме поэтического служения, воспевает героический подвиг во имя идеалов своей декабристской юности. Лирика К. становится разнообразнее по темам и жанрам. Стихотворения, в которых продолжают декабристские мотивы («Тень Рылеева», «Герой и певец», «Три тени»), отличаются необычной для К. энергией, точностью и сжатостью выражения. Поэт проявляет вкус к художественной детали, его стиль становится проще и яснее. Строгий гонитель элегий и послания, К. пересматривает свои взгляды, обращаясь к лирической медитации, поэтическому размышле-

нию. В произведениях сибирской ссылки интерес поэта вызывают народные предания, простонародная жизнь, (баллада «Кудеяр», сказка «Пахом Степанов»).

Написанные в одиночном заключении и в Сибири крупные произведения: драма «Архилох» (1845—1846; опубл. в 1939 г.), мистерия «Ижорский» (1829—1833; первая и вторая части опубл. в 1835 г., третья — в 1841 г.), драматическая сказка «Иван, купецкий сын» (1832—1842; опубл. в 1839 г.), трагедия «Прокофий Ляпунов» (1834; опубл. в 1838 г.), поэмы «Давид» (1829; опубл. в 1839 г.), «Юрий и Ксения» (1832—1833; опубл. полностью в 1839 г.), «Заравель» (1831; опубл. в 1836 г.), «Сирота» (1833, опубл. в 1839 г.) — также свидетельствовали о намечавшихся переменах в идейно-эстетических позициях К. Так, в поэме «Сирота» главное внимание уделено повседневному быту и страданиям самых обыкновенных людей. Однако их несчастья осмыслены стечением случайных обстоятельств. В драматических сочинениях К. отходил от классицистических «правил», углублял принципы гражданского романтизма с его «непременными требованиями национально-самобытных характеров и народности. В «Ижорском» поэт изобразил «лишнего человека», подобного пушкинскому Евгению Онегину, и осудил в нем пресыщенность, опустошенность и бездеятельность. Художественная манера мистерии, ясный и естественный, почти разговорный язык свидетельствовали о пересмотре прежней поэтики. В еще большей мере такая попытка предпринята К. в трагедии «Прокофий Ляпунов», где поэт обратился к изображению народа. Трагедия Прокофия Ляпунова, по мысли автора, заключалась в оторванности от народа. Новые эстетические искания — следствие идейной эволюции К. — не воплотились в его творчестве с достаточной полнотой и определенностью. Поэт остался декабристом и по мировоззрению, и по эстетическим взглядам, но он уловил дух времени, хотя был насильственно отторгнут от русской жизни, от идейной и литературной борьбы, от русской литературы, воспринявшей пушкинский реалистический метод.

Соч.: Дневник. Материалы к истории русской литературы и общественной жизни 10—40-х годов XIX века / Вступ. ст. Ю. Н. Тынянова — Л., 1929; Лирика и поэмы. Драматические произведения: В 2 т. / Вступ. ст. Ю. Н. Тынянова. — Л., 1939; Избр. произв.: В 2 т. / Вступ. ст. Н. В. Королева. — М.; Л., 1967; Путешествие. Дневник. Статьи / Изд. подгот. Н. В. Королева, В. Д. Рак. — Л., 1979; Соч / Вступ. ст. С. А. Фомичева. — Л., 1987.

Лит.: Белинский В. Г. Ижорский. Мистерия. — Спб., 1835 // Полн. собр. соч. — М., 1953. — Т. 1. — С. 228—233; Тынянов Ю. Н. «Аргияне», неизданная трагедия Кюхельбекера // Тынянов Ю. Н. Арханы и новаторы. — Л., 1929. — С. 292—329; Базанов В. Г. Поэты-декабристы К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер, А. И. Одоевский. — М., Л., 1950. — С. 93—169; Тынянов Ю. Н. Кюхельбекер и Пушкин. Французские отношения Кюхельбекера // Тынянов Ю. Н. Пушкин и его современники. — М., 1968. — С. 233—346.

В. И. Корвин

ЛАВРОВ, Петр Лаврович [2(14).VI.1823, с. Мелехово Великолукского у. Псковской губ.— 25.I(6.II).1900, Париж] — критик, публицист, философ, социолог, поэт. Революционный народник. Сын помещика, полковника в отставке, принадлежавшего к старинному дворянскому роду; мать, урожденная Гандииг, — из обрусевшего шведского рода. Получил хорошее домашнее образование (с детства знал французский, немецкий языки). Учился в Артиллерийском училище в Петербурге (1837—1842); по окончании офицерского класса (1844) был оставлен, по рекомендации академика М. В. Остроградского, в училище репетитором математических наук. Страсть к знаниям рано развилась в Л., характерна запись в его дневнике от 15 января 1842 г.: «О знания, знания — без них человек ничто, без них он наг и слаб в руках природы, он ничтожен и вреден в обществе» (см.: Итенберг Б. С. — С. 41). Он успешно продвигался по службе: стал полковником (с 1858 г.), профессором Артиллерийской академии.

К концу 50 гг. определился основной предмет интересов Л.: это философия, связанная с жизнью, «практическая». Он регулярно печатает в различных органах свои статьи: «Гегелизм» (Библиотека для чтения. — 1858. — № 5, 9), «Практическая философия Гегеля» (Там же. — 1859. — № 4—5), «Очерк теории личности» (Отечественные записки. — 1859. — № 11—12) и др. Последняя из названных работ вышла отдельным изданием под заглавием «Очерки вопросов практической философии. I. Личность» (Спб., 1860) с посвящением А. И. Герцену и П.-Ж. Прудону. Она будила Н. Г. Чернышевского, отметившего в Л. прогрессивность направления, но одновременно — эклектизм, к изложению собственных философских взглядов («Антропологический принцип в философии» // Современник. — 1860. — № 4—5); с идеалистических позиций Л. возражал П. Н. Страхов (Светоч. — 1860. — № 7). В 1860 г. Л. с большим успехом прочел в петербургском Пассаже три публичные лекции (22, 25 и 30 ноября) под общим заглавием «О современном значении философии» (Отечественные записки. — 1861. — № 1); отдельное издание — «Три беседы о современном значении философии» (Спб., 1861) (Любопытный отклик на эти лекции — реплика воскрешенного в одной из сатир Д. Д. Минаева грибоедовского Скалозуба: «Но вот чему дивлюсь: ученый есть Лавров, / Военный, говорят, и как досель нет жалоб: / Ведь философия к мундиру не пристала б» — «Поэты «Искры»: В 2 т. — Л., 1987. — Т. 2. — С. 176). Лекции Л. вызвали полемику: за агностицизм и эклектизм его критиковал М. А. Антонович («Два типа современных философов» // Современник. — 1861. — № 4), за

умозрительность — Д. И. Писарев («Схоластика XIX века». Гл. X // Русское слово.— 1861.— № 5). Л. не согласился с этими обвинениями: «Моим критикам» (Русское слово.— 1861.— № 6, 8).

В своих философских построениях Л. исходил из «антропологической точки зрения», т. е. из человеческих потребностей и их развития. Считая, вслед за И. Кантом, сущность вещей познаваемой, он полагал, что единство доступного человеку мира явлений открывается посредством философии. Именно философия вносит в науку «единство и понимание», в творчество — «единство мысли и формы», в жизнь — «единство мысли и действия». (Философия и социология.— Т. 1.— С. 571). При этом Л. утверждал цельность личности — взаимосвязь познания, творчества, практического действия. В выработке убеждений он подчеркнул огромную роль критики, без которой «всюду рутинна и неподвижна» (Там же.— С. 545). Не выдерживает критики, в частности, разного рода мистицизм. Справедливее убеждение из выработанных человечеством, но еще не проникших в массу, — «сознание равноправности людей» (Там же.— С. 558). Для достижения идеала равноправности необходимо преодолеть созерцательности (которую Л. не принимал в «гегелизме»). Лавровская концепция личности заключала в себе мощный заряд революционной пропаганды.

Стремление к активной деятельности, гражданское мужество отличали самого Л. Еще в 1856 г. он послал Герцену свои стихотворения, из которых два — «Пророчество», «Русскому народу», обличающие Николая I, были напечатаны в сборнике «Голоса из России» (1857.— Кн. IV). Л. пропагандировал социалистические идеи в редактируемом им (со второго тома — полностью) «Энциклопедическом словаре, составленном русскими учеными и литераторами» (1861—1863), доведенном до буквы «Е» и запрещенном, в журнале «Заграничный вестник» (1864—1866), где вел отдел «Иностранная жизнь». Он подписался под протестом литераторов Петербурга против ареста М. Л. Михайлова, участвовал в студенческих волнениях в Петербурге осенью 1861 г., организовывал через Литературный фонд материальную помощь заключенным. В 1862 г. вступил в подпольную организацию «Земля и воля». Сблизился с Чернышевским незадолго до его ареста. С 1862 г. за Л. была установлена слежка III отделением.

25 апреля 1866 г., вскоре после покушения Д. В. Каракозова на Александра II, Л. был арестован, обвинен во «вредном образе мыслей», связях с политическими преступниками и др., уволен со службы и по приговору военного суда (январь 1867 г.) сослан в Вологодскую губ., где жил с 1867 по 1870 г. (Тотьма, Вологда, Кадников). В 1868—1869 гг. в газете «Неделя» опубликовал под псевдонимом П. Миртов «Историче-

ские письма» (отд. перераб. изд.— 1870), ставшие манифестом революционного народничества. Опираясь на концепции О. Конта, Г. Спенсера и др. и одновременно оспаривая их, Л. обосновал субъективный метод в социологии. По Л., объективные закономерности действуют лишь в природе, где господствует повторение; в обществе же происходят изменения, которые и составляют суть истории. Эти изменения осуществляются посредством сознательной деятельности людей, движимых определенными нравственными идеалами. Связывая прогресс в истории с развитием личности, Л. указал на страшную «цену прогресса» — угнетение трудящихся масс и призвал цивилизованное меньшинство уплатить исторической «долг» народу. «Эта уплата... заключается в сильном распространении удобств жизни, умственного и нравственного развития на большинство, во внесении научного понимания и справедливости в общественные формы» (Там же.— Т. 2.— С. 87): Будучи орудиями прогресса, «критически мыслящие личности», как считал Л., должны взять на себя роль «двигателя» (а не только «представителя и хранителя») цивилизации (Там же.— С. 83). Сходные усилия отдельных личностей ведут к образованию «партии, придающей борьбе направление и единство» (Там же.— С. 130); союз с массами является «реальной почвой» партии (Там же.— С. 128). Л. подчеркивал безнравственность «индифферентизма» со стороны тех, кто мог бы содействовать прогрессу, и не скрывал трудностей пути: «Нужны энергические, фанатические люди, рискующие всем и готовые жертвовать всем» (Там же.— С. 121).

«Исторические письма» Л. идейно готовили участников «хождения в народ» 70 гг. По свидетельству народника О. В. Аптекмана, «это была книга ж и з н и, р е в о л ю ц и о н н о е е в а н г е л и е, ф и л о с о ф и я р е в о л ю ц и и. Она читалась и перечитывалась» (Аптекман О. В. Общество «Земля и воля» 70-х гг.— Пг., 1924.— С. 122).

В феврале 1870 г. Л. с помощью Г. А. Лопатина бежал из Кадникова через Петербург в Париж. Больше на родине он не был. Его почти 30-летняя жизнь за границей (с 1877 г.— почти безвыездно в Париже) наполнена революционной деятельностью. Он член I Интернационала, участник Парижской Коммуны 1871 г., посланный ею в Лондон для организации международной помощи (что послужило поводом к встрече с К. Марксом и Ф. Энгельсом), глава русской политической эмиграции. Подобно Герцену, Л. был неутомимым издателем революционной литературы: издавал и редактировал «непериодическое обозрение» «Вперед!» (сборники I—V, последний вышел без участия Л., Цюрих — Лондон, 1873—1877) и газету с тем же названием (выходила раз в две недели; Лондон, 1875—1876), редактировал журнал «Вестник «Народной воли» совместно с Л. А. Тихомировым

(Париж, 1883—1886), «Материалы для истории русского социально-революционного движения» (Париж, 1893—1896). На базе сборников «Вперед!» возникло также одноименное книгоиздательство, выпустившее с 1873 по 1877 г. 16 названий книг и брошюр, в т. ч. «Письма без адреса» и «Пролог» Чернышевского, «Сказку о Мудрице Наумовне» и «Из огня да в полымя!» С. М. Кравчинского (см.: Книга в России. 1861—1881 / Под общ. ред. И. И. Фроловой.— М., 1988.— Т. 1.— С. 184—191). Л. и его соратники (ближайшим помощником был В. Н. Смирнов) жили коммуной, нередко впроголодь, сдавая свои деньги в издательскую кассу: средств, поступающих из России (прежде всего от петербургского «лавристовского» кружка Л. С. Гинзбурга, распространяющего издания), постоянно не хватало. В сборе средств активно помогал Г. А. Лопатин, в числе подписчиков, субсидировавших сборники «Вперед!», был И. С. Тургенев.

Будучи одним из идеологов русского революционного народничества, Л. неизменно указывал на необходимость поддержки революционеров народом, научной подготовки революции путем социалистической пропаганды, просвещения масс. Он резко осудил деятельность С. Г. Нечаева, критиковал анархизм М. А. Бакунина и заговорщическую тактику П. Н. Ткачева. В программе, опубликованной в первом сборнике «Вперед!», на первое место было выдвинуто положение, что «перестройка русского общества должна быть совершена не только с целью народного блага, не только для народа, но и посредством народа. <...> Мы не хотим новой насильственной власти на смену старой, каков бы ни был источник новой власти» (Штурманы будущей бури.— М., 1987.— С. 47). Возражая Ткачеву, прекратившему свое сотрудничество в изданиях Л. и выступившему с критикой лавровской программы в брошюре «Задачи революционной пропаганды в России. Письмо к редактору журнала «Вперед!» (Женева, 1874), Л. в работе «Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры «Задачи революционной пропаганды в России» (Лондон, 1874) подчеркнул, что «каждый неудачный бунт есть отложение победы революции на более далекое будущее» (Избр. соч...— Т. 3.— С. 345). Первостепенной задачей социалистической революции Л. считал экономический переворот. В то же время в середине 70 гг. он оправдывал политические формы борьбы, тактику террора «Народной воли», т. к. в условиях «архаичного» русского самодержавия трудно было готовить революцию. Участие в политической борьбе, по Л., в особенности требует от революционера этически безупречного поведения. В работе «Социальная революция и задачи нравственности» («Вестник «Народной воли».— 1884.— № 3; 1885.— № 4) Л. писал, что революционер «должен более всего остерегаться наложить по неосторожности

«лишнее» пятно на знамя, которое защищает» (Философия и социология.— Т. 2.— С. 497).

Еще в 60 гг. Л. пытался согласовать свой субъективный социологический метод с учетом объективных потребностей личности, прежде всего — потребности в пище, подходя «в конце концов в поисках побудительных причин деятельности человека... к ее материальной основе» (Антонов В. Ф.— С. 34). Под влиянием работ Маркса и Энгельса, деятельности Интернационала растет интерес Л. к экономическим проблемам, к освободительной борьбе пролетариата. Однако изложенное в «Капитале» учение Л. согласовывал «с требованиями справедливости» («Вестник «Народной воли».— 1884.— № 3.— С. 45), т. е. вкладывал в него свой, субъективно-социологический смысл (см.: Антонов В. Ф.— С. 25—26). Признавая возможность пролетарских революций в развитых западноевропейских странах, социалистические перспективы в России почти до конца жизни связывал в основном с крестьянской общиной. Народнические взгляды Л. были подвергнуты критике Г. В. Плехановым («Социализм и политическая борьба», 1883; «Наши разногласия», 1885) и В. И. Лениным («Задачи русских социал-демократов», 1895). С успехами группы «Освобождение труда» (1883), ростом рабочего движения в России авторитет Л. ослабевает.

Помимо работ, посвященных революционной теории и практике («Государственный элемент в будущем обществе», 1876; «18 марта 1871 года», 1880; «Народники-пропагандисты 1873—1878 гг.», 1895—1896, и др.), Л. продолжал в заграничный период заниматься и общими вопросами философии: с 1870 г. был членом Парижского Антропологического общества, в течение многих лет разрабатывал историю человеческой мысли: итоговой явилась книга «Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли» (М., 1898; под псевдонимом С. С. Арнольди), ее продолжала вышедшая уже после смерти Л. книга «Важнейшие моменты в истории мысли» (М., 1903; под псевдонимом А. Доленга). В огромном, до конца не выявленном (подсчитано около 60 псевдонимов) наследии Л. немало и политических стихотворений, широко известна «Новая песня» (газета «Вперед!»— 1875.— № 12), получившая позднее название «Рабочей Марсельезы» («Отречемся от старого мира...»).

Как самоотверженного борца за социализм Л. высоко ценили Маркс и Энгельс, бывшие его близкими друзьями. Маркс завещал Л. русскую часть своей библиотеки. Полемицируя с Л., Ленину отдавал огромную дань уважения «ветерану революционной теории» (Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 2.— С. 319). По предложению Ленина имя Л. увековечено на обелиске (в Москве, в Александровском саду) в ряду выдающихся борцов за освобождение трудящихся.

Эстетика и литературная критика Л. несут на себе яркую печать его теории прогресса, одним из мощных орудий которого он считал литературу. Сопоставляя, вслед за Г. Э. Лессингом, различные виды искусств («Лаокоон, или О границах живописи и поэзии» // Библиотека для чтения. — 1860. — № 3), Л. подчеркивал особую силу воздействия на человека словесного искусства — причем не только как повествования о действиях, но и как описания: «В этом случае даже едва ли сила слова не могущественнее живописи, потому что природа действует одновременно на зрение, на слух, на обоняние, между тем как живопись воспроизводит только первое действие» (Этюды о западной литературе. — С. 32). Считая, что Лессинг выступал «не против описания вообще, а против дурного описания» (Там же. — С. 30), Л. приводит образцы пейзажа и портрета в литературе XIX в. (из Н. В. Гоголя, А. С. Пушкина, И. А. Гончарова, А. А. Фета, И. В. Гете и др.), успешно соперничающие с живописью, но отличающиеся большей условностью воспроизведения, т. к. писатель многие подробности лишь «подразумевает», выделяя «характеристические». Из родов же самой литературы наибольшим эффектом воздействия, по Л., обладают «эпопея и драма», создающие целостный, пластический образ человека (Там же. — С. 55). Недооценка лирики в данном отношении (сама по себе неправомерная) вытекает из актуальных и сегодня суждений Л. о соотношении в искусстве временного («мнений партии») и общечеловеческого: круг действия произведения расширяется, если в нем выразилось общечеловеческое настроение. «Когда гражданское мнение сделалось одой Тиртея, песней Беранже, сатирой Ювенала, то оно уяснилось для самой партии, которой служило выражением. Не Спарта, не иезуиты, не развращенные патриции Рима сделали предметом чувства, одушевляющего слушателя. В защите Спарты почувал спартавец обязанность гражданина стоять делом за благо отечества...» (Там же. — С. 54). В лирике, по Л., больше риска высказать лишь современные вопросы. Подчеркивая непреходящее значение великих произведений искусства, Л. в то же время не считал «общечеловеческое» неизменным, соотнося его с нравственными идеалами современности. В статье «Шекспир в наше время» (Устон. — 1882. — № 9—10) он высоко оценивает в пьесах гениального драматурга борьбу с клерикализмом, утверждение энергии личности; однако некоторые тенденции (напр., решение «женского вопроса» в «Укрощении строптивой») образуют «нравственный диссонанс» с современными понятиями (Этюды о западной литературе. — С. 213).

Эстетические суждения Л. образуют определенную систему уже в работах 60 гг. Важнейшим условием прекрасного он считал гармоничное сочетание совершенной формы («стройности») и «пафоса», т. е. жизненного начала,

идеала художника: «...стройная форма и патетическое действие художественного произведения суть два элемента, в которых проявляется его достоинство» (Философия и социология. — Т. 1. — С. 538).

Однако Л.-критик уделял «пафосу» произведений гораздо большее внимание, чем их «стройности». Допуская, что художник независимо от степени сознательности творчества может полно и верно отразить жизнь, чему примеры — О. Бальзак, Гоголь («Лирики тридцатых и сороковых годов» // Отечественные записки. — 1877. — № 8), Л. все же предпочитал в деятеле искусства активность критической мысли. «Чтобы художник сам был цивилизационной силой, — пишет Л. в «Исторических письмах», — для этого он должен сам вложить в свои произведения человечность; он должен вырабатывать в себе источник прогресса и решимость его осуществить...» (Философия и социология. — Т. 2. — С. 94). Отмечая эстетические недостатки произведений, напр. усиливающуюся с годами склонность В. Гюго к риторике, вычурности речи («Два старика» // Новое время. — 1872. — № 110; «Лирики тридцатых и сороковых годов»), свою главную цель Л. видит в определении «пафоса», «направления» писателя (в творчестве Гюго это — романтизм, «стремление насильственно стать на идеальную точку зрения среди общества, не имеющего идеалов...» — «Этюды о западной литературе». — С. 102).

Двойной критерий оценки произведений открывает перед критиком, как показывает Л. в посвященной П. В. Анненкову статье «Турист-эстетик», разные пути. Поскольку литература, независимо от черпаемого из жизни содержания, всегда есть «техника слова и, как техника слова, имеет свои вопросы формы, отделки» (Дело. — 1879. — № 10. Современное обозрение. — С. 8), можно, подобно Анненкову, сосредоточиться на эстетической стороне произведения. Таков путь «туриста-эстетика», лишь маскирующегося под «работника идей» (как иронически — и несправедливо — назван Анненков). Иначе подходят к произведению критики — «путешественники по плану» (к которым и относит себя Л.): «...перед их критикою форма и содержание, точно так же как различные элементы этого содержания, располагаются иерархически, под руководством той самой идеи, которая характеризует «план» их жизненного и литературного путешествия» (Там же. — С. 8). Так обосновывается Л. определенная избирательность анализа.

В зависимости от публики — адресата критика, его приемы могут изменяться. В статье «О задачах современной критики (Письмо провинциала)» (Отечественные записки. — 1868. — № 3) Л. намечает основные периоды в истории русского читателя, с сожалением констатируя преобладание в настоящий момент «умственного утомления и нравственного индифферентизма»,

сменивших деление на «партии» (Звенья / Под ред. В. Бонч-Бруевича.— М.; Л., 1936.— Вып. VI.— С. 769). Метод и стиль критика варьируются и в зависимости от свойств произведений. Л. саркастически характеризует «ультраблагонамеренность» антиингилистической беллетристики, с которой переключается роман Гончарова «Обрыв»: «Под ногами Волохова чуть-чуть не разверзается геенна и вы ждете, что около него запропадут чертенята финала Дон-Жуана» («Письмо провинциала о некоторых литературных явлениях», 1869 // Литературное наследство.— М., 1967.— Т. 76.— С. 188). Иным было отношение Л. к творчеству Тургенева, которому посвящены наиболее значительные монографические статьи критика: «Новый роман г. Тургенева» (на англ. яз.) // The Athenaeum.— London, 1877.— № 2573. Перепечатана в переводе на рус. яз.: Литературное наследство.— Т. 76; «И. С. Тургенев и развитие русского общества» // Вестник «Народной воли».— 1884.— № 2. Перепечатана: Литературное наследство.— Т. 76 (I часть статьи); И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / Собр. и коммент. М. К. Клеман.— М.; Л., 1930 (II часть статьи).

Правдивость отражения действительности — вот что ценит Л. в Тургеневе. Соотнося творческую эволюцию Тургенева с фазами развития русского общества, Л. видит в «Записках охотника», «Отцах и детях», «Дыме» «симптомы социальных изменений»: эти произведения «резко подчеркнули то значение, которое с каждым днем приобретал для России в конце 40 гг. вопрос освобождения крестьян, в начале 60 гг. — русский нигилизм, а в конце того же десятилетия — социальное разочарование вообще» (Литературное наследство.— Т. 76.— С. 200). В то же время Л. считает реализм Тургенева неполным; не показаны главные, революционные деятели названных периодов, напр. в «Накануне» — настоящие учителя «Елен», приносившие им «и печатные статьи Белинского, и переписанное письмо к Гоголю, и стихи Некрасова, и „Кто виноват?“, и напечатанное за границей „с того берега...» (Там же.— С. 223). Подобные дополнения и коррективы к рисуемому Тургеневым, по выражению Л., «углам картины» составляли большую познавательную ценность его разборов. В особенности интересен комментарий Л. к роману «Новь», стихотворениям в прозе «Чернорабочий и белоручка», «Порог», отразившим героинку и трагизм народного движения. Личные контакты Тургенева с Л., споры о программе «Вперед!» и др. сыграли немалую роль в освоении писателем этой темы (см.: Буданова Н. Ф.— С. 65—106). Л. посвятил роману сочувственную в целом статью, где с удовлетворением писал: «...нравственный облик русского революционера, оклеванного романистами школы г-на Каткова, впервые показан здесь так, что читательская масса может, наконец, оце-

нить значительность современного движения в России...» (Там же.— С. 203). Вместе с тем Л. упрекал писателя в смешении движения 1863—1870 и 1873—1876 гг., а главное — в выдвигании на первый план фигуры Соломина вместо «типа революционера, более оснащенного и деятельного...» (Там же.— С. 203). В целом Л. признает большие заслуги Тургенева перед освободительным движением, несмотря на его либерализм и неверие в возможность революции: «Бессознательный подготовитель и участник в развитии русского революционного движения, он тем не менее подготовлял его и участвовал в нем» (И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников.— С. 77).

Л. высоко ценил творчество М. Е. Салтыкова-Щедрина, с помощью его сказок «Неумытый Трезор» и «Коняга» разоблачая «идиллию сельского труда» (Философия и социология.— Т. 2.— С. 544), Чернышевского как «преемника автора „Кандида“ и „Задига“» (Там же.— С. 670). Резко критически он относился к учению Л. Н. Толстого о «непротивлении злу насилием» («Старые вопросы (учение графа Л. Н. Толстого)» // Вестник «Народной воли».— 1886.— № 5), а также к «почвеннической» проповеди Ф. М. Достоевского. В восторженно встреченную речь Достоевского о Пушкине (1880), заключающую в себе слова о русском «несчастном скитальце в родной земле...», революционно настроенная молодежь, как думал Л., внесла «свою боль скитальчества по русской земле, свое жаркое желание слиться с народом, свою страстную готовность жить и умереть за братьев...» (И. С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников.— С. 60). Воинствующий атеист и революционер, Л. считал нравственным долгом именно такое «скитальчество».

Соч.: Избр. соч. на социально-политические темы в восьми томах: Тт. I—IV / Вступ. ст. и общ. ред. И. А. Теодоровича; Коммент., библиогр. и биогр. очерки И. С. Книжника-Ветрова.— М., 1934—1935; Философия и социология. Избр. произв.: В 2 т. / Сост. и примеч. И. С. Книжника-Ветрова; Вступ. ст. И. С. Книжника-Ветрова и А. Ф. Окулова.— М., 1965; Этюды о западной литературе / Под ред. А. А. Гизетти, П. Витязева; Вступ. ст. А. Гизетти.— Пг., 1923; Стихотворения // Поэты-демократы 1870—1880-х гг.— Л., 1968.

Лит.: Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями.— 2-е изд.— М., 1951; Плеханов в Г. В. Конспект речи в день похорон П. Л. Лаврова // Литературное наследие Плеханова.— М., 1934.— Сб. I; «Вперед!» Сб. ст., посвященных памяти П. Л. Лаврова / Под ред. П. Витязева.— Пг., 1920; П. Л. Лавров. Статьи, воспоминания, материалы.— Пб., 1922.— Сб. IV; Володин А. И. Итенберг Б. С. Лавров.— М., 1981; Антонов В. Ф. Революционное творчество П. Л. Лаврова.— Саратов, 1984; Коновалов В. Н. Литературная критика народничества.— Казань, 1978.— С. 69—82; Лукин В. Н. П. Л. Лавров как эстетик и литературный критик.— Саратов, 1979; Буданова Н. Ф. Роман И. С. Тургенева «Новь» и революционное народничество 1870-х годов.— Л., 1983; Мысляков В. А. Салтыков-Щедрин и народничества демократия.— Л., 1984.— С. 55—99; Итенберг Б. С. П. Л. Лавров в русском революционном движении.— М., 1988.

Л. В. Чернец

ЛАЖЕЧНИКОВ, Иван Иванович [14(25).IX. 1792, Коломна — 26.VI(8.VII).1869, Москва] —

прозаик. Родился в богатой купеческой семье. Отца Л. отличала тяга к просвещению, упроченная знакомством с Н. И. Новиковым. Получив хорошее домашнее воспитание, Л. рано пристрастился к чтению, узнал русскую, затем французскую и немецкую литературу. С 1807 г. в журналах «Вестник Европы», «Русский вестник», «Аглая» появляются сочинения Л., собранные позднее в его книге «Первые опыты в прозе и стихах» (М., 1817). По жанрам и по характеру их разработки они принадлежат сентиментальной традиции. При раздражительности, художественном несовершенстве уже здесь можно уловить отзвуки антидееспотических и патриотических настроений, определявших впоследствии идейный строй исторических романов Л.

Увлеченный патриотическим порывом, Л. в 1812 г. бежал из родительского дома и вступил в русскую армию. Участник последнего этапа Отечественной войны и европейских походов 1813—1814 и 1815 гг., он наблюдал «деяния соотечественников», «возвышающие имя и дух русского», быт и нравы Польши, Германии, Франции, прибалтийских земель, сопоставляя виденное с картинами русской жизни. В «Походных записках русского офицера» (1817—1818; отд. изд. в 1820 г.) определились интерес Л. к истории, стремление по сходству и контрасту поставить ее в связь с современностью, причастность автора к той волне идеологического движения, которая на гребне своем вынесла декабристов. В конце 1819 г. Л., восторженно поклоннику молодого А. С. Пушкина, довелось встретиться с поэтом и предотвратить его дуэль с майором Денисовым, о чем позднее Л. рассказал в мемуарном очерке «Знакомство мое с Пушкиным» (опубл. в 1856 г.). После отставки (1819) Л. начал службу по министерству народного просвещения, которую продолжал с перерывами до 1837 г. (Пенза, Саратов, Казань, Тверь). В бытность директором училищ Пензенской губ., ревизуя уездные школы, он был изумлен быстротой, уверенностью, самостоятельностью ответов двенадцатилетнего В. Г. Белинского. С годами это знакомство перешло в дружбу. В 30-х гг., когда начинающий критик испытывал крайнюю нужду, Л. не раз проявлял заботу о нем. Белинский же сочувственно следил за успехами Л.-романиста. Об истории этого знакомства Л. рассказал в мемуарном очерке «Заметки для биографии Белинского» (опубл. в 1859 г.).

Жанр исторического романа, первые классические образцы которого создал в 1810-х гг. В. Скотт, не случайно снискал мировую славу и стал ведущим в литературе 20 гг. Великая французская революция, годы наполеоновской империи, национально-освободительных войн против наполеоновского господства, а в России — война 1812 г., европейские походы, восстание на Сенатской площади несли с собой ускорение темпа общественной жизни. Люди, вовлеченные в ход

потрясающих Европу событий, как свидетели их и участники почувствовали вторжение истории в повседневность, пересечение и взаимодействие мира «большой», исторической и мира «малой», частной жизни. Волна исторического чувства, пробужденного бурной эпохой, способствовала рождению исторического романа и его популярности.

В отличие от Пушкина и Гоголя (но подобно повествователям-декабристам), Л. избирает для своих исторических романов такие моменты прошлого, когда действуют пылкие возвышенные одиночки, а народ, во имя которого они жертвуют собой, играет в событиях страдательную роль. Соответственно любимый герой Л. — лицо вымышленное или историческое, но в любом случае наделенное сложным внутренним миром и исключительной, трагической судьбой. Своих героев Л. высоко поднимает над прозой быта, сообщая им символическую масштабность и глубокую поэтическую выразительность. Этим, как и характерной для Л. поэтикой контрастов, его романы типологически ближе к историческим романам А. Виньи, В. Гюго и др. французских романтиков, чем к роману вальтер-скоттовского типа.

Первый роман Л. — «Последний Новик» (1831—1833). Действие его происходит в годы Северной войны, которую вел Петр I со шведами за выход к Балтийскому морю. Обращение Л. к прошлому Прибалтики было подготовлено «ливонской повестью» писателей-декабристов — А. и Н. Бестужевых и В. Кюхельбекера. Но декабристов привлекало средневековое, представленное в свете антидееспотических свободлюбивых идей. Л. же остановился на другой эпохе, когда истинному патриоту Лифляндии И. Р. Паткулю ясно, что спасение его многострадальной страны состоит в присоединении к державе Петра. Нравственную победу дела Петра знаменует и судьба главного героя романа. По рождению и воспитанию Владимир предназначен быть врагом юного Петра. После покушения на жизнь царя он бежит на чужбину, со временем осознает историческое значение Петровских реформ и полагает целью жизни искупить свою вину перед Россией. Отвергнутый родиной, Владимиру тайно служит ей, способствуя, подобно PROVIDENCIU, победам русских войск в Лифляндии. «Последний новик» принес Л. известность и признание. Молодой Белинский заметил, что роман «обнаруживает в авторе высокий талант, удерживает за ним почетное место «первого русского романиста» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — М., 1953. — Т. I. — С. 96—97).

Высшее достижение Л.-романиста — «Ледяной дом» (1835). Роман имел шумный успех и прочил литературную репутацию Л. На этот раз Л. стремился воссоздать события зимы 1739/40 г., последнего года царствования Анны Иоанновны. Болезнь императрицы, отсутствие прямых наследников престола крайне обострили борьбу при дворе и в правительстве. Средоточием ее стало

у Л. выступление русских патриотов во главе с кабинет-министром А. П. Вольтером против засилья иноземцев в лице фаворита императрицы Бирона, по имени которого народ прозвал это бездарное и жестокое царствование бироновщиной. К. Ф. Рылев посвятил Вольтеру две думы; их воздействие ошугито в образе главного героя и в исторической концепции Л. Центральным, сквозным образом романа — ледяной дворец, существовавший на деле, построенный по воле царицы для потешного придворного праздника шутовской свадьбы. У Л. ледяной дом — символ царствования Анны Иоанновны и всякой деспотической власти, он отбрасывает тень на все перипетии политической интриги и романтической истории пылкой любви Вольтерского к княжне Лелемико. Вольтерский, пламенный романтик в любви и в политике, — любимый герой Л. «Эта природа чисто русская, это русский барин, русский вельможа старых времен!» (Там же. — Т. III. — С. 13). Самая гибель Вольтерского в неравной борьбе, которая семью аллюзией связана с выступлением и судьбой декабристов, стала для Л. источником исторического оптимизма. «...Теплое поэтическое чувство, которым проникнуто все сочинение, множество отдельных превосходных картин, прекрасных частностей, основная мысль — все это, — находил Белинский, — делает «Ледяной дом» одним из самых замечательных явлений в русской литературе» (Там же. — С. 18).

Приметы художественного роста Л. отметил в «Ледяном доме» и Пушкин. «...Поэзия останется всегда поэзией, и многие страницы вашего романа будут жить, доколе не забудется русский язык», — писал поэт автору, упрекнув его, однако, что «истина историческая» им «не соблюдена»: идеализирован Вольтерский, карикатурно снижен образ Тредьяковского. «Вы оскорбляете человека, достойного во многих отношениях уважения и благодарности нашей. В деле же Вольтерского играет он <Тредьяковский> лице мученика. Его донесение Академии <об избении его Вольтерским> трогательно чрезвычайно. Нельзя его читать без негодования на его мучителя» (Пушкин А. С. Полн. собр. соч. — М.; Л., 1949. — Т. XVI. — С. 62). Верный своему романтическому методу, Л. не принял упреков поэта, полагая, что «в историческом романе истина всегда должна уступить поэзии, если та мешается этой». Белинский, поначалу поддержавший позицию романиста, в 1845 г. вернулся к ее оценке с более широкой общественно-исторической точки зрения, повторив обращенный к Л. упрек Пушкина: «Бедный Тредьяковский! тебя до сих пор едят писаки и не нарадуются досыта, что в твоём лице нещадно бито было оплеухами и палками достоинство литератора, ученого и поэта!» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — Т. IX. — С. 190).

Вдохновенный успехом «Ледяного дома», Л. за три года создает последний из законченных им исторических романов — «Басурман» (1838).

От XVIII в. он нисходит здесь в XV столетие, в суровую переломную эпоху, когда Иван III, сокращая удельные княжества, обновляя и украшая свою столицу, создавал на месте старой Московии новую могучую державу. Ее утверждение совершается в романе в борьбе зарождающихся на Руси новых, родственных гуманизму западного Возрождения стремлений с фанатизмом, жестокостью, коварством, произволом. Несомненная удача Л. — неоднозначный характер Ивана III. Осторожный и дальновидный политик, умный монарх, неутомимый собиратель земли Русской, он и деспот, добивающийся цели хитростью и силой. С благородной целью содействовать счастью поднимающейся к новой жизни страны приезжают на зов князя в далекую Московию архитектор Аристотель Фиоравенти и лекарь «немчин» Антон. Иван III жалует обоих своею милостью, но подчиняет их гуманистические замыслы своим нуждам. Романтикам и творцам, этим любимым героям Л., приходится трудно: Антон и его невеста боярышня Анастасия гибнут жертвой коварства и злобы. Но в глубинах русской жизни деятельность «басурмана» пробуждает встречное движение, что служит для Л. залогом грядущего сближения народов и культур, торжества идеалов добра, дружбы и справедливости над мрачными силами средневекового фанатизма, жестокости, религиозных и национальных преубеждений.

«Басурман» не случайно был последним крупным достижением Л. С расцветом творчества Гоголя, Лермонтова, с выступлением писателей «натуральной школы» роль исторического романа 30 гг. была исчерпана. В новых исторических условиях общественная позиция писателя обнаруживает консервативные тенденции. После 1842 г. расходятся пути Л. и Белинского. С этого года Л. снова служит: сначала тверским, затем витебским вице-губернатором, а с 1856 г. до выхода в отставку (1858) — цензором петербургского цензурного комитета. Он пробует силы в драматургии, пишет трагедии и комедии. Из сочинений Л. — драматурга наиболее известна стихотворная комедия «Опричник» (1843). Задержанная цензурой, она увидела свет лишь в 1859 г., а впоследствии послужила основой для либретто одноименной оперы П. И. Чайковского. Два последних романа Л. — «Немного лет назад» (1862) и «Внучка панцирного боярина» (1868), где от исторической тематики он обратился к современной, свидетельствовали о закате его таланта. В историю русской литературы Л. вошел прежде всего как исторический романист.

Соч.: Соч. Посмертное полное издание / Вступ. ст. С. Венгерова. — Пб.; М., 1883—1884. — Т. I—XII; Ледяной дом / Вступ. ст. М. В. Нечкиной; Примеч. Е. М. Шуб. — М., 1958; Соч. / Вступ. ст. Н. Н. Петруниной; Примеч. Н. Г. Ильинской. — М., 1986. — Т. 1—2.

Лит.: Григорьев А. П. Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства <1859> // Григорьев А. П. Литературная критика. — М., 1967. — С. 127—

128; Нечаева В. С. И. И. Лажечников.— Пенза, 1945; Виноградов В. В. О языке художественной литературы.— М., 1959.— С. 557—565; Благой Д. Д. Первый исторический роман Лажечникова // Лажечников И. И. Последний Новик.— М., 1962, 1983.— С. 530—560; Ильинская Н. Г. Цензурная история романа «Последний Новик» // Там же.— С. 561—565; Петров С. М. Русский исторический роман XIX века.— М., 1964.— С. 110—157. *Н. Н. Петрунина*

ЛЕВИТОВ, Александр Иванович [20.VIII (I.IX). 1835, село Доброе Лебедянского уезда Тамбовской губ.—4(16).I.1877, Москва] — прозаик. Родился в семье дьячка. Отец, кроме службы в церкви, содержал постоялый двор и школу для крестьянских детей, в которой Л. с 8 лет, обучившись грамоте, помогал ему. Приобщению к культуре способствовали встречи летом с дядей-семинаристом, познакомившим Л. с русскими писателями в объеме хрестоматии по литературе А. Д. Галахова. Учился в Лебедянском уездном духовном училище, затем — в Тамбовской духовной семинарии. Здесь он сошелся с кружком товарищей, где вечерами читали Пушкина, Лермонтова, Ч. Диккенса, Гоголя, У. Теккерея, Ф. Шиллера. В семинарии начал писать юмористические стихи. За сочинительство и чтение иностранной литературы подвергался постоянным преследованиям со стороны инспектора монаха Иеронима, который однажды высек его за чтение «Мертвых душ» Гоголя. После этого случая Л. долго болел нервной горячкой, а затем (1855) вместе со своим товарищем Я. Е. Соколовым, оставив семинарию, пешком отправился в Москву с целью поступления на медицинский факультет Московского университета. Потерпев неудачу, друзья пешком пошли в Петербург. Здесь Л. удалось поступить в Медико-хирургическую академию. К этому времени умерла мать Л. Отец женился на другой и отошел от старой семьи. Л. остался без систематической материальной помощи, кроме того, на родине оставались его брат и сестра, судьбой которых Л. был очень озабочен. Уже в следующем (1856) году за какую-то, точно не выясненную биографами провинность, Л. был арестован, исключен из академии и сослан сначала в Вологду, а затем в г. Шенкурск Архангельской губернии на должность фельдшера «отрабатывать» полученную в период обучения стипендию. В Шенкурске Л. пристрастился к картам, приобрел пагубную страсть к спиртному, превратившуюся затем в хроническую болезнь, которая свела его в могилу.

В 1857 г. Л. переводится в г. Вельск, а в следующем году — в Вологду, где и заканчивается срок его ссылки (1859). В ссылке начинается литературная деятельность Л.: здесь написаны опубликованные позднее «Ярмарочные сцены. Очерки из простонародного быта». Впечатления о детстве отражены Л. в очерках «Мое детство», «Моя фамилия», в очерке «Петербургский случай». Рассказчик очерка «Моя фамилия», герой автобиографического, говорит о «гадости...

воспоминаний о детстве»: «Я не желаю повторения моего детства», «никогда не назову его ни золотым, ни даже железным».

Жизнь Л. складывалась очень трудно. По окончании ссылки (1859) Л. снова пешком пришел в Лебедянь, где остановился у своей замужней сестры. Работает некоторое время домашним учителем немца-управляющего в одном из имений Тамбовской губернии. Весной 1860 г. Л. отправляется пешком в Москву, зарабатывает на жизнь составлением бумаг в волостных правлениях. В том же году через знакомого наборщика журнала «Русский вестник» Л. передает рукопись «Ярмарочных сцен» А. А. Григорьеву, который знакомит с ней редактора журнала М. Н. Каткова, предоставившего Л. место помощника секретаря в редакции своего журнала (1860).

В московских журналах публикуются его «Ярмарочные сцены» («Время». 1861.— № 6.— впоследствии издавались под заглавием «Типы и сцены сельской ярмарки»); «Сладкое житие (из рассказов уездного старожила)»: три первых главы — в «Московском вестнике» (1861.— № 2), полностью — во «Времени» (1861.— № 8).

В 1860 г. под впечатлением похода в Москву написан очерк «Целовальничиха. Из дорожных воспоминаний», опубликованный в следующем году в газете «Русская речь» (№№ 26 и 27), с подзаголовком «Очерки из народной жизни». Тогда же (1861) и в той же газете (№ 65) опубликован очерк «Проезжая степная дорога. Ночь» (последующее название — «Степная дорога ночью»). Уже в первых очерках, привлечших внимание читателя, обнаружился незаурядный талант Л. Сам автор мечтал об учебе в Московском университете, посещал лекции его профессоров в качестве вольнослушателя. Однако стать студентом университета ему так и не удалось.

В 1862 г. Л. переселяется в Петербург, стремясь активнее заниматься литературным творчеством. Наступает наиболее плодотворный период его деятельности. Он публикует целый ряд очерков, в которых с правдивостью человека, лично пережившего немало ударов судьбы и горьких дней, изображает страдания несчастных, подавленных жизнью людей. Такова Саша, опустившаяся на дно жизни девушка из очерка «Погибшее, но милое создание», опубликованного под названием «Совершенно погибшее, но весьма милое создание» в журнале «Зритель» (1862.— №№ 16 и 17), за подписью Иван Сизой. Горька участь Козлиха, деревенской бабы, которую волостной писарь «пропил за десять рублей» местным богатым «в посмертную кабалу», за то что она посмела пререкаться с женой богатого мужика (очерк «Расправа» // «Зритель». — 1862.— №№ 24—27, под названием «Мирской суд»). До крайней степени унижения доведена жена хозяина постоялого двора, который постоянно издевается над ней, избивает ее, заставляет прислуживать собственной кухарке, плясать перед

постояльцами (очерк «Степная дорога днем» // «Зритель». — 1862. — №№ 24—27, под названием «Степная дорога»). В том же 1862 г. в журнале «Развлечение» (№№ 23 и 27) опубликован очерк «Насупротив!», под первоначальным названием «Дорожный очерк. Степные нравы». В этот период творчества Л. художественно перерабатывает свои «сельские» впечатления. Его герои — мужики и бабы, священнослужители, представители сельской власти, писари, трактирщики, богомольцы, странники, нищие. «Степные обитатели» безропотно переносят самые тяжкие страдания.

В 1862 г. опубликованы очерки «Аркадское семейство», «Грачевка», «Уличные картинки — ребячьи учителя», фельетон «Перед Пасхой». В очерке «Моя фамилия (из воспоминаний временнообязанного)», опубликованном в журнале «Якорь» (1863) под названием «Лирические воспоминания Ивана Сизого... Мои старики», с дополнениями в «Неделе» (1868. — №№ 7 и 8, под названием «Моя фамилия (старый рассказ)»), Л. показывает весь ужас постепенного осознания дворовым подростком своего бесправного положения, при котором понятия «дворовый мальчишка» и «дворовая собака» оказываются тождественными. Широтой натуры напоминает необыкновенных героев Лескова Шкурлан (рассказ «Сапожник Шкурлан» // «Развлечение». — 1863. — № 5, с подзаголовком «Степной очерк»).

В 1863 г. опубликованы очерки «Соседи (посвящается одному несчастному детству)», «Война», «Дворянка», «Один доктор (Большинный эскиз)», «Лирические воспоминания Ивана Сизого. Характеристика трепок, получаемых нашими молодыми ребятами при вступлении в жизнь», «Именины сельского дьячка», «Московские комнаты с небилью».

В 1864 г. в журнале «Современник» публикуется его очерк «Бабушка Маслиха», с подзаголовком «Степные нравы». Маслиха, отражающая в своих мыслях и поступках «старые» нравы и традиции, щедра на доброе слово и дело. Она не только утешает бедных и пострадавших людей, но и всегда готова поделиться с людьми тем, что имеет. Л. обращается к сельской тематике и позднее: «Газета в селе» (1865), «Бесприютный» (1870) и др., где изображает людей «в кровавом поте», согнувшихся на клочках своей земли.

К середине 60 гг. Л. глубоко узнает жизнь городских низов и трущоб. Эта тема нашла отражение в очерке «Московские комнаты с небилью». В 1864 г. он публикует в журнале «Московские губернские очерки» (№№ 4 и 5) «Нравы Московских девственных улиц» с подзаголовком «Очерки». Здесь широко представлено городское мещанство, жильцы и хозяева дешевых меблированных комнат, торговцы, завсегдатаи питейных домов, ремесленники, мелкие чиновники, люди городских низов, «дна». Герои этих город-

ских очерков живут той же жизнью, что и «степные обитатели»: та же грязь, пьянство и невежество. «Есть ли в Москве человек, которому бы жить на этом свете хуже меня было?» — спрашивает пьяница старовер Сафрон Фомич Милушкин («Московские комнаты с небилью»).

В то же время Л. подчеркивает трудолюбие, честность бедняков. Так, чиновник Померанцев («Петербургский случай») не лицемерит, не берет взятки и тем самым вызывает подозрительность у обывателей, выглядит ненормальным и в конце концов на самом деле сходит с ума, по существу затравленный окружающими его «нормальными людьми». Один из немногих «положительных» героев Л. разночинец Теокритов («Степная дорога днем») говорит: «Тысячу, сто тысяч лет нужно прожить мне..., чтобы забыть... нравственное злоение, которое окружает меня с самого детства».

«Очерковость», калейдоскопичность произведений Л. — художественная манера писателя, усиливающая впечатление достоверности изображаемого. Этой же цели служит и введение рассказчика Ивана Сизого. Мозаика разнообразных картин жизни как бы не успевает спрессоваться в широкие эпические полотна: эпос Л. — эпос малого жанра. Сам писатель в подзаголовках подчеркивал житейские источники своих повествований: «Случай», «Дорожный очерк», «Из дорожных воспоминаний» и т. д.

В пейзаже Л. предпочитает темные тона, чаще изображая ночные сцены. Только два светлых пейзажа показаны в его очерках: Дорога и Степь, на них как бы отдыхает взгляд художника.

На 60 гг. приходится расцвет творчества Л. Им написано много в этот период около 30 произведений. Кроме названных выше, это «Новый колокол» (1863), «Самовар Исаия Фомича» (1864), «Верное средство от разорения» (1865), «Аховский посад» (1866), «Фигуры и тропы о московской жизни» (1865), «Запивоха» (1865), «Беспечальный народ» (1869), «Хорошие воспоминания» (1869) и др.

В 1865 г. Л. сдает при Петербургском университете экзамен на звание уездного учителя русского языка. Получает место учителя недалеко от родины, в Рязьске, но вскоре бросает его. Коучет из Петербурга в Москву и обратно. Некоторое время работает в Московском пансионе, служит на железнодорожных станциях. Дает частные уроки в Москве, но нигде не может долго удержаться.

В 1868 г. Л. поселился в Сергиевской пустыне и написал здесь очерки «Ни сеют ни жнут», «Бесприютный» (1870), статьи для «Будильника» и «Искры». В 70 гг. им написаны: «Московские уличные картины» (1870), «Мое детство» (1870), где описан дом, в котором родился и провел детство Л., «Деревенские картинки» (1870), «Девичий грешок (из жизни мастериц)» (1874). В последнем очерке Л. изображает процесс превра-

щения чистых деревенских девушек в наглых городских проституток.

В эти годы в творчестве Л. обнаруживается постоянное стремление к укрупнению эпического жанра. Так, еще в 1861 г. он пишет повесть «Накануне Христова дня», в которой изображает картину кулацкой эксплуатации деревни, в 1863 г. — отрывок из повести «Горбун». В 1870 г. начинает работу над романом «Сны и факты», отрывки из которого под названием «Говорящая обезьяна» были опубликованы уже после смерти писателя, в 1879 г. О стремлении к циклизации очерков свидетельствуют прижизненные издания сборников: «Степные очерки». — Спб., 1865. — Т. 1.; Спб., 1866. — Т. 2; М., 1867. — Т. 3; «Московские норы и трущобы»: В 2 т., с участием М. А. Воронова. — Спб., 1866, второе издание — под фамилией Левитова. — М., 1869; «Горе сел, дорог и городов. Повести, рассказы, очерки и картины А. И. Левитова. — М., 1874 и др. Судя по тому, что произведения Л. при его жизни выходили несколькими изданиями, он был популярен среди современников.

Л. был близок к прогрессивным общественно-литературным кругам своего времени: дружил с писателями В. А. Слепцовым, Г. И. Успенским, переписывался с И. З. Суриковым, П. В. Засодимским, Н. Н. Златовратским, особенно близко сошелся с учеником Н. Г. Чернышевского в Саратовской гимназии М. А. Вороновым, своим другом и будущим биографом Ф. Д. Нефедовым.

В 1870 г. в течение полугода Л. работал помощником начальника станции на Николаевской железной дороге. В 1871—1872 гг. был фактическим редактором иллюстрированного журнала «Северное сияние». С середины 70 гг. Л. по существу ничего не писал.

Последние годы жизни были особенно тяжелыми. Ничтожные заработки, частые запои, обострившийся туберкулез окончательно подорвали здоровье Л. В конце 1876 г. он простудился и вскоре скончался в клинике Московского университета. Похоронен на Ваганьковском кладбище, рядом со своим другом М. А. Вороновым.

*Соч.: Собр. соч.: В 2 т. / Вступ. ст. Ф. Д. Нефедова. — М., 1884; Полн. собр. соч.: В 4 т. / Вступ. ст. В. А. Никольского. — Спб., 1905; Собр. соч.: В 8 т. — Спб., 1911; Избранное / Вступ. ст., сост., прим. Л. М. Крупчанова. — М., 1980; Избранные произведения / Сост. Е. Жезлова. — М., 1988.
Лит.: Струков А. Ф., А. И. Левитов. — Липецк, 1960; А. И. Левитов. Библиографический указатель / Сост. В. В. Шахов, А. А. Воробьевский. — Липецк, 1976. Л. М. Крупчанов*

ЛЭЙКИН, Николай Александрович [7(19).XII.1841, Петербург — 6(19).I.1906, там же] — прозаик, издатель. Родился в старинной, но обедневшей купеческой семье. Образование получил в Петербургском немецком реформаторском училище, где приобрел хорошее знание иностранных языков. По окончании училища служил приказчиком в кладовой купца-гостинодворца,

позднее — в конторе страхового общества. Литературным дебютом Л. стало стихотворение «Кольцо», опубликованное в журнале «Русский мир» в 1860 г. В 1861 г. в журнале «Петербургский вестник» Л. печатает свое первое прозаическое произведение — рассказ «Гробовщик». Позднее сотрудничал как фельетонист и беллетрист в журналах «Искра», «Библиотека для чтения», «Современник», «Отечественные записки», «Стрекоза» и др. С начала 70 гг. Л. — постоянный сотрудник «Петербургской газеты». С 1882 по 1905 г. — редактор и издатель «Осколков», самого популярного юмористического журнала 80 гг. Л. — автор 36 романов и повестей, 11 пьес и нескольких тысяч очерков, рассказов, сенок и фельетонов. Блистательное знание купеческого быта определило тематику подавляющего большинства произведений писателя; а с самого начала проявившееся стремление к «невыводимому», фактографически точному изображению действительности, идущее от традиций «натуральной школы», стало наиболее существенной чертой поэтики Л., отличающей все жанры его творчества. Уже первые опубликованные в толстых журналах произведения Л.: «Апраксинцы» (Библиотека для чтения. — 1863. — № 10, 11) и «Биржевые артельщики» (Современник. — 1864. — № 7, 10) — рисуют широкую картину жизни петербургской купеческой среды и напоминают «физиологические» очерки. Несмотря на дружеские отношения с Г. И. Успенским, Н. Г. Помяловским, Ф. М. Решетниковым, А. И. Левитовым и достаточно сильное влияние, оказанное на него критически мыслящими сотрудниками «Искры», главным образом братьями В. С. и Н. С. Курочкиными, Л. вполне заслужил упрек Н. А. Некрасова, отметившего в его очерках несвоевременный недостаток «злобы» (Н. А. Лейкин в его воспоминаниях и переписке. — С. 186). Бытописательству Л., как правило, чужда характерная для шестидесятников установка на бичевание социальных язв и на возбуждение активного читательского сочувствия к судьбам «униженных и оскорбленных». Если социально острые темы и находят свое отражение в ряде произведений Л., напр. изображенные в повестях 70 гг. бесправного положения женщины: бывшей крестьянки («Кусок хлеба», 1871; «Две неволи», 1879) или дочери купца-самоудра («Христовы невесты», 1872), то эта острота почти всегда оказывается смягченной: Л. или опаздывает, по замечанию Н. К. Михайловского, в выборе актуальных тем на двадцать лет (М и х а й л о в с к и й Н. К. Новые книги... — С. 194), или настойчиво стремится сгладить, казалось бы, неразрешимый конфликт относительно благополучной концовкой.

Изображая по преимуществу жизнь купцов и находящихся у них на службе приказчиков, артельщиков, Л. смотрит на нее как бы «изнутри», глазами своих героев. Поэтому все

чуждое их мироощущению, далекое от сферы их непосредственных (служебных и житейских) интересов: идейные споры поколений, внимание к исторически значительным событиям эпохи или к психологическим глубинам человеческого характера — почти полностью отсутствует и в произведениях Л. Его герои проникнуты верой в неизблемость раз и навсегда усвоенных ими норм поведения, обычаев и привычек. Главное событие в этом устойчивом мире — превращение бывшего крестьянина в артельщика, лавочного мальчика — в приказчика, приказчика — в состоятельного купца, а главное потрясение — женитьба с сопровождающими ее хлопотами: поисками выгодного жениха, уговорами «подходящей» невесты, заботой о приданом и т. п. Подробно разработанный матримонийный сюжет — основной в большинстве романов и повестей Л. из купеческого быта: «В ожидании наследства», 1889; «Актеры-любители», 1891; «Сватовство профессора», 1892; «Сусальные звезды», 1898; «Счастливец», 1901, и др. Кроме того, Л. писал романы из жизни банковских служащих («Стукин и Хрустальников», 1886), среднего духовенства («Среди причта», 1897), провинциальных и столичных актеров («Странствующая труппа», 1894; «Меж трех огней», 1902), заводских рабочих («В царстве глины и огня», 1890), крестьянских женщин, пришедших на заработки в город («На заработках», 1891; «Первые шаги», 1901).

Однако особую славу Л. принесли его многочисленные рассказы-сценки с начала 70 гг. ежедневно публиковавшиеся в «Петербургской газете», а позже также в «Стрекозе» и «Осколках». Герои сенок — купцы и члены их семей и разнообразные представители мещанской, торговоремесленной среды и городских низов. Установка на изображение главным образом комических сторон быта петербургских жителей определила и характер названия большинства сборников, в которые Л. объединялись отдельные сценки: «Наши забавники», 1879; «Шуты гороховые», 1879; «Саврасы без узды», 1880; «Гуси лапчатые», 1881; «Голубчики», 1889. Рассказы-сценки объединялись в сборники и по тематическому признаку: «Мученики охоты», 1880; «Ребятишки», 1892; «В деревне и в городе», 1899. Под пером Л. сценка приобрела устойчивые композиционные черты: точное обозначение времени (как правило, по церковному календарю) и места действия, предельная краткость в описании внешности персонажей, живой комический диалог, не имеющий смыслового завершения, а произвольно обрываемый в финале. Участники диалога обычно обсуждают общеинтересную тему (перепись населения и ее последствия, слухи об эпидемии) или уличное событие-зрелище (ледоход на Неве, пожар, полет воздушного шара). При этом речь персонажей часто строится как нелепая и неуклюжая имитация «ученой речи» образованных слоев общества («все твои разговорные междометия»,

«фонтал ассенизации брызжет» — «Наши забавники», 1879.— С. 245, 258).

Сценка — основной жанр в творчестве Л. Уже в шуточных пьесах и коротких комедиях из купеческого быта, написанных им для театра в конце 60 гг. («Рукобитие», «Ряженные», «Привыкать надо!!!», «Медаль» и др.), легко различимы черты, усвоенные впоследствии жанром комической сценки и закрепленные в нем. По законам сценки построены также практически все главы повестей и романов Л., единство которых держится только общностью героев и сюжетной ситуации. Наиболее отчетливо эта особенность проявилась в романе «Стукин и Хрустальников» и в одном из самых популярных произведений Л. — длинном юмористическом сериале, описывающем заграничные путешествия купеческой супружеской пары: «Наши за границей», 1890; «Где апельсины зреют», 1892; «В гостях у турок», 1897; «Под южными небесами», 1898.

Юмор Л. чужд социальной направленности и философской глубины, что, однако, не делает Л.-юмориста писателем без определенной позиции. Такая позиция у Л., несомненно, есть. В «разношерстной толпе» персонажей, в их странных и чуждых словечках и в неумении договориться друг с другом Л. видит не дисгармонию, а условие существования внутренне сбалансированного самодостаточного мира, в котором, кроме забавных неурядиц и смешных происшествий, нет никаких других потрясений и драм.

Такое понимание задач юмористического творчества определило и лицо издаваемого Л. журнала «Осколки». Задуманный как журнал, перенимающий эстафету у «Искры» (некоторые сотрудники которой — В. В. Библибин, Л. И. Пальмин, Л. Н. Трефолов — сразу же были привлечены Л. к своему изданию), «Осколки» тем не менее были далеки от резкой сатирической направленности журнала-предшественника. Хотя долгое время «Осколки» заслуженно сохраняли репутацию наиболее либерального из юмористических журналов 80 гг. и не избежали даже некоторого давления со стороны цензуры, обличительство журнала в подавляющем большинстве публикаций имело характер безобидной критики: чаще всего предметом осмеяния оказывались внешние стороны купеческого образа жизни или досадные нелепости «дачного прозябания».

Л. привлек к участию в «Осколках» молодого А. П. Чехова, активно сотрудничавшего в журнале с 1882 по 1887 г. Чеховские произведения этих лет изобилуют как сюжетно-тематическими, так и словесными реминисценциями из Л. К Л. восходят сюжеты «Свадьбы с генералом» и «Ваньки» Чехова. Выработанный Л. тип названия сценки через указание на место или время изображаемых событий (напр., «В банях», «В вагоне и на имперiale», «На перевозе», «На святках») был усвоен Чеховым и использовался им особенно широко в ранний («В бане», «В вагоне»,

«В ландо»), но также и в поздний период творчества («На подводе», «На святках»). По словам Чехова, «Осколки» были его литературной «купелью», а Л.—«крестным батькой» (Письмо Чехова к Л. от 27 декабря 1887 г. // Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма.— Т. 2.— С. 164).

Сохранилась переписка Л. и Чехова. Обильная в 80 гг., со временем она заметно скудела, что объясняется постепенным отходом Чехова в область серьезной литературы и отчасти все растущим у него разочарованием в Л.— в те годы оборотистом и удачливом издателе, богаче, владельце огромного графского поместья: Л., по определению Чехова, это «добродушный и безвредный человек, но буржуа до мозга костей» (Письмо Чехова к А. С. Суворину от 3 ноября 1888 г. // Чехов А. П. Полн. собр. соч.: В 30 т. Письма.— Т. 3.— С. 55). Уже некоторые «осколочные» вещи Чехова знаменуют собой отказ от «картины мира», утверждаемой всем юмористическим творчеством Л. и его журналом; усматривая «непонятное» и недолжное в понятном и привычном, Чехов взрывает благополучное спокойствие бесхитростной лейкинской сценки.

Соч.: Повести, рассказы и драматические сочинения. В 2 т.— Спб., 1871; Неунывающие россияне.— Спб., 1879; Наши забавники.— Спб., 1879; Медные лбы.— Спб., 1880; Цветы лавровые.— Спб., 1885; Наши за границей.— Спб., 1890; Голь перекатная.— Спб., 1903; В люди вышел.— Спб., 1905; Писатели чеховской поры.— М., 1982.— Т. 1.— С. 28—58; Спутники Чехова / Сост., вступ. ст. и коммент. В. Б. Катаева.— М., 1982.— С. 48—96; Переписка А. П. Чехова.— М., 1984.— Т. 1.— С. 126—167.

Лит.: Салтыков-Щедрин М. Е. Повести, рассказы и драматические сочинения Н. А. Лейкина // Собр. соч.: В 20 т.— М., 1970.— Т. 9; Михайловский Н. К. Новые книги.— Н. А. Лейкин. «Шуты гороховые» и др. // Отечественные записки.— 1879.— № 6.— С. 192—195; Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке.— Спб., 1907; Амфитеатров А. В. Курганы.— 2-е изд.— Пг., 1909.— С. 284—288; Чудаков А. П. Мир Чехова: возникновение и утверждение.— М., 1986.— С. 101—119.

С. В. Тихомиров

ЛЕНСКИЙ, Дмитрий Тимофеевич, настоящая фамилия *Воробьев* [1805. Москва — 9(21).XII. 1860, там же] — драматург-водевильист, актер. Родился в купеческой семье. В 1819 г. Л. окончил Московскую практическую академию коммерческих наук, но его увлек театр. В 1824 г. втайне от отца дебютировал на московской сцене (в комедии «Муж и любовник» Р. Зотова) и был принят в труппу. В театре он занял довольно заметное место, играя роли молодых героев. Характеризуя Л. как исполнителя, журнал «Репертуар и пантеон» писал, что это актер «с огромным дарованием замечательным, актер умный, полезный» (1843.— Кн. 12.— С. 72). Л. играл роли Молчалина, Тартюфа, был первым исполнителем в Москве роли Хлестакова (1836), которому придал привычный водевильный характер.

Литературную деятельность Л. начал как переводчик стихов Беранже, написал ряд оперных либретто, в т. ч. либретто оперы «Громобой» Верстовского, потом переводил французские во-

девили, дополняя их весьма остроумными стихами. Многие куплеты и театральные эпиграммы Л. получили большую известность, их перепечатывали даже в сборниках народных песен. Писал Л. удивительно легко и быстро. В 1835 г. в Москве вышел 1-й сборник «Оперы и водевили. Переводы с французского Дм. Ленского»: В 2 частях (в 1836 г. вышли еще две части). Л. создал для русского театра 30—50 гг. буквально целый водевильный репертуар (более 100 оригинальных и переводных произведений). А. Вольф отмечал в «Хронике петербургских театров», что водевили Л. брались бенефициантами нарасхват и выдержали огромное количество представлений.

В 1840 г. Л. написал один из лучших водевилей «Павел Степанович Мочалов в провинции». Пьеса переносила зрителей в атмосферу провинциального театра.

Среди множества комических ситуаций проходит и сильная лирическая тема: подлинная любовь актера к своему искусству. Колоритен образ антрепренера Чудаковского с его вечной при сказкой «Своих не выручил», постоянно опасющегося за сборы.

Быт театра раскрывается и в лучшем произведении Л., до сих пор не сходящем со сцены, — водевиле «Лев Гурыч Синичкин, или Провинциальная дебютантка» (впервые сыгран в Москве 3 нояб. 1839 г.). Современник писал: «Мы не помним, чтобы на московской сцене какая-нибудь пьеса имела такой колоссальный успех, как «Лев Гурыч Синичкин» (Репертуар русского театра.— 1840.— Кн. 1.— С. 9).

В большинстве персонажей этой пьесы, как и положено в водевиле, олицетворена какая-то одна гиперболизированная черта, подчеркнутая говорящей фамилией. Значительно сложнее характер главного героя — актера Синичкина. Он умен, хитер, пронырлив, хорошо знает людей вообще и особенно людей театра. Он предан искусству, любит дочь и верит в ее талант. Он знает, что может рассчитывать только на собственную энергию. Победа Синичкина вызвала горячее сочувствие демократического зрителя.

В 50 гг., когда старые водевильные мастера уходят со сцены, Л. создал только три водевиля. Успехом пользовался последний из них — «Простушка и воспитанная» (1855).

Соч.: Оперы и водевили / Пер. с фр. Д. Ленского.— М., 1835—1836.— Ч. 1—4; Театр Д. Т. Ленского: В 6 т.— Спб.; М., 1873—1874; Водевили / Вступ. ст. М. Паушкина.— М., 1937.

Лит.: Горбунов И. Ф. П. Каратыгин // Русская старина.— 1880.— Т. 29.— Кн. 10; Михайловский В. Д. Т. Ленский // Ежегодник императ. театров. Сезон. 1910.— Спб., 1911.— Вып. 3; Брудный Д. Л. Демократические тенденции в русском водевиле 1830—1840-х гг.— М., 1952; Мазеев М. Старый водевиль // Исторический вестник.— 1894.— № 8; Варнеке Б. В. История русского театра.— Казань, 1910.— Ч. 2.— С. 96—101; Гербель В. Русский водевиль. Д. Т. Ленский (Библиографический указатель) // Древняя и новая Россия.— 1879.— Т. 2.— № 5.

Е. Н. Пенская

ЛЕОНТЬЕВ, Константин Николаевич [13(25).I. 1831, с. Кудиново Мещерского у. Калужской губ.— 12(24).XI.1891, Сергиев Посад] — прозаик, литературный критик, публицист, философ. По отцовской линии принадлежал к незнатному дворянскому роду (его родословная теряется в XVIII в.). Мать — из старинного дворянского рода Карабановых, ведущего свое начало от XV в. Сильное влияние матери сказалось и на сложившемся у Л. монархическом чувстве, и на привычке к постоянному труду, к порядку, и на утонченности вкуса, отличавшей его и в повседневной жизни, и на религиозных представлениях. Восприятие религии прежде всего в эстетическом ключе, в связи с обрядовой стороной православия, Л. сохранил на всю жизнь.

С 1841 г. начинаются скитания Л. по различным учебным заведениям. Сначала он живет у дяди в Смоленске, где учится в гимназии, а после смерти дяди в 1843 г. определяется «скадетом на воспитание» в Дворянский полк в Петербурге; отсюда, уволившись по болезни в 1844 г., переезжает в Калугу, где живет в собственном доме под присмотром тети Е. Б. Леонтьевой и учится в гимназии. Успешно окончив гимназию с правом поступления в университет без экзаменов (1849), учится в Ярославском Демидовском лицее, откуда в ноябре 1849 г. переводится на медицинский факультет Московского университета. К нач. 50 гг. относятся первые литературные опыты Л. Познакомившись весной 1851 г. с И. С. Тургеневым, Л. находит в его лице друга и литературного покровителя. Тургенев посылает пьесу Л. «Женитьба по любви» в журнал «Отечественные записки», где она была восторженно принята С. С. Дудышкиным (публикация не состоялась из-за цензурного запрета), а затем вводит его в литературный салон Е. В. Салиас-де-Турнемир (литературный псевдоним Е. Тур), в котором собирались известные литераторы, издатели, ученые — Е. П. Ростопчина, Н. Ф. Щербина, М. Н. Катков, Т. Н. Грановский и др. Первая публикация Л. — повесть «Благодарность» (Московские ведомости. — 1854. — № 6—10) — появляется, когда автор, не дослушав последнего курса университета и увлекшись в это время патриотическими идеями, уезжает в Крым, где принимает участие в русско-турецкой войне в качестве лекаря. Во 2-й половине 50 гг. продолжает медицинскую практику, хотя все больше склоняется к мысли стать литератором-профессионалом. В 1860 г. Л. оставляет медицину, но, вероятно, из-за стесненных денежных обстоятельств поступает на дипломатическую службу в азиатский департамент министерства иностранных дел. Л. жил в Турции, городах о. Крит, в Константинополе, Адрианополе, Белграде, Тульче; в 1869 г. он назначен консулом в Енин (турецкий город в Албании), а в нач. 1871 г. — в Салоники. Восточные впечатления Л., его увлеченность экзотикой и древней красотой

христианской и мусульманской культуры отразились в большинстве повестей и рассказов, позднее составивших сборник «Из жизни христиан в Турции» (Т. 1—3, 1876). Здесь подробно переданы, иногда в ущерб динамике повествования, народные нравы и обычаи. Чистая, здоровая, мужественная народная жизнь, в которой «страдания и лишения не обезображивают человека» (Собр. соч. — Т. 2. — С. 22), противопоставлена «зловонной жизни больших городов европейской цивилизации». Л. считает, что «европейская цивилизация сбывает все живописное в музеи и на страницы книг, а в самую жизнь вносит вездю прозу, телесное безобразие, однообразие и смерть» (Там же. — Т. 3. — С. 309). Восточные повести и рассказы Л. получили высокую оценку И. С. Аксакова.

В 1871 г. Л. серьезно заболевает, считает себя умирающим. Выздоровление повлекло за собой духовный переворот. По его собственным словам, Л. «стал бояться бога и церкви...», «захотел подчиниться какой-то высшей деснице» (Бердяев Н. А. — С. 23—24). Желая отметить новый рубеж своей жизни, Л. — в жертву богу — сжигает рукопись романа «Река времен», в котором хотел изобразить русскую жизнь с 1811 по 1862 г. В 1871 г. Л. дважды посещает Афон, где пытается постричься в монахи (в пострижении было отказано). В 1873 г. он уходит со службы, пренебрегая выгодной дипломатической карьерой, а в 1874 г. навсегда покидает Восток. Затем живет в Москве, сильно нуждается. В 1880 г. в течение 4-х месяцев — помощник редактора «Варшавского дневника», после — московский цензор. В 1887 г. выходит в отставку. Последние годы жизни проводит в Оптинной пустыни, где принимает тайное пострижение.

Философские взгляды Л. недостаточно систематизированы, его идеи разбросаны в различных статьях, воспоминаниях, письмах. Основные философские, а также политические и религиозно-публицистические работы (в т. ч. статья «Византизм и славянство», 1875) вошли в сборники «Восток, Россия и славянство» (Т. 1—2, 1885—1886).

Л. придавал универсальное значение эстетическому суждению об окружающей действительности. Критерий совершенства явления для него — красота как наивысшая точка развития всего сущего, характеризующаяся единством разнообразия: при яркой индивидуальности частей они сцепляются в целое предельно жестко, образуя иерархическую структуру («деспотическое единство»). Чем жестче иерархия, тем объекты жизненнее и совершеннее (идеальная, по Л., иллюстрация — средневековое рыцарство с его красочным разнообразием). Свободное состояние, при котором все элементы равны, не связано друг с другом, по Л., — состояние тупа; он восстает против равенства и свободы, приводя-

щих к разрушению жестких структур. Такой подход повлек за собой поддержку деспотических режимов, отрицательное отношение к буржуазному прогрессу и демократии: «Проклятая Европа, стремящаяся в бездну саморазрушения» (Собр. соч.— Т. 7.— С. 251). Так же, с эстетической точки зрения, Л. оценивал и крепостную деревню своего детства: «Лишь бы этот зеленый уголок мой был цел, хоть бы не брали у меня эти липовые аллеи, эти березовые огромные рощи, эти столетние огромные вязы над прудом» (Русское обозрение.— 1894.— № 11.— С. 393). Он был убежденным противником крестьянской реформы.

В основе христианской религии Л. видел не братскую любовь, а страх божий, полемизируя, таким образом, и со славянофилами, и с Ф. М. Достоевским, которого упрекал в «розовом христианстве». Свои надежды на будущее России Л. также возлагал не на единство славянских племен, а на установление русского господства в Константинополе, расходясь здесь и с демократами, и с Катковым.

Л. полагал, что пик развития общества уже позади, и рисовал будущее в самом мрачном свете. Прогресс, по мнению Л., был нужен, пока общество развивалось, теперь же, когда оно деградирует, «прогрессисты» лишь ускоряют этот процесс. Дело консерватора («идейного консерватора», как называл себя Л.) — как можно дольше задержать разрушение общества.

Вся жизнь Л. была попыткой воплотить свою философию; проблема собственной судьбы интересовала его в не меньшей степени, чем судьба человечества. В целом в своих философских и религиозных поисках он руководствовался не столько идеями служения человечеству, сколько потребностью разрешить проблему личной судьбы.

Литературно-критические взгляды Л. предопределены его философской позицией. В искусстве он прежде всего ценит отражение красоты жизни, отрицательно отзываясь о тяготении писателей «натуральной школы», реалистов к изображению неправильного, некрасивого, уродливого.

На первый взгляд, примыкая к критикам эстетического лагеря (П. В. Анненков, А. В. Дружинин и др.), Л., однако, эстетику искусства понимает как отраженную эстетику жизни, в этом вопросе неожиданно сближаясь с Н. Г. Чернышевским («Черт его возьми, искусство без жизни!», «Эстетика жизни гораздо выше отраженной эстетики искусства» — Собр. соч.— Т. 7.— С. 267). Перед русской литературой Л. ставит вполне утилитарную задачу — закрепить в художественной форме навсегда уходящее прошлое, уподобляя при этом писателя ученому, который «желает сохранить лучшие предметы научного исследования, а если сохранить их уже нельзя, <...> спешит описать их с любовью» (Там же.— Т. 8.— С. 106).

Среди литературно-критических работ Л. наибольший интерес представляют статьи о творчестве Тургенева, М. Вовчок (М. А. Маркович), Достоевского, Л. Н. Толстого. В статье «Письмо провинциала к г. Тургеневу» (1860) Л. полемизирует с Н. А. Добролюбовым с позиций эстетической критики. Отказываясь говорить о нравственности героев романа «Накануне», Л. оценивает форму, которая должна быть отражением жизни, ибо жизнь сама по себе — эстетическая категория, т. к. прекрасна. Поэтому неудивительно, что Л. недоволен «математической ясностью плана» романа, поскольку это не точное отражение жизни, а значит — некрасиво. Л. считает, что в романе слишком просвечивает сознательная авторская мысль, его намерение. Сам Инсаров неинтересен, автор делает его интересным, заставляя героев говорить о нем. «Страсть» Елены Л. называет холодной, противопоставляя героиню Наталье из «Рудина», которую ценит не за силу, а «за то, что она способна была полюбить, еще не уразумев хорошо, в чем дело» (Там же.— С. 10—13).

Говоря о М. Вовчок («По поводу рассказов Марко Вовчка», 1861), Л. обращает внимание на образ повествователя и замечает, что, в отличие от Тургенева, автору удалось скрыть свое лицо за фигурой рассказчика. В этом, казалось бы, формальном приеме Л., однако, усматривает особое содержание: мир господ повествователем описывается поэтичным именно потому, что рассказчик смотрит на него «снизу вверх», как на незнакомый ему, удивительный (см.: Бочаров С. Г.— С. 157—158). Фигура повествователя, автора, рассказчика вообще чрезвычайно занимает Л. Очевидно, он видел в ней скрепляющую силу и потому не любил, когда «авторский голос» передавался действующим лицам. Умаление роли автора в произведении Л. рассматривает как характерную черту новейшей литературы, противопоставляя ей стиль пушкинской эпохи. Именно в манере повествования, по мнению Л., получают свое внешнее выражение и оформление важнейшие моменты авторской позиции, подобно тому как в манерах, а не в речах человека порой проявляется его внутреннее содержание. В подходе к проблемам стиля Л. во многом предвосхитил работы формалистов. Для Л. была характерна «постановка вопросов — совершенно неожиданная в атмосфере того времени» (Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу.— Л., 1924.— С. 63—64).

В статье «Анализ, стиль и веяние» (1890) Л. отмечает, что в «Воине и мире» Л. Н. Толстого манера повествования противоречит атмосфере изображаемого времени; мысли Болконского, Безухова — мысли людей, уже переживших Гете, Пушкина, Гегеля, Шопенгауэра, Герцена, славянофилов, Тургенева, Достоевского» (Собр. соч.— Т. 8.— С. 334). Он считает неисторичным умиление Пьера простотой Платона Каратаева.

Все это заставляет Л. отдать предпочтение «Анне Карениной», где манера повествования соответствует духу времени. Л. упрекает Толстого в избыточной наблюдательности, в «подглядывании» (Там же.— С. 307), указывая на многочисленные эпизоды, описания, характеристики, не связанные с повествованием. Так, он недоумевает, зачем надо сообщать, что Наташа после объяснения с Пьером «стукнулась головой о дверь», зачем надо постоянно возвращаться к «пухлым рукам» Кутузова и т. п. В этом отношении Л. также предпочитает «Анну Каренину», в которой меньше поэзии, чем в «Войне и мире», но больше «органической связи с дальнейшим действием». Впрочем, в «Войне и мире» эта связь отчасти заслонена «большим количеством других эстетических богатств» (Там же.— С. 293). Л. также обвиняет Толстого в «отрицательном преувеличении» (следствии выработавшегося в русской литературе отрицательного направления) (Там же.— С. 297). Стремление к славе, желание проникнуть в высшее общество кажутся Л. естественными и не заслуживающими порицания, поскольку высший свет во многих случаях действительно «лучше, приятнее, веселее» (Там же.— С. 300—301). Л. не принимает некоторых толстовских обобщений. Он упрекает писателя в одностороннем изображении народного характера в основном как положительного, лишённого гордости, зависти, тщеславия: «потому ли, что они внутренних процессов вообще не в силах разобрать? — потому ли, что ему психологический анализ и левинской собаки Ласки <...> и самого Наполеона I показалась доступнее, чем анализ чувств и мыслей Каратаева и других «простых» людей?» (Там же.— С. 301—302).

Наследие Л. на протяжении XIX—XX вв. оценивалось по-разному, но в последнее время его оригинальные философии, политические и историко-литературные взгляды становятся предметом все более пристального изучения.

Соч.: Собр. соч.: В 9 т.— М., 1912—1914; Моя литературная судьба. Автобиография // Вступ. ст. Н. Мещерякова; Комментар. С. Дурыйлина // Литературное наследство.— М., 1935.— Т. 22—24; Анализ, стиль и веяние // Вопросы литературы, 1988.— № 12; 1989.— № 1.

Лит.: Памяти К. Н. Леонтьева.— Пб., 1911; Грифцов Б. Судьба К. Н. Леонтьева // Русская мысль.— 1913.— № 1—2, 4; Фудель И. К. Леонтьев и Вл. Соловьев в их взаимных отношениях // Русская мысль.— 1917.— № 11—12; Бердяев Н. А. К. Леонтьев.— Париж, 1926; Янов А. Л. Славянофиль и К. Леонтьев // Вопросы философии.— 1969.— № 8; Гайденок П. П. Наперекор историческому процессу (К. Леонтьев — литературный критик) // Вопросы литературы.— 1974.— № 5; Бочаров С. Г. «Эстетическое охранение» в литературной критике (К. Леонтьев о русской литературе) // Контекст. 1977.— М. 1978.

С. В. Жожикашвили

ЛЕРМОНТОВ, Михаил Юрьевич [ночь со 2 (14) на 3 (15).X.1814, Москва — 15 (27).VII.1841, подножие горы Машук, в 4 верстах от Пятигорска] —

поэт, прозаик, драматург. Сын армейского капитана Ю. П. Лермонтова и М. М. Лермонтовой, урожденной Арсеньевой, единственной наследницы значительного состояния своей матери, Елизаветы Алексеевны, принадлежавшей к богатому и влиятельному роду Столыпиных. Брак, заключенный против воли Е. А. Арсеньевой, был неравным и несчастливым; мальчик рос в атмосфере семейных несогласий, отразившихся потом в драмах «Странный человек» и „Menschen und leidenschaften“. После ранней смерти матери (в 1817 г. в возрасте 21 г.) ребенка взяла к себе бабушка, Е. А. Арсеньева, устранив от воспитания отца. Детство Л. прошло в имении Тарханы Пензенской губ. Женщина умная, твердая и властная, бабушка перенесла на внука все свои привязанности. Л. получил столичное домашнее образование: помимо обычного гувернера-француза, у него была бонна-немка и позднее преподаватель-англичанин; Л. с детства свободно владел французским и немецким языками. Уже ребенком Л. хорошо знал быт (в т. ч. социальный) помещичьей усадьбы, также нашедший впоследствии отражение в его автобиографических драмах. Летом 1825 г. бабушка повезла Л. на воды на Кавказ; детские впечатления от кавказской природы и быта горских народов остались в раннем творчестве Л. («Кавказ», 1830; «Синие горы Кавказа, приветствую вас!..», 1832). В 1827 г. семья переезжает в Москву, и осенью 1828 г. Л. зачисляется полупансионером в 4-й класс Московского университетского благородного пансиона, одного из лучших учебных заведений России, где учились ранее В. А. Жуковский, А. С. Грибоедов, Ф. И. Тютчев и многие деятели декабристского движения. В пансионе Л. получает систематическое гуманитарное образование, которое пополняет затем самостоятельным чтением; родственник Л. А. П. Шан-Гирей вспоминал, что у Л. была библиотека с сочинениями М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, В. А. Озерова, К. Н. Батюшкова, И. А. Крылова, В. А. Жуковского, И. И. Козлова и А. С. Пушкина. Уже в Тарханах определился острый интерес мальчика Л. к литературе и поэтическому творчеству; его привлекают прежде всего Пушкин и русская «байроническая поэма». Эти умонастроения приходили в противоречие с пансионским литературным воспитанием, где господствовали старые, антиромантические традиции; противником пушкинского романтизма были поэт и эстетик профессор А. Ф. Мерзляков, у которого Л. брал домашние уроки, и С. Е. Раич, руководитель пансионского литературного кружка, в котором участвовал Л. В ранних стихах Л. есть следы уроков Мерзлякова и Раича, однако явно преобладает ориентация на Пушкина, философско-эстетический журнал «Московский вестник», с повышенным интересом к немецкому романтическому движению, и на поэму и лирику Байрона, с которым Л. уже с

1830 г. начинает знакомиться в подлиннике. В 1828—1829 гг. он пишет несколько «байронических поэм»: «Корсар», «Преступник», «Олег», «Два брата». Для этих поэм, как и для байронической поэмы в целом, характерна центральная фигура героя — сильной, волевой личности, наделенной титаническими страстями и находящейся в состоянии войны с обществом. Байронический герой — изгой, нарушающий законы общественной морали, жертва общества и одновременно мститель ему, герой и преступник в одно и то же время. Непременный мотив в такой поэме — трагическая любовь. Любовь — единственное средство для героя найти выход из своего одиночества, но она оканчивается либо изменой, либо гибелью возлюбленной, что усугубляет это одиночество и является источником нечеловеческого страдания героя. Очищающая роль страдания — важная художественная идея, которая разовьется потом в позднем творчестве Л. Герой такого типа появляется в его ранней лирике: Наполеон («Наполеон», «Дума», 1830), предводитель разбойников с чертами Степана Разина («Атаман», 1831) и др. С формированием типа байронического героя связано у Л. и появление темы богоборчества; в 1829 г. он замышляет поэму «Демон», над которой будет работать почти до конца жизни.

В 1830 г. Л. поступает на нравственно-политическое отделение Московского университета, одного из самых своеобразных и самых демократических учебных заведений тогдашней России. Здесь сохранялся еще дух независимой студенческой корпорации и воспоминания о декабристском движении, по рукам ходили запрещенные стихи Рылеева и Пушкина. Студенческая среда выдвинула бунтарей типа А. И. Полежаева, отданного в солдаты за поэму «Сашка», противоречившую официально насаждаемой морали; в университете действовали и философско-политические кружки В. Г. Белинского и А. И. Герцена. Л. держится несколько особняком, но, как и другие, он захвачен оппозиционными настроениями. Еще в пансионе он пишет стихотворение «Жалобы турка» (1829), проникнутое антикрепостническим и антидеспотическим пафосом, а в 1830—1831 гг. приветствует Июльскую революцию во Франции, адресуя гневные строки согнанному с трона Карлу X («30 июля 1830 года»). Он знаком и с поэзией А. А. Бестужева и К. Ф. Рылеева; особое воздействие оказывает на него стихотворение Пушкина «Андрей Шенье» с центральным образом казненного французского поэта, который интерпретировался в революционном духе. Его привлекают и темы борьбы за свободу у Байрона и Т. Мура, особенно популярные у поэтов декабристской эпохи. В поэме «Последний сын вольности» (1830—1831) нашли место излюбленные мотивы русской гражданской поэзии — темы борьбы с тиранией в защиту идеализированной Новгородской республики и гибели за

вольность. Однако поэзия Л. уже отошла от поэзии декабристов — и по проблематике, и по поэтическому языку. Социально-политические идеи редко выражаются в ней непосредственно; чаще всего они как бы сквозят в духовном облике лермонтовского героя, напряженно всматривающегося в окружающий мир и в свою собственную жизнь. Для Л. и его поколения характерно стремление осмыслить окружающее в категориях философии, психологии и морали, в противопоставлениях покоя и деятельности, земного и небесного, жизни и смерти, добра и зла. С 1830 г. в лирике Л. появляется жанр лирического размышления, напоминающего отрывок из дневника; иногда оно прямо носит название «Отрывок» или, как дневниковая запись, обозначено датой. Поэт как бы ставит себя в центр созданного им поэтического мира, который предстает ему как чужой и враждебный, обрекающий мыслящую и чувствующую личность на бесконечное одиночество. В это время Л. ощущает Байрона как особенно близкого себе поэта и внимательно изучает не только его сочинения, но и биографию, с которой соотносит свои духовные искания («Не думай, чтоб я был достоин сожаленья...», «Нет, я не Байрон, я другой...»). Поэтому его стихи 1830—1831 гг. и драмы, где ясно звучат автобиографические мотивы, нельзя считать автобиографией в точном смысле слова: они достоверны как свидетельство о внутренней жизни поэта, но не как биографический документ. Так, Владимир Арбенин, подобно Л., вырастает в обстановке семейной драмы, но юноша Л. не был свидетелем охлаждения отца, душевных мук матери — и самые отношения с отцом у него складывались иначе («Станный человек»). Жизненный материал здесь преобразован по законам художественного обобщения. Так происходит и в любовных стихах 1830—1831 гг. В эти годы юноша Л. вступает в пору зрелости и стремится утвердить себя как личность в сфере духовной и эмоциональной. Шестнадцать лет он влюбляется в Е. А. Сушкову, приятельницу своей дальней родственницы А. М. Верещагиной, и пишет ей стихи — лирические исповеди, моментальные отражения эмоций и настроений. По этим стихам («Благодарю!», «Зови надежду сновиденьем...», «Я не люблю тебя — страстей...») можно следить за развитием чувства поэта, но самое чувство в них драматизировано и гиперболизировано. То же относится к стихам, посвященным Н. Ф. Ивановой, дочери известного московского драматурга, с которой Л. познакомился в 1830 г. Стихи этого лирического цикла отличаются еще большей драматической напряженностью, но они включают, наряду с подлинными впечатлениями и переживаниями, и мотивы, пришедшие из литературы и истории. Так, Л. предстывает себя в облике поэта, гибнущего в изгнании или на плахе (подобно А. Шенье), он обращается к

возлюбленной как к своей единственной защите «перед бесчувственной толпой», однако она неспособна последовать за ним и разделить его страдания (мотивы стихов Байрона и Т. Мура).

В 1830—1831 гг. раннее лирическое творчество Л. достигает вершины; далее начинается спад. После 1831 г. мы уже редко найдем у него стихи в форме дневниковой записки; он чаще предпочитает писать не от собственного имени, а от третьего лица, «лирического героя», не совпадающего с автором ни биографически, ни психологически и как бы берущего на себя роль посредника между автором и читателем. Л. обращается к лиро-эпическим формам, к балладе, которая сохраняла драматичность сюжета, но давала поэту большую свободу в использовании поэтических тем, сюжетов, образности, нежели непосредственное лирическое самовыражение («Тростник», «Русалка», «Желанье», 1832). Это стремление отойти от чисто лирических форм и расширить повествовательные, эпические элементы сказывается на всем творчестве Л. Именно в 1832 г. он обращается к прозе и начинает писать роман о крестьянской войне 1773—1775 гг. под руководством Пугачева; ему приходится обращаться к изображению быта, сцен крепостного угнетения и помещичьего произвола, очерчивать характеры крестьян, помещиков, повстанцев. Вместе с тем этот роман («Вадим») еще тесно связан с поэтическим творчеством Л.: герой его близок к герою байронических поэм и даже язык — приподнятый, украшенный, излишне экспрессивный — напоминает язык стихотворной поэмы. В поэмах же у Л. как бы определяются две тематические группы: одна тяготеет к средневековой русской истории, другая — к экзотическому «южному», кавказскому быту. Историческая поэма (как «Последний сын вольности») отличается суровым северным колоритом, в ней действует сумрачный и сдержанный герой с трагической судьбой, сюжет развивается стремительно, без отступлений. «Кавказская» поэма, напротив, наполнена отступлениями, этнографическими описаниями, в ней силен повествовательный элемент. Герои ее более «естественны», т. е. ближе к природным началам, однако и их судьба драматична и даже трагична. Такова поэма «Измаил-Бей» (1832), которая, однако, включает нечто и от «северных» поэм: герой ее, горец, воспитанный в России, вдали от родины, объединяет черты «естественного» и «цивилизованного» героя.

В 1832 г. Л. оставляет университет, не удовлетворенный казенной рутинной преподавания, и предполагает продолжить образование в столице. В июле — нач. августа он выезжает в Петербург. Однако в Петербургском университете ему отказались зачесть прослушанные в Москве предметы; чтобы не начинать обучение заново, Л. не без колебаний принимает совет

родных избрать военное поприще. 4 ноября 1832 г. он сдал экзамены в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Начались «два страшных года» обучения в николаевском закрытом учебном заведении, где «маршировки» и «парадировки» почти не оставляли времени для творческой деятельности. Она оживляется у Л. в 1835 г., когда, окончив школу, он был выпущен корнетом в лейб-гвардии гусарский полк. В этом году появляется в печати поэма Л. «Хаджи-Абрек», он отдает в цензуру первую редакцию драмы «Маскарад», работает над поэмами «Сашка» и «Боярин Орша», начинает роман «Княгиня Лиговская». Проза определяет теперь основное направление его литературной работы.

«Княгиня Лиговская» (1836) — во многом переходное произведение. Здесь Л. впервые отказывается от «исключительного» героя. Его Григорий Александрович Печорин — «добрый малый» из числа светской «золотой молодежи»; противопоставленный ему Красинский — бедный чиновник-дворянин, остро ощущающий свою социальную ущербность. Столкновение между героями — конфликт социальный и одновременно столкновение двух характеров: порывистого, страстного, «романтического» характера Красинского и сдержанного, сформированного общественным этикетом и предрассудками Печорина. Позднее эта схема отношений в сильно измененном виде будет воспроизведена в «Герое нашего времени». Конфликт развертывается в гуще петербургской повседневности. Быт в повести не есть нечто внешнее по отношению к характеру (как в ранних драмах); картины жизни «света» и, с другой стороны, петербургских «углов» (в последних Л. предвосхитил будущую «натуральную школу») определяют поведение героев, их социальные привычки, формы взаимоотношений. Л. сделал шаг к открытию социального характера. Он попытался создать и образ автора-повествователя, вторгающегося в события, комментирующего их в тоне непридуманного разговора с читателем. Ему не удалось разрешить в повести все это многообразие задач; видимо, отчасти поэтому он оставил работу.

Одновременно Л. работает над «Маскарадом» (1835—1836) — самым значительным своим драматическим произведением, первым, которое он счел достойным обнародования. Л. трижды подавал «Маскарад» в драматическую цензуру и дважды переделывал, чтобы увидеть его на сцене, но все редакции драмы были запрещены. По остроте конфликта и отчасти по жанру «Маскарад» был близок к французской мелодраме и романтической драме (В. Гюго, А. Дюма), которые считались противоречащими официальным нормам морали; подозревали также, что Л. изобразил реальное происшествие. В сюжете «Маскарада» улавливаются

и следы чтения Шекспира, «Горя от ума» Грибоедова, «Цыган» Пушкина. От Грибоедова идет живость сатирических диалогов и острые зарисовки света с его психологией и нормами поведения. Эти нормы и становятся причиной гибели героев: логика поведения и убийц, и жертв подчиняется непреложным законам. Арбенин, герой «Маскарада», порвал с обществом, но унес с собою его представления и способ мышления; это и открывает ему доступ к истине: он не знает иных законов, кроме развращающих законов света, и не может поверить, что его жена свободна от них. Уверив себя в неверности Нины, он сам вершит суд и казнь, уничтожая то, что составляло смысл его жизни. Но этого мало: он приходит к осознанию, что акт высокого мщения свелся к обычному злодейству. Арбенин наказуется не искупительной смертью, но продолжающейся жизнью и не романтическим безумием, а сумасшествием. Так Л. делает важный шаг к пересмотру концепции байронического героя, в которой важная роль принадлежит образу героини. Личность и поступки его в «Маскараде» соотношены с личностью и поступками других; судьба Нины является мерилом моральной правоты Арбенина.

Нечто подобное происходит и в «Боярине Орше» (1835—1836), первой оригинальной и зрелой поэме Л., хотя и сохраняющей еще связь с байронической традицией. Здесь уже не один герой, а два, за каждым из которых стоит своя правда, причем ни один из них не уступает другому ни по силе характера, ни по силе страдания. Если для Арсения (байронического героя) на первом месте — правда индивидуального чувства, то на стороне Орши — правда закона, обычаев, традиции. В ранних поэмах Арсению было бы целиком отдано авторское и читательское сочувствие; в «Боярине Орше» Орша выдвигается на передний план. Это объективный характер, обрисованный чертами более эпоса, чем лирики, и с его фигурой связан древнерусский колорит поэмы. В Орше есть и элементы исторического характера — это феодал времени Ивана Грозного с чертами времени в духовном облике.

В Петербурге в 1835—1836 г. Л. начинает сближаться с литературными кругами: А. А. Краевским, помощником Пушкина по «Современнику», поэтом А. Н. Муравьевым, вероятно, с И. И. Козловым. Один из ближайших его друзей — С. А. Раевский, будущий фольклорист, подогревающий его интерес к русскому народному творчеству. Однако в это время Л. еще не входит в ближайший пушкинский круг; с Пушкиным он также не знаком. Тем более принципиальный характер получает его стихотворение «Смерть Поэта», написанное сразу после получения известия о гибели Пушкина на дуэли. Л. говорил от имени целого поколения, одушевленного скорбью о гибели национального гения и негодованием против его врагов. «Смерть

Поэта» мгновенно распространилась в списках и принесла Л. широчайшую известность, в т. ч. и в литературном окружении Пушкина. В стихотворении содержалась концепция жизни и смерти Пушкина, опирающаяся на собственные пушкинские стихи и статьи, в т. ч. и ненапечатанные, как «Моя родословная». Основную тяжесть вины Л. перенес на общество, уже описанное им в «Маскараде», и его правящую верхушку — «новую аристократию», «надменных потомков / Известной подлостью прославленных отцов». Вслед за Пушкиным Л. адресовал обвинения той части дворянства, которая получила особый вес и влияние при дворе, но не имела за собой национальной исторической и культурной традиции и полностью зависела от императора. Заключительные 16 строк стихотворения, где содержались слова «И вы не смоее всей вашей черной кровью / Поэта праведную кровь!», были восприняты при дворе как «призыв к революции». Л. был арестован, началось политическое дело о «непозволенных стихах». Под арестом Л. пишет несколько стихотворений, из которых затем выросли шедевры его «тюремной лирики», такие, как «Узник», «Соседка», «Пленный рыцарь».

В марте 1837 г. Л., переведенный из гвардии в Нижегородский драгунский полк, выехал из Петербурга на Кавказ. Началась первая кавказская ссылка Л. Она была тяжелым испытанием для поэта, но чрезвычайно расширила диапазон его творческих впечатлений. К концу года Л. объездил всю Кавказскую линию от Кизляра до Тамани, побывал в горах и в центральных областях Грузии. В Пятигорске, Тифлисе, Ставрополе раздвинулся круг его связей. Он знакомится со ссыльными декабристами, близко сходится с крупнейшим поэтом декабристской каторги А. И. Одоевским, сближается с доктором Н. В. Майером, примечательным деятелем из декабристского окружения, послужившим затем прототипом доктора Вернера в «Герое нашего времени». В Пятигорске он встречается с Н. М. Сатиным, участником кружка А. И. Герцена и Н. П. Огарева, и молодым В. Г. Белинским, в Тифлисе входит в круг грузинской интеллигенции, группировавшейся около А. Г. Чавчавадзе, поэта, общественного деятеля, отца Нины Грибоедовой. Документальных данных об этих связях мало; часто они устанавливаются по косвенным свидетельствам и по отражению их в творчестве Л.; так, стихотворение «Памяти А. И. О<доевско>го» (1839) говорит о большой духовной близости с Одоевским Л. Однако контакты его со ссыльными декабристами не были простыми и легкими: известно, что Н. И. Лорер и М. А. Назимов ясно ощущали в нем представителя иного поколения, зараженного скептицизмом и социальным пессимизмом и скрывающего от окружающих свой внутренний мир под маской иронии и общественного индиффе-

рентизма. Внешне эта особенность нередко выражалась у Л. в стремлении уклониться от разговоров на серьезные темы, в ироническом отношении к восторженности и исповедальности; такая манера держать себя оттолкнула в 1837 г. от поэта Белинского, привыкшего к философским спорам в дружеских кружках. Между тем для самого Л. эти встречи и разговоры стали драгоценным творческим материалом: он получал возможность осмыслить социально-психологические признаки своего поколения и оценить их как исторически закономерное явление. Результаты этих наблюдений будут обобщены в образе Печорина и в «Думе» (1838), где беспощадный анализ ведется не с позиций абстрактной морали, а с позиций исторического самосознания и распространяется на само анализирующее сознание поэта.

Предпосылки такого подхода зарождаются у Л. уже в первой кавказской ссылке. Проблемы исторической судьбы поколений ставятся в «Бородине» (1837), где рельефно обрисован контраст между «богатырями» 1812 г. и «нынешним племенем». На Кавказе Л. столкнулся с людьми разных социально-психологических формаций, он близко соприкоснулся с народной жизнью, увидел быт казачьих станиц, русских солдат, многочисленных народностей Кавказа. На новой основе оживляется и его интерес к народному творчеству; в 1837 г. он записывает народную сказку об Ашик-Керибе, стремясь передать и колорит восточной речи, и самую манеру мышления восточного сказителя и его героя. Эти же впечатления отразились в балладе «Дары Терека» и «Казачьей колыбельной песне», где фольклор оказывается культурной стихией, из которой вырастает народный характер.

Кавказская ссылка Л. была сокращена хлопотами бабушки и влиятельных знакомых. Уже в январе 1838 г., «прощенный» и переведенный в лейб-гвардии Гродненский полк, Л. возвращается в Петербург. Три с половиной года жизни в столице—1838—1840 гг. и часть 1841 г. были годами его литературной славы. На Л. смотрят теперь как на поэтического наследника и защитника имени Пушкина. Он сразу же попадает в пушкинский литературный круг, знакомится с В. А. Жуковским, П. А. Вяземским, П. А. Плетневым, семейством Карамзиных; печатает в основном Пушкиным «Современнике» «Бородино» и «Тамбовскую казначейшу». Он становится свидетелем собрания и издания неизвестных ранее пушкинских сочинений, и в его поздних произведениях есть прямые следы знакомства с ними: так, в «Тамаре» улавливается тема Клеопатры из «Египетских ночей», имя Галуб в «Валерике» взято из первой публикации «Газита», «Журналист, читатель и писатель» содержат отзвуки пушкинских полемических статей и стихов. Однако Л. движется своим собственным путем, развивая темы и мотивы, уже

определившиеся в его творчестве. В «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» (1837) он как бы продолжает «Боярина Оршу», но уже на основе того поворота к фольклору, который произошел в 1837 г. Л. создает эпическую поэму по фольклорным образцам, стремясь воспроизвести не столько формы, сколько дух народной поэзии и национальный характер. Подобно Орше, Калашников — «невольник чести» XVI в., движимый народными представлениями о чести, законе и обычае, которыми не может поступиться и перед лицом смерти; это эпический характер, носитель внеличного, народного начала. В «Песне...» он торжествует окончательную победу над героем-индивидуалистом, исповедующим культ личной храбрости, удалы и страсти, и предание возвеличивает эту победу. Личность представляется теперь Л. в совокупности своих социальных и исторических связей, и он все далее отходит от поэтизации трагического и бунтующего героя-одиночки. Этот процесс переоценки традиционных романтических представлений, начавшийся уже в «Маскараде», дает себя знать и в лирике зрелого Л. Так, в стихотворении «Не верь себе» (1839) он заново рассматривает характерную романтическую тему «поэт и толпа», почти парадоксально становясь на сторону «толпы»: она оказывается выше молодого мечтателя, ибо за ней стоит тяжкий, выстраданный ею и неизвестный ему душевный опыт, страдание, скрываемое от посторонних глаз. Страдание для зрелого Л. есть мера внутренней ценности личности, оно играет очищающую, искупительную роль. Эта идея прослеживается в поздних редакциях «Демона».

Начав работу над поэмой в 1829 г., Л. в 1829—1831 гг. пишет или намечает четыре редакции ее и разрабатывает близкие темы в «Азраиле» и «Ангеле смерти». Согласно первоначальному замыслу, в центре поэмы должен был стоять образ падшего ангела, несущего на себе бремя вселенского проклятия; ища выхода из своего одиночества, Демон влюбляется в молодую монахиню. Но монахиня любит ангела, и надежда на возрождение сменяется у Демона ненавистью и жадной мести; он оболещает и губит монахиню во имя торжества над соперником. В 1833—1834 гг. Л. создает пятую редакцию поэмы, в 1838 г.—шестую. Эти редакции отражают изменения в художественном сознании Л., которые особенно сказались на изменении облика героини. Она постепенно теряет черты абстрактно-романтической грешницы и получала все более разработанную и психологически мотивированную биографию. В шестой редакции Л. нашел окончательное место действия — Кавказ, а сюжет оказался погруженным в атмосферу народных преданий и обогащен деталями быта и этнографии, а княжна Тамара предстала как живой и полнокровный образ. С появле-

нием такого образа Демон получил меру ценности своих деяний. По своему философско-этическому содержанию образ Тамары равновелик образу Демона. Она надлена той полнотой переживания, которая исчезла в современном мире; любовь ее самоотверженна и соединена с искупительным страданием. Поэтому, погубив Тамару, Демон не только наказан безысходным одиночеством (как было в ранних, «байронических» редакциях), но и побежден в самый момент своей мнимой победы — ибо его жертва возвысилась над ним. Этот последний этап эволюции замысла был связан с общей переоценкой индивидуалистической идеи, затронувшей все творчество Л. конца 30 гг. Однако переоценка не означала «разоблачения», дискредитации. Демон оставался существом бунтующим и страдающим; в его монологах звучало отрицание существующего миропорядка, и его голос начинал сливаться с голосом автора. Однако в «Демоне» нашли наиболее ясное воплощение свойственные Л. мотивы богоборчества. Они стали причиной запрещения поэмы к печати.

К 1839 г. Л., по-видимому, считал замысел «Демона» исчерпанным. В 1840 г. в «Сказке для детей» он вспомнил о «безумном, страстном, детском бреде», мучившем его много лет, от которого он, наконец, «отделался стихами». В «Сказке для детей» появляется новый тип демона, умного и ироничного, введенного в бытовую среду, с чертами гетевского Мефистофеля. К 1839 г. относится последняя редакция «Демона», и в том же году Л. пишет новую поэму — «Мцыри».

Подобно «Демону», «Мцыри» завершает целую линию замыслов Л., зародившихся еще в 1830—1831 гг. В нее вошли и целые фрагменты из ранних, не напечатанных Л. поэм: «Исповеди», «Боярина Орши». Внутреннее родство Мцыри и Демона несомненно: в нем так же заложено отрицающее, протестующее начало и та же сила духа; как и Демон, он пытается вырваться из мира, обрекающего его на одиночество. Однако Мцыри — прямая противоположность байроническому герою: это «естественный человек», которому навязаны угнетающие его внутренние чувства, общественные отношения. Пафос отрицания в «Мцыри» едва ли не выше, чем в «Демоне», т. к. его окружают не враги, а защитники и покровители; он и не воюет с ними: он их не приемлет. Мцыри живет, повинаясь естественным побуждениям, к которым относится любовь к свободе, родине, родным, природе и деятельности. Эти чувства заставляют его бежать из монастыря, враждебного «закону сердца», и погрузиться в природную стихию. Схватка с барсом для него — встреча с природой; он вступает в борьбу без оружия, как первобытный человек; полудетское наивное чувство любви пробуждается в нем при виде первой встреченной девушки и ассоциативно связы-

вается с песней рыбки. Каждый сюжетный мотив «Мцыри» символически расширен и насыщен глубинными философскими смыслами. Так, мотив «монастыря» в ходе поэмы меняет свое назначение: «монастырь-убежище» превращается в «монастырь-тюрьму». Мотив «бегства-освобождения» преобразуется в мотив бесцельного кругового движения: весь путь Мцыри, с его опасностями, трудами и подвигами, совершался в окрестностях монастыря. Самая концовка «Мцыри» как будто соотносена с концовкой «Демона» по принципу противопоставления: Демон остается жить, с проклятием на устах — Мцыри умирает, никого не проклиная. Но именно последние строки «Мцыри» и выражают яснее всего этот заряд отрицания, который заложен в каждой сцене поэмы и предвосхищает толстовскую критику общества с позиций естественного сознания.

«Мцыри» и «Демон» — высшие достижения романтической поэмы Л. В них сложился и особый, лермонтовский поэтический язык — захватывающий читателя речевой поток, внешне похожий на импровизацию, где лирическая энергия целого поглощает неточности словоупотребления. Белинский в письме к В. П. Боткину в 1842 г. сравнивал читательское ощущение от таких стихов с «опьянением» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч. — М., 1956. — Т. XII. — С. 111).

Наряду с поэтической речью повышенной экспрессивности, Л. в зрелые годы все чаще обращается к речи намеренно неукрашенной, а иной раз прозаизированной, «безыскусной». Так написаны многие его лирические стихотворения последних лет. При этом драматизм лирической ситуации и конфликта не ослаблен, а усилен и простота выражения это лишь подчеркивает. В «Завещании» (1840) передается предсмертная исповедь безымянного армейского офицера, умирающего от ран; он просит напомнить о себе прежней возлюбленной, чтобы вызвать ее участие. Лирический сюжет здесь почти тот же, что в ранних вариациях на темы Байрона и Т. Мура, но он приобрел черты трагической безнадежности: умирающий знает, что все это иллюзия, что любовь его, тщательно скрываемая, но не преодоленная, так и останется без ответа. Почти та же ситуация — в «Валерике» (1840). Вообще, поздняя любовная лирика Л. очень часто построена на мотиве не просто неразделенной любви, но фатальной невозможности соединения любящих: тема эта проходит в стихотворениях «Утес» (1841), «На севере диком...» (1841), «Сон» (1841) и др. Романтические конфликты Л. ищет теперь в повседневной жизни; в «Тамбовской казначейше» (1837—1838), напр., они проступают из недр пошлого провинциального быта: кокетка, честь которой буквально поставлена на карту, неожиданно разрывает все свои семейные и общественные связи, утверждая свое женское до-

стоинство, а армейский волокита начинает играть роль идеального любовника. Здесь, как и нередко в зрелом творчестве Л., средством преобразования быта становится ирония, то снижающая патетику, то возвышающая и одухотворяющая бытовую эпизод.

Художественный опыт Л.— лирика, автора поэмы, драматурга и прозаика сконцентрировался в романе «Герой нашего времени», который он начал писать в 1838 г. на основе кавказских впечатлений. Роман построен как серия повестей и, возможно, не задумывался как целостное и связанное повествование; затем Л. объединил повести в сложную композиционную структуру. Каждая повесть опиралась на определенную литературную традицию. «Бэла» соединила черты путевого очерка типа пушкинского «Путешествия в Арзрум» и романтической новеллы о любви европейца к «дикарке»; «Княжна Мери» — «светская повесть»; «Тамань» — лирическая новелла со слабовывявленным сюжетом и атмосферой таинственности; «Фаталист» — рассказ о «таинственном случае», характерный для фантастической прозы 30 гг. Все эти жанровые формы стали у Л. частью единого целого — исследования духовного мира современного героя, личность и судьба которого цементирует все повествование. Новеллы расположены так, что они постепенно «приближают» Печорина к читателю: вначале дан рассказ о нем Максима Максимыча («Бэла»), затем он увиден глазами повествователя («Максим Максимыч»), наконец в «журнале» (дневнике) предлагается его «исповедь». События поданы вне хронологической последовательности, что тоже входит в художественный замысел: как в «байронической поэме», роман имеет «вершинную композицию», биография героя предстает в кульминационных точках. Предыстория Печорина намеренно исключена; это придает его биографии некую таинственность.

Образ Печорина имеет, таким образом, романтическую генеалогию. Самый метод обрисовки характера, в котором заключены «два человека» — действующий и судящий его поступки, — уже наметился в ранних «отрывках» Л. 1830—1831 гг. Новой стадии художественного сознания Л. принадлежит взгляд на своего героя как на «тип», воплощающий социально-психологические черты целого поколения — того самого, которое было изображено в «Думе». Эгоцентризм, индивидуализм, скептическое отношение к, казалось бы, прочно установленным моральным ценностям и, с другой стороны, интеллектуальность, рефлексивность, способность к трезвой и беспощадной самооценке, стремление к деятельности при отсутствии жизненной цели — все это свойственно, согласно Л., современному человеку. В романе последовательно анализируются его представления о любви, дружбе, общественных связях — то, что всегда считалось

мерилом ценности личности. Печорин как бы испытывает себя в разных ситуациях: любви «естественной» («Бэла»), «романтической» («Тамань»), «светской» («Княжна Мери»), в дружбе «патриархального» типа («Бэла», «Максим Максимыч»), дружбе сверстников одного социального круга, дружбе интеллектуальной (с Грушницким, доктором Вернером в «Княжна Мери»). Во всех случаях характер современного человека ставит границы осуществлению идеала, и причина тому не в «порочности» Печорина, а в самом социально-психологическом быте общества, которое обрекает своих членов на трагическое взаимное непонимание, отсутствие коммуникативных связей. Эта основная идея обусловила своеобразный художественный «объективизм» романа: автор не судит своего героя и тем более не разоблачает его, но анализирует. Судит себя сам Печорин, сознающий, что он находится во власти неких общих и вневличных законов, за пределы которых не может вырваться. Л. впервые в русской литературе поставил проблему обусловленности личного поведения общественными законами и последовательно отказался от дидактического нравования. За исключением Белинского, никто из современных Л. критиков романа не сумел понять и принять этого важнейшего литературного открытия.

Мир героев романа представляет собой целую систему образов, в центре которой находится Печорин. Его личность вырисовывается из суммы отношений, в которые он вступает с окружающими. Из нее вырастает и проблема не субъективной, но объективной вины (как это было в «Маскараде», «Демоне» и пр.). Один из центральных конфликтов — между Печориным и Грушницким — поэтом гораздо глубже, чем противопоставление истинного и ложного, оригинала и пародии и т. п. Логикой событий Грушницкий оказывается жертвой, а Печорин — убийцей товарища. Грушницкий — часть социального мира, в судьбе которого Печорин невольно сыграл фатальную роль. Зло возникает как бы само собой, из самого хода вещей. Заключительная новелла «Фаталист» венчает сюжетное построение романа: роль Печорина как непременного действующего лица пятого акта драмы в сущности преддана — он может проверить свою способность к деятельности, но не вневличностные законы своего поведения.

К моменту выхода «Героя нашего времени» (1840) Л. уже прочно связал свою судьбу с «Отечественными записками», журналом, где с 1839 г. ведущим критиком стал Белинский и где собирались молодые литературные силы, приходящие на смену литераторам прежнего пушкинского окружения. Белинский рассматривает Л. как центральную фигуру нового этапа развития русской литературы. В «Отечественных записках» появляется большинство прижизненных публикаций Л. Более сложными были отно-

шения Л. с др. литературно-общественными группами. С пушкинским кругом у него не сложилось близких отношений. Старшие поэты далеко не полностью принимали творчество Л. Столь же выборочно принимали его и формирующиеся московские славянофильские кружки: высоко оценивая произведения, где Л. демонстрировал свой интерес к национальным, народным началам («Песня про царя Ивана Васильевича...») или критиковал западную буржуазную цивилизацию («Последнее новоселье», 1841), они решительно отвергали рефлексивные пессимистические стихи типа «И скучно, и грустно...», а также «Героя нашего времени», объявляя тип Печорина искусственным, не имеющим корней в русской действительности. Со своей стороны, Л. присматривался к деятельности будущих славянофилов (А. С. Хомякова, Ю. Ф. Самарина), сохранял с ними личные связи, но был холоден к социально-философским основам их учения. Это выразилось в «Родине» (1841), где Л. подчеркнул непривозможность и логическую необъяснимость своего патриотического чувства, выдвинув в противоположность любым доктринам интуицию и эстетическое переживание. Эту концепцию Л. впоследствии высоко оценил Добролюбов.

В марте 1840 г. за дуэль с сыном французского посла Э. де Барантом Л. был переведен в Тенгинский полк и отправлен в действующую армию на Кавказ. Дуэль имела личные поводы, но получила значимые черты национальной достоянности. В это время Л. входил в т. н. «кружок шестнадцати», корпоративное объединение молодых людей преимущественно из аристократического общества, культивировавшее дух товарищества, независимости к властям и предписывавшее своим членам нормы корпоративной этики и поведения. Дуэль с Барантом была в их глазах и в глазах Л. делом чести.

В июне 1840 г. Л. прибывает в Ставрополь в главную квартиру командующего войсками Кавказской линии в Черноморье генерала П. Х. Граббе, а в июле уже участвует в постоянных стычках с горцами и кровопролитном сражении при реке Валерик. Очевидцы писали об отчаянной храбрости Л., удивлявшей кавказских ветеранов.

В нач. февраля 1841 г., получив двухмесячный отпуск, Л. приезжает в Петербург. Его представляют к награде за храбрость, но Николай I отклоняет представление. Поэт проводит в столице три месяца, окруженный вниманием; он полон творческих планов, рассчитывая получить отставку и отдаться литературной деятельности. Его интересует духовная жизнь Востока, с которой он соприкоснулся на Кавказе; в нескольких своих последних стихотворениях он касается проблем «восточного мирозерцания» («Тамара», «Спор»).

14 апреля 1841 г., не получив отсрочки, Л.

возвращается на Кавказ. В мае он прибывает в Пятигорск и получает разрешение задержаться для лечения на минеральных водах. Он испытывает прилив творческой активности. В его записной книжке один за другим следуют лирические шедевры: «Сон», «Утес», «Они любили друг друга...», «Тамара», «Свиданье», «Листок», «Выхожу один я на дорогу...», «Морская царевна», «Пророк»... Тем временем из Петербурга идут предписания строжайше наблюдать, чтобы он непременно находился налицо в полку.

В Пятигорске Л. находит общество прежних знакомых и в их числе своего товарища по школе юнкеров Н. С. Мартынова. На одном из вечеров в пятигорском семействе Верзилиных шутка Л. задела Мартынова, человека немудрого и болезненно самолюбивого, уже и ранее бывшего предметом насмешек Л. Сора повлекла за собой вызов; не придавая значения размолвке, Л. принял его, твердо решив не стрелять в товарища. Поэт был убит 15 июля 1841 г.

Смерть Л. была тяжким ударом для русской литературы и имела широкий общественный резонанс. Ее рассматривали как убийство. Неясность некоторых обстоятельств дуэли породила предположения о тайном заговоре. Однако физическое уничтожение Л. не предусматривалось заранее; поэт явился жертвой той общественной атмосферы, которой он был враждебен самым направлением и пафосом своего творчества. Творческая жизнь Л. продолжалась 13 лет; за это время он успел занять одно из выдающихся мест в русской литературе, завершив развитие русской романтической поэмы, создав непревзойденные лирические шедевры и заложив основы русского реалистического романа XIX столетия.

Соч.: Соч.: В. 6 т.—М.; Л., 1954—1957; Собр. соч.: В 4 т.—2-е изд., испр. и доп.—Л., 1979—1981.
Лит.: М. Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников.—М., 1989; Мануйлов В. Летопись жизни и творчества М. Ю. Лермонтова.—М.; Л., 1964; Лермонтовская энциклопедия.—М., 1981; Ковалевская Е. А., Мануйлов В. А. М. Ю. Лермонтов в портретах, иллюстрациях, документах.—Л., 1959; Висковатый П. А. М. Ю. Лермонтов. Жизнь и творчество.—М., 1987; Литературное наследство. М. Ю. Лермонтов.—М., 1941—1948.—Т. 43—44, 45—46; Бродский Н. Л. М. Ю. Лермонтов. Биография.—М., 1945.—Т. 1; Эйхенбаум Б. М. Статьи о Лермонтове.—М.; Л., 1961; Максимов Д. Поэзия Лермонтова.—2-е изд.—М.; Л., 1964; Федоров А. В. Лермонтов и литература его времени.—Л., 1967; Мануйлов В. А., Назарова Л. Н. Лермонтов в Петербурге.—Л., 1984; Коровин В. И. Творческий путь М. Ю. Лермонтова.—М., 1973; Андроников И. Л. Лермонтов: Исследования и находки.—4-е изд.—М., 1977; Герштейн Э. Г. Судьба Лермонтова.—2-е изд., испр. и доп.—М., 1986; Мануйлов В. А. Роман М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Комментарий.—2-е изд.—Л., 1975. В. Э. Вацура

ЛЕСКОВ, Николай Семенович [4(16).II.1831, с. Горохово Орловской губ.—21.II(5.III).1895, Петербург] — прозаик, публицист. Родился в семье мелкого чиновника, выходца из духовного сословия. Первоначальное образование получил в доме богатых родственников Страховых,

нанимавших для своих детей русских и иностранных учителей. С 1841 по 1846 г. учился в Орловской гимназии, но курса не кончил. В 1847 г. поступил на службу в Орловскую палату уголовного суда, а в 1849 г. перевелся в Киевскую казенную палату. Живя у дяди С. П. Алферьева, профессора медицины Киевского университета, Л. попал в среду учащейся молодежи и молодых ученых. Эта среда оказала благотворное влияние на развитие умственных и духовных интересов будущего писателя. Он много читал, посещал лекции в университете, овладел украинским и польским языками, близко познакомился с украинской и польской литературой. В Киеве в 1853 г. Л. женился на О. В. Смирновой. Брак этот оказался неудачным. В 1865 г. Л. вступил в гражданский брак с Е. С. Бубновой. Сын Л. и Бубновой Андрей написал впоследствии биографическую книгу об отце.

В 1857 г. Л. оставил государственную службу и перешел на частную — в коммерческую компанию А. Я. Шкотта. По делам этого торгового дома он «изъездил Россию в самых разнообразных направлениях» (Соч.: В 11 т. — Т. 11. — С. 18). Впечатления, полученные во время этих поездок, дали ему бесценный материал для творчества. В 1860 г. в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Современной медицине», «Указателе экономическом» Л. напечатал свои первые статьи экономического и социально-бытового характера. В 1861 г. он переезжает в Петербург, а затем в Москву, где становится сотрудником газеты «Русская речь». Его статьи появляются также в «Книжном вестнике», «Русском инвалиде», «Отечественных записках», «Времени». В декабре 1861 г., порвав с редакцией «Русской речи» более по личным, чем по идейным мотивам, Л. переезжает в Петербург.

С января 1862 г. в течение двух лет Л. был деятельным сотрудником буржуазно-либеральной газеты «Северная пчела», редакцию которой с 1860 г. возглавлял П. С. Усов. В «Северной пчеле» печатались П. И. Мельников (Андрей Печерский), В. А. Слепцов, А. И. Левитов, Марко Вовчок, Е. Тур, В. И. Даль, Д. В. Аверкиев. Видную роль в редакции играл революционер А. Бенин, с которым Л. близко сошелся и о котором написал впоследствии очерк «Загадочный человек» (1870). Л. заведовал в «Северной пчеле» отделом внутренней жизни и выступал по самым острым проблемам современности. Он писал о ходе реформ в самых различных областях русской жизни, государственном бюджете, гласности, взаимоотношениях сословий, положении женщин, о путях дальнейшего развития России. Проявив себя страстным полемистом, Л. вступал в спор и с революционно-демократическим «Современником» Чернышевского, и со славянофильским «Днем» И. С. Аксакова.

В 1862 г. Л. принял участие в артельном журнале «Век», редактором которого был избран Г. З. Елисеев. Здесь было напечатано его первое беллетристическое произведение — рассказ «Погасшее дело» («Засуха») (1862). Вслед за ним появляются в «Северной пчеле» «Разбойник» и «В тарангасе» (1862), в «Библиотеке для чтения» — «Житие одной бабы» (1863), в «Якорь» — «Язвительный» (1863). Значительная часть ранних произведений Л. написана в жанре художественного очерка, который в 60 гг. пользовался большой популярностью у писателей разночинно-демократического лагеря. Однако несмотря на близость тематики и проблематики творчества, Л. с присущим ему с первых же шагов в литературе полемическим задором противопоставил пафосу изучения народной жизни, свойственному Н. и Гл. Успенским, Слепцову, Решетникову и др., свое естественное, органическое знание ее. Впоследствии он писал: «...Публицистических рацей о том, что народ надо изучать, я вовсе не понимал и теперь не понимаю. Народ просто надо знать, как самую свою жизнь, не штудировать ее, а живучи ею» (11, 12).

В публицистике Л. также проявил себя как страстный полемист. Его горячность и стремление как можно скорее определить свою позицию в общественной борьбе в сочетании с политической неопытностью принесли начинающему писателю много бед. Неосторожное высказывание в статье о петербургских пожарах 1862 г., а затем роман «Некуда» (1864), в котором Л. пытался доказать трагическую бесперспективность революционного движения в России 60 гг., вызвали бурю возмущения в передовых кругах русских литераторов. Особенно резко выступили Д. И. Писарев в статье «Прогулка по садам российской словесности» и В. А. Зайцев в статье «Перлы и адаманты русской журналистики». Впоследствии к ним присоединился М. Е. Салтыков-Щедрин в рецензии на вышедшие в 1867 (т. I) и 1869 (т. II) гг. «Повести, очерки и рассказы М. Стебницкого» (псевдоним Л.). Так Л., не будучи человеком реакционных или консервативных убеждений, был надолго отлучен от прогрессивного лагеря русской литературы. Он был обречен на сотрудничество во второстепенных газетах и журналах либерального и консервативного направлений и в течение ряда лет печатался в реакционном «Русском вестнике» М. Н. Каткова, пока не порвал с ним «твердо и навсегда» (11, 509), убедившись в том, что этот человек «убийца родной литературы» (10, 412).

Осенью 1862 г. Л. предпринял первую поездку за границу. Отправившись в Париж корреспондентом «Северной пчелы», он медленно, с остановками, в течение двух с половиной месяцев ехал на запад, посетил Вильно, Гродно, Белосток, Беловежскую пушу, Львов, Прагу. В Праге Л. знакомится с чешскими литераторами, делает перевод рассказов Мартина Бродского «От тебя

не больно» и Божены Немцовой «Двенадцать месяцев» (были напечатаны в 1863 г. в «Северной пчеле»). Итогом поездки явились очерки «Из одного дорожного дневника» (Северная пчела.— 1862—1863) и серия «Писем к редактору «Библиотеки для чтения» — «Русское общество в Париже» (1863).

Летом 1863 г. по поручению министра народного просвещения А. В. Головнина Л. совершил поездку в Псков и Ригу для изучения вопроса о школах для детей раскольников. В сентябре им написана докладная записка «О раскольниках г. Риги, преимущественно в отношении к школам», изданная тиражом 60 экземпляров. В том же году и в следующем «Библиотека для чтения» опубликовала его очерки «С людьми древнего благочестия». К расколу Л. проявлял интерес и впоследствии («Запечатленный ангел», 1873; «Печерские антики», 1883; ряд статей). Во взглядах на раскол Л. резко расходился со сторонниками его революционности (А. П. Щапов и др.) и был близок Мельникову-Печерскому.

В основе мировоззрения Л. лежало демократическое просветительство, идеология, чрезвычайно характерная для эпохи 60 гг. Согласно В. И. Ленину, она определяется тремя основными чертами: «горячей враждой к крепостному праву и *всем* его порождениям», «горячей защитой просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни и вообще всесторонней европеизации России», «отстаиванием интересов народных масс» (Ленин и В. И. Полн. собр. соч.— Т. 2.— С. 519). Л. остро чувствовал экономическую, социальную и культурную отсталость России по сравнению с развитыми западноевропейскими странами. В нач. 60 гг. он был полон уверенности, что с отменой крепостного права Россия быстро пойдет по пути прогресса. Очень скоро ему пришлось пережить глубокое разочарование в результатах реформы. Наблюдения над пореформенной действительностью показали, как мало произошло изменений к лучшему в жизни страны. Тема крепостнических пережитков становится одной из главных в его творчестве. В отличие от Ф. М. Достоевского, Л. видел главную опасность не в развитии буржуазных отношений, а в костности русской жизни, в устойчивости ее старых, отживших форм, борьба с которыми не утратила своей актуальности на протяжении всего XIX в.

Прекрасный знаток провинции, ее экономических и социальных потребностей, ее людей и их отношений, мельчайших подробностей быта и глубинных идейных течений, Л. противопоставлял свое практическое знание жизни не имеющим, по его убеждению, никаких корней в русской действительности выкладкам «теоретиков». На этой почве и возникли его разногласия с революционно-демократическим лагерем. Теме неподготовленности России к революции и трагической судьбе тех людей, которые связали свою жизнь и

деятельность с надеждой на ее скорое осуществление, посвящены рассказ «Овцебык» и очерк «Загадочный человек». Л. полемизировал с Чернышевским и его сторонниками в романах «Обойденные» (1865) и «На ножах» (1872), в хронике «Соборяне» (1872). Но столкновение его стихийного демократизма с революционным демократизмом передовых общественных деятелей 60 гг. не исчерпывало проблематики его творчества. Он ведет общую для просветителей борьбу за освобождение личности, уделяя особое внимание судьбе простолюдинов («Житие одной бабы»), показывает ломку сословных перегородок, крушение нравственных устоев в условиях пореформенного хаоса («Воительница», 1866), неразрывную связь капитала с преступлением («Леди Макбет Мценского уезда», 1865). Повесть «Леди Макбет», трагическая история бунта женской души против мертвящей обстановки купеческой среды,— одна из художественных вершин творчества Л. 60 гг. Повесть была напечатана в журнале Бр. Достоевских «Эпоха».

Творчество Л. 60 гг. отличается большим жанровым разнообразием. Писатель пробует свои силы в художественном очерке, рассказе, повести, романе, пишет единственную в своей творческой практике пьесу «Расточитель..» (1867; впервые поставлена в московском Малом театре 20 дек. 1868 г.) и наконец обращается к жанру хроники, который привлек его, писателя — рассказчика по преимуществу, своей композиционной безыскусственностью, близостью к реальному течению жизни. Противопоставляя хронике жанровым формам романа, сложившимся ко второй половине XIX в., Л. писал в «Детских годах»: «Я не стану усекать одних и раздувать значение других событий: меня к этому не вынуждает искусственная и неестественная форма романа, требующая закругления фабулы и сосредоточения всего около главного центра. В жизни так не бывает. Жизнь человека идет как развивающаяся со скалки хартия, и я ее так просто и буду развивать лентою в предлагаемых мною записках» (5, 279). С хрониками «Старые годы в селе Плодомасове» (Сын отечества.— 1869), «Соборяне» (1872) и «Захудалый род» (1874) (обе — в «Русском вестнике») в творчество Л. входит национально-историческая проблематика. В недавнем прошлом России писатель ищет опору для решения насущных задач современности и находит ее в самобытных личностях, в людях с крупными характерами, социально активных, сильных своей связью с народом. Таковы изображенные им Марфа Андреевна Плодомасова, Варвара Никаноровна Протозанова и мятежный протопол Савелий Туберозов. Сюжет «Соборян» Л. определил как «борьбу лучшего из <...> героев с вредителями русского развития» (10, 279).

В хрониках писатель поднимает важные вопросы общенациональной жизни: взаимоотношения

сословий, роль каждого из них в жизни страны, условия, необходимые для дальнейшего прогресса. Нравственную проблематику он тесно связывает с социальной. Особенно интересуют его устойчивые национальные особенности жизни. Он призывает сохранять все ценное, что было в прошлом, и всеми силами противостоять тому, что тормозит движение вперед.

В 1871 г. в «Современной летописи» Л. печатает сатирическую повесть-обозрение «Смех и горе», в которой сосредоточивает внимание на фантастической неустроенности русской жизни, на полном бесправии личности. Сопоставляя дореформенное прошлое с пореформенным настоящим, писатель показывает, что меняются только формы угнетения народа и подавления свободы личности, а сущность государственной системы остается прежней. По своей критической направленности в отношении русской действительности «Смех и горе» самое острое из всех написанных Л. до той поры произведений. В нем впервые заявлены многие темы и идеи, ставшие впоследствии чрезвычайно характерными для творчества Л., и в первую очередь это относится к основной авторской установке, раскрывающейся в заключительных словах: «Велика растет чужая земля своей похвалой, а наша крепка станет своею хайкою» / 3, 570 /. Тема национальной самокритики, начатая Гоголем, была продолжена и развита Л. Писатель не боялся говорить о своей стране и о своем народе самую горькую правду, потому что верил в возможность их изменения к лучшему.

Л. судит русскую жизнь в первую очередь как просветитель — с точки зрения разумности, логичности ее устройства, поэтому в поле его зрения так часто попадают всяческие отклонения от нормы: многочисленные казусы, анекдоты, странности и несообразности русской жизни, ее сюрпризы и внезапности. Анекдот у Л. — это не только небольшая комическая история с неожиданной развязкой, хотя его произведения пестрят такими маленькими шутивными вставными рассказами — историческими, политическими, литературными, бытовыми. Анекдот является важным структурным принципом многих произведений Л. Простейший случай — это новеллы. В них центральное событие или даже вся ситуация произведения носит анекдотический характер (см., напр., «Дух госпожи Жанлис», 1881; «Путешествие с нигилистом», 1882; «Маленькая ошибка», 1883; «Грабеж», 1887; «Умершее сословие», 1888). Свообразными сборниками анекдотов, объединенных единой авторской критической мыслью, являются «Заметки неизвестного» (1884) и «Мелочи архиерейской жизни» (1878). Анекдот у Л. — широкое и емкое понятие, не ограничивающееся комическим содержанием. Многие изображенные им анекдоты по-настоящему трагичны, как, напр., «Владычный суд» (1877) или «Человек на часах» (1887), что говорит о гораздо

более глубоко, чем обыденное, понимании писателем сущности и функции анекдота. Этого не поняла современная Л. критика, окрестившая его «писателем-анекдотистом».

Увлечение курьезным случаем, анекдотом отражало также существеннейшую сторону мировосприятия Л. — его интерес ко всему яркому, колоритному, оригинальному: будь то случай из жизни или человек, черта быта или плод народной фантазии. Жизнь в восприятии Л. захватывающе, сказочно интересна. Любые самые обыденные явления и ситуации русской жизни, попадая в художественный мир Л., преобразуются в увлекательную историю, в острый анекдот или в «веселую старую сказку, под которую сквозь какую-то теплую дрему свежо и ласково улыбается сердце...» (7, 161). Неоднократно встречающееся у Л. понятие «старая сказка» / ср. обращение героя «Соборян» Савелия Туберозова к своим согражданам: «Живите, государи мои, люди русские, в ладу со своею старою сказкой. Чудная вещь старая сказка! Горе тому, у кого ее не будет под старость!» — 4, 152 / олицетворяет историческую память как отдельного человека, так и целого народа. «Старая сказка» — это ощущение своей связи с предками, с национальными основами жизни, это все поэтическое, что есть у каждого человека и у каждого народа в прошлом. В художественном мире Л. «старая сказка» — это также одно из проявлений присущей писателю сказочной очарованности жизнью. Писатель очарован огромными просторами русской земли, драматизмом многовековой русской истории, поэтическим миром духовной жизни народа, широтой души, артистизмом и удалью русского человека, искусством в самых разнообразных его проявлениях — от древней иконописи до современного театра. В 1873 г. Л. печатает в «Русском вестнике» рассказ «Запечатленный ангел», в котором древняя русская культура, воплощенная в иконах старого письма, является источником нравственной силы артели раскольников, сплачивает их и помогает вынести самые тяжелые испытания в жизни.

Атмосфера очарованности жизнью, пронизывающая произведения Л., во многом определила и характер центрального героя в его творчестве. Яркому, красочному, полусказочному миру под стать и герой — человек цельной натуры, богато одаренный, щедрой души, настоящий богатырь. Такой герой предстает перед читателем в повести «Очарованный странник» (Русский мир. — 1873). Талантливый русский человек, беглый крепостной Иван Северьянович Флягин, прошедший через страшные испытания, много раз находившийся на краю гибели, символизирует физическое и нравственную стойкость русского народа, постепенный, но неуклонный рост его духовных сил, развитие самосознания. В «Очарованном страннике» нашел также отражение интерес Л. к русскому национальному характеру,

который он стремился раскрыть в сопоставлении с национальными характерами других народов. Из других произведений, разрабатывающих эту проблему, наиболее интересны «Железная воля» (1876), «Старинные психопаты» (1885), «Колыбанский муж» (1888).

Богатая одаренность русского человека, глубина и цельность его натуры были для Л. залогом лучшего будущего страны. В поисках положительных начал русской жизни он обращался прежде всего к этому источнику — к положительным типам русских людей. Редкая особенность писательского дарования Л. заключалась в том, что положительные типы удавались ему лучше отрицательных. По словам М. Горького, Л. «как бы поставил целью себе ободрить, воодушевить Русь» и начал «создавать для России иконостас ее святых и праведников». Его «праведники», эти, по выражению Горького, «маленькие великие люди» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т.— Т. 24.— С. 231), не только несут в мир добро, но и показывают, каким может быть человек не в отдаленном будущем, а уже сейчас, в настоящем. Писатель ищет и находит «праведников» в самых различных слоях русского общества: среди дворян и простолюдинов, крестьян и духовенства. Все они смело вступают в борьбу со злом и руководствуются в своих поступках только голосом совести, демонстрируя свою нравственную независимость от окружающей их среды. Таковы герои рассказов «Пигмей» (1876), «Одному» (1879), «Кадетский монастырь» (1880), «Несмертельный Голован» (1880), «Человек на часах» (1887), «Инженеры-бессребреники» (1887). Эти произведения, а также «Русский демократ в Польше» (1880), «Левша» (1881), «Очарованный странник» и «Шерамур» (1879) составили цикл рассказов о «праведниках», которому в 1879 г. было предпослано авторское предисловие, провозглашавшее веру писателя в нравственные силы русского человека. Свое понимание «праведничества» Л. стремился также объяснить в статье «О героях и праведниках» (1881).

Циклизация рассказов — характерная черта творчества Л. Еще одним циклом были т. н. «рассказы к стати»: «Голос природы» (1883), «Совместители» (1884), «Александрит» (1885), «Старинные психопаты» (1885), «Интересные мужчины» (1885), «Умершее сословие» (1888), «По поводу «Крейцеровой сонаты» (1890), «Загон» (1893), «Дама и фефела» (1894) и др. Отправляясь от какого-либо случая, обратившего на себя его внимание, Л. рассказывал в параллель к нему историю, в которой ярко обрисовывал быт, нравы и характеры определенной среды. Как правило, эти рассказы строились на сопоставлении прошлого с настоящим. Хотя литературный путь Л. целиком приходится на пореформенный период русской жизни, в его произведениях, несмотря на их несомненную актуальность, а по-

рой даже злободневность, преобладают картины жизни дореформенной России. При этом читатель воспринимал их не как прошлое, а как самое животрепещущее настоящее, ибо писатель адресовал свои произведения тем, «кто любит вспоминать недалекую старину и сопоставлять ее с нынешним временем» (8, 450). Обращаясь к самым различным областям русской пореформенной жизни, писатель неизменно ставит вопрос: что изменилось в жизни страны по сравнению с дореформенным прошлым, далеко ли ушла Россия по пути прогресса, сбросив с себя позорное ярмо крепостничества?

Цикл составили и святочные рассказы, довольно редкий в русской литературе XIX в. жанр, в котором Л. много и успешно работал. Это «Христос в гостях у мужика» (1881), «Штопальщик» (1882), «Привидение в Инженерном замке» (1882), «Путешествие с нигилистом» (1882), «Маленькая ошибка» (1883), «Неразменный рубль» (1883), «Зверь» (1883), «Старый гений» (1884), «Пугало» (1885) и др.

Материальные затруднения вынудили Л. поступить на государственную службу. В 1874 г. он был назначен членом особого отдела Ученого комитета министерства народного просвещения по рассмотрению книг, издаваемых для народа. В 1883 г. он был уволен за «несовместимость» его литературных занятий со службой. С середины 70 гг. углубляется критическое отношение Л. к русской действительности. После второй поездки за границу в 1875 г. (Париж, Мариенбад, Прага, Дрезден, Гамбург) он «более всего разладил с церковностью» (10, 411). Большой знаток жизни русского духовенства и религиозной литературы, Л. многократно выступал в печати по вопросам религии. Он писал об истории церкви, рецензировал религиозные сочинения и художественные произведения из жизни духовенства («Холостые понятия о женатом монахе», 1873; «Карикатурный идеал», 1877), сотрудничал в журналах «Православное обозрение», «Странник», «Церковно-общественный вестник», выпустил ряд книг христианско-морального содержания: «Зеркало жизни истинного ученика Христа», «Пророчества о Мессии», «Указка к книге Нового Завета», «Изборник отеческих мнений о важности Священного писания». В своих произведениях Л. сочувственно изображал жизнь бедного приходского духовенства и едко высмеивал нравы верхушки этого сословия. Шестой том его Собрания сочинений (выходило в 1889—1890 гг. в издательстве А. С. Суворина), содержащий «Мелочи архиерейской жизни» (1878) и др. антиклерикальные произведения писателя, был охарактеризован цензурой, как «дерзкий памфлет и на церковное управление в России и на растление нравов нашего духовенства» (6, 667) и запрещен. В 1893 г. весь тираж был уничтожен. Сохранилось лишь несколько его экземпляров.

Критический взгляд Л. проникал в самые различные области русской жизни. Он писал о трагической участи талантливых людей из народа («Левша», «Гудейный художник», 1883), о чудовищных злоупотреблениях властью («Белый орел», 1880) и откровенном хищничестве («Бесстыдник», 1877; «Леон дворецкий сын», 1881; «Отборное зерно», 1884; «Инженеры-бессребреники»), о бедственном положении народа («Юдоль», 1892; «Продукт природы», 1893). Несмотря на острую критику русской жизни, у Л. вплоть до нач. 90 гг. мы не встретим прямого обличения, свойственного сатире. Его оружием были юмор и ирония, в которой находил выход присущий его трезвому уму скептицизм. Осмеяние — главное средство борьбы Л. с универсальной неустроенностью русской жизни. Юмор Л., то добродушный и снисходительный, то трогательный и грустный, то жестокий и язвительный, ненавязчиво, но уверенно направлял мысль читателя в нужное писателю русло. Он был своеобразной формой преодоления несовершенств жизни и помогал читателю осознать не только нелепость всех неурядиц русской действительности, но возможность и необходимость борьбы против них.

Будучи писателем-проповедником, Л. видел свою задачу в борьбе с крепнущим «меркантилизмом совести» (10, 356). Вера в то, что социальный прогресс идет вслед за прогрессом нравственным, и горячая проповедь любви человека к человеку определили близость Л. к нравственно-философским исканиям Л. Толстого 80—90 гг. Однако толстовцем Л. никогда не был. Выступив в статьях «Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи. (Религия страхи и религия любви)» и «Золотой век» (1883) с защитой религиозно-этических воззрений писателей, которых реакционный публицист К. Леонтьев обвинил в ереси, он в то же время в других своих выступлениях подверг сомнению правильность некоторых положений толстовства: идеи непротивления злу насилием, отрицания цивилизации и женского образования, преуменьшения роли образованных людей в развитии общества (ст. «О рожне. Увет сынам противления», «Загробный свидетель за женщин», «О кувельном мужике и проч.» — все 1886 г.).

В 80 гг. Л. был захвачен общим стремлением выразить в условной — притчевой или сказочной форме важные нравственные и философские проблемы времени. Он обращается к материалу религиозных сказаний, который кажется ему вечным, обещавшим веческим и поэтому наиболее пригодным для нравственной проповеди. Действие патериковых легенд Л. «Сказание о Феодоре-христианине и Абраме-жидовине» (1886), «Скоморох Памфалон» (1887), «Легенда о совестном Даниле» (1888), «Лев старца Герасима» (1888), «Прекрасная Аза» (1888), «Аскалонский злодей» (1889), «Гора» (1890), «Невин-

ный Пруденций» (1891) происходит в эпоху раннего христианства. Их яркая живописность противостоит суровой простоте «народных рассказов» Толстого. Хотя они и не свободны от религиозной морализации, в лучших из них преобладает языческий дух, чуждый христианскому аскетизму и смирению. Подобно Л. Толстому и Достоевскому Л. видел в Евангелии в первую очередь всеобщий моральный кодекс. Он верил, что добрые усилия отдельных людей, соединенные вместе, способны стать мощным двигателем прогресса. «Опыт показывает, — писал он, — что сумма добра и зла, радости и горя, правды и неправды в человеческом обществе может то увеличиваться, то уменьшаться, — и в этом увеличении или уменьшении, конечно, не последним фактором служит усилие отдельных лиц» (Граф Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский как ересиархи // Новости и Биржевая газета. — 1883. — № 1—1 апр.). Через все творчество Л. проходит мысль о личной нравственной ответственности каждого человека перед своей страной и другими людьми. Своими произведениями, в особенности созданной им галереей «праведников», Л. обращался к своим современникам с призывом «всеми зависящими от нас средствами увеличивать сумму добра в себе и кругом себя» (Там же). Увеличение «суммы добра в себе» означало стремление к постоянному нравственному совершенствованию, увеличение «добра кругом себя» предполагало активное вмешательство в жизнь и борьбу со злом, какие бы формы оно ни принимало.

В 90 гг. усиливается сатирическая линия творчества Л. Писатель разоблачает подлые методы работы царской охранки: «Административная грация» (1893), «Заячий ремиз» (1894), моральное разложение общества: «Полуношники» (1891), «Импровизаторы» (1892), «Зимний день» (1894), выступает против тех, кто пытался отгородить Россию от Западной Европы: «Загон» (1893). В романе «Чертовы куклы» (1890), написанном в жанре философских повестей Вольтера, Л. подверг критике всю самодержавную систему правления, показав ее оподляющее, разрушающее личность влияние на жизнь подданных. В конце творческого пути Л. достиг такой силы обличения, что либеральные журналы отвергли его произведения. Так, повесть «Заячий ремиз» была напечатана только в 1917 г., а рассказ «Административная грация» — в 1934. Не были также напечатаны при жизни писателя сказка «Маланья — голова баранья» (1888), некоторые рассказы из цикла «Заметки неизвестного».

Л. принадлежит адаптированный для детей перевод романа В. Гюго «Труженики моря» и редакция перевода романа И. Крашевского «Фаворитки короля Августа II». Он выступал также как литературный и театральный критик. Среди наиболее значительных его произведе-

ний этого жанра — рецензия на роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?» (1863) и статья «Герои Отечественной войны по гр. Л. Н. Толстому» (1869), посвященная роману «Война и мир». В качестве публициста Л. сотрудничал в газетах «Биржевые ведомости» (1869—1871), «Русский мир» (1871—1873), «Гражданин» (1874—1877), «Новое время» (1879—1889), «Новости и Биржевая газета» (1878—1888), «Петербургская газета» (1879—1895), «Газета А. Гатцука» (1880—1884) и др. В течение десяти лет (1880—1890) он писал для журнала «Исторический вестник». Л. — публицист, как и Л. — художник, много делал для преодоления национальной розни среди народов России. В 1884 г. он подготовил записку «Евреи в России», которая была издана для служебного пользования тиражом 50 экземпляров.

Перу Л. принадлежат многочисленные статьи, в которых он знакомит русского читателя с обычаями и особенностями веры других народов, населяющих Россию.

И в художественном творчестве Л. особенно привлекал национальный уклад жизни, как он проявляется в быту, нравах, психологии. Причем его интересуют больше всего не обыденные, как Писемского и Чехова, а наиболее яркие, колоритные, острохарактерные проявления. Л. был бытописателем в лучшем смысле этого слова. Он запечатлел такие черты и черточки ушедших эпох, без которых наше представление о них было бы очень обедненным. Герои Л., в отличие от героев большинства русских писателей XIX в., начиная с Гоголя, редко стоят перед необходимостью преодоления враждебного быта, искажающего сущность человека. Иной смысл имеют у него и «мелочи жизни»: они помогают лучше понять через быт характер человека. «Человек же, как известно, наилучше познается в мелочах» /6, 502/, — считал он.

Л. обладал выдающейся языковой памятью. Подробнейшую дифференциацию речи персонажей он считал одной из главных задач писателя. «Постановка голоса у писателя, — говорил он, — заключается в умении овладеть голосом и языком своего героя...» (Фаресов А. И. Против течений. — С. 273). В расширении функции слова — главный вклад Л. в развитие русского реализма. М. Горький заметил, что в отличие от Гоголя, Тургенева, Гончарова, Л. Толстого, которые «любили создавать вокруг своих людей тот или иной фон», «широко пользовались лейтажем, описаниями хода мысли, игры чувств человека», Л. «писал не пластически, а — рассказывал и в этом искусстве не имеет равного себе». Слово героя или рассказчика, «искусное плетение нервного кружева разговорной речи» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т. — Т. 24. — С. 236) — главное средство создания образа у Л. Слово в художественной ткани его произведений приобретает необычайную мно-

гозначность: оно служит и для передачи художественной информации, и для характеристики говорящего со стороны его происхождения, социального опыта, культурного уровня, взглядов на жизнь, и в то же время является сигналом устной речи, сказа. Совершенствуя и развивая традицию сказа, идущую от Гоголя, Л. продолжил путь демократизации русской литературы. В его произведениях человек из народа получил возможность выразить свой внутренний мир, свой взгляд на жизнь в своем собственном слове, не прибегая к посредничеству автора-повествователя.

Проникновению в сущность народного мирозерцания и воспроизведению его в адекватных формах способствовало близкое знакомство Л. с бытовой и духовной культурой народа. Произведения Л. пропитаны фольклором. В них звучат лирические, обрядовые, сатирические песни, пословицы, заговоры, скороговорки. Сюжеты многих из них пронизаны сказочными и былинными мотивами, включают в себя народные суеверия, предания и легенды. Помимо фольклора приближению к миру мыслей и чувствований народа способствовал интерес Л. к древнерусской литературе, иконописи, лубку.

Яркой особенностью творческой манеры Л. является документальность изображения. «Я всегда люблю основывать дело на живом событии, а не на вымысле» («Привет!» Художественно-научно-литературный сборник. — СПб., 1898. — С. 219), — признавался он. Пристрастие Л. к изображению истинных событий и реально существовавших людей непосредственно связано с его отношением к истории. Писатель любил повторять, что история учит, и отстаивал необходимость самого широкого и детального знакомства с различными областями русской истории: с гражданской, с церковной, которая теснейшим образом была связана и с бытом, и с политикой, с историей русского искусства. Его самого особенно интересовало отражение характерных черт времени в судьбах рядовых людей. Многие герои Л. не только имеют реальные прототипы, но и выступают в его произведениях под своими подлинными именами. (см. «Инженеры-бессребреники», «Кадетский монастырь», «Владычьи суд», «Человек на часах»). Умение Л. поднять на большую художественную высоту документальные факты высоко ценил Л. Толстой. В 1893 г. он писал Л. по поводу рассказа «Загон»: «Можно сделать правду столь же, даже более занимательной, чем вымысел, и вы это прекрасно умеете делать» (Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. — М., 1953. — Т. 66. — С. 445).

Л. на протяжении всего его творческого пути отличают непрерывные жанровые поиски. Особенности его писательского дарования, жизненного опыта и мировоззрения наиболее ярко проявлялись в малых жанрах, разнообразие которых

в его творчестве поразительно. По существу, Л. был первым русским писателем, которому удалось создать широчайшую картину русской жизни не с помощью романа, а совокупностью рассказов и повестей.

Соч.: Полн. собр. соч.: В 36 т. / Вступ. ст. Р. И. Сементковского. — Пб., 1902—1903; Собр. соч.: В 11 т. / Вступ. ст. П. П. Громова и Б. М. Эйхенбаума. — М., 1956—1958; Собр. соч.: В 6 т. / Вступ. ст. В. Бухштаба. — М., 1973; Собр. соч.: В 12 т. / Вступ. ст. В. В. Троицкого. — М., 1989.

Лит.: Протопопов М. А. Большой талант / Критические статьи. — М., 1902; Гуревич Л. Из воспоминаний о Н. С. Лескове / Литература и эстетика. Критические опыты и этюды. — М., 1912; Фаресов А. И. Против течений. Н. С. Лесков. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания о нем. — Сиб., 1904; Волынский А. Л. Н. С. Лесков. — Пб., 1923; Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова. По его личным, семейным и несемейным запискам и памяткам. — М., 1954; То же: В 2 т. — М., 1984; Гроссман Л. П. Н. С. Лесков. Жизнь — творчество — поэтика. — М., 1945; Гебель В. А. Н. С. Лесков. В творческой лаборатории. — М., 1945; Другов Б. М. Н. С. Лесков. Очерк творчества. — 2-е изд. — М., 1961; Видуэцкая И. П. Развитие русского реализма. — М., 1973. — Т. 2. — Кн. 2; Чичерин А. В. Очерки по истории русского литературного стиля. — М., 1977. — Гл. 9. Лесков; Столярова И. В. В поисках идеала. Творчество Н. С. Лескова. — Л., 1978; Видуэцкая И. П. Николай Семенович Лесков. — М., 1979; Горелов А. А. Лесков (демократические начала творчества) // Русская литература. — 1981. — № 1; Видуэцкая И. П. Творчество Лескова в контексте русской литературы XIX в. // Вопросы литературы. — 1981. — № 2; Аннинский Л. Лесковское ожерелье. — М., 1982; Столярова И. В. Н. С. Лесков // История русской литературы: В 4 т. — Л., 1982. — Т. 3; Хализев В. Е. Художественный мир писателя и бытовая культура (На материале произведений Н. С. Лескова) // Контекст. 1981. — М., 1982; Горелов А. А. Н. С. Лесков и народная культура. — Л., 1988; Лесков и русская литература. — М., 1988.

И. П. Видуэцкая

ЛОХВИЦКАЯ, в замужестве *Жибера*, Мирра (по метрическому свидетельству *Мария*) Александровна [19. XI (I. XII). 1869, Петербург — 27. VIII (9. IX). 1905, там же] — поэтесса. Дочь известного адвоката А. В. Лохвицкого, сестра писательницы Н. А. Тэффи. Окончила Московский Александровский институт (1888). Стихи начала писать, по собственному признанию, «с тех пор, как научилась держать перо в руках, и еще ребенком распеваала песни собственного сочинения, но серьезно предалась этому с 15 лет» (Север. — 1897. — № 44. — Стлб. 1406). Одно из первых литературных знакомств, завязанных самостоятельно, — Вас. Ив. Немирович-Данченко, он вспоминал о ранних литературных опытах Л.: «Это была сама непосредственность свет, сиявший из тайников души и не нуждавшийся ни в каких призмах и экранах» (Немирович-Данченко Вас. Ив. На кладбищах. — Ревель, 1920. — С. 146). Дебютировала, издав отдельной брошюркой два стихотворения — «Сила веры» и «День и ночь» (М., 1888). По окончании института переселяется в Петербург. Первая публикация в периодике в журнале «Север» (1889), с нач. 90 гг. печатается также в журналах «Художник», «Труд», «Всемирная иллюстрация», «Русское обозрение» и др. В 1892 г. вышла замуж за

Е. А. Жибера, имела 5 детей, умерла от туберкулеза.

Главной темой творчества Л. была любовь. Ее стихи носили исповедальный характер, в них много биографических реалий. Первый сборник «Стихотворения» (М., 1896) посвящен мужу, в него включены стихи, обращенные к сыну: «Долго любящая тобой перед сном, / Я созерцаю, любя, — / Небо во взоре невинном твоём, / Рай мой в глазах у тебя...» В этом сборнике любовь предстает как светлое чувство, приносящее с собой радость материнства. Строку «Это счастье — сладострастье» критики цитировали особенно часто. «Нельзя в более яркой, оригинальной и красивой форме, — писал А. Голенищев-Кутузов, по представлению которого сборник был награжден половинной Пушкинской премией, — выразить порыв молодой и страстной любви, не верящей в возможность преград и смело заявляющей о своей всепобедной силе» (Отчет Императорской АН о 12-м присуждении Пушкинских премий. — С. 10).

Второй сборник «Стихотворения. 1896—1898» (М., 1898) создавался на фоне «широко шумевшего в литературных кругах» романа Л. с Бальмонтом (см.: Перцов П. П. Литературные воспоминания. — М., 1933). Здесь возникает тема греховной, губительной страсти, пробуждающей вопреки велениям долга (эпиграф «Amor et dolori sacrum» — святылище любви и скорби (*лат.*). Стихотворение, написанное в ответ на посвящение К. Бальмонта («В твой альбом я цветом принесу для тебя»), где были строки: «О, пойми, — не объятий я жажду твоих, — / Жду восторгов нездешних и ласк неземных, / Чтобы взоры, как звезды, остались чисты, / Чтоб несмятыми были под нами цветы...», придало диалогу двух поэтов публичный характер, что современники были склонны ставить в один ряд с эпатажными выходками ранних символистов (З. Гиппиус, В. Брюсова). В Брюсов усматривал в стихах второго сборника и идейное влияние Бальмонта, противопоставляя их стихам первого сборника. «Первая ее душа, — писал он о Л., — всецело отразившаяся в первой книге ее стихов, ищет ясности, кротости, чистоты, исполнена сострадательной любви к людям и страха перед тем, что люди называют «злом». Вторая душа, пробудившаяся в Мирре Лохвицкой не без постороннего влияния, выразилась в ее втором сборнике, пафос которого — чувственная страсть, героический эгоизм, презрение к толпе» (Соч. — Т. VI. — С. 318). Выход сборника Бальмонта «Будем как солнце» (М., 1903) с посвящением Л. («Художнице вакхических видений, русской Сафо, знающей тайну колдовства») придал этому диалогу еще более скандальный характер, закрепив за Л. славу «русской Сафо». Но, напр., хорошо знавший Л. в эти годы И. А. Бунин отмечал в воспоминаниях несовпадение шумной славы с реаль-

ным обликом поэтессы: «Воспевала она любовь, страсть, и все поэтому воображали ее себе чуть ли не вакханкой, совсем не подозревая, что она, при всей своей молодости, уже давно замужем, — муж ее был один из московских французов по фамилии Жибер, — что она мать нескольких детей, большая домоседка, по-восточному ленива, часто даже гостей принимает, лежа на софе и в капоте, и никогда не говорит с ними с поэтической томностью, а напротив, болтает очень здраво, просто, с большим остроумием, наблюдательностью и чудесной насмешливостью...» (Соч. — Т. IX. — С. 287).

Отношения Л. с Бальмонтом, а также ее сотрудничество в журнале «Северный вестник», которое к середине 90 гг. стало для критики опознавательным знаком, указывающим на принадлежность к символистам, дали повод объединять Л. с представителями этого литературного течения. «Северный вестник», — писала Л. руководителю журнала А. Волинскому, — всегда привлекал меня своим особым направлением, чуждым общей скуки, тенденции и пошлости» (ЦГАЛИ. — Ф. 95. — Оп. I. — Ед. хр. 616. — Л. 2). Издательница «Северного вестника» Л. Я. Гуревич также отметила в деловых записках, что Л. «предпочитает печататься в «Северном вестнике» перед всеми другими журналами» (цит. по ст.: Гречишкин С. С. Архив Л. Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1976 год. — Л., 1978. — С. 17). Но даже в моменты организационного сближения с символистами между ними и Л. существовала дистанция. «По манере как будто примыкает к новой школе, а по настроениям всецело принадлежит к старой», — писал Н. Минский о стихах Л. (Новости. — 1899. — № 28. — 28 янв.). Символисты 90 гг. воспевали абсолютную свободу, Л. воспевала свободное чувство. Она была вполне самобытна и скоро ее пути с символистами разошлись.

Стихи последующих сборников: третьего («Стихотворения. 1898—1900.» — Спб., 1900), четвертого («Стихотворения. 1900—1902.» — Спб., 1903), пятого («Стихотворения. 1902—1904.» — Спб., 1904, посмертно был удостоен Пушкинской премии) — развивали и углубляли главную, если не единственную тему ее творчества — любовь. Хронологические рамки, в которые заключены все ее сборники, продолжающие друг друга и имевшие единое заглавие, превращали ее стихи в лирический дневник. Посмертно был издан сборник «Перед закатом» (Спб., 1908).

В историю поэзии Л. вошла как «русская Сафо». «Страстная языческая влюбленность была ее постоянным пафосом...» — писал в некрологе Вяч. Иванов (Вопросы жизни. — 1905. — № 9. — С. 293). Но верность единой теме, постоянство пафоса не делали ее творчество однообразным и монотонным, поскольку стихи Л. несут в себе широчайший диапазон переживаний. Упо-

ние счастьем, губительная страсть, бессильная борьба с ней, наконец, призрак надвигающейся смерти — все эти чувства переживает лирическая героиня Л. «Внимательного читателя, — писал В. Брюсов, — всегда будет волновать и увлекать внутренняя драма души Л., запечатленная во всей ее полноте» (Соч. — С. 318). В читательское сознание стихи Л. вошли как связанный роман в стихах. Большие сюжетные произведения Л. (драматические поэмы «Два слова», «На пути к Востоку», «Вандэлин», «Бессмертная любовь») стояли в ее творчестве особняком и существенного литературного значения не имели. Одним из важных достоинств Л., определявшим значение ее творчества, был легкий и мелодичный стих.

В кругу современников лирика Л. снискала признание, критики почти всех направлений положительно оценивали ее творчество, но влияние на последующие поколения поэтов было невелико. Едва ли не единственным последователем Л. был Игорь Северянин, учредивший своего рода культ Л., благодаря чему ее имя попало в декларации эгофутуристов, где поэтесса названа их предтечей наряду с К. М. Фофановым.

Лит.: Гриневич П. Ф. (Якубович П. Ф.). Очерки русской поэзии. Спб., 1911; Брюсов В. Я. Далекое и близкое. — М., 1912; Немирович-Данченко Вас. И. На кладбищах. Воспоминания. — Ревель, 1921.

Соч.: Стихотворения: В 5 т. — М.; Спб., 1896—1904; Перед закатом. — Спб., 1908; Поэты 1880—1890-х годов. — М.; Л., 1972.

Е. В. Иванова

ЛУГОВОЙ (настоящая фамилия — *Тихонов*) Алексей Алексеевич [19.II(3.III).1853, г. Варнавин Костромской губ. — 25.X(7.XI).1914, Петроград] — прозаик, драматург, поэт. Отец был богатым купцом из крестьян. Учился Л. с 7 до 11 лет в Казани, в частном пансионе. Здесь были заложены основы будущего блестящего знания им немецкого, французского, английского языков. Продолжил обучение под руководством домашних учителей, в том числе гувернеров-иностранцев. Воспитанный первоначально в патриархально-религиозном духе, в отрочестве и ранней юности испытал сильное влияние одновременно романтического идеализма и «нигилизма» 60 гг., с увлечением читая параллельно с Л. Бюхнером и Ч. Дарвиным Т. Майн Рида, Ф. Купера, Густава Эмара (см. его автобиографию «Как росла моя вера»). Год (в IV классе) проучился в Казанской гимназии, затем занялся торговлей под руководством отца. 17 лет уехал в Москву, чтобы начать самостоятельную жизнь и получить систематическое образование, но вскоре вынужден был вернуться в связи с болезнью отца. В 1873 г. сдал экстерном за курс гимназии в Пскове и поступил в Технологический институт в Петербурге. Недослушав первый курс, вернулся в Казань по делам отца. Получил в собственность убыточный винокуренный завод и за

четыре года, не гнушаясь никакой работой, превратил его в рентабельное предприятие. В этот период исповедовал теорию «малых дел», мечтал о социальных преобразованиях с помощью кооперации. В марте 1878 г., имея уже материальную независимость (ренту в 1200 руб.), вновь отправился в Петербург. Два года служил в экспортной конторе, затем сам занялся экспортом хлеба и льна в широких масштабах. В 1881 г. зарубежные партнеры Л., ожидавшие разгула анархии после 1 марта, отказали ему в кредите. Через два года он вынужден был объявить себя банкротом. В итоге Л. остался без всяких средств и имущества, с долгом в 250 тысяч и 50 рублями, выданными ему в официальном порядке на пропитание.

Статья «Наследство богача», опубликованная в год этой катастрофы (1883) в газете «Эхо» без подписи, ознаменовала начало литературной деятельности Л. Отказавшись от надежд осуществить идеалы справедливости с помощью роста общественных богатств и «подбора», по О. Конту, «лучших особей» в купеческое сословие (Как росла моя вера // Вестник Европы.— 1910.— № 11.— С. 86—87), он стремился придать своему творчеству учительный и жизнестроительный характер. Прежняя деятельность: поездки по России, во Францию, Германию, Англию, Америку; общение с людьми разных сословий, профессий — дала Л. большой запас впечатлений и наблюдений. Это объясняет сравнительно недолгий путь писателя от первых публикаций до определенной ступени общественного признания. В 1884 г. появилось первое стихотворение Л.— «Из Гюго. Прошайте женщине ее паденье» (журнал «Россия»), в 1886 г. первый опубликованный рассказ — «Не судил бог» («Вестник Европы», № 1), а в 1891 г. повесть «Pollice verso!» («Добей его!»), напечатанная в том же журнале, принесла автору уже широкую известность. В 1892 г. опубликован роман «Грани жизни». В 1896 г. удостоены Пушкинской премии три тома собрания сочинений Л. (1894—1895). Очевидно, этот успех побудил Л., с июня 1895 г. занимавшего почетную и высокооплачиваемую должность редактора популярнейшего журнала «Нива», в нач. 1897 г. отказаться от нее, чтобы иметь больше времени для творческой работы. За вторую половину 90 гг. были закончены и напечатаны два больших романа — «Тенета» (1895—1900) и «Возврат. Роман колеблющихся настроений» (1898). На рубеже нового века вышли еще два тома собрания сочинений. Но и читатели, и критика встретили эти публикации без особого интереса. В 1902 г. Л. издал повесть-памфлет «Умер талант», поместив предварительно объявления о ее выходе в свет «в газетах на покойничком месте и в черной траурной рамке» (А м ф и т а р о в А. Литературный альбом.— С. 73). Высказанное здесь обвинение всей русской периодической печати в нетерпимости к

творчеству объективному, стоящему выше групповых интересов и пристрастий, сочувствия не вызвало: слишком заметен был тон неудовлетворенного самолюбия. Обернувшись провалом постановка пьесы «Безумная» (издана в 1903 г.), на которую автор возлагал большие надежды. В 1906 г. в сб. «Маяк» Л. публикует отрывки из трагедии «Максимилиан — император мексиканский», содержащей аллюзии на события 1905 г. Но интерес и симпатии читателей были Л. уже с нач. 900 гг. безнадежно утрачены. Выход в свет второго собрания сочинений (1904—1910) оказался уже анахронизмом.

В поэзии Л., развивавшейся под сильным влиянием Некрасова, склонность к риторике, резонерству сочетается с известной изысканностью формы — черты, близкие творчеству его современника С. Я. Надсона. О слабости его как драматурга свидетельствует пьеса «Безумная»: шаблонность основной ситуации (наделенная богатой внутренней жизнью героиня и пошлая среда), отсутствие подлинной динамики (лишь с конца 3-го действия появляется интрига, весьма банальная) и обилие пространственных монологов, с помощью которых семейный конфликт превращается в борьбу «отцов» и «детей» — поколений, идеологий. Более известна и значима проза Л. В ней со всей очевидностью проявились три главные черты творчества писателя, отмеченные в блестящей статье А. А. Измайлова: во-первых, он писал свои произведения «на тезис» — отсюда отсутствие легкости, игры, юмора (Л.-Сальери противопоставляется Чехову-Моцарту); во-вторых, «он не давал новых положений — почти всегда он приходил вторым»; в-третьих, «в его фразе не было своеобразия», он «спокойно писал: «Лепестки отцветшей любви безропотно облетели, давая место новой распускающейся почке». Действительно, в «Pollice verso!», напр., 4 «панно» с эпизодами из разных времен и стран — от императорского Рима (бой гладиаторов) до современной русской провинции (травля известного хирурга, сделавшего неудачную операцию) — иллюстрируют одну мысль: о жестокости толпы к личности, побежденной в борьбе за существование. В романе «Грани жизни» путь героини Лидии Нерамовой к обретению материальной независимости (устройство мастерской на кооперативных началах) и духовной свободы показан в связи с обсуждением ряда актуальных проблем, в том числе т. н. женского вопроса. Второй протагонист — миллионер Сарматов вначале выступает в роли «лишнего» человека, затем под воздействием любви пробуждается к деятельному участию в народной жизни и погибает случайно, как Базаров. Понятна реакция современников, принявших Л. «только с вежливым вниманием» (А. А. Измайлов). Но это отношение резко расходилось с самооценкой писателя: «Я ясно понимаю самые запутанные, сложные явления

жизни и даю моими произведениями ясное толкование их», — писал Л. тому же критику (Измайлов А. А. А. А. Луговой. — С. 926). На самом деле деле роли, на которую Л. претендовал, у него не было не только большого дарования, но и сколько-нибудь самобытного и цельного взгляда на жизнь.

Соч.: Соч.: В 5 т. — Спб., 1894—1901; Соч.: В 12 т. — 2-е изд. — Спб., 1904—1910; Как росла моя вера. Отрывки из автобиографии // Вестник Европы. — 1909. — № 3—6; 1910. — № 10—11; Автобиография // Фидлер Ф. Ф. Первые литературные шаги. — М., 1911. — С. 80—83.
Лит.: Арсеньев К. К. Соч. А. Лугового: В 3 т. // Отчет о 11-м присуждении премий им. А. С. Пушкина в 1895 г. — Спб., 1896. — С. 51—71; Амфитеатров А. Умер ли талант? Мысли о русском писательстве // Амфитеатров А. Литературный альбом. — Спб., 1904. — С. 73—98; Ляцкий Е. «Средний человек» в творчестве А. А. Лугового // Ежемесячные литературные приложения к «Ниве». — 1907. — № 4. — С. 531—564; Измайлов А. А. А. Луговой: Литературная характеристика // Исторический вестник. — 1914. — № 12. — С. 919—934; Поссе В. А. А. Луговой // Жизнь для всех. — 1914. — № 12. — С. 1198—1203. Н. Д. Тамарченко

ЛУНАЧАРСКИЙ, Анатолий Васильевич, псевдонимы — А., А-н, А. Аниютин, А. Воинов, А. Д. Т., А. Д. Тур, А. Л., А-й, Александр Барсов, А. Лун-й, Ан. Аниютин, Анат. Аниютин, Антон, Антон Левый, Антон Новый, Антонов, А. Т., Воинов, В., Воинов, Г. Антонов, Л-ский [11 (23). XI. 1875, Полтава — 26. XII. 1933, Ментон (Франция); похоронен в Москве на Красной площади] — журналист, публицист, критик, эстетик, теоретик и историк литературы, философ, драматург. Выдающийся участник революционного движения, партийный и государственный деятель. Родился в семье чиновника — В. Ф. Луначарского. Родным отцом его был А. И. Антонов, человек радикальных убеждений, который оказал на него большое влияние. Учился в 1-й Киевской гимназии. Занимаясь самостоятельно, изучал европейские языки, историю искусств и музыки. Рано приобщился к революционной работе и в последних классах гимназии входил в подпольные ученические кружки, вел пропаганду в рабочих предместьях Киева. В 1892 г. вступил в социал-демократическую организацию. (см.: Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. — М., 1968. — С. 18). Дальнейшее образование в области естествознания и философии продолжил в Цюрихском университете, где в это время (1895) преподавал Авенариус. В эти же годы Л. знакомится с П. Аксельродом, Г. Плехановым, П. Лафаргом, основательно изучает марксизм. По возвращении в Россию в 1897 г. включается в партийную работу, неоднократно подвергается арестам, тюремным заключениям, ссылкам. В одной из ссылок — в Вологде (1902) — становится профессиональным литератором, хотя первые статьи для подпольной печати писал уже в 1892—1893 гг. В 1904 г. вызван большевистским центром в Женеву. Там Л. знакомится с В. И. Ле-

ниним и становится ведущим сотрудником большевистских изданий.

С ноября 1905 г. — Л. в Петербурге, сотрудничает в «Пролетарии», «Новой жизни», «Вестнике жизни», «Борьбе», «Свободном слове» и др. партийных органах печати. В 1906 г. Л. уезжает в эмиграцию, продолжая до 1917 г. В период реакции и годы первой мировой войны продолжает агитационно-пропагандистскую деятельность в Италии, Швейцарии, Франции, регулярно печатается на страницах русских периодических изданий — «Киевская мысль», «Правда» и др. В эти годы Л. занимает позицию, не всегда совпадающую с генеральной линией большевистской партии. Особенно серьезные ошибки по философской и политической линии он допустил во время принадлежности к группе «Вперед», руководимой А. Богдановым. Но в 1917 г. Л. — снова большевик, принимает активное участие в свершении Великой Октябрьской социалистической революции.

После 1917 г. — Л. на партийной и государственной работе: нарком просвещения РСФСР (до 1929 г.), один из руководителей Международного бюро связей пролетарской литературы, активный строитель социалистической культуры.

Л. автор более чем 1500 корреспонденций, очерков, фельетонов, рецензий, критических этюдов, писем, речей, докладов и т. п. Его интересы в равной мере распределены между разработкой теоретических положений науки о литературе и конкретной оценкой текущего литературного процесса.

Знакомство Л. с работами Маркса относится к нач. 90 гг. Однако марксизм не казался молодому Л. системой, способной решить все философские проблемы, и он пытается его дополнить данными др. философских систем, в частности философией эмпириокритицизма. Эти идеи послужили основой для написания ранних статей — «Русский Фауст», «Перед лицом рока», «Морис Метерлинк», «Идеалист и позитивист как психологические типы». Однако основную их часть занимает полемика с представителями богословства и идеалистической реакции Н. Бердяевым, С. Булгаковым, ведущаяся с позиции марксизма. Последовательное изложение взглядов Л. на искусство в этот период обнаруживается в его фундаментальной работе «Основы позитивной эстетики» (1904). В ней критик, считая недостаточной социальную трактовку проблем творчества, прибегает к помощи биологического объяснения эстетических явлений. В этом сказалось увлечение Л. философией Маха и Авенариуса, которые все богатство человеческой природы сводили к биологическим проявлениям организма. Некритическое усвоение основных положений их философии имеет конкретно-историческое объяснение: с помощью биологических критериев Л. пытался избежать прямолинейного, вульгарно-социологического взгля-

да на искусство. Однако при этом наступал «перекос» в его собственной эстетике: абстрактно-биологический критерий подавлял в оценке произведения социально-классовый подход. Отсюда — установление связи законов искусства с «общественно-биологической» структурой базиса, культ здоровой человеческой особи, отсылавший к «сверхчеловеку» Ницше. Отсюда возможность уловить «общее» между Марксом, Горьким и Ницше в требовании «жизни, достойной человека», «в борьбе угнетенного класса за права». В «Опыте литературной характеристики Гл. Успенского» (1903) Луначарский писал: «Протест, наступление, натиск, возникающий из недр самого класса, во имя его требований, — вот дух марксизма; провозглашение права на полное самоопределение, гордый вызов обществу и его устоям, подчеркивание прав личности на совершенствование и радость жизни, творчество — вот то, что привлекает нас в Ницше, и ту же требовательность от жизни, тот же протестующий дух видим мы у Горького». В апелляции к естественным потребностям человека у Ницше видел Л. дополнение к марксизму, заинтересованному судьбой класса в целом. Но, в отличие от Ницше, который хотел, чтобы над «человеками» царили «сверхчеловеки», Л. жаждал прихода времени, когда все «человеки» станут «сверхчеловеками». Основное внимание уделялось естественным реакциям человеческого организма — восприятию, ощущениям, регулирующим эстетические оценки. Существенной чертой личности объявлялось стремление к равновесию, вводилось понятие «жизнеразность», т. е. уклонение от обычного правильного течения жизни. Человеку свойственно избегать печали, тоски — всего, что понижает жизненный тонус. Следовательно, задачей искусства становится насыщение индивидуума возможно большим количеством положительных эмоций, обеспечивающих его жизнеспособность. Поэтому Л. считал заслуживающим поддержки только жизнерадостное, бодрое искусство, лишенное каких-либо проявлений грусти и жалости. Отсюда его неприятие «сливочных» героев Чехова (отчасти эту оценку он переносил и на самого автора), которые, как казалось ему, вполне заслужили ту никчемную жизнь, от которой страдают. Его концепция героического искусства рождалась в отталкивании от искусства «жизнеотрицающего», как он называл декадентство («О художнике вообще и некоторых художниках в частности», 1903). Утверждая революционное деяние, активный протест как высший тип человеческого поведения, Л. акцентировал внимание именно на проявлениях здоровья, бодрости и силы в человеке. И хотя это был абстрактный критерий, приложимый к искусству во все времена, он появился у критика в годы, когда в литературе усилились мистико-пессимистические ноты, и таким образом пропо-

ведь жизнерадостного, жизнеутверждающего искусства становилась выражением мыслей и чувств пробуждающегося к «сознательной» работе пролетария, передавала его настроение уверенности и готовности к борьбе, являлась по сути революционной программой. «Пусть же кто-нибудь трубит зорю и боевые марши: есть читатель, который хочет этого», — писал Л. (Луначарский А. Собр. соч., 1967. — Т. 7. — С. 31). Это победоносное искусство должно, по Л., соединять критическое отношение к настоящему, ненависть к существующим порядкам и пафос приближения будущего. Оно станет в руках пролетария средством классовой борьбы. Подробное обоснование концепция героического искусства найдет в «Диалоге об искусстве» (1905), где он, пересмотрев все основные точки зрения на искусство, предложил свою, развивающую все ценное, взятое у предшественников. Мысли Л. высказывает участница диалога Полина Александровна, призывающая не ограничиваться объективным рассмотрением источников происхождения искусства и его роли в обществе, а зовущая художников принять участие в революционном преобразовании мира, — ковать передовое мировоззрение. И все же отождествление психологии художника с психологией класса, которую он выражает, в частности с буржуазией, исчерпавшей свои позитивные возможности, стоящей на краю гибели, испытывающей страх перед реальными противоречиями жизни, которые она не в силах разрешить, заставляло Л. приписывать значительной части искусства на рубеже веков духовное бессилие, социальный пессимизм, психологическую аморфность.

Укреплению Л. на марксистских позициях способствовало обострение революционной ситуации. В статьях, написанных в 1906 г. — «Искусство и революция», «Об искусстве и революции», он общезстетическую проблему отношения искусства к действительности осмысливает в конкретно-исторических условиях как вопрос об идейном самоопределении художника в эпоху социальных битв. Критик вскрывает порочность установок идеалистической эстетики, замыкающей художника в кругу индивидуалистических переживаний, лишаящей его возможности увидеть красоту «в величайшем явлении социальной жизни — революции» (Там же. — С. 136). Но идти в ногу со временем, давать «художественный анализ и синтез по отношению к явлениям ошеломляющим» (Там же). художник сможет лишь при условии овладения подлинно революционным мировоззрением, т. е. во всеоружии понимания «задач, надежд и горестей сознательного человечества» (Там же). В связи с этим расширяется и задача критика: он должен не только толковать и объяснять, но обязан и помочь художнику слышать «шум и звон величайшей мировой борьбы» (Там же. — С. 132).

Дальнейшее развитие тезис о нерасторжи-

мой связи искусства с революционной борьбой пролетариата получит в статье Л. «Задачи социал-демократического художественного творчества» (1907), написанной под влиянием ленинской теории партийности литературы. Л. выделил эстетический аспект принципа партийности, т. е. то, как именно социалистические идеи влияют на темы, мотивы, образы художественных произведений, как именно претворится в искусстве «экономическая гигантомахия» (Там же.— С. 155) — так он называл кардинальную перестройку экономических и общественных отношений. Утверждая, что «дух творчества, надежды» преобразит старый классический реализм, вследствие чего этот реализм станет «пролетарским» (Там же.— С. 161), Л. характеризовал сущность творческого метода пролетарского искусства со стороны его пафоса и эмоциональной наполненности. Критик раскрывает многообразие тем и мотивов, которые откроются взору художника, связавшего свою судьбу с мировоззрением рабочего класса. Дать яркое изображение борьбы пролетариата и его предшественников, проникнуть в психологию этой борьбы и психологию души борца, раскрыть титанические усилия и порывы провозвестника новой жизни, нарисовать картины «чаемого будущего» и «мудрой радости» грядущего — вот задача пролетарского писателя. Но не в объекте, а в понимании его, не в темах, а в радостной, победной трактовке их проявится своеобразие нового искусства. Делая радостный, жизнеутверждающий пафос неотъемлемым признаком нового искусства, Луначарский по сути дела отстаивал романтико-героическое искусство, для которого, если и возможно изображение мрака, то только с целью заставить человека «рвануться от них к свету», если и возможна критика, то только «во имя любимого нового». Интересны мысли Луначарского о новом герое, новой концепции личности. «Народ — субъект, народ — творец истории, пролетариат, приходящий к освоению своей великой миссии... и своего права на счастье», займет центральное место в творчестве художников. Художественный образ положительного героя должен быть живым, многогранным, полнокровным, лишенным схематизма и ходульности, а потому поэт революционного класса обязан раскрыть «железную цельность... беззаветную смелость... веселость, спокойствие... милое, трогательное и возвышенно-героическое» в душе борца. (Там же.— С. 160, 166) Подтверждение своим выводам он нашел в творчестве М. Горького. В первых произведениях писателя его привлек «гордый вызов обществу и его устоям» (Образование.— 1903.— № 8.— С. 89). В драме «На дне» он выделил конфликт «жалости» и «жестокости», сделал, однако, писателем-изгладом Луки. Анализ пьесы «Дачники» (1906) Л. построил на рассмотрении различных социальных типов в среде интеллигенции — «самодовольные», «мятущиеся» и идущие к на-

роду, публицистически заострив мысль писателя о «дачничестве» как паразитическом способе существования власть имущих. Интересным в пьесе «Варвары», по мнению критика, явился показ «варварской войны варваров двух типов» (Собр. соч.— Т. 2.— С. 34) — варваров «эры пара и стали» и варваров эпохи «деревянной Руси». Но еще более ценной стала, как заметил он, подразумеваемая писателем перспектива разрешения конфликта — грядущее выступление пролетариата против всех представителей эксплуататорских классов, которое единственное может принести спасение погибающим «надеждам». (Так удачно Л. обыграл имя главной героини пьесы Надежды Монаховой.)

М. Горький представал в статьях Л. социалистическим художником, находящим «здоровый и пламенный романтизм <...> в самой «прозе» пролетарской борьбы» (Социализм и искусство // Театр. Книга о новом театре.— Спб., 1908.— С. 34). Его творчество помогало Л. выявлять социальную основу двух разновидностей романтизма в начале века — пролетарского революционного романтизма и декадентско-мистического романтизма буржуазной литературы. В первом критик выделил идеал практический, реальный, питающий революционные классы, во втором — идеал фантастический, уводящий от созидательной работы. Вне духовного единения с пролетариатом, без понимания реальных перспектив общественного развития художник оказывается зараженным ядом «мещанского индивидуализма» и способен только к мистическому отрицанию действительности или ее сатирическому бичеванию. Творческий путь Андреева явился, на взгляд критика, показательным именно для этой линии творчества. В нем наглядно обнаружилась порочность и бесплодность протеста, рожденного при отсутствии позитивной программы переустройства мира. Склонность к изображению индивидуалистического бунта лишала, как считал Л., этого художника возможности нарисовать социальную психологию масс и содержание самого революционного движения. Исторический пессимизм Андреева, с особой силой отразившийся в «Губернаторе» и «Так было», рассказе «Тьма», вызван был, по мнению Л., принадлежностью писателя к исторически «осужденной» группе — буржуазии, потерявшей цель исторического движения. В статьях «Социальная психология и социальная мистика» (1906), «Тьма» (1908) Л. отмечает, что вместо анализа «массового чувства» восставших рабочих и переживаний революционера Андреев рисует действие вечного Закона, направляющего руку карателей или заставляющего революционера подчиниться «тьме». Но хотя критик подчеркивал анархический дух и разрушительный пафос произведений Андреева, называл его «эмиссаром смерти» (Собр. соч.— Т. 1.— С. 394), он никогда не отдавал

писателя полностью буржуазному лагерю литературы, раскрывая сложность его позиции по отношению к общечеловеческим и классовым ценностям. Поиски же Андреевым новой художественной формы всегда встречали у Л. поддержку. «Жизнь человека» была расценена им как «шедевр». (Драмы // Критические этюды.— Л., 1925.— С. 171). И ее анализ так же, как анализ пьес Е. Чирикова и Д. Айзмана, подтолкнул критика к рассуждению о полноте использования символа и др. условных приемов в искусстве.

Однако упреки критика Андрееву в отрицании роли «коллективности», в приверженности к индивидуалистическому решению проблем и восхищение «Исповедью» М. Горького (Литературный распад и концентрация интеллигенции // Литературный распад.— Пб., 1909.— Кн. 2), в которой он обнаружил художественную реализацию идеи «бога-народушки», были продиктованы ему богдановской теорией эмпириомонизма, в которой во главу угла был поставлен «коллективный опыт пролетариата» и обожествление «коллективных потенций» народа. Комплекс идей богостроительства был раскрыт Л. в работе «Религия и социализм» (1908). Л. сблизил с религией прогрессивные социальные учения, предложил использовать религию для нужд пролетарской борьбы как наиболее близкую и понятную для отсталых слоев населения форму пропаганды, выступающую стимулом к объединению людей, сплочению масс. Но даже в годы наибольшей близости с А. Богдановым (участие в группе «Вперед», 1908—1910) он иначе, по-своему трактовал такие понятия, как «религия», «идеализм», «реализм», что позволило Ленину сказать о возможности отделения Л. от Богданова «на эстетике» (Полн. собр. соч.— Т. 35.— С. 58).

В 10 г. Л. оказался оторванным от непосредственного участия в литературной жизни России, поэтому в «парижский» период его деятельности его внимание занимает главным образом явления западноевропейского искусства. Его «Силуэты» и «Парижские письма» посвящены разбору произведений А. Стриндберга, Анри де Ренэ и писателей меньшего художественного дарования, но выражающих, на взгляд критика, ведущие тенденции литературного развития. Среди многочисленных идейно-эстетических течений критик выделяет модернизм, который трактует достаточно широко, считая, что его художественное содержание может быть различным и зависит от социальных симпатий автора. В том случае, когда художника питает мещанская атмосфера буржуазного существования, он способен только на голое экспериментаторство и пустое трюкачество. Воплощением идеологии буржуазного миропорядка для критика стала программа итальянских футуристов и их лидера — «сверх-Ноздрева» и «сверх-Репетилова» — «Маринетти

(«Футуристы», 1913). Новаторству Маринетти он противопоставил «подлинный модернизм» Уитмена и Верхарна, родившийся в результате влияния социалистического движения и отозвавшийся в их поэзии грандиозностью социального содержания и величественностью образов. При характеристике «подлинного модернизма» Л. подчеркивал необходимость в нем преемственной связи с искусством прошлого, из которого будет отобрано все ценное, представляющееся необходимым для создания искусства будущего. Л. предостерег творческую молодежь от погони за ультралевизмом прошлого, от погони за ультралевым дозунгом в искусстве. В годы войны Л. выступил со статьями «Поэзия и война» (1915), «Мысли Метерлинка о войне» (1916), в которых отстаивал мысль о живительности идей интернационализма для литератора. С духом пролетарского интернационализма он связывал и развитие пролетарской литературы, на реальном существовании которой настаивал в своих «Письмах о пролетарской литературе» (1914). «Быть может, нет еще решающего шедевра; нет еще пролетарского Гете, нет еще художественного Маркса, но огромная жизнь уже разрывается перед нами...» (Собр. соч.— Т. 7.— С. 173). Важным в статье было напоминание об участии в создании пролетарской литературы «союзников из буржуазной интеллигенции» (Там же) и необходимости наличия для художника богатого мира эмоций, таланта. Эти положения были ответом на домыслы о возможности создания пролетарской литературы только выходцами из пролетарской среды, механически обладающими «пролетарским сознанием». Л. всегда был противником идеи выращивания лабораторной, классово-очищенной пролетарской культуры. Продолжением «Писем» должен был явиться цикл статей «Культурные задачи рабочего класса», из которых до Октябрьской революции были написаны две: «Культура общечеловеческая и классовая» и «Культура социализма торжествующего и социализма борющегося» (1917). Объединяющей все статьи о пролетарской культуре была мысль о влиянии социалистических идей на искусство как решающем факторе мирового культурного развития и об искусстве как «оружии огромной ценности» (Там же.— С. 171), которым пролетариату необходимо научиться владеть.

Статьи Л. о театре и драматургии складывались в цельную театроведческую концепцию. Основным моментом в ней было отрицание роли «повседневного трагизма» в создании трагической коллизии, но зато возвращалось утраченное на рубеже веков понимание трагического в классическом варианте — как столкновение сильной личности с фатумом, приобретающим разнообразные очертания, что было, несомненно, важным для насыщенного трагическими противоречиями XX века. При этом критик признавал естественным и органичным трагическое отношение к жиз-

ни всякого творческого человека, которое тем не менее может быть «бодрым и радостным», т. к. в его руках единственно достойный человека «ответ на трагизм страдания» — «схватка со злом» (Трагизм жизни и белая магия // Луначарский А. Этюды критические и полемические. — М., 1905. — С. 209/. Конечно, убежденность, что «нам не интересны страдальцы, нам интересны протестанты» (Луначарский А. Собр. соч. — Т. 1. — С. 299/, в чем-то ограничивала возможности театрального искусства нового времени, но позволяла масштабно представить его героико-патетическую страницу.

Многие из теоретических положений, высказанных критиком в его статьях, он попытался применить в своей художественной практике. Л.-драматург работал в русле экспериментальной экспрессионистской драмы, считая возможным представлять на суд зрителя «идеи в масках» (см. сборник его пьес и фантазий «Идеи в масках». — М., 1912) — иными словами, обобщенно-отвлеченную сущность некоторых явлений и понятий, реализуемую в иносказательной форме, а не через характеры и конфликты. Его фантазии-«драмолеты»: «Юный Леонардо», «Вавилонская палочка», «Три путника и Оно», «Король-художник» — раскрывали различные стороны человеческого сознания и были рассчитаны в первую очередь на интеллектуальное восприятие. К разряду «исторических» пьес относится «Королевский брэдобрей» (1906) и «Фауст и Город» (1910, 1916). В первой поставлена проблема разрушительной и развращающей силы власти, построенной на угнетении, унижении и насилии. Убийство короля Дагобера-Крюэля шутом-брэдобреем Аристидом не есть столкновение двух антагонистических сил. Аристид не столько противник, сколько двойник короля, способный лишь на акт мести, а не на осознанное сопротивление. «Фауст и Город» также выявляет различные аспекты проблемы власти, в частности такую, как цель и средства для ее достижения. Конфликт между коллективным началом — Городом — и яркой ин-

дивидуальностью — Фаустом — должен был, по мысли Л., разрешиться в осознании человеком и обществом единства целей и стремлений во благо строительства бесклассового общественного строя. Герои пьес Л. рассуждают о политике и морали, о границах добра и зла, соотношении демократии и единоначалия, о способах подавления личности, о возможности сохранить творческую свободу. Многие звучат пророчески: «В чем сила государей? В возможности создать из интересов машину рабства и людей связать их алчностью, их страхом, их господством». «Представь же себе, что человек самый добрый и умный, когда он становится фанатиком идеи — самой высокой и прекрасной, — превращается в злое и ограниченное существо» (Луначарский А. Пьесы. — М., 1963. — С. 126, 144). В своем драматургическом творчестве Л. тяготел к монументальным, героико-патетическим формам, выражающим тенденции «новой драмы». Но стремление к красочному, метафорическому стилю отличает и его критические статьи. Он может быть с полным основанием назван критиком-художником, обладавшим, по выражению В. И. Ленина, «артистической натурой».

Соч.: Этюды критические и полемические. — М., 1905; Отклики жизни. — Пб., 1906; Мещанство и индивидуализм. — М., 1923; Драматические произведения: В 2 т. — М., 1923; Критические этюды / Русская литература. — Л., 1925; Рассказы о Ленине. — М., 1959; О театре и драматургии: В 2 т. — М., 1958; Пьесы. — М., 1963; Собр. соч.: В 8 т. — М., 1963—1967.

Лит.: Луначарская-Розенель Н. А. Память сердца. Воспоминания. — М., 1962; Трифонов Н. А. А. В. Луначарский и М. Горький (к истории литературных и личных отношений до Октября) // Горький и его современники. — Л., 1968; Лебедев А. А. Эстетические взгляды А. В. Луначарского. — М., 1970; О Луначарском. Исследования. Воспоминания. — М., 1976; Указатель трудов, писем и литературы о жизни и деятельности: В 2 т. — М., 1975—1979; А. В. Луначарский. Исследования и материалы. — Л., 1978; Кохино И. П. А. В. Луначарский и формирование марксистской литературной критики. — Минск, 1979; Павловский О. А. Луначарский. — М., 1980; Луначарская И. Драматургическое наследие А. В. Луначарского // Театр. — 1982. — № 8; Роль Луначарского-художника в становлении социалистической культуры. Сб. научных трудов. — Вологда, 1984.

М. В. Михайлова

Русские писатели. Биобиблиогр. слов. [В 2 ч.]. Ч. I. А—Л/
Р89. Редкол.: Б. Ф. Егоров и др.; Под ред. П. А. Николаева.— М.:
Просвещение, 1990.— 4 л. ил. 432 с.— ISBN 5-09-001170-2

Книга, выходящая в двух частях, включает более 300 статей о жизни и творчестве русских писателей и литературных критиков XIX — начала XX века (до 1917 года). В каждой статье освещаются основные факты биографии писателя и дается общая характеристика его творчества. При этом для специального анализа выделены наиболее важные (в особенности включенные в школьную программу) произведения и критические статьи. Раскрываются связи писателя с эпохой и значение его литературного наследия. Акцентируется внимание на воспитательном аспекте творчества и личности писателя. Все статьи снабжены библиографией.

Главный адресат книги — учитель литературы. Словарь может быть полезен старшеклассникам, студентам-филологам, библиотекарям, журналистам и всем интересующимся историей русской литературы.

Р— $\frac{4306010000-510}{103(03)-90}$ 110—90

ББК 016:83 + 83.3Р1

Учебное издание

Под редакцией

НИКОЛАЕВА ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ

Библиографический словарь

В ДВУХ ЧАСТЯХ

Часть первая

А — Л

Зав. редакцией *В. П. Журавлев*

Редактор *Т. П. Казымова*

Переплет художника *М. К. Шевцова*

Художественный редактор *Н. М. Ременникова*

Технические редакторы *Т. Н. Зыкина,*

С. С. Якушкина

Корректоры *Г. М. Махова, И. Н. Панкова*

ИБ № 13968

Сдано в набор 04.05.89. Подписано к печати 05.04.90. А06358. Формат 70×90¹/₁₆. Бум. офс. № 2. Гарнит. литер. Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,58+0,58 вкл.+0,29 фор. Усл. кр.-отт. 32,17. Уч.-изд. л. 60,67+0,44 вкл.+0,48 фор. Тираж 350 000 экз. Заказ 2839. Цена в переплете № 7 — 3 р. 40 к.; в переплете № 5 — 3 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Просвещение» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной роши, 41.

Набрано на Саратовском ордена Трудового Красного Знамени полиграфическом комбинате Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Отпечатано на Калининском ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинате детской литературы им. 50-летия СССР Госкомиздата РСФСР. 170040, Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

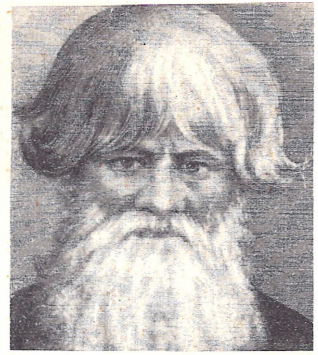

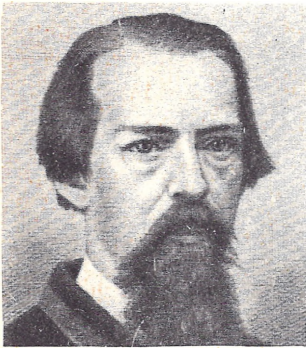
И. С. АКСАКОВ

К. С. АКСАКОВ

Е. И. АЛИПАНОВ

Б. Н. АЛМАЗОВ

П. В. АННЕНКОВ

А. Н. АПУХТИН

Н. Н. АСЕВ

А. А. АХМАТОВА

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ

А. П. БАРЫКОВА

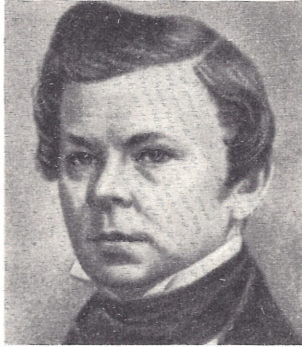
К. Н. БАТЮШКОВ

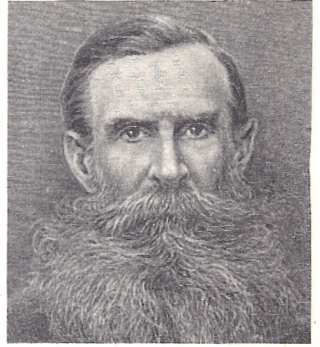
Д. БЕДНЫЙ

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

В. Г. БЕНЕДИКТОВ

Н. В. БЕРГ

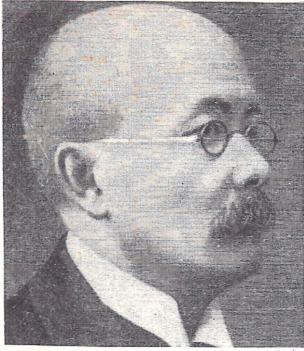
А. А. БЕСТУЖЕВ —
МАРЛИНСКИЙ

Н. А. БЕСТУЖЕВ

А. А. БЛОК

П. Д. БОБОРЫКИН

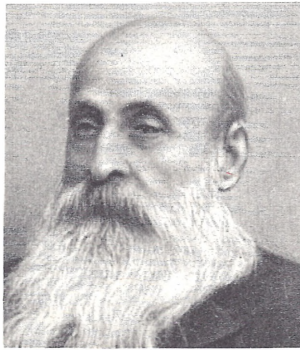
В. Я. БРЮСОВ

Ф. В. БУЛГАРИН

В. П. БУРЕНИН

П. И. ВЕЙНБЕРГ

А. Ф. ВЕЛЬТМАН

Д. В. ВЕНЕВИТИНОВ

МАРКО ВОВЧОК

А. Ф. ВОЕЙКОВ

П. Я. ВЯЗЕМСКИЙ

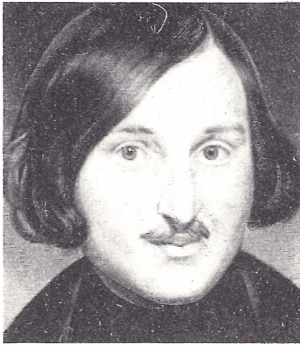
А. И. ГЕРЦЕН

Ф. Н. ГЛИНКА

Н. И. ГНЕДИЧ

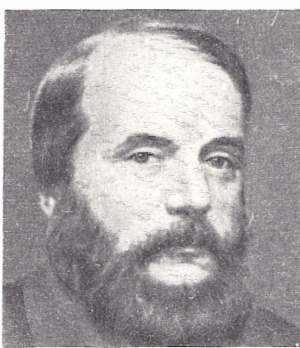
Н. В. ГОГОЛЬ

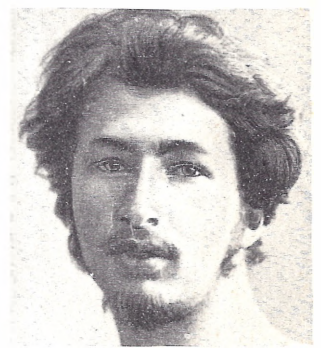
А. А. ГОЛЕНИШЕВ-
КУТУЗОВ

И. И. ГОЛЬЦ-МИЛЛЕР

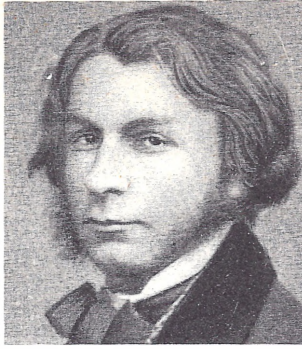
И. А. ГОНЧАРОВ

С. М. ГОРОДЕЦКИЙ

Е. П. ГРЕБЕНКА

Д. В. ГРИГОРОВИЧ

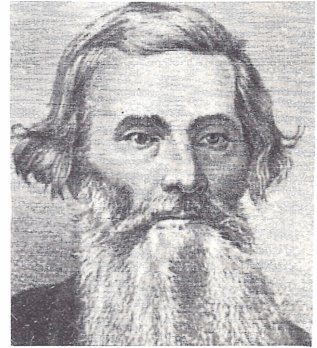
А. А. ГРИГОРЬЕВ

М. ГОРЬКИЙ

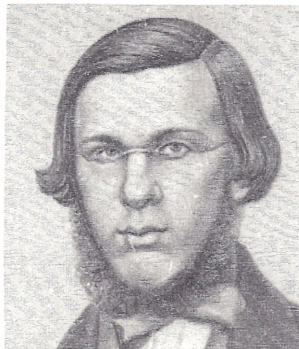
Д. В. ДАВЫДОВ

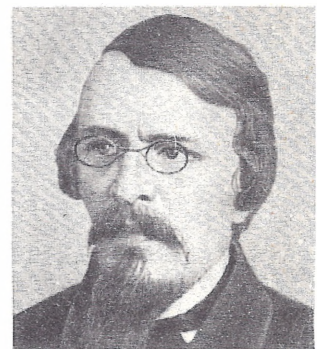
В. И. ДАЛЬ

А. А. ДЕЛЬВИГ

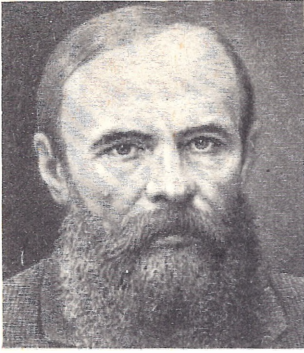

Н. А. ДОБРОЛЮБОВ

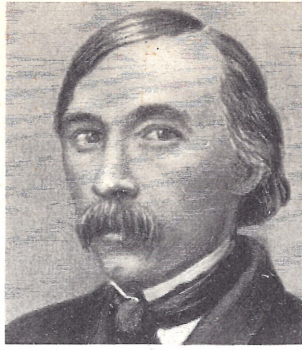

М. М. ДОСТОЕВСКИЙ

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ

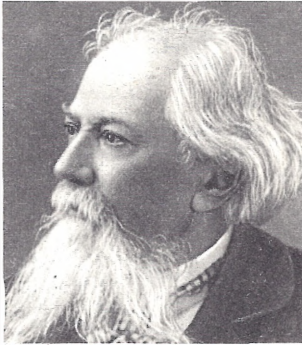
С. Ф. ДУРОВ

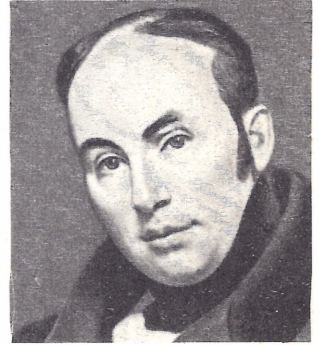
П. П. ЕРШОВ

Ю. В. ЖАДОВСКАЯ

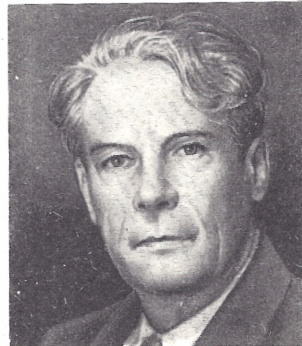
А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВ

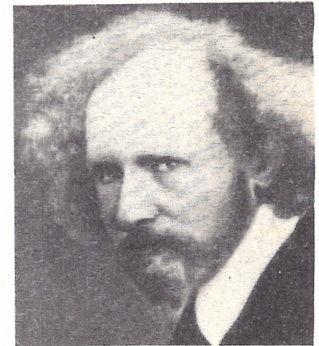
В. А. ЖУКОВСКИЙ

М. Н. ЗАГОСКИН

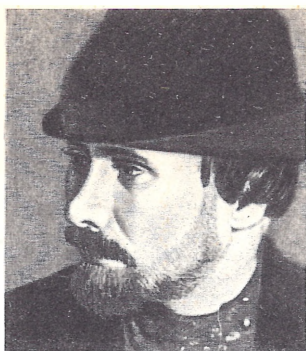
М. А. ЗЕНКЕВИЧ

ВЯЧ. ИВАНОВ

П. А. КАТЕНИН

Н. А. КЛЮЕВ

И. П. КЛЮШНИКОВ

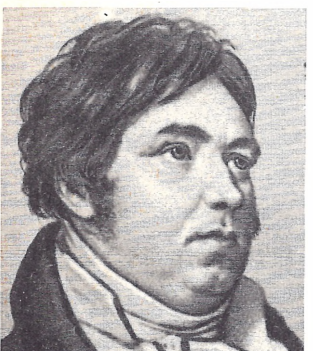
И. И. КОЗЛОВ

А. В. КОЛЬЦОВ

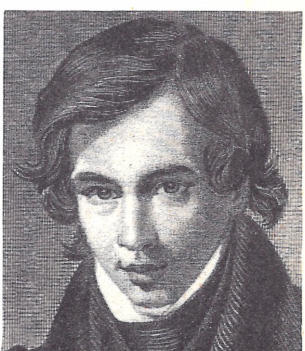
В. В. КРЕСТОВСКИЙ

И. А. КРЫЛОВ

М. КУЗМИН

Н. В. КУКОЛЬНИК

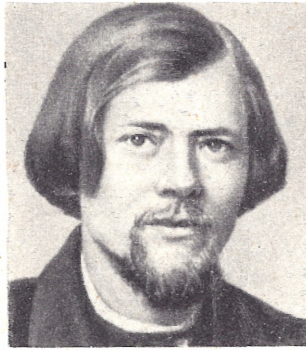
В. С. КУРОЧКИН

Н. С. КУРОЧКИН

И. И. ЛАЖЕЧНИКОВ

А. И. ЛЕВИТОВ

Н. А. ЛЕЙКИН

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

М. А. ЛОХВИЦКАЯ

«...ТОЛЬКО ТЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ЛИТЕРАТУРЫ
ДОСТИГАЮТ
БЛЕСТЯЩЕГО РАЗВИТИЯ,
КОТОРЫЕ ВОЗНИКАЮТ
ПОД ВЛИЯНИЕМ ИДЕЙ
СИЛЬНЫХ И ЖИВЫХ,
КОТОРЫЕ УДОВЛЕТВОРЯЮТ
НАСТОЯТЕЛЬНЫМ ПОТРЕБНОСТЯМ
ЭПОХИ.

У КАЖДОГО ВЕКА
ЕСТЬ СВОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ДЕЛО,
СВОИ ОСОБЕННЫЕ
СТРЕМЛЕНИЯ.
ЖИЗНЬ И СЛАВУ
НАШЕГО ВРЕМЕНИ
СОСТАВЛЯЮТ ДВА СТРЕМЛЕНИЯ,
ТЕСНО СВЯЗАННЫЕ МЕЖДУ СОБОЮ
И СЛУЖАЩИЕ ДОПОЛНЕНИЕМ
ОДНО ДРУГОМУ:
ГУМАННОСТЬ И ЗАБОТА
ОБ УЛУЧШЕНИИ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ».

Н. Г. Чернышевский

«В КРИТИКЕ ВЫРАЖАЕТСЯ
ВСЯ СИЛА, ВЕСЬ СОК
ОБЩЕСТВЕННЫХ ВЫВОДОВ
И УБЕЖДЕНИЙ
В ДАННЫЙ МОМЕНТ».

Ф. М. Достоевский

«СКАЖУТ, ЧТО КРИТИКА
ДОЛЖНА ЕДИНСТВЕННО
ЗАНИМАТЬСЯ ПРОИЗВЕДЕНИЯМИ,
ИМЕЮЩИМИ
ВИДИМОЕ ДОСТОИНСТВО;
НЕ ДУМАЮ.
ИНОЕ СОЧИНЕНИЕ
САМО ПО СЕБЕ НИЧТОЖНО,
НО ЗАМЕЧАТЕЛЬНО
ПО СВОЕМУ УСПЕХУ
ИЛИ ВЛИЯНИЮ;
И В СЕМ ОТНОШЕНИИ
НРАВСТВЕННЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ
ВАЖНЕЕ
НАБЛЮДЕНИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ».

А. С. Пушкин

3 р. 30 к

